

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CP 379.5

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

II

ГОДЪ ВТОРОЙ

ЯНВАРЬ 1861.

1-2

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—КНИГА ПРОРОКА ІЗЕКИІЛЯ. Глава I—VII.
Опытъ переложенія на русскій языкъ . . . Архим. МАКАРІЯ.
- II.—СЛОВО О ЗНАЧЕНІИ ВѢРЫ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ. Свщц. Н. А. СЕРГІЕВСКАГО.
- III.—ОБЪЯСНЕНІЕ ПО ВОПРОСУ О ПРАВОСЛАВІИ И СОВРЕМЕННОСТИ.
- IV.—ДВА РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДА НА ОТНОШЕНІЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА. *Изъ Маколея*. А. И. ВРЕДТЕЧЕНСКАГО.
- V.—КАРЛЪ СМУРЖОНЪ, СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛІЙСКІЙ ПРОПОВѢДНИКЪ. Свщц. Н. К. ПРОТОПОПОВА.
- VI.—СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ. Гр. ДЕ-ЛА-ФИТЬ ДЕ-ПЕЛЛЯ-ПОРКЪ.
- VII.—ЗАМѢТКИ. (*См. на оборотъ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- VIII.—Предисловіе къ первому посланію святаго Климента Римскаго къ коринтянамъ. . . Свщц. П. А. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

Т. VIII 13.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

. El. in 2. d.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1861.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
TREAT FUND
F266, 1925

Вся искушающе, добрая держите.

1 ТИССАЛ. V, 20.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 10 дня 1860 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Новосіій.*

С Л О В О

О ЗНАЧЕНИИ ВѢРЫ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ (*)

*Сія есть побѣда, побѣдившая міръ,
вѣра наша. 1 Іоан. V, 4.*

Наше время любить говорить о превосходствѣ нравственной силы надъ грубою внѣшнею, физическою силою.

Наше слово будетъ о могуществѣ одной изъ величайшихъ нравственныхъ силъ, торжествующей надъ всѣми силами міра. *Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.*

Языческая древность знала только одну побѣду, побѣду меча, внѣшняго насилія; и не возобладала міромъ, но погибла въ міръ. Христіанство явилось въ міръ съ одною полною, всецѣлою увѣренностію въ своей истинѣ, и побѣдило міръ: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.*

Вѣра побѣдила міръ! Какъ, спрашиваютъ нѣкоторые, вѣра,

(*) Произнесено 12 января въ университетской церкви въ день крестнаго праздника и торжественнаго собранія императорскаго московскаго университета о. профессоромъ богословія, священникомъ Н. Сергіевскимъ.

довѣріе не есть ли это достояніе только малыхъ дѣтей и тѣхъ изъ взрослыхъ, которые умомъ младенчаютъ, и которымъ естественно для мира душевнаго имѣть опору въ вѣрѣ? Но можетъ ли вѣра быть достояніемъ тѣхъ, кто ищетъ истины сознательно, разумно, кто пережилъ возрастъ дѣтскаго довѣрія и вышелъ изъ состоянія взрослоа дѣтства? Подобные вопросы, какъ извѣстно, ставятся съ увѣренностію, будто разумный и искренній отвѣтъ на нихъ возможенъ одинъ, отвѣтъ отрицательный. Здѣсь вѣра отрицается во имя знанія.

Мы рѣшительно говоримъ, что это заблужденіе, къ несчастію, слишкомъ распространенное между людьми образованными, и тѣмъ болѣе губительное, что вызываетъ другое заблужденіе, какъ противодѣйствіе ему, заблужденіе слабавѣрія, которое, опасаясь крайностей невѣрія, рѣшается отрицать знаніе во имя вѣры.

Истинная вѣра, полная, всецѣлая увѣренность въ истинѣ, вѣра достойная своего имени, иначе относится къ знанію, и истинная мудрость должна иначе относиться къ этой вѣрѣ. Безъ сомнѣнія, у каждаго вѣра соразмѣряется со степенью духовныхъ даровъ, какіе кто получилъ; но у всѣхъ, вмѣсто того, чтобы уменьшать эти дары или стѣснять ихъ употребленіе, она увеличиваетъ и расширяетъ кругъ ихъ дѣйствія; она служитъ имъ не преградою, но возбужденіемъ, силою, могуществомъ.

Ничего истинно-великаго не совершилось въ человѣчествѣ и не совершается безъ вѣры.

Посмотрите. Въ обыкновенной жизни, среди толпы людей, живущихъ изо дня въ день единственно по впечатлѣніямъ внѣшнихъ чувствъ, или по безотчетнымъ движеніямъ сердца, живущихъ какъ бы видимостію жизни, а не жизнью, являю-

щихъ въ себѣ только нѣкоторые, а не всѣ признаки жизни,—кто, какіе люди, во всякомъ состояніи и званіи, представляютъ собою зрѣлище жизни полной и послѣдовательной, воли дѣятельной и твердой, труда живаго и плодотворнаго? Не тѣ ли, которые, будучи проникнуты извѣстною мыслію, поставили ее себѣ какъ бы центромъ дѣйствія, цѣлю стремленія, и идутъ къ ея достиженію съ мужествомъ, съ увѣренностію, однимъ словомъ, съ вѣрою?

Взгляните на жизнь болѣе высшаго порядка. Что сдѣлало знаменитыми нѣкоторыхъ людей на разныхъ поприщахъ жизни, людей, которые заслужили названіе великихъ за тѣ или другія великія дѣла, или великія открытія? Гдѣ тайна ихъ могущества, успѣха, тайна ихъ генія, если не въ той великой идеѣ, которая обняла ихъ всецѣло и сосредоточила всѣ силы ихъ духа въ одинъ живительный центръ, какъ извѣстнаго рода зеркало сосредоточиваетъ въ своемъ центрѣ разсыянные лучи свѣта и теплоты?

Если вы подниметесь еще выше, ибо есть нѣчто болѣе великое, чѣмъ могущество и самый геній,—какъ всегда и вездѣ образовывались великіе характеры, высокія души, преданнѣйшіе служители всего святаго, благородные мученики науки, отечества, челоѣчества? Не также ли, не по преимуществу ли они образовывались великою идеею того самаго дѣла, которому они посвящали себя, вѣрою въ его правду, въ его истину, въ его силу,—вѣрою, въ которой они поставляли свою жизнь, а все остальное считали за ничто? Міръ, который, пожалуй, готовъ считать энтузіазмъ глупостию, не можетъ однако отказать ему въ величіи: онъ удивляется ему болѣе, нежели чему другому, и горе міру, если источникъ этого удивленія изсякнетъ въ немъ! Въ то же самое время исчезнетъ въ немъ все, что есть благороднаго и

прекраснаго, все, что составляет цѣну жизни, честь и достоинство природы человѣческой.

Такъ вѣра на всѣхъ ея степеняхъ есть благо, и чѣмъ возвышеннѣе ея предметъ, чѣмъ она глубже проникаетъ въ сердце человѣка, и чѣмъ больше ея сила, тѣмъ драгоцѣннѣйшіе и обильнѣйшіе плоды она приноситъ.

Но вѣра, которая видимо и невидимо господствуетъ надъ всякою другою вѣрою, и обнимаетъ собою всё безъ исключенія силы и способности человѣка, конечно, есть та, которая утверждаетъ свое основаніе въ безконечномъ и вѣчномъ. Эта вѣра религіозная и по преимуществу христіанская, такъ какъ, по свидѣтельству самаго невѣрія или индифферентизма, послѣ или внѣ христіанства уже нѣтъ другой возможной религіи.

Такъ — нѣтъ другой и не можетъ быть, потому что нѣтъ совершенства выше совершенства безконечнаго.

Иные думаютъ успокоиться на совершенствѣ и достоинствѣ человѣческомъ. Да, должно дорожить достоинствомъ истинно-человѣческимъ, потому что человѣкъ есть образъ и подобіе Божіе. Но развѣ вѣра христіанская унижаетъ это достоинство?

Вѣрно, что она поражаетъ страсти, которыя воюютъ на душу, похоти, которыя ее обольщаютъ, наслажденія, которыя ее развращаютъ, оставляя въ ней пустоту и голодъ; но какую силу ума или сердца она требовала бы себѣ въ жертву? Какія существенныя для человѣка блага, истинныя наслажденія, достойно-желанныя успѣхи, которыхъ исканіе или обладаніе она запрещала бы?—Вѣра не запрещаетъ науки; между самыми великими именами современной науки многія обязаны своимъ величіемъ христіанской вѣрѣ, и она считаетъ ихъ своими; и вообще нѣтъ ни одной изъ новыхъ наукъ, которой бы она не освѣтила пути и не

расширила горизонта.—Вѣра не воспрещаетъ ни искусствъ, ни литературы, ни краснорѣчія, ни поэзіи. Въ этихъ сферахъ еще больше именъ на ея сторонѣ. Замѣтенъ даже видимый пробѣлъ въ умахъ и въ твореніяхъ, гдѣ не достаесть вѣры, какъ будто бы не доставало въ нихъ свѣта и теплоты.—Вѣра тѣмъ больше не воспрещаетъ возвышенныхъ чувствованій сердца. Семейство, какъ ближайшее выраженіе полноты жизни цѣлаго человечества, соединеннаго безкорыстною, безпредѣльною, неизмѣнною, истинною любовію, есть твореніе христіанской вѣры; до нея оно не существовало, равно какъ доселѣ не существуетъ тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Любовь къ отчизнѣ она еще возвысила, очистивши ее отъ эгоистическихъ и звѣрскихъ инстинктовъ. Любовь къ человечеству расширила и утвердила на несокрушимомъ основаніи, указавши людямъ на ихъ взаимное, равноправное, вѣчное и божественное родство.—Такъ, не только не угнетая, или не стѣсняя ни одной изъ законныхъ человѣческихъ привязанностей, вѣра христіанская открыла всѣмъ имъ обширнѣйшее поприще и безконечный горизонтъ, какъ безконечна сама. Все, что справедливаго, честнаго, прекраснаго, добраго, достойнаго уваженія и похвалы, все, что во всѣ времена было такого въ человечествѣ, вѣра христіанская освящаетъ, запечатлѣваетъ печатію еще высшаго совершенства и божественности, и представляетъ человечеству, какъ предметъ чествованія и подражанія. Такимъ образомъ дѣла, произведенныя ею,—основанныя ею учрежденія, характеры, образованныя ею, древнія и новыя добродѣтели, которыя она вдохновила, міръ, который она обновила весь въ самомъ основаніи — вотъ величайшій *облакъ свидѣтелей* ея истиннѣйшей жизни, свидѣтелей, ободряющихъ и насъ подвизаться тѣмъ же оружіемъ въ добромъ подвигѣ вѣры, все побѣждающей!

Не достало бы времени перечислять различные примѣры этихъ побѣдъ, плодотворныхъ и для побѣдителей, и побѣжденныхъ. Мы представимъ одинъ только примѣръ самый первый и величественный. Мы хотимъ напомнить о томъ, что возмогла совершить при самомъ началѣ эта простая вѣра въ истину, которую возвѣстило христіанство.

Еще не достаточно обращено вниманія на то обстоятельство, что въ языческомъ мірѣ были дѣломъ совершенно неслыханнымъ такая увѣренность въ истинѣ, такая любовь къ истинѣ, такая ревность за истину.

Кто отрицаетъ, — были въ древнемъ мірѣ мудрецы, философы, искавшіе истины по естественной потребности человеческого духа! Но они желали истины, какъ обученія, упражненія, — искали ее, какъ интереснаго предмета, какъ наслажденія въ лучшемъ смыслѣ этого слова, особенно же искали ее, какъ привиллегіи. Школы и религіи имѣли тамъ такія же узкія, тѣсныя границы, и были такъ же ревнивы и завистливы, какъ и самыя народности. Одинъ изъ тогдашнихъ мудрецовъ, говоря о трудности открыть истину, имѣлъ привычку увѣрять, и ему никто не противорѣчилъ, что было бы подвѣйшею глупостью желаніе сообщить истину народу. Считать истину насущнымъ хлѣбомъ всякаго человѣка, самому алкать и жадать ее, и чувствовать себя обязаннымъ сообщать ее всякому, — это и на умъ никому тогда не приходило, казалось даже безуміемъ. Это безуміе, мудрѣйшее самой мудрости міра, — вы знаете, Кѣмъ провозглашено какъ Божественная мудрость, — знаете, Кто возвѣстилъ въ первый разъ это слово, полное необычайной любви: *идите и учите всѣ народы!* И кому это было сказано, кто уполномоченъ былъ исполнить это? Ни сильные міра, ни мудрые міра, а большею частію бѣдные рыбаки, ремесленники, люди изъ про-

стаго народа. Какъ сами они были научены? Истина, которую они приняли, пришла къ нимъ совсѣмъ другимъ путемъ, тѣмъ въ школахъ; она мало-по-малу проникла ихъ умъ и особенно сердце дѣломъ и примѣромъ, и такъ какъ они видѣли ее своими глазами, видѣли живую, когда она впервые, побѣдивъ въ нихъ всѣ предрассудки личные и національные, объяла всю ихъ душу: то они ничего уже другаго не имѣли въ сердцѣ, какъ жить ею самими, и другимъ дать возможность жить ею. И они начали это сверхчеловѣческое дѣло въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ Учитель заплатилъ за это дѣло цѣною Своей крови. Когда возставали предъ ними препятствія, когда ихъ преслѣдовали, заключали въ темницы, били, запрещая имъ продолжать ихъ дѣло, они безъ скорби, безъ гнѣва, безъ тщеславія давали одинъ простой и вѣдѣть возвышенный отвѣтъ: «мы не можемъ этого, *не можемъ мы, аже видѣхомъ и слышомъ, не глаголати* (Дѣян. IV, 20). У нихъ и въ мысли не было отражать насиліе насиліемъ, ковы—ковами, или наконецъ отвѣчать, какъ отвѣчали бы мудрецы міра: «мы не можемъ идти противъ теченія, противъ большинства, противъ силы; изъ-за едва вѣроятнаго успѣха не можемъ жить въ постоянномъ безпокойствѣ, не можемъ дѣлать невозможнаго.» Нѣтъ, истинные апостолы истины иначе разсуждали: измѣнять своему свидѣтельству, *связывать слово Божіе и держать его въ плъну* недостойнымъ молчаніемъ объ немъ—вотъ что было для нихъ невозможно! *Не можемъ мы, аже видѣхомъ и слышомъ, не глаголати!*

Вотъ какою силою побѣжденъ міръ! Что же? Эта сила можетъ быть только достояніемъ дѣтей и взрослога дѣтства? А разумное мужество готово отказаться отъ этой силы?—Тогда дѣтство сильнѣе мудраго мужества!

Должно быть такъ и есть на самомъ дѣлѣ! «Если не бу—

дежь подобны дѣтямъ въ томъ, что дѣти не вѣдаютъ никакихъ предрасудковъ, препятствующихъ принятію истины,—въ томъ, что дѣти вѣрятъ въ правду и честь людскую,—въ томъ, что они не знаютъ никакихъ эгоистическихъ расчетовъ,—въ томъ, что дитя готово любить чисто, безкорыстно, доверчиво,—*если во всемъ этомъ и подобномъ этому не будемъ какъ дѣти*, не достигнемъ славнаго царства истины, любви и свободы, царства божественнаго, которое предназначено человечеству, и котораго видимо ищетъ человечество,—бьется изо всѣхъ силъ, отыскивая пути къ нему, а истинный путь, жизненный путь давно указанъ: *Азъ есмь путь и истина и жизнь! Никто придетъ ко Отцу, токмо Мною!*

ОБЪЯСНЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О ПРАВОСЛАВІИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Разобщеніе между интересами религіозными и интересами общественными,—разобщеніе съ давняго времени утвердившееся у насъ, и до сихъ поръ далеко еще не потерявшее своей силы,—одно изъ самыхъ печальныхъ, самыхъ болѣзненныхъ явленій въ нашей общественной жизни. Грустно смотрѣть, какъ между представителями духовнаго образованія—въ духовной литературѣ, по какой-то необходимости, проходятся молчаніемъ, оставляются безъ вниманія такія явленія жизни общественной, которыя волнуютъ все наше образованное общество, занимаютъ всю современную свѣтскую литературу, и которыя съ нравственной стороны своей ближайшимъ образомъ соприкасаются съ непосредственными интересами религіозными. Грустно смотрѣть, съ другой стороны, какъ наше, такъ называемое, свѣтское общество остается равнодушнымъ къ интересамъ религіознымъ, къ интересамъ церковнымъ, какъ въ свѣтской литературѣ оставляются безъ вниманія явленія церковной жизни и духовной литературы. Неужели религія

составляетъ достояніе и интересъ однихъ непосредственныхъ ея служителей, а жизнь общества должна идти сама по себѣ, совершенно отдѣльно отъ религіи? Представители духовнаго образованія размышляютъ, говорятъ, пишутъ о предметахъ вѣры и интересахъ церкви, какъ будто совершенно не заботятся о томъ, что они размышляютъ и пишутъ только для самихъ себя, а обществу до этого никакого дѣла нѣтъ. Представители сознанія общественнаго размышляютъ, говорятъ, пишутъ о потребностяхъ общества и о средствахъ къ ихъ удовлетворенію, совершенно не заботятся о томъ, какое отношеніе имѣютъ всѣ ихъ соображенія и стремленія къ тому, что есть, или по крайней мѣрѣ что называется вѣрою народа. Такъ ли это должно быть въ обществѣ христіанскомъ—въ церкви Христовой, гдѣ у всѣхъ должна быть одна душа, одна жизнь, гдѣ сознаніе непосредственныхъ служителей вѣры и представителей церкви должно быть выраженіемъ сознанія народа, который составляетъ собою церковь, а жизнь народа должна развиваться по идеѣ вѣры, какъ жизнь народа христіанскаго, какъ жизнь церкви?—Когда встрѣчаютъ человѣка, у котораго жизнь совершенно расходится съ его вѣрованіями и убѣжденіями, его не назовутъ человѣкомъ нравственнымъ,—независимо отъ того, каковы бы ни были его убѣжденія и вѣрованія,—и тѣмъ болѣе, если онъ остается равнодушнымъ къ своему внутреннему раздвоенію, и не заботится выйти изъ него. То же самое должно сказать о всякомъ обществѣ, которое признаетъ извѣстную вѣру, но на дѣлѣ въ жизни всѣ интересы признаваемой вѣры представляетъ одному извѣстному сословію; а оно въ свою очередь, призванное къ служенію вѣрѣ и вѣрующимъ, остается равнодушно ко всѣмъ жизненнымъ интересамъ общества, остается равнодушно и къ самому равнодушію общества от-

носителю интересовъ вѣры. Положимъ, въ такомъ обществѣ люди, непосредственно призванные къ служенію вѣрѣ, для самихъ себя исполняютъ свое назначеніе прекрасно, хранятъ вѣру правую въ безукоризненной чистотѣ, и живутъ сообразно съ требованіями вѣры; все-таки, если интересы вѣры остаются только ихъ сословными интересами, нельзя сказать, чтобы ихъ служеніе вполнѣ достигало своего назначенія. Общество должно быть цѣльнымъ организмомъ, въ которомъ всѣ члены должны жить одною жизнью, и каждый отдѣльный членъ, совершая свое особое, ему свойственное отправление, долженъ передавать выработанное имъ въ общую жизнь всего организма, и самъ заимствовать жизненные соки изъ всего организма. Въ какомъ обществѣ нѣтъ этой внутренней органической цѣльности, то общество больное.

Въ последнее время у насъ начало въ нѣкоторой мѣрѣ обнаруживаться стремленіе къ уничтоженію причинъ этого болѣзненнаго общественнаго состоянія. Съ одной стороны, служители вѣры—представители духовнаго образованія начинаютъ слѣдить за потребностями общества, и сочувственно относиться къ лучшимъ его стремленіямъ. Съ другой стороны, представители общественнаго сознанія начинаютъ быть внимательными къ голосу служителей вѣры и церкви. Благородно дѣло тѣхъ людей, которые посильно стараются помочь этому сближенію жизни общества съ жизнью церкви. Но, къ сожалѣнію, есть еще у насъ, и имѣютъ право общественнаго голоса и такіе люди, которые всѣми мѣрами стараются укрѣплять укоренившееся разобщеніе и бросаютъ тѣнь подозрѣнія на всякую благородную попытку къ сближенію разобщенныхъ сторонъ.

По этому случаю мы намѣрены обратить вниманіе на одно

недавнее обстоятельство, можетъ-быть не очень многими замѣченное, но весьма не маловажное.

Въ половинѣ прошедшаго года вышла въ свѣтъ книга о. архимандрита Θεодора «О православіи въ отношеніи къ современности». Книга эта замѣчательна между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ ней авторъ, не дѣлая никакихъ уступокъ въ ущербъ твердому православному убѣжденію, и ни мало не льстя современности, не одобряя того, что въ ней есть дурнаго, относится съ искреннимъ и разумнымъ сочувствіемъ къ лучшимъ стремленіямъ современности. Въ свое время это было не оставлено безъ вниманія въ «Православномъ Обозрѣніи». Не прошла безъ вниманія эта книга и въ свѣтской литературѣ. Въ № 48-мъ «Сына Отечества» за 1860-й годъ помѣщенъ о ней похвальный отзывъ. Утѣшительное явленіе у насъ уже то, что газетные фельетонисты читаютъ серьезныя богословскія книги, и серьезно относятся къ нимъ. Но особенно утѣшительно въ отзывѣ фельетониста «Сына Отечества» то, что, не смущаясь строгимъ голосомъ о. Θεодора противъ непохвальныхъ стремленій въ современности, онъ высказываетъ искренній горячій восторгъ о томъ, что современные представители духовнаго образованія начинаютъ относиться къ ней разумно и правдиво, не осуждая по предубѣжденію всѣхъ лучшихъ ея стремленій. Хотя нельзя дѣлать заключенія отъ маленькаго частнаго къ большому общему; но, читая фельетонъ «Сына Отечества», можно было прійти къ мысли, что то предубѣжденіе противъ духовной литературы, въ которомъ обвиняютъ у насъ представителей современной свѣтской литературы, не есть какое-либо неискоренимое предубѣжденіе противъ самаго православія, — что нѣкоторые по крайней мѣрѣ представители свѣтской литературы готовы протянуть руку представите-

дѣла духовной литературы, если только эти послѣдніе будутъ относиться къ нимъ съ искренностью и серьезнымъ пониманіемъ дѣла. Утѣшительнаго въ статьѣ «Сына Отечества» было еще то, что въ ней, независимо отъ газетнаго образа выраженія, видно на столько удовлетворительное пониманіе истинъ религіозныхъ и сочувствіе къ нимъ, на сколько этого мы можемъ теперь желать отъ человѣка свѣтскаго—писателя газетныхъ фельетоновъ.

Нашлись однакожь люди, которые посмотрѣли на это съ противоположной точки зрѣнія. По поводу статьи «Сына Отечества» въ 51-мъ выпускѣ «Домашней Бесѣды» за 1860 годъ, появился обвинительный актъ противъ свѣтской литературы, противъ современности вообще, и всѣхъ сочувствующихъ ей. Онъ составленъ, кажется, самимъ г. Аскоченскимъ, редакторомъ «Домашней Бесѣды». Предавая проклятію прогрессъ и цивилизацію со *всѣми* служителями и представителями ихъ, г. Аскоченскій вооружается и противъ автора книги «О православіи въ отношеніи къ современности». Въ самыхъ не деликатныхъ выраженіяхъ онъ насмѣхается надъ гуманными тенденціями автора по отношенію къ современности, старается представить его сочувствіе къ современности въ видѣ какого-то духовнаго блуженія, и прямо обвиняетъ его ни болѣе, ни менѣе, какъ въ вѣроотступничествѣ.

Могутъ ли имѣть мѣсто въ литературѣ подобныя обвиненія, и какъ тяжело человѣку, искренно преданному дѣлу православія, въ виду всего читающаго общества получить самую тяжкую обиду—обвиненіе въ вѣроотступничествѣ?

Предоставляя самому обществу рѣшать этотъ вопросъ по отношенію къ личностямъ автора названной книги и его обвинителя, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на общее значеніе этого дѣла.

Обвиненіе «Домашней Бесѣды» касается не одного о. Теодора. Г. Аскоченскій вообще утверждаетъ, и утверждаетъ, считая себя представителемъ православія, что между православіемъ и современностью не можетъ и не должно быть ничего общаго, православіе и современность, по его представленію и желанію, всегда должны оставаться двумя враждебными лагерями. Всякая попытка къ сближенію и примиренію ихъ есть низкая измѣнническая попытка. «Человѣкъ, ратующій за православіе и протягивающій руку современной цивилизации—трусъ, ренегатъ, измѣнникъ»—подлинныя слова «Домашней Бесѣды».

«Домашняя Бесѣда» всегда отличалась крайнимъ предубѣжденіемъ и неприязнью противъ современности. «Домашняя Бесѣда» позволяла себѣ называть прогрессъ окаяннымъ прогрессомъ, и желала ему сквозь землю провалиться вмѣстѣ съ его родною сестрицею, цивилизаціею. Но никогда еще направленіе «Домашней Бесѣды» не высказывалось такъ ясно, какъ теперь. «Домашняя Бесѣда», равно какъ и изданіе «Современныя идеи православны ли?» осуждала прежде большею частью частныя и случайныя явленія современности, и замѣчанія ея въ этомъ родѣ бывали иногда не лишены справедливости. «Домашняя Бесѣда» не разъ клеймила память и благородныхъ общественныхъ дѣятелей, имена которыхъ всегда останутся дорогими для русскаго сердца за ихъ высокіе таланты, за ихъ горячую любовь къ русскому человѣку. Въ «Домашней Бесѣдѣ», особенно въ прошедшемъ году, было помѣщено не мало обвинительныхъ доносовъ прямо противъ личности. Во всемъ этомъ было не мало возмутительнаго. Но это все по крайней мѣрѣ были обвиненія частныя, и слово г. Аскоченскаго не могло серьезно повредить авторитету достойныхъ уваженія общественныхъ дѣятелей.

Еще замѣчательная черта: прежде г. Аскоченскій, обвинявъ въ неправославіи то того, то другаго изъ свѣтскихъ газетныхъ фельетонистовъ, никогда не осмѣливался обращать подобныхъ обвиненій противъ такихъ людей, для которыхъ подобныя обвиненія могли быть особенно тяжелы, не позволялъ себѣ даже и намекомъ бросать тѣнь подозрѣнія на чистоту убѣжденій кого-либо изъ замѣчательныхъ представителей духовнаго образованія и дѣятелей духовной литературы. Но теперь излишняя ревность увлекла г. Аскоченскаго далѣе тѣхъ предѣловъ, которые онъ поставилъ для себя, сообразно съ своимъ положеніемъ. Обвиненіе въ отступничествѣ отъ православія, высказанное въ № 51-мъ «Домашней Бесѣды», падаетъ на многихъ изъ такихъ людей, которые непосредственною задачею своей дѣятельности поставляютъ служеніе православію, — и первую жертвою этого обвиненія является здѣсь человекъ, за православіе котораго, кромѣ его публичной литературной дѣятельности, можетъ ручаться въ извѣстной мѣрѣ и то довѣріе къ нему, вслѣдствіе котораго онъ призванъ служить въ обществѣ именно охраненію чистоты православія (*).

Но не въ этомъ все еще главное дѣло.

«Человѣкъ, ратующій за православіе, и протягивающій руку современной цивилизаціи—трусъ, ренегатъ, изиѣнникъ.»

Это выводъ, касающійся всякаго, кто не считаетъ для

(*) Считаемо не излишнимъ замѣтить, что подъ 51-мъ выпускомъ «Домашней Бесѣды» подписано: «Цензоръ Архимандритъ Феодоръ.» Г. Аскоченскій видимо употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы сдѣлать свой ударъ какъ можно тяжелѣе, вполне полагаясь на то, что личность, противъ которой онъ направленъ, нравственно неспособна отражать этотъ ударъ вѣшними мѣрами, хотя бы могла это сдѣлать при существующемъ порядкѣ вещей.

себя чуждымъ вопроса о православіи и современной цивилизаціи, и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ нужны не длинныя разсужденія о православіи и современности, а прямой рѣшительный отвѣтъ, какъ кто относится къ православію и современности? Отвѣтъ здѣсь можетъ быть троякій: нужно или отказаться отъ современности для православія, или отказаться отъ православія для современности, — или, не отказываясь отъ того и другой, отказать только г. Аскаченскому въ пониманіи православія и современности, и въ правѣ суда и осужденія относительно того, какъ кто относится къ православію и къ современности.

Мы собственно не считаемъ себя въ правѣ не отвѣчать на вызовъ «Домашней Бесѣды». Читателямъ Православнаго Обозрѣнія извѣстны наши отношенія и къ православію и къ современности. Вызовъ «Домашней Бесѣды» касается насъ непосредственно. Не отвѣчать—значило признаться, что наше положеніе фальшиво, что мы обманываемъ или себя, или другихъ въ своихъ отношеніяхъ къ православію и къ современности, что мы боимся вопроса, поставленнаго г. Аскаченскимъ,—что мы принимаемъ на себя обвиненіе въ трусости и ренегатствѣ.

Главная задача нашего журнала — служеніе православію. При этомъ мы, кажется, всегда относились и будемъ относиться съ сочувствіемъ къ современности, къ прогрессу, къ цивилизаціи, принимая эти слова въ ихъ истинномъ значеніи. Мы однакожъ не думаемъ принимать на себя обвиненій въ трусости и ренегатствѣ. Мы не видимъ въ православіи противнаго прогрессу человѣчества; напротивъ, признаемъ въ немъ самыя крѣпкіе и истинные залого историческаго прогресса. Мы не считаемъ современность вообще противною

православію; напротивъ думаемъ, что всѣ ея лучшія стремленія идутъ изъ началъ истинно-христіанскихъ, православно-христіанскихъ. Потому мы не считаемъ несовѣстнымъ служенія православію съ сочувствіемъ къ современности.

Для оправданія такого отношенія къ дѣлу нѣтъ нужды пускаться въ длинныя разсужденія, обращать вниманіе на частности. Одно Евангеліе можетъ убѣдить всякаго непредубѣжденнаго, что въ истинномъ христіанствѣ—въ православномъ христіанствѣ даны человѣчеству самыя полнѣйшія и крѣпчайшія начала прогресса — начала истины, любви, правды, свободы. Съ другой стороны достаточно обратить вниманіе на самыя общія явленія нашего современнаго прогресса, чтобы видѣть, что онъ въ своихъ главныхъ и лучшихъ проявленіяхъ зиждется на христіанскихъ началахъ. Улучшеніе быта нѣсколькихъ милліоновъ православнаго народа, развитіе общественной благотворительности, распространеніе образованія въ народѣ, стремленіе къ тому, чтобы было больше искренности и справедливости въ различныхъ отношеніяхъ общественныхъ — вотъ главнѣйшія явленія современности. Что же? Развѣ есть въ этихъ явленіяхъ что-либо противное христіанству?.. Мысль о бѣдномъ, угнетенномъ, страдающемъ человѣчествѣ—самая основная мысль современности. Не та же ли и основная мысль христіанства? Можно ли послѣ этого, не будетъ ли страшною хулою—видѣть въ современной цивилизаціи духъ не Христовъ, а антихристовъ, какъ это нередко представляется въ Домашней Бесѣдѣ?.. Этого здѣсь довольно пока.

А о томъ, можно ли о не-христіанскомъ характерѣ современной цивилизаціи вообще заключать по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ между такъ-называемыми современными людьми, потому — напр., что нѣкоторые изъ нихъ не почитаютъ

праздниковъ, нарушаютъ посты, позволяютъ себѣ глумиться надъ чѣмъ-либо священнымъ, — потому, что другіе личною современности покрываютъ только отсутствіе всякихъ нравственныхъ началъ, разнузданность страстей, — потому, что у современныхъ людей дѣло и жизнь нерѣдко расходится съ словомъ и мыслью, проникнутою какъ будто самую горячею любовью къ человѣку — обо всемъ подобномъ можно будетъ еще сказать послѣ. Равно и о томъ можетъ быть рѣчь впереди, какъ несправедливо было бы о враждебномъ будто бы цивилизаціи и прогрессу характеръ православія заключать потому, что между провозглашающими себя за поборниковъ православія встрѣчаются люди, которые личною православія покрываютъ только личную закоренѣлую вражду противъ всего живаго, противъ всякаго общественнаго улучшенія, которые позволяютъ себѣ бросать тѣнь подозрѣнія на такія великія дѣла, какъ напр. освобожденіе крестьянъ, или распространеніе грамотности въ народѣ, — люди, у которыхъ на словахъ является ревность о христіанской нравственности, а на дѣлѣ!?!.....

Нужно прежде имѣть въ виду общее, а потомъ уже обращать вниманіе на частности. Вся бѣда у насъ выходитъ отъ того, что прежде бросаются на частности, и частностями заслоняютъ общее. Отсюда-то выходитъ много предубѣжденій противъ современности съ одной стороны, противъ православія съ другой.

Вотъ нашъ короткій рѣшительный отвѣтъ на вызовъ Домашней Бесѣды. Вотъ объясненіе нашихъ отношеній къ православію и къ современности!

Но вызовъ Домашней Бесѣды касается не насъ однихъ. Встѣхъ, кто не только дѣятельно служить современной ци—

визаціи, но и сочувствуетъ ей, г. Аскоченскій называетъ ихъ трусами, вѣроотступниками, ренегатами.

Мы не имѣемъ права отвѣчать за другихъ. Но желательно было бы звать, какъ примутъ вызовъ г. Аскоченскаго всѣ, до кого онъ касается?

Всѣ почти образованные свѣтскіе люди, вся свѣтская литература, проникнуты, какъ это представляется, сочувствіемъ къ современной цивилизаціи. А Домашняя Бесѣда всѣхъ сочувствующихъ современности называетъ трусами, ренегатами. Чтоже? Согласятся ли они принять на себя такіа названія?

Духовная литература, занимаясь по преимуществу предметами, непосредственно относящимися къ области религіозной мысли и жизни, мало высказывалась въ отношеніи къ современнымъ общественнымъ вопросамъ. Но безъ сомнѣнія будетъ и она высказываться по времени. Что же? Поставить ли она своею задачею явную непримиримую вражду противъ современной цивилизаціи, или отнесется къ ней съ сочувствіемъ? Въ послѣднемъ случаѣ приметъ ли она на себя обвиненіе въ вѣроотступничествѣ (*)?

(*) Съ удовольствіемъ встрѣтили мы въ январской книжкѣ «Странника», уже послѣ того какъ эта статья была готова, сочувственный отзывъ о сочиненіяхъ о. Ѳеодора. Съ удовольствіемъ потому, что теперь нашъ голосъ въ пользу о. Ѳеодора, и слѣдов. въ пользу воззрѣній его, и остается одинокимъ. Въ «Странникѣ» раздѣляютъ нашъ взглядъ на сочиненія о. Ѳеодора, а не взглядъ Домашней Бесѣды. Статья «Странника» является ко времени. Въ ней нѣтъ прямого отвѣта на вызовъ Домашней Бесѣды, но критикъ довольно хорошо выясняетъ воззрѣнія о. Ѳеодора, обращая вниманіе между прочимъ на тѣ мѣста въ его сочиненіяхъ, изъ которыхъ видно, что о. Ѳеодоръ, вопреки обвиненію Домашней Бесѣды, не одобряетъ тѣхъ явленій въ современности, которыя ве заслуживаютъ одобренія.

Наука наша хочетъ быть современною наукою. Въ учебныхъ заведеніяхъ стараются, чтобы воспитаніе и преподаваніе было современно. Ужели здѣсь скрытная цѣль вѣроотступничества? Современная цивилизація, прогрессъ у насъ не въ словахъ, не въ газетныхъ фельетонахъ, а въ жизни. Сочувствующіе современному прогрессу сочувствуютъ ему не за фразы, а за дѣло. Освобожденіе крестьянъ, распространеніе образованія, развитіе общественной благотворительности, вотъ въ чемъ нашъ современный общественный прогрессъ. Что же? Ужели всѣ эти великіе факты нашего времени въ послѣдствіи занесутся въ исторію, какъ факты вѣроотступничества?..

Коротко: ужели наше общество, о которомъ теперь часто и справедливо говорятъ, что оно идетъ путемъ прогресса, неужели оно на самомъ-то дѣлѣ идетъ путемъ вѣроотступничества, путемъ антихристовымъ?

Объ этомъ стоитъ подумать и объясниться, и объясниться рѣшительно.

Вопросъ объ отношеніяхъ между православіемъ и современностью у насъ не только не рѣшенъ, но даже доселѣ прямо не былъ поставленъ. Кто знаетъ? Быть-можетъ многіе втайнѣ раздѣляли воззрѣніе Домашней Бесѣды на этотъ предметъ, опасались, что въ сочувствіи къ современности есть дѣйствительно измѣна православію, но только не хотѣли выйти изъ нерѣшительнаго колебанія между тѣмъ и другою, не хотѣли отказаться ни отъ православія, ни отъ цивилизаціи; а потому и боялись прямой постановки вопроса, внутренно оставаясь на самомъ дѣлѣ трусами и измѣнниками предъ своею совѣстью.

Домашняя Бесѣда первая прямо поставила вопросъ, и дала на него рѣшительный отвѣтъ. За это нужно отдать ей

справедливость. Теперь дѣло въ томъ, какъ примется слово Домашней Бесѣды? Нужно или согласиться съ нимъ и отвергнуть или православіе или современную цивилизацію, или нужно, чтобы слово Домашней Бесѣды было взято назадъ, и на мѣсто его сказано другое слово.

Можетъ-быть скажетъ кто-нибудь изъ людей умныхъ, прогрессивныхъ: «Стоитъ ли поднимать крикъ изъ-за Домашней Бесѣды?»—Никого и ничего не нужно презирать. Мало будетъ пользы, если мы будемъ умны, нравственны, только для себя; а вокругъ насъ будутъ распространяться самыя темныя и вредныя предубѣжденія. Не отсюда ли на самомъ дѣлѣ слабость и безуспѣшность нашихъ лучшихъ стремлений? Не здѣсь ли, не въ насъ ли самихъ причина нашихъ жалобъ на то, что насъ мало понимаютъ, мало сочувствуютъ намъ?..

Положеніе Домашней Бесѣды въ нашей литературѣ и обществѣ совсѣмъ не малозначительно. Домашняя Бесѣда почти одна изъ всѣхъ журналовъ, служащихъ органами православной мысли, толкуетъ о современности. Домашняя Бесѣда приняла на себя право говорить отъ имени православія, свои частныя мнѣнія выдавать за мысль самаго православія. Удивительно ли, что мнѣнія Домашней Бесѣды многими примутся за норму отношеній православія къ современности? Домашняя Бесѣда распространяется тысячами, и преимущественно въ простомъ народѣ. Домашняя Бесѣда не чужда нѣкоторыхъ заманчивыхъ для неопытнаго взгляда внѣшнихъ качествъ. Г. Аскоченскій говоритъ иногда ловко и бойко, языкомъ похожимъ на народную рѣчь. Онъ умѣетъ искусно принаровляться къ понятіямъ и предубѣжденіямъ простаго народа.

Мы знаемъ, что и на самомъ дѣлѣ мнѣнія Домашней Бе-

сѣды многими принимаются за норму отношеній православія къ современности. Какъ ни печаленъ этотъ фактъ, какъ ни плохо рекомендуетъ онъ наше общественное развитіе; но главное—это фактъ. Мы сами слышали, какъ нѣкоторые судятъ о прогрессѣ и цивилизаціи тирадами изъ Домашней Бесѣды. Съ другой стороны, не мало есть представителей современности, которые судятъ о православіи по Домашней Бесѣдѣ. Намъ случалось слышать, и гдѣ-то печатно было сказано о Домашней Бесѣдѣ, что это журналъ «православнаго направленія.» Сама Домашняя Бесѣда еще болѣе старается распространить ту мысль, что въ настоящее время она единственная искренняя представительница и защитница православія по отношенію къ современности. Вотъ отсюда-то представленіе о православіи, какъ началъ враждебномъ всякому прогрессу, вотъ отсюда-то предубѣжденія противъ православія въ представителяхъ современности!

Словомъ Домашняя Бесѣда старается всячески, и значительно успѣваетъ закрѣплять разобщеніе и неприязнь между представителями православія и представителями современности. Въ этомъ ея главная задача.

Кому это вредитъ болѣе? Православію или современности? Православію. У современности есть дѣятельные представители, хорошіе органы. Свѣтская литература постоянно выясняетъ свѣтлыя положительныя стороны современности. Дѣло современности болѣе и болѣе становится ясно; оттого и является все болѣе поборниковъ современности. Въ этомъ отношеніи назойливый голосъ Домашней Бесѣды можетъ быть болѣе досаденъ, чѣмъ опасенъ.

А православіе? Мы, поборники православія, не можемъ похвалиться, что много сдѣлали для него. Мы не сдѣлали съ тольکو, сколько сдѣлано для современности ея представи-

телини. Свѣтлый, высокій идеалъ православія далеко не выисненъ вполнѣ; великіе залоги для развитія челоѣчества, въ немъ заключающіеся, не раскрыты. Намъ теперь по крайней мѣрѣ нужно было бы не вредить ему, не отталкивать отъ него. А оттолкнуть можно, отождествляя съ мыслию православія свою темную мысль, и фанатически преслѣдуя изъза нея всѣхъ какъ будто по ревности къ православію. Сказать, что православіе враждебно современности, между тѣмъ какъ на глазахъ у всѣхъ такое великое дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ, не значить ли это дать самое дурное представленіе о православіи? Умъ ясно видитъ, и сердце чувствуетъ, что это дѣло хорошее, слѣдовательно все, что противно, или враждебно ему, то дурно. Мало зная свѣтлый идеалъ православія, повѣривъ такимъ представителямъ его, которые отличаются непріязнью ко всему живому и хорошему, — благородному нравственному челоѣку не трудно получить враждебное предубѣжденіе противъ православія. Такъ оно и бываетъ на самомъ дѣлѣ.. Или заклеить чернымъ обвиненіемъ, и заклеить отъ имени православія память какого-либо благороднаго общественнаго дѣятеля, жизнь котораго была служеніемъ челоѣчеству, не значить ли это опять дать самое превратное понятіе о православіи? Евангеліе говоритъ намъ: «Всякій, кто дѣлаетъ для меньшаго изъ братій Христовыхъ, дѣлаетъ для самого Христа.» Слѣдовательно всѣ служащіе челоѣчеству чашею ли студеной воды, или лучшими дарами своей духовной природы, служатъ дѣлу Христову, служатъ православію. Но имъ говорятъ выдающіе себя за представителей православія, что ихъ дѣло противно православію. Убѣжденіе въ святости служенія челоѣчеству запало въ ихъ душу такъ глубоко, что они готовы пожертвовать всѣмъ ради своего дѣла. Ихъ называютъ

безбожниками, они сами начинают считать себя такими; а между тѣмъ на дѣлѣ, въ жизни они можетъ-быть ближе къ духу христіанства чѣмъ тѣ, которые неразумно оттолкнули ихъ отъ христіанскаго общества...

Такъ пусть не думаетъ г. Аскоченскій, что насъ возмущаютъ въ Домашней Бесѣдѣ ея выходки противъ современности, нѣтъ—ея вредъ православію.

Мы вѣримъ, что люди рѣдко дѣлаютъ зло изъ любви къ злу. Оно дѣлается большею частію по слабости, или по недоразумѣнію. Зло однакожь все остается зломъ, и мы должны употреблять средства, чтобы предотвращать и искоренять зло.

Какъ ни оскорбительны названія труса, вѣроотступника, ренегата, которыми ущедряетъ г. Аскоченскій всѣхъ сочувствующихъ современности, мы не будемъ однакожь платить г. Аскоченскому той же монетой. Въ литературной дѣятельности г. Аскоченскаго мы видимъ положительный вредъ, и главнымъ образомъ для православія. Мы не думаемъ однакожь, чтобы г. Аскоченскій былъ человекъ неблагонамѣренный, и хотѣлъ сознательно вредить православію. Кажется, онъ грѣшитъ болѣе по недоразумѣнію и излишней горячности характера.

Напр. г. Аскоченскій нерѣдко обвиняетъ того или другаго изъ свѣтскихъ литераторовъ въ ереси. Мы не думаемъ, чтобы онъ въ этомъ случаѣ сознательно принималъ на себя роль доносчика, и серьезно желалъ повредить обвиняемому. Все происходитъ отъ того, что г. Аскоченскій дѣйствительно слишкомъ горячо принимаетъ къ сердцу все, что представляется ему противнымъ его убѣжденіямъ. Съ другой стороны, г. Аскоченскій, столько ратующій противъ обличительнаго направленія современной литературы, самъ слиш-

когь увлеченъ духомъ ея. Жаль только, онъ не можетъ сообразить, что обвиненіе въ ереси никакъ нельзя поставить на ряду съ обвиненіемъ, напр., въ тупости, отсталости, и даже въ какомъ-нибудь не нравственномъ поступкѣ.

Г. Аскоченскій, на основаніи двухъ-трехъ легкомысленныхъ или превратно перетолкованныхъ строкъ, вырванныхъ изъ какого-нибудь фельетона, дѣлаетъ часто заключеніе, что вся современная свѣтская литература приняла вредное направленіе, все современное общество развращено въ конецъ, и наступаетъ царство антихристово. Это опять не отъ того происходитъ, чтобы г. Аскоченскій изъ-за какой личной неприязни или своекорыстныхъ расчетовъ желалъ поселить въ народѣ, къ которому онъ ведетъ рѣчь, неприязнь ко всемъ добрымъ мѣрамъ и стремленіямъ, а просто отъ того, что у него логика очень плоха. Онъ забываетъ, что отъ мелочной частности нельзя заключать къ великому цѣлому. При плохой логикѣ у г. Аскоченскаго и пониманіе очень узко: онъ не можетъ объять дѣла въ цѣлости, а бросается только на частности. Наконецъ, у г. Аскоченскаго, при всей его видимой преданности православію, слишкомъ какъ будто слаба вѣра въ него; онъ боится, какъ бы православіе не пало отъ какой-либо фельетонной выходки, которая, прошла бы совершенно незамѣченной, если-бы «Домашняя Бесѣда» не поставила ее на видъ. Г. Аскоченскій, желая распространить въ народѣ недоувѣріе къ современной наукѣ, честитъ ипогда самыми неуважительными именами великихъ западныхъ ученыхъ (напр. хоть извѣстнаго церковнаго историка Неандера), ни во что ставитъ труды ихъ, которыми, независимо отъ вѣроисповѣдныхъ особенностей воззрѣнія, отдають справедливость православные ученые. Это опять не отъ того происходитъ, что г. Аскоченскій сознательно спо-

собенъ отрицать заслугу тамъ, гдѣ отрицать ее было бы крайне недобросовѣстно, а просто отъ того, что онъ вовсе незнакомъ хоть напр. съ германскою философскою и богословскою литературою. По крайней мѣрѣ Домашняя Бесѣда не подавала ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію ея въ такомъ предосудительномъ знакомствѣ. Жаль, конечно, г. Аскоченскій не можетъ сообразить и такой простой вещи, что дурно говорить о томъ, чего не знаешь.

Точно также, когда г. Аскоченскій старается увѣрить, будто всѣ сужденія нашей литературы объ общественномъ прогрессѣ и благосостояніи западной Европы—сущій вздоръ, что все тамъ идетъ очень дурно: и здѣсь опять ложь простодушная. Г. Аскоченскій съ западною Европою по ближайшимъ источникамъ едва ли знакомился. Онъ судить о ней по тѣмъ же фельетонамъ нашихъ газетъ (главнымъ образомъ, кажется, по Санкт-Петербургскимъ Вѣдомостямъ). Здѣсь опять дурно только то, зачѣмъ же онъ выбираетъ изъ газетъ только подходящее подъ его воззрѣнія? Но у людей, у которыхъ мысль помрачена какими либо предубѣжденіемъ, такъ часто бываетъ. Это фактъ психологическій.

Г. Аскоченскій весьма криво перетолковываетъ разные общественные вопросы. Это опять не отъ того, что онъ намѣренно хочетъ толковать ихъ криво. Каждый общественный вопросъ имѣетъ свою исторію, и для того, чтобы понять, какъ должно, его современное положеніе, нужно много думать о немъ, изучать его. Г. Аскоченскій, какъ видно, не занимался серьезно общественными вопросами, полагаясь на природную русскую даровитость (эта природная русская даровитость едва ли не главный его врагъ), онъ думаетъ, что обо всемъ можно говорить съ плеча. Какъ же можно послѣ

этого требовать отъ него правильнаго пониманія и объясненія общественныхъ вопросовъ. По сужденіямъ, высказываемымъ г. Аскоченскимъ, мы можемъ опредѣлить, на какой ступени умственнаго развитія стоитъ онъ, и какое мѣсто занимаетъ эта ступень въ исторіи нашего общественнаго развитія. Воззрѣнія на общественные вопросы, подобныя тѣмъ, какія онъ высказываетъ, даже двадцать лѣтъ назадъ были уже слишкомъ отстали. А ему пришлось остановиться на нихъ; онъ не могъ идти въ уровень съ общественнымъ развитіемъ; уже одна кипучая литературная дѣятельность мѣшаетъ ему вновь приобрести что-нибудь. Что же удивительнаго при этомъ, если г. Аскоченскій вовсе не понимаетъ многихъ современныхъ идей. А для него, какъ для человѣка слишкомъ горячаго, непониманіе дѣла можетъ служить достаточною причиною ратовать противъ него.

Г. Аскоченскій, распространяя въ обществѣ свои мнѣнія, выдаетъ ихъ за непереложную истину, говоритъ во имя православія— какъ будто отъ лица церкви,—за несогласіе съ своими мнѣніями осмѣливается обвинять то того, то другаго въ ереси, па томъ основаніи, что и древняя церковь тоже дѣлала. Злоупотребленіе страшное! Но вина ему—одно непониманіе г. Аскоченскимъ той великой истины, что ни одинъ изъ православныхъ не можетъ выдавать своей мысли за мысль самаго православія, никакая частная мысль не можетъ обнять собою всей истины православія, и правъ церкви не можетъ приписать на себя ни одна личность, а тѣмъ болѣе такая, которая не имѣетъ даже непосредственнаго полномочія, какъ членъ церкви представительной.

Вообще: если г. Аскоченскій вредитъ православію, распространяя превратныя мнѣнія касательно отношеній православія къ прогрессу и цивилизаци, то это не потому, что-

бы онъ сознательно хотѣлъ вредить православію подѣ личною ревности о немъ. Мы вѣримъ, что г. Аскоченскій человекъ искренній, и горячо преданъ православію. Онъ только слишкомъ узко понимаетъ идею православія, и вовсе не понимаетъ идеи прогресса и цивилизаціи. Если литературная дѣятельность г. Аскоченскаго имѣетъ ложное и вредное направленіе, то это не потому, чтобы онъ хотѣлъ дать своему журналу ложное и вредное направленіе,—а потому что онъ не имѣетъ качествъ, нужныхъ для полезной литературной дѣятельности—ни яснаго ума, ни многосторонняго образованія, ни спокойнаго отношенія къ дѣлу.

Жаль только, г. Аскоченскій не можетъ сообразить простой истины, что для всякаго дѣла, а тѣмъ болѣе для важнаго дѣла общественнаго, нужно не одно слѣпое рвеніе, но и умѣнье вести дѣло.

Января 1. 1861.

Того, что сказано, оказалось мало. И какъ ни тяжело намъ вести рѣчь въ томъ тонѣ, въ какомъ она начата,—но мы должны продолжать.

При послѣднемъ № Домашней Бесѣды за прошедшій годъ разослана брошюрка «О недостаткахъ сочиненія: о православіи въ отношеніи къ современности». Въ этой брошюркѣ, какъ и въ статьѣ г. Аскоченскаго, о. архимандритъ Ѳеодоръ опять обвиняется въ неправославіи.

Такъ мы и думали. Рѣзкая оскорбительная выходка г. Аскоченскаго не была случайною обмолвкой. Видно, около него группируется цѣлая партія людей, поставившихъ себѣ

задачею разжигать фанатическій раздоръ въ нашеѣ обществѣ, выставлять православіе началомъ, враждебнымъ обществу прогрессу, и публично чернить людей, несогласныхъ съ ними мнѣній.

Брошюрка «О недостаткахъ сочиненія: о православіи въ отношеніи къ современности» принадлежитъ нѣкому г. А. Загоскину, извѣстному сотруднику г. Аскоченскаго, тому самому, который для назиданія читателей Домашней Бесѣды допустилъ напечатать въ ней письма своего брата — нашего покойнаго романиста М. Н. Загоскина, свидѣтельствующія о нетвердости его религиозныхъ убѣжденій. Г. А. Загоскинъ пишетъ въ родѣ г. Аскоченскаго, такъ же смѣло и безцеремонно. Только у него нѣтъ уже и вѣшнихъ литературныхъ талантовъ г. Аскоченскаго. Онъ пишетъ вяло, темно, нескладно; въ его брошюрѣ почти постоянно путаются понятія самымъ жалкимъ образомъ. Способъ обвиненія здѣсь тотъ же, какой обыкновенно употребляется въ Домашней Бесѣдѣ. Обвинитель вырываетъ мѣста изъ сочиненій обвиняемаго вѣ связи съ цѣлымъ его воззрѣніемъ, и не давая себѣ труда обозначать, откуда именно онъ вырываетъ эти мѣста, нерѣдко перетолковываетъ по-своему мысль обвиняемаго, и потомъ вооружается противъ нея; иныя обвиненія высказываетъ голословно, оставляя ихъ безъ всякихъ объясненій; смѣшиваетъ понятія, дабы запутать дѣло, прикрываетъ свои мнѣнія авторитетами, ни мало не говорящими въ его пользу. Собственное воззрѣніе г. Загоскина — общее воззрѣніе Домашней Бесѣды, только оно доводится здѣсь до послѣдней крайности. Сколько мы могли замѣтить, авторъ постоянно отождествляетъ понятіе ветхаго грѣховнаго человѣка съ понятіемъ просто человѣка естественнаго, и основываясь на ученіи Св. Писанія объ умерщ-

вленіи ветхаго чловѣка, требуетъ распинать—убивать все, что есть живаго, разумаго, прекраснаго въ естественной жизни чловѣка. О. Теодоръ въ статьѣ Сына Отечества достаточно объяснилъ, какъ далеко такое воззрѣніе отъ истинно-православнаго воззрѣнія, какъ сродно оно съ односторонностью вреднаго заблужденія евтихіанскаго.

Вообще, эта брошюрка сама по себѣ не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, сужденіямъ выраженнымъ въ ней, не слѣдовало бы придавать серьезнаго значенія. При большей развитости общественнаго сознанія, при большей твердости общественнаго мнѣнія не только успѣхъ, но и самое появленіе подобныхъ брошюръ въ литературѣ были бы невозможны. Но такъ какъ печальный фактъ совершился, брошюра явилась, притомъ она написана не просто въ критическомъ, а прямо въ обвинительномъ тонѣ; такъ какъ она разослана при Домашней Бесѣдѣ съ тою цѣлю, чтобы распространить въ читающемъ обществѣ подозрѣніе относительно образа убѣждений о. Теодора: то эта брошюрка получаетъ значеніе важнаго не литературнаго только, но и общественнаго факта,—и въ этомъ отношеніи стоить не нашего только, но и общаго вниманія.

Г. Загоскинъ находитъ въ сочиненіи о. Теодора восемь важныхъ недостатковъ, которые считаетъ нужнымъ раскрыть предъ читающимъ обществомъ «съ цѣлю — предостеречь тѣхъ, кто легко можетъ быть увлеченъ неосторожными сужденіями автора.» Вотъ эти недостатки:

1) «Неудобовразумительность, приводящая къ ложнымъ выводамъ на пагубу современныхъ прогрессистовъ и цивилизаторовъ, имѣющихъ духовно-языческое направленіе.» О. Теодоръ дѣйствительно пишетъ не совсѣмъ удобовразумительно. Объ этомъ упоминалось и въ критическомъ отзывѣ

о сочиненіяхъ о. Теодора, помѣщенномъ въ Православномъ Обзорѣніи. Но мы не знаемъ, на сколько этотъ недостатокъ можетъ быть предметомъ не простой критики, а обвиненія,—не видишь, какую связь имѣеть съ нимъ «пагуба современныхъ прогрессистовъ и цивилизаторовъ».

Вотъ все, что говоритъ г. Загоскинъ въ поясненіе своихъ словъ: «Первый недостатокъ сочиненія «О православіи» и проч. обнаружился самъ собою восторгомъ феллетониста Сына Отечества, который нашелъ, что авторъ сочувствуетъ прогрессистамъ и цивилизаторамъ, миритъ современныя идеи съ православіемъ, и заключилъ свой восторгъ слѣдующими словами: «итакъ мы можемъ сказать теперь смѣло: да здравствуетъ современность! Ты не такъ дурна, какъ говорятъ о тебѣ; ты можешь жить въ мирѣ съ православіемъ.» *Правильность этого замѣчанія и восторга можно повѣрить, прочтя добрый голосъ автора въ пользу современности:* «посмотрите на чувственное и матеріальное направленіе нашего времени, на положительные вещественные интересы, почти всѣхъ занимающіе и озабочивающіе едва ли не сильнѣе другихъ интересовъ. Что значитъ это страстное алканіе земныхъ благъ, направляемое къ заглушенію духовныхъ христіанскихъ потребностей? Не открыто ли, не очевидно ли здѣсь страшное искушеніе для духа христіанъ? И, что особенно достойно вниманія и размышленія,—не одно легкомысліе или суетность, но и серьезные многодѣльные умы нашего времени заняты и озабочены особенно матеріальнымъ благоустройствомъ — общественнымъ и частнымъ, какъ самыми человѣческими потребностями и существенными благами. Видно,—какъ іудейство извратило блистательную видимость древней епокраіи до значенія чисто плотскаго, такъ большинство и новаго Израіля—міра христіанскаго успѣло уже ту благодать Го-

спода нашего, что Онъ сталъ для насъ плотію, забыть и обратиться только почти въ плотскіе человѣческіе интересы.»—Изъ этой сопостановки словъ о. Теодора съ словами фельетониста Сына Отечества, по нашему мнѣнію, видно только то, что о. Теодоръ, при всемъ сочувствіи къ современности, не увлекается ею безотчетно, не льститъ ей, не одобряетъ того, что въ ней дѣйствительно есть непохвальнаго. За такое разумное, правдивое отношеніе къ дѣлу и принята съ сочувствіемъ его книга представителями современности, а у г. Загоскина эта сопостановка получаетъ, кажется, такой смыслъ, если только вообще онъ имѣлъ въ виду дать ей какой-либо смыслъ: «о. Теодоръ осуждаетъ дурныя стороны современности, *сльд.* онъ не сочувствуетъ ей, — *сльд.* фельетонистъ Сына Отечества не понялъ о. Теодора, расхваливая его за то, что онъ сочувствуетъ прогрессистамъ и цивилизаторамъ, мирить современныя идеи съ православіемъ; а не понялъ онъ отъ того, что о. Теодоръ пишетъ неудобовразумительно. Вотъ и выходитъ неудобовразумительность, приводящая къ ложнымъ заключеніямъ на пагубу современныхъ прогрессистовъ и цивилизаторовъ, имѣющихъ духовно-языческое направленіе.» Но г. Загоскинъ! Пусть фельетонистъ Сына Отечества не понялъ о. Теодора, восхваляя его за то, что онъ сочувствуетъ прогрессистамъ и цивилизаторамъ, мирить современныя идеи съ православіемъ! Но вѣдь и вы именно за это главнымъ образомъ обвиняете о. Теодора? Что же? Вы понимаете ли его, или хоть сами себя? Это первый образчикъ логики г. Загоскина.

2) «Присвоиваніе богодухновенной свѣтлой мысли лжеименному человѣческому разуму.» Здѣсь г. Загоскинъ еще логичнѣе. Голословно высказавъ приведенное сейчасъ обвиненіе, онъ совершенно оставляетъ его,—и въ томъ пунктѣ,

который долженъ бы служить его объясненіемъ, говорить о постороннихъ предметахъ (какъ вамъ это кажется, читатели?). Именно: здѣсь онъ приводитъ одно мѣсто изъ предисловія къ книгѣ о. Феодора, не имѣющее никакого отношенія къ высказанному обвиненію, и довольно неясное. Затѣмъ безъ церемонія восклицаетъ: «дико, нелѣпо!» Далѣе г. Загоскинъ излагаетъ собственныя разсужденія, которыя также трудно понять. Дѣло, кажется, въ томъ, что ему не понравилась мысль о. Феодора, будто «развитіе человѣческой мысли можетъ проявить духовную истину (г. Загоскинъ самъ извратилъ мысль о. Феодора въ такую нескладную форму, да и сердятся на нее), слѣдовательно и остановки ея развитія быть не слѣдуетъ. «Очевидно, говоритъ г. Загоскинъ, что такое мнѣніе несогласно ни съ Словомъ Божиимъ, ни съ ученіемъ православной церкви.» Выходить однакожъ нисколько не очевидно. Г. Загоскинъ не приводитъ въ подтвержденіе этого обвиненія ни словъ Св. Писанія, ни опредѣленій православной церкви, и объясняетъ только свою мысль тѣмъ, что должно различать истины натурального міра и истины духовныя. Развитіе человѣческой мысли, по его ученію, можетъ проявить истину только натурального міра, а въ духовномъ отношеніи мысль человѣческая при развитіи своей можетъ проявить не истину, а ложь. Ни такого различенія между какою-то истиною натурального міра и истиною духовною, ни такого ученія о развитіи человѣческой мысли, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни въ Словѣ Божіемъ, ни въ опредѣленіяхъ православной церкви, — а высказана она, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ разсматриваемой брошюркѣ, въ одномъ изъ недавнихъ выпусковъ Домашней Бесѣды (№ 50, 1860 г., см. статью «Прогрессъ и цивилизація» того же г. Загоскина). Мы протестуемъ противъ самовольно

усвоеннаго Домашнею Бесѣдою права — отождествлять собственные мудрованія съ ученіемъ Слова Божія и православной церкви, и осуждать въ неправославіи кого бы то ни было за самое отступленіе отъ выражений, канонизованныхъ въ Домашней Бесѣдѣ; хотя Домашняя Бесѣда и провозглашаетъ, будто она одна остается теперь блюстительницею православія, и ратуетъ не только на защиту церкви, но даже на защиту самого Бога. (См. напр. № 48 «Журнальныя замѣтки» за подписью «Застѣнчивый».)

3) «Пересаживаніе западныхъ идей на почву православія и ложное заключеніе о пользѣ ихъ.» Во всемъ, что написалъ о. Феодоръ, не дается ни малѣйшаго повода думать, будто онъ желаетъ пересаживать на почву православія какія-либо неправыя напр. догматическія мнѣнія западныя. Поэтому обвиненіе г. Загоскина оказывается ложнымъ. Если же о. Феодоръ желаетъ, чтобы на нашей почвѣ принимались различныя общественныя улучшенія западныя (истины и труды, входящія въ сферу міра натурального, какъ замесловато выражается г. Загоскинъ), то за это никто не имѣетъ права обвинять его въ неправославіи. Въ этомъ соглашаются съ нимъ всѣ благомыслящіе люди, и будто бы самъ г. Загоскинъ, чему мы впрочемъ имѣемъ основаніе не слишкомъ довѣрять.

4) «Предложеніе способовъ, очевидно; неудобноисполнимыхъ» (sic). Предлогъ къ этому, такъ толковито выраженному обвиненію, Загоскинъ находитъ въ прекрасныхъ словахъ о. Феодора о томъ, что твердые въ вѣрѣ должны съ глубокимъ участіемъ любви слѣдить за тружениками мысли, хотя во многомъ претыкающимися и падающими, собственно вѣрою поддерживать ихъ, и приближать мысль ихъ ко Христу, какъ единой истинѣ, подобно тому, какъ святые

угодники Божіи съ отеческою и материнскою любовію бергли и носили юныхъ, борющихся еще со страстями и узвѣненныхъ, подобно тому какъ и нынѣ въ православной церкви воспріемники вѣрою своею держатъ во Христвѣ и безсознательныя души младенцевъ. «При явномъ оскудѣніи нынѣ любви въ сердцахъ нашихъ, говоритъ о. Теодоръ, слѣдуетъ посмотрѣть, не откроется ли для жизни сердечной многосторонняя мысль современности, и вмѣсто того, чтобы заглушать или отталкивать ее, не умнѣе ли будетъ для оживленія сердца нашего съ осторожностію и уважительнымъ участіемъ слѣдить за дѣломъ и движеніями современной мысли, чтобы она и своей искренности не утрачивала и вѣрно шла къ истинѣ?..» Приведши эти слова, г. Загоскинъ насмѣхается надъ тѣмъ, что сердце автора осуждаемой имъ книги преисполнено любовію. Ничего смѣшнаго въ этомъ нѣтъ; даже и въ томъ нѣтъ смѣшнаго, когда мы видимъ, что сердце у человѣка преисполнено не любовію, а ненавистью ко всѣмъ труженикамъ мысли, ко всѣмъ поборникамъ современности, и ко всѣму человѣческому роду. «Нечего сказать, совѣтъ преисполненный любви! восклицаетъ г. Загоскинъ. Но пусть-ка авторъ покажетъ намъ на дѣлѣ, какъ намъ должно дѣйствовать, чтобы не отступить ни на шагъ отъ его благаго совѣта? Пусть-ка онъ прослѣдитъ за мыслями хоть одного прогрессиста изъ фельетонныхъ крикуновъ такъ, чтобы мысли крикуна не утрачивали своей искренности и вѣрно шли къ истинѣ?» Дѣло не неудобносполнимое, г. Загоскинъ! нѣтъ ни одной газеты, нѣтъ ни одного журнала, за литературною дѣятельностію котораго нельзя было бы слѣдить съ уважительнымъ участіемъ, въ которомъ бы не было мыслей теплыхъ, проникнутыхъ искреннею заботою объ общественномъ благѣ. А вы, г. Загоскинъ, не

имѣете права всѣхъ заурядъ журнальныхъ фельетонистовъ обвинять въ отступленіи отъ православія, какъ это вы дѣлаете въ заключеніе своего четвертаго обвинительнаго пункта.

5). «Неодобреніе, вмѣсто высокихъ и хитрыхъ мудрованій стремленія дорожить и спасаться простотою вѣры стараго русскаго народа.» Приведши здѣсь слова апостола Павла къ Тимоѳею противъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума, г. Загоскинъ присовокупляетъ далѣе: «хотя простота стараго русскаго народа несовершенна; но если св. апостоль Павелъ счелъ нужнымъ предостеречь апостола Тимоѳея отъ вліянія ложнаго знанія; то не благоразумнѣе ли будетъ спасаться этой простотой, чѣмъ вдаваться въ высокія и хитрыя мудрованія?» Удивительная логика! Вѣдь апостоль Павелъ предостерегаетъ Тимоѳея противъ *ложнаго* знанія, противъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума. А о. Феодоръ никогда не высказывалъ ничего подобнаго дикой мысли, будто *ложное* знаніе, *суесловія* и *прекословія* лжеименнаго разума должно предпочитать простотѣ вѣры. Его мнѣніе относительно этого предмета только то, что одною простотою стараго русскаго времени нельзя удовольствоваться, особенно при современныхъ условіяхъ общественной жизни, что намъ нужно разумно усвоить и уяснить себѣ то, во чтѣ мы вѣруемъ, что древне-русская простота только въ сѣмени заключаетъ въ себѣ то, чтѣ теперь намъ нужно развить и т. д. Въ такихъ мысляхъ нѣтъ ничего ложнаго и вреднаго.... Намѣренно, или ненамѣренно г. Загоскинъ такъ перепутываетъ понятія, что изъ этого выйдетъ клевета на человѣка въ томъ, чтѣ ему и на мысль никогда не всходило? Или онъ самъ *всякое* знаніе считаетъ *ложнымъ* знаніемъ, *суесловіемъ* и *прекословіемъ* лжеименнаго

разума, отвергаетъ всякое разумное усвоеніе и уясненіе истинъ религіозныхъ изъ боязни повредить простотѣ вѣры? Но это было бы не только нелѣпо, но и неправославно. Противъ этого можно найти много опроверженій и у св. апостола Павла, и у отцевъ церкви, и въ церковной исторіи и практикѣ.

6) «Соглашеніе духа времени, духа грѣховнаго міра съ духомъ Христовымъ.» Это опять ложное обвиненіе, основанное на смѣшеніи понятій. Что въ духѣ всякаго времени есть истинное, доброе, слѣд. согласное съ духомъ Христовымъ, этого никто не станетъ отрицать; а что во времени — въ мірѣ есть ложнаго, грѣховнаго, этого о. Теодоръ никогда не думалъ соглашать съ духомъ Христовымъ.

7) «Присвоеніе наслажденіямъ, по причинѣ несовершенства человѣческой природы, высшаго духовнаго чувства, во вредъ православію (sic)». Это, говоритъ г. Загоскинъ, самый существенный недостатокъ разсматриваемаго сочиненія. Литературные недостатки въ книгѣ о. Теодора, по нашему мнѣнію, есть другіе, но *предлоговъ къ обвиненію въ неправославіи болѣе существенныхъ* (т. е. сколько-нибудь существенныхъ) ни г. Загоскинъ и никто другой здѣсь дѣйствительно не могъ найти. Это присвоеніе наслажденіямъ, по причинѣ несовершенства человѣческой природы, высшаго духовнаго чувства (до сихъ поръ не можешь понять, что это такое) выражено будто бы о. Теодоромъ въ цѣлой статьѣ по поводу известной картины Иванова. Здѣсь г. Загоскинъ пускается въ оригинальныя разсужденія «о значеніи живописнаго искусства въ дѣлѣ церковномъ». Онъ говоритъ, что наслажденіе изящнымъ міра натурального (куда относятся у него и св. иконы, изящно написанныя) дозволяется по причинѣ несовершенства человѣческой природы подобно тому, какъ Мон-

сей дозволилъ, по жестокосердію іудеевъ, разводъ,—что сущность всѣхъ христіанскихъ религій (сколько же ихъ, г. Загоскинъ?) состоитъ въ приготовленіи себя (кого?) къ вѣчной жизни, которое совершается духовною бранію съ самстvenною любовію, съ тройственнымъ божествомъ міра,—что одною изъ причинъ паденія западной церкви и заблужденія протестантовъ, было присвоеніе иконамъ не иконной, а изящной живописи. Наконецъ г. Загоскинъ болѣе ясно высказываетъ свою мысль въ слѣдующихъ словахъ: «вѣрующій смотритъ на икону, какъ на буквы, передающія мысль, которая ничего не выигрываетъ, бывъ написана по всѣмъ правиламъ каллиграфіи, даже, если хотите, теряетъ, когда вниманіе читателя развлекается красивымъ и фигурнымъ почеркомъ» (очень хорошо, г. Загоскинъ! Вамъ часто хорошій почеркъ мѣшалъ понимать смыслъ написаннаго? Намъ, напротивъ—дурной почеркъ, точно такъ же, какъ безграмотное изложеніе). «Точно также, продолжаетъ г. Загоскинъ, и иконы изящной живописи, поражая молящагося своей изящностью, неизбежно дѣлаютъ его разсѣяннымъ, оземляютъ его молитву, обращая ее въ одно наслажденіе изящнымъ, и наконецъ сами утрачиваютъ свое значеніе въ духовномъ отношеніи.» (Вы, г. Загоскинъ, можете это смѣло утверждать о всѣхъ иконахъ изящной живописи?). Итакъ, значитъ, въ церковной живописи, какъ и въ каллиграфіи, чѣмъ хуже будетъ идти дѣло, тѣмъ лучше? Мы ничего не можемъ сказать противъ такого воззрѣнія, и предаемъ осужденію о. Теодора за то, что онъ въ своей статьѣ слѣдовалъ другому воззрѣнію. Видимо, г. Загоскинъ своими разсужденіями объ иконописаніи хотѣлъ сказать что-то болѣе серьезное. Это не новый вопросъ о преимуществахъ византійской иконописи предъ западною. Но г. Загоскинъ жалкимъ образомъ перепуталъ понятія. Предпочитающіе ви-

завтійскую живопись западной предпочитают ее не за то, что она слишкомъ плоха въ отношеніи художественномъ, то въ ней нѣтъ никакого изящества (г. Загоскинъ противопоставляетъ иконную живопись изящной); а потому, что видятъ въ ней особое направление искусства, которое имѣетъ значеніе въ отношеніи художественномъ, и должно имѣть свое развитіе; и картина Иванова именно считается первымъ великимъ опытомъ возведенія византійскаго стиля до художественности.

8) «Главный и существенный недостатокъ (который же на самомъ дѣлѣ существеннѣй, тотъ ли, который въ 7-мъ пунктѣ, или тотъ, который въ 8-мъ?), сопряженный съ гибельными послѣдствіями, состоитъ въ цѣли самаго сочиненія, которое имѣетъ въ виду *направленіе современныхъ идей на путь истинный средствами, не согласными ни съ законами Божественнаго порядка въ мірозданіи, ни съ Божественнымъ Откровеніемъ, ни съ ученіемъ Церкви православной*».

Страшное обвиненіе! О. Теодоръ въ своей книгѣ имѣлъ цѣлю—несогласное съ законами Божественнаго порядка въ мірозданіи, съ Божественнымъ Откровеніемъ, съ ученіемъ церкви православной!.. Подумали ли вы, считающій себя представителемъ православія, защитникомъ ученія св. матери церкви, вы, хотящій быть духовнымъ руководителемъ и наставникомъ народа,—подумали ли вы, что говорите?.. Чемъ авторъ сочиненія «О православіи въ отношеніи къ современности»,—человѣкъ (скажемъ не въ оскорбленіе его скромности, и да вознаградить его сколько-нибудь наше и общее сочувствіе за тяжкую обиду, нанесенную ему въ виду всего читающаго общества),—человѣкъ, который въ продолженіе его уже не маловажнаго служенія церкви, и обществу не подавалъ еще повода къ подозрѣнію его искренней предан-

ности православію, благородства побужденій, доброй нравственности,—чѣмъ о. архимандритъ Ѳеодоръ заслужилъ такое обвиненіе? А тѣмъ, что онъ относится съ сочувствіемъ къ лучшимъ явленіямъ современности, и совѣтуетъ ревнителямъ православія не запугивать современныхъ дѣятелей жесткимъ, ригористическимъ отношеніемъ къ нимъ, а слѣдить за дѣломъ и движеніями современной мысли въ духѣ любви Христовой... (*)

(*) Во 2-мъ № Сына Отечества помѣщенъ самимъ о. Ѳеодоромъ отвѣтъ на брошюрку Загоскина: въ немъ болѣе полно, чѣмъ у насъ, выясняются воззрѣнія самого о. Ѳеодора, и опровергаются обвиненія Загоскина. Тѣмъ изъ читателей, которые заинтересуются этимъ дѣломъ, рекомендуемъ въ дополненіе нашей статьи прочитать и статью о. Ѳеодора противъ Загоскина, и прежнюю противъ Аскоченскаго въ 52-мъ № Сына Отечества за 1860-й годъ. Читатели найдутъ въ нихъ не мало свѣтлыхъ и глубокихъ мыслей.

ДВА РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДА НА ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

ИЗЪ КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ МАКОЛЕЯ (*).

Безотносительно къ тому, справедливы, или нѣтъ теоріи Гладстона, излагаемыя имъ въ его сочиненіи «о государствѣ въ отношеніи къ церкви,» намъ чрезвычайно пріятно видѣть, что этотъ серьезный и обработанный трактатъ о важной части философіи политики принадлежитъ перу молодаго чело-вѣка, приобретающаго знаменитость въ палатѣ общинъ. Въ томъ еще небольшая опасность, если люди, поставленные въ тревоженія дѣятельной жизни, будутъ слишкомъ склонны къ отвлеченнымъ соображеніямъ. Противоположный недостатокъ встрѣчается между ними гораздо чаще. Занятія торговлей и парламентскія пренія отучаютъ отъ рѣшенія общихъ вопросовъ жизни и политики. Государственный чело-вѣкъ часто долженъ говорить и дѣйствовать прежде, чѣмъ

(*). Эта статья написана по поводу перваго сочиненія Гладстона, которое въ 1839 году вышло вторымъ изданіемъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *The State in its Relations with the Church* By W. E. Gladston, Esq. Student of Christ Church and M. P. for Newark. 8.

онъ что-нибудь обдумаетъ или прочтетъ. Онъ, можетъ-быть, очень дурно знакомъ съ вопросомъ; всѣ его понятія касательно его могутъ быть неопредѣленны и неточны; но онъ долженъ говорить, и если это человѣкъ съ талантами, съ тактомъ, и съ нѣкоторой долей смѣлости, онъ скоро пойметъ, что даже при такихъ обстоятельствахъ можно говорить съ успѣхомъ. Онъ пойметъ, что есть большое различіе между дѣйствіемъ словъ писанныхъ, которыя по нѣсколько разъ перечитываются въ тиши кабинета, и между дѣйствіемъ словъ устныхъ, которыя, сопровождаясь очарованіемъ декламации и жестовъ, дѣйствуютъ на слухъ въ продолженіи одного момента. Онъ пойметъ, что онъ можетъ ошибаться и не быть изблеченнымъ въ ошибокѣ, что онъ можетъ софистически умозаключать и остаться не опровергнутымъ,— что даже при рѣшеніи трудныхъ вопросовъ торговли и законодательства онъ можетъ, не прочтя десяти страницъ, не подумавъ десяти минутъ, исторгнуть громкія рукоплесканія и сѣсть на мѣсто съ увѣренностію въ томъ, что рѣчь сказана была прекрасная. Лизія, рассказываетъ Плутархъ, написалъ защитительную рѣчь для одного человѣка, которому нужно было явиться въ одинъ изъ аѳинскихъ судовъ. Отвѣтчикъ гораздо прежде, чѣмъ выучилъ рѣчь на память, такъ разочаровался въ ней, что въ великой тревогѣ пошелъ къ автору. «Я былъ доволенъ вашей рѣчью, когда читалъ ее въ первый разъ, сказалъ онъ, во второй разъ она понравилась мнѣ меньше, и еще меньше—въ третій; а теперь мнѣ кажется, что она нисколько не защититъ меня.» «Мой добрый другъ, отвѣчалъ Лизія, ты совершенно забываешь, что судьи услышатъ рѣчь только одинъ разъ.» Именно то же случается въ англійскомъ парламентѣ. Ораторъ такъ же попусту сталъ бы утомлять себя глубокимъ размышленіемъ и продол-

жительными изслѣдованіями при составленіи своихъ рѣчей, какъ понапрасну директоръ театра вздумалъ бы украсить настоящими брилліантами всю толпу царедворцевъ, которыхъ все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы въ молчаливой процессіи пройти сцену. Не точностію и глубиною пониманія люди приобрѣтаютъ господство въ большихъ собраніяхъ. Да и за чѣмъ бы стали парламентскіе ораторы заботиться о логикѣ самаго лучшаго качества, когда ихъ будутъ слушать и судить самыя низкіе по способностямъ и образованію члены палаты? За чѣмъ такъ глубоко проникать въ вопросы, какъ Боркъ проникалъ въ своихъ рѣчахъ? Развѣ за тѣмъ, чтобы, какъ Борку, такъ и всякому, на подобныя рѣчи отвѣчали кашляньемъ, или за тѣмъ, чтобы остаться оратору оканчивать изложеніе своихъ глубокихъ соображеній предъ пустыни зелеными сканьями? Въ этогъ, мнѣ кажется, скрывается одно изъ самыхъ серьезныхъ золъ представительнаго правленія, доставляющаго столько добра странѣ. Прекрасно и вполне справедливо, сказалъ Бэконъ, что чтеніе доставляетъ человѣку полноту соображенія, бѣсѣда—ловкость и быстроту, а сочиненіе—точность. Учрежденія, подобныя англійскимъ, способны развить въ общественныхъ дѣятеляхъ быстроту и легкость выраженія мыслей, въ ущербъ полнотѣ взгляда и точности пониманія. Самые проницательные и сильные умы всѣхъ поколѣній во время преній не рѣдко приводили такія доказательства, которыхъ ни одинъ человѣкъ со смысломъ никогда бы не внесъ въ писанный трактъ, назначаемый для печати,—доказательства, которыя имѣли силу однажды, и то благодаря ловкому произношенію и острому языку. Обычай разрѣшать вопросы путемъ преній необходимо отражается на умахъ способѣйшихъ англійскихъ государственныхъ людей, осо-

бенно тѣхъ, которые вошли въ парламентъ въ очень раннемъ возрастѣ, прежде чѣмъ ихъ умы достигли полной зрѣлости. Способность этихъ людей къ преніямъ обнаруживается въ такой степени, что ихъ рѣчи для толпы кажутся столь же изумительными, какъ стихотворенія итальянскихъ импровизаторовъ. Но они были бы истинно счастливы, если бы удержались отъ обнаруженія своихъ чудныхъ способностей и дали бы имъ время приучиться къ болѣе внимательному мышленію, или къ болѣе широкому созерцанію. А то мы скорѣе можемъ ожидать великаго оригинальнаго труда по части политическихъ наукъ,—такого труда напр., какъ «Благосостояніе Народовъ», отъ аптекаря отечественной столицы, или отъ священника на Гебридскихъ островахъ, чѣмъ отъ государственнаго человѣка, который на 21 году возраста былъ уже отличнымъ ораторомъ въ палатѣ общинъ.

Мы поэтому съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе этого сочиненія. Молодой политикъ, въ промежутки между парламентскими занятіями, построилъ и изложилъ оригинальную теорію объ одной изъ великихъ проблемъ политики, стоявшую ему продолжительныхъ умственныхъ занятій; это обстоятельство, независимо отъ сужденій о здравости, или нездравости его мнѣній, много уже говоритъ въ его пользу. Правда, мы не можемъ желать того, чтобы ученія Гладстона были усвоены общественными дѣятелями; но мы отъ души желаемъ, чтобы его похвальное усердіе проникало за поверхность вопросовъ и посредствомъ долгаго и усильнаго мышленія доходило до познанія общихъ законовъ—было гораздо болѣе распространеннымъ между нашими государственными людьми, чѣмъ теперь.

Гладстонъ, повидимому, обладаетъ всѣми качествами, не-

обходимыми для философских исследований. Его умъ необычайно обширенъ и силенъ; нѣтъ у него недостатка и въ диалектической ловкости. Но его умъ дѣйствуетъ несвободно. Что бы ни разсматривалъ Гладстонъ, все это у него преломляется и искажается въ фальшивой средѣ страстей и предразсудковъ. Слогъ его представляетъ замѣчательную аналогію съ образомъ его мышленія и даже имѣетъ сильное вліяніе на образъ его сужденія. Реторика его, какъ она ни хороша въ своемъ родѣ, затемняетъ и спутываетъ его логику, которую она должна была бы просвѣтлять и объяснять. Онъ имѣетъ одну особенность, чрезвычайно опасную для мыслителя,—это его своеобразный и вполне покорный ему языкъ, важный и величественный, но неточный и темный.

Когда положенія уже утверждены и ничего больше не остается, какъ только распространять и украшать ихъ, тогда тускляя блески реторики могутъ быть еще у мѣста. Но если риторикой хотятъ замѣнить доказательства, то выходитъ нѣчто гораздо худшее, чѣмъ полная бессмыслица, подобно тому, какъ прозрачный туманъ, сквозь который мысы и скалы представляются мореплавателю съ фальшивыми сторонами и въ фальшивыхъ направленіяхъ, болѣе опасенъ, чѣмъ совершенная темнота. А дѣйствительно Гладстонъ слишкомъ пристрастенъ къ фразеологіи, и, какъ на бѣду, употребляетъ ее всего больше въ тѣхъ именно мѣстахъ своего сочиненія, которыя требовали бы такой ясности и определенности, къ какимъ только способенъ человѣческой языкъ. Въ этомъ случаѣ онъ обманываетъ во первыхъ себя, а потомъ — своихъ читателей. Основанія его теоріи, которыя слѣдовало бы построить изъ адаманта, сдѣланы между тѣмъ изъ такихъ хрупкихъ матеріаловъ, какіе годны только для заключительныхъ словъ въ парламентской рѣчи. Этой ошибки

не могли въ послѣдствіи исправить ни усердіе, ни тщаніе Гладстона. Болѣе строго мыслить онъ, когда устанавливаетъ свои послышки,—болѣе нелѣпо, когда выводитъ заключенія. И когда, наконецъ, его здравый смыслъ и доброе сердце начинаютъ чувствовать отвращеніе отъ тѣхъ ужасныхъ практическихъ слѣдствій, къ какимъ приводитъ его теорія, тогда онъ нерѣдко вынужденнымъ находится прибѣгнуть къ доказательствамъ, не совмѣстимымъ съ его основными ученіями, или же укрывается подъ покровъ фальшивой исторіи,—сочиняетъ небывалые факты.

Не будетъ впрочемъ несправедливо, если мы скажемъ, что книга Гладстона, хотя она и не здравая книга, показываетъ гораздо больше таланта, чѣмъ многія здравыя книги. Въ ней много краснорѣчивыхъ и гениальныхъ страницъ. Она носитъ на себѣ слѣды самаго терпѣливаго и усидчиваго мышленія. Она вся написана прекраснымъ тономъ; она не содержитъ, по крайней мѣрѣ мы не замѣтили, ни одного выраженія, недостойнаго благороднаго и ученаго человѣка и христіанина. Но ученія, излагаемыя въ ней, кажутся намъ, послѣ полнаго рассмотрѣнія и спокойнаго размышленія, ложными, въ высшей степени гибельными, — такими, что, еслибы на практикѣ вывести изъ нихъ всѣ законныя слѣдствія, они неизбѣжно произвели бы распаденіе общества. И для такого мнѣнія мы намѣрены привести основанія.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разбору его теоріи, мы хотимъ оградить себя самихъ противъ одного недоразумѣнія. Очень возможно, что нѣкоторые лица, прочитавшія небрежно книгу Гладстона, и другія, которыя лишь слышали въ разговорѣ, или прочитали въ газетѣ, что членъ за Нью-іоркъ написалъ сочиненіе въ защиту англиканской церкви противъ поборниковъ системы независимости, пожалуй во-

образъ, что мы пишемъ въ защиту этой системы и желаніи испроверженія Утвержденной Церкви (Established Church). Дѣло состоитъ не въ томъ. Несправедливо было бы обвинять насъ въ нападеніи на отечественную церковь по тому, что мы нападаемъ на ученія Гладстона, какъ несправедливо было бы обвинять Локка въ желаніи анархіи по тому, что онъ отвергалъ патріархальную теорію правительства Фильмера, или обвинять Блакстона въ одобреніи конфискаціи церковныхъ вѣщественъ по тому, что онъ отрицалъ, будто право приходскаго священника на десятину проистекаетъ изъ левитскаго закона. Напротивъ, въ каждомъ почти пунктѣ, гдѣ мы противоположны Гладстону, мы имѣемъ на своей сторонѣ преимущества защитника существующихъ учреждений.

Вся теорія Гладстона держится на одномъ главномъ основномъ положеніи, что распространеніе религіозной истины есть одна изъ главныхъ цѣлей правительства, какъ правительства. Если Гладстонъ не докажетъ этого положенія, вся его теорія рухнетъ заразъ.

Прежде чѣмъ войдемъ въ разборъ этого важнаго вопроса, мы хотимъ, какъ можно точнѣе, сдѣлать одно разграниченіе, которое, какъ оно ни очевидно, многими очень умными людьми, повидимому, упускается изъ вниманія. По ихъ мнѣнію, сказать, что цѣли правительства — цѣли мірскія, а не духовныя, это все равно, что сказать: матеріальные интересы человѣка болѣе важны, чѣмъ духовныя. Но это совершенная ошибка. Вопросъ не въ томъ, выше или нѣтъ, по важности, духовныя интересы интересовъ мірскихъ, а въ томъ, что механизмъ, имѣющій определенное назначеніе дѣйствовать для защиты извѣстныхъ мірскихъ интересовъ общества, долженъ ли необходимо быть приравленъ къ тому, чтобы дѣйствовать для духовныхъ интересовъ

общества? Безъ раздѣленія труда въ мірѣ невозможно было бы никакое усовершенствованіе. Имѣть хлѣбъ гораздо важнѣе, чѣмъ фортепiano. Но отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что всякій фортепiанный фабрикантъ долженъ къ своему занятію присоединять и занятія пекаря; потому что, еслибы такъ было, то у насъ были бы и хлѣбъ хуже, и музыка хуже. Обширное распространеніе между нами познаній, относящихся къ истинной вѣрѣ, несравненно важнѣе, чѣмъ процвѣтаніе между нами скульптуры; однакожь отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что королевская академія должна къ своимъ настоящимъ занятіямъ присоединить обязанности «Общества распространенія христіанскаго вѣдѣнія», раздавать богословскіе трактаты, разсылать миссіонеровъ, выгнать изъ среды своей Ноллькенса за то, что онъ католикъ, — Бэкона за то, что онъ методистъ, и Флаксмана за то, что онъ сведенбургіанецъ. Ибо слѣдствіемъ такой странности было бы то, что мы имѣли бы возможно-худшую академію художествъ и возможно-худшее общество распространенія христіанскаго вѣдѣнія. Общество, очевидно, было бы повергнуто въ величайшее смятеніе, еслибы стали слѣдовать правилу, будто всякое товарищество, образовавшееся для одного предпріятія, обязано участвовать во всякомъ другомъ предпріятіи.

Относительно нѣкоторыхъ изъ цѣлей гражданскаго правительства всѣ согласны. Что правительство назначено къ тому, чтобы защищать наши личности и нашу собственность, — что оно назначено къ тому, чтобы заставлять насъ удовлетворять своимъ нуждамъ не грабежемъ, а честными занятіями и промыслами, — что оно предназначено, чтобы понуждать насъ рѣшать наши споры не силою, а судомъ, — что оно назначено къ тому, чтобы направлять общія наши силы, по-

добно силамъ одного человѣка, противъ какого-нибудь другаго общества, которое причинило намъ обиду,—эти положенія едвали кто будетъ оспаривать.

Есть вещи, въ которыхъ человѣкъ очень глубоко заинтересованъ, безъ отношенія къ его высшему состоянiю, или назначенiю. Каждый человѣкъ,—язычникъ, магометанинъ, iудей, панистъ, социнiанинъ, деистъ, или атеистъ,—любитъ жизнь, отвращается отъ боли, желаетъ удобствъ жизни, которыя могутъ существовать лишь въ обществахъ, гдѣ собственность обезпечена. Быть убитымъ, мучимымъ, ограбляемымъ, продаваемымъ въ рабство, подвергаться неистовствамъ шаекъ иностранныхъ бандитовъ, — вотъ бѣдствiя, отъ которыхъ все люди желаютъ быть огражденными; и потому едвали кто будетъ спорить противъ того, что люди, каковы бы ни были ихъ религiозныя убѣжденiя, имѣютъ общую нужду въ хорошемъ управленiи.

Но надежды и опасенiя человѣка не ограничиваются этой краткою жизнiю и этимъ видимымъ миромъ. Онъ находитъ себя окруженнымъ знаменiями силы и мудрости высшихъ, чѣмъ его собственныя; и во все времена люди всехъ нацiй, всехъ степеней образованiя, отъ Бэкона и Ньютона до самыхъ дикихъ племенъ самоѣдскихъ, вѣровали въ бытiе Верховнаго Существа. До сихъ поръ голосъ человѣческаго рода единодушенъ. Но одинъ ли Богъ, или много, каковы свойства Его природы и воли, въ какомъ отношенiи къ Нему находятся Его творенiя, открылъ ли Онъ Себя намъ чрезъ какое-нибудь другое откровенiе, кромѣ того, которое написано на всехъ частяхъ этого дивнаго и мудро-управляемаго мира, заключено ли Его откровенiе въ какiя-нибудь вѣковѣчныя письмена, какъ надобно изъяснять эти письмена, угодно ли было Ему учредить какого-нибудь непогрѣ-

шительнаго толкователя на землѣ, — вотъ вопросы, относительно которыхъ существуетъ громаднѣйшее различіе мнѣній, и относительно которыхъ самая большая часть человѣческаго рода, съ тѣхъ поръ, какъ началась достовѣрная исторія, находилась въ жалкомъ заблужденіи.

Итакъ вотъ два великихъ предмета: одинъ — защита лицъ и имуществъ гражданъ отъ притѣсненій; другой — распространеніе религіозной истины. Нельзя представить двухъ предметовъ, которые были бы такъ рѣзко различны. Первый движется всецѣло въ видимомъ и осязаемомъ мірѣ; другой принадлежитъ тому высшему міру, который находится за предѣлами нашихъ чувствъ. Первый относится къ этой жизни, послѣдній и къ жизни будущей. Люди совершенно согласны касательно важности перваго предмета и болѣе или менѣе касательно способа достиженія безопасности лицъ и имуществъ, но до-нельзя различаются въ мнѣніяхъ относительно послѣдняго. Мы должны, поэтому, остановиться и подумать, прежде чѣмъ допустимъ, что лица, каковы бы ни были ихъ убѣжденія, получивши власть для выполненія первой задачи, должны всегда употреблять эту власть для достиженія второй цѣли.

Гладстонъ думаетъ, что обязанности правительствъ — патриархальныя.. Гладстонъ утверждаетъ, что классъ, который занимается въ обществѣ охраненіемъ лицъ и собственности людей, этотъ классъ долженъ также въ своемъ собирательномъ составѣ исповѣдывать одну какую-нибудь религію, употреблять свою власть на распространеніе исповѣдуемой религіи, требовать отъ другихъ исповѣданія оной, какъ необходимаго качества для полученія какой бы то ни было гражданской должности. Онъ рѣшительно говоритъ, что, утверждая это, онъ имѣетъ въ виду не одни лишь христі-

анскія правительства. «Пусть, говоритъ онъ, религія будетъ ложная, это обстоятельство не ослабляетъ обязанности, лежащей на правителяхъ, какъ правителяхъ, поддерживать ее. Я, ни мало не сомнѣваясь, утверждаю, продолжаетъ онъ, что если магометанинъ въ своей совѣсти убѣжденъ, что его вѣра происходитъ отъ Бога и учить божественной истинѣ, онъ долженъ вѣрить, что эта истина благодѣтельна, и благодѣтельна выше всѣхъ другихъ вещей для души человѣка; и онъ долженъ, поэтому, и желать ея распространенія и употреблять для этого всѣ приличныя и законныя средства; и что если такой магометанинъ будетъ государь, онъ долженъ для достиженія этой цѣли употребить все свое вліяніе и капиталы, которыми только можетъ законно располагать.»

Истинно жестоко слово *sic*. Мы должны такимъ образомъ согласиться, что императоръ Юліанъ, когда для искорененія христіанства употреблялъ и свою власть и капиталы, находившіеся въ его распоряженіи, исполнялъ не болѣе, какъ долгъ, — что аріанинъ Феодорикъ совершалъ преступленіе, когда терпѣлъ въ Италіи хоть одного сановника, исповѣдующаго божество Иисуса Христа, — что голландское правительство обязано было исключить изъ службы всѣхъ членовъ англійской церкви, — что король баварскій долженъ былъ исключить изъ службы всѣхъ протестантовъ, султанъ всѣхъ христіанъ, король Авы — всѣхъ, исповѣдующихъ единобожіе!?

Но прежде, чѣмъ допустимъ основное положеніе Гладстона, мы вправѣ, думаемъ, потребовать отъ него самыхъ полныхъ и самыхъ точныхъ доказательствъ. Если слѣдствія ученія такъ ужасны, то мы можемъ требовать, чтобы его основанія были по крайней мѣрѣ самыя твердыя.

Слѣдующій отрывокъ можетъ служить образчикомъ дока-

зательствъ, которыми Гладстонъ утверждаетъ свое главное основное положеніе:

«Мы можемъ высказать то же самое положеніе въ болѣе общей формѣ, въ которой, безъ сомнѣнія, оно пріобрѣтетъ общее согласіе. Какая ни есть власть здѣсь въ мірѣ, эта власть есть собственность Бога, Царя вселивной, Его власть по праву, кто бы временно ни держалъ ее и ни употреблялъ. Теперь, если эта власть приведена къ дѣйствованію, она должна быть употребляема сообразно съ волею ея Владыки, а это можетъ быть тогда, когда она употребляется для цѣлей, которыя Онъ поставилъ, и въ духѣ милости, правды, истины и вѣры, которой Онъ научилъ насъ. Но эти начала иначе не могутъ быть истинно и твердо видѣны въ сердце человѣка, какъ чрезъ постоянное обращеніе къ источнику ихъ и при помощи божественной благодати. Посему власти, которыя живутъ въ индивидуумахъ, дѣйствующихъ какъ правительство, равно какъ и власти, которыя живутъ въ индивидуумахъ, дѣйствующихъ для самихъ себя, только тогда могутъ правильно употреблять свою силу, когда будутъ обязаны одною извѣстною религіею».

Положенія эти общи и неопредѣленны и изложены языкомъ, отъ котораго вѣтъ какимъ-то мрачнымъ достоинствомъ и торжественностію, привлекательными, безъ сомнѣнія, для многихъ умовъ. Но стѣдуетъ только внимательнѣе вдуматься въ эти положенія и подвергнуть ихъ испытанію, провѣривши немногія изъ частныхъ, заключающихся въ нихъ, чтобъ видѣть странность комбинаціи этихъ положеній.

То совершенно справедливо, что было бы очень хорошо, когда бы всѣ члены всевозможныхъ обществъ, существующихъ въ мірѣ, держались здравыхъ религіозныхъ понятій. Мы не сомнѣваемся, что добрый христіанинъ сталъ бы ру-

ководиться христіанскими началами въ своихъ распоряженіяхъ и въ своей дѣятельности по части директора какой-нибудь компаніи, или эконома богадѣльни. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы всякое общество потому уже, что оно общество, должно исповѣдывать одну извѣстную религію. Много полезныхъ и великихъ дѣлъ можетъ быть совершено только при соединенномъ дѣйствованіи нѣсколькихъ лицъ. Но такое соединенное дѣйствованіе было бы невозможно, еслибы люди стали слѣдовать началу, что они не должны употреблять соединенныхъ усилій ни для одного предмета, пока не согласятся касательно другихъ постороннихъ предметовъ. Въ системѣ образованія у насъ разныхъ обществъ нѣтъ ничего прекраснѣе и удивительнѣе той легкости, съ какою тысячи людей, согласныхъ, можетъ-быть, только въ одномъ предметѣ, соединяютъ свои силы для достиженія этого единственнаго предмета. Мы видимъ ежедневно примѣры этому. Два человѣка,—одинъ упорно предубѣжденный противъ миссій, другой президентъ миссіонерскаго общества, засѣдаютъ рядомъ въ комиссіи о больницахъ и искренно одинъ другому соревнуютъ въ шѣрахъ, содѣйствующихъ здоровью и удобствамъ больныхъ. Два человѣка,—одинъ ревностный защитникъ, а другой столь же ревностный противникъ системы, которой слѣдуютъ въ ланкастерскихъ школахъ, встречаются въ обществѣ попеченія о нищихъ и дѣйствуютъ за одно съ полною искренностію. Общее правило, какое мы выведемъ, несомнѣнно то, что законно и прилично людямъ соединяться въ общества для совершенія добрыхъ предпріятій, не смотря на то, что они могутъ раздѣляться относительно другихъ предметовъ еще большей важности.

Едва ли кто станетъ отвергать, что безопасность лицъ и собственности есть дѣло хорошее, и что самый лучшій, если

не единственный, путь къ достиженію этого предмета тотъ, чтобы люди соединялись въ извѣстныя великія корпораціи, называемыя государствами. Корпораціи эти устроены очень разнообразно и большею частію несовершенно. Многія изъ нихъ окружены страшными злоупотребленіями. Но, кажется, совершенно резонно думать, что самая худшая, какая когда-либо существовала, въ цѣломъ преимуществуетъ предъ совершенной анархіей.

Теперь, заключая аналогически, мы должны сказать, что эти великія корпораціи, подобно всѣмъ другимъ обществамъ, вѣроятно самымъ лучшимъ образомъ достигнуть своей цѣли, если единственно эта цѣль будетъ имѣться въ виду, — и что отвергать услуги лицъ, особенно способныхъ къ достиженію этой цѣли, потому лишь, что они неспособны выполнять нѣкоторой другой цѣли, положимъ прекрасной, представляется на первый разъ столько же нерезоннымъ, какъ заботиться о томъ, чтобы ни одинъ членъ общества антикваріевъ не былъ управителемъ глазной лечебницы, или чтобы ни одинъ членъ общества распространенія христіанства между іудеями не участвовалъ въ обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ.

Нельзя указать на другое соединеніе людей, къ которому такъ строго могли бы быть приложимы разсужденія Гладстона, какъ къ арміи. Гдѣ мы найдемъ такое полное единство дѣйствій, какъ въ арміи? Гдѣ столь много человѣческихъ личностей просто повинуются одному правительствующему уму? Какая другая масса дѣйствуетъ въ такой мѣрѣ единодушно? Гдѣ такая страшная власть вѣрится лицамъ командующимъ? Гдѣ такая грозная отвѣтственность лежитъ на нихъ? Если Гладстонъ доказалъ, какъ онъ думаетъ, неизбѣжную необходимость одной религіи для государства, то

гораздо болѣе еще онъ сдѣлалъ для уясненія вопиющей необходимости того, чтобы всякая армія, въ своемъ собирательномъ составѣ, исповѣдывала одну религію. Готовъ ли онъ принять это слѣдствіе?

Утромъ 13 августа 1704 года два великихъ предводителя, облеченные равною властію, соединенные тѣсными частными и общественными узами, но различныхъ вѣроисповѣданій, готовились къ битвѣ, отъ которой зависѣла свобода и независимость народовъ Европы. Мальборо провелъ часть ночи въ молитвѣ и передъ полднемъ приобщился по обряду англиканской церкви. Послѣ сего, онъ поспѣшилъ къ Евгению, который уже исповѣдался у папскаго священника. Генералы посовѣтовались одинъ съ другимъ, съобща составили планъ сраженія и отправились каждый къ своему посту. Мальборо отдалъ приказъ начать публичныя молитвы. Во главѣ англійскихъ полковъ совершали молитвословіе англійскіе капелланы, посвященные епископами. Кальвинистскіе капелланы голландской арміи, на которыхъ никогда не возлагалась рука епископа, говорили своимъ соотечественникамъ увѣщанія. Между тѣмъ, въ то же время датчане слушали своихъ лютеранскихъ пасторовъ; а капуцины ободряли австрійскіе эскадроны и просили Пресв. Дѣву испослать благословеніе на оружіе священной Римской имперіи. Сраженіе начинается, и эти люди разныхъ вѣръ всѣ дѣйствуютъ, какъ члены одного тѣла. Католическіе и протестантскіе генералы стараются помочь другъ другу и превзойти одинъ другаго. Еще солнце не зашло, а имперія была спасена. Франція въ одинъ день потеряла плоды 80-лѣтнихъ интригъ и побѣдъ. И союзники, вмѣстѣ сражавшіеся, возвратясь, возсылали благодаренія каждый по своему обряду богослуженія. Что же это? практической атеизмъ?

Скажетъ ли хоть одинъ человѣкъ, не лишенный вовсе смысла, что по тому самому, что союзныя арміи имѣли одно дѣло и одинъ общій интересъ, что по тому самому, что на начальникахъ лежала тяжелая отвѣтственность, что по всему этому было неизбѣжно необходимо, чтобы Евгеній былъ лишенъ начальства за то, что онъ католикъ, чтобы всѣ голландскіе и австрійскіе полковники были исключены изъ службы за неподписаніе 39 членовъ англиканской церкви? Конечно, нѣтъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? слѣдуетъ то, что общія начала Гладстона должны быть оставлены, и что если его теорія должна утверждаться, то должна утверждаться на какихъ-нибудь другихъ основаніяхъ.

Мы показали теперь, думаемъ, что весьма полезно людямъ образовывать товарищества для важныхъ предпріятій, что эти товарищества должны имѣть единство и общія интересы и должны находиться подъ управленіемъ правителей, облеченныхъ великою властію и подлежащихъ торжественной отвѣтственности; и однакожь можетъ быть вовсе не нужно, чтобы эти товарищества, какъ товарищества, исповѣдывали какую-нибудь одну систему религіозныхъ вѣрованій, или чтобы они совершали какой-нибудь общій для всѣхъ членовъ актъ религіознаго поклоненія. Можетъ-быть для нѣкоторыхъ государствъ это и необходимо; но есть общества, гдѣ такъ же нелѣпо было бы примѣшивать къ управленію теологію, какъ нелѣпо было бы при Блейнгеймѣ въ самомъ пылу сраженія, правому крылу союзной арміи начать споръ съ лѣвымъ касательно чистилища и т. п.

«Обязанность лицъ, рассказываетъ Гладстонъ, держащихъ верховную власть въ государствѣ (пусть будутъ они, какія угодно), употреблять свою власть на содѣйствіе тому, что

они считают богословской истиною.» Прежде чѣмъ онъ заставить насъ принять это положеніе, онъ долженъ доказать, что правительственные лица, употребляя подобнымъ образомъ свою власть, сдѣлаютъ больше добра, чѣмъ вреда. Гладстонъ обошелъ этотъ вопросъ, и, умнѣе этого, конечно, не могъ поступить.

«Если, говорить онъ, правительство будетъ доброе, пусть оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи свои естественныя обязанности и права; но если оно не доброе, то пусть сдѣлается такимъ... Мы пойдемъ, кажется надлежащимъ путемъ въ своемъ изслѣдованіи, если напередъ установимъ истинную идею, или отвлеченное понятіе правительства; а потомъ изслѣдуемъ, заключена ли въ этой идеѣ возможность и, слѣдовательно, долгъ для правительства полагать законы и употреблять другія средства въ пользу религіи?»

Конечно, Гладстонъ имѣетъ полное доказывать всякій отвлеченный вопросъ, предостерегши напередъ, что онъ будетъ постоянно носить въ умѣ, что доказываемый имъ вопросъ—вопросъ отвлеченный. Совершенное правительство будетъ или нѣтъ сообразнымъ орудіемъ для распространенія религіозной истины, это вопросъ совершенно безвредный.

Вреда никакого нѣтъ въ изслѣдованіи, какое направленіе возьметъ камень, брошенный въ воздухъ, если законъ тяготѣнія перестанетъ дѣйствовать. Но слѣдствія были бы неприятыя, если бы изслѣдователь, покончивъ свои выкладки, началъ вокругъ себя во всѣхъ направленіяхъ бросать камни, забывъ о томъ, что его заключеніе покоится на отвлеченномъ предположеніи и что брошенные имъ камни, вмѣсто того, чтобы летѣть въ безконечное пространство, какъ выходило по его выкладкамъ, скоро начнутъ описывать параболы и бить окна и головы сосѣдей.

Легко сказать, что правительство должно быть доброе, а если оно недоброе, то оно должно сдѣлаться такимъ. Но что разумѣть подъ добрымъ правительствомъ? И какимъ образомъ всѣ дурныя правительства въ мірѣ сдѣлать правительствами добрыми? Какую же, спрашивается, цѣну можетъ имѣть теорія, которая основывается на предположеніи, въ высшей степени сомнительномъ?

Мы, впрочемъ, не допускаемъ, чтобы правительство столько даже совершенное для всѣхъ его временныхъ цѣлей, сколько это возможно для человѣческой слабости, чтобы по этому самому такое правительство уже необходимо было способно для распространенія истинной вѣры. Мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что способность правительствъ распространять истинную вѣру никоимъ образомъ не находится въ пропорціи съ ихъ способностію достигать временныхъ цѣлей ихъ учрежденія. Обращая вниманіе на правительственные лица, мы видимъ, что государи, правленіемъ которыхъ націи самымъ искуснымъ образомъ защищаемы были отъ иностранныхъ вторженій и отъ домашней неурядицы, и совершили самые быстрые успѣхи въ цивилизаціи, не были хорошими учителями богословія. Возьмемъ для примѣра лучшаго французскаго короля Генриха IV (1589—1610), короля, возстановившаго порядокъ, прекратившаго страшную междоусобную войну, доставившаго своей странѣ уваженіе во всей Европѣ, приведшаго финансы въ отличное состояніе и снискавшаго любовь большей части народа, которымъ онъ управлялъ. Однакожъ этотъ человѣкъ дважды былъ гугенотомъ и дважды папистомъ. И мало ли замѣчательныхъ въ исторіи правителей, которыхъ, какъ руководителей въ богословіи, Гладстонъ, вѣроятно, поставилъ бы ниже иныхъ испанскихъ государей бурбонскаго дома? Потому, если

отъ правительственныхъ лицъ перейдемъ къ правительственнымъ системамъ, мы никакъ не найдемъ, чтобы способность правительствъ для распространенія религіозной истины была соразмѣрна ихъ способности для свѣтскихъ цѣлей. Не будучи слѣпыми обожателями французскихъ или американскихъ учреждений, мы считаемъ яснымъ, что лица и собственность гражданъ лучше защищены во Франціи и въ Новой Англіи, чѣмъ въ другомъ обществѣ, и несравненно лучше, безъ сомнѣнія, чѣмъ въ Римской имперіи подъ управленіемъ наиболее ревностныхъ о православіи государей. Но и правительство Франціи, и правительство Новой Англіи не такъ организованы, чтобы они были способны къ распространенію богословскихъ ученій. Мы не считаемъ того невѣроятнымъ, что самыя серьезныя религіозныя заблужденія могутъ господствовать въ государствѣ, которое, если разсматривать его только въ отношеніи къ временнымъ предметамъ, можетъ приближаться гораздо болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое, къ идеалу государства.

Но мы оставимъ этотъ отвлеченный вопросъ и посмотримъ на міръ, какъ онъ есть. Путь, какимъ правительства иногда пріобрѣтаютъ власть, даетъ ли какую-нибудь вѣроятность, что эта власть будетъ болѣе благопріятствовать правотѣ, чѣмъ ереси? Варвары бросаются на богатую, но невоинственную страну, порабащаютъ народъ, дѣлятъ между собою землю и сжигаютъ учрежденія, найденныя ими въ городахъ, съ другими, которыя они вынесли изъ лѣсовъ. Горсть сѣдыхъ авантюристовъ изъ среды цивилизованной націи пускается въ дикую страну и приводитъ въ рабство ея первобытныхъ обитателей. Счастливый генералъ обращаетъ свое оружіе противъ государства, которому служилъ. Общество, доведенное рядомъ непрерывныхъ притѣсненій и зло-

употребленій до скотскаго состоянія, безумно возстаётъ противъ своихъ владыкъ, уничтожаетъ всѣ древніе законы и обычаи, и когда первые припадки бѣшенства уже прошли, страдательно покоряется всякой формѣ управленія, какая только образуется изъ этого хаоса. Глава партіи, какъ во Флоренціи, незамѣтно становится государемъ и основателемъ династіи. Капитанъ наемниковъ, какъ въ Миланѣ, нападаетъ на городъ, и силою оружія дѣлается его правителемъ. Выборный сенатъ, какъ въ Венеціи, похищаетъ постоянную, наследственную власть. Вотъ событія, среди которыхъ ипогда возникаютъ правительства. Въ такихъ событіяхъ мы не видимъ никакого ручательства за то, чтобы правительства, подобнымъ образомъ родившіяся, были какъ нибудь особенно способны различать религіозную истину отъ заблужденія.

Посмотримъ таперь на устройство правительствъ, уже прочно установившихся. Существуютъ разнообразныя правительстваенныя системы. Мы видимъ, что для временныхъ цѣлей правительства нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій очень искусно приспособлены, и что самая худшая изъ нихъ все-таки предпочтительнѣе анархіи. Мы, значить, находимъ нѣкоторую связь самой худшей изъ правительственныхъ системъ съ временнымъ благосостояніемъ общества. Но мы рѣшительно не понимаемъ, какую связь имѣетъ любая изъ этихъ системъ съ богословскою истиною?

Что показываютъ факты? Мало ли было правительствъ въ мірѣ, которыя находились въ заблужденіи касательно религіозныхъ предметовъ? Если справедливо, что всякій правитель обязанъ своею совѣстію употреблять свою власть для распространенія его собственной вѣры; то выходитъ, что на одного правителя, который, какъ обязанный по совѣсти, будетъ употреблять свою власть для распространенія истины,

придется тысяча других правителей, которые будут обязаны по совѣсти и будут употреблять на дѣль свою власть для распространенія лжи. А это такое заключеніе, котораго здравый смысл никогда не приметъ. Если, такимъ образомъ, опытъ показываетъ, что извѣстная машина, употребленная для произведенія извѣстнаго дѣйствія, производитъ такое дѣйствіе только однажды изъ тысячи разъ, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ производитъ дѣйствія прямо противоположныя: то, мы думаемъ, не ошибемся, если скажемъ, что для этой машины главная цѣль не такое употребленіе.

Еслибы еще правительства довольствовались объявленіемъ своихъ религіозныхъ мнѣній и основаній для нихъ предъ народомъ, и за тѣмъ предоставили бы народу, не предупреждая его никакими обѣщаніями и угрозами, самому судить за себя; тогда мы не видѣли бы никакого основанія опасаться, что подобныя ихъ распоряженія въ пользу какого-нибудь заблужденія будутъ сопровождаться серьезнымъ вредомъ для интересовъ истины. Мы вовсе не противъ подобнаго образа дѣйствій правительствъ, если только такой образъ дѣйствій совѣстился съ надлежащимъ исполненіемъ ихъ специальныхъ обязанностей. Но Гладстонъ этимъ не довольствуется. Онъ хотѣлъ бы, чтобы правительство прибѣгало къ ибрамъ, которыя могутъ только возбудить тайное недовольство, надѣлавъ лицетръныхъ и формальныхъ исповѣдниковъ господствующей вѣры, и отнюдь не способныхъ произвести какого-нибудь честнаго и разумнаго религіознаго убѣжденія. Кажется, совершенно ясно, что тотъ, кто ищетъ одного лишь, чтобы узвать истину, гораздо удобнѣе найдетъ ее, чѣмъ тотъ, кто при этомъ долженъ еще принимать въ соображеніе, что если онъ вступитъ на одианъ путь, то будетъ награжденъ, а если на другой, такъ будетъ наказанъ. Именно, Гладстонъ желалъ

бы, чтобы правительства распространяли свои религиозныя убѣжденія чрезъ исключеніе отъ общественной службы всѣхъ разномыслящихъ съ ними. Это значить, онъ хочетъ, чтобы правительства распространяли свои убѣжденія посредствомъ такого процесса, который не имѣетъ никакого рѣшительно отношенія къ истинности, или ложности убѣжденій,—посредствомъ произвольнаго соединенія извѣстныхъ мірскихъ преимуществъ для одной системы вѣрованій и столь же произвольнаго соединенія извѣстныхъ мірскихъ лишеній и неудобствъ для всякой другой. Интересамъ истины должны служить истинныя сами въ себѣ доказательства; а если награды и наказанія иногда служатъ интересамъ истины, то это рѣшительная случайность. Гораздо легче представить доказательства для истинности Библіи, чѣмъ для корана: но одинаково легко золотомъ или угрозою обратить еврея какъ въ христіанство, такъ и въ исламъ.

Отъ пытокъ, впрочемъ, и отъ всѣхъ суровыхъ мѣръ противъ собственности, свободы и жизни еретиковъ гуманное сердце Гладстона отвращается съ ужасомъ. Онъ только требуетъ, чтобы согласіе съ государственною религіей было качествомъ, необходимымъ для общественной службы; и онъ, если только мы хорошо поняли его мысль, считалъ бы своимъ долгомъ, если бы имѣлъ власть, возобновить для Англіи Test Act (*), еще больше усилить его и распространить дѣйствіе его на тѣ важныя классы, которые прежде были избавлены отъ постановленій, заключающихся въ этомъ документѣ.

(*). Такъ назывался законъ 1673 года, которымъ требовалось, чтобы всѣ лица, находящіяся въ военной и гражданской службѣ, подписывали декларацію противъ догматовъ католической церкви. Исторія Англіи Маколея. С. П. Б. 1858 г., стр. 11. Hume's History of England. T. VI., стр. 98. 99. 155.

Конечно, все это очень законно вытекает из его началъ. Но почему онъ на этомъ останавливается? Почему бы не жарить еретиковъ на медленномъ огнѣ? Вся общія разсужденія, на которыхъ зиждется его теорія, очевидно, ведутъ къ кровавымъ гоненіямъ. Если распространеніе религіозной истины есть главная цѣль правительства, если долгъ правительства употреблять для этой цѣли свою власть, если власть правительства простирается, какъ безспорно она и простиралась на дѣль, на изданіе законовъ о сожженіи еретиковъ; если сожженіе было бы, во многихъ случаяхъ, безспорно самымъ дѣйствительнымъ средствомъ искорененія ихъ мнѣній: то отъ чего бы не жечь и намъ?

Для насъ представляется непослѣдовательнымъ употреблять лишеніе гражданскихъ правъ для распространенія религіозныхъ убѣжденій, и въ то же время гнушаться употребленіемъ другихъ наказаній съ тою же самою цѣлю. Само собою разумѣется, что если наказывать, то наказывать нужно такъ, чтобы наказаніе вело къ чему нибудь. Боль, причиняемая наказаніемъ, есть чистое, безъ всякой примѣси зло, и никогда не должна быть иначе производима, какъ для какого-нибудь добра. Устанавливать наказанія для того, чтобы лишь мучить преступника, не предотвращая преступленій,—это глупо и жестоко. А и теперь кровавыми преслѣдованіями, непреклонно ведеными, вполне возможно уничтожить всякое убѣжденіе. Такими образомъ были уничтожены альбигенсы, такимъ образомъ были уничтожены долларды, такимъ образомъ въ Испаніи и Италиіи не дали взойти сѣменамъ реформации. Но пусть Гладстонъ укажетъ намъ хоть одинъ какой нибудь случай, въ которомъ бы рекомендуемая имъ система была съ успѣхомъ приложена.

Да и почему онъ долженъ быть въ отношеніи къ еретикамъ

особенно мягкосердечнымъ? Какое разумное основаніе онъ можетъ представить для того, чтобы убійцу повѣсить, а еретика не подвергать висѣлицѣ и даже не положить на него денежной пони? Развѣ онъ менѣе гибельный членъ общества, чѣмъ убійца? Развѣ гибель одной души менѣе важна, чѣмъ уничтоженіе многихъ жизней? Если же онъ причиняетъ больше зла, чѣмъ убійца; то почему бы ему не быть приличнымъ предметомъ уголовного законодательства, подобно убійцѣ? Для Гладстона это непонятно, но въ мірѣ подобные случаи повторяются постоянно. Яблочница стоитъ съ своей телѣжкой, нагруженной яблоками, на тротуарѣ, и городской беретъ ее подъ стражу. Скупецъ, скопившій милліоны, оставляетъ своего стараго друга и благодѣтеля умереть въ рабочемъ домѣ, и ни одинъ судъ не имѣетъ права судить его за такую низость и неблагодарность. Значить ли это, что законодатели считаютъ поведеніе яблочницы хуже, чѣмъ поведеніе скряги? Вовсе нѣтъ. А значить то, что стояніе на тротуарѣ съ повозкой и яблоками есть одно изъ золъ, отъ которыхъ защищать общество есть обязанность общественныхъ властей, и что безсердечность скряги не принадлежитъ къ числу такихъ золъ. Было бы верхомъ безумія сказать, что скупецъ этотъ долженъ быть конечно наказанъ, но долженъ быть наказанъ менѣе жестоко, чѣмъ яблочница.

Еретикъ Констанцій преслѣдуетъ св. Аванасія, и почему бы не такъ — по началамъ Гладстона? Неужели цезарь, наказывающій вора, укравшаго одинъ кошелекъ, обязанъ былъ пощадить того, кто научилъ милліоны людей будто бы, по мнѣнію Констанція, отнимать у Творца довлѣющую Ему одному честь и усвоить ее творенію? Православный Феодосій преслѣдуетъ арианъ и — съ равнымъ основаніемъ. Въдъ оскорбленіе, нанесенное

цезарскому величеству, омывается смертию; а здѣсь развѣ нѣтъ никакого преступленія, когда Всемогущаго, Безначальнаго Творца низводить въ рядъ тварей? На тотъ и другой случай мы имѣемъ короткій отвѣтъ: цезарю и принадлежать только дѣла цезарскія... «Да», говоритъ Гладстонъ, «цезарь въ своей совѣсти обязанъ былъ распространять то, что онъ считалъ истиною относительно даннаго вопроса. Констанцій обязанъ былъ устанавливать по всей имперіи аріанское богопочитаніе, обязанъ былъ смѣстить самыхъ храбрыхъ предводителей легионовъ съ ихъ должностей и выгнать изъ службы самыхъ способныхъ чиновниковъ, всѣхъ, которые только держались никейскаго исповѣданія вѣры. Θεодосій, равнымъ образомъ, обязанъ былъ возвратить всѣхъ общественныхъ слугъ, выгнанныхъ изъ службы его аріанскими предшественниками. Но если Констанцій наложилъ бы на Аеанасія денежную пеню хоть въ одну златницу, еслибы Θεодосій хоть на одну недѣлю посадилъ въ тюрьму аріанскаго пресвитера, о, это было бы самое несправедливое угнетеніе!» Читатели полюбопытствуютъ, конечно, узнать, на какихъ это основаніяхъ Гладстонъ устанавливаетъ такое различіе?

Основанія, которыя онъ приводитъ противъ отнятія жизни, членовъ и собственности, могутъ быть раздѣлены на два класса: во 1-хъ основанія, которыя только крайняя вѣжливость можетъ назвать основаніями, и которыя приводитъ ничто не заставляло, кромѣ самой печальной необходимости сказать что-нибудь; и во 2-хъ основанія, которыя дѣйствительно суть основанія и, притомъ, имѣющія такую силу, что они не только доказываютъ Гладстоново исключеніе, или различіе, но совершенно ниспроверяютъ всю его теорію. Его артиллерія въ этомъ случаѣ двухъ сортовъ: она состоитъ изъ орудій, которыя вовсе не стрѣляютъ, и изъ орудій, которыя стрѣля-

ють страшно и отдають назадъ на него самаго самымъ разрушительнымъ образомъ.

«Мы, какъ творенія, способны ошибаться», говоритъ Гладстонъ, «сами по себѣ не имѣемъ права опредѣлять наказаній и мученій для нашихъ собратій, ни по общественнымъ, ни по религиознымъ дѣламъ. Мы имѣемъ право усиливать отечественные законы казнями и наказаніями потому, что право это ясно дано Тѣмъ, Кто объявилъ, что гражданскіе правители носятъ мечъ для наказанія творящихъ злое и для поощренія творящихъ доброе. Точно также, если бы Богу благоугодно было и для дѣлъ духовныхъ дать церкви или государству подобную же власть, чтобы они постоянно упражняли ее надъ своими членами, или вообще надъ человеческимъ родомъ, мы тогда имѣли бы право употреблять ее; но ни откуда не видно, чтобы такая власть была получена, и, значитъ, она не должна быть употребляема».

Съ скорбію должны мы думать, что и безопасность нашего существованія и нашей собственности отъ преслѣдованій за религиозныя убѣжденія поконтся на основаніи очень непрочномъ. Развѣ учитель ереси не есть чловѣкъ творящій злое? Развѣ ересь не осуждается во многихъ странахъ и даже въ Англіи мѣстными законами, которые укрѣпляютъ, говоритъ Гладстонъ, уголовными санкціями совершенно справедливо? Если еретикъ не упомянуть по имени въ текстѣ, на который указываетъ Гладстонъ, то въдъ не упомянуты здѣсь ни убійца, ни воръ, ни разбойникъ. И если молчаніе Новаго Завѣта относительно вѣшатательства правительствъ въ дѣло остановки распространенія ереси считать основаніемъ для того, чтобы не штрафовать и не заключать еретиковъ въ тюрьмы, то молчаніе это можетъ служить столь же справедливымъ и столь же твердымъ осно-

ваніе и для того, чтобы не исключать ихъ изъ службы гражданской.

«Богъ», говоритъ Гладстонъ, «нашелъ приличнымъ дозволить употребленіе силы въ одномъ случаѣ, и не нашелъ—въ другомъ; потому что Искупитель объявилъ, что *царство Его не отъ міра сего*, объявилъ это по поводу наказанія мечемъ за обиду, нанесенную Ему Самому,—означая сими словами, что законы Его должны охраняться другими санкціями, а не такими, которыми охраняется сила гражданскихъ законовъ».

Здѣсь Гладстонъ, приводя текстъ на память, допустилъ ошибку. Эти весьма замѣчательныя слова, которыя онъ цитуетъ, какъ оказывается, не имѣютъ никакого отношенія къ ранѣ, нанесенной Петромъ Малху. Они обращены были къ Пилату, и служили отвѣтомъ на вопросъ: ты ли еси царь Іудейскій? Мы не можемъ удержаться, чтобы не высказать при этомъ своего крайняго удивленія: Гладстонъ не провѣрилъ точно этого цитата, отъ котораго, по его разумѣнію, зависитъ право сотни милліоновъ великобританскихъ подданныхъ, язычниковъ, мусульманъ, католиковъ и диссидентовъ, на собственность, на свободу, на жизнь.

Гуманныя толкованія Писанія, дѣлаемые Гладстономъ, къ прискорбію, лишены одного качества, которое и самъ онъ считаетъ въ высшей степени важнымъ: они ни въ какомъ случаѣ не согласны съ общими правилами, которыми слѣдовали христіанскія правительства съ того времени, когда христіане сдѣлались довольно сильными для того, чтобы преслѣдовать,—до самаго позднѣйшаго періода. Ученіе въ пользу вѣротерпимости, конечно, не есть ученіе, которое признавалось бы всегда, вездѣ и всѣми. Мы не претендуемъ на то, чтобы сказать, какое самое лучшее изъясненіе разсматриваемаго текста; но мы увѣрены, что объясненіе Гладстона самое худ-

шее. По взгляду его, правительство обязано исключать диссидентовъ отъ службы, но не должно заключать ихъ въ тюрьму, потому что «царство Христово не отъ міра сего». Мы не видимъ, почему бы эта разграничивающая линія не могла быть проведена въ сотнѣ другихъ мѣсть такъ же удобно, какъ и въ томъ, которое Гладстонъ избралъ. Мы не видимъ, почему бы лордъ Кларендонъ, представляя актъ 1664 года противъ диссидентскихъ сборищъ, не могъ сказать: «нѣкоторые думаютъ, что этотъ классъ людей съ удобствомъ можно было бы не только сажать въ тюрьмы, но и выставлять къ позорному столбу. Но мнѣ думается, что намъ запрещаютъ наказаніе позорнымъ столбомъ слова Писанія: царство Мое не отъ міра сего». Архіепископъ Лодъ (Laud) (*), когда онъ засѣдалъ въ тайномъ уголовномъ судѣ для осужденія Буртона (**), такъ же могъ бы сказать: «я подаю голосъ за наказаніе позорнымъ столбомъ; и хотя я желалъ бы всѣхъ подобныхъ злодѣевъ предать огню, но намъ Господь сказалъ, что царство Его не отъ міра сего». И Гардинеръ (***) равно могъ бы написать оксфордшейрскому шерифу: «смотрите, немедленно совершите казнь надъ Ридлеемъ и Латимеромъ (****), а иначе вы собственною погибелью отвѣтите

(*) Лодъ, сперва епископъ лондонскій, потомъ архіепископъ кантерберійскій (1630—1645), извѣстенъ самыми фанатическими преслѣдованіями пуританъ.

(**) Буртонъ, богословъ и лекаръ, подвергнутъ былъ суду за еретическіе памфлеты, и былъ присужденъ заплатить 5000 фунтовъ пеня и лишиться ушей (Humes Hist. of England T. V. стр. 44).

(***) Гардинеръ, епископъ винчестерскій (1530—1555), вмѣстѣ съ герцогомъ Норфолькскимъ противившійся введенію въ Англій реформаціи, при Генрихѣ VIII.

(****) Ридлей, епископъ лондонскій, и Латимеръ, епископъ ворчестерскій, сожжены въ Оксфордѣ за ученіе о пресуществленіи. Исполнители

королевской милости; но если они пожелают имѣть сколько-нибудь пороку, чтобы сократить свои мученія, то я не вижу, почему бы имъ не сдѣлать этого снисхожденія, такъ какъ написано: царство Мое не отъ міра сего.»

Но противъ преслѣдованій Гладстонъ представляетъ и другія доказательства, доказательства такой великой важности, что они рѣшительны не только противъ преслѣдованія, но и противъ всей его теоріи. «Правительство, говоритъ онъ, некомпетентно для того, чтобы постоянно и точно слѣдить за религіозными мнѣніями.» И отсюда онъ выводитъ, что «правительство выступаетъ изъ своей области, когда оно мѣру наказаній за разности въ убѣжденіяхъ религіозныхъ начинаетъ соразмѣрять съ степенями ихъ относительнаго различія отъ вѣры господствующей. Не оказывать ободряющаго покровительства сектамъ вотъ единственное простое правило. Наказывать же сектантовъ, сообразно съ ихъ различными заблужденіями,—противъ этого, еслибъ даже не существовало никакого другаго возраженія, достаточно уже того, что въ такомъ случаѣ государство приметъ на себя дѣла чистоцерковныя, къ которымъ оно въ сущности неспособно.»

Все это, по нашему мнѣнію, вполне справедливо. Но какъ все это мирится съ теоріей Гладстона? Какъ, въ самомъ дѣлѣ? Правительство некомпетентно для того, чтобы имѣть надзоръ за религіозными убѣжденіями даже въ такой мѣрѣ, чтобы вразумить наказаніемъ самую пагубную ересь! Правительство некомпетентно для измѣренія даже самыхъ величайшихъ уклоненій отъ знамени истины! Правительство не имѣетъ качествъ, нужныхъ для того, чтобы судить вооб-

казні, чтобы сократить ихъ мученія, положили въ костеръ около нихъ мѣшки съ порохомъ (Hume's T. III, стр. 374).

о сравнительномъ вредѣ богословскихъ заблужденій! Правительству такъ чужды эти предметы, что оно принуждено оставлять не наказанными не только тонкія ереси, которыя способны подмѣтнуть глубокіе богословы, но социніанство, деизмъ, магометанство, идолопоклонство, атеизмъ! Кому же Гладстонъ вѣнчаетъ въ обязанность избрать религію для государства изъ сотни религій, изъ которыхъ каждая предъявляетъ притязанія на исключительную истинность? А тому же самому правительству, которое онъ только лишь провозгласилъ въ такой мѣрѣ неспособнымъ къ богословскимъ изслѣдованіямъ, что оно не можетъ осмѣлиться наказать человека за почитаніе куска камня съ дюжиною рукъ и ногъ! Мы не припомнимъ, чтобы когда-нибудь встрѣчались съ болѣе-необыкновеннымъ случаемъ логической непослѣдовательности. Гладстонъ желаетъ доказать, что правительство должно устанавливать, поддерживать и защищать религію Test Act-омъ что тѣ, которые захотѣли бы ограничить правительство одними мірскими цѣлями, обнаружили бы, что держатся слишкомъ низкаго взгляда на существо его,—религія должна быть привязана къ его дѣятельности, и эта религія должна быть религіей совѣсти или правителя, или никого. Это именно дѣло правителя—избрать папизмъ, или протестантство, яansenизмъ или молинизмъ, арминіанство или кальвинизмъ, епископальную церковь или пресвитеріанскую, моноелитство или монофизитство и т. д. Это именно его обязанность обсудить акты соборовъ: никейскаго, ефесскаго, халкидонскаго, константинопольскаго, тридентскаго и др. Это его обязанность рѣшить выборъ латинскаго или восточнаго ученія объ «исхожденіи», и опредѣлить, должно или нѣтъ имѣть мѣсто въ символѣ прибавленіе: *filioque*. Правитель долженъ умствовать за всѣхъ; его дѣло знать до послѣд-

нихъ подробностей все общество и обществу дать знать о своихъ убѣжденіяхъ, чтобъ оно могло изучить ихъ, каковы бы они ни были. Онъ долженъ полагаться на свой собственный судъ, пусть этотъ судъ будетъ противоположенъ суду девяти десятыхъ общества. Онъ долженъ дѣйствовать сообразно съ своимъ собственнымъ взглядомъ, хотя бы подобный образъ дѣйствованія былъ соединенъ съ опасностію возбудить рѣшительное недовольство. Онъ долженъ употребить мѣры гражданскихъ лишеній, можетъ-быть, противъ огромнаго большинства народонаселенія, каковыя мѣры (пусть Гладстонъ какъ хочетъ, такъ и назоветъ ихъ—преслѣдованіемъ или иначе) всегда будутъ трактуемы, какъ преслѣдованіе, тѣмъ, кого они коснутся. Онъ долженъ, принимая во вниманіе разности, нерѣдко слишкомъ незамѣтныя и мелкія для простонароднаго пониманія, лишить государство самыхъ способныхъ слугъ. Для Гладстона ничего не значить, если онъ ослабитъ управляемое имъ общество и изъ націй сдѣлаетъ секту. Напримѣръ, въ Англіи милліоны католиковъ, милліоны протестантовъ должны быть лишены всякой власти и всѣхъ почестей. Огромный неприятельскій флотъ вступилъ въ наше море; но Нельсонъ не можетъ командовать въ проливѣ, если онъ вѣрится въ очистилище. Сухопутная армія высадилась на британскій берегъ, но герцогъ Веллингтонъ не можетъ стать во главѣ нашихъ войскъ, если онъ сомнѣвается въ одномъ изъ 39 членовъ англиканской церкви. И послѣ всего этого Гладстонъ говоритъ намъ, что было бы несправедливо посадить въ тюрьму хоть на день мусульманина, іудея или буддиста; потому что правительство не можетъ, какъ слѣдуетъ, понимать этихъ вещей и не должно мѣшаться въ вопросы, принадлежащіе церкви. Интересный, въ самомъ дѣлѣ, богословъ

Гладстоново правительство! То оно до такой степени учено и компетентно, что можетъ исключить изъ службы Гроція за его полупелагианскія мнѣнія, то такъ некомпетентно, что не смѣетъ хоть рупіей оштрафовать индійскаго простолюдина за путешествіе въ Джаггернатъ къ тамошнему капищу!...

«Совѣтовать, говорить Гладстонъ, и убѣждать другъ друга — мы всѣ имѣемъ право, и болѣе мудрый и добрый обязанъ вразумлять менѣе умнаго и добраго; но онъ не только не обязанъ, онъ не уполномоченъ, вообще говоря, принуждать его. Потому ложно, будто тѣ же самыя соображенія, которыя обязываютъ правительство подчинять религію свободному избранію народа, могутъ оправдывать принужденіе съ его стороны къ принятію ея.»

Согласны. Но вѣрно то, что всѣ тѣ соображенія, которыя будто бы оправдываютъ распространеніе правительствомъ религіи мѣрами гражданскихъ лишеній, оправдываютъ распространеніе религіи и чрезъ уголовные законы. Совѣтовать! Сказать католику герцогу, что онъ долженъ отречься отъ своей вѣры, или выдти изъ палаты лордовъ: это развѣ совѣтъ? Убѣждать! Сказать адвокату, отличающемуся краснорѣчіемъ и ученостію, что онъ состарится въ своей ветхой дрянной мантии, между тѣмъ какъ ученики его будутъ сидѣть выше его въ горностаевыхъ мантияхъ, потому что онъ пресвитеріанинъ: развѣ это значить убѣждать? Неужели Гладстонъ думаетъ, что религіозная система, которую онъ считаетъ ложною, напримѣръ социніанизмъ, была бы отдана на его свободный выборъ, еслибъ ее оградить подобными условіями?—Если вы упорно будете держаться символа никейскихъ отцевъ, васъ, г. Гладстонъ, тогда не сожгутъ въ Смитфильдъ; васъ не пошлютъ въ дорчестерскую тюрьму; васъ не

заставят даже платить двойной поземельной подати. Но для васъ будутъ закрыты всѣ тѣ общественныя положенія, въ которыхъ вы могли бы упражнять свои таланты съ честью для себя и съ пользою для страны. Палата общинъ, судейская скамья — эти учрежденія не для такихъ людей, какъ вы. Вы увидите, какъ молодые люди, ниже васъ по общественному положенію и талантамъ, будутъ восходить къ самымъ высокимъ должностямъ и привлекать къ себѣ взоры народовъ, между тѣмъ какъ вы будете осуждены на пренебреженіе и безвѣстное существованіе. Вы имѣете сына, подающаго блестящія надежды; на него другіе отцы смотрѣли бы съ удовольствіемъ; для васъ раскрытіе въ немъ прекрасныхъ способностей и благороднаго честолюбія будетъ мученіемъ. Вы будете смотрѣть на него, какъ на существо приговоренное вести, какъ и вы вели, презрѣнную жизнь римлянина, или неаполитанца среди великаго англійскаго народа. Всѣ тѣ высокія почести, которыми свободная страна украшаетъ своихъ знаменитыхъ гражданъ, будутъ для него, какъ были для васъ, предметами не надежды и мужественнаго соревнованія, а безнадежной, завистливой тоски. Воспитывайте его, если желаете, чтобы онъ потомъ сознательно чувствовалъ свое униженіе. Воспитывайте, если желаете возбудить въ немъ жажду того, чѣмъ никогда онъ не будетъ наслаждаться. Воспитывайте, если хотите подражать варварству того кельтскаго тирана, который кормилъ своихъ плѣнниковъ крѣпко насоленною пищею, и когда они начинали жалобно просить питья, тогда опускалъ имѣвъ тюрьму пустой сосудъ и оставлялъ ихъ умирать отъ жажды. И это значить вразумлять, убѣждать, предоставлять религію свободному выбору?! Заплатить тысячу фунтовъ, шесть мѣсяцевъ просидѣть въ ньюгетской тюрьмѣ,—это такую ли причинило

бы Гладстону боль сердечную, какую онъ испыталъ бы, когда бы ему сказали, что онъ присуждается жить такою жизнью, на какую самъ онъ осуждаетъ больше, чѣмъ половину своихъ соотечественниковъ?

Насъ вовсе не изумило то, что мы нашли подобную несостоятельность въ человѣкѣ съ талантами Гладстона. Всякій человѣкъ есть произведенія своего вѣка. Напрасно онъ противился бы влиянію, постоянно производимому на него громадной массою, въ которой онъ только атомъ. Онъ можетъ пытаться быть человѣкомъ десятаго вѣка; но онъ не можетъ сдѣлаться имъ. Хочетъ ли, нѣтъ ли, а все онъ будетъ человѣкъ девятнадцатаго столѣтія. Онъ участвуетъ въ движеніи нравственнаго міра столько же, сколько и въ движеніи физическаго. Онъ не можетъ быть столько нетерпимымъ, сколько былъ бы во времена Тюдоровъ; для него это не больше возможно, чѣмъ находиться вечеромъ на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ утромъ. Земной шаръ движется кругомъ отъ запада къ востоку; и человѣкъ долженъ кружиться съ нимъ. Когда онъ говоритъ, что онъ тамъ же, гдѣ былъ, это значитъ только, что и окружающіе его предметы вѣстѣ съ нимъ двинулись. Когда онъ говоритъ, что онъ совершилъ значительное путешествіе къ западу, это значитъ только, что онъ не шелъ къ востоку съ такою быстротою, какъ его сосѣди. Книга Гладстона въ этомъ отношеніи истинно замѣчательное явленіе. Она служитъ мѣрою, на сколько человѣкъ можетъ отстать отъ вѣка. Она представляетъ мужественное усиліе очень сильнаго ума остаться сколько возможно позади всеобщаго движенія. И однакожъ, при самыхъ напряженныхъ усиліяхъ, Гладстонъ не могъ удержаться внѣ всеобщаго движенія, и въ отношеніи къ нѣкоторымъ пунктамъ онъ стоитъ значительно впереди самаго Лок-

ка; и съ какими бы удовольствіемъ онъ ни смотрѣлъ на Лода, онъ долженъ благодарить судьбу, что написалъ свою книгу не въ дни этого ревностнаго примаса; а иначе архіепископъ опровергнулъ бы приводимыя имъ мѣста Писанія противъ преслѣдованій за религію однимъ изъ рѣзкихъ и чувствительныхъ доказательствъ, на которыя прелать былъ такой мастеръ.

Впрочемъ, это не единственный случай, въ которомъ Гладстонъ отступаетъ самымъ очевиднымъ образомъ отъ послѣдствій своей собственной теоріи. Если есть въ мірѣ государство, къ которому примѣнима Гладстонова теорія, такъ это Британская имперія въ Индіи. Здѣсь моральное превосходство правителей предъ управляемыми неоспоримо. Обращеніе этого народа къ самому худшему изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій было бы самымъ счастливымъ событіемъ. Для того, чтобы желать распространенія христіанства въ Индіи, вовсе не необходимо быть даже христіаниномъ. Достаточно для этого быть европейцемъ и обладать здравымъ смысломъ и человѣколюбіемъ, хотя бы въ степени низкой обыкновеннаго европейскаго уровня. Сравнительно съ величиною этого дѣла, всѣ тѣ шотландскіе и ирландскіе вопросы, которые занимаютъ такъ много мѣста въ книгѣ Гладстона, просто ничто. Ни въ одной части міра съ временъ Θεодосія не бывало въ подданствѣ у христіанскаго правительства такого огромнаго языческаго народонаселенія. Ни въ одномъ углу міра язычество не бывало болѣе жестоко, развратно, болѣе производительно на нелѣпыя обряды и гибельные законы. Истинно, если долгъ правительства—употреблять свою власть и свои денежныя средства для того, чтобы привести семь милліоновъ ирландскихъ католиковъ въ протестантскую церковь, то *a fortiori* долгъ правительства употреблять свою власть и свои доходы на то, чтобы семьдесятъ милліоновъ

язычниковъ сдѣлать христіанами. Если грѣхъ было бы допустить Джона Говарда или Вилліама Пенна исправлять какую-нибудь должность въ Англіи, потому что они не въ общеніи съ учрежденною церковію, то конечно будетъ уже вопіющимъ грѣхомъ допустить до высокихъ общественныхъ положеній лица, которыя преклоняются въ храмахъ, покрытыхъ эмблемами порока, предъ гнусными изображеніями сладострастныхъ или злобныхъ божествъ.

Но нѣтъ. Преданность Гладстона англійской церкви болѣе оскорбляютъ римско-католическіе патеры, чѣмъ жрецы индійскіе. Простое кирпичное строеніе, въ родѣ Cave of Adulam и Ebenezer Chapel, гдѣ необразованные люди слушаютъ, какъ полубразованный католическій патерь толкуетъ о христіанскомъ законѣ любви и о христіанской надеждѣ на небесную славу, не достойно того снисхожденія, которое предоставляется—индійскому жертвеннику, гдѣ жрецъ оставляетъ себѣ часть добычи, доставшейся послѣ убитыхъ путешественниковъ, и—колесницѣ, совершающей свое смертоносное шествіе по костямъ добровольно бросающихся подъ нее пилигримовъ. «Было бы дико и недѣло, говоритъ Гладстонъ, требовать отъ такого правительства, какъ индійское, чтобы оно принесло къ дверямъ каждаго подданнаго своего и заразъ заставило принять исповѣданіе новой, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстной индѣйцамъ религіи. Правительство тамошнее, конечно, должно желать распространенія христіанства. Но объемъ дѣйствій съ этою цѣлію долженъ ограничиться степенью, на которой находится желаніе народа принять христіанство». Относительно Ирландіи, Гладстонъ не допускаетъ такого ограниченія. Онъ желалъ бы сдѣлать ирландцевъ протестантами, не взирая на то, жаждутъ они этого, или нѣтъ. рены, говоритъ онъ, что мы дадимъ имъ то, что не-

непремѣнно будетъ благотѣтельно для нихъ, знаютъ ли они это теперь, или нѣтъ, все равно—они узнаютъ послѣ, когда дѣло само собою разъяснится для нихъ. Итакъ, ужели станемъ еще покупать ихъ рукоплесканія цѣною ихъ существенныхъ, мало этого, цѣною ихъ вѣчныхъ интересовъ?»

Почему это Гладстонъ оставляетъ за индійцемъ преимущества, которыхъ лишаетъ ирландца? Почему онъ такъ онисходителенъ къ самымъ чудовищнымъ заблужденіямъ? Почему онъ оказываетъ такое уваженіе убѣжденіямъ наименѣе образованнаго народа? Почему онъ отнимаетъ право дѣйствовать патриархальною властію у того правительства, которое именно способно къ такого рода дѣйствованію преимущественно предъ всѣми? Основаніе на это мы изложимъ собственными его словами.

«Въ британской Индіи, говоритъ Гладстонъ, небольшую число лицъ, достигшихъ высшей степени цивилизаціи, упражняютъ правительственную власть надъ несравненно бѣльшимъ числомъ менѣе образованныхъ лицъ,—не мѣрами принужденія, но по свободному договору съ управляемыми. Такимъ образомъ права правительства, находящагося въ обстоятельствѣхъ столь исключительныхъ, очевидно, зависятъ не отъ неопровержимой теоріи патриархальныхъ началъ, а отъ извѣстнаго положительнаго трактата, составляющаго результатъ опредѣленнаго соглашенія».

Гдѣ Гладстонъ видѣлъ этотъ трактатъ, мы не можемъ догадаться; потому что, хотя онъ и называетъ его «трактатомъ извѣстнымъ», мы отвѣчавъ всѣмъ, чѣмъ угодно, что онъ совершенно неизвѣстенъ какъ въ Калькуттѣ и Мадрасѣ, такъ и въ Лондонѣ, что его нельзя найти ни въ одномъ изъ тѣхъ огромныхъ фоліантовъ, относящихся къ Индіи, которые на поднятую парламентомъ книгохранилища, что онъ совершененъ.

но избѣгнулъ изысканій всѣхъ историковъ, писавшихъ о нашей восточной имперіи, что во время продолжительныхъ преній 1813 года о допущеніи миссіонеровъ въ Индію, преній, которыхъ самая интересная часть сохранилась доннынѣ, не сдѣлано было ни одного намека на столь важный документъ. Дѣло въ томъ, что трактатъ этотъ чистая выдумка. Мѣрами принужденія, мечемъ, а не по свободному договору съ управляемыми, Англія править Индіей. Никакой трактатъ не обязываетъ ее обходиться съ Бенгаломъ не такъ, какъ она обходится съ Ирландією. Она можетъ учредить епископію въ Патнѣ, благочиніе въ Гулеѣ, она можетъ раздѣлить страну на приходы и поставить въ каждый особыхъ ректоровъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ; и все это сдѣлала бы безъ нарушенія какого-нибудь положительнаго договора. Если бы дѣйствительно существовалъ такой трактатъ, Гладстону не трудно было бы указать на годъ и день его подписанія, на его содержаніе, и главнымъ образомъ опредѣлить объемъ территоріи, въ которой мы на грѣхъ обязали себя быть виновными въ практическомъ безбожіи. Последній пунктъ, касающійся границъ территорій, весьма важенъ. Провинціи нашей восточной имперіи были приобрѣтаемы въ разныя времена и разными путями, и потому не только одинъ трактатъ, а десять трактатовъ не оправдаютъ системы, которой слѣдуетъ здѣсь повсюду наше правительство.

Причина такой уступки въ пользу Индіи и изобрѣтеніе «извѣстнаго», на самомъ дѣлѣ никогда не существовавшаго, трактата, объясняется просто. Ни одинъ человекъ, не потерявшій смысла, не вздумаетъ прилагать теорію Гладстона къ Индіи, потому что, если ее приложить, она непременно разрушитъ нашу имперію и съ имперією уничтожится самый лучшій способъ насажденія христіанства между тузем-

цани. Это чувствовалъ Гладстонъ. Тѣмъ или другимъ способомъ ему нужно было спасти свою теорію и избѣжать чудовищныхъ послѣдствій. Къ намѣренно-ложнымъ извѣстіямъ, мы вполне увѣрены, онъ неспособенъ. Но мы не можемъ оправдать его за ту бессознательную недобросовѣстность, отъ которой рѣдко бываютъ совершенно свободны честнѣйшіе люди, если они крѣпко привязаны къ какому-нибудь иллію. Мы увѣрены, что онъ отступилъ бы отъ тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, которыя бы произвела его система, еслибы ее испробовали въ Индіи, но онъ не хотѣлъ прямо признаться въ этомъ, чтобы не поставить себя въ тягостную необходимость пожертвовать началомъ по неудобству признанія его къ практикѣ. Вслѣдствіе этого онъ ухватился за мысль о трактатѣ, за мысль, которая, мы думаемъ, родилась въ немъ вслѣдствіе какого-нибудь риторическаго выраженія, попавшагося ему въ какой-нибудь книгѣ и имъ невѣрно понятаго. Существуетъ одна прекрасная дорога обойти выводъ ложнаго заключенія изъ ложной большей посылки; это поставить ложную же и меньшую посылку. Неточная исторія удивительно какъ помогаетъ неосновательнымъ теоріямъ. Это мы видимъ во всемъ блескъ въ настоящемъ случаѣ. Гладстонъ положилъ навѣрное общее правило, упорно его защищалъ, не смотря на то, что послѣдствія были слишкомъ чудовищны. Но когда они сдѣлались такъ страшны, что не отступить ему было нельзя, онъ спасаетъ свое правило посредствомъ ложнаго договора. Гладстонъ сперва проповѣдовалъ правительству о долгѣ его взять на себя предпріятіе почти столько же разумное, какъ крестовые походы, а потомъ освободилъ его отъ этой обязанности на основаніи трактата, который столько же достоверенъ, какъ дарственная грамота Константина Великаго папѣ Сильвестру. Вся

эта тактика Гладстона ни на что такъ не походитъ, какъ на фальшивый вексель съ фальшивой уплатой, написанной на оборотѣ его.

За тѣмъ Гладстонъ останавливается на договорѣ о правахъ церкви шотландской, и считаетъ его самымъ несправедливымъ. Онъ говоритъ объ утвержденіи независимости и свободы шотландской церкви, какъ о неприятномъ пятнѣ на царствованіи Вильгельма III. Истинно удивительно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и прискорбно, видѣть, что человѣку честному и способному судить о вещахъ мало еще бѣдствій, которыя принесла нашему государству одна церковь, поставленная въ ложное отношеніе къ нему (ирландская). Гладстонъ жалѣетъ, что Шотландія не въ одинаковомъ положеніи съ Ирландіей, что не является здѣсь ни одного возмутителя, который бы отдѣлилъ Шотландію отъ Англіи, что ни одна пресвитеріанская община не оспариваетъ у нашего правительства верховной власти, что въ ней не составляется митинговъ изъ лицъ, желающихъ отдѣленія Шотландіи отъ Англіи, что не нужно держать въ ней двадцати пяти тысячъ войска для охраненія порядка, что не ежегодно повторяются сцѣны обидъ, мятежа и убійства, и рѣдко бывають сраженія, подобныя сраженію при Ботуэлль Бриджъ (Bothwell Bridge) (*).

(*) Въ 1679 году шотландскіе пресвитеріане, выведенные изъ терпѣнія преслѣдованіями англійскаго епископальнаго правительства и безчисленными казнями, возмутились. Многочисленные толпы женщинъ и дѣтей слѣдовали за пресвитеріанскимъ войскомъ даже на поля сраженій и своими воплями возбуждали воиновъ къ бою. Иногда послѣ переходовъ и битвъ, въ теченіи цѣлаго дня безъ пищи и питья, они собирались вокругъ своихъ священниковъ и слушали съ величайшимъ благоговѣніемъ нѣсколько часовъ проповѣдь, не думая ни объ утоленіи голода, ни объ отдохновеніи. Это собравшееся пресвитеріанское войско до такой степени встревожило англійское правительство, что изъ Лондона съ величай-

Противъ системы Гладстона мы не можемъ представить лучшаго доказательства, какъ указать на нынѣшнее цвѣтущее положеніе Шотландіи. Политика, которой слѣдуютъ относительно этой страны, прямо противоположна политикѣ, рекомендуемой Гладстономъ. И слѣдствіе то, что Шотландія, бывшая одною изъ самыхъ дикихъ, изъ самыхъ бѣдныхъ и безпокойнѣйшихъ странъ Европы, сдѣлалась одною изъ самыхъ цивилизованныхъ, одною изъ самыхъ цвѣтущихъ и спокойныхъ. Жестокости, постоянно совершавшіяся въ ней въ то время, когда непопулярная англійская церковь была тамъ господствующею, теперь въ ней неизвѣстны. Несмотря на взаимное отвращеніе, доходившее нѣкогда до того, что оно грозило навсегда отдѣлить одинъ народъ отъ другаго, эти два королевства, составляющія нашъ островъ, соединены вмѣстѣ и неразрывно. Отъ этого древняго національнаго чувства существуютъ доселѣ кое-какіе остатки, но остатки полезные и пріятные, остатки, способные вдохновить поэта или возжечь благородное и дружественное соревнованіе въ англійскомъ и шотландскомъ воинѣ, когда они рядомъ стоятъ противъ непріятели. Но для всѣхъ цѣлей правительства эти два народа

шею успѣшностію посланы были значительныя силы. Пресвитеріане заняли Ботуэльскій мостъ (Botwell Bridge); но ихъ выбили артиллеріей изъ позиціи. Англійская армія, нанеся имъ совершенное пораженіе, пошла въ Эднбургъ, неся на своихъ копьяхъ отрубленные головы и руки пресвитеріанъ, и вѣдя взятыхъ въ плѣнъ предводителей и священниковъ, связанными попарно. Они выстрадали съ величайшею твердостью пытки и казнь. Воспоминаніе о ботуэльбридтскомъ сраженіи долгое время было живо въ Шотландіи. Еще въ концѣ прошлаго вѣка разсѣвались по деревнямъ старинныя пѣсни, полныя чувства и энтузіазма, о битвѣ ботуэльскаго моста и погибшихъ тамъ храбрыхъ. Ист. Завоев. Англии. Тьерри т. III, стр. 256, 257, изд. 1860 г. Снес. Макол. т. I, стр. 15. Hume's. T. VI, 175.

составляютъ одинъ народъ. И почему это такъ? Отвѣтъ простъ. Шотландскій и англійскій народы суть одинъ народъ для всѣхъ цѣлей правительства, потому что при этомъ только единеніи правительство и можетъ достигать своихъ истинныхъ цѣлей. Нации соединились, потому что церкви стали отдѣльными.

Таково единеніе Англіи и Шотландіи, единеніе, похожее на единеніе членовъ въ здоровомъ и сильномъ тѣлѣ, движимыхъ одною волею и помогающихъ другъ другу въ достиженіи общихъ цѣлей. Система Гладстона произвела бы единеніе, но единеніе, похожее на то, о которомъ, рассказываетъ въ одной фантастической персидской сказкѣ. Царь Зокахъ, повѣствуется здѣсь, далъ діаволу позволеніе поцѣловать свои плечи. Тотчасъ же выросли изъ нихъ два змѣя, которыя съ яростью голодныхъ бросились на его голову, и хотѣли съѣсть его мозгъ. Зокахъ началъ отрывать ихъ прочь и раздирать своими ногтями. Но онъ почувствовалъ, что змѣи эти суть неотдѣлимые части его самого, и что онъ рветъ собственную свою плоть. Можетъ-статься, если осмотрѣться вокругъ, мы въ состояніи будемъ открыть политическое единеніе, подобное разсказанному. Мы найдемъ нѣкоторое гнусно-чудовищное государство, имѣющее одно начало ощущенія и два начала хотѣнія, само противъ себя враждующее и само себя мучащее, составленное изъ частей, понуждаемыхъ неистовымъ стремленіемъ причинять другъ другу боль, однакожь осужденныхъ чувствовать боль—каждая не только ту, которую ей наносятъ, но и ту, которую она наноситъ, раздѣленныхъ непримиримою ненавистью, однакожь слитыхъ въ неразрываемое единство. Гладстону, можетъ быть вслѣдствіе нѣжнаго сочувствія къ Зокаxu, мало, что діаволь поцѣловалъ только одно плечо Великобританіи, и ему жаль, что и на лѣвомъ плечѣ нашего

государственного тѣла нѣтъ змѣя, брата тому, который вышелъ изъ праваго.

Но намъ нужно продолжать разборъ его теорiи. Успѣвъ, такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Гладстонъ, доказать, что долгъ всякаго правительства—исповѣдовать ту или другую религiю, правую или ложную, и поддерживать эту религiю, онъ вслѣдъ за тѣмъ переходитъ къ вопросу—какую же религiю должно предпочесть правительство? и рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу той, которая называется церковiю учрежденною. Церковь англiйская, по Гладстону, чистая католическая Христова церковь, въ донѣ которой только и можно найти то единство, которое составляетъ существенное отличiе истины. Для ея опредѣленiй онъ требуетъ такого безграничнаго уваженiя, какого она сама ни въ одной изъ своихъ присягъ не требуетъ для себя; требуетъ повиновенiя безусловнаго, далеко высшаго, чѣмъ какое утѣренная школа Босюета выговариваетъ для папы, почти такого-же, какое эта школа приписывала папѣ и вселенскому собору вѣстѣ. Отдѣленiе отъ общенiя съ нею—схизма. Отверженiе ея преданiй и ея толкованiй Писанiя—преступное высокоумiе.

Гладстонъ провозглашаетъ, что право на частное сужденiе какъ его понимаютъ протестанты, есть чудовищное злоупотребленiе. Онъ объявляетъ однако себя въ пользу употребленiя частнаго сужденiя, но предлагаетъ для него свой собственный образецъ. По этому образцу мы имѣемъ право судить объ ученiяхъ англiйской церкви, что они здравы, но не имѣемъ права судить, что они не здравы. Онъ не находитъ препятствiй, такъ по крайней мѣрѣ онъ увѣряетъ, къ самостоятельнымъ изслѣдованiямъ религiозныхъ вопросовъ. Напротивъ, онъ считаетъ такiя изслѣдованiя весьма хоро-

шими, пока они не ведутъ къ разности въ мнѣніяхъ: это все равно, что рекомендовать употребленіе огня, который никогда не сожжетъ нашихъ домовъ, или употребленіе вина, которое не будетъ опьянять. Онъ считаетъ совершенно возможнымъ для челоуѣчества свободно и дѣятельно упражнять свои мыслительныя способности въ богословскихъ изслѣдованіяхъ, и при этомъ приходитъ къ совершенно одинаковымъ и другъ съ другомъ и съ церковью англійскою согласнымъ заключеніямъ. И въ подтвержденіе этого онъ не представляетъ (по крайней мѣрѣ мы не могли найти) никакого другаго основанія, кромѣ того, что всякій, кто усиленно и свободно займетъ свой умъ теоремами Евклида, непремѣнно согласится съ ними. «Дѣятельныя частныя изысканія и тождество результатовъ у математиковъ всегда бывають вѣстѣ», совершенно справедливо замѣчаетъ Гладстонъ. На этомъ неоспоримомъ фактѣ онъ создаетъ слѣдующій, очень и очень оспориваемый аргументъ. Всякій свободно занимающійся математикой соглашается, говорить онъ, съ Евклидомъ. Но и богословскія положенія, признанныя церковію, въ своемъ родѣ такъ же правы, какъ положенія Евклида. Почему же, спрашивается, всякому свободному изслѣдователю не согласится бы съ церковію? «Состояніе точныхъ наукъ показываетъ», продолжаетъ Гладстонъ, «что и въ отношеніи къ религіи не должно быть того, чтобы свободное изслѣдованіе необходимо вело къ разнообразію мнѣній». Мы можемъ съ равнымъ же правомъ дать этому аргументу другой оборотъ, и отъ существующаго разнообразія религиозныхъ мнѣній заключить, что должны необходимо существовать враждебныя математическія секты, изъ которыхъ одна будетъ утверждать, а другая отрицать то положеніе, что двѣ стороны триугольника больше третьей, или что квадратъ гипотенузы равенъ квадратамъ катетовъ. Но мы не придаемъ ни аналогіи Глад-

стова, ни своей—ни малѣйшей цѣны. Средство, избираемое нами для удостовѣренія въ направленіи, какое въ разныхъ сферахъ знанія принимаетъ свободное изслѣдованіе, очень простое,—это открыть глаза и посмотреть на міръ, въ которомъ живемъ. Здѣсь видимъ мы, что свободное изслѣдованіе математическихъ вопросовъ приводитъ къ единству, и что свободное изслѣдованіе касательно предметовъ нравственнаго міра сопровождается разногласными выводами. Безъ сомнѣнія, разногласій и здѣсь было бы меньше, если бы изслѣдователи были болѣе прилежны и болѣе честны; но въ этой области разногласіе будетъ между самыми прилежными и между самыми честными до тѣхъ поръ, пока не измѣнится устройство человеческого ума и условія моральной очевидности. Что мы не можемъ обладать вмѣстѣ и свободой и единствомъ, это конечно очень прискорбно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же вѣрно, какъ и то, что мы не имѣемъ крыльевъ. Разногласія встрѣчаются не въ одной области религіозной. Они повторяются относительно всѣхъ предметовъ, основанныхъ на моральной очевидности, напр. въ вопросахъ юридическихъ и политическихъ. Напрасно сталъ бы кто надѣяться, что свободная англійская конституція можетъ быть доведена до такого совершенства, что всѣ представители будутъ избираться, всѣ законы приниматься единодушно; и сдѣлано было бы, если бы какой-нибудь государственный человѣкъ сталъ удивляться и оплакивать, что народъ, который согласенъ въ томъ, что дважды-два—четыре, не можетъ согласиться на новый законъ о бѣдныхъ или на проектъ администраціи Канады.

Существуютъ два извѣстныхъ порядка, которыми слѣдуютъ относительно частнаго сужденія: порядокъ римско-католическій, который воспрещаетъ частное сужденіе по причинѣ

его неизбѣжныхъ неудобствъ, и порядокъ протестантскій, который допускаетъ частное сужденіе, не смотря на его неизбѣжныя неудобства. Оба порядка болѣе разумны, чѣмъ порядокъ Гладстона, который хотѣлъ бы частнаго сужденія безъ его неизбѣжныхъ послѣдствій. Римскій порядокъ производитъ вообще въ религіозной жизни застой и въ частныхъ лицахъ — духовное усыпленіе; протестантскій возбуждаетъ дѣятельность, хотя протестанты знаютъ, что вездѣ, гдѣ много дѣятельности, тамъ много и бореній. Гладстонъ желаетъ совмѣстить единомысліе пятнадцатаго столѣтія съ жизненностью и пытливымъ духомъ шестнадцатаго. Онъ можетъ также удобно желать въ одно время находиться въ двухъ мѣстахъ (*).

«Мы дѣятельно стараемся о разногласіи въ мнѣніяхъ», говоритъ Гладстонъ, «нашѣренно ищемъ и добиваемся заблужденій, лжи, темноты, и тщеславимся подобнымъ разномысліемъ, какъ свидѣтельствующимъ о свободѣ изслѣдованія, между тѣмъ какъ свобода тогда только и имѣетъ цѣну, когда она употребляется для единства въ истинѣ». Здѣсь Гладстонъ выражается болѣе энергично, чѣмъ опредѣленно. Никто не любитъ разногласій для самыхъ разногласій. Но кто сознательно убѣжденъ, что свободныя изслѣдованія въ цѣломъ благоприятны для интересовъ истины, и что вслѣдствіе несовершенства человѣческихъ способностей, всегда и вездѣ, гдѣ существуетъ возможность свободнаго изслѣдованія, тамъ будетъ и нѣкоторое разномысліе, тотъ можетъ не неосновательно считать такое разномысліе, не смотря на то, что оно само въ себѣ зло, признакомъ добра. Фактъ очень печаль-

(*) Мы должны прибавить, что существуетъ еще третій порядокъ — *единство* въ вѣрованіи церковномъ, и *разнообразіе* мнѣній частныхъ, лишь бы онъ не присвоилъ себѣ характера общеобязательнаго. *Ред.*

ный, что въ Лондонѣ десять тысячъ воровъ. Но если по-смотреть на него съ другой точки зрѣнія, въ этомъ фактѣ, если угодно, можно найти и стороны утѣшительныя. Какой, въ самомъ дѣлѣ, другой городъ въ состояніи содержать десять тысячъ воровъ? Какова должна быть масса благоденствія тамъ, гдѣ на клочки, собираемые противозаконнымъ воровствомъ, прокармливаются столько мошенниковъ? Бѣдная деревня не въ состояніи содержать и одного вора. Количество воровства въ извѣстной степени служить показателемъ полезныхъ промысловъ и честныхъ торговыхъ оборотовъ. И какъ отъ великаго множества воровъ въ извѣстномъ городѣ мы можемъ заключать, что здѣсь много получается и честной прибыли; такъ нерѣдко изъ количества заблужденій въ обществѣ мы можемъ извлекать утѣшительный выводъ относительно степени, въ какой общественный умъ упражняется въ свободныхъ изслѣдованіяхъ, которыя только и могутъ вести къ разумнымъ убѣжденіямъ въ истинѣ.

Гладстонъ, кажется, воображаетъ, что большая часть протестантовъ почитаютъ возможнымъ, что одно и то же ученіе можетъ быть вмѣстѣ и истиннымъ и ложнымъ; или что они вовсе неважнымъ считаютъ то, приходитъ ли человѣкъ въ религіозномъ вопросѣ къ истинному или къ ложному заключенію. Если есть въ мірѣ протестанты, держащіеся подобныхъ воззрѣній, то мы охотно предаемъ ихъ суду и осужденію Гладстона.

Гладстонъ много останавливается на важности единства въ ученіи. Единство, говоритъ онъ, существенное отличіе истины: положеніе одно изъ самыхъ неоспоримыхъ. Но когда онъ идетъ дальше и говоритъ, что такое единство есть характеристическая черта англійской церкви, что она едина тѣломъ и духомъ, тогда мы рѣшительно несогласны съ нимъ. Един-

ства ученія англиканская церковь не имѣетъ и никогда не имѣла. Самыя присяги ея составлены такимъ образомъ, что допускаютъ къ церковнымъ должностямъ лицъ, различающихся одно отъ другаго гораздо больше, чѣмъ послѣдователь англиканской церкви отличается отъ католика или пресвитеріанца. Общія рѣшенія англиканской церкви относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ въ одно время были такія, въ другое другія. Возьмите напр. вопросы, возбужденные между кальвинистами и арминіанами. Находимъ ли мы въ церкви англиканской относительно сихъ вопросовъ единство, существенно принадлежащее истинѣ? Было ли такое единство когда-нибудь въ этой церкви? Развѣ не извѣстно, что въ концѣ шестнадцатаго столѣтія правители нашей церкви держались ученій Кальвина во всей ихъ силѣ, и не только держались сами, но преслѣдовали всякаго, не державшагося ихъ? И равнымъ образомъ, развѣ не извѣстно, что въ очень недавнее время правители церкви считали кальвинизмъ препятствіемъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ? Прочитайте вопросы, предложенные архіепископомъ Уайтгифтомъ (Whitgift) Баррету, вопросы, составленные совершенно въ духѣ Цвинглія. А потомъ посмотрите на 87 вопросовъ, которые на нашей памяти епископъ Маршъ предлагалъ ставленикамъ, готовящимся къ посвященію. Мы должны сказать, что который-нибудь изъ этихъ знаменитыхъ прелатовъ заслуживалъ лишенія священныхъ одеждъ. Ибо совершенно вѣрно, что тотъ или другой находились въ большомъ заблужденіи. Джонъ Весслей и другъ Коупера, Джонъ Ньютонъ, оба были пресвитерами англиканской церкви. Оба были люди талантливые. Оба, мы увѣрены, были люди строгой честности, люди, которые не подписали бы исповѣданія вѣры, если бы они не вѣрили ему, за самыя богатая епи-

сковии въ государствѣ. Однако относительно предопредѣленія Ньютонъ былъ крѣпко преданъ ученіямъ, которыя Весслей клеймилъ «какъ самую страшную хулу, какая только когда-либо касалась слуха христіанскаго». Никто не будетъ спорить, что клиръ утвержденной церкви относительно ученія о предопредѣленіи распадается на двѣ партіи, и что присяги ея не исключаютъ людей честныхъ обѣихъ партій отъ священнослуженія. Извѣстно, напротивъ, что нѣкоторые изъ лучшихъ правителей ея считаютъ такую свободу дѣломъ добрымъ, и были бы очень опечалены, если бы увидѣли, что она ограничена которымъ-нибудь однимъ мнѣніемъ.

Мы представили только одинъ примѣръ. А сколько различныхъ мнѣній относительно совершенія таинствъ существуетъ между епископами, докторами, пресвитерами англиканской церкви, между всѣми людьми, которые сознательно изъявили свое согласіе на члены ея ученій, между людьми, которыхъ голосъ по Гладстону есть голосъ разумно и истинно обязательный для насъ. Нѣтъ, учрежденная церковь не имѣетъ единства; и такъ какъ единство есть существенный признакъ истины, то значить церковь англійская не истинна.

Возьмемъ даже тотъ самый вопросъ, который мы разбирали съ Гладстономъ. Въ какомъ объемѣ церковь англійская допускаетъ право на частное сужденіе? Гладстонъ, человекъ способный и честный, слѣдуетъ взгляду на этотъ предметъ весьма различному отъ взгляда, принятаго другими, тоже способными и честными людьми. Эти люди, которые совершенно расходятся съ нимъ въ этомъ дѣлѣ, между тѣмъ совершаютъ евхаристію, проповѣдуютъ на церковныхъ каедряхъ, раздаютъ таинственные дары, совершаютъ рукоположеніе. Есть ли же единство, есть ли истина въ англійской церкви?

Надобно замѣтить, что мы не указываемъ здѣсь на людей безчестныхъ, которые ради прибыли, ради прихода или епископіи, лицемерно соглашаются на ученіе утвержденной церкви. Мы приводимъ въ примѣръ людей честныхъ, которые, разноглася въ богословскихъ вопросахъ высочайшей важности и открыто сознаваясь въ этомъ, были между тѣмъ или состоятъ и теперь священниками и епископами одной и той же церкви. Мы поэтому говоримъ, что церковь англиканская такъ далека отъ единства ученія, что она на дѣлѣ есть связка безчисленныхъ религіозныхъ системъ. Всѣ эти различныя, доходящія иногда до прямой противоположности, мнѣнія содержатся, исповѣдуются, проповѣдуются, печатаются, въ лонѣ церкви людьми безспорно честными и умными. Что же значать послѣ этого всѣ краснорѣчивыя разглагольствія Гладстона о единствѣ ученія англиканской церкви? Не смѣшно ли придавать такую важность единству въ формѣ и имени, когда его такъ мало въ сущности, не смѣшно ли содрогаться при мысли, что двѣ церкви (англійская и шотландская) находятся въ союзѣ съ однимъ государствомъ, и спокойно смотрѣть на борьбу ста сектъ въ одной изъ этихъ церквей? Не ясно ли, что Гладстонъ на основаніи собственныхъ своихъ началъ долженъ отказаться защищать церковь, въ которой единства не находится? Не ясно ли, что онъ обязанъ въ палатѣ общинъ ратовать противъ всякаго денежнаго пособія, которое было бы предложено клиру учрежденной церкви, находящемуся въ колоніяхъ?

«Чудовищная нелѣпость, говорить Гладстонъ, платить одному за то, что онъ учитъ истинѣ, а другому за то, что онъ ту же истину выставляетъ какъ ложь». И на этомъ основаніи онъ осуждаетъ всѣ казенныя пособія, выдаваемыя диссидентскимъ обществами. Но сказать правду, если зло—

давать казенныя пособія тѣмъ, которые держатся какого-нибудь ложнаго ученія, то зло также—давать ихъ священнослужителямъ англиканской церкви. Потому что совершенно вѣрно то, что великое множество ложныхъ ученій проповѣдуется и священнослужителями утвержденной церкви. Пожалуй скажутъ, что пункты, въ которыхъ англійскій клиръ расходится между собою, слѣдуетъ оставить безъ вниманія по причинѣ тѣхъ многихъ пунктовъ, самыхъ важныхъ, въ которыхъ онъ согласенъ. Почему тогда не держаться того же аргумента и относительно другихъ сектъ, которыя обще съ англійскою церковью содержатъ основныя начала христіанства? То начало, что правитель въ совѣсти обязанъ распространять религіозную истину и не распространять никакого неистиннаго религіознаго ученія, очевидно остается, какъ скоро членъ палаты съ мнѣніями Гладстона можетъ подать голосъ въ пользу выдачи денежнаго пособія англиканскому капеллану, который между тѣмъ держится ивѣннѣй, согласныхъ съ мнѣніями какого-нибудь Пэля или Симеона.

Гладстонъ (мы съ глубокой скорбію читали эти страницы) осуждаетъ британское правительство въ Индіи за раздачу небольшой суммы между католическими священниками, которые служатъ тамъ духовнымъ нуждамъ нашихъ ирландскихъ солдатъ. Представимъ какой-нибудь случай, хоть слѣдующій. Протестантскому господину сопутствуетъ слуга-католикъ въ его путешествіи въ такую часть Индіи, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ миль нѣтъ ни одной католической общины. Слуга сдѣлался смертельно боленъ. Въ великомъ смущеніи духа онъ изъявляетъ желаніе получить послѣднее напутствіе отъ служителя своей церкви. Господинъ посылаетъ посла, чтобы привести духовника изъ го-

рода, находящагося на значительномъ разстояніи. Протестантъ при этомъ платитъ деньги католическому священнику. Что же, онъ совершилъ грѣхъ? или, напротивъ, поступилъ какъ прилично доброму господину и доброму христіанину? Неужели Гладстонъ обвинить его въ «нетвердости религіознаго начала,» въ «смѣшеніи истины съ ложью?» Но что, если слуга этотъ для господина предпринялъ путешествіе, отдалившее его отъ мѣста, гдѣ бы онъ удобно могъ получить религіозное напутствіе? Что, если смерть его произошла отъ раны, полученной имъ при защитѣ своего господина? Не должны ли мы въ такомъ случаѣ сказать, что господинъ этотъ только исполнилъ священныя обязанности долга? Самъ Гладстонъ признаетъ, что никто не можетъ думать, будто «личность государства болѣе строга, или что она налагаетъ болѣе сильныя обязательства, чѣмъ личность индивидуума.» Какъ послѣ такого признанія устоятъ обвиненіе противъ индійскаго правительства? У него подъ властію бѣдный человѣкъ, завербованный въ какой-нибудь ирландской деревушкѣ, посланный за пятнадцать тысячъ миль, проживающій въ душномъ и заразительномъ климатѣ. Бѣднякъ сражается за правительство; онъ раненъ, онъ лежитъ на постели, ослабѣвая отъ лихорадки, страдая подъ лучами тамошняго страшнаго солнца и не имѣя близъ себя друга. Онъ изъявляетъ желаніе получить утѣшеніе отъ той религіи, которая, можетъ-быть пренебрегаема имъ во время здоровья и силы, теперь снова приходитъ ему на умъ, сопутствуемая всѣми воспоминаніями прежнихъ дней и роднаго дома, котораго никогда уже не увидитъ опять. И за то, что государство, для котораго онъ умираетъ, посылаетъ къ его постели священника его же вѣры, чтобы онъ поговорилъ ему языкомъ, который заразъ пріобрѣтаетъ и любовь, и до-

вѣріе,—объ общемъ Отцѣ, объ общемъ Испушителѣ, объ общей надеждѣ на безсмертіе, за то, что государство, для котораго онъ умираетъ, не оставляетъ его попеченіямъ туземныхъ языческихъ слугъ, не посылаетъ къ нему священника другаго вѣроисповѣданія, чтобы тотъ досадила его отлетающей душѣ споромъ о тридентскомъ соборѣ, г. Гладстонъ обвиняетъ наше индійское правительство и находитъ, что Индія представляетъ «печальную картину», что въ системѣ, которой слѣдуютъ здѣсь, допущена «огромная уступка ложному началу». Мы горячо уповаемъ, что наши замѣчанія могутъ повести Гладстона къ вторичному пересмотру этой части труда его, и предостерегутъ его отъ выраженія мнѣній, недостойныхъ его характера,—въ томъ высококомъ собраніи, въ которомъ его всегда будутъ слушать со вниманіемъ.

Здѣсь оканчивается собственно критическая часть статьи Маколея: и тутъ, по его словамъ, всего лучше было бы остановиться, такъ какъ легче разрушать, чѣмъ созидать. Но чтобы дать Гладстону удовлетвореніе, онъ рѣшается кратко изложить свои собственные взгляды на союзъ церкви и государства.

По Маколею, всякое учрежденіе должно быть организовано единственно для своей главной цѣли, и никакая часть его дѣятельности для исполненія главной цѣли не должна быть жертвуема для того, чтобы преслѣдовать какую-нибудь другую, хотя и прекрасную цѣль. Прямая цѣль правительства защита лицъ и собственности. Но отсюда не слѣдуетъ, что правительство никогда не должно имѣть въ виду никакой другой цѣли, кромѣ своей главной. Всякое учрежденіе, если оно можетъ, безъ всякаго пожертвованія своею спеціальною дѣятельностію для спеціальной цѣли, достигать другой какой

добрѣй цѣли, почему бы и не достигать ему ей? Такъ цѣль, для которой устранивается госпиталь, есть помощь больнымъ, а не украшеніе улицы. Пожертвовать здоровьемъ больныхъ изяществу архитектуры, помѣстить строеніе въ дурномъ воздухѣ для того лишь, чтобы главный фасадъ его выходилъ на многолюдную площадь, сдѣлать комнаты теплѣе или холоднѣе, чѣмъ сколько нужно, для того лишь, чтобы окна и колонны могли останавливать вниманіе прохожихъ, было бы крайне неблагоразумно. Но если безъ всякихъ жертвованій главнымъ назначеніемъ госпиталь можетъ быть устроенъ такъ, чтобы служить украшеніемъ для отечественнаго города, тогда было бы безразсудно не устроить его такъ. Такимъ же точно образомъ, если правительство, безъ всякихъ жертвованій своею главною цѣлію, можетъ сдѣлать какое-нибудь другое доброе дѣло, оно должно сдѣлать. Поощреніе изящныхъ искусствъ, напр., никакимъ образомъ не составляетъ главной цѣли правительства, и было бы нелѣпо, если бы при составленіи новаго кабинета остановились на вопросѣ, будетъ ли правительство въ извѣстномъ составѣ способно воспитывать Рафаэлей и Тиціановъ. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы для правительства было неприлично заняться составленіемъ національной живописной галлерей. То же самое можно сказать и о правительственномъ покровительствѣ, оказываемомъ сословію ученому въ дѣлѣ обнародованія архивовъ, составленія библиотекъ, звѣринцевъ, ботаническихъ, минералогическихъ и археологическихъ кабинетовъ, изданія путешествій, совершенныхъ для географическихъ открытій и для астрономическихъ наблюденій. Не для этого конечно установлено правительство. Но можетъ случиться, что правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи источники, дающіе ему возможность, безъ всякаго вреда для его главной цѣли,

достигать этихъ стороннихъ цѣлей болѣе успѣшно, чѣмъ это могутъ дѣлать индивидуумы или добровольныя частныя товарищества. Если такъ, то правительство должно преслѣдовать и эти побочныя цѣли.

Еще болѣе очевиденъ долгъ правительства содѣйствовать всякому дѣлу, которое полезно, какъ средство достиженія имъ своей главной цѣли. Улучшеніе, напр., пароваго судоходства никакимъ образомъ не составляетъ главной цѣли правительства. Но такъ какъ паровыя суда полезны для національной обороны и облегчаютъ сношенія между отдаленными провинціями и чрезъ это укрѣпляютъ могущество государства, то это—обязательный долгъ для правительства поощрять гениальныхъ людей за изобрѣтенія, которыя прямо клонятся къ тому, чтобы доставить государству больше средствъ къ достиженію имъ своей главной цѣли.

Теперь, на обѣихъ этихъ основаніяхъ, народное образованіе можетъ составлять приличный предметъ правительственныхъ попеченій.

Народное воспитаніе, основанное на началахъ христіанской нравственности, есть дѣло высочайшей цѣны, и составляетъ средство достиженія главной цѣли, для которой существуетъ правительство, и на этомъ основаніи оно заслуживаетъ вполнѣ вниманія правителей. Не входя въ общіе вопросы о воспитаніи, Маколей ограничивается здѣсь слѣдующими замѣчаніями.

Мы можемъ, говорить онъ, для объясненія нашего взгляда возвратиться къ аналогіи госпиталя. Религіозное обученіе не составляетъ главной цѣли, для которой построены госпиталь, и было бы полнѣйшею несообразностію ввести въ госпиталь, съ цѣлію содѣйствовать духовному совершенствованію пациентовъ, какіе-нибудь уставы, вред-

ные для ихъ здоровья, послать напр. рьянаго проповѣдника къ человѣку, которому лѣкаръ приказалъ лежать спокойно въ постели и пытаться уснуть, или наложить строгій постъ на выздоравливающаго, которому предписано ѣсть, сколько угодно, укрѣпляющую пищу, или распорядиться, какъ распорядился дѣйствительно изуверъ Пій V, чтобы не давать никакого медицинскаго пособія лицамъ, отказавшимся отъ духовнаго напутствія. Однако, отсюда ни коимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы было несправедливо имѣть при больницѣ капеллана и платить ему жалованье изъ больничныхъ суммъ. Лучше ли имѣть постояннаго капеллана, и какихъ религіозныхъ убѣжденій долженъ онъ быть, это зависитъ отъ обстоятельствъ. Можетъ-быть такой городъ, въ которомъ нельзя построить хорошаго госпиталя, не обратясь къ благотворительности людей разныхъ вѣроисповѣданій. И религіозныя партіи могутъ до того выступить, что, хотя народъ и желалъ бы своими деньгами помочь бѣднымъ больнымъ, но партіи не сходятся въ выборѣ какого-нибудь одного капеллана. Члены высокой церкви, какъ называютъ себя англичане, настаиваютъ, что если платить капеллану, то онъ долженъ быть англиканецъ. Евангелики стоятъ за пастора-евангелика. Очевидно было бы странно и жестоко оставить полезное и челолюбивое предпріятіе, на которое всѣ согласны, потому что всѣ не могутъ согласиться касательно чего-то другаго. Остается въ такомъ случаѣ или назначить двухъ капеллановъ и платить обоимъ, или не назначать ни одного; и англиканцы и евангелики должны, сколько кто можетъ по своимъ личнымъ средствамъ, доставлять больнымъ такое религіозное утѣшеніе и наставленіе, какое кому потребно.

То же самое должно сказать и о правительствѣ. Правительство не есть учрежденіе собственно для распространенія

вѣры — или есть, но ни сколько не болѣе, чѣмъ госпиталь св. Георга есть учрежденіе для распространенія вѣры. Но правительство, которое считаетъ религіозное образованіе народа дѣломъ важнымъ для достиженія своей главной цѣли и слѣдуетъ такому началу вѣрно, мы думаемъ, сдѣлаетъ много хорошаго.

При этомъ началѣ легко разрѣшаются тѣ вопросы, которые при началѣ Гладстона не допускали никакого удовлетворительнаго рѣшенія.

Всякое преслѣдованіе противъ лицъ и собственности людей очевидно есть дѣло, котораго ничѣмъ нельзя защитить. Безопасность лицъ и собственности людей составляетъ главную цѣль правительства, а религіозно-нравственное образованіе— средство къ этой цѣли. И предохранять народъ отъ ереси чрезъ отнятіе у него жизни, членовъ, собственности значило бы жертвовать главною цѣлію, цѣли сторонней. Это было бы также не сообразно, какъ если бы начальники госпиталя сдѣлали распоряженіе—раны больныхъ аріанъ и соцініанъ перевязывать такъ, чтобы онѣ больше гноились и загнивали.

Далѣе, нельзя ничѣмъ оправдать даже лишенія гражданскихъ преимуществъ на основаніи религіозныхъ убѣжденій, потому что всѣ подобныя мѣры дѣлаютъ правительство менѣе способнымъ къ достиженію его главной цѣли: они ограничиваютъ его въ выборѣ людей способныхъ къ администраціи и годныхъ для защиты страны; они отчуждаютъ отъ него сердца людей, которымъ приходится терпѣть эти лишенія; они отнимаютъ часть дѣятельной силы во всѣхъ борьбахъ съ иностранными государствами. Подобный порядокъ дѣлъ былъ бы такъ же страненъ и опасенъ, какъ если бы начальники госпиталя отвергли даровитаго оператора потому только, что онъ вѣритъ въ индульгенціи, и опредѣлили бы дѣлать

операція челоѣка малосвѣдущаго въ хирургіи за то, что онъ совершенно единомысленъ съ англиканскою церковію.

Наконецъ, правительство не должно внѣдрять въ народъ религіознаго образованія, хотя бы и здраваго, такими шѣрами, которыя способны возбудить недовольство опасное для общественнаго порядка. Потому что здѣсь опять правительство принесло бы въ жертву свою главную цѣли, конечно высочайшей важности, но цѣли все-таки второстепенной для него, какъ для правительства. Это правило прямо разрѣшаетъ трудности касательно Индіи, которыхъ Гладстонъ могъ избѣжать только чрезъ указаніе на воображаемый трактатъ, чтобы отстранить воображаемое обязательство: Нѣтъ сомнѣнія, что въ высшей степени было бы полезно для Индіи распространеніе въ ней христіанства. Но совершенно справедливо, что нѣтъ другой страны, которая бы представляла правительству столь много непреодолимыхъ препятствій къ выполненію этого дѣла. Начни мы силою дѣлать здѣсь прозелитовъ,—мы произведемъ распаденіе общества и подвергнемъ крайней погибели всѣ тѣ интересы, для защиты которыхъ существуетъ правительство. Второстепенная цѣль здѣсь, въ настоящее время, не совмѣстима съ главною цѣлію и должна быть поэтому оставлена. Христіанское образованіе, даваемое здѣсь отдѣльными лицами и частными обществами, можетъ принести много добра; даваемое правительствомъ, оно принесло бы положительный вредъ. Въ то же время совершенно справедливо, что англійскія власти въ Индіи не должны участвовать въ языческомъ богослуженіи; всякое подобное участіе было бы дѣломъ не только не христіанскимъ, а безразсуднымъ и безчестнымъ.

Предполагая обстоятельства страны очень удобными для того, чтобы правительство давало религіозное образованіе

народу, Маклей ставитъ вопросъ: какой же религіи оно должно учить? и отвѣчаетъ: Епископъ Уарбуртонъ говоритъ: религіи большинства. И дѣйствительно, нельзя вообразить себѣ обстоятельство, въ которыхъ бы приличнѣе было учредить, какъ исключительно государственную религію, религію меньшинства. Такое предпочтеніе едвали можно сдѣлать, безъ возбужденія серьезнаго недовольства, и не подвергая опасности тѣхъ интересовъ, покровительство которымъ есть первый предметъ правительства. Съ другой стороны, нельзя согласиться съ Гладстономъ, который на этотъ вопросъ отвѣтилъ своею обыкновенною фразой, что только ту религію правитель и долженъ распространять, которая есть религія его собственной совѣсти. Истинно, это чистая невозможность. Самъ Гладстонъ всякій разъ, когда онъ подаетъ голосъ за денежное пособіе для англійской церкви, на дѣлѣ помогаетъ распространенію не именно религіи своей совѣсти, а многимъ (онъ не знаетъ ни числа, ни существа ихъ), или вѣрнѣе безчисленнымъ религіямъ, которыя возможны между границами папства и пресвитеріанизма. Религіозное образованіе, которому правитель въ своей общественной дѣятельности долженъ покровительствовать, есть образованіе, о которомъ онъ въ совѣсти увѣренъ, что народу оно принесетъ самую большую часть добра съ меньшею примѣсью зла. И такимъ образомъ выборъ его падаетъ необходимо на его собственную религію; онъ будетъ конечно вѣрить, что его собственная религія вполнѣ истинна; но вопросъ, который онъ долженъ рѣшить, состоитъ не въ томъ, сколько добра содержитъ его собственная религія, а въ томъ, на сколько народъ научится добру, если образованіе дано будетъ ему въ этой религіи. Онъ можетъ ученіе и управленіе англійской церкви предпочитать ученію и управленію шотландской. Но если

онъ знаетъ, что шотландское общество съ глубокимъ вниманіемъ и уваженіемъ будетъ слушать, когда его пресвитеры будутъ излагать предъ нимъ основныя истины христіанства, а чужихъ проповѣдниковъ слушать nebudeтъ; то онъ поступитъ благоразумно, если для шотландцевъ онъ избретъ релігіозное образованіе посредствомъ ихъ несовершенной, по его мнѣнію, релігій, отъ которой они многому научатся, а не посредствомъ другой совершенной, отъ которой они не научатся ничему. Цѣль ученія—выучить; и худо учить истинѣ мѣрами, которыя только заставляютъ людей болѣе крѣпко привязываться къ жи.

На этихъ основаніяхъ, говоритъ Мокалей, мы понимаемъ, возможно для государственнаго человѣка, слишкомъ далекаго отъ того, чтобы смотрѣть на англійскую церковь съ уваженіемъ, которое чувствуетъ къ ней Гладстонъ, твердо противиться всѣмъ попыткамъ испровергнуть ее. Такой государственный человѣкъ можетъ быть хорошо знакомъ съ ея происхожденіемъ, чтобы смотрѣть на нее съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ. Онъ можетъ знать, что она произошла отъ сдѣлки, поспѣшно состоявшейся между горячею ревностію реформаторовъ и между самолюбіемъ жадныхъ, честолюбивыхъ, ловкихъ и раболѣпныхъ политиковъ. Онъ можетъ найти на каждой страницѣ ея лѣтописей ясныя основанія для ея осужденія. Онъ не можетъ, оставаясь спокойнымъ въ своей совѣсти, подписать всѣхъ ея членовъ. Онъ можетъ думать, что всѣ покушенія, которыя можно было бы сдѣлать, чтобы открыть входъ въ нее огромному количеству несовѣдующихъ ея ученій, ни къ чему не поведутъ. Онъ не можетъ защищать ее на основанія будто сохранившагося въ ней апостольскаго преемства,—потому что не знаетъ еще, справедливо ли это? Онъ не можетъ защищать ее и на осно-

ваніи ея единства, потому что знаетъ, что ея передовыя секты гораздо болѣе отстоятъ одна отъ другой, чѣмъ она сама отстоитъ отъ церкви римской, или съ другой стороны отъ церкви женевской. Но онъ можетъ думать, что она учитъ болѣе истинѣ съ меньшимъ прибавленіемъ заблужденій, чѣмъ учили бы тѣ, которые, въ случаѣ ея уничтоженія, заняли бы ея мѣсто. Онъ можетъ думать, что дѣйствіе, производимое на народъ ея богослуженіемъ и ея проповѣдниками, вообще высоко благотворно. Онъ можетъ думать, что ея образовательное вліяніе съ пользою отражается въ отдаленныхъ предѣлахъ міра. Онъ можетъ думать, что если она будетъ ниспровергнута, огромная часть ея членовъ пренебрегутъ всѣми религіозными обязанностями, и что еще болѣе большая часть подпадутъ подъ худшее вліяніе. — Равно не трудно было бы ему найти основанія для поддержанія церкви шотландской. Ему не нужно было бы прибѣгать къ какому-нибудь договору, чтобы оправдать связь двухъ религіозныхъ учрежденій съ однимъ государствомъ. Онъ считалъ бы всѣ сомнѣнія относительно этого важнаго пункта суетными во всякомъ лицѣ, ревностно преданномъ англиканской церкви, въ которой епископами бывають люди совершенно противоположныхъ догматическихъ убѣжденій, какъ напр. Гербертъ Маршъ и Даніэль Уильсонъ. Такой государственный человѣкъ охотно бы провелъ свои начала и дальше. Онъ не отказался бы подать въ 1825 году голосъ за предложеніе лорда Фрэнсиса Еджертона—дать общественное покровительство католическому клиру Ирландіи—и глубоко пожалѣлъ бы, что такая мѣра была не принята въ 1829 году. Этимъ путемъ государственный человѣкъ можетъ придти къ убѣжденію, что было бы въ высшей степени не благовременно уничтожить церковь—англійскую или шотландскую.

Но если бы была, въ какой-нибудь части міра, національная церковь—и утвержденная и охраняемая мечемъ, и владѣвшая большими средствами и большою властію, и поддерживаемая законами о прослѣдованіяхъ, но почитаемая еретическою четырьмя пятыхъ націи,—такая церковь, говоритъ Маколей, не можетъ быть защищаема,—государство, вступившее въ союзъ съ такою церковію, подчинило бы свою главную цѣль цѣли второстепенной, и слѣдствія будутъ такія, которыя не затруднится предсказать проникательный наблюдатель. Ни главная, ни второстепенная цѣли не будутъ достигнуты. Временные и духовные интересы народа пострадаютъ одинаково. Умы людей, вмѣсто привлеченія къ церкви, отчуждятся и отъ государства. Правительство, пожертвовавши порядкомъ, миромъ, единствомъ, всѣми интересами, покровительство которымъ должно составлять его первую заботу, съ цѣлію распространенія религіи, принуждено будетъ послѣ столѣтнихъ опытовъ на дѣлѣ убѣдиться, что оно допускало страшную ошибку. — Здравость ученій церкви и нелѣпость и вредъ суевѣрій, которымъ противоположны ея ученія,—вотъ самые сильныя доказательства противъ такой политики, которая только лишаетъ доброе дѣло его естественныхъ преимуществъ. Тѣмъ, которые думаютъ, что правительство должно употреблять силу для распространенія истины, необходимо вспомнить, что заблужденіе, не могущее соперничать противъ истины, стоящей одиноко, нерѣдко оказывалось больше, чѣмъ соперникомъ, — оказывалось побѣдителемъ, когда истина опиралась на вѣншнюю силу.

Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно теоріи Маколей. Маколей, строго руководясь на-

часть вѣротерпимости и вѣсть оставаясь вѣрнымъ окружающей его дѣйствительной жизни, долженъ былъ провести это начало именно такъ, какъ провелъ его въ изложенной теоріи. Въ Великобританіи, гдѣ милліоны католиковъ, милліоны протестантовъ, милліоны диссидентовъ различныхъ сектъ,—англиканская церковь признана господствующею только закономъ (de jure), но она не есть господствующая *въ дѣйствительности* (de facto). Тамъ въ Ирландіи она является въ меньшинствѣ по преобладающему перевѣсу римско-католиковъ, а въ Шотландіи она считается даже сектою, вслѣдствіе преобладающаго тамъ пресвитеріанства.

Но если мы представимъ себѣ народъ, который искони поновѣдуетъ истинную религію, какова вѣра православная,—народъ, котораго вся исторія связана самыми тѣсными узамъ съ исторіею его церкви,—котораго національность глубоко проникнута духомъ его вѣры,—котораго общее государственное законодательство въ отношеніи къ религіи и церкви не есть только слѣдствіе тѣхъ или другихъ философскихъ и политическихъ воззрѣній на церковь и государство, а выражаетъ собою санкцію того, что свободно признается и осуществляется въ жизни народной, — въ отношеніи къ такому народу и къ такой религіи, мы увѣрены, Маколей навелъ бы изъ своей теоріи болѣе опредѣленное приложеніе, оставаясь однакожъ вѣрнымъ главнымъ своимъ положеніямъ.

Для такого народа, какой мы представляемъ, его религія составляетъ его жизнь, условіе его внутренняго и вѣшняго благосостоянія. Правительство такого народа не затруднено вопросомъ—какую религію считать господствующею? Исполняя свои главныя обязанности въ отношеніи къ народу, оно не можетъ не поддерживать и не охранять его религіи, животно-рящей стихіи его жизни, и охраняя ее, будетъ охранять цѣлость

народнаго духа. Если народное воспитаніе и образованіе, основанно на началахъ христіанской нравственности, по признанію Маколея, есть дѣло высочайшей цѣны и составляетъ средство достиженія главной цѣли правительства и потому заслуживаетъ вполнѣ вниманія правителей: то для такого народа, какой мы представляемъ, воспитаніе и образованіе въ духѣ православнаго христіанства есть существенная потребность народной жизни и священная обязанность правительства. Различныя государственныя учрежденія, имѣющія предметомъ благо народа, не будутъ народными учрежденіями, если не будутъ соображены съ его религіозными потребностями. Устраиваетъ ли правительство госпиталь, скажемъ опять словами Маколея, оно не можетъ оставить его безъ служителя вѣры. Открываетъ ли оно училище для народнаго образованія, оно должно имѣть въ виду потребности религіозно-нравственной жизни народа. Здѣсь начинаніе (иниціатива) идетъ отъ правительства, но въ интересахъ самаго народа, самаго общества, и правительство, въ этомъ отношеніи, дѣйствуетъ собственно какъ представитель народа и общества.

Религіозное преслѣдованіе есть дѣло, котораго ничѣмъ нельзя защитити, и такой народъ, какой мы представляемъ, можетъ и долженъ благодушно терпѣть другія исповѣданія во имя высокаго начала христіанской любви и свободы. Но онъ не можетъ относиться безразлично и равнодушно къ случаямъ стѣсненія или неуваженія его религіи со стороны другихъ допущенныхъ имъ исповѣданій. Такое оскорбленіе религіи народа есть оскорбленіе народнаго чувства, народной жизни и народъ имѣетъ право, чтобы его правительство обезпечивало ему свободу его религіозной жизни и его духовнаго развитія на началахъ, имъ признаваемыхъ.

А. Предтеченскій.

КАРЛЬ СПУРЖОНЪ

СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛІЙСКІЙ ПРОПОВѢДНИКЪ

Карль Спуржонъ, пасторъ англійскаго общества диссидентовъ, пріобрѣтшій въ последнее время громкую извѣстность въ Англїи на поприщѣ христіанской проповѣди, родился 19 іюня 1834 года въ Келведонѣ, деревнѣ графства Эссекскаго, гдѣ его отецъ и дѣдъ были пасторами. Возросши среди семейства, свято хранившаго преданія страны и ту строгую простоту нравовъ, которую можно встрѣчать только среди населеній англійскихъ деревень, Спуржонъ рано отдался сердцемъ тѣмъ христіанскимъ началамъ, въ которыхъ былъ воспитанъ. Еще дитя, онъ уже выказываетъ порывы религіозной ревности, рѣдкіе и въ людяхъ зрѣлаго возраста. Къ кабинетнымъ занятіямъ Спуржонъ никогда не питалъ особеннаго расположенія: «величайшее наслажденіе», говоритъ онъ въ одномъ изъ предисловій къ своимъ проповѣдямъ, «выражать живымъ голосомъ идеи, которыя толпою осаждаютъ вашъ умъ; но какая тяжелая, мучительная работа сидѣть

передъ тетрадью и насильственно вызывать изъ памяти идеи и слова, которыя никакъ не хотятъ излиться на бумагу!» Не смотря на то, онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ въ коллегіумѣ, гдѣ онъ учился. Пятнадцати лѣтъ Спуржонъ поступаетъ гувернеромъ въ одинъ изъ общественныхъ пансіоновъ. Это время для него было временемъ тяжелаго испытанія, борьбы сердечныхъ вѣрованій, воспринятыхъ съ дѣтства, съ вопросами и сомнѣніями ума, еще не достигшаго зрѣлости, не утвердившагося въ своихъ началахъ. «И я», такъ говоритъ онъ въ послѣдствіи объ этой порѣ своей жизни, «и я также нѣкогда былъ свободнымъ мыслителемъ. И въ моей жизни была роковая минута, когда я оставилъ спасительный якорь вѣры и блуждалъ далеко отъ пристани Откровенія. Слава Всевышнему! Онъ спасъ меня отъ крушенія. Но я вамъ скажу одно объ этой порѣ своей жизни: это было не что иное, какъ странствованіе безъ отдыха по океану свободной мысли!» Въ шестнадцать лѣтъ Спуржонъ снова является христіанинномъ болѣе искреннимъ, чѣмъ когда-либо. Свое возвращеніе въ нѣдра вѣры онъ хотѣлъ запечатлѣть торжественнымъ обязательствомъ, и съ этою цѣлію снова принялъ крещеніе, по обычаю общества анабаптистовъ, въ настоящее время весьма распространеннаго въ Англіи.

Призванный занять мѣсто наставника въ Кембриджской школѣ, Спуржонъ старался употреблять всѣ свободные отъ занятій часы на посѣщеніе окрестныхъ деревень. Онъ входилъ въ дома поселянъ, читалъ имъ библію, училъ ихъ дѣтей, Вскорѣ его имя сдѣлалось извѣстнымъ во всѣхъ окружающихъ селеніяхъ графства. Всюду ожидали съ нетерпѣніемъ его прихода; вездѣ, куда онъ являлся, вокругъ него тѣснились толпы поселянъ, жаждавшихъ насладиться его бесѣдою. Отвѣчая ихъ желанію, Спуржонъ сталъ проповѣды-

вать предъ ними каждый вечеръ подъ открытымъ небомъ. Но эта проповѣдь носила характеръ довольно эксцентричный. Утренніе уроки, впечатлѣнія, подученныя во время дневныхъ прогулокъ по окрестнымъ полямъ,—все снабжало мысль Спуржона новыми образами и картинами, и въ результатъ всего у него выходило нѣчто несвязное, неупорядоченное, но въ то же время въ высшей степени трогательное и оригинальное.

Но другое, несравненно болѣе обширное поприще ожидало Спуржона. Молва объ немъ вскорѣ дошла до Лондона. Одна изъ значительнѣйшихъ церквей столицы изъявила желаніе слышать молодого проповѣдника. Спуржонъ принялъ приглашеніе, и въ короткое время успѣлъ приковать къ своей кафедрѣ вниманіе цѣлаго Лондона. Вскорѣ обширное зданіе Экситеръ-галла (Exeter-Hall) оказалось тѣснымъ для его многочисленной аудиторіи, и онъ вынужденъ былъ перенести свою кафедру въ садахъ сюррейскихъ. Въ настоящее время популярность Спуржона возрастаетъ годъ отъ году; его проповѣди расходятся тысячами и всюду читаются съ увлеченіемъ. Почти всю Англію обошелъ онъ въ качествѣ странствующаго миссіонера, и всюду тотъ же успѣхъ сопровождалъ его. Вотъ что говорить о его популярности въ Англіи одно изъ заграничныхъ духовныхъ изданій: «придите, сказано тамъ, въ воскресный день утромъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ звонъ колоколовъ призываетъ многочисленныхъ обитателей Лондона въ храмы, пройдите по отдаленнымъ, глухимъ улицамъ южной части этого города, вы встрѣтите тамъ толпы народа, въ молчаніи и восторгившихъ шагами стремящагося со всѣхъ концовъ столицы по направленію къ садамъ сюррейскихъ. Здѣсь вы увидите громадное готической архитектуры зданіе, въ ко-

торомъ свободно помѣщается до пятнадцати тысячъ чело-
вѣкъ. Войдите туда; вы найдете тамъ необозримую толпу
внимательныхъ, углубленныхъ въ себя слушателей. Въ
классы общества собираютъ сюда своихъ представителей.
Богатый негоціантъ здѣсь сходится съ простолюдиномъ;
квакеръ въ своемъ однообразномъ костюмѣ сидитъ рядомъ
съ служителемъ церкви англиканской; возлѣ лорда, важно
возсѣдающаго на скамьѣ съ молитвенникомъ въ рукахъ, вы
встрѣчаете грубыя, непривлекательныя черты матроса, на
лицѣ котораго, кажется, написано изумленіе, что онъ видитъ
себя въ этомъ почтенномъ собраніи. На возвышеніи, устро-
енномъ въ глубинѣ залы, появляется молодой человекъ,
двадцати трехъ лѣтъ, одѣтый скромно и просто, съ выра-
женіемъ доброты и откровенности въ лицѣ. Его видъ не объ-
щаетъ многого. Онъ говоритъ громко; но въ звукахъ этого
голоса вы не слышите ничего особенно симпатичнаго и
привлекательнаго; его жесты и рѣчь не отличаются класси-
ческою правильностію и изяществомъ; словомъ, при первомъ
взглядѣ на него, вы съ трудомъ вѣрите, что предъ вами ве-
ликій ораторъ. А между тѣмъ, вотъ уже шесть лѣтъ, какъ
этотъ человекъ всюду, гдѣ ни является, собираетъ вокругъ
себя многочисленныя толпы восторженныхъ слушателей.
Каждый знаетъ его въ Англій. Это дитя-проповѣдникъ, *boy
preacher*, какъ называетъ его народъ, это *Карлъ Спур-
жонъ* (*).

Что сказать о Спуржонѣ, какъ проповѣдникѣ? Отличитель-
ная черта его таланта, прежде всего бросающаяся въ глаза,
это—изумительное богатство образовъ и красокъ, которые
онъ щедрою рукою расточаетъ въ своихъ проповѣдяхъ. Отъ

(*) Revue Chretienne, 1858 an. № 4; Spurgeon, p. 238.

того самыя отвлеченныя истины въ его устахъ являются осязательными, доступными разумѣнію каждаго. Все у него животрепещеть, все облекается въ плоть и кровь. Его идеи встаютъ и проходятъ предъ вами, какъ живыя лица. Иногда эти образы въ высшей степени прекрасны и увлекательны; но чаще они сдѣняются съ такою быстротою, что невольно утомляютъ вниманіе, и вы чувствуете, что проповѣдникъ слишкомъ много даетъ воли своей фантазіи и переступаетъ границы добраго вкуса и умѣренности. Вѣроятно, надобно не читать, а слышать Спуржона, чтобы вполне понять ту силу очарованія, которою онъ господствуетъ надъ умами.

Замѣчательна также въ Спуржонѣ та легкость, съ какою онъ извлекаетъ нравственныя уроки изъ современныхъ событій или явленій природы. Такъ, напр., солнечное затмѣніе даетъ ему поводъ говорить о затмѣніяхъ, случающихся въ нравственномъ мірѣ и о необходимости переносить ихъ благодушно. «Знаете ли вы, восклицаетъ онъ, почему завтра сокроется солнце? . . Я увѣренъ, что никто изъ васъ еще не предлагалъ себѣ этого вопроса. Потому сокроется солнце, что оно хочетъ, чтобы люди смотрѣли на него. И дѣйствительно завтра вы будете встрѣчать на улицахъ людей со взоромъ, обращеннымъ къ небу, и сами въ первый разъ посмотрите въ лицо солнцу. Подобно сему и Богъ часто скрываетъ Свое лицо, какъ бы удаляется на время отъ міра, оставляетъ насъ во пракъ невѣдѣнія и умнія. Почему? Потому что Онъ хочетъ отвлечь наши взоры отъ земнаго и обратить ихъ всецѣло къ Себѣ!»

Еще одна характерная черта проповѣдей Спуржона,—это всюду преобладающее усиліе поставить въ параллель явленія жизни ветхозавѣтной съ жизнію современнаго христіанства; и въ этомъ случаѣ онъ невольно напоминаетъ тѣхъ

пуританъ временъ Кромвеля, у которыхъ для всѣхъ случаевъ общественной и частной жизни всегда на языкѣ были готовые тексты изъ книгъ ветхозавѣтнаго писанія...

Каковы бы ни были недостатки и нѣкоторыя странности, встрѣчающіяся по мѣстамъ въ проповѣдяхъ Спуржона, и легко объяснимыя или изъ личнаго характера проповѣдника, или изъ особаго склада англійской жизни, однако современная исторія христіанства едва ли можетъ представить другой примѣръ успѣха христіанской проповѣди, столь раннего и быстрого, и столь обширнаго и многообъясняющаго. Его вліяніе одно изъ благотворнѣйшихъ для Англіи, и ему принадлежитъ не малое участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ религіознаго возбужденія, которое нынѣ тамъ совершается почти повсемѣстно.

Желая ознакомить нашихъ читателей съ особенностями этого замѣчательнаго современнаго таланта, мы предлагаемъ здѣсь въ переводѣ слово Спуржона: «О грѣхѣ невѣрія», извлеченное нами изъ недавно вышедшаго французскаго изданія: *Choix de Sermons du R. C—H Spurgeon*.

Одинъ человекъ святой жизни можетъ спасти цѣлый городъ; одинъ праведный—сохранить отъ гибели тысячи неправедныхъ. Вѣрующіе,—соль земли: ради ихъ присутствія въ средѣ злыхъ, Господь щадитъ послѣднихъ. Если бы сыны Божіи не служили какъ бы предохранительнымъ врачествомъ для большинства людей, родъ человѣческой не существовалъ бы болѣе.

Въ городѣ Самаріи, по сказанію четвертой книги царствъ, находился одинъ только праведникъ: это Елисей, чело-

въ Божій. При дворѣ не было и тѣни благочестія. Царь Юрашъ былъ грѣшникъ, какихъ немного, преданный самому грубому разврату; его беззаконія безчестили землю и раздражали небо. Онъ шолъ во слѣданиѣ отца своего Ахава и открыто служилъ богамъ чуждымъ. Подобно царю, и жители Самаріи косвѣли въ невѣріи. Они оставили Іегову, и преклоняли колѣна предъ гнусными божествами язычества. За такое нечестіе, Господь предалъ Израиля въ руки враговъ его. По Его поущенію, сильное непріятельское войско обложило Самарію отвпѣ, между тѣмъ какъ внутри се терзалъ ужасный голодъ; грозное проклатіе, произпесенное на горѣ Геваль, можно сказать, исполнилось теперь буквально, и въ стѣнахъ Самаріи вскорѣ дѣйствительно увидѣли «женщину, слабѣйшую и чувствительнѣйшую изъ женъ, еще не обыкшую ходить по землѣ по причинѣ своей слабости и изнѣженности,» которая окомъ зависти смотритъ на своихъ собственныхъ чадъ, и въ яростномъ припадкѣ голода пожираетъ плодъ своей утробы (*).

Но въ эти ужасныя минуты, когда, казалось, гибель Самаріи была неизбѣжною, пророкъ Бога Вышняго является орудіемъ спасенія для виновнаго города. Устами Елисея Господь общаетъ торжественно, что на другой день, въ этотъ самый часъ, съѣстные припасы, которыхъ нельзя было достать теперь и на вѣсь золота, будутъ продаваться по дешевой цѣнѣ у самыхъ воротъ города. Легко представить себѣ радость народа, когда онъ услышалъ это пророчество. И прежде знали Елисея, какъ пророка Господня; его права на это высокое званіе отмѣчены были печатію божественною; все, что ни предсказалъ онъ доселѣ, исполнилось въ

(*) Слч. Втор. XXVIII, 56—58 съ 4 Цар. VI, 24—29.

точности: не очевидно ли было для всякаго, что и въ настоящемъ случаѣ онъ говорить отъ лица Божія? Навѣрно, взоръ царя освѣтился радостію и голодный народъ въ восторгѣ помышлялъ: «завтра мы утолимъ свой голодъ, завтра насытимся вдоволь!»

Но среди всеобщаго ликованія послышалось слово невѣрія. Это слово вышло изъ устъ военачальника, который былъ правую руку царя. «Невозможное дѣло!» вскричалъ сильный царедворецъ: «можетъ ли это случиться, хотя бы Вѣчный съ неба посыпалъ хлѣбъ?» А между тѣмъ чудеса, совершенныя Елисеемъ не задолго прежде, самымъ очевиднымъ образомъ говорили въ пользу того, что онъ былъ не простой человѣкъ, но посланникъ Божій.

Вѣроятно, военачальникъ самарійскій лично присутствовалъ при чудесномъ пораженіи Моава; вѣроятно, онъ слышалъ также и о томъ, какъ Елисей разоблачилъ тайныя намеренія Венадада, какъ поразилъ слѣпотою воиновъ, посланныхъ взять его, и привелъ ихъ плѣнниками въ Самарію. Нельзя думать, чтобы до него не дошла молва о воскрешеніи сына сунемитянки, или о той бѣдной вдовѣ, которой человѣкъ Божій доставилъ возможность уплатить долгъ и жить безбѣдно чудеснымъ умноженіемъ бывшаго у ней въ сосудѣ елея; что касается до исцѣленія Неемана, то, безъ сомнѣнія, объ этомъ чудѣ въ свое время не мало говорили при дворѣ. Несмотря на такія неопровержимыя доказательства въ пользу божественнаго посланничества пророка, военачальникъ не далъ вѣры словамъ его, даже болѣе, онъ встрѣтилъ ихъ насмѣшкой. Тогда Господь изрекаетъ ему смертный приговоръ устами того самаго человѣка, который за минуту предъ этимъ возвѣстилъ помилованіе осажденному городу: «вотъ ты увидишь это своими глазами», сказалъ

пророкъ, «но ѣсть не будешь.» Предсказаніе исполнилось въ точности. Неожиданный конецъ постигъ невѣра. Опрокинутый и влекомый толпами народа по улицамъ Самаріи, онъ былъ раздавленъ и погибъ въ самыхъ воротахъ города, удостовѣрившись собственными глазами въ обѣщанномъ изобиліи, но не воспользовавшись имъ. Неизвѣстны обстоятельства, вызвавшія эту печальную катастрофу: можетъ быть, несчастный раздражилъ народъ своимъ высокомернымъ и оскорбительнымъ обращеніемъ; можетъ быть, онъ пытался удержать въ границахъ жадную толпу, стремительно порывавшуюся къ воротамъ; можетъ быть также, его паденіе было дѣломъ простаго случая (какъ обыкновенно говорятъ въ свѣтъ); какъ бы то ни было, приговоръ, произнесенный надъ нимъ, совершился: онъ жилъ столько, сколько нужно было, чтобъ убѣдиться въ истинности пророчества, оправданнаго на его глазахъ событіемъ, но умеръ прежде, чѣмъ успѣлъ воспользоваться благодѣяніи, обѣщанными этимъ пророчествомъ.

Здѣсь обращаютъ на себя наше вниманіе два главные предмета: *грѣхъ*, въ которомъ сдѣлался виновенъ этотъ израильтянинъ, и *наказаніе*, которое онъ навлекъ на себя этимъ грѣхомъ.

I.

Грѣхъ этого человѣка былъ *несвѣріе*. Онъ не повѣрилъ слову Божію, возвѣщенному устами пророка, усумнился въ правдѣ и могуществѣ Всевышняго.

Ни одинъ грѣхъ не представляетъ въ себѣ такой сложности, какъ невѣріе; оно способно проходить болѣе фазъ, чѣмъ луна, мѣнять свои цвѣта быстрѣе, чѣмъ хамелеонъ. Въ на-

родѣ говорятъ, что духъ злобы часто является людямъ въ различныхъ образахъ. Это съ полною справедливостію можно сказать о неврѣіи, этомъ изчадіи ада; его имя *legions*, его виды многочисленны.

Иногда неврѣіе является подъ образомъ ангела свѣта; неврѣующій говоритъ: «сохрани меня Богъ отъ сомнѣнія, я не смѣю думать, что Господь проститъ меня; я такой великій грѣшникъ, что не смѣю надѣяться на Его милосердіе.» И часто подобныя рѣчи дѣйствуютъ обольстительно даже на добрыхъ христіанъ, и они радуются и благодарятъ Бога, что удостоились видѣть душу, проникнутую такими благими чувствованіями; но намъ кажется, не радоваться, а скорбѣть и воздыхать должно объ участи подобныхъ душъ; ибо подъ этою внѣшнею, благовидною одеждою смиренія укрывается гнѣздящійся въ нихъ демонъ сомнѣнія.

Иногда неврѣіе судитъ съ непомерною легкостію о вѣрности Божіей: «истинно,» говоритъ иной неврѣующій, «Господь возлюбилъ меня, но кто знаетъ, не отступитъ ли отъ меня Его любовь впоследствии? Истинно, я взмыслилъ Его милостію и ощущаю на себѣ присутствіе Его благодѣющей десницы; но я не знаю, всегда ли Онъ будетъ такъ милостивъ ко мнѣ?... Можетъ-быть, завтра же Онъ отринетъ меня?» Иногда, наконецъ,—посѣяваетъ въ душѣ сомнѣніе относительно всемогущества Божія. Встрѣчая съ каждымъ днемъ на пути своемъ новыя препятствія, запутываясь въ сѣти трудностей, многіе такъ помышляютъ въ сердцахъ своихъ: «видно Господь не силенъ помочь намъ въ этомъ случаѣ,» и вотъ, они ищутъ сами избавиться отъ гнетущаго ихъ бремени и, не успѣвая въ томъ, воображаютъ, что рука Божія такъ же коротка, какъ рука человѣческая, и что Его сила также немощна, какъ силы человѣческія.

Но если невѣріе и въ этихъ различныхъ видахъ опасно въ высшей степени, ибо столько душъ христіанскихъ держитъ вдали отъ Іисуса Христа, наполняя ихъ сомнѣніемъ въ Его всемогущество и благодати, то что сказать о томъ страшномъ, открытомъ, ужаснѣйшемъ изъ всѣхъ родѣ невѣрія, когда оно, выступая съ гордымъ челою и подъ своимъ настоящимъ знаменемъ, во всеуслышаніе изрекаетъ хулу на Бога и отрицаетъ Его бытіе? Такое невѣріе достигло уже крайней точки своего развитія, когда, сбросивъ съ себя личину и отложивъ въ сторону всякое притворство, оно съ дерзкимъ видомъ проносится по землѣ, испуская повсюду этотъ возмутительный крикъ: «нѣтъ Бога!», когда, простирая съ угрозою руки къ небу, оно какъ бы хочетъ потрясти самый тронъ Божества. Но въ какой бы формѣ, болѣе или менѣе грубой, болѣе или менѣе утонченной, ни вышло невѣріе,—его природа всегда одинакова: вѣтви дерева могутъ разнообразиться до безконечности, но сокъ въ нихъ всегда одинъ.

Есть въ мірѣ люди, очень странные, чтобы не сказать болѣе, которые не считаютъ невѣрія за грѣхъ. И, что всего удивительнѣе, подобное мнѣніе часто раздѣляется лицами, которыхъ религіозныя вѣрованія, въ другихъ случаяхъ, тверды и искренни. Трудно представить себѣ, какъ могутъ люди, повидимому относящіеся съ уваженіемъ къ Откровенному Слову, не принимать того, что Имъ возвѣщается. Если Писаніе говоритъ мнѣ: «Свѣтъ пришелъ въ міръ, а люди возлюбилъ тьму болѣе, нежели свѣтъ», если я читаю тамъ такія слова, «кто не вѣруетъ, тотъ уже осужденъ; ибо не увѣровалъ во ния Единороднаго Сына Божія:» то, не колеблясь, могу утверждать, послѣдуя слову моего Господа, что невѣріе есть грѣхъ! Да и, лучше сказать, нужно ли доказывать

эту истину? Не очевидна ли она для всякаго здраваго и непредубѣжденнаго ума? Какъ?... Развѣ это не вопіющая несправедливость, что тварь осмѣливается не вѣрить слову своего Творца? Развѣ это не преступленіе и не оскорбленіе для Божества, что я, ничтожный атомъ, песчинка, потерявшаяся въ неизмѣримомъ пространствѣ мірозданія, дерзаю спорить съ Всемогущимъ? Развѣ это не верхъ кичливости и гордости, когда сынъ персти говорить въ душѣ своей: «Господи, я сомнѣваюсь въ Твоей благодати, не довѣряю Твоей любви, не увѣренъ въ Твоемъ всемогуществѣ?»

Невѣріе по справедливости можетъ быть названо *матерью* *всѣхъ другихъ грѣховъ*. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ преступленія, котораго бы оно не могло породить. Оно главнымъ образомъ было причиною паденія нашихъ ирародителей. «Какъ?—спрашиваетъ искушитель Еву, — неужели Богъ сказалъ: не ѣшьте отъ всякаго дерева райскаго?»—Этимъ вопросомъ онъ искусно посягаетъ въ ея душѣ сомнѣніе, какъ бы такъ говоря: «правда ли, что вамъ дано такое запрещеніе?» Невѣріе было какъ бы тончайшею нитью убійственной сѣти, которою сатана опуталъ сердце Евы; оно отворило въ него широкую дверь любопытству, сластолюбію и всякаго рода нечистымъ помысламъ. Нельзя изчислить всѣ беззаконія, порожденныя невѣріемъ съ той самой, навѣки плачевной, минуты, какъ грѣхъ вошелъ въ міръ, а грѣхомъ смерть,

Невѣріе ожесточило сердце Фараона, оно разверзло богохульный языкъ Рабсака, оно, наконецъ, подвигло іудеевъ къ богоубійству и пригвоздило ко кресту Царя славы... Не оно ли и теперъ часто изощраетъ ножъ самоубійства, готовитъ кубокъ отравы и порождаетъ тысячи всякаго рода злодѣйствъ и преступленій? Въ немъ таится зародышъ всѣхъ

пороковъ, сѣмя всякаго нечестія; словомъ, нѣтъ ничего постыднаго, низкаго и возмутительнаго въ мѣрѣ, до чего не могло бы довести человѣка *невѣріе*.

Къ несчастію, невѣріе по временамъ прокрадывается и въ сердца сыновъ Божіихъ, уже вкусившихъ сладости благодати Христовой. Что можетъ быть печальнѣе того, когда искупленный дерзаетъ сомнѣваться въ словѣ своего Искупителя, чадо Небеснаго Отца, возлюбленное Имъ безъ мѣры, владѣющее безчисленными залогами Его милосердія, питаетъ недовѣріе къ Его вѣрнымъ глаголамъ и обѣтованіямъ? Въ христіанинѣ, какъ и въ человѣкѣ не знающемъ или не желающемъ знать Христа, недостатокъ вѣры служить источникомъ всякаго зла. Если бы я былъ совершенъ въ вѣрѣ, я былъ бы совершенъ и во всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ. Я свято хранилъ бы заповѣди Божіи, если бы живо вѣровала Его обѣтованія. Я грѣшу, потому что не твердъ въ вѣрѣ. Пусть я буду бѣденъ, обремененъ заботами, лишень всего, но если я всегда могу съ полнымъ упованіемъ воздѣть руки къ небу и сказать: «Вѣчный попечется обо мнѣ:» то я увѣренъ, меня никто никогда не увидитъ прибѣгающимъ къ какимъ-либо постыднымъ средствамъ для улучшенія своего положенія, а если, напротивъ, я не имѣю вѣры въ божественность обѣтованія: что можетъ произойти? можетъ случиться, что я или присвою себѣ чужое, или рѣшусь на другой какой-либо безчестный поступокъ, чтобы избѣжать напр. преслѣдованія со стороны своихъ кредиторовъ, или, наконецъ, буду искать забвенія своихъ безпокойствъ и лишеній въ жизни невоздержной и порочной. Отнимите у меня вѣру, и я буду не въ силахъ овладѣть своимъ плотскимъ человѣкомъ: какъ управлять непослушнымъ конемъ, не имѣя въ рукахъ ни узды, на поводѣ? Человѣкъ безъ

вѣры это — то же, что, упоминаемая въ баснѣ, солнечная колесница, которою править слѣпой Фаетонъ: подобно этой колесницѣ, невѣрующій блуждаетъ безъ цѣли, на произволь судьбы и, самъ не замѣчая того, прямо стремится къ своей погибели. Истинно, невѣріе есть мать пороковъ и болѣзней.

Но этого мало. Невѣріе не только рождастъ грѣхъ, оно еще питаетъ и поддерживаетъ его. Случалось ли вамъ когда нибудь спросить себя, отъ чего это происходитъ, что люди продолжаютъ жить по влеченію своихъ страстей въ то самое время, какъ въ ушахъ ихъ неумолкаемо раздаются внушенія божественной заповѣди? Какъ грѣшникъ, упорствуя въ своемъ ожесточеніи, не боится божественнаго правосудія, не думаетъ нисколько переменить свою жизнь и отказаться хотя отъ одной изъ своихъ порочныхъ привычекъ? Все это потому, что въ глубинѣ его сердца коренится невѣріе; оно-то дѣлаетъ его равнодушнымъ и невнимательнымъ къ божественнымъ внушеніямъ. Когда инженерамъ приходится работать въ виду укрѣпленій осажденнаго города: что дѣлаютъ они тогда? Они прежде всего озабочиваются вывести впереди себя земляныя насыпи, чтобы подъ прикрытіемъ этихъ искусственныхъ оградъ имъ можно было смѣло выдерживать огонь непріятельскій и беспрепятственно совершать свои подземныя работы. То же самое можно сказать и о невѣрующемъ. Оградой для него служитъ невѣріе: онъ устрояетъ себѣ эту защиту съ тою цѣлю, чтобы стрѣлы закона не ранили его совѣсти.

Отъ чего происходитъ, что люди слышатъ трогательный, убажжающій призывъ со Креста Голгоескаго, и не спѣшаютъ повергнуться къ стопамъ Иисуса? Отъ чего происходитъ, что, когда проповѣдники Евангелія пытаются изобразить предъ своими слушателями неизобразимыя страданія Хри-

стены, когда они говорятъ имъ о Его истощаніи и смерти на крестѣ, и вѣщаютъ ко всѣмъ отъ лица Божія: «есть еще мѣсто; идите, все готово,»—отъ чего тогда ихъ слово не потрясаетъ слушающихъ до глубины сердець? А кажется, что видъ Распятаго Иисуса на столько трогателенъ, что могъ бы размягнуть самый твердый мраморъ! Кажется, что зрѣлище голгоуское способно заставить плакать самые камни и должно бы извлечь слезы раскаянія и умиленія изъ очей самаго ожесточеннаго грѣшника! Но вотъ вамъ говорятъ обо всемъ этомъ, говорятъ не разъ, не два, а многократно, тысячи разъ: а между тѣмъ, гдѣ сокрушенные, гдѣ плачущіе? Скалы разсыпались при видѣ умирающаго Иисуса, а вы, грѣшники, вы, которые ежедневно созерцали Его, такъ сказать, вновь распинаемаго предъ вами, вы присутствуете при этомъ зрѣлищѣ съ такою безличностію и равнодушіемъ, какъ будто бы оно нисколько и не относилось до васъ! О, «вы всѣ, мимоходящіе, смѣтрите и видите», и что же? Неужели васъ не трогаетъ видъ Иисуса, простертаго на крестѣ? «Нѣтъ, это не трогаетъ насъ», кажется, готовы отвѣчать многіе изъ васъ... Почему же такъ? Потому, безъ сомнѣнія, что между вами и крестомъ Спасителя стоятъ преградою мысли невѣрія. Если бы густое облако сомнѣнія не заслоняло отъ васъ божественнаго лика Иисусова: Его любвеобильный, убажующій взоръ непременно расплавилъ бы ледъ сердець вашихъ. Но невѣріе какъ бы дѣлаетъ недейственнымъ могущество Евангелія, заграждая ему доступъ къ душѣ чловѣка.

Невѣріе дѣлаетъ чловѣка неспособнымъ къ доброму дѣлу. Слова апостола: «все, что дѣлается безъ вѣры, грѣхъ», истинны, какъ нельзя болѣе. Да не думаетъ кто-либо, чтобы, говоря это, мы имѣли въ мысляхъ унижить цѣну чловѣческой

правственности! Нѣтъ,—нельзя иначе говорить о честности, воздержаніи и всякой другой добродѣтели, какъ съ похвалою и уваженьемъ, нельзя не воздавать имъ заслуженной чести. Но намъ кажется, что всѣ мірскія добродѣтели можно уподобить въ этомъ случаѣ тѣмъ мелкимъ раковинамъ, которыя замѣняютъ настоящую монету въ извѣстныхъ областяхъ Индіи. Онѣ въ большомъ ходу между Индійцами, но ничего не стоятъ въ Европѣ. Такъ и наши добродѣтели безъ вѣры могутъ удобно ходить за настоящую монету здѣсь, на землѣ, но онѣ не могутъ оправдать насъ въ очахъ Божіихъ, если мы вѣрою не усвоимъ себѣ божественныхъ заслугъ Искупителя. Если въ васъ нѣтъ ничего болѣе совершеннаго, кромѣ такихъ совершенствъ, вы не взойдете на небо. Безъ сомнѣнія, еслибъ мнѣ довелось жить среди индійскихъ населеній, то я позаботился бы пріобрѣсти себѣ какъ можно болѣе раковинъ; но какъ я нахожусь въ странѣ цивилизованной, мнѣ необходима другая монета. Такъ, честность, воздержаніе и другія подобныя имъ естественныя добродѣтели весьма почтенны на землѣ, и чѣмъ болѣе вы успѣли пріобрѣсти ихъ себѣ, тѣмъ лучше; мы умоляемъ васъ, ищите и усвояйте себѣ все, что есть въ мірѣ справедливаго, почтеннаго и добраго; но въ то же время мы говоримъ вамъ: вамъ нужно нѣчто болѣе этого, чтобы взойти на небо. Безъ вѣры все это — мало. *Безъ вѣры, говоритъ апостоль, невозможно угодить Богу!*

Для вѣры и невозможное возможно. Въ доказательство этого вотъ простой случай, о которомъ повѣствуется въ Евангеліи. Апостоль Петръ вѣритъ слову Иисуса и идетъ къ Нему по волнамъ. Шествіе удивительное, безпримѣрное! Но вотъ онъ видитъ грозный валъ, прямо стремящійся на него, и его вѣра колеблется; можетъ-быть онъ думалъ: «не было

ли съ моей стороны излишнею пытливостію осмѣлится та-
кимъ образомъ странствовать по водамъ?» и тотчасъ же на-
чинаеть тонуть. Вѣра была поясомъ, который поддерживалъ
его на поверхности водъ. Съ нею онъ шелъ твердо и безбо-
язвенно, поколебалась вѣра, поколебалось мужество, и онъ
погружается въ волны. То же самое можетъ случиться и съ
каждымъ изъ насъ, если мы не будемъ тверды въ вѣрѣ. Мы
всѣ также, всѣ безъ исключенія, идемъ по волнамъ; ибо что
иное наша жизнь, какъ не постоянное странствованіе среди
яростныхъ волнъ? Хотите стоять твердо и невредимо въ
вѣдрѣ этого грознаго, бушующаго вокругъ васъ, моря? Идѣй-
те вѣру въ Бога. Въ ту самую минуту, какъ вы переста-
нете вѣрить, воды скорби зальютъ вашу душу, и вы погиб-
нете... О, зачѣмъ, зачѣмъ вы сомнѣваетесь еще, маловѣрные!

Вѣра развиваетъ всякую добрую мысль, всякое благое чув-
ствованіе, а невѣріе убиваетъ ихъ. Сколько молитвенныхъ
воздыханій, сколько священныхъ воплей заглушено имъ въ
самомъ началѣ, едва только они успѣли зародиться въ душѣ!
Сколько хвалебныхъ восклицаній, которыя могли бы звучать
мелодически въ небесныхъ хорахъ, не доходить до неба
только потому, что къ нимъ примѣшалось глетворное дыха-
ніе сомнѣнія! Сколько благородныхъ предпріятій, зачатыхъ
и лелѣянныхъ въ сердцѣ, остается безъ исполненія по при-
чинѣ невѣрія! Одинъ могъ бы быть превосходнымъ миссіонеромъ,
другой мужественнымъ провѣдникомъ Евангелія, еслибъ
невѣріе не охлаждало ихъ благородныхъ порывовъ. Вѣра для
христіанина то же, что для Самсона его волосы; отнимите у
него вѣру, и вы можете ослѣпить его и довести до совер-
шеннаго безсилія.

Невѣріе всегда влекло за собою разрушеніе. Чтобы убѣ-
диться въ томъ, раскройте опять Писаніе. Предо мною пер-

вобытнѣйшій міръ, сіяющій лучами красоты и величія, преисполненный жизни и движенія. Его горы радостною улыбкою приветствуютъ солнце, холмы весело купаются въ золотистой атмосферѣ. Дѣвы играютъ и пляшутъ въ тѣни деревьевъ; юноши оглашаютъ воздухъ звучнымъ громогласнымъ пѣніемъ. Но вотъ внезапно является старецъ, убѣленный сѣдинами, съ строгимъ и величественнымъ видомъ. Онъ подаетъ знакъ къ молчанію и говоритъ: « скоро, скоро найдетъ потопъ на землю; раскроются бездны, потекутъ воды и покроютъ все живущее на землѣ. »— « Ахъ, угрюмый и легковѣрный старикъ! Что общаго между нами и тобою? » отвѣчаютъ ему веселые голоса. « Оставь насъ въ покоѣ, не препятствуй намъ наслаждаться жизнью. Будетъ время еще подумать о потопѣ, когда потопъ придетъ; но онъ не придетъ, отчего ему придти? Ступай пугать другихъ несбыточными предсказаніями! » И съ этими словами беззаботная толпа снова начинаетъ пѣть, плясать, и веселиться... Но слушайте... Невѣрующіе! Слышите ли вы этотъ глухой и таинственный шумъ?.. Земля возмутилась и колеблется въ своемъ нѣдрѣ; страшная внутренняя борьба раздраетъ ея чрево,—и вотъ, оно расторглось, не выдержавъ грознаго напора стихій, и массы водъ, отъ начала міра заключенныя Творцемъ въ нѣдрахъ земли, и съ того самаго дня никогда не выступавшія на ея поверхность, съ шумомъ вырываются отвсюду и текутъ по землѣ неудержимымъ потокомъ... А сводъ небесный?.. Онъ раздвоился и извергаетъ не капли воды, а цѣлые потоки... Двѣ бездны, небесная и преисподняя, сошлись вмѣстѣ. Гдѣ же вы теперь, невѣрующіе? Ищу васъ, и не нахожу... Все разрушено, ниспровергнуто, поглощено водами... Какое вопіющее преступленіе вызвало эту страшную катастрофу?.. Нужно ли называть его?.. Это невѣріе... Вѣрю спасся Ной; невѣріе погубило міръ!

Раскроемъ опять Писаніе. Вотъ два великіе служители Божіи—Моусей и Ааронъ. Они получили назначеніе ввести израильскій народъ въ землю Ханаанскую; но сами не вошли въ нее. Почему такъ? Слово Божіе даетъ намъ прямой отвѣтъ на это. Они не явили предъ народомъ могущества Іеговы при водахъ пререканія; они ударили въ скалу посохомъ съ видомъ нетерпѣнія; словомъ, оказали себя невѣрующими,—и вотъ Господь осудилъ ихъ умереть внѣ земли обѣтованной, внѣ той самой прекрасной страны, о которой они такъ много воздыхали, для которой понесли столько трудовъ, скорбей и лишеній!..

Другой примѣръ... Перенесемся мысленно въ дикія, пустынные страны, которыми нѣкогда проходили Моусей и Ааронъ. Что это? Вотъ лежитъ скелетъ, убѣленный солнцемъ, вотъ другой, тамъ третій, еще далѣе тысячи другихъ... Что значать эти высохшія кости? Откуда такое множество останковъ человѣческихъ въ этихъ отдаленныхъ и пустынныхъ мѣстахъ? Можетъ-быть, грозный вѣтеръ пустыни, или непріятельскій мечъ истребилъ здѣсь въ одну ночь цѣлую армію?.. Нѣтъ, эти кости—кости Израиля; это останки древнихъ полчищъ Іакова. Они не вошли въ страну обѣтованную за свое невѣріе, потому что не возложили упованія на Бога. Когда соглядатаи возвратились и объявили, что завоеваніе Ханаана дѣло невозможное,—народъ повѣрилъ имъ болѣе, чѣмъ Іеговѣ. Вотъ почему трупы цѣлаго поколѣнія легли въ этой пустынѣ. Не воинственные потомки Ганака сразили Израиля; не знойное дыханіе пустыни усыпило на вѣки сыновъ его; не воды Іордана заградили имъ входъ въ землю обѣтованную; не Есевитяне и ни Іевусеяне заставили ихъ лечь костями въ этой пустынѣ; нѣтъ,—ихъ сгубило одно: это невѣріе! О, несчастный Израиль! Послѣ сорокалѣтняго тяжелаго странство-

ванія по пустынь, ты осужденъ умереть внѣ земли обѣтованной единственно въ наказаніе за твое невѣріе!

И сколько подобныхъ примѣровъ могло бы представить намъ Писаніе! Но если вы хотите видѣть грозныя послѣдствія невѣрія во всей ихъ ужасающей наготѣ, если вы желаете знать, какъ наказываетъ Господь цѣлый народъ за его невѣріе,—идите присутствовать при осадѣ Іерусалима, при этой страшной рѣзнѣ, безпримѣрной въ лѣтописяхъ исторіи. Вы увидите тамъ Римлянъ, срывающихъ до основанія стѣны священнаго города; увидите несчастныхъ жителей его, сотнями тысячъ гибнущихъ отъ меча непріятельскаго или, подобно рабамъ, влекомыхъ на продажу на общественные рынки. Прочтите плачевную исторію разрушенія Іерусалима, остановитесь мыслію на трогательномъ разсказѣ о смерти этихъ Іудеевъ, которые, не желая отдаться живыми въ руки Римлянъ, и не видя никакихъ средствъ ко спасенію, въ отчаяніи убиваютъ другъ друга! Но зачѣмъ долго останавливать вниманіе на прошедшемъ? Судъ Божій не тяготѣетъ ли еще и доселѣ надъ виновнымъ народомъ? Не видимъ ли мы и теперь Израиля разсѣяннымъ по лицу земли, изгнаннымъ, блуждающимъ, лишеннымъ національности и свободы? Онъ отторгнутъ отъ великаго семейства народовъ, какъ виноградная вѣтвь отторгается отъ своей лозы. Вы спросите, почему такъ строго поступлено съ нимъ? Потому, что онъ не увѣровалъ въ Сына Божія. Да, въ этомъ, и ни въ чемъ другомъ, заключается причина тѣхъ страшныхъ, невообразимыхъ бѣдствій, которыя обрушились на Израиля. Посему, каждый разъ, какъ вы встрѣчаете іудея съ мрачнымъ и унылымъ взоромъ, каждый разъ, какъ вы видите этого сына отдаленной земли, попирающаго ногами, подобно изгнаннику, страну чужеземную, углубляйтесь тогда въ самихъ себя и говорите въ душѣ

своей: «о Израиль! невѣріе содѣлало тебя убійцею Христа, оно разсыяло тебя между народами, — и только вѣра, вѣра въ Распятаго тобою Назарянина можетъ ввести тебя въ твое древнее отечество и возвратитъ ему первобытный блескъ и величіе!»

Когда евангеліе говоритъ намъ о хулѣ на Духа Св., какъ о такомъ грѣхѣ, который не отпустится ни въ сей жизни, ни въ будущей: оно разумѣетъ въ этомъ случаѣ не иное что, какъ напѣренное, ожесточенное противленіе истинѣ, иначе сказать, разумѣетъ невѣріе. Безъ сомнѣнія, колебаніе вѣры въ христіанствѣ, христіанствѣ не по имени только, но по духу и жизни, отпустится ему; ибо это наловѣріе только временное, минутное; но что касается до невѣрія ожесточеннаго, вераскаивнаго, то оно никогда не было и не будетъ отпущено. Испытайте Писаніе отъ начала до конца, и вы увидите всюду, что человекъ, который отходитъ въ загробную жизнь ожесточеннымъ и невѣрующимъ, ничего не можетъ ожидать для себя, кромѣ вѣчнаго осужденія. «Кто не вѣруетъ, тотъ будетъ осужденъ!»

II.

Доселѣ мы пытались опредѣлить природу и указать главныя характеристическія черты *того грѣха*, въ которомъ сдѣлался виновенъ самарійскій военачальникъ. Остается теперь разъяснить сущность наказанія, которымъ сопровождался грѣхъ его. «Ты увидишь это своими глазами, но ѣсть не будешь», — вотъ приговоръ, изреченный ему устами Елисея отъ лица Божія!

Слышите ли вы этотъ грозный приговоръ, невѣрующіе? Онъ падеть и на васъ, если вы не обратитесь на путь вѣры.

«И вы также будете видѣть собственными глазами, но ѣсть не будете!» Это въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ относиться даже къ сынамъ вѣры и благодати. Когда ихъ вѣра немощна, они только созерцаютъ чудеса божественной благодати, но сами остаются непрічастны имъ. Въ св. церкви имъ предлагается духовная пища въ изобиліи. Они видятъ своими глазами хлѣбъ жизни, но не вкушаютъ его. Еслибы они приходили въ домъ Божій съ сердцемъ простымъ и довѣрчивымъ: они никогда не выходили бы оттуда алчущими или жаждущими. Есть даже христіане столь разборчивые въ этомъ отношеніи, что, если духовная пища предлагается не такъ изысканно, какъ бы имъ хотѣлось, не по ихъ личному вкусу и взгляду, то они уже отвращаются отъ нея. Гдѣ же, гдѣ, если не въ невѣріи, кроется тайная причина этого пытливаго, безпокойнаго духа, не позволяющаго сынамъ церкви пользоваться тѣми высокими благами, которыя она предлагаетъ имъ на своей духовной трапезѣ? Если вы вѣруете, для васъ довольно одного вида безкровной жертвы, возносимой на престолѣ священнодѣйствующихъ, одного божественнаго обѣдованія, одного слова истины и спасенія, возвѣщеннаго съ высоты христіанской каѳедры, чтобы умилился духомъ и обрѣсти въ себѣ Христа. Ибо не все то, что мы видимъ и слышимъ, но только то, что усвоимъ себѣ живою и дѣйственною вѣрою, только одно то можетъ приносить въ нашихъ душахъ драгоцѣнные плоды жизни и спасенія.

Но особенно къ сынамъ вѣка сего относится это грозное слово: «ты увидишь своими глазами, но ѣсть не будешь.» Въ самомъ дѣлѣ, они видятъ совершающіяся предъ ихъ глазами великія дѣла благодати Божіей, и въ то же время остаются совершенно чужды имъ. Они выходятъ изъ дома Божія съ такою же пустотою въ душѣ, съ какою вошли въ

него; это потому, что ихъ влечетъ туда не вѣра, а развѣ только любопытство. Они приходятъ и видятъ, не одинъ разъ, не два, а можетъ-быть, тысячи разъ, и не получаютъ никакого плода. Вокругъ нихъ, можетъ-быть, уже совершается великое дѣло обращенія. Вотъ душа, окриленная надеждою милосердія Божія; вотъ грѣшникъ, проникнутый чувствомъ своей виновности, источающій слезы умиленія и любви; здѣсь молитвенный вопль, износимый изъ глубины сокрушеннаго и смиреннаго сердца; тамъ голосъ повторяетъ виѣсть съ мытаремъ: «Боже! будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику!» А они... Ихъ ничто не трогаетъ; ко всему они холодны и равнодушны; ни о чемъ не хотятъ знать, ничему сочувствовать; никакое святое дѣло не совершается въ глубинѣ сердца ихъ. И можетъ ли быть иначе? Вы считаете это дѣло невозможнымъ, сомнѣваетесь во всемогуществѣ Божиѣмъ, не довѣряете Его вседѣйствующей и всесовершенной силѣ, иначе сказать, въ васъ нѣтъ вѣры; потому-то, въ то время, какъ въ душахъ окружающихъ происходитъ спасительный переворотъ, слышится вѣяніе всемогущаго Духа, ваши души остаются нераскаянными, чуждыми жизни и спасенія.... «Вы видите собственными глазами, но ѣсть не можете!»

Но это еще не все. Страшнѣйшія послѣдствія этого приговора ожидаютъ невѣрующихъ впереди. Что значить гнѣвъ настоящаго времени въ сравненіи съ гнѣвомъ грядущаго? О, тогда-то поистинѣ «они будутъ видѣть своими глазами, но ѣсть не будутъ!»

Я представляю себѣ, что великій день Суда уже наступилъ. Времени нѣтъ болѣе; замеръ и исчезъ послѣдній, погребальный звукъ его. Океанъ кипитъ и волнуется. Вижу радугоу, вижу грозную тучу, пролетающую небесныя про-

странства; на ней престолъ, а на престолѣ возсѣдѣтъ Подобный сыну человѣческому. О, это Онъ! въ Его десницѣ вѣсы божественнаго правосудія; предъ Нимъ разгнутыя книги: книга жизни, книга смерти, книга памяти. Я улаждаюсь Его величіемъ; созерцаю славу Его пришествія, и трепещу отъ радости, что Онъ пришелъ наконецъ «принять честь отъ святыхъ Своихъ.» Но вотъ усматриваю въ отдаленія толпу несчастныхъ, трепещущихъ, потерянныхъ, съ отчаяніемъ во взорѣ; они повергаютъ лица свои во прахъ, ищутъ укрыться отъ взора всѣхъ. «Скалы, вопіютъ они, падите на насъ! горы, сокройте насъ отъ лица Его!» Чей же это видъ вселяетъ въ нихъ такой ужасъ?—Видъ Иисуса, того Иисуса, Который нѣкогда приходилъ страдать и умереть, а теперь грядетъ во славу, чтобъ судить міръ. Но тщетно, грѣшники, тщетно вы ищете убѣжать отъ лица Сына человѣческаго; нѣтъ, вы осуждены взирать на Того, Кого вы пронзили. Вы не сядете одесную Господа, облеченные въ свѣтлыя одежды; но вы будете свидѣтелями Его славы; и когда Онъ явится торжественно на облакахъ небесныхъ, окруженный безчисленнымъ множествомъ избранныхъ Своихъ,—вы не присоединитесь къ Нему, но вы увидите Его своими глазами! Смотрите, какъ увѣровавшіе въ Него и искупленные Имъ рукоплещутъ Ему? Слышите ли вы ихъ радостныя клики: «Ты взошелъ на высоту, Ты плѣнилъ адъ» (*). Взгляните на ихъ одежды бѣлѣйшія снѣга; посмотрите, какая радость свѣтится въ ихъ взорахъ, какими блаженствомъ дышатъ ихъ лица! Слушайте, вотъ они начинаютъ пѣть: «аллилуія! Господь Богъ Всемогущій воцарился» (**). А голосъ

(*) Пс. LXVII, 19.

(**) Апек. XIX, 6.

Вѣчнаго отвѣчаетъ имъ: «Я возрадуюсь о тебѣ радостію великою, Я возрадуюсь о тебѣ и возликую; ибо Я обручился съ тобою на вѣки!» (*) А вы гдѣ теперь, невѣрующіе? Брачное пиршество готово; званые уже занимаютъ мѣста за трапезою царя; а вы гдѣ? Увы! для васъ нѣтъ мѣста тамъ; вы, несчастные и обезславленные, лишены всѣхъ благъ великаго праздника; «вы видите своими глазами, но бѣсть не можете»!

Еще одно слово. Грѣшникъ нераскаянный, я вижу тебя прикованнымъ къ скалѣ во глубинѣ адской пропасти, терзаемаго жесточайшими угрызениями совѣсти. Ты устремляешь взоръ къ небу, и видишь тамъ Лазаря, покоющагося на лонѣ Авраама. «Возможно ли это? вопіешь ты. Какъ? Этотъ нищій, который пѣкогда лежалъ въ грязи у воротъ моихъ, этотъ несчастный, котораго раны приходили лизать псы, — этотъ самый теперь на небѣ блаженствуетъ, а я изнываю въ мукахъ! Какъ? Этотъ Лазарь, бѣдный, ничтожный, никѣмъ неизнаемый при жизни, теперь превознесенъ и возвеличенъ, а я, извѣстный всему свѣту богачъ, заключенъ навѣки въ преисподнюю! Отче Аврааме! умиосердись надо мною, пошли Лазаря, пусть онъ омочитъ конецъ перста своего въ водѣ, и прохладитъ мнѣ языкъ!» Но тщетна твоя молба, грѣшникъ! Самымъ ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ адскихъ мученій для тебя будетъ то, что ты испытаешь въ душѣ, когда увидишь святыхъ ликующихъ и блаженствующихъ со Христомъ, а себя — навѣки отчужденнымъ отъ Христа и Его царствія! О юноша! Вотъ мать твоя на небѣ, а тебѣ нѣтъ мѣста тамъ! Вотъ братъ твой, который пѣкогда спалъ съ тобою въ одной колыбели, игралъ у одного очага, вотъ онъ — превозне-

(*) Соф. III, 17, и Осія II, 19.

сень и возвеличенъ, а ты низверженъ даже да ада! Супругъ! вотъ твоя жена въ жилищѣ блаженныхъ, а ты, ты въ ряду осужденныхъ и отверженныхъ! Отецъ! вотъ твое дитя стоитъ предъ престоломъ Всевышняго, а ты мучишься во адѣ! О,— можно ли изобразить, что должно произойти въ сердцѣ осужденнаго грѣшника, когда онъ увидитъ своихъ родственниковъ, близкихъ друзей, наслаждающихся неизъяснимыми утѣхами рая, а себя навѣки лишеннымъ всѣхъ благъ царствія! «Ты увидишь это своими глазами, но ѣсть не будешь!»

А теперь мы закликаемъ васъ смертію Христа, Его кровавымъ потомъ, Его крестомъ и страстію, закликаемъ всемъ, что есть священнаго на землѣ и святѣйшаго на небѣ, невыразимыми муками ада, неизъяснимыми утѣхами рая,—заклинаемъ всемъ, — обратите должное вниманіе на эти высокіе предметы, заслуживающіе вниманія и размышленія цѣлой жизни; берегитесь относиться къ нимъ какъ-нибудь легко и поверхностно; помните, что, если вамъ грозитъ вѣчная погибель, то эта гроза тяготитъ надъ вами по причинѣ вашего невѣрія. Да, если вы погибнете (отъ чего да сохранить васъ Господь): то потому именно, что отреклись увѣровать во Христа, и самую горькою каплею вашихъ мученій за гробомъ будетъ мысль, что вы не восхотѣли довѣрить себя всецѣло Ходатаю Іисусу, Тому, Который сказалъ: «Я не отвергну того, кто придетъ ко Мнѣ!»

Свящ. Н. Протопоповъ.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ

Религіозный вопросъ въ настоящее время составляетъ одинъ изъ трудныхъ вопросовъ для Франціи. Чтобы ясно понять то, что теперь тамъ происходитъ, необходимо припомнить, какъ въ свое время духовенство сильно помогло нынѣшнему правительству Франціи. Опасаясь преобразованія отношеній церкви къ государству, могущаго изойти изъ республиканскаго правленія, духовенство выразило неограниченную радость при паденіи республиканской формы правленія. Нѣкоторые прелаты и генеральные викарии епархій не усомнились въ то время провозгласить главу новаго правленія новымъ Киромъ и даже Константиномъ великимъ. Въ особенности отличилась превыспренними похвалами новой власти ультрамонтанская партія, представленная въ то время журналомъ L'Univers, нынѣ Monde. Еще тогда люди степенные и дѣйствительно религіозные не могли не осуждать рукоплесканій духовенства, которое нѣсколько

мѣсяцевъ назадъ, съ такимъ же восторгомъ приняло возстановленіе республики. Однако новое правительство стало въ самыя дружескія отношенія къ духовенству.

Императоръ, назначая г. Фортуля (Fortoul) въ министры народнаго просвѣщенія и богослуженій, сказалъ ему слѣдующія весьма значительныя слова: «дѣйствуйте за одно съ ультрамонтанцами, они сильно мнѣ помогли къ моему избранію». И дѣйствительно, во все министерское управленіе г. Фортуля, всѣ новоизбранные правительствомъ епископы были назначаемы изъ среды самыхъ отъявленныхъ ультрамонтанцевъ, и правительство, предупреждая желанія всѣхъ епископовъ, не щадило государственной казны, когда шло дѣло о возобновленіи кафедральныхъ соборовъ и иныхъ религіозныхъ памятниковъ.

Все шло прекрасно до самой той минуты, когда вдругъ французскій императоръ смѣлымъ оборотомъ въ своей политикѣ предпринялъ италіанскую компанію. Французскій отрядъ войска охранялъ папу отъ внутренняго переворота въ Римѣ; но въ сущности политикою императора французовъ уже начинали быть недовольными. Наконецъ разобрали, что главною его цѣлью было не поддержаніе гражданской власти папы, а уничтоженіе во всей Италіи вліянія Австріи. Духовенство надѣялось, что императоръ не утвердитъ возстанія и отложенія отъ папской власти Романій, передавшихся Виктору Эммануилу; оно все надѣялось, что императоръ останется непоколебимъ въ своемъ намѣреніи создать италіанскую конфедерацію, и что папскія владѣнія останутся незатронутыми и въ ихъ бывшемъ объемѣ: оно не обращало вниманія на отвращеніе романскихъ народонаселеній къ гражданской власти римскаго первосвященника. Но когда оно наконецъ вынуждено было удосто-

вѣрится, что надежды, питаемыя имъ относительно выгоды папы, остались тщетными, и что Наполеонъ III, созвавъ всѣхъ италіянцевъ на возсозданіе независимой Италіи отъ Альпійскихъ горъ до Адриатики, не хотѣлъ силою возвратитъ папѣ отпадшія области; тогда духовенство вдругъ измѣнилось въ своихъ чувствахъ къ правительству. Со всѣхъ сторонъ оно начало расъязать противу долгоденствія имперіи сомнѣніе и страхъ за ея будущность. Г. Пій (M. Pie), епископъ Поатье (Poitiers), одинъ изъ отчаяннѣйшихъ ультрамонтанцевъ не усомнился при освященіи храма въ одномъ изъ департаментскихъ городовъ, въ присутствіи г. префекта и всѣхъ прочихъ гражданскихъ, административныхъ и судейскихъ мѣстныхъ властей, съ высоты кафедръ выговорить слѣдующія суровыя слова; «спаситель, извлекшій насъ наканунѣ изъ опасности, заставляетъ устрашаться за будущность.» Слова эти послужили знакомъ страшнаго сопротивленія со стороны католиковъ. Борьбу продолжили въ своихъ брошюрахъ орлеанскій епископъ и нѣкоторые другіе религиозные полемисты, такъ что наконецъ императорское правительство нашлось вынужденнымъ и рѣшилось запретить l'Univers, самый отчаянный органъ ультрамонтанской партіи, нѣкогда превозносившій императора до небесъ, и сдѣлавшійся его злѣйшимъ противникомъ. Но мѣра эта не произвела ожидаемаго результата. Епископы не прекращали выраженій своего неудовольствія, и пастырскія посланія превратились въ политическія брошюры, изливавшія съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ хулу на императора, не хотѣвшаго возвратитъ папѣ утраченныхъ имъ областей.

Правительство, опасаясь дабы пастырскія посланія епископовъ, обнародываемыя въ видѣ брошюръ, не увлекли за

собою общаго мнѣнія, рѣшилось разослать ко всѣмъ префектамъ циркуляръ, въ силу котораго всякое пастырское посланіе, пущенное въ видѣ брошюры, было причислено къ симъ послѣднимъ, и потому подвержено постановленіямъ, существующимъ для политическихъ брошюръ, на которыя налагается штемпель послѣ предъявленія въ префектуру.

Духовенство вознегодовало противу такой мѣры. Но постановленіе было весьма законное; исключались изъ него только пастырскія посланія чисто религіозныя, и потому, не смотря на нѣкоторыя и то неудачныя частныя попытки, епископы были вынуждены покориться требованіямъ правительства. Но не менѣе того они всюду кричали на гоненіе, объявляя, гдѣ только могли, что церковь болѣе не независима и находится въ неволѣ. Истина въ томъ, что въ сущности у католическаго духовенства отнято исключительное право, которымъ оно пользовалось доселѣ, и такимъ образомъ изданіе епископскихъ брошюръ уничтожено и дѣйствіе ихъ ослаблено.

Духовенство, убѣдившись окончательно, что ему болѣе не удастся вовлечь Наполеона III къ восстановленію силою гражданской власти папы, и къ тому же видя, что онъ съ своей стороны совершенно отсталъ отъ ультрамонтанской партіи, само наконецъ обратилось къ партіи легитимистской. Прежде оно нѣсколько лѣтъ сряду оказывалось довольно холоднымъ къ правамъ Генриха V, довольствуясь отъ времени до времени только скромнымъ упоминаніемъ о семъ искателѣ французскаго престола. L' Univers, неоднократно пускался даже въ непочтительныя разсужденія относительно законной королевской власти, ясно выражая свои убѣжденія, что необходимо поддерживать то правительство, которое поддерживаетъ церковь, и потому постоянно льстилъ импе-

ратору. Но отношенія къ духовенству императора измѣнились, и духовенство перенесло всѣ свои надежды на возстановленіе старшей вѣтви бурбонской династіи. И такимъ образомъ воспослѣдовало весьма тѣсное согласіе ультрамонтанской партіи съ легитимистами.

Для этихъ послѣднихъ союзъ съ духовенствомъ представлялся находкою. Легитимисты ласкали себя надеждою, что, будучи поддерживаемы религіознымъ мнѣніемъ, тѣсно связавшись съ нимъ, они достигнутъ силы для того, чтобы завладѣть умами и втянуть ихъ въ сопротивленіе правительству. Легитимистско-клерикальный союзъ былъ заключенъ, и объ примирившіяся партіи начали сильно дѣйствовать на общественное мнѣніе въ провинціяхъ, гдѣ умы легко воспламеняются, и гдѣ вообще они гораздо болѣе отстали, чѣмъ въ Парижѣ и въ прочихъ большихъ городахъ. Болѣе всего старались возбудить Поату и Орлеанъ, (Poitou et Orléanais), въ которыхъ болѣе всего находится замковъ, принадлежавшихъ древнимъ дворянскимъ родамъ. Поатъе городъ исключительно легитимистскій, и епископъ поатъесскій, по убѣжденію ли, или изъ одного желанія добиться исключительнаго вліянія въ своей епархіи, со дня своего пріѣзда выказался самымъ рьянымъ легитимистомъ. Его тенденціи дошли до того, что однажды, когда Наполеонъ, будучи еще президентомъ, прѣздомъ черезъ Поатъе, давая тамъ обѣдъ, на которомъ были всѣ мѣстныя знаменитости и самъ епископъ, — желая оказать высокому духовному сановнику свое уваженіе, подалъ ему звѣзду почетнаго легіона, епископъ ему отвѣтилъ, что онъ довольствуется своимъ епископскимъ окрестомъ, и не нуждается ни въ какихъ иныхъ знакахъ отличія, но что проситъ почетнаго легіона для одного изъ старшихъ священниковъ своей епархіи, и указалъ на

почтеннаго старика, которому и передалъ знакъ отличія. Объ этомъ происшествіи, надѣлавшемъ много шума въ Поатье, не упомянулъ тогда ни одинъ изъ французскихъ журналовъ. Такимъ образомъ г. Пій добился на всемъ западѣ (Франціи) необыкновеннаго вліянія. Разрывая всякую возможную связь даже въ то время съ Наполеономъ, онъ давалъ несомнѣнный залогъ своей приверженности всей легитимистской партіи.

Болѣе всего могли теперь убѣдиться въ перемѣнѣ политическихъ убѣжденій духовенства выходками орлеанскаго епископа, который, придерживаясь галликанизма, не усомнился стать за одно съ прочими легитимистскими и ультрамонтанскими епископами, хотя въ душѣ своей онъ совершенно и не ультрамонтанецъ и не легитимистъ, каковъ напр. епископъ Поатье. Передъ единствомъ политическихъ выгодъ исчезла всякая старинная вражда изъ-за религіозныхъ убѣжденій.

Вербованіе французскихъ волонтеровъ для папской арміи дало случай легитимистамъ собраться, сговориться, сгруппировать вокругъ извѣстнаго средоточія всѣ свои силы. Іезуиты, изгнанные изъ большей части Италіи, и естественнымъ образомъ обвиняя въ своихъ бѣдствіяхъ французское правительство, всѣмъ тѣломъ и душою вошли въ легитимистскій заговоръ. Благодаря монахинямъ *sacré-sœur*, которымъ препоручено большею частью воспитаніе дѣвицъ главнѣйшихъ французскихъ семействъ, и которыми управляютъ іезуиты, они пользуются во Франціи страшнымъ вліяніемъ. Къ тому же у іезуитовъ нѣсколько важнѣйшихъ школъ, въ которыхъ они воспитываютъ всю знатную и аристократическую молодежь, и такимъ образомъ находятся въ непрестанныхъ сношеніяхъ со всею знатью, большею частью воспитанною ими же. Іезуиты всѣмъ извѣстны: они дѣятельны, изворотли-

вы, умѣють употреблять всякія средства и владѣть ими въ сокровенности непроницаемой тайны къ достиженію своихъ цѣлей. Планъ всѣхъ союзныхъ заговорщиковъ состоялъ въ одномъ—въ возстановленіи по всей южной Европѣ легитимистскихъ династій: Бурбоновъ во Франціи и въ Испаніи, герцоговъ въ ихъ итальянскихъ областяхъ, папы въ его провинціяхъ, отшедшихъ къ Піемонту.

Необходимъ былъ главнокомандующій для военныхъ силъ, набираемыхъ отсюда, и выборъ палъ на генерала Ламорисьера, личнаго врага Наполеона III. На эту вражду рассчитывали для отстраненія республиканскихъ убѣжденій бывшаго генерала, и къ сожалѣнію не ошиблись. Въ сущности *итальянскій крестовый походъ* (croisade italienne), какъ называли его сами легитимисты, ультрамонтанцы и іезуиты въ своихъ брошюрахъ и журналахъ, былъ не что иное, какъ попытка возстановленія на Югѣ Европы всѣхъ изгнанныхъ династій.

Теперь уже извѣстно, какъ всѣ надежды возстановителей испарилась въ суетномъ дымѣ. Предпріятіе Монтемоляна (Montemolin) окончилось въ Испаніи ничѣмъ, итальянскимъ герцогамъ не удалось переступить даже черезъ границы своихъ бывшихъ владѣній; а папскій генералиссимусъ, разбитый въ пухъ при первой же битвѣ, и сознавая самъ, что первосвященническое правительство нисколько не заботилось дать ему въ руки возможныя средства къ борьбѣ, покинулъ дѣло вѣроятно осужденное на окончательную гибель.

Французскіе легитимисты между тѣмъ не шевельнулись во Франціи; имъ очень хорошо извѣстно, что ни одинъ бретонецъ, ни одинъ вандеецъ, принадлежащій къ крестьянскому сословию, ни за что не подымется на пользу роялистовъ.

Паденіе неаполитанскаго Бурбона, завладѣніе Викторомъ-

Эммануиломъ Мархій и Умбрін, гражданская власть папы, едва существующая, и-то въ силу временнаго штыковаго покровительства императора, политика котораго заключается именно въ успѣшномъ выжиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ, въ изнуреніи временемъ всего, что несообразно съ его личными видами, и въ умѣніи придать потомъ самому себѣ всю честь и славу совершившагося событія, притомъ вполнѣ гармонирующаго съ общественнымъ мнѣніемъ,— все это высказываетъ ясно, какъ глубоко ошиблась въ своихъ расчетахъ легитимистско-клерикальная партія.

Но всѣ эти непрестанныя неудачи нисколько не ослабили надеждъ людей, принадлежащихъ къ этой партіи, отличающейся въ особенности своимъ упрямствомъ и стойкію, едва понятными для насъ. Ихъ надежды также живучи, какъ и въ первый день, въ который началась борьба. У нихъ осталось въ рукахъ послѣднее средство, на которое впрочемъ въ политикѣ опасно основывать свои расчеты и надежды. Средство это—ожиданіе чуда со стороны Провидѣнія.

Варшавскій съѣздъ необыкновенно оживилъ и воодушевилъ умы духовенства и дворянства. Они нисколько не скрывали своихъ радостныхъ ожиданій общеевропейскаго возстанія противу Франціи, котораго желаютъ и понынѣ еще отъ всей души, и которое не вышло изъ свиданія трехъ монарховъ.

Между тѣмъ, неумѣніемъ или нежеланіемъ скрыть своихъ пламенныхъ желаній и ожиданій, они возбудили противу себя непреодолимое отвращеніе въ массахъ народа. Со всѣхъ сторонъ слышатся на нихъ чуть ли не проклятія. «Посмотрите, говорятъ въ простонародіи, посмотрите на этихъ людей,—для торжества своей партіи, они готовы споспѣшествовать вторженію иноплеменниковъ во Францію.» И ихъ про-

звали доморощенными австріяками. Дѣйствительно, кто здѣсь могъ забыть ихъ восторги всякій разъ, когда журналы передавали извѣстія какого-либо успѣха Австріи во время послѣдней нашей съ нею войны? Кто можетъ забыть здѣсь нескрываемую ими досаду при каждомъ извѣщеніи побѣды и удачи французскаго войска, и все это потому только, что каждый успѣхъ французскаго оружія упрочивалъ существованіе имперіи, восторгалъ народныя массы и отдалялъ все болѣе и болѣе возможность возстаповленія династіи, къ которому они стремятся неутомимо и наперекоръ всему народу.

Духовенство теперь унизилося въ глазахъ народа и надолго, особенно въ большихъ горѣдахъ и въ самомъ Парижѣ, гдѣ императора тѣмъ болѣе полюбили, чѣмъ болѣе стало извѣстно его нерасположеніе къ партіи клерикальной.

Изъ всего предыдущаго, сказаннаго мною, очевидно, что нынѣшній періодъ времени весьма любопытное явленіе въ современной намъ исторіи, и оно вѣроятно разрѣшится какъ-нибудь-либо важнымъ событіемъ, которое изойдетъ или отъ самого Наполеона III, доведеннаго до нельзя клерикально-легитимистскимъ возстаніемъ, или отъ духовенства, не скрывающаго болѣе своей вражды и продолжающаго свои происки противу установленной народомъ власти.

Въ послѣднее время обычныя сношенія съ Римомъ по поводу назначенія епископовъ на праздыне епархіальные престолы, находятся уже въ самомъ натянутомъ положеніи.

По смерти епископа ваннскаго (Vannes), императоръ назначилъ на его мѣсто г. аббата Марэ (Maret), декана парижскаго богословскаго факультета. Правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы прямо и ясно выказать Риму, что оно болѣе не намѣрено избирать въ епископы лю-

дей, принадлежащихъ къ ультрамонтанской партіи, большею частію подвергнувшихся нареканію своими связями съ легитимистскою партією. Римъ очень хорошо понялъ значеніе выбора, и поспѣшилъ отвергнуть предлагаемаго кандидата. Всѣ поняли здѣсь причину этого отказа, которая въ глазахъ приверженцевъ ультрамонтанства основывалась на томъ, что аббатъ Марэ извѣстенъ своею приверженностію къ галликанскому ученію и въ особенности своими независимыми политическими убѣжденіями. Но Римъ не могъ явно опереться на такія причины, которыя бы возбудили въ Парижѣ смѣхъ. Онъ отыскалъ инныя, и именно, что аббатъ Марэ одержимъ глухотою, что и дѣйствительно справедливо. Но министерство исключотало свидѣтельство отъ самого парижскаго кардинала-архіепископа, удостовѣрившее, что, хотя Аббатъ Марэ и дѣйствительно одержимъ недугомъ глухоты, однако этотъ недугъ нисколько не мѣшалъ ему съ честію и отличіемъ читать свои курсы и исполнять свою должность и обязанность декана. Тогда прибѣгли къ инымъ обвиненіямъ, и именно, что г. аббатъ Марэ не одѣвается въ духовное платье, что онъ нѣкогда былъ однимъ изъ редакторовъ демократическаго журнала: *Новая Эра* (L'Ere nouvelle). Ему вѣнили въ преступленіе его дружественныя связи съ Джюберти, Монтіанелли; напомнили, что онъ нѣкогда писалъ въ католическомъ журналѣ *Memorial Catholique*, и именно въ то самое время, когда журналъ этотъ поддерживалъ философскую систему аббата Ламменэ (de Lammenais).

На всѣ эти обвиненія г. Марэ далъ отвѣты. Но тѣмъ не менѣе Римъ все-таки упорствуетъ въ выдачѣ буллы для каноническаго утвержденія его въ епископскомъ санѣ.

Кардиналъ-архіепископъ парижскій, узнавъ о назначеніи г. Марэ, сначала принялъ его весьма ласково, поздравилъ съ

почестью и выразилъ свое удовольствіе, что въ его епархіи нашелся еще мужъ, достойный важнаго сана епископа. Онъ даже объявилъ г. Марэ весьма милостиво, что оставляетъ за собою честь его посвященія и муропомазанія. Но потомъ г. кардиналь-архіепископъ мало-по-малу охладѣлъ къ г. Марэ. Провинціальныя епископы взяли верхъ, непрестанно прѣзжая въ Парижъ и твердя ему на ухо: «что весьма жаль, что изъ-за г. аббата Марэ поднялись неудовольствія, что очевидно ему хочется быть епископомъ вопреки желанію папы, что хорошо было бы отказаться ему отъ предлагаемой чести,» и проч. Видя со всѣхъ сторонъ возрастающее сопротивленіе, постепенное охлажденіе г. кардинала-архіепископа, г. аббатъ Марэ понялъ наконецъ, что лучше всего отказаться отъ предлагаемаго императоромъ почетнаго мѣста. Но императоръ не согласился на отказъ: ему хотѣлось все это обстоятельство превратить рѣшительно въ начальный вопросъ и удержать за собою, въ личности новоизбраннаго, право представленія къ епископскому сану, право признанное конкордатомъ.

Вслѣдъ за этими случаями, сдѣлались праздными нѣсколько и другихъ епископскихъ престоловъ: троаскій (Troyes) за смертью г. аббата Кёръ (Coeur), бывшаго епископа этой епархіи; неверскій (Nevers), на которомъ возсѣдалъ аббатъ Дюфэтръ (Dufetre); соассонскій (Soissons), гдѣ былъ г. де-Гаринизъ, и аннсіскій (Annecy), на которомъ ознаменовалъ себя г. Рандю (Rendu).

Г. Кёръ, епископъ троасскій, считался между достойнѣйшими епископами Франціи. Онъ былъ отличнѣйшій ораторъ, приверженнѣйшій галликанецъ, и былъ извѣстенъ своимъ либеральнымъ направленіемъ. За все это ультрамонтанская партія внесла его въ число своихъ отчаяннѣйшихъ ненавистниковъ, и старалась всячески вредить ему,

разсѣвая противъ него въ его епархіи всякаго рода мерзости. Духовенство, находившееся подъ его пастырскимъ начальствомъ, вообще было пропитано ультрамонтанскимъ духомъ. Одаренный отъ природы кроткимъ и челоуѣколюбивымъ сердцемъ, и стоя лицомъ къ лицу съ ожесточенными врагами, онъ не имѣлъ духу на необходимую борьбу. Силъ партіи ему противной тѣмъ болѣе усилилась, и всѣ начали возбуждать и причинять ему всякаго рода непріятности и мелочныя доуки. Кто въ Россіи повѣритъ, наприимѣръ, что этотъ епископъ, честь и слава французской церкви, не могъ даже справиться съ своею семинаріею?

Г. Кёръ былъ до того доведенъ, что за нѣсколько времени передъ своею смертію подалъ прошеніе о дозволеніи удалиться на покой. Императоръ, любившій и уважавшій глубоко г. Кёра, назначилъ его въ учителя имперскому принцу, возвелъ его въ санъ каноника перваго класса въ Сенъ-Дени и пожаловалъ ему сенаторское достоинство. Въ Парижѣ ему уже приготовили квартиру, и самъ г. Кёръ написалъ свое прощальное пастырское посланіе. Когда, при погребеніи его тѣла, архіепископъ санскій (Sens) произнесъ надъ нимъ нѣсколько словъ, глубоко проникнутыхъ истиннымъ чувствомъ почтенія и уваженія къ усопшему, и потомъ, сказавъ: «пусть усопшій самъ обратится къ вамъ съ собственными словами», вынулъ изъ-за пазухи прощальное посланіе и прочелъ его; тогда грубые приверженцы ультрамонтанизма, не уваживъ даже брешныхъ останковъ добродѣтельнаго пастыря, ни даже священнаго мѣста, гдѣ они находились, явнымъ образомъ выказали и едва не высказали свою дикую радость о его смерти.

Неоспоримо, г. Кёръ принадлежитъ къ числу немногочисленныхъ изящныхъ духовныхъ ораторовъ Франціи XIX

тъка. Произношеніе его было дурное; но чудное было его изложеніе. Его воззрѣнія были въ то же самое время такъ высоки и до того исполнены истиннаго чувства, что онъ очаровывалъ своихъ слушателей и возвышенностью мысли, и очаровательностью слога. Однако его упрекаютъ нѣсколько въ изысканности и неопредѣленности, что впрочемъ было общими недостаткомъ всѣхъ писателей и ораторовъ, образовавшихся въ школъ Шатобріана и въ литературѣ временъ реставраціи. Въ 1860 году онъ проповѣдывалъ во время великаго поста передъ императорскимъ дворомъ. Императоръ любилъ его слушать; дамы не любили его длинныхъ проповѣдей; но люди степенные и религіозные съ восхищеніемъ вслушивались въ слова истины, проповѣдываемыя имъ неуклонно и со всею строгостью вѣрующаго пастыря. Послѣ него остается его братъ, генеральный викарій бывшей его епархіи. Правительство отличило его недавно знакомъ почетнаго легіона и назначило его въ той же епархіи главнымъ капитульнымъ викаріемъ престола.

Г. Дюэтръ, епископъ неверскій, былъ также извѣстенъ какъ духовный проповѣдникъ; но въ сущности онъ былъ плохой ораторъ, котораго можно причислить даже къ третьему разряду духовныхъ витій. Болѣе всего онъ отличался громозвучнымъ голосомъ и сильными легкими, не знавшими усталости. Надгробную рѣчь надъ бранными его останками произнесъ кардиналъ Дусэ, бордоскій архіепископъ. Онъ много способствовалъ покойнику къ достиженію епископства.

Г. Рандю, анисійскій епископъ, болѣе извѣстенъ своимъ авторскимъ талантомъ. Онъ принадлежалъ къ савойскому духовенству,—страны недавно присоединенной къ Франціи, и воистинну былъ честью этой области. Онъ оставилъ по себѣ въ Аниси добрую память и достоинъ всякаго уваженія и почтенія.

О г. Гаринизъ говорить не стану. Онъ между всеми французскими епископами пользовался менѣе всего уваженіемъ въ общественномъ мнѣніи.

Назначеніе на эти праздыне престолы было нѣчто въ родѣ испытанія для правительства Наполеона III. Всѣ ожидали, каково будетъ его рѣшеніе? Будетъ ли онъ упорствовать въ своихъ выборахъ, какъ уже сдѣлалъ по случаю избранія г. Марэ, и назначить ли кандидатовъ, исключительно выбирая ихъ въ средѣ галликанцевъ,—или пустится наконецъ на сдѣлку и на мировую съ ультрамонтанцами?

Вотъ какъ были сдѣланы избранія.

Г. Форкадъ (Forcade), гвадолупскій епископъ, уже давно просился во Францію, и его перевели въ Нёверъ. Но это назначеніе только доказало благоволеніе императора къ епископамъ, посвящающимся на трудное, апостольское поприще въ нашихъ колоніяхъ, въ которыхъ климатъ убійственъ для всѣхъ, не родившихся въ этихъ жаркихъ странахъ.

Наслѣдникомъ г. Кёру, епископу троасскому, назначенъ главный викарій г. аббатъ Равинэ (Ravinet), бывшій главный викарій г. Аффра (Affre), извѣстный какъ галликанецъ, или по крайней мѣрѣ какъ совершенно не сочувствующій ультрамонтанскому ученію. Но главную мысль, руководившую въ семъ избраніи, должно отыскивать въ желаніи не замѣнять г. Кёра человѣкомъ, котораго бы управленіе составило торжество злыхъ враговъ покойника, и съ этой точки зрѣнія назначеніе сдѣлано превосходно. Г. Равинэ почититъ выборы людей и правительственныя мѣры своего предшественника. Впрочемъ лично, самъ г. Равинэ—человѣкъ съ большими достоинствомъ, тихимъ нравомъ и милой любезности. Но онъ не обладаетъ даромъ слова, и въ этомъ отношеніи ему никогда не замѣнить г. Кёра.

Что касается до назначенія на ансійское епископство (верхней Савойи) г. аббата Маньянь (Magnin), настоятеля высшей семинаріи, мы должны замѣтить, что оно чисто политическое. Правительство съ самаго начала рѣшилось, при первомъ упраздненномъ епископскомъ престолѣ, назначить въ епископы члена савойскаго духовенства. По всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, кажется, новый избранный епископъ не принадлежитъ къ ультрамонтанской партіи.

Избраніе и назначеніе г. аббата Кристофа (Christophe), простаго приходскаго священника сельской часовни Сепъ-Дени,—чисто личный выборъ самого императора. Разумѣется высшее духовенство не упустило случая говорить противъ этого избранія. Кардиналь-архіепископъ парижскій даже рѣшился сдѣлать представленія по сему случаю, прося г. Руляна, министра просвѣщенія и богослуженія, передать ихъ на высочайшее усмотрѣніе. Но министръ просто на просто отклонилъ ихъ весьма простымъ объясненіемъ, что выборъ сдѣланъ, и хлопотать болѣе не объ чемъ.

Вотъ побужденія этого выбора. Г. Леба (Lebas), членъ института и бывший наставникъ Наполеона III, имѣлъ въ рукахъ обширную и важную корреспонденцію императора. Въ часъ своей смерти онъ не рѣшался препоручить эти драгоценныя для него письма никому ни изъ своихъ семейныхъ, ни изъ друзей. Г. Кристофъ въ послѣднюю болѣзнь г. Леба постоянно находился съ умирающимъ, котораго напутствовалъ въ вѣчность даже и въ отходный часъ. Г. Леба передалъ всѣ письма своему духовному утѣшителю, прося его доставить ихъ лично самому императору. Приходскій священникъ, желая исполнить послѣднее завѣщаніе умирающаго, испросилъ себѣ аудіенцію у его величества. Наполеонъ III принялъ г. Кристофа какъ нельзя лучше, и въ знакъ

своего благоволенія и благодарности вручилъ ему офицерскій орденъ почетнаго легіона. Находясь между тѣмъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ съ Римомъ, и не желая его еще болѣе раздражить противу себя чисто политическими назначеніями, его величество избрало г. аббата Кристофа. По сему поводу императоръ выразилъ г. министру свои мысли слѣдующими словами: «усопшій соассонскій епископъ оставилъ по себѣ много долговъ по епархіи; я намѣренъ выплатить ихъ съ помощью его наслѣдника.»

За достовѣрность и положительность всѣхъ сихъ подробностей могу вполне поручиться. Не смотря на то, что Наполеонъ III во всякомъ случаѣ не хочетъ болѣе назначать на епископскіе престолы людей, принадлежащихъ къ ультрамонтанской партіи, но не менѣе того своими выборами людей посредственныхъ и рѣшительно миролюбивыхъ, онъ всѣчески старается отнять у Рима всякій предлогъ на явный по этому поводу съ нимъ разрывъ. Но Римъ, зная даже, что избранные—мужи добродѣтельные, истинно-вѣрующіе, все таки упорно отказывается выслать имъ буллы на епископскій санъ. Предлогомъ для своего отказа Пій IX представляетъ свое невольничье состояніе и, опираясь на него, указываетъ на невозможность по совѣсти закрѣпить выборы императора французовъ. Не знаешь, подтвердить ли послѣдующее время всѣ слухи, распространяемые по этому поводу. Такое упрямство со стороны папы, такое его недоброжелательство послужать только къ окончательному отъ него отчужденію даже самыхъ католическихъ народонаселеній, и произведетъ самое невыгодное во Франціи впечатлѣніе. Вѣроятнѣе всего выборы императора будутъ на дняхъ утверждены папою; но также весьма вѣроятно, что г. аббатъ Марэ не будетъ въ списокѣ провозглашенныхъ въ Консисторіи новозбранныхъ епископовъ.

Между тѣмъ распространители тревожныхъ слуховъ всюду усиливались увѣрить религіозную партію, что правительство намѣрено отколотъ отъ Рима и установить національную церковь. Ультрамонтанцы съ восторгомъ разносили эти слухи, гдѣ только могли. Утверждали даже, будто бы г. аббата Кокро (Coquegeau), флотскаго оберъ священника и первокласснаго сенъ-денійскаго каноника, самъ императоръ подсылалъ къ турскому (Tours) архіепископу съ цѣлью вывѣдать у него, согласится ли онъ на патриаршій санъ и, ставши главою національной церкви, посвятить и миропомазать новозбранныхъ епископовъ. Слухъ этотъ до того усилился и показался достовѣрнымъ и нителнымъ католикамъ, что г. аббатъ Кокро нашелся вынужденнымъ испросить письменнаго отъ турскаго архіепископа свидѣтельства, что между ними о патриаршествѣ и расколѣ въ ихъ переговорахъ и помину не было. Вооруженный этимъ несомнѣннымъ доказательствомъ во лживости и клеветѣ распространяемыхъ слуховъ, г. Кокро успѣлъ послѣ тщательныхъ поисковъ отыскать одного изъ таковыхъ распространителей тревожныхъ слуховъ. Господинъ этотъ—извѣстнѣйшій во Франціи ультрамонтанецъ и авторъ довольно замѣчательной книги: «*Оправданіе христіанства*». Господинъ этотъ получилъ весьма строгій урокъ письмомъ г. Кокро, и прекратилъ свои клеветы на счетъ предполагаемаго раскола.

Какъ бы то ни было, а въ религіозномъ свѣтѣ всѣ очень еще озабочены возможностью раскола, и на послѣднемъ собраніи духовенства, называемомъ *собраніемъ совѣстнаго недомыслия* (cas de conscience) и имѣвшемъ мѣсто въ церкви св. Рока (St. Roch), кардиналъ-архіепископъ держалъ предлинную рѣчь, въ которой во все время намекалъ на возможность ожидаемаго раскола. Онъ даже сообщилъ парижскому

духовенству, что въ настоящее время существуетъ многочисленный общежительный монастырь, состоящій изъ инокинь, отколовшихся отъ римской церкви. У нихъ духовнымъ отцомъ одинъ изъ епископовъ-миссіонарѣвъ, поселившійся во Франціи на покой, и не захотѣвшій войти въ область архіепископа. Этотъ духовный сановникъ помимо власти епископства сообщаетъ самъ отъ себя тайну конфирмаціи молодымъ дѣвицамъ, воспитываемымъ въ учебныхъ заведеніяхъ этихъ инокинь. Такой поступокъ влечетъ за собою расколъ или по крайней мѣрѣ отдаленіе отъ іерархическаго порядка. Въ заключеніе кардиналъ-архіепископъ просилъ свое духовенство возсылать свои моленія къ Царю Небесному, дабы Онъ отвратилъ отъ Франціи бѣдствія раскола.

Очевидно, всѣ эти признаки имѣютъ свое значеніе и важность. Но едва ли можно сомнѣваться, что императорское правительство не рѣшится ни на единый шагъ, могущій повлечь за собою религіозный разрывъ съ Римомъ. Напротивъ, хотя правительство и дѣятельно слѣдитъ за ультрамонтанскимъ движеніемъ, которое въ политическомъ отношеніи совершенно ему враждебно, однако оно весьма осторожно поступаетъ съ Римомъ и съ духовенствомъ; ему очень хорошо извѣстно, что разрывъ произведетъ опасную борьбу, именно потому, что массы народныя въ лицѣ императора думаютъ видѣть покровителя церкви. Наполеонъ III слишкомъ ловкій и хитрый политикъ, чтобы поддаться обманчивой надеждѣ совладать событіями, могущими произойти отъ промаха, съ нетерпѣніемъ ожидаемаго его врагами.

Пока я пишу эти летучіе листки, я получаю извѣстіе о новомъ упраздненіи епископскаго престола Перигѣ (Périgueux). Г. Массонэ (Massonais) только что скончался на 56 году отъ рожденія. Онъ былъ однимъ изъ младшихъ епископовъ

Франціи и свое назначеніе получилъ еще во время Лув-Филиппа, въ память почтеннаго его дяди, кардинала де-Шевьеру (Cheverus), бордосскаго архіепископа. Г. Массонэ болѣе извѣстенъ въ свѣтѣ подъ именемъ аббата Моруса, и былъ приходскимъ священникомъ бордосской митрополіи. Въ частной своей жизни онъ отличался примѣрными добродѣтелями и достоинствами; но въ епархіальномъ управленіи онъ былъ страшнымъ хлопотуномъ и истиннымъ тираномъ подчиненнаго ему духовенства. Къ тому же г. Массонэ былъ самымъ строптивымъ ультрамонтанцемъ. «Если бы я былъ увѣренъ, говаривалъ онъ, что, засадивъ въ тюрьму протестантскаго пастора, который бы вздумалъ проповѣдывать здѣсь, я могу спасти отъ протестантизма мой епископскій городъ; то не подумаю и минуты, и тотчасъ же найду средство и предлогъ къ заточенію.»

Въ 1848 году онъ написалъ весьма жестокое пастырское посланіе по случаю великаго поста. Но настало 24 февраля и, устрашившись тогдашнихъ обстоятельствъ, онъ уничтожилъ почти все изданіе. Только весьма незначительное число экземпляровъ разошлось по нѣкоторымъ рукамъ, но изданіе не было обнародовано, не было и читано по церквамъ.

Слѣдующее обстоятельство можетъ дать понятіе о нравственномъ характерѣ покойнаго епископа.

Приходскій священникъ Тибэрака, пламенный легитимистъ, нитѣль неосторожность въ первое по смерти герцога орлеанскаго воскресеніе прочесть на кафедрѣ статью изъ *Gazette de France*, въ которой описывали несчастный случай, и намекали на ния улицы, гдѣ молодой герцогъ былъ разбитъ и убитъ лошадьми. Улица эта называется *Chemin de la Révolte* (дорога буйства, возстанія). Въ статьѣ намекалось, что Провидѣніе наказывало семейство орлеанское, достигшее

власти, возбудивъ переворотъ 1830 года. Приходскій священникъ истолковалъ статью въ томъ же смыслѣ. Все это было донесено правительству во всей подробности, и министръ требовалъ отъ епископа, чтобъ священникъ былъ отставленъ отъ должности. Епископъ въ душѣ своей былъ того же мнѣнія, какъ и священникъ, раздѣляя съ нимъ политическое вѣрованіе въ одно и томъ же смыслѣ. Но, по несчастію, онъ не любилъ его, имѣвши съ нимъ когда-то личныя неудовольствія, и потому предалъ его суду, который отрѣшилъ его отъ должности. Священникъ былъ вынужденъ покинуть Тибэракъ; но, по счастью, нашелъ себѣ убѣжище въ домѣ графа де-Дамасъ (de Damas).

Г. Массонэ былъ также членомъ знаменитаго ла-Рошельскаго собора, на которомъ хотѣли предать отлученію Боссюэта за его галликанское ученіе. Кардиналъ Доннэ (Donnet), бордосскій архіепископъ, предсѣдательствовавшій на этомъ соборѣ, между тѣмъ объявилъ, что если снова подымутъ подобное предложеніе, онъ найдется вынужденнымъ распустить немедленно соборъ и заключить засѣданія. Но Пій IX вознаградилъ г. Вилькура (Villocourt), епископа ла-Рошельскаго, поднявшаго и защищавшаго это предложеніе. Папа вытребовалъ епископа въ Римъ и возвелъ его въ кардинальское достоинство.

Вслѣдъ за всѣми этими подробностями мнѣ передали и слѣдующій, довольно забавный эпизодъ изъ исторіи назначенія г. Кристофа, приходскаго священника ла Шапель Сент-Дени, въ епископы Соассона. Онъ находился въ самый день обнародованія въ Moniteur всѣхъ новыхъ назначеній въ епископскій санъ на парижскомъ архіепископскомъ подворьѣ. Разговаривая съ г. Веронъ (Véron), главнымъ викаріемъ, г. Кристофъ его спросилъ:

— Вамъ, вѣроятно, уже известны новыя производства въ епископы?

— Нисколько, отвѣчалъ г. Веронъ.

И г. Кристофъ пересчиталъ по порядку всѣхъ избранныхъ, называя каждаго епископа и означая, въ какую именно епархію его назначаютъ. Потомъ окончилъ словами:

— Въ Соассонъ назначенъ епископомъ приходской священникъ ла-Шапель-Сенъ-Дени.

И тогда завязался слѣдующій разговоръ:

— Какъ, священникъ ла-Шапель?

— Да также. Увѣрю васъ, что священникъ ла-Шапель назначенъ епископомъ въ Соассонъ.

— Да вѣдь окромѣ васъ нѣтъ другаго священника въ ла-Шапель.

— Дѣйствительно такъ, и этого-то священника и производятъ въ соассонскіе епископы.

— Такъ стало-быть вы назначены въ епископы?

— Да.

— Но вы не согласитесь; вы откажитесь.

— И за чѣмъ же я откажусь, г. генеральный викарій?

— Да потому, что вы и безъ того съ трудомъ управляетесь въ своемъ приходѣ; куда же вамъ справиться съ епархіею?

— Ну объ этомъ я мало беспокоюсь. Съ епархіею меньше хлопотъ, чѣмъ съ приходомъ. Вѣдь тамъ болѣе не будешь въ зависимости отъ епископа.

Последнее словцо, вымолвленное простодушнымъ священникомъ, служащимъ въ своей церкви въ деревянныхъ лаптяхъ, показалось весьма оригинальнымъ, и повторяется всюду въ разговорахъ Париза.

Вотъ свѣдѣнія, полученныя мною о сборѣ *лепты селата*

Петра, сборъ сдѣланъ медѣлю тому назадъ по всѣмъ парижскимъ церквамъ. Въ св. Оумѣ аквинскомъ собрано 10,000 фр., въ Магдалинѣ 10,000 фр., въ церкви иностранныхъ миссій 6,000 фр. и такъ далѣе, смотря по важности и многолюдности приходоѡ. Не смотря на весьма возвышенную сумму всѣхъ сбороѡ, этотъ папскій заемъ у благочестія вѣрующихъ произвелъ весьма дурное впечатлѣніе въ массахъ. Сборъ сдѣланъ въ самый неблагопріятный для Парижа моментъ. У насъ наступила суровая зима, влекущая за собою жестокія страданія для народонаселенія, кормящегося насущною работою, теперь остановленною холодами. Всѣмъ здѣсь извѣстно, что безъ работы насущной нѣтъ и хлѣба насущнаго тысячамъ бѣдныхъ семействъ. Всѣ говорятъ здѣсь во всеуслышаніе, что скверпо похищать у бѣдныхъ, да еще у своихъ, съ тѣмъ, чтобы пересылать милостыню чужому царю, и только для того, чтобы дать ему средства платить жалованье наемщикамъ. Журналы даже утверждаютъ, что собранныя деньги назначены въ Гаэту для того, чтобы продлить сопротивленіе, на которое совсѣмъ бесполезно льютъ потоки крови. Римъ не замѣчаетъ или, лучше сказать, не хочетъ понять, что все, что дѣлается въ наше время для поддержанія гражданской власти папы, приноситъ окончательный ущербъ духовной его власти. Обманутый несправедливыми показаніями, и большею частію даже ложными, о состояніи Франціи, Римъ тратитъ послѣднія свои силы, поддерживаемыя только помощію малочисленныхъ приверженцевъ его, не разбирающихъ, не разсматривающихъ его дѣйствій, слѣпо вѣрующихъ еще въ непогрѣшимость папы. Онъ не предвидитъ, что скоро настанетъ время усталости во всѣхъ умахъ, и что политическое его униженіе роковымъ образомъ повлечетъ за собою и духовное униженіе. Со всѣхъ

сторонѣ люди умные и дальновидные сожалѣютъ о промахахъ современнаго папства, тѣмъ болѣе, что промаховъ этихъ вѣроятно ничѣмъ болѣе не удастся исправить. Упрямствомъ своимъ отстоять во что бы ни стало клочекъ земли, оно утратить гораздо драгоцѣннѣйшее сокровище: вліяніе надъ милліонами душъ. Правленіе папское, совершенно прилипшее къ земному, и столь мало сообразное съ духомъ евангельскимъ, на долго, если только не на всегда, отчуждетъ отъ него католическій міръ. А между тѣмъ оно могло бы уничтожить недовѣрчивость народныхъ массъ къ себѣ возвышеннымъ, духовнымъ направленіемъ, совершеннымъ безсребролюбіемъ, отчужденіемъ отъ всякихъ себялюбивыхъ и матеріальныхъ выгодъ. Все это возможно и логически должно бы быть взято въ уваженіе тѣми, которые считаютъ себя представителями христіанства на этомъ свѣтѣ.

Нынѣшнее расположеніе умовъ повлекло за собою временную остановку въ религіозномъ движеніи. Католическое духовенство гальванизируетъ своихъ вѣрующихъ, возбуждаетъ ихъ крайнимъ мистицизмомъ, пропитываетъ ихъ проповѣдываніями, въ которыхъ рѣдко проявляется твердо-практическій духъ евангельскаго ученія. Миряне ведутъ и научаютъ словно монаховъ, и отъ кухарокъ, горничныхъ и нянекъ требуютъ восхищенія и восторга, которыми ознаменовалась нѣкогда жизнь святой Терезы.

Мы теперь буквально охвачены монашескимъ элементомъ. До 1848 года проповѣдываніе было по цѣлой Франціи въ рукахъ свѣтскаго духовенства. Духовенство это, живя въ свѣтѣ, исполняя постоянно свои духовныя обязанности пастырства и священства, находясь въ непрестанномъ столкновеніи съ современными идеями, находило во всемъ этомъ весьма серьезныя поученія для себя и источники для пропо-

вѣди и поученія мірянъ съ высоты кафедръ. Но послѣ 1848 года монашескіе ордена быстро распространились по всей Франціи. А такъ какъ у насъ люди, одаренные словомъ, имѣютъ неоспоримое и глубокое вліяніе на массы, и въ особенности на образованные слои общества; то братства сіи всячески поддерживаютъ и выпускаютъ въ свѣтъ всякаго изъ своихъ братій, у котораго только могутъ подмѣтить расположение къ духовному витійству. Ордены между тѣмъ неотступно и неутомимо хлопотали объ исключительномъ правѣ проповѣдыванія, что имъ давалось почти безъ всякаго препятствія, и такимъ образомъ монахи у насъ, смиренно выживъ свѣтское духовенство съ кафедръ, поступили на ихъ мѣсто.

Новые проповѣдники, соображаясь съ своею келейною жизнью, съ своими отшельническими привычками, вздумали преобразовать свѣтъ на монастырскій ладъ. Они требуютъ отъ матери семейства того же самаго, что требуется отъ инокини, и на кафедрѣ только и толкуютъ, что о постоянномъ созерцаніи, и требуютъ этого созерцанія отъ слушателей, для которыхъ главная обязанность состоятъ въ исполненіи положительныхъ и сообразныхъ съ родомъ ихъ жизни добродѣтелей и чистыхъ правовъ. Такая запутанность въ воззрѣніяхъ произвела уже свой плодъ. Теперь рѣшительно ни въ чемъ толку не добьешься, такъ что если находишься на проповѣдяхъ въ приходсахъ, гдѣ преобладаетъ простонародіе, то по неволѣ приходитъ на умъ вопросъ: кому же здѣсь проповѣдуютъ эти монахи, самихъ себѣ, или простымъ, добросердечнымъ, но по большей части мало образованнымъ рабочикамъ и ихъ семействамъ?!

Поэтому не должно удивляться безплодію принятой нынѣ системы проповѣдыванія слова Божія. Теоріи совершенно

отшельнической жизни отнюдь не удобоприложимы къ обыкновенной жизни простаго рабочаго класса, и его пропитываетъ пищею, не созданною для него. Оттого во всѣхъ душахъ проявляется самая бѣдственная пустота. Духовная пища, предлагаемая толпѣ, подобна въ этомъ случаѣ матеріальной пищѣ, переполняющей своею плотностью желудокъ, но, за отсутствіемъ настоящихъ питательныхъ частицъ, не поддерживающей тѣлесныхъ силъ.

Нѣкоторое время у насъ проповѣдывали отцы Ораторіи (de l'Oratoire), которые преподавали самое странное, нелѣпое и чудовищное ученіе, будто бы приобщаясь крови и тѣлу Спасителя, въ то же время приобщаются и крови и тѣлу Пресвятыя Богородицы. Такъ мы назовемъ отца Фабера (le père Faber), котораго эксцентрическая проповѣдь: «*богомольство къ маѣ*» (La dévotion au rare) напечатана и продается всюду несчастнымъ необразованнымъ людямъ; такъ мы можемъ еще назвать отца Комбало (le père Combalot), неистоваго ультрамонтанца, приходящаго въ восторгъ, что папа созвалъ епископовъ христіанскихъ въ Римъ для присутствіи при провозглашеніи новаго догмата безгрѣшнаго зачатія, не какъ епископовъ, а какъ настоящихъ *клиросниковъ* (enfants de chœur). Ограничусь указаніемъ на этихъ двухъ-трехъ несчастныхъ изуверовъ, овладѣвшихъ христіанскою кафедрою Франціи, на которой нѣкогда раздавались слова истины и любви къ Богу и ближнему Боссюэта, Массильона и Лакордэра.

Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ послѣдній извѣстный духовный нашъ витія сказалъ свою проповѣдь на текстъ: «*esto vir*» въ церкви св. Рока, его болѣе не приглашали на проповѣдываніе въ Парижъ. Іезуиты овладѣли его кафедрою въ соборѣ Парижской Богоматери. Лакордэра, умнаго, опытнаго, свѣтскаго человѣка, христіанскаго философа и генія, замѣнили

отцомъ Феликсомъ (le père Felix), ораторомъ, сильно зады-
вающимъ любопытство но не болѣе, и то только на одинъ
разъ, своими эффектными періодами. Вѣсть съ Лакордэромъ
были удалены отъ проповѣдыванія и всѣ прочіе ораторы,
вышедшіе изъ одной съ нимъ школы. Ихъ разослали въ
провинцію, или они живутъ въ молчаніи въ самомъ Парижѣ.

Пополню обзоръ современнаго релігіознаго состоянія
Франціи краткимъ очеркомъ новѣйшихъ релігіозныхъ изда-
ній. Число томовъ, пускаемыхъ ежемѣсячно въ свѣтъ, ре-
лигіозная литература дѣйствительно весьма богата. Фран-
цузское духовенство, даже то, которое священствуетъ,
много пишетъ, и въ особенности въ Парижѣ.

Всѣ эти изданія можно распредѣлить на два разряда: въ
первомъ мы находимъ всѣ книги, брошюры, сочиненія, жур-
налы, обзоръ, писанные въ духѣ отсталости; во второмъ
разрядѣ должно помѣстить сочиненія всякаго рода, писан-
ныя въ духѣ прогресса. Очевидно, изданія перваго разряда
гораздо многочисленнѣе изданій втораго. Весьма покойно
и не головоломно писать для публики, приученной уже на-
передъ слушать все то, что хотять ей сообщить, и привык-
шей не считаться съ талантомъ. Для размышляющаго чело-
вѣка подобныя книги непонятны, и потому не стоятъ и со-
общать о нихъ свѣдѣнія нашимъ мыслящимъ читателямъ.
Скажемъ только, что ими завалены почти всѣ наши релі-
гіозныя книжныя лавки. Книги эти составляютъ обыч-
ное чтеніе извѣстнаго круга читателей, и входятъ въ раз-
рядъ книжнаго брака, какъ и всякій другой бракованный то-
варъ въ торговлѣ.

Остается любопытнымъ разборъ книгъ прогрессивныхъ ду-
ховныхъ писателей, взявшихъ на себя тяжелую, но благо-
родную работу примирить нашъ вѣкъ съ вѣрою. Поэтому

сообщаю здѣсь моимъ читателямъ краткій разборъ главнѣйшихъ твореній сего разряда, появившихся недавно въ свѣтъ.

По моему мнѣнію, на первомъ планѣ должно выставить два весьма важныхъ и знаменательныхъ сочиненія: *Объ обновленіи церкви* (de la Rénovation de l' Eglise), аббата Мишонна (l'abbé Michon), и другое: *Лексиконъ правъ разума въ дѣлѣ вѣры*, аббата ле-Ноаръ (Dictionnaire des Droits de la Raison dans la foi, par l'abbé le Noir).

Книга «*Объ обновленіи церкви*», изданная Дантю (Dentu, libraire à Paris),—капитальное сочиненіе и достойно чтенія и разбора всякаго, кто только занимается религіозными вопросами. Мы еще не читали ни одного подобнаго творенія съ тѣхъ поръ, какъ Ламмэнэ смолкъ въ своей неизвѣстной могилѣ. Съ тѣхъ поръ еще никто и ни въ одномъ новозданномъ сочиненіи не умѣлъ высказать и выставить вкратцѣ, и столь ясно и сильно, весь религіозный вопросъ съ практической жизненной точки зрѣнія.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ главная мысль всей книги. «Въ дѣлѣ вѣры замѣтно роковое ослабленіе. Необходимо изучить причины этого ослабленія. Церковь, разрозненная, распавшаяся на части соперничающими вѣроисповѣданіями, подкапываемая вольнодумствомъ, подобна ветхому расколовшемуся, растрескавшемуся зданію. Неужели должно довольствоваться подпирать ее временно различными искусными подпорами? Неужели она въ этомъ видѣ устоитъ передъ первымъ порывомъ бури, которою угрожаетъ намъ нынѣшнее общественное состояніе Франціи? Не лучше ли бы собрать благочестно и съ вѣрою священныя камни сего зданія и возобновить его, отстранивъ все частно-временное, вошедшее въ составъ церкви, и согласить его съ нынѣшними понятіями и помыслами?»

Вотъ что именно и предлагаетъ аббатъ Мишонъ. Въ-стѣ съ Лакордеромъ онъ утверждаетъ, что должно возвращаться къ христіанству, которое жило въ римскихъ катакомбахъ до царствованія Константина Великаго. Ссылаясь на исторію, авторъ доказываетъ, что то, что отвергается нынѣ, нерѣдко съ неодолимымъ отвращеніемъ, — не само христіанство, а формы, которыми облеклась вѣра въ средневѣковый періодъ. «Формы эти также не принаровлены къ нашему вѣку, какъ дѣтская одежда не можетъ быть въ пору взрослому человѣку.»

Такова главная мысль книги, произведшей у насъ глубокое впечатлѣніе. Понятно, что Римъ принялъ твореніе аббата Мишона съ необыкновеннымъ неудовольствіемъ, въ особенности потому, что авторъ указывалъ на государя-первосвященника, какъ вполне готоваго свергнуть съ себя тяжкое и бесполезное бремя гражданской власти. Римъ поспѣшилъ наложить на сочиненіе аббата Мишона запрещеніе (l'Index).

Аббатъ Мишонъ извѣстенъ въ цѣлой Франціи своимъ неукоризненнымъ благородствомъ и чистосердечіемъ убѣжденій, и потому, несмотря на всю преданность свою галликанизму, онъ нисколько не усомнился и не поколебался въ необходимости покориться запрещенію. Передаю здѣсь довольно любопытное письмо, адресованное имъ въ журналы въ оправданіе своего рѣшительнаго поступка; оно вполне выказываетъ, какъ авторъ понимаетъ свои обязанности и свое призваніе.

«Милостивый Государь!

«Недавно вы дали гласность въ публикѣ запрещенію, вы-

шедшему изъ Рима и постигшему мою послѣднюю книгу:
«*Объ обновленіи церкви.*»

• По поводу этого обстоятельства сообщаю вамъ нѣкоторыя подробности, которымъ прошу васъ покорнѣйше доставить всевозможнѣйшую гласность.

• На дняхъ я извѣстилъ г. кардинала, префекта папскаго суда запрещенія, о моей покорности его постановленію. Одинъ изъ нашихъ епископовъ, къ которому я питаю глубокое уваженіе, пожелалъ, чтобы я добровольно покорился приговору, и по этому поводу написалъ ко мнѣ нѣсколько весьма кроткихъ и дружелюбныхъ словъ. Отказаться отъ исполненія этого желанія было бы дѣйствиель, которое навлекло бы на меня укоръ многихъ. Какъ священникъ, я совершилъ бы неприличное дѣло; какъ религіозный писатель, я далъ бы промахъ, вслѣдствіе котораго мое перо осталось бы бесплоднымъ для великаго дѣла церкви.

• Позвольте же мнѣ сказать нѣсколько словъ о важности штры, взятой въ Римѣ противу моей книги.

• Въ книгѣ моей я просилъ, дабы для исхода изъ жестокаго перелома, въ которомъ находится нынѣ католицизмъ, церковь прибѣгнула къ сильнымъ средствамъ обновленія благочинія.

• Книга моя въ особенности указываетъ на необходимость всеобщихъ соборовъ, на возвращеніе къ выборамъ, на неотрѣшаемость пастырей, на измѣненіе нынѣшняго благочинія, которое отлично дѣйствовало въ иные времена. Однимъ словомъ преобразования въ нынѣшнихъ учрежденіяхъ необходимы.

• Римъ могъ бы оставить незамѣченными всѣ эти теоріи, какъ и многія другія въ области вещей, подлежащихъ разбору. Всѣ эти теоріи я выразилъ впрочемъ въ самыхъ спокойныхъ и почтительныхъ словахъ къ церкви, чего и дол-

жно было ожидать отъ писателя приверженца Рима. Не можетъ-быть, чтобы Римъ не понялъ значенія своего рѣшенія. Оужденіемъ моея книги онъ ясно объявляетъ, что не хочетъ прибѣгнуть, по крайней мѣрѣ при пынѣшнемъ нерво-священникѣ, къ необходимымъ преобразованіямъ церковнаго благочинія.

«Всѣмъ извѣстно, что Римъ, несмотря на повторенныя неоднократно требованія дипломатіи, не хотѣлъ согласиться на политическое преобразованіе, которое одно было въ состояніи спасти гражданскую власть папы. Одно слово: *секуляризація* приводитъ въ содроганіе предатство, привыкшее шествовать преспокійно по старой правительственной колесѣ. Не знаю, какъ мнѣ пришла въ голову мысль, что эти же самые люди будутъ въ состояніи предпринять тяжкую работу религіознаго преобразованія церковнаго благочинія.

«Римъ между тѣмъ совершенно поступилъ логически, соображаясь съ своею системою неограниченной монархіи, приложенной уже нѣсколько вѣковъ къ религіозному обществу. Теперь же ему не достаетъ силы къ возобновенію, которымъ будутъ затронуты столько старинныхъ привычекъ и личныхъ выгодъ; онъ не имѣетъ даже людей для начала такового преобразованія.

«Я ошибся, дозволивъ себѣ думать о возможности мирнаго обновленія католическаго міра. Слѣдовательно, пока должно отказаться отъ мысли подобной утопіи.

«Но остается обновленіе, самимъ Провидѣніемъ совершаемое, хотя медленно, на развалинахъ распадающихся зданій. Дѣло это вѣковое; роковое время разбѣдаетъ и смалываетъ все, подобно неукротимымъ волнамъ океана, разбивающимъ мало-по-малу и самый крѣпкій гранитъ, разметая его мелкою пылью вдоль береговъ.

• Предоставимъ же Провидѣнію исполненіе божественнаго труда обновленія долгимъ возсозданіемъ вѣковъ, такъ какъ сами мы нынѣ не имѣемъ довольно мужества совершить его. Господь Богъ лучше устроить, и прочіе устроить.

« Но тѣмъ, которые мечтали объ этой славѣ церкви, не менѣе того остается благородное убѣжденіе желанія великаго блага. Они остановлены передъ неподвижностью тѣхъ, которые отталкиваютъ ихъ отъ себя; но не менѣе того они вѣрятъ въ непоколебимыя судьбы церкви, которой привержены всѣмъ сердцемъ. Укорь, упавшій на ихъ творенія, не есть еще для нихъ личное посрамленіе. Они идутъ всегда по своему пути съ поднятою головою, потому что глубоко увѣрены въ чистотѣ своихъ помысловъ и величіи своихъ стремленій. »

Кончаемъ этотъ краткій отчетъ книги *Объ обновленіи церкви* утвержденіемъ, что книга эта прямо указываетъ на то мѣсто, которое аббатъ Мишонъ занялъ во мнѣніи истинно религіозныхъ и нравственныхъ людей. Самъ онъ человекъ съ глубокими убѣжденіями, примѣрной жизни, съ огромнымъ талантомъ и непоколебимою вѣрою въ будущность человечества, руководимаго невидимою рукой Отца небеснаго. Аббатъ Мишонъ изъ числа тѣхъ немногихъ католиковъ, которые пламенно желаютъ соединенія всѣхъ вѣроисповѣданій въ единую церковь, но считая прежде всего необходимымъ глубокое преобразование въ католицизмъ, доселѣ еще спеленатомъ въ варварскіе обноски средневѣковаго періода.

Другая книга, на которую хотѣлось бы мнѣ обратить вниманіе религіознаго свѣта, вышла подъ заглавіемъ: *Лексиконъ правъ разума въ дѣль вѣры*, аббата де-Ноаръ (*Dictionnaire des Droits de la raison dans la foi par l'abbé le Noir*. Migne éditeur, Paris). Одно уже заглавіе ясно обозначаетъ

мысль автора. Онъ тщательно изслѣдовалъ въ области христіанства всѣ тѣ обстоятельства, случан, статьи, учрежденія, постановленія и проч. и проч., которыя приняты церковью догматомъ, и все, что предоставлено ею на свободное обсужденіе. Книга эта—произведеніе независимаго мыслителя, и авторъ смѣло выражаетъ свою мысль, чего весьма рѣдко и трудно найти въ религіозныхъ и притомъ духовныхъ нашихъ писателяхъ.

Какъ аббатъ Мишонъ, такъ и г. де-Ноаръ — приверженецъ галликанизма; онъ также мечтаетъ и думаетъ о преобразованіи католицизма и о соединеніи церкви. Книга его полна фактовъ и изысканій самыхъ точныхъ и добросовѣстно совершенныхъ. Но, какъ и предыдущую книгу: *Объ обновленіи церкви*, такъ и этотъ *Лексиконъ правъ разума въ дѣль вѣры*, мы хвалимъ не безусловно, и предоставляемъ нашимъ православнымъ религіознымъ писателямъ разобрать ихъ строго критическимъ образомъ. Наши читатели вѣроятно поймутъ, что наша обязанность указать только на такіа произведенія, которыя стоятъ ихъ вниманія.

Такимъ образомъ мы указываемъ на третью книгу, менѣе значительную, но имѣющую спеціальнѣйшій интересъ своимъ содержаніемъ. Она вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Бордасъ-Демулянь г. Ф. Изътъ (Bordas-Desmoulin) par M. H. Puet. Hetsel, libraire, Paris.*)

Бордасъ-Демулянь, христіанскій мыслитель и философъ нашего времени, отошелъ изъ этого міра, какъ отходятъ люди, страхнувшіе съ себя всѣ суеты свѣта. Онъ былъ неутомимымъ и прилежнымъ въ работѣ, касавшейся философскихъ и религіозныхъ вопросовъ. Онъ оставилъ по себѣ добрую славу писателя, сильно содѣйствовавшаго своимъ перомъ въ движеніи умовъ къ преобразованію римской церкви,

движенія, хотя и незамѣтно, но уже начавшемся въ ней вопреки всѣмъ усиліямъ оффиціального духовенства. *Поэма Паскалю* (Eloge de Pascal) заслужила автору премію краснорѣчія, выдаваемую французскою академіею. Онъ уже былъ извѣстенъ въ то время своимъ первымъ сочиненіемъ: *Картезианизмъ* (le Cartésianisme ou la Rénovation véritable etc.) Послѣ того онъ издалъ весьма важное сочиненіе: *Существенныя власти церкви* (les Pouvoirs constitutifs de l'Eglise), и потомъ въ сотрудицествѣ съ г. Иетъ, который посвящаетъ выпѣ его памяти книгу: *Бордасъ-Демуланъ*,—издалъ довольно замѣчательную книгу: *Опытъ о католическомъ преобразованіи* (Essai sur la Réforme catholique).

Книга г. Иетъ, посвященная описанію жизни усопшаго его друга, имѣетъ право на вниманіе читателя, какъ живая, истинная картина движенія и развитія религіозныхъ идей во Франціи въ XIX столѣтіи.

Кончаю библиографическое обозрѣніе упоминаніемъ о книгѣ аббата Мартэня де-Ноарлье, приходскаго священника Сень-Луи д' Антянь, *Философскій Катехизисъ* (Catechisme philosophique, Maillt libraire, Paris). Это полный курсъ религіознаго ученія. Авторъ также принадлежитъ къ галликанизму, и къ тому разряду религіозныхъ писателей, которые увѣрены, что должно вести людей къ вѣрѣ и изысканіями разума. Книга эта неоспоримо полезна для многихъ свѣтскихъ людей, желающихъ имѣть подъ рукою краткій и добросовѣстный сводъ изслѣдованій о религіи.

Гр. Де ла-Фитъ де-Пелляпортъ.

Парижъ.

28 Декабря 1860 года.

Р. S. Кончая мое письмо, я получилъ извѣстіе изъ Рима. Всѣ епископы, выбранные нашимъ правительствомъ, не будутъ утверждены папою. Это довольно вѣроятно и подтверждается слухомъ будто бы аудиторъ, заступающій здѣсь мѣсто нунція, на просьбу министра о совершеніи справокъ на счетъ назначенныхъ епископовъ, весьма сухо отвѣтилъ: *« что онъ не получалъ изъ Рима никакой власти для исполненія просимой у него формальности »*.

З А М Ъ Т К И

ДѢЙСТВІЯ УЛЬТРАМОНТАНСКОЙ ПАРТІИ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ.

Въ югозападной Германіи католицизмъ донныѣ очень силенъ. Въ прирейнскихъ областяхъ Пруссіи, въ Баденѣ, въ Вюртембергѣ, въ Австріи и въ нѣкоторыхъ мелкихъ герцогствахъ, наряду съ протестантами живетъ весьма много католиковъ. Католическія епископіи существуютъ въ Фрейбургѣ, Лимбургѣ, Роттенбургѣ, Фульдѣ, Майнцѣ и другихъ городахъ Германіи. Само собою разумѣется, что римскій католицизмъ, искони отличавшійся ненавистью къ протестантству, не можетъ оставаться спокойнымъ въ этомъ близкомъ соседствѣ съ протестантствомъ. Но въ теоретическую полемику съ протестантами римско-католическое духовенство не осмѣливается вступать. Католическіе богословы не въ силахъ состязаться съ протестантскими учеными: они выходятъ изъ своихъ семинарій съ плохимъ развитіемъ мышленія и скудными запасомъ положительныхъ свѣдѣній. Остерегаясь теоретической полемики, католическіе духовные тѣмъ съ большимъ рвеніемъ вступаютъ въ борьбу съ протестантами въ области сношеній практическихъ. Они стараются преимущественно дѣйствовать на женщинъ и простой народъ. Они ухитряются привлекать народное вниманіе пышностью своего бого-

служенія, торжественными процессіями и церемоніями. Такъ въ 1844 г., католическое духовенство пригласило нѣмецкій народъ въ Триръ на поклоненіе Ризѣ Господней (heilig. Rock), и въ теченіи одного мѣсяца въ Триръ перебивало на поклоненіи болѣе полумилліона набожныхъ нѣмцевъ и нѣмокъ. Для блага своего исповѣданія католическіе духовные всегда готовы виѣшиваться въ семейныя дѣла, особенно при такъ-называемыхъ смѣшанныхъ бракахъ (т. е. протестанта съ католичкой, и на оборотъ). Не ограничиваясь тѣснымъ кругомъ интригъ семейныхъ, католическіе духовные пускаются на обширное, привычное для нихъ поприще интригъ политическихъ, и на этомъ-то поприщѣ католицизмъ всего болѣе опасенъ для обществъ протестантскихъ. Служители римской церкви, исключительно вѣрные интересамъ папскаго двора, способны проводить въ своей дѣятельности самыя разнородныя политическія убѣжденія, и, смотря по обстоятельствамъ, являться то легитимистами, то радикалами. Это ясно показала исторія политической дѣятельности католическаго духовенства и въ Германіи въ новѣйшее время.

Въ прошломъ столѣтіи католицизмъ, вступая въ хитрый союзъ съ государственною властью, стремился въ областяхъ югозападной Германіи заявить себя государственною религіею и пользоваться со стороны правительствъ особенными привилегіями. Такъ въ Австріи католицизмъ исключительно признавался государственною религіею—къ совершенному стѣсненію протестантскихъ обществъ. Австрійскіе протестанты лишены были права совершать свое богослуженіе; ихъ насильно заставляли слѣдовать за католическими процессіями; полицейскими мѣрами отбираемы были у нихъ нѣмецкія библіи; въ смѣшанныхъ бракахъ дѣти должны были быть воспитываемы въ католицизмѣ. Такъ было до 1781 года,

когда императоръ Іосифъ II, отличавшійся независимостію своихъ религіозныхъ убѣжденій, обнародовалъ указъ о терпимости по отношенію къ протестантамъ. По этому указу протестанты освобождались отъ прежнихъ стѣсненій въ религіи, впрочемъ еще далеко не получали равноправности съ католиками. Имъ позволено было совершать только *частное* богослуженіе; церкви и школы могли устроиться только тамъ, гдѣ было по крайней мѣрѣ 100 протестантскихъ семействъ; при церквахъ не могло быть ни колокольни, ни колокола, ни даже входа съ улицы; протестантскіе пасторы не могли взыматься *священниками* (Pfarrer) и не считались должностными лицами въ составѣ государственнаго чиновначалія. Римско-католическая религія по прежнему оставалась господствующею.

Съ теченіемъ времени обстоятельства значительно перемѣнились. Свобода религіозныхъ убѣжденій прибрѣтала болѣе и болѣе общее признаніе. Католицизму неудобно стало опираться на содѣйствіе правительствъ, которыя не могли уже по прежнему поддерживать исключительныя права и привилегіи католицизма, какъ государственной религіи. Приверженцы римской церкви, или ультрамонтане, принуждены были для своихъ цѣлей обратиться на новые пути и прикрывать старыя требованія новыми словами. Политическія волненія, которыми ознаменованъ былъ 1848 годъ, нисколько не утѣшили ультрамонтанскую партію: она нашла возможность по своему приладиться къ общему движенію и воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Съ того времени она провозгласила своимъ девизомъ *свободу церкви*. Въ 1851 году, когда политическое волненіе стало утихать, когда утомленные народы и правительства почувствовали потребность успокоенія, въ эту благоприятную минуту явилась (въ мартѣ мѣ-

няцѣ) *nota* (Denkschrift) *католическихъ германскихъ епископовъ*, обращенная къ германскимъ правительствамъ съ требованіемъ *свободы церкви*. Какъ понималась католическими епископами предъявленная здѣсь свобода церкви, это всего лучше показываютъ слѣдующія шесть требованій, настоятельно предложенныя въ нотѣ. Нота требовала:

1) Чтобы уничтоженъ былъ государственный контроль (Placet) и дана была полная свобода органамъ церкви въ сношеніяхъ съ папскимъ престоломъ.

2) Чтобы дозволена была безусловная свобода въ богослуженіи и относящихся сюда установленіяхъ (праздникахъ, процессіяхъ, и т. п.),—въ учрежденіи братствъ, орденовъ и монастырей,—въ снаряженіи миссій.

3) Чтобы предоставлена была церкви безусловная власть надъ клиромъ и его воспитаніемъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста, по опредѣленіямъ Тридентскаго собора.

4) Чтобы дозволенъ былъ руководительный надзоръ надъ всѣми учебными и воспитательными заведеніями, даже надъ университетами, въ особенности надъ католическо-богословскими и философскими факультетами.

5) Чтобы возстановленъ былъ церковный судъ въ брачныхъ дѣлахъ по римско-католическому каноническому праву; и наконецъ 6), чтобы утверждено было самостоятельное, свободное и безпрепятственное движеніе и употребленіе церковной власти и силы чрезъ представителей церкви.

Должно замѣтить, что, требуя полной свободы церкви и независимости ея отъ государства, католическіе епископы нисколько не думали отказываться отъ содѣйствія гражданской власти въ дѣлахъ церковныхъ, не думали образовать изъ церкви *свободную общину* (какъ въ Бельгіи), которая ограничивалась бы собственными силами и средствами, и дѣй-

ствовала бы только духовнымъ, нравственнымъ вліяніемъ. Напротивъ, въ той же нотѣ требовалось, чтобы государство помогало церкви въ достиженіи ея цѣлей, и въ случаѣ нужды принудительною силою приводило въ исполненіе ея требованія. Гдѣ, наприм., католическая церковь вводила новыя празднества или возстановляла какія-либо павшія учрежденія, тамъ гражданская власть должна была принуждать къ исполненію церковныхъ уставовъ, и неисполнители подлежали гражданскому наказанію; притомъ, не только католики, но и протестанты, жившіе въ сосѣдствѣ съ ними, должны были подчиняться этимъ новымъ условіямъ *церковной свободы*. Если въ странахъ съ смѣшаннымъ народонаселеніемъ устранились католическіе монастыри, учреждались ордена, снаряжались іезуитскія миссіи, тамъ правительство должно было предупреждать и устранять всѣ неудовольствія, возраженія и препятствія со стороны протестантскихъ приходо́въ. Подобнаго содѣйствія отъ правительства нота требовала и при смѣшанныхъ бракахъ, и при назначеніи преподавателей въ учебныхъ заведеніяхъ.

Такъ, съ 1851 года возникла новая борьба между нѣмецкими правительствами и католическими епископами. Соразмѣрно съ уступчивостію правительствъ, прогрессивно возрастала смѣлость и настойчивость ультрамонтанской партіи. Когда же католическіе епископы не получали полнаго удовлетворенія своимъ требованіямъ, то они прямо отказывались отъ повиновенія гражданской власти и объявляли, что будутъ слѣдовать только своему каноническому праву. По этому случаю, въ 1853 году 18 іюня, появилась вторая нота католическихъ епископовъ, въ которой они оправдывали свой образъ дѣйствій и указывали правительствамъ на непосредственное соглашеніе съ святѣйшимъ отцемъ, какъ на един-

ственно возможный путь къ примиренію. Этимъ дѣло переносилось только въ высшую инстанцію, и можно было заранее предвидѣть, что своекорыстная политика римскаго двора не опуститъ столь удобнаго случая къ расширенію правъ своей церкви. Такъ проложенъ былъ путь къ такъ-называемому *конкордату*. Всѣ конкордаты, заключенные германскими правительствами съ римскимъ дворомъ, мотивируютъ ту же идею *о свободѣ церкви*, какая заключалась въ приведенной нами нотѣ германскихъ епископовъ.

Прежде всего заключила конкордату съ святѣйшимъ отцемъ Австрія, и австрійскій конкордату былъ подписанъ въ Вѣнѣ 18 августа 1855 года, и ратификованъ тамъ же 25 сентября. Два года спустя, 8 апрѣля 1857 года, заключена въ Римѣ Виртембергская *конвенція*, и еще два года спустя, 28 іюня 1859 г., конвенція Баденская. (*) Правительства нассауское и гессенъ-дармштадское, а за ними, говорятъ, и нѣкоторые другія, готовы были заключить свои конвенціи съ папскимъ дворомъ, если бы возбуждившееся во всей Германіи неудовольствіе протестантовъ не заставило всѣхъ стѣть въ другія отношенія къ Риму.

Германскіе протестанты давно уже негодовали на хитрую политику ультрамонтантской партіи и чрезмѣрную уступчивость своихъ правительствъ. Но когда правительства сдѣлали послѣдній рѣшительный шагъ къ удовлетворенію требованій ультрамонтанъ, когда одни за другими стали появляться конкордаты и конвенціи, тогда общее неудовольствіе протестантовъ высказалось рѣзко и рѣшительно. 1859-й годъ былъ по преимуществу годомъ возбужденія ревности протестантовъ

(*) Съ государствами, во главѣ которыхъ стоятъ католикъ, римскій дворъ заключаетъ *конкордаты*, съ другими—только *конвенціи*.

къ интересамъ своей церкви, стѣсненной католицизмомъ. На дурлахской конференціи въ Баденѣ, бывшей 28 ноября 1859 г., составлена была сильная нота, заключающая въ себѣ горькій протестъ противъ конкордата. Протестанты глубоко оскорблены тѣмъ, что ихъ общества лишаются своей равноправности съ католицизмомъ во всѣхъ государствахъ, гдѣ приняты конкордаты. Всѣ конкордаты начинаются заявленіемъ уваженія государства къ правамъ католицизма. Первый пунктъ австрійскаго конкордата читается такъ: «святая римская католическая религія во всей австрійской имперіи и странахъ, ее составляющихъ, навсегда будетъ сохранять тѣ права и преимущества, которыми должна пользоваться по установленію Божию и церковнымъ законамъ.» Четвертый членъ баденской конвенціи гласитъ: «при уравниваніи своею епархіею архіепископъ воленъ дѣлать все то, что приличествуетъ ему, какъ пастырю церкви, согласно съ полномочіями св. церковныхъ законовъ.» Но кто не знаетъ, восклицаютъ протестанты, какая рѣзкая исключительность отличаетъ католическую церковь? Кто не знаетъ, что *права и преимущества* католической церкви отрицаютъ возможность правъ и преимуществъ для другихъ исповѣданій, что церковные законы католицизма отказываютъ протестантскимъ обществамъ даже въ правѣ на самостоятельное существованіе и готовы подвергать протестантовъ наказаніямъ, какъ еретиковъ? Ссылаясь на нетерпимость римской церкви, протестанты объявили, что государство, признающее церковныя права, преимущества и законы католицизма, этимъ самымъ становится въ заговоръ съ Римомъ противъ протестантства: католическое духовенство, опираясь на конкордатъ, всегда можетъ вынудить у правительства мѣры, стѣснительныя для протестантовъ. Шенкель въ своемъ журналѣ (*Allgem. Kirchliche Zeit-*

schrift 1860 г.) старался поставить на видъ весь вредъ, который оказываютъ конкордаты на свободное развитіе внутренней жизни протестантскихъ обществъ. Отъ распространенія конкордатовъ, говоритъ онъ, страдаетъ *свобода науки*. Католическіе епископы, столь склонные къ обскурантизму, уполномочиваются конкордатами слѣдить за воспитаніемъ католическаго нѣмецкаго юношества, наблюдать, чтобы въ преподаваніи не было ничего противнаго римско-католической вѣрѣ и нравственности; но они уполномочиваются держать подъ своимъ контролемъ преподавателей не католическаго только, но и протестантскаго исповѣданія. *Образованіе юношества*, согласно съ старинными привычками католицизма, подчиняется, по смыслу конкордатовъ, вліянію мужскихъ и женскихъ орденовъ, способныхъ развить въ юношества духъ іезуитской исключительности, а не духъ кротости, терпимости и сочувствія ко всему, что достойно сочувствія. При смѣшанныхъ бракахъ католическое духовенство, по силѣ конкордатовъ, имѣетъ право вмѣшиваться *въ семейныя дѣла* и побуждать воспитывать дѣтей именно въ католицизмъ. Отъ конкордатовъ страдаетъ *вѣроисповѣдная терпимость*, столь необходимая въ странахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. *Вся внутренняя жизнь* обществъ протестантскихъ подъ гнетомъ мертвой католической обрядности, которой дается конкордатами свободное развитіе, теряетъ искреннее живое отношеніе къ религіи.

Такія и подобныя представленія о вредѣ конкордатовъ были поставлены на видъ въ послѣднее время ревнителями германскаго протестантства. Онѣ были встрѣчены общимъ сочувствіемъ и опредѣлили отношеніе общественнаго мнѣнія къ вопросу о конкордатахъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ такихъ представленій было то, что правительства нассауское

и гессенъ—дармштадтское, бывшія уже на пути къ соглашенію съ римскимъ дворомъ, воротились назадъ. Въ половинѣ 1860 года палъ и баденскій конкордатъ, къ великой скорби папскаго двора. Вотъ что говорилъ папа о баденскихъ дѣлахъ въ послѣдней рѣчи, произнесенной 17 декабря 1860 года въ засѣданіи консисторіи: «въ прошломъ году, исполняя нашу апостолическую обязанность, и для того, чтобы возвысить положеніе церкви въ великомъ герцогствѣ баденскомъ, мы заключили съ свѣтлѣйшимъ герцогомъ баденскимъ трактатъ, и послѣ ратификаціи этого трактата ожидали, какъ и слѣдовало, что онъ будетъ исполненъ. Но въ слѣдствіе оппозиціи, возникшей въ палатѣ этого герцогства, великій герцогъ издалъ декретъ, которымъ конкордатъ лишается всей своей силы и замѣненъ закономъ, который въ высшей степени противенъ *свободѣ церкви*. Этотъ порядокъ вещей, какъ извѣстно, есть результатъ ложнаго ученія протестантовъ, которые думаютъ, что церковь есть нѣкотораго рода сословіе (collegium), существующее въ средѣ гражданскаго общества, и не имѣющее никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя даруются ему гражданскою властію.... Сильно опасаясь за сохраненіе спасительныхъ правъ церкви, мы, едва узнавъ, что дѣло идетъ объ уничтоженіи силы упомянутаго конкордата, тотчасъ препроводили письма къ великому герцогу, увѣщевая его устранить это зло, и предписали кардиналу, завѣдвающему внѣшними дѣлами, настаивать при баденскомъ правительствѣ, чтобы конкордатъ былъ выполненъ, какъ того требуетъ наше право. Но всѣ наши попытки и попеченія не привели ни къ какому результату.»

Не говоря уже о Баденѣ, послышались голоса противъ конкордата даже въ странѣ, искони отличавшейся привязанностію къ католицизму: мы разумѣемъ Австрію. 10 сентября

1860 года въ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ президентъ седмиградской палаты *Мааеръ*, владѣлецъ изъ Буковины *фонъ-Петрико*, и венгерскій графъ *Баркочій* рѣшились оспоривать законность конкордата. Они выставляли на видъ вредъ исключительныхъ привилегій римской церкви, доказывали необходимость равноправности исповѣданій и заключили свои представленія тѣмъ требованіемъ, чтобы конкордатъ былъ вновь подвергнутъ ревизіи: «иначе, говорили они, глубоко потрясенное довѣріе къ Австріи не будетъ восстановлено.» Впрочемъ, ультрамонтанская партія еще очень сильна въ Австріи, и требованіе подвергнуть конкордатъ пересмотру было встрѣчено сильными возраженіями. Въ засѣданіи 17 сентября кардиналъ *Раухеръ* защищалъ конкордатъ рѣчью, наполненною пышными фразами, а министръ духовныхъ дѣлъ *графъ Тумъ* объявилъ, что онъ считаетъ гордостью своей жизни свое содѣйствіе храненію конкордата, этого акта справедливости по отношенію къ матери церкви.

Тѣмъ не менѣе нѣтъ ничего удивительнаго, что при повсемѣстномъ расположеніи общественнаго мнѣнія противъ конкордатовъ, всѣ усилія ультрамонтанской партіи, посвященныя на защиту исключительныхъ правъ римско-католицизма, должны остаться безплодными, и южно-германскіе протестанты, равно какъ и наши единовѣрцы въ австрійскихъ земляхъ, безъ сомнѣнія, получаютъ ту вѣроисповѣдную равноправность, которая составляетъ предметъ ихъ горячихъ стремленій и упованій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Письма покойнаго миссіонера, архимандрита Макарія, бывшаго начальникомъ алтайской духовной миссіи. М. 1860.

Дѣль части.

Имя о. архимандрита Макарія извѣстно читателямъ «Православнаго Обзорнія» по переводамъ священныхъ книгъ на русскій языкъ, помѣщаемымъ въ нашемъ изданіи. Мы увѣрены, что въ нашешъ обществѣ многимъ интересно будетъ ближе познакомиться съ этою личностью, замѣчательною во многихъ отношеніяхъ.

Дѣятельность миссіонерская предполагаетъ не только твердое и просвѣщенное отношеніе къ исповѣдуемой вѣрѣ, но и одушевленное стремленіе служить ея распространенію. Въ извѣстномъ отношеніи справедливо мнѣніе тѣхъ, которые желаютъ измѣрять внутреннюю силу церкви степень развитія ея миссіонерства. Но вразсужденіи отечественной церкви не надобно опускать изъ виду того, что наша церковь не могла простираť миссіонерскихъ предпріятій на далекія и чуждыя страны,—она всегда много занята была утвержденіемъ и распространеніемъ христіанской вѣры между многочисленными племенами инородцевъ, постепенно входившими въ составъ обширнаго русскаго царства. Въ исторіи распространенія христіанской вѣры между этими племенами мы найдемъ не мало замѣчательныхъ примѣровъ миссіонерской дѣятельности. Миссіонерскіе труды о. архимандрита Макарія займутъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ отечественной церкви.

Изданныя нынѣ письма о. Макарія, писанныя конечно не для печати, даютъ возможность составить повятіе о личныхъ

достоинствахъ и характерѣ бывшаго начальника алтайской миссіи. При рѣдкихъ качествахъ ума и сердца, о. Макарій получилъ учное богословское образованіе, и въ продолженіи всей своей жизни сохранилъ живую любовь къ ученымъ занятіямъ. Его сочувствіе къ наукѣ было довольно обширно: любопытны его письма изъ Казани (1840 г.), по которымъ можно видѣть, съ какимъ удовольствіемъ слушалъ онъ ученыя университетскія лекціи. Будучи служителемъ православной вѣры, онъ являлся поборникомъ и народнаго просвѣщенія. «да устыдятся мнѣніи своихъ,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,— тѣ боязливые, которые хотѣли бы удержать земледѣльцевъ нашихъ во иракѣ невѣжества.» При миссіи своей онъ собиралъ бібліотеку изъ такихъ книгъ, въ которыхъ можно было бы найти необходимыя свѣдѣнія о природѣ и предметахъ, важныхъ въ общежитіи. Его ревность о распространеніи христіанской вѣры и просвѣщенія отличалась искренностію и безкорыстіемъ: она сдѣлала его миссіонеромъ прежде, нежели вступилъ онъ на поприще миссіонерской службы, и труды на пользу меньшихъ братій считалъ онъ не трудами только службы, а дѣломъ своего призванія. Его сношенія съ людьми носятъ характеръ сердечной симпатичности, заботливости и внимательности къ духовнымъ состояніямъ людей невѣдущихъ и заблуждающихся. Въ той же миссіонерской ревности о. Макарія, не ограничивавшейся тѣснымъ кругомъ алтайской дѣятельности, заключалось начало его трудовъ по переложенію Священнаго Писанія на отечественный языкъ, которыми хотѣлъ онъ оказать услугу всему православному русскому народу. Почти вся біблія Ветхаго Завета переведена была о. Макаріемъ на русскій языкъ съ подлинника, и объяснена въ подробныхъ истолковательныхъ примѣчаніяхъ: нѣтъ ни одного изъ его переводовъ, который

бы не былъ исправляемъ имъ по нѣскольку разъ. Очень жаль что въ настоящее изданіе писемъ о. Макарія не поступили письма его о переводахъ священныхъ книгъ, писанныя ко многимъ лицамъ, которымъ извѣстны были эти просвѣщенные труды его. Желательно, чтобы эти письма вмѣстѣ съ записками самого о. Макарія о дѣлахъ алтайской миссіи, остающимися въ рукописяхъ, составили продолженіе настоящаго изданія. Напрасно также имена лицъ, къ которымъ обращены письма, сокрыты отъ публики подъ начальными буквами (наприм. къ *Θ. А. Г.*, т. е. къ *Θед. Алекс. Голубинскому*, и т. д.); это обстоятельство жѣшаетъ читателю составить надлежащую характеристику почтеннаго миссіонера, столько достойнаго общаго уваженія.

Независимо отъ особеннаго интереса относительно личности о. Макарія и его миссіонерскихъ занятій, его письма, какъ плодъ христіанской любви, ревностной къ духовному благу ближняго, составляютъ вообще полезное назидательное чтеніе.

О третьей книгѣ Эздры. Опытъ изслѣдованія о книгахъ апокрифическихъ. Михаила Шаврова. Спб. 1861.

Изученіе книгъ Священнаго Писанія принимаетъ у насъ довольно самостоятельное научное направленіе. Тогда какъ въ иностранныхъ литературахъ безчисленное множество трудовъ посвящалось историческимъ изслѣдованіямъ библейскаго текста, у насъ кромѣ извѣстныхъ «Записокъ на книгу Бытія» не было ученыхъ трудовъ въ этомъ родѣ, и многими скрытно, а иногда явно отрицалось самое значеніе подобныхъ трудовъ; ограничивались голословными общими и слишкомъ отвлеченными замѣчаніями.

ченными положеніями. Отсюда происходило, что множество недоразумѣній, вопросовъ, возраженій, рождавшихся у мыслящихъ людей при встрѣчѣ съ Библіею, особенно же при встрѣчѣ съ иностранными сочиненіями о библейскихъ книгахъ, оставались неразрѣшенными и необъясненными. Въ настоящее время наша богословская наука пытается снова вступить въ истинное отношеніе къ дѣлу историческаго изслѣдованія о библейскомъ текстѣ. Дѣло это тѣмъ болѣе важно, что стоитъ въ связи съ предпринятымъ переводомъ Библіи на русскій языкъ, для котораго ученія библіологическія изслѣдованія составятъ истинную заслугу.

Православное Обозрѣніе съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ появленіе сочиненія г. Шаврова о третьей книгѣ Эздры. Это сочиненіе есть диссертация на ученую степень, которая готова была восемь лѣтъ тому назадъ и составлялась подъ опытнымъ ученымъ руководствомъ почтеннаго профессора церковной исторіи въ московской духовной академіи о. протоіерея А. В. Горскаго. Поэтому она не есть какое-либо случайное явленіе, но характеризуетъ собою то ученое самобытное направленіе нашей богословской науки, которое созрѣваетъ въ нашемъ академическомъ образованіи подъ вліяніемъ лучшихъ его представителей.

Сочиненіе г. Шаврова удовлетворяетъ самымъ существеннымъ требованіямъ ученаго историческаго изслѣдованія. Представимъ коротко порядокъ и главное содержаніе научныхъ положеній, раскрываемыхъ въ этой замѣчательной монографіи.

Авторъ начинаетъ съ ближайшаго, что непосредственно представляется вниманію изслѣдователя: онъ предварительно занимается описаніемъ и изученіемъ литературныхъ памятниковъ, въ которыхъ сохранилась 3 книга Эздры, утрачен-

ная на ея первоначальномъ языкѣ. Это переводы латинскій, въ которомъ она извѣстна подъ именемъ 4 книги Эздры, евопскій и арабскій. Внимательное изученіе этихъ переводовъ, изъ которыхъ древнѣйшій есть латинскій, перенесенный и въ нашу славянскую Библію, наблюденія надъ размѣщеніемъ главъ книги, надъ различными надписаніями и т. д., показало, что въ латинской 4 книгѣ Эздры, или славянской третьей, нужно различать *два книги*, такъ что въ составъ *первой книги* должны входить главы отъ III до XIV (вмѣстѣ съ шестою главою евопскаго перевода), а въ составъ *второй*—остальныя главы (I, II, XV и XVI). Этотъ выводъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи получаетъ новую твердость, и возбуждаетъ вопросъ о первоначальномъ языкѣ книги, или этихъ двухъ книгъ. Филологическія и другія данныя удостовѣряютъ, что первая книга (гл. III—XIV) первоначально была написана на еврейскомъ языкѣ, а вторая (гл. I, II, XV и XVI) на греческомъ. На этомъ основаніи авторъ предпринимаетъ уже отдѣльное изслѣдованіе первой, или еврейской части 3 книги Эздры и второй, или греческой, и поставяетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ сохранили свой первоначальный видъ разнородныя части, составляющія 3 книгу Эздры въ ея настоящемъ видѣ, написанныя первоначально на различныхъ языкахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ готовится подробнымъ изложеніемъ содержанія, или текста книги,—отдѣльно въ еврейской ея части, и отдѣльно въ греческихъ главахъ. Бѣдственное положеніе современныхъ іудеевъ и древнія обѣтованія о Мессіи, еще не исполнившіяся, возмущаютъ духъ Эздры, и онъ рѣшается препираться съ Богомъ о судьбахъ избраннаго народа: содержаніе еврейской части, или первой книги, составляютъ бесѣды Эздры съ ангеломъ о судьбахъ іудейскаго народа и символическія видѣнія, имѣющія цѣлю успокоить

смущенный духъ писателя. Переставши вопрошать о бѣдствіяхъ іудеевъ и временахъ Мессіи, Эзра съ заботливостію обращается къ новому предмету: онъ проситъ, чтобы возстановленъ былъ сожженный законъ, и такимъ образомъ обезопасено было нравственно-религіозное состояніе іудейскаго народа до временъ Мессіи. Повѣствованіе о чудесномъ возстановленіи книгъ закона Эздрою заключаетъ еврейскую часть книги. Это любопытное изложеніе текста по древнѣйшему латинскому переводу, тщательно свѣренному съ различіями другихъ переводовъ, особенно поясненному важнымъ дополненіемъ перевода еѳіопскаго, приводитъ автора къ тому заключенію, что главы III—XIV, вмѣстѣ съ VI главою еѳіопскаго перевода, должно считать *цѣлою, законченною книгою*, сохранившею всѣ свои части. Сравнительное разсмотрѣніе *греческихъ главъ* (I, II, XV, XVI), содержащихъ обличительныя рѣчи на іудеевъ и язычниковъ съ опредѣленными указаніями на ожидаемаго Мессію, показываетъ, что сохранившіяся греческія главы первоначально принадлежали также къ составу единой книги, но дошли до насъ *не въ полномъ своемъ видѣ*. Далѣе, останавливаясь на вопросѣ о происхожденіи 3 книги Эздры, авторъ приводитъ сначала данныя, по которымъ писателемъ еврейской части, или первой книги, *нельзя признать историческаго Эздру*; за тѣмъ входитъ въ сущность и характеръ представленій, выраженныхъ въ этой части, и убѣждается, что происхожденіе ея принадлежитъ *ветхозавѣтному времени*, и что писатель, скрывшій себя подъ историческимъ именемъ. Эздры, принадлежалъ къ числу *книжниковъ*, званіе которыхъ съ возстановленіемъ вѣры и народа трудами Маттаіи и сыновъ его пріобрѣло великое значеніе. Умѣрять нетерпѣливыя ожиданія Мессіи въ душахъ іудеевъ, изнемогавшихъ подъ

гвѣтомъ бѣдствій со времени плѣна, обличить отступившихъ отъ закона, и угрозами предѣстоящихъ имъ наказаній возвратить на прежній путь жизни вѣрной закону,—таковы цѣли, которыя имѣлъ въ виду писатель еврейской или первой книги. Разсматривая греческія главы, наполненныя множествомъ представленій, образовъ и выраженій, свойственныхъ новозавѣтному времени, авторъ заключаетъ, что эта вторая книга написана была *во времена христіанскія*, и приблизительно въ концѣ перваго, или въ началѣ втораго вѣка. Очень жаль, что авторъ сравнительно мало занимается вопросомъ объ этой послѣдующей передѣлкѣ книги, которая очевидно предполагаетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ редакцій 3 книги Эдры въ мірѣ христіанскомъ, такъ что одна изъ древнѣйшихъ подобныхъ редакцій, хотя не въ полномъ видѣ, и могла потомъ соединиться съ первоначальнымъ подлинникомъ. Авторъ обратилъ только вниманіе (впрочемъ въ другомъ мѣстѣ и только съ цѣлю подтвердить извѣстность греческаго текста изслѣдуемой книги) на хранящееся въ парижской библіотекѣ, въ рукописи свободное подражаніе 3-й книгѣ Эдры на греческомъ языкѣ подъ названіемъ: «Слово и откровеніе Эдры, святаго пророка и возлюбленнаго Богомъ». Въ этомъ апокрифическомъ сочиненіи, Эдра обозрѣваетъ «преисподнія части тартара» и здѣсь видитъ Ирода, убійцу младенцевъ внолеемскихъ, обозрѣваетъ потомъ райскія селенія, и здѣсь видитъ апостоловъ Петра, Павла, Луку, Матвея. Въ началѣ прошлаго года въ журналѣ Гильгенфельда (*Zeitschr. für wiss. Theol.* 1860.) помѣщена была статья Гутшмида «Откровеніе Эдры и его позднѣйшія обработки». Авторъ не имѣетъ въ виду этой статьи и вообще не касается библиологической литературы послѣднихъ годовъ. Дополненія, сдѣланныя имъ въ своемъ изслѣдованіи, состоятъ главнымъ

образомъ въ заимствованіи необходимыхъ свѣдѣній о славянскомъ переводѣ 3 книги Эздры изъ Описанія синодальныхъ рукописей проф. Горскаго.

Авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе разсмотрѣніемъ церковнаго значенія 3 книги Эздры, и въ этой интересной повѣркѣ отношеній церкви къ разбираемой книгѣ находитъ, что первоначально, даже до IV вѣка, 3 книга Эздры пользовалась значительнымъ уваженіемъ въ церкви восточной и западной, а потомъ уваженіе къ этой книгѣ поколебалъ блаж. Иеронимъ, такъ что она исключена была изъ состава Библии (доселѣ есть много древнихъ рукописныхъ библий, не заключающихъ въ себѣ этой книги), и только въ позднее время на Западѣ, послѣ тридентскаго собора, стали помѣщать ее въ составѣ Библии на самомъ концѣ послѣ книгъ новозавѣтныхъ, а на Востокѣ, какъ книга апокрифическая, заняла она послѣднее мѣсто въ ряду книгъ ветхозавѣтныхъ.

Наукообразный методъ изслѣдованія въ книгѣ г. Шаврова, постепенность въ выводахъ отъ ближайшаго къ дальнѣйшему, внимательность ко всѣмъ показаніямъ источниковъ и критическая строгость сообщаютъ сочиненію необыкновенную отчетливость и стройность. Разбираемый памятникъ истолкованъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. Всѣ вопросы и недоразумѣнія принимаются къ свѣдѣнію, разрѣшаются съ возможною внимательностію и безпристрастіемъ, и читатель приобрѣтаетъ запасъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ возможно правильное сужденіе о многихъ предметахъ. Конечно, многія частныя предположенія автора съ теченіемъ времени могутъ быть измѣнены и исправлены. Это и не можетъ быть иначе относительно такого предмета, какъ предметъ сочиненія г. Шаврова, гдѣ положительнымъ основаніемъ всѣхъ изслѣдованій, по справедливому замѣча-

пію автора, оставалась только самая же 3 книга Эздры. Но возможные исправленія частныхъ выводовъ, намъ кажется, не измѣнять существа дѣла въ главномъ и послужать къ усовершенствованію этой книги, съ честію рекомендующей нашу богословскую литературу.

Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви, Филарета, архіепископа черниговскаго и пѣжинскаго. Спб. 1860.

Наша духовная литература болѣе и болѣе обогащается такими книгами, которыя имѣютъ положительную важность для богословско-исторической науки. Безъ сомнѣнія начало къ самостоятельному развитію этой науки положено прежде настоящаго времени. Нынѣшнее время своими много-различными жизненными вопросами расширяетъ значеніе и поприще ученолитературной дѣятельности и не позволяетъ оставаться въ безвѣстности труду добросовѣстному, часто скрывавшемуся прежде въ тиши ученаго кабинета. «Обзоръ пѣснопѣвцевъ» преосвященнаго Филарета, наравнѣ съ многими другими учеными работами, составлялъ предметъ занятій почтеннаго автора слишкомъ 20 лѣтъ назадъ въ бытность его ректоромъ московской духовной академіи. Этотъ трудъ обширностію и самостоятельностью историческихъ изслѣдованій превосходитъ всѣ другія книги, имѣющія предметомъ изложеніе православнаго богослуженія, книги, значительно умножившіяся у насъ въ послѣднее время. Не смотря на довольно частное заглавіе, трудъ преосвящ. Филарета не ограничивается собственно пѣснопѣніями греческой церкви, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ извѣстія о православномъ бо-

гослуженіи, какія только могъ найти авторъ въ историческихъ памятникахъ. Конечно много пищи даетъ эта книга и благочестивой любознательности каждаго, кто пожелалъ бы ближе ознакомиться съ предметами православнаго богослуженія. Но главное ея значеніе—ученое: это, тщательно сдѣланный сводъ матеріаловъ для изученія исторіи богослуженія восточной церкви.

Всѣ изслѣдованія въ «Обзорѣ пѣснопѣвцевъ» связаны съ именами лицъ, болѣе или менѣе занимавшихся устройствомъ богослуженія греческой церкви и расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь обзорны труды и участіе въ устройствѣ богослуженія 85-ти лицъ—послѣ апостоловъ до XVII вѣка. Авторъ устраняетъ отъ себя общіе вопросы объ исторіи православнаго богослуженія. Только въ предисловіи раздѣляетъ онъ свой трудъ на три части, первая—до появленія иконоборства, вторая—времена иконоборства до патріарха Фотія, третья—послѣдующія времена; но нигдѣ не предлагаетъ общей характеристики означенныхъ періодовъ, оставаясь въ строгихъ предѣлахъ фактической разработки извѣстій, и исключительно сохраняя хронологическій порядокъ лицъ, участвовавшихъ въ устройствѣ церковнаго богослуженія.

При историческомъ изученіи православнаго богослуженія каждый изслѣдователь необходимо встрѣчается съ одной стороны съ исторіей богослуженія древней западной церкви въ періодъ ея единства и согласія съ восточною, съ другой стороны—съ исторіей богослуженія собственно въ церкви отечественной. Что касается древняго западнаго богослуженія въ его отношеніяхъ къ восточному, то въ «Обзорѣ пѣснопѣвцевъ» помѣщено изложеніе извѣстій о св. Амвросіѣ медіоланскомъ. Оказывается однакожъ, что Амвросіемъ ни-

чего не внесено въ восточное богослуженіе: извѣстная пѣснь «Тебе Бога хвалимъ» по новымъ предположеніямъ автора, имѣющимъ достаточную вѣроятность, заимствована самимъ Амвросіемъ съ востока на западъ. Все изложеніе объ Амвросіѣ въ «Обзорѣ» имѣетъ предметомъ устройство богослуженія въ церкви медіоланской, введенное этимъ отцемъ, подражавшимъ во многомъ богослужебнымъ учрежденіямъ и обычаямъ восточной церкви. Тотъ же конечно результатъ получилъ бы почтенный изслѣдователь, если-бы нашелъ нужнымъ внести въ свою книгу и изложеніе извѣстій о св. Григоріѣ Великомъ, извѣстномъ подъ именемъ Двоеслова. Заимствованія съ востока, введенныя Григоріемъ въ римское богослуженіе, несомнѣнны, тогда какъ самыя точныя изслѣдованія о какихъ либо богослужебныхъ учрежденіяхъ Григорія въ церкви восточной, — доселѣ не открыли никакихъ слѣдовъ подобныхъ учрежденій. Богослужебные труды Григорія Двоеслова пройдены молчаніемъ въ «Обзорѣ»; намъ кажется, вопросъ о взаимномъ отношеніи восточнаго и западнаго богослуженія въ древнѣйшій періодъ, вопросъ, разрѣшеніе котораго ведетъ къ признанію независимости богослужебной практики древнихъ церквей и особенно къ признанію самобытности церкви восточной, долженъ составлять побочный, дополнительный предметъ въ положительныхъ изслѣдованіяхъ объ исторіи греческаго богослуженія.

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ для насъ исторія постепеннаго устройства православнаго богослуженія въ церкви отечественной. «Обзоръ» ограничивается изложеніемъ пѣснопѣвцевъ церкви греческой и не заключаетъ въ себѣ перечисленія пастырей русской церкви, занимавшихся устройствомъ церковнаго богослуженія. Тѣмъ не менѣе «Обзоръ» представляетъ довольно много матеріаловъ, необходимыхъ

для этого новаго труда. Всѣ пѣснопѣнія греческой церкви, принятыя когда-либо въ наше богослуженіе, разсматриваются здѣсь по древнимъ славянскимъ рукописямъ и сличаются съ печатными славянскими богослужебными книгами, извѣстными въ ихъ настоящемъ составѣ. Исслѣдователь пользуется рукописями московской синодальной библіотеки, Троицкой Лавры и Моск. духовной академіи.

Мы не намѣрены и не видимъ особенной нужды слѣдить всѣ новыя извѣстія, сближенія и мнѣнія автора по поводу различныхъ частныхъ предметовъ, которыми такъ богатъ его ученый трудъ: въ свое время каждое соображеніе получить надлежащую оцѣнку и приложеніе. Скажемъ только нѣсколько словъ объ общемъ значеніи книги въ научномъ отношеніи.

Поставивши вѣтъ своей задачи послѣдовательное изложеніе исторіи восточнаго богослуженія, устранивши отъ себя общіе вопросы и выводы, авторъ ограничилъ свой «Обзоръ» отдѣльными фактическими изысканіями. Независимость отъ требованій послѣдовательнаго, цѣлостнаго историческаго изложенія заключала въ себѣ ту выгоду, что давала свободу совѣстить въ «Обзорѣ» возможно большее количество свѣдѣній частныхъ. Мы назвали «Обзоръ пѣснопѣвцевъ» сводомъ матеріаловъ для исторіи богослуженія, и должны при-совокупить здѣсь, что этотъ трудъ составляетъ дѣйствительную ученую заслугу по богатству историческихъ матеріаловъ и критической ихъ обработкѣ. Разнообразныя свѣдѣнія, замѣчанія и соображенія — біографическія, филологическія и т. п., сами по себѣ не всегда могутъ поступить въ прагматическое изложеніе исторіи богослуженія, но они всегда составляютъ необходимый, предварительный и пояснительный матеріалъ, безъ котораго невозможно серьез-

ное историческое изученіе. И въ этомъ-то отношеніи трудъ преосв. Филарета заключаетъ въ себѣ много новаго и значительно подвигаетъ впередъ ученія изслѣдованія объ исторіи богослуженія. Не смотря на то, что авторъ удержался отъ общихъ выводовъ, въ его книгѣ находимъ много данныхъ для объясненія православнаго богослуженія съ исторической точки зрѣнія. Первоначальное появленіе христіанскихъ пѣснопѣній въ вѣкъ апостольскій, слѣды которыхъ авторъ правдоподобно указываетъ въ самыхъ писаніяхъ апостольскихъ, разнообразіе богослужебной практики въ древнѣйшихъ церквахъ, особенно антиохійской, неокесарійской, сирской, кесарійской, константинопольской и другихъ, постепенное приведеніе богослуженія въ единообразный видъ, начинающійся съ IV вѣка, появленіе за тѣмъ новыхъ церковныхъ пѣснопѣній (каковы стихиры, кондаки и каноны) въ замѣнъ употребительныхъ прежде церковныхъ чтеній историческаго содержанія (каковы жизнеописанія, или краткія сказанія о мученикахъ и т. п.), умноженіе церковныхъ чинопослѣдованій, пѣснопѣнія Дамаскина и связанное съ нимъ преобразование всего круга церковнаго богослуженія, происхожденіе и образованіе греческаго пѣнія и т. д., всѣ эти предметы въ самомъ «Обзорѣ» представляются уже въ довольно ясныхъ очертаніяхъ сами по себѣ и въ ихъ послѣдовательномъ движеніи. Сопоставляя вмѣстѣ главнѣйшія данныя «Обзора», читатель убѣждается, что одно постепенно выходило изъ употребленія, другое заступало его мѣсто, иное удерживалось, иное видоизмѣнялось или дополнялось новыми твореніями, назначавшимися для богослуженія, такъ что церковное богослуженіе, рассматриваемое въ каждое отдѣльное время, каждый разъ получало своеобразный видъ. Живая связь религіознаго духа съ его практическимъ вы-

раженіемъ, каково церковное богослуженіе, оставалось постоянно движущимъ началомъ богослужебной практики. Усвоеніе греческаго богослуженія въ церкви русской, пѣнопѣнія, составленныя русскими пастырями, измѣненія и дополненія, непрерывно продолжающіяся до позднихъ временъ, составляютъ продолженіе исторіи православнаго богослуженія у насъ. Въ цѣлостной исторіи восточнаго богослуженія одни предметы сами собою должны составить достойные историческаго знанія и воспоминанія, другіе удерживаютъ прямое приложеніе въ нашей богослужебной практикѣ. Изложеніе исторіи православнаго богослуженія, вѣрное строгимъ историческимъ требованіямъ, есть задача новыхъ дѣятелей, для разрѣшенія которой столь важную подготовку представляетъ ученый трудъ преосвящ. Филарета.

*Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви,
свящ. А. Рудакова. Спб. 1861.*

Ученіе о богослуженіи православной церкви входитъ въ кругъ предметовъ преподаваемыхъ въ нашихъ свѣтскихъ заведеніяхъ. Цѣль книги, которой заглавіе мы выписали, педагогическая: авторъ—законоучитель одного изъ петербургскихъ свѣтскихъ заведеній. Онъ уже извѣстенъ въ педагогической духовной литературѣ учебниками «исторіи Ветхаго и Новаго Завета,» и особенно—«исторіи Церкви.» Его учебники—не компіляціи, и притомъ дѣйствительно представляютъ собою дѣльныя руководства, лучшія всѣхъ другихъ у насъ краткихъ учебниковъ по тому же предмету.

Авторъ понимаетъ, что ученія и историческія изслѣдова-

ніа составляютъ необходимое пособіе успѣшной педагогической дѣятельности,—и однакожь—что требованія, которымъ должно удовлетворять педагогическое руководство, совсѣмъ нныя, нежели каковы условія ученыхъ сочиненій.

Въ вышедшемъ нынѣ руководствѣ «о богослуженіи православной церкви» богослуженіе берется въ существующемъ его видѣ и составѣ и излагается какъ дѣло, непосредственно близкое къ каждому и важное по его приложенію въ жизни. Назначенное для людей свѣтскихъ, мірскихъ, для большинства, его практическое руководство обнимаетъ только важнѣйшее въ богослуженіи,—кратко, точно и просто. Въ способѣ истолкованія оно старается держаться дѣйствительнаго происхожденія и значенія обрядовъ и избѣгаетъ возможныхъ разнообразныхъ объясненій, въ смыслѣ нравственныхъ, назидательныхъ прииженій, которыхъ настоящее мѣсто—въ проповѣди.

Мы не хотимъ сказать, чтобъ разсматриваемое руководство вполне удовлетворяло всѣмъ требованіямъ руководства для пракческаго объясненія богослуженія. Книжка свящ. Рудакова представляетъ добрый опытъ такого руководства. На 139 страницахъ она излагаетъ необходимыя свѣдѣнія о храмахъ, о церковной утвари, о главныхъ молитвахъ и богослужебныхъ обрядахъ, о службахъ ежедневныхъ, о литургіи, о важнѣйшихъ праздникахъ и праздничномъ богослуженіи, о великомъ постѣ, его богослуженіи и обрядахъ, объ обрядахъ при таинствахъ, о погребеніи, о службахъ произвольнаго христіанскаго усердія. Намъ кажется, нѣкоторыя мелкія потребности еще могутъ быть сокращены. Встрѣчаются также нѣкоторыя утрированныя понятія, и особенно фразы, напоминающія прежнее сухое, внѣшнее отношеніе къ предмету, но этихъ недостатковъ авторъ легко можетъ избѣгать при новомъ из-

даніи своей книги, которая отвѣчаетъ такой серьезной потребности и является первымъ опытомъ въ своемъ родѣ.

О МѢРАХЪ КЪ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ПРОДАЖИ КНИГЪ, ПЕЧАТАЕМЫХЪ ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ ТИПОГРАФІЯХЪ.

Новыя мѣры, принятыя къ распространенію продажи книгъ, печатаемыхъ въ синодальныхъ типографіяхъ, въ то же время суть мѣры облегчающія приобрѣтеніе или покупку этихъ книгъ. Нѣтъ сомнѣнія, что распространеніе продажи увеличитъ выгоды, обыкновенно приобрѣтаемая отъ нея, а это обстоятельство дастъ возможность пониженіемъ цѣны на книги облегчить еще больше ихъ приобрѣтеніе, особенно для простаго народа. Предлагаемъ нашимъ читателямъ извлеченіе изъ опредѣленія Святѣйшаго Синода по предмету названныхъ новыхъ мѣръ.

Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) Предоставить Епархіальнымъ Преосвященнымъ, по ближайшему ихъ усмотрѣнію, устроить открытую продажу книгъ, смотря по удобности: при Духовныхъ Консисторіяхъ, Семинаріяхъ или другихъ зданіяхъ Духовнаго вѣдомства, съ тѣмъ, чтобы продажа книгъ поручена была избраннымъ благонадежнымъ лицамъ; 2) ближайшему также усмотрѣнію мѣстныхъ Преосвященныхъ предоставить завести книжную продажу при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, гдѣ окажется возможнымъ; 3) съ сею цѣлію книги отпускать, по требованіямъ, изъ Синодальныхъ книжныхъ лавокъ, какъ въ С.—Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, съ уступкою 10% противъ цѣны, по каталогу назначенной, и съ пересылкою на счетъ типографскаго капитала;

4) уступку эту допускать въ собственное распоряженіе Преосвященныхъ, для удовлетворенія расходовъ по устройству книжныхъ складовъ, на пересылку по почтѣ денегъ, слѣдующихъ за книги, и въ вознагражденіе за труды лицъ, на коихъ будетъ возложена продажа книгъ въ Епархіяхъ; 5) книги, требуемыя на наличныя деньги изъ суммъ монастырскихъ, церковныхъ или другихъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Епархіальныхъ Начальствъ, отпускать безотчетно; 6) при требованіи же книгъ въ долгъ, выручаемыя отъ продажи ихъ деньги доставлять въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ или въ контору Московской Синодальной типографіи, смотря по тому, откуда книги вытребованы были, по третью года, при чемъ въ требованіяхъ непременно объяснять, на какую сумму осталось нераспроданныхъ изъ высланныхъ книгъ, для повѣрки каждый разъ оставшагося долга за книги со счетами Хозяйственнаго Управленія или Конторы Московской Синодальной типографіи; 7) за симъ наблюденіе за продажей и цѣлостію высланныхъ въ Епархіи книгъ предоставить распоряженію Епархіальныхъ Начальствъ; 8) для извѣстности о выписываемыхъ для продажи въ Епархіяхъ книгахъ, по распоряженію Епархіальныхъ Начальствъ дѣлать публикаціи въ періодическихъ изданіяхъ; самыя же книги продавать по цѣнамъ, въ каталогѣ назначеннымъ; 9) независимо отъ сего, если кто изъ духовныхъ лицъ въ Епархіяхъ пожелаетъ выписывать прямо на собственныя наличныя деньги печатаемыя въ Синодальныхъ типографіяхъ книги для продажи при церквахъ или другимъ способомъ, какъ признаетъ удобнѣйшимъ, то отпустить книгъ производить также съ уступкою 10% противъ цѣнъ, назначенныхъ въ каталогѣ; 10) дешевыя изданія, какъ-то: Новый Заветъ на Славянскомъ языкѣ, Евангеліе Русское и Славяно-Русское и Бук-

варь, печатаемый въ С.-Петербургской Синодальной типографіи, отпускать также съ такою уступкою противъ продажныхъ цѣнъ, какую представится возможнымъ сдѣлать по соображенію Хозяйственнаго Управленія съ количествомъ издержекъ, на изданіе сихъ книгъ употребленныхъ; 11) но для однообразія въ расчетахъ съ выписывающими означенныя дешевыя изданія и для удержанія вездѣ однообразныхъ на оныя цѣнъ, духовныя мѣста и лица при требованіи книгъ, Новаго Завета на Славянскомъ языкѣ, Евангелія на Русскомъ и Славяно-Русскомъ нарѣчіяхъ, обязаны прилагать, сверхъ назначенныхъ цѣнъ, еще по пяти коп. на каждый экземпляръ, и за тѣмъ должны продавать оныя внѣ столицъ по цѣнамъ не высшимъ тѣхъ, какія составятся изъ установленной для продажи сихъ книгъ цѣны и означенной прибавки на пересылку; и 12) что же касается до мелочной въ розницу, внѣ сихъ правилъ, выписки иногородными покупателями печатаемыхъ въ Синодальныхъ типографіяхъ книгъ, то выписка оныхъ какъ изъ С.-Петербургской, такъ и Московской Синодальныхъ книжныхъ лавокъ, остается на прежнемъ основаніи, т. е. требователи должны высылать деньги за пересылку книгъ, такъ какъ духовное вѣдомство не имѣетъ другихъ средствъ къ высылкѣ оныхъ, кромѣ отпращиванія чрезъ почту, съ платежемъ вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ по положенію.

Государю Императору угодно было обратить особенное вниманіе на то, чтобы при продажѣ книгъ Священнаго Писанія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи цѣны не превышали тѣхъ, какія утверждены Святѣйшимъ Синодомъ.

1800
1810
1820

З А М Ъ Т К И

Дѣйствія ультрамонтанской партіи въ югозападной Германіи.

Новыя книги: I. Письма покойнаго миссіонера, архимандрита *Макарія*, бывшаго начальника Алтайской миссіи. II. О третьей книгѣ Эзры. Опытъ изслѣдованія о книгахъ апокрифическихъ, *Михаила Шаурова*. III. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви, *архіепископа Филарета*. IV. Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви, свящ. *Ал. Рудакова*.

О мѣрахъ къ распространенію продажи книгъ печатаемыхъ въ синодальныхъ типографіяхъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Редакціи Православнаго Обзорѣнія, въ зданіи Университета у священника Сергіевскаго; въ книжныхъ магазинахъ гг. Базунова и Свѣшниковъ, на Страстномъ бульварѣ; въ лавкѣ г. Ферапонтова на Никольской улицѣ, въ бібліотекѣ для чтенія г. Горбунова на Никитской и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ княжныхъ лавкахъ: гг. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Энгельгардтъ, Овсянникова въ Гостинномъ дворѣ, Крашенинникова, Кораблева и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* въ Редакцію *Православнаго Обзорѣнія*, въ Москвѣ.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**, съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**.

На тѣхъ же условіяхъ принимается еще подписка и на 1860 годъ.

Печатать дозволяется. Января 29 дня 1861 года.

Цензоръ Протопресвитеръ *Д. Новоскіи*.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ ВТОРОЙ

ФЕВРАЛЬ 1861.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—КНИГА ПРОРОКА ІЗЕКІИЛЯ. Гл. VIII—XXVIII.
Опытъ переложенія на русскій языкъ Арем. МАКАРІЯ.
- II.—ПО ВОПРОСУ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ДУХОВНЫХЪ
УЧИЛИЩЪ. Д. БЪЛАВИНА.
- III.—ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТИНА Сельм. Н. К. ПРОТОПОПОВА.
- IV.—РЕЛИГИОЗНО-ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ГЕР-
МАНИИ В. Ф. ПЪВНИЦКАГО.
- V.—СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ.
Періодическое обозрѣніе Гр. ДЕ-ЛА-ФИТЬ ДЕ-
ПЕЛЛЯПОРЪ.
- VI.—ОБЪ ИСПРАВЛЕНІИ СЛАВЯНСКАГО ТѢКСТА
ДѢЯНІЙ И ПОСЛАНІЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ ПРИ
ПАТРИАРХѢ ІОАКИМѢ И. Б—НА.
- VII.—О ХРИСТИАНСКОМЪ БРАКѢ (*Изъ Турши*.)
- VIII.—ЗАМѢТКИ. (*См. на оборотѣ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- IX.—Святаго Климента Епископа Римскаго
посланіе I къ коринтянамъ Гл. I—XV Сельм. П. А. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

№ VII. 14.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

1861.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы во отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Февраля 15 дня 1861 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Новосіѣй.*

ПО ВОПРОСУ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ

ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Разсуждать объ улучшеніи какихъ бы то ни было училищъ тогда только можно, когда ясно высказана цѣль, которую нужно имѣть при воспитаніи учениковъ, въ нихъ обучающихся. На этомъ основаніи мы прежде всего находимъ нужнымъ сказать о томъ, чѣмъ должны быть духовноучебныя заведенія, кто и чему въ нихъ долженъ обучаться; тогда легко увидимъ, на что слѣдуетъ обратить главное вниманіе при улучшеніи ихъ.

Число наукъ въ настоящее время до такой степени размножилось, что изученіе ихъ для одного человѣка, если не совершенно невозможно, то необыкновенно трудно; ни геніальныя способности, ни самая продолжительная жизнь, ни самое неутомимое прилежаніе—ничто, кажется, нынѣ не поможетъ заслужить, какъ говаривали въ средніе вѣка, названія *doctor universalis*. По этой причинѣ ни въ одномъ училищѣ, ни въ одномъ факультетѣ университета не преподаются всѣ науки, а только большее, или меньшее количество ихъ. Но

издавна науки раздѣляются на два разряда: однѣ составляють предметъ общаго образованія, онѣ необходимы для всякаго образованнаго человѣка, такъ что *не знать ихъ ему стыдно*. Онѣ входятъ въ программы тѣхъ учебныхъ заведеній, которыхъ воспитанники не предназначаются исключительно къ какому-нибудь званію, или сословію, а должны принадлежать ко всѣмъ слоямъ общества; таковы напр. гимназій. Другія же науки называются *спеціальными* и преподаются въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ воспитанники готовятся къ какому-нибудь извѣстному роду службы или занятій. Сюда относятся военно-учебныя заведенія, медицинская академія, и проч.

Касательно такъ-называемыхъ спеціальныхъ училищъ существуютъ два мнѣнія. Одни полагаютъ, что въ нихъ должно изучать только тѣ науки, въ которыхъ воспитанники встрѣтятъ нужду при исполненіи будущихъ обязанностей своего званія, такъ напр. въ военныхъ заведеніяхъ ничего не нужно преподавать кромѣ наукъ, относящихся къ военному дѣлу. Напротивъ, другіе думаютъ, что всякому спеціалисту нельзя обойтись и безъ наукъ общаго образованія, и что даже нѣтъ возможности быть хорошимъ спеціалистомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, не сдѣлавшись вообще образованнымъ человѣкомъ. Отсюда естественно вытекаютъ два вопроса по отношенію къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, первый: должно ли эти заведенія считать спеціальными училищами, и—потомъ: если должно, то надобно ли заботиться, чтобы воспитанники, въ нихъ обучающіеся, были не только хорошими спеціалистами по своей части, но вмѣстѣ и образованными людьми въ общемъ значеніи этихъ словъ? Первый вопросъ рѣшается легко. Назначеніе духовныхъ училищъ спеціальное, имен-

но—приготовление «благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей Слова Божія», какъ сказано въ Уставѣ духовныхъ училищъ. На второмъ вопросѣ мы остановимся.

I.

Слѣдуетъ ли дѣтей, предназначаемыхъ для священнаго сана, воспитывать такъ, чтобы они знали одну духовную, или богословскія науки; или надобно допустить, что священникъ долженъ быть не только хорошимъ богословомъ, но вмѣстѣ и образованнымъ человекомъ? Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, можетъ назваться существеннымъ при разсмотрѣніи улучшенія духовныхъ училищъ. Въ самомъ дѣлѣ, если принять, что для священника кромѣ богословскихъ наукъ ничего болѣе не пужно, то духовнымъ училищамъ предстоитъ радикальная перемѣна; изъ программы ихъ должно исключить все, что относится къ такъ называемымъ свѣтскимъ наукамъ. А если священнику нужны всѣ тѣ науки, которыхъ стыдно не знать образованному человеку; то надобно принять мѣры, чтобы ихъ дѣйствительно знали воспитанники духовныхъ училищъ. Вотъ почему мы рѣшились разсмотрѣть предложенный вопросъ съ надлежащею подробностію.

Но въ настоящее время между духовными и между свѣтскими лицами есть не мало людей, которые на словахъ и на дѣлѣ готовы ограничить ученую часть духовно-учебныхъ заведеній только одними богословскими предметами. «Къ чему, говорятъ они, вносится въ программу этихъ училищъ такое множество свѣтскихъ наукъ? Вѣдь главная обязанность священниковъ состоитъ только въ томъ, чтобы они совершали таинства и обряды православной церкви, учили прихожанъ молиться Богу и искреннею своею набожно-

стю, добродѣтельной жизнію, простымъ характеромъ, послушаніемъ властямъ и проч. располагали и поощряли народъ къ исполненію заповѣдей Божіихъ. За чѣмъ же теперь готовящемуся въ священники толковать въ классѣ о Ромулѣ и Ремѣ, о консулахъ и трибунахъ вѣчнаго города, о кимврахъ и тевтонахъ, о мидійскомъ, ассирійскомъ и вавилонскомъ царствахъ, о гуннахъ и готахъ, о Шарлеманѣ, Вильгельмѣ Завоевателѣ, Густавѣ Адольфѣ, Фридрихѣ Великомъ, и проч? Для «прихожанина» все это не нужно. Для чего семинаристамъ сообщать свѣдѣнія объ электричествѣ, магнетизмѣ, свѣтѣ, теплотворѣ, даже о тяготѣніи, особенно же о корепныхъ, степенныхъ количествахъ, ньютоновой бинномѣ, логариѣмахъ, параллелограммахъ, параллелипипедахъ, пирамидахъ, конусахъ, и проч? Не лучше ли вмѣсто всѣхъ исторій, физикъ, математикъ ознакомить воспитанниковъ съ тѣмъ, что имъ существенно необходимо при исполненіи обязанностей будущаго званія? Пусть прежде всего мальчикъ выучится славянской грамотѣ по церковной печати, потомъ пусть учить и повторяетъ краткіе и пространные катихизисы, краткую и просторную священную исторію, читаетъ и заучиваетъ читаемыя въ церкви молитвы, стихиры, тропари и проч. Пусть въ болѣе зрѣломъ возрастѣ преподадутся ему всѣ части православнаго богословія, церковная исторія, церковное краснорѣчіе, литургика, священная археологія и проч. Пусть духовные воспитанники читаютъ только Св. Писаніе, объясненія на него, творенія отцевъ церкви всѣхъ вѣковъ, нашихъ отечественныхъ духовныхъ и нравственныхъ писателей, четьи-минен и проч. Пусть чистой ихъ души не коснется ни одна свѣтская мысль, не попадаетъ въ ихъ руки ни одна свѣтская книга. Пусть такимъ образомъ они будутъ совершенно чужды всего, что назы-

вается свѣтскимъ образованіемъ и входитъ въ составъ свѣтскихъ наукъ. Развѣ не много ариметики для веденія приходорасходныхъ книгъ, развѣ не много реторики для приученія ума выражать свои мысли въ извѣстныхъ формахъ краснорѣчія? Всѣхъ такихъ и имъ подобныхъ мнѣній ни пересчитать, ни тѣмъ болѣе опровергнуть не достанетъ времени. Лучше кажется я основательнѣе вникнуть въ существо обязанностей лицъ блага духовенства; не найдемъ ли въ этомъ случаѣ настоятельныхъ причинъ, которыя требуютъ, чтобъ они были знакомы не съ одними богословскими науками?

Напрасно думаютъ, что нравственно — религіозная жизнь народа, исповѣдывающаго какую бы то ни было религію, зависитъ только отъ догматовъ, исторіи и нравственного ученія послѣдней; на эту жизнь обнаруживаютъ конечно медленное и постепенное, но сильное и неотразимое вліяніе идеи, вновь вырабатываемыя человѣческимъ умомъ. Будутъ ли онѣ политическія, нравственныя, религіозныя, во всякомъ случаѣ онѣ или выражаютъ потребности общества, или развиваются изъ историческихъ условій его, и никогда не бываютъ случайными; въ нихъ проявляется жизнь человѣчества. Теперь спросимъ, должно ли духовенство слѣдить за этими идеями? Должно ли оно развитіе ихъ предоставить прочимъ сословіямъ, а само, какъ у насъ обыкновенно выражаются, заниматься исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей? Пренебрегать идеями опасно не только для духовенства, но и для самаго могущественнаго правительства; не безъ причины же говорятъ, что идеи управляютъ человѣческими обществами. Заряжаясь часто въ глуши ученаго кабинета, онѣ робко высказываются какими-либо труженикомъ, чело-вѣкомъ иногда вовсе неизвѣстнымъ, высказываются только

ближайшимъ къ нему людямъ. Потомъ этии и другими лицами развиваются, обогащаются новыми опытами и наблюденіями, новыми фактами, упрощаются, усваиваются постепенно бѣльшимъ и бѣльшимъ числомъ, дѣлаются популярными и наконецъ становятся достояніемъ всего общества. Это именно растительная пыль или зерно, которыя, упавши на плодотворную почву, разрастаются въ огромныя кедры и боабабы; это иногда лавины, которыя, на верху горы начинаясь небольшимъ кускомъ снѣга, потомъ, скатываясь оттуда, увеличиваются и наконецъ въ своемъ движеніи уничтожаютъ всѣ, останавливающія ихъ, препятствія. Различіе состоитъ только въ томъ, что развитіе растительнаго зерна или составленіе лавины еще можно остановить; но идеи не истребимы. Ни громы Ватикана, ни политика Австріи, Баваріи, ни Карлы V, ни военные способности Валленштейновъ и Тилли, ни костры и тюрьмы инквизиціи, ни эшафоты Герцога Альбы, ни фанатизмъ народныхъ массъ, ни даже ловкость іезуитовъ: — ничто не остановило идей, развившихъ реформацію и потомъ съ нею вмѣстѣ развивавшихся, точно такъ же какъ не остановитъ, и не останавливало никакихъ другихъ идей. Чтѣ же? и послѣ этого опять надобно говорить, что священникъ вовсе не обязанъ заниматься такими идеями, а вмѣстѣ съ тѣми и тѣми науками, изъ которыхъ онѣ вырабатываются? Онѣ призванъ былъ пастыремъ душъ человеческихъ; идеи — пища души; неужели же пастырь не обязанъ знать тѣ пастбища, на которыхъ его паства можетъ насыщать или отравлять себя? Нѣтъ, духовенство въ этомъ отношеніи не должно отставать отъ своего вѣка. Его никто не обязываетъ принимать за непреложныя истины всѣ новыя идеи; изъ нихъ многія оказываются

иногда неправильными; но духовенство должно же знать, что волнуетъ общественное мнѣніе, какія идеи вырабатываются трудами мысли, знать для того, чтобы принимать мѣры или къ распространенію новыхъ идей, когда онѣ истинны, или къ опроверженію ихъ, когда онѣ ложны.

Обратимся къ нашему времени и спросимъ, есть ли нынѣ новыя современныя идеи, которыя бы имѣли отношеніе къ религіи и потому заслуживали вниманіе духовенства? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только тотъ, кто не слѣдитъ и даже не хочетъ слѣдить за современнымъ состояніемъ наукъ. Можно ли сказать, что нѣтъ такихъ идей, когда астрономы, при помощи телескоповъ, неопровержимо доказали, что количество небесныхъ тѣлъ въ полномъ смыслѣ неисчислимо, что вселенная занимаетъ такое пространство, предъ которымъ единицы изъ билліоновъ верстѣ оказываются ничтожными, что масса всѣхъ небесныхъ тѣлъ огромною своею превышаетъ всѣ наши понятія о величинахъ, и что на всемъ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ, между всѣми этими безчисленными тѣлами господствуетъ единство законовъ, усматривается тѣсная связь и взаимное отношеніе? — Нынѣ геологи по пластамъ земнаго шара, по органическимъ остаткамъ, въ нихъ погребеннымъ, на основаніи нынѣ же происходящихъ явленій гордо присвоиваютъ себѣ возможность писать исторію земли съ достовѣрностію, которая будто бы выше достовѣрности исторіи древнихъ ассирійскихъ, вавилонскихъ и мидійскихъ государствъ! Нынѣ историки, воспользовавшись китайскими лѣтописями и преданіями, религіозными книгами индѣйцевъ, египетскими іероглифами, открытіями, сдѣланными въ нильскихъ пирамидахъ, въ развалинахъ Оивъ и Ниневиі, въ могилахъ Сѣверной Америки, въ заро-

сшихъ лѣсами развалинахъ древнѣйшихъ городовъ Южной Америки, нашли много фактовъ, относящихся къ исторіи рода человѣческаго, о которыхъ не писали и даже не мечтали ни Геродотъ, ни Берозъ, ни Сапхоніатонъ! Можно ли послѣ того думать, что отъ этихъ открытій не появилось множество новыхъ мыслей о устройствѣ вселенной вообще и земли въ частности, о взаимномъ отношеніи матеріальнаго и духовнаго міра, о судьбахъ рода человѣческаго? Нѣтъ, новѣйшее время слишкомъ богато новыми идеями, гораздо болѣе богато, нежели какое-либо изъ предшествовавшихъ столѣтій; мы живемъ въ эпоху движенія, въ эпоху борьбы между прежними и новыми идеями.

Спросимъ теперь: знакомо ли наше духовенство съ этими новостями, даже воспитано ли оно такъ, чтобы могло понимать ихъ? Едва ли можно отвѣчать на это утвердительно о воспитанникахъ семинарій, судя потому, какъ преподаются въ нихъ свѣтскія науки. А между тѣмъ, вырабатываемымъ науками идеямъ можно дать двойное направленіе. Ихъ прилагаютъ и очень успѣшно къ подтвержденію и объясненію религіозныхъ истинъ. Но съ другой стороны, ими же пользуются для опроверженія тѣхъ же самыхъ истинъ. Вотъ напр., въ настоящее время Германія наводнена множествомъ книгъ съ космогоническими теоріями о земномъ шарѣ; тамъ же распространено уже новое ученіе матеріализма. Эти теоріи и этотъ матеріализмъ рѣзко отличаются отъ подобныхъ имъ старинныхъ системъ, основывавшихся на однихъ почти теоретическихъ построеніяхъ. Нынѣшніе космогоніи и матеріализмъ проповѣдуютъ, что они свои доказательства берутъ изъ наблюденій, изъ фактовъ, изъ опытовъ, производимыхъ въ физическихъ кабинетахъ и химическихъ лабораторіяхъ. Надъ этими космогоніями и матеріализмомъ нельзя просто

острить и сибиться, ихъ надобно разрушать ихъ же собственнымъ оружіемъ. Напрасно себя утѣшаютъ тѣмъ, что идеи, распространяемыя новѣйшимъ матеріализмомъ и космогоническими теоріями, надолго останутся внѣ нашего отечества. Нѣтъ, идеи не останавливаются ни таможенными заставами, ни другими запретительными мѣрами, онѣ какъ будто бы находятся въ атмосферѣ земной, вдыхаются вмѣстѣ съ воздухомъ и постепенно усвоятся. Для знающихъ одиѣ богословскія, или одиѣ естественныя науки это можетъ быть незамѣтно. Но знакомый съ обоими родами наукъ легко замѣтитъ новыя идеи и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ. Напрасно также думаютъ, что эти идеи останутся только въ головахъ ученыхъ и профессоровъ. Нѣтъ:—сначала дѣйствительно ихъ выскажетъ или профессоръ на кафедрѣ, или ученый въ статьѣ; потомъ онѣ примутся слушателями и читателями, къ сожалѣнію, въ искаженномъ видѣ, а затѣмъ перейдутъ и къ низшимъ классамъ, не умѣющимъ даже читать. Кому же теперь бороться съ этими идеями? А между тѣмъ, спросимъ опять, много ли лицъ въ нашемъ духовенствѣ знакомыхъ съ основаніями, на которыхъ онѣ утверждаются? Запаслось ли оно оружіемъ, чтобы вступить въ борьбу съ тѣми людьми, которые захотятъ воспользоваться новыми идеями, а можетъ быть уже и пользуются для колебанія религиозныхъ истинъ? Не станемъ отвѣчать прямо на эти вопросы, а сдѣлаемъ слѣдующее замѣчаніе. Если духовенство совсѣмъ оставитъ свѣтскія науки, и такимъ образомъ, или рѣшительно не будетъ знать новыхъ идей, зараждающихся подъ ихъ вліяніемъ, или станетъ понимать ихъ неправильно: то не замедлятъ явиться самыя печальныя послѣдствія этого. Слепая увѣренность въ своей безопасности не всегда служитъ доказательствомъ ея. Кто хочетъ дѣйстви-

вать на совѣсть, умъ и нравственность людей, пусть не пренебрегаетъ новыми идеями, иначе онѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и люди, обгонятъ и оставятъ его назадъ.

Далѣе, бѣлое духовенство никакъ не должно думать о своемъ разъединеніи съ прочими сословіями; напротивъ, ему даже надобно стараться о сближеніи съ ними. Этихъ мы вовсе не хотимъ выразить того, чтобы духовенство перенимало всѣ обычаи другихъ сословій, усвояло себѣ ихъ предразсудки, заблужденія, недостатки и проч.; мы думаемъ сказать только, что оно никакъ не должно быть *отсталымъ* не только въ благородныхъ стремленіяхъ, въ возвышенныхъ чувствахъ, въ безукоризненныхъ интересахъ общества, но и въ образованности. Въ самомъ дѣлѣ, уваженіе народныхъ массъ и даже образованныхъ классовъ къ какой бы то ни было религіи очень много зависитъ отъ уваженія, которое успѣютъ пріобрѣсти служители ея. Извѣстно, что не у всякаго достанетъ времени изучать догматическую, нравственную и обрядовую части какого-нибудь христіанскаго вѣроученія и, сличивъ его съ другими, рѣшить, которому изъ нихъ нужно слѣдовать. Священникъ, или лучше сказать, довѣріе и уваженіе, имъ пріобрѣтенное, тутъ много значить; его слово считается часто авторитетомъ. Если же онъ не пользуется уваженіемъ, то его слова не производятъ дѣйствія не только на сомнѣвающагося, но и на вѣрующаго. Но кромѣ нравственной жизни, искренняго благочестія и т. п. для пріобрѣтенія уваженія священнику очень нуженъ образованный умъ, особенно по отношенію къ среднему и высшему сословіямъ; по крайней мѣрѣ необразованность и отсталость отъ вѣка въ понятіяхъ рѣшительно упижаютъ священника въ глазахъ людей образованныхъ. Напрасно думаютъ, что священнику не слѣдуетъ входить въ разговоры

объ ученыхъ предметахъ, о свѣтскихъ наукахъ и проч., занимайся онъ своимъ дѣломъ, наставляй, назидай, научай и пр.; за чѣмъ тутъ свѣтскіе разговоры? Думающіе такъ страшно ошибаются. Въ чемъ нынѣ состоятъ социальныя, такъ сказать, отношенія священника къ своимъ прихожанамъ и вообще духовенства къ прочимъ сословіямъ? Конечно, въ низшихъ и частію въ среднихъ сословіяхъ священникъ считается еще почетнымъ гостемъ, его посѣщеніе почитать, имъ дорожать. Но въ высшемъ обществѣ и въ большей части средняго класса онъ приходитъ въ домъ или по призыву, или по обычаю—совершаетъ, какъ говорятъ, свою потребу—не всегда въ гостинной, получаетъ пособіе.... болѣе его нѣтъ въ дому, развѣ когда самъ явится въ качествѣ просителя или заискивателя протекціи и милости. Но не ищите духовныхъ лицъ въ многолюдныхъ собраніяхъ, даже въ семейномъ кругу высшаго и средняго классовъ общества; какъ гостей, очень рѣдко ихъ встрѣтишь здѣсь. Не станемъ разбирать причинъ этого, а скажемъ только, какъ бы хорошо было даже въ религіозномъ отношеніи, еслибы наше духовенство не было исключено изъ высшаго и средняго общества. Мы вовсе не думаемъ сказать, чтобы священникъ и тамъ, какъ на церковной кафедрѣ, говорилъ поученія; еще менѣе, чтобы участвовалъ во всѣхъ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Но представьте себѣ образованнаго священника, слѣдящаго за движеніемъ литературы, занимающагося современными вопросами наукъ, искусствъ, администраціи и политики; неужели мнѣнія такого человѣка, облеченнаго священнымъ званіемъ, высказанныя безъ фанатизма, съ любовію къ человѣчеству, съ уваженіемъ къ уму, неужели останутся безъ вліянія на собесѣдниковъ? Не произведутъ ли онъ иногда благотворнаго впечатлѣнія, не только въ пользу его лица, но и того дѣла, которому онъ

служить? Не случилось ли вамъ говорить о свѣтскихъ предметахъ съ истинно образованнымъ священникомъ, разсуждающимъ здраво, съ знаніемъ дѣла? Какое чувствуешь уваженіе къ нему, его сану и его словамъ! И если этотъ священникъ—вашъ духовникъ, то когда явитесь на исповѣдь къ подобному священнику, когда вы съ глазу на глазъ, предъ лицомъ Бога съ открытою совѣстію, станете слушать его наставленіе, сознайтесь, такое ли онъ произведетъ впечатлѣніе на васъ, какъ и священникъ, котораго вы считали необразованнымъ?

Независимо отъ отношеній къ прихожанамъ всѣхъ возможныхъ классовъ, единственно по отношенію къ самому богословію, для священника нужно знаніе многихъ такъ-называемыхъ обще-человѣческихъ наукъ.

Между науками есть тѣсная связь, такъ что, занимаясь исключительно одною какою-либо наукою, мы не будемъ не только образованными людьми, но даже знатоками ея. Это происходитъ отъ того, что для образованности, для основательнаго знанія какой-либо науки нужно участіе всѣхъ способностей человѣка. А между тѣмъ каждая наука, обогащая насъ познаніями и способствуя вообще нашему просвѣщенію, большею частію развиваетъ преимущественно предъ другими ту или другую, такъ сказать, сторону нашей души. Напр., занятіе математическими науками пріучаетъ къ логическому и основательному изложенію мыслей; естественныя и физическія науки показываютъ, какъ, пользуясь наведеніемъ и аналогіею, по отдѣльнымъ, какъ будто разбросаннымъ, явленіямъ доходить до общихъ законовъ, разрѣшать даже міровыя задачи; изящная литература развиваетъ эстетическое чувство; богословіе удовлетворяетъ нравственнымъ и религіознымъ потребностямъ духа. Послѣ этого понятно, отчего люди, занимающіеся только одною какою-либо нау-

кою, имѣютъ односторонній взглядъ на предметы, бываютъ нерѣдко странными педантами. По этимъ причинамъ, если образованіе священниковъ ограничить однѣми богословскими науками, то послѣдствія будутъ невыгодны для нихъ самихъ и они получаютъ образованіе одностороннее, а слѣдовательно недостаточное. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ наши раскольники. Ихъ наибольшіе и старшины—въ своемъ родѣ ученые богословы, они не только прочитали всѣ книги, на которыхъ думаютъ основывать свои вѣрованія, но большею частію знаютъ ихъ на память, и въ своихъ спорахъ и разговорахъ обнаруживаютъ изумительную начитанность. Но можно ли ихъ назвать умными, образованными знатоками даже ихъ сектаторскаго богословія? Не имѣя никакихъ другихъ познаній, считая ихъ даже наводненіемъ діавола, ограничивая кругъ своихъ умственныхъ занятій только старопечатными книгами, они составили свой собственный міръ идей и сдѣлались неспособными что-либо понимать, что не принадлежитъ къ этому міру; ни ясность изложенія, ни основательность мыслей, ни увлекательное краснорѣчіе, ничто ихъ не разувѣритъ въ заблужденіяхъ, не поколеблетъ составленныхъ ими для себя вѣрованій. Убѣждать ихъ—едва ли не напрасный трудъ; ихъ сначала слѣдовало бы научить мыслить иначе, мыслить какъ размышляютъ люди, получившіе общее образованіе. Неужели хорошо кому бы то ни было доводить себя до такого состоянія?

Присоединимъ сюда еще одно замѣчаніе. Мы не понимаемъ, что за безславіе, что за позоръ и униженіе священнику и богослову заниматься свѣтскими, напр. историческими и физическими, науками? Справедливо думаютъ, что богослову необходимо изученіе судебъ еврейскаго народа или исторіи міра христіанскаго; но неужели не будетъ полез-

ными для него изученіе тѣхъ путей, которыми Промыслъ проявлялъ Свою премудрость и всемогущество въ исторіи всего человѣчества, въ твореніяхъ міра матеріальнаго? Какъ много истинно возвышенныхъ мыслей можно встрѣтить и въ послѣднемъ случаѣ! Неужели вы не усмотрите всемогущества Божественнаго въ тѣхъ дѣятеляхъ природы, которые выдвинули на семирверстную высоту цѣлый Андскій хребетъ отъ мыса Горна до Панамскаго перешейка и произвели тѣ перевороты, надъ которыми задумывается самый проникательный умъ? Если вамъ труднымъ покажется прослѣдить геологическія формации и убѣдиться, съ какою премудростію постепенно, издали все приготовлялось къ нынѣшней эпохѣ, къ обусловленію нынѣшней жизни животныхъ и особенно человѣка, если это трудно, то не подѣнитесь рассмотреть взаимное отношеніе вѣтровъ, морскихъ теченій, водяныхъ метеоровъ, горъ съ ихъ ледниками, температуры земнаго шара. Вѣрно, тутъ найдете столько премудрости, что изумитесь сами богатству своей находки. А перейдите еще въ звѣздное пространство, рассмотрите законы, управляющіе движеніемъ небесныхъ тѣлъ, рассмотрите все съ религіозной точки зрѣнія,—у васъ, можетъ-быть, не достанетъ словъ, чтобы достойнымъ образомъ выразить удивленіе и благоговѣніе къ Творцу вселенной. Попробуйте, опыты уже были, особенно у иностранцевъ. Развѣ епископъ Букландъ, написавши свой превосходный трактатъ о звѣздномъ мірѣ, унижилъ себя и англійское духовенство предъ публикою? Трактатъ переведенъ едвали не на всѣ европейскіе языки. Притомъ занятіе астрономіею и даже геологіею нисколько не помѣшало Букланду быть однимъ изъ лучшихъ епископовъ Англіи. А Притчардъ—тоже англійскій, но не епископъ, а священникъ, развѣ унижилъ свое пастырское званіе, напи-

савши образцовое сочиненіе о расахъ человѣческихъ и посредствомъ зоологіи показавшій единство ихъ происхожденія? А отечественная паша православная церковь развѣ не представляетъ архипастырей и пастырей, которые были образованы по многимъ частямъ человѣческихъ наукъ: Теофанъ Прокоповичъ, Платонъ Левшинъ, Евгеній, кіевскій митрополитъ, и проч.—развѣ знали однѣ богословскія науки? А недавно скончавшійся одесскій архіепископъ Иннокентій не удивлялъ ли людей образованныхъ евоими основательными свѣдѣніями едвали не по всѣмъ наукамъ, и между тѣмъ не принадлежалъ ли къ самымъ лучшимъ нашимъ современнымъ проповѣдникамъ и архипастырямъ? Не говоримъ уже о нѣкоторыхъ современныхъ намъ, еще живущихъ архипастыряхъ.

Предметъ, о которомъ говоримъ, представляется столь важнымъ, что, опасаясь разсмотрѣніе его оставить не законченнымъ, находимъ нужнымъ сказать еще объ одномъ возраженіи тѣхъ, которые считаютъ не нужными свѣтскія науки для священниковъ. «Какая въ нихъ можетъ быть нужда, говорятъ они? Посмотрите, какъ многіе отцы церкви, вовсе не принадлежа къ тогдашнимъ ученымъ, изумили міръ не только святостію своей жизни, но и своими образцовыми нравственными и даже догматическими сочиненіями? Не служатъ ли они лучшимъ доказательствомъ, что пастырю церкви вовсе нѣтъ надобности въ свѣтскихъ наукахъ?» Но эти возражатели не припоминаютъ ли изъ церковной исторіи, что многіе изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ лицъ церкви были людьми образованными и учеными во всѣхъ отношеніяхъ, и что образованность и ученость нисколько не помѣшали имъ сдѣлаться свѣтилми церкви? Апостолъ Павелъ принадлежалъ къ ученѣйшимъ евреямъ, — погнушалась ли благодать

Божія сдѣлать его *избраннымъ Своимъ сосудомъ*;—попрепятствовала ли ему ученость *потрудиться на чужбѣ* и заслужить названіе *великаго апостола языковъ*? Замѣчательнѣйшими писателями втораго, третьяго и четвертаго вѣковъ не были ль отцы александрійской церкви? а между тѣмъ исторія говорить, что многіе изъ нихъ воспитывались въ тогдашнихъ александрійскихъ школахъ, обучались тогдашнимъ языческимъ наукамъ. Аѳины въ первые четыре вѣка считались столицею наукъ; въ нихъ не менѣе, какъ и въ Александрію, пріѣзжали изъ всей римской имперіи люди, желавшіе получить высшее по тогдашнему времени образованіе, притомъ свѣтское, даже языческое. Посмотрите повнимательнѣе на тогдашнихъ людей: не найдете ли между ними самыхъ замѣчательныхъ отцевъ церкви? Развѣ Василій Великій, Григорій Богословъ не пріѣзжали нарочно въ Аѳины, не провели тамъ по нѣскольку лѣтъ, слушая многихъ тогдашнихъ ученыхъ язычниковъ? Неужели это обстоятельство попрепятствовало имъ занять едва ли не первыя мѣста между отцами церкви по своимъ сочиненіямъ, по своей святости, по ревности къ православію? Не думайте, чтобы ученныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя этими великими лицами христіанской церкви, оставались у нихъ въ презрѣніи, или безъ всякаго употребленія? Возьмите «шестодневъ» Василія Великаго, прочитайте эту, такъ сказать, попытку сблизить первыя главы Моисеева Пятикнижія съ тогдашними свѣдѣніями о природѣ; вы въ этомъ сочиненіи найдете едва ли не все, до чего тогда человѣкъ доходилъ своимъ умомъ, разсуждая о матеріальномъ мірѣ. Читая великое твореніе великаго церковнаго учителя, чувствуешь, что опъ нынѣ непремѣнно бы ознакомился со всѣми свѣдѣніями, излагаемыми въ химіи, физикѣ,

астрономіи, геологіи и прочихъ естественныхъ наукахъ, воспользовался бы ими для подтвержденія или объясненія первыхъ главъ книги Бытія, и уже конечно написалъ бы сочиненіе получше, нежели Марсель-де-Серъ и нѣкоторые другіе нынѣшніе геологи-богословы. А сколько у самыхъ замѣчательныхъ отцевъ церкви можно найдти мѣсть, въ которыхъ они настойчиво совѣтуютъ священнику заниматься и другими науками, кромѣ богословія?

Въ доказательство нашей мысли мы ссылаемся на святи-теля Григорія Богослова въ его надгробномъ словѣ святи-телю Василю Великому. «Полагаю, говоритъ онъ, что всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую нашу ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодovitость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и уче-ность внѣшнюю, которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и уда-ляющею отъ Бога. Небо, землю, воздухъ и все, что на нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли, и вмѣсто Бога воздали имъ божеское поклоненіе. Напро-тивъ того, мы, воспользовавшись въ нихъ тѣмъ, что удобно для жизни и наслажденія, избѣжимъ всего опаснаго, и не ставемъ съ безумцами тварь возставлять противъ Творца, но отъ созданія будемъ заключать о Создателѣ, какъ говоритъ божественный апостоль, *пллняюще всякъ разумъ* во Христа (2 Кор. 10,5). Также объ огнѣ, о пищѣ, о желѣзѣ и о прочемъ нельзя сказать, что которая — либо изъ сихъ вещей сама по себѣ или всего полезнѣе, или всего вреднѣе; но сіе зависитъ отъ произвола употребляющихъ. Даже между пре-смывающимися гадами есть такіе, что мы примѣшиваемъ ихъ въ цѣлебные составы. Такъ и въ наукахъ мы заимствовали

ислѣдованія и умозрѣнія, но отринули все то, что ведетъ къ демонамъ, къ заблужденію и во глубину погибели. Мы извлекали изъ нихъ полезное даже для самаго благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія. Посему не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые; а напротивъ того надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ обществѣ недостатокъ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжество» (*).

II.

Мы показали, что духовно-учебныя заведенія въ томъ только случаѣ вполнѣ удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ общества и духовенства, когда воспитанники ихъ ознакомятся не съ однимъ богословіемъ, но и съ тѣми изъ свѣтскихъ наукъ, которыя считаются необходимыми для всякаго образованнаго человѣка. Какія же это науки, которыхъ образованному человѣку стыдно не знать и которыя по этому самому нужны священнику-богослову? Входить въ подробныя разсужденія объ этомъ предметѣ мы находимъ неумѣстнымъ и продолжительнымъ, а думаемъ опереться здѣсь на авторитетъ, который нельзя назвать слабымъ. Въ проектѣ Устава духовныхъ училищъ, составленномъ просвѣщенными людьми своего времени (въ 1808 году), свѣтскія науки не только не были исключены изъ программы духовнаго образованія, но

(*). Творенія Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, издаваемые при московской духовной академіи. Томъ IV. 1844. стр., 63—64.

для главныхъ изъ нихъ назначены были особыя, довольно полные курсы. Въ Уставѣ сказано (§ 115): «Курсъ ученія въ семинаріяхъ раздѣляется слѣдующимъ образомъ: а) два года для класса словесныхъ наукъ, къ коимъ присоединяется всеобщая исторія; б) два года для класса философскихъ наукъ, къ коимъ присоединяется математика и физика; в) два года для класса богословскихъ наукъ, къ коимъ присоединяется церковная исторія.» (§ 116): «Языки преподаются: греческій, нѣмецкій и французскій чрезъ всѣ шесть лѣтъ, еврейскій чрезъ послѣдніе четыре года.» Такимъ образомъ можно видѣть, что въ духовноучебныхъ заведеніяхъ, кромѣ спеціальныхъ-богословскихъ предметовъ должны преподаваться всѣ науки, составляющія общій, такъ-называемый гимназическій курсъ.

Вопросъ только въ томъ, какимъ образомъ соединить программу общаго гимназическаго образованія съ спеціальнымъ преподаваніемъ богословія въ духовныхъ училищахъ? Для этого представляются два способа. А.) Или нужно не измѣнять той системы образованія, которая начала устанавливаться съ 1840 года, съ значительными измѣненіями противъ прежняго устава, который былъ поставленъ болѣе твердо и послѣдовательно. По этой системѣ въ духовныхъ училищахъ преподаются свѣтскія науки вмѣстѣ съ духовными, такъ что въ семинарскомъ курсѣ нѣтъ ни одного класса, гдѣ бы тѣ и другія науки не были перемѣшаны между собою (*). Та-

(*) Въ семинаріяхъ курсъ наукъ распределенъ слѣдующимъ образомъ: въ *нижней отдѣленіи* семинарія преподаются — словесность, всеобщая гражданская исторія, алгебра и геометрія, латинскій и греческій языки, катехизическое ученіе (по руководству митр. Петра Могилы), историческое ученіе о церковныхъ богослужебныхъ книгахъ, чтеніе историческихъ книгъ Ветхаго Завета и паскалія; въ *средней отдѣленіи* — логика и пси-

кимъ образомъ по нынѣшней системѣ хотѣть духовныхъ воспитанниковъ отъ перваго до послѣдняго класса дѣлать въ одно и то же время свѣтски-образованными людьми и учеными богословами, ведутъ по двумъ дорогамъ, которыя пролагаются въ очень близкомъ разстояніи между собою и въ параллельномъ направленіи другъ съ другомъ. В.) Или воспитаніе въ духовныхъ училищахъ нужно раздѣлить на два періода: въ первомъ періодѣ обучать дѣтей подобно тому, какъ обучаются они въ гимназіяхъ, не готовить ихъ исключительно къ одному какому нибудь сословію, а стараться сдѣлать изъ нихъ людей образованныхъ, знакомыхъ съ общечеловѣческими науками. По окончаніи этого періода отъ благоусмотрѣнія духовнаго начальства, отъ расположенія и способностей воспитанниковъ будетъ зависѣть, кому изъ нихъ должно изучать богословскіе предметы въ объемѣ, необходимомъ для служителей церкви.

Которому же изъ этихъ двухъ способовъ надобно отдать предпочтеніе? Мы не принадлежимъ къ числу ненавистниковъ старины, готовыхъ охуждать всякое распоряженіе, даже и хорошее, годное и для нашего времени, охуждать потому только, что оно старо, и все передѣлывать на новый ладъ. Мы признаемъ, что второй способъ гораздо лучше перваго; но замѣтимъ, что принципъ этого втораго способа ясно былъ выраженъ еще въ прежнемъ Уставѣ до 1840 года. Объяснимъ причины, которыя

хологія, русская гражданская исторія, естественная исторія, физика, латинскій и греческій языки, библейская исторія, библейская герменевтика, патристика, чтеніе учительныхъ и пророческихъ книгъ В. Завѣта и сельское хозяйство; въ *высшамъ*—Богословіе догматическое, нравственное, пастырское, обличительное, гомилетика, исторія церкви—общая и русская, ученіе о богослуженіи, Новый Завѣтъ, церковное законодѣніе и народная медицина.

располагаютъ насъ въ пользу этого принципа и къ болѣе рѣшительному и точному приложенію его въ устройствѣ духовныхъ училищъ сообразно съ современными потребностями.

1) Трудно найти специальное училище, въ которомъ бы всѣми преподаваемыми науками занимались съ одинаковымъ усердіемъ. Какъ ни будутъ начальники всесторонне-образованы и безпристрастны, наставники—свѣдущи и дѣятельны, воспитанники—прилежны и внимательны, — второстепенные предметы всегда останутся на заднемъ планѣ. Это замѣчаніе особенно нужно приложить къ духовнымъ училищамъ. У насъ еще недостаточно сознава важность общаго образованія и нерѣдко занятіе свѣтскими науками считаютъ мало-важнымъ для богослова. Поэтому, если въ духовныхъ училищахъ удержится теперешняя система образованія, то воспитанники ихъ никогда не узнаютъ тѣхъ свѣтскихъ наукъ, которыя считаются необходимыми для образованныхъ людей. Мало того, чтобы существованіе этихъ наукъ подтверждалось училищными программами, списками объ успѣхахъ учениковъ, отмѣтками въ аттестатахъ, выдаваемыхъ воспитанникамъ и другими официальными документами; на нихъ должно быть обращено дѣйствительное, полное вниманіе. И если держаться втораго изъ указанныхъ нами способовъ, то никому не будетъ благовидныхъ причинъ считать свѣтскія науки мало-важными, и хорошій воспитанникъ непременно займется науками, составляющими общій гимназическій курсъ, хотя бы онъ назначалъ себя для поступленія въ священники, потому что его не допустятъ до слушанія специальныхъ лекцій по богословію, прежде нежели онъ получитъ аттестатъ по наукамъ общаго курса.

2) Преподаваніе богословскихъ наукъ весьма много облег-

чится. При теперешней системѣ, въ каждый классъ духовныхъ училищъ вносится часть богословскихъ наукъ. Отъ этого, нѣкоторыя изъ наукъ преподаются по два или по три раза, или читаются ученикамъ, которые по своему возрасту еще не способны ихъ понимать. Но если держаться въ духовныхъ училищахъ втораго изъ указанныхъ нами способовъ; то не будетъ надобности заставлять учить одно и то же по два, по три раза, или затверживать на память недоступное дѣтскому уму. Облегченіе, по нашему мнѣнію, очень значительное; а сверхъ того, мальчику богословскіе предметы не будутъ прискучивать; изученіе ихъ не обратится въ пустой формализмъ и механизмъ, какъ это теперь случается.

3) Въ настоящее время въ священники поступаютъ какъ будто только по сдѣленію необходимыхъ, неотразимыхъ обстоятельствъ. Священникъ или причетникъ везетъ своего сына въ духовное училище, потому что нѣтъ почти возможности воспитать его въ другихъ мѣстахъ. Духовныя училища въ свою очередь поставлены такъ, что въ нихъ воспитываютъ мальчика исключительно для цѣлей духовнаго званія, и въ этомъ случаѣ не обращаютъ вниманія на то, имѣетъ ли онъ способность и склонность къ этому званію. Мальчикъ выросъ и кончилъ курсъ семинаріи; можетъ-быть ему духовное званіе и не очень нравится, но куда дѣваться, когда онъ такъ воспитанъ и въ такихъ обстоятельствахъ находится, что служба по другимъ вѣдомствамъ для него почти невозможна? Наконецъ и епархіальное начальство должно только изъ воспитанниковъ семинарій выбирать священно-и церковнослужителей. Безспорно, и нынѣ между нашими пастырями есть очень много лицъ, достойныхъ полнаго уваженія; но сколько найдется такихъ, которые не заслуживаютъ его

и не принадлежали бы къ духовенству при другомъ порядкѣ дѣлъ? Совсѣмъ другое было бы, еслибы специальное богословское приготовленіе къ духовному званію начиналось послѣ того, какъ молодые люди окончили общій курсъ образованія. Начальство духовное избирало бы только тѣхъ, которые заслуживаютъ избранія по своимъ способностямъ, по своему умственному и нравственному настроенію; и сами воспитанники, какъ люди взрослые, образованные, будутъ принимать это избраніе, или заявлять свое желаніе къ поступленію въ духовное званіе по зрѣломъ обсужденіи того, способны ли они быть священниками или діаконами. Конечно, и при этомъ положеніи дѣлъ не всѣ они будутъ образцовыми пастырями; но уже навѣрное можно сказать, что число лицъ недостойныхъ значительно уменьшится.

4) Начальство духовное избавится отъ тягостной скорби о томъ, что многіе изъ получившихъ полное семинарское образованіе бродятъ пять и болѣе лѣтъ по помѣщичьимъ домамъ въ качествѣ учителей, или живутъ у своихъ отцовъ, забывая прибрѣтенныя свѣдѣнія, и что, несмотря на все это, такихъ людей приходится посвящать въ священники. Если отдѣлить общее образованіе отъ собственно богословскаго, тогда пустаго излишка кандидатовъ на священническія и діаконскія мѣста не будетъ. Мы не то хотимъ сказать, что спеціально-богословскій курсъ долженъ быть ограниченъ определеннымъ числомъ воспитанниковъ примѣнительно къ количеству вакантныхъ священнослужительскихъ мѣстъ. Мы имѣемъ въ виду, что, при раздѣленіи училищнаго курса на общій и спеціально-богословскій, — могущій оказаться излишекъ окончившихъ послѣдній курсъ не будетъ пустымъ излишкомъ, но давши способныхъ и полезныхъ людей для званія духовнаго, онъ свободно и вѣрно размѣстится по другимъ родамъ службы, благодаря полученному общему образованію.

5) Наше духовенство въ настоящее время составляетъ не только особенное, но отрѣшенное, въ себѣ самоѣ замкнутое сословіе. Дѣти его конечно, какъ извѣстно, вступаютъ въ мѣщане, государственные крестьяне, подъячіе, небольшая часть въ чиновники, медики и нѣкоторые на ученые должности; дочерей нерѣдко выдаютъ замужъ за крестьянъ и мѣщанъ, иногда за приказныхъ, рѣже за чиновниковъ, еще рѣже за купцовъ, и уже слишкомъ рѣдко за дворянъ. Но за то изъ другихъ сословій никто не имѣетъ или возможности, или охоты поступить въ духовное званіе. Въ монастыряхъ еще не мало встрѣчается лицъ изъ другихъ сословій. Въ бѣломъ же духовенствѣ мы рѣшительно не знаемъ ни одного примѣра, чтобы какое-либо лицо его происходило изъ другихъ сословій; только въ рижской епархіи есть священники изъ обращенныхъ въ православіе тамошнихъ крестьянъ. Этого мало; самыя жены духовныхъ лицъ почти всѣ безъ исключенія изъ духовнаго же сословія. Но извѣстно, что всякое сословіе, въ себѣ самоѣ замкнутое, не обновляемое, не освѣжаемое лицами изъ другихъ сословій, слишкомъ легко съ теченіемъ времени можетъ превратиться если не въ касту, то въ корпорацію, чуждую по своимъ обычаямъ, интересамъ и мнѣніямъ для прочихъ сословій. У насъ еще такого перерожденія нѣтъ, но оно будетъ неперемѣнно, если не уничтожатся причины благопріятствующія тому; *законы, управляющіе природою и человѣческими обществами, неотразимы*. Но если разныя обстоятельства не позволили еще нашему духовенству усвоить себѣ духъ, свойственный какимъ-нибудь кастамъ или корпораціямъ, то надъ нимъ давно уже тяготѣетъ другое послѣдствіе изолированнаго его положенія. Извѣстно, что сословіе, которое въ жизни общественной слишкомъ отдѣлилось отъ другихъ сословій, мало-по-малу под-

вергается пренебреженію, нелюбви, зависти, даже ненависти другихъ сословій; всѣ эти чувства скорѣе и яснѣе обнаруживаются, когда первое не имѣетъ общественнаго значенія и не можетъ прямо содѣйствовать улучшенію быта послѣднихъ. Къ искреннему сожалѣнію должно сказать, что наше духовенство испытываетъ уже невыгоды своей изолированности. Не возражайте, что русскій народъ набоженъ, что онъ благоговѣетъ предъ служителями алтара, что подозревать его въ неуваженіи къ нимъ клевета, и проч. Русскій народъ набоженъ, онъ уважаетъ священника, какъ служителя религіи въ самомъ его служеніи. Но уважаетъ ли онъ его, какъ *лицо общественное*? Объясните, *отчего* не только высшіе, но большею частію и средніе классы общества избѣгаютъ семейныхъ связей и даже дружественныхъ сношеній съ бѣлымъ духовенствомъ? *Отчего* большинство священниковъ является въ дома только съ требами? *Отчего* туда даже, гдѣ священникъ приглашается, какъ совѣтникъ и другъ дома, слишкомъ рѣдко и совѣтъ иначе принимаются жена и дѣти его? *Отчего* видятся косые насмѣшливые взгляды, когда въ святки или Пасху по петербургскимъ улицамъ проѣзжаютъ кареты, наполненныя духовными лицами, или когда эти лица стоятъ гдѣ-либо кучкою подъ воротами въ ожиданіи приглашенія въ домъ? *Отчего*... но мы не кончили бы съ подобными вопросами, и намъ пришлось бы встрѣтиться съ вопросами слишкомъ горькими!... Подумайте, читатель, объ этихъ вопросахъ.... По нашему мнѣнію, подобное положеніе не только унижительно для духовенства, но вредно для Вѣры. Уваженіе къ религіи много зависитъ отъ уваженія къ служителямъ ея. Такое несчастное положеніе измѣнится, если образованіе въ духовныхъ училищахъ и поступленіе въ духовное званіе будетъ устроено сообразно высказаннымъ нами

началамъ. Въ самомъ дѣлѣ, и нынѣ у многихъ свѣтскихъ людей появляется въ зрѣломъ возрастѣ желаніе поступить въ духовное званіе; но этому препятствуетъ то, что въ дѣтствѣ трудно замѣтить, къ чему особенно мальчикъ способенъ и склоненъ; а потомъ способности и склонности ясно обнаружатся, когда онъ получилъ уже гимназическое образованіе; еще учиться шесть лѣтъ въ семинаріи для приготовленія къ священству—и лѣта, и разныя обстоятельства не позволяютъ. Но при указанной нами системѣ препятствіе это уничтожается. Въ общія отдѣленія духовныхъ семинарій будутъ поступать и свѣтскіе, и всякій кончившій здѣсь курсъ будетъ имѣть право поступить въ спеціально-богословское отдѣленіе, гдѣ преподаются науки богословскія для приготовленія священниковъ; будь только хорошъ, учись прилежно, живи честно,—всякій можетъ сдѣлаться священникомъ. Отъ этого вскорѣ между духовенствомъ появится много лицъ, которыя будутъ имѣть родственныя связи въ среднихъ и высшихъ классахъ общества; *духовенство перестанетъ быть изолированнымъ сословіемъ*. Далѣе, въ настоящее время слишкомъ рѣдко случается, чтобы въ духовныхъ училищахъ обучался и особенно кончилъ полный семинарскій курсъ кто-либо изъ свѣтскихъ лицъ. Еще менѣе примѣровъ, чтобы дѣти изъ духовнаго званія, выслушавши полный гимназическій курсъ, обучались послѣ въ семинаріи или академіи; кажется, вовсе нѣтъ такихъ примѣровъ. Этого мало,—во многихъ, едвали даже не во всѣхъ мѣстахъ, семинаріи и гимназіи похожи какъ бы на два враждебныя лагеря. Но съ измѣненіемъ нынѣшней системы, свѣтскія лица станутъ отдавать своихъ дѣтей въ духовныя семинаріи и наоборотъ, духовныя лица перестанутъ бояться свѣтскихъ гимназій. Поэтому еще съ дѣтства между мальчиками обоихъ сословій

будетъ завязываться дружба и знакомство; а извѣстно, что школьныя связи остаются на всю жизнь; своихъ товарищей по училищнымъ скамьямъ мы помнимъ и любимъ едвали не больше своихъ сослуживцевъ. Вотъ новая точка для сближенія духовнаго званія съ прочими сословіями! Наконецъ, въ обществѣ нынѣ распространено очень неблагопріятное мнѣніе о семинарской образованности. Ее считаютъ отсталюю, схоластическою, приписываютъ ей свой покровъ, который неудобенъ для прочихъ сословій. Это неблагопріятное мнѣніе прямо переносится на духовенство, состоящее изъ лицъ, получившихъ воспитаніе въ духовныхъ училищахъ. Но съ измѣненіемъ системы образованія (*), не только такое мнѣніе уничтожится, но понятіе объ образованности священниковъ возвысится. Они, получивши общее образованіе, не могутъ уже считаться людьми отсталыми, несовременными. За тѣмъ, выслушавши полный богословскій курсъ въ зрѣломъ возрастѣ, при развитомъ разсудкѣ, ознакомившись съ нимъ не чрезъ механическое затверживаніе, а при помощи разумнаго пониманія, они для прежнихъ своихъ товарищей по гимназій должны казаться людьми, получившими уже высшее *факультетское* образованіе. Очевидно, что при описанныхъ нами условіяхъ неблагопріятное мнѣніе о духовенствѣ постепенно уничтожится. Духовныя лица найдутъ себѣ тогда поддержку и въ своихъ школьныхъ товарищахъ; всесторонняя свѣтская ихъ образованность, соединенная съ основательными свѣдѣніями въ богословскихъ наукахъ, не дозволитъ даже недоброжелателямъ считать ихъ людьми отста-

(*) Мы говоримъ здѣсь собственно о системѣ распредѣленія наукъ семинарскаго курса. Но само собою разумѣется, что успѣхи образованія зависятъ и отъ другихъ условій, напр. отъ выбора преподавателей, — о чемъ можетъ быть особая рѣчь.

лыми и чуждыми общественныхъ интересовъ. Если такое состояніе продолжится нѣсколько десятилѣтій, то духовныя лица могутъ не только сдѣлаться духовными пастырями сильнѣе дѣйствующими на паству, но и передовыми людьми въ образованіи.

Но здѣсь намъ могутъ возразить: «и теперь здоровье воспитанниковъ духовныхъ училищъ весьма сильно разстроивается отъ множества преподаваемыхъ имъ наукъ; и теперь имъ надобно обучаться для окончанія семинарскаго курса не менѣе 12-лѣтъ. Что же будетъ, когда для священника понадобится полное такъ называемое гимназическое образованіе и кромѣ того основательное знакомство со всѣми богословскими предметами? Тогда бѣлая часть воспитанниковъ совершенно разстроятъ свое здоровье, и притомъ имъ придется обучаться чуть не до тридцати лѣтъ.» На эти возраженія отвѣчать не трудно. Къ 12-ти годамъ нынѣшняго семинарскаго образованія не будетъ надобности прибавлять ни одного дня; даже можно сократить этотъ срокъ однимъ или двумя годами. Именно, въ гимназіяхъ обучаются только семь лѣтъ; неужели дѣти духовнаго званія не способны сдѣлать то же, что дѣлаютъ дѣти изъ другихъ сословій? За тѣмъ по окончаніи общаго курса взрослому образованному человѣку съ развитыми способностями, съ окрѣпшимъ умомъ въ три года не трудно изучить богословскія науки. Вѣдь и теперь, если выдѣлить въ семинаріи классы, назначенные для преподаванія свѣтскихъ предметовъ, именно: словесности, логики, психологіи, всеобщей и отечественной исторіи, математики, физики, естественной исторіи, медицины, сельскаго хозяйства, языковъ французскаго и нѣмецкаго, латинскаго и греческаго,—то на богословскія науки не останется половины шести лѣтъ. При разумномъ преподаваніи, науки общаго курса и богослов-

скаго факультета изучать воспитанники даже менѣе, нежели въ 12 лѣтъ безъ всякаго расстройства здоровья. Впрочемъ, еслибы прибавить одинъ или два года, и тогда все воспитаніе могло бы оканчиваться при нормальномъ ходѣ дѣла около 21—22-лѣтняго возраста, — именно того времени, ранѣе котораго поступать въ священники не возможно. А между тѣмъ кандидаты на священническія мѣста не только были бы болѣе образованными въ свѣтскихъ наукахъ, но и вполне ознакомились бы съ богословіемъ.

Принятію новой системы можетъ противорѣчить нынѣшнее раздробленіе духовно-училищнаго образованія на двѣ части. Известно, что дѣти духовенства сначала обучаются шесть лѣтъ въ низшихъ училищахъ и по окончаніи курса здѣсь, выдержавъ экзамень, переходятъ въ семинарію. Такимъ образомъ предметы, преподаваемые въ низшихъ духовныхъ училищахъ и въ семинаріяхъ, тѣсно соединены между собою; первые служатъ приготовительною школою для послѣднихъ, и семинарское образованіе опирается на училищное. Если воспитаніе духовныхъ лицъ первоначально должно происходить по программѣ общаго образованія: то естественно рождается вопросъ: что дѣлать съ низшими духовными училищами? Оставивъ ихъ, нужно будетъ предметы общаго образованія раздѣлить на двѣ части, — одни преподавать въ училищахъ, а другіе въ семинаріяхъ; очевидно, такое раздѣленіе повредитъ единству преподаванія, тѣмъ болѣе, что между наставниками училищъ и семинарій есть большое различіе. А если училища закрыть, то во многихъ семинаріяхъ будетъ необыкновенное многолюдство. Отвѣтъ на это также не затруднителенъ. Связь между училищами и семинаріями такъ тѣсна, что соединеніе ихъ подъ одно управленіе не произведетъ никакого расстройства, не потребуетъ никакихъ пе-

ремѣнь даже теперь; только вмѣсто трехъ будетъ въ семинаріи шесть классовъ и, разумѣется, побольше учителей и воспитанниковъ. Напрасно сталъ бы кто говорить, что сосредоточеніе духовнаго образованія въ одномъ губернскомъ городѣ затруднить духовенство. И нынѣ священно- и церковно-служители не только охотно, но старательно, не щадя ничего, хлопчуть, чтобы дѣти ихъ учились въ училищѣ губернскаго города. Другое дѣло — многолюдство учениковъ. Въ самомъ дѣлѣ съ 2000 одному начальнику не легко управиться. Но почему же въ многолюдныхъ епархіяхъ не устроить двухъ, даже трехъ семинарій съ общими и специальными курсами? Прибавка расходовъ не будетъ значительна. Разсмотришь это.

Лѣтъ за десять въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, напр. тверской, владимірской и пр. считалось воспитанниковъ въ каждой до 700, даже до 900. И эти многолюдныя семинаріи нисколько не были хуже другихъ малолюдныхъ (астраханской, петрозаводской, тобольской, оренбургской и пр.) ни по успѣхамъ, ни по нравственности учениковъ, — даже были гораздо лучше. Значить, на основаніи уже опыта, въ одной семинаріи могутъ обучаться отъ 700—900 человекъ, безъ вреда нравственному и умственному ихъ образованію. Но по отчету обер-прокурора св. Синода за 1856 годъ, число всѣхъ учениковъ духовно-учебныхъ заведеній простирается до 52,000. Поэтому понадобится отъ 58—75 семинарій, если каждая будетъ имѣть отъ 700—900 воспитанниковъ. Впрочемъ такое валовое раздѣленіе неудобно по мѣстнымъ условіямъ. Приимьши свои замѣчанія къ отдѣльнымъ епархіямъ. Изъ того же отчета видно, что число всѣхъ учениковъ какъ семинарій, такъ и низшихъ училищъ, не превышаетъ 800—900 въ 24 епархіяхъ (петербургской, псковской, могилевской, полоцкой, литовской,

рижской, олонецкой, архангельской, черниговской, харьковской, екатеринославской, тифлисской, минской, кишинеуской, херсонской, казанской, симбирской, оренбургской, астраханской, кавказской, тобольской, томской, иркутской и камчатской). Такимъ образомъ въ половинѣ епархій съ закрытіемъ низшихъ училищъ всѣ воспитанники могутъ составлять одну семинарію не болѣе владимірской въ 1857 году, а въ 17-ти епархіяхъ все число воспитанниковъ не превыситъ даже 600 человекъ. Изъ остальныхъ за тѣмъ семинарскихъ вѣдомствъ, только въ тверской, курской, орловской, московской, владимірской, костромской, разанской и тульской губерніяхъ при двухъ семинаріяхъ въ каждой будетъ находиться болѣе, нежели по 800 человекъ. Отсюда очевидно, что по всему православному вѣдомству понадобится не много болѣе 80 семинарій, изъ которыхъ только въ нѣкоторыхъ будетъ по 800, а болѣе нежели въ 40 семинаріяхъ число воспитанниковъ не превыситъ 500—600. Конечно, при этомъ случаѣ потребуются новыя расходы—болѣе, нежели на 30 семинарій, но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно упускать изъ виду, что закроется почти 200 низшихъ училищъ, и слѣдовательно прибавка расхода сдѣлается незначительна. Затрудненіе на первый разъ будетъ состоять въ помѣщеніи, но продавши чуть не 200 училищныхъ зданій можно тоже получить немаловажную сумму; кромѣ того, въ многолюдныхъ епархіяхъ уѣздныя училища губернскихъ городовъ болѣею частію имѣютъ столь обширное помѣщеніе, что въ нихъ безъ труда можетъ находиться семинарія, особенно если бѣдные воспитанники стануть получать денежное вспоможеніе, а не жить въ училищномъ домѣ. Но еслибы и была значительная прибавка расходовъ, то столько будетъ выгодъ!

Начальники и наставники семинарій, всѣ безъ исключенія

воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, способнѣе управлять училищами и учить, нежели семинаристы, которыми наполнены большею частію низшія училища. Объ этомъ стоить подумать.

Если научное образование дѣтей, предназначаемыхъ къ духовному званію, раздѣлить на два періода: *предварительный—общій и окончательный, спеціально-богословскій*: то самъ собою рождается вопросъ: въ чьемъ управленіи должны состоять эти училища? Богословское отдѣленіе безъ всякаго спора должно быть въ вѣдомствѣ духовнаго начальства; подчинить его свѣтскому управленію то же бы значило, что образование кадетовъ поручить лицу духовному. Что же касается до курсовъ общихъ, то иной подумаетъ, что имъ лучше состоять подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія и подъ ближайшимъ управленіемъ такихъ же директоровъ, какіе нынѣ находятся въ гимназіяхъ; предметы ученія въ предполагаемыхъ общихъ курсахъ духовныхъ училищъ одни и тѣ же, какъ и во всѣхъ свѣтскихъ нынѣшнихъ гимназіяхъ; почему же имъ всѣмъ не быть въ одномъ вѣдомствѣ? Но мы открыто и безъ заднихъ мыслей скажемъ, что, еслибы дѣйствительно для воспитанія дѣтей блага духовенства были устроены общіе курсы, подобныегимназическимъ; то ихъ должно подчинить духовному начальству. Вотъ причины, которыя заставляютъ насъ такъ думать: 1) деньги для поддержанія духовныхъ училищъ нынѣ получаютъ не изъ государственнаго казначейства, а изъ особыхъ источниковъ, которые можно назвать *церковными*. Сюда относится: а) ежегодный доходъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ православныхъ церквахъ, простирающійся болѣе, нежели на 900,000 руб. и б) проценты съ такъ называемаго духовноучилищнаго капитала. Онъ составилъ въ 1808 году изъ суммъ, доставленныхъ

предоставляющаго по крайней мѣрѣ цѣлостную систему духовнаго начальства, и по крайней мѣрѣ цѣлостнаго содержания духовнаго начальства; значителенъ будетъ опытъ со стороны бывшаго министра народнаго просвѣщенія Виссариона Петровича Соловьева, который въ 1878 г. предложилъ въ Москвѣ проектъ устройства духовнаго начальства въ губерніяхъ, въ которыхъ не было духовнаго начальства. Проектъ этотъ, по моему мнению, не удовлетворяетъ ни въ какомъ случаѣ потребностямъ духовнаго начальства въ настоящее время. Онъ не удовлетворяетъ потребностямъ духовнаго начальства, потому что онъ не даетъ возможности духовному начальству въ настоящее время, чтобы оно могло бы оказывать надлежащее воспитаніе дѣтей. Онъ не удовлетворяетъ потребностямъ духовнаго начальства, потому что онъ не даетъ возможности духовному начальству въ настоящее время, чтобы оно могло бы оказывать надлежащее воспитаніе дѣтей. Онъ не удовлетворяетъ потребностямъ духовнаго начальства, потому что онъ не даетъ возможности духовному начальству въ настоящее время, чтобы оно могло бы оказывать надлежащее воспитаніе дѣтей.

Къ сказанному надлежитъ присовокупить, что никакъ не слѣдуетъ одному и тому же лицу поручать ближайшій начальственный надзоръ какъ за богословскимъ, такъ и за общимъ гимназическимъ отдѣленіемъ для воспитанія дѣтей, приготовляющихся къ духовному званію. Въ самомъ дѣлѣ, воспитаніе въ первомъ должно быть направлено исключительно къ одной специальной цѣли, чтобы приготовить достойныхъ пастырей церкви; а обученіе во второмъ должно быть устроено такъ, чтобы приготовить обществу образованныхъ и способныхъ общественныхъ дѣателей. Лицу, соединившему въ себѣ управленіе и богословскимъ отдѣленіемъ и общимъ, пришлось бы или дѣлиться между двумя направленіями, или увлечься какииъ, либо

однимъ во вредъ другому. Кому же слѣдуетъ поручить управленіе общими семинарскими курсами? Объ этомъ сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Нѣтъ основанія считать неспособными къ управленію духовноучебными заведеніями тѣхъ магистровъ и кандидатовъ богословія, которые состоятъ или въ бѣломъ духовенствѣ, или остались на духовно-училищной службѣ и не приняли духовнаго сана. Они также изъ духовнаго званія, воспитывались въ духовныхъ училищахъ, учились и учать успѣшно.

Д. БЫЛАНЪ.

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТИНА (*).

Евангельская истина есть полнѣйшее и совершеннѣйшее откровеніе всего, что намъ необходимо знать о Богѣ въ Его отношеніяхъ къ человѣку и о человѣкѣ въ его отношеніяхъ къ Богу. Въ области этой истины многое можетъ быть предметомъ знанія; но относительно того, что составляетъ ея предметъ, безконечно высшій всѣхъ другихъ предметовъ человеческого знанія, она не оставляетъ желать ничего другаго болѣе существеннаго тому, кто воспринялъ ее. И, что особенно достойно удивленія, эта истина, сообщающая полное и всецѣлое удовлетвореніе человѣку въ самомъ началѣ познанія, способная въ одно мгновеніе объять его душу и наполнить собою все существо его, есть въ то же время такая истина, что хотя бы человѣкъ изучалъ ее въ продолженіи цѣлой жизни,—она свѣтъ будетъ расти и увеличиваться въ его глазахъ со дня на день; всегда неизмѣнная, она можетъ разнообразиться до безконечности въ своихъ приложеніяхъ къ жизни; она всегда нова, хотя всегда одна

(*) Изъ *Вино Discours sur quelques sujets religieux*. Paris, 1858.

и та же; мгновения достаточно, чтобы принять ее, — мало въ-
ковъ, чтобы измѣрить глубину ея; словомъ, она удовлетво-
ряетъ двумъ различнымъ потребностямъ человѣческой при-
роды: потребности сердечнаго успокоенія и постояннаго
стремленія къ развитію, къ самосовершенствованію.

Эта истина, которую человекъ никогда бы не могъ
измыслить, которую мы не въ силахъ даже вполне
изъяснить себѣ, открыта и въвѣщена въ міръ Богомъ.
И потому самому, что она не есть плодъ нашего
мудрованія, но дѣло творческой премудрости, увѣровать
въ нее върою истинною мы можемъ только при благодатной
помощи Св. Духа; и это составляетъ также часть Евангель-
ской истины и одинъ изъ предметовъ христіанскаго вѣро-
ванія. И хотя эта истина безконечно выше нашей при-
роды, въ ней не только она въ христіанствѣ соединяется
со всемъ, что есть въ нашей природѣ, сама въ истин-
наго и неизмѣннаго, она восполняетъ ея недостатку, что
только все, что приходитъ въ рожденіе и развивается,
възвѣстъ ея различныя силы и начала, творитъ въ ней
и ее единство, и, бывъ воспринята душою, уже становится не-
отделимою отъ ея первоначальныхъ вѣрованій, отъ того света,
съ которымъ каждый человекъ приходитъ въ міръ. Сло-
во же, рожденнаго въ области безконечной, въ себѣ со-
держитъ и нашего разума, и совѣсти, она, такъ сказать, обра-
стаетъ и образуетъ одно цѣлое съ истинами теологическими
и нравственными, въ которыхъ наша душа, какъ бы въ рожденіи,
и совѣсть.

Отсюда видно, что въ достиженіи истины не только
не остаемся пассивными и безучастными, но что, напротивъ,
истина достигается не иначе, какъ при совокупномъ возбу-
жденіи и содѣйствіи всѣхъ самыхъ живыхъ и действительныхъ

дѣтельность Евангелія, которое всюду подъ именемъ знанія разумѣетъ нѣчто болѣе, чѣмъ дѣйствіе или состояніе ума, но и на самый ходъ человѣческаго знанія и подлинный смыслъ слова—истина. Знаніе владѣетъ различными орудіями и имѣетъ различныя области, смотря по различію самихъ предметовъ. Предметы, подлежащіе зрѣнію, мы познаемъ органомъ зрѣнія, подлежащіе слуху—органомъ слуха; принадлежащіе къ области сердца—органомъ его, чувствуемъ; а идеи всѣхъ этихъ предметовъ, познаемъ разумомъ; слѣдовательно разумъ усвоетъ намъ не впечатлѣнія отъ предметовъ, не то, что они суть сами въ себѣ, но только ихъ идеи, или отвлеченныя представленія ихъ. И если его дѣтельность достаточна въ области знанія, понимаемаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, знанія, которое имѣетъ предметомъ своимъ только идеи вещей и ихъ логическое сочетаніе: то она не можетъ удовлетворять въ области фактовъ, тамъ, гдѣ идетъ дѣло о непосредственномъ сопрیکосновеніи съ живыми силами нашего духа, и гдѣ внѣ этого сопрیکосновенія факты потеряли бы свой характеръ и даже самое право существованія. Безъ сомнѣнія, въ этомъ родѣ знанія, какъ и во всякомъ другомъ, разуму принадлежитъ немалая доля дѣтельности; но истина здѣсь не останавливается на его представленіяхъ; отразившись въ нихъ, она идетъ далѣе, чтобы отразиться въ самомъ внутреннемъ зеркалѣ души; и можно сказать по справедливости относительно истинъ этого рода, что мы тогда только уразумѣваемъ ихъ вполне, когда онѣ находятъ себѣ отзвукъ въ той части нашего существа, гдѣ обитаетъ чувство, т. е. въ истинномъ центрѣ нашей жизни.

На языкъ міра слово истина имѣетъ смыслъ слишкомъ узкій и частный; истину вообще понимаютъ, какъ согласіе представленія съ предметомъ представляемымъ. Но на са-

номъ дѣлѣ, истина точно также можетъ быть присуща фактамъ, какъ и идеямъ. Согласіе средства съ цѣлю, дѣйствія съ причиною, жизни съ идею,—развѣ это не та же истина? И то, что называютъ добродѣтью,—что другое, какъ не истина, прошедшая чрезъ область чувства и отразившаяся въ дѣйствіи? Въ области нравственной истина неотдѣльна отъ жизни, или, лучше сказать, она здѣсь то же, что жизнь; и если вѣсто того, чтобы перейти въ жизнь, она ограничивается только тѣсными предѣлами мысли: то не заслуживаетъ и самаго имени истины. Когда меня спрашиваютъ: въ истинѣ ли я?—то спрашиваютъ не о томъ, что я знаю; но хотѣть знать, каковъ я самъ въ себѣ.

Если религія есть нѣчто высшее знанія, если она есть фактъ, полнѣйшая жизнь и источающій жизнь: то очевидно, она не составляетъ исключительнаго достоинства ума, и всякій, кто видитъ въ ней только совокупность содержимыхъ ею идей, и ничего болѣе,—блуждаетъ внѣ истины. Хотя бы онъ изучилъ въ подробности каждую изъ этихъ истинъ, опредѣлялъ ихъ внутреннюю связь и взаимныя отношенія, хотя бы каждый день онъ дѣлалъ новыя открытія въ этой области,—все это не подвинетъ его ни на одинъ шагъ ближе къ истинѣ; все, что онъ узнаетъ и узнаетъ, можетъ быть вполне истиннымъ, но все это далеко не истина.

Чтобы убѣдиться въ томъ, остановимъ на минуту наше вниманіе на обширномъ полѣ религіознаго созерцанія. Мы видимъ здѣсь прежде всего, что религія является основною нитью въ тканн цѣлой исторіи человечества,—которая, начавшись отъ первыхъ дней міра, проходитъ чрезъ цѣлый рядъ поколѣній и вѣковъ, соприкасаясь на пути всѣмъ именамъ и событіямъ; такимъ образомъ религія представляетъ въ себѣ, какъ бы въ сокращеніи, исторію всего человечества.

ресовъ жизни, все становится христіанскииъ подѣ вліаніемъ христіанства; оно все преобразуетъ, всему сообщаетъ свой духъ и характеръ; на все, къ чему ни прикасается, налагаетъ печать истины и святости; оно устанавливаетъ связь самую тѣсную — логическую виѣсть и нравственную—между всеми отраслями человѣческой жизни; и въ то же время эта жизнь не теряетъ ни одного изъ своихъ законныхъ, естественныхъ элементовъ; и если поступается чѣиъ, то развѣ независимыми и опасными излишествами, которыя уже давно осуждены мудрецами всѣхъ временъ; она сохраняетъ при этомъ даже болѣе свободы, чѣиъ сколько хотѣли и могли представить ей тѣ, которые мечтали недостаточность естественныхъ средствъ къ улучшенію человѣческой нравственности восполнить обиліемъ неудобноносимыхъ законовъ и предписаній, и тѣиъ сильнѣе налегавшіе на природу, чѣиъ мегѣ сами были въ состояніи уврачевать ея раны. Что сказать еще? Мы никогда бы не кончили, еслибы вздумали, не говоримъ, отыскивать новыя точки зрѣнія въ области христіанской философіи, но хотя бы перечислять только тѣ, которыя уже съ давнихъ поръ установлены и обозначены. Судите мегѣ се-го, какая обширная дѣятельность предстоитъ разуму на этомъ послѣднемъ поприщѣ! И соединивъ мысленно всѣ эти разнородныя сферы въ одну, легко поймемъ, что разумъ въ области религіи можетъ найти многое, что ему придется изучать непрестанно.

Но всегда учиться и никогда не достигать знанія истины — возможно ли это, скажете вы? Къ сожалѣнію, печальная возможность этого факта подтверждается многочисленными при-иѣрами всѣхъ временъ. И можетъ ли быть иначе? Разумъ, самъ по себѣ, не восполнитъ того, что дается чувствомъ; отпразвленія того и другаго совершенно различны; разуму

принадлежит усоооеніе, идеі, чувству воспріятіе самаго факта; и потому, когда все хотятъ предоставить разуму, и ничто чувству: то естественно, что вниманіе человека все сосредоточивается на идеѣ факта, а самъ фактъ ускользаетъ отъ него. Изъ-за первой онъ не видитъ послѣдняго, точно такъ, какъ свѣтъ солнца вѣшаетъ намъ видѣть самое солнце. Но быть вѣрнѣ истины—не то же ли самое, что быть противъ истины? Принимать истину, но въ духѣ, ей чуждомъ, не значить ли извѣстить истинѣ, признавая ее, какъ начало, и отрицая какъ фактъ, и если не словомъ, то, что еще хуже, самымъ дѣломъ идти вопреки напѣреніямъ и влеченіямъ Божественной Премудрости? Истина, открытая намъ Богомъ, есть истина въ высочайшей степенн живая и плодотворная, а мы, заключая ее только въ тѣсной сферѣ ума, дѣлаемъ тѣмъ-то безжизненнымъ, бесплоднымъ для насъ самихъ и для другихъ? Онъ даровалъ намъ самую дѣйствительность жизни, самое существо истины, а мы довольствуемся только ее внѣшней оболочкой, буквой; Онъ создалъ міръ, полный жизни и движенія, а мы хотимъ обратить этотъ міръ въ систему изъ теорій вѣроятностей; Онъ явилъ намъ Солнце правды, источающее вѣсѣтъ свѣтъ и жизнь, а мы отъ этого славнаго солнца заимствуемъ только свѣтъ, и не хотимъ заимствовать жизни, или вѣрнѣе сказать не заимствуемъ и свѣта, а ложный блескъ нашего ума принимаемъ за мерцаніе этого свѣта, и дуная ходить во свѣтѣ, блуждаемъ во тьмѣ. Въ напѣреніи Божественной Премудрости (и это самая замѣчательная черта христіанства) было—уничтожить въ насъ и самую мысль о томъ, будто свѣтъ и истину мы можемъ извлечь изъ недръ нашей мысли,—разубѣдить насъ во всемогуществѣ нашего разума, заставить насъ всецѣло подчиниться истинѣ, повергнуться въ смиреніи предъ ней; а мы,

и по мѣрѣ того, какъ разумъ вѣрусиѣваетъ на этомъ поприщѣ, жизнь души, осужденной всегда на бездѣйствіе, сокращается болѣе и болѣе; ея силы, лишенная всякаго возбужденія и развитія, постепенно теряютъ свою энергію и гибнутъ безплодно. Приобрѣтши привычку все подводить подъ мѣрку своего разума, этотъ человѣкъ сдѣлался мало-по-малу неспособенъ понимать вещи инымъ образомъ. Странное дѣло! Онъ лучше, чѣмъ кто-либо, можетъ дать отчетъ себѣ о вліяніи истины на душу человѣка, — но самъ всего менѣе способенъ восчувствовать ея силу; онъ говорилъ не одинъ разъ, можетъ быть, даже и писалъ — о силѣ и дѣйствіяхъ благодати; — а между тѣмъ его сердце ожесточалось все болѣе и болѣе, и вскорѣ огрубѣло до того, что стало невроницаемымъ для лучей благодати. Во всѣхъ его религиозныхъ созерцаніяхъ идея предмета всегда представлялась ему прежде самаго предмета, и ложилась преградою между нимъ и фактомъ. Вскорѣ изъ всего, что онъ узналъ въ области религіи, въ его умѣ образовался какой-то мѣръ призраковъ, вѣрно и отчетливо обрисовывающихъ поверхность истины, но лишенныхъ ея духа и жизни. Но вотъ, онъ почувствовалъ зло, созналъ тщету такого знанія; сомнѣніе и безпокойство овладѣваютъ его душою; онъ рѣшается, наконецъ, обратить религію, бывшую доселѣ только занятіемъ для его ума, въ достояніе сердца, въ дѣло жизни; ничѣмъ подчинить себя силѣ истины, стать въ зависимость отъ нея. Но, въ силу привычки, каждый разъ, какъ онъ хочетъ допросить свою совѣсть, разумъ заступается ея мѣсто, — и голосъ разума заглушаетъ въ немъ голосъ совѣсти; тщетно онъ ищетъ религіи въ своей системѣ, — въ самой религіи онъ не находитъ ничего, кромѣ системы. Терзаемый скорбію о окаменѣніи своего сердца, онъ хотѣлъ бы все забыть, не знать ничего, низойти на стень простоты и

доверчивости дѣтей и народа; готовъ бы былъ отдать все свое знаніе за одинъ изъ ихъ вонлей, износимыхъ изъ глубины простаго и доверчиваго сердца, — весь свой разумъ за ихъ сердце: ибо его собственное уже перестало биться, сдѣлалось холоднымъ и безчувственнымъ, какъ разумъ. Огъ желалъ бы забыть все, относящееся до религій, не знать о самомъ существованіи ея, чтобы нѣтъ возможность воспринять ее снова, — чтобы, вновь представившись его уму, она повѣяла на его душу свѣжимъ дыханіемъ жизни, воздѣйствовала на нее со всею силою новой, еще неизвѣстной, истины. Не тщетное желаніе! Какъ невозможно, безъ особеннаго чуда, вернуть потеряннаго глаза, такъ невозможно, безъ помощи чуда благодати, вернуть утраченной вѣры, которая есть око души. Состояніе, поистинѣ, странное, — когда человекъ вѣротъ и не вѣритъ, — когда вѣра ума вынуждаетъ его чувствовать необходимость вѣры сердца, заставляетъ скорбѣть и воздыхать о ея отсутствіи, — а сама бессильна породить ее; — состояніе свѣта, — но какого свѣта? — который сіяетъ въ душѣ только для того, чтобы дѣлать для нея болѣе видными ея внутренній прахъ; — состояніе невѣднія въ основѣ вѣднія заблужденія въ истинѣ, невѣрія въ вѣрѣ, отчужденія отъ Бога подъ видомъ наружнаго служенія Ему истинѣ! Положеніе, полное вопіющихъ противорѣчій, немислениое въ сущности разумно-правственнымъ, каковъ человекъ, положеніе, можно бы сказать наконецъ, безвыходное, или нѣтъ — единъ выходъ — вѣчную гибель души, если бы мы не знали, что вѣтъ въ мірѣ, правственнымъ и физическомъ, ни одного зла, которое бы превышало всемогущества и благость Того, Кто есть Единъ, всемогущій и любвеобильный, Врачъ душъ и тѣлесъ!

Но наконецъ, можетъ сказать кто-либо, неужели знаніе —

за ея проявленіями, строго анализируетъ ихъ, владѣетъ всѣми ея тайнами, говоритъ ея языкомъ и, пользуясь этимъ знаніемъ, часто выдаетъ себя и многими принимается за душу въ собственномъ смыслѣ, или за начало истинной жизни въ человѣкѣ, хотя въ сущности она есть не болѣе, какъ отраженіе этого начала или души въ идеяхъ разума. Но чѣмъ бы ни была эта сила сама въ себѣ и каковы бы ни были ея отношенія къ жизни, — во всякомъ случаѣ въ ней не живетъ истина религіозная; ибо она способна только дивиться величію истины, разсуждать о ней, изображать и описывать ее, но не въ состояніи воспроизвести ее въ жизни, осуществить на дѣлѣ. Безъ сомнѣнія, идеи нравственныя непременно предполагаютъ въ томъ, кто воспринялъ ихъ, нѣкотораго рода нравственную приемлемость, и трудно понять даже, какъ каждая изъ этихъ идей, бывъ воспринята человѣкомъ, можетъ не вызывать въ его душѣ соответственнаго нравственнаго чувства. Но дѣйствительность подтверждаетъ противное; она говоритъ, что эти идеи, — какъ бы онѣ ни были нравственны, — не что иное, какъ идеи, что онѣ составляютъ достояніе одного разума, и что не въ нихъ кроется источникъ жизни. Жизнь принадлежитъ той части нашего существа, гдѣ царствуетъ чувство долга и любви.

Безъ сомнѣнія, Евангеліе, какъ и всякій фактъ, можетъ служить предметомъ знанія; но прежде чѣмъ быть знаніемъ, Оно есть фактъ живой и плодотворный, есть дѣло премудрости Божіей. И потому, здѣсь главный вопросъ не въ томъ, чтобы выразумѣть всю цѣлесообразность этого дѣла Божія и его согласіе съ требованіями разума, — но въ томъ, чтобы отдаться Его истинамъ, подчинить имъ всецѣло свою жизнь. Растеніе, если бы оно было одарено разумомъ, оплодотворялось бы, конечно, не знаніемъ

ѣиъ о происхожденіи дожда и вліяніи его на жизнь природы,—а самою влагою дожда; такъ точно и человекъ, прежде чѣмъ разсуждать о силѣ о дѣйствіяхъ благодати, этого небеснаго дожда, падающаго притомъ не во всѣхъ мѣстахъ, долженъ стремиться туда, гдѣ онъ падаетъ, чтобы воспринять въ себя его спасительную влагу, наполнить ею все существо свое. Тогда всѣ сухія, большія вѣтви его существа оживутъ и покроются плодами.

Тогда пусть онъ разсуждаетъ, сколько хочетъ; ибо всѣ его разсужденія будутъ проникнуты духомъ смиренія и благоговѣнія предъ истинною и будутъ не отводить его отъ жизни, но вести и приближать къ самому источнику жизни. Тогда его мысль, пропитанная этою небесною роскою, предупреждающею въ человекѣ всякую нравственную порчу и засуху, содѣлается живою связію, связующею благодать съ знаніемъ. Тогда къ вашему знанію уже нельзя будетъ отнести сказаннаго апостоломъ, что «знаніе надмѣваетъ, а любовь созидаетъ,» ибо ваше знаніе содѣлается любовію; тогда никто, и самъ апостоль, не осудитъ вашего знанія, не скажетъ объ васъ,—вамъ суждено «всегда учиться и никогда не достигать знанія истины;» ибо вы будете въ истинѣ съ первыхъ же минутъ обращенія къ ней,—живая, великая истина христіанства укоренится въ вашемъ сердцѣ прежде, чѣмъ истины созерцательныя овладѣютъ вашимъ умомъ; и самыя эти истины содѣлаются въ васъ живыми членами истины. Тогда ваше богословіе будетъ отъ начала до конца религіей, ваше знаніе христіанствомъ, вашъ свѣтъ теплотою, ваше солнце — истиннымъ солнцемъ. Тогда, дѣлая законное употребленіе изъ вашего разума, вы не дадите повода другимъ возвышать разумъ на счетъ религіи; но, напротивъ, научите и другихъ благоговѣть предъ ре-

лигіей и видѣть яснѣ границы и недостаточность разума въ дѣлѣ религіи.

Да поможетъ же намъ вседѣйственная благодать Св. Духа отрѣшиться отъ тѣхъ безплодныхъ, неприложимыхъ къ жизни, созерцаній и утвердиться въ знаніи живомъ, плодотворномъ; да научитъ она насъ, внимательно испытывать самихъ себя, чтобы знать, въ истинѣ ли мы, или преслѣдуемъ тѣнь истины,—знаемъ ли мы только вѣру, или живемъ вѣрою. О, еслибы всѣ мы, какова бы ни была мѣра нашего знанія и разумѣнія, могли, съ полнымъ убѣжденіемъ, съ вѣрою и любовію сказать вмѣстѣ съ Спасителемъ: «славлю Тебя, Отче, Владыка неба и земли, что Ты утаилъ это отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ младенцамъ!»

Свящ. Н. Протопоповъ.

РЕЛИГИОЗНО-ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ГЕРМАНИИ

Нѣсколько лѣтъ назадъ образовалась въ Германіи *церковно-евангелическая конференція* изъ представителей всѣхъ германскихъ протестантскихъ странъ. Она періодически, болшею частію одинъ разъ въ годъ, собирается въ Эйзенахъ и имѣетъ цѣлю повѣрять дѣйствительное религіозно-правственное состояніе протестантскихъ обществъ и изыскивать способы къ исправленію и улучшенію внутренней жизни обществъ. Последнее собраніе этой конференціи было лѣтомъ въ 1859 году (отъ 30 іюня по 7 іюля н. с.). Саксонское министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предложило собравшимся представителямъ опредѣлить и выяснить *«состояніе христіанскаго сознанія въ нѣмецкой евангелической церкви и задачу, лежащую на церковной власти по отношенію къ нему»*. Докладывать объ этой темѣ и развить ее возложено было на Либнера, главнаго придворнаго проповѣдника въ Дрезденѣ, и Ульмана, прелата въ Карлсруэ, пользуую-

щагося уваженіемъ за его учено-литературные труды. Оба они, въ особенности Либнеръ, представили очень подробное изложене этой темы, которое отпечатано вполнѣ въ протоколахъ конференціи.

Судя по докладамъ, напечатаннымъ въ протоколахъ эйзенахской конференціи, и по отзывамъ объ нихъ, возбужденнымъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи, дѣйствительное состояніе протестантской Германіи представляетъ много интереса и съ различныхъ сторонъ довольно характеризуется послѣднимъ собраніемъ общей церковно-евангелической конференціи.

Доклады эйзенахской конференціи раздѣляются на двѣ части, — въ одной показывается настоящее положене дѣла, въ другой предлагаются мѣры и средства къ возможному лучшему развитію христіанской жизни при данныхъ условіяхъ.

«Первый и главный фактъ въ современномъ состояніи религіознаго сознанія (такъ начинается Либнеръ свой докладъ), это—большой недостатокъ истинно-христіанскаго разумѣнія. Онъ равно замѣтенъ въ массѣ образованныхъ и необразованныхъ, и доходитъ часто до изумительной степени. Онъ-то задерживаетъ успѣхи внутренней церковной жизни во всѣхъ отношеніяхъ.» Раскрывая этотъ недостатокъ, Либнеръ обличаетъ довольно общее незнаніе христіанства и всего, что существенно относится къ церкви,—даже приписываетъ народу полное религіозное невѣжество. «И это невѣжество не отрицательное только, не одно отсутствіе надлежащихъ христіанскихъ понятій, но и положительное, преобладаніе представлений, совершенно чуждыхъ христіанству, напоминающихъ объ іудействѣ и язычествѣ. Это невѣжество исходною точкою своею имѣетъ ложное *представленіе* объ *Иисусѣ Христвѣ*, представленіе болѣе или менѣе евіонитское, или въ высшей

степени аріанское. Такое ложное понятіе стоитъ въ тѣсной связи съ другими ложными понятіями о Богѣ, о мірѣ, и объ отношеніи міра къ Богу. Въ этихъ понятіяхъ обнаруживается популярный *деизмъ* и популярный *пантеизмъ* всѣхъ родовъ, въ которомъ разрушается вѣрованіе въ Божество, какъ Существо личное. Полупантеистическія покушенія къ *примиренію*, предпринятія съ цѣлію соединенія деизма съ пантеизмомъ, сдѣлавшіяся въ послѣднее время лозунгомъ многихъ, особенно такъ-называемыхъ образованныхъ людей, не помогли дѣлу: у этихъ людей Богъ только на словахъ называется абсолютною личностію. Необходимымъ слѣдствіемъ такого направленія было ложное понятіе о *грѣхѣ*, по которому отрицается зло и вѣняемость грѣха и не предполагается необходимости искупленія: грѣхъ представляется только неизбежнымъ недостаткомъ нравственности вслѣдствіе естественной ограниченности и слабости, равно какъ различныхъ случайныхъ условій. За тѣмъ слѣдуютъ ложныя понятія объ *искупленіи*, *примиреніи* и *оправданіи* и такъ далѣе,—о всѣхъ предметахъ христіанскаго вѣрованія: въ результатѣ получается совершенно искаженный образъ христіанскаго разумѣнія, не свойственный и даже враждебный христіанству. Ходячія понятія времени приведены уже въ связь и составили родъ системы въ популярномъ сознаніи; но эта система далеко отстываетъ отъ твердой христіанской истины, изъ истинно христіанскаго вѣроученія здѣсь появляются только частности, только случайно входятъ сюда нѣкоторые отдѣльные пункты христіанскаго вѣроученія, а существенныя его истины остаются внѣ связи съ живымъ сознаніемъ. Живое сознаніе является чуждымъ по отношенію къ цѣлому составу христіанскаго вѣроученія; при такомъ разладѣ живаго сознанія съ дѣйствительнымъ христіанствомъ, не можетъ

быть правильнаго сужденія о всемъ, что касается христіанства и церкви».

Всѣ свои наблюденія Либнеръ привелъ къ такому результату, что *нѣмецкое протестантское христіанство въ большей части своихъ членовъ не понимаетъ реформаціи, не понимаетъ христіанства*. Оно все-святое достояніе вѣры растратило на распутіи вѣковъ; если что и осталось у него, отъ завѣщанной христіанской истины, то все это образованнымъ людямъ, по крайней мѣрѣ многимъ изъ нихъ, кажется слабостію, суевѣрнымъ остаткомъ простодушной старины. Съ этимъ бременемъ невѣжества, давящимъ протестантскую церковь, соединены разныя печальныя явленія церковной жизни; для примѣра Либнеръ указываетъ на то недовѣріе, которое тотчасъ проявляется, какъ скоро что-нибудь дѣйствительно живое выходитъ извнутри церкви и движетъ народныя массы; тутъ видятъ опасность для свободы, возвращеніе къ давнопрошедшимъ вѣкамъ, и т. п.

Либнеръ не оставляетъ безъ вниманія тѣхъ причинъ, которыя произвели такое состояніе, но особенную важность онъ приписываетъ тѣмъ изъ нихъ, которыя лежатъ въ теоретической области. Сильное вліяніе на протестантскія общества имѣло, по его словамъ, *популяризованіе философскихъ системъ* новѣйшаго времени и *міросозерцаній* такъ называемыхъ *героевъ* нѣмецкой національной литературы, имѣющихъ тѣсную связь съ системами философскими. Либнеръ съ уваженіемъ относится къ философіи, но въ то же время выставляетъ, какъ неопровержимый фактъ, то, что великіе созерцательные труды, философскія системы перешли въ публику и сдѣлались популярными не своею внутреннею глубиною, не своимъ истиннымъ положительнымъ содержаніемъ, не тѣмъ, чѣмъ они соприкасаются съ сущностію христіанства,

но большею частію только своими второстепенными отрицательными сторонами, подъ вліяніемъ которыхъ и развивалось сознание народа. «Такое-то отрицательное вліяніе усвоилъ народъ, и образованный и необразованный, призналъ новѣйшую философію въ ея разрушительномъ значеніи, назвалъ ее *своимъ разумомъ*, и сталъ вообще говорить, что разумъ препятствуетъ принимать полное содержаніе христіанства. Но это—не настоящій человѣческій разумъ, дѣлающій человѣческое существо богоподобнымъ, а нарость, прившедшій извнѣ, или только помраченное преданіе разума вольфовскаго, кантовскаго, гегелевскаго, привившееся къ естественному человѣку. Тысячи думаютъ теперь формами этого разума, оставленными послѣднею философіею, и не могутъ иначе думать, а между тѣмъ не знаютъ, по крайней мѣрѣ мало сознаютъ, *откуда* у нихъ такое настроеніе мысли. Тоже нужно сказать и о воззрѣніяхъ такъ-называемыхъ героевъ нѣмецкой національной литературы. И здѣсь не столько высокое, сколько малое и дурное, дѣлается собственно популярнымъ и переходитъ въ плоть и кровь народа. Церковь, т. е., пастыри церкви, представители духовной науки и духовной власти, долгое время предоставляли этимъ силамъ образовывать духовную субстанцію народа, а сами ничего не дѣлали, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ не показали ничего подобнаго тому вліянію, съ какимъ налегала на духъ народный сторонняя, нецерковная сила.»

Представляя въ такихъ чертахъ дѣйствительность, Либнеръ могъ ожидать возраженій такого рода, что порядокъ жизни въ протестантскихъ обществахъ наружно является въ видѣ болѣе благопріятномъ. Въ ожиданіи этихъ замѣчаній, онъ не могъ не поискать свѣтлыхъ сторонъ на темномъ полѣ, и потому съ глубокою искренностію хотѣлъ бы говорить объ усиліяхъ церковнаго правительства возстано-

новить дѣйствительную цѣдность церковнаго исповѣданія. Но это внѣшнее возстановленіе не оказывасть для жизни значительныхъ результатовъ, движется въ очень тѣсномъ кругу и не спасаетъ народъ отъ іудейской и языческой грубости въ разумѣніи истинъ и вопросовъ христіанства. Оффициальное исповѣданіе и собственное каждаго внутреннее разумѣніе, личная духовная жизнь челоуѣка часто стоятъ внѣ всякаго отношенія другъ къ другу, и внѣшнее исповѣданіе тяготитъ только личное сознание, какъ внѣшній законъ, какъ напрасное бремя. Нѣкоторые изъ послѣдователей исповѣданія содержатъ только наружность закона, подобно кожѣ, отпавшей отъ живаго тѣла древней вѣры. Со всѣхъ сторонъ открывається вопіющая необходимость возсоздать въ нѣмецкомъ христіанскомъ народѣ живое христіанское разумѣніе.

«Возможность этого возсозданія еще остается; потому что наряду съ этою нисходящею линіею, по которой народъ все больше и больше, глубже и глубже ниспадаетъ въ бездну религіознаго невѣжества, замѣтна и линія восходящая. Подъ удушливимъ покровомъ невѣжества появляется опять глубокая воспріимчивость къ живому слову вѣры, дѣлающая возможнымъ оживленіе церкви, является даже томительное желаніе религіознаго исцѣленія. Не радостно тысячи живутъ подъ этою корою невѣжества; онѣ чувствуютъ нравственно давящую спертую атмосферу, но не могутъ сами разрушить облегающей ихъ коры. Но если бы кто нибудь принесъ имъ истинное спасительное христіанское разумѣніе, то въ глубинѣ души ихъ нашлось бы не мало пунктовъ соприкосновенія съ словомъ живой истины.

«Это тѣмъ возможнѣе, что истиннаго и живаго христіанскаго разумѣнія не нужно далеко искать: оно хранится въ *Словѣ Божіемъ* и въ *вѣрномъ*, сообразномъ Св. Писанію, его

толкованіи; но въ той ясной формѣ, въ какой оно можетъ удовлетворять и соответствовать современнымъ нуждамъ, оно, по словамъ Либнера, должно осуществляться въ *церковномъ богословіи* нынѣшняго времени. Нужно только сознаться, что это церковное богословіе остается еще ученіемъ мало доступнымъ. Не пропикая въ евангелическій нѣмецкій народъ, оно составляетъ еще достояніе очень немногихъ, такъ сказать, посвященныхъ лицъ, и не распространяется по всей широтѣ церкви. Но по своему внутреннему содержанию, оно чисто и свободно отъ недостатковъ, заразившихъ общество, и даже сознательно стоитъ противъ нихъ и потому носить въ себѣ возможность разсѣять религіозное невѣжество.

«Существенное и *главное направленіе современнаго церковнаго богословія* дѣлается понятнымъ изъ того пункта, по которому для него въ живомъ голосѣ церкви всѣхъ временъ открывается и познается цѣлость и единство Слова Божія, какъ первой духовной силы, освящающей и спасающей міръ, и могущей основать, обновить и поддержать церковь. Богословіе живетъ и движется въ живомъ церковномъ познаніи и сознаніи, всегда полнѣе и яснѣе усвая себѣ безконечное содержаніе Слова Божія, всегда болѣе или менѣе прилагая его къ потребностямъ настоящаго, и тѣмъ спасая церковную жизнь отъ однообразнаго застоя. Въ живомъ богословіи церковь входитъ въ саму себя, въ свою собственную глубину, въ свою основу, раскрывая единую преданную ей истину; и на этомъ пути могутъ быть сдѣланы такія же важныя открытія, съ такими же плодотворными результатами, какъ и въ наукѣ о природѣ или исторіи человѣчества.

«Но богословіе церкви, какъ бы оно ни было хорошо, тогда только достигаетъ своей цѣли, когда входитъ въ плоть и кровь членовъ церкви, когда дѣлается ихъ мыслію, обра-

зуетъ ихъ живую субстанцію, и находитъ для себя наглядное выраженіе въ общемъ сознаниі народа. Этого нѣтъ теперь. Чтò же сдѣлать, чтобы общенародное сознание слить съ ученіемъ церковнаго богословія, тѣму одного разогнать чистымъ свѣтомъ другаго? Какія средства можно и должно употребить въ дѣло, чтобы чистое богословіе изъ книгъ, изъ тѣснаго круга посвященныхъ перевести въ жизнь, въ массу народа?

«Поднять эту задачу (говоритъ Либнеръ во 2-й части своего доклада) и съ благоразумною и твердою энергією довести ее до счастливаго разрѣшенія, безъ сомнѣнія, предложить главнымъ образомъ духовной власти. Церковная власть, какъ власть учительная, ясно сознающая долгъ нравственнаго созиданія церкви, не можетъ по своей идеѣ спокойно смотрѣть на духовное распаденіе и растлѣніе религіознаго сознанія. Она совершенно забываетъ свою главную задачу, когда полагаетъ свою цѣль и свою дѣятельность въ дѣлахъ одного внѣшняго управленія, въ исполненіи законныхъ бюрократическихъ формъ, напримѣръ въ подписи и очищеніи бумагъ, въ наложеніи резолюцій и въ другихъ подобныхъ, разна всегда утвержденныхъ операціяхъ бюрократическаго правленія. Процессъ очищенія религіознаго сознанія въ обществѣ можетъ идти и самъ собою (независимо отъ церковной власти); даже оня можетъ развиваться и тогда, еслибы близорукая власть, пристрастная къ однимъ формамъ, стала задерживать его и затруднять его теченіе. Но лучше здѣсь, какъ во всѣхъ историческихъ движеніяхъ, вести дѣло созпательно и органически, чѣмъ все предоставлять на волю судьбы и случая.

•Ближайшими и главными дѣятелями въ распространеніи точнаго церковнаго разумѣнія, безъ сомнѣнія, и должны

быть церковные учителя, въ тѣсномъ смыслѣ *духовное сословіе*. Въ отношеніи къ нему, говоритъ Либнеръ, нужно признать, что оно во многихъ мѣстахъ Германіи дѣйствительно увлечено добрымъ движеніемъ, и твердо стоя въ Писаніи и ученіи церкви, съ большою старательностію выполняетъ свой долгъ. Но нужно замѣтить, что это доброе движеніе—движеніе далеко не общее; утѣшительные факты видны только въ частныхъ мѣстахъ и остаются одиночными. Если нѣкоторыя области церковныя въ этомъ отношеніи могутъ представлять свѣтлыя явленія, за то другія (а такихъ больше) кажутся совершенными пустынями, гдѣ рѣдко, рѣдко появится небольшой оазисъ. Если сюда, въ эти пустыни, попадетъ и дѣльный человѣкъ, со всѣмъ усердіемъ преданный своему долгу, питающій въ себѣ самыя возвышенныя желанія,—онъ не выдерживаетъ себя до конца отъ недостатка содѣйствія и руководства, или трудится бесплодно. Въ самомъ дѣлѣ, одна часть евангелическаго духовенства сама еще заражена религіознымъ невѣжествомъ, и съ сочувствіемъ раздѣляетъ всѣ превратныя мысли и правила свѣта, прикрываясь титломъ свободы, между тѣмъ какъ здѣсь господствуетъ гнетущее вліяніе полу-разумнаго или неразумнаго научнаго преданія, сложившагося въ нравственной атмосферѣ изъ разныхъ вредныхъ испареній. Другая часть вдалась въ простой церковный практицизмъ, нерѣдко говоритъ обильныя фантазіею и даже умныя проповѣди, употребляетъ разныя острые раздражительныя средства для возбужденія вниманія къ себѣ, и весьма довольна своей отвлеченной полемикой и внѣшнею законностію жизни послѣдователей церковнаго исповѣданія. Понятно, что ни та, ни другая часть духовенства не дѣлаетъ вполнѣ того, что нужно.

• Протестантская церковь въ настоящее время старается возстановить идеалъ своего подлиннаго исповѣданія и углубиться въ Слово Божіе, какъ основаніе истиннаго ученія; духовенство стоитъ въ средоточіи этого движенія и должно быть органомъ его. Но внѣшней твердости исповѣданія еще не достаточно для жизни церкви. Исповѣданіе церкви не должно трактоваться простымъ церковнымъ кодексомъ законовъ или запрещеній и осужденій. Церковь получаетъ не пользу, а одинъ вредъ отъ тѣхъ, которые облакаются въ исповѣданіе, только какъ въ одежду официальной церковности. Прежде всего исповѣданіе должно быть духовнымъ дѣломъ, всецѣло проникающимъ человѣка, должно быть живымъ, изъ жизненной глубины церкви выходящимъ исповѣданіемъ. Исповѣдуя вѣру, живо относясь къ своему исповѣданію, церковь должна осуществляться и выражаться въ личностяхъ и прежде всего въ лицахъ духовныхъ. Господствуетъ способъ наставленія, не простирающійся далѣе сухихъ внушеній о подчиненіи авторитету исповѣданія. Такого убѣжденія въ наше время недостаточно для полной жизненности исповѣданія. Сюда должна входить еще особенная черта, и притомъ не просто практическая, но и теоретическая—забота объ обрѣтеніи *потеряннаго*. Мы должны при настоящемъ кризисѣ не просто *убѣждать*, но и *перубѣждать*, не только учить, но и переучивать. Все содержаніе церковной вѣры, у всѣхъ членовъ церкви въ ихъ совокупности, должно быть самодознанною истинною. Они должны вѣрить содержанію церковнаго исповѣданія не потому только, что такъ содержитъ его церковь, но потому главнымъ образомъ, что это христіанская, спасительная истина. Мало того, чтобы непосредственно подчинять умы исповѣданію простымъ отвлеченнымъ назиданіями

ніемъ, мало того, чтобы освобождать познаніе отъ узъ одностороннихъ и превратныхъ понятій. Церковь должна расти, умножать въ разумѣніи исповѣданія вѣренныя ей таланты познанія, вводить во всѣ области духа и жизни безконечное богатство, лежащее въ ней, и свой теоретическій авторитетъ показывать настоящимъ духовнымъ полномочіемъ, располагающимъ всѣхъ съ любовью объединять съ нимъ свое сознаніе, однимъ словомъ, должна серьезно и неутомимо трудиться надъ тѣмъ, чтобы *найти потерянное*. Если наше теперешнее вѣросознаніе поражено глубокими ранами, то за исцѣленіемъ нужно обратиться къ истинному и здракому раскрытію ученія. Исповѣданіе всегда должно воспроизводиться изъ письмени въ вѣру, и народъ или общество какъ можно болѣе должно участвовать въ этомъ живомъ духовномъ процессѣ.

«Къ этой дѣятельности духовенство должно приготовляться чрезъ *научное умлublеніе въ Слово Божіе*. Есть, къ сожалѣнію, такіе, которые пытаются развить богословіе сами собою, независимо отъ церкви и ея исповѣданія. Но никто не имѣетъ права отдѣляться отъ церкви и образовать нѣчто особенное; а церковная власть не имѣетъ права оставлять ихъ въ такой особенности: на ней лежитъ священная обязанность нравственно увлекать ихъ въ единство правильной церковной жизни. При этомъ церковная власть не сдѣлаетъ посягательства на ихъ свободу, но только поможетъ имъ возвратить себѣ истинную свободу и освободитъ ихъ отъ лишнихъ узъ. За тѣмъ существенная обязанность церковной власти—ясно и отчетливо высказать, какимъ образомъ нужно вести богословскую работу, чтобы не предаться одностороннему утилитарному практицизму, допускающему важныя ошибки и благоприятствующему духовному невѣжеству, а дѣйствовать на

самую глубину души для образованія истинно христіанской личности.

«Въ частности церковная власть прежде всего должна заботиться о возможномъ освѣщеніи и оживленіи *духовныхъ богословскихъ конференцій*. Церковное правительство всѣми силами должно стараться всѣхъ членовъ церкви, какъ по ихъ образу воззрѣнія и мысли, такъ по жизни и дѣятельности, привести къ Слову Божію и основывающемуся на немъ исповѣданію церковному, опять возвратить ихъ церкви. И мыслимо ли при этомъ, чтобы церковное правительство своими органами избирало такихъ людей, которые не понимаютъ его началъ и цѣлей, или, что еще хуже, даже противодѣйствуютъ его видамъ? Не тѣхъ духовныхъ церковное правительство должно избирать въ свои представители — въ *эфоры* или *деканы*, которые своимъ образованіемъ отстаютъ отъ церкви, для которыхъ современное богословіе terra incognita, не тѣхъ, которые извѣстны только какъ пріятные проповѣдники, которыхъ вся духовная дѣятельность управляется началомъ утилитарности и практическимъ благоразуміемъ, не тѣхъ, которые знаютъ и соблюдаютъ внѣшнія условія исповѣданія, и изъ нихъ хотятъ создать для другихъ одну внѣшнюю обязательность, подъ которою умираетъ полная жизнь. Напротивъ, церковное правительство должно избирать въ свои органы такихъ людей, которые стоятъ во главѣ научнаго богословскаго образованія и могутъ дѣйствовать воодушевительно и руководительно на конференціяхъ, которые сужаютъ вдохнуть въ нихъ новую жизнь и подвинуть ихъ къ истинной энергической дѣятельности. При этомъ само собою разумѣется, что они должны быть способными практическими людьми съ вѣсомъ и въ богословско-научномъ и церковно-практическомъ отношеніи.

Желательно, чтобы кромѣ большихъ конференцій, въ небольшихъ кругахъ образовались и *малыя конференціи*, которыя были бы выраженіемъ братскаго союза людей, связанныхъ должностію, и способствовали бы постоянному возрастанію богословской и духовной жизни въ своихъ округахъ. Это дѣло не нужно предоставлять простому случаю или произволу; его нужно организовать надлежащимъ образомъ. Нужно позаботиться о томъ, чтобы по всѣмъ предѣламъ, въ какихъ только находится церковь, шла сѣть такихъ малыхъ конференцій, и чтобы не осталось наконецъ ни одного духовнаго, который бы не принадлежалъ ни къ одной изъ нихъ.

«Чтобы конференціи (т. е. общія собранія духовныхъ своего округа) приносили истинную пользу церкви, для этого церковное правительство, состоящее изъ *высшихъ пастырей*, должно непосредственно проникать въ частные круги и входить съ ними во внутреннее общеніе: оно можетъ поэтому изъ своей среды посылать одного или двухъ богослововъ, которые бы изслѣдовали частный характеръ этихъ собраній духовенства, укрѣпляли, углубляли и одушевляли конференціонную дѣятельность, въ случаѣ нужды руководили ее и приводили на правый путь. Другими словами, при собственно церковной визитаціи нужна еще особенная *богословско-духовная визитація*—и это не только по отношенію къ большимъ, но и къ самымъ мелкимъ и частнымъ конференціямъ. Конференціонная дѣятельность, выражающаяся въ общихъ собраніяхъ духовенства одной области большаго или меньшаго округа, съ ея предшествующею исторіею и послѣдующими задачами была бы постоянно живою церковною семинаріею. Здѣсь непрерывно продолжались бы плодотворныя духовныя упражненія.

«Въ близкой связи съ этимъ дѣломъ стоитъ живое отношеніе духовныхъ лицъ къ современной богословской литературѣ. Въ отвѣтъ на глубокія церковныя потребности настоящаго времени явилось множество богословско-литературныхъ трудовъ, но въ духовенствѣ тысячи не пользуются ими, даже многіе ничего и не знаютъ о нихъ. Переиѣнить такое положеніе вещей есть долгъ духовнаго правительства. Можетъ быть, было бы несправедливо требовать, отъ каждаго священника, чтобы онъ имѣлъ порядочную библіотеку и умножалъ ее, особенно если мы вспомнимъ скудныя средства, какихъ едва стааетъ инымъ на ежедневное пропитаніе. Принимая это во вниманіе, Либнеръ предлагаетъ учредить особыя библіотеки на цѣлыя, большіе или меньшіе округи: церковное правительство должно оказывать этому учрежденію и внѣшнее и внутреннее пособіе».

Между полезными средствами къ оживленію дѣятельности духовенства Либнеръ рекомендуетъ обычай, существующій въ нѣкоторыхъ странахъ, по которому всѣ духовные приглашаются представить по извѣстной программѣ *рѣшенія* богословскихъ или церковныхъ *задачъ*, важныхъ для своего времени. Много полезныхъ слѣдствій предполагаетъ онъ отъ изданія духовныхъ богословскихъ *газетъ* (общихъ ли церковныхъ или провинціальныхъ) при содѣйствіи церковнаго правительства: само собою разумѣется, что эти газеты должны быть чужды официальной сухости и далеки отъ всякаго ложнаго самовосхваленія. Онъ предлагаетъ потомъ *богословскіе экзамены* для каждаго изъ духовныхъ, состоящихъ на должности, какъ постоянное вѣрное и живое средство богословскаго воспитанія. «Не частностями должны ограничиваться эти экзамены; отъ каждаго частнаго предмета нужно восходить къ цѣлому, до самыхъ основныхъ воззрѣній; должно

узнавать не периферію, но собственно богословское средоточіе духовной личности экзаменуемаго».

«Требованія богословскаго руководства относительно должностныхъ духовныхъ лицъ прилагаются и къ кандидатамъ духовныхъ должностей. Съ гимназій должно начинаться это руководство. Учитель религіи или закона Божія въ гимназій—лицо большой важности. Онъ долженъ твердо стоять въ церковномъ богословіи, чтобы умѣть положить въ молодые умы ранніе ростки, которые послѣ должны возрасти и принести плодъ». Объ *университетахъ* Либнеръ говоритъ мало, но онъ сильно настаиваетъ на томъ, что въ университетѣ истинный профессоръ богословія есть тотъ, кто не только преподаетъ богословіе, но внушаетъ слушателямъ начала жизни по духу Христову. Дальше Либнеръ говоритъ о важности учрежденія богословскихъ обществъ и практическихъ семинарій, и задумывается наконецъ надъ животрепещущимъ, по его словамъ, вопросомъ времени, какимъ образомъ уничтожить появляющееся опасное невниманіе молодыхъ ученыхъ къ положительному ученію религіи. Пол-міра, замѣчаетъ Либнеръ о состояніи образованныхъ нынѣшняго времени, живетъ и мыслить теперь мыслями Канта, Гегеля, Спинозы; а молодые богословы, долженствующіе имѣть дѣло съ духовною жизнію народа и преобразовывать ее, часто не знаютъ ихъ, развѣ только знакомы съ номенклатурою, съ одними именами мыслителей и философскихъ твореній. На этотъ предметъ должны быть направлены богословскіе экзамены, чтобы поднять въ духовенствѣ общее философское образованіе.

За тѣмъ слѣдуютъ у Либнера краткія замѣчанія о проповѣднической семинаріи, объ отношеніи современнаго церковнаго богословія къ народной школѣ, объ учительской семинаріи, ея директорахъ и учителяхъ, о богословскомъ руководствѣ учителей народныхъ школъ.

Въ заключеніи доклада онъ дѣлаетъ нѣсколько краткихъ предложеній. Такъ онъ предлагаетъ, чтобы каждый округъ церковный и каждая церковная область представляли возможно-полную характеристическую статистику, простирающуюся по возможности даже до описанія частныхъ лицъ; въ этой статистикѣ должна раскрываться богословская жизнь духовныхъ и готовящихся въ проповѣдники и дѣйствіе ея на школьныхъ учителей; она должна показать, въ чемъ выражается и какъ дѣйствуетъ живое церковное начало, какъ формируется оно въ конференціяхъ, что сдѣлано со стороны церковнаго правительства къ утвержденію и распространенію его и т. п.

Здѣсь же высказываетъ Либнеръ мысль, что въ виду чрезвычайной литературной производительности, служащей пропагандѣ невѣрія и положительнаго невѣжества, хорошо было бы, если бы церковное правительство, хотя посредственно, содѣйствовало къ расширенію христіанской литературы и распространенію чрезъ нея истинно христіанскаго познанія. «Для этой цѣли полезны не аскетическія или непосредственно назидательныя сочиненія, но особенно такія, авторы которыхъ умѣютъ литературнымъ образомъ преобразовать для народной мысли и пустить въ ходъ сокровище христіанскаго разумія, содержащееся въ современномъ церковномъ богословіи».

Затѣмъ выражается желаніе, чтобы сочинена была подробная исторія новаго богословія, съ указаніемъ его отношеній къ новой философіи, и изложена была самымъ доступнымъ образомъ для большинства публики; она со всею вѣрностію должна представить и тѣмъ уничтожить тѣ предубѣжденія, съ какими очень многіе относятся къ богословію. Къ этому желанію присоединяется другое, чтобы церковно-

правительственная дѣятельность имѣла вліяніе на равномѣрное развитіе церковной науки, и чтобы наконецъ уполномоченные церковнаго правительства, при участіи другихъ богослововъ и людей изъ другихъ званій, въ благопріятное время пригласили людей изъ членовъ нѣмецко-евангелической церкви, владѣющихъ средствами, составить денежный фондъ для споспѣшествованія духовной литературѣ и распространенія христіанскаго знанія.

Другой докладъ эйзенахской конференціи прелата Ульмана въ существенныхъ чертахъ согласуется съ докладомъ Либнера.

Ульманъ признаетъ, что со времени пробужденія живаго религіознаго христіанскаго чувства, во время войнъ за свободу, и въ слѣдствіе связаннаго съ этимъ быстрого развитія рогословской науки, христіанское сознаніе возродилось въ обществахъ. Виѣсть съ тѣмъ онъ сознается, что въ дѣйствительномъ состояніи христіанской жизни есть много недостатковъ, въ высшей степени достойныхъ сожалѣнія.

Эти недостатки свойственны всѣмъ сословіямъ, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, а особенно сильно утвердились въ кругу такъ называемаго средняго образованія, въ среднихъ слояхъ городскаго населенія, въ мирѣ чиновниковъ и ученыхъ, и даже у такихъ лицъ, *которые своею должностію призваны производить руководительное вліяніе на церковь*. Эти недостатки велики и глубоки, смотрѣтъ ли на характеръ существующаго христіанскаго знанія, или—на содержаніе его. Христіанское знаніе нынѣшняго времени отвлеченно и безжизненно; часто оно есть знаніе только того, чему не нужно вѣрить, а не того, чему нужно дѣйствительно вѣрить. По содержанію недостаетъ въ немъ свѣдѣній о Св. Писаніи, не только въ исторической его части, но главнымъ образомъ въ разсужденіи

основныхъ и существенныхъ понятій религіи, содержащихся въ Писаніи. Въ особенности же недостаетъ пониманія Писанія, какъ органически цѣлаго, всеобщаго Божественнаго плана о спасеніи, обнимающаго все человѣчество. Въ этомъ отношеніи встрѣчается не только недостатокъ пониманія, но и прямо превратное и искаженное пониманіе.

«Еще болѣе распространенъ недостатокъ относительно познанія всего, что касается церкви. Иногда люди, считающіе себя горячими приверженцами своего исповѣданія, въ пунктахъ различія между исповѣданіями показываютъ поразительное невѣжество, и это невѣжество можно назвать общимъ, господствующимъ въ массѣ членовъ протестантской церкви, не исключая и образованныхъ. Между сильнѣйшими ревнителями протестанства, ратующими противъ всего католическаго, находится немалое число такихъ, которые стоятъ на католической точкѣ зрѣнія. А что касается церковныхъ уставовъ, то познаніе значенія и развитія богослужебныхъ учрежденій принадлежитъ только людямъ, получившимъ спеціально-богословское образованіе, а объ устройствѣ церкви, ея дисциплинѣ и управленіи вообще господствуютъ понятія смутныя и неправильныя».

Замѣтивъ, какъ вредны для жизни указанные недостатки, Ульманъ обращаетъ вниманіе на состояніе богословія, и говоритъ, что нѣмецкое евангелическое богословіе около полу столѣтія работаетъ сильно, такъ что теперь въ области богословской науки несравненно основательнѣе, глубже и тверже исповѣданіе вѣры, нежели какъ было при началѣ настоящаго столѣтія. «Новѣйшее богословіе въ состояніи помочь современнымъ недостаткамъ религіознаго сознанія, и оно существенно къ тому направлено. Оно по первоначальнымъ источникамъ пытается раскрывать сущность христіан-

ства. Толкованіе Писанія опять поставлено на объективныя основы, и строго работая въ филологической и исторической области экзегизиса, оно сильно и разнообразно способствуетъ богословскому пониманію Писанія. Исповѣданіе церкви выясняется въ связи съ Писаніемъ, и всѣ области церковной жизни тщательно изслѣдуются, такъ что вновь представляются драгоценныя залоги вѣры, забытыя общественнымъ вниманіемъ, важныя для возсозданія живой церкви среди протестантскаго общества».

Въ первой части своего доклада Ульманъ сперва объясняетъ причины указанныхъ недостатковъ въ современной религіозной дѣйствительности. Первую и самую главную причину малаго знакомства съ христіанствомъ онъ находитъ въ современной жизни, которая по многимъ отношеніямъ сдѣлалась тупа и глуха къ высшимъ духовнымъ ощущеніямъ; потомъ онъ говоритъ о характерѣ школьнаго образованія, начиная отъ самыхъ низшихъ школъ и восходя къ самымъ высшимъ, и о состояніи современной проповѣди. «Неблагопріятное вліяніе зависитъ и отъ книгъ, имѣющихъ руководительное значеніе въ школьномъ образованіи, и отъ лицъ, дѣйствующихъ и обучающихъ въ школахъ. Принятый способъ проповѣданія не достаточенъ для того, чтобы ввести общество въ разумѣніе Писанія и познаніе церковности. Наконецъ не смотря на обширное распространеніе Библии въ новѣйшее время, дѣйствительное употребленіе Священнаго Писанія между мірянами далеко не общее, и для великаго множества людей Библия—еще книга съ семью печатями.

«Причины болѣзни указываютъ и на средства изцѣленія. Если должно быть положено твердое основаніе для христіанскаго разумѣнія, то прежде всего нужно дѣйствовать на возбуденіе, обращеніе и обновленіе людей. За тѣмъ нужно

стараться объ улучшеніи религіознаго обученія и въ церкви и въ школахъ, и такъ вести дѣло, чтобы каждый членъ общества подъ руководствомъ церкви основательно могъ усвоить себѣ христіанское исповѣданіе изъ Писанія и другихъ источниковъ. Въ народныхъ школахъ необходимы хорошіе удобопонятные катихизисы и способные учителя; въ высшихъ школахъ ученіе о религіи должно преподаваться людьми, которые соединяють глубокое знаніе классической древности съ живою христіанскою вѣрою. Для совершеннолѣтнихъ членовъ общества должны быть назначены особенные *урочные часы*, въ которые бы всѣ книги Священнаго Писанія объяснялись популярнымъ образомъ въ связномъ изложеніи, такъ чтобы міряне въ состояніи были дать ясный отчетъ о библейскихъ основныхъ понятіяхъ, и получили возможность сами черпать изъ Библии ученіе истины. Для этой же цѣли должны служить и проповѣди: въ наше время, не потворствуя вѣку, онѣ должны однакожъ соприкасаться съ добрыми составными элементами современнаго образованія, и предъ мудростію міра оправдывать христіанство, какъ высочайшую божественную мудрость; при этомъ онѣ должны заключать въ себѣ глубоко проникающій, ясно сознанный элементъ вѣры и быть живыми примѣрами основательной христіанской мысли. Нельзя также пренебрегать познаніемъ, почерпаемымъ собственно изъ церковной области. И въ школахъ и въ проповѣдяхъ должна быть проводима руководительная нить къ познанію церковной исторіи, къ знакомству съ пунктами различія между ученіями христіанскихъ обществъ и должны быть объясняемы существенные церковные уставы.

«Что же можетъ сдѣлать здѣсь церковная власть? Очевидно нешногого непосредственными своими распоряженіями, многога

она можетъ ожидать и полить только отъ Того, Который по Своему благоволенію устрояетъ благоприятныя времена для внутренней жизни обществъ. Но изъ всего того, что можно сдѣлать, не сдѣлано самое лучшее; вопросъ не въ томъ теперь, чтобы все сдѣлать, но прежде всего въ томъ, какъ это сдѣлать? Образовать людей, способныхъ дѣйствовать въ интересахъ церкви—главная жизненная ея задача».

Въ заключеніе Ульманъ выражаетъ желаніе, что бы члены богословскихъ факультетовъ предпринимали христіанскія чтенія общаго характера, частію для студентовъ другихъ факультетовъ, частію для смѣшанной публики, чтобы тѣ изъ академическихъ наставниковъ, которые несутъ и должность проповѣдниковъ, поставили себѣ въ особенную обязанность въ своихъ церковныхъ урокахъ имѣть въ виду требованія мысли и содѣйствовать утвержденію общества въ искреннемъ исповѣданіи вѣры. Наконецъ ни одинъ богословъ, обладающій талантомъ популярнаго изложенія, не долженъ уклоняться отъ священнаго долга служить назиданію общества своими сочиненіями.

Когда Либнеръ и Ульманъ представили свои доклады и сдѣлано было совѣщаніе по поводу обоихъ докладовъ, конференція рѣшила поручить особой комиссіи изложить и приготовить къ утвержденію результаты сдѣланныхъ предложеній, болѣе или менѣе обсужденныхъ представителями конференціи. По этому поводу состоялось такое опредѣленіе, принятое единогласно на конференціи:

«Конференція, выслушавъ богатые по содержанію доклады господъ референтовъ, и проникнутая важностію обсужденнаго ими предмета, объявляетъ свое согласіе съ этимъ содержаніемъ въ томъ, что если уже во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ существеннымъ призваніемъ и задачею цер-

ковнаго правленія было—всѣми, зависящими отъ него, средствами способствовать воспитанію основательнаго и живаго, библейски-церковнаго исповѣданія въ церкви и школѣ; то въ нашемъ времени и въ настоящихъ отношеніяхъ христіанскаго общества лежитъ особенное, постоянно возобновляющееся, побужденіе къ исполненію этой обязанности. Выражая свою глубокую благодарность королевско-саксонскому церковному правительству за это напоминаніе, имѣющее нынѣ особенную важность, изъ устъ всего соединеннаго церковнаго правительства, она объявляетъ свое согласіе и въ томъ особенно, чтобы не только заботливо пользоваться обыкновенными средствами, служащими для распространенія въ обществѣ Слова Божія, какова проповѣдь, библейскіе часы, катихизическія наставленія, христіанское образованіе юношества въ низшихъ и особенно въ высшихъ школахъ и т. д., но чтобы поощрять и тѣ средства, которыя имѣютъ цѣлю большее и большее углубленіе всего сословія учителей въ богатство Слова Божія, въ особенности поддерживать періодическія богословскія конференціи между духовными и кандидатами.»

Послѣ того, какъ на эйзенахской конференціи представители всей евангелической церкви своимъ согласіемъ подтвердили справедливость многосодержательныхъ докладовъ Либнера и Ульмана, требующихъ рѣшительныхъ мѣръ для поддержанія и новаго развитія христіанскаго сознанія въ обществахъ, надлежало ожидать, что эти доклады будутъ приняты въ руководство разными церковными правительствами, что церковныя правительства позаботятся поближе узнать дѣло и основательно разсудить о томъ, что при особенныхъ отношеніяхъ можно извлечь изъ нихъ для пракческаго примѣненія. Однакожъ дѣятели эйзенахской конфе-

ренціи и многіе, раздѣлявшіе ихъ убѣжденія, скоро стали жаловаться, что дѣло ограничилось почти только устными совѣщаніями и переговорами, чтеніемъ докладовъ и сочиненіемъ протоколовъ. Слѣдствій, особенно видныхъ, конференція доселѣ не оказала. Только немногія изъ ея рѣшеній приведены въ исполненіе однимъ или двумя правительствами. При видѣ того, что предложенія, принятія единогласно, остаются безъ осязательныхъ результатовъ для жизни, слышались даже такія замѣчанія, что самое учрежденіе общихъ конференцій есть учрежденіе ненужное и бесполезное.

Большинство людей благонамѣренныхъ, искренно и горячо преданныхъ благу своего отечества, выразило рѣшительное желаніе, чтобы для каждой послѣдующей конференціи доставлялись свѣдѣнія о томъ, какія желанія и рѣшенія предыдущей конференціи переведены въ практику въ частныхъ церковныхъ обществахъ, и если какія не перешли въ жизнь, то по какимъ причинамъ. Такимъ образомъ конференція намѣрена не только контролировать сама себя въ результатахъ своей дѣятельности, но и отдавать отчетъ предъ евангелической церковію Германіи. Если эти желанія, высказанныя рѣшительно, будутъ имѣть силу, то на будущей конференціи уполномоченные всѣхъ частныхъ правительствъ должны сдѣлать возможно-полныя сообщенія о томъ, что сдѣлано въ ихъ странахъ въ томъ направленіи, какое указано определеніями конференціи. Въ этомъ случаѣ одно правительство взаимно можетъ дѣйствовать на другое и указаніемъ, и возбужденіемъ. При такомъ положеніи обстоятельствъ дѣло общихъ конференцій возбуждаетъ новый интересъ. Какое направленіе приметъ конференціонная дѣятельность и какіе плоды принесетъ для протестантскихъ обществъ, покажутъ послѣдствія.

Въ ожиданіи этихъ новыхъ результатовъ, протестантская литература обнаружила стремленіе подвергнуть печатному обсужденію предметы эйзенахскихъ совѣщаній. Газета Allgemeine Kirchenzeitung обѣщалась представить особыя разсужденія о многихъ предметахъ совѣщаній эйзенахской конференціи, какъ напр. о преподаваніи вѣрученія въ народныхъ школахъ и гимназіяхъ, о конференціяхъ духовныхъ лицъ, о напрасномъ отчужденіи отъ изученія философіи студентовъ богословія и т. д. Въ 40 и 41 № № этой газеты за 1860 г. дѣйствительно разобранъ одинъ частный предметъ, указанный въ докладѣ Ульмана—*проповѣдь*, какъ средство къ возвышенію религіознаго сознанія. Приведемъ нѣкоторыя мѣста этой статьи, заслуживающія вниманія.

По мнѣнію неизвѣстнаго автора, главныя цѣли проповѣди— назиданіе, возбужденіе, обращеніе могутъ быть съ успѣхомъ достигнуты исключительно тогда, если проповѣдь болѣе всего просвѣщаетъ и научаетъ. Силу современной проповѣди долженъ составлять теоретическій элементъ въ прямомъ отношеніи къ общимъ, существеннымъ потребностямъ христіанской жизни. Просвѣщенное разумѣніе христіанства, на которомъ зиждется искомое совершенство христіанской жизни, возможно только тогда, когда Слово Божіе правильно воспринято духомъ во всей его полнотѣ и цѣлости. Для этого необходимо проповѣдывать не *изъ Библии* только, но *цѣлую Библию*. Въ большей части евангелическихъ церквей проповѣдуютъ только о воскресныхъ и апостольскихъ чтеніяхъ, назначенныхъ для богослуженія. Чтенія Свящ. Писанія, раздѣленные по днямъ годоваго круга, очевидно еще не составляютъ всей Библии, и не заключаютъ въ себѣ всего, что есть поучительнаго въ Писаніи и существенно необходимаго для христіанскаго разумѣнія. Во многихъ мѣстахъ

проповѣдники стараются помочь этому недостатку тѣмъ, что раздѣляютъ по годамъ предметы своихъ проповѣдей: одинъ годъ проповѣдуютъ о евангеліяхъ, другой о посланіяхъ, третій о различныхъ текстахъ, свободно избираемыхъ. Но этотъ способъ недостаточенъ и можетъ вести къ одностороннему познанію Писанія: здѣсь все дѣло объясненія предоставляется усмотрѣнію, направленію и вообще произволу самого проповѣдника. Свободный выборъ предметовъ толкованія еще можетъ принести пользу тогда, если проповѣдникъ поставитъ для себя долгомъ напередъ начертать и предъявить слушателямъ возможно полный планъ, обнимающій существенное содержаніе Писанія. Для болѣе вѣрнаго приведенія къ общественному сознанію полнѣйшаго содержанія Библии чрезъ посредство христіанской проповѣди, кромя круга воскресныхъ годовыхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, долженъ быть установленъ и введенъ въ общественное употребленіе другой, особый рядъ библейскихъ чтеній. При этомъ проповѣдникъ обязанъ распорядиться такъ, чтобы попеременно объяснять и развивать въ проповѣдяхъ тѣ и другія библейскія чтенія: въ одинъ годъ онъ можетъ объяснять книги Ветхаго Завета, другой годъ—книги Новаго Завета. Во многихъ странахъ уже введенъ такой обычай, наприм. въ Виртембергѣ, въ королевствѣ саксонскомъ. Въ Пфальцѣ въ началѣ cadaго церковнаго года составляется новая годовая роспись чтеній изъ Свящ. Писанія.

Несмотря на то, одна проповѣдь все еще не въ состояніи доставить обществу такое познаніе Библии, какое нужно ему, и тѣмъ возвысить христіанское сознаніе. Авторъ одобряетъ предложеніе Ульмана относительно такъ-называемыхъ *библейскихъ часовъ*. Эти библейскія часы—существенно необходимое дополненіе проповѣди, даже средство, безъ ко-

тораго нельзя достигнуть ея цѣли, и это не только въ селахъ, но и въ городахъ, гдѣ жители къ сожалѣнію не могутъ похвалиться предъ поселянами бѣльшимъ знаніемъ Библии. Церковная власть должна считать одною изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей способствовать учрежденію такихъ библейскихъ часовъ и заботиться о всеобщемъ ихъ распространеніи. Опытъ показываетъ, что учрежденіе такихъ часовъ во многихъ мѣстахъ Германіи привѣтствовало съ большою радостію, и на нихъ сразу стало являться значительное число народа. На этихъ библейскихъ часахъ прежде всего должно изяснять Ветхій Завѣтъ, который не можетъ такъ часто входить въ проповѣди, какъ Новый. Содержаніе Ветхаго Завѣта, и даже самыхъ важныхъ частей его, мало извѣстно христіанскому обществу. Кое-какъ, изъ школы, извѣстно содержаніе историческихъ книгъ, и кромѣ того, знакома еще, хотя поверхностнымъ образомъ, псалтирь, а пророческія книги бѣльшинству едва извѣстны по наслышкѣ. Эти пророческія книги мало читали и мало изучали многіе и изъ протестантскихъ духовныхъ; многіе изъ нихъ не трудятся надъ ихъ изученіемъ и не заботятся научить другихъ понимать ихъ, и ни въ школахъ, ни въ церкви не думаютъ открывать для мірянъ содержащіяся въ нихъ сокровища. Пророчества—существенные члены въ цѣлости Божественнаго Откровенія, и кто не знаетъ ни ихъ содержанія, ни ихъ значенія, тотъ не можетъ сказать, что онъ вполне обладаетъ христіанскимъ познаніемъ. Поэтому-то главная задача библейскихъ часовъ познакомить общество съ Ветхимъ Завѣтомъ и въ особенности съ пророческими книгами. Впрочемъ и Новый Завѣтъ не нужно забывать на библейскихъ часахъ: на нихъ сполна нужно объяснять новозавѣтныя книги, и особенно тѣ, которыя менѣе другихъ входятъ въ обыкновенныя годо-

выя чтенія. Гдѣ лучше раскрывать смыслъ книгъ, мало знакомыхъ большаиству, какъ не на библейскихъ часахъ, гдѣ можно принимать во вниманіе всѣ особенныя обстоятельства слушателей, гдѣ вообще свободы и простора гораздо больше, нежели въ церковной проповѣди?

Обратимъ еще вниманіе читателей на предложеніе профессора Фрикке (въ Килѣ), литературно обращенное къ саксонскому правительству, имѣющее однакожъ довольно общее значеніе для протестантскихъ обществъ. Главное затрудненіе для успѣшной дѣятельности церковнаго правительства заключается, по его мнѣнію, въ недовѣрїи большаинства ко всѣмъ стремленіямъ, какія обнаруживаются внутри исторически даннаго, опредѣленнаго вѣроисповѣданія, поддерживаемаго одною центральною властію. Это недовѣрїе къ церкви многихъ членовъ общества, стремящихся къ *свободе и прогрессу*, не есть слѣдствіе сознательной вражды противъ церкви. Оно часто происходитъ отъ простаго незнакомства съ церковными вопросами, съ общими церковнымъ направленіемъ, не исключаящимъ ни свободы, ни прогресса, и вообще есть слѣдствіе *безучастія общества въ своихъ собственныхъ церковныхъ дѣлахъ*. Всѣ ближе знаютъ и больше любятъ то, въ чемъ болѣе или менѣе самодѣтельно трудятся и чему жертвуютъ по непосредственному указанію долга и совѣсти. Для поправленія дѣла, Фрикке совѣтуетъ лучше организовать церковную общину, и центральныя собранія замѣнить *пресвитеріальнымъ* представительнымъ *порядкомъ* церковнаго управленія, не производя для этого совершенной ломки въ существующемъ устройствѣ, а стараясь вести дѣло къ усовершенствованію по готовому историческому пути. При этомъ онъ хвалитъ Пруссію, которая съ согласія принца-регента ввела такой порядокъ управленія въ

тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ опытъ уже доказалъ всю благотворность такого учрежденія, и возбуждаетъ Саксонію утвердить то же начало въ своей странѣ, такъ какъ вопросъ о церковномъ устройствѣ сильно занимаетъ въ настоящее время саксонское церковное правительство.

В. Пѣвницкій.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ

(Періодическое обозрѣніе.)

Религіозный вопросъ во Франціи, съ новаго года, кажется, сталъ еще затруднительнѣе. Въ журналахъ идетъ самая страстная и язвительная полемика, которой суждено еще болѣе запутать то, что и безъ того уже перепутано до-нельзя.

Чтобы лучше понять причину стойкости и ожесточенія бѣдственной для вѣры борьбы, должно обратить вниманіе на теперешнее положеніе французской журналистики. Политическихъ вопросовъ вообще не затрогиваютъ въ періодическихъ изданіяхъ. Одно неумѣстное, неопредѣленное, сказанное безъ всякаго особаго намѣренія слово легко влечетъ за собою запрещеніе и уничтоженіе журнала. По отношенію же къ религіознымъ вопросамъ, правительство даетъ полную свободу обсуждать какъ кому угодно, или кто какъ знаетъ. Чѣмъ живѣе, горячѣе споры журналовъ, тѣмъ болѣе подвижности въ общественномъ мнѣніи, столь важной для цѣлей французскаго правительства.

Правительство находится въ разладѣ съ Римомъ, въ явной враждѣ съ ультрамонтанизмомъ, и всю свою силу противъ послѣдняго черпаетъ въ общемъ мнѣніи, прямо и открыто выражающемъ свое отчужденіе и даже глубокую ненависть къ тиранству духовному, представителемъ котораго выступилъ на общественномъ поприщѣ ультрамонтанизмъ со всѣми своими изуверствомъ.

Съ другой стороны, несомнѣнно, что ультрамонтанизмъ, т. е. преувеличенная преданность папской системѣ, есть нечто иное, какъ чистѣйшее отрицаніе современнаго духа цивилизаціи. Очевидна ошибка епископовъ и во главѣ ихъ самаго папы, требующихъ настоятельно возвращенія къ устарѣлымъ формамъ средневѣковыхъ временъ, мечущихъ отверженіемъ всякому человѣческому успѣху, который они величаютъ безбожнымъ возстаніемъ. По ихъ понятіямъ, всякое стремленіе къ улучшенію въ духовной, нравственной и матеріальной жизни, представляется величайшимъ бѣдствіемъ сего вѣка. Что же мудренаго, если тототъ самый вѣкъ, умомъ и сердцемъ убѣжденный въ правдѣ своихъ человѣколюбивыхъ стремленій, рѣшается наконецъ отшатнуться отъ такихъ представителей вѣры, которые съ упорствомъ и презрѣніемъ преслѣдуютъ все человѣческое?

Во всякомъ случаѣ настоящее время—неоспоримо самая замѣчательнѣйшая эпоха нашего XIX вѣка. Всѣ устремились на релігиозный вопросъ не потому, что всѣ вѣрують, а потому что въ немъ находятъ сильное движеніе и въ немъ разыгрывается теперь самая страшная, и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательная драма.

Гражданская власть папства, цѣлыя тысячи лѣтъ существовавшая среди различныхъ тревоженій, вначалѣ слабая и безъ всякаго вліянія, подъ простымъ покровительствомъ

города Рима, часто оставляемая безъ всякаго вниманія византійскими императорами на собственный произволъ судьбы, наконецъ успѣла поглотить на Западѣ и самую императорскую власть и стать во главѣ всего правительственнаго, европейскаго чиновачалія. И что же? политическія событія, которыхъ мы были свидѣтелями въ послѣднее время на Италіанскомъ полуостровѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ совершили великій переворотъ. Въ понятіяхъ умственнаго міра гражданское папство кончило свое существованіе. И можно ли остовъ папскаго правительства, поддерживаемаго пока французскими войсками въ Римѣ, почесть именовъ дѣйствительной царской власти?

Религіозная партія во Франціи между тѣмъ не престаеъ протестовать всякими возможными способами противу уничтоженія гражданской власти папства. Еще на дняхъ пятьсотъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ первѣйшимъ легитимистскимъ домамъ, записались въ папскіе солдаты. Въ провинціяхъ добрые отцы іезуиты стали самыми горячими вербовщиками папской арміи. Лишь только они провѣдаютъ, что какое-либо дворянское семейство озабочено какими-нибудь связями своего молодаго наследника, связями не по достоинству дома, то тотчасъ же находитъ цѣлебное средство для укрощенія неумѣстной прыти молодца: его завербовываютъ въ папскую армію. Такимъ образомъ вся эта молодежь отправляется въ Римъ болѣе въ знакъ протестаціи, чѣмъ съ истинною пользою для папскихъ интересовъ такъ, что папская армія болѣе походитъ на спирительный дворянскій батальонъ, чѣмъ на войско. Впрочемъ французскихъ войскъ болѣе чѣмъ достаточно для огражденія спокойствія въ маленькой области, сохраняемой только временно подъ папскою гражданскою властью.

Въ Парижѣ разносили слухъ, будто бы императрица Евгения пожертвовала сто тысячъ франковъ на святое дѣло лепты св. Петра. Иностранные журналы и въ особенности *Indépendance Belge*, воспроизвели эти слухи, которые не были опровергнуты ни однимъ изъ французскихъ полуофициальныхъ журналовъ. Этого мало; распространили еще слухъ, будто бы императрица послала папѣ сумму, вырученную отъ продажи дворца герцогини д'Альба, ея покойной сестры, стоящаго на *champs Elysées*. Цѣлью всѣхъ этихъ нелѣпныхъ слуховъ, распускаемыхъ ультрамонтанцами и иезуитами, было увѣрить общее мнѣніе, будто бы императоръ и императрица находятся въ совершенномъ разладѣ касательно политики по поводу римскихъ областей. Лучшее доказательство лживости этихъ слуховъ о посылкѣ папѣ денегъ заключается въ томъ обстоятельствѣ, что дворецъ герцогини д'Альба еще не проданъ, и что прежде чѣмъ приступить къ продажѣ, его вѣрно разобрать и все мѣсто расчистить, такъ, что будетъ продана только земля на постройку обывательскихъ домовъ.

А доказательство совершеннаго согласія императора и окружающихъ его чиновниковъ и приближенныхъ касательно римскаго вопроса мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Двоюродная сестра императора, герцогиня Гамильтонъ (*Hamilton*), недавно обратившаяся въ католицизмъ и сдѣлавшаяся горячею католичкою, оказывала нѣсколько времени по вводу политики, ведомой противу папы, холодность къ своему двоюродному брату. Недавно она совершенно примирилась съ императоромъ. Она удостоверялась наконецъ, и созналась въ томъ сама, что въ дѣлѣ вѣры и на пользу сей послѣдней гораздо приличнѣе для папм

растаться съ своею гражданскою властью, принесшей столько зла всему католицизму.

Да и вообще во всей Франціи замѣтенъ подобный переворотъ въ общемъ мнѣніи. Начинаютъ понимать, что весьма странно препятствовать римлянамъ отклонить отъ себя царскую власть Пія IX, и присоединиться къ остальной Италіи. Изъ историческихъ несомнѣнныхъ фактовъ доказано совершенно ясно, что гражданская власть папы установилась вслѣдствіе возстанія римскаго народа противу герцога, назначеннаго въ началѣ VIII вѣка отъ византійскаго императора начальникомъ города Рима. Спрашиваютъ теперь, если народъ римскій имѣлъ полное право передаться въ руки Григорія II, то какимъ образомъ тотъ же самый народъ не имѣетъ права отложиться отъ гражданской власти Пія IX?

Къ тому же и дальнѣйшія историческія изслѣдованія неоспоримо доказываютъ, что въ понятіяхъ избравшаго народа гражданское право папы не было окончательно установлено въ его пользу. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ мы видимъ постоянную борьбу народа съ папами, непрестанныя противу нихъ возстанія. Большая часть папъ были убиты, или умерли въ изгнаніи или въ заточеніи. Вся исторія папства есть не что иное, какъ длинный рядъ бунтовъ, возстаній, переворотовъ.

Весьма была замѣчена послѣдняя папская привѣтственная рѣчь. Въ ней нашли не только колкія выраженія и напыщенность слога, что весьма обычно гг. редакторамъ такихъ рѣчей, составляемыхъ по избитой кодеѣ рутинны, но еще и точное и ясное доказательство, какъ сильно натянуты отношенія между тюльерійскимъ и ватиканскимъ кабинетами. Всего замѣчательнѣе обстоятельство выпущенія изъ папскаго посланія главнѣйшаго мѣста, въ которомъ верховныѣ

отецъ, обращаясь къ священной коллегіи, прямо объявлялъ, что не знаетъ,—по поводу занятія Рима французскими войсками, пѣнникъ ли онъ сихъ войскъ, или только находится подъ ихъ покровительствомъ.

Журналы умолчали и о другомъ обстоятельстве, которое между тѣмъ имѣетъ большое значеніе и происходило публично при принятіи поздравленій на новый годъ. Обстоятельство это между тѣмъ стало совершенно извѣстно по цѣлой Франціи. Французскіе офицеры въ числѣ, если не ошибаюсь, 600 человекъ, съ своимъ главнокомандующимъ генераломъ де Гойіономъ были на поздравленіи папы. Когда папа благословилъ гг. офицеровъ французской арміи, онъ обратился къ собственнымъ своимъ офицерамъ. Г. де Гойіонъ остановилъ его замѣчаніемъ, что его святѣйшество не упомянулъ, по обычаю, имени императора Французовъ и не благоволилъ благословить его. Генераль де Гойіонъ заключилъ замѣчаніе просьбою благословить и главу французскаго народа. Папа смѣшался, поблѣднѣлъ. Растерянный, онъ окинулъ взоромъ весь тронный залъ. Всѣ съ смущеніемъ смотрѣли на несчастнаго старца. Молчаніе продолжилось нѣсколько минутъ. Наконецъ папа пришелъ въ себя, и съ величайшимъ усиленіемъ и покраснѣвши, трепещущимъ голосомъ произнесъ: «Да будетъ такъ!» и потомъ, собравшись съ силами и обращаясь къ генералу де Гойіону, громкимъ голосомъ и на весь залъ сказалъ: «Да, генераль, благословляю не за то, что было совершено, а за то, что надѣюсь будетъ совершено.»

Несмотря на разрывъ и холодность, существующіе между Піемъ IX и императоромъ Французовъ, кажется, что Ватиканъ рѣшится наконецъ выдать буллу посвященія назначеннымъ кандидатамъ на епископство французскихъ праздныхъ

епархій, за исключеніемъ однакоже аббата Марэ (Margé). О послѣднемъ Пій IX и слышать не хочетъ. Передъ генераломъ де Гоійономъ папа объяснился истинно съ итальянскомъ двусмысленностью. «Сожалѣю, что не могу утвердить аббата Марэ, по причинѣ его слабости. Лично я его уважаю, и одобрилъ его сочиненія.» Всѣ здѣсь искренно сожалѣютъ о томъ, что св. отецъ прибѣгнулъ къ подобному обороту, совершенно несообразному съ высокими и священными его самомъ. Всѣ очень знаютъ и понимаютъ, что настоящая, непростительная въ глазахъ Ватикана слабость г. Марэ именно заключается въ его галликанскихъ убѣжденіяхъ.

Вообще предполагаютъ, что императоръ уступить непреклонному упрямству Рима, и назначить г. аббата Марэ каноникомъ перваго разряда аббатства Сень-Дени. Но какъ бы то ни было, если императоръ уступить, то отступится добровольно отъ своего права, ясно и формально признаннаго въ конкордатѣ. Папа имѣетъ право отказать въ каноническомъ утвержденіи назначенныхъ во епископы кандидатовъ, только тогда, когда ясно доказано, что они не держатся правовѣрія.

Еще не извѣстно, кто наследуетъ епископу Перигёсскому (Périgueux), который скончался на дняхъ. Поговариваютъ о назначеніи г. аббата Бургоань (Bourgoing), приходскаго священника церкви Сентъ-Огюстѣнь. Г. Бургоань, съ четырьмя другими приходскими парижскими священниками, былъ съ поздравленіями на новый годъ въ Тюльери.

Вотъ что мы могли узнать по поводу новогодничнаго представленія духовенства императору французовъ. Въ предидущіе годы по обыкновенію въ ризницѣ всѣхъ парижскихъ церквей прибывалось на стѣнкѣ объявленіе, въ которомъ означался часъ приѣма его величествомъ кардинара-архіепископа съ гг. при-

ходскими священниками города Парижа. Нынѣшній годъ объявленіе было сдѣлано иначе. Въ немъ значилось, что императоръ приметъ кардинала-архіепископа, приходскихъ священниковъ и *все парижское духовенство*. Такимъ образомъ двусмысленности не могло здѣсь быть, и всѣ духовныя особы, какого бы сана и положенія они ни были, могли прямо явиться на новый годъ во дворець.

Средство удалось вполнѣ. вмѣсто пяти или шести приходскихъ священниковъ, обычно сопровождавшихъ кардинала-архіепископа, на этотъ разъ явилось ко двору болѣе полутора ста духовныхъ особъ. Духовенство парижское и всѣхъ посадовъ поспѣшило выказать своимъ присутствіемъ неопровержимую теперь ничѣмъ свою приверженность и преданность императору. Пріемъ былъ блестящій, и Наполеонъ III весьма ласково и съ своею неизяснимо привлекающею къ нему улыбкою разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ самыхъ простѣйшихъ викаріевъ.

Какъ я уже выше сказалъ, приходскихъ парижскихъ священниковъ было только пятеро на лицо. Это были г. Дегери (Degueŕy), священникъ св. Магдалины; г. Бургоянъ, священникъ Св. Августина; г. Жуссланъ, священникъ св. Елизаветы; г. Бріанъ, священникъ св. Филиппа рульскаго, г. Дюкенэ (Duquesnay), священникъ св. Лаврентія. Всѣ эти лица имѣли впрочемъ свои виды и побужденія явиться съ поздравленіями къ императору.

Г. Дюкенэ, въ прошломъ году во время великаго поста проповѣдывалъ при дворѣ; г. Дегерри назначенъ на проповѣдываніе на нынѣшній постъ, г. Бріанъ, любимецъ принцессы Матильды, кандидатъ на ваннское епископство въ случаѣ рѣшительнаго отстраненія г. Марэ, и всѣ они притомъ были удостоены орденомъ почетнаго легіона.

На весьма краткую и сухую приветственную рѣчь кардинала-архіепископа императоръ отвѣтилъ громко благодарностью за оказанную ему приверженность духовенства, и просилъ всѣхъ ихъ не забывать его въ своихъ молитвахъ.

Между признаками готовящагося сближенія между Римомъ и туйльерійскимъ дворцомъ я долженъ упомянуть слѣдующее. Одинъ изъ французскихъ архіепископовъ, бывшій въ величайшемъ разладѣ съ правительствомъ, на дняхъ былъ въ Парижѣ. Императоръ принялъ его въ аудіенціи, долго съ нимъ бесѣдовалъ о религіозныхъ дѣлахъ, и, разумѣется, самымъ естественнымъ образомъ разговоръ обратился на распрю по поводу гражданской власти папы.

Послѣ аудіенціи, архіепископъ вездѣ утверждалъ, что императоръ совершенно сталъ анти-италіянцемъ, и что онъ удостоилъ его словами весьма благосклонными, миролюбивыми. Изъ этой бесѣды архіепископъ заключилъ, что императоръ останется вѣрнымъ своей программѣ италіянскаго союза, что онъ возвратитъ папѣ всѣ его бывшія владѣнія, за исключеніемъ можетъ-быть Романіи, которая останется за Пиемонтомъ.

Если дѣйствительно архіепископъ не преувеличилъ дѣла и вѣрно передалъ свой разговоръ съ императоромъ, то нужно полагать, что въ семь послѣднемъ совершился весьма странный переворотъ на пользу видовъ ультрамонтанизма. Въ парижскомъ духовенствѣ, въ которомъ разнесся слухъ объ этомъ разговорѣ, возникло мнѣніе, что слѣдуетъ на дняхъ ожидать совершенно обратнаго поворота въ событіяхъ.

Намъ впрочемъ кажется, что высокій духовный сановникъ слишкомъ широко истолковалъ слова дружества и миролюбія императора. Онъ придалъ слишкомъ великое значеніе сожалѣнію, выраженному императоромъ, что папа не согла-

спялся на сдѣланныя ему послѣ виллафранкскаго мира предложенія, въ силу которыхъ, по предначиненной программѣ, папѣ-королю представлялась въ Италіи важнѣйшая роль, въ качествѣ главы италіянскаго союза. Зная хорошо политику тюльерійскаго дворца, большаго значенія нельзя придать слуху, прозвевшему въ религіозномъ парижскомъ свѣтѣ глубокое впечатлѣніе.

Еще другое обстоятельство произвело также не малозначительное впечатлѣніе на тотъ же свѣтъ: извѣстіе о возвращеніи г. Саккони, бывшаго папскаго нунція въ Парижѣ. Вообще существовалъ обычай, по которому великій папскій кунцій, по возвращеніи своемъ въ Римъ, удостоивался кардинальской шапки. Г. Саккони слѣдовательно по всѣмъ принятымъ въ Римѣ преданіямъ долженъ былъ быть возведенъ въ кардинальской санъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ онъ въ Римѣ и не удостоенъ высочайшаго, послѣ папства, почетнаго сана. Здѣсь никто ума не можетъ приложить, какимъ образомъ г. Саккони согласился опять прибыть въ Парижъ, гдѣ его не только не любятъ, но гдѣ даже онъ рѣшительно не пользуется уваженіемъ? Во всякомъ случаѣ, его возвращеніе въ Парижъ не было испрошено тюльерійскимъ дворцомъ, гдѣ онъ не имѣетъ никакого вѣсу и гдѣ имъ пренебрегаютъ самымъ явнымъ образомъ.

Могу вамъ передать объ этомъ представителѣ католицизма во Франціи весьма любопытное свѣдѣніе, почерпнутое изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Оно ярко обрисуетъ характеръ римскаго духовнаго сановника.

Одна изъ французскихъ компаній получила отъ папы дозволеніе построить желѣзную дорогу подъ названіемъ *Rio latina*. Желая склонить на свою сторону парижскаго нунція, общій совѣтъ управленія компаніи рѣшилъ поднести нунцію

молитвенникъ, украшенный алмазами и дорогими каменьями, цѣною въ 60,000 франковъ. Избрали одного изъ членовъ совѣта и препоручили ему поднести драгоценный подарокъ. г. Саккони, съ просьбою поддержать своимъ вліяніемъ компанію, которая хлопотала у папы о какомъ-то въ пользу ея преимуществѣ. Г. Саккони принялъ весьма благосклонно и подарокъ и просьбу компаніи, обѣщая ей употребить всѣ свои силы и все свое вліяніе у святаго престола на получение просимыхъ преимуществъ. При прощаніи съ подателемъ подарка, г. Саккони вдругъ спросилъ:

— А что стоитъ великолѣпный этотъ молитвенникъ?

Выборный въ своей простотѣ сказалъ цѣну.

— Ну такъ возьмите его назадъ: мнѣ гораздо пріятнѣе будетъ такая сумма наличными деньгами.

Выборный протянулъ руку, чтобы взять обратно принесенный подарокъ, но г. Саккони, раскланявшись самымъ вѣжливымъ образомъ, возвратился въ свои покои съ молитвенникомъ.

На другой день компанія вынуждена была прислать за просимое покровительство требуемыя *шестьдесятъ тысячъ франковъ*.

Все это происшествіе оставалось подъ тайнымъ спудомъ до того дня, когда компанія *Via Pio latina* слилась съ компаніею г. Мирэса, владѣющею желѣзною дорогою отъ Чивита-Векія до Рима. Въ минуту соединенія обѣихъ компаній, совѣты управленія, сдавая на разсмотрѣніе другъ другу свои счета, самымъ естественнымъ образомъ должны были въ графѣ «чрезвычайныхъ и тайныхъ расходовъ», указать «употребленіе 120,000 фр. данныхъ г. Саккони. Тогда же совѣтъ *Via Pio latina* узналъ, что въ одно и то же время и компанія г. Мирэса хлопотала о тѣхъ же преимуществахъ и

что г. Саккони и отъ нея сумѣлъ выжать такую же сумму. Такимъ образомъ парижскій нунцій папы какъ ласковое теля, сосалъ двухъ матокъ и высосалъ себя 240,000 фр., и не хлопоталъ ничего ни одной, ни другой компаніи, вынужденныхъ симъ обстоятельствомъ слиться воедино.

Изъ этого разсказа можно судить, каковъ человекъ г. Саккони.

Тѣ, которые полагають, что сближеніе между Ватиканомъ и Тюльерійскимъ дворцомъ близко и неизбежно, основываютъ свое предвидѣніе на бѣдственномъ положеніи папы. *Independance Belge*, въ своемъ № отъ 20 января, даетъ понять, что папа успѣлъ пообдумать о своемъ неисходномъ положеніи: финансы его изсякають, и уже теперъ начинаютъ опасаться, что слѣдующій къ выплатѣ ростъ въ мартѣ мѣсяцѣ, за римскій заемъ, врядъ ли будетъ выплаченъ. Жалованье сановникамъ и чиновникамъ съ трудомъ уплатили изъ суммъ доставленныхъ сборомъ ленты св. Петра. Между тѣмъ всѣ прочія части управленія, для которыхъ необходима непрестанная денежная поддержка, остаются безъ всякаго пособия со стороны папскаго правительства. Общественныя зданія, напримѣръ, остаются безъ всякаго присмотра, и папа находится вынужденнымъ, въ стѣсненныхъ своихъ обстоятельствахъ, снова обратиться съ просьбою о помощи къ каждаѣмъ государямъ Европы.

Вѣроятно, что папѣ есть о чемъ подумать и на чемъ призадуматься. Дальнѣйшій разрывъ и вражда съ тюльерійскимъ дворцомъ можетъ только еще глубже втянуть въ бѣдствіе папское правительство. Голодь и нужда не свой братъ, и вѣроятно всѣ эти несчастныя и трудныя обстоятельства наведутъ папу на окончательную мысль примиренія и сближенія съ Наполеономъ III.

Поговариваютъ много объ аудиторѣ Рота (судилища) въ Римѣ, г. де ла Туръ д'Овернь (de la Tour d'Auvergne), какъ о назначенномъ помощникѣ г. Саккони. Г. де ла Туръ д'Овернь имѣетъ большое вліяніе на римскій дворъ, и императоръ французовъ, говорятъ, питаетъ къ нему благоволеніе и много его уважаетъ. Г. аудитору препоручено лично вести въ Парижъ переговоры. Вѣроятно, черезъ нѣсколько дней мы узнаемъ, что достовернаго въ этомъ слухѣ. Впрочемъ понятно, что критическія денежныя обстоятельства должны наконецъ привести все это дѣло къ окончательной развязкѣ. Правительства, какъ и личности, вымираютъ съ голоду.

Съ другой стороны, въ религіозномъ отношеніи политика императора французовъ всегдѣ извѣстна. Ни на югу не уступая безразсуднымъ требованіямъ французскаго духовенства, онъ не менѣе того всячески старается не возставлять его открыто противъ себя. Вотъ почему гг. министры пользуются всякимъ случаемъ въ своихъ циркулярахъ или въ торжественныхъ рѣчахъ громко упоминать о заслугахъ императора католицизму, для котораго онъ уже столько совершилъ добрыхъ и полезныхъ дѣлъ. Всѣ полу-офіціальныя журналы бьютъ на тотъ же ладъ.

Такимъ образомъ на дняхъ, въ торжественной своей рѣчи, г. Рулянь, какъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, не преминулъ представить обзоръ всего, что правительство совершило на пользу вѣры въ Китаѣ, все, что оно еще совершаетъ въ Римѣ, гдѣ поддерживаетъ силою войска папскую духовную власть. Понятно, что правительство всячески старается привести дѣла къ обоюднымъ уступкамъ съ своей стороны и со стороны духовенства и, уничтоживъ всякій поводъ къ обоюднымъ непріятностямъ и,

слѣдовательно къ враждѣ, усиливается достигъ хотя бы временнаго перемирія съ своимъ упрямымъ врагомъ.

Ультрамонтанская партія все еще продолжаетъ разносить слухи о готовящемся отъ правительства расколѣ, и все это съ весьма мелочнымъ расчетомъ повредить галиканцамъ, которымъ вообще приписываютъ желаніе отпасть отъ Рима, избрать себѣ патріарха и составить народную церковь. Съ этою цѣлью ультрамонтанцы изобрѣтаютъ самыя нелѣпыя сказки.

Я уже въ предыдущемъ письмѣ упоминалъ о распространенномъ ими слухѣ, будто бы по смерти епископа, извѣстнаго аббата Кёръ (Coeur), тройскій капитулъ (de Troyes), отыскалъ въ оставшихся послѣ него бумагахъ ясныя доказательства, что онъ соглашался принять тутулъ патріарха французской церкви. Слухъ этотъ былъ распространенъ всюду брюссельскимъ журналомъ, который подтвердилъ его же парижскій корреспондентъ.

Тройскій капитулъ, хотя и бывший въ вѣчноя разладѣ съ усопшимъ епископомъ своимъ, вознегодовалъ на эту нелѣпую клевету, и обнародовалъ объясненіе, воспроизведенное въ Patrie, въ которомъ объявлялъ, что слухъ, распространенный брюссельскимъ журналомъ, сущій вздоръ.

Тотъ же парижскій корреспондентъ того же брюссельскаго журнала не усомнился замѣшать во все это дѣло и г. аббата Кокро (Coquegaut), будто бы подосланнаго правительствомъ къ турецкому архіепископу съ цѣлью узнать отъ него, согласится ли онъ посвятить новыхъ епископовъ готовящейся французской церкви. Всѣ эти слухи были опровергнуты самимъ турецкимъ архіепископомъ.

Но все это не мѣшаетъ ультрамонтанской партіи дѣйствовать всевозможными орудіями противъ правительства.

Теперь она лицемерно горюетъ и вопіетъ, предсказывая расколъ, которымъ, по ея словамъ, грозятъ церкви Христовой.

Впрочемъ правительство нисколько не противоѣдствуетъ распространенію слуховъ о расколѣ, не потому, чтобы императоръ имѣлъ малѣйшій помыслъ отдѣлиться отъ Рима, но это можетъ устрашать духовенство за будущность французской церкви.

У меня теперь подъ рукою рукопись брошюры, которая выйдетъ на дняхъ въ свѣтъ изъ типографіи издателя г. Данту (Dentu); заглавіе ея: *Письмо галликанскаго каноника къ епископамъ Франціи о возможности раскола.* (Lettre d'un chanoine gallican aux Eveques de France sur la possibilité d'un schisme). Брошюра эта именно писана въ томъ смыслѣ, въ которомъ я говорю выше о мнѣніяхъ толпы.

Вѣроятно, читатели не забыли случая, рассказаннаго мною въ предыдущей моей статьѣ. Кардиналь-архіепископъ парижскій, въ ежемѣсячномъ собраніи своего духовенства (собраніе сіе называется de cas de conscience), въ церкви св. Рока, намекалъ весьма ясными словами о дѣлѣ раскола; онъ даже совѣтовалъ неумолчно молить Бога, дабы несчастье и бѣдствие раскола было отстранено отъ Франціи. Читатели также еще не забыли, что кардиналь-архіепископъ въ своемъ пастырскомъ поученіи духовенству упоминалъ о весьма значительномъ братствѣ инокинь, которое отпало отъ его духовной власти. Въ ихъ общежительскомъ монастырѣ духовнымъ пастыремъ водворился самъ своею волею епископъ-миссіонеръ, и отправляетъ въ немъ безъ вѣдома и позволенія архіепископа парижскаго всѣ священныя пастырскія обязанности, даже конфирмацію. Такимъ образомъ, заключилъ кардиналь-архіепископъ, въ Парижѣ существовать «уже начало раскола.»

Надобно знать, что въ правленіе Луи-Филиппа отрѣшенный священникъ, аббатъ Шатель (Chatel), началъ хлопотать объ учрежденіи въ Парижѣ церкви, независимой отъ архіепископской духовной власти. Попытка удалась. Въ короткое время число приверженцевъ аббата Шателя видимо увеличилось. Возникающій расколъ до того усилился, что г. Аэръ, тогдашній парижскій архіепископъ, счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ власти правительства, которое и повелѣло полиціи запретить и запечатать залъ, гдѣ собиравались на молитвы и на поученія новаго первосвященника.

Подобныя случаи, лишь бы правительство захотѣло, могутъ возобновиться снова по цѣлому Парижу и по всей Франціи, тѣмъ болѣе, что французская публика извѣстна своею подвижностію и любовью къ новизнѣ.

Пастырскія посланія нашихъ епископовъ всѣ до одного направлены на поощреніе къ сбору *лепты св. Петра*. Запечатлѣннѣйшее изъ нихъ—посланіе епископа арраскаго (d'Arras). Заглавіе его: *О свѣтскомъ въ церкви* (Du Temporel de l'Eglise).

Посланіе это ничто иное, какъ сводъ всего, что было сказано до сихъ поръ въ прочихъ пастырскихъ посланіяхъ по поводу свѣтскаго въ церкви, и потому оно представляетъ неоспоримый интересъ для каждаго, кто хочетъ изучить вполне этотъ щекотливый вопросъ. Вѣроятно, когда-нибудь исторія обратится къ этому посланію для изученія характера этого рода посланій и брошюръ, писанныхъ единственно съ тѣмъ, чтобы приобрѣсти въ пользу папы нѣсколько червонцевъ болѣе обыкновеннаго. Авторъ начинаетъ горькимъ плачемъ по горькой участи святаго отца, доведеннаго бѣдственными обстоятельствами и событіями до крайней нужды, такъ что ему нечѣмъ уже покрыть

самыя необходимыя издержки для самыхъ необходимѣйшихъ житейскихъ, свѣтскихъ потребностей. Потому еп. аррасскій благодаритъ свою епархію и благословляетъ ее за посланныя уже святому отцу суммы. Въ выноскѣ сумма показана въ 50,000 франковъ, не считая тѣхъ суммъ, которыми пополнился послѣдній римскій заемъ. За тѣмъ епископъ входитъ въ самую сущность дѣла и развиваетъ два слѣдующія положенія: 1-е состоитъ въ томъ, что священство, будучи исключительно духовное постановленіе, не должно вѣшиваться въ дѣла міра сего; 2-е, что церковь, хотя и занята исключительно спасеніемъ душъ, не менѣе того подвержена во всемъ, что касается до ея вѣшнихъ потребностей, тѣмъ же условіямъ, каковымъ подвержено всякое человѣческое общество. Отсюда авторъ выводитъ заключеніе, что церковь, получившая назначеніе славословить Господа Бога посредствомъ богослуженія, необходимо должна имѣть храмы, алтари, священныя украшенія, и что распространяя свои милости посредствомъ священныхъ лицъ, которыми всякая человѣческая промышленность воспрещена, необходимо должна обезпечить ихъ жизнь и снабжать необходимыми самымъ богослуженіе.

Здѣсь г. Паризисъ входитъ въ историческое, всѣмъ давно извѣстное исчисленіе пожертвованій, сдѣланныхъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ на пользу церкви; чрезъ что церковь и получила возможность обезпечить положеніе великой семьи духовенства. Онъ превозноситъ предвидѣніе римской церкви, которая такимъ образомъ доказала, что она самое праведное, самое мудрое и вѣстѣ съ тѣмъ самое вѣрнѣйшее постановленіе Божіе на землѣ. Самое праведное потому, что всѣ средства содержанія церкви составились изъ добровольныхъ пожертвованій; самое мудрое потому, что священники

имѣлъ только право пользоваться сими средствами; самое вѣрнѣйшее потому, что всѣ сія средства были основаны на поземельномъ владѣніи. Но революція, говоритъ авторъ, уничтожила все это древнее постановленіе, имѣвшее цѣлью обезпечить свѣтскую жизнь духовенства. Похищеніемъ всѣхъ своихъ недвижимыхъ имуществъ церковь обязана, продолжаетъ г. Паризисъ, свирѣпому невѣрію, его гнуснымъ вспышкамъ. Наконецъ онъ доходитъ до поземельныхъ донацій, сдѣланныхъ на пользу апостольскаго престола, который обогатился огромными вотчинами. Во всѣхъ странахъ вѣрующаго казалося постыднымъ, что намѣстникъ Христовъ на землѣ, могъ находиться въ нуждѣ, или затрудненіи въ своемъ духовномъ управленіи, вслѣдствіе неисчислимыхъ пожертвованій, къ которымъ онъ былъ обязанъ приблизиться для спасенія народовъ, доверенныхъ по плеченію. Народы эти оказывали другъ передъ другомъ свое глубокое почтеніе къ наследнику св. Петра, и своими имуществами поддерживали правительство (sic) вселенской церкви.

Все это, говоритъ епископъ, подтверждено исторіею. Франція, продолжаетъ онъ далѣе, всегда стояла во главѣ народовъ въ исполненіи сыновняго повиновенія передъ церквью-матерью и владчицею всѣхъ церквей; и потому, съ согласія всѣхъ народовъ, она единодушно была признана старшею дочерью церкви.—Здѣсь г. епископъ обращается къ вѣрующимъ и умоляетъ ихъ сохранить нерушимо это славное названіе и все болѣе и болѣе заслуживать его своими добрыми дѣлами. «Римъ, говоритъ онъ, нисколько не унижается, прося помощи и подааній у священниковъ и вѣрующихъ. Римъ всегда такъ дѣлалъ, потому что такъ должно было всегда быть, потому что это иначе быть не можетъ, потому что никто такъ высоко не превознесенъ, и слѣдовательно ни-

кому не наложено столько различныхъ обязанностей, сколько верховному первосвященнику». Слѣдуетъ за тѣмъ исчисленіе этихъ обязанностей. Поддержаніе и ремонтъ соборовъ и памятниковъ, содержаніе братствъ, необходимыхъ на обсужденіе католическихъ дѣлъ, официальные сношенія съ властями цѣлаго свѣта, содержаніе миссіонеровъ въ невѣрныхъ странахъ. «Но и въ нормальномъ положеніи, у святаго отца не хватало на все это необходимыхъ средствъ. Теперь же, когда преступныя похищенія у него отняли все, нужно ли спорить о томъ, что онъ находится вынужденнымъ прибѣгнуть къ помощи?»

Вотъ какими наивными теоріями стараются ослѣплять простыхъ людей всякій разъ, какъ прибѣгаютъ къ ихъ карманамъ, вслѣдствіе непрестанныхъ денежныхъ требованій святаго престола. Свѣтскіе люди, и всѣ хотя нѣсколько образованные и знающіе, ясно видятъ и нисколько не сомнѣваются громогласно осуждать эти прозрачныя умозаключенія, которыхъ вся цѣль только въ томъ, чтобы выжать побольше денегъ на пышное содержаніе римскаго двора и цѣлой толпы лицъ, собранныхъ вокругъ святаго престола безъ всякой пользы для церкви.

Пастырское посланіе, послѣ изложенія общихъ теорій, заключаетъ, что *лепта святаго Петра* есть строгая обязанность, налагаемая на совѣсть христіанъ, что эта обязанность не есть случайная и временная, но что она должна быть принята какъ *постоянный обязательный налогъ*, исполненія котораго всякій отецъ семейства долженъ требовать въ своемъ духовномъ завѣщаніи отъ каждаго изъ своихъ дѣтей, и ставить какъ необходимое условіе возможности наследовать, по смерти отца, всѣмъ его имуществомъ и достоинствомъ.

Стоятъ вниманія еще другое пастырское посланіе епи-

скона перпиньянскаго г. Жербэ (M. Gerbet, évêque de perpignan), бывшаго горячаго приверженца аббата Ламинене.

Онъ также ставитъ дѣло лепты святаго Петра *непремѣнною обязанностью* каждаго истиннаго христіанина. Если вѣрить г. Жербэ, папскій престолъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ поддерживалъ скудость отдаленныхъ церквей именно сямъ подаваніемъ вѣрующихъ. Но теперь иначе: въ наше время святой престолъ нуждается въ помощи прочихъ церквей.

Епископъ перпиньянскій идетъ еще далѣе еп. arrasскаго. Онъ утверждаетъ, будто папа отклоняетъ соображенія державъ, готовыхъ одѣлать его субсидіями, потому что принятіе ихъ было бы противно *важности, свободѣ и власти святаго престола*. Слѣдовательно остается прибѣгнуть къ средству добровольныхъ подаваній.

На возраженіе, представляемое нынѣшнимъ временемъ, что дѣло идетъ не о духовной, а о гражданской власти папы, онъ отвѣчаетъ, что *политическая власть папы есть нѣчто въ родѣ тѣла (vis), въ которое Провидѣніе Божіе облекло его духовную власть*. Здѣсь можно спросить: гдѣ же тѣло это находилось въ первые восемь вѣковъ христіанства?

Слѣдующее извлеченіе изъ посланія г. Жербэ укажетъ довольно рѣзко до чего доходятъ преувеличенія, въ которыя вдается духовенство французское всякій разъ, какъ рѣчь идетъ о Пѣ IX. Преувеличенія эти можно бы назвать богохульствомъ, еслибы они не были искренни.

• Скорбь и печаль святаго отца съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличиваются. Душа его скорбитъ даже до смерти. Онъ поруганъ и обнаженъ. Ему хотятъ оставить только тростяной скипетръ, который легко изломать, и вѣч-

ный терновый вѣнецъ. Враги его уповаютъ его оцтомъ и желчью: Ватиканъ его Голгоѳа. Нѣтъ ни одного изъ насъ, кто бы не обрадовался какъ чести усладить всѣ его скорби: къ несчастію для многихъ изъ нихъ мы не можемъ ничего. Но есть одна скорбь, тяготѣющая страшнымъ образомъ на его главѣ, на его сердцѣ, которую намъ легко облегчить на нѣсколько степеней (sic). Въ страстяхъ Спасителя, Симонъ киренейскій, какъ бы ни былъ тронуть ими, не имѣлъ силы и власти отстранить всѣ ужасы, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ; но онъ по крайней мѣрѣ помогъ Иисусу Христу нести крестъ. Совершивъ то же самое и съ намѣстникомъ Иисуса Христа, смиряясь между тѣмъ въ томъ, что нашими подаяніями мы только касаемся оконечностями (sic) пальцевъ его креста, и что мы облегчаемъ ему тягость, нисколько не обременяясь имъ.»

Французскіе епископы конечно ожидали иного впечатлѣнія и иныхъ слѣдствій отъ ихъ проповѣдываній на *Крестовый Походъ*, такъ по крайней мѣрѣ сами они назвали движенія, которыя усиливались и усиливаются еще произвести въ народныхъ массахъ. Есть епархія, гдѣ вѣрующіе и подавая лепту свою, между тѣмъ, остаются совершенно равнодушными къ паденію гражданской власти папства.

Реннскій архіепископъ на дняхъ отбылъ въ Римъ, взявъ съ собою письмо, съ многочисленными подписями своего епархіальнаго духовенства. Въ этомъ письмѣ протестуютъ противу всякаго поземельнаго похищенія церковной области, и выражаютъ глубокое сочувствіе къ скорбямъ Пія IX.

Реннская епархія подписалась уже прежде на 600,000 франковъ на римскій послѣдній заемъ. Архіепископъ снова обратился къ своему духовенству, и на этотъ разъ онъ повезъ съ собою 80,000 франковъ, назначенныхъ для папской казны.

Не должно упускать изъ виду, что реннская епархія была года два тому назадъ простымъ епископствомъ, и что Наполеонъ III, въ память своего путешествія по Бретани, возвелъ ее въ архіепископство. Въ то время духовенство реннской епархіи выказало глубочайшее сочувствіе императору, чрезъ своего епископа. Но со времени италіянскихъ событій все это сочувствіе упало.

Г. Луи Вейль грозный знаменитый редакторъ *L'Univers*, нынѣ *Monde*, выпустилъ на дняхъ послѣдній томъ *Смеси религіозной, политической, и проч.* (*Mélanges religieux, politiques, etc.*). Это нечто иное какъ собраніе всѣхъ его безчисленныхъ статей, появившихся въ *L'Univers*, до дня его запрещенія.

Намъ нечего говорить о всѣхъ этихъ документахъ, тѣмъ болѣе, что они весьма извѣстны въ религіозномъ мірѣ, въ которомъ производили не разъ самыя жаркія и чаще всего неприличныя пренія. У *L'Univers* была самая черствая, ненавистная метода дерзко нападать противу всего и всѣхъ, кто только не былъ одного съ нимъ мнѣнія, и притомъ—нападать будто бы подъ знаменемъ Вѣры, а въ сущности подъ знаменемъ своекорыстной нетерпимости и дикаго обскурантизма. Франція на дѣлѣ убѣдилась, что эта метода страшно опасна тѣмъ, что она возбуждаетъ ненависть и презрѣніе къ самой религіи.

Графъ де-ла-Фитъ-де-ла-Пелляпортъ.

ОБЪ ИСПРАВЛЕНІИ СЛАВЯНСКАГО ТЕКСТА ДЪЯНІИ И ПОСЛАНИИ АПОСТОЛЬСКИХЪ ПРИ ПАТРИАРХЪ ІОАКИМЪ.

Два первыя печатныя изданія полной славянской Библии острожское 1581 г. и московское 1663 г. представили Библейскій текстъ со многими разностями и неисправностями, извѣстными дотолѣ въ разнообразныхъ рукописныхъ переводахъ священныхъ книгъ. Необходимость болѣе исправнаго текста требовала тщательныхъ пересмотровъ славянскаго перевода при возобновлявшихся печатныхъ изданіяхъ. Но эти труды до общаго исправленія славянскаго Библии, совершеннаго въ XVIII вѣкѣ, доселѣ остаются малоизвѣстными и неизслѣдованными. Предлагаемъ читателямъ свѣдѣніе о соборномъ исправленіи славянскаго Апостола при патриархѣ Іоакимѣ въ 1679 году, заимствованное нами изъ одного Апостола московской синодальной типографской бібліотеки.

Для исправленія взятъ былъ Апостолъ, печатанный въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патриархѣ Іоасафѣ 2-мъ 1671 года. Одинъ изъ экземпляровъ, бывшихъ въ рукахъ исправителей, донныѣ сохранился въ типографской бібліотекѣ и при немъ уцѣлѣла, съ незначительными по-

врежденіями, современная записъ объ исправленіи. (*) Въ этой записи описано начало и все продолженіе дѣла, предпринятаго Іоакимомъ, поименованы лица, трудившіяся въ исправленіи, перечислены рукописи и печатныя книги, которыми пользовались исправители, засвидѣтельствованы не-исправности прежняго печатнаго текста и объяснено, какъ и на какомъ основаніи дѣланы исправленія. Прежде отсылки въ типографію, исправленный текстъ былъ читанъ въ крестовой палатѣ въ собраніи высшихъ духовныхъ лицъ подъ предсѣдательствомъ патріарха и потомъ предложенъ былъ на разсмотрѣніе царю Феодору Алексѣевичу съ боярами. Приводимъ вполнѣ эту записъ, какъ матеріалъ для исторіи исправленія славянской Библии, имѣющей тѣмъ болѣе интереса, что въ свѣдѣніяхъ о промежуткѣ времени между первопечатною московскою библіею и трудами елисаветинскихъ исправителей остается еще значительный пробѣлъ.

«187 году (1679) ноемврѣ въ 18 день великій господинъ святѣйшій киръ *Іоакимъ* патріархъ московскій и всеа Россіи указалъ книгъ-печатнаго дѣла справщикомъ—*монаху Іосифу, Никифору, Сильвестру* съ товарищи чести книгу Апостолъ съ древними апостолами рукописанными и харатейными, славянскими, съ кіевскими, кутейскими, виленскими, съ Бесѣдами Апостольскими, и со иными преводами, и ту книгу Апостолъ въ нужныхъ мѣстѣхъ править.

«А которая быша на поляхъ произвольная реченія, и та реченія по разсужденію или отставить или съ поля свести въ лице, и впредь произволамъ не быть. И которая быша

(*) *Апостолъ*, распол по церковн. зачаламъ, печ. полуустав., въ 4 л., на 458 л. № 586 по стар. каталогу. Записъ, приложенная въ началѣ книги, писана полууставомъ переходящимъ въ скоропись на 4 л.

на странахъ у Апостола свидѣтельства и отсылки ко инымъ книгамъ, и та отставить.

«Сей указъ святѣйшаго патріарха сказалъ справщикомъ въ правильнѣ преосвященный *Симеонъ*, архіепископъ сибирскій и тобольскій.

«И по его великаго господина святѣйшаго киръ Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи указу справщики съ вышеписанными преводы, со вивліями письменными, — съ троецкою, писанною въ лѣто 7007, и геннадіевскою..... (*) и съ харатейными многими, и съ печатными Бесѣдами Апостольскими на Дѣянія изданія 132 лѣта (1624 г.), на Посланія изданія 131 лѣта (1623), съ Новыми Заветы — съ кievскимъ зданія 1658, съ кутейнскимъ зданія 1652, съ виленскимъ зданія 1641, и съ московскими всѣми старыми и новыми ковычными, и со вивліями острожскою и московскою Апостолы чли и въ нужныхъ мѣстѣхъ правила.

«И по справкѣ объявишася многая реченія у книги съ книгою несходна, а инья реченія въ московскихъ ковычныхъ апостолахъ отъ старыхъ справщиковъ... вновь, а не съ переводовъ приписана.

«Другая же реченія въ нѣкоихъ апостолахъ суть, а въ другихъ не суть. Иная же точію въ единныхъ московскихъ апостолахъ обрѣтаются, а во иныхъ ни въ которыхъ не обрѣтаются. И та реченія написана быша въ выписку, и та выписка въ правилнѣ списана ради впредь извѣстія въ записную книгу.

«А иная многая реченія во апостолахъ со иныхъ разныхъ

(*) Мѣста, гдѣ есть пробѣлы, или поврежденія, мы означаемъ точками. Обѣ упомянутыя здѣсь полныя Библии хранятся нынѣ въ моск. синодальной библіотекѣ и подробно изслѣдованы въ *Описаніи* Ркп. снц. Б—ки. 1855. Ж№ 1—3.

преводовъ переправленная, ради множества и пространства, въ выпискѣ не написана быша (*).

«А по той выпискѣ великаго господина святѣйшаго киръ Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи преосвящ. *Симеонъ* архіепископъ докладывалъ, и великій господинъ святѣйшій киръ Іоакимъ патріархъ московскій и всея Россіи, слушавъ той выписки, указалъ тотъ исправленный Апостоль ради тѣхъ ново-исправленныхъ со иныхъ переводовъ реченій лучшаго разсужденія (ради?)... прочести предъ собою и предъ властью въ крестовой полатѣ.

«Маія въ 16 день, въ пятокъ, великій господинъ святѣйшій киръ Іоакимъ, патріархъ московскій и всея Россіи со властью—съ преосвященнымъ митрополитомъ *Варсонофіемъ* сарскимъ и подонскимъ, съ преосвящ. митрополитомъ *Филаретомъ* Нижняго-Нвагорода и Алатара, съ преосвящ. архіепископомъ *Симеономъ* сибирскимъ и тобольскимъ, съ преосвящ. архіепископомъ *Павломъ* коломенскимъ и коширскимъ, съ преосвящ. архіепископомъ *Іосифомъ* архагельскимъ и со іеромонахомъ *Симеономъ Полоцкимъ* и съ справщиками въ крестовой полатѣ новоисправнаго Апостола слушалъ и разсуждалъ новоисправленная реченія, и въ той день того Апостола прочтено предисловіе да Дѣянія 17 главъ, а сидѣли съ пятого часа до девятого.

«Въ 19 день, въ понедѣльникъ, прочтено Дѣянія отъ 17-й главы даже до посланія апостола Павла къ римляномъ. Сидѣли съ четвертаго часа до осмага.

(*) Исправленія, не вошедшія въ упоминаемую здѣсь выписку, писаны кинноварью въ самомъ текстѣ правленнаго Апостола. Въ записи слѣдуютъ здѣсь зачеркнутыя слова: *а она докладная выписка бѣ сицева*. Составитель записи хотѣлъ переписать и самую выписку, но ограничился только ходомъ исправленія!

«Въ 23 день, въ пятокъ, прочтено къ римляномъ, къ коринѳяномъ 1 и 2, къ галатомъ, къ ефесеимъ, къ филипписіемъ и колосаимъ. Сидѣли съ четвертаго часа до девятаго.

«Въ 26 день, въ понедѣльникъ, прочтено отъ посланія къ колоссаимъ даже до конца вся посланія, и реченія, въ нихъ же быша нѣкая усумнѣнія, вся разрѣшишася.

«Таже великій господинъ киръ Іоакимъ патріархъ московскій и всея Россіи, совѣтовавъ съ преосвященными митрополиты и архіепископы, благоволилъ о исправленіи Апостола по выпискѣ посовѣтовать съ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ *Феодоромъ Алексѣевичемъ*, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ и зъ бояры поговорить. А сидѣли въ крестовой съ четвертаго часа до девятаго.

«И іунія въ 29 день, въ субботу, великій господинъ святѣйшій киръ Іоакимъ патріархъ московскій и всея Россіи при вышеименованныхъ преосвященныхъ митрополитѣхъ и архіепископѣхъ въ крестовой полатѣ справщикомъ сказалъ, что онъ святѣйшій патріархъ съ великимъ государемъ о исправленіи Апостола по выпискѣ совѣтывалъ и съ бояры о томъ говорилъ.

«И великій государь указалъ то исправленіе разсудать ему святѣйшему патріарху и властемъ, и какъ праведнѣе и согласнѣе со иными превода, такъ и дѣлать.

«И по той выпискѣ онъ святѣйшій патріархъ и власти о написанныхъ въ той выпискѣ реченіяхъ паки судиша, и по сужденію указалъ нѣкимъ малымъ реченіямъ быть по *прежнему*

«А прочая вся реченія ради согласія со иными превода отставить, и тотъ Апостоль печатать. Сидѣли въ крестовой полатѣ съ четвертаго часа до девятаго.

«И по тому его святѣйшаго патріарха указу преписанный Апостоль съ переводомъ, и ради лучшаго укрѣпленія

и со всѣми вышеписанными переводы чли справщики *монахъ Іосифъ* съ товарищи и по выпискѣ, которая реченія въ переводѣ противъ выписки быша не отставлена, отставили, и гдѣ въ преписаніи быша отъ писцевъ во письменномъ Апостолѣ погрѣшенія, та исправили. А листы чель и отпущаль чтець *Мардарей* (*).

«Августа въ 13 день великій господинъ святѣйшій киръ Іоакимъ, патріархъ московскій и всея Россіи, указалъ въ томъ Апостолѣ святцы исправить съ святець Евангельскихъ выходу 186 года (1678 г.) и которыми святымъ были службы общія, тѣмъ написать указомъ на извѣстныя мѣсяцей числа. А которые святые будутъ во Апостолѣ надъ Евангеліе въ лишкѣ, и тѣ отставить, да и съ тѣхъ же апостольскихъ святець указалъ отставить службы іаннуаріа въ 17 день преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина, Маія въ 26 день обрѣтеніе мощей преподобнаго отца нашего Макарія игумена колязинскаго, іюнія въ 3 день пренесеніе мощей благовѣрнаго царевича Димитрія московскаго чудотворца (**).

«Сій великаго господина святѣйшаго киръ Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи указъ справщикомъ сказалъ на печатномъ дворѣ въ правилѣ преосвященный *Симеонъ*, архіепископъ сибирскій и тобольскій.

(*) Для печатанія въ типографію.

(**) Здѣсь имѣли въ виду исключить нѣкоторыя службы одному и тому же Святому, повторявшіяся въ другой разъ. Такъ служба Антонию Римлянину донынѣ осталась только 3 августа, а 17 января положена служба Антонию Великому; память царевича Димитрія празднуется только 15 мая; но не смотря на исправленіе, сдѣланное въ святцахъ П. Іоакимомъ, память Макарія колязинскаго воспоминается дважды марта 17 и мая 26.

«И по тому указу тѣ святцы справлены.»

Изъ записи видно, что мѣста славянскаго апостольскаго текста, представлявшія значительныя неправильности и разности сравнительно съ различными славянскими переводами, прежде извѣстными, вообще требовавшія существенныхъ исправлений, равно какъ и новый исправленный текстъ этихъ мѣстъ были писаны въ особыя тетради. Эти тетради, къ сожалѣнію, не сохранились до настоящаго времени, или еще не найдены. Однакожъ въ экземплярѣ типографской бібліотеки, подлежащемъ исправленію, остались въ самомъ текстѣ многочисленныя рукописныя поправки, сдѣланныя киноварью. Эти поправки, которыми испещренъ печатный текстъ Апостола 1671 года, касаются или отдѣльныхъ словъ или цѣлыхъ оборотовъ рѣчи и сообщаютъ переводу болѣе правильности и чистоты, особенно же возстановляютъ славянскій переводъ Апостольскаго текста, искаженный произволами переписчиковъ. Уже и по этимъ поправкамъ можно составить ясное понятіе о значеніи труда, предпринятаго патріархомъ Іоакимомъ и совершеннаго подъ его руководствомъ. Для этой цѣли мы покажемъ примѣры исправлений, сдѣланныхъ при Іоакимѣ. Считаемо достаточнымъ ограничиться книгою Дѣяній Апостольскихъ и притомъ нѣкоторыми только, болѣе существенными исправленіями.

Печатный текстъ московскаго
Апостола 1671 года.

Дѣян. I, 16. *бъ же народъ
многимихъ* вкупѣ, яко сто и
двадцать.

ст. 26. *пріати причетъ* служе-
женія сего и *послакїа*.

Гл. II, 6. *сидесе* народъ и
размысїа.

Рукописный текстъ іоакимов-
скихъ исправителей 1679 г.

Дѣян. I, 16. *бъ же* иметь
народа вкупѣ яко сто и *дваде-*
сять.

ст. 26. *пріати жребїи* служе-
нія сего и апостольства.

Гл. II, 6. *сидесе* народъ и
смятесе.

ст. 12. *двѣлахуся же вси и не домыслиху еднѣ ко другому глаголюще...*

ст. 46. по вся же дни терпяще, идяху единодушно въ церковь...

ст. 47. въ радости и въ страствѣ сердца...

Гл. IV, 22. *лѣты бо блше множайшими чтыредесѣте челоуекъ...*

Гл. V, 4. *не суще ли твоѣ бѣ, и продано въ твоѣй области блше?*

ст. 29. *свровати* подобаетъ Богови паче, нежели челоуѣкомъ.

ст. 30. Исуса, его же руками *лѣте* повѣшше на дрѣвѣ.

Гл. VI, 11. *изведеша мужи славолюща.*

Гл. VII, 2. Аврааму *сущу въ мѣждорѣчїи.*

ст. 21. *отвержему же ему (Моисею),* взять его дщи фараонова.

ст. 53. *прїясте законъ повелѣнїемъ ангель.*

Гл. VIII, 7. *многими же имущими души нечисти,* вопїюще гласомъ велимъ исхождаху.

ст. 27. *иже (муринѣ евнухѣ) бѣ надъ всею Газою тою.*

Гл. IX, 2. да аще нѣкіи *обращеть (Савлѣ) Христовымъ путемъ ходящия мужи и жены,* связаны приведеть въ Іерусалимъ.

ст. 12. *ужасахуся же вси и недоумѣваху,* другъ ко другу глаголюще...

ст. 46. по вся же дни терпяще единодушно въ церкви.

ст. 47. въ радости и въ простотѣ сердца...

Гл. IV, 22. *лѣтъ бо баше множае чтыредесѣти челоуѣкѣ той ..*

Гл. V, 4. *сущее тебѣ не твоѣ ли бѣ и проданое не въ твоѣй ли власти баше?*

ст. 29. *повиноватися* подобаетъ Богови паче.

ст. 30. его же вы убисте *повѣсивше* на дрѣвѣ.

Гл. VI, 11. *подуствша мужи глаголющия.*

Гл. VII, 2. Аврааму, *сущу въ Месопотамїи.*

ст. 21. *извержена* же его, взять его дщи фараонова.

ст. 53. *прїясте законъ устройенїемъ ангельскимъ.*

Гл. VIII, 7. *дуси бо нечисти отъ многихъ имущихъ я,* вопїюще гласомъ велимъ, исхождаху.

ст. 27. *иже бѣ надъ всѣми сокровищы ея (царницы).*

Гл. IX, 2. да аще нѣкіи *обращеть того пути сущия,* мужи же и жены...

ст. 17. Савле брате, *Господь посла мя Исусъ явлейся тебѣ на пути, имъ же идлише, яко да провршиши.*

Гл. X, 2. *благосвѣренъ и бойся Бога (Корнилій).*

ст. 6. сей (Петръ) *пробываетъ у нѣкогого Симона усмаря, ею же есть храмъ при мори.*

Гл. XI, 5. *яко плащаницу велию о четири края вислицу отъ небесъ...*

ст. 29. *ученики же аще имѣлише кто повельша каждо ихъ на службу послати живущимъ во іуден братіямъ.*

Гл. XII, 20. *да быша питалися страны ихъ отъ царства его...*

Гл. XIII, 32. *яко сіе Богъ сконча чадомъ ихъ, намъ воздвигъ Исуса.*

Гл. XIV, 23. *освящыи же имъ поны на вся церквы, помолвистася съ постомъ.*

Гл. XV, 24. *(нѣщыи возмутиша васъ) глаголюще обрѣзаться и блюств законъ, имъ же не сложихомся.*

ст. 25. *избраше мужа послати къ вамъ...*

Гл. XVI, 4. *предаяше имъ хранити уставы изложенныя отъ апостолъ и старецъ, живущыхъ во Іерусалимѣ.*

ст. 16. *рабыя нѣкая имущи духъ волховскій срѣте насъ, аже дѣланіе много даяше господемъ своимъ волхвующи.*

ст. 17. *Господь Исусъ явлейся на пути, имъ же шельгъ еси, посла мя, яко да провршиши.*

Гл. X, 2. *благоговѣнъ и бойся Бога.*

ст. 6. сей странствуетъ у нѣкогого Симона усмаря, ему же есть домъ при мори.

Гл. XI, 5. *яко плащаницу велию, отъ четирыхъ краевъ ниспущаему съ небесе...*

ст. 29. *отъ ученикъ же, по елику кто имѣяше что, изволиша вѣждо ихъ на службу послати...*

Гл. XII, 20. *понеже страны ихъ отъ царства его питахуся..*

Гл. XIII, 32. *яко сіе Богъ исполнилъ есть намъ, чадомъ ихъ, воздвигъ Исуса.*

Гл. XIV, 23. *рукоположше же имъ пресвитеры...*

Гл. XV, 24. *имъ же мы не завѣщяхомъ.*

ст. 25. *избранная мужи послати къ вамъ...*

Гл. XVI, 4. *хранити уставы сужденныя отъ апостолъ и старецъ, иже во Іерусалимѣ.*

ст. 16. *отроковица нѣкая, имущая духъ пытливъ, срѣте насъ, аже стяжаніе много даяше...*

Гл. XVII, 18... что убо хо- щеть *блгдливый сей* (Павель въ Аѳинахъ) глаголати? инии *глаголашу: чужихъ бгсовъ* мнится проповѣдникъ быти.

ст. 19. поемше же его, на *Ариевъ павъ* ведоша.

ст. 22. ставъ же Павель по- средѣ *Ариева павъ*, рече: мужіе аѳинейстїи, по всему зрю, *яко въ свръ блудяще есте*. Проходя бо и соглядая *боги ваши*, обрѣтохъ и *кумиръ*, на немъ же бѣ написано *имя: невѣдомъ Богъ*.

ст. 25. Самъ дая всѣмъ и животъ, и дыханіе *по еслече- скимъ*.

Гл. XVIII, 13. *яко кромъ закона сей* (Павель) *развѣща- ваетъ чтити Бога*.

Гл. XIX, 21, *положи Павлови Душъ* (вти во Іерусалимъ).

ст. 25... *ихъже собравъ, и яже о сипцевыхъ дѣлателя*, рече (Димитрій среброковачъ).

ст. 39—40. *Аще ли что о нныхъ ищете, по закону цер- кве да разрѣшится*. Ибо *съ бгдою имамы осуждатися о днешней крамолъ*, ни единѣи винѣ *сущи: о нейже* не воз- можемъ воздати слово *о кра- молъ сей*.

Гл. XX, 20. *яко ничтоже утамъ* отъ полезныхъ, еже не сказати вамъ.

Гл. XXI, 24. да разумѣють вси, *яко имъже научени суть*

Гл. XVII, 18... что убо хо- щеть суесловный сей глаго- лати? инии же: чужихъ боговъ мнится проповѣдникъ быти.

ст. 19. поемше же его, ве- доша на Ареопагъ.

ст. 22. ставъ же Павель по- средѣ Ареопага, рече: мужіе аѳинейстїи, по всему зрю вы *аки благочестивыя*. Проходя бо и соглядая *чествованїя ваша*, обрѣтохъ и *капище*, на немъ же бѣ написано: *невѣдомому Богу*.

ст. 25. Самъ дая всѣмъ и животъ, и дыханіе, и вся.

Гл. XVIII, 13. *яко противу закову сей увѣщаваеъ чтити Бога*.

Гл. XIX, 21. *положи Павель въ душъ*.

ст. 25. *ихъже собравъ и ины сипцевыхъ вещей дѣла- тели*, рече...

ст. 39—40. *Аще ли же что о нныхъ ищете, въ законномъ собранїи разрѣшится*. Ибо *бѣд- ствуемъ порицаемъ быти о крамолъ днешней*, ни единѣи винѣ *сущей*, еже возможемъ воздати слово *стремленїя сего*.

Гл. XX, 20. *яко ни въ че- сомъ же отъ полезныхъ оби- нухся*, еже сказати вамъ.

Гл. XXI, 24... *яко возвѣщен- ная имъ о тебѣ ничтоже суть*.

отъ тебе (Павла), ничтоже есть.

ст. 32. войны престаша бѣ-
юще Павла.

Гл. XXII, 28. азъ многою
цѣною нареченіе сіе и житель-
ство стяжахъ.

Гл. XXIV, 18. обрѣтоша мя
постыившася въ церкви.

Гл. XXVI, 2. царю Агриппо,
вещую себе блаженна, прити
къ тебѣ, хотяща предъ тобою
отвѣщати днесь.

ст. 8—9. что неспрно су-
дится вами, аще Богъ мерт-
выя возставляетъ; азъ убо
мнѣхъ въ себѣ противу имени Иису-
са Назореа подобаеи многа со
противна сотворити.

Гл. XXVIII, 6. о мнози же
того чающеи и зрящеи, ни-
чтоже зла въ немъ бывша, пре-
творшеся глаголаху Бога того
быти (Павла).

ст. 10. многими честыи по-
чтоша насъ, и отвозящимся
намъ дарованіа многа вознеси,
полагаху аже на потребу.

ст. 29. отыдоша іудеи, много
имущи въ себѣ взысканіе.

ст. 32. войны престаша бити
Павла.

Гл. XXII, 28. азъ многою
цѣною нареченіе жительства
сего стяжахъ (римскаго граж-
данства).

Гл. XXIV, 18. обрѣтоша мя
очищенна въ церкви.

Гл. XXVI, 2. вещую себе
блаженна быти, яко предъ то-
бою отвѣщати днесь имамъ.

ст. 8—9. что? не вѣрно ли
судится вами, яко Богъ мерт-
выя возставляетъ? Азъ убо
мнѣхъ, яко подобаеи ми многа
сопротивна противу имени И-
суса Назореа сотворити.

Гл. XXVIII, 6. на мнози же
(того) чающыи и ничтоже
зло въ немъ бывшее выдащыи,
претворшеся глаголаху Бога
того быти.

ст. 10. и отвозящыи насъ,
аже на потребу, вложиша.

ст. 29. отыдоша іудеи, мно-
гое имущи между собою со-
ствязаніе.

Приведенные примѣры сами собою объясняютъ значеніе труда іоакимовскихъ исправителей, какъ скоро сличимъ принятый ими текстъ съ текстомъ елисаветинской Библии. Всѣ исправленія, сдѣланныя при патриархѣ Іоакимѣ, были одобренныи подтверждены елисаветскими исправителями. Изъ пе-

речисленія источниковъ, которыми пользовались исправители Апостола при п. Іоакимѣ, не видно, чтобы они повѣряли исправляемый текстъ по греческому подлиннику: позднѣйшіе исправители имѣютъ то преимущество, что пользуются греческимъ текстомъ. Однакожъ древніе славянскіе переводы и толкованія дали возможность п. Іоакиму и его сотрудникамъ возстановить славянскій текстъ довольно близко къ греческому. Славянскій переводъ Дѣяній и посланій Апостольскихъ, изданный въ полной Библии 1751 года и съ того времени остающійся у насъ въ употребленіи, не только не отличается отъ текста, установленнаго при патріархѣ Іоакимѣ, но представляетъ полнѣйшее съ нимъ сходство, исключая слишкомъ немногихъ и слишкомъ мелкихъ чертъ, не имѣющихъ никакой существенной важности. Желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ, если сличать приведенные нами примѣры съ извѣстнымъ нынѣ славянскимъ текстомъ. Такимъ образомъ сообщенная нами запись и самый экземпляръ Апостола 1671 г. съ оставшимися въ немъ рукописными исправленіями 1679 г. несомнѣнно удостовѣряютъ, что *употребительный нынѣ славянскій текстъ Дѣяній и посланій Апостольскихъ по его первоначальному происхожденію есть текстъ исправителей іоакимовскихъ.*

Въ заключеніе мы должны поставить на видъ, что и славянскій текстъ Евангелія, вошедшій въ изданіе Библии 1751 г., былъ приведенъ въ его настоящій видъ прежде времени елисаветинскихъ исправителей. Ихъ отношеніе къ Новому Завету вообще ограничивалось очень немногими и незначительными измѣненіями перевода (*). Для Новаго Завета, не только для Апостола, но и для Евангелія они нашли готовый

(*) См. статью г. Чистовича въ Прав. Обзор. 1860 г. Май.

довольно исправный славянскій текстъ. И однакожь этотъ текстъ не есть текстъ острожской или первопечатной московской Библии: несомнѣнно, что исправленіе Евангелія въ славянскомъ переводѣ, подтвержденномъ елисаветинскими исправителями и донныѣ существующемъ въ церковномъ употребленіи, также относится къ періоду времени между 1663 и 1751 гг. При большей разработкѣ историческихъ матеріаловъ, безъ сомнѣнія, объяснится и вопросъ о томъ, когда и какъ первоначально установленъ извѣстный нынѣ славянскій переводъ Евангелія.

И. Б—въ.

О ХРИСТИАНСКОМЪ БРАКѢ

Въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ есть замѣчательное сочиненіе о христіанской семейной жизни извѣстнаго богослова Тирша, переведенное уже на датскій, голландскій и англійскій языки. Оно готовится къ изданію и въ русскомъ переводѣ. Значеніе этого сочиненія, важность его для современныхъ потребностей общества прекрасно выражены въ предисловіи русскихъ издателей. Предлагая нашимъ читателямъ извлеченіе изъ статьи «о бракѣ», заимствованной изъ этого изданія съ согласія издателей, предпосылаемъ ей и самое ихъ предисловіе.

«Въ наше время замѣтнѣе чѣмъ когда-нибудь выставлены на первый планъ вопросы о преобразованіи общества, объ исправленіи общественныхъ правовъ и учреждений, объ установленіи твердыхъ началъ, на которыхъ долженъ быть основанъ порядокъ общественный. Задача эта столько же важна, сколько и трудна къ разрѣшенью, отдѣльные вопросы ея умножаются съ каждымъ днемъ, возбуждаютъ дробныя изслѣдованія и угрожаютъ наконецъ самымъ обиліемъ плановъ, мыслей и матеріаловъ для обработки отдѣльных частей зда-

ніа, повредитъ ясному сознанію цѣли, для которой оно назначено и главныхъ началъ, безъ которыхъ нельзя и приступать къ его построенію. Обиліе формъ предлагаемыхъ и испытываемыхъ для примѣненія къ обществу и его потребностямъ, такъ велико, что изъ-за формъ не мудрено забыть о томъ, для чего существуютъ формы и безъ чего онѣ всегда останутся мертвою буквой. Дѣйствительно, мы почти забываемъ иногда о живомъ человѣкѣ, для котораго составляются и устраиваются порядки общественные, о дѣйствующей силѣ личности человѣческой, безъ которой не рѣшаются никакія задачи и никакіе планы не приводятся въ исполненіе, наконецъ объ органическихъ формахъ общегитія, въ которыхъ скрываются основы всякой общественной жизни.

«Такою органическою формою жизни было и всегда будетъ—семейство. Если внутри этой единицы общественной искажены основныя начала жизни, если испорчено это зерно общественнаго развитія и порядка, то сколько бы ни творили мы искусственныхъ формъ,—онѣ не приведутъ съ собою здоровой жизни для общества. Мимо семейства, мимо воспитанія невозможно устроить на прочныхъ основаніяхъ общественный порядокъ.

«Вотъ почему со всѣми общественными вопросами неразрывно связанъ великій вопросъ о лучшемъ устройствѣ семейственной жизни и семейнаго воспитанія. Нѣтъ возможности разрѣшить этотъ вопросъ съ теоретической точки зрѣнія—какъ разрѣшаются вопросы науки,—ибо семейныя узы объемлютъ цѣлаго человѣка, во всемъ безконечномъ разнообразіи психической и физической его природы, все бытіе человѣка, а не отдѣльные моменты и порядки бытія доступные научному изслѣдованію. Отыскивать идеаль семейнаго быта, въ глубинѣ «добраго стараго времени» значить го-

няться за мечтою и вѣчныя задачи жизни разрѣшать на основаніи темныхъ соображеній и невѣрныхъ данныхъ, взятыхъ изъ области случайнаго, мѣстнаго и временнаго. Ограничиться однимъ критическимъ отношеніемъ къ явленіямъ и настоящей и прошедшей жизни—значить увлекаться впечатлѣніемъ минуты, разрушать зданіе по частямъ, безъ заботы о возстановленіи и созиданіи. Наконецъ недостаточно—обращаться исключительно къ мысли объ общемъ интересѣ, общей пользѣ, взаимныхъ потребностяхъ людей, и въ этой взаимной связи общаго интереса искать разрѣшенія великаго вопроса, нами указаннаго. Какъ бы ни было сильно сознаніе взаимной связи членовъ общества между собою и взаимныхъ интересовъ, въ этомъ сознаніи еще не заключается живое нравственное начало, въ немъ еще нѣтъ силы, достаточной для исправленія общественныхъ недостатковъ въ коренномъ мѣстѣ порчи—въ жизни семейственной; потому что *чувство* эгоизма, присущее каждому человѣку, стремится всегда взять верхъ надъ *сознаніемъ* общей связи и общей пользы.

«Надобно искать высшаго начала, такого, которое могло бы проникнуть до глубины души и всю ее обнять цѣльнымъ чувствомъ и цѣльнымъ сознаніемъ. Таково можетъ быть только *нравственное убѣжденіе*. А нравственное убѣжденіе можетъ быть непоколебимо и дѣйствительно, можетъ достигнуть всей необходимой цѣльности только тогда, когда оно истекаетъ изъ *религіозной идеи* и связано съ нею также неразрывно, какъ связаны между собою корень, стволъ и плодъ въ одномъ и томъ же деревѣ. Одна религія въ состояніи захватить до глубины всю душу человѣка и родить въ ней ту необъятную, вѣчную, неупорядоченно дѣйствующую силу, которая творитъ и въ человѣкѣ и въ обществѣ нравственныя преобразованія. Только при помощи религіозной идеи новѣй-

шее общество можетъ найти правду нравственную и жизненную свободу, которыхъ такъ усиленно и такъ бесплодно ищеть.»

«Вотъ почему, сознавая вполнѣ и неразвитость нравственныхъ убѣжденій въ обществѣ и крайнюю необходимость ихъ для общества, мы рѣшились издать въ русскомъ переводѣ небольшое сочиненіе о христіанскихъ началахъ семейной жизни,—проникнутое сначала до конца сильными христіанскими убѣжденіемъ. Сочиненіе это пользуется большою извѣстностью въ Германіи, гдѣ оно выдержало нѣсколько изданій. Авторъ его, бывший профессоръ марбургскаго университета, *Тиршъ*, принадлежитъ къ числу немногихъ германскихъ богослововъ, которые умѣли при огромной учености удержать всю живость христіанскаго чувства, проникнутаго любовью и терпимостью. Онъ обращается къ читателю не съ сухими фразами богословской діалектики, но съ живымъ словомъ вѣры и убѣжденія. Вездѣ представляетъ онъ читателю самый чистый и самый строгій идеалъ семейной жизни: можетъ быть въ иныхъ мѣстахъ идеалъ этотъ даже строже чѣмъ можетъ понести природа человѣческая; но во всякомъ случаѣ для насъ, въ нашемъ состояніи, гораздо нужнѣе строгій голосъ вѣры и убѣжденія, проникнутаго любовью, нежели рѣчь уступчивая и снисходительная къ слабостямъ и страстямъ, въ которыхъ мы сами привыкли находить готовое извиненіе, къ распушенности и лѣности нашей природы, надъ которою мы только задумываемся, не находя въ себѣ силъ для исправленія.»

Существо брака такъ же многообразно и богато, какъ и существо человѣка. Въ немъ, какъ и въ самомъ человѣкѣ, мы видимъ три стороны: физическую, нравственную и религіозную—и всѣ три, вмѣстѣ, необходимы для осуществленія его идеи. Физическая сторона подчинена духовной, но не вытѣсняется и не уничтожается ею. Въ бракѣ, какъ и во всякомъ другомъ отношеніи, человѣку поставлено задачей не отрицать свою природу, но обращать ее на службу просвѣщенному и освященному духу. Бракъ одной стороной касается то же физической природы, но то, что есть въ немъ физическаго, должно быть предверіемъ высшаго начала, должно служить вышему началу въ нравственно-совершенномъ бракѣ. Поэтому хотя бракъ и имѣетъ высшую цѣль, но не одну эту цѣль, и такое опредѣленіе брака, которое указываетъ на одно это назначеніе, вовсе недостаточно. Различныя опредѣленія образуютъ рядъ различныхъ степеней, смотря потому, ближе или дальше отъ нравственнаго и религіознаго значенія брака. Это различіе въ понятіяхъ о бракѣ зависитъ отъ степени всего нравственнаго образованія человѣка, и находится съ нимъ въ столь тѣсной связи, что по большей или меньшей чистотѣ представленія о бракѣ, можно съ полной достовѣрностью заключить о высшей или низшей степени нравственнаго достоинства человѣка.

Бракъ съ самаго начала, по силѣ своего учрежденія, былъ не однимъ естественнымъ, но и нравственнымъ отношеніемъ. И натуралисты ошибаются, думая, что онъ только постепенно возвысился отъ грубости до нравственнаго достоинства. Не могло быть этого съ однимъ изъ самыхъ важныхъ человѣческихъ отношеній, такъ какъ не возможно, чтобы человѣкъ отъ состоянія животнаго только постепенно дошелъ до состоянія человѣка. Понятіе о бракѣ исказилось въ по-

слѣдствіи такъ же, какъ въ послѣдствіи исказился и самъ человѣкъ — и именно, въ бракѣ проявилось глубочайшее униженіе человѣка: «но съ начала не было такъ», говоритъ Христосъ, и это свидѣтельство Св. Писанія подтверждается законами и обычаями древнѣйшихъ народовъ, отголосками лучшихъ, первобытныхъ временъ. Брачный союзъ былъ священъ и неразрывенъ не у однихъ Германцевъ; у Римлянъ, въ первыя столѣтія ихъ государственной жизни, не было вовсе развода, и даже у Грековъ первоначальныя основанія брака были такъ же чисты и строги, какъ и древніе германскіе нравы. Уже въ самое позднее время древнаго міра, когда разрушеніе и порча грозили поглотить все, Плутархъ въ своихъ «Предписаніяхъ для брачнаго состоянія» сохранилъ остатки столь чистыхъ нравственныхъ правилъ, что передъ ними кажется низкимъ и недостойнымъ даже многое, что было писано объ этомъ предметѣ въ христіанскомъ обществѣ.

Безчисленныя противорѣчія, какія встрѣчаемъ въ дѣйствительной жизни, и представленія языческаго міра относительно нравственнаго значенія брака указываютъ не на первоначальное, но уже на позднѣйшее искаженіе идеи. Такъ въ Ветхомъ Заветѣ поражаютъ насъ многоженство у патриарховъ и позволеніе развода въ законѣ Моисеевомъ. Но эти явленія не должно считать выраженіемъ исконнаго первоначальнаго понятія, необходимою ступенью въ развитіи христіанской идеи о бракѣ: это исключенія, которыя можно объяснить снисхожденіемъ къ глубоко уже павшему человѣческому роду. Не только Христосъ, но даже и Ветхій Заветъ даетъ понять, что такой порядокъ дѣлъ не согласенъ съ истинною волей Божіей. Авраамъ при Саррѣ взялъ себѣ въ жену Агарь, потому что Сарра не была твердо увѣрена въ объ-

щанин и хотѣла незаконнымъ путемъ получить того сына, чрезъ котораго обѣщано было благословеніе всѣмъ народамъ земнымъ (*). Многоженство Соломона осуждено уже тѣмъ, что оно довело его до идолопоклонства. И въ одной изъ его же книгъ (**), замѣчательнымъ свидѣтельствомъ противъ этого искаженія брака служитъ—образъ хозяйки, чрезвычайно близкій къ христіанскому идеалу, образъ, который можетъ осуществиться только въ неразрывномъ союзѣ единоженства. Позволеніе давать женѣ разводъ—въ Моисеевомъ законѣ,—сколько бы ни было случаевъ его примѣненія, было дано только «жестокосердія ради» (***). Дѣйствительно виѣсть съ упадкомъ человѣческаго достоинства пало и достоинство брака, или, вѣрнѣе сказать, понятіе и представленіе того и другаго помрачилось, притупилось чувство нравственной чистоты, такъ что подобное дозволеніе должно было служить къ предупрежденію еще бѣльшаго зла, и представляется признакомъ всеобщаго упадка.

Первоначальный законъ, вытекающій изъ истинной природы человѣка, есть единоженство и притомъ въ союзѣ, расторгаемомъ только смертію. Это подтверждается и библейской исторіей творенія, это же говоритъ намъ и законъ естественной, общечеловѣческой нравственности. Есть еще заповѣдь, написанная въ сердцахъ и у падшаго человѣка такъ глубоко, что только личная вина, личный грѣхъ могутъ ее изгладить: это заповѣдь стыдливости. Она послѣднее убижище, куда можетъ еще укрыться, гдѣ до послѣдней возможности еще держится сознаніе первобытнаго достоинства

(*) Бытія XV. 4. 5; XVI. 1. 2.

(**) Притчей XXXI. 10—31.

(***) Второзак. XXIV. 1. Матѣ. XIX. 8.

и высшаго назначенія челоѣка. Съ этимъ—то могущественнымъ, нравственнымъ началомъ единоженство состоитъ въ столь тѣсномъ союзѣ, что отступленіе отъ моногаміи есть непремѣнно и нарушеніе стыдливости. И точно, единоженство есть одна возможная, нравственная форма союза между мужчиной и женщиной. Въ сердцѣ челоѣка написано самимъ Богомъ, что челоѣкъ, предаваясь челоѣку въ той цѣлости, въ какой супруга дается супругу, тогда только можетъ сохранить свое нравственное достоинство, когда отдается исключительно, съ полной вѣрой и вѣрностью, съ исключеніемъ всякой возможности повѣрить себя подобнымъ же образомъ другому лицу. Всякое соединеніе половъ—на иномъ основаніи непремѣнно влечетъ за собой разрушеніе челоѣческаго достоинства; оно служитъ карою виновнымъ въ отступленіи отъ основнаго начала.

Эту то кару въ полной мѣрѣ испыталъ на себѣ языческій міръ въ то время, когда явился Христосъ. Христосъ возстановилъ достоинство челоѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ челоѣческую природу до той чистоты, до того просвѣтленія, къ которымъ она была назначена отъ вѣчности, по которымъ никогда еще не достигала въ дѣйствительности. Какимъ бы чистымъ и прекраснымъ ни представили мы себѣ челоѣка, первый челоѣкъ все еще не былъ на той степени общенія съ Богомъ, на какую возвелъ насъ Христосъ, и еще менѣе на той высотѣ представленія, какой нѣкогда мы должны достигнуть во Христѣ. Сообразно съ этимъ и бракъ въ христіанской церкви получилъ особое значеніе и освященіе, какого не имѣлъ дотогѣ. Въ христіанствѣ болѣе противъ прежняго возвышено достоинство женщины. Въ законѣ римскомъ и даже въ Моисеевомъ права ея не были одинаковы съ правами мужчины: права женщины не были ни

столь же священны, ни столь же важны; но по идеѣ христіанства жена имѣеть такое же право на совершенную вѣрность мужа, какое имѣеть мужъ на безусловную вѣрность жены (*). И притомъ жена является не только помощницею мужа во временной жизни, но и сопаслѣдницею его въ жизни вѣчной. И еще того болѣе. Высочайшая любовь Бога къ людямъ открылась въ жертвѣ Христа. Образовалась церковь и между ею и ея небеснымъ главой существуетъ союзъ столь священный, нѣжный и крѣпкій, какого еще не бывало между людьми и Богомъ. И вотъ—мужчинѣ и женщинѣ предстоитъ явить на землѣ образъ этой полнѣйшей преданности и жертвы полнѣйшаго духовнаго единенія. Если бракъ и прежде былъ нравственнымъ отношеніемъ, то въ

(*) Справедливо изъясняя, что по идеѣ христіанства жена имѣеть такое же право на совершенную вѣрность мужа, какое имѣеть мужъ на безусловную вѣрность жены, авторъ выражается не совсѣмъ точно, когда противопоставляетъ этотъ христіанскій законъ одинаково, какъ закону Римскому, такъ даже и Моисееву. По отношенію къ Моисееву закону, это противопоставленіе справедливо только въ томъ смыслѣ, что Ветхій Заветъ допускалъ многоженство, и слѣдовательно какъ бы раздѣлялъ вѣрность мужа между нѣсколькими женами. Но тѣмъ не менѣе Моисеевъ законъ обязывалъ къ вѣрности какъ женщину, такъ и мужчину: седьмая заповѣдь, запрещающая прелюбодѣйствовать, относилась, какъ и относится, не къ однѣмъ женщинамъ, а и къ мужчинамъ. Корень неточности, допущенной авторомъ, заключается въ томъ, что онъ здѣсь не различилъ строго закона нравственнаго отъ чисто юридическаго, гражданскаго. Первый всегда и для всѣхъ былъ и есть одинъ и тотъ же, а слѣдовательно и сопоставляемъ быть не можетъ ни съ какимъ національнымъ законодательствомъ, имѣющимъ въ виду условную правду и измѣняющимся сообразно съ понятіями времени и особенностями народными. А авторъ именно и дѣлаетъ эту ошибку. Законъ всеобщій христіанскій сравниваетъ съ національнымъ закономъ, и съ національною же частію еврейскаго закона (тогда какъ этотъ послѣдній имѣлъ, между прочимъ, въ себѣ и общую, безусловно нравственную часть).— П. Ц.

христіанскомъ бракѣ должно признать нѣчто еще болѣе священное, должно признать *таинство*.

Только тогда, когда образовалась церковь Христова, могло быть сказано: «мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава церкви и виѣсть спаситель тѣла. Но какъ церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ. Мужья любите женъ своихъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь, и Самого Себя предалъ за нее».

На развалинахъ языческаго міра было опять создано святилище брака. Правда, что въ языческомъ мірѣ встрѣчались еще отдѣльныя явленія, въ которыхъ сіяли: строгость нрава, вѣрность и нравственное достоинство:—такими намъ представляются Брутъ и Порція, Аррія и Петъ; но это были только свѣтлыя точки, къ которымъ могла прикнудить христіанская идея. Христіанскій бракъ есть союзъ, проникающій въ жизнь такъ глубоко, какъ не въ силахъ была проникнуть идея міра до-христіанскаго. Христіанскій бракъ озарился свѣтомъ и святостью высшаго рода. Не въ романтическихъ представленіяхъ, а въ дѣйствительности состоятъ теперь благородство человѣческой природы, проявляется то взаимное уваженіе, о нѣжности котораго прежде не имѣло понятія.

Теперь семейная жизнь не представляется уже противорѣчіемъ съ духовнымъ назначеніемъ чловѣка, какъ казалась она мрачнымъ неоплатоническимъ мудрецамъ,—помѣхой въ приготовленіи себя къ Царству Небесному, какъ думали уже нѣкоторые строгіе мыслители во Израили—Ессен. Христіанское семейство представляетъ намъ образъ будущаго Царства Божія, въ которомъ воля Всевышняго будетъ совершаться «якоже на небеси, и на земли.» Оно не только приготовительное училище для Царства Небеснаго,

но въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть самое преддверіе Божія Царства.

Правда, что въ строгомъ смыслѣ это можно сказать только о христіанской церкви. Въ ней является уже таинственно Небесное Царство. Она никогда не погибнетъ; ея сокровенное величіе будетъ проявляться и свѣтитъ вѣчно. А семейство исчезаетъ; брака въ будущей жизни не будетъ. Но именно бракъ и семейство въ земныхъ предметахъ и переходящихъ отношеніяхъ должны еще здѣсь представить намъ Царство Божіе. Здѣсь-то, въ маломъ, должны проявляться та мудрость и кротость власти, та сердечная готовность къ повиновенію, то общеніе въ твердомъ, взаимномъ довѣрїи— всѣ тѣ чистыя добродѣтели, изъ которыхъ нѣкогда составится совершенная гармонія Царства Божія. Безъ сомнѣнія церковь выше, чѣмъ семейство,—но и созданіе церкви едва ли возможно представить безъ освященія семейной жизни. Въ освященныхъ семействахъ должно признать благословеніе, изливаемое Богомъ черезъ церковь, на сыновъ челоувѣческихъ. Освященныя семейства способствуютъ укрѣпленію и церкви. Вотъ отъ чего въ посланїи къ Ефесеямъ, окончивъ высокую рѣчь о союзѣ Бога съ церковью, о небесномъ ея происхожденїи и о вѣчномъ назначенїи, апостолъ нисходитъ къ заповѣдямъ, относящимся къ домашней жизни, или, вѣрнѣе сказать, не нисходитъ, но не отступая отъ своего предмета, объясняетъ намъ, какъ въ семейной жизни христіанъ сама церковь должна возрастать въ мѣру полного совершенства.

Если смотрѣть на семейство въ томъ идеальномъ свѣтѣ, въ какомъ представляетъ его посланіе къ Ефессеямъ, то кажется непонятно, откуда такъ рано могла появиться въ церкви такая рѣшительная и общая склонность къ безбрачію, и на ряду съ нею—недовѣріе къ брачному состоянію. Но не слѣдуетъ забывать, что основное начало этого направленія безспорно есть въ Новомъ Завѣтѣ.

Христу надлежало родиться отъ Пресвятой Дѣвы. Переживъ и освятивъ своимъ примѣромъ другія отношенія земной жизни, Онъ не оставилъ намъ въ себѣ образца только для брачнаго состоянія. Первые ученики Его, такъ какъ и Павелъ, почти всѣ, въ этомъ отношеніи, слѣдовали Его примѣру. Иоаннъ, въ своемъ Откровеніи (*), передалъ намъ образъ дѣвства въ высочайшей чистотѣ его и этимъ самымъ сдѣлалъ дѣвство предметомъ удивленія и подражанія. Не слѣдуетъ забывать, что есть люди (хоть они и принадлежать къ исключеніямъ), особенно предназначенные, призванные и одаренные для цѣломудреннаго безбрачія. И почему же такому призванію не высказаться въ истинно святомъ стремленіи, которое думаетъ искать внутренняго покоя и истинной дѣятельности не въ бракѣ, а въ дѣвствѣ и въ служеніи человечеству? Опытъ показываетъ, что холостой человекъ не только легче можетъ переносить преслѣдованія, но и во всякое время можетъ болѣе успѣть въ служеніи Христу, чѣмъ женатый. Въ одинокомъ состояніи легче удержать внутреннее безмятежное общеніе съ Христомъ, чѣмъ среди гнетущихъ земныхъ заботъ и трудовъ домашнихъ. Безбрачіе, не сопровождаемое чистотой сердца, конечно несравненно ниже христіанскаго брака, даже въ менѣе совер-

(*) Апокал. XIV, 4.

шенномъ его видѣ, но безъ сомнѣнія нельзя отвергать, что существуетъ и чистое безбрачіе. Есть дѣйствительно люди, въ которыхъ любовь ко Христу и созерцаніе Его стрададаній погашаютъ любовь земную. Есть особенный даръ воздержанія, которымъ обладалъ Павелъ; можно замѣтить, что обладаніе этимъ даромъ и храненіе его онъ ставилъ выше безпорочнаго брака: стремленіе пріобрѣсти этотъ даръ онъ всячески одобряетъ и поощряетъ (*).

Этого не хотѣли признать Лютеръ и еще болѣе его послѣдователи. Во всемъ взглядъ стараго протестантизма высказывается слишкомъ поспѣшно явившееся невѣріе въ возможность чистаго безбрачія. Нельзя не осудить эту крайность воззрѣнія, но не слѣдуетъ забывать, что она была вызвана противоположною крайностію. Господствовавшее мнѣніе о безбрачіи и бракѣ, какое развилось въ римской церкви, безъ сомнѣнія нуждалось въ нравственной повѣркѣ. Въ то время глубоко укоренилось неправильное мнѣніе, будто въ бракѣ невозможны — ни умирненіе души въ Богѣ, ни истинное возрастаніе въ добродѣтеляхъ, и будто находящіеся въ бракѣ должны, по необходимости, оставаться на низкой степени нравственнаго совершенства. Для однихъ это служило поводомъ облекать себя воображаемою святостію, въ другихъ ослабляло силу духа мыслью о томъ, что отъ нихъ не требуется нравственнаго совершенства. Въ блескъ ложной святости затмилось чувство домашнихъ добродѣтелей и нарушился тотъ миръ чловѣка съ совѣстью, который составляетъ основное условіе всякой христіанской жизни. Какъ бы ни былъ ошибоченъ взглядъ реформаторовъ на цер-

(*) Коринѳ. VII. 7. 8. 26. 27. 32—36. 38. 40.

ковныя постановленія, во всякомъ случаѣ вліяніе реформы (*), было благотѣльно въ томъ отношеніи, что множеству людей возвращенъ миръ съ совѣстью въ брачномъ состояніи и за семействомъ признано высокое значеніе разсадника всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Правда, что XVI столѣтіе представляетъ намъ чрезвычайную необузданность нравовъ, которую впрочемъ слѣдуетъ отнести не столько къ реформаціи, сколько къ старымъ, издавна расплодившимся въ обществѣ, зародышамъ порчи (**). Но нельзя отвергать, что реформою возбуждена была и реакція во имя чистыхъ началъ Евангельскаго ученія: она воздѣйствовала на очищеніе семейной жизни, и въ этомъ отношеніи области римско-католическаго закона конечно не могутъ похвалиться преимуществомъ передъ протестантами.

Семейство снова по всей справедливости признано истинною школой самыхъ скромныхъ и вмѣстѣ самыхъ драгоценныхъ добродѣтелей, постоянною школой кротости, послушанія и терпѣнія....

Ошибочное мнѣніе стараго протестантизма, будто чистое безбрачіе невозможно, связано съ убѣжденіемъ въ невозможности человѣку достигнуть истинной святости въ настоящей жизни. Источникомъ этого убѣжденія было искреннее сознаніе, извлеченное изъ всеобщаго горькаго опыта. Но этотъ самый горькій опытъ показываетъ, къ несчастію, до какого упадка достигло тогда общее состояніе христіанства въ римскомъ исповѣданіи. Когда по внѣшнимъ явленіямъ дѣйствительности судятъ о достижимомъ идеалѣ,—не есть

(*) Авторъ говоритъ здѣсь исключительно о крайностяхъ римско-католическаго воззрѣнія.

(**) Авторъ ссылается здѣсь на сочиненіе Деллингера: *Die Reformation, ihre innere Entwicklung und ihre Wirkungen*. Regensburg. 1845—1847.

ли это явный признакъ недостатка вѣры? Такимъ образомъ упускается изъ виду цѣль, указанная всякому христіанину, а эта цѣль есть совершенство. Несомнѣнно слово апостола, что мы оправдаемся вѣрой. Реформаторы придавали вѣрѣ великую силу: но можно ли сказать, что они слишкомъ много возлагали на вѣру? Ты вѣришь, что Христосъ понесъ всѣ грѣхи твои; но вѣрь также и тому, что Онъ даровалъ тебѣ побѣду надъ грѣхомъ и силу достигнуть истинной святости.

Въ нетвердомъ понятіи о святости выказывается слабость стараго протестанства. Этотъ недостатокъ увѣренности вреденъ во многихъ отношеніяхъ: онъ отразился и на протестантскомъ понятіи о бракѣ. Слѣдовало бы ожидать, что идеальное сравненіе брака съ союзомъ Христа съ церковью положено будетъ въ основу протестантскаго воззрѣнія на бракъ. Но вышло не то: уже Лютеръ замѣтно остановился на томъ изображеніи брачной жизни, которое апостоль Павелъ помѣстилъ въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ (гл. VII), имѣя прежде всего въ виду тогдашнее состояніе Коринеской общины со всѣми ея недостатками. Подъ вліяніемъ этого Лютерова воззрѣнія образовались и нравственныя понятія и церковныя правила о бракѣ въ протестантизмѣ. Отъ того на ряду со многими прекрасными и утѣшительными идеями о бракѣ, какъ о состояніи угодномъ Богу, мы встрѣчаемъ въ протестанствѣ слишкомъ ограниченное понятіе о значеніи и цѣли брака: за это протестантскіе богословы получили впоследствии вполне заслуженный укоръ отъ юристовъ (*). Это

(*) Авторъ ссылается на слѣдующее сочиненіе: Hippels anonyme Schrift über die Ehe. Berlin. 1776, стр. 79. 87; и того же автора: Ueber die bürgerliche Verbesserung der Weiber. Berlin. 1792.—Еще Hamanns Schriften № 1, стр. 66.

низкое понятіе высказалось въ мнѣніи о второмъ бракѣ, но еще разительнѣе, глубже и дѣйствительнѣе выразилось оно въ отрицаніи брака, какъ таинства.

Смерть разрываетъ узы брака, и пережившему супругу дозволяется вступленіе въ новый союзъ. Противъ этого нельзя спорить; но спрашивается,—одобрительно-ли все то, что дозволено, согласно ли съ достоинствомъ христіанскаго брака доходить въ дозволенномъ до послѣдней возможности? Солонъ опредѣлялъ наказаніе тому изъ аѳинскихъ гражданъ, кто рѣшился бы дать своимъ дѣтямъ мачиху. Въ древности до-христіанской смотрѣли съ уваженіемъ на того, кто, переживъ супруга, отказывался отъ новаго брака. Въ христіанской древности то же требовалось отъ лицъ, имѣвшихъ важный санъ въ церкви. Такъ, а не иначе, отцы церкви понимали увѣщаніе апостола къ епископамъ и вдовамъ (1 Тимоѳ. III. 2. V. 9). Въ восточной церкви четвертый бракъ рѣшительно запрещенъ; по обряду римской церкви и второй бракъ совершается уже безъ обычнаго благословенія (*). Со-

(*). Однако на практикѣ въ Католической церкви отступаютъ отъ древняго правила, по коему второй бракъ лишается церковнаго благословенія. См. соч. Шмидта: *Liturgik der christkatholischen Kirche*. Passau. 1842. III, стр. 363—365. Прибавимъ отъ себя, что по уставамъ православной церкви и третій бракъ разрѣшается не безусловно. Со вступленіемъ въ третій бракъ церковь наша соединяетъ понятіе о «скверненіи», требующемъ очищенія совѣсти, и потому вступающаго въ третій бракъ, тридцатилѣтняго и сорокалѣтняго вдовца подвергаетъ епитиміи, отлучая его на нѣсколько лѣтъ отъ Св. Причастія, если вступаетъ въ третій бракъ, имѣя дѣтей отъ прежнихъ двухъ браковъ. См. Коричую книгу, Ч. 2, гл. 52. *Пр. Пер.* Въ православной церкви и второй бракъ, когда онъ есть второй для обихъ лицъ, совершается по особому чину, въ которомъ

вершено въ иномъ видѣ образовалось богословское толкованіе и общественное мнѣніе у лютеранъ. Авраамъ Каловъ, извѣстный богословъ, прославившій себя особенно въ борьбѣ съ Гроціемъ, схоронивъ одну за другой пять женъ и тринадцать человѣкъ дѣтей, 72-хъ лѣтъ повелъ къ алтарю шестую супругу (*). Можетъ быть не безпорядочна, можетъ быть чиста была семейная жизнь Генриха VIII-го, короля англійскаго, съ его восемью женами, но можно ли искать въ этой жизни идеальнаго христіанскаго сознанія, что брачный союзъ долженъ быть глубокъ и неразрывенъ, какъ небесный его первообразъ? Кто вступаетъ въ этотъ союзъ съ такимъ сознаніемъ, тому, должно думать, потеря супруга покажется незамѣтною. Кого это величайшее несчастіе человѣческой жизни постигло въ раннемъ возрастѣ, тому еще свойственно, тому должно быть позволено искать облегченія своей участи, если думаетъ найти его въ новомъ союзѣ; сдѣлаться матерью осиротѣвшихъ дѣтей, воспитывать ихъ съ безкорыстной любовью, какъ своихъ собственныхъ, это еще прекрасная задача для жизненной дѣятельности. Но если первый бракъ былъ таковъ, какимъ долженъ быть, то трудно, чтобы второй былъ подобенъ ему въ искренности душевнаго общенія, былъ такъ же святъ и счастливъ, а поспѣшное заключеніе третьяго, четвертаго и т. д. брака заставляеть предполагать въ человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, слишкомъ грубую природу, низкую степень духовнаго развитія. Дѣйствительно, есть люди,

молитвы положенныя при первомъ вѣнчаніи замѣняются молитвами о прощеніи брачующихся. *Ред.*

(*) См. Tholuk. Geist der lutherischen Theologen. Wittenbergs im siebzehnten Jahrhundert. Gotha. 1852, стр. 192 и слѣд. Каловъ особенно прославился сочиненіемъ: *Biblia illustrata*, въ которомъ опровергаются примѣчанія Гроція на нѣкоторыя мѣста Св. Писанія.

въ которыхъ потеря жены, не производя глубокаго внутренняго потрясенія, возбуждаетъ, кажется, только мысль о томъ, что умерла одна хозяйка, такъ надо взять другую, точно такъ, какъ надо поставить новую свѣчу вмѣсто догорѣвшей (*). Такое понятіе о второмъ бракѣ есть только одно изъ послѣдствій и можетъ быть—относительно говоря—еще невинное послѣдствіе лютеранскаго воззрѣнія. Другое послѣдствіе его несравненно значительнѣе и вреднѣе.

Основной нравственный законъ брачнаго союза—неразрывность. Этотъ законъ необходимо вытекаетъ изъ правильнаго понятія о первоначальномъ достоинствѣ человѣка. Какъ несообразно съ этиимъ достоинствомъ многожество, такъ несообразна мысль о разлученіи съ однимъ супругомъ и соединеніи съ другимъ. Человѣкъ вполне предается человѣку въ этомъ союзѣ: стало-быть союзъ долженъ быть исключительный и на цѣлую жизнь; только на этомъ условіи онъ будетъ нравственный, согласный съ благородствомъ человѣческой природы. «Только смерть можетъ разлучить насъ». «Сотворившій человѣка вначалѣ, мужа и жену, сотворилъ ихъ, и сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одна плоть. А потому они уже не двое, но одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ». (Матѣ. XIX. 4—6). Менѣе строго заповѣдь даетъ Моисеево законодательство: Христосъ, высшій законодатель, возстановилъ первоначальный порядокъ во всей его силѣ. По этому правилу всѣ носящіе имя Христово должны судить о бракѣ, въ силѣ этого правила должны вступать въ бракъ. Они должны знать, что супружескій со-

(* Прусское гражданское уложеніе разрѣшаетъ вдовца вступать въ новый бракъ чрезъ шесть недѣль по смерти жены.

юзъ дѣло не только человѣческое, но и Божественное. Это священное дѣйствіе, хотя и совершается чрезъ человѣка, но въ немъ дѣйствуетъ сила Божія. Подъ земной формой происходитъ небесное дѣйствіе. Люди служатъ орудіями, посредствомъ коихъ Всевышній исполняетъ Свою волю. Какъ скоро эта воля исполнилась, то уже никто не можетъ отмѣнить ее, ни одинъ человѣкъ не вправѣ вступить въ нее и нарушать или ослаблять ея дѣйствіе. «Что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ». Не въ обрядахъ и церемоніяхъ самихъ по себѣ состоитъ таинство. Таинствомъ называется такое дѣйствіе, которое хотя повидимому совершается смертнымъ человѣкомъ, но скрываетъ въ себѣ силу Божественной благодати. Что бы ни было матеріей или видимымъ знакомъ такого дѣйствія (какъ вода во Св. Крещеніи), очевидно, что вся сила въ сущности самаго дѣйствія. Въ этомъ смыслѣ христіанскій бракъ, безъ сомнѣнія, есть таинство. Въ немъ заключается союзъ, который также невозможно разорвать по человѣческому произволу, какъ невозможно изгладить или сдѣлать недѣйствительнымъ разъ совершенное крещеніе. Отъ воли человѣка зависитъ нарушить этотъ союзъ, но онъ уже не можетъ представить себѣ этотъ союзъ какъ бы не существовавшимъ. Таковъ союзъ между Богомъ и человѣкомъ, таковъ и союзъ человѣка съ человѣкомъ.

Это подтверждается словами самого Господа въ Евангеліи отъ Марка, X гл., 11 и 12 ст: «кто разведется съ женою своею и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ отъ нея. И если жена разведется съ мужемъ своимъ, и выйдетъ за другаго, прелюбодѣйствуетъ». Такимъ образомъ здѣсь такъ же, какъ и у Луки (XVI. 18), божественное правило поставлено, какъ и надо было ожидать, безъ всякаго ограничения. То же правило подтверждается и повторяется Пав-

ломъ, въ силѣ слова Христова (1 Кор. VII, 10, 11, 39; Римл. VII, 1—3): передъ этой заповѣдью должны умолкнуть всѣ человѣческія умозаключенія, желанія, хитрости и правила. Въ строгомъ смыслѣ самое дозволеніе закона мужу—вступать въ новый бракъ по разлученіи съ невѣрною женою, не должно служить полнымъ успокоеніемъ для совѣсти (*).

Но въ Евангеліи сказано [еще: (Мате. V, 32.) «кто разведется съ женою своею, кромѣ вины любодѣянія, тотъ дастъ ей поводъ прелюбодѣйствовать; и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ». Не значить ли это, что въ случаѣ нарушенія вѣрности, правая сторона не только можетъ отринуть виновную, но и вступить въ другой бракъ? Въ другомъ мѣстѣ еще читаемъ (XIX, 9): «кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе, и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ». Надъ смысломъ этихъ словъ по неволѣ задумаешься, когда вспомнишь о строгости вышеприведенной нами брачной заповѣди. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что и здѣсь во второй половинѣ стиха: «женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ», Христосъ высказываетъ правило безъ всякаго ограниченія. Вѣдь эта «пущеница», отринутая жена, можетъ быть и невинно отринута. Припомнимъ потомъ и рѣшительныя слова Павла о томъ же предметѣ: «замужняя женщина закономъ привязана къ живому мужу; а если мужъ ея умретъ, то она освобождается отъ закона замужства». (Римл. VII. 2. 3.)

Посему допускаемое реформаторами свободное разрѣшеніе развода и поваго брака не находятъ въ словахъ Христа

(*) О вредномъ вліяніи Юстиніанова свѣтскаго законодательства на брачное право, см. у Вальтера: *Lehrbuch des Kirchenrechts*. Bonn. 1854. § 321.

безусловнаго оправданія даже и тогда, когда бы это разрѣшеніе ограничивалось только случаемъ невѣрности (*). Тѣмъ

(*) Въ подлинникѣ авторъ выражается гораздо рѣшительнѣе. Онъ безусловно отрицаетъ дозволяемость вступленія въ новый бракъ, даже для невинной стороны. Мысль свою онъ думаетъ утвердить на изясненіи вышеприведенныхъ словъ Спасителя (Матѣ. XIX, 9). Къ чему относятся, говоритъ онъ, слова: «не за прелюбодѣяніе»? Не ко второй половинѣ стиха, въ которой рѣчь идетъ о вступленіи въ бракъ съ пущеницею, а къ первой, гдѣ говорится объ отпущеніи жены. Кто отпускаетъ жену, тотъ вообще грѣшитъ: дозволяется отпустить ее только въ случаѣ невѣрности. А кто, отпустивъ жену свою, женится на другой, тотъ во всякомъ случаѣ поступаетъ незаконно.

Мы сочли нужнымъ исключить въ переводѣ это изясненіе и смягчить самую мысль автора, во первыхъ потому, что мысль эта несогласна съ правилами, принятыми Вселенскою церковью, а во вторыхъ потому, что изясненіе, въ которое вступаетъ авторъ, не совсѣмъ идетъ къ характеру и назначенію настоящей книги. Изяснять смыслъ библейскаго мѣста, въ особенности такого, которое, подобно вышеприведенному, подвергается различнымъ толкованіямъ, прилично въ сочиненіи специально экзегетическомъ, гдѣ возможно подробное изложеніе основаній, на какія дается смыслъ такой, а не иной, равно какъ и подробное указаніе на другія изясненія и ихъ основанія и т. д. Въ сочиненіи же, исключительно нравственномъ, каково настоящее, изясненія подобныхъ мѣстъ, естественно лишеныя необходимыхъ подробностей, могутъ вести только къ односторонностямъ.

Тѣмъ не менѣе мы сочли долгомъ указать на сдѣланное нами измѣненіе, и хотя подъ строкой привести подлинную мысль автора, между прочимъ даже съ тою цѣлію, чтобъ показать, какъ легко даже въ справедливомъ протестѣ противъ крайностей извѣстнаго исповѣданія перейти надлежащую границу и удалиться въ противоположную крайность, когда не стоишь на твердой вселенской почвѣ. Авторъ, столько разумный въ другихъ случаяхъ, не удержался здѣсь на началѣ нравственной свободы, на этой высшей, духовной точкѣ зрѣнія, съ которой единственно и можно судить о христіанскомъ бракѣ. Справедливо осуждая разпутанность протестантства, которое, дѣйствительно, своимъ легкимъ разрѣшеніемъ разводовъ, лишаетъ бракъ истиннаго нравственнаго значенія, онъ не находить другаго исхода кромѣ исключительной принудительности, — начала

еще менѣе можно распространить его на подобные случаи притѣсненія и произвольнаго оставленія супруга, а оно простирается—по крайней мѣрѣ въ одной изъ протестант-

опять вовсе не нравственнаго, вовсе не идущаго къ взаимоотношеніямъ между существами духовными. Ставъ на эту ошибочную точку, онъ не совсѣмъ охотно говоритъ даже о дозволительности вступленія въ бракъ послѣ смерти одного изъ супруговъ. Слышится въ немъ какъ будто сожалѣніе, что на этотъ разъ разрѣшительныя слова писанія отнимаютъ у него всякую возможность къ перетолкованію (см. выше). Однако надобно отдать честь его добросовѣстности: онъ на это не рѣшился, и отъ того въ этомъ собственно вопросѣ удержался именно на мудрой умѣренности, которую признала правую Вселенская церковь. Къ чести его, нельзя не сказать также, что даже въ вопросѣ о разводѣ, допустивъ было грубую ошибку въ основномъ взглядѣ, онъ скоро, такъ сказать, выпрямляется. Развитое нравственное чувство выноситъ его, и подсказываетъ ему слѣдующее превосходное замѣчаніе, зиждущееся уже не на принудительномъ, а на чисто нравственномъ началѣ: «Пусть, говоритъ онъ, протестантскіе богословы, которые такъ спорятъ за право невинной стороны на вступленіе въ новый бракъ, серьезно предлагаютъ себѣ вопросъ: кого слѣдуетъ считать невиннымъ? Они убѣдятся въ томъ, что прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до формальнаго разрыва, окажется и на другой сторонѣ вина: хотя она и не уловима для человѣческаго правосудія, но на вѣсахъ правосудія Божественнаго окажется достаточно тяжкою. И кто даетъ относительно невинной сторонѣ право—вторичнымъ вступленіемъ въ бракъ навсегда пресѣчь для другой стороны возможность возврата, примиренія и исправленія? Если дозволить одной только сторонѣ вступленіе въ новый бракъ, не обращая вниманія на возможность раскаянія съ другой стороны,—это было бы слишкомъ несправедливо въ отношеніи къ этой послѣдней: самъ законъ долженъ наконецъ убѣдиться въ этой несправедливости, и потому подъ конецъ какъ напримѣръ въ Пруссіи, онъ доходитъ до того, что дозволяетъ обѣимъ сторонамъ вступленіе въ новый бракъ. Первое нарушеніе Божественной заповѣди влечетъ за собой полное ея нарушеніе по закону необходимости». Но повторимъ опять, эти превосходныя сами въ себѣ размышленія, говорятъ только противъ безусловно свободнаго расторгненія нарушенныхъ невѣрностью браковъ, а ни какъ не въ пользу безусловной недозволительности подобнаго расторгненія.—*Пр. Ц.*

скихъ законодательствъ, именно въ Прусскомъ, и еще гораздо далѣе, даже безъ всякаго отношенія къ винѣ или невинности того или другаго супруга. Здѣсь не рѣшаются оправдывать законъ даже сами протестанты, у кого еще въ сердцахъ страхъ передъ Богомъ и Его закономъ и шлются въ извиненіе только на ту причину, которою объяснялось снисхожденіе Моисеева закона: «жестокосердія ради». Такъ и Лютеръ думалъ, что свѣтская власть въ подобныхъ случаяхъ можетъ подражать Моисееву закону, объявляя людямъ, требующимъ разрѣшенія, что впредь слѣдуетъ уже смотрѣть на нихъ не какъ на христіанъ, но какъ на язычниковъ.

Если христіанское государство поступаетъ такимъ образомъ, что дѣлать христіанскому духовенству (*)? Осмѣлится ли и оно отступать отъ закона Христова, изрекать отъ лица Его благословеніе тамъ, гдѣ Онъ воспрещаетъ, и гдѣ кара связана съ нарушеніемъ заповѣди? На страшномъ судѣ нельзя будетъ ссылаться на свѣтскіе законы;—не кто другой, а самъ Христосъ будетъ судить Своихъ служителей, судить по Своему слову, а не по человѣческому уложенію. Каждый самъ понесетъ свое бремя, и ни одинъ изъ приставниковъ дома Божія, осквернившихъ тайну Божію, не спасетъ своей души, если станетъ оправдываться тѣмъ, что ему такъ было приказано отъ земной власти. Они повиновались властителемъ земнымъ и сдѣлались послушниками Царя Небеснаго, измѣнили Его законамъ и повелѣніямъ, измѣнили и повѣренному имъ народу.

(*) Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду въ особенности прусское духовенство и столкновенія, не рѣдко случающіяся въ Пруссіи между государственною властью и духовенствомъ по поводу браковъ не одобряемыхъ лютеранскою церковью. *Прим. Пер.*

При господствѣ подобныхъ началъ управленія большіе города Европы сдѣлались тѣмъ, чѣмъ мы ихъ видимъ: боянями, на которыхъ день и ночь губятся невинность и миръ, счастье и спасеніе души. И это не только съ вѣдома, но отчасти и съ одобренія правительствъ. Конечно правительства не могутъ проникнуть во внутреннюю жизнь каждаго дома и каждаго семейства; когда порокъ дѣйствуетъ въ закрытомъ кругу частной жизни, тогда отвѣчаетъ за него Богу глава семейства, кто терпитъ его въ своемъ домѣ. Но зачѣмъ же тогда христіанское государство принимаетъ эту отвѣтственность на себя и обременяетъ себя безчисленными проклятіями! Отецъ съ матерью, отпуская въ свѣтъ дитя свое, воздѣвають руки къ небу съ благословіемъ и молитвой о сохраненіи его отъ зла и искушенія. Они съ надеждой помышляютъ о государственной власти, поставленной отъ Бога въ защиту всякаго добра: она подастъ крѣпкую руку свою въ помощь слабой силѣ родительскаго попеченія. И что же, когда вмѣсто того родители видятъ, что это государство даетъ защиту не невинности, а соблазну (*)?

(*) Мнѣ достовѣрно извѣстно, — замѣчаетъ Тиршъ, — что въ исходѣ 30-хъ годовъ, въ одномъ изъ главныхъ городовъ сѣверной Германіи королевскій комиссаръ, которому поручалось веденіе списка студентамъ, встрѣтилъ однажды молодыхъ людей рѣчью, въ которой, вмѣсто того, чтобъ указать имъ на дѣйствительныя опасности, которыя окружаютъ юношу въ обществѣ, — старался объяснить имъ, что со стороны правительства позволяются имъ всякаго рода удовольствія и веселости, какія только могутъ найти въ городѣ: только — прибавилъ онъ — «не занимайтесь политикою». Въ одномъ изъ главныхъ городовъ южной Германіи, въ теченіе 1848 года, обильнаго уроками всякаго рода, — можно было видѣть, до чего доводитъ та гнусная политика, которая покровительствуетъ увлеченію всякими удовольствіями и веселостями и смотритъ сквозь пальцы на

Кромѣ внутренняго смущенія, кромѣ горькой скорби при видѣ этого, нельзя не изумляться и слѣпотѣ, которая по истинѣ принадлежитъ къ величайшимъ загадкамъ нравственнаго міра. Нѣтъ мечты безумнѣе и гибельнѣе той мечты, будто можно равнодушіе къ нравственности соединить съ твердостью въ религіи, ослабить брачныя узы и вмѣстѣ съ тѣмъ еще крѣпче связать узы подданства, содѣйствовать развращенію совѣсти, разрушенію душевнаго міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ пещись о распространеніи міра, справедливости и доброй совѣсти въ союзѣ государственномъ, будто не опасно допускать разрушеніе началъ, положенныхъ самимъ Богомъ, въ основу всякаго общественнаго блага—невинности, цѣломудрія, супружеской вѣрности, тихаго семейнаго счастья,—если только прочно обезпечены придуманныя фальшивою политикой хитрыя опоры государственнаго зданія: желѣзное насиліе и лукавое шпіонство.

Во всякомъ обществѣ къ браку ведетъ прежде всего договоръ гражданскій, и свѣтское правительство имѣетъ полное право устанавливать свои условія для брака и опредѣлять гражданскія его послѣдствія, но и общечеловѣческое понятіе о бракѣ предполагаетъ его нравственнымъ отношеніемъ высшаго рода, слѣдовательно и съ этой точки зрѣнія, въ бракѣ предполагается что-то выше всякаго другаго договора о предметахъ гражданскихъ отношеній.

Христіане въ бракѣ не должны нарушать гражданскихъ

разрывать, въ надеждѣ, что предавшись развлеченіямъ этого рода, люди не станутъ заботиться о дѣлахъ государственныхъ. Это опустошеніе совѣсти и нравственности ведетъ непремѣнно къ тому, что все населеніе болѣе и болѣе превращается въ какой-то пандемоніумъ, въ какую-то золотую пещеру злыхъ духовъ: придетъ время, когда они вырвутся изъ тюрьмы своей и конечно не пощадятъ близорукихъ своихъ руководителей.

законовъ своего отечества, такъ какъ и у нихъ бракъ имѣть то же свойство гражданскаго договора, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣсть ихъ подчинена высшему закону, заповѣданному Христомъ церкви. Христіанскимъ правительствамъ слѣдовало бы подумать, что они дѣлають, устанавливая такіе законы, которые вводятъ христіанъ въ искушеніе заключать браки, противные христіанскимъ заповѣдямъ. Если допускается бракъ между разведенными, между близкими родственниками по крови (*), или свойственниками, то пусть уже въ такомъ случаѣ гражданская власть беретъ всю отвѣтственность на себя и на свою совѣсть, а не требуетъ отъ духовнаго лица, чтобы оно раздѣляло вину ея, а на духовное лицо падаетъ въ такомъ случаѣ еще большая доля вины, потому что устами его провозглашается законъ Христовъ и оно должно быть безстрастнымъ свидѣтелемъ истины предъ всѣми, — предъ великими такъ же точно, какъ и предъ малыми (**).

(*) См. Walters Lehrbuch des Kirchenrechts. § 313. Richters. Lehrbuch des Kirchenrechts. § 258. Древнее правило христіанской церкви, запрещающее жениться на сестрѣ умершей жены или на вдовѣ брата, въ слѣдствіе ослабленія брачныхъ законовъ и церковной дисциплины, въ послѣднее время исчезло изъ сознанія и даже изъ памяти въ протестантскомъ населеніи Германіи, такъ же какъ и въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ.

(**) Для объясненія этихъ словъ Гирша слѣдуетъ замѣтить, что католическая церковь, по правилу Тридентскаго собора, требуетъ для совершенія брака, чтобы послѣдовало торжественное объявленіе воли передъ священникомъ и двумя свидѣтелями; она приглашаетъ брачующихся къ церковному благословенію, но не ставитъ это благословеніе необходимымъ условіемъ для совершенія брака, и довольствуется такъ называемымъ *пассивнымъ присутствіемъ* духовнаго лица. Этотъ средній путь избранъ католическою церковью по необходимости, для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ она затрудняется дать свое одобреніе и благословеніе браку, но не можетъ ему воспрепятствовать. Таково церковное требованіе ка-

Но и каждый христіанинъ долженъ знать, что ему вовсе не отдано на волю заключать одинъ только гражданскій бракъ. Если государственный законъ и дозволяетъ, то запрещаетъ долгъ христіанскій. Онъ не долженъ спускаться на низшую степень: поступать такъ безнаказанно можно язычнику, а не христіанину. Дѣйствуя такимъ образомъ, христіанинъ отрывается отъ своего званія и продаетъ свое первородство. Вступая въ бракъ, христіанинъ долженъ непремѣнно имѣть въ виду исполненіе той особенной жизненной цѣли, которая указана христіанскому браку. А если это именно въ виду у него, какъ же можетъ онъ заключать бракъ безъ христіанскаго освященія? Правда, что брачный союзъ, заключенный

толичества. Гдѣ оффиціальное значеніе дается государствомъ только формамъ гражданского договора о бракѣ (какъ напр. во Франціи), тамъ отъ воли и совѣсти каждаго зависитъ исполнять или неисполнять обрядъ церковнаго закона; бракъ во всякомъ случаѣ будетъ одинаково законный, если соблюдена гражданская форма. Но законы протестантскихъ государствъ, въ коихъ не принята форма гражданского брака, — не довольствуясь пассивнымъ присутствіемъ духовнаго лица при бракѣ, требуютъ рѣшительнаго его содѣйствія, признаютъ церковное благословеніе необходимымъ условіемъ для совершенія брака. Представительницею такой системы служитъ Пруссія. Рѣшительное правило прусскаго закона: „дѣйствительный бракъ совершается посредствомъ священническаго благословенія“. Непослѣдовательность и неудобство этой системы — очевидно. Государство, помимо церкви, не справляясь съ ея органами и постановленіями, постановляетъ условія для вступленія въ бракъ и разрѣшаетъ препятствія къ браку, и въ то же время требуетъ отъ церкви благословенія всякому браку, даже такому, который противорѣчитъ ея постановленіямъ и совѣсти ея служителей. Отсюда происходятъ въ Пруссіи частыя столкновенія свѣтской власти съ духовными лицами, по поводу совершенія браковъ. Для устраненія этихъ неудобствъ предполагается въ Пруссіи ввести гражданскую форму брака, но законъ о гражданскомъ бракѣ до сихъ поръ, въ слѣдствіе пререканій между партіями въ Палатахъ, не получилъ еще утвержденія. — *Прим. Пер.*

только по гражданской формѣ, то же дѣйствительно и неразрывенъ предъ Богомъ. Но только къ браку, благословенному церковью, привлекается благодать Божія, которая необходима для того, чтобы похристіански жить въ бракѣ. Гдѣ же найти эту благодать какъ не въ церкви Христовой?

Кто заключаетъ бракъ по христіанскому закону неправильный, тотъ навлекаетъ на всю свою жизнь мрачную тѣнь, неизгладимый упрекъ въ томъ, что онъ отринулъ и пренебрегъ христіанское свое призваніе. Но и тотъ, кто заключаетъ бракъ, допускаемый христіанскимъ закономъ, только безъ благословенія церкви, отрекается отъ своего званія, пренебрегаетъ достоинствомъ христіанина, и становится виновенъ въ упущеніи, котораго потомъ уже не можетъ изгладить никакими усиліями. Гдѣ нѣтъ христіанской церкви, тамъ простой гражданскій бракъ, вѣрно хранимый, и теперь можетъ занимать высокую степень, свойственную дохристіанской нравственности. Но христіанинъ долженъ приступать къ браку не иначе, какъ съ сознаниемъ его высшей цѣли, съ принятіемъ высшаго освященія.

З А М Ъ Т К И

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДУХОВНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ ВЪ 1861 ГОДУ.

«Христіанское Чтеніе», издаваемое при петербургской духовной академіи, съ наступленіемъ текущаго года предъявило новую программу, по которой этотъ старшій изъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ духовныхъ журналовъ, подвергается существенному преобразованію. Цѣль преобразованія—сообщить журналу болѣе серьезное направленіе, которое бы отвѣчало законнымъ требованіямъ времени. Конечно, дѣйствительное выполненіе программы можетъ быть ближе, или дальше отъ предполагаемой цѣли, и даже есть множество степеней этого приближенія или отдаленія. Но важно то, что въ нашей духовной литературѣ крѣпнеть и распространяется сознаніе нужды болѣе твердаго, научнаго, самостоятельнаго, живаго направленія, которое дѣйствительно могло бы питать, удовлетворять, успокаивать людей мыслящихъ въ ихъ свободныхъ отношеніяхъ къ религіи и церкви, врачевать внутренніе недуги общественной жизни въ ея духовныхъ направленіяхъ. Каково бы ни было выполненіе программы на первыхъ порахъ, но эта программа сама по себѣ составляетъ уже утѣшительное явленіе въ нашей, столь еще слабой духовной литературѣ, и налагаетъ на редакцію высокую обязанность неуклоннаго служенія предпринятому дѣлу. Утѣшительно именно то, что новыя требованія признаются, вводятся въ жизнь, требуютъ просвѣщеннаго отношенія къ дѣлу

вѣры, оживляютъ и привлекаютъ на новые пути духовныхъ дѣателей. Надобно только желать, чтобы эти требованія, появившія въ литературномъ заявленіи, но уже довольно твердыя въ практикѣ нашего духовнаго образованія, скорѣе открывались для общества, разсѣивали недоразумѣнія, и дружнѣе соединяли нашихъ духовныхъ дѣателей въ служеніи вѣрѣ и обществу. Еще недавно извѣщали мы читателей о новомъ литературномъ предпріятіи кievской духовной академіи, подъ именемъ «Трудовъ академіи», въ которомъ значительно соизнаны были тѣ же современныя требованія. Намъ пріятно теперь присовокупить, что кievскій журналъ, едва начавшійся въ прошедшемъ году, нынѣ призналъ уже нужду новыхъ улучшеній и еще распространилъ свою программу: теперь онъ издается уже ежемѣсячно (12 книгъ вмѣсто 4-хъ, какъ сказано было въ первоначальномъ объявленіи). Съ неменьшимъ удовольствіемъ говоримъ теперь и о томъ преобразованіи, которое признала нужнымъ для своего журнала петербургская духовная академія, и равно надѣемся, что «Христіанское Чтеніе» также не остановится на вновь избранномъ пути, а будетъ дѣйствительно совершенствоваться.

Въ новой программѣ «Христіанскаго Чтенія» прежде всего обращаетъ вниманіе намѣреніе редакціи печатать русскіе переводы священныхъ книгъ Ветхаго Завета. Новый кievскій журналъ также вводитъ у себя русскіе переводы священныхъ книгъ: редакція «Трудовъ» общала въ нынѣшнемъ году печатать въ русскомъ переводѣ *Книги Царствъ*. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ современно, какъ полезно и важно это дѣло.

Затѣмъ программа «Христіанскаго Чтенія» общаетъ сообщать учено-богословскія изслѣдованія и критическія обзрѣнія. Потребность въ ученыхъ богословскихъ трудахъ для

нашего времени и бѣдность такихъ трудовъ при существующемъ состояніи нашей духовной литературы, громко говорить о необходимости и безотлагательности серьезнаго ученаго направленія, возможнаго для духовной науки въ области православія. Необходимое условіе успѣха въ этомъ дѣлѣ есть ученая богословская критика; доселѣ ея не было въ нашей духовной литературѣ, и ея-то отсутствіе главнымъ образомъ и задерживало успѣхи нашей литературы.

Отношеніе къ потребностямъ времени, которое равно имѣетъ въ виду новая программа «Христіанскаго Чтенія», есть также единственное условіе, при которомъ возможно успѣшное литературное служеніе дѣлу вѣры на пользу современнаго общества. Безъ живаго отношенія къ современности, проникнутаго сочувствіемъ къ доброму совершающемуся вокругъ движенію и готоваго вносить просвѣтительное вліяніе въ жизнь дѣйствительную, несвободную отъ увлеченій и заблужденій, безъ такого отношенія къ современности, намъ кажется, невозможно плодотворное служеніе духовной литературы обществу въ его духовныхъ потребностяхъ.

«Христіанское Чтеніе» признало нужнымъ ввести особый отдѣлъ современнаго обозрѣнія религіозныхъ вопросовъ и церковныхъ дѣлъ въ различныхъ иновѣрныхъ обществахъ: оно общаетъ даже дать этому отдѣлу обширные размѣры. Важность такого обозрѣнія неоспорима. Не говоря о нашемъ обществѣ, которое такъ мало знакомо съ положеніемъ христіанской церкви въ Европѣ, и вслѣдствіе того при жизненной встрѣчѣ съ лицами, учрежденіями, книгами иновѣрныхъ исповѣданій, остается безоружно и не въ силахъ сознательно относиться къ ихъ вліянію, скажемъ, что для нашего духовенства и для нашихъ преподавателей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ обозрѣніе христіанскихъ обществъ въ ихъ исто-

рической образованіи и современномъ положеніи представляеть необходимое и важное пособіе. Всѣ иновѣрные обществства въ настоящее время находятся болѣе или менѣе въ кризисѣ, и нынѣ нѣтъ возможности дѣльно читать лекціи по классу о вѣроисповѣданіяхъ безъ прямого отношенія къ современному положенію христіанскихъ обществъ. Притомъ, во всѣхъ почти христіанскихъ обществахъ, въ нынѣшнее время поднято много вопросовъ практическихъ, нерѣдко имѣющихъ значеніе общее, безотносительно къ теоретическимъ пунктамъ различія вѣроисповѣданій.

Повторяемъ, что преобразование, предъявленное «Христ. Чтеніемъ», даетъ читателямъ право ожидать многого отъ журнала, издаваемого обществомъ профессоровъ, представляющихъ ученый составъ академіи. До времени мы ничего еще не можемъ сказать о выполненіи программы: у насъ подъ руками только первая книжка, и сужденія наши могли бы быть поспѣшны, если бы по немногимъ даннымъ рѣшились мы дѣлать общіе, положительные выводы и приговоры. Но мы считаемъ долгомъ указать читателямъ на статью г. П. Шалфеева: *Христіанство и прогрессъ*. Замѣчательно, что въ нашей духовной литературѣ стали появляться попытки къ объясненію труднаго вопроса о прогрессѣ: въ непродолжительное время вотъ уже въ третьемъ журналѣ встрѣчаемъ мы статьи, посвященныя разсмотрѣнію этого вопроса. Значить, не такъ легко порѣшить съ этимъ вопросомъ, какъ казалось бы инымъ противникамъ прогресса. И дѣйствительно не легко: скажемъ прямо, что всѣ статьи доселѣ оказались неудовлетворительными. И о статьѣ г. Шалфеева мы должны сказать, что въ ней о прогрессѣ говорится мало, и все, чтѣ говорится, не можетъ удовлетворить безпристрастнаго мыслящаго человѣка. Однакожъ статья

имѣть большой интересъ съ другой стороны. Сказанное въ ней о христіанствѣ довольно опредѣлительно показываетъ для читателей отношеніе преобразованнаго журнала къ современности. Чтобъ познакомить читателей съ этимъ отношеніемъ петербургскаго академическаго журнала къ вопросамъ современности, выписываемъ нѣкоторыя мѣста статьи.

«Христіанство, говоритъ г. Шалфеевъ, обращается одинаково ко всѣмъ людямъ безъ различія. Понятно, что естественнымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ этого въ человѣкѣ, усвоившемъ духъ христіанства, должно быть уваженіе къ самому себѣ, имѣющее въ основѣ ту мысль, что онъ можетъ быть вѣренъ человѣческому достоинству точно такъ же, какъ и всякій другой,—мысль такая, которая не позволяетъ ему съ одной стороны заноситься и свысока поглядывать на кого бы то ни было, съ другой не позволяетъ ему раболѣпствовать, унижаться предъ кѣмъ бы то ни было и въ своихъ сужденіяхъ, и въ чувствахъ, и въ поступкахъ; короче сказать, она каждого подводитъ подъ одинъ уровень съ другими заставляя его уважать себя такъ же, какъ и другихъ, и другихъ такъ же, какъ себя. Далѣе, христіанство въ своемъ дѣйствіи на человѣка отвергаетъ насиліе, въ какой бы формѣ оно ни выражалось. Этимъ оно поставляетъ человѣка въ необходимость—по совѣсти, во имя одной истины и справедливости, рѣшить, какъ ему распорядиться своею судьбою, т. е. оно прямо вызываетъ человѣка на то, чтобы онъ въ своей жизни самъ думалъ, и думалъ не смотря ни на кого и ни на что, а имѣя въ виду одно—выработать убѣжденіе, что ему должно жить и дѣйствовать такъ, а не иначе,—найти истину; то, чего нельзя не признать, если есть въ человѣкѣ хоть капля добросовѣстности и уваженія къ истинѣ. . . . Такимъ образомъ, если въ первомъ отношеніи

христіанство стремится развить въ человѣкѣ самоуваженіе, то во второмъ — самостоятельность мысли... Христіанство, дѣйствуя въ духѣ нравственной свободы, стремится къ тому, чтобы каждая личность развивалась самостоятельно и самобытно, чтобы каждый человѣкъ, выполняя въ своей жизни общечеловѣческія требованія, въ то же время опредѣлялъ болѣе и болѣе свою нравственную физиономію, сообщая своимъ дѣйствіямъ и произведеніямъ свой собственный характеръ, отличающій его отъ всѣхъ другихъ...»

«Легко понять, что должно произойти съ человѣкомъ, если онъ усвоитъ себѣ духъ христіанской любви... Она составляетъ внутреннюю связь, по которой все вообще, что касается другихъ людей..., находитъ самый живой отголосокъ въ сердцѣ человѣка, и каждый общественный вопросъ затрагиваетъ его такъ, какъ еслибы относился къ нему лично. По силѣ этой связи, христіанинъ... не можетъ не почувствовать съ одной стороны всему, что въ какомъ бы то ни было отношеніи служить къ матеріальному благосостоянію людей; таково развитіе промышленности, умножающей и улучшающей способы удовлетворенія потребностей тѣлесной природы; таковы всѣ открытія въ области естествознанія, изъ которыхъ каждое, положительно или отрицательно, рано или поздно, приносятъ съ собою людямъ сокращеніе физическихъ страданій, потому что каждое освобождаетъ человѣка болѣе или менѣе отъ темительнаго рабства природѣ, порабощая человѣку саму природу. И если бы между христіанами нашелся человѣкъ съ непріязненнымъ взглядомъ на заботы другихъ людей о томъ, чтобы дать болѣе простора промышленности, на ихъ усилія пропикнуть въ тайны природы, чтобы имѣть болѣе возможности распоряжаться ею для своей пользы; то это значило бы одно изъ двухъ: или

крайнюю неразвитость, которая не можетъ понять самой простой вещи, что все это, по меньшей мѣрѣ, клонится къ сокращенію матеріальныхъ лишеній, которыя нерѣдко ложатся тяжелымъ гнетомъ на человѣка, не позволяя ему заняться на свободѣ удовлетвореніемъ высшихъ потребностей—нравственныхъ; или отсутствіе духа христіанства, которое выражаетъ участіе и къ тѣлеснымъ нуждамъ человѣка... Съ другой стороны, истинный христіанинъ не можетъ не принимать живѣйшаго участія во всемъ, что прямо клонится къ умственному и нравственному развитію его ближнихъ, къ распространенію между ними истины и правды, какъ не можетъ не горевать, видя торжество лжи и неправды. Обратимся къ настоящему времени. Въ комъ есть хоть капля любви христіанской, тотъ можетъ ли не чувствовать ускореннаго біенія сердца, слыша толки о гласности судопроизводства, въ видахъ сокращенія числа осужденныхъ невинно, о мѣрахъ противъ взяточничества и казнокрадства, о распространеніи грамотности въ народѣ, о воспитаніи, объ учрежденіи для уголовныхъ преступниковъ исправительныхъ заведеній вмѣсто эшафотовъ, о средствахъ освободить женщину отъ того униженія, которому она подверглась со времени паденія своей притворительницы и т. д?.. А не забудемъ при этомъ, что любовь христіанская не останавливается на одномъ сочувствіи, а стремится заявить себя самымъ дѣломъ, и не задумается ни надъ какою жертвою, если она необходима...»

«Христіанство возлагаетъ на вѣрующаго трудъ непрерывнаго упражненія и развитія его силъ, данныхъ ему отъ Бога, одушевляемый любовію къ Богу... Сущность этого стремленія и вѣсть труда—безпощадная критика человѣка самому себѣ, всему, что онъ думаетъ, чувствуетъ, дѣлаетъ,

сопровождаемая усиліями освободиться отъ того, что несогласно съ его высокими званіемъ, и развить въ себѣ то, что согласно съ нимъ.... Представимъ же себѣ, что человѣкъ усвоилъ себѣ духъ христіанства... Вмѣсто вялости и лѣни мы увидимъ въ немъ жизнь и энергію, вмѣсто длинныхъ разглагольствій—самое дѣло, вмѣсто самодовольства и гордаго сознанія своихъ достоинствъ, забвеніе о нихъ, вслѣдствіе усилій дѣлаться лучше и лучше. Характеръ внутренней непрерывной борьбы за то, чтобы приблизиться въ совершенствахъ своихъ къ Отцу Небесному, неизбѣжно отразится и на всѣхъ его занятіяхъ непрерывнымъ усовершенствованіемъ и улучшеніемъ того, чѣмъ человѣкъ занимается. Тѣмъ, что называется рутинеромъ, онъ быть не можетъ. Дѣйствовать извѣстнымъ образомъ потому только, что такъ заведено, не въ его духъ. Усовершенствованій въ той отрасли внѣшняго труда, которою онъ занимается, мы имѣемъ право ожидать отъ него тѣмъ больше, что христіанство предоставляетъ ему полную свободу въ выборѣ труда не на основаніи относительнаго его достоинства, а на основаніи собственнаго расположенія и природной способности такъ какъ для христіанства все равно, будетъ ли христіанинъ ученымъ, художникомъ, ремесленникомъ, земледѣльцемъ, лишь бы онъ живо чувствовалъ свое отношеніе къ Отцу Небесному и ходилъ достойно своего званія. Самъ будучи проникнуть мыслию объ улучшеніи себя и всего, что можетъ улучшить, онъ будетъ смотрѣть благопріятно и на всѣ попытки другихъ къ тѣмъ, или другимъ улучшеніямъ, принимая впрочемъ ихъ не иначе, какъ послѣ строгаго обсужденія, въ томъ случаѣ, когда онъ по совѣсти можетъ о себѣ сказать, что чувствуетъ себя въ силахъ обсудить то или другое...»

«Видряясь въ жизнь и убѣжденія частныхъ лицъ, христіанство проникаетъ и въ цѣлыя массы, простирается на цѣлый народъ. Прогрессивное стремленіе его и въ этомъ случаѣ то же самое... Давая начала для развитія въ народѣ народности и общительности, христіанство заключаетъ въ себѣ прочныя начала и *для развитія цивилизаціи*. Это въ отношеніи ко всему народу—самая строгая и постоянная критика всѣмъ явленіямъ и требованіямъ народной жизни, направляющаяся къ тому, чтобы недостатки, какіе окажутся, исправить, а что есть хорошаго, согласнаго съ общечеловѣческими требованіями, улучшить и развить... Гдѣ (это начало) не дѣйствуетъ, гдѣ народная мысль находится въ дремотѣ, убаюканная тѣмъ, что все у него хорошо, или гдѣ народъ не смѣетъ говорить о недостаткахъ своей жизни и страданіяхъ, а вынужденъ высказывать одно довольство своимъ положеніемъ, тамъ нѣтъ движенія цивилизаціи... Христіанство по своему духу стремится къ тому, чтобы тотъ или другой народъ путемъ непрерывныхъ, но не торопливыхъ, разумныхъ, но не насильственныхъ реформъ возвышался до того, чѣмъ долженъ быть каждый народъ всегда и вездѣ, иначе говоря, чтобы съ теченіемъ времени онъ болѣе и болѣе цивилизовался.» Христ. Чт. 1861. Январь, отд. II, стр. 11—13, 22—25, 27—28, 33—34. 37—38).

Эти выписки, надѣмся, достаточно обозначаютъ то отношеніе, въ которое, конечно, сознательно становится преобразованный журналъ петербургской духовной академіи къ современности и ея вопросамъ. Для кого показались бы неясными предложенныя нами выписки, тѣхъ отсылаемъ къ самой статьѣ, изъ которой хотѣли мы только извлечь главныя положенія. Статья г. Шалфеева вышла и отдѣльною брошюрой.

НОВЫЯ ДУХОВНЫЯ ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Мы сказали выше о преобразованіяхъ въ прежнихъ духовныхъ журналахъ, вызванныхъ современными потребностями. Тѣ же конечно потребности положили начало изданію *епархіальныхъ вѣдомостей*, которыхъ главное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобъ оживить дѣятельность духовенства и поставить ее въ болѣе живое и плодотворное служеніе обществу. Послѣ *Херсонскихъ* и *Ярославскихъ* вѣдомостей, начавшихся въ прошедшемъ году, нынѣ разрѣшены св. Синодомъ еще три подобныхъ изданія—въ епархіяхъ *Черниговской*, *Тамбовской*, и *Кіевской*. Такъ какъ потребности, которыя должны удовлетворять епархіальныя вѣдомости, существенно однѣ и тѣ же, то и программы означенныхъ изданій въ главномъ согласны между собою. Разнообразіе будетъ зависеть здѣсь прежде всего отъ мѣстныхъ условій, а потомъ отъ искусства редакціи вести литературное дѣло: поэтому достоинство этихъ изданій мало можетъ быть выражено одною программой. Нельзя однакожь оставить безъ вниманія и сочувствія тѣхъ объясненій, какія предпосылаетъ своему дѣлу редакція *кіевскихъ* епархіальныхъ вѣдомостей.

«Священнослужители церкви, говорится въ программѣ *кіевскихъ* вѣдомостей, въ каждой епархіи, самымъ мѣстомъ служенія своего разобщены болѣе или менѣе; жизнь большей части ихъ, такъ сказать, замкнута въ границахъ своего прихода, иногда мало соприкасаясь жизни того духовнаго круга, къ которому они принадлежатъ. Въ особенности это можно сказать о сельскихъ пастыряхъ церкви. Исполненіемъ своихъ обязанностей, а отчасти и самими спосо-

бами содержанія привязанный къ мѣсту своего жительства, сельскій священникъ нерѣдко узнаетъ о дѣятельности другихъ сопастырей и дѣятельности епархіальнаго управленія только изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя, по особымъ случаямъ, сообщаются ему въ предписаніяхъ ближайшаго начальства. Но когда жизнь лица, обязаннаго служить обществу, удаляется отъ жизни общей,—она, какъ извѣстно, иногда мало-по-малу лишается возбуждательной силы, можетъ ослабѣть и истощиться, или принять направленіе, несоответствующее своему призванію. Такимъ образомъ, самимъ положеніемъ приходскаго духовенства указывается необходимость въ особомъ литературномъ изданіи, при посредствѣ котораго съ одной стороны пастыри церкви входили бы въ болѣе сознательное и болѣе живое сношеніе между собою, и въ коемъ съ другой стороны—высказывалась бы дѣятельность какъ епархіальнаго начальства, такъ и подвѣдомственныхъ ему лицъ. — Потребность въ подобномъ изданіи для кievской епархіи еще болѣе усилена нынѣ стремленіемъ духовенства кievской епархіи къ учрежденію училищъ при церквахъ. Отличная дѣятельность въ семь родѣ нѣкоторыхъ пастырей церкви, самыя средства къ открытію и содержанію училищъ, разные приемы и способы обученія, будучи приведены въ общую извѣстность, безъ сомнѣнія, послужатъ къ улучшенію народнаго образованія и много облегчатъ трудъ въ этомъ дѣлѣ. Этимъ потребностямъ имѣетъ въ виду удовлетворить изданіе кievскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. Въ неофициальной ихъ части заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Извѣстія о школахъ грамотности при церквахъ кievской епархіи и указаніе лучшихъ способовъ обученія.
- 2) Грамоты, акты и другіе замѣчательные документы,

касающіеся церкви, монастырей и духовенства кievской епархіи.

3) Епархіальная хроника: разныя свѣдѣнія о современномъ состояніи церкви, духовенства и кievской паствы.

Кievскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить съ 1-го марта 1861 года, два раза въ мѣсяць (*).

(*) Цѣна годовому изданію, съ пересылкою и безъ пересылки, три рубля серебромъ.

Подписка принимается въ Кievѣ: 1) въ кievской духовной консисторіи; 2) въ духовныхъ правленіяхъ кievской епархіи и у благочинныхъ; и 3) у редактора—священника П. Лебедицева, на Подолѣ.

З А М Ъ Т К И

Преобразование духовных журналовъ въ 1861 году.

Новыя духовныя періодическія изданія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ.

Въ Редакціи Православнаго Обзорѣнія, въ зданіи Университета у священника Сергіевскаго; въ книжныхъ магазинахъ гг. Базунова и Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ; въ лавкѣ г. Ферапонтова на Никольской улицѣ; въ библиотекѣ для чтенія г. Горбунова на Никитской и у другихъ книгопродавцевъ Москвы

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ книжныхъ лавкахъ: гг. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Энгельгардтъ, Овсянникова въ Гостинномъ дворѣ, Крашенинникова, Коралева и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* въ Редакцію *Православнаго Обзорѣнія*, въ Москвѣ.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**, съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**.

На тѣхъ же условіяхъ принимается еще подписка и на 1860 годъ.

Печатать позволяется. Февраля 28 дня 1861 года.

Цензоръ Протопресантеръ *Д. Покскій*.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ ВТОРОЙ

МАРТЪ 1861.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—КНИГА ПРОРОКА ІЕЗЕКІИЛЯ. Гл. XXIX—XLVIII.
Опытъ переложенія на русскій языкъ. Архим. МАКАРІЯ.
- II.—ПО ПРОЧТЕНІИ ВЫСОЧАЙШАГО МАНИФЕСТА
19 ФЕВРАЛЯ Селм. Н. А. СЕРГІЕВСКАГО.
- III.—РАДОСТЬ ХРИСТИАНИНА Селм. Н. К. ПРОТОПОПОВА.
- IV.—ЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРЕПОДАВАНІИ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРИХЪ И. Я. ПОРФИРЬЕВА.
- V.—БОГОСЛОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. *О необходимости свидѣтельства противъ безпоповцевъ соч. А. Предтеченскаго* И. М. ДОБРОТВОРСКАГО.
- VI.—ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ЩЕРБИНЫ: «ОПЫТЪ О КНИГѢ ДЛЯ НАРОДА.» Селм. Г. П. СМІРНОВА-ПЛАТОНОВА.
- VII.—СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦИИ. ГР. ДЕ-ЛА-ФИТЬ-ДЕ-ПЕЛЛЯНОРКЪ.
- VIII.—ЗАМѢТКИ. (*См. на оборотѣ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- IX.—Святаго Климента Епископа Римскаго посланіе I къ коринтянамъ Гл. XVI—XIVIII. Селм. П. А. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА № 10.

и. 15.
ПРАВОСЛАВНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

1861.

МАРТЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

761:337

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 16 дня 1861 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Новосітъ.*

ПО ПРОЧТЕНИИ ВЫСОЧАЙШАГО МАНИФЕСТА

19 ФЕВРАЛЯ.

«Осыни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ НАМИ Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

СЛОВА МАНИФЕСТА.

Великое событіе совершилось среди насъ : освобожденіе болѣе двадцати милліоновъ народа изъ крѣпостной зависимости! Можно ли говорить объ этомъ событіи безъ чувства благоговѣнія къ Царю — Освободителю? Можно ли не быть увѣренными въ небесномъ благословеніи этому дѣлу и Тому, Кѣмъ совершено оно? Кажется, въ самомъ характерѣ торжественнаго спокойствія, съ какими совершилось это событіе, ясно выражаются и всеобщее благоговѣніе и благословеніе Провидѣнія.

Многозначительно это событіе для жизни народной и обще-

ственной: царствованіе Александра II полагаетъ начало новой эпохѣ въ исторіи нашего отечества. Не менѣе многозначительно это событіе для церкви православной.

Вліяніе этого событія на благоустройство жизни народной и общественной всѣми живо чувствуется, всѣми ясно сознается. Важное значеніе этого событія для церкви пока еще заслонено непосредственнымъ его гражданскимъ смысломъ, но значеніе это несомнѣнно.

Для истинной церкви Христовой не можетъ быть безразлично свободное, или несвободное состояніе ея членовъ. Одна изъ основныхъ, высокихъ ея цѣлей на землѣ — постепенное, нравственнымъ путемъ, освобожденіе человечества отъ различныхъ видовъ рабства, отяготѣвшаго надъ людьми вслѣдствіе порабощенія ихъ грѣху. Для этой свободы она имѣетъ самое широкое и самое прочное основаніе: всѣ ея члены — *едино во Христѣ*. Близоруки тѣ, которые думаютъ, что на этомъ основаніи христіанство тотчасъ, какъ явилось въ міръ, должно было рѣшительно провозгласить уничтоженіе рабства; равно недалъновидны и тѣ, которые думаютъ, будто рабство освящается христіанствомъ потому, что прямо и рѣшительно не было имъ уничтожено. Евангеліе назначено не для одного поколѣнія и не для одного времени, но для всѣхъ поколѣній и для всѣхъ временъ. Оно не имѣло въ виду уничтожить ту или другую форму зла извѣстнаго времени, но хотѣло уничтожить зло въ его корнѣ. Дѣло Христово—вести Евангеліе во весь міръ, дабы оно, распространяясь между всѣми слоями обществъ, мало-по-малу мирнымъ путемъ измѣняло и преодолевало людскія страсти, и безъ насилія производило пересозданіе всего человечества. Только такимъ образомъ могъ совершиться всеобщій нравственный переворотъ, ибо еслибы Еван-

геліе только воспрещало то, или другое зло, вмѣсто того чтобы исторгать самый корень его, если бы оно провозгласило незаконность рабства и учило рабовъ противиться угнетенію, оно мгновенно раздѣлило бы весь міръ на двѣ смертельно-враждебныя партіи; его проповѣдь была бы призывомъ къ войнамъ рабовъ, и тогда самое имя христіанской религіи было бы забыто среди всеобщаго побоища, а самое зло рабства сдѣлалось бы еще болѣе жестокимъ и торжественнымъ бы, переходя съ однихъ на другихъ.

Уразумѣйте истину, и истина свободитъ вы: вотъ что проповѣдывалъ Христосъ. Внушеніе людямъ этой-то истины освобождающей, проведеніе въ сознаніе человѣчества тѣхъ высокихъ нравственныхъ убѣжденій, при которыхъ, съ пробужденіемъ и укрѣпленіемъ истинной, духовной свободы, внѣшняя поработавшая сила сама собою постепенно ослабѣваетъ и падаетъ—вотъ проповѣдь христіанства. Понятно теперь, почему слово о свободѣ христіанствомъ не налагается міру какъ рѣшительное, неотложное повелѣніе. Понятно, почему утвержденіе христіанства не производитъ въ общественномъ порядкѣ грознаго, внезапнаго переворота. Провозглашая единство людей во Христѣ, — единство всѣхъ народовъ, состояній, пѣловъ, оно проводитъ общій ихъ уровень далѣе всѣхъ земныхъ измѣреній: люди одинаковы предъ Богомъ, въ Богѣ находится источникъ истинной свободы; *Господь Духъ есть, а идѣже Духъ Господень ту свобода.* Однако, не палагая эту истину обществу человѣческому внѣшнимъ образомъ, христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ не представляетъ ее только какъ умозрѣніе одной теоріи, но вводитъ эту истину въ область среднюю между теоріей и политическимъ приложеніемъ,— въ нравы людей. Въ нравственной области долженъ напередъ совершиться этотъ переворотъ освобожденія, какъ и

всякій законный переворотъ, прежде чѣмъ перейдетъ въ кодексъ закона.

И рано, или поздно вездѣ совершится этотъ переворотъ, свобода восцарствуетъ въ мірѣ, а церковь съ самыхъ первыхъ своихъ дней пролагаетъ къ тому путь, обозначенный стопами Самого Спасителя.

Христосъ пришелъ проповѣдать царство свободы чадъ Божіихъ, начинающееся на землѣ, и завершающееся на небѣ, — Самъ принявши образъ раба. И церковь, чтобы утвердить между людьми свободу сама является, по слову апостола, *не съ тязотою для кого бы то ни было, но тихою, подобно кормилицѣ, которая нѣжно обходится съ своими дѣтьми* (1 Фессал. 11, 7). Она не возстаетъ противъ чиновначалія и степеней общественного устройства, смотря на человѣчество, какъ на великое тѣло, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свое назначеніе и свое отправление. Но въ глазахъ ея члены *слабѣйшіе еще болѣе нужны и менѣе благородны требуютъ большаго попеченія* (1 Кор. XII, 22—23). Церковь не вырываетъ раба изъ рукъ господина, но заповѣдуетъ сему послѣднему благосердіе къ рабу, указывая въ то же время, что и для него есть Господь на небесахъ, и что *рабъ собственно не есть рабъ, но выше раба, братъ возлюбленный и по плоти, и въ Господь* (Филим. ст. 16.). Чтобы провести между людьми свободу, апостольская церковь проповѣдуетъ ученіе о добровольномъ рабствѣ, она призываетъ и свободныхъ и рабовъ понять, какъ слѣдуетъ, ихъ дѣйствительное состояніе. *Рабомъ ли ты призванъ, не безпокойся; но ежели можешь сдѣлаться и свободнымъ, тѣмъ болѣе воспользуйся: ибо призванный въ Господь рабъ есть свободный Господа, равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ* (1 Кор. VII, 20—22).

Такииъ образомъ обыкновенный порядокъ состояній самъ собою преобразуется въ порядокъ благодати, въ порядокъ нравственныхъ христіанскихъ отношеній: рабъ есть свободный, свободный есть рабъ. Чѣмъ болѣе кто свободенъ, тѣмъ болѣе онъ обязанъ служить своею свободою другимъ къ ихъ свободѣ: если можешь сдѣлаться свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся. Вотъ вѣрнѣйшій путь уничтоженія рабства, унижающаго человѣка,—путь сознанія своей свободы, какъ средства для облегченія немощей другихъ. Вотъ то добровольное рабство, или лучше — служеніе, которое есть разрушеніе не личности, а самолюбія, и вмѣстѣ съ тѣмъ есть разрушеніе того недостойнаго людей рабства, которое основано на себялюбіи. Это состояніе добровольнаго служенія есть состояніе истинной свободы, которая свою дѣятельность устремляетъ на облегченіе участи меньшихъ братій,—той *свободы любви*, которая какъ бы отрицается самой себя съ тѣмъ, чтобы привести возможно большее число себѣ подобныхъ въ свободу чадъ Божіихъ. И симъ-то истинно-христіанскимъ путемъ, путемъ сознанія сей великой самоотверженной свободы совершилось и освобожденіе среди насъ великаго множества меньшихъ братій.

Какъ же возжелѣнно должно быть для истинной церкви Христовой освобожденіе отъ рабства, уже совершившееся и переходящее наконецъ въ кодексъ положительнаго гражданскаго закона! Но если по апостолу тотъ, кто можетъ сдѣлаться свободнымъ, обязанъ *лучше* пользоваться самою этою свободою для христіанской дѣятельности (1 Кор. VII, 21): то нѣтъ сомнѣнія, что и церкви предстоятъ теперь новыя особенныя заботы по отношенію къ освобожденнымъ. Для церкви безмѣрно важно, что болѣе двадцати милліоновъ ея членовъ вступаютъ въ новыя условія жизни. Доселѣ эти

милліоны были подѣ непосредственнымъ, какъ бы семейнымъ руководствомъ своихъ владѣльцевъ, и это частію облегчало заботу церкви, частію же конечно и ограничивало ея непосредственное вліяніе на руководимыхъ. Теперь, съ прекращеніемъ опеки владѣльцевъ, видимо распространяется свобода церковнаго вліянія, но вмѣстѣ и осложняются заботы церкви.

Что же предстоитъ церкви въ этомъ новомъ положеніи великаго множества ея членовъ? Новое положеніе само собою обозначаетъ и разъясняетъ новыя заботы церкви. Возведеніе внѣшней свободы народа на степень свободы духовной, разумной, христіански-общественной не можетъ быть совершенно безъ распространенія образованія въ народѣ, и мы видимъ, что потребность общаго образованія народа не только признана всѣми, но и перешла уже въ жизнь, вошла на путь исполненія и осуществленія. Всенародное распространеніе грамотности, какъ средство къ насажденію образованія въ народѣ, сознано цѣлымъ обществомъ, какъ обязанность общества по отношенію къ меньшимъ братіямъ. И самый народъ конечно чувствуетъ теперь цѣпу образованія, когда видитъ, что образованіе послужило орудіемъ для христіанской любви въ дарованіи ему свободы. Самый наконецъ законъ о свободѣ народа, закрѣпленный въ письмени, можетъ сдѣлать грамотность любезною и желанною для народа. Но общество признаетъ, и Церковь не можетъ не дорожить этимъ признаніемъ, что образованіе, какъ основа народнаго благосостоянія, само должно опираться на твердыхъ религіозно-нравственныхъ началахъ. Какое обширное поприще открывается при этомъ для церкви и ея служителей, призванныхъ разлить духовный свѣтъ и теплоту въ общемъ народномъ образованіи! Какъ важны духовныя потребности свободнаго народа, которымъ должно

удовлетворить свободное слово духовныхъ его руководителей, и какъ высока обязанность служителей вѣры! Вкорененіе понятій истиннаго и жизненнаго богопознанія и богопочтенія, истребленіе религіозныхъ суевѣрій и предрасудковъ, изясненіе христіанскихъ обязанностей въ быту семейномъ, исполненіе которыхъ есть единственное средство къ смягченію нравовъ, содѣйствіе къ утвержденію въ народѣ правильнаго общественнаго мнѣнія, пробужденіе чувствъ любви христіанской на взаимное служеніе общему благу—вотъ предметы и потребности народнаго развитія и благосостоянія, сами собою обозначающіе ближайшія заботы и обязанности служителей церкви въ ихъ соприкосновеніи съ народомъ!

Обращаясь къ состоянію нашего духовенства, призываемаго нынѣ на такое великое дѣло, безпристрастно обсуждая въ какой степени оно приготовлено къ ожидающему его участию въ народномъ воспитаніи, должно сказать, что потребность особеннаго со стороны церкви руководства для народа необходимо вызываетъ новыя заботы и о самыхъ руководителяхъ—служителяхъ вѣры. Мысль о лучшемъ умственномъ и нравственномъ образованіи самого духовенства, направленномъ къ новымъ потребностямъ народной жизни, объ улучшеніи быта духовенства съ цѣлію дать ему болѣе способовъ и средствъ благотворно дѣйствовать на народъ, особенно о скорѣйшемъ улучшеніи быта духовенства сельскаго, стоящаго въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народомъ,—эта мысль требуетъ теперь настоятельнаго и благоразумнаго осуществленія. Безъ преувеличенія можно сказать, что отъ вліянія духовенства много зависитъ будущность освобождаемыхъ крестьянъ, даже болѣе—будущее цѣлой Россіи: освобожденіе цѣлой трети народонаселенія поднимаетъ

общій уровень внутренней народной жизни и движеть цѣлый народъ русскій на путь истиннаго прогресса въ лучшемъ его смыслѣ. Какая великая миссія предстоить русскому духовенству! Какія священныя и высокія заботы открываются для православной церкви о народѣ православномъ и о самомъ духовенствѣ!

Святц. Николай Сергіевскій.

РАДОСТЬ ХРИСТИАНИНА (*)

Всегда радуйтесь. 1 Фессал. V, 17.

Неужели радость можетъ быть предметомъ заповѣди, неужели можетъ быть предписываема, какъ нѣчто обязательное для каждаго?—Что такое радость? Радость не есть дѣйствіе, даже не есть нравственное чувство, или одно изъ тѣхъ движеній душевныхъ, въ которыхъ человѣкъ болѣе или менѣе является отвѣтственнымъ. Радость—это просто состояніе души, весьма вождельное и плодотворное, если только, господствуя въ душѣ, оно не заглушаетъ въ ней требованій совѣсти и долга. Можно опредѣлить себя къ тому или другому нравственному чувству, можно рѣшиться быть справедливымъ, искреннимъ, сострадательнымъ, и дѣйствительно стать тѣмъ или другимъ въ душѣ; но нельзя опредѣлить себя къ радости, не овладѣвъ предварительно тѣмъ, что могло бы составить предметъ радости. Итакъ, если радость въ сущности—не иное что, какъ внутреннее ощущеніе, живое и какъ бы невольное выраженіе испытываемаго

(*) Изъ Discours sur quelques sujets religieux, par Vinet.

человѣкомъ, въ тѣ или другія минуты, счастья: то, кажется, было бы также странно обязывать насъ къ радости, какъ обязывать къ счастью.

А, между тѣмъ, не одно Евангеліе, и не оно первое, заповѣдуетъ намъ радость. Философы и мудрецы міра сего также озабочивались внушать человѣчеству радость; и, съ своей точки зрѣнія, равно какъ и относительно той степени свѣта, на которой они были поставлены, они были правы. Печаль—это смерть души, радость—это ея жизнь. Печаль гонитъ и замыкаетъ насъ внутри самихъ себя; радость, напротивъ, какъ бы расширяетъ все наше существо, располагаетъ насъ къ обнаруженію себя во внѣ, къ жизни, дѣйствію; она—то же для души, что теплота для тѣлъ физическихъ. Каждый, безъ сомнѣнія, извѣдалъ на опытѣ, что печаль есть состояніе души самое враждебное развитію ея омы, а слѣдовательно и дѣятельности. Мы не иначе опредѣляемъ себя къ дѣйствію, какъ или въ силу увлеченія тѣмъ или другимъ предметомъ, или ниѣя въ виду осуществленіе той или другой надежды. Но печаль все облакаетъ въ трауръ; она заслоняетъ отъ нашего взора все, что есть отраднаго въ настоящемъ, и не позволяетъ видѣть ничего утѣшительнаго въ будущемъ; она полагаетъ преграду всѣмъ благороднымъ стремленіямъ и порываетъ нашего духа, лишаетъ его всей бодрости и энергіи, какъ бы парализируетъ насъ внутренно, дѣлаетъ бесполезными для насъ самихъ и другихъ. Это—то двойственный вредъ, происходящій отъ печали, и былъ всегда причиною того, что ея такъ страшились и отвращались философы.

Тѣмъ болѣе привлекательною казалась имъ радость и достойною того, чтобы внушать и заповѣдывать ее человѣчеству, радость—это условіе всякаго развитія, энергіи и дѣй-

ствія, это начало жизни. И въ самомъ дѣлѣ, радость непремѣнно слѣдовало бы внушать и заповѣдывать всякому, еслибы только она могла служить предметомъ внушеній и заповѣди. Но кто можетъ серьезно совѣтывать намъ радость, не указывая въ то же время побужденій къ радости, не давая средствъ къ достиженію ея? Кто можетъ особенно предписать намъ радость продолжительную, постоянную? Кто можетъ обязать насъ сдѣлать радость основою и тканью нашей внутренней жизни, когда печаль можетъ-быть составляетъ основу и ткань нашей внѣшней жизни, или, когда, и въ самой внутренней жизни, она овладѣваетъ душою прежде, чѣмъ радость нашла доступъ къ ней, чему причиною можетъ быть нашъ темпераментъ, или разбѣдающая рефлексія.

Несомнѣнно, что всякій человекъ носитъ въ своей душѣ, самъ не сознавая того, сокровище печали. Есть въ нашей природѣ какой-то законъ, въ силу котораго всегда къ нашимъ радостямъ, самымъ живымъ и восторженнымъ, приѣшивается что-то печальное, какъ отдаленный, глухой ропотъ или стонъ, долетающій до слуха въ часы веселаго пѣнія. Можно сказать, что самое трепетаніе сердца, когда оно преисполнено радости, будить въ нашей душѣ спящую надъ ея печаль,—что чувство бѣдности и ограниченности нашего естества ожидаетъ именно этой минуты, чтобы охватить и стѣснить насъ,—что этотъ свѣтъ, мелькающій по временамъ въ ночи нашей жизни, служитъ только для того, чтобы вызывать изъ мрака и освѣщать предъ нами боюющіе на насъ грозные призраки. Мы можемъ сказать даже болѣе: здѣсь — на землѣ, въ данныхъ условіяхъ человѣческой жизни, самая чистая, возвышенная и святая радость всегда неразлучна въ душѣ съ нѣкотораго рода грустными воспоминаніями; правда, эти воспоминанія вовсе не та-

ковы, чтобы могли возмутить или обезсилить радость; напротив, онъ служить ей пищею, даютъ ей ростъ и силу, влагають въ уста ея новыя пѣснопѣвія во славу Того, Кто есть источникъ радости. Но во всякомъ случаѣ эта радость — то же что медь, обрѣтенный Самсономъ въ пасти льва, — сладкое, рожденное отъ горькаго; и если это горькое, въ сладостныя минуты радости, не всегда ощущается сердцемъ, то всегда неизбежно сказывается мысли.

Никакая радость, слѣдовательно, не изъята въ душѣ чловѣка отъ нѣкотораго рода безпокойства и грусти. Если же кто и обладает здѣсь какъ будто-полною и невозмутимую радостію, то развѣ тѣ люди, въ которыхъ, такъ-сказать, убита самая лучшая часть чловѣка, тѣ, кому незнакома никакая благородная, святая мысль, чуждъ и непонятенъ истинный языкъ души, — это люди, всегда носящіеся въ вихрѣ самозабвенія и разсѣянія, неспособные заглянуть когда-либо внутрь самихъ себя, пробыть хотя одинъ часъ наединѣ съ своей совѣстію, слишкомъ ничтожныя, чтобы быть истинно-несчастливыми, въ душѣ которыхъ скорбь о ея нравственныхъ недугахъ не находить мѣста, гдѣ бы пріютиться, и, можно сказать, едва ли когда зараждается... Вотъ избранники радости, вотъ тѣ, кому печаль едва знакома, кого она какъ бы щадить или забываетъ до времени, до той рѣшительной минуты, когда наконецъ, рано или поздно, она падетъ всею своею тяжестію на эти слабыя души, но и то не для того, чтобы тронуть и подвигнуть ихъ къ раскаянію, а развѣ для того, чтобы сокрушить и измолоть въ конецъ...

Печаль, напротивъ, — это жребій душъ возвышенныхъ, умовъ сильныхъ. Кто глубже чувствуетъ и мыслитъ, тотъ всегда болѣе и страдаетъ. Странно, повидному, что чѣмъ достойнѣе чловѣкъ, чѣмъ болѣе выдается онъ изъ общаго

уровня людей, тѣмъ менѣе имѣеть правъ на счастье. Все, что есть въ насъ разумнаго и справедливаго, вопиеть противъ этого великаго безпорядка; а между тѣмъ этотъ безпорядокъ существуетъ; радость на самомъ дѣлѣ не есть плодъ мысли и разума... Но, послѣ сего, какой же это разумъ, какая философія рѣшается совѣтовать и даже предписывать намъ радость? Та, безъ сомнѣнія, философія, которая страшился видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, любить относиться къ явленіямъ жизни легко и поверхностно, не касаясь ихъ сущности, или, лучше сказать, та, которая, указуя вдали истину, запрещаетъ ближайшее знакомство съ ней, какъ игру, крайне-опасную и гибельную по своимъ послѣдствіямъ; подобнаго рода философія сама въ себѣ заключаетъ, если не буквальное, то тѣмъ не менѣе весьма ясное и рѣшительное признаніе крайней бѣдности и ограниченности нашего естественнаго состоянія; ибо что такое наша природа, если мы не осмѣливаемся посмотрѣть ей въ лице, и что это за жизнь, если отъ насъ нужно тайть ея истинный характеръ и дѣйствительную значимость?

Да, человѣку предстоитъ здѣсь выбирать одно изъ двухъ— или мыслить и скорбѣть, или быть счастливымъ, но подѣ условіемъ не мыслить,—говоримъ, не мыслить собственно о томъ, что есть болѣе дорогаго и близкаго его сердцу; ибо мы знаемъ, что въ иныхъ случаяхъ мысль также можетъ служить развлеченіемъ. Изъ всѣхъ средствъ, ведущихъ къ разсѣянію и самозабвенію, нѣтъ другаго, которое бы такъ вѣрно и прямо приводило къ этой цѣли, какъ исключительное занятіе ума научными вопросами и изслѣдованіями; въ этомъ случаѣ работа мысли заглушаетъ въ человѣкѣ интересы сердца и жизни скорѣе и легче, чѣмъ всевозможныя забавы и удовольствія міра.

Нужно ли говорить о томъ, что глушить и убиваетъ зародышъ радости въ сердцѣ человѣка мыслящаго? Вся жизнь такого человѣка есть непрерывная борьба радости съ печалью, борьба, въ которой побѣда всегда остается на сторонѣ печали. Радость владѣть только мгновеніями его жизни. Онъ радуется, когда видитъ, что надежда, долго летѣвшая и носившая имъ въ сердцѣ, наконецъ осуществилась; но эта радость—только свѣтлое мгновение въ его жизни, полной вообще печали и сокрушенія о томъ, что постепенное осуществленіе всѣхъ земныхъ, конечныхъ надеждъ не удовлетворяетъ потребности нашего духа, исполненнаго жаждою безконечнаго. Громкій успѣхъ на поприщѣ свѣта можетъ на мигу пріятно польстить его гордости и самолюбію; но чѣмъ болѣе онъ живетъ, тѣмъ болѣе убѣждается въ суетѣ этого ложнаго блеска, которымъ надѣляетъ насъ свѣтъ, въ ничтожествѣ всѣхъ самыхъ блестящихъ успѣховъ на поприщѣ свѣта. Далѣе, жизнь съ близкими, дорогими нашему сердцу, несомнѣнно даритъ намъ счастье; но за эти минуты радости и счастья, если мы только не чужды серьезнаго взгляда на жизнь, намъ приходится платить печалью и несчастіемъ цѣлой жизни, полной горькихъ воспоминаній о попесенныхъ утратахъ и не менѣе горестныхъ предчувствій потерь, ожидающихъ насъ впереди. Видъ ликующей природы, улыбка солнца съ высоты яснаго, безоблачнаго неба, ощущеніе внутренняго мира и довольства, какъ плодъ свободнаго развитія той или другой изъ нашихъ силъ, сладостное чувство бытія, испытываемое человѣкомъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья,—все это окриляетъ нашъ духъ радостію; но эта радость — едва замѣтная капля въ этомъ морѣ печали, въ которое погружаетъ насъ жизнь, упосящая съ собою безвозвратно всѣ наши и отрадные и мрач-

ныя минуты, и скорби и удовольствія, такъ что изъ всего, что намъ принадлежитъ здѣсь, и что мы привыкли считать своимъ, мы не можемъ унести съ собою въ могилу ничего, — даже самыхъ близкихъ и дорогихъ нашему сердцу скорбей...

Даже мгновенна и та радость, когда человѣкъ становится выше персти и плоти, и нѣкоторымъ порывомъ любви или добродѣтели возвышается до неба; а всё-таки цѣлая жизнь полна печали и унынія, это — жизнь, которая имѣетъ началомъ своимъ персть и плоть, а окончательнымъ исходомъ — тѣснѣйшее сближеніе и какъ бы отождествленіе насъ съ перстію и плетію. Отрадны въ высшей степени тѣ минуты, когда наша душа приходитъ какъ-бы въ соприкосновеніе съ Богомъ, ощущаетъ въ себѣ присутствіе благодати и мира; но какъ рѣдки подобныя минуты въ жизни такой, какъ наша, чуждой мысли о Богѣ и вѣчности, или, лучше сказать, жизни съ мыслию о Богѣ, но какъ только о Судіѣ и истителѣ, съ мыслию о вѣчности, но вѣчности, не представляющей ничего отраднанаго, полной гнѣва и скорби!

Да, всё наши радости — не что иное, какъ свѣтлыя точки въ нашей жизни, полной скорби и печали; это — блескъ молніи во мракѣ ночи, минутный порывъ души въ страну мира и свѣта, лучъ солнца, скользящій за рѣшотку темнаго окна... Но что касается до радости продолжительной и постоянной, той, которая бы отвѣчала всѣмъ требованіямъ нашего духа, была бы живою частію насъ самихъ, составляла бы одно съ нашею жизнію, радости, по которой печаль скользила бы точно такъ же, какъ въ ясный день скользнуть по лазури неба легкое, прозрачное облако — такую радость, такую жизнь можетъ даровать намъ единственно только Евангеліе... И какъ въ немъ одномъ заключаются условія этой радости, такъ оно только въ правѣ внушать и предписывать ее.

Эта радость, дорогою цѣною пріобрѣтенная для насъ Спасителемъ, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ истинныя радости, торжествуетъ надъ всѣми печалами. Она восполняетъ собою все, чего недостаетъ радостямъ человѣческимъ, и въ то же время чиста и свободна отъ всего, что унижаетъ и чернитъ ихъ, будучи вмѣстѣ свята, тиха, спокойна, сладостна и вожделѣнна какъ для того, кто ощущаетъ ее въ душѣ, такъ и для того, кто ее только созерцаетъ. Эта радость, какъ плодъ увѣренности въ наше примиреніе съ Богомъ смертію Искупителя и чувства внутреннего единства и гармоніи, возстановленныхъ въ насъ благодатію возрожденія,—неразлучна въ нашемъ сердцѣ съ любовію, безъ которой невозможна никакая истинная радость. Посему, она не составляетъ только нѣкотораго отличія или преимущества въ христіанинѣ; она есть его сила, самая живая и дѣйственная; на сей-то именно почвѣ, почвѣ радости, Господь насадилъ и возрастилъ свое новое твореніе, такъ что можно сказать безъ преувеличенія: быть христіаниномъ — то же, что быть всегда обладателемъ радости. Эту именно радость и разумѣетъ Апостолъ, когда заповѣдуетъ намъ *всегда радоваться*. И въ самомъ дѣлѣ она не только можетъ, но и должна быть внушаема и заповѣдуема намъ. Почему такъ? Потому, что хотя эта радость ниспосылается намъ свыше и есть дѣло всемогущей силы Духа Божія, дѣйствующей въ христіанинѣ; тѣмъ не менѣе отъ насъ зависитъ питать и поддерживать ее въ себѣ. Ибо разрушительное дыханіе печали ежеминутно грозитъ загасить въ насъ этотъ священный огонь; посему наше дѣло—блюсти и хранить его въ себѣ, наблюдать, чтобы то, что служить ему пищею, никогда не оскудѣвало въ нашей душѣ, но всегда преизбыточествовало; иначе сказать, нашъ долгъ, наша непремѣнная обязанность—питать и поддерживать въ

себѣ тѣ самыя чувствованія и расположенія, которыя усвоить и заповѣдуетъ намъ Евангеліе, какъ необходимыя въ нашей новой, духовной жизни, для которой мы рождены благодатію. Раскроемъ это яснѣе.

Мы сказали, что дыханіе печали грозитъ ежеминутно погасить въ насъ свѣтильникъ радости; но было бы правильнѣе сказать—дыханіе нашихъ печалей; ибо печаль, вліяющая разрушительно на радость христіанина, проистекаетъ не изъ одного источника и имѣетъ различные виды.

Есть родъ печали, составляющій какъ бы неизбѣжную дань природѣ.—Природа не уничтожена въ христіанинѣ; она существуетъ въ немъ неприкосновенно. И хотя превосходство его началъ и особенно новыхъ благодатныхъ чувствованій и стремленій, усвояемыхъ ему Евангеліемъ, ставить его выше требованій и влеченій природы: при всемъ томъ въ немъ остаются еще части ея, самыя живыя, чувствительныя и легкоранимыя. Его превосходство и отличіе—не въ томъ, чтобы не знать этихъ требованій и влеченій, но въ томъ, чтобы господствовать надъ ними. Онъ можетъ страдать также, какъ и всякій другой, можетъ быть, даже болѣе. Ибо христіанство не только не упличтожаетъ въ насъ естественной воспріимчивости чувствъ, напротивъ питаетъ и развиваетъ ее; и во всякомъ случаѣ, какими бы ограниченіямъ эта воспріимчивость ни подлежала въ христіанинѣ, она всегда обличаетъ въ немъ чловѣка. Христіанинъ, какъ и всякій чловѣкъ, нуждается въ добромъ мнѣніи о себѣ другихъ людей, въ ихъ расположеніи и сочувствіи,—и скорбитъ, когда видитъ себя лишеннымъ того и другаго; какъ всякій чловѣкъ, онъ имѣетъ тѣ или другія потребности и привычки, отъ которыхъ не можетъ отказаться, не испытывая въ душѣ тягостной пустоты и убійственной скуки; имѣетъ законныя и

священныя привязанности, и страдаетъ, когда смерть разлучаетъ его преждевременно съ тѣми, на комъ онѣ сосредоточивались; имѣеть извѣстнаго рода мнѣнія, убѣжденія, надежды, которыхъ торжество ему также дорого, какъ и всякому, а разрушеніе и паденіе неизбѣжно отзывается горечью и болью въ сердцѣ; имѣеть, наконецъ, тѣло, котораго скорби и болѣзни легко становятся достояніемъ души,—онѣ можетъ, какъ и всякій, испытывать ослабленіе силъ, разрушеніе здоровья, и все это можетъ разрушительно вліять на его внутренній миръ и спокойствіе. Часто бываетъ достаточно и одного изъ этихъ случаевъ, чтобы погрузить наше сердце въ море печали; но что, если нѣсколько ихъ соединится вмѣстѣ? А почти всегда такъ бываетъ, что одно бѣдствіе влечетъ за собою другое, одна бездна призываетъ другую.... Допустимъ, что еще съ нимъ останется тогда его вѣра... Но что такое вѣра безъ радости? Не тоже ли, что корабль безъ парусовъ?... Посему, мы не колеблясь говоримъ: необходимо, чтобы изъ тѣхъ испытаній христіанинъ выходилъ торжествующимъ болѣе, чѣмъ прежде, или иначе его радость должна погибнуть; необходимо, чтобы скорби и лишенія настоящей жизни возводили его къ славѣ вѣка грядущаго,—чтобы во мракѣ его несчастій радость свѣтилась точно также, какъ въ мракѣ ночи свѣтятся звѣзды на небѣ, чтобы въ замѣнъ тѣхъ тѣнныхъ сокровищъ, которыхъ онѣ лишается, онѣ почерпалъ обильно изъ сокровищницъ небеснаго Отца блага нетлѣнныя, вѣчныя,—необходимо, чтобы отъ терпѣнія онѣ восходилъ къ совершеннѣйшему и полнѣйшему спокойствію,—чтобы стоны и вопли его плотскаго чловѣка, распинаемаго самоотверженіемъ, заглушались въ немъ пѣснопѣніемъ благодарности и любви, обращеннымъ къ Тому, Кто есть Отецъ щедротъ и Богъ всякой утѣхи!...

Таковъ законъ Евангелія и природы человѣческой, что сила Божія совершается только въ нашихъ немощахъ, что когда нашъ внѣшній человѣкъ страдаетъ и разрушается, внутренній растетъ и обновляется... Но это не значить, что наша радость должна начинаться только тамъ, гдѣ оканчивается печаль. Нѣтъ,—и въ минуты самой борьбы съ печалью, пока еще она не возобладала нами, нужно призывать радость христіанскую въ помощь нашей немощной природы; нужно заранѣе, такъ сказать, освоиться, сродниться съ радостію, обратить ее въ насущную потребность нашей души, какъ бы во вторую природу: нужно всегда питать ее въ себя тѣми самыми чувствованіями и расположеніями, которыя породили ее въ насъ первоначально,—чтобы она никогда не умалаялась и не ветшала въ нашемъ сердцѣ, но всегда росла и обновлялась, всегда сохраняя свою первобытную силу и свѣжесть,—и чтобы, въ рѣшительную минуту опасности, она не оказалась безсильною противустать печали, не отступила при встрѣчѣ съ нею; ибо, въ противномъ случаѣ, печаль легко можетъ совсѣмъ вытѣснить радость изъ нашего сердца, и овладѣть правомъ исключительнаго господства въ немъ, хотя бы то и въ союзѣ съ вѣрою, но какою вѣрою?—вѣрою, столь же печальною, какъ и сама печаль, вѣрою, которая, вмѣсто мира и благословенія, рождаетъ въ душѣ скорбь и уныніе, и не сказывается въ жизни ни словомъ, ни дѣломъ любви!....

Всегда радуйтесь, говоритъ Апостолъ; т. е. ваша радость должна быть радостію продолжительною, постоянною, должна обнимать всецѣло вашъ духъ и дѣлать его непроницаемымъ для печали. Радость должна быть вашею первою, непремѣнною обязанностію, живою нитью, связующею въ васъ всѣ другія обязанности; она должна всегда стоять на стражѣ

вашей духовной жизни, хранить и сберечь ее сокровища. *Всегда радуйтесь*, иначе сказать, всегда будьте готовы отражать щитою радости воюющія на васъ печали міра сего!

Но есть благочестивая печаль по Бозѣ, или для Бога! Неужели должно страшиться и бѣгать гонимыи и этой, о которой сказано, что она производитъ спасительное раскаяніе, въ которомъ никогда не раскаиваются? О, нѣтъ! это значило бы страшиться и бѣгать посланниковъ Божіихъ... Но намъ нужно страшиться и бѣгать самихъ себя, нашего плотскаго человѣка, который всегда незаметно скользитъ и прокрадывается въ самую сокровенную глубь нашей внутренней жизни, и не даетъ совершаться тамъ ни одному святому дѣлу безъ того, чтобы не примѣшать къ нему чего-либо ложнаго и нечистаго. Попытаемся же въ нашихъ скорбяхъ, самыхъ чистыхъ и священныхъ, отыскать и вывести на свѣтъ этого потаеннаго врага, который точитъ и подкапываетъ ихъ,—и мы увидимъ тогда, что самыя лучшія изъ печалей должны быть умѣряемы и руководимы въ насъ лучшею изъ радостей.

Ничто такъ не любезно Богу въ христіанствѣ, какъ печаль или сокрушеніе о грѣхѣ. Можно даже сказать въ известномъ смыслѣ, что этого рода печаль не должна быть и ограничиваема. Ибо, если со стороны Бога безгранично милосердіе къ грѣшнику; то естественно, чтобы и со стороны человѣка грѣхъ вызывалъ безграничную печаль или сокрушеніе. Если истинно первое; то также должно быть непреложно и второе. Но мы, всегда слабые и немощные, не можемъ долгое время предаваться печали, какъ бы она ни была законна и справедлива, не можемъ черпать еѣ до дна, не губя себя нравственно и физически; наша душа должна изнемогнуть и истощиться прежде, чѣмъ успѣла бы исчерпать

и оплакать все злое, что кроется въ ней. Посему необходимо, пока печаль о грѣхѣ еще не сокрушила насъ въ конецъ,—если только печаль этого рода можетъ когда-либо достигать въ насъ столь ужасающихъ размѣровъ,—необходимо, чтобъ радость пришла къ намъ на помощь, та именно радость, которую заповѣдуетъ и даруетъ намъ Евангеліе,—радость, столь же святая, какъ и та печаль,—освящающая насъ даже болѣе, чѣмъ она,—сильная также, какъ и печаль, породить въ насъ то спасительное раскаяніе, въ которомъ никогда не раскаиваются.

Но, увы! на самомъ дѣлѣ печаль о грѣхѣ не на столько сильна въ человѣкѣ, чтобы могла довести его когда-либо до могилы. Другаго рода печали убиваютъ насъ, но не эта. Но, во всякомъ случаѣ, не есть ли величайшее зло и несчастье уже и то, если эта печаль повергаетъ насъ въ страхъ и уныніе, питаетъ въ насъ отвращеніе и ненависть къ самимъ себѣ, и тѣмъ убиваетъ въ душѣ всякую энергію, всякую рѣшимость на добро?.. Апостолы въ тѣ часы, на вѣки благословенные, когда ихъ Учитель и Господь источалъ въ капляхъ пота Свою безцѣнную кровь, имѣвшую вскорѣ пролиться цѣлыми потоками на Голгоѣѣ,—Апостолы *уснули отъ печали*; и Господь, принимая съ покорностію агнца, ведомаго на закланіе, еще эту новую горечь въ чашу Своихъ скорбей и страданій, и безъ того невыразимо горькихъ, обращаетъ къ нимъ кроткое, полное любви и соболѣзнованія о нихъ слово упрека: «такъ ли вы и одного часа не могли пободрствовать со Мною?...» Не могли, потому что были печальны, потому что никакая радость, ни даже радость любви, не пришла въ эти минуты поддержать ихъ утомленные члены, вдохнуть свѣтъ и силу въ ихъ души, омраченные и обезсиленные печалью. Какого рода была ихъ печаль?

Была ль это печаль раскаянія? Сокрушались ли они о томъ, что въ нихъ слабо горѣлъ огонь ревности и любви къ Учителю, что въ этотъ рѣшительный часъ они не находили въ себѣ рѣшимости отдать за Него жизнь, что, вмѣсто безстрашья любви, обрѣтали въ себѣ страхъ себялюбія? Скорбѣли ли о томъ, что Ему предстояло вскорѣ вкусить смерть, и что не въ ихъ власти было отвратить или отдалить отъ Него этотъ часъ? Сожалѣли ли о своихъ несбывшихся надеждахъ, которыя, какъ имъ казалось, должны были навсегда рушиться и пасть съ Его смертію? Мы не знаемъ этого, и не желаемъ знать. Мы видимъ только, что печаль усыпила ихъ, и этого для насъ довольно. Мы знаемъ, что печаль всегда усыпляетъ, что она усыпляетъ душу также легко какъ и тѣло; знаемъ, что печаль о грѣхѣ можетъ имѣть тѣ же послѣдствія, что, рожденная грѣхомъ, она въ свою очередь можетъ также породить грѣхъ. Эта мысль тревожить насъ... Мы ищемъ средства къ излеченію души отъ недуга печали, и вотъ находимъ его въ словахъ Апостола. Мы не говоримъ вамъ: ограничивайте, умѣряйте вашу печаль; ибо какъ это сдѣлать? гдѣ провести границу? и какъ полагать границы тому, что по всей справедливости, слѣдуетъ не ограничивать? Нѣтъ, мы говоримъ съ Апостоломъ: препобѣждайте зло добромъ, т. е. перевозмогайте печаль радостію; радость—вотъ истинное врачество отъ печали; тщетно бы мы стали искать другаго; нужно въ минуту скорби и плача всегда обращаться мыслию и сердцемъ къ тому, что могло бы возбудить въ душѣ радость; всякой другой способъ утѣшенія не дѣйствителенъ, не ведетъ къ истинной радости!

Но мы еще не указали всей хитрости, какую способны таить въ себѣ сердце человѣческое въ минуты печали. Оно часто охотно защищаетъ или, по меньшей мѣрѣ, извиняетъ

свою печаль, какъ знакъ или залогъ смиренія. На самомъ дѣлѣ, печаль въ человѣкѣ не всегда бываетъ тѣмъ. Чтобы знать, какого рода наша печаль, для сего нужно проникнуть въ глубину ея, доискаться того, что породило ее въ насъ; нужно знать, о чемъ мы печалимся: о томъ ли, что прогнѣвиди Бога своими грѣхами, исказили въ себѣ Его образъ, опечалили Духа Св.; или о томъ, что ниспали съ высоты, на которой доселѣ считали себя твердо стоящими, повредили себѣ въ собственномъ мѣрии... Если мы найдемъ, что печаль въ насъ имѣетъ источникомъ это послѣднее чувство: то въ такомъ случаѣ она не есть истинная, христіанская печаль. Ибо мѣриломъ нашего достоинства и руководственнымъ началомъ нашей нравственной жизни, очевидно, не можетъ служить какая-либо идея нравственнаго совершенства, произвольно измышленная нами, или, лучше сказать, подсказанная намъ нашею же гордостію. У насъ одно мѣрило, одно руководящее начало въ жизни,—это воля Божія, ясно и положительно возвѣщенная въ Его святомъ законѣ, одинъ непогрѣшимый судія нашихъ дѣйствій—Богъ; одна цѣль и побужденіе на пути самоусовершенствованія—угожденіе Богу, уподобленіе Ему; посему, повергаться во прахъ нравственно предъ кѣмъ или предъ чѣмъ бы то ни было, кромѣ Бога,—то же самое, что носить и дѣлать въ своей душѣ идола.

О, гордость весьма хитрый и находчивый совѣтникъ! Она хочетъ видѣть насъ великими, во что бы то ни стало, и въ пользу нашего величія готова поступиться, если бы это было возможно, величіемъ Самого Бога. И какъ мы знаемъ, что грѣхъ не дѣлаетъ никого великимъ, то ищемъ нѣкотораго рода величія въ печали о грѣхѣ. Тотъ родъ величія, который бы вполне удовлетворялъ насъ, трудно обрѣсти на зем-

лѣ: ни богатство, ни почести, ни слава учености или таланта—не закрываютъ отъ взора нашего сознанія всей бѣдности и ограниченности нашего естества; часто испытавъ все это, мы опять остаемся наединѣ съ своими скорбями, и еще сильнѣе чувствуемъ свою духовную бѣдность и немощь. И вотъ тогда-то мы ищемъ возвысить себя въ собственныхъ глазахъ самыми тѣми скорбями, самымъ чувствомъ нашей бѣдности и немощи, пытаемся убѣдить себя, что по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи мы заслуживаемъ уваженія, и значимъ нѣчто. Подобнаго рода настроеніе мысли и чувства всегда служить самымъ вѣрнымъ средствомъ питать и лелѣять въ себѣ печаль, и самымъ сильнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы не спѣшить уврачеваніемъ себя отъ недуга печали. Если печаль иногда усыпляетъ человѣка, то не рѣдко также повергаетъ его въ состояніе самообольщенія и какъ бы нравственнаго опьяненія... Она занимаетъ насъ чувствомъ нашей собственной заслуги, питаетъ въ насъ самомятѣніе и гордость, погружаетъ въ созерцаніе самихъ себя,—и тѣмъ самымъ удаляетъ отъ насъ радость... Ибо отличительная черта радости христіанской, всего болѣе обличающая ея небесное происхожденіе и содѣлывающая её столь сладостною и плодотворною, столь непохожею на всѣ другія радости,—то, что, утѣшая насъ, она въ то же время и смиряетъ... Эта радость также погружаетъ насъ въ созерцаніе величія, но иного, чѣмъ наше собственное,—величія Божественной любви, которое чѣмъ болѣе мы созерцаемъ, тѣмъ болѣе являемся малыми въ собственныхъ глазахъ; мы чувствуемъ себя тогда счастливыми, что можемъ дивиться величію Того, Кто есть сама благодать,—что можемъ сознавать себя малыми и ничтожными предъ Нимъ, безконечно великимъ и благимъ; намъ отраднo смирять себя, повергаться въ прахъ предъ Его любовію; мы

радуемся, что самолюбіе уже не либѣтъ надъ нами прежней власти, что мы заняты болѣе мыслию о Богѣ, чѣмъ о себѣ самихъ; радуемся и благодаримъ Его, что можемъ наконецъ забыть о себѣ, чтобы всегда помнить объ Немъ!...

Есть другаго рода печали,—печали истинно-христіанскія,—излишку или чрезмѣрному развитію которыхъ мы также не должны довѣрять; лучше сказать, не должны довѣрять самимъ этимъ печалямъ или, покрайней мѣрѣ, тому, что можетъ примѣшаться къ нимъ, и часто дѣйствительно примѣшивается, ложнаго и нечистаго. .. Объяснимъ это.

Вы христіанинъ, и по силѣ своего христіанскаго званія, по духу живущихъ въ васъ Евангельскихъ началъ и внушеній,—не можете не болѣть мыслию и сердцемъ, когда усматриваете зло въ мірѣ. А можно ли не усмотрѣть его? Разлитое повсюду, оно не хочетъ знать никакихъ преградъ, гоголо, кажется, все захватить и унести съ собою.... Вы видите это, и не можете не скорбѣть и не соболѣзновать о томъ. Міръ явно и тайно враждуетъ противъ Евангелія; вражда эта постепенно усиливается, становится болѣе и болѣе ожесточенною; отъ словъ, наконецъ, переходитъ уже къ дѣйствіямъ. Дѣла самыя постыдныя и возмутительныя совершаются вокругъ васъ.... Вы видите это, и опять еще сильнѣе скорбите и соболѣзнуете о томъ. . . . Но все ли тутъ? Нѣтъ,—врагами христіанства являются даже сами христіане; своимъ постыднымъ поведеніемъ они подвергаютъ нареканію самую религію; ихъ споры и распри обращаютъ ее въ зрѣлище соблазна, въ предметъ насмѣшекъ и поруганій; мудрость Креста выдаютъ они за безуміе, а собственнымъ безуміемъ кичатся, какъ мудростію... Вы видите все это, и вашей скорби не предвидится конца. . . . Ибо зло беретъ здѣсь начало изъ того, что должно бы служить врачествомъ про-

тивъ всѣхъ золъ; скорбь струится изъ самыхъ источниковъ утѣшенія.

Печаль, безъ сомнѣнія, самая законная и священная въ христіанствѣ! И тотъ крайне достойнъ сожалѣнія, кого плачевное зрѣлище этихъ золъ, убивающихъ челоѣчество, не потрясаетъ до глубины сердца!... Но надобно и здѣсь имѣть осторожность, надобно зорко слѣдить за развитіемъ этой печали; ибо врагъ не дремлетъ; едва только она зародилась въ насъ, онъ уже спѣшитъ отравить и возмутить ее въ самомъ источникѣ ея... Надобно знать, чѣмъ растворены ваши слезы? Скорбію, или гнѣвомъ? Надобно знать, что заставляеть васъ проливать слезы?... Опасность ли, угрожающая истинѣ, или раны, наносимыя вашему самолюбію?.... Какимъ взоромъ смотрите вы на тѣхъ, кто оскорбляетъ васъ? Взоромъ состраданія, или ненависти?... О, развѣ вы не видите, какъ легко эти нечистые образы, носящіеся предъ вами, могутъ опрачить чистое око вашего сердца, какъ легко они могутъ сообщить вамъ часть того самаго зла, которое вы оплакиваете!... Но допустимъ, что зло, которое въ васъ, отлично отъ того, что внѣ васъ: во всякомъ случаѣ оно—зло, и зло равносильное тому. Ибо, есть ли что пагубнѣе гордости и преступнѣе ненависти?...

Но, скажутъ, если печаль можетъ такъ разрушительно вліять на жизнь души: для чего же она возложена на насъ, и даже внушается и заповѣдуются Евангелиемъ?—Для чего? чтобы вести насъ къ радости, къ которой она есть единственный путь.... «Блаженны плачущіе, говоритъ Спаситель, ибо они будутъ утѣшены»; отсюда видно, что блаженство пріобрѣтается только цѣною слезъ, и что истинное счастье состоитъ не въ томъ, чтобы не плакать, но въ томъ, чтобы быть утѣшеннымъ; равно какъ и истинное несчастье состоитъ

не въ томъ, когда льются слезы, но въ томъ, когда нѣтъ утѣшенія... А послѣ сего, можно ли сомнѣваться, что это утѣшеніе есть превосходнѣйшее изъ всѣхъ, что оно есть сама радость и притомъ совершеннѣйшая изъ радостей? Какъ сомнѣваться, что оно есть наше истинное благо, и заключаетъ въ себѣ все, что только заслуживаетъ имени блага? Какъ сомнѣваться, что оно должно быть искомою цѣлю и основнымъ началомъ нашего существованія на землѣ, и что, если христіанство предоставляетъ печали мгновенія нашей жизни, то во владѣніе радости отдаетъ самую жизнь? Все это ясно вытекаетъ не только изъ словъ Спасителя, но и изъ самаго существа радости, принесенной Имъ на землю. Ибо эта радость есть радость прощенія и любви, даруемыхъ отъ Бога человѣку грѣшнику; радоваться, въ смыслѣ христіанскомъ, — значить видѣть и чувствовать, что мы на вѣки соединены съ Источникомъ жизни и радости,—видѣть и чувствовать себя свободными вмѣстѣ и отъ узъ смерти, и отъ цѣпей грѣха; радоваться, въ смыслѣ христіанскомъ,—значить ощущать въ себѣ присутствіе мира и святости, любить Бога и въ Немъ обнимать любовію весь міръ, называть сладостнымъ и дерзновеннымъ именованъ отца—Того, Котораго не вмѣщаютъ небеса, Кто Самъ сказалъ о Себѣ, и въ Своемъ словѣ и въ путяхъ Своего промысленія о мірѣ, что Онъ есть огонь подающій, и что никто изъ людей не можетъ устоять предъ лицемъ Его; радоваться, въ смыслѣ христіанскомъ,—значить твердо вѣрить, что ничто не можетъ насъ исхитить изъ рукъ Божіихъ, разлучить съ Нимъ, что, хотя бы весь міръ рушился, небеса возгорѣлись и прошли съ шумомъ, хотя бы все вострепетало предъ Нимъ въ страхъ и ужасъ, Его благость пребудетъ съ нами вѣчно!

Она пребудетъ съ нами вѣчно, а наша радость не пребудетъ

въ насъ! А мы не всегда будемъ радоваться! Возможно ли это? Неужели же за эту благодать, никогда не оскудѣвающую, но всегда преизбыточествующую, мы должны воздавать Тому, Кто даруетъ ее намъ, только минутную признательность, а въ цѣлой жизни являть неблагодарность! Ибо на самомъ дѣлѣ признательность возможна ли безъ радости, а печаль въ сущности не то же ли, что неблагодарность?.. Мы не говоримъ, что радость должна сіять въ христіанинѣ точно такъ же, какъ сіяетъ солнце на ясношъ, безоблачношъ небѣ... Мы допускаемъ, что вліяніе темперамента, различныя обстоятельства жизни, теченіе самой жизни, могутъ на время ослаблять или затмѣвать въ насъ блескъ радости; но мы не можемъ допустить, чтобы все это могло когда-либо совсѣмъ погасить или уничтожить радость въ душѣ истинно-вѣрующаго; ибо вѣра можетъ еще жить въ человѣкѣ и не быть въ то же время восторженною и пламенною; но вѣра безъ радости не есть вѣра; лишенная этого характера, она вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ все, что есть въ ней самаго живаго и плодотворнаго... Представьте себѣ, если можете, вѣрующаго съ сердцемъ убитымъ скорбію, съ душою полною мрака и унынія, который бы такъ говорилъ въ себѣ: «Господь и Спаситель мой! Ты восторжествовалъ надъ врагами души моей; цѣною Своей крови, пролитой за меня, Ты искупилъ меня отъ владычества тьмы; Ты открылъ мнѣ доступъ въ обитель свѣта и радости; Ты примирилъ меня съ Отцемъ, съ цѣлымъ міромъ, со мною самимъ; Ты уготовалъ мнѣ на небесахъ жизнь, полную вѣчныхъ, нескончаемыхъ утѣхъ; Ты даровалъ мнѣ здѣсь, на землѣ, безчисленные залогов Своего милосердія, увѣряющіе меня несомнѣнно въ моемъ спасеніи... Я вѣрую въ Тебя, Господи, надѣюсь и уповаю на Тебя, стремлюсь къ Тебѣ всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ

помышленіемъ! Нс, увы! я не могу веселиться тѣмъ, что Ты сдѣлалъ и приготовилъ для меня... Моя радость безсильна противостоятъ натиску скорбей и печалей этой жизни; онѣ гнетутъ меня и не даютъ возрадоваться о Тебѣ. Тщетно ищу я во глубинѣ своего сердца хотя искру радости; я не нахожу тамъ ничего, кромѣ мрака, скорби, унынія».....

Подобное противорѣчіе въ мысляхъ и чувствахъ, казалось бы, дѣло невозможное и немислимое въ существѣ разумно-нравственномъ, каковъ человѣкъ. Но, еслибы оно было невозможно, что значили бы тогда всѣ эти побужденія къ радости, предлагаемыя въ Евангеліи?.. Нѣтъ, по истинѣ, можно вѣрить, и въ то же время не находить въ себѣ радости, къ какой способна истинная вѣра; можно, если не оберегать въ себѣ тщательно сокровища радости, дойти мало-по-малу до того, что печали міра сего, и даже печали въ своемъ началѣ христіанскія, наконецъ совсѣмъ вытѣснятъ изъ нашего сердца радость; ибо тяжестію нашего плотскаго человѣка, то самолюбія и гордости мы непрестанно влечемся во мракъ печали; посему необходимо, чтобы наша вѣра, зачинающаяся, какъ бы въ убогой колыбели, въ чувствахъ нашего сокрушенія о своихъ грѣхахъ и немощахъ, привитала здѣсь не болѣе, какъ сколько нужно для того, чтобы она могла съ большею силою воспарять къ Тому, Кто есть Начальникъ и Совершитель вѣры. Даже въ видахъ благочестиваго смиренія не слѣдуетъ христіанину слишкомъ долго оставаться наединѣ съ собою, слишкомъ углубляться внутрь себя... Ибо не чрезъ созерцаніе себя самого, но чрезъ созерцаніе Христа онъ только можетъ содѣлаться подобнымъ Христу. Только въ Немъ, вѣчномъ солнцѣ правды, источающемъ въ своихъ лучахъ святость и жизнь, можетъ онъ обрѣсти вѣрность, и силу, и спасеніе! Итакъ, устремляйте чаще вашъ умъ и сердце ко Христу, вы, называющіеся

учениками и послѣдователями Его! Противупоставляйте всѣмъ печалямъ вашей природы, всѣмъ скорбямъ души, всѣмъ тревогамъ совѣсти неизъяснимую красоту Его Божественныхъ совершенствъ; старайтесь на все смотрѣть сквозь лучи этой небесной красоты. Созерцайте (и пусть это созерцаніе обратится въ привычное занятіе вашей мысли) Его милосердіе, обрѣтшее васъ въ безднѣ грѣха и возведшее къ общенію и тѣснѣйшему единенію съ Собой,—Его вѣрность, увѣряющую васъ въ непреложности Его обѣтованій, въ неизмѣнности Его любви,—Его безконечное могущество, всегда сподѣшествоующее и содѣйствующее Его безконечной благодати, Его вѣчность, открывающую безграничное поприще всѣмъ предначертаніямъ Его милосердія, всѣмъ проявленіямъ Его вѣрности и могущества! Словомъ, живите въ непрерывномъ общеніи съ мыслию о Богѣ, Который есть источникъ радости; и вы убѣдитесь тогда, что мысль объ Немъ есть уже блаженство, что созерцать Его—то же, что быть всегда съ Нимъ, имѣть Его въ себѣ; и что даже на небѣ тотъ блаженіе и ближе къ Нему, кто способенъ созерцать Его... Поступайте такъ, не ищите въ словахъ Апостола о постоянной радости чего-либо иносказательнаго и загадочнаго; поймите ихъ въ ихъ простомъ, буквальный смыслѣ: сдѣлайте радость вашею первою, непремѣнною обязанностію, обязанностію цѣлой жизни,—и тогда вѣра, признательность и повиновеніе не оскудѣютъ въ васъ; ибо на стражѣ ихъ будетъ стоять всегда радость.... Всегда радуйтесь, и всегда будете въ Богѣ, и Богъ пребудетъ въ васъ!

Свящ. Н. Протопоповъ.

ВИШЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРЕПОДАВАНІИ СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ.

Преподаваніе словесности въ низшемъ отдѣленіи семинаріи составляетъ весьма важный пунктъ во всемъ духовномъ образованіи. Здѣсь именно, послѣ болѣе или менѣе механическаго заучиванія воспитанниками училищныхъ уроковъ изъ разныхъ грамматикъ и исторій, полагается начало развитія ихъ мыслительной способности чрезъ чтеніе книгъ и упражненіе въ собственныхъ сочиненіяхъ; здѣсь они научаются тѣмъ приемамъ въ сочинительствѣ, которые сохраняютъ и въ послѣдствіи, когда сами сдѣлаются наставниками; здѣсь слѣдовательно начинается выработываться *духовный стиль*, какъ та определенная фizioномія духовнаго ученаго и писателя, которая весьма рѣзко выражается во всякаго рода его умственной дѣятельности—станетъ ли онъ писать проповѣдь, разсужденіе, систему науки, или просто поведетъ ушную и назидательную рѣчь въ обществѣ. Нельзя поэтому не сожалѣть, что преподаваніе такого важнаго по своему вліянію на общее образованіе предмета существуетъ во

многихъ нашихъ семинаріяхъ въ такомъ непривлекательномъ видѣ, въ какомъ оно представлено въ статьѣ г. Варнина, помѣщенной въ Православномъ Обозрѣніи. Значить, не смотря на разныя преобразованія, мы идемъ все еще по старому, избитому и всѣми оставленному пути; не смотря на то, что мы уже перестали учить и читать лекціи на латинскомъ языкѣ, все еще находимся подъ вліяніемъ латинской литературы, потому что учимъ сочинять по тѣмъ руководствамъ, которыя переведены или передѣланы съ латинскаго языка и составлены по сочиненіямъ Цицерона и Квинтиліана, въ эпоху такъ-называемаго классицизма, когда рабское подражаніе древнимъ, особенно латинскимъ писателямъ, было поставлено высшимъ закономъ для литературы, и выразилось въ усвоеніи не духа этихъ писателей, котораго, разумѣется, усвоить было нельзя, но однихъ внѣшнихъ формъ, служившихъ только къ стѣпенію свободы писателей. Печальное наслѣдіе именно этой псевдо-классической школы составляютъ тѣ руководства и метода при преподаваніи словесности, которыя такъ рельефно изображены въ статьѣ г. Варнина, и отличительный характеръ которыхъ составляетъ то, что въ нихъ на виду стоятъ только формы и формы, а не мысль и содержаніе, не внутренняя характеристика, отличающая одинъ родъ словесныхъ произведеній отъ другаго, но перечисленіе ихъ наружныхъ примѣтъ—большаго или меньшаго числа частей, изъ коихъ состоитъ сочиненіе, если оно прозаическое, того или другаго стихотворнаго размѣра, если оно поэтическое, или пишется стихами.

Но еще болѣе достойно сожалѣнія, что на такомъ изученіи словесныхъ формъ и останавливается преподаваніе словесности въ семинаріяхъ, а дальше неидетъ. Но что же нужно еще, когда воспитанникъ познакомится со всѣми

общими и частными формами поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій? Какъ что? Да развѣ словесность и состоитъ только изъ этихъ формъ? Мы разумѣемъ подъ словесностью совокупность разныхъ словесныхъ произведеній, какъ подъ живописью разумѣемъ разныя произведенія живописныя, а не ученіе о краскахъ, линіяхъ, формахъ, перспективѣ и проч., что составляетъ технику этого искусства. Реторическое ученіе о разныхъ формахъ словесныхъ составляетъ такую же низшую техническую сторону словесности и, само собою разумѣется, въ высшей степени недостаточно ни для того, чтобы хорошо познакомиться съ произведеніями словесности, ни еще менѣе для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ писателемъ, какъ чрезъ одно изученіе упомянутой техники живописи нельзя ни изучить этого искусства, ни сдѣлаться настоящимъ живописцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего при знаніи реторическихъ формъ воспитанники не способны бываютъ отличить хорошее произведеніе отъ плохаго? отъ чего сочиненіе, написанное по всѣмъ правиламъ реторики, выходитъ плохо и не нравится? Значить, кромѣ формы, внѣшней стороны, у словесныхъ произведеній есть еще сторона внутренняя; значить, законы и условія художественности этой внутренней стороны, начала истиннаго вкуса и правильной критики и нужно изучать, чтобы правильно понимать и оцѣнивать литературныя произведенія, и развить въ себѣ способность писать. Само собою разумѣется, что этого достигнуть можно не теоретическимъ только изученіемъ законовъ вкуса и критики, но вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущественно практическимъ изученіемъ самыхъ словесныхъ произведеній. Способность различать хорошее отъ дурнаго въ произведеніяхъ искусствъ и литературы не даромъ называется вкусомъ: она имѣетъ большое сходство

со вкусомъ физическимъ. Извѣстно, какъ развивается этотъ вкусъ. Вкусъ въ произведеніяхъ литературы тѣмъ правильнѣе и совершеннѣе становится, чѣмъ чаще и внимательнѣе будутъ изучаемы лучшія произведенія. Конечно, въ реторикахъ представляются же образцы или примѣры всѣхъ формъ словесныхъ произведеній изъ сочиненій образцовыхъ писателей; но кто не знаетъ, что эти примѣры или образцы— просто отрывки (кромѣ мелкихъ лирическихъ произведеній) безъ начала и конца, представленные большею частію безъ всякаго объясненія и связи съ цѣлымъ, отрывки до того краткіе, что не могутъ ни объяснять правила, для чего они и приводятся, ни давать воспитаннику понятіе о самыхъ сочиненіяхъ, изъ коихъ они заимствуются. Неужели же знакомство съ литературными произведеніями въ такихъ *гомеопатическихъ приемахъ* можетъ вести воспитанниковъ къ той цѣли, на какую мы указали выше, къ изученію законовъ вкуса и критики, и условій художественности въ литературныхъ произведеніяхъ? Нѣтъ; къ этой цѣли можетъ привести только критическое изученіе цѣлыхъ литературныхъ произведеній, въ связи ихъ между собою и въ послѣдовательности исторической.

Такимъ образомъ къ реторическому ученію о словесныхъ формахъ въ духовныхъ семинаріяхъ представляется необходимымъ присоединить ученіе о законахъ вкуса и критики, и условій художественности въ литературныхъ произведеніяхъ, и исторію самыхъ литературныхъ произведеній или исторію литературы, по крайней мѣрѣ главныхъ эпохъ ея у разныхъ народовъ и ихъ лучшихъ произведеній. Само собою разумѣется, что особенное вниманіе надобно обращать на исторію русской литературы, изъ которой сообщаются воспитанникамъ семинаріи только такіе же отрывки, о ко-

торыхъ мы сказали выше. Тогда какъ повсюду въ настоящее время съ усиленною заботливостію стараются спасти отъ утраты, привести въ извѣстность и изучать всѣ памятники отечественной литературы, въ какомъ бы видѣ они ни являлись, мы одни остаемся къ этому равнодушны и безучастны, какъ къ дѣлу, для насъ совершенно чуждому. Въ семинаріяхъ нашихъ еще до сихъ поръ не начинали знакомить воспитанниковъ даже съ памятниками древней нашей литературы, не смотря на то, что эта литература, образовавшаяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ нашей церкви, носить на себѣ характеръ церковный, на половину даже состоитъ изъ церковныхъ произведеній, и слѣдовательно должна бы по преимуществу быть изучаема духовными воспитанниками. Этою литературой жилъ весь нашъ народъ въ древній періодъ, и подъ вліяніемъ ея сложился его религіозно-церковный характеръ; отрывки этой литературы (разумѣется искаженные) еще до сихъ поръ сохраняются въ простомъ народѣ (особенно у раскольниковъ), и послужили основой тѣхъ, часто въ высшей степени безобразныхъ, легендъ и стиховъ, которые такъ распространены въ немъ, и которымъ онъ вѣритъ иногда гораздо болѣе, чѣмъ печатной книгѣ. Какъ же не знакомить съ этою литературой духовнаго воспитанника, готовящагося быть учителемъ и воспитателемъ народа? Намъ приходилось слышать, какъ ученики гимназій навзусь могли читать лучшія классическія мѣста изъ лѣтописи Нестора, путешествія игумена Давида, поученія Владиміра Мономаха и другихъ памятниковъ духовной литературы, и при этомъ съ грустью припоминать, какъ воспитанники семинарій не могли сказать иногда ни слова объ этихъ произведеніяхъ, часто не знали имени ихъ, даже не могли

объяснить, откуда и когда явилась у насъ грамотность, и кто былъ изобрѣтателемъ нашей азбуки?

Можетъ при этомъ представиться, что для преподаванія словесности въ такомъ объемѣ не достанетъ времени, положеннаго въ семинаріяхъ для этого предмета. Но неужели въ теченіи двухъ лѣтъ наставники могутъ читать одну и ту же реторику, употребляя для этого по пяти классовъ въ недѣлю и по два часа въ каждый классъ, какъ положено правилами? Мы знаемъ, что бѣдшая половина этого времени уходитъ на задачи (по 4 въ каждый мѣсяцъ),—у воспитанниковъ на сочиненіе, у наставниковъ на чтеніе ихъ. Въ статьѣ г. Варнина подробно объяснено, какого рода даются задачи, какъ онѣ сочиняются, и каковы бываютъ по достоинству. Задачи даются большею частію о предметахъ общихъ и отвлеченныхъ; воспитанники, въ свою очередь, отъ общихъ вопросовъ отдѣляются также общими мыслями, собирая ихъ изъ разныхъ книгъ, которыя для этого у нихъ всегда находятся подъ руками; результатъ такого упражненія въ сочинительствѣ выходитъ тотъ, что воспитанники приучаются къ одной формѣ писанія, безъ предмета и содержанія, приучаются писать обо всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ предметахъ. Не лучше ли было бы, если бы, сокративъ указанное число задачъ и положивъ по одной, или много по двѣ задачи въ мѣсяцъ (этого, кажется, достаточно для того, чтобы научить воспитанниковъ сочинять, чему они будутъ учиться и въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ, потому что и тамъ также будутъ писать задачи), вмѣсто ихъ, въ остальное время, заставляя воспитанниковъ читать по выбору лучшія литературныя сочиненія? Пусть выбранное наставникомъ сочиненіе воспитанники вечеромъ дома прочитаютъ, а на другой день наставникъ вмѣстѣ съ ними въ классѣ подвергнетъ его критическому разбо

ру, укажетъ лучшія въ немъ, классическія мѣста, особенно замѣчательныя въ томъ или другомъ отношеніи, выставитъ его совершенства и недостатки, и, разсмотрѣвъ такинъ образомъ сочиненіе, выведетъ изъ него тѣ или другія правила, могущія служить для воспитанниковъ руководствомъ при ихъ сочиненіяхъ. Такой разборъ литературныхъ произведеній, смѣемъ думать, будетъ гораздо полезнѣе частыхъ задачъ о какихъ бы то ни было предметахъ. Воспитанники при этомъ будутъ запасаться дѣльными мыслями, развивать и постепенно устанавливать свой взглядъ на разные предметы, и въ то же время видѣть постоянно предъ собою образцы разныхъ литературныхъ формъ и слога. Безспорно, что частыя задачи сообщаютъ нашимъ воспитанникамъ ту умственную выправку, какою они отличаются предъ воспитанниками другихъ заведеній, и служатъ причиною того, что *семинаристы*, какъ говорятъ посторонніе, пишутъ хотя сухо, тяжело и однообразно, по всегда правильно и отчетливо; но, принося эту несомнѣнную пользу для развитія логической способности воспитанниковъ, онѣ въ то же время сопровождаются большимъ вредомъ для общаго ихъ образованія, при изученіи разныхъ наукъ не только въ семинаріяхъ, но и въ академіяхъ; потому что на нихъ употребляется воспитанниками гораздо больше половины всего учебнаго времени. Воспитанникъ знаетъ, что задачи цѣнятся выше всѣхъ прочихъ его занятій по наукамъ, что не этими занятіями, а достоинствомъ задачъ главнымъ образомъ опредѣляется его мѣсто въ спискѣ *частномъ и окончательномъ*, по которому онъ въ послѣдствіи получаетъ мѣсто и въ самой жизни, или должность; и потому, естественно, сочиняя задачу, онъ сосредоточиваетъ на ней все свое вниманіе; онъ ничего въ это время не читаетъ, кромѣ того, что можетъ относиться къ предмету

задачи, и въ каждой книгѣ ищетъ отвѣта на данный вопросъ; кромѣ задачи онъ ничѣмъ другимъ не занятъ, и гдѣ бы онъ ни былъ—дома, на прогулкѣ, онъ все думаетъ объ ней; даже въ классѣ часто онъ не лекцію слушаетъ, но или читаетъ какую-нибудь книгу для уясненія данной темы, или просто обдумываетъ ее подъ говоръ профессора и, разумѣется, не слушаетъ лекціи, иногда даже намѣренно затыкаетъ уши, если профессоръ говоритъ слишкомъ громко и мѣшаетъ ему обдумывать.... Кончивъ одну задачу, онъ долженъ приниматься за другую, послѣ другой за третью и т. д. въ продолженіи всего *учебнаго курса* (*). Такимъ образомъ занятый постоянно задачами, воспитанникъ не имѣетъ времени обогащать себя познаніями чрезъ чтеніе книгъ, и не обращаетъ должнаго вниманія на лекціи наставниковъ. Конечно, въ задачахъ могутъ быть рѣшаемы важные вопросы, но и самое основательное рѣшеніе нѣсколькихъ важныхъ вопросовъ не замѣнитъ послѣдовательнаго изученія той или другой науки по лекціямъ наставника, которыя при задачахъ отодвигаются на задній планъ, а иногда (особенно по нѣкоторымъ наукамъ) совсѣмъ оставляются. Выкупаются ли этотъ вредъ отъ постоянныхъ задачъ тою пользою, какую онъ приносятъ? *Писаніе задачъ*, замѣтили мы, сообщаетъ воспитаннику семинаріи умышленную выправку, приучаетъ его къ рѣшенію разныхъ, иногда трудныхъ, спорныхъ вопросовъ; изъ него выходитъ вышколенный боецъ, какой выходитъ изъ воина, котораго постоянно учили военнымъ маршамъ и артикулу, но который кромѣ этого ничего другаго не знаетъ, и можетъ дѣй-

(*) Между задачами бываютъ промежутки; но воспитанникъ, желая написать задачу какъ можно лучше, не подаетъ ее въ срокъ, но употребляетъ на нее и то промежуточное время, которое дается ему для другихъ занятій.

ствовать только при знакомой ему обстановкѣ, по переи́нѣ которой онъ оказывается неспособенъ держаться въ своей позиціи. Такой же ратоборецъ выходитъ и изъ воспитанника семинаріи, котораго постоянно чрезъ писаніе задачъ учили разнымъ примѣрнымъ ученымъ сраженіямъ съ извѣстными идеями, противниками и заблужденіями. Онъ оказывается иногда безотвѣтнымъ, когда въ жизни ему встрѣтится дѣйствительный противникъ, когда на самомъ дѣлѣ придется ему бороться съ разными религіозными и нравственными заблужденіями. Тяжелые, правильные приемы, по которымъ онъ рѣшалъ спорные вопросы въ задачахъ, оказываются здѣсь неудобными, да и вопросы-то ему даются здѣсь новые, которые касаются не давно опровергнутыхъ ересей и заблужденій, но предметовъ новыхъ и часто неизвѣстныхъ.

Это мы говорили для того, чтобы показать, что частыя задачи въ нашихъ заведеніяхъ, особенно въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, гдѣ преподается словесность, отнимаютъ слишкомъ много времени, и что, сокративъ число задачъ, можно было бы знакомить воспитанниковъ въ извѣстномъ объемѣ съ исторіею литературы, особенно русской. Но если бы и при этомъ оказалось все-таки мало времени для такого преподаванія словесности, то почему же не распространить этого преподаванія и на слѣдующее среднее отдѣленіе семинаріи (*) (опредѣливъ для этого часа по два въ недѣлю), тѣмъ болѣе, что въ низшемъ отдѣленіи воспитанники еще очень молоды, и не все могутъ усвоить себѣ сознательно?—Отсутствіе литературныхъ свѣдѣній составляетъ весьма важный недоста-

(*) Мысль, на которую мы считаемъ важнымъ обратить особенное вниманіе тѣхъ изъ читателей, которые заинтересованы такъ или иначе относительно вопроса о преобразованіи духовныхъ училищъ. Ред.

токъ въ нашемъ образованіи и должно быть поставлено въ ряду тѣхъ причинъ, по которымъ это образованіе всѣмъ кажется слишкомъ сухимъ и отвлеченнымъ. Въ семинаріяхъ нашихъ, отъ самаго начала ихъ основанія, отвлеченный элементъ всегда имѣлъ перевѣсъ надъ всякимъ другимъ знаніемъ — историческимъ, математическимъ, естественнымъ и проч. Очень понятно поэтому, что преобладаніе отвлеченнаго элемента въ духовномъ образованіи всегда рѣзко отражалось на нашихъ воспитанникахъ. Неоспоримо, что такое образованіе помогало развитію воспитанниковъ, но въ то же время оно слишкомъ уже высоко поднимало ихъ надъ жизнью и дѣйствительностію, такъ что она совсѣмъ уходила изъ глазъ ихъ. Оно пріучало ихъ жить преимущественно въ сферѣ отвлеченныхъ мыслей и вопросовъ, рѣшать даже дѣятельные вопросы жизни съ точки зрѣнія отвлеченной, — и потому нисколько не удивительно, если они, по выходѣ изъ школы, будучи поставлены лицомъ къ лицу съ жизнью, часто не въ состояніи были удовлетворить самыхъ скромныхъ ея запросамъ, не могли объяснить иногда крестьянину самыхъ простыхъ окружающихъ его явленій. Въ настоящее время, сами воспитатели въ нашихъ заведеніяхъ сознаютъ эту сухость и односторонность нашего образованія, хотятъ оживить его и сблизить съ жизнью. Но что бы ни оказалось нужнымъ сдѣлать для этого сближенія, мы увѣрены, что при этомъ не можетъ быть пропущено существенно необходимое, посредствующее звено между наукой и жизнью, между отвлеченіемъ и дѣйствительностію, — разумѣемъ литературу, которая занимаетъ между ними именно это среднее мѣсто. Литература соприкасается съ одной стороны съ наукой, съ другой — съ жизнью дѣйствительною; она всегда была посредницей между наукой и жизнью и, тѣсно

связывая ихъ между собою, служила той и другой. Идеи философіи, свѣдѣнія по разнымъ наукамъ, въ чистомъ своемъ видѣ доступны только для ученаго меньшинства, путемъ литературныхъ произведеній переходили въ народныя массы и сливались съ ихъ жизнію; съ другой стороны, всѣ разнообразныя явленія жизни изображаются въ литературѣ, и доставляютъ наукѣ богатый, болѣе или менѣе очищенный, матеріалъ для ея выводовъ. А въ этомъ именно и состоитъ правильное отношеніе между наукой и жизнію, когда выработанныя наукою начала и идеи сближаются съ жизнію, а сама жизнь возводится къ началамъ и идеямъ науки.

При такомъ значеніи литературы, какъ необходимаго посредствующаго органа между наукой и жизнію, знакомство съ нею должно входить существенно въ составъ образованія духовныхъ воспитанниковъ, тѣмъ болѣе, что они приготовляются въ священники, слѣдовательно воспитываются не для себя, или своего болѣе или менѣе замкнутаго круга, но для общества, для жизни. Священникъ долженъ быть не совершителемъ только службъ и требъ духовныхъ, но и учителемъ, воспитателемъ и духовнымъ врачомъ народа. Но можно ли учить народъ, не зная его характера и потребностей? Можно ли быть врачомъ его, не зная его природы? А известно, что литература составляетъ весьма важное пособіе при изученіи природы человѣка и жизни народа. Изображая природу и жизнь человѣка, она старается уяснить ея хорошія и дурныя стороны, выставить причины, побужденія и цѣли, отъ которыхъ зависятъ ея явленія, — и жизнь народа или общества, освѣщенная ея разумнымъ анализомъ, представляется болѣе понятною, чѣмъ какой она кажется при простомъ непосредственномъ наблюденіи. Но выражая и объясняя жизнь общества, литература въ то же

время служить воспитательницей общества: лучшія ея произведения, въ которыхъ глубоко поняты и вѣрно изображены или вообще свойства природы человѣка, или характеръ и потребности народной жизни, становятся предметомъ общаго изученія, входятъ въ составъ воспитанія дѣтей, дѣлаются настоятельными книгами въ обществѣ. Какъ же священнику, обязанному слѣдить за воспитаніемъ народа, не знать такого могущественнаго дѣятеля въ народной жизни, подъ вліяніемъ котораго слагается его характеръ и направленіе, и который стремится равно къ воспитанію и развитію народа, и слѣдовательно можетъ быть помощникомъ ему или противникомъ, смотря по тому, какъ они будутъ дѣйствовать, согласно или несогласно между собою? — При этомъ мы не опускаемъ изъ виду того, что въ массѣ литературныхъ произведеній встрѣчаются произведенія съ ложнымъ направленіемъ, что въ самыхъ хорошихъ произведеніяхъ иногда изображаются сцены, могущія оскорблять нравственное чувство, что, наконецъ, молодые воспитанники могутъ соблазняться и увлекаться. Потому-то и нужно знакомить воспитанниковъ съ произведеніями литературы въ школѣ, подъ руководствомъ наставниковъ, умѣющихъ дѣлать выборъ между произведеніями, разбирать ихъ критически, и указывать настоящее ихъ значеніе, а не оставлять воспитанниковъ самихъ читать безъ разбору все, что имъ ни попадается, читать безъ критики, безъ объясненій, читать и увлекаться; потому-то и надобно давать воспитанникамъ основательное образованіе, развивать въ нихъ критическую способность — различать истинное отъ ложнаго, хорошее отъ худаго, что они будутъ встрѣчаться съ такими ложными сочиненіями въ самой жизни. Эти произведенія и нужно будетъ знать священнику, чтобы, по возможности, уничтожить ихъ вредное

вліяніе на народъ. Что касается до того, что въ литературныхъ произведеніяхъ встрѣчаются явленія, могущія оскорбить нравственное чувство, то подобныя явленія еще чаще встрѣчаются въ самой жизни, изъ которой онѣ взяты. Намъ кажется, не слѣдуетъ усиленно стараться скрывать отъ духовнаго воспитанника разныя заблужденія и болѣзни нравственныя, тѣмъ болѣе, что онъ готовится быть духовнымъ врачомъ народа; врачъ и готовящійся быть врачомъ не бѣгаетъ болѣзней, онъ даже ищетъ ихъ, чтобы, изучивъ ихъ, успѣшнѣе дѣйствовать противъ нихъ, и въ случаѣ заразныхъ болѣзней, старается узнать и противоядіе.

Само собою разумѣется, что преимущественно надобно знакомить воспитанниковъ съ современными произведеніями и притомъ отечественной литературы; но необходимо также изучать лучшія произведенія прежняго времени и произведенія иностранныхъ литературъ. Современная литература имѣетъ тѣсную связь съ прежнею литературой, произведенія и дѣятели которой воспитали и воспитываютъ современныхъ дѣятелей, и слѣдовательно имѣютъ вліяніе на современные произведенія. Отечественная литература всегда развивалась и развивается подъ сильнымъ вліяніемъ литературъ иностранныхъ, лучшія произведенія коихъ, на ряду съ произведеніями отечественными, постоянно читаются и изучаются и въ школахъ, и въ обществѣ, и слѣдовательно имѣютъ вліяніе на воспитаніе, на общество и на самую литературу. Очевидно, что изучать литературныя произведенія, образующіяся въ такой тѣсной связи между собою, нужно исторически, въ исторіи литературы, а не въ тѣхъ безсвязныхъ, ничтожныхъ отрывкахъ, въ какихъ онѣ, какъ примѣры, приводятся въ учебникахъ словесности.

Наконецъ, не можемъ еще не упомянуть о томъ стран-

номъ предубѣжденіи, съ какими въ иныхъ семинаріяхъ у насъ смотрятъ на литературу, представляя се сплетеніемъ лжи и обмана, порожденіемъ празднаго воображенія людей недобросовѣстныхъ, и потому знакомство съ нею считаютъ дѣломъ не только бесполезнымъ, но и вреднымъ, и неблаго-склонно смотрятъ на читающихъ литературныя произведенія. Противъ такихъ предубѣжденій что сказать? — Онѣ произошли отъ совершеннаго непониманія литературы, о которой судятъ иногда по нѣкоторымъ дурнымъ произведеніямъ, и незнанію ея лучшими ея произведеніями, и слѣдовательно могутъ уничтожиться только тогда, когда мы будемъ знакомиться съ такими произведеніями. А что знакомиться съ ними не вредно, не бесполезно и даже пужно, въ этомъ пусть послужитъ для насъ порукою авторитетъ тѣхъ великихъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства, которыхъ мы поставляемъ для себя образцами. Современная имъ литература была языческая, и часто враждебно дѣйствовала противъ церкви; но они не уклонялись отъ этого врага, напротивъ, шли прямо къ нему, старались узнать его, чтобъ успѣшно бороться съ нимъ. Сознывая, что правильное изученіе древней языческой мудрости можетъ быть даже весьма полезно для христіанскаго образованія, они внимательно изучали произведенія языческихъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ, и не только не скрывали ихъ отъ современнаго христіанскаго юношества, но даже сами совѣтовали ему изучать ихъ. Извѣстна бесѣда св. Василя Великаго къ современному юношеству о томъ, какъ должно пользоваться языческими сочиненіями. «Посвятить себя предварительному изученію сихъ внѣшнихъ писателей, говоритъ онъ между прочимъ въ этой бесѣдѣ, потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки, и какъ бы привыкнувъ смо-

трѣтъ на солнце въ водѣ, обратитъ наконецъ взоры къ самому свѣту. Ежели между ученіями есть какое взаимное сродство, то познаніе ихъ будетъ намъ кстати. Ежели же нѣтъ сего сродства, то изучать разность ученій, сличая ихъ между собою, не мало служитъ къ подтвержденію лучшаго ученія... Зайдемъ у нихъ тѣ мѣста, гдѣ они выхваляли добродѣтель и порицали порокъ. Ибо какъ для другихъ наслажденіе цвѣтами ограничивается благовоніемъ и пестротою красокъ, а пчелы собираютъ съ нихъ и медъ: такъ и здѣсь, кто гоняется не за одною сладостію и пріятностію сочиненій, тотъ можетъ изъ нихъ запастись въ душѣ нѣкоторою пользою. Поэтому, во всемъ уподобляясь пчеламъ, *должны вы изучать сіи сочиненія* (*). Врагъ христіанства Юліанъ понималъ, что такое знакомство христіанъ съ древнею литературою и полное современное образованіе увеличиваютъ силу и крѣпость ихъ въ борьбѣ съ язычествомъ, и потому, чтобы скорѣе уничтожить христіанство, захотѣлъ лишить христіанъ этого образованія, закрыть для нихъ тогдашнія школы. Много сдѣлалъ богоотступникъ тяжкихъ несправедливостей,—говоритъ св. Григорій Богословъ, указывая на этотъ поступокъ Юліана,—за которыя онъ достоинъ ненависти; но ежели въ чемъ, то особенно, кажется, въ этомъ онъ нарушалъ законы. Да раздѣлять со мною негодованіе всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ своимъ дѣломъ, люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать!... Скажи намъ.... откуда пришло тебѣ на мысль запретить христіанамъ учиться словесности?... Словесныя науки и греческая образованность, говоритъ онъ, наши, такъ какъ намъ же принадлежитъ и чествованіе боговъ, а вашъ

(*) Твор. Св. От. 1843 г. кн. IV.

удѣлъ необразованность и грубость, такъ какъ у васъ вся мудрость состоитъ въ одномъ: вѣруй»... Съ какой силой и негодованіемъ возставалъ Григорій Богословъ противъ такихъ мыслей Юліана, показываетъ все первое его обличительное слово на Юліана (*). Это фактъ весьма замѣчательный, и его всегда надобно помнить тѣмъ, которые, боясь свѣтской науки и литературы, не хотѣли бы дать имъ мѣста въ духовныхъ училищахъ. Черезъ это они лишаютъ духовное образованіе силы и возможности сохранять и защищать себя, и вмѣсто пользы приносятъ ему вредъ. Другой, далеко не столь авторитетный, но болѣе близкій къ намъ примѣръ мы можемъ привести изъ исторіи нашего собственнаго образованія. Въ семинаріяхъ нашихъ въ прежнія времена совсѣмъ не чуждались литературнаго образованія, которое въ нихъ было хотя односторонне, но по крайней мѣрѣ находилось на одинаковой степени вообще съ состояніемъ словесныхъ наукъ и направленіемъ литературы у насъ въ Россіи. Литературное образованіе до начала нынѣшняго столѣтія (да и въ началѣ его) имѣло характеръ филологическій, и сосгояло главнымъ образомъ въ изученіи греческой и римской классической литературы, произведенія которой вмѣстѣ съ произведеніями французской классической школы, считались образцами для писателей; сообразно съ этимъ и въ нашихъ училищахъ классъ словесныхъ и свободныхъ наукъ (*artes liberales humaniores*) подъ именемъ *реторики и поэзіи* считался весьма важнымъ; въ немъ основательно изучали древніе языки, особенно латинскій языкъ, на которомъ преподавались почти всѣ науки, такъ что не только свободно читали Цицерона, Вергилія, Горация и Овидія, но и

(*) Твор. Св. От. 1843 г. т. I.

могли писать на ихъ языкѣ, въ подражаніе имъ, оды, элегіи, идилліи, сатиры; въ этомъ классѣ большею частію начинали свою ученую службу лица монашествующія, занимавшія по томъ высшія іерархическія должности, и, занимаясь преподаваніемъ словесности, составляли по ней учебныя руководства и печатали ихъ, каковы напр. были: Амвросій (Серебряковъ), бывшій епископъ олонецкій и екатеринославскій (*), Аполлоъ (Байбаковъ), бывшій епископъ орловскій и архангельскій (**), и другіе, коихъ рукописныя руководства по словесности до сихъ поръ хранятся въ разныхъ семинарскихъ и академическихъ библіотекахъ. Въ болѣе близкія къ намъ времена мы встрѣчаемъ между трудившимися въ области словесныхъ наукъ знаменитаго Евгенія митрополита кievскаго (1767—1837), который составленіемъ двухъ словарей духовныхъ и свѣтскихъ русскихъ писателей положилъ начало и твердое основаніе исторіи русской словесности духовной и свѣтской. Но когда изученіе классической литературы отодвинулось въ свѣтскихъ заведеніяхъ на задній планъ, тогда и въ нашихъ заведеніяхъ перестали внимательно изучать латинскихъ писателей, а въ 1840 г. и совсѣмъ отмѣнено преподаваніе наукъ на латинскомъ языкѣ. Но въ свѣтскихъ училищахъ, по той мѣрѣ, какъ изученіе классической словесности отодвигалось на задній планъ, на мѣсто ея усиливалось изученіе литературъ новыхъ европейскихъ народовъ и произведеній отечественной русской литературы. Въ семинаріяхъ, почти совсѣмъ переставъ изучать

(*) Ум. 1792 г. Его Руководство въ Ораторіи Россійской М. 1778. Слов. митр. Евгенія. Ч. I.

(**) Род. 1748, ум. 1801 г. Его Правила піитическія російскаго и латинскаго стихотворенія. М. 1774, и Словарь піитико-историческихъ примѣчаній. М. 1781. Слов. митроп. Евгенія. Ч. I.

греческихъ и латинскихъ писателей, не знакомятъ однако воспитанниковъ съ произведеніями европейскихъ литературъ, даже литературы отечественной, хотя, надобно сказать правду, многіе наставники и сознають необходимость этого знакомства, хотя указанный выше приѣзъ митрополита Еленія между духовными не остается и въ настоящее время безъ подражанія, и между трудящимися въ области исторіи духовной русской словесности мы и нынѣ можемъ указать на двухъ нашихъ іерарховъ, имена и сочиненія которыхъ, впрочемъ, такъ хорошо извѣстны, что излишне было бы здѣсь называть ихъ.

И. Пореярьевъ.

БОГОСЛОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О необходимости священства противъ безпоповцевъ, сочин. А. Предтеченскаго. С.-Петербургъ 1860 г.

Русскій расколъ старообрядства едвали не менѣе извѣстенъ и въ духовныхъ училищахъ, нежели напр. западныя вѣроисповѣданія и даже секты, отъ нихъ отпадшія. Только въ недавнее время усилено изученіе раскола, но и теперь такъ мало является изслѣдованій о немъ, особенно объ его исторіи, что по необходимости любитель отечественной исторіи съ удовольствіемъ встрѣчаетъ всякое извѣстіе о расколѣ. Полемическія сочиненія противъ раскола, хотя менѣе объясняютъ его жизнь въ уклоненіи отъ церкви, но и они весьма полезны, потому что знакомятъ по крайней мѣрѣ съ образомъ воззрѣнія раскольниковъ на православную церковь, и съ отношеніями ихъ вслѣдствіе этого воззрѣнія къ православной церкви. Впрочемъ, чтобы эти сочиненія дѣйствительно могли поддержать возбужденный ихъ заглавіями интересъ, необходимо, чтобы они своимъ содержаніемъ возможно-полнѣе знакомили съ дѣйствительными воззрѣніями

раскольниковъ на данный предметъ, со всѣми перемѣнами и развитіемъ этихъ воззрѣній, чтобы-самый способъ разбора раскольническихъ воззрѣній давалъ что нибудь новое и по отношенію къ своему содержанію, и по отношенію къ приемамъ полемики. Иначе сочиненіе, напоминающее собой то ту, то другую книгу, и особенно одну какую-нибудь, необходимо наскучитъ на первыхъ страницахъ и невольно въ читателѣ возбудитъ вопросъ: для чего же написано это сочиненіе, когда мы имѣемъ подлинникъ его въ такой-то книгѣ?

При первомъ взглядѣ на книгу, вышедшую изъ-подъ пера молодого ученаго, мы порадовались ея появленію, и ждали отъ нея и рѣшенія вопросовъ, прежде нстронуемыхъ, и полнѣйшаго раскрытія раскольническаго вѣроученія о данномъ предметѣ, и новыхъ приемовъ въ полемикѣ, и новыхъ соображеній по старымъ вопросамъ. Но, къ сожалѣнію, скоро разочаровались въ своихъ надеждахъ, когда почти каждая страница вновь вышедшей книги напоминала намъ такъ-хорошо известную всѣмъ книгу митрополита Григорія: «Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь». Въ самомъ дѣлѣ, въ книгѣ г. Предтеченскаго нѣтъ ни одной значительной мысли, которой бы не было въ первой части книги митрополита Григорія, нѣтъ ни одного возраженія, которое бы не было рѣшено въ этой книгѣ, и наконецъ по крайней мѣрѣ половина свидѣтельствъ противъ раскольниковъ изъ древнихъ книгъ взята изъ книги митрополита Григорія. При единствѣ предмета, при изложеніи однихъ и тѣхъ же мыслей, при рѣшеніи однихъ и тѣхъ же возраженій раскольниковъ, употребленіе однихъ и тѣхъ же свидѣтельствъ въ той и другой книгѣ весьма понятно, хотя изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ можно было съ немень-

шей пользой выбрать и другія свидѣтельства въ подтвержденіе тѣхъ же мыслей. Но кромѣ свидѣтельствъ, самый текстъ книги «Истинно-древняя и православная церковь» по мѣстамъ встрѣчается въ книгѣ «О необходимости священства» или съ буквальной почти точностію, или въ легкомъ перифразѣ. Мы не хотимъ утомлять читателей выписками и сличеніями различныхъ мѣстъ.

Если же и мысли въ той и другой книгѣ однѣ и тѣ же, и возраженія съ ихъ рѣшеніями одни и тѣ же, и свидѣтельства противъ раскола на половину одни и тѣ же: то въ чемъ состоитъ отличіе книжки «О необходимости священства противъ беспоповцевъ» отъ книги «Истинно-древняя и православная Христова церковь?» Главное отличіе собственно состоитъ въ томъ, что въ первой говорится только противъ беспоповцевъ, а во второй противъ поповцевъ и беспоповцевъ; отъ того первая вышла вдвое короче второй. Но позднѣйшему автору нужно было отличить себя отъ прежняго, и вотъ онъ отличаетъ себя планомъ книги, повидимому весьма строгимъ, при которомъ мысли, возраженія и рѣшенія лучше группируются въ отдѣлы. Скажемъ кое-что объ этомъ планѣ. Въ книгѣ митрополита Григорія нѣтъ школьнаго раздѣленія, строгаго плана; но присматриваясь внимательно къ вопросамъ, на которые онъ раздѣлилъ свою книгу, легко видно въ ней раскрытіе слѣдующаго силлогизма: «истинная церковь Христова, какъ совокупность вѣрующихъ, необходимо должна имѣть іерархію, которой одной принадлежитъ право всенароднаго церковнаго учительства, священнодѣйствія и управленія вѣрующими во Христа, и будетъ существовать до втораго пришествія Христова, и въ самыя времена антихристовы, именно съ своей іерархіей; по общепринятымъ признакамъ истинной церкви, это есть гос-

подствующая въ Россіи православная церковь; слѣдовательно ни поповщина, не имѣющая законнаго священства, ни безпоповщина, отвергающая всякое священство, не могутъ быть и называться истинной Христовой церковію.» Въ раскрытіе этого силлогизма вошло изложеніе самыхъ необходимыхъ вопросовъ въ полемикѣ съ раскольниками: что церковь Христова будетъ существовать именно съ своей іерархіей даже въ самыя тяжкія времена антихристовы, что таинства, совершаемыя простолюдинами, недѣйствительны, и другяxъ. Г. Предтеченскій своимъ искусственнымъ планомъ, напротивъ, счумѣлъ избѣжать особенно важныхъ для его цѣли вопросовъ, какъ сейчасъ увидимъ, и распространился въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, которыхъ можно было едва коснуться.

Вотъ планъ его книги: «главная мысль въ лжеученіи (безпоповцевъ) та, что «вѣра православная и церковь святая во времена *случайная* (замѣтимъ) можетъ и кромѣ священниковъ пребывать и спасати». Это общее положеніе безпоповцы развиваютъ въ слѣдующихъ трехъ частныхъ: 1) міряне имѣютъ право учить другихъ вѣрѣ и благочестію; 2) нѣтъ нужды въ освященныхъ священно-дѣйствителяхъ, такъ какъ таинства, необходимыя для спасенія, могутъ совершать лица и не получившія таинственного рукоположенія; и 3) не нужны такъ же и освященные пастыри: и «нерукоположенніа могутъ имѣть попеченіе и руководство о хотящихъ спастися, аще согласно писанію и святымъ сіе творять.» Сообразно съ такимъ раскрытіемъ заблужденія у самихъ безпоповцевъ, мы свое сочиненіе о необходимости священства въ церкви раздѣлимъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой раскроемъ ту истину, что истинно Христова и апостольская церковь не можетъ существовать безъ священства; во второй рас-

кроемъ, въ частности, необходимость въ церкви Христовой освященныхъ учителей вѣры, освященныхъ совершителей богослуженія и освященныхъ пастырей душъ человѣческихъ» (стр. 4 и 5). Что повидимому можетъ быть лучше такого плана? Здѣсь и основаніе для него въ самомъ ученіи раскольниковъ, и построеніе безукоризненно, потому что говорится сначала о необходимости іерархіи вообще и потомъ о необходимости ея въ частности. Но присматриваясь къ нему поближе, можно замѣтить, что планъ книги не совсѣмъ безукоризненъ. Дѣло въ томъ, что не планъ составленъ «сообразно съ раскрытіемъ заблужденія у самихъ безпоповцевъ», а заблужденія безпоповцевъ подобраны въ соотвѣтствіе предначертанному плану, независимому отъ нихъ и составленному на основаніи извѣстнаго дѣленія обязанностей іерархіи—учить, священнодѣйствовать и управлять. Что это такъ, достаточно взглянуть на «раскрытіе заблужденія у самихъ безпоповцевъ». Въ планѣ вторая часть заключается уже въ первой, какъ частныя мысли въ общей; а въ «раскрытіи заблужденія безпоповцевъ» частныя положенія не имѣютъ такой связи съ общими или главными. Въ главномъ положеніи ихъ говорится, что «церковь во времена случайная можетъ кромѣ священниковъ пребывать и спасати;» эти случайныя времена по преимуществу суть времена антихриста, воцареніе котораго на землѣ проповѣдуютъ безпоповцы; а независимо отъ этого воцаренія іерархія съ своими обязанностями должна быть въ церкви, какъ была всегда и прежде до временъ патріарха Никона, и безпоповцы встаютъ противъ того только положенія, что «даже и во времена случайная безъ іерархіи не можетъ существовать церковь.» Частныя положительныя мысли не вытекаютъ изъ главнаго положенія отрицательнаго, а взяты отвѣтъ; раскольники

не выводятъ свои частныя положенія изъ главнаго, а только приводятъ въ доказательство своего главнаго положенія, именно: «во времена случайная церковь можетъ быть и спасти безъ священства, потому что право учить, священнодѣйствовать и управлять другими, имѣютъ и неосвященные лица.» И если бы составлять планъ «сообразно съ раскрытіемъ заблужденія у самихъ безпоповцевъ,» то нужно было бы составить его такъ: «всегда, и во времена случайная, даже во времена антихристовы, іерархія необходима въ церкви и будетъ въ ней; потому что міряне не имѣютъ права ни учить другихъ всенародно въ церковныхъ собраніяхъ, ни священнодѣйствовать, ни управлять другими.» И было бы лучше, потому что въ такомъ случаѣ православное ученіе направлено было бы прямо противъ заблужденія; между тѣмъ какъ теперь отъ того, что планъ составленъ не «сообразно съ раскрытіемъ заблужденія у самихъ безпоповцевъ,» часто безъ нужды доказываются мысли, неотвергаемыя заблужденіями, таковы въ 1-й части,—что Господь основалъ іерархію; во 2-й: что въ церкви всегда были освященные учителя, совершители таинъ и правители съ строго опредѣленными обязанностями, возложенными на нихъ Господомъ, апостолами и самой церковію. Противъ такихъ положеній безпоповцы не возражаютъ; раскрытіе ихъ, правда, можетъ съ пользою быть употребляемо противъ раскольниковъ, но не «сообразно съ такимъ раскрытіемъ заблужденія у самихъ безпоповцевъ,» а независимо отъ него, по другому плану и гораздо лучше, напр. по плану «Истинно-древней и православной церкви,» нежели по плану книжки «О необходимости священства».

Но и независимо отъ неправильнаго отношенія плана къ раскольническимъ заблужденіямъ, самъ по себѣ онъ едва ли можетъ быть названъ удовлетворительнымъ. Въ первой части

говорится вообще о необходимости іерархіи въ церкви, а во второй о необходимости освященныхъ - учителей вѣры, священнослужителей и пастырей душъ христіанскихъ. Но такъ какъ, по опредѣленію самого автора, подъ именемъ іерархіи разумѣются освященные учителя вѣры, священнослужители и пастыри: то и первая и вторая части должны говорить объ одномъ и томъ же предметѣ. Неужели достаточно для раздѣленія—одного того основанія, что первая часть будетъ говорить о необходимости іерархіи со *всѣми* ея обязанностями вдругъ, не обращая вниманія въ частности ни на одну изъ нихъ, а вторая о необходимости іерархіи учащей, священнодѣйствующей и управляющей пасомыми? Въдѣ общее понятіе, собирая въ себя содержаніе частныхъ, получаетъ жизнь и значеніе только въ частныхъ понятіяхъ; поэтому доказывать въ первой части необходимость іерархіи, а во второй необходимость учителей вѣры, священнослужителей и пастырей, значитъ доказывать въ первой части необходимость отвлеченнаго понятія, а во второй необходимость живыхъ лицъ, дѣйствующихъ въ церкви. Но поелику трудно доказывать необходимость отвлеченнаго понятія, то половина свидѣтельствъ, приводимыхъ въ первой части, говоритъ о необходимости священства съ опредѣленіемъ той или другой его обязанности, а вторая часть по необходимости становится повтореніемъ первой. Самъ авторъ, не смотря на то, что владѣлъ богатымъ собраніемъ необходимыхъ для его цѣли свидѣтельствъ, невольно вдавался въ повторенія (напр. стр. 16 и 83; 32 и 82; 40 и 84; 24 и 87; 23 и 86), чувствовалъ, что повторяется, и находился вынужденнымъ дѣлать такого рода замѣчанія: «много можно было бы привести свидѣтельствъ изъ древней церкви въ подтвержденіе необходимости освященныхъ священнодѣйствователей, но мы ихъ

довольно привели выше (см. стр. 38, 39, 40 въ первой части) и будемъ имѣть случай сослаться на нихъ при опроверженіи возраженій, касающихся этого предмета» (стр. 86).

Развитіе мыслей, расположенныхъ по этому искусственному плану, также не всегда удовлетворительно. Такъ въ первой части, обширной по нашему мнѣнію, если не со-всѣмъ излишней, странно доказывается необходимость іерархіи вообще. Какъ бы предчувствуя повтореніе, если употребить правильный способъ доказательства, авторъ употребляетъ слѣдующій: священство признавали необходимыми 1) Иисусъ Христосъ, 2) св. апостолы, 3) св. церковь; это видно изъ того, что Иисусъ Христосъ учредилъ іерархію въ церкви, что св. апостолы избирали особыхъ лицъ, которымъ передавали власть учить, священнодѣйствовать и пасти стадо Христово; такъ свидѣтельствуетъ и св. церковь устами своихъ пастырей. Здѣсь только послѣдняя мысль доказываетъ дѣло и идетъ къ дѣлу; а первыя два доказательства излишни, и нейдутъ къ дѣлу. Развѣ безпововцы отвергають, что Иисусъ Христосъ избралъ 12 апостоловъ для проповѣданія Евангелія,—что апостолы избирали и поставляли себѣ преемниковъ въ служеніи церкви?... Необходимость іерархіи основывается на необходимости для спасенія вѣрующихъ тѣхъ полномочій, обязанностей, дѣйствій, которыя лежатъ на іерархіи. Собственно чинъ апостольскій, учрежденный самимъ Господомъ, со смертію св. апостоловъ претсталъ въ церкви. Но поелику дѣло, предоставленное іерархіи необходимо будетъ продолжаться до конца міра, то и сама іерархія необходима въ церкви до конца міра. Самъ авторъ, когда собралъ всѣ мысли первой части, приведенныя въ доказательство необходимости іерархіи, не упомянулъ о первыяхъ двухъ доказательствахъ (потому что они не состав-

даютъ собственно доказательствъ и излишни въ полемикѣ противъ раскольниковъ); а изъ свидѣтельствъ церковныхъ половина говоритъ о необходимости іерархіи священно-дѣйствующей или управляющей, слѣдовательно относится ко второй части (стр. 45—47).

Вторая часть, которая говоритъ о необходимости для спасенія рода человѣческаго освященныхъ учителей, священнодѣйствователей и пастырей, вообще удовлетворительнѣе первой. Но и она занимается болѣе раскрытіемъ положительнаго ученія церкви объ іерархіи, безотносительно къ ученію раскольниковъ, нежели опроверженіемъ главныхъ раскольническихъ возраженій противъ даннаго предмета, что гораздо нужнѣе. Самъ авторъ, доказывая необходимость освященныхъ священнодѣйствователей, замѣчаетъ: «много и другихъ доказательствъ можно бы привести въ подтвержденіе этого....; но мы будемъ еще имѣть случаи приводить эти свидѣтельства, когда будемъ опровергать положенія, противопоставляемыя беспоповцами, къ раскрытію которыхъ мы теперь и обратимся» (стр. 89). Это значитъ, что доказывать необходимость іерархіи, въ обыкновенномъ ея состояніи, когда т. е. она принадлежитъ православнои церкви (а объ этомъ состояніи ея и говорятъ всѣ приводимыя авторомъ церковныя свидѣтельства), значитъ доказывать то, что приняли бы сами беспоповцы, если бы признавали іерархію греко-россійской церкви православною. Но такъ какъ беспоповцы сомнѣваются въ православіи ея, то чтобы доказательства необходимости священства имѣли для нихъ убѣдительность, необходимо утвердить ихъ въ убѣжденіяхъ о православіи греко-россійской іерархіи и церкви. Иначе и римская церковь тѣми же самыми церковными свидѣтельствами можетъ убѣждать въ необходимомъ

сти ея іерархіи. Авторъ, опустивши это изъ виду, не обращаетъ должнаго вниманія и на главное ихъ заблужденіе, что во времена случайная можно обойтись безъ іерархіи, противъ котораго собственно и должна быть направлена полемика съ раскольниками. Гдѣ же по необходимости онъ встрѣчается съ этимъ возраженіемъ или вспоминаетъ его, тамъ или голословно говорить, будто нѣтъ и нужды доказывать, что во времена случайная можно обойтись безъ священства (стр. 46, 94), между тѣмъ какъ необходимо доказать, что положительное ученіе церкви объ іерархіи обнимаетъ собою всѣ времена, и случайныя и даже антихристовы; или отвѣчаетъ коротко и неудовлетворительно (стр. 120—122, стр. 26 и 27). Въ этомъ случаѣ онъ совершенно напрасно отступилъ отъ своего руководства, въ которомъ обращено строгое вниманіе на времена случайная: тамъ доказано ясно и отчетливо, что церковь Христова въ полномъ значеніи этого слова, т. е. съ ея іерархіей, ученіемъ и таинствами, будетъ существовать и во времена антихриста, что въ частности священство будетъ жить и дѣйствовать въ церкви и во времена антихристовы (*). Отъ этого доказательства получаетъ особенную силу и ученіе о необходимости іерархіи вообще. Потому-то и поповцы, препираясь съ безпоповцами, въ своихъ доказательствахъ о необходимости священства особенное вниманіе обращаютъ на времена случайная, и доказываютъ безпоповцамъ, что эти времена не настали, что церковь и ея іерархія должны и будутъ существовать и во времена антихриста, что іерархія велико-россійской и греческой церкви обладаетъ силами Св.

(*) См. стат. VII и XXII-въ 1-й части «Истинно-древней и правосл. Христовой церкви».

Духа, несмотря на уклоненіе (жнимое) отъ древняго православія (*); тѣмъ болѣе православный защитникъ іерархіи, владѣющій всѣми средствами доказать ея православіе, долженъ обращать строгое вниманіе на случайныя времена и обстоятельства русской церкви, на которыя ссылаются безпоповцы въ своемъ отверженіи іерархіи.

Еще одно замѣчаніе о второй части. Говоря о необходимости освященныхъ священнодѣйствователей и доказавши необходимость для спасенія—таинства причащенія, которое могутъ совершать только освященные лица, авторъ переходитъ къ другимъ таинствамъ: къ крещенію и покаянію, и говоритъ слѣдующее: «безпоповцы такъ давно оставили церковь православную, что рѣдкіе теперь изъ нихъ знаютъ о таинствѣ причащенія; и съ другой стороны такъ привыкли къ своему порядку, такъ свыклись съ мыслию, что можно спастись двумя таинствами: крещеніемъ и покаяніемъ, что убѣдить ихъ необходимостью причащенія въ необходимости освященныхъ священнодѣйствователей съ перваго, по крайней мѣрѣ, раза нельзя. Вотъ почему необходимостію крещенія и покаянія для спасенія мы считаемъ нужнымъ кратко доказать необходимость, для полученія вѣчной жизни, освященныхъ священнодѣйствователей.» (Стр. 108 и 109.) Послѣ этого переходнаго предисловія чего долженъ ждать читатель? Конечно доказательствъ на то, что крещеніе и покаяніе необходимы для спасенія? Напрасно! О необходимости ихъ для спасенія нѣтъ дальше ни слова, а доказывается, что «таинство крещенія только въ случаѣ нужды могутъ совершать миряне; законные же постоянные совершители

(*) См. отвѣты безпоповцамъ Пешехонова и «Преніе съ безпоповцами о священствѣ и прочихъ догматахъ закона Христова».

его епископы и пресвитеры; что таинство покаянія имѣютъ право совершать только они же, а міряне ни въ какомъ случаѣ не могутъ.» Предполагалось доказать необходимость освященныхъ священнодѣйствователей необходимостью крещенія и покаянія, а доказывалось тѣмъ, что они только имѣютъ право совершать эти таинства. Особенно странно читать заключеніе статьи о крещеніи, въ которомъ выражается мысль, что общаніе предисловія выполнено: «итакъ, если крещеніе необходимо для полученія вѣчной жизни, по сознанію самихъ безпоповцевъ: то необходимы также и законные, истинные совершители этого таинства, необходимы освященные священнодѣйствователи» (стр. 122); между тѣмъ какъ ни о необходимости крещенія, ни о признаніи этой необходимости во всей статьѣ ни слова. Чѣмъ объяснить такую странную неосмотрительность въ серьезномъ сочиненіи? Не беремся положительно объяснить ее... Скажемъ только, что доказывать необходимость крещенія и покаянія безпоповцамъ нѣтъ никакой нужды, потому что они признаютъ ее. Притомъ доказательство необходимости крещенія и покаянія будетъ только первой посылкой въ силлогизмъ, которая безъ второй посылки, что право совершенія этихъ таинствъ принадлежитъ только лицамъ освященнымъ, не докажетъ необходимости священства. И авторъ книги «О необходимости священства противъ безпоповцевъ» хорошо сдѣлалъ, когда сталъ доказывать только вторую посылку, хотя и несоответственно своему общанію въ предисловіи.

Наконецъ, считаемъ не лишнимъ указать нѣкоторыя неточности разбираемаго сочиненія, которыя могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ или къ неправильнымъ мыслямъ. «Безпоповцы, говорится на стр. 90, отвергнувъ необходимость законныхъ совершителей таинствъ, неизбѣжно должны были

бы отвергнуть и самыя таинства. Но они не рѣшились отвергнуть совершенно таинства, а только сократили ихъ число, подражая въ этомъ лютеранамъ и реформатамъ» (стр. 90). Читая эти слова, можно подуматъ, что безпоповцы въ самомъ дѣлѣ подражали въ своемъ удаленіи отъ церкви лютеранамъ и реформатамъ. Извѣстно, что подражанія не было и не могло быть. Но если у автора слово *подражая* означаетъ *подобно*, выйдетъ другая ошибка. Лютеране и реформаты признаютъ таинствами крещеніе и причащеніе, а безпоповцы держатся крещенія и покаянія; первые отвергали прочія пять таинствъ, а послѣдніе признаютъ ихъ за таинства, но не имѣютъ за неимѣніемъ священства. «Вся таинства церковная исповѣдуемъ, приедемъ и почитаемъ,» говорятъ они въ предисловіи къ поморскимъ отвѣтамъ. И еще чего за нужными случаями не можемъ получить, обаче всевѣрно вѣруемъ, и желаемъ и исповѣдуемъ.» Еще: «безпоповщинское крещеніе было бы совершенно, еслибы всѣ тѣ люди, которыхъ они крестили, тотчасъ же послѣ крещенія умирали. Но большая часть остаются живы» (стр. 116). Такая неточность выраженія или недомолвка можетъ возбуждать странныя мысли: что за разнообразіе въ благодати крещенія, дѣйствующей только на тѣхъ, которые тотчасъ послѣ крещенія умираютъ, и не дѣйствующей на тѣхъ, которые остаются въ живыхъ?

Повторяемъ, кромѣ неудачнаго плана и неудовлетворительнаго развитія мыслей, расположенныхъ по этому плану, мы не нашли въ книгѣ «О необходимости священства противъ безпоповцевъ» ничего самостоятельнаго, и немного скажемъ, если скажемъ, что при книгѣ «Истинно-древняя и православная Христова церковь» она излишня.

И. Довготорскій.

Казань февраля 16 д. 1861 г.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ЩЕРБИНЫ:

«ОПЫТЪ О КНИГѢ ДЛЯ НАРОДА.»

Въ февральской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* помѣщена статья Н. Ѳ. Щербины—о такомъ предметѣ, къ которому никто изъ людей образованныхъ не можетъ быть равнодушенъ. Дѣло идетъ о составленіи для народа книги, которая не только представила бы народную энциклопедію, пригодную для народа на томъ уровнѣ его внутренней жизни, на которомъ онъ нынѣ находится, но и служила бы дѣйствительнымъ руководствомъ къ высшему развитію народа. *Опытъ* г. Щербины проникнутъ искреннимъ желаніемъ *войти въ духъ народа*, чтобы вѣрнѣе и успѣшнѣе удовлетворить нуждамъ народнаго образованія. Такое настроеніе есть необходимое условіе при составленіи книги для народа, и мы попытаемся пояснить еще болѣе черты этого необходимаго настроенія, въ которомъ авторъ *Опыта*, не совѣмъ твердоосновавшись, остался не вполне вѣренъ предположенной задачѣ. Желаніе искренно послужить на пользу народа есть уже залогъ многосторонней внимательности, предусмотрит-

тельности и безпристрастія,—этихъ необходимыхъ условій для успѣшнаго разрѣшенія важной задачи.

Всѣ литературныя силы прошедшаго и новѣйшаго времени, обнаружившія замѣчательную дѣятельность въ исторіи русскаго просвѣщенія, призываются теперь на служеніе народному образованію. Все лучшее, что произвела и нынѣ можетъ произвести наша литература, должно сосредоточиться, получить обширнѣйшее приложеніе, перейти въ общее достояніе народа. Молчаливо приметъ народъ эти плоды отечественнаго просвѣщенія. Но пройдетъ нѣсколько времени, пока народъ до извѣстной степени образуется,—потомъ установится общенародное развитіе, вѣрное не только прежнимъ, но и нѣкоторымъ новымъ стихіямъ, привнесеннымъ изъ глубины народнаго духа: тогда-то появится воздѣйствіе обратное отъ народа и на общее наше просвѣщеніе и на самую литературу. Одно такъ сказать соприкосновеніе съ народомъ, искреннее вниканіе въ народныя требованія вызвало въ авторѣ благородное сознаніе, что современная наша образованность и даже благонамѣренность нерѣдко стоитъ въ разладѣ съ здоровыми коренными требованіями народнаго духа, и что плоды этой образованности бываютъ иногда «гнилы и бесполезны.» Современная образованность меньшинства, совершившаяся отрѣшенно отъ общенародной массы, дѣйствительно, вслѣдствіе различныхъ случайныхъ обстоятельствъ, могла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ идти невѣрнымъ путемъ. Когда теперь приходитъ она на помощь народу, который остался въ сторонѣ отъ нея, она естественно должна осмотрѣться и сама отрѣшиться отъ многого, чтобы подать народу здоровую пищу. Приближаясь къ народу, современные образованные учителя народа не должны смотрѣть на него свысока, не должны предлагать ему образованіе

съ покровительственнымъ видомъ снисхожденія и милости, считая себя во всемъ выше народа: нужно помнить общее положеніе добросовѣстнаго учителя передъ ученикомъ. Народъ сначала довѣрчиво приметъ ваши уроки, воспользуется ими; но потомъ наступитъ время, когда и народъ произнесетъ свой судъ надъ своими учителями. Наше просвѣщеніе и литература несомнѣнно восприметъ нѣкоторыя новыя и свѣжія общенародныя стихіи, какъ скоро меньшинство образованныхъ и остающееся пока большинство необразованнаго народа сольется во едино. Не думайте, что теперь наступило уже время полнаго торжества для нашего просвѣщенія предъ народомъ: наступило пока еще только время жизненнаго народнаго суда и повѣрки нашему просвѣщенію. Поэтому признайте равноправность народа въ общемъ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія и не забудьте, что воспринявши ваши уроки народъ рано или поздно оцѣнитъ ихъ, а потомъ и въ дѣлѣ просвѣщенія, бывшемъ доселѣ только въ вашихъ рукахъ, поправитъ многое и объ руку съ вами пойдетъ на одномъ пути духовнаго совершенствованія. Обращайтесь къ народу послѣ предварительнаго, строгаго суда надъ собою и своимъ просвѣщеніемъ, послѣ глубокаго вхожденія въ основныя народныя потребности и предлагайте народу то, что несомнѣнно устоитъ предъ ненодкупнымъ общенароднымъ судомъ, заявляемымъ народною исторіею. Не думайте, что составивши книгу для народа вы можете успокоиться, а народъ удовольствуется этой книгой. Мало одного приспособленія къ данному положенію народа,—надобно, чтобы въ этомъ приспособленіи твердо обозначились тѣ живыя начала, которыя должны обусловить дальнѣйшее развитіе народа. Эта книга, какъ потребность переходнаго времени, въ строгомъ смыслѣ есть *результатъ* доселѣ бывшаго

просвѣщенія и въ то же время *начало* просвѣщенія общенароднаго (*).

Не касаясь другихъ отдѣловъ книги для народа, проектированныхъ въ опытѣ г. Щербины, мы ограничимся только *отдѣломъ чтенія для необходимыхъ духовныхъ потребъ*. Не можемъ однакожь не сдѣлать того общаго замѣчанія, что принятый авторомъ порядокъ отдѣловъ на томъ психологическомъ основаніи, что успѣшнѣе можно восходить отъ предметовъ простыхъ и обыденныхъ къ предметамъ высшимъ, духовнымъ, — имѣеть приложеніе въ дѣйствительной педагогической дѣятельности, а въ приложеніи къ *печатной книгѣ*, отдаваемой въ руки самому народу, не можетъ имѣеть мѣста. Въ народѣ едва ли кто будетъ читать предложенную книгу съ такою строгою постепенностію, чтобы послѣдова-

(*) Соображенія, изложенныя нами, очень важны въ приложеніи къ различнымъ практическимъ вопросамъ настоящаго времени и преобразованіямъ различныхъ учрежденій. Мы надѣемся съ теченіемъ времени яснѣе провести мысль о приложеніи *начала историческаго изученія* къ современнымъ потребностямъ, не разъ впрочемъ заявленную въ *Православномъ Обзорникѣ*. Но въ настоящемъ случаѣ не можемъ не указать между прочимъ на ту несообразность, въ какую впалъ г. Шестаковъ въ статьѣ о *преобразованіи духовныхъ училищъ* (*Русская Речь* № 25). Его мысль о замѣнѣ среднихъ духовныхъ училищъ свѣтскими гимназіями слишкомъ легко относится къ историческимъ началамъ, на которыхъ должны быть рѣшаемы подобныя вопросы. Церковь съ ея началами, которымъ призвано служить духовенство, во всѣ времена русской исторіи была признаваема народомъ руководительницею его въ просвѣщеніи. И духовенство, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, всегда болѣе или менѣе отвѣчало этому чувству народа къ церкви. Народъ твердо помнитъ это. Между тѣмъ въ то время, какъ самое просвѣщеніе, отъ котораго въ сторонѣ оставался въ новое время народъ, должно еще приобрести народный кредитъ, вы предлагаете самому духовенству гимназіи, которыя сами довольно запутались, такъ что собственный ихъ кредитъ слабъ и шатокъ въ глазахъ людей истинно образованныхъ.

тельно переходить отъ однихъ предметовъ къ другимъ въ смыслѣ автора: въ печатной книгѣ, назначаемой для цѣлаго народа, въ которомъ все-таки найдется много различныхъ степеней умственнаго состоянія, необходимъ обратный порядокъ. Для народа покажется изумительнымъ устраненіе на самой конецъ книги того, что должно стоять по его общему и совершенно законному разумѣнію во главѣ книги — разумѣемъ чтеніе для духовныхъ потребъ.

Независимо отъ мѣста, какое долженъ занимать разсматриваемый отдѣлъ въ народной книгѣ, мы должны поставить на видъ составителямъ подобной книги, что религіозно-нравственные предметы всегда такъ высоко цѣнились народомъ, что въ разсужденіи ихъ необходимо особенно строгое вниманіе къ общимъ требованіямъ народа, не совсѣмъ неопытнаго въ этомъ дѣлѣ, требовапіямъ, воспитаннымъ прошедшею исторіею народа и дѣйствительно справедливымъ. Въ этомъ отношеніи планъ г. Щербины носить слѣды значительнаго отчужденія отъ жизни народной, требованія которой — выше того, что предлагается въ опытѣ. Изучая отдѣлъ духовнаго чтенія, предлагаемый г. Щербиною, народъ вспомнитъ свою прошедшую исторію, сличитъ кое-что со многими церковными и духовными книгами, имѣющимися въ его рукахъ, и опять изумится тому, что въ нынѣшнее время люди, прошедшіе школу новѣйшаго просвѣщенія, предлагаютъ ему такое духовное чтеніе, которое гораздо скуднѣе сравнительно съ чтеніемъ, прежде ему извѣстнымъ. Особенное вниманіе въ составленіи этого отдѣла требуется уже потому, чтобы *не заподозрѣно было народомъ* просвѣщеніе наше: дѣло просвѣщенія выиграетъ предъ народомъ только тогда, если народъ убѣдится, что оно воспріяло въ себя духовно-нравственныя начала, исторически-жившія въ народѣ и призываемыя къ новой жизни.

Скажемъ нѣсколько словъ о частностяхъ.

Въ началѣ отдѣла, мѣсто котораго несомнѣнно должно бытъ во главѣ книги, дѣйствительно, должно быть помѣщено то, что въ краткомъ видѣ составляетъ христіанскій катихизисъ, и — напечатано церковнымъ шрифтомъ: Символь вѣры, молитва Господня, заповѣди. Нужно только сказать, что порядокъ въ размѣщеніи лучше принять здѣсь историческій и присовокупить нѣкоторыя примѣчанія и объясненія, напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ. Такъ напередъ лучше напечатать *10 заповѣдей* съ примѣчаніемъ о происхожденіи ихъ и краткимъ объясненіемъ ихъ смысла (по руководству краткаго катихизиса); за тѣмъ слѣдуетъ помѣстить *Блаженства Евангельскія и молитву Господню*, содержащія важнѣйшія практическія предметы христіанскаго ученія, — по Евангелію Маттея съ дополненіями о смыслѣ закона ветхозавѣтнаго и отношеніи его къ евангельскому по истолкованію Христову, такъ какъ все это у Еванг. Маттея (гл. V, VI, VII.) составляетъ предметъ одной и той же нагорной бесѣды; наконецъ долженъ быть напечатанъ *Символь вѣры* съ историческимъ примѣчаніемъ о его составленіи (при чемъ можно сообщить вообще понятія о вселенскихъ соборахъ) и краткимъ (не болѣе страницы), яснымъ анализомъ его состава. Всѣ эти катихизическія статьи должны занять мѣсто не болѣе печатнаго листа.

Богослуженіе и церковныя обряды практически близки народу, но требуется разъясненіе ихъ истиннаго смысла, направленное между прочимъ противъ различныхъ предрассудковъ, господствующихъ въ народномъ быту и жизни. Само собою разумѣется, что объясненіе *литурии* должно занимать здѣсь главное мѣсто. Впереди объясненій, посвященныхъ богослуженію, хорошо напечатать церковнымъ шрифтомъ

важнѣйшія молитвы — *Царю небесный, Трисвятое, Пресвятая Троице*, и другія. Изъ простаго народа очень многіе не знаютъ начальныхъ молитвъ, и общеупотребительною народною книгою удобно воспользоваться для того, чтобы дать возможность каждому изъ грамотныхъ всегда имѣть ихъ подъ рукою для собственнаго и другихъ наученія.

Что касается священной исторіи, то помѣщеніе отрывковъ въ родѣ *Іосифъ, Руѡв, Есѡиръ*, будетъ имѣть только анекдотическій характеръ. Необходимо соблюсти цѣлость важнѣйшаго содержанія исторіи ветхозавѣтной, и это можно сдѣлать по «начаткамъ христіанскаго ученія», уже извѣстнымъ народу, а затѣмъ можно отдѣльно изложить въ болѣе обстоятельномъ видѣ по Библіи рассказы о лицахъ типическихъ, около которыхъ сосредоточиваются важнѣйшія явленія жизни избраннаго народа, — объ *Авраамѣ, Моисеѣ, Самуилѣ, Давидѣ и Соломонѣ*, и пророкахъ *Иліѣ, Исаѣ, Давидѣ и Іоаннѣ Крестителѣ*.

Изъ Евангельской исторіи, послѣ общаго краткаго объясненія о Спасителѣ, надобно предложить по русскому переводу Евангелія важнѣйшія притчи, послѣднія бесѣды и послѣдніе дни Іисуса Христа; а также свѣдѣнія о насажденіи церкви христіанской апостолами, о состояніи церкви первенствующей по книгѣ *Дѣяній апостольскихъ*, которую такъ любятъ слушать или читать народъ на канунѣ *Свѣтлаго Воскресенія*.

Изъ книгъ *Свящ. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта* (даже съ предварительнымъ перечисленіемъ библейскихъ книгъ) можетъ-быть сдѣланъ выборъ мѣстъ, въ видѣ афоризмовъ, съ цѣлію пояснить истины вѣры, имѣющія ближайшее приложеніе въ жизни, и изложить самыя обязанности христіанскія (примѣнительно къ народному быту).

За тѣмъ необходимо обратить вниманіе на литературу *Отечeskую*, бывшую въ такомъ обширномъ употребленіи въ древней Руси и сдѣлать извлеченія изъ отцовъ относительно обязанностей жизни христіанской и преимущ. изъ любимаго народомъ Іоанна Златоустаго. По возможности нужно имѣть въ виду и творенія древнихъ и позднѣйшихъ отечественныхъ проповѣдниковъ, особенно св. Димитрія ростовскаго и Тихона задонскаго. Этотъ выборъ надобно сдѣлать такъ, чтобы въ предложенныхъ отрывкахъ связно изъяснены были практическія правила жизни и обличены господствующія въ народѣ суевѣрія и предрасудки, и чтобы не было нужды обращаться къ такой книгѣ, какъ напр. учебное руководство пр. Кочетова, указанное г. Щербиною.

Въ разсужденіи русской церковной исторіи вообще надобно имѣть въ виду тѣ лица и событія церковныя, которыя особенно связаны съ судьбами жизни народной: таковы свв. Ольга и Владиміръ, первоучители славянскіе Кириллъ и Меѳодій, лѣтописецъ св. Несторъ, святители московскіе Петръ, Алексѣй, Іона и Филиппъ и т. д.

Народъ любитъ путешествія къ св. мѣстамъ и вообще любить разказы о далекихъ и чужихъ странахъ. Удовлетворя потребности такого чтенія, прежде всего можно ознакомить народъ съ св. мѣстами Палестины и вообще Востока, а потомъ съ св. мѣстами земли русской (при чемъ удачно можно дополнить свѣдѣнія касающіяся русской церковной исторіи). За тѣмъ форма путешествій дастъ возможность составителямъ книги переступить и за границу и познакомить народъ съ вѣрой французовъ, англичанъ и нѣмцевъ на основаніи понятій болѣе здравыхъ, нежели начало религіозной нетерпимости.

Этотъ описательный отдѣлъ составитъ переходъ и къ ду-

хвойной поэзии, въ которой первое мѣсто должны занять переложенія изъ библейскихъ книгъ, сдѣланныя лучшими нашими поэтами, прежними и новыми, а также и тотъ родъ, какой преимущественно имѣеть въ виду г. Щербина.

Во всемъ этомъ важномъ дѣлѣ, повторимъ, необходимо строгое вниманіе къ прошедшей духовной исторіи народа. Для успѣха въ составленіи религіозно-нравственнато чтенія для народа необходимо пересмотрѣть многіе сборники, бывшіе въ народномъ обращеніи уже прежде: необходимо пересмотрѣть большія *Чети-Минеи* митрополита Макарія, разнообразные *Сборники*, *Пчелы*, *Алфавиты*, *древнѣйшіе буквари духовные цвѣтники* и т. п. Безъ подобнаго вниманія къ литературѣ древней можно надѣлать ошибокъ: эти ошибки для народа вредны не будутъ, но учителей народныхъ онѣ могутъ представить въ невыгодномъ свѣтѣ.

Вотъ что мы нашли нужнымъ высказать на первый разъ, по сочувствію къ доброй мысли о «Книгѣ для народа», и по убѣжденію въ важности и необходимости книги для народа.

Свящ. Григорій Смирновъ-Платоновъ.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ

(Періодическое обозрѣніе.)

Безспорно мы живемъ въ необыкновенное время. Воображенію нѣтъ ни отдыха, ни пристанища для успокоенія отъ волненія, производимаго непрерывною вереницею проходящихъ мимо насъ самыхъ разнообразныхъ, неожиданныхъ явленій и событій. Ужь съ напряженнымъ усиліемъ слѣдить за беспорядочнымъ движеніемъ различныхъ случаевъ, непредвидѣнныхъ наканунѣ ихъ появленія. Духъ новаго времени, новыхъ понятій, новыхъ стремленій — всѣхъ влечетъ за собою съ непостижимою скоростію. Можно сказать, что мы вдвое болѣе живемъ современными событіями, чѣмъ жилали наши дѣды и отцы.

Духовное, религіозное движеніе, по своей природѣ, кажется, должно бы совершаться болѣе спокойнымъ шагомъ. Великое значеніе религіозныхъ вопросовъ должно бы умѣрять порывы и рвенія къ преобразованіямъ въ духовной религіозной сферѣ. Ея предметы слишкомъ важны,

слишкомъ тѣсно связаны съ внутреннею духовною жизнью человѣчества, чтобы можно было ихъ подвергнуть простому, внѣшнему, болѣе матеріальному давленію политическихъ событій. А между тѣмъ во Франціи, вихрь политическаго движенія роковымъ образомъ охватилъ и духовное существованіе. Такое явленіе не можетъ не возбудить вниманія мыслящаго человѣка. Оно не только любопытно, какъ нравственное явленіе нашего времени, но еще и поучительно, глубоко—значительно, показывая собою какъ пагубно бываетъ въ своихъ послѣдствіяхъ первоначальное отступленіе отъ христіанскаго духа основнаго, божественнаго ученія Спасителя и Его церкви.

Брошюра г. де-ла Герровьера (de la Guéronnière), которая окончательна есть нечто иное какъ обвиненіе во всей формѣ, произнесенное имперствомъ противъ упорства папства,—неистовое озлобленіе горячихъ приверженцевъ преувеличеннаго римско-католицизма противъ всѣхъ членовъ духовенства, которые не желаютъ подвергнуть нареканію вѣру, и которые за это прозваны отъ ультрамонтанской партіи *умеренными, малодушными и несърыми*,—жестокое посланіе г. Дюпанлу (Dupanloup), епископа орлеанскаго,—рѣшеніе, всѣмъ уже извѣстное, принятое Римомъ не дѣлать ни единой уступки,—различныя манифестаціи епископовъ съ кафедръ, и наконецъ пастырское посланіе г. Піа (Pie), епископа поатъесскаго, превосходящаго своею преувеличенною смѣлостью все, что было пущено до него противъ французскаго правительства, — преданіе этого посланія на судъ государственному совѣту, — пренія, которыми въ сенатѣ ознаменовалась новая эра въ управленіи Франціи, — новое рѣшеніе римскаго вопроса, предложенное принцемъ Наполеономъ въ его рѣчи,—брошюра г. Луи Вейльо, извѣстнаго за-

чинщика раздоровъ и ссоръ, затѣваемыхъ ультрамонтанскою партіею,—все это составляетъ цѣлый рядъ событій, прямо касающихся религіознаго вопроса, который и стоитъ выше всѣхъ прочихъ своею важною и своимъ неоспоримымъ обратнымъ вліяніемъ на самые чистообщественные вопросы.

Между тѣмъ есть еще иной вопросъ, который также могъ бы сильно занять умы, это восточный вопросъ. Но этотъ послѣдній пока находится еще въ состояніи зародыша. Правительство пока еще отдаляетъ всѣми возможными путями окончательное рѣшеніе этого важнаго вопроса, какъ бы приготавливаясь къ нему въ будущемъ, чтобъ въ свое время занять имъ самымъ блестящимъ образомъ подвижные умы французскаго народа, которому необходимы чудныя, великія событія и зрѣлища на политическомъ поприщѣ.

Замѣчательнымъ событіемъ истекшаго мѣсяца неоспоримо была правительственная брошюра, подписанная виконтомъ дела-Герроньеромъ: *Франція, Римъ и Италія*. (*La France, Rome et l'Italie, par le vicomte de la-Guéronnière, Paris, Dentès 1861*).

Извѣстно, что авторъ умѣлъ съ такою точною и ясною выставить весь вопросъ, что удаляется всякое сомнѣніе на счетъ того, будто дѣло идетъ о духовной власти папства; нѣтъ, весь вопросъ касается лишь политическихъ отношеній Рима. Италія, достигнувъ богатырскими усиліями единства, требуетъ Рима, какъ своей исторической столицы. Церковь требуетъ того же Рима, какъ поруку и метрополию римско-католическаго единства. Въ этой борьбѣ кто одержитъ побѣду? Г. де-ла-Герроньеръ на этотъ вопросъ не отвѣчаетъ. Но нынѣ никто не сомнѣвается за кѣмъ останется побѣда. Гражданская власть папства едва ли найдетъ въ Европѣ довольно сильной поддержки, чрезъ что были бы уничтожены законныя стремленія итальянцевъ.

Въ брошюрѣ особенно обратило на себя вниманіе то мѣсто, гдѣ подѣ весьма ловкими, скрытыми выраженіями указывалось на то, что силы римской церкви перестановлены, и что Франція, которой духовенство такъ враждебно правительству, въ настоящее время самая ревностная распространительница католицизма за границую. «Во Франціи католическая церковь, сильная и спокойная, среди всѣхъ иновѣрныхъ вѣроисповѣданій, свободно исправляющихъ свое богослуженіе, чувствуетъ, какъ увеличивается ея нравственная власть, подѣ кровомъ нашихъ законовъ и обычаевъ. Въ нашего отечества, вездѣ, гдѣ только проникаетъ наше просвѣщающее вліяніе, она вноситъ съ собою зародыши вѣры. Изъ-подъ нашего знамени всегда видится крестъ, и приобретаемая святому отцу болѣе душъ, чѣмъ сколько онъ можетъ утратить подданныхъ, мы въ сущности все болѣе и болѣе расширяемъ границы истинной державы, которой престолъ находится въ Римѣ.» Не менѣе сильно авторъ изложилъ переломъ въ существованіи папства: «Какія причины сему перелому? Кто довелъ папство до роковой борьбы съ Италіею? Кто возбудилъ недовѣрчивость между Ватиканомъ и Тюльери? Чья вина, если папа теперь находится оставленнымъ всѣми, если итальянское движеніе отвергаетъ его отъ себя, если онъ утратилъ часть своихъ владѣній? Неужели же во всемъ этомъ виновата французская политика? Развѣ эта политика забывала должное почтеніе, приверженность, откровенность, терпѣніе, самоотверженіе и предусмотрительность, которыми она обязана св. отцу? Старшій сынъ церкви переставалъ ли быть покорнымъ и вѣрнымъ сыномъ? Нужно же, наконецъ, чтобы ответственность была распредѣлена, и чтобы въ балансѣ событій, тщательно пробѣренномъ, всякій понесъ свою часть. Общее мнѣніе съумѣетъ распознать тѣхъ, которыхъ осѣдѣ-

пленіе или расчеты довели гражданскую власть папы до той точки, на которой она нынѣ находится, отъ тѣхъ, которыхъ непрерывно великодушные услія и совѣты, всегда съ презрѣніемъ отстраняемые, могли еще спасти ее и утвердить.»

Замѣчательно, что выводы брошюры не представляютъ никакого окончательнаго рѣшенія. Римскій вопросъ остается все въ той же неопредѣленности, въ какой онъ находился доселѣ. Въ этомъ-то и вся сила имперской политики. «Императоръ терпѣливо будетъ ждать наступающій уже часъ, въ которомъ правительство первосвященника, наконецъ вышедъ изъ своего заблужденія на счетъ опасныхъ своихъ союзниковъ, предлагающихъ ему свою опору, пойметъ и разбереть, кто дѣлалъ всевозможное, чтобы его стубить, и кто дѣлалъ все, что только можно было, чтобы его спасти.»

Конечно, всѣ нашли въ такомъ ожиданіи примиренія съ правительствомъ св. отца какую-то поддѣльную наивность. Св. отецъ не можетъ примириться съ началами, которыя поддерживалъ императоръ для созданія единой Италіи, независимой и сильной; на эти начала Ватиканъ давно уже произнесъ свою анафему.

Изъ частныхъ корреспонденцій съ Римомъ, извѣстно, что многія изъ духовныхъ лицъ приняли участіе въ манифестаціи, сдѣланной народомъ, даже подъ самыми окнами Ватикана, по случаю паденія Гаэты. Корреспонденція г. О. Росселя (O. Rossel) съ британскимъ кабинетомъ подтверждаетъ, что въ средѣ самого римскаго духовенства, хотя и въ меньшинствѣ, обнаруживается патріотическій духъ на пользу окончательнаго италіянскаго единства, такъ что въ свое время и въ данный часъ этотъ духъ сопротивленія гражданской власти папы вспыхнетъ и поглотитъ навсегда расшатавшійся престолъ римскій. Однако и предъ такими явленіями и предназнаменова-

ніями не склоняется неуступчивость и настойчивость несчастнаго Пія IX. Пій IX, если только дозволено историческое сравненіе, италянскій Карлъ X, и какъ сей послѣдній, такъ и онъ, самъ запрашивается на бѣду, и бѣда эта совершится, вѣроятно же всего, въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ.

Французское духовенство не только не поддерживаетъ, но даже не одобряетъ всѣхъ неумѣстныхъ выходовъ ультрамонтанской партіи. Многіе епископы, чуть ли не большинство, осторожно молчатъ и не увлекаются вызовами противъ правительства и на борьбу съ нимъ. Нѣкоторые изъ нихъ явно осуждаютъ, не только многозначительнымъ своимъ молчаніемъ, но и строгими словами—борьбу съ имперскимъ правительствомъ, затѣянную въ союзѣ клерикальной партіи съ легитимистскою.

Упомяну здѣсь объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ духовныхъ лицъ,—не только по своему уму, но и по своему духовному краснорѣчію. Это—г. Ландріо (Landriot), епископъ ла-рошельскій (de la Rochelle). Я упоминаю объ этомъ почтенномъ архипастырѣ потому именно, что нѣкоторыя его сочиненія, *исполненные духомъ кротости и благоволенія къ Божіему Промыслу, навлекли на него* глухое, но тѣмъ не менѣе сильное *гоненіе ультрамонтанской партіи*. Преслѣдованіе началось вотъ по какому поводу: сентября 27, въ прошломъ году, онъ произнесъ пастырское слово въ капицѣ лазаристовъ, по случаю двухъсотъ-лѣтняго празднованія смерти святаго Винсень де-Поля. Духовныхъ слушателей по поводу важной торжественности того дня, было весьма много. Во главѣ ихъ былъ кардиналъ-архіепископъ парижскій, торжественно служившій обѣдню. Въ сослуженіи съ нимъ были архіепископы санскій (Sens) и камбрѣйскій (Cambrai), епископы бовесскій (Beauvais), шалонскій,

эврѣскій (Evréux) и два епископа иностранныхъ миссій. Слово г. Ландріо было отпечатано; оно выше воѣхъ обычныхъ высокаторжественныхъ словъ, произносимыхъ притакихъ случаяхъ. Епископъ-витія говорилъ противъ тѣхъ христіанъ, которые въ дѣлѣ вѣры «довольствуются только поверхностною, скудною, почти—что фарисейскою стороною, а иногда даже (что влечетъ за собою самыя бѣдственныя послѣдствія) принаровляютъ ее только къ собственнымъ человѣческимъ выгодамъ.» Слова эти словно тяжелый камень пали на сердца жесткой и пристрастной партіи, которая теперь преобладаетъ своимъ шумомъ и крикомъ во всемъ римско-католическомъ мірѣ, и которая налагаетъ свое иго на тѣхъ, кто не имѣетъ силы отбитъся отъ подобнаго тиранства.

Но еще яснѣе стало поучительное слово духовнаго оратора, когда онъ высказалъ слѣдующія слова: «Есть въ свѣтѣ люди, которые обозначены рѣзко въ Евангеліи. Считаюсь старшими сыновьями отца семейства, они всегда ревнуютъ, когда возвращаются къ отцу блудныя дѣти, которымъ прощаются грѣхи. Вмѣсто тучнаго тельца и золотаго перстня, они желаютъ, чтобы для кающихся всегда употребляли цѣпи и розги.» Въ другомъ мѣстѣ онъ еще сказалъ: «Есть люди отъ природы боязливые и страшливые,—истинные Рембрандты философской исторіи,—на ихъ палитрѣ вѣчно разложены самыя темныя краски. По неволѣ приходится сказать о нихъ, если они одарены талантомъ писателя, что у нихъ умъ подобенъ лонцифѣ, наполненной иглистыми испареніями, которыми непрестанно отуманивается погода. Что меня всегда удивляетъ, это то, что иногда я встрѣчаю такихъ христіанъ, которые очевидно съ удовольствіемъ останавливаются въ сихъ извилистыхъ и мрачныхъ долинахъ.»—Наконецъ ораторъ восклицаетъ: «Да, часто и въ такихъ душахъ, которыя мнѣть,

что онъ дѣйствительно богобоязненны, существуетъ родъ практическаго атеизма».—Нѣтъ ничего удивительнаго, если эти слова, прямо направленныя противъ фарисеевъ католицизма и людей, полагающихъ, что все худо,—нищущихъ только, во что бы ни стало, возбудить грозу и бурю въ религіозномъ и политическомъ мірѣ, неудивительно, говоримъ мы, если эти слова возбудили ядовитую ненависть въ той партіи, которая себя узнала въ нихъ. Разумѣется, открытаго нападенія противъ г. Ландріо не было. Впервыхъ, потому что онъ епископъ. Потомъ и то должно взять къ соображенію, что прямое и открытое осужденіе поучительнаго слова г. Ландріо только яснѣе выказало бы всю истину и справедливость его. Но за то партія эта возбудила весь мелкій свѣтъ религіозныхъ, на ихъ ладъ, людей противъ мужественнаго оратора. Весь этотъ фарисейскій сбродъ теперь сталъ въ числѣ злѣйшихъ и непримиримыхъ его враговъ. Эти непрестанныя и тайныя безыменныя нападенія наконецъ вывели епископа изъ обычнаго его хладнокровнаго терпѣнія, и въ настоящую минуту онъ печатаетъ оправданіе своей рѣчи и теорій, которыя онъ поддерживалъ неоспоримо съ истиннымъ талантомъ и добродушіемъ.

Въ извѣстномъ, ультрамонтанскомъ кружкѣ его называютъ не иначе какъ нерадивымъ и холоднымъ католикомъ. Ему не могутъ простить пастырское достоинство и христіанскую кротость, съ которыми онъ всегда уклонялся отъ горячей борьбы приверженцевъ папской гражданской власти. Въ своей рѣчи онъ имѣлъ даже случай высказаться на счетъ самаго себя: «Знаю, мнѣ укажутъ на нашего святаго главу, котораго сердце измучено скорбью и несчастіями: но, на это я отвѣчу, что главнѣйшая причина моего упованія и спокойствія души, среди всѣхъ сихъ смуть, заключается

именно въ моей непоколебимой вѣрѣ въ преимущества намѣстника Іисуса Христа. У меня есть еще и иная увѣренность въ моемъ сердцѣ: престолъ, основанный Іисусомъ Христомъ, какой бы оборотъ ни приняли человѣческія событія, выйдетъ изъ бури съ большею славою и большею силою. Какимъ образомъ? Не знаю: по Богу это извѣстно. Довольно этого, и болѣе отъ меня не требуйте.»

Въ присутствіи многочисленнаго собранія, почти исключительно состоявшаго изъ самыхъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ папской гражданской власти, слова эти, явно находящіяся въ разладѣ со всѣми объясненіями и объявленіями главнѣйшихъ членовъ французскаго епископства, въ всеуслышаніе Франціи провозгласившихъ, что гражданская власть папы учреждена Богомъ въ утвержденіе его власти (и замѣтимъ къ тому же, что въ поучительномъ словѣ г. Ландріо ни разу не было упомянуто именно о гражданской власти папы),—падали какъ тяжкое обвиненіе и самой власти мірской св. отца, и объясненій и объявленій французскаго епископства. И вотъ гдѣ причины ненависти, возникшей противъ г. Ландріо епископа ла-рошельскаго, въ партіи, которую весьма остроумно кто-то на дняхъ прозвалъ партією ультра-ультрамонтанскою.—Какая великая пропасть между идеями епископа де-ла-рошельскаго и идеями обскурантистовъ, возмущающихъ теперь религіозное мнѣніе Франціи!

Г. Дюпанлу (Dupanloup), епископъ орлеанскій, отвѣтилъ на брошюру г. де-ла-Геронньера, брошюрою: *Письмо къ виконту де-ла-Геронньеру* (Lettre à m. le vicomte de-la-Guéronnière). Онъ прямо отвергаетъ даже существованіе во Франціи католической партіи. Вотъ его собственныя выраженія: «Нѣтъ, и не можетъ быть католической партіи: есть католики во всѣхъ партіяхъ; но отъ времени до времени, и именно въ

минуты опасности для вѣры, опи, разобщенные различными направленіями, всё соединяются дружно и дѣйствуютъ за одно.» Въ доказательство своихъ словъ, онъ указываетъ на гг. де-Монталамбера и де-Фалу (de Faloux), не принадлежащихъ къ одной и той же партіи, но теперь въ часъ бѣды дѣйствующихъ вмѣстѣ. По неволѣ онъ потомъ находится вынужденнымъ объяснить, что эти мужи, требовашіе въ Римѣ и въ Парижѣ примиренія вѣры съ свободою, между тѣмъ «уже десять лѣтъ, какъ утратили все свое вліяніе на духовенство.» Далѣе онъ продолжаетъ: «Да, я повторю, и что касается собственно до меня, краснѣя отъ стыда,—не смотря на то, что я боролся всѣми силами противъ сего роковаго влеченія, опи были забыты, оставлены, непоняты, подвержены страшнымъ нападеніямъ, почти отвергнуты всѣми. Иная школа образовалась, и ей на долю досталась популярность у католиковъ. Это-то насъ и унижаетъ.» Итакъ, заключаетъ г. Дюпанлу, вы не правы въ вашемъ обвиненіи противъ католической партіи, будто бы не хотѣвшей преобразованій.

Читателямъ будутъ весьма понятны слабость и несостоятельность выводовъ г. Дюпанлу, когда напомнимъ имъ всю неопредѣленность выраженій касательно примиренія и согласія религіи съ свободою—выраженій, которыми просили въ Римѣ необходимыхъ преобразованій. Во Франціи всякій теперь знаетъ, что римскій дворъ никакихъ преобразованій, ни политическихъ, ни религіозныхъ, не хочетъ, да и не можетъ совершить. Очевидно, что если бы религіозная партія въ Европѣ не поддержала Ватикана въ непрестанномъ отказѣ требуемыхъ преобразованій на пользу свободы въ ущербъ абсолютизму папскому, Пій IX вѣроятно бы всего съ самаго начала сообразовался бы съ программю, которую

предначерталъ президентъ Наполеонъ Эдгару Нею. Вѣроятно же всего также, что папа послѣ своего возстановленія на римскомъ престолѣ, искренно рѣшившись на означенныя преобразованія, утвердилъ бы идею и объ италіанскомъ союзѣ, что нынѣ для него уже чисто невозможно.

Сущность брошюры орлеанскаго епископа заключается въ логическомъ изложеніи факта, что если бы Наполеонъ III рѣшительно не хотѣлъ, дабы пьемонтскія войска захватили часть Папской Области, то ни одинъ пьемонтскій воинъ не перешагнулъ бы границы церковныхъ владѣній. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно брошюру опровергнуть невозможно. Она раскрываетъ всю тайную политику императора французовъ; но всѣ усилія тщетны въ этомъ отношеніи. Наполеонъ III не измѣнитъ своей системы. Ему нѣтъ возможности колебаться между народнымъ влеченіемъ Италіи, и влеченіями и направленіемъ клерикальной партіи. Съ одной стороны за Наполеона III народная симпатія, съ другой противъ него ненависть клерикальной партіи. Удастся ли ему примирить настоящее съ прошлымъ и спасти не гражданскую, а духовную власть папы?—вотъ весь вопросъ, отъ котораго зависитъ теперь будущность религіи во Франціи. Есть неумолимая логика—это логика событій, а событие, которое нынче отталкиваетъ папу, заключается въ непреодолимомъ стремленіи великаго народа къ единству. Вотъ гдѣ узелъ всего вопроса, а не въ вѣроломствѣ пьемонтцевъ. «Сосчитывайте бомбы, а не голоса (баллы)», сказалъ г. Дюпанлу. Слово это остро. Но когда подумаешь, что весь флотъ и армія Франциска II покинули его, что Гарибальди изъ Ногеры въ Неаполь пріѣхалъ одинъ одинехонекъ по желѣзной дорогѣ, неужели не дозволено сказать, что всѣ сочувствія были не въ пользу несчастнаго, падшаго короля, и

что всѣ стремленія, желанія и упованія неаполитанцевъ, точно какъ упованія, желанія и стремленія тосканцевъ и романьоловъ, сосредоточивались во единую мысль — о единствѣ отечества всѣхъ италіянцевъ. Вѣчно будутъ сожалѣть о томъ, что у папства не хватило ни генія, ни умѣнья, ни убѣжденія захватить на свою пользу объединеніе италіянскаго народа. Ему предстояла чудная роль. Нѣкоторое время казалось, оно хотѣло рѣшиться на этотъ подвигъ; да только силъ не хватило. Викторъ-Эммануилъ изъ-за этой идеи рисковалъ своимъ престоломъ, собственной жизнью. За то теперь онъ сталъ *Королемъ Италіи!*

Изъ всѣхъ французскихъ епископовъ замѣчательнѣйшіи своими постоянными выходками противу императорскаго правительства,—г. Пій, епископъ пуатьесскій (M. Pie, évêque de Poitiers). Въ послѣднее время онъ окончательно разсорился съ императоромъ и кажется на всегда, и врядъ ли что въ состояніи спасти его отъ паденія. Онъ всѣмъ извѣстенъ своею отъявленною преданностью къ легитимизму, въ чемъ нисколько и не скрывается. Поэтому его не теряли изъ виду тѣ, которые въ религіозномъ волненіи Франціи видятъ одно лишь политическое средство къ достиженію тайныхъ замысловъ легитимистовъ и ультрамонтанцевъ,—замысловъ, состоящихъ въ томъ, чтобы уничтожить всѣ либеральныя постановленія и на мѣсто ихъ возстановить вмѣстѣ съ неограниченною политическою властью и неограниченностью власти духовной, олицетворенной въ римскомъ папѣ.

Брошюра г. де-ла-Геронньера сильно воздвигла противъ него всю ультрамонтанско-легитимистскую партію. Нападая на него, партія противниковъ имперства и демократіи нападаетъ на самого императора, продиктовавшаго почти всю рошюру. Г. де-ла-Геронньеръ къ тому числится по мнѣн-

стерству внутреннихъ дѣлъ, и имѣть почти равное министру вліяніе на внутреннее управленіе Франціи. Къ тому же онъ пользуется неограниченною довѣренностію императора. Епископъ поатъесскій, пустившись въ горячую полемику съ г. де-ла-Геронньеромъ, ошибся въ своихъ расчетахъ. Онъ воображалъ, что имѣть дѣло съ равнымъ себѣ и слѣдовательно долженъ былъ сразиться равнымъ оружіемъ. Въ этомъ посланіи вспыльчивость его дошла до безпримѣрной смѣлости и даже наглости. Онъ прямо напалъ на брошюру г. де-ла-Геронньера, и осудилъ ее какъ архипастырѣ. Можно посудить, каковъ духъ пастырскаго сего посланія, если только вспомнимъ, что г. Пій не усомнился сравнить Наполеона III съ Пилатомъ, предающимъ Христа Спасителя на распинаніе палачамъ. Разумѣется, спаситель этотъ не кто иной какъ Пій IX!!!!... «Омой руки твои Пилать!» восклицаетъ авторъ въ припадкѣ бѣшенства. На этотъ разъ, правительство, весьма терпѣливое и уклончивое во всемъ, что только касается духовенства, вышло изъ терпѣнія и донесло на его поносительное епископское посланіе государственному совѣту. Дѣло государственнаго совѣта объявить, что было или есть злоупотребленіе духовной власти въ такомъ или вномъ пастырскомъ посланіи. Одного только опасаются теперь, чтобы государственнй совѣтъ не рѣшилъ, что преступленіе г. епископа поатъесскаго слишкомъ важно, и должно подвергнуться не одному простому выговору. Въ такомъ случаѣ епископа предадутъ обыкновенному суду, что и можетъ повлечь за собою судъ передъ полицейскою расправою или передъ уголовнымъ судомъ. Если который-нибудь изъ сихъ судовъ объявитъ, что вина существуетъ, то дѣло непременно кончится временнымъ заточеніемъ и оштрафованіемъ. Многіе изъ почтеннѣйшихъ епископовъ стра-

шатся подобнаго соблазна и горько сожалѣютъ о подобной, рѣшительно нехристіанской выходкѣ г. епископа поатъесскаго.

Римская партія поставлена въ весьма невыгодное положеніе обнародованіемъ дипломатическихъ документовъ, изданныхъ въ послѣднее время самимъ правительствомъ. Изъ чтенія этихъ государственныхъ и правительственныхъ бумагъ и самые ослѣпленные люди вынуждены согласиться, что вся вина на сторонѣ Ватикана. Трудно описать дѣйствіе и впечатлѣніе, произведенныя обнародованіемъ этихъ актовъ на общее мнѣніе. Изъ равнодушнаго оно стало непріязненно-язвительнымъ противу папства, которое ясно высказало, что не отстанетъ до конца отъ своихъ притязаній. Ультрамонтанцы, желая хоть какъ-нибудь смягчить произведенное на публику впечатлѣніе, бросились на развитіе иной, весьма странной и причудливой теоріи, которая до крайности недѣльна. Она развита въ журналѣ *le Monde*.

«Изданіе дипломатическихъ бумагъ, сказано въ *le Monde*,— касающихся римскихъ дѣлъ, все еще сильно занимаетъ римское общество. Говорятъ, что штатсъ-секретарь весьма раздраженъ. Но это неправда. Его высокопреосвященство по чистой совѣсти знаетъ, что оно дѣйствовало на пользу церкви, которой выгоды—не что иное, какъ *прямая* выгоды Франціи. Этихъ выгодъ и этой пользы не понимаютъ большая часть тѣхъ людей, которыхъ промыселъ заключается въ составленіи того, что называется мнѣніемъ. Если полагаться на выписки, которыя даютъ наши журналы изъ брошюры г. де-ла-Герронева, эта обоюдная польза менѣе, чѣмъ когда-либо, понята. Права Франціи и всего міра надъ страной, которая отнюдь не есть собственность итальянцевъ, кажется оставлены, пожертвованы выгодамъ революціонной утопіи. Когда общественный духъ возвратится отъ недѣльныхъ и вадор-

ныхъ ученій нашего времени къ благороднымъ и святымъ преданіямъ прошлаго времени, разумѣется, окажется великое дѣло возмездія и правосудія. Папская область будетъ признана тѣмъ, что она есть на дѣлѣ, т. е. достоиніемъ католическаго міра. Владѣтельные первосвященники непрестанно оглашали сіе право христіанскаго міра надъ церковными владѣніями, и послѣднее циркулярное, всеобщее посланіе папы повторило съ тою же твердостью слова: » *ad omnes catholicos pertinet* ».

Мы не можемъ предположить въ Піѣ IX подобнаго отсутствія здраваго смысла и логики, которыми *le Monde* хочетъ его окончательно опозорить въ глазахъ человѣчества. Неужели св. отецъ такъ плохо понимаетъ духъ и смыслъ латинскаго языка, что онъ иначе понимаетъ изреченіе, выставленное ультрамонтанскимъ журналомъ, чѣмъ оно есть въ сущности, «касается всѣхъ католиковъ». *Le Monde* сдѣлалъ, что называется, школьническую ошибку, придавая папѣ желаніе высказать, будто бы папская область *принадлежитъ* всѣмъ католикамъ. Дѣйствительно латинское слово *pertinet* имѣетъ оба значенія. Но, не смотря ни на какіе доводы, противопоставляемые ультрамонтанскимъ журналамъ, они все-таки стоятъ на своемъ, и грамматически доказываютъ, что Римская область принадлежитъ всѣмъ католикамъ. Есть же такіе люди, что готовы умереть за ложный переводъ латинскаго предложенія!

Ультрамонтанская и легитимистская партіи сильно хлопотали возлѣ кардинала-архіепископа парижскаго, побуждая его подать отставку отъ своей должности—члена тайнаго совѣта имперіи. Главная цѣль состояла въ томъ, чтобы еще болѣе разобщить духовенство съ императоромъ. Но кажется, что г. Морле, не смотря на тяжкую роль посредника и

примирителя обѣихъ враждующихъ партій, выжидającychъ только удобнаго случая уничтожить своего врага и противника, никакъ не хотѣлъ и не хотеть выполнить желаній и требованій ультрамонтанцевъ и легитимистовъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ ихъ происковъ не выйдетъ ровно ничего. Отставка кардинала-архіепископа могла бы произвести весьма непріятное впечатлѣніе на общее мнѣніе. Тюльерійскій дворецъ, несомнѣнно, глубоко обидѣлся бы подобнымъ несправедливымъ поступкомъ. Правительство доселѣ неизмѣнно слѣдовало разъ объявленной своей программѣ касательно вѣры. Оно все сдѣлало, что только могло своимъ чредомъ и своимъ порядкомъ, и должно сознаться, что его хорошо отблагодарили.

Пренія касательно адреса на тронную рѣчь императора вызвали наружу всю жестокость борьбы по поводу религиозныхъ вопросовъ. Всѣ прочіе вопросы прошли незамѣтными, такъ что даже не обратили почти никакого вниманія на сирійскія дѣла, и на измѣненія въ адресѣ, въ которомъ дѣло шло о поощреніи литературѣ и изящнымъ искусствамъ. Клерикальная партія ожидала побѣды, представивъ измѣненіе въ проектѣ адреса на пользу гражданской власти папства. Она требовала рѣшительнаго охраненія этой власти Франціею. Пренія были какъ нельзя болѣе живы и горячи. Все было уже напередъ подготовлено къ тому, чтобы изъ нихъ вышла удача, и дѣйствительно партія улаграмонтано-легитимистская едва не одержала побѣды въ сенатѣ.

Ораторы, ратовавшіе на пользу папской гражданской власти, не отличались краснорѣчіемъ, начиная съ самихъ кардиналовъ-сенаторовъ, настойчиво требовавшихъ выслушанія изложенія дѣла каждымъ изъ нихъ. Официальнымъ ораторомъ католиковъ былъ маркизь де-ла-Рошжакленъ (de la

Rochesjaquelin). Рѣчь свою онъ читалъ по тетрадкѣ, и читалъ ее весьма дурно и невнятно, что и помѣшало маркизу, любящему блескъ и шумъ вокругъ своего имени, произвести надъ большинствомъ впечатлѣніе, которое думалъ произвести

Впрочемъ въ доводахъ маркиза де-ла-Рошжаклена не было и тѣни чего-либо новаго, поражающаго въ своихъ воззрѣніяхъ. Вся рѣчь его была не что иное, какъ повтореніе всѣхъ защитительныхъ рѣчей и посланій, вышедшихъ уже давнымъ давно въ свѣтъ. Ползая по старой колеѣ, почтенный маркизъ дошелъ кое-какъ до общаго вывода: «что не сдержаны обѣщанія, данныя католикамъ».

За то вся слава и честь этихъ засѣданій досталась принцу Наполеону, двоюродному брату императора. Вся Франція внимала его словамъ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ. Онъ здѣсь выказался въ первый разъ блистательнымъ и могучимъ ораторомъ. Рѣчь его произвела въ народныхъ массахъ глубокое впечатлѣніе. Нанечатанная отдѣльною книжкою, она была распродана въ теченіи одной недѣли въ 120,000 экземплярахъ, и теперь еще продается на расхватъ. Такова уже натура французовъ, что все, что носитъ на себѣ отпечатокъ сѣблости, порыва, сильно на нихъ дѣйствуетъ.

Въ прошлые годы пристращались въ нашихъ парламентскихъ преніяхъ только къ рѣчамъ оппозиціи, направленнымъ противъ политическихъ дѣйствій правительства. На этотъ разъ народное чувство сильно возбуждено было членомъ царствующаго дома, поддерживавшаго мнѣнія передовыхъ людей и всей либеральной, чисто демократической партіи. Надобно сознаться, что и здѣсь счастье помогаетъ императору. Императоръ Наполеонъ III, письмомъ, пущеннымъ въ журналы, чистосердечно поздравилъ своего двоюроднаго брата съ успѣхомъ въ сенатѣ, и тѣмъ оказалъ сно-

ва пониманіе своего времени. Между тѣмъ, рядомъ съ нимъ сталъ человекъ, выигравшій себѣ своимъ ораторскимъ торжествомъ высокое положеніе. Во Франціи ораторъ, и въ особенности какимъ выказался принцъ Наполеонъ, становится на одной высотѣ въ общемъ мнѣніи съ тѣмъ, кто выигралъ важное сраженіе.

Рѣчь принца Наполеона извѣстна. Вся она направлена къ подтвержденію мнѣнія, высказаннаго въ знаменитой брошюрѣ: *Papa и Конгрессъ* (le Pape et le Congrès). Но, не смотря на всѣ сильныя свои выходы, принцъ желалъ выставить готовность Франціи оставить хотя *мѣсто* отъ гражданской власти за папою. Это было въ родѣ удовлетворенія, вознагражденія за всѣ уже понесенныя и ожидаемыя еще утраты. Тѣмъ не менѣе окончательно должно сказать, что папы-государя не можетъ болѣе быть при нынѣшнихъ понятіяхъ и стремленіяхъ Запада. Принцъ только изъ снисхожденія предложилъ отдать папѣ правый берегъ Тибра съ находящеюся тамъ частію города. Остальная часть Рима предназначается въ будущую столицу Италіи. Папѣ дается тѣлохранительная гвардія, постоянный доходъ, и его нейтральность будетъ обезпечена договорнымъ условіемъ прочихъ державъ. Вѣроятно, таково и будетъ рѣшеніе участи папства. Но пока до этой поры, римская политика, столь извѣстная своимъ коварствомъ, своими уловками и дипломатическими извилинами, безъ сомнѣнія будетъ отстаивать съ настойчивымъ упрямствомъ такъ-называемыя свои «богодарованныя» права.

Le Monde, который всегда извѣщается прямо римскимъ дворомъ обо всемъ, что касается папскихъ дѣлъ, сообщаетъ свѣту различныя любопытныя подробности, изъ которыхъ можно себѣ составить понятіе, какъ будетъ дѣйствовать Римъ въ ожиданіи грозящей будущности. Пій IX, болѣе чѣмъ

когда либо, высказываетъ свое намереніе оставаться въ Римѣ, *so что бы ни стало*. Онъ вполне убѣжденъ, что рано ли, поздно ли Франція вызоветъ свои войска, и что тогда піемонтцы захватятъ все, что еще остается во власти государя-первосвященника, — городъ Римъ и папскую область: этотъ послѣдній грабежъ не измѣнитъ ни на сколько рѣшимости святаго отца. «Я могу погибнуть, сказалъ онъ, но папство не погибнетъ. Я могу понести вѣнецъ мученичества, но придетъ время, когда мои наследники снова получатъ въ полнотѣ свои права. Святаго Петра распяли, а я все же здѣсь!» — «На замѣчаніе, что Его святѣйшеству грозитъ неминуемая нищета, оно изволило отвѣчать: «Объ этомъ я весьма мало забочусь; ужъ какъ бы то ни было, а я все-таки найду себѣ три франка въ сутки, а этого для меня достаточно.» Le Monde, оглашая такія подробности, думаетъ возбудить въ простомъ французскомъ народѣ участіе къ папѣ. Но всѣ эти усилія напрасны. Намъ пришлось слышать, какъ одинъ работникъ въ Тулузѣ, гдѣ я былъ на дняхъ, и гдѣ много приверженцевъ папской гражданской власти, но только въ высшихъ кругахъ, читая эти строки въ кофейной, во всеуслышаніе замѣтилъ: «Еще бы! нашъ братъ околѣвай съ голоду, и никому въ голову не придетъ помочь бѣдѣ. А пана, вѣдь это то же, что наши аристократы и богачи. Не бойся, по міру не пустать. Онъ вѣдь не Исусъ Христосъ, Тому никто не помогалъ и Его распяли...»

Кардиналъ Антонелли доставилъ монсиньору Мелья (Melia), уполномоченному святаго престола въ Парижѣ, отвѣтъ на брошюру г. виконта де-ла-Геронньера. Въ своемъ отвѣтѣ монсиньоръ Антонелли всячески усиливается уничтожить выводы г. де-ла-Геронньера касательно обвиненія папы

въ упрямствѣ и настойчивости, очевидно доведшихъ его до кануна дня утраты своей гражданской власти. Въ доказательство ложности доводовъ и показаній г. де-ла-Героньера, и обвиненія папы въ упрямствѣ, кардиналь Антонелли распространяетъ царствованіе Пія IX на три главныя эпохи, и поставляетъ вопросъ, въ какую эпоху и въ какихъ обстоятельствахъ выказалось упрямство папы? Первая эпоха начинается со дня возведенія Пія IX въ первосвященники до бѣгства его въ Гаэту. Вторая эпоха заключаетъ въ себѣ десять лѣтъ правленія папы отъ возстановленія его престола до первыхъ смуть въ Италиі. Третья эпоха началась въ послѣдніе истекшіе два года съ появленія италіянскаго движенія. О томъ, что происходило въ первую эпоху, спорить не возможно. Преобразования, введенныя Піемъ IX, были вознаграждены самою черною неблагодарностью, которая ясно и явно высказала всю суетность помысловъ св. отца улучшить состояніе своихъ подданныхъ. По возвращеніи его изъ Гаэты, католическія державы начали требовать измѣненія въ финансовоі системѣ и осуществленія обѣщанныхъ преобразованій въ Гаэтѣ, и наконецъ образованія первосвященнической арміи. По мнѣнію кардинала, всѣ эти три обѣщанія были своевременно выполнены, и такимъ образомъ все, что было обѣщано въ Гаэтѣ, было осуществлено, за исключеніемъ только двухъ обязательствъ, и то въ силу непредвидѣнныхъ въ то время обстоятельствъ. Слѣдовательно, «обвинять святаго отца въ упрямствѣ здѣсь невозможно.» Что касается до симпатическихъ предпочтеній касательно Австріи, кардиналь Антонелли увѣренъ, что никто не въ состояніи доказать ихъ хоть однимъ самоалтѣйшимъ событіемъ. «Въ Римѣ наравнѣ любили и уважали, уважаютъ еще и любятъ Австрію и Францію, что извѣстно цѣлому міру».

Что же наконецъ до послѣдней эпохи, когда папѣ предложили председательство надъ италіанскою замышляемою конфедераціею, кардиналъ Антонелли утверждаетъ, что это предложеніе было принято благосклонно самимъ папою. Но только, и самъ г. де-ла-Геронньеръ въ томъ сознается, когда дѣло дошло до осуществленія послѣдняго предположенія, оказалось, что не было болѣе возможности создать конфедераціи. Оказалось, что было поздно: «средство къ примиренію и согласію было уже невозможно и несвоевременно.» И такъ, если не въ силу отказа со стороны святаго престола воспослѣдовала невозможность создать италіанскую конфедерацію, то какъ же можно, безъ явной клеветы, упрекать святаго отца въ упрямствѣ?—Вотъ главнѣйшіе выводы брошюрки кардинала-министра.

Документъ этотъ кончается весьма искуснымъ изложеніемъ потворства французскаго правительства на всѣ похищенія и разграбленія, совершенныя Пиемонтошъ. Нельзя не сознаться, что этотъ документъ писанъ съ необыкновенною ловкостью, выказывающей весь несомнѣнный дипломатическій талантъ кардинала-министра. Онъ съ неумолимою логикою преслѣдуетъ г. де-ла-Геронньера на той почвѣ, на которую онъ такъ неосторожно свелъ весь римскій вопросъ въ своей брошюрѣ. И дѣйствительно, настоящій вопросъ весь заключался въ правѣ Италіи образоваться въ одинъ народъ. При такой постановкѣ, вся полемика противъ дѣйствій французскаго правительства должна была пасть передъ логикою несомнѣннаго народнаго права. Бросившись въ постороннія, второстепенныя распри французскаго правительства съ римскимъ, г. де-ла-Геронньеръ обнажилъ вполне свою грудь, и враги его неумолимо разятъ его со всѣхъ сторонъ, и должно со-

знаться, что удары эти бьютъ мѣтло и бѣдственно для логики французскаго правительства.

Неистово-рьяный редакторъ отжившаго свой вѣкъ l'Univers, пугало французской ультрамонтанской журналистики, г. Луи-Вейльо (Louis Veuillos), также не преминулъ пустить и свою стрѣлу въ г. де-ла-Геронньера, или что то же Наполеона III. Съ литературной точки зрѣнія въ брошюрѣ г. Вейльо есть нѣсколько язвительныхъ, юмористическихъ фразъ; но въ цѣломъ сочиненіе чрезвычайно тяжеловато и неуклюже. Нѣтъ никакой ясности въ утоительно пространныхъ развитіяхъ главныхъ понятій. Нѣтъ никакой развязки, ни рѣшенія. Есть только развѣ одно рѣшеніе, совѣтуемое авторомъ св. отцу: сопротивленіе, сопротивленіе, сопротивленіе до конца. Кажется, г. Вейльо не понимаетъ, что въ извѣстное, данное время въ жизни народа, какъ и въ жизни частной личности, приходятъ такіе моменты, когда сопротивленіе какого бы рода оно ни было—не къ мѣсту, некстати, и выказываетъ неловкость и тупость. Но какъ бы то ни было, брошюра г. Вейльо надѣлала много шума. Въ нѣсколько дней разошлось болѣе 20.000 экземпляровъ. Книга принесла ей автору болѣе существенной выгоды, чѣмъ славы. Отъ такого стараго опытнаго полемиста всѣ ожидали гораздо болѣе. Но отъ статейки въ двѣ колонны, въ которыхъ можно блеснуть двумя, тремя злыми и язвительными остротами, до серьезнаго тезиса, защищаемаго въ цѣломъ томѣ,—*дистанція огромнаго размѣра*. Вейльо доказалъ, что онъ просто статейщикъ (articlier) остроумный, язвительный, жолчный,—что онъ можетъ лихо уколоть своего противника, но совершенно неспособенъ написать серьезное, большое сочиненіе. Играть шутовскими словами—вотъ его талантъ, но не болѣе.

Теперь великій постъ и во Франціи; это время особенно посвящается проповѣдыванію Слова Божія, и потому мы въ заключеніе своего обзора, скажемъ нѣсколько словъ о католическихъ проповѣдникахъ, болѣе извѣстныхъ въ наше время во Франціи. Прежде всего замѣтимъ, что число ихъ весьма ограничено.

На первомъ мѣстѣ—отецъ Феликсъ (A. P. Felix), изъ общества іезуитовъ. Уже нѣсколько лѣтъ отецъ Феликсъ пользуется исключительнымъ правомъ проповѣдывать въ соборѣ парижской Богоматери во все время великаго поста. Здѣсь духовная проповѣдь, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, была открыта самымъ блестящимъ образомъ Лакордэромъ. Весьма понятно, что іезуиты, любящіе занимать всюду и вездѣ первое мѣсто, считающіе самихъ себя привилегированнымъ сословіемъ и передовымъ, охранительнымъ отрядомъ римскаго католицизма, сочли честию и славою захватить въ свою пользу духовную кафедру, вокругъ которой всегда толпится вся французская знать. Долгое время на кафедрѣ парижской Богоматери подвизался отецъ де-Равиньянъ (de-Ravignan), витія, хотя отличавшійся заоблачными, не совѣтъ ясными воззрѣніями, терявшійся въ своихъ безконечныхъ развитіяхъ, но не менѣе того, одаренный благороднымъ характеромъ, и отъ времени до времени выражавшій чудныя изліянія любящаго сердца. Много способствовала отцу де-Равиньяну его величественная наружность, исполненная тихаго, кроткаго аскетизма. Бывало, когда сложилъ руки крестомъ на груди, возведя свои задумчивые и вмѣстѣ съ тѣмъ огненные глаза къ небу, онъ, казалось, отрывался отъ земли въ горячихъ порывахъ безпредѣльной вѣры, слушатели забывали все его долгія диссертациі туманнаго богословія и

очарованные вслушивались въ горячія слова, сходившія съ устъ его, подобно быстрому, прозрачному, освѣжающему потоку... Аббатъ Лакордэръ, въ послѣдствіи доминиканецъ Лакордэръ, и отецъ де-Равиньянъ были, въ свое время, первыми духовными ораторами въ парижскомъ соборѣ Богоматери. Аббатъ Плантье (Plantier), въ послѣдствіи возведенный въ епископскій санъ, взшелъ послѣ Лакордэра и де-Равиньяна на кафедру. Послѣ такихъ могущественныхъ талантовъ, трудно было обратитъ на себя вниманіе публики. Аббатъ Плантье явился на кафедру просто. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ изъ провинціи, изъ Ліона, за него никто не хлопоталъ; у него не было подъ рукою журнальныхъ глашатаевъ, которыми такъ успѣшно и кстати располагають вообще монашествующіе ордены во Франціи. Извѣстность дается здѣсь партіями, подготовляющими славу своего приверженца тысячами журнальныхъ статей. Аббатъ Плантье составилъ свою извѣстность самъ собою, несомнѣннымъ своимъ талантомъ, оцѣненнымъ только малымъ числомъ искренно вѣрующихъ католиковъ, и несмотря на условленное молчаніе почти всей журналистики, онъ все-таки пробился. Онъ принадлежалъ къ числу глубокопонимающихъ вѣру, которые заботятся о примиреніи разума съ вѣрою. Никогда въ своихъ поучительныхъ бесѣдахъ онъ не употреблялъ укоризненныхъ словъ противъ просвѣщенія XIX вѣка, которыми такъ богато испещряють вообще свои проповѣди іезуитскіе проповѣдники. Его поняли и оцѣнили гораздо выше всѣхъ превыспреннихъ витій, которыхъ расхваливають безпощадно ультрамонтанскіе журналы. Аббатъ Плантье принесъ несомнѣнную пользу въ дѣлѣ вѣры, и много способствовалъ къ разсѣянію предрасудковъ нашего времени противъ религіи вообще.

Теперь объ о. Феликсѣ. Слабѣ его въ отношеніи произношенія и внѣшней стороны ораторскаго искусства—быть нельзя. Жесты его слишкомъ безпорядочны, внѣ всякаго соотношенія съ его словами, что чаще всего придаетъ ему видъ бѣснующагося, изступленнаго изувѣра. Голосъ у него жесткій, отталкивающий; въ немъ нѣтъ ничего искренняго, теплаго, что шло бы прямо къ душѣ слушателя. Его благоговѣйная умильность очевидно поддѣльная. Въ немъ главнѣе всего поражаетъ опытнаго наблюдателя отсутствіе сердца, которое искусствомъ не дается, и о которомъ Цицеронъ справедливо утверждаетъ, что безъ него нѣтъ оратора: *Pectus est quod disertos fecit*. Но о. Феликсъ обладаетъ горячностью витіеватости, а это, какъ извѣстно, многихъ можетъ ввести въ обманъ, будто проповѣдникъ говоритъ отъ сердца. Онъ въ высшей степени обладаетъ искусствомъ набрасывать картины, группировать ихъ съ необыкновенною ловкостью, такъ что простому слушателю не придетъ и въ голову, что все это не больше, какъ риторическіе обороты. Лакордрова система ораторской полемики основана на главной идеѣ,—достичь вѣры посредствомъ разума. Отецъ Феликсъ, напротивъ, построитъ свою систему на идеѣ, что власть возлагаетъ обязанность вѣрить. Болѣе о методѣ отца Феликса распространяться не стоить. Но изъ того, что уже сказано, читатель можетъ судить, какъ мало приносятся пользы такія поученія для образованныхъ слушателей. И поэтому съ полнымъ правомъ можно сказать, что каждый годъ духовныя собесѣдованія отца Феликса—чисто потерянное время, какъ для него самого, такъ и для публики, слушающей его. Но іезуитамъ не до общей пользы, имъ хотѣлось блеснуть своею силою, и вотъ почему они отбили еще на этотъ разъ каеедру парижской Богоматери у аббата

Марцлянъ (l'abbé Marcellin), стоящаго, какъ и многіе другіе изъ блага духовенства, гораздо выше во всѣхъ отношеніяхъ пресловутаго отца Феликса.

Но какъ бы то ни было, іезуиты довольны! чего же болѣе?!

А между тѣмъ папство все быстрѣе и быстрѣе приближается ко дню своего окончательнаго паденія.

Графъ де-ла-Фитъ-де-Пелляпоркъ.

Парижъ. Марта 19 н. с. 1861 г.

З А М Ъ Т К И

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛЬ.

Послѣ крестьянскаго вопроса, едва ли другой какой предметъ возбуждалъ къ себѣ вниманіе и дѣятельное сочувствіе нашей литературы и общества въ такой степени, какъ дѣло народнаго образованія. Вопреки сомнѣніямъ нѣкоторыхъ въ пользу грамотности для народа, министерство народнаго просвѣщенія изготавило проектъ положенія о народныхъ училищахъ низшихъ и высшихъ и о школахъ грамотности, а сознаніе неотложной необходимости распространенія въ народѣ образованія выразилось со стороны общества съ особенною силой въ учрежденіи бесплатныхъ воскресныхъ школь. Въ журналахъ и газетахъ то и дѣло печатались и печатаются извѣстія объ открытіи воскресныхъ школь не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ провинціи, по городамъ губернскимъ и уѣзднымъ. И кто не отзывался радостнымъ сочувствіемъ на извѣстія о такого рода безкорыстныхъ стремленіяхъ на пользу народнаго развитія? . . .

Но воскресныя школы, которымъ мы отъ всей души желаемъ возрастанія въ числѣ учениковъ, увеличенія матеріальныхъ средствъ, приобрѣтенія усердныхъ и способныхъ дѣятелей, удовлетворяютъ на первый разъ потребности распространенія образованія преимущественно въ низшемъ классѣ *городскаго* населенія. Затѣмъ важнѣйшій предметъ заботъ

Т. IV. 29

и попеченій правительства и общества составляетъ образованіе сельскаго народонаселенія, котораго значительной части въ настоящее время предстоитъ вступить въ новыя условія гражданской жизни. Средствомъ къ этому конечно должно служить повсемѣстное учрежденіе сельскихъ школъ для народа. И въ этомъ дѣлѣ припятъ всеобщее и дѣятельное участіе есть великое призваніе православнаго духовенства. «Дѣло народнаго воспитанія должно быть освящено церковью, а школа должна быть преддверіемъ церкви» (*): вотъ истина, которая должна быть обще признана и проведена на дѣлѣ тѣми, которые поставлены быть служителями церкви. Не говоримъ о томъ, какъ полезно можетъ быть для самихъ духовныхъ пастырей и для вѣры высокое и святое дѣло насажденія въ юномъ поколѣніи сельской паствы религіозно-нравственныхъ истинъ, равно какъ и начатковъ общаго гражданского просвѣщенія. Нужно принять во вниманіе, что назначеніе духовенства не должно ограничиваться непосредственно-религіознымъ служеніемъ: принадлежа обществу, оно должно имѣть общественное значеніе и служить существеннымъ пользамъ общества. И безъ сомнѣнія, для духовенства нѣтъ нечего сподручнѣе и благороднѣе, какъ дѣятельность въ званіи наставниковъ и учителей народа.

Мысль о такомъ призваніи духовенства давно и ясно выражена въ правилахъ епархіальнаго управленія. «Епархіальному начальству вѣняется въ обязанность располагать и поощрять приходское духовенство къ заведенію и поддержанію при церквахъ училищъ въ видѣ простомъ и приспособленномъ къ народному быту для обученія дѣтей чтенію,

(* Журналъ Минист. Народнаго Просв. за 1860 г., кн. Ноябрьская, въ статьѣ г. Ушинскаго: о нравственно-мъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи.

письму, молитвамъ и начиткамъ катихизиса (*). Но къ систематическому и повсемѣстному выполнению этой мысли,—по разнымъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться,—не было употребляемо постоянныхъ, рѣшительныхъ и практически-плодотворныхъ мѣръ, за немногими исключениями. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи сельскіе священники заводили и поддерживали школы для обученія народа. Но эти явленія, довольно одиночныя и такъ сказать отрывочныя, представляютъ плодъ личныхъ расположений и усердія служителей церкви, а не выходили изъ направленія даннаго развитымъ сознаниемъ и предварительнымъ приготовленіемъ къ такому дѣлу. Притомъ не довольно усердія учить, надобно и умѣнье учить. Между тѣмъ въ семинарскомъ образованіи не прилагается особеннаго старанія о приготовленіи къ званію учителя приходской школы.

Въ Православномъ Обзорѣніи была уже высказана мысль, что воспитанникамъ семинаріи, готовящимся быть пастырями церкви, весьма нужно практическое педагогическое образованіе, которое бы познакомило ихъ съ простѣйшими приѣмами обученія грамотѣ и другимъ элементарнымъ знаніямъ. Не дожидаясь того, когда педагогика войдетъ въ составъ семинарскаго образованія, или откроются педагогическіе курсы при гимназіяхъ и высшихъ народныхъ училищахъ, которые могли бы быть посѣщаемы воспитанниками семинаріи, мы думаемъ, что въ настоящее время для педагогическаго приготовленія воспитанниковъ семинаріи могли бы послужить воскресныя школы. Воспитанники могли бы посѣщать эти школы для нагляднаго ознакомленія съ методой обученія и со всѣми особенностями этихъ новыхъ

(*) Уставъ дух. консисторій пр. 14.

училищъ, чуждыхъ школьнаго формализма и педантизма, суровости и сухости въ отношеніяхъ преподавателей и учащихся. Они могли бы притомъ и сами принять участіе въ преподаваніи въ воскресныхъ школахъ. Удачные опыты такого участія уже извѣстны въ петербургскихъ воскресныхъ школахъ со стороны воспитанниковъ тамошней академіи и семинаріи. Еще лучше, если бы семинарскія начальства сами открыли воскресныя школы въ классахъ семинарскихъ и въ низшихъ училищахъ, которые въ воскресные и праздничные дни остаются незанятыми: дѣло сподручное для воспитанниковъ, особенно же окончившихъ курсъ семинаріи,—подъ руководствомъ наставниковъ, которые бы захотѣли за него взяться. Занимаясь этимъ первоначальнымъ обученіемъ, они стали бы сближаться съ народомъ въ живой рѣчи, не стѣсняемой условіями школьной науки, и особенно, приучались бы говорить катихизическія поученія безыскусственно, удобопонятно и назидательно.—Въ отзывкахъ о воскресныхъ школахъ не разъ высказано было желаніе, чтобы посѣщающіе эти школы были обучаемы церковному пѣнію: есть къ тому охота въ ученикахъ, и сами распорядители воскресныхъ школъ сознаютъ всю пользу пѣнія. Но воскресныя школы не имѣютъ возможности приобрести учителей церковнаго пѣнія. Этотъ недостатокъ весьма удобно можетъ быть восполненъ въ воскресныхъ школахъ при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, особенно при содѣйствіи искусныхъ лицъ изъ приходскаго духовенства.

Дѣло народнаго образованія весьма важно. И нашему духовенству, которое никогда не устранило его отъ себя, предстоитъ въ настоящее время принять особенно дѣятельное участіе въ немъ и озаботиться надлежащимъ приготовленіемъ будущихъ дѣятелей народнаго образованія.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія христіанской церкви. Сочиненіе ординарнаго профессора С. Петербургской духовной академіи Ивана Чельцова. Томъ 1. Спб. 1861.

Полная исторія христіанской церкви составляетъ предметъ самостоятельной ученой каеедры въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Но изъ устныхъ академическихъ лекцій еще очень немного перешло въ духовную литературу, и сдѣлалось общимъ достояніемъ. Въ литературѣ по прежнему оставалось извѣстно только *Начертаніе* церковной исторіи преосвященнаго Иннокентія пензенскаго; изданное въ 1817 году. Предпріятіе профессора Чельцова издать полную исторію христіанской церкви, обработанную ученымъ образомъ, есть первѣйшій опытъ въ своемъ родѣ. Дѣйствительно, пора подѣлиться съ читающимъ обществомъ результатами специальныхъ трудовъ по такому важному предмету и оказать пособіе преподавателямъ церковной исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—духовныхъ и свѣтскихъ.

Въ книгѣ г. Чельцова прежде всего заслуживаетъ вниманія *предисловіе* автора. Онъ объявляетъ здѣсь, что предпринятая имъ исторія церкви будетъ имѣть характеръ *ученаго труда*, и считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту своего дѣла. Для успѣховъ православія онъ признаетъ необходимымъ «безпрепятственное распространеніе строго критическихъ и научныхъ изслѣдованій по общей церковной исторіи.» Авторъ сознается, что «наука—такое недавнее явленіе въ нашемъ православномъ мірѣ, что многіе изъ самыхъ вѣрующихъ и благочестивыхъ людей боятся ея, какъ чего-то враждебнаго вѣрѣ.» Но онъ рѣшительно выражаетъ то справедливое убѣжденіе, что «наша святая православная

церковь не только не должна страшиться никакихъ научно-критическихъ изслѣдованій, но можетъ полагать въ нихъ одно изъ средствъ для своего торжества. Нѣтъ ничего столько вреднаго торжеству истины, продолжаетъ авторъ, какъ слѣпая ревность неразумныхъ защитниковъ ея, проявляющаяся въ упорномъ повтореніи неудовлетворительныхъ, одностороннихъ и, какъ всегда бываетъ при этомъ, совершенно излишнихъ доказательствъ, въ опасеніи за потрясеніе самой истины съ паденіемъ предразсудковъ, окружающихъ ее въ умахъ ограниченныхъ, и употребленій, насильственныхъ иѣръ къ ея укрѣпленію, словомъ сказать, въ преступномъ желаніи поддержать ее своими жадкими, неправедными, челоѣческими усиліями, несмотря на то, что она естественно хранится всемогущею силою Самого Бога, ея источника, и потому не можетъ пасть, хотя бы даже дѣйствительно колебалась въ ихъ слабыхъ глазахъ.» Нельзя не имѣть сочувствія къ такимъ объясненіямъ, равно какъ нельзя оставить безъ вниманія и того замѣчанія автора, что изученіе церковной исторіи «должно лежать въ основаніи всего церковнаго образованія.» Надобно согласиться, что историческое изученіе у насъ вообще еще слабо, самое значеніе его не совсѣмъ выяснено, а между тѣмъ важность его практическихъ примѣненій несомнѣнна. Оно необходимо для раскрытія православныхъ догматовъ и учрежденій, для объясненія того положенія, какое занимаетъ православіе среди различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, для разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ нынѣ въ области церковной практики по требованіямъ времени и т. д. Читатели въ правѣ были бы ожидать отъ автора болѣе близкихъ и ясныхъ объясненій по этому предмету, нежели одно краткое замѣчаніе, правда брошенное мимоходомъ, тѣмъ не менѣе обязывающее ученаго

профессора направить предлагаемое имъ прагматическое изложене церковной исторіи къ тому, чтобы оно дѣйствительно ложилось въ основаніе нашего церковнаго образованія.

Предисловіе автора вообще производитъ удовлетворительное и пріятное впечатлѣніе на читателя, и взаимно устанавливаетъ тотъ ученый взглядъ, съ которымъ обязана отнестись къ этой книгѣ критика. Мы съ своей стороны намѣрены высказать только нѣсколько краткихъ замѣчаній, которыя неволью рождаются при чтеніи книги г. Чельцова.

При ученой обработкѣ церковной исторіи, такомъ новомъ у насъ явленіи, первостепенную важность имѣетъ предварительное изложеніе *литературы предмета*, представляющей источники и пособія для церковно-историческихъ изслѣдованій. Такого изложенія въ книгѣ г. Чельцова нѣтъ, и книга много отъ того теряетъ. По нашему мнѣнію необходимо обстоятельное изложеніе христіанской церковной исторіографіи. Оно необходимо прежде всего для автора: безъ объясненія исторіографическихъ работъ нельзя сдѣлать шагу на ученомъ историческомъ поприщѣ и многое въ повѣствованіи ученаго историка будетъ казаться произвольнымъ, неяснымъ, лишеннымъ основы. Въ знакомствѣ съ церковною исторіографіей настоятъ существенная потребность и для читателей. Церковная исторія Евсевія Кесарійскаго и труды его продолжателей должны быть обзорны и объяснены отчетливо, чтобы въ самомъ изученіи церковной исторіи читатели могли идти яснымъ историческимъ путемъ; голословныя ссылки на древнихъ писателей и историковъ нынѣ не современны, онѣ ничего не говорятъ читателю, читатель остается въ темнотѣ, а авторъ сохраняетъ весь произволь въ употребленіи историческаго матеріала. Обзорніе открытій, сдѣланныхъ въ новое время въ историческихъ памятникахъ и въ области

церковной археологіи, равно должно способствовать необходимой исторической подготовкѣ читателей, тѣмъ болѣе, что наука церковной исторіи не есть наука безъ движенія. Не менѣе важно изложеніе новой церковно-исторической литературы въ трудахъ иностранныхъ ученыхъ. Положительное изложеніе церковной исторіи, вѣрное началамъ православія, тогда только будетъ твердо, если убѣдительно раскроется предъ взоромъ мыслящаго читателя односторонность и крайность направленій, выразившихся въ сочиненіяхъ иностранныхъ церковныхъ историковъ. Отсутствіе надлежащаго ученаго вступленія, составляющаго такую существенную потребность для нашего общества и даже для большинства духовенства, еще мало знакомаго съ богословско-историческою литературою, лишаетъ книгу г. Чельцова того современнаго значенія, какого по справедливости могла бы она заслуживать по своему предмету.

Настоящій выпускъ церковной исторіи г. Чельцова обнимаетъ одну половину перваго періода — трехъ первыхъ вѣковъ христіанства. Авторъ заключаетъ свое предисловіе такимъ объясненіемъ относительно принятаго имъ порядка въ изложеніи цѣлаго періода:

«Послѣ историческаго вступленія, въ которомъ будетъ сказано о состояніи богопочтенія въ родѣ человѣческомъ предъ временемъ распространенія христіанства, прежде всего говорится объ основаніи христіанской церкви Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Затѣмъ исторія дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ въ первой описывается внѣшнее состояніе, а во второй внутреннее состояніе церкви во все продолженіе періода. Первая часть подраздѣляется на двѣ главы. Въ первой главѣ говорится о распространеніи христіанской вѣры святыми апостолами и послѣ времямъ апо-

стольскиихъ, во второмъ и въ третьемъ вѣкъ; во второй— о вѣдѣніи положеніи церкви въ общество въ первые три вѣка христіанства. Вторая часть подраздѣляется такъ же на двѣ главы, изъ которой въ первой излагается состояніе іерархическаго и богослужебнаго устройства церкви въ описываемый періодъ, а во второй— борьба церкви за чистоту и неповрежденность своего ученія съ разнаго рода ересями, расколами и ложными мнѣніями. Въ заключеніе присоединится къ этой части обзоръ особенностей того времени въ нравственной христіанской жизни.»

Мы сочли нужнымъ сообщить читателямъ это предъявленіе автора, но признаемся, что оно мало объясняетъ отношеніе автора къ изучаемому предмету. Замѣтно, что предметъ, исторію котораго намѣренъ писать авторъ, берется какъ что-то данное, общезвѣстное и рассматривается не безъ помощи предзанятыхъ понятій. Мыслящій читатель можетъ опасаться, что вступленіе въ исторію человечества такого великаго факта, какъ явленіе христіанства, едва ли будетъ изслѣдовано и представлено въ истинномъ историческомъ свѣтъ. Удерживаясь до времени отъ общихъ сужденій, возможныхъ только при окончаніи періода, обратимся къ содержанию и характеру первой книги, и посмотримъ, какъ дѣйствительно ведено здѣсь дѣло.

Историческое вступленіе, которымъ должно начинаться изложеніе исторіи христіанской церкви, такъ важно, что отъ него зависитъ почти вся постановка послѣдующихъ изслѣдованій. Что же должно быть его содержаніемъ? Книга г. Чельцова открываетъ наборомъ давно извѣстныхъ свѣденій о состояніи богопочтенія у язычниковъ и собственно у грековъ и римлянъ, потомъ авторъ переходитъ къ состоянію іудейскаго народа и при этомъ ограничивается іудейскими сектами,

наконецъ онъ заключаетъ свое вступленіе свидѣльствами объ ожиданіи пришествія Христова. Такая постановка, по нашему мнѣнію, довольно поверхностна и не совсѣмъ правильна. При самомъ началѣ странно смотрѣть на сторону—къ язычникамъ, тогда какъ прежде всего все вниманіе историка нераздѣльно должно быть устремлено къ центральному явленію—къ окончательному состоянію ветхозавѣтной религіи и народа избраннаго. Странно, обращаясь къ состоянію этого народа, оставлять безъ вниманія чистыя религіозныя убѣжденія, воспитанныя совокупностью ветхозавѣтнаго откровенія, опускать лучшую, свѣтлую сторону народа, которая и представляла точку соприкосновенія для христіанства, а заниматься прежде и болѣе всего сектами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первое, чѣмъ должна открываться исторія христіанской церкви, это — сжатый очеркъ результатовъ ветхозавѣтной исторіи, состоящей въ непосредственной, прямой связи съ исторією новозавѣтною. Цѣль ветхозавѣтнаго откровенія, равно какъ и назначеніе народа, на которомъ исторически сосредоточена эта цѣль въ теченіи тысячелѣтій, есть образованіе въ человѣчествѣ чистой дѣховной среды, въ которой слышался бы голосъ, обѣтующій искупленіе, слѣдовательно приготовленіе къ христіанству. Самое христіанство есть исполненіе древнихъ обѣтованій, дѣйствительное возстановленіе религіознаго союза съ единымъ истиннымъ Богомъ, утраченнаго въ языческомъ человѣчествѣ, преобразованнаго въ народѣ избранномъ, дѣйствительное осуществленіе единой всемірной религіи. Вѣтхій Завѣтъ и Новый Завѣтъ соприкасаются между собою: завершеніе исторіи Вѣтхаго Завѣта совпадаетъ съ началомъ исторіи Завѣта Новаго. Это соотношеніе того и другаго Завѣта въ ихъ дѣйствительномъ, историческомъ соприкосновеніи должно быть изображено на

первыхъ страницахъ исторіи христіанской церкви, какъ центральное явленіе, по сторонамъ котораго должны стоять жалкое состояніе массы іудейскаго народа, представляющее-ся въ аналогіи съ историческимъ состояніемъ той же народнои массы во всѣ времена, со другой стороны—внутреннее состояніе цѣлаго языческаго человѣчества, въ которомъ приготовленіе къ христіанству совершалось для избранныхъ своимъ образомъ, а древнее отчужденіе массы отъ религіи истинной оказалось въ жалкихъ послѣдствіяхъ извращенныхъ теоретическихъ представленій и практическихъ несообразностей языческой жизни. Отсутствіе цѣльнаго внутренняго историческаго постиженія на такомъ важномъ пунктѣ отнимаетъ много силы у дальнѣйшаго изложенія въ книгѣ г. Чельцова.

Отдѣльная эпоха основанія христіанской церкви представляетъ выборъ свѣдѣній о жизни и служеніи Иисуса Христа изъ Евангелій, направленный къ подтвержденію того, что Иисусомъ Христомъ основана была церковь въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ послѣдствіи она осуществилась. Общее представленіе дѣла здѣсь довольно отвлеченно; преобладающій характеръ представленія—исключительно догматическій; не чувствуется живой исторической основы, на которой твердо держалась бы каждая черта изложенія, и не дается внутренней необходимости, вслѣдствіе которой предложенный очеркъ получалъ бы тотъ именно видъ, какой онъ имѣеть. Конечно, этотъ очеркъ не можетъ замѣнить евангельской исторіи, по онъ даже не предполагаетъ и предварительной ученой работы въ разсужденіи евангельскихъ повѣствованій, не предполагаетъ обширнаго историческаго изученія, сила котораго невольно сказала бы здѣсь. Однакожъ этотъ очеркъ долженъ бы быть строгимъ историческимъ экстрактомъ возмож-

но цѣлостнаго и правильнаго изученія евангельской исторіи и во всякомъ случаѣ болѣе соответствовать достоинству и величію предмета, которому посвященъ. Очень жаль, что впечатлѣніе этого очерка на читателя остается слабо.

Внимательно прочитавши первый выпускъ, предметомъ котораго служитъ распространеніе христіанской вѣры и внѣшнее положеніе христіанской церкви въ обществѣ въ первые три вѣка, считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее. Явленіе христіанства, какъ явленіе новое въ цѣлой исторіи человечества, образованіе христіанской общины съ основными христіанскими вѣрованіями и жизненными чертами, возвышающимися надъ всѣмъ, что дотолѣ извѣстно было въ мірѣ до-христіанскомъ, не выдвинуто въ книгѣ г. Чельцова на первый и ясный планъ, а за тѣмъ не поставлено это явленіе въ то историческое движеніе, въ какое дѣйствительно оно потомъ поступило. Исторически цѣльной послѣдовательности, того, что называется движеніемъ дѣйствія въ исторіи, въ книгѣ г. Чельцова мало. Тяготѣвшее прежде надъ нашею духовною наукою и въ особенности надъ церковною исторіею раздѣленіе на рубрики, на отдѣльныя стороны, чувствуется и въ новомъ опытѣ. Предметы излагаемые не такъ тѣсно и не такъ органически связаны между собою, чтобы дѣйствительно одно вызывало другое, чтобы предшествующее обозначало собою дальнѣйшій ходъ историческаго движенія. Авторъ сохраняетъ за собою право одни предметы поставлять на видъ, другіе опускать, ставить прежде и послѣ, дѣлать переходы по своему усмотрѣнію, такъ что книга не теряетъ ничего существеннаго, если иное исключить изъ нея, иное перемѣстить, иное прибавить. Каждый предметъ разсматривается самъ по себѣ, отступаетъ отъ исторической сцены и какъ бы забывается, какъ скоро изложеніе занято

другимъ предметомъ, Для примѣра укажемъ на то, что сочиненія язычниковъ противъ христіанства, обращенныя на вѣру и жизнь христіанъ, вмѣстѣ съ апологіями христіанскихъ писателей разсматриваются прежде, нежели ознакомился читатель съ образованіемъ христіанской общины: ясно, что эта глава легко можетъ быть поставлена, и даже съ большимъ правомъ, на концѣ періода. Наоборотъ, то, что составляетъ авторъ въ заключеніе періода, обзоръ особенностей христіанской жизни въ первоначальныя времена, само собою просится едва ли не на первое мѣсто. Необходимое условіе правильнаго историческаго изложенія вообще состоитъ въ строгой постепенности, такъ чтобы результаты одного изслѣдованія сами собою входили въ другое, и здѣсь, обогащаясь новымъ содержащемъ, представляли новыя явленія.

Разсматривая изложеніе г. Чельцова по тому способу, какимъ оно составлено, въ предѣлахъ воззрѣнія, господствующаго въ книгѣ, мы должны сказать, что нѣкоторыя отдѣльныя главы составлены обстоятельно и даютъ хорошее чтеніе. Это прежде всего должно сказать о той главѣ, которая посвящена свѣдѣніямъ о благовѣстническихъ трудахъ апостоловъ (стр. 79—106.); нужно только замѣтить, что для ясности и точности свѣдѣній необходимо было бы приложить правильно составленную географическую карту; для автора при его спеціальныхъ знаніяхъ не трудно было бы вообще составить удовлетворительныя карты для церковной исторіи, а для читателей и особенно преподавателей, это была бы истинная услуга. Другая глава, возбуждающая интересъ читателя и составляющая большую часть книги (стр. 114—242) вмѣстѣ предметомъ исторію гоненій на христіанъ отъ римскихъ императоровъ (гоненія отъ іудеевъ у автора

опущены). Въ главѣ о внѣшнемъ положеніи церкви въ языческомъ обществѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ сочиненій язычниковъ противъ христіанства и апологетической христіанской письменности—предметъ очень интересный, но этотъ предметъ изложенъ авторомъ коротко, несравненно короче, нежели исторія гоненій (на 60 страницахъ). Здѣсь христіанство соприкасалось лицомъ къ лицу съ язычествомъ, и его побѣдоносная внутренняя сила, которой не могли повредить нападенія язычества, шедшія извнутри, изъ самой глубины языческой жизни, представилась бы въ большемъ свѣтѣ при болѣе обширномъ и болѣе многостороннемъ изложеніи этой всемірной борьбы.

Книга г. Чельцова, какъ первый ученый опытъ, находитъ оправданіе въ первыхъ словахъ автора, съ которыми онъ обращается къ публикѣ: «издавая предлагаемый отрывокъ своихъ лекцій по общей церковной исторіи, я уступаю только самой настоятельной необходимости дать въ возможно-скорѣйшее время самостоятельное и православное руководство для изученія преподаваемого мною предмета въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.»

Избранныя слова и рѣчи покойнаго протоіеря Петропавловскаго кафедральнаго Собора и главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Н. О. Раевского. Спб. 1861.

Изданіе проповѣдей покойнаго о. протоіеря Раевского безъ сомнѣнія составитъ пріятный подарокъ для всѣхъ лицъ, состоявшихъ съ нимъ въ непосредственныхъ нравственныхъ отношеніяхъ, въ особенности же для бывшихъ воспитанниковъ петербургскаго 1-го кадетскаго корпуса и 2-ой гимна-

зіи, которымъ покойный посвятилъ бѣольшую часть своей благородной дѣятельности: разсѣяннѣмъ по разнымъ поприщамъ общественной дѣятельности, въ различныхъ внѣшнихъ положеніяхъ жизни, имъ отрадно обратиться къ минувшей свѣтлой порѣ юности и воспроизвести добрыя впечатлѣнія теплаго, отъ любвеобильнаго сердца исходившаго слова своего законоучителя. Но изданныя слова и рѣчи, кромѣ того, имѣютъ болѣе обширное и вѣстѣ поучительное значеніе. При всемъ обиліи въ нашей духовной литературѣ разныхъ бесѣдъ, словъ, поученій и рѣчей и безспорно высокомъ достоинствѣ произведеній нѣкоторыхъ проповѣдниковъ нашихъ, въ ней нельзя не чувствовать односторонности, которая можетъ быть въ извѣстномъ отношеніи названа даже совершенствомъ, но въ цѣлой массѣ церковныхъ поученій составляетъ немаловажный недостатокъ. Это—общность ихъ, отрѣшенность отъ дѣйствительныхъ слушателей, ихъ воззрѣній, особаго склада ума и нравственныхъ потребностей, неоднаковыхъ по различію образованія, внѣшнихъ состояній и даже этнографическихъ условій. Въ лучшихъ церковно-ораторскихъ произведеніяхъ это въ весьма значительной степени выкупается глубиною разсужденій о высокихъ истинахъ вѣры и важныхъ вопросахъ обще-христіанской нравственности, высотой духовнаго созерцанія или теплотою сердечнаго убѣжденія и назиданія. Но господствующій въ нихъ характеръ отношенія къ слушателямъ, какъ къ отвлеченной собирательной личности, отражается на другихъ посредственныхъ проповѣдническихъ произведеніяхъ, печатныхъ и даже изустно произносимыхъ,—отвлеченностію, обиліемъ общихъ мѣстъ, малопримосимостію къ нравственнымъ потребностямъ поучаемыхъ, однимъ словомъ, безжизненностію, безличностію. Онѣ пишутся по большей части такъ, что не имѣ-

ють въ виду опредѣленныхъ живыхъ слушателей, не обращены ни къ какому извѣстному разряду ихъ. Такое положеніе нашей церковной проповѣди имѣетъ свое оправданіе въ самой исторіи ея въ связи съ ходомъ народной жизни и воспитаніемъ самого духовенства. Здѣсь мы не намѣрены излагать эти причины. Замѣтимъ впрочемъ, что послѣднее время представляетъ, сколько намъ извѣстно, опыты болѣе или менѣе удачныя—проповѣдей, сближающихся съ потребностями разныхъ слоевъ русскаго общества. Можно надѣяться, что новыя условія общенародной жизни, полагаемая великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ, отзовутся и въ проповѣднической дѣятельности духовенства.

Обращаясь къ «Избраннымъ словамъ и рѣчамъ» покойнаго о. протоіерея Раевского, мы не можемъ не указать особеннаго ихъ достоинства въ томъ, что онѣ какъ по содержанію своему, такъ и по способу раскрытія его, принаровлены къ опредѣленнымъ разрядамъ живыхъ слушателей, въ средѣ которыхъ обращался проповѣдникъ, относившійся не ex officio, по съ теплымъ сочувствіемъ къ ихъ нравственному положенію. Его отеческая любовь къ слушателямъ, простота и искренность въ обращеніи къ нимъ своей назидательной рѣчи, чуждой школьныхъ формъ и многословія, — вотъ важныя качества, которыя дѣлаютъ изданную книгу достойною вниманія любителей духовнаго чтенія и особенно поучительною для преподавателей Закона Божія (*). Нѣсколько характеризующихъ словъ приведемъ изъ умнаго предисловія *издателя*. «Проповѣди протоіерея Раевского замѣчательны

(*) Кромѣ словъ и рѣчей, въ книгѣ напечатано еще: нѣсколько мыслей о преподаваніи Свящ. исторіи Ветхаго и Новаго Завета, и первыя главы изъ Новозав. исторіи.

нравственнымъ, практическимъ направленіемъ. Онѣ по большей части касаются вопросовъ дѣйствительной жизни и стараются разрѣшить ихъ съ христіанской точки зрѣнія. Правда, вопросы эти не разрѣшаются здѣсь вполне удовлетворительно. Проповѣдникъ не достигаетъ еще безстрастія и свободы настроенія духа. Вывода изъ общихъ истинъ христіанства примѣненія къ жизни, онѣ видимо стѣсняется тѣми формами, въ какія обстоятельства жизни вылились въ данную минуту.... Но читатель безъ сомнѣнія отдѣлитъ въ предлагаемыхъ проповѣдяхъ все внѣшнее, случайное, вызванное временемъ и мѣстомъ, и остановится на истинно-христіанскомъ духѣ ихъ, на нѣжности чувства и на любви, которою онѣ проникнуты». Это особенно чувствуется въ рѣчи по случаю приобщенія Св. Таинъ кадета, имѣвшаго покушеніе на свою жизнь.

Чтобы познакомить нашихъ читателей съ литературнымъ изложеніемъ автора и вмѣстѣ съ его христіански-просвѣщеннымъ взглядомъ на важный нравственный вопросъ, мы представляемъ слѣдующіе два отрывка изъ двухъ рѣчей его о христіанской благотворительности.—Вотъ отрывокъ изъ слова о частной благотворительности:

«Я готовъ благодѣтельствовать бѣднымъ, отвѣчаютъ многіе въ оправданіе своего жестокосердія,—но я рѣдко или почти никогда не на хожу въ нихъ достойныхъ носить имя меньшихъ братьевъ Христовыхъ,—не рѣдко встрѣчаю въ нихъ лицемеріе, ненасытность, пороки, отвращающіе отъ нихъ мое сердце.

«Можно усомниться, чтобы христіанинъ когда-нибудь рассуждалъ такимъ образомъ, если бы мы на самомъ опытѣ не встрѣчали подобныхъ чувствованій. Странное извиненіе! Оно оскорбительнѣе, жесточе самаго немилосердія. Тебя оскорбляютъ пороки твоихъ бѣдныхъ братьевъ? Но подумай, кто

далъ тебѣ право судить и осуждать ихъ? Ежечасно испитывая на себѣ незаслуженное тобою милосердіе небеснаго Отца, ты считаешь ихъ недостойными твоего милосердія? Остановись! Не суди до вѣрени.—Вотъ придетъ Господь совершить судъ надъ ними и надъ тобою! Страхнись, чтобы первые не явились послѣдними, и послѣдніе первыми! Ты находишь въ нихъ пороки! Но не самъ ли еще ты виновникъ ихъ? Можетъ-быть, не было бы ихъ, если бы ты давно твоими благодѣяніями усладилъ ихъ жизнь, если бы еще въ самомъ началѣ дѣятельно отвратилъ отъ нихъ врачную бѣдность,—виновницу многихъ преступленій. Ты порицаешь ихъ лицемеріе, они, по словамъ твоимъ, увеличиваютъ предъ тобою свои нужды! Жестокій! Чего ты еще ожидаешь? Ты ожидаешь, чтобы у нихъ не было уже ни куска хлѣба, ни разодраннаго рубища, ни темнаго угла для сохраненія изнемогающихъ силъ;—чтобы кромѣ тебя не оставалось уже ни одного сердца сострадательнаго къ ихъ злополучію, и тогда, можетъ быть, ты удѣлилъ бы имъ нѣсколько лептъ, чтобы они тѣмъ живѣе почувствовали горестъ своего положенія.

«Ты не имѣешь средствъ къ благотворенію? Неужели Господь требуетъ отъ тебя невозможнаго? Ужели нѣтъ у тебя и двухъ лептъ, чтобы приобрѣсть за нихъ благословеніе, какъ упоминаемая въ Евангеліи вдовица. Если нѣтъ и этого—условіе, кажется, невозможное,—по крайней мѣрѣ у тебя есть привѣтливое слово для утѣшенія страждущаго, у тебя есть слезы, чтобы плакать съ плачущими; ты и за это не лишишься награды».

Вотъ еще отрывокъ изъ слова объ общественной благотворительности:

«Казалось бы, мнѣ нѣтъ особенной надобности увѣщавать васъ къ милосердію. Вы и безъ моего увѣщанія имѣете много побужденій къ благотворительности. Вамъ извѣстна и по-

слѣдняя заповѣдь Христова, которою Онъ заповѣдалъ любить ближняго такъ, какъ Онъ любитъ насъ (Іоан. 15, 12): а эта любовь выражается въ милосердіи. Вамъ извѣстны и великія обѣщанія, которыя далъ Господь тѣмъ, кто милосердъ къ бѣднымъ. Онъ сказалъ, что сдѣланное для бѣднаго сдѣлано для Него самого, и что на послѣднемъ судѣ первая награда будетъ за дѣла милосердія (Мате. 25, 40, 41). Видь страдающаго бѣднаго и воспоминаніе о томъ, что каждый изъ насъ можетъ самъ, противъ ожиданія, подвергнуться бѣдности, естественно располагаетъ къ подаванію. Доказательствомъ вашей благотворительности служатъ десятки нищихъ, собирающихся въ праздничные дни при входѣ въ этотъ храмъ. Они собираются потому, что здѣсь находятъ подаваніе и пособіе своей бѣдности. Какъ не радоваться этому! Значить, богослуженіе и поученіе достигаютъ своей цѣли; значить сердца ваши за молитвою довольно согрѣваются для дѣлъ милосердія. Съ этой стороны предстоящіе нищіе составляютъ украшеніе церкви, свидѣтельствуя о христіанскихъ добродѣтеляхъ ея посѣтителей.

«Но одобряя ваше милосердіе, братія, не умолчу предъ вами, что видъ тѣхъ же бѣдныхъ наводитъ на меня и нѣкоторыя грустныя мысли. Вы охотно подаете бѣднымъ; но этимъ подаваніемъ вы рѣдко уничтожаете корень нищеты; и при вашемъ подаваніи нищій большею частію все остается нищимъ. Ему надобно стоять во храмѣ полъ-дня, чтобы собрать себѣ на пищу одного или двухъ дней. Проходить день,—ему снова надо стоять и ожидать подаванія. Не жалко ли, что онъ столько теряетъ времени, которое могъ бы употребить на труды, полезныя ему и другимъ? Такой способъ приобрѣтенія пропитанія не располагаетъ ли его къ праздности и безпечности, поддерживающихъ бѣдность?—Съ другой стороны, сколько есть бѣдныхъ, которые, лежа на одрѣ

болѣзни или, по другимъ обстоятельствамъ, не могутъ придти за сборомъ подаванія, или, связанные положеніемъ, стыдятся открыть свою бѣдность, а между тѣмъ страдаютъ. Сколько несчастныхъ, которымъ надо помочь не мелкимъ подаваніемъ, но значительнымъ, чтобы разомъ извлечь ихъ изъ нищеты и иногда чрезъ это отвести отъ порока; между тѣмъ мы ихъ совершенно не знаемъ. Мы подаемъ просящему у насъ бѣдному, удовлетворяемъ пробудившему въ насъ чувство милосердія. Если мы принимаемъ истинное участіе въ бѣдныхъ,—не обязаны ли мы позаботиться, чтобы наша благотворительность вѣрнѣ достигла своей цѣли, шла болѣе надежнымъ путемъ и, по возможности, истребляла самую нищету.

«Правительство, руководимое законами любви христіанской, предлагаетъ намъ болѣе вѣрный способъ благотворительности. Оно устраиваетъ въ значительномъ числѣ въ самыхъ храмахъ кружки, назначенныя для собиранія подаванія въ пользу бѣдныхъ. Онѣ обносятся между вашими рядами именно съ тѣмъ, чтобы передать ваши приношенія извѣстнымъ ему, истинно бѣднымъ и несчастнымъ. Для этой же цѣли учреждены многія благотворительныя общества, чтобы узнавать бѣдныхъ всѣхъ возрастовъ и состояній и помогать имъ отъ общественной благотворительности. Эти общества призываютъ къ благотворительности и, принимая приношенія, поставляютъ себѣ долгомъ и радостью раздѣлить ихъ истинно нуждающимся.

«Не для того говорю вамъ эти слова, чтобы ослабить вашу охоту подавать просящимъ бѣднымъ, это вы будете исполнять, но для того, чтобы возвести васъ на высшую степень благотворительности. Учитель въ школѣ доволенъ и тѣмъ, когда ученикъ трудится по силамъ, не лѣнитъ и исполняетъ свои уроки; но онъ особенно радуется о тѣхъ, которые,

ближе понимая его, съ особеннымъ стараніемъ трудятся для самой науки. Такъ и пастырь церкви одобряетъ тѣхъ, которые подають просящимъ милостыню, но болѣе радуется о тѣхъ, которые съ вѣрою и послушаніемъ предпочитаютъ участвовать въ общественной благотворительности.

«Забывая о бѣдныхъ, удовлетворяя ихъ временнымъ нуждамъ, будемъ содѣйствовать общими силами тому, чтобы уменьшалось самое число ихъ. Главное, не дадимъ мѣста тому, чтобы холодная расчетливость, а за нею и скупость ослабили въ насъ чувство благотворительности и тѣмъ лишили насъ небесной награды.»

ОБЪЯВЛЕНІЕ ПОПЕЧИТЕЛЯ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ БОГОДѢЛЬНАГО ДОМА ВЪ ОРАНИЕНБАУМѢ.

Попечитель объ устройствѣ богадѣльнаго дома для престарѣлыхъ и убогихъ женскаго пола, учреждаемаго при церкви святыя Живоначальныя Троицы въ Ораніенбаумѣ, на кладбищѣ, считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія Боголюбивыхъ и Христолюбивыхъ благотворителей:

1) Заложенный въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны и Супруга Ея 27-го іюля 1860 года новый богадѣльный домъ при церкви Живоначальныя Троицы вчернѣ оконченъ и приготовленъ будетъ къ освященію и открытію 28-го іюля, сего 1861 года.

2) Домъ устроенъ на 42 лица убогихъ и престарѣлыхъ женскаго пола, въ четырехъ большихъ комнатахъ, по 8 человекъ въ комнату, съ отдѣльною комнатою для больныхъ и съ запасными при самомъ домѣ и во флигелѣ, такъ что всѣхъ старушекъ можетъ быть помѣщено въ немъ удобно и просторно 40, и даже болѣе.

3) Такъ какъ богадѣльный домъ будетъ содержимъ единственно на добровольныя приношенія христіанскихъ благотворителей; то естественно, онъ будетъ наполняемъ старушками и убогими по мѣрѣ поступленія таковыхъ приношеній.

4) Приношенія могутъ быть *постоянными и временными*. Подѣ

постоянными разувѣнъ вѣчные, нешржословенные капиталы, съ употребленіемъ однихъ процентовъ. Чтобы учредить вѣчную кровать въ память родныхъ, или за здравіе и спасеніе свое собственное, нужно будетъ основать капиталъ въ 2000 руб. серебромъ, за одинъ разъ, или въ теченіе трехъ, четырехъ лѣтъ, не далѣе семи. Временныя приношенія будутъ принимаемы во всякое время. Каждой кровати, на содержаніе которой ежегодно будетъ вносимо 100 руб. сер. (за годъ или за полгода впередъ), наравнѣ съ вѣчною кроватью, предоставлено будетъ право именоваться именемъ и фамиліею благотворителя живаго, или усопшаго.

5) Въ богадѣльный домъ будутъ принимаемы убогія и престарѣлыя всякаго званія, какъ благороднаго и средняго сословія, такъ и простаго. Такъ какъ помѣщеніе состоитъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ номеровъ, съ особенными запасными отдѣленіями при самомъ домѣ и во флигелѣ, то представляется полная возможность размѣщать старушекъ сообразно званію каждой, и больныхъ особо отъ здоровыхъ.

6) За благотворителей—постоянныхъ внесшихъ вѣчные капиталы, и временныхъ, содержащихъ одну, двѣ кровати, или отдѣльный номеръ, будетъ теплиться неугасимая лампада въ общей столовой богадѣльнаго дома предъ св. иконами святыя Живоначальныя Троицы и Царицы Небесной киевопечерской и тихвинской, которыми (иконами) благословлены старушки изъ Божіа храма святыя Троицы въ новоселье ихъ въ 1832 году.

7) Кромѣ сего предполагается установить совершеніе въ Божіемъ храмѣ святыя Троицы-молитвенныхъ памятованій, какъ о живыхъ, такъ и объ усопшихъ благотворителяхъ богадѣльнаго дома. О дняхъ и порядкѣ совершенія сихъ памятованій представлено на разрѣшеніе духовнаго начальства и, по воспослѣдованіи онаго, объявлено будетъ о томъ особо.

Благочестивые и Христолюбивые благотворители, желающіе усердствовать постоянными или временными приношеніями на пользу учреждаемаго богадѣльнаго дома, благоволятъ обратиться письменно или лично, къ нижеподписавшемуся.

Попечитель объ устройствѣ богадѣльнаго дома въ Ораніенбаумѣ, усердный молитвенникъ предъ Престоломъ Божиимъ о спасеніи всехъ благотворителей, Ораніенбаумской придворной Ея Императорскаго Высочества церкви святаго Пантелеймона священникъ Гавріиль Любимовъ.

З А В Ъ Т Ъ П

Нѣсколько словъ по поводу воскресныхъ школъ
 Новая книга. I. Исторія христіанской церкви. Сочиненіе ординар-
 го профессора С. Петербургской духовной академіи Ивана Чельцова. Томъ
 1 Сиб. 1861. II. Избранныя словеса и рѣчи покойнаго протоіерея Петропа-
 ловскаго кафедральнаго Собора и главнаго наблюдателя за преподаваніемъ
 Закона Божія въ воспитательныхъ заведеніяхъ Н. О. Раевского. Сиб. 1861
 Объявленіе объ устройствѣ богадельнаго дома въ Ораниенбаумѣ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ 1861 ГОДѢ:

ВЪ ПЕРВУЮ.

Въ Редакціи Православнаго Обозрѣ-
 нія, въ зданіи Университета у свя-
 щенника Сергіеваго; въ книжныхъ
 лавочкахъ гг. Базунова и Сивилово-
 ва, на Страстномъ бульварѣ; въ лавкѣ
 г. Архангельскаго на Невскомой улицѣ,
 бібліотекѣ для чтенія г. Горбу-
 нова на Никитской и у другихъ кни-
 гопродавцовъ Москвы.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Въ книжныхъ лавкахъ: гг. Базуно-
 ва, на Невскомъ проспектѣ въ д. За-
 нгелъмарта, Обливинова въ Гостини-
 цномъ дворѣ, Крашенинникова, Че-
 раблеса и у другихъ книгопрола-
 цовъ Петербурга.

Изъ городовъ бѣговыми адресоваться исключительно въ Редакцію
Православнаго Обозрѣнія, въ Москву.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**, съ доставкой по доро-
 жѣ посылкою за други города **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРЯНЫХЪ**.

На тѣхъ же условіяхъ принимается еще годичнаго съ 1860 года.

Печатать повелѣно въ Москвѣ 31-го мая 1861 года.

Царскій Протопресвитеръ А. Мещеряковъ.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ ВТОРОЙ

АПРѢЛЬ 1861.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—КНИГА ПРОРОКА ДАНИЛА. *Опытъ переложенія на русскій языкъ.* Архим. МАКАРІЯ.
- II.—СВ. АМВРОСІЙ ЕПИСКОПЪ МЕДИОЛАНСКІЙ. *Протоіер.* Е. М. АЛЕКСИНСКАГО
- III.—ХРИСТИАНСКАЯ ИСТИНА ВЪ МІРѢ. Свщч. Н. К. ПРОТОПОПОВА.
- IV.—ПРОПОВѢДЬ СЕЛЬСКАГО ПАСТЫРЯ КАКЪ СРЕДСТВО НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ . . . Е. Г.
- V.—ОТВѢТЪ НА ЛОЖНОЕ ОБВИНЕНІЕ ПРОТИВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РУССКОЙ.
- VI.—ЗАМѢТКИ. (*См. на оборотѣ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- VII.—Св. Климента Епископа Римскаго посланіе I къ коринтянамъ (*Окончан.*) Гл. XIII—XX.
- VIII — Предисловіе ко второму посланію святаго Климента Римскаго къ коринтянамъ. Свщч. П. А. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.
- IX — Святаго Климента Римскаго посланіе II къ коринтянамъ. Гл. I—XII.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.
Digitized by Google

№ VIII. 16.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

1861.

АПРѢЛЬ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

11.11.1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 14 дня 1861 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Покскій*.

СВ. АМВРОСІЙ ЕПИСКОПЪ МЕДІОЛАНСКІЙ

I.

Св. Амвросій, епископъ медіоланскій, родился въ Галліи. Отець его, въ званіи префекта, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ въ имперіи и управлялъ не только Галлією, но и Испанією, Англією и частію Африки. Амвросій родился около 340 года, по однимъ въ Ліонѣ, по другимъ въ Трирѣ, гдѣ была резиденція галликанскаго префекта въ IV вѣкѣ. Въ дѣтствѣ Амвросія случилось одно происшествіе, которое отецъ его принялъ съ радостію, какъ предзнаменованіе судьбы своего сына. Однажды младенецъ заснулъ подъ деревомъ,—откуда ни взялся рой пчелъ, которыя начали кружиться надъ малюткой, потомъ сѣли на него, на его лице, на губы, начали вползать даже въ ротъ и не причинили ему никакого вреда. Ихъ хотѣли прогнать, но отецъ запретилъ, чтобы не нарушить предзнаменованія: пчелы—это медъ, который потечетъ изъ устъ Амвросія; пчелы, оставивши его, поднялись такъ высоко, что совершенно потерялись изъ виду,—

заключеніе, что будущій ораторъ будетъ столько же высокъ, сколько пріятенъ. Но отцу не было суждено видѣть исполненіе предназначенія; онъ умеръ, когда сынъ не могъ даже оцѣнить своей потери.

По смерти отца Амвросій не остался одинокииъ. Его берегла нѣжная заботливость матери; у него были еще сестра и братъ. Осиротѣвшее семейство оставило Галлію и переселилось въ Римъ, куда, быть-можетъ, призывали его родственныя связи. Здѣсь могло представляться болѣе удобствъ для образованія дѣтей, и, какъ въ столицѣ имперіи, легче было въ послѣдствіи найти молодыиъ людямъ путь къ государственныиъ должностямъ. Здѣсь добрая мать и скончалась, завѣщавъ дѣтямъ взаимную любовь, а дочери, какъ старшей, надзоръ за братьями.

Марцеллина, такъ звали сестру Амвросія, ещѣ при жизни матери приняла на себя обѣтъ дѣвства, что и дало ей и силы, и средства исполнить послѣднее завѣтное слово умирающей заняться образованіемъ братьевъ. Добрымъ словомъ и прижѣромъ она дѣйствовала на нѣжныя сердца дѣтей. Въ этомъ домашнемъ училищѣ Амвросій получилъ благотворныя уроки: здѣсь первоначально развились въ немъ тѣ высокія нравственныя качества, которыя отличали потомъ жизнь его. Нѣжная заботливость съ одной стороны, благодарность и сходство расположеній съ другой укрѣпили союзъ крови союзомъ искренней дружбы на всю жизнь.

Послѣ первоначальнаго домашняго, истинно-христіанскаго воспитанія, Амвросій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Сатаромъ, уже христіане въ душѣ, но еще не крещенные, приступили къ изученію свѣтскихъ наукъ. Особеннымъ предметомъ ихъ занятій были краснорѣчіе и правовѣдѣніе,—науки, необходимыя для тѣхъ, кто хогѣлъ посвятить себя дѣятельности об-

щественной. Молодые люди, съ счастливыми способностями, преданные наукѣ, оказали великіе успѣхи подъ руководствомъ знаменитыхъ современныхъ наставниковъ. Тамъ, гдѣ пылкіе умы не довольствовались образцами современными, они обращались къ золотому вѣку греко-римскаго просвѣщенія, и изучали образцовыхъ писателей Греціи и Рима. Амвросій особенно любилъ читать Цицерона, и его бралъ себѣ въ образецъ, готовясь вступити на то же поприще публичнаго оратора. Наконецъ юные братья явились на этомъ поприщѣ, и всеобщее одобреніе пріѣтствовало двухъ молодыхъ адвокатовъ. Защитники правды, прямодушные, красно-рѣчивые, твердые въ принятыхъ однажды правилахъ, незнакомые ни съ ласкательствомъ, ни съ мелочною гордостію душъ ничтожныхъ, они скоро пріобрѣли любовь народа. Слѣдѣхъ, одинъ изъ первыхъ римскихъ ораторовъ, полюбилъ Сатира какъ роднаго сына, и Амвросій сталъ другомъ префекта Проба, который скоро избралъ его себѣ помощникомъ.

Теперь открылась братьямъ жизнь въ томъ очаровательномъ свѣтѣ, въ какомъ представляютъ ее надежды молодости: у нихъ было все—средства жизни, почетныя должности, народное уваженіе, все, что люди называютъ счастіемъ. Но они всего болѣе дорожили взаимною любовію другъ къ другу, и когда усилившіяся занятія чаще стали разлучать друзей-братьевъ, это глубоко огорчало ихъ. Сколько безкорыстной привязанности къ брату видно въ словахъ сѣтующаго Амвросія надъ гробомъ Сатира! По словамъ Амвросія, Сатиръ былъ для него всѣмъ—утѣхой дома, украшеніемъ въ обществѣ, помогалъ ему совѣтами, дѣлилъ съ нимъ заботы, веселилъ его въ часы скуки, былъ ревностнымъ защитникомъ его поступковъ и убѣжденій, и всегда любилъ его искреннею любовію брата, заботился о немъ съ вѣжностію отца, былъ

внимателенъ къ нему какъ старшій, почитателенъ какъ младшій. Сама природа, кажется, хотѣла сблизить эти два существа болѣе обыкновеннаго. Чудное сходство въ чертахъ лица, въ тѣлосложеніи, въ голосѣ, многихъ вводило въ обманъ; часто самыя близкіе знакомые принимали ихъ одного за другаго, думали, что говорятъ съ Сатиромъ и говорили съ Амвросіемъ.

Но наступило время, когда друзья-братья должны были разлучиться. Ихъ назначили начальниками въ различные діоцезы имперіи. Сатиръ не могъ навсегда остаться въ разлукѣ съ братомъ, и когда Амвросій сдѣлался епископомъ, онъ самъ отказался отъ блестящаго мѣста, которое занималъ въ провинціи, и соединился съ братомъ, чтобы облегчить труды его. Между тѣмъ какъ Амвросій все время посвящалъ занятіямъ по новому своему званію, Сатиръ, по его просьбѣ, принялъ на себя управленіе наследственнымъ имѣніемъ, которое, изъ уваженія къ памяти отца, оставалось безъ раздѣла, и съ безкорыстною заботливостію исполнялъ свои обязанности. Эта заботливость стоила ему жизни. На пятомъ году Амвросіева епископства (378), Сатиръ отправился на корабль въ Африку, чтобы получить тамъ давніе значительныя долги съ какого-то Проспера, который отказывался платить ихъ. Тщетно Амвросій, въ горестномъ предчувствіи, старался удержать брата дома. Сатиръ, спѣша своимъ дѣломъ, сѣлъ на первый попавшійся корабль, и у африканскихъ береговъ потерпѣлъ кораблекрушеніе: только чудомъ спасся онъ изъ волнъ океана. Страхъ и безпокойства зимаго пути разстроили его здоровье: готовясь къ смерти, онъ желалъ родиться къ вѣчной жизни въ водахъ святаго крещенія. Мысль о братѣ не оставляла его и въ послѣднія минуты. Случилось такъ, что епископъ того мѣста, гдѣ послѣ

кораблекрушенія поселился больной Сатиръ, держался раскола Люциферова. Сатиръ зналъ мысли Амвросія о тѣхъ, которые отдѣляютъ себя отъ единства церкви, и рѣшился лучше остаться безъ крещенія, нежели принять его отъ послѣдователей секты, которую осуждалъ братъ его. Однакожь Провидѣніе послало ему православнаго епископа и новыя силы. Съ успѣхомъ окончивъ дѣла въ Африкѣ, Сатиръ спѣшилъ увидѣть брата. Но радость свиданія скоро смѣнилась горестію вѣчной разлуки. Прежняя болѣзнь возвратилась къ Сатиру, усилилась, и онъ умеръ (378) на рукахъ друга-брата. Амвросій, прощаясь съ дорогими останками, надъ гробомъ, въ которомъ заключалась какъ бы половина его собственнаго существа, произнесъ слово, дышащее всею нѣжностію братской любви.

Мы сказали уже о вниманіи къ Амвросію Проба, префекта италійскаго. Зная благородную душу Амвросія, онъ искалъ случая поставить его на такое мѣсто, на которомъ были бы виднѣе его способности, кругъ дѣятельности былъ бы обширнѣе и вліяніе значительнѣе. Открывшееся мѣсто префекта въ одной италійской области, Лигуріи или Эмилиі, обѣщало все, чего хотѣлъ Пробъ для Амвросія. Прекрасная природа, образованные жители, изъ грубыхъ варваровъ ставшіе мирными христіанами, славные города: Генуя, Модена, Булонъ, Медиоланъ, — такими преимуществами могла хвалиться не всякая провинція. Медиоланъ былъ любимую резиденціей западныхъ императоровъ въ IV вѣкѣ. Понимающій свое дѣло, благоразумный, правдивый намѣстникъ Медиолана, подъ непосредственнымъ надзоромъ императора, много могъ сдѣлать и для себя, и для общества.

«Ступай, но будь для своихъ подчиненныхъ не столько строгимъ судіею, сколько отцемъ, епископомъ», — такъ гово-

рилъ, прощаясь съ Амвросіемъ, Пробъ, и, вѣроятно, въ этомъ напутствіи заключалось наставленіе не сообразоваться съ жестокостями судей въ другихъ провинціяхъ. Но Амвросій меньше всего имѣлъ нужду въ подобномъ совѣтѣ. Слухъ предупредилъ подчиненныхъ въ пользу начальника прежде, чѣмъ явился онъ въ Медиоланъ; онъ явился, и жители узнали, что молва не преувеличивала добрыхъ качествъ Амвросія, — удивлялись его безукоризненной жизни, его ласковости въ обращеніи съ низшими, его благоразумной кротости съ виновными. Врагъ всякаго раздора и несогласія, онъ своимъ именованіемъ и присутствіемъ не разъ укрощалъ народныя волненія, и водворялъ миръ между враждующими. Нужно ли было защитить невинность, обличить преступленіе, отмѣнить несправедливый приговоръ, — Амвросій дѣйствовалъ по внушенію совѣсти и сердца, и не смотрѣлъ на лица. Самъ императоръ, Валентиніанъ старшій, не разъ видѣлъ примѣры той безстрашной свободы, съ которою медиоланскій намѣстникъ открывалъ ему иногда горькую правду, и умѣя отличать истинныя заслуги, виѣсть съ другими платилъ дань уваженія его доблестямъ.

И вотъ, лишь только выступилъ Амвросій на служеніе государству, Промыслъ неожиданно указываетъ ему другое поприще. Въ концѣ 374 года не стало въ Медиоланѣ Амвросія — префекта, виѣсто его увидѣли Амвросія — епископа.

II.

Въ правленіе Константина Великаго церковь нашла себѣ покой послѣ трехвѣковыхъ кровавыхъ гоненій. Но виѣсто враговъ виѣшнихъ, явились внутренніе: возстало аріанство. Внутреннія волненія, потрясавшія церковь восточную, отра-

жались и на западѣ, особенно когда въ рукахъ восточнаго императора находилось управление и западною половиною имперіи, какъ это было при Констанціи. Противъ аріанства церковь западная имѣла въ свое время защитника въ єпископѣ римскомъ Юліѣ. Но его пріемникъ Ливерій (съ 352) не имѣлъ столько христіанскаго мужества, чтобы безстрашно довершить подвигъ исповѣдничества предъ врагами церкви, и своимъ примѣромъ ободрить малодушныхъ: посланный въ заточеніе Констанціемъ, онъ изъ страха согласился признать символъ аріанскій; такое отступничество глубоко тронуло ревнителей истины, и послужило соблазномъ для многихъ. Не сомнѣвались въ православіи Ливеріева преемника, Дамаса, за то подозрительно смотрѣли на его жизнь. По трупамъ 137 человекъ взошелъ онъ на римскую каѳедру, оспаривая ее у Урсина,—впечатлѣніе, на первый разъ слишкомъ невыгодное для єпископа. Дамасъ не обратилъ вниманія на свое положеніе. Пышность, съ которой онъ жилъ, была неприлична вѣрному служителю Ісуса Христа. Кляръ подражалъ своему начальнику. Вѣрные едва таили свое негодованіе, и знаменитый язычникъ Претекстатъ, на предложеніе принять христіанскую вѣру, съ язвительною насмѣшкой отвѣчалъ Дамасу: «поставь меня єпископомъ Рима, и я соглашусь принять крещеніе.»

Послѣ єпископа римскаго, никто не имѣлъ столько вліянія на церковь западную, какъ єпископъ резиденціи западныхъ императоровъ, Медіолана. Но въ Медіоланѣ со времени заточенія Діонисія уже нѣсколько лѣтъ аріанство имѣло перевѣсъ надъ православіемъ. Авксентій, смѣнившій Діонисія, былъ ревностный аріанинъ. Въ клярѣ господствовало несогласіе; одни увлекались мнѣніями аріанскими, другіе вовсе забывали святое призваніе жизни христіанской, а

немногіе вѣрные сыны церкви ничего не могли сдѣлать противъ преобладающей силы противниковъ. Съ горестію смотрѣлъ епископъ римскій на бѣдственное состояніе церкви медіоланской, два раза торжественно осуждалъ Авксентія; и — все напрасно. Епископъ медіоланскій вкрался въ довѣренность Валентиніана I, и подъ защитою императора, сѣлся надъ отлученіями, какими громилъ его Дамасъ, самъ отвѣчалъ ему тѣми же громами.

При такомъ положеніи дѣлъ нуженъ былъ для западной церкви *пастыръ добрый*, человекъ съ ревностію за истину вѣры—въ отпоръ сретикамъ, съ искреннимъ христіанскимъ благочестіемъ—въ примѣръ народу, съ твердымъ характеромъ—для большаго вліянія на самыхъ императоровъ.

Авксентій умеръ (374): кому занять епископскую кафедру въ Медіоланѣ? Императоръ Валентиніанъ поручилъ духовенству въ общемъ собраніи назначить и облечь высокимъ саномъ святителя достойнѣйшаго изъ среды ихъ. Епископы, опасаясь несогласій, всегда неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ есть партіи, съ своей стороны хотѣли предоставить дѣло избранія на-волю Валентиніана. Императоръ, отзываясь недостаточнымъ знаніемъ правилъ церковныхъ, и ссылаясь на то, что избраніе архипастыря принадлежитъ единственно самой церкви, рѣшительно устранился отъ избранія. Тогда обратились къ древнему обыкновенію церкви: общій голосъ въ собраніи духовенства и мірянъ долженъ былъ указать достойнаго. День собранія насталъ: собралось множество народа, православные сошлись съ аріанами, между партіями открылось несогласіе и смятеніе... И вѣроятно этотъ день ознаменовался бы кровопролитіемъ, какъ было въ Римѣ при избраніи Дамаса, если бы не утишило пыла страстей присутствіе медіоланскаго намѣстника. Заботясь о спокойствіи

города, Амвросій поспѣшилъ въ церковь, гдѣ волновался народъ, забывшій и святость мѣста, и высокую цѣль собранія: толпы раздвинулись, крики смолкли. Амвросій, пользуясь народнымъ уваженіемъ, не любилъ дѣйствовать строгими мѣрами тамъ, гдѣ можно было успѣть совѣтомъ и убѣжденіемъ. Въ намѣреніи возстановить миръ между враждебными партіями, взошелъ онъ на то мѣсто, съ котораго епископъ обыкновенно произносилъ поученія къ народу. Одушевленная рѣчь Амвросія привела въ стыдъ безпокойныхъ. Слушая свѣтскаго оратора, проповѣдующаго миръ въ храмъ Бога, на каедрѣ епископской, среди многочисленнаго народа, каждый думалъ видѣть въ немъ своего епископа. И естественно было во всѣхъ родиться желанію имѣть епископомъ челоуѣка подобнаго тому, который теперь ихъ учитъ, и учить такъ убѣдительно. Въ эту минуту, когда всѣ, увлекшись краснорѣчіемъ Амвросія, забыли прежнюю распрю, среди торжественной тишины раздался дѣтскій голосъ: «Амвросій епископъ!» Народъ принялъ этотъ голосъ за избраніе Божіе: «Амвросій епископъ»,—повторили всѣ, какъ будто это было общее желаніе, для котораго недоставало только выраженія. Не слышно ни прекословія, ни ропота между православными и аріанами.

Что думалъ и что чувствовалъ тогда самъ Амвросій? Въ общемъ голосѣ, нарекавшемъ его епископомъ, онъ видѣлъ не больше, какъ прихоть своевольной толпы, которая всегда увлекается первымъ впечатлѣніемъ. На этотъ разъ народъ доказалъ противное, что онъ дѣйствовалъ по искреннему убѣжденію. Тщетно представлялъ Амвросій, что онъ не принадлежитъ по своему званію къ духовенству, изъ среды котораго обыкновенно избираются на епископскую каедрю, не знакомъ ни съ уставами церкви, ни съ Священнымъ Пи-

саніемъ, сколько нужно для учителя церкви, что опъ даже не крещень, а Павелъ не совѣтуетъ избирать въ епископа и новокрещеннаго. Народъ не внималъ ничему, и крикомъ: «Амвросій епископъ» заглушалъ его представленія. Смутился Амвросій, но въ желаніи народа все еще видѣлъ минутную вспышку немногихъ горячихъ головъ, и принялъ такія мѣры, отъ которыхъ надѣялся больше успѣха, чѣмъ отъ словъ. Вскорѣ по выходѣ изъ церкви собралъ онъ совѣтъ и подвергъ намѣренно строгому суду главныхъ виновниковъ смятенія. Народъ угадалъ намѣреніе, и притворная жестокость не достигла своей цѣли. Не удалось Амвросію и намѣреніе бросить тѣнь на свои добрые нравы. Наконецъ онъ рѣшился скрыться. Но во мракѣ ночи блуждая по путямъ незнакомымъ, на разсвѣтѣ дня онъ очутился опять у воротъ Медиолана. Народъ узналъ бѣглеца и бдительная стража окружила домъ его. Амвросій успѣлъ еще разъ скрыться въ загородномъ домѣ, принадлежавшемъ одному вельможѣ Леонтію. Но дѣло уже было доведено до свѣденія императора. Намѣстникъ италійскій выдалъ строгое объявленіе объ отысканіи Амвросія. Амвросій долженъ былъ возвратиться въ Медиоланъ. Императоръ, надѣясь отъ Амвросія всего для блага церкви, подтвердилъ общій голосъ своимъ согласіемъ на избраніе Амвросія въ епископа церкви медиоланской. Избранникъ Божій съ преданностію Провидѣнію покорился избранію.

Амвросій, готовясь занять епископскую кафедру, долженъ былъ напередъ дверію крещенія вступить въ церковь. Съ безпокойствомъ ожидали аріане и православные: отъ кого пожелаетъ онъ принять крещеніе? Амвросій торжественно объявилъ, что онъ позволитъ крестить себя только православному епископу, и сдержалъ свое слово. Народъ требо-

валъ немедля рукоположить новокрещеннаго въ епископа. Поспѣшность оправдывали необходимостію, честною жизнію Амвросія до крещенія, при которой испытаніе было излишнимъ. И напрасно самъ Амвросій усиливался отдалить время рукоположенія. Въ семь дней онъ прошелъ всѣ степени клира, и въ осьмой, 7-го декабря 374 года, на 34 году отъ рожденія принялъ хиротонію. День этотъ былъ торжествомъ для народа; самъ государь присутствовалъ при посвященіи, и по окончаніи священнодѣйствія торжественно благодарилъ Бога за такой счастливый исходъ дѣла (*).

Новый епископъ во глубинѣ души далъ обѣтъ посвятить всего себя новому призванію. Уже на первомъ шагу онъ увидѣлъ то бѣдственное состояніе, до котораго дошла церковь медиолауская въ продолженіе двадцатилѣтняго правленія Авксентіева. Но Амвросій не упалъ духомъ и не остался въ бездѣйствіи. Изъ среды оглашенныхъ призванный проповѣдывать истину, онъ самъ долженъ былъ напередъ ознакомиться съ священными предметами своей проповѣди; готовясь къ борьбѣ съ врагами Евангелія, онъ имѣлъ нужду научиться прежде владѣть оружіемъ. Поучительно читать, какъ самъ Амвросій, искусный юристъ, хорошій ораторъ, образованнѣйшій человекъ своего времени, съ добродушною откровенностію признается въ незнаніи таинъ христіанской мудрости. «Назначеніе прежней моей жизни не позволило мнѣ заняться своимъ образованіемъ (христіанскимъ); за то я стану учиться теперь, чтобы успѣшнѣе исполнить высокую обязанность учителя.» И онъ скромно сошелъ со ступени учительской, и смиренно сталъ въ ряду учениковъ.

(*) Образъ избранія Амвросія въ епископа и стараніе его избѣгать высокаго сана описаны *Павлиномъ* и *Феодоритомъ*.

Онъ изучалъ истины христіанства въ той обширности, какая была потребна для пастыря церкви. Знаніе греческаго языка открывало ему доступъ къ писаніямъ отцевъ церкви восточной, современныхъ и древнѣйшихъ: онъ читалъ Оригена, изучалъ Василія великаго и Григорія назіанзена. Живыя истины Божественнаго слова оплодотворяли его умъ, дали высокое направленіе знаніямъ прежнимъ, и духъ ревнителей истинной церкви Христовой сдѣлался его духомъ.

Занимаясь собственнымъ образованіемъ, онъ не забывалъ своей паствы, — собираясь съ силами, онъ уже дѣйствовалъ. Амвросію не нужно было тратить много времени, чтобы приобрести народную довѣренность къ себѣ; народъ довѣрчиво предался своему епископу со дня его избранія; и епископъ съ надеждой началъ свое служеніе тѣмъ, чѣмъ и слѣдовало начать въ его обстоятельствахъ, — проповѣдью истины, утвержденіемъ колеблющихся, обличеніемъ заблуждающихъ. На голосъ этой проповѣди день отъ дня болѣе и болѣе собиралось слушателей. Только непредвидѣнный случай или болѣзнь могли удержать епископа отъ проповѣданія во храмѣ. Тогда его домъ становился училищемъ вѣры и жизни христіанской, ложе — каедрою, съ которой больной тѣломъ исцѣлялъ больныя души. И каждый, уходя отъ него, уносилъ съ собою утѣшеніе, назидательный урокъ, предостереженіе. Поставивъ себѣ долгомъ очистить свою паству отъ лжеученія аріанскаго, Амвросій прежде всего, съ согласія народа, просилъ епископа каппадокійскаго дозволить перенести въ Медиоланъ драгоцѣнные останки изгнаннаго за православіе, и скончавшагося въ заточеніи въ Каппадокіи, бывшаго епископа медиоланскаго, Діонисія. Благодетельное прошеніе было уважено, святыя мощи торжественно перенесены въ Медиоланъ. Вѣрныя радовались при гробѣ праведника, пострадав-

шаго за вѣру Христову. Только упорнѣйшіе изъ аріанъ не хотѣли принять участія въ общемъ торжествѣ. Амвросій получилъ при этомъ отъ Василія великаго, управлявшаго каппадокійскими церквами, письмо, въ которомъ Василій, знакомый съ новымъ пастыремъ только по одному его письму, изъяслялъ радость о его избраніи, и давалъ наставленія относительно соблюденія истины вѣры Христовой среди волненій аріанства.

Такъ прошло не болѣе года со времени избранія Амвросія въ епископа медиоланской церкви, и эта церковь усиліями одного человека замѣтно начала возникать изъ мрака, которымъ покрыло ее аріанство. Теперь всѣ разгадали Амвросія, и православные и аріане. Одни съ радостію увидѣли въ немъ своего друга, поборника; другіе, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, до времени затаили въ сердцѣ злобу противъ своего противника.

III.

Въ концѣ перваго года Амвросіева епископства императоръ Валентиніанъ умеръ. Ничѣмъ не привязанный къ аріанству, кромѣ личныхъ отношеній къ Авксентію, онъ легко подчинился вліянію Амвросія. Валентиніанъ почтилъ Амвросія своимъ уваженіемъ, и своимъ примѣромъ показалъ преемникамъ, что добрый учитель народа достоинъ быть *учителемъ царей*. Эту мысль высказалъ онъ въ день Амвросіева избранія; то же повторялъ онъ и послѣ, когда Амвросій по долгу пастыря противился незаконнымъ его распоряженіямъ. На смертномъ одрѣ императоръ ввѣрилъ попеченіямъ Амвросія двухъ юныхъ сыновей своихъ, а дѣтямъ завѣщалъ уваженіе къ святителю.

Смерть императора, который отрекся отъ покровительства арианамъ и тѣмъ возбудилъ радостныя ожиданія въ православныхъ, произвела движеніе между тѣми и другими—тамъ надежду, здѣсь опасеніе. На престолъ западной имперіи вступили два сына его, *Граціанъ* и *Валентиніанъ* младшій. Граціанъ остался въ тѣхъ областяхъ, которыми управлялъ прежде; Валентиніанъ получилъ Италію, Иллирію и Африканскія провинціи. Валентиніанъ остался послѣ отца четырехлѣтнимъ дитятею, и поступилъ подъ опеку матери, арианки Юстины. Самъ Граціанъ еще былъ въ такихъ лѣтахъ, когда легкомысліе, невольная дань природѣ, и пылкость страстей не даютъ слушать совѣтовъ опытности. У арианъ въ свѣжей памяти было то время, когда Медіоланъ наполненъ былъ ихъ приверженцами, и небольшое общество противниковъ казалось врагомъ безсильнымъ. А теперь этотъ ничтожный врагъ подъ вліяніемъ одного человѣка укрѣпляется, уравнивается съ ними, хочетъ побѣдить, подавить ихъ..... Довольно побужденій начать борьбу! и борьба началась съ ожесточеніемъ противъ вѣрныхъ, и съ личною ненавистію къ медіоланскому епископу. Епископъ смутился духомъ; не за себя страшился онъ, страшился за свою паству, воображая, какъ легко при такихъ обстоятельствахъ потерять приобрѣтенное, отказаться отъ надежды на успѣхъ въ дѣлѣ, такъ хорошо начатомъ. «Но только наемникъ, которому овцы не свои, увидя волка, оставляетъ овецъ и бѣжитъ; а пастырь добрый скорѣе положитъ жизнь свою за нихъ, чѣмъ рѣшится отдать ихъ на жертву за жизнь свою.» Амвросій твердо рѣшился до послѣдней крайности защищать стадо, которое онъ могъ назвать *своимъ* по преимуществу. Безстрашно выступилъ онъ противъ арианъ, во главѣ которыхъ стояли изгнанникъ *Валенсъ*, петавіонскій епи-

скопъ, и сама императрица. Обличительный голосъ пастыря не умолкалъ на каедрѣ медіоланской, и разносился до отдаленнѣйшихъ предѣловъ его округа. Но медіоланскій епископъ съ горестію увидѣлъ, что его голосъ заглушается криками противниковъ, что ему можно только замедлить, а не остановить разливъ ереси: толпа противниковъ растетъ, а его стадо, только что собранное и еще не успѣвшее привыкнуть къ голосу пастыря, умалется въ той же мѣрѣ, какъ прежде возрастало. Аріане чрезъ покровительницу свою Юстину получили себѣ одинъ изъ немногихъ храмовъ. Епископъ православныхъ скорбѣлъ, утѣшалъ вѣрныхъ и обличалъ гонителей. За то и гонители гъ порывахъ ненависти и мщенія истощали всю злобу противъ того, кого считали первымъ врагомъ своимъ. Чернили его доброе имя, осуждали его поступки. Въ бѣдственное время нашествія варваровъ на Фракію и Иллирію (378) Амвросій продалъ заготовленные церковные сосуды, чтобы искупить изъ неволи христіанскихъ плѣнниковъ,—этотъ знакъ безкорыстной высокой любви къ своимъ братьямъ враги обратили въ дѣло преступное, въ предлогъ къ обвиненію епископа.

Аріане торжествовали. Но Амвросій нашелъ себѣ защиту отъ ихъ враждебныхъ нападеній въ императорѣ Граціанѣ, который любилъ его какъ отца, какъ совѣтника. Для императора юнаго, добродушнаго, неопытнаго въ дѣлахъ государственнаго управленія, онъ былъ необходимъ по самому времени, когда государство раздиралось партіями язычниковъ, ерельниковъ, и престолъ, самая жизнь царя зависѣли отъ прихотливой воли легионовъ. Граціанъ чувствовалъ эту необходимость, помнилъ предсмертное завѣщаніе отца, самъ съ дѣтства зналъ Амвросія, и потому часто въ трудныя ми-

нуты призывалъ его къ себѣ, когда самъ не могъ быть въ Медиоланѣ. Приверженность къ православному христіанству еще тѣснѣе сблизила императора съ медиоланскимъ епископомъ. По словамъ послѣдняго, «Граціанъ, благочестивый, кроткій, цѣломудренный, съ самаго дѣтства душою былъ преданъ св. православной церкви.» Надобно удивляться, какъ отрокъ сохранилъ чистоту своей вѣры во время правленія Авксентіева, когда потокъ аріанства разливался отъ двора до хижины, и увлекалъ даже крѣпкія души. Вѣроятно, первая супруга Валентиніанова, мать Граціана, была изъ числа православныхъ, и сѣмена своей вѣры посѣяла въ добромъ отъ природы сердцѣ сына. Подъ вліяніемъ Амвросія онъ принесли плодъ.

Въ сущности Граціанъ остался одинъ государемъ обширной имперіи, уступивъ своему малолѣтнему брату почти одно имя Августа. Управляя Галлією, Испанією и Британією, онъ въ то же время завѣдывалъ и удѣломъ Валентиніана—Италією, Иллирикою и Африкой. Положеніе дѣлъ имперіи потребовало присутствія Граціана на востокѣ. Дикія орды Готтовъ опустошали области востока (378); гибель грозила императору Валенту; Граціанъ поспѣшилъ на помощь къ своему родственнику. Въ такихъ обстоятельствахъ, по необходимости не предпринимая ничего рѣшительнаго противъ аріанъ, указомъ, изданнымъ въ Сиріи, императоръ объявилъ свободу всѣмъ исповѣданіямъ, кромѣ манихеевъ, евноміанъ и фотиніанъ. Однако отправляясь на востокъ, туда, гдѣ аріанство являлось во всемъ своемъ могуществѣ, Граціанъ предложилъ медиоланскому епископу написать для него опроверженіе аріанскаго ученія, и Амвросій охотно принялъ это предложеніе. Въ двухъ книгахъ о вѣрѣ изложилъ онъ доказательства Божественности Иисуса Христа, и опровергъ нѣ-

которыя аріанскія положенія. Краткость изложенія и еще болѣе миролюбивый, не полемическій духъ сочиненія подали случай врагамъ Амвросія унижать достоинства его труда и говорить, что Амвросій съ намѣреніемъ писалъ коротко, чтобъ избавить себя отъ необходимости отвѣчать на неопровержимыя возраженія противниковъ. Тогда Амвросій снова взялся за перо, и скоро явилось продолженіе прежняго сочиненія въ трехъ книгахъ подъ тѣмъ же названіемъ, гдѣ сочинитель уже полнѣе опровергалъ систему аріанства. Толки враговъ, по видимому, прекратились.

Но Граціанъ, возвратившись съ востока, прибылъ въ Медіоланъ, и вскорѣ издалъ (379 г.) въ отмѣну прежняго новыя указы, которымъ, подъ угрозой строгаго наказанія, запрещалось всѣмъ отступникамъ православія собираться для богослуженія внѣ церкви, въ мѣстахъ частныхъ, и распространять превратныя толки объ истинахъ вѣры. Несомнѣнно, что указъ изданъ не безъ содѣйствія медіоланскаго епископа. Вскорѣ послѣ указа аріане получили особое повелѣніе Граціана возвратить православнымъ ту церковь, которою назадъ тому нѣсколько лѣтъ овладѣли съ его позволенія. Ударъ неожиданный поколебалъ силу аріанъ медіоланскихъ. Амвросій писалъ къ Граціану: «одинъ Богъ знаетъ, сколько отрады приноситъ душѣ моей твоей благочестіе:.. Ты даровалъ мнѣ то, чего я такъ усиленно домогался,—покой церкви; ты заградилъ уста отступникамъ истины; о если бы такъ же успѣшно подѣйствовалъ и на сердца ихъ!»

Скоро и сама императрица испытала свое безсиліе въ борьбѣ съ Амвросіемъ, который съ помощію Граціана уничтожалъ всѣ замыслы ея друзей. Это было въ 380 году. Борьба началась споромъ: кому быть епископомъ въ Сиріи, столицѣ Иллирій? Со времени Констанція здѣсь на епископской

каедрѣ не бывало пастыря православнаго, и символъ никейскій замѣнялся аріанскимъ, составленнымъ на сирійскомъ соборѣ. Два епископа, Фотинъ и Эрмипій, одинъ за другимъ долго правившіе сирійскою церковію, далеко распространили кругъ своихъ приверженцевъ. Теперь Эрминій умеръ, и вѣсть объ его смерти взволновала Иллирію. По непредвидѣнному ли стеченію обстоятельствъ или съ намѣреніемъ, Юстина въ то время находилась въ Сиріи, и, жаркая послѣдовательница Арія, вмѣстѣ съ аріанами сирійскими вопреки представленіямъ православныхъ требовала, чтобы новый епископъ былъ избранъ изъ среды аріанъ. Дѣло приближалось уже къ концу, императрица торжествовала, какъ явился тамъ Амвросій. Онъ узналъ, что избраніе епископа, по настоящему состоянію сирійской церкви, могло имѣть важныя слѣдствія для цѣлой области; считая всѣхъ вѣрныхъ членами одного тѣла, онъ оставилъ свою умиренную паству, чтобы спѣшить туда, куда призывалъ его голосъ церкви страждущей. Съ появленіемъ Амвросія дѣла въ Сиріи приняли другой оборотъ. Послѣ жаркихъ преній, послѣ угрозъ и хитростей императрицы, слабѣйшая сторона одержала побѣду: избрали епископомъ Анемія — изъ православныхъ (380 г.). Императрица поклялась мстить медиоланскому епископу, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ.

Около того же времени два епископа, изъ Мизіи и Дакіи, осужденные по подозрѣнію въ аріанствѣ, но недовольные судомъ, явились къ Граціану съ представленіями своей невинности, и требовали разсмотрѣть ихъ дѣло на *вселенскомъ соборѣ*, гдѣ надѣялись доказать чистоту своей вѣры и несправедливость обвинителей. Граціанъ уступилъ ихъ просьбѣ; назначенъ соборъ, на который должны были явиться всѣ

епископы имперіи. Амвросій, узнавъ волю императора, рѣшился представить Граціану, что для двухъ извѣстныхъ еретиковъ нѣтъ нужды сзывать всѣхъ епископовъ; оставлять на долгое время паствы безъ надзора пастырей при всеобщемъ распространеніи аріанства значило бы не врачевать зло, а усиливать. Представленія епископа уважены, императоръ отиѣнилъ прежнее опредѣленіе; вмѣсто собора *еселемского* положено созвать *помѣстный* въ Аквилеѣ, куда должны были явиться только италійскіе епископы, изъ Галліи и Африки одни легаты, а епископы восточные отказались, готовясь къ своему собору. Открытіе собора отсрочено до сентября 384 года.

Назначенный срокъ насталъ. Немного защитниковъ православія (до 32 епископовъ) собралось въ Аквилеѣ; но это были извѣстнѣшіе епископы запада, знаменитые ученостію, искусенные въ борьбѣ съ врагами истины: Валеріанъ аквилейскій, Евсевій болонскій, Лименій верцельскій, Анемій сирійскій, Сабинъ плацентинскій, Юсть ліонскій и друг. Въ этомъ ряду именъ, пользовавшихся уваженіемъ, первое мѣсто принадлежало имени медиоланскаго епископа. По его распоряженію устроился соборъ, онъ былъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на соборѣ. Палладій и Секундіанъ (имена отлученныхъ епископовъ) явились на соборъ въ сопровожденіи пресвитера Аттала. Послѣ долгихъ и напрасныхъ увѣщаній, которыми Амвросій старался обратить еретиковъ къ истинѣ, торжественное засѣданіе открыто чтеніемъ Граціанова указа о созваніи собора и Аріева посланія. За тѣмъ православные епископы предложили послѣдователямъ Арія, въ доказательство чистоты вѣры, осудить своего ересеначальника, требовали отъ нихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ на вопросы о вѣчности Сына Божія, о Его премудрости и благодати, о Его

всемогуществѣ и царственной власти надъ небожъ и землею. Хитрыми отвѣтами думали избѣжать еретики своего приговора. Они то отказывались отвѣчать подъ предлогомъ, что соборъ неполный, незаконный, такъ какъ не было на немъ ни одного епископа изъ церквей восточныхъ, то явно принимали сторону Арія, отриная у Сына Божія единосущіе съ Отцемъ на основаніи ложно-понятыхъ мѣстъ Писанія. Самъ Амвросій подвергся ихъ укоризнамъ, какъ человекъ, который будто по своимъ видамъ устранилъ соборъ вселенскій. Однакожъ Амвросій, при помощи другихъ епископовъ, скоро довелъ противниковъ до того, что они должны были отложить всякую хитрость. Когда же одинъ изъ арианствующихъ епископовъ потребовалъ, чтобы на соборъ приглашены были гражданскіе судьи для примиренія обѣихъ сторонъ; тогда Амвросій, сказавъ, что «въ дѣлахъ вѣры священники должны судить мірянъ, а не міряне священниковъ», объявилъ его недостойнымъ сана, и голосъ всего собора торжественно повторилъ слова медіоланскаго епископа. Осужденный былъ Палладій. Таже участь постигла его товарища Секундіана и защитника Аттала.

Въ одинъ день кончились дѣла собора. Амвросій принялъ на себя трудъ отъ лица всѣхъ особенными посланіями возвѣстить приговоръ собора епископамъ Галліи и Африки, уполномочившимъ вмѣсто себя легатовъ, и, вѣроятно, епископамъ Испаніи и церквей восточныхъ. Тогда же отправлено было посланіе къ императорамъ, въ которомъ, излагая ходъ дѣла, просили ихъ согласія на мнѣніе собора—низложить Палладія и Секундіана, воспретить имъ общеніе съ церковію, и тому же наказанію подвергнуть пресвитера Аттала и особенно петавіонскаго Валента, который, забывъ святость своего сана, измѣнилъ отечеству, бѣжалъ въ Ита-

лію, и тамъ, приставъ къ партіи аріанъ (въ 375 и 376 г.), возмущалъ спокойствіе медіоланской церкви. Согласіе императоровъ не замедлило.

Общею болѣзнію того времени была страсть заниматься спорами догматическими; она заражала и православныхъ и неправославныхъ, и обыкновенно вооружала однихъ противъ другихъ. Въ 382 году двое придворныхъ, напитанные аріанскими мнѣніями, предложили Амвросію чрезъ самого Граціана вступить съ ними въ публичное состязаніе о таинствѣ воплощенія. Граціанъ одобрилъ вызовъ и самъ сообщилъ Амвросію нѣкоторыя затрудненія, на которыя аріане требовали удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Епископъ, вопреки своему нерасположенію къ спорамъ, не хотѣлъ оскорбить императора отказомъ и обѣщалъ явиться на состязаніе въ загородную Порціеву церковь. На другой день толпы народа собрались смотрѣть борьбу умовъ,—одни изъ любопытства, другіе съ живымъ участіемъ, съ желаніемъ побѣды для своей партіи. Амвросій сдержалъ слово, но его противники не явились. Прошло много времени въ напрасномъ ожиданіи, и нетерпѣніе народа начало выражаться глухимъ ропотомъ. Амвросій взошелъ на кафедру. «Я желаю, братія, говорилъ онъ, отъ всей души желаю исполнить свой обѣтъ, но не вижу моихъ противниковъ; быть можетъ, они хотятъ смутить меня печальнымъ приходомъ, но истинная вѣра незнакома съ робостію; пусть приходятъ, а я между тѣмъ предложу слово». Живо и сильно было это слово Амвросія. Здѣсь высказалъ онъ все, что думалъ говорить своимъ противникамъ—аріанамъ въ отвѣтъ на ихъ возраженія, въ обличеніе ихъ заблужденій. И конечно Амвросій не жалѣлъ о томъ, что ему вмѣсто споровъ, которые чаще усиливаютъ вражду, чѣмъ мирять враждующихъ, вмѣсто пренія съ двумя еретиками, такъ неожиданно случилось пропо-

вѣдывать истину цѣлому народу. Съ живыми впечатлѣніями выходилъ народъ изъ церкви, и даже аріане не могли не презирать въ душѣ своихъ собратьевъ, не явившихся на условный споръ. Несчастные противники Амвросія были убиты конями въ то время, какъ ѣхали куда-то на колесницѣ. Отсель нѣсколько лѣтъ аріане не беспокоили медіоланскую церковь своими нападеніями.

Борьба Амвросія съ аріанствомъ при Граціанѣ продолжалась семь лѣтъ.

IV.

Кромѣ борьбы съ аріанствомъ, Амвросій принужденъ былъ вести еще болѣе упорную борьбу съ язычествомъ. Христіанство торжествовало; однако язычество еще повсюду имѣло свои учрежденія, свои храмы, своихъ жрецовъ, своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Императоры приняты христіанство, но имперія была еще языческою. Римъ оставался столицею язычества; собственно христіанскою столицею западной имперіи былъ Медіоланъ. Самые императоры (обыкновенно крестившіеся предъ концемъ своей жизни), признавая христіанство, по древнему обыкновению не отказывались принимать языческое титуло и знаки верховныхъ жрецовъ (*Pontifex Maximus*); въ началѣ каждаго года, по прежнему, сенаторы приносили въ капитоли жертвы Юпитеру, и народъ, по привязанности къ старинѣ, принималъ живое участіе въ празднествахъ языческихъ; жрецы и весталки содержались на общественномъ иждивеніи; словомъ, языческій институтъ, какъ сказали бы въ наше время, оставался неприкосновеннымъ. Спустя 23 года послѣ смерти Константина великаго, когда Юліанъ въ 360 г. провозгласилъ себя

за язычество, оно обняло почти всю имперію. Римъ при Валентиніанѣ продолжалъ чествовать своихъ боговъ въ 152 обширныхъ храмахъ и въ 163 меньшихъ. Это впрочемъ знаменательный, необыкновенный фактъ, что императоры того времени, провозглашая себя за христіанство, стали за меньшинство, долго гонимое и преслѣдуемое. Эти императоры не всѣ были добрыми христіанами, но они чувствовали, что въ христіанствѣ жизнь, сила, будущность, и что крестъ осѣнить весь міръ.

Ничего страшнаго для религіи языческой не предвѣщали первые годы царствованія Граціана: примѣръ отца, котораго и сами язычники хвалили за вѣротерпимость; воспитаніе, которое получилъ онъ отъ язычника, поэта Авзонія; его политика, вначалѣ согласная съ политикою предшественниковъ, и повидимому искренняя приверженность къ древнимъ преданіямъ государства,—все это благопріятствовало видамъ язычниковъ. Но императоръ стоялъ подъ вліяніемъ руководителя, дѣятельнаго и опытнаго. Амвросій чувствовалъ нужду и видѣлъ возможность дать христіанству рѣшительный перевѣсъ надъ язычествомъ и на западѣ въ самомъ Римѣ, также какъ оно имѣло на востокѣ.

Наступилъ 382 годъ, и грозная туча разразилась надъ языческимъ Римомъ. Первый ударъ упалъ на сенатъ. Тамъ въ Юліевой курии, гдѣ обыкновенно собирались члены сената, со времени Августа возвышалась статуя богини побѣды (*). Передъ нею стоялъ жертвенникъ, на которомъ при началѣ каждаго засѣданія приносили жертвы богинѣ, и

(*) Victoria—custos imperii virgo; она представлена была въ видѣ женщины, одною ногою касающейся земнаго шара, въ развѣвающейся одеждѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ въ правой рукѣ.

клялись въ вѣрности императорамъ. Символическое значеніе этой статуи, заманчивое для каждаго римлянина, освящало для язычниковъ это давнее обыкновеніе и упрочивало его существованіе. Констанцій велѣлъ было вынести изъ сената и статую и жертвенникъ, но его преемникъ Юліанъ снова возстановилъ ихъ. Теперь первымъ дѣйствіемъ Граціана противъ язычества было повелѣніе удалить ее изъ сената, такъ какъ сенаторы христіанскіе не могутъ присутствовать при обрядахъ языческихъ, которыхъ не одобряла ихъ религія и совѣсть. Ревность императора тѣмъ не ограничилась: онъ рѣшился отнять у язычества всѣ преимущества, и самое главное—имя *народной вѣры*. И все недвижимое имущество, принадлежавшее храмамъ языческимъ, обращено въ казну; отмѣнены жертвоприношенія *отъ имени человеческого рода*. Жрецы и дѣвы Весты, содержавшіяся на иждивеніи общественномъ, лишены какъ этого права, такъ и другихъ преимуществъ.

Римъ огласился жалобами язычниковъ. Сенаторы язычники видѣли, что дѣло шло не о ниспроверженіи жертвенника и статуи, и даже не о томъ только, чтобъ сдѣлать, какъ говорили, справедливую уступку правамъ сенаторовъ христіанскихъ; они поняли, чего хотѣлось императору: отнять у сената характеръ языческой, принадлежавшей ему со дня учрежденія. Недовольные однако не отчаявались поправить дѣло. Скрывая въ душѣ горестъ и негодованіе, сенаторы-язычники рѣшились смиренно просить Граціана объ отмѣнѣ его повелѣній. И вотъ нѣсколько членовъ сената, знаменитыхъ происхожденіемъ и личными заслугами, отправились къ Граціану ходатайствовать предъ нимъ отъ имени сената не только о возстановленіи жертвенника и статуи Побѣды, но и о возвращеніи прежнихъ правъ служителямъ древней

религіи. Главою депутаціи былъ *Симмахъ*. Много надеждъ имѣли язычники на своего представителя и защитника, и надежды ихъ были не безъ основанія. Симмахъ, римскій префектъ, первосвященникъ, уважаемый императорами, человекъ, которому воздвигнуты были два памятника, въ Римѣ и Константинополѣ, однимъ именемъ своимъ могъ найти доступъ къ Граціану. Мало того, Симмахъ былъ одинъ изъ первыхъ ораторовъ своего вѣка, и краснорѣчіемъ своимъ удивлялъ какъ язычниковъ, такъ и христіанъ. Онъ не имѣлъ сильной, безразборчивой ненависти къ христіанамъ; и нерѣдко, подобно младшему Плицію, въ письмахъ своихъ хвалитъ ихъ за добродѣтели; но онъ все благоденствіе имперіи считалъ зависящимъ отъ религіи языческой; и потому принадлежалъ къ ревностнымъ защитникамъ древне-римской религіи.

Христіанскіе сенаторы имѣли причину опасаться замысловъ Симмаха и его партіи. Непостоянство императора, жалоба знаменитѣйшихъ римлянъ, краснорѣчіе Симмаха,—все это страшило ихъ, и вполонину охлаждало торжество по случаю недавней побѣды надъ партією язычниковъ. Но они рѣшились съ твердостью объявить, что если депутація получитъ удовлетвореніе, они перестанутъ являться въ сенатъ. Этотъ отзывъ надобно было передать императору прежде, чѣмъ защитники язычества успѣютъ представить ему свои жалобы,—нужно было передать чрезъ такого человека, котораго голосъ могъ бы увеличить силу отзыва. Никто къ Граціану не былъ ближе Амвросія, и никто быть-можетъ въ настоящей борьбѣ не принималъ столько участія, какъ Амвросій. Къ нему и обратились христіанскіе сенаторы съ своими надеждами. Папа Дамасъ переслалъ ихъ отзывъ къ медиоланскому епископу, и Амвросій немедленно явился къ Граціану, не только какъ

посредникъ между императоромъ и сенатомъ, но и какъ личный защитникъ правъ христіанства. Вслѣдъ за тѣмъ явилась депутація. Но защитникамъ язычества отказанъ былъ даже входъ во дворецъ и доступъ къ императору подъ тѣмъ предлогомъ, что они «не представляютъ въ себѣ всего сената.» «Неблагодарные люди, говорилъ послѣ Симмахъ, сдѣлали это: они знали, что императоръ не отказалъ бы въ правосудіи уполномоченнымъ сената, еслибъ захотѣлъ выслушать справедливыя наши требованія.» Оскорбленная, униженная холодностію императора, депутація болѣе не настаивала въ своихъ требованіяхъ.

Впрочемъ, и эта неудача не совсѣмъ отняла бодрость у язычниковъ. Они прискивали новыя средства поправить свое дѣло, и остановились на одномъ, казалось, болѣе другихъ вѣрномъ: хотѣли дѣйствовать на самолюбіе императора, хотѣли поднести Граціану первосвященническую одежду. Званіе первосвященника было одною изъ главныхъ принадлежностей римскихъ императоровъ; при вступленіи на престолъ они обыкновенно принимали на себя титулъ верховныхъ жрецовъ, и при торжественныхъ случаяхъ въ первосвященнической одеждѣ совершали жертвоприношенія. Первые императоры не оставляли этого обыкновенія, отказываясь только присутствовать при жертвоприношеніяхъ. Язычники думали, что и Граціанъ уважитъ древній обычай, котораго не отвергъ самъ Константинъ. Съ надеждою на успѣхъ жрецы отправились въ Галлію, и предложили Граціану одежду верховнаго жреца, хранившуюся въ священномъ капитоліи. Амвросій успѣлъ внушить императору, что теперь наступилъ рѣшительный часъ сдѣлать то, чего не сдѣлали его предшественники. Граціанъ отвергъ жреческую одежду. Онъ сказалъ посланъ древняго Рима, что «такое украшеніе неприлично христіанину».

Стало ясно, что язычеству ничего не выиграть при жизни Граціана, который послѣднимъ поступкомъ объявилъ себя рѣшительно на сторонѣ христіанства. Оставалось найти новаго Юліана, который поддержалъ бы падающихъ боговъ древняго Рима.

Слова, приписываемыя одному изъ жрецовъ, оскорбленныхъ отказомъ Граціана, показываютъ, что нѣкто *Максимъ* былъ въ то время въ виду у язычниковъ на мѣсто Граціана. «Если Граціанъ не хочетъ быть первосвященникомъ, то будетъ у насъ *Maximus Pontifex* (верховный жрецъ). Игрой латинской фразы какъ будто было сказано: «Максимъ будетъ у насъ первосвященникомъ». Этотъ *Максимъ* былъ военачальникомъ Граціана въ Испаніи. Христіанинъ и притомъ православный, онъ съ хорошими качествами носилъ въ душѣ опасную страсть—честолюбіе. Когда Граціанъ, въ 379 году, возвелъ одного изъ своихъ генераловъ, Феодосія, на престолъ восточной имперіи, Максимъ, товарищъ послѣдняго по оружію, и, быть-можетъ, самъ имѣвшій виды на подобную почесть, счелъ поступокъ императора обидой для себя, и съ неудовольствіемъ удалился въ Британію. Недовольнымъ язычникамъ не нужно было искать другаго человѣка болѣе способнаго къ осуществленію ихъ тайныхъ замысловъ, и они скрытно стали благопріятствовать оскорбленному честолюбцу, обѣщая себѣ при немъ лучшую будущность. Въ 383 году легіоны и жители Британіи провозгласили Максима императоромъ. Максимъ сначала отказывался принять достоинство, на которое не имѣлъ права, но страсть заглушила голосъ совѣсти. Похититель престола спѣшилъ дѣйствовать, и съ британскими войсками быстро перешелъ въ Галлію, прежде чѣмъ Граціанъ подумалъ о защитѣ: галльскіе легіоны, недовольные предпочтеніемъ, какое Граціанъ

оказывалъ варварамъ, тотчасъ перешли на сторону новаго императора. Осгавленный своими войсками, Граціанъ бѣжалъ, и въ бѣгствѣ близъ Ліона умерщвленъ (25 авг.) солдатами Максима.

Вѣсть о насильственной смерти Граціана скоро достигла Медиолана. Страхъ увеличивалъ опасность; безпрестанно ожидали грознаго врага подъ стѣнами города, имѣя причину думать, что Максимъ перейдетъ Альпы и внесетъ опустошеніе въ Италію. Опасность научила императрицу цѣнить Амвросія, и гордая арианка пришла просить помощи у епископа. Препоручая ему царственнаго отрока, брата и наследника Граціанова, она со слезами умоляла его отвратить гибельную войну. Амвросій не поколебался подать руку помощи угнетеннымъ. Презируя всѣ опасности, онъ отправился къ похитителю престола ходатайствовать о безопасности медиоланскаго двора. Амвросій глубоко зналъ сердце человеческое, зналъ, что на людей съ характерами пылкими, каковъ былъ Максимъ, нельзя дѣйствовать страхомъ угрозъ, который не утишаетъ, а сильнѣе раздражаетъ взволнованныя страсти, — зналъ, что на первый разъ довольно только удержать быстрый натискъ непріятеля, и между тѣмъ можно собрать силы для сопротивленія болѣе мужественнаго и рѣшительнаго. Потому онъ не тратилъ передъ Максимомъ угрозъ, а только, соблюдая санъ епископства, не хотѣлъ имѣть церковнаго общенія съ убійцею своего государя: между тѣмъ, какъ ходатай за другихъ, онъ умолялъ, заклиналъ Максима довольствоваться тѣмъ, что въ его руки отдала уже судьба, и оставить въ покоѣ юнаго Валентиніана, который въ свою очередь обязывался не беспокоить Максима. Мѣра благоразумія имѣла полный успѣхъ: кра-сноурѣчіе пастыря церкви и слава его имени спасли Валенти-

ніану II престолъ отеческій. Максимъ удовольствовался участкомъ Граціана—Галліею, Испаніею и Британіею, оставивъ по настоянію Амвросія въ прежней силѣ всѣ законы, изданные предшественникомъ.

Вліянію Амвросія, усиленному услугою, которую онъ только что оказалъ императору, скоро представился блистательный случай выразиться во всей силѣ. Римъ остался въ зависимости отъ Валентиніана. Но языческая партія города надѣялась, что недавнія несчастныя обстоятельства императорскаго дома заставятъ его измѣнить политику въ отношеніи къ язычеству. Эта партія старалась разглашать, что смерть Граціана, голодъ, въ 383 году опустошившій прекрасныя страны Италіи, возмущеніе Максима, затруднительное положеніе медіоланскаго двора,—все это есть выраженіе мести оскорбленныхъ боговъ. Вождемъ этой партіи опять былъ Симмахъ. Онъ представилъ сенату, что нужно пользоваться перемиріемъ царствованія въ пользу дѣла религіи. Рѣшили просить Валентиніана уже не о первосвященнической одеждѣ, а рѣшительно о возстановленіи алтаря Побѣды. Составилась депутація подъ предводительствомъ Симмаха.

Въ 384 году Симмахъ прибылъ въ Медіоланъ къ двору Валентиніана II. Ободренный ласковымъ приѣмомъ, ораторъ не хотѣлъ терять благоприятнаго времени, и отъ лица сената произнесъ предъ императоромъ пламенную рѣчь въ защиту правъ древне-римской религіи.

«Мы просимъ,—говорилъ онъ, развивая ту мысль, что удаленіе жертвенника Побѣды есть худое предзнаменованіе,—просимъ о возстановленіи религіи, которая издавна была такъ благотѣльна для имперіи. Посмотри на императоровъ, державшихся той и другой религіи. Изъ тѣхъ, которые

ближе къ намъ по времени, одинъ (Юліанъ) самъ соблюдалъ обряды нашихъ предковъ, другой (Валентиніанъ I) терпѣлъ ихъ. Если не убѣдительно примѣръ благочестія въ лицѣ перваго, уважь по крайней мѣрѣ политику послѣдняго.»

«Только другъ варваровъ не станетъ желать возстановленія жертвенника Побѣды. И безъ того уже мы предвидимъ близкое паденіе, но избѣгаемъ худыхъ предзнаменованій. Будемъ вѣрными по крайней мѣрѣ имени богини, мы, которые отвергаемъ божество ея. Безсмертный императоръ (*Vestra Aeternitas*)! Ты и самъ уже одолженъ ей многимъ; но она еще болѣе станетъ покровительствовать тебѣ. Пусть презираютъ могущество ея тѣ, кому не оказала она своей помощи: но ты, ты не долженъ пренебрегать божествомъ, покровительствующимъ твоей славѣ.»

Сказавши, что древнія обыкновенія должны быть дороги и священны для каждаго, что любовь къ нимъ есть нѣчто великое, святое, Симмахъ обращаетъ вниманіе императора на то обстоятельство, что сенаторы клялись въ вѣрности надъ жертвенникомъ Побѣды: «и гдѣ жъ мы станемъ присягать въ вѣрности твоимъ законамъ и словамъ? Что удержать теперь душу отъ вѣроломства и лжесвидѣтельства? Богъ вездѣ, это—правда, и клятвопреступникъ отъ Него не скроется. Но мысль о преступленіи дальше отъ человека тогда, когда священный предметъ передъ глазами. Этотъ жертвенникъ есть союзъ согласія и порука въ вѣрности; что заставляетъ уважать опредѣленія сената, какъ не увѣренность, что онѣ составлены подъ клятвою въ вѣрности? Итакъ, сенатъ отсель сдѣлается мѣстомъ клятвопреступленія и вѣроломства; и это скоро испытаютъ славные императоры, вы, которые сами находитесь подъ защитой общественной клятвы!»

Симмахъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на слушателей, представляетъ Римъ подѣ видомъ старика, молящагося у ногъ императора о пощадѣ своихъ боговъ, вѣрований, обычаевъ. Вотъ это олицетвореніе: «государи, отцы отечества, уважьте мою старость. Я ею одолженъ мудрой религіи. Предоставьте мнѣ жить, какъ я хочу: я не бывалъ рабомъ. Моя религія повергла къ стопамъ моимъ вселенную; ея тайны удалили отъ моихъ стѣнъ Аннибала, Галловъ отъ Капитолія. Ужели для того я такъ долго жилъ, чтобы на старости лѣтъ слышать одни укоры и оскорбленія? Если то необходимо, я буду смотрѣть на ваши нововведенія; но уже поздно и стыдно раскаяваться старику».

Этотъ ораторски олицетворенный *голосъ Рима* замираетъ отъ горести, негодованія и жесточенія. Его опять смѣняетъ самъ ораторъ: «и такъ мы просимъ мира для боговъ отечества, терпимости для боговъ нашихъ. Мы всё почитаемъ одно Божество, хотя образъ богопочтенія различенъ. Мы видимъ тѣ же звѣзды, ходимъ подѣ однимъ небомъ, живемъ въ одномъ и томъ же мирѣ. Чтò нужды до того, какъ каждый изъ насъ ищетъ истины? не однимъ путемъ можно доходить до этого великаго таинства. Но споръ—дѣло людей праздныхъ; не спорить,—умолять васъ мы пришли сюда.» И послѣ того Симмахъ смиренно проситъ императора загладить обиду, какая сдѣлана двамъ Весты и жрецамъ. Повторяя толки римской черни, онъ присовокупляетъ здѣсь, что голодъ былъ именно слѣдствіемъ этого святотатства.

Въ заключеніи своей рѣчи ораторъ обращается къ сердцу Валентиніана: «мы просимъ о восстановленіи религіи, которая сохранила имперію для твоего божественнаго отца, и даровала ему законныхъ наслѣдниковъ. Съ высоты звѣздной смотритъ теперь этотъ старецъ на слезы жрецовъ, и за

вась обвиняетъ себя въ нарушеніи священнаго обыкновенія, которое самъ уважалъ при жизни. Окажи услугу и своему брату, исправивъ его проступокъ, въ который онъ былъ вовлеченъ чужимъ совѣтомъ: онъ не думалъ оскорблять сената. Не сомнѣвайся отиѣнить повелѣніе, котораго покойный государь вѣрно самъ по себѣ никогда бы не выдалъ.»

Читая рѣчь Симмаха, нельзя не замѣтить, что оратору было знакомо сердце Римлянина. Это воззваніе къ вѣковой славѣ Рима, пріобрѣтенной подъ покровительствомъ Побѣды; эта жалоба *Вѣчнаго города* на неуваженіе къ святынямъ, съ которыми такъ тѣсно связано было его историческое бытіе,—что могло сильнѣе тронуть душу римлянина, который даже въ христіанствѣ мечталъ о быломъ величіи отечества, и съ горестію смотрѣлъ, какъ оно мало-по-малу падало подъ иго варваровъ завоевателей? Мудрено ли, что слушатели откликнулись участіемъ на голосъ оратора, и не замѣтили софизмовъ, въ которые онъ вдавался, чтобы открыть выгодную сторону тамъ, гдѣ обстоятельства говорили противъ него? Въ совѣтъ Валентиніана нашлись люди, которые открыто поддерживали сторону Симмаха. Бавтопъ и Руморидъ, военачальники и тайные совѣтники Валентиніана, убѣждали императора уступить просьбамъ язычниковъ, и ихъ помощію усилить себя противъ Максима. А напомнуть о Максимѣ значило напасть на самую слабую сторону Валентиніана и Юстины. Жертвенникъ Побѣды былъ уже готовъ къ возстановленію изъ развалинъ.

Амвросій зналъ Симмаха, зналъ этого оратора, который силою своего краснорѣчія покорялъ самыя разнообразныя характеры сенаторовъ Рима; а теперь ему должно было убѣдить четырнадцатилѣтняго императора и императрицу,

для которой всѣ христіане, исключая аріанъ, едва ли были выше язычниковъ. И пастырь церкви, скромный въ сужденіяхъ о себѣ, полагалъ, что его голосъ, которому бывало такъ покорно и довѣрчиво внимала душа Граціана, не найдеть подобнаго отголоска въ душѣ Валентиніана, управляемаго матерію, которая не могла забыть своей ненависти къ епископу. Но Амвросій считалъ для себя грѣхомъ молчать, когда дѣло шло о благѣ Христовой церкви. Искусству языческаго оратора онъ рѣшился противопоставить простой голосъ истины, и говорить съ императоромъ не языкомъ ласкательства, какимъ приходилось говорить язычникамъ на послѣднихъ порахъ падавшаго язычества, но въ духѣ защитника истины, для которой начиналось всемірное торжество.

Амвросій отправилъ къ императору письмо. Выразивъ напередъ ту мысль, что христіанскій государь не могъ быть равнодушенъ къ судьбамъ истинной вѣры, онъ указываетъ на несправедливость жалобъ языческихъ: «и кто просить, кто жалуются? Жалуются на потери тѣ, которые безжалостно проливали нашу кровь, разрушали самыя основанія нашихъ храмовъ. Просить правъ и преимуществъ тѣ, которые попросили у Юліана указъ, воспретившій намъ учить и учиться... Еслибъ эти бѣдственные для насъ времена еще продолжались, я сказалъ бы тебѣ, императоръ, на что ты долженъ употребить власть свою!..»

«И теперь, еслибъ ктонибудь изъ язычниковъ воздвигъ жертвенникъ идолу, заставилъ бы христіанъ присутствовать при жертвоприношеніяхъ, обонять нечистый дымъ, вдыхать въ себя частицы жертвеннаго пепла; еслибъ онъ тутъ же произнесъ какой-нибудь приговоръ и потребовалъ согласія всѣхъ присутствующихъ съ клятвою надъ жертвенникомъ; не было ли бы это гоненіемъ на христіанъ? А христіанскіе

сенаторы часто находились въ подобныхъ обстоятельствахъ, когда въ сенатѣ возвышался жертвенникъ Побѣды. Неужели ты, императоръ, заставишь ихъ опять клясться предъ идоломъ?»

«И напрасно защитники язычества просятъ возстановленія жертвенника во имя всего сената: язычники—меньшая часть его, а сенаторы—христіане еще назадъ тому два года объявили, что они не только не принимаютъ участія въ дѣлѣ язычниковъ, напротивъ совсѣмъ не станутъ являться въ сенатъ, если тѣ получатъ удовлетвореніе. Подумай же, государь: достойно ли своего времени, времени христіанскаго, поступишь ты, если откажешь въ уваженіи христіанамъ, чтобъ оказать уваженіе язычникамъ?»...

Заклиная Валентиніана не давать повелѣнія о возстановленіи жертвенника Побѣды безъ сношенія съ Θεодосіемъ великимъ, Амвросій грозилъ ему властію церкви: «мы, епископы, не можемъ оставаться равнодушными, если ты согласишься на требованія язычниковъ: ты, какъ императоръ, всегда имѣешь власть войти въ церковь; но когда войдешь, то или не найдешь въ ней епископа, или встрѣтишь въ немъ грознаго обличителя. Что будешь отвѣчать ему, когда онъ скажетъ тебѣ: церковь отвергаетъ дары твои; потому что ты украшаешь дарами храмы боговъ языческихъ? Жертвенникъ Иисуса отвергаетъ твои приношенія, потому что ты воздвигъ алтарь идолу? Иисусъ Христосъ не принимаетъ твоихъ обѣтовъ, потому что ты клялся предъ идолами; Онъ сказалъ тебѣ, что нельзя служить двумъ господамъ? Отъ чего христіанскія дѣвственницы лишены тѣхъ правъ и преимуществъ, какими ты наградишь дѣвъ Весты? За чѣмъ прибѣгаешь къ служителямъ Иисуса, когда предпочелъ имъ жрецовъ? Какой отвѣтъ дашь на такія слова? Извинишься незрѣлостью воз-

раста? Но всякій возрастъ христіанина есть возрастъ совершенства.... и дѣти безъ трепета исповѣдывали Христа предъ учителями.»

Амвросій просилъ еще у императора списка рѣчи Симмаховой, чтобы, опровергнувъ ее до слова, совершенно ослабить то впечатлѣніе, какое оставила она въ сердцахъ императора и придворныхъ. Валентиніанъ исполнилъ желаніе Амвросія, и христіанскій ораторъ приготовилъ отвѣтъ оратору—язычнику. Соединяя съ высокою простотою христіанина искусство свѣтскаго оратора, онъ слѣдитъ Симмаха на всѣхъ пунктахъ, и ни одинъ софизмъ язычника не ускользнулъ отъ его вниманія. Чтобы опроверженіе было очевиднѣе, Амвросій пользуется оборотами Симмаховой рѣчи и поражаетъ противника собственнымъ его оружіемъ.

И у Амвросія, какъ у Симмаха, говорить олицетворенный Римъ. Но Римъ Симмаховъ, это—ожесточенный старикъ, который, свыкшись съ своими заблужденіями, заглушилъ въ себѣ чувство истиннаго и добраго; а Римъ Амвросія — это человекъ, который все испыталъ въ жизни, и радость, и горе, и заблужденія, и истину,—и теперь, на старости, стоя одной ногой въ могилѣ, съ глубокою думою о прошедшемъ, жалѣеть о своихъ ошибкахъ. «Не то, что говоришь ты отъ лица Рима, препоручилъ тебѣ сказать Римъ; самъ онъ сказалъ бы такъ: для чего вы ежедневно обагряете меня кровью невинныхъ животныхъ, бесполезно закалаемыхъ? Не въ крови животныхъ,—въ храбрости воиновъ скрывается начало побѣды. Другая наука доставила мнѣ побѣду надъ миромъ. Съ оружіемъ въ рукахъ низвергъ Камиллъ Галловъ съ высоты тарпейской скалы и отнялъ у нихъ званія, которое уже развѣвалось надъ стѣнами Капитолія. Храбрость воиновъ побѣдила тѣхъ, которыхъ боги не отразили отъ стѣнъ.

Не между жертвенниками Капитолія, а между рядами Аннибала Сципіонъ нашель побѣду. Для чего ты представляешь мнѣ примѣръ прадѣдовъ? я ненавижу религію Нероновъ. Я сожалею о своихъ прежнихъ заблужденіяхъ, и не стыжусь при своей старости обновиться съ цѣлымъ міромъ. Никогда не поздно узнать истину, никогда не стыдно сдѣлаться лучшимъ. Общаго съ варварами было у меня то, что подобно имъ я не зналъ истиннаго Бога... За голосъ Божій принимаете вы слова тѣхъ, которые разсматриваютъ внутренности животныхъ. Я хочу узнать тайны неба отъ Бога, Который сотворилъ его, а не отъ человѣка, который самъ не знаетъ себя. И какой мудрецъ откроетъ мнѣ Бога лучше самого Бога? Какъ могу я вѣрить вамъ, которые сами не знаете, кого исповѣдуете и кому поклоняетесь?»

На требованіе язычниковъ, чтобы права дѣвъ Весты и жрецовъ оставались неприкосновенными, Амвросій отвѣчаетъ: « семью весталками гордится Римъ, и тѣ завлечены въ это званіе предельною головною повязкою, великолѣпнѣйшѣ пурпурныхъ одеждъ, пышностію носилокъ, всегда окруженныхъ толпою прислужниковъ, множествомъ выгодъ, и всего болѣе тѣмъ, что самое дѣвство онѣ обязуются хранить до извѣстнаго времени. Но обратите взоры на христіанъ, и вы увидите цѣлый народъ цѣломудренныхъ, непорочныхъ дѣвственницъ. И наши дѣвы хранятъ дѣвство не изъ корыстныхъ побужденій... Цѣломудріе само себя награда. То не дѣвство, которое покупается на вѣсь золота, а не пріобрѣтается изъ любви къ добродѣтели; то не непорочность, которую хранятъ до времени, для умноженія богатства... Но согласимся уступить весталкамъ прежнія права и преимущества; что предложить тогда въ награду дѣвамъ христіанскимъ? Въ какой сокровищницѣ найдется столько богатства, чтобы достало

его для такихъ наградъ? Или, какъ думаютъ язычники, давать жалованье однимъ весталкамъ? Такъ и было при императорахъ язычникахъ; но не стыдно ли имъ изъявлять подобныя требованія теперь, въ царствованіе императоровъ христіанскихъ.... Жалуются на то, что у жрецовъ отняты доходы. Сколько толковъ объ этомъ, и какихъ толковъ! А у клира церкви еще недавно отнято право принимать добровольныя пожертвованія отъ частныхъ лицъ, и никто не жалуется, никто не считаетъ того обидой, никто не сѣтуетъ объ уронѣ (*). Пишутся завѣщанія въ пользу служителей идольскихъ капищъ, въ пользу лицъ свѣтскихъ, простолюдиновъ, даже такихъ людей, которые потеряли стыдъ и совѣсть, и завѣщанія остаются во всей своей силѣ: одному клиру Христовой церкви воспрещено пользоваться общимъ правомъ; для него одного не существуетъ ни завѣщаній, ни пожертвованій. И многіе, извѣстные по своей неукоризненной жизни, безъ роцота сносятъ строгость императорскаго указа, который простирается на нихъ только потому, что они принадлежатъ къ клиру».

Довольно этихъ отрывковъ рѣчи Амвросіевой, чтобы видѣть искусство и силу Амвросія въ защищеніи того дѣла, которому служилъ онъ. И онъ одинаковъ съ начала до конца своей апологіи, когда опровергаетъ нелѣпные толки, будто голодъ—шесть раздраженныхъ боговъ за неуваженіе къ ихъ религіи; будто нельзя соблюдать вѣрности въ клятвѣ, не имѣя предъ глазами бездушнаго идола; будто христіанскіе императоры въ войнахъ несчастіе языческихъ, несчастіе отъ того, что презираютъ могущество древне-римской религіи.

(*) Здѣсь, кажется, указываетъ Амвросій на указъ Валентиніановъ, которымъ запрещалось духовенству принимать пожертвованія отъ усердія женщинъ.—Cod. Theod. lex. XX. de episcopis.

Два письма христіанскаго пастыря не остались безъ дѣйствія. Первое убѣдило императрицу, колебавшуюся въ выборѣ между христіанами и язычниками; второе успокоило робкую совѣсть императора, встревоженную софизмами Симмаха, и пробудило въ душѣ его чувство привязанности къ правому дѣлу христіанства.

Симмахъ видѣлъ, какъ пережѣнился ходъ дѣлъ, сначала столько благоприятный язычеству, и угадывая конецъ, печальнымъ извѣстіемъ приготовилъ своихъ римскихъ друзей къ удару, который снова грозилъ ихъ религіи. Ораторъ-язычникъ, слава своего вѣка, палъ, защищая неблагодарное дѣло. Однакожь неудача не лишила Симмаха уваженія партіи; рѣчь его возбудила энтузіазмъ во всѣхъ язычникахъ, и успѣхъ ея былъ таковъ, что черезъ двадцать лѣтъ христіанскій поэтъ Пруденцій обнародывалъ длинную поэму противъ рѣчи Симмаха.

Радость христіанъ была полная. Вездѣ торжествовали побѣду Амвросія. Казалось, теперь непоколебимо утвердилось могущество Креста, и императоръ навсегда освободился отъ докучливыхъ жалобъ языческой партіи сената.

Протоіерей Е. Алексинскій.

(Продолженіе будетъ.)

ХРИСТИАНСКАЯ ИСТИНА

ВЪ МІРѢ (*)

Невѣріе не можетъ хвалиться тѣмъ, что оно первое провозглашаетъ христіанство безуміемъ. Христіанство само открыто исповѣдало предъ цѣлымъ міромъ свое намѣреніе спасти людей *буйствомъ проповѣди*. Оно знало, что его истина должна была стать вопреки всѣмъ господствующимъ собственнo въ мірѣ идеямъ, вѣрованіямъ, нравамъ, обычаямъ,—явиться безуміемъ въ глазахъ большинства, — знало о томъ прежде, чѣмъ явилось въ мірѣ съ проповѣдію; и, зная это, выступило предъ лице міра не вооруженное ничѣмъ, кромѣ этой самой истины,—выступило съ непоколебимою увѣренностію въ своемъ могуществѣ, въ своемъ торжествѣ надъ міромъ, съ непреодолимою рѣшимостію — покорить себѣ міръ силою своей истины и водвориться въ немъ навсегда. Посему, тѣ, которые не хотятъ признать христіанства мудро-

(*) Изъ Discours sur quelques sujets religieux, par A. Vinet.

стію и готовы порицать его, какъ безуміе, должны по крайней мѣрѣ согласиться съ тѣмъ, что оно предвидѣло эту укоризну и не отступило предъ ней.

Но какъ можетъ, или какъ могла когда-либо религія истинная, вѣчная, божественная, животворная и спасительная для всѣхъ, подлежать нареканію въ безуміи?... Но это — ея неотъемлемый жребій, это — ея признакъ, столь существенный, что безъ него она немислима въ мѣрѣ. Истинная религія должна неизбѣжно, при первомъ появленіи своемъ, казаться міру безуміемъ; и та религія, которую бы весь мѣръ призналъ и принялъ безпрекословно съ перваго раза, не была бы истинною религіею. Это — истина неопровержимая; и если она не представляется очевидною съ перваго раза, какъ мнѣніе, всѣми принятое и признанное здравымъ смысломъ, то легко выводится изъ другихъ истинъ, признаваемыхъ здравымъ смысломъ, и которыхъ никто изъ здравомыслящихъ не рѣшится отвергать.

Что обыкновенно называютъ безуміемъ? Что составляетъ его отличительный, существенный признакъ? Отличительный признакъ безумія тотъ, что оно дѣлаетъ челоуѣка неспособнымъ относиться къ жизни на тѣхъ условіяхъ, на какихъ относится къ ней большинство людей; безумный, какъ и челоуѣкъ, лишенный ума отъ природы, не принадлежитъ къ обществу, хотя оно не затрудняется считать въ ряду своихъ членовъ людей самыхъ простыхъ, невѣжественныхъ и часто почти дикарей... Безуміе, не имѣющее никакаго отношенія къ преступленію, имѣетъ однако то общее съ нимъ, что оно, какъ и преступленіе, ложится всегда преградю между нами и обществомъ. Безуміе составляетъ явленіе неестественное, уродливое въ мѣрѣ разума и порядка. Но поелику отличительная черта этой уродливости — вѣрить тому и видѣть то,

чему не вѣрить и чего не видитъ никто изъ людей, правильно организованныхъ, здоровыхъ тѣломъ и духомъ: то отсюда и происходитъ, что веюду, гдѣ только проявляется эта черта, люди готовы видѣть безуміе. Посему даже и тотъ, кто не чуждъ ни одного изъ условій, опредѣляющихъ достоинство человѣка,—не избѣгаетъ нареканія въ безуміи или нездравомысліи, если только является защитникомъ какого-либо мнѣнія, не раздѣляемаго ни народомъ, среди котораго живетъ, ни вѣкомъ, къ которому принадлежитъ; и если найдутся люди, одинаково съ нимъ мыслящіе, то и они, пока ихъ число не возрастетъ до большинства, неизбѣжно должны раздѣлить съ нимъ ту же участь, подпасть этому же нареканію въ безуміи, или нездравомысліи...

Не только мнѣніе, всѣми отвергаемое, но надежда, которой никто не раздѣляетъ, намѣреніе, которому никто не почувствуетъ, — служить въ глазахъ толпы уже достаточнымъ поводомъ, чтобы обвинять въ неразуміи того, кто носитъ и питаетъ ихъ въ себѣ. Его мнѣніе можетъ быть и справедливо, цѣль — разумна; но онъ неразуменъ уже потому, что стремится осуществить ихъ, вѣрить въ возможность того, что всѣми признано невозможнымъ. Даже болѣе. Если переставъ надѣяться, онъ не перестаетъ желать; если онъ ставитъ счастье своей жизни въ зависимость отъ цѣли недостижимой, предпріятія неосуществимаго; если, вынужденный отказаться отъ надежды когда-либо овладѣть тѣмъ благомъ, къ которому всегда стремился, если вынужденный разстаться съ тѣмъ идеаломъ, который всегда носилъ и лелѣялъ въ душѣ, который свѣтилъ яркою звѣздой въ его жизни, наполняя всѣ думы и помыслы его,—онъ глубоко скорбитъ и сокрушается о томъ, не видитъ болѣе для себя цѣли и счастья въ жизни, остается холоденъ и безучастенъ ко всему, что

жизнь представляет свѣтлаго и отраднаго для другихъ людей: то, хотя бы онъ исполнилъ всѣ обязанности, налагаемыя на него его человѣческимъ достоинствомъ и положеніемъ въ обществѣ,—это не спасетъ его отъ нареканія въ безуміи; его уважаютъ, ему удивляются,—и въ то же время смѣются надъ его печалію, называютъ ее неразумною и несмысленною, ибо не понимаютъ этой печали и не могутъ сочувствовать ей.... Словомъ, міръ всегда готовъ обвинять въ неразуміи того, кто своею мудростію выдается изъ общаго уровня.

Міръ также требуетъ отъ своихъ поклонниковъ мудрости; но онъ не признаетъ мудрости внѣ убѣжденій и практики большинства. Онъ чтитъ извѣстныя начала и хочетъ, чтобы дѣйствовали по этимъ началамъ; но можно сказать по справедливости, что самое высшее для него начало—авторитетъ числа. По крайней мѣрѣ число и время также составляютъ въ его глазахъ столь ясный и существенный признакъ истины, что онъ рѣдко беретъ на себя трудъ внимательно испытывать тѣ мнѣнія или истины, въ пользу которыхъ возвышается голосъ одного или нѣсколькихъ лицъ, и на сторонѣ которыхъ не стоитъ большинство.

Этотъ предразсудокъ, впрочемъ, не лишенъ нѣкотораго основанія. Неестественно предположить, чтобъ истина дана была Творцомъ только въ удѣлъ меньшинства людей, и чтобъ ея назначеніемъ было блуждать въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ вдали отъ сознанія человѣчества, и только въ извѣстное время являться и находить пріютъ въ сознаніи одного или немногихъ избранныхъ. Истина, необходимая для всѣхъ, должна существовала, по своему назначенію, быть всегда доступною всѣмъ, присущею сознанію всѣхъ. Такъ должна была относиться и такъ дѣйствительно относилась истина къ чело-

вѣку въ его первобытномъ, здоровомъ, нормальномъ состояніи. Но не хотятъ вѣрить, чтобъ человечество когда-либо вышло изъ этого состоянія, или если и вѣрятъ, то забываютъ о томъ, или наконецъ и допускаютъ паденіе человѣка, но не хотятъ допустить главныхъ послѣдствій этого паденія. Не хотятъ взять во вниманіе того, что однимъ изъ первыхъ слѣдствій паденія могло быть не иное, какъ притупленіе нашего нравственнаго чувства, помраченіе нашего естественнаго свѣта. Не видятъ того, что наша душа уже не есть болѣе чистое зеркало, въ которомъ бы истина безпрепятственно отражалась сама собою, безъ усилій со стороны нашей воли, что намъ трудна самая вѣра въ истину, что истина уже не имѣетъ въ нашихъ глазахъ неопровержимой очевидности, и собственно потому не можетъ вліять одинаково на всѣхъ и овладѣвать мгновенно умами всѣхъ. Не хотятъ видѣть того, что человечество повреждено въ самомъ корнѣ, и что извѣстнаго рода частныя истины, которыми обусловливается жизнь и благосостояніе общества, съ трудомъ удержались въ сознаніи человечества, и притомъ многія изъ нихъ и доселѣ признаются истинными только въ теоріи, но еще не нашли себѣ приложеній въ жизни человечества. Не обращаютъ вниманія на то, что извѣстнаго рода заблужденія могли такъ легко проникнуть въ міръ, пріобрѣсти въ немъ значеніе и почетъ, войти въ жизнь, законы и нравы человечества. Не говоря о другихъ заблужденіяхъ, что сказать о рабствѣ, этой вопіющей несправедливости, которая однако въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ казалась всѣмъ вещью самою законною, и ни въ комъ не возбуждала ни малѣйшаго стыда, или угрызения совѣсти,—этомъ заблужденіи, столь сильнымъ и живучемъ, что и предъ всеозаряющимъ свѣтомъ Евангелія оно отступаетъ не вдругъ, но мало-по-малу, отставая упорно

себя на каждомъ шагѣ,—зablужденіи, которое еще и теперь (печальное доказательство того, какъ глубоко въ самомъ корнѣ повреждена природа человѣчества) защищаютъ люди цивилизованные, называющіеся христіанами? Правда, что когда истина приходитъ восторжествовать надъ этими заблужденіями, то она торжествуетъ надъ ними всецѣло, вырываетъ ихъ съ корнемъ изъ сознанія человѣчества, и оно уже послѣ того никогда не возвращается къ нимъ. Но какъ бы то ни было, эти заблужденія нѣкогда владѣли цѣлымъ міромъ, изъ вѣка въ вѣкъ переходили всегда живучія и неприкосновенныя. И если всеобщее согласіе, или то, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ, признать за норму и мѣрило всего истиннаго: то въ такомъ случаѣ и тѣ заблужденія должны быть также истинны, какъ и всякая истина, находящая себѣ опору во всеобщемъ согласіи, или общественномъ мнѣніи!...

Разсуждаютъ всегда о человѣчествѣ такъ, какъ будто въ его состояніи не произошло никакой существенной перемены съ того самаго дня, когда Господь, возрѣвъ на все, что ни создалъ, нашелъ все прекраснымъ. Любятъ представлять себѣ истину объемлющею и проникающею жизнь человѣчества точно такъ, какъ атмосфера объемлетъ и проникаетъ нашу землю. На самомъ дѣлѣ, истина не есть что-либо, столь же неотдѣлимое отъ нашего духа, какъ атмосфера неотдѣлима отъ шара, который мы населяемъ. Истина—это странница, стоящая у порога нашего сознанія и непрестанно усиливающаяся проникнуть къ тому завѣтному очагу, отъ котораго нѣкогда удалилъ ее грѣхъ. блуждая нашею мыслию тамъ и здѣсь, мы то подходимъ къ истинѣ, то удаляемся отъ нея, и каждый разъ, какъ мы останавливаемъ свой блуждающій взоръ на ея печальномъ и величественномъ образѣ,

въ нашей душѣ возстаютъ какія-то смутныя, неясныя воспоминанія объ отдаленныхъ временахъ мира, славы и счастья,—воспоминанія, которыя тотчасъ же оставляютъ насъ, едва только мы отвращаемъ взоръ отъ истины. Мы не могли всецѣло отвергнуть истину; мы удержали въ себѣ нѣкоторыя части ея, нѣкоторые лучи этого свѣта, менѣе яркіе и болѣе выносимые для слабаго взора нашего ума,—удержали то, что могла вмѣстить наша, хотя и поврежденная грѣхомъ, природа; остальное мы или отвергаемъ, или въ представленіяхъ нашего ума искажаемъ до того, что въ нихъ нельзя признать и тѣни истины,—сохраняя притомъ всегда (и это одно изъ нашихъ несчастій) имена тѣхъ вещей, которыми не владѣемъ болѣе. Истина правственная и общественная, это—какъ бы одна изъ тѣхъ древнихъ, полустертыхъ рукою времени надгробныхъ надписей, мимо которыхъ люди, озабоченные каждый своимъ дѣломъ, проходятъ равнодушно, не читая ихъ и даже не замѣчая, и которыя день ото дня ветшаютъ и стираются болѣе и болѣе, пока ихъ не коснется искусный рѣзецъ, и не напечатлѣтъ на этомъ, поросшемъ мхомъ и плесенью, камнѣ такъ живо и отчетливо, что каждый изъ проходящихъ будетъ невольно останавливаться предъ памятникомъ и читать, что на немъ написано. Но этимъ могучимъ рѣзцомъ владѣютъ не всѣ, а только немногіе избранные,—тѣ, которые всю жизнь проводятъ въ созерцаніи этой завѣтной надписи и въ усиліяхъ воспроизвести ее, сколько можно, вѣрно и отчетливо,—не взирая ни на что, и не заботясь о томъ, что толпы народа, снующаго мимо ихъ взадъ и впередъ, легко могутъ задѣть ихъ и опрокинуть къ подножію памятника. Иначе сказать, міръ всегда относится враждебно къ тѣмъ людямъ, которые являются предъ нимъ въ качествѣ свидѣтелей той или другой истины, пришедшей

въ забвеніе, той или другой обязанности, остающейся въ пренебреженіи; имъ не вѣрятъ, ихъ тѣснятъ и преслѣдуютъ безъ всякаго разумнаго основанія, и потому только, что ихъ ученіе идетъ вопреки всѣми припатымъ началамъ и обычаямъ, именно и единственно потому, что духъ вѣка, или голосъ общественнаго мнѣнія запрещаетъ имъ вѣрить...

Но, рано или поздно, эти истины, какъ бы ни казались онѣ странными въ началѣ, равно и тѣ, кто проповѣдуетъ ихъ, — рано или поздно должны восторжествовать надъ людскими предразсудками и заблужденіями, и содѣлаться достояніемъ всего человѣчества. Почему такъ? Потому, что истина есть истина; потому, что она отвѣчаетъ всему, чтò есть въ насъ болѣе глубокаго и неизмѣннаго, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ нашего духа; потому что, говоря вообще и положительно, она любезна намъ болѣе, чѣмъ заблужденіе; потому что все требуетъ ее въ насъ, все вопіетъ въ пользу ея; потому что заблужденіе всегда, рано или поздно, теряетъ свою силу и обличаетъ само себя; потому что ложь, какія бы выгоды ни обѣщала въ началѣ, всегда кончаетъ тѣмъ, что вредъ ея становится очевиднымъ для всѣхъ, и тогда истина необходимо заступаетъ ея мѣсто. Подобнаго рода результаты всегда приготовляются иѣрами чрезвычайными, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ, сочетаніемъ лицъ и событій, по видимому, самыхъ разнородныхъ и неудобосочетаемыхъ; враги въ этомъ случаѣ невольно помогаютъ дѣлу истины на ряду съ ея защитниками, препятствія обращаются въ средства, всего болѣе благопріятствующія ея торжеству. Но это не значитъ, конечно, чтобы сознаніе человѣчества оставалось безучастнымъ зрителемъ подобныхъ переворотовъ; нѣтъ, когда они наступаютъ, оно также подаетъ голосъ въ пользу ихъ; ибо чтò бы мы ни дѣлали и какъ бы далеко ни укло-

нялись отъ истины, есть въ насъ свидѣтель истины, правда, свидѣтель робкій и уклончивый,—но въ рѣшительныя минуты, уступая какой-то высшей, непреодолимой силѣ, онъ всегда выходитъ изъ своего тайнаго убѣжища и отзывается наконецъ на голосъ истины. Такъ всегда было со всѣми истинами въ мірѣ: упорно отвергаемыя въ началѣ большинствомъ и поддерживаемыя только малымъ числомъ избранныхъ, — людей неразумныхъ и презрѣнныхъ во мнѣніи міра,—онѣ въ послѣдствіи проникли въ глубину общественнаго сознанія, и вошли въ рядъ его коренныхъ, неотъемлемыхъ вѣрованій и убѣжденій. И такова наша надежда относительно той Истины, которая совмѣщаетъ въ себѣ всѣ истины, или, лучше сказать, въ нѣдрѣ которой онѣ всѣ почерпаютъ силу и жизнь: мы твердо вѣримъ, согласно Божественному обѣтованію, что наступитъ время, когда Евангеліе Христово будетъ, если не всѣми возлюблено, то всѣми принято и исповѣдуемо.

Но независимо отъ того, всѣ эти истины, при первомъ появленіи своемъ, осуждены встрѣчать упорное сопротивленіе въ сознаніи человѣчества, а ихъ первые свидѣтели и поборники—слыть во мнѣніи міра за людей странныхъ, неразумныхъ. Это—неизбѣжный жребій всѣхъ истинныхъ героевъ человѣчества. И чѣмъ геніальнѣе были ихъ предпріятія, чѣмъ выше и благороднѣе стремленія: тѣмъ всегда большимъ презрѣніемъ отвѣчало имъ общество. И даже теперь всякій ли, кто слѣдуя общему мнѣнію прославляетъ наконецъ память этихъ людей, стяжавшихъ себѣ славу тѣмъ, что добровольно обрекли себя на безславіе,—всякій ли при жизни ихъ стоялъ бы на ихъ сторонѣ, а не на сторонѣ ихъ ожесточенныхъ преслѣдователей? Онъ чтитъ ихъ не потому, что дѣйствительно считаетъ ихъ достойными чести, но потому, что видитъ ихъ

чтимыми отъ всѣхъ. Его отцы избили пророковъ, а онъ, послушный рабъ общественнаго мнѣнія, ждетъ гробницы пророкамъ.

Хотятъ, чтобы истина носила всегда характеръ простоты и ясности; поставляютъ это необходимымъ условіемъ всего истиннаго, отличительнымъ и существеннымъ признакомъ истины. Но для того, чтобы истина казалась намъ простою, нужно, чтобы и око нашей души было такъ же просто, какъ сама истина... Истина ли тому причиною, если наше сердце и умъ полны двойственностей и противорѣчій, если то, чѣмъ непосредственно овладѣвалъ человекъ въ первобытномъ состояніи невинности,—человекъ падшій, поврежденный грѣхомъ, усвоитъ не иначе, какъ путемъ напряженнаго мышленія, долгихъ изясненій и изслѣдованій, трудной и упорной борьбы съ самимъ собою, съ своими предрасудками и заблужденіями?

Мы указали фактъ, и представили объясненіе этого факта. Мы сказали, что всеобщее презрѣніе всегда было удѣломъ тѣхъ, которые приходили напоминать людямъ о томъ или другомъ требованіи вѣчной правды, о той или другой необходимой для всѣхъ истинѣ, это—фактъ. Мы сказали также, что причина этого факта кроется въ поврежденности нашей природы, какъ слѣдствіи нашего грѣхопаденія въ лицѣ прародителей; это—объясненіе факта. Теперь, оставивъ въ сторонѣ объясненіе, займемся самымъ фактомъ, попытаемся взвѣсить и оцѣнить его надлежащимъ образомъ.

Если защитники истинъ, самыхъ необходимыхъ и въ настоящее время наиболѣе очевидныхъ, во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ слыли за людей нездравомыслящихъ и даже опасныхъ; если они были всегда ненавидимы, презираемы и преслѣдуемы; если истина, дѣлу которой они служили,

проникла не иначе въ сознание, законы и нравы человѣчества, какъ путемъ долгой, упорной и ожесточенной борьбы съ его предрасудками и заблужденіями; если потребны были цѣлыя вѣка на то, чтобы эта странница, какъ мы ее назвали выше, могла перейти отъ порога до очага: то что сказать, послѣ сего, объ участи истины на землѣ и объ отношеніяхъ къ ней человѣка? Мы не говоримъ болѣе о паденіи; не ищемъ того, чѣмъ человѣкъ могъ быть нѣкогда; мы беремъ его тѣмъ, что онъ есть теперь, и какимъ является въ самую отдаленную отъ насъ эпоху, до которой только мы можемъ восходить съ помощію историческихъ памятниковъ.—Мы спрашиваемъ, можно ли называть нормальнымъ и благопріятнымъ положеніе относительно истины того существа, которое сначала отвергаетъ ее и глумится надъ тѣми, изъ чьихъ устъ слышится слово истины,—которое потомъ, если и принимаетъ истину, то не столько принимаетъ добровольно, сколько вынуждается необходимостію принять ее,—которое усваиваетъ истину не вдругъ и не въ цѣломъ, но мало-по-малу, по частямъ и какъ бы въ отрывкахъ,—которое, наконецъ, если и сдружается съ истиной и, сдружившись, уже не различается съ нею, то не въ слѣдствіе свободной расположенности къ истинѣ, а какъ бы неволью уступая ей силѣ и обаянію?

Это усиліе, этотъ кровавый трудъ, съ которымъ человѣчество, —борясь, такъ сказать, само съ собою,—овладѣвало одной послѣ другой истинами самыми необходимыми, недоброжелательство, съ которымъ оно всегда встрѣчало ихъ, его неспособность усмотрѣть и оцѣнить по достоинству ту или другую истину съ перваго же раза,—ясно говорить о двухъ вещахъ: вопервыхъ о томъ, что человѣчество само собою никогда не пришло бы къ истинѣ; вовторыхъ,—что оно не со-

стоитъ болѣе въ общеніи съ истиной. Но истина—едина; и всѣ эти истины, постепенно находимыя и воспринимаемыя человѣчествомъ, суть не что иное, какъ части или различныя приложенія одной верховной истины. Всѣ эти истины, называемыя иногда началами, суть слѣдствія одного главнаго начала, которое совмѣщаетъ въ себѣ другія, связуетъ ихъ во едино, изъ котораго онѣ всѣ почерпаютъ ясность, силу, жизнь и безсмертіе. Это начало есть первая истина, которую нужно знать и чтить, первый свѣтъ, который должно хранить и поддерживать въ себѣ человѣчество,—сильный засвѣтитъ въ немъ огонь не мерцающимъ и всѣ другія погасшія истины. Оно есть ключъ къ рѣшенію всѣхъ проблемъ, — первое знаніе, ведущее къ знанію всего остальнаго. Словомъ,—истина едина, или—нѣтъ истины.

Мы не говоримъ здѣсь ничего новаго. Эта идея—та самая, которую человѣкъ наслѣдовалъ и наиболѣе сохранилъ отъ временъ своего первобытнаго состоянія. Онъ всегда усиливался привязать всѣ свои мысли и самую жизнь къ одному высшему началу. Изъ этого усилія выродились всѣ религіи человѣчества; ибо это искомое начало не могло быть иное, кромѣ Бога; требовалось всегда раскрыть и уяснить идею о Богѣ. Но какъ въ своихъ представленіяхъ о Богѣ человѣкъ не могъ стать выше себя самого, не могъ не приписать тому, что онъ считалъ за Бога, своихъ человѣческихъ свойствъ и слабостей: то отсюда и всѣ религіи, когда-либо измышленныя человѣкомъ, не представляютъ въ себѣ ничего, что было бы выше его самого. Правда, во имя этихъ религій онъ всегда налагалъ на себя нѣкоторыя особенныя дѣйствія и лишенія, которыя внѣ религій не могъ бы считать обязательными для себя; но какъ избрать и возложить ихъ на себя завистло отъ его же произвола, то, очевидно, что всѣ эти

труды и жертвы нисколько не возвышали человѣка надъ самимъ собою, надъ силами и немощами его естества. Думая служить и угождать иному высшему началу, онъ въ сущности служилъ и угождалъ себя самому. Такимъ образомъ эти религіи не приносили ничего новаго во внутреннюю жизнь человѣка; ограпичивая его внѣшнимъ образомъ, онѣ внутренне предоставляли ему расти и развиваться по началамъ своего естества свободнѣе, чѣмъ когда-либо; словомъ, онѣ не разрушали въ немъ человѣка ветхаго и не создавали новаго. И какъ въ нихъ всегда человѣкъ является не тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ и долженъ быть, но тѣмъ, что онъ есть въ данныхъ условіяхъ мѣста и времени, то онѣ, очевидно, религіи временныя, и должны были неизбежно пасть и уничтожиться съ наступленіемъ новой эры въ человѣчествѣ и новой формы развитія. Но, чѣмъ бы ни были сами въ себѣ эти религіи, въ началѣ онѣ никогда не казались міру безуміемъ. И это естественно. Онѣ были формою, въ которой выразилась нравственная жизнь человѣчества, формою, которая сама была порожденіемъ времени, мѣста и тѣхъ или другихъ историческихъ преданій; она возникала, росла и развивалась вѣстѣ съ народомъ, и представляла нѣчто, столь же неотдѣлимое отъ его жизни, какъ его нравы, и, очевидно, онъ не могъ видѣть нелѣпости или безумія въ томъ, что было его собственнымъ твореніемъ, плодомъ его мысли и жизни.

Но когда является ученіе, которое изображаетъ человѣка не тѣмъ, что онъ есть, но тѣмъ, что онъ не есть и чѣмъ однако долженъ быть, которое говоритъ, что онъ въ своей нравственной жизни долженъ стать выше себя самого,—которое указываетъ человѣчеству цѣль, высшую всѣхъ тѣхъ, къ какимъ доселѣ стремился каждый изъ людей и все человѣчество, — какъ, спрашивается, будетъ принято въ мірѣ такое

ученіе? Если частныя истины, относящіяся къ этому ученію, какъ его развитіе и приложеніе, всегда навлекали гнѣвъ и презрѣніе со стороны міра на главу тѣхъ, которые осмѣливались заявлять объ нихъ міру: то какъ же истина первая, главная, та, которая объѣмлетъ ихъ всѣ и носить въ своемъ недрѣ множество другихъ подобныхъ истинъ,—какъ эта истина не навлечетъ на своихъ защитниковъ гнѣва и презрѣнія со стороны міра? Если ненавидятъ слѣдствія, проистекающія изъ этаго начала, то какъ самое начало,—то, которое законяетъ и освящаетъ ихъ въ себѣ, какъ оно избѣжитъ ненависти и презрѣнія? Мы не думаемъ этого. Если оно избѣжитъ ненависти, то не избѣжитъ презрѣнія, или, лучше сказать, оно испытаетъ то и другое: ненависть со стороны тѣхъ, которые ощутятъ въ себѣ невольное предчувствіе его истинности и могущества; презрѣніе со стороны тѣхъ, которые, не подозрѣвая его истинности и могущества, будутъ видѣть въ немъ не болѣе, какъ странность, не заслуживающую серъезныхъ опасеній и ненависти.

Иначе сказать, тѣ и другіе какъ бы вынуждены будутъ считать его безуміемъ. Ибо какого рода должно быть то начало, которое творить въ человѣкѣ какъ бы вторую природу? Оно не можетъ быть отвлеченнымъ понятіемъ; оно непременно должно быть фактъ; и притомъ фактъ новаго порядка, такъ какъ обыкновенные факты невозвышаютъ насъ надъ нашимъ обыкновеннымъ состояніемъ; и слѣдовательно фактъ, отмѣченный печатью божественною; ибо только одинъ Богъ можетъ творить факты новаго порядка. Посему, это фактъ, который мы никогда бы не могли предвидѣть, а потому не можемъ и постигнуть. Это фактъ сверхъестественный, это—чудо, иначе сказать—то, что міръ всегда считаетъ безуміемъ. Истинная религія не можетъ быть изобрѣтеніемъ человѣческимъ;

она есть слово Божіе; а когда вѣщаетъ Самъ Богъ, Его слово неизбѣжно является безуміемъ въ глазахъ невѣрія. Такимъ образомъ и тѣ, которые будутъ возвѣщать это слово, проповѣдывать объ этомъ фактѣ, всюду оглашать эту вѣсть, возбуждать въ мірѣ непомерное удивленіе, произведутъ смятеніе въ рядахъ мудрецовъ, наведутъ страхъ на боязливыхъ, подвигнутъ на ихъ престолахъ сильныхъ и могучихъ земли; возставятъ противъ себя всѣхъ, какъ мудрыхъ и ученыхъ, такъ равно самыхъ простыхъ и неученыхъ; ибо ненужно быть ученымъ для того, чтобы быть врагомъ истины. А если они будутъ говорить о томъ, какъ могущественно повліялъ на нихъ этотъ фактъ, какой глубокой, непостижимый переворотъ произвелъ онъ въ нихъ самихъ,—имъ не повѣрятъ; силу и огонь ихъ рѣчей отнесутъ къ разстройству ихъ воображенія; ихъ восторги и видѣнія сочтутъ за безуміе. И какъ не поймутъ ихъ ученія, такъ равно не поймутъ и ихъ жизни, будутъ сожалѣть объ нихъ, смѣяться надъ ними... до тѣхъ поръ, пока истина силою своего могущества не воздѣйствуетъ на умы самые мятежные, не восторжествуетъ надъ ненавистью и презрѣніемъ къ себѣ большинства, и не вынудитъ, наконецъ, самыхъ мудрыхъ земли предъ всеми исповѣдать и благословить ея мудрость, доселѣ казавшуюся имъ безуміемъ.

Истина, судьбу которой мы описали здѣсь, есть истина евангельская. Поелику она есть необыкновенная, высшая, совершеннѣйшая и завершительная истина, она должна была, при первомъ появленіи своемъ, возставитъ противъ себя весь міръ; какъ истина истинъ, она долженствовала овладѣть большинствомъ не вдругъ, но постепенно, маю-по-малу; какъ истина по преимуществу, она однако содѣлалась господствующею религіею народовъ; правительства считаютъ

за честь охранять ее, и сами становятся подъ защиту ея. Но было бы, по истинѣ, трудно опредѣлять съ точностію, что именно усвоили себѣ народы подъ именемъ христіанства? Мірѣ, принявъ христіанство, какъ бы лишилъ его нѣкоторой части его мудрости, замѣнивъ ее собственнымъ безуміемъ; такъ что даже среди христіанскихъ народовъ христіанинъ, который принимаетъ и исповѣдуетъ всю эту мудрость, слыветъ за неразумнаго. Нужно быть христіаниномъ по духу міра, чтобъ не казаться неразумнымъ въ глазахъ его. Не нужно идти къ мусульманамъ или поклонникамъ Будды, чтобы подпасть нареканію въ безуміи за начала христіанства. Никогда не будетъ недостатка въ случаяхъ къ тому въ самомъ христіанствѣ, даже среди народовъ, наиболѣе приверженныхъ къ вѣрѣ отцевъ своихъ. Всегда люди готовы будутъ видѣть безуміе въ рѣчахъ и поведеніи того, кто всецѣло, безъ всякаго ограниченія принялъ и воспиталъ въ себѣ мудрость Евангелія. Всегда, слѣдовательно, христіанинъ будетъ подлежать искушенію скрывать отъ другихъ свою вѣру; всегда, потому, будетъ одною изъ его первыхъ обязанностей не страшиться насмѣшекъ толпы, и безтрепетно исповѣдывать себя послѣдователемъ этой высокой мудрости.

Но если думаютъ, что для исполненія этой обязанности достаточно одинъ разъ навсегда исповѣдать свою вѣру, то это величайшая ошибка. Христіанство не есть только совокупность догматовъ; прежде всего и главнымъ образомъ оно есть начало новой жизни. Мудрость христіанина не—вся въ ученіи, которое онъ исповѣдуетъ; но также и наиболѣе—въ тѣхъ правилахъ и началахъ, которыми онъ руководится въ жизни. Мірѣ относится враждебно какъ къ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ христіанина, такъ равно и къ цѣлой жизни

его, носящей особый характеръ и отпечатокъ подъ вліяніемъ тѣхъ вѣрованій и убѣжденій. Есть многое въ жизни христіанина, чѣмъ онъ рѣзко отличается отъ другихъ людей. Безъ сомнѣнія, того, что относится до его внутренней жизни, тѣхъ сокровенныхъ подвиговъ самоиспытанія и самоотреченія, которые составляютъ какъ бы тайну между имъ и Богомъ, — міръ не видитъ и не знаетъ. Но не можетъ быть, чтобы это отличіе не обнаруживалось когда-либо въ его вѣшной жизни, въ его отношеніяхъ къ другимъ людямъ, къ обществу. Пусть онъ уклоняется отъ всѣхъ случаевъ къ тому; можно быть увѣреннымъ, что онъ не избѣжитъ ихъ, рано или поздно. Самое христіанство, которое усвоитъ ему начала, отличныя отъ тѣхъ, какими водится міръ, — налагаетъ на него и обязанность слѣдовать этимъ началамъ въ жизни неуклонно, не допуская въ своемъ поведеніи ничего, походяго на страхъ или притворство. Это мужество есть первый законъ и первый признакъ истиннаго христіанина; всякій христіанинъ есть прежде всего свидѣтель истины; всякій свидѣтель есть непременно мученикъ во имя истины.

Христіанство совершило въ мірѣ этотъ переворотъ. Оно дало истинѣ значеніе, независимое отъ времени и числа. Оно требуетъ, чтобы истина была признаваема и чтима ради ея самой; оно говоритъ, что каждый имѣетъ въ себѣ свидѣтельство истины, что всякій самый простой и наиболѣе далекій отъ общества человекъ можетъ въ самомъ себѣ находить достаточныя основанія и побужденія къ тому, чтобы вѣрить въ истину, не взирая на то, вѣрятъ ли въ нее другіе, — и долженъ умѣть въ случаѣ остаться одинъ съ своими убѣжденіемъ и устоять въ немъ вопреки всѣмъ. Между тѣмъ, какъ много людей, которые не знаютъ, что имъ дѣлать съ своею совѣстію, къ чему приложить ее! Какъ много людей,

которые, исполняя ту или другую обязанность, и не подозревали бы, что это — обязанность, если бы не находили тому подтвержденія въ общественномъ мнѣніи! Какъ много людей, которые прежде, чѣмъ рѣшиться на то или другое доброе дѣло, тотъ или другой нравственный поступокъ, съ безпокойствомъ оглядываются вокругъ, прислушиваются къ говору толпы, спѣшатъ прочесть особенно одобреніе или неодобреніе того поступка въ глазахъ тѣхъ, мнѣнія которыхъ они считаютъ непогрѣшимыми! Такъ много дають вѣры учености, таланту, тѣмъ или другимъ внѣшнимъ преимуществамъ, блестящему и вліятельному положенію въ свѣтѣ; такъ много вѣрятъ авторитету большинства,—и такъ мало вѣрятъ истинѣ, такъ мало дорожатъ истиной! Но цѣлю христіанства было—основать на землѣ поколѣніе людей, которые бы вѣрили истинѣ независимо отъ того, имѣеть ли она на сторонѣ своей голосъ большинства, свидѣтельство мудрыхъ и сильныхъ земли..., слѣдовательно людей, которые бы изъ-за истины были готовы слыть въ глазахъ міра за неразумныхъ и темныхъ людей...

Тщетно ученикъ Христа желалъ бы уклониться отъ этой обязанности свидѣтеля истины предъ лицомъ враговъ ея, возлагаемой на него его христіанскимъ званіемъ, какъ первый и непремѣнный долгъ! Тщетно искалъ бы онъ, мѣрами осторожности и уклончивости въ словѣ и въ жизни, отворотить отъ себя, или, по крайней мѣрѣ, отдалить на неопредѣленное время, хотя бы то до послѣднихъ минутъ своей жизни, этотъ тяжелый часъ испытанія, часъ борьбы съ міромъ за дѣло истины! Какъ онъ скажетъ своему Небесному Отцу: «Отче! спаси меня отъ часа сего!» когда на сей-то часъ онъ и пришелъ въ міръ?.. И если бы этотъ часъ никогда не наступилъ въ его жизни, то какой же плодъ должны прине-

сти живущія въ немъ евангельскія начала и внушенія? Какъ христіанинъ можетъ быть мудрымъ во мнѣніи свѣта, когда христіанство само есть безуміе въ глазахъ міра? Нужно для этого, чтобы большинство покорило свое сердце Евангелію; тогда обязанность всё-таки останется обязанностію, а недоставать будетъ только случаевъ къ исполненію ея. И подлинно, мы убѣждены, что эта обязанность не состоитъ въ томъ, чтобы относиться враждебно къ общественному мнѣнію, порицать его при каждомъ удобномъ случаѣ; но въ томъ, чтобы не поступаться въ угоду большинства своими христіанскими началами и убѣжденіями, «не одобрять» ни словомъ, ни дѣломъ того, что есть дживаго и неправственнаго, противнаго духу христіанства въ направленіи господствующихъ идей, въ нравахъ и обычаяхъ, усвоенныхъ большинствомъ. Когда большинство увѣруетъ, христіанинъ, безъ сомнѣнія, станетъ тогда въ болѣе благопріятныя отношенія къ міру; но до тѣхъ поръ онъ долженъ исполнять свои обязанности до конца.

Напрасно вопреки этой обязанности ссылаются на необходимость жить въ мирѣ и общеніи со всѣми! Что пришелъ принести на землю Спаситель—миръ, или мечъ? Истинный миръ не есть ли, по слову пророка, плодъ справедливости? А справедливо ли держать истину въ оковахъ? И что это за миръ, что за общеніе, въ основаніи которыхъ лежатъ двусмысліе и притворство въ словахъ и жизни? И во сколько разъ священная брань свѣта съ тьмою плодотворнѣе и вожделѣннѣе такого мира?

Напрасно обольщаютъ себя тою мыслию, что будто для дѣла истины лучше пожертвовать частию ея и остаться въ единеніи съ своими братьями, нежели, отдѣлившись отъ нихъ, сохранить ее всецѣло,—мысль не христіанская: такъ

думать и говорить можетъ только невѣріе! Ибо, вопервыхъ, можете ли вы ручаться за то, что, поступившись истинною въ одномъ случаѣ, не поступитесь ею въ другомъ, третьемъ и т. д.? Что представляетъ въ себѣ первая уступка, если не залогъ дальнѣйшихъ? Гдѣ лежитъ граница этой уступчивости, вынуждаемой, какъ говорятъ, необходимостію или приличіемъ? Когда, спрашиваемъ мы, будетъ имѣть конецъ то, что никогда бы не должно начинаться? Есть, безспорно, въ религіи много другихъ заповѣдей; но онѣ не исполнимы и даже не мыслимы безъ этой заповѣди; эта заповѣдь не только тѣсно связана со всѣми другими, — она пронпкаетъ ихъ всѣ, необходимо опредѣляетъ и обусловливаетъ каждую изъ нихъ. Эта обязанность есть душа всѣхъ нашихъ обязанностей, живая нить, связующая ихъ воедино. Этой истиной должно начинаться и ею завершаться всякое нравственное дѣйствіе; она положена въ основаніи всѣхъ истинъ, которыя Господь освятилъ и запечатлѣлъ своею кровію. — Вы думаете, что, утаивъ часть истины, окажете тѣмъ услугу вашимъ собратіямъ; но изъ всѣхъ услугъ, какія вы можете имъ оказать, самая лучшая и бѣльшая та, въ которой вы имъ отказываете, и которая состоитъ въ томъ, чтобы научить ихъ, что совѣсть есть нѣчто, или, лучше сказать, что она есть все. И какъ научить ихъ тому вы можете только дѣломъ, жизнію, — ибо всякій другой способъ наученія будетъ такъ же скользить по поверхности ихъ души, какъ тупое острѣе копыя скользить по поверхности латы; то посему вы должны съ восторгомъ и признательностію встрѣчать каждый случай, когда представляется возможность воздать должное совѣсти; должны, слѣдовательно, приготовиться не одинъ разъ подпасть нареканію въ неразуміи со стороны міра!

Напрасно хотятъ противопоставить этой обязанности слова

апостола, который заповѣдуетъ снисходить къ немощамъ слабыхъ по вѣрѣ, и не налегать на нихъ всею силою, всею тяжестію истины. Апостоль говоритъ ли гдѣ о томъ, что позволительно христіанину, въ томъ или другомъ случаѣ, уступать притязаніямъ невѣрія и поступаться мудростію вѣры? Между осторожностію въ отношеніяхъ къ невѣрію, которую онъ заповѣдуетъ, и невѣрностію своему христіанскому долгу и совѣсти, которую хотятъ основать на словахъ его,—такое же разстояніе, какъ между небомъ и землею!

Вы опасаетесь, что васъ иногда не поймутъ, или могутъ понять превратно... Сдѣлайте все для того, чтобы васъ поняли; но не полагайте условіемъ своей дѣятельности мысль, что вы поняты всѣми; ибо въ такомъ случаѣ вы никогда не начнете дѣйствовать. Истинѣ принадлежать высокія обѣтованія и преимущества; но, чтобы она не могла подлежать никакому искаженію въ понятіяхъ людей, это не стоитъ въ ряду тѣхъ обѣтованій и преимуществъ; напротивъ, судьба истины такова, что въ началѣ она всегда превратно понимается большинствомъ. Но неужели, потому именно, она должна молчать и не свидѣтельствовать о себѣ? Неужели солнце не должно посылать на землю своихъ лучей потому, что, разливая свѣтъ и теплоту въ природѣ, они вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ изъ земли и разносятъ въ пространствѣ разныя заразительныя и смертельныя испаренія? Развѣ оно, при всемъ томъ, не есть начало жизни въ природѣ, не есть солнце? Мы не хотимъ сказать, чтобы, подвизаясь за дѣло истины, не слѣдовало притомъ брать въ расчетъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, и позволительно было считать всякое средство законнымъ, всякій образъ дѣйствій правильнымъ. Нѣтъ, нельзя относиться какъ-либо легко и небрежно къ этому высокому, святому дѣлу служенія истинѣ! Не слѣдуетъ бросать

драгоценнаго бисера истины безъ разбора, предъ кѣмъ бы ни случилось... Послѣдуя заповѣди нашего Спасителя, мы должны быть просты, какъ голуби, и въ то же время мудры, какъ змѣи. Всякій изъ насъ, безъ сомнѣнія, долженъ будетъ дать отчетъ въ томъ, какъ онъ исполнилъ эту божественную заповѣдь; но нужно сказать вообще, что все, что можетъ дать поводъ другимъ сомнѣваться въ искренности нашихъ вѣрованій и убѣжденій, и думать, будто мы защищаемъ тѣ же ложныя начала, какія защищаютъ они, которыя защищаетъ свѣтъ, — всякая мѣра, всякое дѣйствіе въ этомъ родѣ были бы несогласны съ духомъ и началами того религіознаго благоразумія, которому учить и которое заповѣдуетъ намъ Спаситель!

Напрасно иные еще считаютъ достаточнымъ для себя свидѣтельствовать о истинѣ словомъ, предоставляя другимъ свидѣльствовать о ней жизнью, довольствуясь такимъ образомъ исполненіемъ одной половины этой обязанности, и притомъ болѣе легкой, какъ бы въ силу какого-то договора съ своею совѣстію, котораго всѣ невыгоды на сторонѣ совѣсти! Какое значеніе могутъ имѣть слова, за которыми никогда не должно послѣдовать дѣйствіе? Какую силу могутъ имѣть въ глазахъ другихъ тѣ высказываемыя вами начала, которыхъ вы сами не рѣшаетесь провести въ жизнь? Вы хотите поучать другихъ словомъ, и отрекаетесь поучать ихъ жизнью... Но кто же долженъ начать дѣйствовать, если не тотъ, кто началъ говорить? Во многихъ случаяхъ, сказать еще не значитъ что-либо сдѣлать; ибо, во многихъ случаяхъ, слово, не сопровождаемое дѣломъ, не убѣждаетъ никого, оказывается бесполезнымъ, ласкаетъ только нашъ слухъ, и служитъ какъ бы отверстіемъ, въ которое легко испаряется наше мужество, наша рѣшимость на добро; и во всѣхъ случаяхъ оно оказывается бесполезнымъ, когда бываетъ очевидно для всякаго, что можно бы вмѣстѣ говорить и дѣйствовать. Гово-

рить, не дѣйствуя, когда есть возможность вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствовать, это обычная уловка тѣхъ, которые владѣютъ только полуубѣжденіями и любятъ дѣйствовать полумѣрами.

Итакъ, не отвергайте тѣхъ случаевъ, когда представляется возможность и вмѣстѣ настоить необходимость свидѣтельствовать о истинѣ словомъ или дѣломъ; не притворяйтесь, что не видите ихъ, не употребляйте лжи и обмана противъ самихъ себя. Не возводите на степень закона воли большинства; воля Божія должна служить для васъ единымъ, непреложнымъ закономъ. Не говорите: какъ могу я противостать этому урагану—общественному мнѣнію, я, ничтожная песчинка въ томъ столбѣ пыли, который онъ поднимаетъ отъ земли и кружить въ воздухѣ... Будучи незамѣтною песчинкою, вы можете, силою и тяжестью живущей въ васъ истины, тяготѣть какъ скала въ этомъ мірѣ, и противостать всѣмъ возможнымъ ураганамъ. За цѣлость и сохранность вашихъ убѣжденій, васъ самихъ, ручается въ этомъ случаѣ Тотъ, Кто всегда пребываетъ вѣренъ и не можетъ отречься Себя. Рѣшитесь же, послѣдуя Его слову, противостать силою вѣренной вамъ мудрости немудрости міра сего. Устремляйте вашъ взоръ выше толпы, которая ропщетъ и негодуетъ на васъ. Взирайте на ангеловъ, свидѣтелей вашихъ подвиговъ, на святыхъ, привѣтствующихъ радостными кликами ваши победы надъ міромъ. Привитайте чаще мыслию и сердцемъ въ этомъ горнемъ мірѣ, внимайте глаголамъ неба. Радуйтесь о тѣхъ самыхъ, которые негодуютъ на васъ: они со временемъ наслѣдуютъ плоды вашихъ жертвъ; ибо эта жертва, это свидѣтельство и спасаютъ міръ. Міръ, рано или поздно, всегда вынуждается къ признанію истины. Рано или поздно, память свидѣтелей истины всегда торжествуетъ въ мірѣ. Могутъ затеряться и исчезнуть въ отдале-

ніи вѣковъ ихъ имена; но ихъ свидѣтельство всегда остается и пребываетъ въ мірѣ; а что же имъ нужно болѣе? Не остается ли вѣсть съ тѣмъ и лучшая часть ихъ самихъ?

Трудно съ перваго раза возвыситься до этой благородной независимости даже тому, кто искренно увѣровалъ во Христа. Правда,—одна мысль о независимости этого рода заставляетъ биться сладостнымъ трепетомъ болѣе или меньше всѣ сердца. Какъ и во всѣхъ проявленіяхъ силы человѣческой, въ этомъ сопротивленіи личнаго убѣжденія предразсудку, властвующему умами всѣхъ, есть нѣчто, что льститъ пріятно нашему самолюбію, возвышая насъ въ собственныхъ глазахъ. Это—сила наиболѣе рѣдкая въ мірѣ, и ею многіе гордятся, какъ своимъ достояніемъ. Юноша, еще не знакомый съ трудностями жизни, еще не предчувствующій того, въ какой зависимости отъ общественнаго мнѣнія онъ будетъ стоять въ послѣдствіи,—любитъ идти наперекоръ ему только изъ-за того, чтобы показать, что онъ не дорожитъ имъ, и съ негодованіемъ отвергаетъ все, что говоритъ о малѣйшемъ снисхожденіи въ этомъ случаѣ. Но въ этомъ сопротивленіи мнѣнію большинства, не осмысленномъ никакою разумною цѣлію,—онъ ищетъ не презрѣнія, а славы и чести; и еслибы даже искалъ презрѣнія: то это значило бы, что онъ ищетъ той же славы, только хочетъ добиться ея инымъ путемъ. Онъ желаетъ казаться независимымъ,—и это самое есть уже зависимость. Онъ никакъ несогласенъ на то, чтобы его на самомъ дѣлѣ считали за безумца; и потому этимъ мнимымъ разрывомъ съ обществомъ онъ только еще тѣснѣе сближается съ нимъ. Во всякомъ возрастѣ также, человѣкъ гордый, высокохвальный, относящійся ко всему съ пренебреженіемъ, ничѣмъ недовольный, можетъ идти этимъ путемъ независимости; но онъ,—или только на словахъ выказываетъ пренебреженіе къ мнѣнію общества, а въ сущности дорожитъ

имъ болѣе, чѣмъ кто-либо,—или въ самомъ себѣ, въ своей непошрѣнной гордости, находить то одобреніе, въ которомъ нуждается; во всякомъ случаѣ онъ не стоитъ на высотѣ той благородной независимости отъ общества, которую мы имѣемъ здѣсь въ виду, и на которой стоитъ человѣкъ общительный, права тихаго и кроткаго, вынуждаемый идти вопреки обществу единственно потому, что этого требуютъ его христіанскій долгъ и совѣсть. Этотъ человѣкъ дѣйствуетъ не по увлеченію; онъ разумно и сознательно относится къ тѣмъ мнѣніямъ и началамъ, которыя защищаетъ и проводитъ въ обществѣ, и не запасаетъ себѣ предварительно убѣжища въ глубинѣ своей гордости, куда бы онъ могъ укрыться отъ насмѣшекъ и презрѣнія. Онъ выбралъ путь самый трудный, заслуживающій того, чтобы избрать его предпочтительно предъ всѣми другими путями. Только о такомъ человѣкѣ, именно только о немъ, можно сказать, что онъ предъ лицомъ общества стоитъ одинокій и безоружный.—Но съ нимъ, говорятъ, остается его совѣсть... Ахъ! легче бѣдному ѣсть свою скудную пищу безъ соли, нежели нашей бѣдной природѣ довольствоваться свидѣтельствомъ совѣсти, не присоединя къ нему хотя одного зерна этой соли чело-вѣческаго одобренія, которою мы такъ любимъ растворять наши жертвы. Всегда ли даже совѣсть удерживаетъ надъ нами свои права при встрѣчѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, эту внѣшнюю совѣстію? Вы говорите о повиновеніи совѣсти; но, чтобы повиноваться совѣсти, надобно прежде слышать ея голосъ въ себѣ; а какъ легко голосъ совѣсти покрывается и заглушается въ насъ говоромъ толпы,—этого всегда безпокойнаго, шумнаго океана... Можетъ-быть, даже прежде, чѣмъ вы стали въ серьезныя отношенія къ міру, авторитетъ числа заступилъ въ васъ мѣсто совѣсти... Чтобы свидѣтельствовать свое убѣжденіе, надобно имѣть его въ себѣ

тѣмъ, чѣмъ оно есть,—убѣжденіемъ; а развѣ легко сохранить всецѣло свое убѣжденіе, живя и обращаясь въ міръ, который всегда овладѣваетъ нами прежде, чѣмъ пробуждается и предъявляетъ въ насъ свои права совѣсть, когда, можетъ быть, въ продолженіи многихъ лѣтъ мы успѣли освоиться, сродниться съ его идеями и правилами, дышали, жили ими, какъ бы и не подозрѣвая того, что есть другія высшія начала, которымъ слѣдуетъ подчинить себя въ жизни!.. Истина, говорите вы, освободитъ насъ отъ рабства общественному мнѣнію.... Безъ сомнѣнія; и чѣмъ была бы истина, если бы она не дѣлала насъ свободными? Безъ сомнѣнія, она дастъ намъ, съ новыми взглядами и убѣжденіями, и новое мужество. Но чтò пользы соображать и выставлять на видъ свои средства и силы прежде, чѣмъ мы усмотрѣли и взвѣсили предстоящія намъ опасности?... А эти опасности такого рода, что онѣ дѣлаютъ подвигъ свидѣтельства о истинѣ самымъ труднымъ и величайшимъ изъ всѣхъ... Какъ бы то ни было, не легко стоять въ противорѣчій со всѣми, т. е. съ своимъ отечествомъ, страной, или городомъ. Люди всего менѣе прощаютъ другимъ это сопротивленіе ихъ предразсудкамъ и заблужденіямъ, которыя они привыкли носить и дѣлать въ себѣ какъ истину,—особенно если оно носитъ характеръ спокойствія и стойкости. Не одинъ разъ свидѣтелю истины приходится жертвовать во имя ея самыми дорогими, близкими ему интересами. Уже одно представленіе этой безотрадной одинокости, на которую осужденъ въ обществѣ человѣкъ, являющійся одинъ съ своимъ мнѣніемъ или партією среди людей, съ которыми онъ ежедневно соприкасается по тѣмъ или другимъ отношеніямъ, — можетъ неблагоприятно вліять на насъ, колебать наше мужество и энергію! Уже одно это опасеніе сколько поражаетъ хитрыхъ софизмовъ, добровольныхъ заблужденій, невѣрныхъ, двусмысленныхъ положеній въ жизни!

Ибо міръ не дремлетъ въ своей враждѣ къ истинѣ; онъ безъ устали работаетъ надъ тѣмъ, чтобы обезоруживать и разрушать убѣжденія сильныя, благородныя. О вы, свидѣтели предъ лицомъ міра единого вѣрнаго Свидѣтеля, вы, кому Онъ заповѣдуетъ быть вѣрными и истинными, какъ Онъ самъ, — знайте: міръ, — который страшится этихъ свидѣтельствъ, страшится и ненавидитъ самихъ свидѣтелей, — употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы отнять у соли ея благотворную силу, чтобы лишить васъ вашего мужества и вѣрности, подавить, уничтожить васъ.... Если вы не позаботитесь съ каждымъ днемъ ограждать себя болѣе и болѣе отъ его козней: онъ съ каждымъ днемъ будетъ пріобрѣтать надъ вами большія и большія права. Онъ заставитъ васъ часто, если не словомъ и дѣломъ, то самымъ молчаніемъ одобрить его правила; а это иногда вредитъ истинѣ болѣе, чѣмъ слово или дѣло, враждебное ей.... Тѣ, повидимому, незначительныя уступки, которыя онъ будетъ вынуждать отъ васъ въ свою пользу, — это уже не что иное, какъ залогомъ вашей вѣрности его правиламъ, имѣющіе повести васъ къ еще большимъ невѣрностямъ вашему христіанскому долгу и совѣсти. Также медленно и незамѣтно, — какъ медленно и незамѣтно волна, ежеминутно ударяющаяся о прибрежную скалу, точитъ и разъѣдаетъ ее, — міръ будетъ точить и разъѣдать ваше христіанское убѣжденіе; и наконецъ можетъ довести васъ до того, что вамъ трудно будетъ обрѣсти въ себѣ хотя одну черту той евангельской мудрости, которую онъ считаетъ за безуміе, — и вы окончательно должны будете явиться также мудрыми въ его глазахъ, какъ и всѣ тѣ, кого онъ считаетъ своими поклонниками.

Посему, кромѣ тѣхъ ручательствъ истины, которыя намъ ввѣрены въ силу нашего христіанскаго званія; — мы имѣемъ нужду ежедневно въ новомъ подкрѣпленіи, утѣшеніи и ободреніи

на этомъ тернистомъ пути служенія истинѣ, чтобы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе прилѣпляться къ мудрости Евангелія, глубже видѣрять и укоренять ее въ себя. Но Тотъ, Кто призвалъ насъ къ этому высокому подвигу, всегда силенъ и укрѣпитъ насъ въ немъ. Нужно только не терять мужества, вѣры и упованія; нужно всегда помнить, что первая побѣда надъ міромъ есть уже залогъ дальнѣйшихъ; и что, если мы неослабно и нелицемерно будемъ идти путемъ самоотверженнаго служенія истинѣ,—то наконецъ придемъ къ тому, что для насъ величайшимъ наслажденіемъ будетъ жертвовать собою во имя истины, являться неразумными въ глазахъ міра, чтобы быть мудрыми и разумными въ очахъ Божиихъ. О, да поможетъ же намъ Его вседѣйствующая благодать стать и утвердиться на той высотѣ, на которой уже не могъ бы коснуться насъ страхъ людскаго мнѣнія и суда, и откуда самый міръ казался бы намъ малою, незамѣтною точкою предъ лицемъ истины! Будемъ просить Его, просить неотступно, чтобы онъ озарилъ наши сердца Своимъ Божественнымъ свѣтомъ, усладилъ насъ святою мудростію Евангелія, и водворилъ въ насъ любовь къ Нему, безмѣрно возлюбившему насъ, столь пламенную и нелицемерную, чтобы намъ стоило бѣльшаго труда и усилія низойти опять съ этой высоты къ міру, нежели какіе потребны были для того, чтобы отрѣшиться отъ міра и стать на той высотѣ! Будемъ просить Его непрестанно, но въ то же время и бодрствовать надъ собою непрестанно; ибо намъ необходимы всѣ наши средства и силы, благодатныя и естественныя, все наше мужество, вся наша энергія для того, чтобы мы могли сбросить съ себя оковы мнимой мудрости міра сего, умереть навсегда для этой суетной мудрости, и обрѣсти полноту жизни истины въ нѣдрѣ Того, Кто есть сама жизнь и истина.

Священникъ Н. Протопоповъ.

ПРОПОВѢДЬ СЕЛЬСКАГО ПАСТЫРЯ КАКЪ СРЕДСТВО НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

Въ справедливыхъ заботахъ о народномъ образованіи русское общество признало лучшимъ средствомъ для достиженія благой цѣли *воскресныя школы* и соединенное съ ними всенародное распространеніе грамотности. При всемъ уваженіи и сочувствіи нашемъ къ этому новому пути народнаго образованія, на которомъ такъ дѣятельно обѣщаетъ трудиться наше общество, мы должны сказать, что и церковь съ своей стороны не можетъ оставаться безучастною къ этому дѣлу, не можетъ не принять на себя священной и отрадной заботы объ улучшеніи того древняго способа, которыми искони сообщались народу религіозныя и нравственныя истины, имѣющія столь важное значеніе въ дѣлѣ народнаго воспитанія: мы разумѣемъ *церковныя поученія* или *проповѣди*. Еще слишкомъ далеко то время, когда самая грамотность сдѣлается общимъ достояніемъ. Въ воскресныхъ школахъ обучаются только немногія тысячи молодаго поколѣнія: большинство, въ особенности люди взрослые и по-

жилые, по всей вѣроятности скончаютъ вѣкъ свой, не зная грамотѣ, и такимъ образомъ церковная проповѣдь по прежнему останется для многихъ единственнымъ проводникомъ религіозныхъ и нравственныхъ истинъ. Съ другой стороны, для простыхъ людей, научившихся грамотѣ, церковная проповѣдь получаетъ новую, высшую значимость. Не говоря уже о преимуществѣ живаго слова, особенно подкрѣпляемаго добрымъ примѣромъ, должно замѣтить, что церковная проповѣдь, раскрывая правильный христіанскій взглядъ на жизнь, тѣмъ самымъ даетъ грамотному простолюдину точку опоры, чтобы не сбиться съ толку среди разнообразныхъ и разнохарактерныхъ произведеній книжной литературы. По этимъ соображеніямъ мы думаемъ, что для людей, искренно заботящихся о благѣ народа, на ряду съ заботою о распространеніи грамотности должна стоять другая, не менѣ важная забота—о средствахъ къ оживленію церковной проповѣди.

Наше церковное проповѣдничество въ настоящее время находится въ состояніи неудовлетворительномъ, и не оказываетъ того благотворнаго вліянія на жизнь народа, какого по справедливости можно отъ него ожидать и требовать. Вина этого не въ народѣ. Нашъ народъ всего менѣ можно упрекнуть равнодушіемъ къ слову проповѣди. Кто бывалъ въ сельскихъ церквахъ, тотъ видалъ, съ какимъ усердіемъ и нетерпѣніемъ народъ тѣснится къ налою, когда священникъ хочетъ говорить проповѣдь,—съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушаетъ проповѣдующаго. Въ городахъ нерѣдко при появленіи проповѣдника многіе уходятъ изъ храма; въ сельскихъ церквахъ этого не бываетъ: всѣ стоятъ, какъ прикованные къ мѣсту, и, кажется, боятся пропустить слово. Простолюдины сами очень хорошо понимаютъ, что они люди темные,

сами сознаютъ нужду въ духовномъ просвѣщеніи, и эту-то потребность они выражаютъ своими стремленіемъ стать поближе къ проповѣднику. Если бы достоинство и приложимость проповѣдей равнялись усердію слушателей, мы не нашли бы въ народѣ религіознаго невѣжества и нравственной огрубѣлости, нерѣдко обезображивающихъ жизнь народную; мы не имѣли бы побужденій сожалѣть, что народъ увлекается легендарными представленіями о судьбахъ міра и человѣка, не зная о представленіяхъ библейскихъ; мы не имѣли бы прискорбіи видѣть, что большею частію отношеніе народа къ религіи ограничивается исполненіемъ обрядности; мы не видѣли бы въ общественныхъ отношеніяхъ столь сильно господствующей привычки лгать изъ-за мелочной корысти, и возмутительнаго деспотизма въ быту семейномъ. Между тѣмъ всѣ эти явленія существуютъ, и самымъ своимъ существованіемъ краснорѣчиво говорятъ о малоуспѣшности нашего проповѣдничества.

Мы не будемъ удивляться бесплодности проповѣдей для простаго народа, если обратимъ вниманіе на общій характеръ проповѣдничества сельскихъ пастырей. Сельскій священникъ рѣдко говоритъ проповѣдь: немногіе проповѣдуютъ по воскресеньямъ; у большей части сельскихъ пастырей проповѣдь, какъ предметъ роскоши, является только по годовымъ праздникамъ, и то не всегда. При всемъ томъ, эти рѣдко произносимыя проповѣди почти никогда не бываютъ собственнымъ, самостоятельнымъ трудомъ; большею частію говорятся проповѣди или печатныя, какія есть подъ руками, или рукописныя старыя, наполненныя схоластическими приѣмами, общими мѣстами, тропами и фигурами, ничего не говорящими, доводами и обличеніями, бьющими воздухъ. Если же сельскій священникъ вздумаетъ когда

самъ сочинить проповѣдь, то, руководясь подобными образцами, онъ никакъ не въ состояніи отрѣшиться отъ претензій на витіеватость, на искусственное краснорѣчіе, не сможетъ говорить прямо, просто, отъ души, сообразно съ потребностями и степенью пониманія своихъ слушателей. Риторическія украшенія и схоластическіе приемы неизбѣжно вкрадываются въ его проповѣдь и портятъ все дѣло. Народъ не понимаетъ такихъ проповѣдей, потому что, говоря искренно, понимать ихъ и приложить къ жизни слишкомъ трудно. Спросите любого простолюдина, выходящаго изъ храма послѣ слушанія проповѣди: «о чемъ была проповѣдь?» онъ не найдетъ, что отвѣчать на это: много-много, если въ душѣ его пробудится благоговѣйное чувство при произнесеніи проповѣдникомъ имени Спасителя или Божіей Матери, или особенно чтимыхъ угодниковъ Божіихъ; въ этомъ случаѣ на душу простолюдина дѣйствуетъ сила священныхъ звуковъ независимо отъ содержанія и хода проповѣди, и этимъ большею частію ограничивается вся польза, получаемая народомъ отъ слушанія проповѣдей.

Причины, произведшія эту безжизненность и бесплодность поученій для простаго народа, очень сложны; мы безъ труда можемъ найти важнѣйшія изъ нихъ въ обстоятельствахъ воспитанія и жизни сельскихъ пастырей.

Прежде всего, семинарское образованіе отпускаетъ своихъ питомцевъ на дѣло проповѣди безъ надлежащаго приготовленія. Отрѣшенность отъ жизни общества всегда служила характеристикю семинарскаго воспитанія; мудрено ли, что молодой сельскій пастырь является къ своей паствѣ безъ надлежащаго пониманія ея жизненныхъ нуждъ и потребностей, и это незнакомство съ народною жизнію неизбѣжно высказывается въ безжизненности, отвлеченности и

неприложимости его поученій. Это бы еще не бѣда; можно бы надѣяться, что сельскій пастырь, съ теченіемъ времени, пріобрѣтетъ духовную опытность и знакомство съ народною жизнію, и будетъ когда-нибудь въ состояніи говорить истинно полезныя и приложимыя къ народной жизни поученія; можно бы ожидать этого, если бы сельскій пастырь имѣлъ предъ собою ясный идеалъ истинно-полезныхъ для народа поученій. Но семинарское воспитаніе не дало ему такого живаго идеала, и даже поставило на его мѣсто другой—весьма сомнительнаго достоинства. Извѣстно, что въ семинаріяхъ на составленіе проповѣди большею частію смотрятъ, какъ на дѣло, требующее большаго искусства; это доказывается уже тѣмъ, что ученикъ богословскаго класса долженъ написать *только три* проповѣди въ годъ. Само собою разумѣется, что прилежный ученикъ не щадитъ трудовъ, чтобы написать проповѣдь сколько возможно искусственнѣе, и этимъ трудомъ выработываетъ себѣ тяжелую манеру отвлеченнаго писанія проповѣдей съ риторическими фразами и схоластическими приѣмами. Съ такою-то искусственною манерою писанія проповѣдей, да еще съ запасомъ проповѣдническихъ произведеній своихъ собственныхъ и своихъ товарищей, является молодой пастырь къ своей паствѣ (*). Если даже въ теченіе богословскаго курса, когда его голова исключительно была занята умственной работой, писаніе проповѣди было для него подвигомъ, то теперь, по опредѣленіи на мѣсто, мысль молодаго пастыря занята многими заботами житейскими, и нѣтъ ничего удивительнаго,

(*) Мы знаемъ не одинъ примѣръ между учениками богословія, что въ теченіе всего богословскаго курса будущіе пастыри занимались болѣе всего списываніемъ лучшихъ проповѣдей своихъ товарищей въ надеждѣ поучать ими свою будущую паству.

что частое писаніе искусственныхъ проповѣдей становится для него уже дѣломъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ начинаетъ болѣе или менѣе сознавать бесполезность такой работы. Онъ невольно обращается къ рукописнымъ памятникамъ своихъ ученическихъ занятій, и считаетъ себя исполнившимъ обязанность проповѣдника, если произнесетъ ихъ нѣсколько разъ съ церковной кафедрой, нерѣдко періодически повторяя одно и то же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Нужно много самостоятельности, своеобразности и силы мышленія, чтобы отрѣшиться отъ семинарскихъ преданій и стать на новую дорогу. Такихъ сильныхъ духомъ пастырей конечно не много, и не можетъ быть много. Поэтому мы думаемъ, что на будущее время семинарія вообще должна позаботиться о томъ, чтобы поставить своихъ воспитанниковъ въ болѣе близкое отношеніе къ народной жизни и не падѣлять ихъ неприложимымъ идеаломъ отвлеченныхъ, искусственныхъ проповѣдей. Улучшеніе методики, какъ по части преподаванія, такъ и практическихъ опытовъ, должно стоять въ связи съ общою реформою семинарскаго образованія. На первый разъ можно ожидать много добраго отъ участія воспитанниковъ семинаріи, особенно окончившихъ курсъ семинарскій, въ обученіи народа въ воскресныхъ школахъ: предварительное знакомство съ народною жизнію несомнѣнно принесетъ добрые плоды.

Другая причина, задерживающая успѣхи проповѣдничества сельскихъ пастырей, состоитъ въ отсутствіи нужныхъ книгъ и вообще научныхъ и нравственныхъ пособій. Никто не будетъ отрицать, что для пастыря-учителя необходимы книги, которыя питали бы и укрѣпляли его духъ и ставили его выше исключительнаго круга обыденныхъ представленій,—которыя поддерживали бы въ немъ энергію духа притокомъ по-

выхъ и животворныхъ мыслей, и наконецъ доставляли бы матерію для церковнаго собесѣдованія. Между тѣмъ, при всей бѣдности нашей духовной литературы, мы не можемъ найти ни одного сельскаго священника, который былъ бы знакомъ со всѣми, наиболѣе замѣчательными явленіями ея, который выписывалъ бы и читалъ всѣ духовные журналы. Многіе не имѣютъ даже собственной Библии. При скудости средствъ нашего сельскаго духовенства, ихъ конечно нельзя много винить за это. Существующія церковныя бібліотеки не могутъ удовлетворить потребностямъ пастыря-учителя, желающаго серьезно заняться дѣломъ проповѣди, и имѣющаго нужду въ духовномъ чтеніи: въ нихъ, кромѣ богослужебныхъ книгъ и нѣсколькихъ произведеній богословской литературы прошлаго столѣтія, напр. Камня вѣры и т. под., почти ничего нельзя найти. Намъ кажется, въ настоящее время, когда въ народѣ распространяется грамотность и вмѣстѣ съ тѣмъ потребность чтенія, не мѣшало бы позаботиться объ устроеніи при сельскихъ церквахъ по возможности значительныхъ бібліотекъ изъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Такія бібліотеки могли бы удовлетворять и нуждамъ пастыря, и духовнымъ потребностямъ паствы. Завести такую бібліотеку для всего прихода подъ главнымъ руководствомъ священника — было бы лучше, чѣмъ употреблять нѣсколько тысячъ на дорогія церковныя украшенія, въ которыхъ иногда нѣтъ настоящей нужды (*). Конечно есть много церквей очень

(*) Въ этомъ отношеніи замѣчательна административная дѣятельность одного изъ недавно почившихъ нашихъ архипастырей. Когда подавали ему проектъ о какой-либо поправкѣ церковной или слѣтін большаго колокола, архипастырь предварительно дѣлалъ запросъ, имѣеть ли церковь нужная книги, и вообще въ какомъ состояніи находится церковная бібліотека, и до тѣхъ поръ не разрѣшалъ проекта, пока не была восполнена бібліотека.

бѣдныхъ; въ такомъ случаѣ, если средства одной церкви были бы недостаточны для первоначальнаго заведенія библіотеки и для выписки лучшихъ вновь выходящихъ богословскихъ книгъ и духовныхъ журналовъ,—то почему бы не завести одной общей библіотеки для нѣсколькихъ сосѣднихъ церквей? Пользованіе книгами изъ одной библіотеки проложило бы путь къ взаимному общенію сосѣднихъ священниковъ въ духовныхъ интересахъ, а это уже много значить.

Нельзя не замѣтить, что причиною скудости проповѣднической дѣятельности сельскихъ пастырей бываетъ и отсутствіе внѣшняго поощренія. Исполненіе церковныхъ требъ сопровождается матеріальнымъ вознагражденіемъ; заботы по храмозданію или по прохожденію особыхъ должностей (напр. благочиннаго) привлекаютъ вниманіе начальства. Ни то, ни другое вознагражденіе не связано необходимо съ проповѣдническою дѣятельностью. Къ чести нашихъ сельскихъ пастырей можемъ сказать, что если бы не было двухъ предшествовавшихъ причинъ, то эта послѣдняя причина сама по себѣ не имѣла бы значенія. Если бы наши сельскіе пастыри семинарскимъ образованіемъ были приготовлены къ живой проповѣднической дѣятельности, если бы они могли поддерживать въ себѣ духовную энергію постояннымъ чтеніемъ книгъ, то они несомнѣнно стали бы поучать народъ и безъ внѣшняго поощренія. Лучшимъ поощреніемъ для нихъ было бы уваженіе и признательность народа. Русскій человекъ благодаренъ; онъ пойметъ, что пастырь трудится для него не изъ какихъ-либо расчетовъ, но ради его просвѣщенія, и оцѣнить и умственное превосходство, и безкорыстное усердіе пастыря. Вотъ фактъ, служащій тому доказательствомъ. Въ К. уѣздѣ Т—ой губерніи, въ селѣ Р., священникъ каждое воскресенье и праздникъ говорилъ народу поученія

довольно просто и ясно, и народъ легко могъ совершенно понимать его. Прихожане сильно привязались къ своему священнику: каждое воскресеніе церковь была полна народа; не знали какъ восхвалить и благодарить его. И потомъ, когда этому священнику, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, пришлось перейти на другое мѣсто, прихожане едва могли разстаться съ нимъ, нѣсколько верстъ провожали его, и доселѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вспоминаютъ о немъ. Можно ли не желать подобныхъ отношеній прихожанъ для каждаго сельскаго пастыря? Но при всемъ томъ, вниманіе начальства къ проповѣдническимъ трудамъ сельскихъ пастырей далеко не излишне. Въ настоящее время начальство ограничиваетъ свое наблюденіе надъ проповѣдническою дѣятельностью сельскихъ пастырей тѣмъ, что обязываетъ священника однажды въ годъ представить проповѣдь цензору и явиться для произнесенія ея въ городъ. Этого конечно недостаточно. Одна проповѣдь не отвѣчаетъ за всю проповѣдническую дѣятельность. Священникъ, представляя проповѣдь—свою или чужую, цензору и произнеся ее въ городѣ, можетъ считать себя правымъ предъ начальствомъ, хотя бы этою одною проповѣдью и ограничился въ дѣлѣ проповѣданія Слова Божія. Быть-можетъ вмѣсто этой формальности лучше было бы слѣдить за общимъ ходомъ проповѣднической дѣятельности сельскаго пастыря, и при опредѣленіи личныхъ достоинствъ священника обращать вниманіе на то, пользуется ли онъ авторитетомъ въ своемъ приходѣ, какъ добрый совѣтникъ и учитель.

Мы не беремся начертать идеаль истинно-полезной проповѣднической дѣятельности для просвѣщенія простаго народа. Это дѣло трудное, которое вполне достойно вниманія и требуетъ силъ многихъ дѣятелей. Мы ограничимся немногими замѣчаніями. При поученіи простаго народа, прежде

всего нужно отложить всякую претензію на краснорѣчіе. Нужна по возможности простая, живая и одушевленная пастырская рѣчь, соединенная только съ званіемъ того, что нужно передать, и съ искреннимъ желаніемъ добра пасомымъ. Не нужно вдаваться въ тонкости и раздѣленія, заботиться о количествахъ и силѣ доказательствъ для раскрытія своихъ мыслей. Простой катихизическій методъ преподаванія можетъ служить самымъ лучшимъ способомъ разъясненія простому народу истинъ вѣры. Обыкновеніе говорить проповѣди на отдѣльныя темы, большею частію придуманныя послѣ долгихъ и трудныхъ усилій, доведено почти до предрасудка. Хорошо проповѣдывать отдѣльно о томъ, или другомъ предметѣ, но только тогда уже, когда народъ получилъ хотя краткое, но существенное и достаточное свѣдѣніе о цѣлой совокупности истинъ и правилъ христіанскихъ. Понятно, что если вести дѣло проповѣди какъ можно проще, то у всякаго священника окажется довольно свѣдѣній и способности, чтобы бесѣдовать съ простымъ народомъ о предметахъ вѣры безъ усиленнаго приготовленія, и даже прямо безъ приготовленія.

Е. Г.

ОТВѢТЪ НА ЛОЖНОЕ ОБВИНЕНІЕ ПРОТИВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦѢРКВИ РУССКОЙ.

Въ L'Union Chretienne (*) помѣщено письмо парижскаго протоіерея І. Васильева къ нантскому епископу, по поводу его посланія къ своей паствѣ въ началѣ прошедшаго великаго поста.

Газета le Nord, перепечатывая это письмо, замѣчаетъ, что въ немъ, въ «выраженіяхъ самыхъ умѣренныхъ и въ то же время какъ нельзя лучше принаровленныхъ къ существу дѣла,—опровергается одно весьма важное заблужденіе, распространенное на Западѣ, относительно того духа и началъ, какими руководится въ своемъ управленіи и жизни русская церковь; ибо Россія, о которой ходитъ такъ много ложныхъ, неблагопріятныхъ толковъ по поводу ея гражданской организаци, еще менѣе извѣстна западному міру

(*) Объ этомъ изданіи мы извѣщали въ № 1 Пр. Обозрѣнія за 1860 г.

со стороны своихъ религіозныхъ учреждений. Что особенно замѣчательнаго въ этомъ письмѣ, это—истинно-христианское чувство, которымъ оно проникнуто отъ начала до конца. Достопочтенный отецъ, подписавши подѣ нимъ свое имя, руководимый духомъ христианской кротости и чувствомъ глубокаго уваженія къ богоучрежденному сану епископства, ни на минуту не забываетъ о томъ, что онъ пишетъ къ предстоятелю церкви, хотя и инославной... Подобнаго рода письма, продолжаетъ le Nord, могутъ способствовать разъясненію истины и служить дѣлу религіознаго сближенія умовъ и сердець скорѣе и лучше, чѣмъ самыя дѣятельныя пропаганды. Эта статья и письмо обратили на себя вниманіе читающихъ иностранныя газеты. По важности предмета, о которомъ разсуждается въ письмѣ, мы сочли долгомъ своимъ передать это письмо въ переводѣ.

Вотъ письмо протоіерея Васильева:

Парижъ, 12 марта, 1861.

Ваше преосвященство!

«Одинъ изъ римскихъ католиковъ вручилъ мнѣ посланіе, обнародованное вами въ предѣлахъ вашей епархіи, въ началѣ текущаго поста. Почтенною особою, сообщившею мнѣ это посланіе, руководило въ этомъ случаѣ не иное что, какъ желаніе узнать дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Ибо этотъ человѣкъ искренній другъ истины. Онъ желалъ знать, насколько справедливо то, въ чемъ вы обвиняете русскую церковь. Онъ питаетъ величайшее довѣріе къ вашему слову, какъ слову предстоятеля церкви; но это обвиненіе показалось ему до того страннымъ, что онъ невольно усомнился въ истинности вашихъ словъ, и пожелалъ имѣть ясныя и

положительныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Въ самомъ дѣлѣ, обвиненіе, высказанное вами, клонится нибольше ни меньше, какъ къ отрицанію всякой вѣры, всякой христіанской независимости въ нашей церкви. Если вѣрить вамъ,— эта церковь въ состояніи поступиться самою вѣрою своею, лишь бы только не стать въ противорѣчіе съ господствующею властію.

«Я не желалъ бы вѣрить, чтобы подобное обвиненіе когда либо было провозглашено съвашей епископской кафедрѣ; но точность и опредѣленность вашихъ выраженій устраняютъ всякое сомнѣніе въ томъ. Ибо вы прямо говорите: «мы не думаемъ чтобы изъ всего этого избраннаго стада (во Франціи) нашелся хотя одинъ человѣкъ, способный говорить такъ, какъ говорятъ въ Россіи: «если царь признаетъ нужнымъ измѣнить мой символъ или, такъ или иначе, ограничить мою вѣру, я готовъ безпрекословно подчиниться его распоряженіямъ.» Во Франціи подобнаго рода рѣчи казались чѣмъ-то противоестественнымъ; благодаря Бога, мы—*Французы*, и навсегда пребудемъ Французами».

«Еслибы духъ націи стоялъ въ нашей странѣ на столь низкомъ уровнѣ: то было бы не много чести для французовъ гордиться своимъ превосходствомъ надъ русскими, и трудно было бы понять въ этомъ случаѣ, что побуждаетъ васъ такъ открыто хвалиться тѣмъ, что вы навсегда пребудете французами. Но я имѣю предложить вамъ замѣчаніе болѣе важное относительно вашей національной гордости. Св. Павелъ не говоритъ ли вамъ, равно какъ и мнѣ и всякому другому, что предъ очами Божиими нѣтъ болѣе ни грековъ ни варваровъ съ тѣхъ поръ, какъ всѣ народы, безъ различія поколѣній, призваны быть чадами Божиими и составить изъ себя во Христѣ Иисусѣ одно обширное семейство? Думаете

ли вы, что остаетесь вѣрными этому истинно-христіанскому началу, раздражая своимъ посланіемъ народныя антипатіи, внушая своимъ соотечественникамъ презрѣніе къ народу, носящему на челѣ своемъ знаменіе Христа, заставляя ихъ, подобно Фарисею, хвалиться тѣмъ, что они не таковы какъ прочіе люди?

«Я уважаю, свободу личныхъ взглядовъ и сужденій. Но *истина* не должна ли служить единымъ, руководственнымъ началомъ для всякаго христіанина во всѣхъ его взглядахъ и сужденіяхъ? Вы опустили изъ виду это начало, пресвященный, и я съ сожалѣніемъ долженъ напомнить вамъ о томъ.

«Я не хочу вѣрить, чтобы вы умышленно шли въ этомъ случаѣ вопреки истинѣ; нѣтъ, я слишкомъ далекъ отъ подобнаго предположенія! Церковь, къ которой я принадлежу, внушила мнѣ столь высокую идею о санѣ епископства, что я не могу вѣрить, чтобы человекъ, облеченный этимъ саномъ, хотя бы и въ церкви инославной, могъ позволить себѣ когда-либо унизиться до клеветы. Въ случаѣ, если бы эта клевета была очевидною, я поспѣшилъ бы отвернуться, чтобы не видѣть ее, и по примѣру Сима и Іафета счелъ бы долгомъ своимъ—такъ или иначе—прикрыть наготу отца. Да, я готовъ вѣрить, что мнѣніе, высказанное вами относительно нашей церкви, столь несправедливое и оскорбительное для нея,—есть не болѣе, какъ плодъ невольнаго заблужденія съ вашей стороны, а не сознательнаго отрицанія истины; но я долженъ сказать въ то же время, что такое фальшивое отношеніе къ истинѣ, хотя бы въ основаніи его не лежало ничего злонамѣреннаго, скорѣе извинительно въ мірянинѣ, чѣмъ въ пастырѣ церкви. Что извѣстнаго рода журналы позволяютъ себѣ распространять въ обществѣ по-

добнаго рода заблужденія,—я не нахожу въ томъ ничего страннаго; что онѣ явились орудіемъ той или другой партіи, упорно отстаиваютъ ихъ вопреки всѣмъ резонамъ здраваго смысла и свидѣтельства очевидности,—я не удивляюсь и тому; что люди свѣта, погруженные въ чтеніе этихъ журналовъ, пропитанные ихъ духомъ и идеями, по невѣдѣнію, принимаютъ и выдаютъ за истину то, что проповѣдуется на страницахъ этихъ листковъ,—я совершенно понимаю возможность этого факта; но епископъ!.. Какъ предположить, что онъ могъ слѣпо, подобно эху, вторить заблужденію тѣхъ самыхъ, кого онъ обязанъ словомъ и примѣромъ руководить къ истинѣ! Какъ предположить это особенно въ томъ случаѣ, если онъ заявляетъ свое мнѣніе не въ частномъ письмѣ, а въ одномъ изъ пастырскихъ посланій, и притомъ заявляетъ не какъ-либо нерѣшительно и условно, но тономъ самымъ положительнымъ, не допускающимъ возраженій?

«Чтобы оправдать свои слова, вамъ необходимо доказать одно изъ двухъ: или что наша церковь приписываетъ русскому императору какой-то родъ непогрѣшимости въ дѣлахъ вѣры,—или что она питаетъ въ себѣ чувства столь низкія, что считаетъ себя обязанною слѣпо повиноваться господствующей власти даже въ томъ случаѣ, еслибы эта власть хотѣла свои личныя заблужденія возводить на степень догматовъ. Но въ первомъ случаѣ, васъ обличало бы ученіе русской церкви; во второмъ, вы имѣли бы противъ себя всю ея исторію.

«Я не позволю себѣ оскорбить васъ предположеніемъ, что вы раздѣляете этотъ, слишкомъ распространенный во Франціи, предрасудокъ относительно мнимаго первосвященства русскаго императора. Вы знаете, безъ сомнѣнія, ученіе русской церкви объ этомъ предметѣ. Я не могу ду-

мать, чтобы ваше духовное образованіе ограничивалось тѣснымъ кругомъ знакомства съ ученіемъ и практикою римской церкви и чтобы вы считали недостойнымъ себя—знать что-либо и о другихъ христіанскихъ церквахъ; ибо въ этомъ случаѣ ваши богословскія познанія были бы еще болѣе поверхностными, нежели тѣ, какими владѣютъ самые простые изъ русскихъ священниковъ. Ибо у насъ дѣйствительно не ограничиваются знаніемъ ученія и исторіи церкви восточной, но изучаютъ также и церковь римскую въ ея собственныхъ памятникахъ. Посему, когда мы разсуждаемъ о тѣхъ вопросахъ, которые раздѣляютъ насъ съ римскою церковію и высказываемъ взглядъ и сужденія, неблагопріятные для нея,—насъ никогда нельзя обличать въ голословности и бездоказательности нашихъ мнѣній. Мы знаемъ ученіе римской церкви; потому-то и не одобряемъ его относительно многихъ пунктовъ.

«Итакъ вы не можете оправдывать себя незнаніемъ ученія русской церкви. Вы знаете его, безъ сомнѣнія, а слѣд. знаете и то, что эта церковь, вмѣстѣ со всею церковію восточною, къ которой она относится также, какъ вѣтвь къ своему древу,—пребыла вѣрною первобытнымъ началамъ церкви вселенской, началамъ, признаннымъ и чтимымъ также и римскою церковію въ продолженіе первыхъ осьми вѣковъ; знаете, что она непогрѣшимость въ дѣлѣ вѣры усваиваетъ только *церкви*, представляемой сословіемъ ея пастырей и исповѣдующей свою вѣру какъ вѣру вселенскую и апостольскую. Вы знаете также, что она всегда существенно, въ самыхъ основаніяхъ, различала власти—свѣтскую и духовную, всегда воздавала Кесарево Кесарю и Божіе Богу; знаете, что она признаетъ только одну главу церкви вселенской—Христа, управляющаго ею чрезъ посредство сво-

ихъ служителей, т. е. епископовъ, вспомошествоваемыхъ пресвитерами. (*)

«Что касается до императора,—русская церковь чтитъ его власть, какъ богодарованную, какъ и всякую законпо-поставленную власть; она повинуется ему во всемъ, что относится до интересовъ временной жизни; пользуется его покровительствомъ, но не облакаетъ его никакимъ высшимъ полномочиѣмъ въ дѣлахъ вѣры. Епископы русскіе,—одни полномочные руководители ко спасенію ввѣренной ихъ попеченіямъ паствы,—не злоупотребляютъ своею властію, не ищутъ, опираясь на свои духовныя права, оспаривать власть и права императора, но относятся къ нему, какъ его вѣрные подданные; а императоръ, вѣрный и почтительный сынъ церкви, чтитъ неприкосновенность духовной власти епископовъ, не поступаясь въ то же время ни однимъ изъ своихъ преимуществъ, принадлежащихъ ему, какъ главѣ государства. Плодомъ такого взаимнаго уваженія одной власти къ другой—является на Руси совершенное согласіе въ отношеніяхъ между церковію и государствомъ; между тѣмъ, какъ всюду, гдѣ обѣ эти власти сливаются въ лицѣ одного человѣка, мы не видимъ ничего, кромѣ неизбѣжныхъ безпорядковъ и постоянной борьбы между церковію и государствомъ,—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ духъ націи еще не дошелъ до послѣдней степени униженія, до состоянія положительнаго рабства.

«На такой степени рабства и униженія вы хотите видѣть и духъ націи въ Россіи. Но вы, безъ сомнѣнія, ошибочно отнесли къ Россіи, въ ея настоящемъ состояніи, то, что

(*) Болѣе полныя свѣденія можете найти въ катихизисѣ русскомъ, переведенномъ на французскій языкъ и въ ученомъ богословіи епископа Макарія, также переведенномъ.

принадлежить иному вѣку и иной странѣ. Утверждая это о Россіи, вы, очевидно, воображали Францію временъ Карла Великаго, который такъ открыто и настойчиво требовалъ измѣненія Никейскаго символа. Никогда ничего подобнаго не было въ Россіи; никогда ни одинъ изъ русскихъ монарховъ не усвоилъ себѣ права—измѣнять символъ или распорядиться, по своему произволу, дѣлами церкви. Такимъ образомъ вы, въ одно и то же время, оскорбили и одну изъ древнѣйшихъ церквей христіанскаго міра, и достойнѣйшаго императора, друга и союзника Франціи.

• Чтобы оправдать себя,—если только вы не изберете лучшаго рѣшенія, не сознаетесь въ вашемъ заблужденіи,—вамъ остается одно средство: допустить, что русскій императоръ злоупотребляетъ своею властію, относится къ церкви деспотически. Но вы должны согласиться въ то же время, что злоупотребленіе властію есть не что иное, какъ нарушеніе закона, исключеніе изъ общаго правила; а исключеніе, вы знаете, служить только къ наибольшему подтвержденію самаго правила. Но впрочемъ, русская церковь предвидѣла возможность злоупотребленія властію со стороны свѣтской власти, и не осталась безответною относительно этого вопроса. На страницѣ 138-й Правосл. Катихизиса вы читаете слѣдующее: «В. Какъ должно поступать, если бы случилось, что родители или начальники потребовали бы чего либо противнаго вѣрѣ или закону Божію?—О. Тогда должно сказать имъ, какъ сказали апостолы начальникамъ іудейскимъ: аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите. (Дѣян. IV, 19). И должно претерпѣть за вѣру и законъ Божій все, что бы ни послѣдовало.»

«Вы видите, что ученіе русской церкви положительно отрицаетъ всякое незаконное смѣшеніе этихъ двухъ

властей, свѣтской и духовной,—и что эта церковь совершенно непричастна той постыдной слабости, въ которой вы обвиняете ее, не представляя на то никакихъ доказательствъ, и притомъ въ выраженіяхъ столь оскорбительныхъ.

«Но если высказанное вами мнѣніе о русской церкви не находитъ себѣ подтвержденія ни въ ея ученіи, ни въ общемъ характерѣ и духѣ учреждений: то оно также противорѣчитъ и ея истории, къ которой я приглашаю Васъ обратиться теперь.

«Православно—каеолическая церковь русская есть дщерь православной церкви восточной. Это титуло ея есть въ то же время слава ея непоколебимой твердости въ вѣрѣ и апостольскаго мужества ея пастырей!

«Послѣ того, какъ въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ пастыри церкви восточной, наряду съ своими западными собратьями, вынесли жесточайшія преслѣдованія со стороны язычества, — имъ суждено вскорѣ понести на себѣ всю тяжесть новыхъ преслѣдованій — со стороны ложныхъ братьевъ, мятежныхъ сыновъ церкви, византійскихъ императоровъ, покровительствовавшихъ ереси. Но что же? Въ виду угрозъ и насилій, составлявшихъ обычную политику этихъ императоровъ, наши отцы поколебались ли въ вѣрѣ? Измѣнили ли истинѣ? Не превзошли ли они, своимъ мужествомъ въ защищеніи вѣры, пастырей церкви западной, на долю которыхъ въ эту эпоху выпали испытанія болѣе рѣдкія и притомъ сравнительно легкія? Согласитесь, что папа Либерій и отцы Риминійскіе являются мало замѣтными личностями возлѣ такихъ отцовъ, какъ Аванасій, Василій, Григорій Назіанзенъ, Златоустъ. Не думайте, чтобы преемники этихъ великихъ патріарховъ не наслѣдовали ихъ мужества; исторія говоритъ противное. Когда ересь иконоборческая нарушила миръ

церкви: не на патріарховъ ли константинопольскихъ пала вся тяжесть преслѣдованій со стороны еретиковъ? Не они ли мужественно противостояли императорамъ, стоявшимъ во главѣ этой ереси? Развѣ вамъ незнакомы имена св. патріарховъ исповѣдниковъ вѣры: Кира, Германа, Константина, Тарасія?

«Позднѣе, св. Игнатій обнаружилъ ли хотя минутное колебаніе въ томъ случаѣ, когда ему предстояло выбирать одно изъ двухъ: или подпасть всеѣмъ ужасамъ ищенія со стороны преступнаго императора и его развратнаго двора,—или измѣнить святой обязанности защитника истины и нравственности? А патріархъ Фотій, котораго заслуги и характеръ до того очернены и обезображены клеветою во мнѣніи Запада, что тамъ готовы считать его и теперь за ловкаго, проницательнаго временщика,—этотъ Фотій не предпочелъ ли лучше притерпѣть низложеніе съ своей кathedры, вынести темничное заключеніе и ужасы пытки, нежели умолчать о преступномъ поведеніи императора Василія? Постарайтесь воскресить въ вашей памяти тѣ подвиги святой ревности о вѣрѣ, непоколебимаго мужества и истинно-христіанскаго самоотверженія, которыми ознаменовали себя пастыри церкви восточной въ то время, когда палеологи искали, по расчетамъ политики, поработить свою церковь могуществу папъ, и усердно хлопотали о томъ еще на соборахъ ліонскомъ и флорентійскомъ,—и вы должны будете вполне согласиться съ тѣмъ, что ревность о вѣрѣ и христіанское мужество никогда не оскудѣвали въ церкви восточной. А этотъ фактъ, что восточные епископы, находясь подъ столѣтнимъ игомъ ислама, могли сохранить свою вѣру въ всей цѣлости и чистотѣ, этотъ знаменательный фактъ,—развѣ вы ни во что ставите его? А мученическая кончина патріарха Григорія и многихъ еписко-

повь, казенныхъ по приказанію султана въ 1821 году, — развѣ это эпизодъ не изъ современной намъ исторіи? Не такъ давно превозносили чуть не до небесъ твердость Пія VII, точно такъ, какъ теперь прославляютъ кротость и христіанское терпѣніе Пія IX, поставленнаго въ необходимость отказаться отъ нѣкоторыхъ земныхъ преимуществъ своей власти; а подвиги тѣхъ мучениковъ, достойныхъ служить украшеніемъ церкви первенствующей, проходить равнодушнымъ молчаніемъ, и не хотять почитать ихъ памяти ни однимъ словомъ похвалы или удивленія!...

«Наслѣдовавъ столь возвышенныя преданія, и подкрѣпляемые такими примѣрами, пастыри русской церкви всегда были вѣрны своему высокому призванію. Было бы слишкомъ долго описывать здѣсь все, что они понесли и чѣмъ ознаменовали себя въ плачевную эпоху татарскаго ига надъ Россією. Я не думаю, чтобы вы ничего не знали о мученической кончинѣ митрополита Филиппа, рѣшившагося открыто порицать Іоанна IV за его жестокость и беспорядочное поведеніе, и заплатившаго смертію за свою апостольскую ревность. Считаю излишнимъ напоминать вамъ и о томъ, какъ патріархъ Гермогенъ согласился лучше умереть голодною смертію въ темницѣ, гдѣ его держали въ заточеніи поляки, нежели измѣнить своей вѣрѣ и отчизнѣ. Перехожу теперь къ событіямъ, которыя представляютъ намъ властителей русской земли въ враждебныхъ отношеніяхъ или къ пастырямъ церкви, или къ цѣлой странѣ. Достаточно будетъ указать здѣсь на два факта въ этомъ родѣ, чтобы вы убѣдились, что вашъ отзывъ о русскихъ столько же ошибоченъ, сколько и оскорбителенъ для нихъ.

«Въ числѣ епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ флорентійскомъ и принявшихъ участіе въ спорахъ по во-

просу о соединеніи церквей, находился и русскій митрополитъ Исидоръ. Русскій князь и епископы, не полагаясь на этотъ соборъ, при созваніи котораго имѣлись въ виду скорѣе интересы политикѣ, нежели благо церкви и религіи, не довѣряя и самому Исидорѣ, получившему воспитаніе на Западѣ, всячески старались отклонить его отъ поѣздки во Флоренцію; но онъ настоялъ на своемъ. Тогда они взяли съ него клятву въ томъ, что онъ твердо будетъ стоять на соборѣ за вѣру православную. Возвращаясь съ собора, Исидоръ, не внявъ совѣту своихъ спутниковъ, еще до прибытія въ Москву разослалъ грамоты, въ которыхъ о соединеніи церквей объявлялось, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Вся русская церковь поражена была изумленіемъ при видѣ столь недостойнаго поведенія со стороны своего пастыря. Прибывъ въ Москву, онъ объявилъ себя легатомъ римскаго престола и съ перваго же раза въ его служеніи нашли доказательство, что онъ измѣнилъ вѣрѣ и отступилъ отъ уставовъ своей церкви. Среди всеобщаго изумленія умовъ, великій князь Василій возвысилъ голосъ противъ невѣрнаго пастыря. Но замѣтьте, князь не считалъ своего голоса въ этомъ дѣлѣ рѣшительнымъ. Онъ предоставилъ окончательный судъ надъ виновнымъ собору русскихъ епископовъ. Исидоръ, не надѣясь, безъ сомнѣнія, явиться правымъ предъ судомъ собора, не дождался его рѣшенія и бѣжалъ въ Римъ, гдѣ въ награду за свою ультрамонтанскую ревность получилъ кардинальскую шапку.

«Разсказывая это происшествіе, я имѣлъ чѣмъ виду обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что если духовенство и народъ дѣйствовали здѣсь за одно съ своимъ княземъ: то не потому, чтобъ считали его волю обязательною для себя въ этомъ дѣлѣ, но потому, что онъ первый возсталъ

противъ этого измѣнника, пренебрегшаго и вѣроу и дапную торжественно клятвою.

«Я хочу теперь указать вамъ другой случай, противоположный тому, о которомъ я сейчасъ упомянулъ.

«Когда Димитрій, послѣдняя отрасль древней династіи, палъ подъ ножами убійць: одинъ проходимецъ, діаконъ Григорій, имѣвшій нѣкоторое сходство съ царевичемъ, возниѣлъ преступный замыселъ выдать себя за Димитрія, будто-бы какимъ-то чудомъ избѣжавшаго смерти. Укрываясь въ Польшу, онъ нашелъ себѣ здѣсь искусныхъ помощниковъ въ іезуитахъ, видѣвшихъ въ немъ весьма пригодное орудіе для осуществленія своихъ замысловъ относительно русской церкви.

«Наученный іезуитами всему, что входило въ кругъ тогдашняго образованія, поддерживаемый войсками Польши, опираясь на могущество Папы, который уже успѣлъ убѣдить европейскіе дворы признать самозванца законнымъ государемъ Россіи, лже-Димитрій съ торжествомъ явился подъ стѣнами Москвы.

«Не думайте, чтобы этимъ успѣхомъ онъ обязанъ былъ интригамъ Рима, или оружію Польши, или наконецъ искусной тактикѣ іезуитовъ. Всѣ эти мѣры не привели бы его ни къ чему, еслибы онъ не нашелъ себѣ опоры въ томъ глубокомъ чувствѣ вѣрности, которое русскіе всегда питали къ своимъ монархамъ. Лже-Димитрій сумѣлъ искусно направить это чувство въ свою пользу; и вскорѣ достигъ того, что, въ качествѣ законнаго государя, могъ торжественно воссѣсть на тронъ Рюрика. Съ этихъ поръ онъ начинаетъ приводить въ исполненіе тайный договоръ, заключенный имъ съ іезуитами, цѣлю котораго было водворить въ Россію ученіе и обычай римской церкви. Хитрые совѣтники самозванца, безъ сомнѣнія, знали лучше васъ, преосвященный, Россію

и ея глубокую привязанность къ вѣрѣ. Они не надѣялись поколебать твердость русскихъ въ вѣрѣ. Они особенно остерегались совѣтовать своему воспитаннику прибѣгать къ мѣрамъ власти, формальнымъ предписаніямъ и запрещеніямъ, которыя вы считаете столь вѣрнымъ и легкимъ средствомъ; потому, чтобъ заставить русскихъ отречься отъ вѣры, іезуиты больше рассчитывали на свое обычное средство—хитрость. Не касаясь прямо догматовъ, лже-Димитрій напалъ сначала на обычаи и привычки, стоявшіе въ связи съ религіозною жизнію русскаго народа. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ крайнею осторожностію и пытался такими же мѣрами вводить въ жизнь русскаго народа обычаи Рима. Но, при всей своей хитрости и уклончивости, онъ не могъ обмануть зоркой бдительности православнаго чувства русскихъ, вскорѣ разгадавшихъ его истинныя намѣренія. Тогда ревность о вѣрѣ одержала верхъ надъ ихъ вѣрноподданническими чувствами. Произошло страшное, кровопролитное возстаніе. Самозванецъ, объятый ужасомъ, бросился изъ окна своего дворца и погибъ.

«Если бы вы знали этотъ фактъ, вы не позволили бы себѣ произнести столь оскорбительнаго отзыва о моихъ соотечественникахъ противъ твердости ихъ въ вѣрѣ. Впрочемъ это былъ единственный случай въ исторіи моей страны, когда ея вѣрованіямъ грозила опасность со стороны престола; но и то потому, что на немъ сидѣлъ самозванецъ. Что же касается до нашихъ законныхъ государей, то они не только никогда не относились враждебно къ вѣрѣ своихъ подданныхъ, но всегда первые служили примѣромъ самой строгой, неуклонной вѣрности религіи своихъ предковъ. Они никогда не позволяли себѣ касаться этого священнаго ковчега, несомаго на раменахъ пастырей. Когда Петръ В. прибылъ во Фран-

цію: сорбонскіе ученые поспѣшили, пользуясь этимъ случаемъ, представить ему проектъ соединенія галликанской церкви съ церковію русскою. Французскіе богословы, вѣроятно, сильно рассчитывали въ этомъ случаѣ на авторитетъ царя. Но Петръ разочаровалъ ихъ, объявивъ положительно, что онъ не имѣеть права вмѣшиваться въ духовныя дѣла своей страны, но, что если они пожелаютъ, онъ можетъ представить ихъ предложеніе на разсмотрѣніе русскаго синода. И при всемъ томъ этому именно государю приписываютъ положительнымъ образомъ присвоеніе духовной власти въ русской церкви!..

«Тщетно ищу я на страницахъ исторіи моего отечества фактовъ, которые могли бы представить вамъ хотя малѣйшій предлогъ къ тому, чтобъ утверждать относительно насъ то, что вы утверждаете... Я не нахожу этихъ фактовъ. Развѣ вы сошлетесь на современное событіе—присоединеніе двухъ съ половиною милліоновъ русскихъ униатовъ къ православной церкви восточной? Но, по незнанію ли дѣла, или въ слѣдствіе злонамѣреннаго искаженія истины, — только относительно этого факта утвердилось слишкомъ превратное мнѣніе на Западѣ. Не хотятъ видѣть въ этомъ событіи ничего болѣе, кромѣ слѣпаго подчиненія униатовъ волѣ императора Николая! Мнѣніе, слишкомъ произвольное, ни на чемъ не основанное!

«Но, если вы также на сторонѣ этого мнѣнія; то должны видѣть по крайней мѣрѣ, что, осуждая это присоединеніе, вы тѣмъ самымъ бросаете камень въ вашу собственную церковь! Униаты принадлежали вамъ: естественно заключить отсюда, что *у васъ* научились они не дорожить вѣрою, поставлять свои убѣжденія въ зависимость отъ воли одного человѣка! Но теперь, я говорю это съ полнымъ знаніемъ

дѣла, теперь—ничто, ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни яная какая-либо тварь никогда не возмочь разлучить ихъ (Рим. VIII, 38, 39) съ православною церковію, къ которой они привязаны всѣмъ, что есть въ нихъ самаго глубокаго и внутренняго.

«Я понимаю, что вы жалѣете о потерѣ этихъ христіанъ для вашей церкви. Но, во всякомъ случаѣ, это не даетъ вамъ права отрицать въ нихъ всякую вѣру, всякое убѣжденіе. Еслибы вы безпристрастно обсудили то, какими мѣрами вызвана и поддерживалась всегда эта упія: вы навѣрное согласились бы тогда, что надпись, начертанная на медали, выбитой въ память этого, столь вождѣннаго для нашей церкви, событія, говорить совершенную истину. А она вотъ что говорить:

«Отторгнутые насиліемъ

Возсоединены любовью.»

«Извините, ваше преосвященство, если мое письмо вышло длиннѣе обыкновеннаго. Обвиненіе, провозглашенное вами противъ русской церкви, такого рода, что я не могъ отвѣчать на него въ нѣсколькихъ строкахъ. Притомъ я не оказалъ бы должнаго уваженія къ священному сану, которыми вы облечены, еслибы позволилъ себѣ противопоставить вашимъ словамъ одно голословное отрицаніе. Я долженъ былъ опереться на доказательства, чтобы опровергнуть васъ. Я счелъ бы себя счастливымъ, еслибы это письмо возвратило васъ къ чувствамъ справедливости и любви, которыхъ мы также, какъ и другіе, въ правѣ ожидать отъ васъ. Эти чувства, столь сладостныя и вождѣнныя сами въ себѣ, столь сродныя и приличныя служителю Христа, имѣютъ на своей сторонѣ еще то преимущество, что онѣ

представляютъ самое легкое и вѣрное средство къ взаимному сближенію и единенію христіанскихъ церквей, пребывавшихъ нѣкогда въ тѣсномъ союзѣ мира и любви, — мира, который бы никогда не былъ нарушенъ, если бы истина и любовь всегда торжествовали надъ необузданнымъ желаніемъ власти и своекорыстными стремленіями...»

L'Union Chretienne, печатая это письмо, замѣчаетъ: «Мы не думаешь, чтобъ епископъ Жакме могъ упорно хранить молчаніе въ виду такого письма. Самое достоинство его сана требуетъ, чтобы онъ или опровергъ это письмо, или публично отрекся отъ своихъ словъ. Онъ понимаетъ, конечно, что епископъ не въ правѣ молчать, когда ему говорятъ и доказываютъ, что въ одномъ изъ своихъ пастырскихъ посланій онъ позволилъ себѣ оскорбить незаслуженнымъ укоромъ одну изъ христіанскихъ церквей. Мы не замедлимъ въ свое время сообщить нашимъ читателямъ отвѣтъ, какой явится со стороны нантскаго епископа.»

З А М Ъ Т К И

НОВЫЙ ПРОЕКТЪ ЦЕРКОВНАГО УСТРОЙСТВА ВЪ САКСОНІИ.

Всѣ благомыслящіе и религіозные люди въ Германіи давно уже сознають неудовлетворительное состояніе современной религіозной жизни въ протестантскихъ германскихъ обществахъ и признають необходимость новыхъ мѣръ къ болѣе живому и правильному возбужденію внутренней жизни обществъ. Но согласные въ такомъ признаніи, германскіе богословы далеко расходятся между собою въ понятіяхъ о существѣ и характерѣ предстоящихъ церковныхъ преобразованій. Въ этомъ отношеніи извѣстны два главныхъ направленія. Одни предлагаютъ всѣ возможныя средства къ возвышенію народной религіозной жизни, какія находятся въ рукахъ духовенства и—вновь могутъ быть допущены безъ нарушенія того церковнаго порядка, существующаго со временъ реформаціи, по которому всѣ церковныя дѣла подлежатъ исключительному завѣдыванію духовенства при содѣйствіи гражданскаго правительства. Другіе думаютъ, что охлажденіе общества къ религіи и безучастіе къ религіозно-церковнымъ вопросамъ можетъ исчезнуть только тогда, если само общество будетъ принимать извѣстное участіе въ своихъ церковныхъ дѣлахъ. Богословы этого направленія признають для Германіи необходимость радикальной реформы въ церковномъ устройствѣ, и, присое-

дняя къ духовенству общество, находятъ нужнымъ организовывать такъ-называемыя *пресвитеріи* и *общія собранія* (Presbiterial- und Synodal-Verfassung), въ которыхъ выборные изъ мірянъ, представители общества, вмѣстѣ съ духовенствомъ принимали бы участіе въ церковныхъ дѣлахъ частныхъ приходоу и всей мѣстной церкви. Должно замѣтить, что это новое церковно-общинное устройство введено уже въ при-рейнскихъ странахъ Пруссіи, въ Вестфалии, въ Ольденбургѣ, въ Баваріи по сию сторону, въ рейнскомъ Пфальцѣ и въ Баденѣ. Въ послѣднее время сдѣланы рѣшительныя попытки къ введенію того же порядка во всей Пруссіи и Австріи.

Въ королевствѣ Саксонскомъ евангелическая часть населенія, еще съ 1830 года, въ частныхъ жалобахъ и прошеніяхъ за многочисленными подписями, обращенныхъ къ правительству и государственнымъ чинамъ, высказывала желаніе преобразованій въ церковномъ устройствѣ. Это положеніе дѣлъ давно озабочивало саксонское церковное правительство. Въ 1859 году, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, оно предлагало эйзенахской конференціи обозрѣть настоящее состояніе нѣмецкой евангелической церкви и обсудить современныя задачи церковной власти. Послѣ продолжительной медленности, послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ попытокъ, саксонское правительство составило наконецъ новый проэктъ церковнаго устройства для евангелическо-лютеранской церкви въ Саксоніи и предложило его на разсмотрѣніе государственному сейму, имѣющему собраться въ нынѣшнемъ году (*).

(*) Этотъ проэктъ, подъ заглавіемъ: «Entwurf einer Kirchenordnung für die evangelisch-lutherische Kirche im Königreich Sachsen» помѣщенъ въ журналѣ *Allgemeine Kirchen-Zeitung*, издаваемомъ въ Дармштадтѣ подъ редакцію *Штрака*. 1861. №№ 4—7.

Саксонское правительство при составленіи этого проекта стояло подъ вліяніемъ обѣихъ партій, раздѣляющихъ нынѣшнихъ богослововъ Германіи—партіи въ пользу прежняго консисторскаго устройства и партіи въ пользу допущенія мірянъ къ участию въ дѣлахъ церковныхъ. Защитники исключительныхъ церковныхъ правъ и полномочій духовенства имѣютъ еще въ Саксоніи значительную силу: когда въ 1831 г., при измѣненіи государственнаго устройства, верховная власть надъ церковными дѣлами изъ оберъ-консисторіи перешла въ министерство просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, то послышался громкій ропотъ со стороны не только духовныхъ, но и мірянъ. Съ другой стороны, въ многочисленныхъ прошеніяхъ о церковной реформѣ, подаваемыхъ къ правительству въ послѣднее 30-ти лѣтіе, высказывалось, хотя конечно подъ различными формами, желаніе, чтобы отдѣльнымъ церковнымъ общинамъ было предоставлено большее участіе въ ихъ церковныхъ дѣлахъ, и чтобы совокупность общинъ, какъ шестная церковь, могла имѣть свой *представительный органъ* по отношенію къ государству и церковному правительству, т. е. правильно устроенное *общее собраніе* (Synodus). Замѣтно, что саксонское правительство имѣло въ виду представленія обѣихъ партій и хотѣло въ своемъ очеркѣ новаго церковнаго устройства совмѣстить старый консисторскій порядокъ съ новымъ церковно-общиннымъ порядкомъ.

«Желаніе отдѣльныхъ церковныхъ общинъ (говорится въ приложеніи къ проекту) касательно представительства въ своихъ дѣлахъ и большаго участія въ ихъ ходѣ и рѣшеніи конечно законно, и если это желаніе найдетъ себѣ надлежащее удовлетвореніе, то это не только не принесетъ церкви вреда, напротивъ того, возбудитъ религіозно-церковную жизнь въ общинахъ, а слѣдственно и во всей церкви. Опытъ по-

казалъ, что въ тѣхъ церквахъ, гдѣ общинамъ предоставлено большее участіе въ церковныхъ дѣлахъ,—тамъ внутренняя церковная жизнь развивается гораздо плодотворнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ все предоставлено одному только духовеству.» Въ этихъ видахъ саксонское церковное правительство въ новомъ проектѣ предположило такъ организовать церковную общину: въ каждой церковной общинѣ для завѣдыванія церковными дѣлами должно быть *представительное собраніе* (Kirchen-Vorstand), состоящее 1) изъ священника, 2) изъ церковнаго патрона и 3) изъ церковныхъ представителей или старшинъ, выбранныхъ общиною, числомъ отъ 3 до 12-ти.

Церковнымъ патрономъ называется вообще человекъ, оказавшій существенныя услуги церкви, обладающій значительными средствами, и занимающій такое общественное положеніе, съ которымъ можетъ быть соединено право патронатства (*). Патрону принадлежитъ (съ нѣкоторыми ограниченіями) право выбирать новыхъ духовныхъ на празднаыя мѣста, разумѣется съ должнымъ наблюденіемъ, чтобы избираемые были достойны своего назначенія. Патронъ можетъ и обязанъ защищать права и имущества церкви. Онъ пользуется нѣкоторыми почетными преимуществами: напримѣръ, ему обязаны почтеніемъ церковныя служители и всѣ члены общины; ему и его семейству принадлежитъ почетное мѣсто въ храмѣ; по смерти его или его супруги вся община обязана носить 8-ми дневный трауръ.

(*) Право патронатства можетъ быть передаваемо по наследству. Въ нѣкоторыхъ общинахъ оно принадлежитъ не отдѣльному лицу, а цѣлымъ корпораціямъ. Общинамъ патрономъ всей мѣстной церкви считается государь, а такъ какъ въ Саксоніи король католическаго исповѣданія, то его мѣсто по отношенію къ церкви заступаютъ всѣ въ совокупности государственныя министры, принадлежащіе къ евангелическому исповѣданію.

Церковные представители или старшины (Aeltesten или *преосвѣтеры*, отчего и собраніе ихъ называется *преоситерією*) выбираются по большинству голосовъ всѣми совершеннолѣтними членами общины. Избираемые должны имѣть около 40, или по малой мѣрѣ болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду, должны отличаться церковнымъ настроеніемъ, свидѣтельствомъ чего можетъ служить ихъ участіе въ богослуженіи и въ Евхаристіи. Срокъ служенія—6 лѣтъ. Избранный въ должность старшины можетъ отказаться только за болѣзнію, старостію и другими уважительными причинами. Кругъ обязанностей церковнаго старшины очень обширенъ. Укажемъ на нѣкоторые: 1) Церковные старшины должны подавать общинѣ добрый примѣръ честною и христіанскою жизнію. 2) Они должны слѣдить за исполненіемъ общихъ законовъ и мѣстныхъ постановленій и поддерживать духовныхъ въ ихъ дѣятельности, нисколько не стѣсняя ихъ. 3) Они должны заботиться о церковныхъ полахъ, зданіяхъ, принадлежащихъ церкви и духовенству, и съ разрѣшенія высшаго начальства производить нужныя перестройки и исправленія. 4) Они должны выбирать изъ среды себя *церковнаго старосту* (Kassen-Vorsteher) для завѣдыванія церковнымъ приходомъ и расходомъ и контролировать его дѣйствія. 5) Они должны заботиться о правильномъ назначеніи духовныхъ лицъ на вакантныя мѣста въ общинѣ. Послѣ первой проповѣди новопоступившаго, они имѣютъ право отъ имени общины объявлять, не имѣютъ ли чего противъ личности, поведенія и ученія новопоступившаго. 6) Они въ лицѣ всей общины принимаютъ живое и дѣятельное участіе въ церковныхъ таинствахъ. 7) Они принимаютъ участіе въ наблюденіи за приходскою школою въ интересахъ христіанскаго воспитанія дѣтей. Они могутъ наблюдать за поведеніемъ учителя, по временамъ вмѣстѣ съ священникомъ по-

сѣщать школу и пріучать достаточно-взросшихъ дѣтей ходить въ церковь. Наконецъ 8) они должны посѣщать находящихся въ общинѣ бѣдныхъ, больныхъ, требующихъ помощи, заботиться о подавѣніи имъ помощи словомъ и дѣломъ. По приглашенію предсѣдателя (священника), церковные старшины собираются по крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ и рѣшаютъ дѣла большинствомъ голосовъ.—Церковные старшины исполняютъ свою службу бесплатно; только въ крайнихъ случаяхъ, когда самъ старшина придетъ въ затруднительное положеніе, онъ можетъ получать пособіе отъ церкви съ разрѣшенія консисторіи.

Такииъ образомъ, въ предложенномъ проэктѣ въ существенныхъ чертахъ вводится, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, *пресвитеріальный* порядокъ. Но этого еще недостаточно по идеѣ приверженцевъ церковно-общиннаго устройства. *Пресвитеріи* завѣдуютъ только приходскими дѣлами; долженъ быть правительственный органъ для завѣдыванія дѣлами всей мѣстной церкви, должно быть правильно устроенное высшее *общее собраніе*, въ которомъ, на ряду съ духовными, принимали бы участіе и имѣли голосъ міряне. Новый проэктъ церковнаго устройства въ Саксоніи удовлетворяетъ въ нѣкоторой степени и этому требованію. «Касательно достоинства и значенія общихъ собраній (говорится въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ проэктѣ), взгляды очень различны. Есть люди, которые общаются много добра отъ организаціи такихъ собраній, отъ соединенія свободно-избранныхъ представителей; они думаютъ, что чрезъ такія собранія церковное правительство сдѣлается тверже и крѣпче, и для жизни церковной откроется обильный источникъ силы духовной. Но другіе возстаютъ противъ введенія такой представительной системы во всей церкви и опасаются господства слу-

чайнаго большинства и партій, проникнутых не-церковными стремленіями.—Оба воззрѣнія имѣютъ въ свою пользу достаточныя основанія, и спорный вопросъ нельзя разрѣшить никакимъ изслѣдованіемъ на основанія общихъ началъ. Но несомнѣнно и то, что церковное правительство можетъ привлечь общины къ живому и благоустроенному общенію въ церковныхъ дѣлахъ только тогда, если дѣйствительно само будетъ имѣть живые корни въ общинѣ, а это возможно только подъ условіемъ общихъ собраній, которыя многократно уже показали свое благотворное вліяніе; поэтому признано за лучшее организовать общія собранія на совѣщательныхъ пачалахъ. Мѣстная церковь пріобрѣтаетъ въ общемъ собраніи органъ для живаго взаимодействія съ церковнымъ правительствомъ, направленный къ тому, чтобы съ одной стороны укрѣплять въ общинахъ чувство взаимной связи, съ другой стороны предохранять правительство отъ вредной исключительности и разобщенности. Въ такомъ смыслѣ общее собраніе окажетъ существенное вліяніе на ходъ церковнаго управленія, но, имѣя только совѣщательный голосъ, не стѣснитъ церковной власти.» Въ этихъ видахъ саксонское правительство предположило организовать у себя общее собраніе слѣдующимъ образомъ: оно должно собираться по приглашенію правительства каждые три года, а въ случаѣ нужды и чаще. Въ составѣ его соблюдается полное равновѣсіе духовныхъ и мірянъ. Такъ какъ вся Саксонія раздѣлена на 16 церковныхъ округовъ, то каждый округъ присылаетъ отъ себя по два духовныхъ и по два мірянина, и такимъ образомъ въ составѣ общаго собранія входятъ:

во 1-хъ: а) 32 духовныхъ.	} выборные отъ округовъ.
и б) 32 мірянина	
во 2-хъ: а) профессоръ богословія и	} въ лейпцигскомъ университетѣ
б) профессоръ церков. права	

въ 3-хъ: а) 5 церковныхъ патроновъ, выборныхъ отъ округовъ и б) 5 супер-интендентовъ, назначенныхъ отъ собранія евангелическихъ министровъ.

Общее собраніе прежде всего должно заниматься обсужденіемъ предложеній, данныхъ ему министерствомъ духовныхъ дѣлъ; оно можетъ также свободно высказывать желанія и нужды церкви; мнѣнія свои оно выражаетъ большинствомъ голосовъ; засѣданія его должны быть закрытыя.

Сдѣлавши такъ много въ пользу введенія церковно-общиннаго устройства, новый проэктъ саксонскаго правительства носить на себѣ, какъ видно, слѣды вліянія и противоположной партіи. По мысли уніонистовъ общее собраніе должно быть послѣднею и высшею инстанціею церковнаго управленія; система церковно-общиннаго устройства должна имѣть въ немъ свое *самозавершеніе* (Selbstergänzung). Между тѣмъ по саксонскому проэктѣ общее собраніе имѣеть только совѣщательный голосъ, и не имѣеть дѣйствительной власти, не служить не только послѣднею, но и никакою инстанціею церковнаго управленія. Вся церковно-правительственная власть перенесена въ особыя учрежденія, нисколько не отступающія отъ прежняго порядка церковнаго устройства, столь любимаго партіею реакціонеровъ. Этихъ учрежденій, въ которыхъ сосредоточена церковно-правительственная власть, по саксонскому проэктѣ полагается шесть:

1) Супер-интендентства; 2) Церковныя инспекціи; 3) Консистеріи; 4) Оберъ-консистерія; 5) Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; 6) Государственные министры евангелическаго исповѣданія.

Изъ этихъ учрежденій первыя два завѣдываютъ мѣстными церковными дѣлами; въ двухъ среднихъ централизуется церковно-правительственная сила; два послѣднія представляютъ

переходныя инстанціи, на которыхъ опредѣляется отношеніе церкви къ государству. Уже самое существованіе этого длиннаго ряда учрежденій, составленныхъ въ духѣ стараго порядка и совмѣщающихъ въ себѣ церковную власть, показываетъ, что правительство, составляя свой проэктъ, стояло подъ сильнымъ вліяніемъ партіи реакціонеровъ, и это вліяніе не позволило дать болѣе свободнаго развитія церковно-общинному устройству. Должно замѣтить, что по смыслу проэкта всѣ вышеуказанныя учрежденія могутъ не только контролировать дѣятельность общаго собранія и пресвитерій, но и совсѣмъ подавлять ее. Однакожь и при этомъ партія реакціонеровъ все еще находитъ новый проэктъ слишкомъ либеральнымъ.

Проэктъ саксонскаго правительства долженъ быть рассмотрѣнъ, принять или отвергнуть на предстоящемъ государственномъ сеймѣ. Партіи, вліяніе которыхъ отразилось на проэктѣ, безъ сомнѣнія вступятъ въ новую борьбу между собою. На чьей сторонѣ останется перевѣсъ и въ какой мѣрѣ всѣми желаемое преобразованіе удовлетворитъ существеннымъ потребностямъ, рѣшеніе этого вопроса, конечно, много будетъ зависѣть отъ того, куда склонится общественное мнѣніе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно получена нами *Книга Іова въ русскомъ переводѣ*, напечатанная въ Вяткѣ еще въ прошедшемъ году, но только что поступившая въ продажу. Впередѣ перевода помѣщено краткое введеніе, въ которомъ переводчикъ имѣлъ въ виду изложить руководительныя понятія о книгѣ Іова, а въ подстрочныхъ, непрерывныхъ примѣчаніяхъ къ тексту приложено довольно обширное толкованіе. Имя переводчика не

обозначено. Ограничиваясь въ настоящемъ случаѣ однимъ извѣстіемъ о выходѣ этого новаго перевода, мы предоставляемъ себѣ дать отчетъ о немъ читателямъ съ теченіемъ времени.

Дѣло перевода священныхъ книгъ на русскій языкъ вообще идетъ довольно успѣшно. Болѣе и болѣе появляется частныхъ опытовъ перевода книгъ *Ветхозавѣтныхъ*. Въ Христіанскомъ Читеніи напечатавъ русскій переводъ Соломонова *Екклесиаста*. Но лѣтопись нашего Библейскаго дѣла, столь еще небогатая, къ сожалѣнію пополняется уже извѣстіемъ о потерѣ: недавно скончался профессоръ кievской духовной академіи *И. П. Максимовичъ*, предпринявшій переводъ на русскій языкъ *Книги Царствъ* и приступившій къ этому дѣлу съ надлежащимъ приготовленіемъ. Безъ сомнѣнія редакция Трудовъ Кievской Академіи будетъ продолжать изданіе начатаго г. Максимовичемъ перевода.

Литература, имѣющая предметомъ изслѣдованія о Библейскихъ книгахъ, обогатилась въ послѣднее время новымъ важнымъ приобрѣтеніемъ. На дняхъ вышло въ свѣтъ давно ожидаемое *Обозрѣніе посланій св. Апостола Павла къ Коринтянамъ* профессора петербургской духовной академіи *М. Голубева* (Спб. 1861.) Вышедшій нынѣ первый томъ этого самостоятельнаго, добросовѣстнаго и совершенно новаго у насъ ученаго труда составляетъ полное изслѣдованіе о первомъ посланіи къ Коринтянамъ. Съ особенною подробностію изслѣдована авторомъ исторія церкви коринтской, заключающая въ себѣ много живаго и поучительнаго интереса. Авторомъ приняты во вниманіе всѣ данныя, которыя кромѣ разбираемаго посланія могла представить церковно-историческая древность, равно какъ и новѣйшія ученія изслѣдованія. По богатству собранныхъ матеріаловъ и отчетливо-

сти въ изысканіяхъ эта книга заслуживаетъ внимательнаго изученія; она не прошла бы незамѣченной и въ иностранныхъ богословскихъ литературахъ. Очень жаль, что ученый авторъ не предпослалъ своему изслѣдованію особаго предисловія: голосъ опытнаго ученаго о его предварительныхъ работахъ могъ бы быть очень полезенъ для нашихъ молодыхъ богослововъ. Не можемъ не замѣтить еще, что изданіе книги необыкновенно чисто и правильно, не смотря на многочисленныя ученые цитаты на разныхъ языкахъ. Мы надѣемся въ послѣдствіи ближе познакомить нашихъ читателей съ книгою г. Голубева.

Книга *Тырша*, изъ которой извлеченіе было помѣщено въ февральской книжкѣ Православнаго Обозрѣнія, вышла недавно въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Христіанскія начала семейной жизни* (М. 1861.) Предисловіе издателей и отрывки о бракѣ, напечатанные въ нашемъ журналѣ, могутъ дать читателямъ понятіе о значеніи и характерѣ этой книги, замѣчательной во многихъ отношеніяхъ и отвѣчающей существеннымъ потребностямъ нашего общества. Чтобы болѣе познакомить читателей съ содержаніемъ всей книги, выписываемъ оглавленіе предметовъ.

Бракъ: Первоначальное достоинство брака; превращеніе его въ язычествѣ; несовершенство брака въ Ветхомъ Завѣтѣ; возвышеніе въ христіанствѣ.—Бракъ—союзъ физическій и виѣсть съ тѣмъ нравственный.—Безбрачіе; древне-христіанское, римско-католическое и протестантское понятіе о безбрачіи.—Второй бракъ.—Неразрывность брака; слова Спасителя о разводѣ; протестантское начало развода; искаженіе въ наше время понятія объ этомъ предметѣ.—Бракъ какъ договоръ гражданскій.—Несчастные браки.—Вступленіе въ бракъ.—Взаимное уваженіе супруговъ; охраненіе и продолжительность взаимной любви.—Зависимость женщины; ея страданія; объ эманципаціи женщины.—Власть мужа; бремя лежащее на мужѣ и женѣ; обращеніе супруговъ другъ съ дру-

гомъ; домашнее счастье.—Властвованье жены надъ мужемъ; жены-страдалицы.—Попеченіе мужа о святости жены.—Домашнее богослуженіе.— *Воспитаніе*: Трудность задачи воспитанія; дурныя дѣти у добрыхъ родителей.—Основное условіе успѣховъ воспитанія; утѣшеніе родителямъ.—Необходимость добраго отношенія между родителями.— Воспитаніе въ семействѣ, въ монастырѣ, въ училищѣ; національное воспитаніе; обязательное обученіе въ школахъ; правда ли, что въ школахъ мало учатъ Закону Божію?—Религіозное воспитаніе; доля матери и отца въ религіозномъ воспитаніи дѣтей.—Значеніе св. Крещенія; ошибки въ религіозномъ воспитаніи; религіозные романы.—Родительская власть и повиновеніе.—Наказаніе.—Честолюбіе и чувство чести.—Три главныя добродѣтели, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при воспитаніи.—Основательность въ ученіи; обученіе въ наше время; учебныя заведенія для дѣвицъ.—*Обязанности дѣтей*. Есть ли гдѣ предѣлъ повиновенію?—Почтеніе къ родителямъ; отношеніе дѣтей къ родителямъ въ старости.—*Прислуга*.—*Общительность*.

Изъ духовныхъ книгъ для народнаго чтенія за послѣднее время можемъ рекомендовать читателямъ *Бесѣды съ простыми людьми о житіи и подвигахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, подвизавшихся въ земль русской*. (Спб. 1864.) Въ простомъ безъискусственномъ разсказѣ, выбранномъ изъ отечественныхъ лѣтописцевъ и книгъ церковныхъ, довольно приспособленномъ къ понятіямъ и быту простаго народа, авторъ излагаетъ житія святыхъ, память которыхъ наиболее священна для народа, или особенно назидательна. Эти бесѣды составляютъ продолженіе изданія, начатаго авторомъ, г. К. Смирновымъ, еще въ 1857 году: *Бесѣды помщика съ своими крестьянами*. Подъ такимъ заглавіемъ были изданы три отдѣльныя брошюры: о св. Великой Княгинѣ Ольгѣ, о равноапостольномъ Владимірѣ и преп. Антоніѣ Печерскомъ. Нынѣ, подъ другимъ, выше приведеннымъ нами заглавіемъ, вышли

еще три бесѣды, составляющія продолженіе прежняго изданія — о преп. Θεодосіѣ Печерскомъ, Несторѣ лѣтописцѣ, Алиніѣ Иконописцѣ, мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, и многихъ другихъ. Изъ особаго объявленія приложеннаго къ книжкамъ узнаемъ, что авторъ намѣренъ въ скоромъ времени издать еще четыре брошюры, которыя въ цѣлой совокупности составятъ довольно полное изложеніе особенно чтимыхъ святыхъ русскихъ древнѣйшаго періода.

● совершеніи молитвенныхъ nametovanij за благотворителей Богадѣльнаго дома при церкви Святыхъ Живоначальныхъ Троицы, въ Ораніенбаумѣ, на кладбищѣ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, опредѣленіемъ 20/27 Февраля текущаго 1861 года, разрѣшилъ совершать на вѣчное время въ Божіемъ храмѣ Святыхъ Троицы:

1) Всенощное бдѣніе съ акаѳистомъ Святой и Животворящей Троицы и молитвами Богу Отцу, Богу Сыну и Богу Духу Святому, Божественную Литургію и благодарственное молебствіе Святой Троицы, съ молитвою, 21 Іюня, на память Святаго Мученика Іуліана Тарсійскаго, въ день, въ который послѣдовало освященіе храма Божія Святыхъ Троицы, въ 1757 г., съ возношеніемъ на Ектеніяхъ именъ живыхъ' благотворителей.

2) О памяти и оставленіи грѣховъ и объ упокоеніи душъ усопшихъ благотворителей: а) панихиду 20 Іюня, и б) литіи: во вторникъ Оумной недѣли, въ субботу предъ праздникомъ Святыхъ Троицы (Пятидесятницы), въ Дмитріевскую субботу (предъ 27 числомъ Октября), и въ Мясопустную субботу.

и 3) Какъ живыхъ, такъ и усопшихъ благотворителей и ихъ сродниковъ поминать въ вышепоказанные дни поимянно во время совершенія проскомидіи на Божественныхъ Литургіяхъ, равно и во всѣ прочіе дни, въ которые будетъ приносима во храмѣ Святыхъ Троицы безкровная жертва.

Попечитель объ устройствѣ Богадѣльнаго дома въ Ораніенбаумѣ, Священникъ о. Гавріилъ Любимовъ, съ истинною радостію спѣшитъ извѣстить о семъ Боголюбивыхъ и Христолюбивыхъ благотворителей.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 1861.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА:

	<i>Стр.</i>
Книга Пророка Іезекіиля. <i>Опытъ переложенія на русскій языкъ. Архим. Макарія.</i>	5, 116
Слово о значеніи вѣры въ человечествѣ. <i>Свящ. Н. А. Сергіевскаго.</i>	4
Объясненіе по вопросу о православіи и современности.	9
Два различные взгляда на отношеніе церкви и государства. <i>Изъ Маколя. А. И. Предтеченскаго.</i>	41
Карлъ Спуржонъ, современный англійскій проповѣдникъ. <i>Свящ. Н. К. Протопопова.</i>	105
Состояніе церковныхъ дѣлъ во Франціи. <i>Гр. де-ла-Фитъ де-Пелляпоркъ.</i>	131, 272, 417
По вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ. <i>Д. Блавына.</i>	193
Евангельская истина. <i>Изъ Вине. Свящ. Н. К. Протопопова.</i>	227
Религіозно-церковные вопросы въ Германіи. <i>В. Ѳ. Пльницкаго.</i>	244
Объ исправленіи славянскаго текста дѣяній и посланій Апостольскихъ при патриархѣ Іоакимѣ. <i>И. Б—на.</i>	294
О Христіанскомъ бракѣ. <i>Изъ Турша.</i>	307
По прочтеніи Высочайшаго манифеста 19-го февраля. <i>Свящ. Н. А. Сергіевскаго.</i>	347
Радость христіянина. <i>Изъ Вине. Свящ. Н. К. Протопопова.</i>	355

	Стр.
Еще пѣсколько словъ о преподаваніи словесности въ духовныхъ семинаріяхъ. <i>И. Я. Порфирьева</i>	377
Богословская литература. <i>О необходимости священства противъ безпоповцевъ</i> соч. <i>А. Предтеченскаго, И. М. Добротворскаго</i>	395
По поводу статьи г. Щербины: «Опытъ о книгѣ для народа.» <i>Свящ. Г. П. Смирнова-Платонова</i>	408
Книга Пророка Даниила. <i>Опытъ переложенія на русскій языкъ. Архим. Макарія</i>	3, 38
Св. Амвросій, епископъ Медиоланскій. <i>Прот. Е. М. Алексинскаго</i>	465
Христіанская истина въ міръ. <i>Изъ Вине. Свящ. Н. К. Протопопова</i>	503
Проповѣдь сельскаго пастыря, какъ средство народнаго образованія. <i>Е. Г.</i>	531
Отвѣтъ на ложное обвиненіе противъ православной церкви русской. <i>Письмо Прот. І. Васильева</i>	511

ЗАМѢТКИ.

Дѣйствія ультрамонтанской партіи въ юго-западной Германіи.	165
Новыя книги:	
I. Письма покойнаго миссіонера, <i>архим. Макарія</i> .	175
II. О третьей книгѣ Ездры. Опытъ изслѣдованія о книгахъ апокрифическихъ. <i>М. Шаврова</i> .	177
III. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣвнія Греческой церкви, <i>архіепископа Филарета</i> .	183
IV. Краткое ученіе о богослуженіи Православной церкви. <i>Свящ. А. Рудакова</i> .	188

О мѣрахъ къ распространенію продажи книгъ, печатаемыхъ въ синодальныхъ типографіяхъ.	190
Преобразование духовныхъ журналовъ въ 1861 году.	335
Новыя духовныя періодическія изданія.	344
Нѣсколько словъ по поводу воскресныхъ школъ.	443
Новыя книги:	
V. Исторія христіанской церкви, соч. ordin. проф. спб. духовной академіи, <i>Ивана Чельцова</i>	447
VI. Избранныя слова и рѣчи покойнаго протоіерея Петропавловскаго кафедральнаго собора и главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, <i>Н. Ѳ. Рагвскаго</i>	456
Объявленіе объ устройствѣ богадѣльнаго дома въ Ораніенбаумъ.	463
Новый проектъ церковнаго устройства въ Саксоніи.	558
Библиографическія извѣстія.	567
О совершеніи молитвенныхъ памятованій за благотворителей богадѣльнаго дома въ Ораніенбаумъ.	570

О П Е Ч А Т К А.

Въ Книгѣ Пророка *Иезекиила* на стран. 90 на послѣдней строкѣ внизю:

Напечатано:

Вотъ былъ соединенъ оно,

Слѣдуетъ читать:

Вотъ идетъ и сбылось оно,

З А М Ъ Т К И

Новый проектъ церковнаго устройства въ Саксоніи.

Библиографическія извѣстія.

О совершеніи молитвенныхъ памятованій за благотворителямъ
богадѣннаго дома въ Ораніенбаумѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ.

Въ Редакціи Православнаго Обзорѣнія, въ зданіи Университета у священника Сергіевского; въ книжныхъ магазинахъ гг. Базунова и Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ; въ лавкѣ г. Ферапонтова на Никольской улицѣ, въ библіотекѣ для чтенія г. Горбунова на Никитской и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ книжныхъ лавкахъ: гг. Базунова, на Невскомъ проспектѣ въ д. Энгельгардтъ, Овсянникова въ Гостинномъ дворѣ, Крашенинникова, Коралева и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* въ Редакцію *Православнаго Обзорѣнія*, въ Москвѣ.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**, съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**.

На тѣхъ же условіяхъ принимается еще подписка и за 1860 годъ.

Печатать позволено. Мая 8 дня 1861 года.

Цензоръ Протопресвитеръ *Д. Новосіа*.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ ВТОРОЙ

М А Й 1861.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I.—ЮВЪ Гл. I—XIV. *Опытъ переложенія на русскій языкъ.* Архим. МАКАРІЯ.
- II.—РѢЧЬ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ 18 мая, 1861 Высокопреосвящен. ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.
- III.—ПИСЬМО О ЧТЕНИИ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ. Покойнаго ГРИГОРІЯ, МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО.
- IV.—СВ. АМВРОСІЙ ЕПИСКОПЪ МЕДИОЛАНСКІЙ. *(Окончаніе.)* Протоіер. Е. М. АЛЕКСИНСКАГО .
- V.—ЮСАФАТЪ КУНЦЕВИЧЪ. *(Изъ исторіи литовской церковной жизни.)* М. КОЯЛОВИЧА.
- VI.—СИВЕКИНГСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ОБЩИНА ВЪ ГАМБУРГѢ. Н. Л. ЗАЙЦЕВА.
- VII.—ЗАМѢТКИ. *(См. на оборотѣ.)*

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- VIII.—О книгѣ «Пастырь» Ерма Свящ. П. А. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА № 1.

Ф. VIII. 17.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

11. 1882

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1861.

М А Й.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
TREAT FUND
Feb 6, 1925

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Мая 22 дня 1861 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Восскій*.

Р Ѣ Ч Ъ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ
ПРИ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ВЫХОДѢ ВЪ УСПЕВСКІЙ СОВОРЬ 18 МАЯ
1861 ГОДА, ГОВОРЕННАЯ СИНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ ФИЛАРЕТОМЪ
МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ.

Благочестивѣйшій Государь!

Привѣтствуемъ Тебя въ седьмое лѣто Твоего царствованія.

У древняго народа Божія седьмое лѣто было лѣтомъ законнаго отпущенія изъ рабства (Исх. XXI, 2.)

У насъ не было рабства, въ полномъ значеніи сего слова: была однако крѣпкая наслѣдственная зависимость части народа отъ частныхъ владѣльцевъ. Съ наступленіемъ Твоего седьмаго лѣта Ты изрекъ отпущеніе.

Обыкновеннѣе сильныя земли любягъ искать удовольствія и славы въ томъ, чтобы покорить, и наложить иго. Твое желаніе и угѣшеніе—облегчить Твоему народу древнія бремена, и возвысить иѣру свободы, огражденной закономъ. Со-чувствовало Тебѣ сословіе благородныхъ владѣльцевъ, и въ

добровольную жертву сему сочувствію принесло значительную часть своихъ правъ. И вотъ болѣе двадцати милліоновъ душъ обязаны Тебѣ благодарностію за новыя права, за новую долю свободы.

Молимъ Бога, чтобы добрый даръ былъ разумно употребленъ; чтобы ревность къ общему благу, справедливость и доброжелательство готовы были всюду для разрѣшенія затрудненій, иногда неизбѣжныхъ при новости дѣла; чтобы получившіе новыя права изъ благодарности порадыли уступившимъ древнія права; чтобы пріятная мысль о трудѣ свободномъ сдѣлала трудъ болѣе прилежнымъ и производительнымъ, къ умноженію частнаго и общаго благоденствія; да будетъ Твоя къ Твоему народу любовь увѣнчапа неувядающею радостію, подѣ оствненіемъ Провидѣнія, благодатно простираемымъ, вмѣстѣ съ тобою, надѣ совѣнчанною Тебѣ Твоею Супругою и Твоими благословенными Чадями.

П И С Ъ М О

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ГРИГОРІЯ АРХІЕПИСКОПА ТВЕРСКАГО
(ВЪ ПОСЛѢДСТВІИ МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО)
КЪ ФИЛАРЕТУ, МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ, О ЧТЕНІИ
СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

(Писано 12 Декабря 1844 года).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко

Милостивый Архипастырь!

На дняхъ услышалъ я, что нѣкоторые люди распространяютъ мысль, будто у православной церкви есть правило, не всемъ христіанамъ дозволять чтеніе Слова Божія. Откуда являются такіе люди и что у нихъ за цѣль?

Правило о недозволеніи всемъ христіанамъ читать Священное Писаніе есть только въ западной церкви, да и въ ней составилось уже по отпаденіи ея отъ церкви православной. Въ первый разъ такое правило объявлено въ 1239 году соборомъ тулузскимъ, при папѣ Иннокентіи 3-мъ. Но вся древняя, истинно православная церковь никогда не имѣла такого правила. Это видимъ вездѣ, куда ни обратимся, къ свя-

тыиъ ли ея собораиъ, или къ ея частнымъ отцамъ и учителямъ.

Во всѣхъ правилахъ св. вселенскихъ и помѣстныхъ, принятыхъ православною церковію, соборовъ рѣшительно нѣтъ правила, запрещающаго кому либо изъ христіанъ чтеніе св. Писанія. Напротивъ, 85 правило св. Апостолъ говоритъ: «для всѣхъ васъ, принадлежащихъ къ клиру, и миряиъ, чтимыми и святыми книгами да будутъ книги Ветхаго Завета, Моисеевыхъ пять» и т. д. — Выраженіе *чтимыми да будутъ* означаетъ конечно не то, чтобы означенныя въ правилѣ св. книги были только уважаемы, напр. отлично переписываемы, дорого украшаемы, бережливо хранимы и т. п. Такое уваженіе къ означеннымъ книгамъ какую могло дать пользу душѣ клира и миряиъ? Должно думать, что означеннымъ правиломъ внушается, чтобы клиръ и миряне съ особеннымъ уваженіемъ слушали означенныя книги, читали ихъ и употребляли ихъ въ правило для своей жизни. Такъ разумѣлъ это правило и древній греческій истолкователь правилъ св. соборовъ—Зонаръ. Онъ говоритъ: «вѣрные апостолы, предписавъ вѣрующимъ, какъ имъ должно жить, присовокупили правило и о томъ, какія читать имъ книги (*).»

Св. Климентъ, папа римскій, въ своемъ первомъ посланіи къ коринѳянамъ, всѣми принимаемомъ за подлинное, пишетъ: «братія, вы любите споры, и ревностны въ томъ, что ни мало не относится ко спасенію. Загляните въ Писаніе, въ истинныя глаголы Духа Святаго. Вникните (**).» Ниже, тотъ же св. Климентъ говоритъ: «возмите посланіе блаженнаго апостола Павла. Что онъ писалъ вамъ въ началѣ своего

(*) Смот. изданіе Соборъ прав. Беверег. подъ 85-мъ Ап. правиломъ.

(**) Христ. Чтен. 1824 г. част. 2. стр. 282.

благовѣствованія? (*)» Еще ниже онъ говоритъ: «вы знаете, возлюбленные, и хорошо знаете св. Писаніе и со вниманіемъ читали слова Божіи. Итакъ приведите себѣ на память (**).»

Св. Игнатій Богоносецъ говоритъ: «отцы! воспитывайте дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господни, и обучайте ихъ св. Писанію (***)».

Св. мученикъ Поликарпъ писалъ филиладельфіяцамъ: «Павелъ писалъ къ вамъ посланія. Вникая въ нихъ, вы можете получить назиданіе въ данной вамъ вѣрѣ (****).»

Св. Кипріанъ въ письмѣ къ Донату (мірянину) говоритъ: «держись вѣчнаго здраваго устава (т. е. св. Писанія). За-нимайся чтеніемъ (*****).»

Св. Ефремъ Сиринъ въ народномъ словѣ на второе Христово пришествіе говоритъ: «всегда имѣй передъ своими глазами Бога, дабы тебѣ можно было говорить съ св. Давидомъ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну*. Не переставай читать св. Писаніе (*****).»

Св. Василиій Великій говоритъ: «все Писаніе богодухновенно и полезно того ради Духомъ Святымъ предадеся, да въ томъ, аки въ общей душевной аптекарницѣ, всѣ мы человѣцы противу всякой страсти изцѣленіе приедемъ (***)». Онъ же въ письмѣ къ Григорію говоритъ: «велики пространный путь къ изобрѣтенію того, что дѣлать намъ должно, есть поученіе въ Божественномъ Писаніи. Въ немъ и заповѣди о

(*) Христ. Чтен. 1824 г. част. 2. стр. 285.

(**) Христ. Чтен. 1824 г. част. 2. стр. 290.

(***) Въ посл. къ Филад. 29 стр. изд. моск. 1784. въ четверть.

(****) Христ. Чт. 1, 119.

(*****) Кипріанъ въ письмѣ къ Донату.

(*****) Увѣщат. слово на втор. пришествіе Христово гл. 6.

(*****) На первый Псал. въ началѣ.

должностяхъ находятся и т. д. Слѣдовательно всякой чело-
вѣкъ, въ чемъ недостаточна себе почувствуетъ, въ нештъ
упражняся, будто въ нѣкоей общей врачевницѣ, приличное
находить своему недугу лекарство (*).»

Св. Кириллъ іерусалимскій въ четвертомъ своемъ поуче-
ніи къ готовящимся къ просвѣщенію, т. е. крещенію, гово-
ритъ: «читай Божественныя писанія, двадцать двѣ книги Вет-
хаго Завета. Читай — двадцать двѣ книги; а тѣхъ, богоду-
хновенность коихъ сокрыта, совсѣмъ не касайся. Тѣмъ од-
ними занимайся, которыя мы безопасно читаемъ и въ цер-
кви (**).»

Св. Амвросій, епископъ медиоланскій говоритъ: «для чего
тебѣ то время, въ которое не бываешь въ церкви, не упо-
треблять на чтеніе? Для чего со Христомъ не разглаголь-
ствовать и не слушать Его? Мы слушаемъ Его, когда чи-
таемъ Божественныя Писанія (***)». Онъ же въ другомъ мѣстѣ
говоритъ: «Исусъ сказалъ: *Азъ есмь альфа и омега, начатокъ
и конецъ. Умъ нашъ да будетъ всегда съ Нимъ, никогда да
не отступаетъ отъ Его Слова: да упражняется всегда въ
чтеніи Писаній, размышленіи и молитвѣ, дабы слово Его
всегда дѣйствовало въ насъ (****).*»

Св. Златоустъ говоритъ: «евнухъ оный варваринъ царицы
муринскія, въ толикой находясь знаменитости, и на коле-
сницѣ ѣздя, однако ни тогда чтенія не оставилъ, но держа
въ рукахъ пророка, многое имѣлъ прилежаніе къ чтенію,
еще же и силы не вѣдая: а понеже всѣми образы старался,
приложилъ тщаніе, охоту и вниманіе, то получилъ себѣ на-

(*) Василій въ посланіи къ Григорію Богослову.

(**) Издав. 1822. С. Петербург. въ 8, стр. 80 и 81.

(***) Амвр. о достоинствѣ книгъ 1 глав. 20.

(****) Амвр. объ Авраамѣ книг. 2. глав. 5.

ставника. Ибо разсуди пожалуй, что то стѣбитъ, чтобы путешествуящему не оставить чтенія, да еще сѣдасему на колесницѣ? Да слышать сіе, которые не хотятъ и въ домѣ сѣдя того творити, но чтеніе Писаній за издишное вѣтняють: для того, что или съ женою живутъ, или службою заняты, или о дѣтяхъ пекутся, или о домашнихъ заботятся, или о иныхъ дѣлахъ попеченіе имѣють, и потому яко бы не свободно имъ къ чтенію Божественныхъ Писаній имѣть прилежаніе. Вотъ евнухъ, человекъ варваринъ, котораго и то и другое могло бы привести въ великое о томъ нерадѣніе, къ тому же великая честь и слава, богатства и изобиліе, да и то, что онъ былъ въ пути, и на колесницѣ ѣхалъ (ибо не токмо не удобно путемъ ѣдущему читать, но и весьма докучно): однако охота и желаніе все препятствія одолѣвало, и онъ упражнялся въ чтеніи, и не говорилъ того, что нынѣ многіе говорятъ: не разумѣю, что написано, не могу уразумѣть глубины Писанія: почто напрасно и все читаячи трудъ буду терять, когда некому меня наставить? Ничего такового не помыслилъ родомъ варваринъ, но умомъ философъ: но разсудивъ, что онъ оставленъ не будетъ, и вскорѣ свыше получить помощь, ежели по силѣ своей стараніе приложить, съ тѣмъ въ чтеніи упражнялся (*).» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «скажите мнѣ, беретъ ли кто изъ васъ дома въ руки свои какую либо христіанскую книгу, и читаетъ ли съ прилежаніемъ содержащееся въ ней писаніе? Никто не можетъ сего рещи: но зерни и тавлеи у премпогихъ обрящемъ, книги же нигдѣ, но развѣ у цемногихъ. Да и сіи также неимѣющими подобни бывають, которые связавши ихъ хранять всегда въ сундукахъ, и притомъ вся-

(*) Бесѣд. на Быт. 35.

кое тщаніе прилагають о тонкости кожъ и о добротѣ письменъ, а не о прочитаніи. Скажи же пожалуй, какая изъ того выходитъ польза? Ибо не съ тѣмъ намъ дано Писаніе, дабы оно въ книгахъ имѣти токмо, но дабы и на сердцахъ начертovati. — Писанія суть Божественныя пѣснопѣнія: да поемъ убо себѣ оныя, и душевнымъ страстемъ врачество чрезъ оныя устроаемъ. Ибо ежели познаемъ силу читаемыхъ словесъ, то со многимъ оныя послушаемъ усердіемъ. О семъ я всегда вамъ говорю, и говорить не престану (*).» Еще: «я свѣтскій человекъ, жену имѣю, стараюсь о дѣтяхъ—у многихъ обычай есть такъ говорить, когда мы ихъ увѣщаваемъ великое имѣть прилежаніе къ чтенію Священнаго Писанія. Не мое это, говорить, дѣло: или я отрекся міра? или я монахъ? Что ты говоришь человекъ? Тѣ ли одни должны Богу угождать? Всѣмъ человекомъ хошетъ Богъ спастися, и въ разумъ истины пріити: и не желаетъ, что бы кто о добродѣтели нерадѣлъ, послушай Самаго Его чрезъ пророка глаголющаго: *не хочу смерти грѣшника, но еже обратится, и живу быти ему.* Было ли какимъ препятствіемъ, скажи пожалуй, сему праведнику сожителство съ женою, или попеченіе о чадахъ? Такъ да не прельщаемъ мы себя самихъ, но сколько сами попеченіями обязуемся, столь больше отъ чтенія Божественнаго Писанія должно намъ принимать врачеванія (**).»

Еще, въ объясненіи словъ апостола: *слово Христово да вселяется въ васъ богачно* (Колос. 3, 16), св. Златоустъ говоритъ: «послушайте, елицы есте міряне, и о женѣ и дѣтяхъ прилежите, како и вамъ повелѣваетъ наипаче Писанія читати,

(*) Бесѣд. на Быт. 35 стран. 163 на обор.

(**) На Быт. 120 стр.

и не просто, ниже яко приключися, но со многимъ тщаніемъ. Якоже бо богатый во имѣніихъ тщету и осужденіе понести можетъ: сице богатый въ догматѣхъ Любомудрія не токмо нищету, но и вся бѣды удобнѣ претерпитъ, и онаго удобнѣе. И смотри разумъ блаженнаго сего, не рече, слово Христово въ васъ да будетъ просто: но что? да вселяется и богато: во всякой премудрости учаще и вразумляюще себѣ самѣхъ. Послушайтѣ, молю, вси житейстїи людіе, и стяжите книги цѣльбы душевныя. Аще ничто же ино хотите, поне Новый Заветъ стяжите, апостоль дѣянія, благовѣстїа учителей всегдашнихъ. Аще печаль случится, якоже въ хранительницу напоеній приикни, приими оттуда утѣху злобѣ; аще тщета, аще смерть, аще отложеніе домашнихъ. Паче же не приикни, но восприими вся, имѣй тая въ мысли: сіе всяческимъ виновно есть злымъ, еже не вѣдѣти Писаній (*).

Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: «всякое писаніе Богодухновенное, всячески и полезно есть. Тѣмъ же зѣло добръ и зѣло душеполезно есть Божественная Писанія испытovati. Якоже бо древо при исходящихъ водѣхъ насажденное: тако и душа Божественнымъ Писаніемъ напаяема утучняется, и плодъ зрѣлый, сирѣчъ вѣру православную, приноситъ: и присно цвѣтущими листвіями, сіе есть богоугодными дѣлами, украшается. И на дѣяніе бо добродѣтельное, и на умозрѣніе несмущаемое отъ св. Писанія устроаемся: зане въ нихъ ко всякой добродѣтели увѣщаніе, и отъ всякія злобы отвращеніе обрѣтаемъ. Аще прочтемъ единожды, или дважды и прочтенныхъ нами не уразумѣемъ, да не унываемъ, глаголю, но потерпимъ, воспросимъ, и поучимся. *Вопроси бо, рече, отца твоего, и возвеститъ ти, старцы твои, и рекуть ти.* Не бо

(*) Влатоуст. на посл. къ Колос. Бесѣд. 9.

во всѣхъ равное знаніе, отъ сего райскаго источника почерпнемъ присныя и чистѣйшія воды, текущія въ животъ вѣчный. Напитаемся ненасытно, насладимся изобильно: неизнуряемую бо благодать Писаніе стяжа (*).»

Блаженный Теофилактъ болгарскій говоритъ: «ничто же тако на пользу, яко Писаній извѣстное испытаніе. Та бо суть свѣтильникъ и свѣтъ, и тому свѣтящуся тать явѣ обрѣтается (**).»

Вотъ капля изъ моря того, что св. отцы церкви писали о чтеніи Священнаго Писанія. Дѣлать дальнѣйшія извлеченія не вижу пользы.

Во всѣхъ писаніяхъ отцевъ православной церкви я нашелъ только три примѣчательныя мѣста, которыя впрочемъ и учителя западной отпадной церкви употребляютъ въ защищеніе своего правила касательно запрещенія читать св. Писанія.

1. Св. Григорій Богословъ весьма одобряетъ древній іудейскій законъ, налагавшій нѣкоторое запрещеніе на чтеніе священныхъ книгъ. Онъ говоритъ: «у евреевъ въ древности былъ одинъ особенно прекрасный и похвальный законъ, которымъ не всякому возрасту дозволялось читать всякую книгу Писанія. Ибо чтеніе сіе не было бы и полезно; потому что не всякая книга всякому съ дѣрваго начала вразумительна, а заключающая въ себѣ болѣе глубокой смыслъ даже можетъ многимъ, по своему внѣшнему смыслу, обратиться въ большій вредъ. Напротивъ того книги, которыя и по внѣшнему смыслу назидательны, были съ самаго начала открыты всякому и находились въ общемъ употребленіи; а книги, которыя подъ неважною оболочкою сокрываютъ таинственную

(*) Стран. 151 и 152.

(**) На Лук. стран. 142 на обор. изд. Моск. 1819.

красоту, награду усиленныхъ исканій и свѣтлой жизни, про-
сіявающую и удобосозерцаемую только для имѣющихъ очи-
щенный умъ, довѣряемы были уже переступившимъ двадцати-
пятилѣтній возрастъ; потому что въ семь только возрастѣ
человѣкъ можетъ стать выше чувственнаго, и съ успѣхомъ
восходить отъ письмени къ духу (*).»

Но что тутъ одобряеть св. Богословъ? Онъ одобряеть обы-
чай запрещать чтеніе священныхъ книгъ, бывшій у іудеевъ.
Но у іудеевъ, по его же словамъ, запрещеніе читать св.
книги простиралось не на всѣ св. книги, а только на нѣко-
торыя, именно на книги, заключающія въ себѣ глубокой смыслъ
и по своему внѣшнему смыслу могущія обратиться въ большой
вредъ. Всѣ же другія книги были открыты для всѣхъ и на-
ходились въ общемъ употребленіи. Впрочемъ и тѣ книги, ко-
торыя по своему глубокому или внѣшнему смыслу могли
обратиться читающему во вредъ, были запрещаемы не всѣмъ,
а только людямъ молодымъ, и именно до двадцати пяти
лѣтъ.

Впрочемъ все означенное разсужденіе Богослова клонится
не къ тому, что бы назначено было какое нибудь ограни-
ченіе касательно чтенія Священнаго Писанія; а къ тому, что
не всѣмъ должно позволять *учить*. Ибо, окончивъ означенное
разсужденіе, онъ говоритъ: «но у насъ между временемъ,
когда учить и когда учиться, нѣтъ никакого предѣла (**).»

Выражая свое мнѣніе касательно чтенія св. Писанія, св.
Богословъ говоритъ: «Богъ для всѣхъ равно сіяетъ свое
солнце, дождитъ для богатыхъ и бѣдныхъ; для всѣхъ смѣ-
няются ночь и день; общій даръ—здоровье и т. д. Тоже

(*) Твор. св. Отецъ, годъ первый, 1843 г. част. 1 стр. 45.

(**) Твор. св. От. годъ второй, 1844 г. книж. 1 стр. 162.

усматриваю и въ отношеніи къ вѣрѣ. Всѣмъ общи: Законъ, Пророки, Заѣты, слова Заѣтовъ, благодать, Апостолы, Евангелія и т. д. (*)»

2. Св. Василій Великій писалъ къ нѣкому Хилону, прошившему у него наставленія касательно уединенія, т. е. монашеской жизни, между прочимъ, слѣдующее: «о чтеніи не неради, а особливо Новаго Заѣта, тѣмъ паче, что отъ Вѣтхаго часто бываетъ вредъ, не потому, что будто тамъ написано вредное, но что разумъ вредъ самъ себя снискивающихъ есть слабъ». Но тутъ не только нѣтъ запрещенія читать св. Писаніе, а напротивъ предписывается читать и Вѣтхій и Новый Заѣтъ, только съ такимъ примѣчаніемъ, что преимущественно должно читать Новый Заѣтъ.

3. Въ посланіи восточныхъ патріарховъ православно-каеолической церкви о православной вѣрѣ (**) сказано: «всякому благочестивому позволено слушать Писаніе, дабы вѣровать сердцемъ въ правду и устами исповѣдывать во спасеніе; но не всякому позволено безъ руководства читать нѣкоторыя части Писанія, особливо Вѣтхаго Заѣта. Безъ разбору позволять неискуснымъ чтеніе св. Писанія тоже значитъ, что и младенцамъ предложить употребленіе крѣпкой нищи» (***). Здѣсь опять нѣтъ примаго запрещенія всѣмъ христіанамъ читать св. Писаніе, а есть не позволеніе слѣдующее: 1) не всѣмъ позволено читать св. Писаніе безъ руководства, 2) не всѣмъ позволено читать нѣкоторыя (не всѣ) части Писанія, и 3) не всѣмъ позволено читать особенно Вѣтхій Заѣтъ.

(*) Творен. св. Отц. годъ втор. 1844 книжка I. стр. 154.

(**) Это извлеченіе изъ постановленій собора въ Іерусалимѣ, въ 1672 г.

(***) Послан. восточ. патріарх. стр. 59 изд. 1838 С. П. б.

Правда, въ томъ же мѣстѣ посланія восточныхъ патріарховъ читаемъ слова, что «не всѣ способны читать св. Писаніе,» и что «не должно позволять чтенія его неискуснымъ безъ разбора». Слова совершенно справедливы; но это такое исключеніе, которое отнюдь не должно измѣнять мысли о всеобщности позволенія читать св. Писаніе, точно также, какъ не можемъ всеобщей Господней заповѣди: *шедше научите вся языки*, измѣнять въ частную, потому, что между людьми есть совершенно глухые, безумные и не терпящіе никакого наставленія.

Принявъ ограниченное правило касательно чтенія св. Писанія, мы, съ одной стороны, поставили бы противъ себя всю древнюю православную церковь, (мы сдѣлались бы въ отношеніи къ ней раскольниками); съ другой, мы еще болѣе удалили бы отъ соединенія съ собою нашихъ раскольниковъ, объ обращеніи которыхъ св. церковь плачетъ такъ давно и такими горькими слезами. Раскольники, пользуясь находящимися у нихъ отеческими переводами, твердо увѣрены въ общей обязанности читать св. Писаніе, и почти во всѣхъ своихъ запискахъ повторяютъ мѣсто, взятое изъ Златоуста въ древнюю славянскую грамматику: «велико убо зло, еже не вѣдѣти Писаніе и якоже скоть безсловесный обносится, ибо безчисленная злая раждаются отъ невѣдѣнія Писанія. Отъ сего лютый еретическій возрастъ недугъ; отъ сего небрегома и не исправленная житія, безъ прибѣга труды, помраченіе души, діавола прелесть. Якоже убо иже свѣта лишени неправеднѣ ходять: сице и Божественныхъ Писаній лишени, и къ лучамъ сихъ не взирающе, много потыкаются, и нонуждаются часто согрѣшати, яко во тмѣ лють ходяще. Сіи убо вси не просто почитати Божественная Писанія наказую, но и зѣло трудолюбнѣ въ сихъ упра-

жняться. Яко и индѣ страшише глаголь сей приводитъ глаголя, нѣсть рече спастися никому же, аще не часто прочитая, духовнаго наслаждается» (*).

Кромѣ сего у раскольниковъ въ непрерывномъ употребленіи извѣстное, по уставу, въ извѣстное время должствуемое быть читаемо во всѣхъ церквахъ при богослуженіяхъ, благовѣстное евангеліе блаженнаго, ими *святимъ* называемаго, Теофилакта болгарскаго. А въ этомъ евангеліи находится мѣсто, не только противное мысли объ ограниченіи правила касательно чтенія Писанія, но почти, очевидно, направленное противъ означеннаго мнѣнія. Въ этомъ евангеліи въ изъясненіи послѣднихъ словъ Іоаннова евангелія читаемъ слѣдующее: «нѣцми міръ (въ словахъ: *ни самому мню, всему міру отмстити пишемъ кнми*) разумѣють, иже мірская мыслящихъ: дѣла же сотворенная Іисусомъ Божественная и таинственная Его въ невидимѣй же и видимѣй твари, и елико о послѣднемъ смотрѣніи, еже таинство полно, мірскими человекомъ не мощно разумѣти. Яко же сіе, много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити. Но да помолимся убо, никогда же въ забытіи пріити Господнихъ дѣлъ же и глаголь, но присно разгибаемъ книги сія, сего любимаго ученика, и испытаяемъ лежащаго въ нихъ сокровища, и чудеса Іисусовыхъ, и глаголь; да возмогше очистити себе и словеса и житіемъ, сподобимся неизреченнымъ дѣломъ, и таинству въ день откровенія, ихъ же нынѣ не можемъ понести въ міръ суще» (**).

Впрочемъ само собою разумѣется, что Священное Писаніе должно быть читано:

(*) Глав. 89.

(**) Благовѣст. на еванг. Іоанна на концѣ.

а) съ надлежащимъ приготовленіемъ и руководствомъ. Именно, для точнаго уразумѣнія многихъ мѣстъ Писанія, нужно знаніе многихъ особенностей тѣхъ мѣстъ и тѣхъ людей, гдѣ оно было писано. Касательно времени, въ которое написаны особенно книги Ветхаго Завета, должно замѣтить, что наше время почти совершенно не походитъ на время тогдашнее. У насъ почти все иное: много качества наша пища, изготовленіе пищи и образъ ея употребленія, много устройства наша одежда и наши жилища; много рода наше хозяйство, наша земля, ея воздѣлываніе, наши взаимныя связи и т. д.

б) Наипаче же Священное Писаніе должно быть читано съ особеннымъ настроеніемъ духа, именно съ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ къ Источнику и цѣли его происхожденія, къ безцѣнному для насъ его содержанію, къ высокимъ, заключающимся въ немъ тайнамъ, такъ даже и къ его древности. Посему наприм. св. Златоустъ говоритъ: «когда мы въ руки духовную книгу приедемъ, должны напрягати умъ свой приложивъ и размышленіе, и все житейское попеченіе отложивъ, съ великимъ благоговѣніемъ, съ великимъ вниманіемъ чтеніе совершать» (*). Въ дальнѣйшемъ подтвержденіи сказаннаго не вижу нужды.

Такимъ образомъ касательно чтенія св. Писанія должно существовать слѣдующее правило: *чтеніе св. Писанія позволено естъ христіанамъ, но со всевозможнымъ приготовленіемъ и съ надлежащимъ руководствомъ.* И то и другое, т. е. возможное приготовленіе и возможное руководство, должно быть дѣлаемо пастырями и учителями церкви. Потому что собственно ихъ дѣло вести людей къ совершенію, въ познаніе

(*) Бесѣд. на Быт. 35.

Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, и да не бываемъ къ тому младенцы, влающея и скитающея великимъ вѣтромъ ученія (Ефес. IV, 12—14).—Какъ давно нужно дать народу руководство къ чтенію Св. Писанія! О сый Владыко Господи! не удали отъ насъ Своихъ щедротъ!

Одна мысль о запрещеніи чтенія св. Писанія простыми христіанами приводитъ меня въ страхъ. Не могу постигнуть, откуда происходитъ такое мнѣніе. Не есть ли оно изобрѣтеніе всегда скрытно дѣйствующихъ агентовъ латинства? Или это мнѣніе есть порожденіе умножающагося въ наше время вольнодумства, дабы потомъ, какъ оно прежде поступало съ духовенствомъ западной церкви, снѣяться надъ нами? Да помилуетъ насъ Всемилостивый!

Запрещеніе простымъ христіанамъ чтенія Св. Писанія, не говоря ни о чемъ другомъ, лишило бы людей одного изъ самыхъ наилучшихъ средствъ къ нравственному усовершенствованію и спасенію,—правила, всѣми святыми и опытными писателями непрестанно одобряемаго къ исполненію. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «великое добро есть, возлюбленія, Божественнаго Писанія чтеніе. Сіе душу умудряетъ, сіе умъ къ небеси возводитъ, сіе благодарнымъ творитъ челоуѣка, сіе учитъ ни на что житейское не смотрѣть со удивленіемъ, сіе понуждаетъ всегда въ горнихъ уму нашему пребывать, и чтобъ мы взирая на издодозданіе Господне вся творили, и въ добродѣтельныхъ трудахъ съ великимъ усердіемъ подвизались. Отсюда возможно твердо позвать скорую благопримыслительную Божию помощь, мужество святыхъ, благодать Божию, и кою великая предлежать издодозданія. Отсюда возможно возбуждатися къ ревнованію и

подражанію мудролюбія знаменитыхъ мужей, и не унывать въ подвигахъ добродѣтельныхъ, но уповать на Божія облюванія и прежде ихъ событія. Сего ради, молю, съ великимъ прилежаніемъ да чтемъ Божественныя Писанія. Тако бо и, званіе получимъ, естли непрестанно разсуждать будемъ, что въ нихъ написано. И не возможно, чтобы той, кто со тщаніемъ и великимъ прилежаніемъ въ Божественныхъ Писаніяхъ упражняется, былъ когда презрѣнъ: но хотя у насъ человѣкъ учителемъ не будетъ, однако самъ Господь свыше входя въ сердца наша просвѣщаетъ умъ, осіяваетъ помыслъ, открываетъ тайная, и Наставникомъ намъ бываесть въ недоуѣдомыхъ» (*).

Единственная, нѣсколько благовидная причина, по которой иному можетъ представиться приличнымъ принять ограниченное правило касательно чтенія св. Писанія, есть отклоненіе простаго народа отъ вредной мысли, которой, подобно протестантамъ, держатся наши раскольники безпоповой секты именно: «св. Писаніе дано въ правило жизни всѣмъ людямъ; по сему оно и есть нашъ учитель, нашъ руководитель; его мы читаемъ, намъ не пужно духовенство,» и т. д. Но такія заблужденія, какъ и другія подобныя, должны быть опровергаемы сами по себѣ. Противъ такого заблужденія стоитъ само св. Писаніе, и рѣшительно вся древняя православная церковь. Такія заблужденія не должны измѣнять лица истины. Истина должна стоять, какъ она есть, безъ всякаго измѣненія. А впрочемъ нѣтъ ни одной, особенно духовной истины которой бы нельзя было употребить во зло, или противъ которой нельзя бы было сдѣлать возраженія. Для сего нужно только то, чтобы былъ человѣкъ со страстями, а особливо

(*) Бесѣд. 35 на Быт.

съ самолюбіемъ. Господь и Источникъ истины да держитъ нашъ разумъ въ послушаніи вѣры!

Напишите, такъ ли я думаю (*)?

Вашего Высокопреосвященства
покорнѣйшій слуга

Григорій А. Тверскій.

(*) Само собою разумѣется, что отвѣтъ былъ утвердительный. Въ маѣ слѣдующаго 1845 года была написана Высокопреосвящ. Митрополитомъ Филаретомъ записка подъ заглавіемъ: «о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго 70 втолкониковъ перевода св. Писанія,» главнѣйшія мысли которой изложены въ Прав. Обозр. за 1860 г. въ статьѣ: «русскій переводъ Библіи.» *Ред.*

СВ. АМВРОСІЙ ЕПИСКОПЪ МЕДІОЛАНСКІЙ

*(Продолженіе *)*.

V. -

Послѣ борьбы съ Синахомъ, около года, жизнь Медіоланскаго епископа текла спокойно. Вскорѣ положеніе дѣлъ измѣнилось снова. Императрица не забыла происшествія въ Сирміи, и не охладѣла въ привязанности къ аріанству. Когда опасность отъ Максима миновалась,—мстительная Юстина, забывъ заслуги Амвросія, вновь рѣшилась дѣйствовать въ пользу аріанства и возстановитъ своего сына, Валентиніана II, противъ медіоланскаго епископа, представителя и защитника православныхъ.

Въ 385 г., предъ наступленіемъ праздника Пасхи, императрица опять стала просить Амвросія уступить аріанамъ одну церковь въ предмѣстіи Медіолана, такъ какъ послѣ указа Граціанова (379) у аріанъ не осталось ни одного храма.

(*) Первая статья помѣщена въ апрѣльской книжкѣ.

Неусыпная дѣятельность Амвросія совсѣмъ почти ослабила силу арианъ въ Медиоланѣ: граждане Медиолана, по словамъ его, всѣ до одного были православные, исключая нѣсколькихъ лицъ царской фамиліи и нѣкоторыхъ Готеевъ. Слишкомъ тяжело было для Амвросія самому разрушить свои многолѣтніе труды, и онъ безстрашно объявилъ, что скорѣе согласится до послѣдней капли пролить свою кровь, чѣмъ уступить такому требованію, котораго не можетъ исполнить безъ упрековъ совѣсти. Не смотря на то, требованіе повторено: просили у Амвросія уже не загородной церкви, а новой и великолѣпной, внутри самаго города. Амвросій снова отказалъ, представляя, что епископъ не можетъ быть предателемъ церкви Божіей. Это было въ пятюкъ предъ недѣлю вай. Наутро, 5-го апрѣля, въ то время, когда Амвросій находился съ народомъ въ церкви, явился сюда самъ префектъ и убѣждалъ епископа уступить императрицѣ по крайней мѣрѣ загородную церковь. Амвросій остался непоколебимъ: народъ криками подкрѣплялъ слова своего епископа. Префектъ удалился, сказавъ, что онъ обо всемъ донесетъ императору. Въ недѣлю вай, когда Амвросій, отпустивъ оглашенныхъ, изъяснялъ символъ вѣры для готовящихся къ крещенію, разнесся слухъ, что къ загородной церкви присланы десятскіе взять это мѣсто именемъ императора, и что народъ православный отправился за городъ, чтобы разогнать ихъ. Амвросій продолжалъ священнослуженіе. При началѣ литургіи вѣрныхъ вдругъ доходить до Амвросія слухъ, что народъ схватилъ одного арианскаго священника, проходившаго по улицѣ. Амвросій горько заплакалъ, и умолялъ Бога при самомъ жертвоприношеніи, чтобы не пролита была чья-либо кровь исключая развѣ его, и немедленно выславъ священниковъ и діаконовъ для спасенія несчастнаго. При дворѣ смотрѣли на

дѣйствія народа, какъ на возмущеніе; наложили на купцовъ огромныя пени, и многихъ заключили въ темницы, не смотря на то, что по указамъ послѣднихъ императоровъ и самого Валентиніана давалась свобода заключеннымъ во дни страстной седмицы. Къ Амвросію явился трибунъ, и именемъ Валентиніана требуя уступки церкви, говорилъ, что епископъ не имѣеть права отказывать въ просьбѣ императору, который имѣеть власть надъ всѣмъ. «Если бы вы, отвѣчалъ епископъ, требовали отъ меня моей собственности, земель, денегъ, я отдалъ бы все безъ отговорки, хотя все мое имѣніе есть собственность бѣдныхъ; но то, что принадлежитъ Богу, не мое и не во власти императора. Оковы, смерть.. я радъ имъ. Я не воспользуюсь для своей защиты вліяніемъ на народъ, не стану искать безопасности у алтаря: мнѣ пріятнѣе умереть, защищая алтарь Господень.» Слова посланы были воины овладѣть церковію, и въ случаѣ сопротивленія схватить епископа. Амвросій, опасаясь прежнихъ смятеній, самъ поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу. Строгий видъ, съ которымъ служитель алтаря возвѣщалъ имъ гнѣвъ Божій за возстаніе на церковь, кротость, съ которою онъ предавалъ себя въ ихъ руки, — все это смутило варваровъ, и они рѣшительно отказались исполнить императорское повелѣніе. Однакожъ Амвросій былъ увѣренъ, что если не одни, такъ другіе поспѣшатъ исполнить волю императора. Потому онъ заранѣе приготовился къ ссылкѣ, и послѣднія минуты хотѣлъ посвятить народу. Два дни не оставлялъ епископъ церкви, предлагая вѣрнымъ слово утѣшенія, и самъ утѣшаясь ихъ твердостью, въ которой, по его словамъ, каждый изъ нихъ хотѣлъ сравняться съ Ювомъ. Это было въ пятокъ великой седмицы.

Между тѣмъ неожиданно произошла перемена въ мысляхъ императора: всѣмъ узникамъ, которыхъ осудили, какъ бун-

товщиковъ, возвѣщена свобода, притязанія на церковь прекратились, войны перестали являться съ угрозами къ православнымъ. Радостна была такая вѣсть для страдальцевъ вѣры; но Амвросій понималъ, что гнѣвъ Юстины и Валентиніана утихъ на время. «Если Амвросій вслѣтъ вамъ, связавъ меня, предать въ его руки, вы вѣрно не откажетесь исполнить по его желанію,»—сказалъ императоръ вельможамъ, которые совѣтовали ему самому идти въ церковь и помириться съ православными. Амвросій убѣдился, что Валентиніанъ вовсе не понимаетъ его, завидуетъ ему, страшится его могущества, а тамъ, гдѣ посредниками зависть и страхъ, невозможенъ прочный миръ. Но пастырь уже приготовился ко всему и молилъ Бога объ одномъ—отвратить гнѣвъ враговъ отъ церкви и обратить удары ихъ на его голову.

Юстина чувствовала свою несправедливость противъ Амвросія и рѣшилась дать законный видъ своимъ поступкамъ, чтобы вѣрнѣе погубить противника. Въ 383 году Валентиніанъ, по убѣжденіямъ матери, обнародовалъ указъ, которымъ уничтожались всѣ постановленія Граціана противъ арианъ; арианамъ дана полная свобода вѣроисповѣданія, и опредѣлена смертная казнь тому, какъ нарушителю спокойствія церковнаго и гражданскаго, кто явно или тайно станетъ препятствовать имъ учить и отправлять богослуженіе (*). Потомъ потребовали отъ Амвросія, чтобы онъ явился въ совѣтъ императорскій на судъ вмѣстѣ съ арианскимъ епископомъ, Авксентіемъ II, давно уже желавшимъ занять церкви медиоланскія. Объявлено было Амвросію, чтобы самъ онъ назначилъ посредниковъ въ своемъ дѣлѣ, какъ это сдѣлалъ и его соперникъ. Тотъ, кого судъ найдетъ справедли-

(* Cod. Theod. L. IV. de Fide Catholica.

вымъ, долженъ занять кафедру медіоланской церкви. Амвросій просилъ совѣта у православныхъ епископовъ и медіоланскаго духовенства: какъ ему поступить въ дѣлѣ столь важномъ? Общій голосъ рѣшилъ, что это дѣло не подлежитъ разсмотрѣнію гражданской власти. Положеніе Амвросія было затруднительно. Изъ повиновенія власти онъ готовъ идти въ изгнаніе, но клиръ и народъ со слезами умоляютъ его остаться съ ними; ему говорятъ и самъ онъ чувствуетъ, что оставить алтарь Господень въ такое время—то же, что добровольно предать его. Въ такихъ обстоятельствахъ Амвросій отказался повиноваться повелѣнію императора, и только отправилъ къ нему письмо, въ которомъ оправдывалъ свой поступокъ правилами церкви, рѣшеніемъ духовенства и желаніями народа. Въ ожиданіи императорскаго гнѣва, онъ удалился въ церковь. Скоро тревожные слухи распространились по городу: отрядъ войска окружилъ церковь, чтобы схватить епископа. Здѣсь—то открылось торжество народной любви къ Амвросію. Вѣрные днемъ и ночью не оставляли его, и при малѣйшемъ насиліи враговъ грозилась вооруженною рукою защищать свободу пастыря; а онъ заклиналъ народъ не препятствовать ему получить вѣнецъ мученика. Народъ не ослабѣвалъ въ своей рѣшимости; воины не смѣли приступить къ исполненію императорскаго повелѣнія.

Православные скорбѣли и скорбь усиливалась отъ неизвѣстности, чѣмъ кончится гоненіе. Печальныя лица, скорбныя вздохи, иногда ропогъ противъ гонителей,—это зрѣлище тяготило душу Амвросія. Онъ искалъ средствъ утѣшенія, и между прочимъ нашелъ одно, которое согласовалось съ обстоятельствами: пѣніе гимновъ во славу Святыя Троицы. Медіоланская церковь огласилась гимнами, введенными Амвросіемъ, народъ охотно соединилъ свой голосъ съ голо-

сомъ служителей алтаря, и, слава Триедпного, забывалъ свое пастоящее горе. Для мѣдіоланской церкви въ тогдашнихъ обстоятельствахъ гимны Амвросія имѣли особое значеніе: составленные въ духѣ православнаго вѣроученія о Св. Троицѣ, они служили къ подкрѣпленію вѣры среди обольщеній аріанскихъ. «Аріане, говорилъ Амвросій, укоряють меня въ томъ, что я обольщаю народъ своими гимнами. Не отрекаюсь: что могущественнѣе трогаетъ душу, какъ не гимны, въ которомъ устами всего народа прославляется Святая Троица? Потому—то всѣ, наперерывъ одинъ предъ другимъ, исповѣдуютъ свою вѣру въ Отца, Сына и Святаго Духа, какъ будто всѣ стали учителями, даже и тѣ, которые едва могли быть учениками.»

Никто съ такимъ удовольствіемъ не смотрѣлъ на борьбу мѣдіоланскаго двора съ православнымъ народомъ, какъ Максимъ, убійца Граціановъ. На этой борьбѣ онъ основалъ планъ—сдѣлаться поводителемъ всего Запада, отнявъ у Валентиніана власть надъ Италіей, Иллиріей и Африкой. Скрывая замыслы честолюбія подъ видомъ ревности къ православію, Максимъ просилъ Валентиніана прекратить гоненіе на православныхъ, и въ противномъ случаѣ грозилъ неизбѣжною войною. Такимъ образомъ снова мѣдіоланскій дворъ увидѣлъ въ немъ страшнаго врага, который за три года однимъ именемъ своимъ приводилъ въ трепетъ Италію; и снова императрица, смиривъ свою гордость, должна была искать защиты у того, кто однажды спасъ престолъ ея сыну. Амвросій, забывъ оскорбленія, отправился къ Максиму для переговоровъ о мирѣ и виѣстѣ о возвращеніи тѣла Граціанова, которое похититель престола по своимъ видамъ отказывался возвратить.

Въ Трирѣ, резиденціи Максима, Амвросій былъ встрѣченъ

придворнымъ евнухомъ, который сказалъ ему, что императоръ согласенъ выслушать посла Валентиніанова, только въ полномъ собраніи совѣта. Епископъ хотѣлъ отклонить такое условіе, какъ обидное для епископскаго сана, но долженъ былъ уступить. Когда вошелъ онъ въ государственный совѣтъ, императоръ всталъ и хотѣлъ обнять его; но Амвросій, не довѣряя искренности Максима, не позволилъ этого. Максимъ обвинялъ его въ обманѣ, и свое обвиненіе осповывалъ на томъ обстоятельстве, что Валентиніанъ отказался явиться къ нему, тогда какъ онъ во время перваго посольства приглашалъ его къ себѣ чрезъ Амвросія. Амвросій защищался отъ несправедливаго упрека языкомъ благородства и величія, открыто обличалъ Максима въ убійствѣ Граціана и постоянно требовалъ останковъ несчастнаго императора. «Валентиніанъ, говорилъ онъ, съ честію отправилъ къ тебѣ твоего брата, сохранивъ ему жизнь; а ты возврати ему хотя мертваго. Ты боишься, что бы видъ бездушныхъ останковъ не возбудилъ раскаянія въ войскѣ. Но того, кого оставили воины при жизни, стануть ли защищать по смерти? Что тебѣ бояться того, котораго ты велѣлъ умертвить, тогда какъ имѣлъ всю возможность спасти его? Я убилъ своего врага, говоришь ты. Неправда: не онъ тебѣ, а ты былъ врагомъ ему. Похититель престола начинаетъ войну, а императоръ защищаетъ лишь права свои. Итакъ, неужели не возвратишь праха того, котораго ты не долженъ былъ умерщвлять? Повѣритъ ли свѣтъ, что ты не покушался на жизнь того, кому хочешь вредить даже въ могилѣ, отказывая въ погребеніи? Пусть Валентиніанъ получитъ по крайней мѣрѣ прахъ своего брата въ залогъ твоего мира!»

И не только словами, но самымъ дѣломъ доказалъ Ам-

вросій, что опъ, служитель Божій, не можетъ раболѣпствовать страстямъ сильныхъ. Онъ произнесъ надъ Максимомъ отлученіе, увѣщавая принесть покаяніе въ убійствѣ Граціана; не хотѣлъ даже имѣть общенія съ тѣми епископами, которые, страшась гнѣва тирана, не смѣли напомануть ему объ его злодѣйствѣ.

Другое обстоятельство еще болѣе вооружило Максима противъ Амвросія. Амвросій съ полною свободою высказалъ свое негодованіе Максиму на то, что опъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ епископовъ, подписалъ смертный приговоръ еретику Прискилліану съ его послѣдователями. Прискилліанъ явился въ Испанію въ 380 году. Заблужденія его въ точности неизвѣстны; извѣстно только то, что онъ носилъ на себѣ слѣды сектъ гностическихъ, и еретикъ, который, по свидѣтельству современниковъ, отличался образованностью ума, былъ осужденъ, какъ гностикъ, на соборѣ въ Сарагосѣ (381). Гонимый епископами Испаніи, онъ отправился въ Италію съ намѣреніемъ представить свое ученіе на разсмотрѣніе здѣшнимъ епископамъ. Но его путешествіе осталось безъ успѣха. Амвросій не дозволилъ ему распространять ересь въ Италію, тѣмъ и ограничился благочестивый епископъ, строгій ревнитель вѣры безъ слѣпаго фанатизма, гонитель еретиковъ безъ мстительности, особенно когда онъ слышалъ, что соборъ въ Бордо еще разъ призналъ ученіе Прискилліана ересью. Не такъ поступили другіе епископы, не имѣвшіе духа Амвросія. Испанскій епископъ Итацій съ другими, которыхъ имена неизвѣстны, недовольный приговоромъ бордосскаго собора, обратился съ прошеніемъ къ Максиму—переслѣдовать дѣло. Амвросій и Мартинъ Турскій, пользовавшійся уваженіемъ за святость жизни, громко жаловались на несправедливость, но

ихъ голоса не слушали. Прискилліанъ явился въ Триръ, и въ тайномъ совѣтѣ государя былъ приговоренъ къ смерти вмѣстѣ съ семью своими послѣдователями. Строгій приговоръ скоро исполненъ къ радости Итація и его партіи, къ ужасу всѣхъ, въ комъ не было заглушено человѣческое чувство.

Это печальное происшествіе случилось не задолго до прибытія Амвросія ко двору Максима, и епископы, виновники смерти Прискилліановой, не успѣли еще удалиться изъ Трира. Понятно, съ какими чувствами кроткій пастырь долженъ былъ смотрѣть на Максима, убійцу Граціанова, и на тѣхъ людей, которые своими внушеніями заставили его рѣшиться на новое убійство, забывъ, что надобно истреблять заблужденія, и изъ состраданія щадить заблуждающихъ. Амвросій, полный негодованія, отказался отъ всякаго общенія съ жестокими епископами. Такой поступокъ дѣлалъ честь его сердцу въ глазахъ каждаго безпристрастнаго челоуѣка, только не въ глазахъ Максима. Впрочемъ и въ пылу гнѣва онъ не сдѣлалъ никакого оскорбленія Амвросію, и только приказалъ ему немедленно удалиться изъ Трира, не давъ рѣшительнаго отвѣта на предложенія медиоланскаго двора. Но Амвросій и безъ того разгадалъ тайные замысли честолюбца. Съ половины пути онъ отправилъ къ Валентиніану письмо съ подробнымъ отчетомъ о своемъ посольствѣ. Письмо заключалось предостереженіемъ: «не довѣрляй челоуѣку, который готовитъ войну подъ покровомъ мира.»

Не напрасно Амвросій предостерегалъ Валентиніана. Вслѣдъ за нимъ Максимъ быстро перешелъ черезъ Альпы, и почти, не обнажая меча, овладѣлъ всею Италією. Страхъ, какъ и прежде, предшествовалъ счастливому завоевателю. Всѣ спѣ-

шли укрыться, куда могли; многолюдные города пустыли. Въ одноѣ Медіоланѣ народъ спокойно ожидалъ судьбы своей. Амвросій удержалъ отъ разсѣянія это робкое стадо, напуганное примѣромъ городовъ сосѣднихъ. Самъ онъ такъ же былъ спокоенъ духомъ, какъ въ то время, когда грознымъ обличителемъ стоялъ предъ лицомъ тирана. Впрочемъ Максимъ по тому ли, что занять былъ одною мыслію—овладѣть Италією, или по невольному уваженію къ справедливости Амвросія, оставилъ въ покоѣ и епископа и жителей Медіолана.

Между тѣмъ Валентиніанъ и Юстина, при первомъ слухѣ о вступленіи Максима въ Италію, бѣжали изъ Медіолана, надеясь на привязанность войска и народа. Оставалась одна надежда на помощь восточнаго императора, и они прибыли въ Фессалонику, гдѣ находился Θεодосій. Θεодосій сначала сдѣлалъ имъ упрекъ за приверженность къ аріанству, и прямо объявилъ, что они навлекли на себя праведный гнѣвъ Неба преслѣдованіемъ православныхъ. Но благодарный къ памяти Граціана, которому былъ обязанъ престоломъ, и по любви къ Валентиніановой сестрѣ, съ которою вскорѣ вступилъ въ бракъ, императоръ далъ у себя пріютъ царственнымъ бѣглецамъ, обнадежилъ ихъ своею помощію, — и въ началѣ 388 года не стало Максима. Судьба войны отняла у него и престоль и жизнь.

Теперь Валентиніанъ безпрепятственно вступилъ на наследственный престоль. Юстина уже не возвращалась въ Италію,—мать не дожила до торжества сына. Такъ умерла изгнанницею та, которая не разъ покушалась изгнать изъ Медіолана невиннаго Амвросія. Опыты жизни и внушенія Θεодосія вразумили и Валентиніана: онъ отказался отъ заблуждений аріанскихъ тѣмъ легче, что уже не было Юстины,

которая питала въ неопытномъ сердцѣ ненависть къ истиннымъ исповѣдникамъ вѣры. Слѣдствіемъ такой перемѣны былъ указъ, который выданъ Валентиніаномъ, по совѣту Θεодосія, еще на возвратномъ пути изъ Θεссалоники въ Италію. Указомъ запрещено было всѣмъ вообще еретикамъ дѣлать собранія, строить церкви, совершать таинства, и проч. (*). Это былъ спланный ударъ аріанству на западѣ.

VI.

Время пребыванія Θεодосія на западѣ было временемъ торжества для Амвросія. Побѣдитель Максима не спѣшилъ возвращеніемъ на востокъ. Дѣла государства и церкви сближили съ нимъ Амвросія, который и прежде зналъ Θεодосія, когда онъ былъ военачальникомъ Граціана, и потому радовался, когда Θεодосій вступилъ на престолъ константинопольскій. Амвросій ожидалъ многого отъ поваги императора для успѣховъ вѣры и церкви православной, и не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Θεодосій съ своей стороны цѣнилъ достоинства Амвросія и уважалъ его. Но ко многимъ добрымъ качествамъ, когорыя дѣлали честь Θεодосію какъ императору и человѣку, примѣшивалась одна слабость,—излишняя раздражительность характера. Незначительное оскорбленіе выводило его изъ себя, и тогда въ пылу гнѣва онъ каралъ виновныхъ и невиныхъ. При такой настроенности, съ волею твердою, привыкшею повелѣвать, Θεодосій въ минуты гнѣва былъ недоступенъ ни для кого изъ окружающихъ. Немногимъ удавалось торжествовать надъ этимъ раз-

(*) Cod. Theod. L. XV. De Haereticis.

дражительно вспыльчивымъ характеромъ, и въ числѣ немногихъ первое мѣсто принадлежало медиоланскому епископу.

Вскорѣ послѣ побѣды Θεодосія надъ Максимомъ, въ одной изъ малоазійскихъ провинцій случилось (388) происшествіе, которое было поводомъ къ борьбѣ между Θεодосіемъ и Амвросіемъ. Жители города Каллиппкіи держались различныхъ вѣроисповѣданій: тамъ были и православные, и послѣдователи Валентіана, и евреи. Разность вѣрованій была поводомъ къ частымъ ссорамъ между жителями. Въ одинъ изъ праздниковъ православной церкви, по улицамъ города шла торжественная процессія монаховъ. Пользуясь случаемъ, валентініане съ оружіемъ въ рукахъ напали на беззащитныхъ; народный фанатизмъ вспыхнулъ; завязалась жаркая борьба, православные одержали верхъ и въ порывѣ гнѣва сожгли не только храмъ валентініанъ, но еще іудейскую синагогу. Мѣстный епископъ поддерживалъ ревность народа. Беспорядокъ былъ такъ великъ, опустошенія такъ значительны, что начальникъ азійской милиціи счелъ пужнымъ увѣдомить о томъ императора, и по его донесенію вся вина пала на православныхъ, въ особенности на мѣстнаго епископа. Θεодосій находился тогда въ Медиоланѣ. Одна вѣсть о мятежѣ возбуждала уже гнѣвъ его, но кромѣ того поступокъ христіанъ не согласовался съ его политикою въ отношеніи къ евреямъ. Раздраженный императоръ обязалъ каллиппкійскаго епископа возстановить синагогу, и опредѣлялъ строгое наказаніе безпокойнымъ монахамъ.

Дѣла церкви удерживали Амвросія въ Аквилеѣ, когда онъ узналъ о происшествіи и гнѣвъ Θεодосія. Амвросій видѣлъ, что ревность къ вѣрѣ слишкомъ далеко завлекла православныхъ; но ему казалось, что императоръ поступилъ неумѣренно-строго въ наказаніи преступниковъ, что такая стро-

гость къ православнымъ въ пользу еретиковъ и невѣрныхъ можетъ вести ко вреду церкви и поощрить послѣднихъ къ большимъ дерзостямъ. Изъ Аквилей онъ отправилъ къ Θεодосію письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «неужели ты не замѣчаешь затруднительнаго положенія, въ какое поставляешь епископа, обязывая его возстановить синагогу? Если онъ исполнитъ твое повелѣніе, то нарушитъ священныя обязанности религіи; если откажется исполнить, тогда сдѣлается непокорнымъ верховной власти. Для него одно изъ двухъ неизбѣжно: онъ или преступникъ, или мученикъ. И ты будешь виновникомъ или смерти его, или преступления. Если ты скажешь, что сожженіе синагоги есть преступленіе: то я беру на себя отвѣтственность за преступленіе каллиникійскаго епископа. Наказывай меня; я преступникъ, по моему тайному повелѣнію сожжена синагога...

«Но пусть христіане, страшась твоего гнѣва, согласятся построить новую синагогу: что тогда скажутъ евреи? Сіянься падъ нашими бѣдствіями, они вѣрно не устыдятся сказать: вотъ наши храмы обогащаются теперь золотомъ христіанъ, какъ нѣкогда Капитолій украшался добычами кивровъ и другихъ враговъ Рима... Я напомяну тебѣ, государь, о правѣ народномъ: возстановлены ли храмы Христова, разрушенные евреями въ царствованіе отступника? Въ Газѣ, Аскалонѣ, Александріи дома и церкви христіанъ и теперь представляютъ однѣ развалины..... Разрушенъ храмъ послѣдователей Валентина; но не сами ли они были виновниками возмущенія? Не они ли первые начали ссору, окончившуюся такимъ плачевнымъ событіемъ? Церковь Христова окружена врагами злыми и хитрыми: лишь дай имъ свободу, они со всѣхъ сторонъ устремятся на добычу.»

Краспорѣчіе медіоланскаго епископа не произвело своего

дѣйствія; письмо осталось безъ отвѣта. Возвратившись въ Медиоланъ, Амвросій не являлся къ императору съ упреками; казалось, онъ забылъ и о своемъ письмѣ, и о строгомъ указѣ противъ калиникійскихъ христіанъ.

Въ одинъ день императоръ посѣтилъ медиоланскую церковь, гдѣ епископъ намѣревался совершить литургію. Амвросій, взошедъ на кафедру, сталъ говорить о милосердіи Спасителя, о любви Его къ церкви, о преимуществѣ церкви предъ синагогою. Императоръ понялъ мысль проповѣдника. Духъ любви, духъ Христовъ коснулся сердца его. Когда Амвросій сошелъ съ кафедры, Θεодосій въ слухъ народа сказалъ ему: «для меня говорилъ ты, епископъ. Въ самомъ дѣлѣ я поступилъ слишкомъ строго, обязавъ калиникійскаго епископа возобновить синагогу. Но даю тебѣ слово отиѣнить приговоръ свой.» Тяжелое бремя спало съ сердца Амвросія. Теперь съ радостію разрѣшилъ онъ свой обѣтъ, который далъ себѣ, вступая на кафедру: до тѣхъ поръ не приступать къ совершенію Божественныхъ Таинъ, пока не испроситъ у императора прощенія калиникійцамъ. Θεодосій отиѣнилъ приговоръ свой противъ епископа и монаховъ Калиникіи.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого произшествія, случилось возмущеніе въ Θεссалоникѣ. Жители города по незначительному поводу умертвили нѣсколько императорскихъ чиновниковъ. Θεодосій въ пылу гнѣва повелѣлъ наказать преступный городъ истребленіемъ всѣхъ гражданъ. Амвросій убѣждалъ его разсмотрѣть точнѣе дѣло, отдѣлить, по крайней мѣрѣ, певныхъ отъ виновныхъ. Уже императоръ уступилъ представленіямъ Амвросія, и обѣщалъ прощеніе Θεссалоникійцамъ; уже Амвросій удалился, успокоенный надеждою что императоръ сдержитъ свое слово. Но въ его отсутствіе придворные внушили Θεодосію, что преступленіе безнака-

занное можетъ имѣть опасныя слѣдствія. Гнѣвъ съ новою силою пробудился въ сердцѣ императора, и прежній приговоръ исполненъ надъ ессалоникійцами: жители города были собраны въ циркъ, подъ предлогомъ обыкновеннаго зрѣлища; вооруженные варвары напали на безоружную толпу и умертвили всѣхъ безъ различія пола и возраста.

Вѣсть о кровавомъ мщеніи Θεодосія была громовымъ ударомъ для Амвросія. Не самолюбіе, оскорбленное безуспѣшностію ходатайства,—кровь невинныхъ жертвъ тяготила душу его. Въ первыя минуты горести епископъ рѣшился было прервать всѣ сношенія съ повелителемъ народовъ, не утѣшивъ повелѣвать собою. Но христіанская доброта побѣдила естественное отвращеніе, какииъ возмущена была душа его; вскорѣ въ сердцѣ Амвросія оставалось уже одно чувство сожалѣнія къ Θεодосію. «Преступленіе совершилось, и невозвратно; но преступникъ еще можетъ быть спасенъ,»—подъ вліяніемъ такой мысли, Амвросій отправилъ къ Θεодосію письмо, проникнутое духомъ той отеческой любви, которая убѣждаетъ, а не грозитъ, которая боится оскорбить даже одинокимъ нескромнымъ, жесткимъ словомъ, которая проповѣдуетъ покаяніе и милость. Вотъ это письмо:

«Въ городъ Θεссалоникѣ совершилось злодѣяніе, которому не было подобнаго въ исторіи; при всѣхъ усиліяхъ я не могъ отвратить его, хотя напередъ говорилъ тебѣ, что оно будетъ ужасно. Ты и самъ въ этомъ соглашался со мною, показывая позднія усилія отиѣнить первыя свои повелѣнія.. Всѣ знаютъ, что я близокъ къ тебѣ, что я ходатайствовалъ за жителей Θεссалоники, и потому никто не оправдываетъ твоего поступка. Мнѣ самому не избѣжать бы упрековъ, еслибъ я почелу-нибудь удержался говорить предъ тобой, что тебѣ нужно примириться съ Богомъ». Указывая на примѣръ Да-

вида, согрѣшающаго и смиренно кающагося, проповѣдникъ покаянія продолжаетъ: «пусть примѣръ этого царя убѣдитъ тебя загладить грѣхъ свой: смиришь предъ Богомъ. Ты человекъ, и, какъ человекъ, впалъ въ искушеніе; побѣди искушителя. Грѣхъ можно загладить только слезами и покаяніемъ... Советую, прошу, умоляю, заклинаю тебя. Грустно, больно мнѣ видѣть, что ты, который былъ примѣромъ рѣдкаго благочестія, который являлъ въ себѣ образецъ милосердія и часто прощалъ даже виновныхъ, ты не скорбишь теперь, погубивъ столько невинныхъ... Я не имѣю противъ тебя личной ненависти, но ты невольно внушаешь мнѣ страхъ; я не осмѣлился бы совершить богослуженія въ твоёмъ присутствіи. Мнѣ воспретила бы это кровь и одного человека, пролитая несправедливо; чтожь сказать о крови столькохъ невинныхъ?» За тѣмъ Амвросій говоритъ о своемъ сновидѣніи, въ которомъ самъ Богъ за-прещалъ ему допускать убійцу съ окровавленными руками къ алтарю, доколѣ онъ не очиститъ себя сердечнымъ покаяніемъ».

Сердцу пылкому понятіе языкъ кроткаго убѣжденія чѣмъ голосъ строгаго обличителя. Феодосій прочиталъ письмо медіоланскаго епископа, и чувства скорби и раскаянія пробудились въ душѣ его. Съ возмущенною совѣстью отправился онъ въ соборную церковь, чтобы облегчить себя молитвою. Издали увидалъ Амвросій императора, и съ радостію замѣтилъ перемѣну въ его чувствахъ. Онъ готовъ бы былъ облобызать кающагося; но въ то же время видѣлъ нужду дать преступнику памятный урокъ на цѣлую жизнь. И пасть церкви скрылъ свои чувства подъ личиною безпристрастнаго судіи. Онъ встрѣтилъ императора въ дверяхъ храма и воспретилъ ему входъ въ домъ Божій.

— Ты подражалъ Давиду въ преступленіи, подражай ему и въ раскаяніи!

— Чего же Богъ требуетъ отъ меня? спросилъ смиренно Θεодосій.

«Того, отвѣчалъ єпископъ, что долженъ сдѣлать каждый убійца: у Бога нѣтъ лицепріятія».

Обыкновеннымъ приговоромъ, какой произносила церковь надъ убійцами, было отлученіе преступника отъ пріобщенія Св. Таинъ, и за тѣмъ публичное покаяніе, если отлученный изъявлялъ желаніе снова вступить въ нѣдра церкви. И Θεодосій долженъ былъ подвергнуться такому наказанію: Авросій торжественно произнесъ надъ нимъ отлученіе. Отлученный заключился въ своемъ дворцѣ, смиренный, кающійся. Часто природный гнѣвъ нарушалъ покой души его при мысли, что для него, императора, заключена церковь, отверстая для всѣхъ рабовъ и нищихъ; и онъ не разъ пытался просить разрѣшенія у єпископа. Но Авросій однажды навсегда объявилъ, что императоръ можетъ отнять у него жизнь, а не властенъ переимѣнить опредѣленіе церкви. Такъ прошло восемь лѣтъ.

Наступилъ праздникъ Рождества Христова: день, радостный для всѣхъ вѣрующихъ, одному императору не принесъ радости. Истошилось терпѣніе Θεодосія; печальный и смиренный отправился онъ къ єпископу съ намѣреніемъ испросить себѣ разрѣшеніе подъ какими бы то ни было условіемъ. Чистосердечное раскаяніе императора глубоко тронуло Авросія; самъ онъ уже давно помирился въ душѣ съ преступникомъ, теперь оставалось помирить его съ государствомъ и церковью. И єпископъ не хотѣлъ далѣе отказывать императору въ мирѣ. Въ предотвращеніе слѣдствій несправедливаго гнѣва, Авросій, какъ другъ человечества, заставилъ императора прежде всего выдать указъ, по которому каждый смертный приговоръ надлежало приводить въ испол-

неніе не прежде, какъ по истеченіи 30 дней. Когда законъ былъ обнародованъ, епископъ позволилъ императору принести покаяніе. Оно происходило всенародно въ соборной церкви. Здѣсь, въ одеждѣ кающихся, съ сокрушеніемъ въ сердцѣ, съ слезами на глазахъ, повелитель римской имперіи палъ на землю и умолялъ Бога о прощеніи. Амвросій подкрѣплялъ его, вмѣстѣ съ нимъ плакалъ и молился; наконецъ снялъ съ него отлученіе, и Θεодосій, къ общей радости и его и народа, снова сдѣлался сыномъ церкви (*).

Послѣ достопамятной сцены, Амвросій и Θεодосій короче узнали другъ друга, и узы дружбы остались неразрушными до гроба. Епископъ, не разъ испытывшій гордость придворныхъ, удивлялся смиренію императора; императоръ, скучавшій ласкательствами, уважалъ правдивую строгость епископа, и сколько извѣстно, до конца жизни не забывалъ урока, какой получилъ отъ Амвросія (**).

VII.

Язычники продолжали искать защиты у каждаго новаго императора. Съ радостію отворили они ворота вѣчнаго города передъ Максимомъ, побѣдителемъ Валентиніана; счастье, ка-

(*) См. жизнеописанія Св. Амвросія, написанныя *Павломъ и Θεодоритомъ*.

(**) Жизнеописатели Амвросія рассказываютъ еще, что однажды Θεодосій по обыкновенію принесъ дары къ алтарю, и остановился вблизи священниковъ, чтобъ видѣть совершеніе Божественныхъ Таинъ. Здѣсь мѣсто однихъ служителей алтаря, сказалъ ему Амвросій: «удался изъ этого святаго мѣста; порфиря не дѣлаетъ священникомъ.» Императоръ удался, и послѣ, когда возвратился на востокъ, въ церкви всегда уже видѣли его стоящимъ наряду съ мірянами.

залось, покровительствовало прежнему замыслу. Симмахъ произнесъ въ сенатѣ льстивую рѣчь въ похвалу побѣдителю и высказалъ общую жалобу на униженіе древней религіи Рима. Писатели современные молчатъ объ успѣхѣ Симмаховой рѣчи. Вѣсть о приготовленіяхъ Θεодосія къ войнѣ скоро вызвала Максима изъ Рима на поле брани, а судьба войны отняла всякую возможность сдѣлать что-нибудь въ пользу язычниковъ.

Побѣдитель Максима, Θεодосій не внушилъ новыхъ надеждъ язычникамъ, но и не разрушилъ прежнихъ. До 388 года, до времени вступленія своего въ Италію, онъ пытался воспретить кровавыя жертвы и гаданіе по внутренностямъ животныхъ, между тѣмъ каждый язычникъ свободно могъ чтить боговъ отеческихъ. Хотя языческая партія римскаго сената мало лестнаго видѣла для себя въ этихъ дѣйствіяхъ Θεодосія относительно язычниковъ на востокѣ, но ничто не мѣшало ей вновь предъявить свои желанія.

Въ 388 году приверженцы языческой религіи прибыли въ Медіоланъ просить Θεодосія о возстановленіи жертвенника Побѣды, о возвращеніи прежнихъ правъ и преимуществъ жрецамъ и весталкамъ. Императоръ колебался, быть-можетъ, потому, что не хотѣлъ оскорбить отказомъ вліятельныхъ просителей. Неожиданное расположеніе Θεодосія къ язычникамъ встревожило Амвросія. Защитникъ правъ христіанства спѣшилъ объяснить императору дѣло; но по проискамъ ли враговъ, или по другому неизвѣстному обстоятельству, долго не могъ его видѣть; наконецъ, чрезъ нѣсколько дней епископъ получилъ доступъ во дворецъ. Неизвѣстны подробности этого свиданія: но Амвросій говоритъ, что императоръ былъ вполне убѣжденъ его представленіями. Θεодосій, дотогѣ списходительный къ язычникамъ, пере-

сталь щадить ихъ. Симилахъ первый испыталъ гнѣвъ его. Въ 389 году Θεодосій прибылъ въ Римъ. Говоря рѣчь въ честь императору, Симилахъ не могъ не коснуться завѣтнаго предмета возстановленія жертвенника Побѣды. Раздраженный Θεодосій не далъ оратору кончить рѣчь, и осудилъ его на изгнаніе. Въ то же время онъ предложилъ на общее сужденіе сената вопросъ: «почитаніе ли Юпитера, или служеніе Христу должно быть религіею государства?» Не всѣ согласно отвѣчали на вопросъ, но большинствомъ голосовъ древняя религія признава отиѣпенною (*).

Въ 391 году Θεодосій возвратился на востокъ, и Валентиніанъ одинъ остался императоромъ запада, но только по имени. Правленіе находилось въ рукахъ язычника Арбогаста, который былъ военачальникомъ и первымъ совѣтникомъ молодаго императора. Обстоятельства, повидимому благоприятныя, возбудили прежнія надежды въ язычникахъ. Императоръ въ 392 году находился въ Галліи вдали отъ Амвросія, окруженный язычниками и ихъ тайными друзьями, которые стерегли каждую счастливую минуту, чтобы предложить ему возстановленіе языческой религіи. Языческій Римъ, котораго не вразумили многократныя неудачи, снова отправилъ пословъ къ Валентиніану отъ имени сената. «И когда всѣ, говоритъ Амвросій, всѣ присутствовавшіе въ совѣтѣ, христіане и язычники, настаивали на томъ, чтобы удовлетворить просителей,—Валентиніанъ одиупъ, какъ Даниилъ среди соннища несправедливыхъ судей израильскихъ, обвиняя христіанъ въ вѣроломствѣ, отвѣчалъ язычникамъ: какъ мнѣ возстановлять то, что разрушено моимъ благочестивымъ братомъ? Вы хвалите моего отца за то, что онъ не отни-

(*) Gibb. T. V, p. 346. Chateaubriand. T. II. p. 202.

наль преимуществъ у вашей религіи; и я не отнимаю. Но вознаграждалъ ли ваши прежніе уроны мой отецъ, чтобъ и я по его примѣру долженъ былъ дѣлать то же? Да и то, что онъ сдѣлалъ въ вашу пользу, все уничтожено моимъ братомъ, и съ сей стороны я хочу подражать послѣднему. Они оба были императорами; обоимъ должно воздавать равную честь; оба равно заботились о благѣ имперіи. И я буду подражать обоимъ: не возвращу вамъ того, чего не возвратилъ отецъ; и во всей цѣлости сохраню то, что постановлено моимъ братомъ. Уважаю Римъ, какъ отца, но повинуюсь Богу; радъ бы исполнить ваши просьбы, но запрещаетъ чувство долга, какой возложилъ на меня Виножникъ спасенія.»

Въ слѣдъ за этимъ Валентиніанъ рѣшился освободиться изъ-подъ власти Арбогаста; но нетерпѣливый—онъ безъ особыхъ причинъ лишилъ Арбогаста должности. Мщеніе раздраженнаго Арбогаста совпало съ тайнымъ замысломъ языческой партіи на жизнь императора, и несчастный императоръ былъ задушенъ въ постелѣ. Съ горестію узналъ Амвросій о смерти Валентиніана. Епископъ спѣшилъ было въ Галлію, куда звалъ его Валентиніанъ, желая принять крещеніе; но горестная вѣсть остановила Амвросія на половинѣ дороги. Бездушные останки императора были принесены въ Медиоланъ; Амвросій плакалъ, произнося рѣчь надъ гробомъ того, кто нѣкогда гналъ его, какъ врага, и послѣ любилъ какъ отца,—плакалъ тѣмъ безутѣшнѣе, что смерть Валентиніана была урономъ для церкви, котораго не вознаграждалъ преемникъ.

Убійца Валентиніана не принялъ на себя титула императорскаго. Довольствуясь тѣмъ, что можетъ управлять подъ именемъ другаго, онъ облекъ въ багряницу риторъ Евгенія, секретаря Валентиніанова, душою преданнаго видамъ языкъ-

никовъ. Дружба съ знаменитыми и дѣятельными защитниками древнихъ вѣрованій, съ Арбогастомъ, Рикомеромъ (извѣстнѣйшимъ изъ римскихъ генераловъ того времени) и Симиахомъ, возвышала его въ глазахъ язычниковъ; а надежда на возвращеніе утраченнаго величія расположила языческую партію отдаться подъ покровительство Евгенія.

Однакожь распоряженія новаго императора не вполне соответствовали силнымъ ожиданіямъ язычниковъ. Риторъ очень хорошо понималъ, что роль Юліана ему не къ лицу и не у мѣста. Θεодосій, страхъ язычниковъ и бунтовщиковъ, не могъ оставить безъ отмщенія смерть Валентиніана. Нужно было напередъ умилостивить мстителя, и сохранить миръ съ подданными христіанами, страшными по своей многочисленности. Разсчетами житейскаго благоразумія должны были уступить и знаменитые друзья Евгенія, добровольно покрившіеся ему, чтобы удобнѣе скрыть и успѣшнѣе привести въ исполненіе свои замыслы. Первымъ дѣломъ Евгенія, по вступленіи на престолъ, было—оправдаться въ глазахъ Θεодосія, страшнаго своимъ политическимъ могуществомъ; но письмо, которое онъ отправилъ съ этою цѣлью къ восточному императору, осталось безъ отвѣта. Евгеній сталъ въ затруднительное положеніе, и колебался въ выборѣ: соединиться ли съ партією язычниковъ, или предпочесть Θεодосія?

Язычники съ нетерпѣніемъ ждали исполненія надеждъ своихъ. Два посольства, одно за другимъ, приходили изъ Рима въ Галлію просить Евгенія о возстановленіи древней религіи, и Евгеній, еще не рѣшившійся ни на что опредѣленное, дважды отпускалъ просителей съ одними льстивыми обѣщаніями. Язычники разгадали временщика и составили новый планъ для своихъ дѣйствій: обратиться къ помощи тѣхъ, которые имѣли сильную власть надъ нимъ самимъ. Въ 393 г.,

когда Евгенийъ прибылъ въ Римъ, къ нему снова явились защитники язычества съ прежними требованіями. Чего, быть можетъ, не сдѣлали бы всѣ язычники запада, то совершили два человека: знакомый намъ Арбогастъ, и префектъ Италіи—Флавіанъ. Ихъ воля была закономъ для Евгенія. Надъ чело-вѣкомъ безъ вѣры страхъ смерти дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ всякій другій страхъ, а Евгенийъ былъ христіаниномъ только по имени, и въ случаѣ отказа, рука Валентиніанова убійцы вѣрно не отказалась бы поразить друга. Императоръ согласился на все, чего отъ него требовали: объявилъ педѣйствительными прежніе законы противъ языческой религіи и ея послѣдователей. И вотъ язычество обновляется къ жизни; опустѣлые храмы наполняются поклонниками, обряды культа начинаютъ совершаться повсюду; жрецы пользуются прежнимъ уваженіемъ и доходами; прежняя пышность окружаетъ дѣвъ Весты; и статуя Побѣды, при громѣ рукоплесканій и радостныхъ кликовъ народа, торжественно вносятся въ сенатъ изъ Капитолія, гдѣ хранилась она съ другими памятниками языческаго культа и искусства (*).

Христіане были безмолвными зрителями неожиданныхъ событий; изумленіе, негодованіе, страхъ съ равною силою дѣйствовали на душу cadaго. Амвросій смѣло возвысилъ свой обличительный голосъ противъ Евгенія. Еще прежде переворота въ судьбѣ язычниковъ онъ прервалъ всякое сношеніе съ преемникомъ Валентиніана, и напрасно Евгенийъ старался сблизиться съ епископомъ, сильнымъ властію церковною, вліяніемъ на христіанъ. На льстивыя письма, на предложеніе дружбы, на призывъ ко двору Амвросій отвѣчалъ молчаніемъ. А когда Евгенийъ, вступивъ въ Италію, приближался къ

(*) См. у *Созомена* VII, 2, и *Рурфина*, II, 33.

Медиолану, Амвросій, избѣгая свиданія съ нимъ, удалился въ Этрурію, и оттуда отправилъ къ нему письмо, въ которомъ слышится голосъ души, растерзанной горестію и успокоивающей себя вѣрою въ промыслъ Божій. Епископъ, не надѣясь на успѣхъ, не проситъ Евгенія отмѣнить несправедливое рѣшеніе въ пользу язычества, но примѣромъ вѣнценосныхъ предшественниковъ и мыслию о небесномъ правосудіи онъ хочетъ показать, что императоръ не долженъ былъ уступать просьбамъ язычниковъ. «Я бѣгу отъ тебя, писалъ епископъ, бѣгу, потому что боюсь Бога, и не привыкъ цѣнить благосклонность человѣка выше любви Іисуса Христа. Я никого не оскорбляю, предпочитаю всѣмъ Бога, и, надѣясь на Него, не страшусь самимъ императорамъ говорить, что чувствую. Что говорилъ я твоимъ предшественникамъ, о томъ не стану молчать и предъ тобою.» Затѣмъ, описавъ прежнія попытки язычниковъ и отказы императоровъ—возстановить древнюю религію, Амвросій продолжаетъ: «ты одинъ, принявъ бразды правленія, уступилъ просьбамъ язычниковъ. Можетъ быть, ты рѣшился на такое дѣло не по расположенію къ язычеству, а по уваженію къ личнымъ заслугамъ просителей. Но ты знаешь, безъ сомнѣнія, что страхъ Божій долженъ руководствовать тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ... Велика власть императора. Но подумай, государь, и о величіи Бога: Онъ, Всевидящій, читаетъ въ сердцахъ каждаго, знаетъ всѣ тайны души. Вы сами не даетесь въ обманъ другимъ: ужели думаете обмануть Бога? Ужели это не пришло на мысль тебѣ? Настоятельны были требованія язычниковъ: но ты, изъ благоговѣнія къ Богу живому и истинному, не обязанъ ли былъ тѣмъ сильнѣе противиться имъ, и не соглашаться на то, чѣмъ оскорбляется святая вѣра? Мы не ищемъ для себя даровъ вашей щедрости, не завидуемъ да-

рамъ, которыми вы наградили язычникѣвъ; мы только истолкователи обязанностей вѣры. Какъ принесешь ты дары къ алтарю Христову?... Какъ служители алтаря будутъ раздавать дары твои?.. Тотъ, кому покорствуютъ другіе, самъ долженъ быть прежде всѣхъ работъ Божиихъ!»

Евгеній не перемѣнилъ и не ограничилъ своихъ распоряженій; однакожъ онъ не сдѣлался отступникомъ христіанства, и дѣйствуя въ пользу язычества, не вооружался прямо противъ церкви. Въ Медіоланѣ онъ хотѣлъ показать, что онъ не врагъ христіанамъ, и по примѣру императоровъ благочестивыхъ приносилъ дары къ алтарю. Но дары Евгенія были отвергаемы, никто изъ служителей церкви не хотѣлъ имѣть съ нимъ общенія въ молитвахъ. Терпѣніе полу-язычника и полу-христіанина истощалось. Арбогастъ и Флавіанъ, надѣясь на согласіе Евгенія, рѣшились произнести страшную угрозу, что они скоро въ конюшни обратятъ медіоланскія церкви, и силою оружія научатъ покорности духовенство, непокорное волѣ императора. Но судьба Евгенія была уже рѣшена.

Съ сильнымъ войскомъ спѣшилъ на западъ Θεодосій Великій (384). Евгеній встрѣтилъ его между Альпами и Адриатическимъ моремъ. Одна битва кончила войну, и побѣда Θεодосія была рѣшительная: Евгеній схваченъ и казненъ; Арбогастъ, виновникъ его счастья и бѣдствій, самъ себя лишилъ жизни. Такъ въ другой разъ Θεодосій завоевалъ западную римскую имперію, и теперь соединилъ ее съ восточною подъ одной короной.

Императоръ самъ увѣдомилъ Амвросія о своихъ успѣхахъ и просилъ его принести благодарныя молитвы Богу. Для сердца Амвросія не было пріятіе такой просьбы. «Письмо твое, писалъ онъ въ отвѣтъ Θεодосію, письмо, памятникъ

твоего благочестія, я положилъ на алтарь, держалъ его въ рукѣ, когда совершалъ безкровную жертву, такъ что твоя вѣра говорила моими устами, когда я возглашалъ обычныя молитвы во время священнодѣйствія.» Совершивъ первый христіанскій долгъ, Амвросій спѣшилъ исполнить другой, столь же священный. Раздражительность императора страшила епископа за участь побѣжденныхъ, и онъ въ двухъ письмахъ умолялъ побѣдителя даровать прощеніе, особенно тѣмъ изъ плѣнниковъ, за которыми не было другой вины, кромѣ участія въ дѣлахъ Евгенія. Не полагаясь на убѣдительность своихъ писемъ, Амвросій самъ отправился въ Аквилею для свиданія съ Θεодосіемъ. Императоръ, при первой встрѣчѣ, палъ къ ногамъ епископа и говорилъ, что его молитвамъ обязанъ успѣхомъ войны. Всѣмъ безъ исключенія объявлено прощеніе.

Не поощряя язычества, неблагоудѣтельствуя ему, Θεодосій однако не предпринималъ на западѣ никакихъ запретительныхъ мѣръ противъ культа, который еще коренился въ нравахъ, въ исторіи; само время вело языческую религію къ паденію. Но дѣло времени было ускорено вторженіями варваровъ, и этому событію должно приписать рѣшительный ударъ древняго національнаго культа. Язычество пало вмѣстѣ съ Имперією.

Въ 395 г. Θεодосій прибылъ изъ Аквилеи въ Медиоланъ. Сюда явились къ нему изъ Рима послы съ поздравленіями отъ лица сената. По новымъ ли совѣтамъ Амвросія, или подъ вліяніемъ прежнихъ его убѣжденій, императоръ объявилъ посламъ свое намѣреніе отмѣнить всѣ постановленія Евгенія относительно языческой религіи, и вслѣдъ за тѣмъ намѣреніе приведено въ исполненіе: Θεодосій уничтожилъ

все, что могло напоминать язычнику о счастливомъ для него, но мимолетномъ царствованіи Евгенія.

VII.

Для церковныя и политическія съ первыхъ лѣтъ епископства не давали покоя Амвросію; тѣмъ не менѣе дѣятельный епископъ неутомимо заботился о внутреннемъ благоустройствѣ медиоланской церкви.

Отъ первыхъ временъ церкви на востокъ и западъ вошли у христіанъ въ употребленіе *вечери любви*, которыя устраивались по совершеніи евхаристіи изъ общихъ приношеній. По злоупотребленію святое обыкновеніе сдѣлалось со временемъ источникомъ многихъ безпорядковъ. Въмѣсто христіанской трапезы любви на гробахъ мучениковъ совершались иногда пиршества, на которыхъ отъ неумѣреннаго употребленія вина христіане забывали и святую цѣль собранья, и свое высокое назначеніе. Бл. Августинъ пишетъ, что Амвросій запретилъ вечера любви въ округѣ своего управленія.

Привлекая вѣрныхъ ко Христу собственнымъ примѣромъ вѣры и любви христіанской, примѣромъ самоотверженія и воздержанія, примѣромъ молитвы и благотворительности, пастыръ медиоланскій заботливо назидаль свою паству словомъ проповѣди. Разнообразны были предметы поученій Амвросія, какъ разнообразны обстоятельства времени и нужды поучаемыхъ. Онъ являлся на кафедрѣ, то какъ утѣшитель, проповѣдникъ терпѣнія, покаянія, благотворительности, то какъ обличитель пороковъ и заблужденій. Но всего чаще медиоланская церковь оглашалась проповѣдью *о дѣлственной жизни*.

Еще въ первыя времена христіанства бывали притѣры, что дѣвицы и вдовы посвящали себя Богу съ обѣтомъ вести жизнь безбрачную. Съ прекращеніемъ гоненій, число дѣвственницъ умножалось, многія оставляли отеческіе дома, и, соединенныя одинакимъ обѣтомъ, избирали одно общее мѣсто для жительства. Такъ явились монастыри, общества дѣвственницъ. На западѣ однимъ изъ первыхъ поборниковъ дѣвственной жизни былъ Амвросій. Воспитанный сестрою, дѣвственницею по обѣту, Амвросій съ раннихъ лѣтъ любилъ дѣвственную жизнь, не возмущаемую ни страстями, ни заботами житейскими. Съ сердцемъ неспорченнымъ вступилъ онъ въ лѣта мужества, и ставши епископомъ, сдѣлался проповѣдникомъ жизни дѣвственной.

На голосъ этой проповѣди, увлекательно-краснорѣчивой, со всѣхъ сторонъ, изъ мѣстъ близкихъ и отдаленныхъ, стекались въ Медиоланъ дѣвицы, готовыя въ цвѣтѣ лѣтъ отказаться отъ земныхъ наслажденій. Медиоланскій епископъ едва успѣвалъ принимать обѣты и раздавать дѣвственные покровы.

Успѣхи проповѣди возбудили зависть и злобу. Амвросію ставили въ вину, что онъ многихъ дѣвицъ отвлекъ отъ супружества. Такіе упреки слышались отъ матерей, которыя, опасаясь Амвросіева краснорѣчія, запрещали дочерямъ посѣщать церковь. Подъ вліяніемъ такихъ упрековъ Амвросій произнесъ новое слово о дѣвствѣ, въ которомъ съ силою изобразилъ высокій образъ дѣвственницы, принимающей обѣтъ противъ воли родителей. «Хорошо, если желаніе дѣвицы согласно съ волею родителей; но тѣмъ лучше, когда огонь любви къ дѣвственной жизни самъ собою пылаетъ въ юномъ сердцѣ. Пусть родители откажутъ въ наслѣдствѣ: у дѣвы есть женихъ небесный, который обогатитъ ее неземными сокровищами. Противятся

родители: значить, они хотѣтъ, чтобы ты, дѣва, побѣдила сопротивленіе ихъ; изъявляютъ часто негодованіе, чтобы ты научилась терпѣнію; грозятъ отказомъ въ наслѣдствѣ, чтобы испытать тебя, можешь ли ты безъ страха переносить земныя потери; обольщаютъ тебя, чтобы видѣть, въ состояніи ли ты бороться съ похотями. Препятствія для тебя—поприще испытанія. Первая для тебя борьба—борьба съ нѣжностію родителей. Побѣди прежде врага домашняго, и ты восторжествуешь надъ міромъ».

Противъ Амвросіевой проповѣди возсталъ новый, болѣе опасный врагъ, *Ювиніанъ*, монахъ медіоланскій. Превращая истинное понятіе объ отношеніи силъ благодати къ силамъ чловѣка, онъ старался унижить достоинство жизни дѣвственной, а за тѣмъ уклонился и къ другимъ заблужденіямъ: отвергъ дѣвство святой Дѣвы Маріи, и различіе наградъ въ жизни будущей (*). Еретикъ, проповѣдующему ученіе, столько льстящее чувственной природѣ чловѣка, не трудно было найти послѣдователей, и онъ многихъ дѣвственницъ, давшихъ уже обѣты, убѣдилъ вступить въ бракъ. Однакожъ, не обнаруживши еще вполне своихъ заблужденій, Ювиніанъ скоро бѣжалъ въ Римъ, и здѣсь, въ 382 году, не слагая съ себя одежды иноческой, рѣшился распространять свое ученіе. Когда обнаружились заблужденія Ювиніана, папа римскій Сирицій соборомъ осудилъ его вѣстѣ съ послѣдователями, отлучилъ отъ церкви, и особымъ посланіемъ (около 389 г.) извѣщалъ церковь медіоланскую о появленіи новой ереси и о своихъ дѣйствіяхъ противъ Ювиніана. Вслѣдъ за тѣмъ явились въ Медіоланъ и осужденные римскимъ соборомъ. Для Амвросія было довольно одного извѣстія, чтобы вооружиться

(*) Hieronim. contra Iovinian. L. 2. Ambros. Ep. XLII.

противъ ереси, которую онъ старался предотвратить до ея появленія, и которая имѣла цѣлю ниспровергнуть зданіе многолѣтнихъ трудовъ его. Немедля онъ созвалъ въ Медиоланъ окружныхъ епископовъ, и на соборѣ подтвердилъ приговоръ папы противъ приверженцевъ Ювиніана. Определенія соборовъ римскаго и медиоланскаго остановили распространеніе Ювиніановыхъ заблужденій.

Низложивши ювиніанистовъ, Амвросій сложилъ съ себя оружіе брани противъ еретиковъ, и въ замѣнъ себя образовалъ новаго поборника вѣры Христовой въ блаж. Августина. Вліяніе Амвросія на обращеніе Августина было однимъ изъ замѣчательныхъ событій въ жизни медиоланскаго епископа. Августинъ въ своей *исповѣди* подробно рассказываетъ, какъ онъ въ качествѣ преподавателя краснорѣчія пришелъ въ Медиоланъ, незаметно увлеченъ былъ проповѣдью Амвросія, въ которой сначала обращалъ вниманіе только на слова и обороты рѣчи, долго и внимательно слѣдилъ ученіе христіанской истины въ устахъ Амвросія, ввѣрилъ себя его руководству и, окончательно убѣжденный въ вѣрѣ, принялъ отъ него святое крещеніе.

Въ 395 году умеръ въ Медиоланѣ Θεодосій Великій. Не много болѣе двухъ лѣтъ жилъ послѣ него Амвросій.

Въ 397 году, предчувствуя близкую кончину, Амвросій извѣстилъ о томъ приближенныхъ. Печальная вѣсть быстро распространилась въ Медиоланѣ. «Съ кончиною епископа погибнетъ Италия!» говорилъ военачальникъ Стиликонъ, и предложилъ извѣстнѣйшимъ гражданамъ Медиолана, друзьямъ Амвросія, идти къ умирающему и просить его, чтобы онъ молилъ Бога о продолженіи жизни. Амвросію было тогда около 57 лѣтъ: непрерывные, разнообразныя труды и сильныя душевныя потрясенія преждевременно разстроили его

здоровье. Съ преданностію въ волю Божию онъ спокойно отвѣчалъ друзьямъ своимъ: «я не такъ жилъ между вами, чтобы мнѣ стыдно было возвратиться къ жизни. Но я не страшусь и смерти: я вѣрю въ благость Божию.»

Болѣзнь Амвросія быстро усиливалась, и наконецъ исчезла послѣдняя надежда друзей на его выздоровленіе. Нѣкоторые изъ служителей церкви, находясь въ дому умирающаго, шепотомъ говорили между собою о преемникѣ Амвросія и упомянули имя Симплиціана. Слышалъ ли Амвросій разговоръ, или самъ съ собою разсуждалъ о томъ же, только въ ту минуту, когда произнесено было имя Симплиціана, онъ три раза воскликнулъ: «старъ, но добръ!» Симплиціанъ, котораго любилъ и уважалъ Амвросій, дѣйствительно былъ его преемникомъ на кафедрѣ медиоланской.

За день до Пасхи (397 г.) медиоланская церковь оплакала кончину любимаго пастыря.

Церковь западная и восточная, по уваженію къ заслугамъ и святой жизни Амвросія, причислила его къ лику святыхъ и положила совершать его память въ седьмой день декабря, въ который поставленъ онъ былъ пастыремъ церкви медиоланской.

Протоіерей В. Алексинскій.

ЮСАФАТЬ КУНЦЕВИЧЪ

(изъ истории литовской церковной унии *).

Юсафать Кунцевичъ, полоцкій архіепископъ 1617—1623 г., былъ пламенный ревнитель унии, погибшій жертвою своего фанатизма и призванный уніятами за мученика.

Юсафать Кунцевичъ, по свидѣтельству Лаврентія Древинскаго на сеймъ 1620 г., былъ сынъ сапожника, жившаго во Владимірѣ Волинскомъ (**): онъ родился въ 1579 году (***). Чѣмъ онъ занимался до двадцатипятилѣтняго возраста, ремесломъ ли отца или чѣмъ другимъ, не знаемъ; несомнѣнно только, что въ молодости своей онъ не много посвящалъ

(*) Историческія свидѣтельства о Кунцевичѣ мы указываемъ здѣсь коротко: съ возможною полнотою мы ихъ приводимъ во 2-мъ томѣ нашихъ изслѣдованій объ Уніи.

(**) «Кто о томъ не знаетъ, что нынѣ именуемый архіепископъ полоцкій, родившійся во Владимірѣ, есть сынъ купца нѣкоего сапожника, а оттуда образовавъ себѣ фамилію шляхетскую, Кунцевичемъ (должно быть сначала называлъ себя Купцевичемъ) титулуеть себя.» Ист. Ун. Бакт.-Каменскаго стр. 72.

(***) *Stobelski* т. 2 стр. 231.

времени наукамъ, потому что образованіе его не простира-лось даѣе умѣнья читать славянскія и польскія книги (*). Не смотря на недостатокъ образованія, Кунцевичъ открылъ себѣ широкое поприще дѣятельности. Въ то время возникла унія и представилась Кунцевичу въ самыхъ свѣтлыхъ чер-тахъ. Много значило здѣсь то, что онъ родился и жилъ въ брест-ской епархіи — епархіи Поцѣя, который поражалъ многихъ безхитростныхъ людей силою своего ума, видимою искренно-стію своихъ убѣжденій и славою своихъ дѣлъ. Впечатлитель-ная душа Кунцевича, рѣдко дававшего себѣ отчетъ въ сво-ихъ чувствахъ, сильно была поражена современными успѣ-хами уніи, и онъ страстно привязался и къ уніи и къ ея знаменитому поборнику Поцѣю. Въ 1604 году Кунцевичъ является въ Вильнѣ вмѣстѣ съ Поцѣемъ, которымъ былъ постриженъ въ монашество и порученъ руководству Юсіаа Рутскаго, тогдашняго архимандрита виленскаго троиц-каго монастыря (**). Здѣсь, по свидѣтельству уніятскихъ писателей, онъ приобрѣлъ глубокое и обширное знаніе хри-стіанскаго ученія (***) . Нельзя сомнѣваться въ усердіи и природныхъ дарованіяхъ Кунцевича, но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что это изученіе, не смотря на зрѣлый возрастъ Кунцевича, было очень несамостоятельно и далеко отъ истин-наго духа христіанства. Онъ былъ подавленъ двумя велики-ми авторитетами уніи—Поцѣемъ и Рутскимъ: онъ былъ во-сторженнымъ почитателемъ обоихъ и отъ нихъ перенялъ двѣ особенности, которыя только въ человѣкѣ его характера и

(*) Glos krwie Iozaphata Kuncewicza... 1629 г. стр. 19, 20,—сочине-ніе латвискаго писателя *Birkowskiego*.

(**) *Stebelski*. т. 2 стр. 231.

(***) Glos krwie.... стр. 20.

образованія могли совмѣщаться, не возбуждая въ душѣ недоумѣній и колебаній, — отъ Поцѣя онъ перенялъ уваженіе къ остаткамъ въ униі православія, т. е. къ церковнымъ обрядамъ, а отъ Рутскаго — латинскій духъ униі, безусловное подчиненіе папѣ и единеніе съ латинянами. Одно въ особенности обстоятельство объединило въ мысляхъ Кунцевича унию и латинство и такъ настроило его душу, что онъ уже невозвратно пошелъ по тому пути, на которомъ ожидала его насильственная смерть. Въ 1609 г. Поцѣй едва не погибъ въ Вильнѣ отъ ярости раздраженнаго народа. Кунцевичъ и Рутскій (изъ-за котораго началось народное волненіе) явились глашатаями мученической славы Поцѣя, потерявшаго тогда два пальца лѣвой руки; они берегли и читали эти пальцы какъ святыню — то клали ихъ на престолѣ троицкаго монастыря, то вѣшали въ этой церкви ихъ изображеніе на серебряной дощечкѣ съ надписью изъ псалма «наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя» (*). Долго хранилось въ Кунцевичѣ сильное впечатлѣніе этого событія. Съ тѣхъ поръ онъ такъ привязался къ униі, что рѣшился служить ей интересамъ со всею горячностію души пылкой и энергической. Это настроеніе Кунцевича выразилось въ одной его особенности, о которой рассказываютъ униятскіе писатели и которая составляетъ рѣзкую черту іезуитства того времени. Онъ имѣлъ обычай ходить по улицамъ Вильно и, когда бы то ни было, убѣждать попадавшихъ ему на встрѣчу ремесленниковъ, нищихъ, стариковъ и старухъ, празднующихся, большихъ и малыхъ, идти за нимъ въ троицкій монастырь и сей-

(*) Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей статьѣ — Униятскій митрополитъ Ипатій Поцѣй, — Христ. Чт. 1860 г. Декабрь.

часть же исповѣдываться. Вначалѣ, когда Кунцевичъ еще былъ діакономъ, подобное усердіе встрѣчало то затрудненіе, что, собравъ толпу людей, согласныхъ исповѣдываться, нужно было упрашивать кого либо изъ іеромонаховъ идти исповѣдывать ее, что не всегда обходилось безъ усиленныхъ просьбъ. Вскорѣ это затрудненіе исчезло, когда Кунцевича возвели въ священный санъ. Онъ просиживалъ за исповѣдію по шести часовъ сряду. Во время путешествій онъ лишь только останавливался на постояломъ дворѣ, сейчасъ звалъ къ исповѣди всѣхъ находившихся тутъ, между которыми, естественно, бывали и не совсѣмъ трезвые. Особенно часто приходилось исповѣдываться въ подобныхъ случаяхъ содержателямъ постоялыхъ дворовъ и ихъ домашнимъ (*). Съ этимъ-то настроеніемъ, съ этою преданностію уніи Кунцевичъ вступилъ на троицкую виленскую архимандрію въ 1612 или 13 году и потомъ на полоцкую и витебскую архіепископію въ 1617 году на мѣсто Гедеона Бротьницкаго (**), который какъ видно, жилъ спокойно въ этомъ краѣ, не предъявляя сильно правъ уніи.

Въ Полоцкѣ, имѣвшемъ іезуитскую коллегію, латинство въ то время было такъ сильно, что вступленіе на тамошнюю кафедру Кунцевича не встрѣтило препятствій со стороны православныхъ. Здѣсь даже горячая, искренняя привязанность Юсафата къ уніятскимъ обрядамъ бросалась въ глаза очень рѣзко—рядомъ съ іезуитскимъ латинствомъ и многихъ ввела въ заблужденіе (***) . Нѣкоторые изъ православныхъ подумали, что онъ только видимо уніять, а въ душѣ православный, пристали къ нему, и когда разнеслась вѣсть о

(*) Glos krwie стр. 9.

(*) *Stebelski* т. 2 стр. 231.

(**) Тамъ же, т. III, стр. 297,308.

пріѣздѣ въ Литву патріарха Теофана (1620 г.), то многіе думали, что Юсафать побѣдетъ къ нему, какъ православный пастырь (*). Но въ областяхъ полоцкой епископіи, ближе къ границамъ Россіи, имѣли болѣе ясныя и точныя свѣдѣнія о новомъ епископѣ. Когда онъ поѣхалъ въ Могилевъ въ 1619 году, то могилевскіе жители заперли городскія ворота и навели на Кунцевича крѣпостныя пушки (**). Такое дѣйствіе не обошлось даромъ жителямъ Могилева. Церкви ихъ были запечатаны, священники, не признававшіе власти Кунцевича, разогнаны, и нѣкоторые изъ гражданъ попали подъ уголовный судъ. Таже участь постигла духовенство и гражданъ Орши, жители которой, вѣроятно, не болѣе были покорны уніятскому епископу (***)).

Какъ видимъ, свѣтская власть усердно дѣйствовала въ пользу Кунцевича. Уніятскому пастырю оставалось по видимому только убѣждать непокорныхъ и ничего болѣе не предлагать къ иѣрамъ гражданской власти. Кунцевичъ, какъ свидѣтельствуя уніятскіе писатели, дѣйствительно проповѣдывалъ имъ по своему разумѣнію Слово Божіе и увѣщавалъ на всѣхъ путяхъ и распутіяхъ и молился объ ихъ обращеніи въ унію. Но онъ не ограничивался этимъ: достоверно извѣстно, что онъ рѣшился силою обращать всякаго православнаго въ уніятство, пользуясь благоприятными для себя обстоятельствами (****). Онъ не оставлялъ въ покоѣ даже

(*) Supplementum Synopsi s. 2.

(**) Colloquium Lubelskie, стр. 89—90.

(***) Тамъ же, слич. Истор. уніи Бант. Камениск., стр. 70.

(****) Письмо Льва Сапѣги къ Кунцевичу—Истор. уніи Бант. Камениск., стр. 76, слич. Supplicatio do przeoświeconego i jasnie wielmożnego przeczacnej korony Polskiej y Wielk. X. Lit. oboiego stanu swieckiego y duchownego senatu w roku tym terazniejszym 1623 do Warszawy na seym wolny przybyłego. Od obywatelow koronnych y Wielk. X. Litewsk. religiiей starożyтnej greckiej... стр. 18.

мертвыхъ: въ Полоцкѣ онъ приказывалъ вырывать изъ могилъ тѣла недавно умершихъ православныхъ, очевидно тѣхъ, которыхъ считалъ своими злѣйшими врагами и отдавать на сѣденье собакамъ (*). Понятное дѣло, что ненависть православныхъ къ Кунцевичу должна была достигнуть высшей степени. Изъ самыхъ уніатовъ многіе раздѣляли мнѣніе православныхъ и отпадали отъ своего епископа. Между тѣмъ, въ 1620 году посвященъ былъ на полоцкую кафедру православный епископъ Мелетій Смотрицкій, о которомъ здѣсь скажемъ лишь то, что его тогда превозносили всѣ православные (**). Его краснорѣчивыя посланія, которымъ ничего подобнаго не могло выйти изъ устъ Кунцевича, расходились быстро по епархіи полоцкой. Жители этой епархіи, оживленные новою силою, толпами бросали унію и тѣснѣ соединялись между собою противъ поборниковъ уніи.

Иной на мѣстѣ Кунцевича палъ бы духомъ передъ такими обстоятельствами. Кунцевичъ, напротивъ, почерпалъ въ трудностяхъ борьбы новую энергію, не зналъ покоя ни днемъ ни ночью, и призывалъ всѣ власти, всѣ матеріальныя силы для подавленія своихъ противниковъ. Власти однако смутились передъ его требованіями. Къ королю, къ митрополиту Рутскому и гетману литовскому Льву Сапѣгѣ пришли самыя мрачныя извѣстія о настроеніи умовъ въ областяхъ, составлявшихъ епархію полоцкую, и сильно встревожили ихъ. Въ восточныхъ областяхъ Литвы сословія рус-

(*) Тамъ же, стр. 19.

(**) О Мелетіи Смотрицкомъ мы имѣемъ въ виду помѣстить особую статью въ ближайшихъ книжкахъ Православнаго Обзорія. Исторія православія въ юго-западныхъ областяхъ Россіи и борьба ея съ уніею и латинствою еще не изслѣдована вполне и можетъ имѣть значительный современный интересъ. Ред.

-скаго народа плотнѣе были соединены и болѣе способны къ открытому противодѣйствію. Это настроеніе сейчасъ же вызвало новое родственное себѣ сочувствіе, сочувствіе казаковъ: между жителями этихъ областей и казаками открылись сношенія и совѣщанія о мѣрахъ противъ Кунцевича (*). Вслѣдствіе извѣстій о такомъ движеніи умовъ началась поспѣшная взаимная переписка между дворомъ литовскимъ, гетманомъ Сапѣгою и митрополитомъ Рутскимъ. Рѣшились умѣрить ревность Кунцевича. Его убѣждалъ къ тому Рутскій, убѣждалъ и Левъ Сапѣга, возненавидѣвшій теперь унію за смуты, открывшіяся по всему государству. Письма того и другаго къ Кунцевичу наполнены были и религиозными и гражданскими представленіями. Сапѣга писалъ къ нему, что насиліе въ дѣлѣ вѣры противно Евангелію, противно церкви Христовой и не имѣетъ оправданія въ прижѣртѣ ни одного святаго отца, что оно противно гражданскимъ законамъ Польши, гибельно для него и по именному повелѣнію короля запрещено Кунцевичу, котораго, въ случаѣ неповиновенія, приказано силою удержать отъ преслѣдованія православныхъ (**). Но ничто не могло подѣйствовать на Кунцевича. Онъ отвѣтилъ, что спасеніе вѣрныхъ, т. е. путемъ уніи, выше всего, что передъ нимъ ничто спасеніе государства (***) , и приготовился къ новымъ подвигамъ

(*) Тамъ же письмо Льва Сапѣги, слѣд. Слѣдственное дѣло о смерти Кунцевича, напеч. въ т. III соч. *Стебельскаго*: *żywoty SS. Parascewij i Ewfigozynu*; издано было также и отдѣльно (1624 г.) подъ заглавіемъ: *Relacja o zamordowaniu.... Jozaphata Kuncsewicza*, соч. *Мороховскаго*.

(**) Письмо Льва Сапѣги напечатано въ *Магазинѣ Туманскаго* и въ *Ист. униіи Бант. Каменскаго*, стр. 77—84. Письмо Рутскаго мы имѣли случай читать въ рукописи.

(***) Отрывки изъ одного письма Кунцевича къ Сапѣгѣ приведены въ отвѣтномъ письмѣ Сапѣги, на которое мы уже ссылались. Другое цѣлое письмо Кунцевича къ Сапѣгѣ мы нашли въ *Colloq. Lubelskie*, стр. 91—95.

на пользу униі,—рѣшился ѣхать въ Витебскъ—самое неприступное мѣсто въ его епархіи.

Жители Витебска, лишь только получили грамоты Смотрицкаго, кажется еще въ 1620 году, торжественно читали ихъ повсюду, даже въ ратушѣ, и составили протестацію противъ Кунцевича. Смыслъ этой протестаціи былъ тотъ, что они не хотятъ знать униятскаго епископа и будутъ признавать своимъ епископомъ Мелетія Смотрицкаго (*). Это рѣшеніе было такъ единодушно, что въ Витебскѣ осталось слишкомъ ничтожное число униатовъ. Въ другой мѣстности такое настроеніе въ народѣ можно было бы безъ большаго труда ослабить; но здѣсь оно имѣло значительную внутреннюю силу. Населеніе въ Витебскѣ было чисто-русское. Поляковъ и вообще латинявъ почти не было; не было, слѣдовательно, орудій, посредствомъ которыхъ можно было бы поражать православныхъ. Были здѣсь, правда, въ *городъ*, т. е. крѣпости, королевскіе чиновники, но они мало имѣли власти надъ городомъ. Жители Витебска издавна пользовались такъ называемымъ магдебургскимъ правомъ, т. е. сами управляли городомъ, независимо отъ королевскихъ чиновниковъ. Ко всему этому нужно прибавить сношенія Витебска съ казаками и то случайное обстоятельство, что между городскими чиновниками было нѣсколько протестантовъ, людей вовсе не расположенныхъ вредить православнымъ на пользу униі (**). Явное, кажется, дѣло, что Кунцевичу слѣдовало бы остановиться при такомъ оборотѣ дѣла и остеречься навязывать жителямъ Витебска униятскія убѣжденія. Кунцевичъ очень хорошо зналъ настроеніе умовъ въ Витебскѣ, онъ зналъ и

(*) Слѣдственное дѣло о смерти Кунцевича.

(**) Тамъ же.

то, что оно возбуждает сильное сочувствіе въ другихъ областяхъ: въ Могилевѣ, Оршѣ, Вильнѣ и въ самомъ Полоцкѣ. Но ничто не остановило Кунцевича: отправляясь въ 1622 году въ Витебскъ, онъ рѣшился утвердить тамъ унію, во что бы то ни стало.

Сознавая несомнѣнную опасность своего дерзкаго предпріятія, Кунцевичъ на пути въ Витебскъ постоянно говорилъ о предстоящемъ ему мученичествѣ и, видно, такъ раскрашивалъ свое дѣло, что возбудилъ отвращеніе въ своей свитѣ, которая просила его оставлять этотъ предметъ по крайней мѣрѣ на время объѣда (*). Очевидное дѣло, что Кунцевичъ хотѣлъ стяжать славу Поцѣя, убитаго въ Вильнѣ 1609 г., съ тою только разницею, что разгоряченное воображеніе Кунцевича взяло рѣшительно верхъ надъ разсудкомъ, и онъ заранѣе рѣшился непремѣнно покрыть себя славою мученика, въ чемъ нельзя подозрѣвать Поцѣя. При этой фанатической рѣшимости, не имѣвшей ничего общаго съ примѣрами древнихъ христіанскихъ мучениковъ, естественно раждалось искусительное желаніе приготовить противъ себя своихъ враговъ, дѣйствовать на страсти народа, раздражать ихъ. Кунцевичъ явился въ Витебскъ не съ любовью и кротостію христіанскаго пастыря, а съ правами епископа, поддерживаемаго властію гражданскою. Не обращая никакого вниманія на раздраженіе народа, онъ вознамѣрился совершить богослуженіе во всѣхъ витебскихъ православныхъ церквахъ: онъ имѣлъ въ виду засвидѣтельствовать тѣмъ, что въ Витебскѣ повсюду существуетъ унія. Въ другихъ мѣстахъ Литвы, при подобныхъ обстоятельствахъ, обыкновенно случалось, что весь народъ бѣгалъ изъ такихъ церквей. Здѣсь случилось наоборотъ.

(*) Głos krwie... стр. 26.

Народъ къ такимъ церквамъ собирався больше, чѣмъ когда либо, только не съ молитвою въ сердцѣ и устахъ, а съ раздраженіемъ, и Кунцевичу не разъ приходилось испытывать публичныя оскорбленія. Кунцевичъ, кажется, только и ждалъ того. Немедленно составлялись акты о насиліи и оскорбленіи ему со стороны православныхъ, вносились въ городскія и градскія книги и призывалась военная сила, чтобы сдѣлать церкви доступными епископу. Церкви очищались силою отъ непокорнаго духовенства и народа, и ключи ихъ передавались Кунцевичу. Кажется, все уже было готово къ народному возстанію. Но этотъ народъ показалъ, что онъ еще можетъ терпѣть, держаться законнаго пути. Не даромъ онъ давно пользовался магдебургскимъ правомъ, которое лучше всѣхъ тогдашнихъ средствъ приучало народъ къ уваженію закона. Православные не считали себя въ правѣ отстаивать силою свои церкви, потому что онѣ находились подъ патронатствомъ короля, составляли какъ-бы собственность государственную, отнимаемую у нихъ теперь отъ имени короля. Но нельзя же было оставаться вовсе безъ церквей; поэтому православные выстроили шалаши на краю города и тамъ стали собираться на богослуженіе. Только вещей, принадлежавшихъ отнятымъ храмамъ и составлявшихъ собственность церкви, а не государства, они не дали уніатамъ и спрятали ихъ у себя, переноса изъ нихъ по временамъ, что было нужно, въ свои новоустроенные храмы. Не будемъ скрывать, что этимъ новымъ положеніемъ не всѣ были довольны. Напротивъ, многіе еще болѣе раздражались такимъ смиреніемъ, на которое осудили себя православные. Но что всего важнѣе, Кунцевичъ не оставлялъ православныхъ въ покоѣ и здѣсь. Онъ подавалъ жалобы, что при этихъ новыхъ церквахъ составляются мятежныя сходки, а между тѣмъ еще

съ бѣльшимъ усердіемъ отнималъ у православныхъ церкви въ самомъ городѣ. Въ одинъ изъ такихъ случаевъ народъ потерялъ терпѣніе и дошелъ до того, что сбросилъ въ одно мѣсто шапки, что было знакомъ конфедераціи и призыва къ насилию, и Кунцевичъ едва спасся отъ народной ярости. Послѣ того, притѣсняемые дѣйствительно начали совѣщаться объ убійствѣ неугомоннаго фанатика. Составленъ былъ такой планъ, чтобы городскія власти, члены ратуши, на которыхъ должна была пасть прежде всего отвѣтственность за волненіе, выѣхали передъ назначеннымъ днемъ изъ города. Люди же, составившіе заговоръ на жизнь Кунцевича, рѣшились, по совершеніи убійства, бѣжать къ казакамъ и поднять ихъ на защиту города, когда власти стануть преслѣдовать преступленіе. Избранъ былъ воскресный день—12 ноября 1623 года. Утромъ, около восьми часовъ, едва кончилась утренняя и Иосафатъ удалился въ свой архіерейскій домъ, какъ раздался набатъ въ колокола ратушный и церковные. Народъ сбѣжался къ архіерейскому дому, разбилъ ворота, до смерти прибилъ архіерейскую прислугу; убійцы ворвались въ комнату Иосафата и стали поражать его палками по головѣ, а одинъ изъ нихъ нанесъ ударъ топоромъ. Затѣмъ вытащили его на дворъ и, замѣчая еще признаки жизни, стали стрѣлять въ него пулями. Несомнѣнно, что совершить убійство подосланы были какіе-то неизвѣстные люди—не изъ жителей Витебска, которые хорошо знали Кунцевича; при совершеніи преступленія родилось въ нихъ недоумѣніе: дѣйствительно ли они убили Кунцевича, а не кого другаго? Недоумѣніе возбудила открытая на Кунцевичѣ власяница, которой она никакъ не предполагали на немъ. Тогда же началось разграбленіе архіерейскаго дома и погребя: это обстоятельство повело раздраженный народъ къ новымъ неистовствамъ. Мерт-

ваго Кунцевича били, таскали по улицамъ, клали на него убитую его собаку, сажались на его обезображенное тѣло даже женщины съ грудными ребенками, и пѣли пѣсни,—за тѣмъ притащили на высокую гору надъ Двиною и столкнули къ рѣкѣ; наконецъ наполнили власяницу камнями, привязали ее къ тѣлу и бросили Кунцевича въ Двину на самое глубокое мѣсто (*).

Въ январѣ 1624 г. прибыла въ Витебскъ судная комиссія съ полномочіемъ судить и казнить виновныхъ, и открыла свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ виленскаго воеводы Льва Сапѣги,— того самаго Сапѣги, который за годъ передъ тѣмъ предостерегалъ Кунцевича отъ опасныхъ послѣдствій его фанатизма. Знал Сапѣгу, какъ одного изъ безпристрастнѣйшихъ людей того времени, можно бы надѣяться, что онъ произведетъ нелицепріятное изслѣдованіе дѣла. Никто, конечно, не думалъ и не ждалъ, что будутъ оправданы убійцы и прямые ихъ участники. Преступленіе и преступники должны были понести заслуженное наказаніе. Но, безъ всякаго сомнѣнія, многіе ожидали, что будутъ строго изслѣдованы причины преступленія, что будутъ точно разграничены: убійство Кунцевича и раздраженіе народа, убійцы и народъ, выведенный изъ терпѣнія, и что такое разграниченіе не поведетъ къ оправданію лицъ, замѣшанныхъ въ преступленіи, но и не падетъ тяжестью осужденія на весь городъ, и главное, Кунцевичъ и уніа не избѣгутъ справедливаго приговора. Сапѣга дѣйствительно могъ дать такой оборотъ всему дѣлу. Но, къ сожалѣнію, обстоятельства помѣшали этому. Прежде всего, судьи еже-

(*) О всѣхъ этихъ происшествіяхъ см. *Слѣдственное дѣло о смерти Кунцевича.*

минутно ожидали нападенія казаковъ и торопились покончить скорѣе свое порученіе (*). Въ три дня они разобрали преступленіе и казнили преступниковъ. Для суда, хотя открытаго, но итѣвшаго предметомъ такое запутанное и важное дѣло, это слишкомъ малый срокъ. Выслушано было собственно только обвиненіе, направленное противъ цѣлаго города и по преимуществу противъ членовъ ратуши. На оправданіе лицъ, представленныхъ суду, мало обращено вниманія. Вопросъ о дѣйствіяхъ Кунцевича вовсе не былъ поставленъ. Въ довершеніе всего, убійцы и многіе изъ участниковъ заговора бѣжали къ казакамъ, откуда ихъ нельзя было вытребовать (**). Такимъ образомъ мы видимъ, что суду недоставало и времени для разбора дѣла и дѣйствительныхъ преступниковъ. Судъ нелицепріятный или отказался бы отъ постановленія окончательнаго рѣшенія по такому дѣлу, или призналъ бы необходимымъ смягчить наказаніе лицъ, находившихся въ его рукахъ, изъ боязни казнить выше мѣры или безвинно. Судъ по дѣлу Кунцевича пришелъ совѣмъ къ другимъ заключеніямъ. Слѣдователи явно держались той мысли, чтобы непремѣнно казнить кого-либо и казнить какъ можно строже. Конечно, такая мысль внушалась неимовѣрною жестокостію преступленія; но для суда и судей личныя впечатлѣнія не должны служить мѣрою тяжести судебныхъ приговоровъ, и витебскіе судьи во всякомъ случаѣ обязаны были соблюсти правду и безпристрастіе.

Вѣсть о смерти Кунцевича разнеслась съ необычайною быстротою. Рутскій, папскій нунцій, вся латинская и униатская партія и Сигизмундъ заговорили, какъ одинъ чело-

(*) *Stebelski*. Т. III, стр. 329.

(**) Тамъ же.

вѣкъ. «Казнить, истребить всѣхъ схизматиковъ»—такіе возгласы раздавались со всѣхъ сторонъ противъ всѣхъ православныхъ безъ различія (*). Не думаемъ, чтобы Сапѣга безъ условно поддакъ этому говору возбужденнаго общественнаго фанатизма уніатовъ, но онъ конечно признавалъ несомнѣннымъ, что если оказать малѣйшее снисхожденіе православнымъ и бросить тѣнь на унію, то исторія Кунцевича можетъ повториться во многихъ мѣстахъ и начнется всеобщее истребленіе уніатовъ, пагубное для гражданской жизни всего государства (**). Такимъ образомъ, витебское дѣло получило политическое значеніе; православные были наказаны выше мѣры, а уніаты незаконно избѣгли всякаго осужденія. Казнили смертію собственно людей прикосновенныхъ къ преступленію—большую часть членовъ ратуши и нѣкоторыхъ простыхъ гражданъ, лишили магдебургскаго права весь городъ, предоставивъ льготы однимъ уніатамъ, и наложили на всѣхъ православныхъ контрибуцію въ пользу каведры епископской и избитыхъ слугъ епископскаго дома. Справедливость требовала бы, чтобы судьи подвергли отвѣтственности и нѣкоторыхъ чиновниковъ крѣпости, потворствовавшихъ православнымъ, на что указывалось въ рѣчи адвоката Кунцевича. Особенно слѣдовало подвергнуть суду нѣкоторыхъ православныхъ шляхтичей витебской области, какъ наприимѣръ: Гурку, Киселя-Дрогичинскаго, Янушковскихъ и Котовича, на которыхъ указывалось въ обвиненіи, какъ на участниковъ въ заговорѣ противъ Кунцевича, и прежде всѣхъ слѣ-

(*) Наказъ Сигизмунда слѣдственной комиссіи, тамъ же.—Appendix ad specimen Ecclesiae Ruthenicae, —*Кульчминскаго*, стр. 222—243.

(**) Исторія Кунцевича дѣйствительно уже повторялась тогда въ Кіевѣ, гдѣ казаки убили нѣсколькихъ уніатовъ, а мысли Сапѣги можно видѣть въ его письмѣ къ Кунцевичу.

довало подвергнуть суду Мелетія Смотрицкаго, которому приписывалось въ томъ же обвиненіи первое возбужденіе народа къ волненію (*). Но все это было оставлено въ сторону.

Такой исходъ дѣла имѣлъ важныя послѣдствія. На очереди стоялъ вопросъ о возстановленіи православной іерархіи, а теперь общее мнѣніе признавало ее достойною большаго преслѣдованія, чѣмъ прежде. Таже участь преслѣдованія ожидала и всѣхъ православныхъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было уныніе православныхъ и многократные случаи обращенія ихъ въ унию. Эти случаи умножились сами собою. Судъ не касался Кунцевича: онъ оставленъ чистымъ, невиннымъ, слѣдовательно признанъ болѣе, или менѣе мученикомъ. Между приверженцами униіи началось возвеличеніе Кунцевича, и никто не могъ возвысить голоса противъ такой несправедливости. Пущено было въ ходъ все искусство іезуитовъ, чтобы окружить самовольнаго, неразумнаго фанатика яркою славой мученика. Тѣло убитаго унията вынуто было изъ Двины и поставлено въ соборной витебской церкви съ пышною торжественностію. Еще съ большею торжественностію отвезено оно въ Полоцкъ и погребено въ тамошней соборной церкви (**). Пошли рассказы о чудесахъ. Рассказывали, напримѣръ, что когда убить былъ Кунцевичъ и тѣло его лежало на площади, то надъ нимъ стало облако и виденъ былъ въ немъ свѣтъ. Рассказывали, что явившійся на Двинѣ свѣтъ указалъ мѣсто, куда было брошено тѣло Кунцевича, тогда какъ въ Витебскѣ многіе хорошо знали, куда брошено было тѣло. Рассказывали, что когда хотѣли

(*) Слѣдственное дѣло о смерти Кунцевича.

(**) *Stebelski* т. 3 примѣчанія къ слѣдств. дѣлу.

облачать въ ризы тѣло Кунцевича, то побѣжавшіе за ризами въ соборную церковь никакъ не могли отпереть сундука, въ которомъ онъ лежали: тогда взяли сундукъ и понесли къ рѣкѣ: несущіе въ торопяхъ уронили сундукъ, онъ раскрылся и оттуда выпали сосуды церковные, и будто бы все разстановились въ томъ положеніи и порядкѣ, какъ стоятъ они обыкновенно на престолѣ: это объясняли тѣмъ, что здѣсь убійцы влекли тѣло Кунцевича и на этомъ мѣстѣ осталась кровь его. Въ припадкѣ усердія читатели новаго мученика указывали, какъ на чудо, на то, что изъ Витебска далеко вышли провожать тѣло Кунцевича сами православные, протестанты, татары и евреи,—произшествіе изъ числа такихъ, въ какихъ нѣтъ недостатка при каждой уличной церемоніи, и къ которому не трудно было прибавить уніятскихъ писателямъ слезы и рыданія народа (*). Не считаемъ нужнымъ входить въ болѣе подробное разсужденіе о чудесахъ Кунцевича, которыхъ уже въ 1673 году считалось между уніятами 186. Разказы о подобныхъ чудесахъ, церковныя пѣснопѣнія, стихотворенія, проповѣди, которыми усиливались почитать и возвеличить память Кунцевича приверженцы уніи, имѣли одну цѣль — доказать святость Кунцевича и истинность уніи. Такое усиленное дѣйствованіе на воображеніе народа, въ такую трагическую минуту, когда даже враги Кунцевича способны были чувствовать состраданіе къ этой несчастной жертвѣ народнаго волненія, легко могло сопровождаться новыми успѣхами и приобрѣтеніями уніи въ ущербъ православію. Православные получили новые удары, которые были тѣмъ чувствительнѣе,

(*) Głos krwi... стр. 25, 26—27; Korona złota nad głową zranioną B. M. Iozaphata Kunczewicza.

что уніаты, толкуя по своему совращеніе православныхъ въ унію, разглашали всюду, что кровь мучениковъ всегда бываетъ плодоносна. Православные, изъ боязни новыхъ бѣдъ, уже не осмѣливались обличать открыто и свободно восторговъ и манифестацій латинянъ и уніатовъ.

М. Колловичъ.

СИВЕКИНГСКАЯ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ОБЩИНА

ВЪ ГАМБУРГЪ.

Изъ множества благотворительныхъ обществъ въ Германіи значительная часть одолжена своимъ основаніемъ и процвѣтаніемъ частнымъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна дѣятельность дѣвицы Амаліи Сивекингъ, умершей два года тому назадъ въ Гамбургѣ. Въ прошедшемъ году, по порученію «Дикаго Дома» (такъ называется гамбургское заведеніе для перевоспитанія и исправленія развращенныхъ и одичалыхъ дѣтей) составлена ея подругою подробная біографія этой «истинной сестры милосердія,—какъ называетъ ее авторъ предисловія къ книгѣ,—этой лучшей діакониссы нашего вѣка, хотя она и не носила монашеской одежды и не принадлежала ни къ какому монашескому ордену» (*). Книга эта почти автобіографія. Она составлена

(*). *Denkwürdigkeiten aus dem Leben von Amalie Siveking, etc.* съ предисловіемъ докт. Вихерна, извѣстнаго въ Германіи дѣятеля протестантской «внутренней миссіи».

на основаніи писемъ и дневниковъ дѣвицы Сивекингъ, часто съ буквальными выписками изъ нихъ. Въ нашешъ краткомъ очеркѣ мы намѣрепы познакомить читателей съ этою замѣчательной личностью. Тотъ родъ практически-религіозной дѣятельности, которою прославилась она въ Германіи и за предѣлами ея, объясняетъ одно изъ лучшихъ назначеній женщины въ христіанскомъ обществѣ.

Амалія Сивекингъ родилась въ Гамбургѣ 25 іюля 1794 года. Ея отецъ былъ сенаторомъ и принадлежалъ къ одной изъ извѣстнѣйшихъ въ началѣ нынѣшняго вѣка семей. Матери своей Амалія лишилась еще на пятомъ году отъ рожденія. Мѣсто ея заступила въ домѣ девятнадцатилѣтняя племянница отца Амаліи; она управляла хозяйствомъ и смотрѣла за дѣтьми. Но, какъ видно, она далеко не могла замѣнить для осиротѣвшихъ дѣтей ихъ матери, и дѣтство Амаліи было очень нерадостно. Она рассказываетъ, что часто плакала, сама не зная о чемъ, и не рѣдко заставляли ее въ слезахъ и другіе. Однажды на вопросъ, о чемъ она плачетъ, Амалія наивно отвѣчала: «о томъ, что меня никто не любитъ и никто не скажетъ мнѣ: милое дитя Амалія.» Такъ рано сказывалась потребность любви и сила чувства въ этой глубокой натурѣ, самоотверженно посвятившей себя въ послѣдствіи дѣламъ христіанской любви.

Первоначальное воспитаніе Амалія получила въ домѣ своего отца. Съ горячею любовію и уваженіемъ встрѣтила она своего учителя, одного кандидата богословія. Къ сожалѣнію, и здѣсь ея благородныя чувства не нашли себѣ достойнаго предмета. Кандидатъ былъ рационалистъ, вѣрный духу направленія, господствовавшаго тогда въ протестантствѣ; су-

хое, мало дѣйствовавшее на сердце преподаваніе (онъ преподавалъ географію, исторію и Законъ Божій), оттолкнуло отъ него дитя, въ которомъ пробуждена была уже не одна умственная любознательность, но, хотя смутно, сказывались и другія, высшія потребности души. Къ счастью, воспитаніе Амаліи не ограничивалось одними уроками этой ограниченной, односторонней учености. Ея братья по вечерамъ читали съ нею Одиссею Гомера, путешествія Кампе, «Друга дѣтей» Вейссе, и подобныя книги, которыя живыми образами и исполненными драматизма рассказами глубоко затрогивали впечатлительную душу маленькой слушательницы и развивали самодѣятельность ея живаго ума и воображенія. По этимъ образцамъ она, наряду съ братьями, скоро сама стала писать маленькіе поэтическіе рассказы и небольшія драматическія пьесы.

На четырнадцатомъ году Амалія лишилась отца. Онъ не оставилъ послѣ себя никакого имѣнія, и дѣти его должны были искать призрѣнія у своихъ родныхъ. Амалія сначала провела нѣсколько лѣтъ у одной воспитательницы, а на семнадцатомъ году перешла къ другой—своей родственницѣ. Въ этой, двоюродной сестрѣ своей матери, въ наступившую важную пору жизни, Амалія нашла почти матерински-нѣжную любовь и заботливость о себѣ, и въ свою очередь, до самой смерти этой достойной женщины (въ 1839 г.) оказывала ей всю внимательность и вѣрность нѣжно-любящей дочери. Здѣсь—то, подъ добрымъ вліяніемъ попечительницы, развились и обозначились первыя черты будущаго характера Амаліи.

При вступленіи въ этотъ домъ, Амалія нашла въ немъ единственнаго сына своей попечительницы лежавшимъ въ чахоткѣ. Она тотчасъ сочла своею обязанностію ходить за больнымъ и немало облегчала тяжелые для него дни сво-

ниъ чтеніемъ; заботиться объ укрѣпленіи однихъ тѣлесныхъ силъ больного ей представлялось недостаточнымъ, и притомъ было поздно: больной скоро умеръ. Но жить для себя, для удовлетворенія своихъ нуждъ и для наслажденій, не смотря на молодость лѣтъ, для Амаліи казалось слишкомъ мелкимъ и несообразнымъ съ истиннымъ достоинствомъ женщины. Нужды и потребности другихъ влекли къ себѣ ея мысли и чувства, и направляли ея дѣятельность. Она никогда не затруднялась, гдѣ найдти исходъ своимъ стремленіямъ, и самыя скромныя практическія занятія, только бы несомнѣнно полезныя, она предпочитала всякимъ безплоднымъ, хотя и невиннымъ, мечтамъ неопытной молодости. Въ домѣ ея попечительницы жила одна дѣвочка. По смерти больного, Амалія почти все свое свободное время посвятила, съ совершеннымъ безкорыстіемъ, на ея воспитаніе. Замѣтивши, что гораздо успѣшнѣе можно учить нѣсколько дѣтей вмѣстѣ, нежели заниматься отдѣльно съ однимъ, Амалія взяла у своихъ родственниковъ еще пять дѣвочекъ и на девятнадцатомъ году отъ рожденія открыла школу.

Обученіе дѣтей, особенно воспитаніе и образованіе дѣтскихъ сердець, имѣло для Амаліи особенную прелесть, и она не разставалась уже съ этою дѣятельностію до конца своей жизни. Она имѣла и особый даръ преподаванія. Каждый предметъ у ней получалъ свою жизнь, и ея уроки, занимательные при самомъ слушаніи, не оставались безъ глубокаго прочнаго слѣда въ нѣжныхъ душахъ любимыхъ ею дѣтей. Только преподаваніе одного предмета, къ сожалѣнію самаго важнаго—Закона Божія, шло сначала у Амаліи, по сознанію ея самой, не съ должнымъ усиліемъ и не въ надлежащемъ направленіи. Она нишетъ, что тогдашніе ея взгляды были рационалистическіе: она преподавала одно правоученіе,

минуя библейскую исторію, въ которой находила много для себя непонятнаго. Предъ конфирмаціей своихъ воспитанницъ она передавала имъ церковное вѣроученіе, и откровенно выражала свои религіозныя сомнѣнія, прося своихъ слушательницъ не обращать вниманія на ея личныя взгляды. Но не долго продолжалось въ душѣ Амаліи такое настроеніе — слѣдствіе ея первоначальнаго воспитанія подѣ влияніемъ кандидата рационалиста. Она отличалась строгою добросовѣстностію, внимательно слѣдила за собою и старалась хранить чистоту своей души, бороться противъ каждаго недобраго движенія своихъ мыслей и чувствъ. Въ особенности боролась она противъ честолюбія, къ которому склонна была ея даровитая натура, и которое она считала главнымъ внутреннимъ врагомъ своимъ. Такая искренность въ жизни, постоянное стремленіе повѣрять свои помыслы и поступки, жажда истиннаго мира душевнаго, — все это привело ее къ болѣе глубокому пониманію христіанства, не смотря на печальное положеніе протестантскаго богословія въ то время. Не мало способствовала Амаліи въ этой пережѣпѣ къ лучшему и ея дѣятельность въ школѣ, живыя сношенія съ людьми, въ которыхъ она, при своей внимательности, нерѣдко наглядно примѣчала непосредственныя, чистыя и возвышенныя проявленія человѣческой души. Потому-то, окончивши воспитаніе первыхъ шести ученицъ своихъ и начавши слѣдующій курсъ, Амалія, по собственнымъ словамъ ея, почувствовала нужду преподавать Законъ Божій въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и въ болѣе правильномъ направленіи. «Въ это время», пишетъ она, «по совѣту Томы Кемпійскаго (*),

(*) Этому западному писателю XV вѣка приписываютъ извѣстное назидательное сочиненіе - *De imitatione Christi* - (о подражаніи Христу). Послѣ

я взялась за Библию и искала объясненій на нее. Принималась за все, какія попадались; но къ сожалѣнію, это все были сочиненія, написанныя въ духѣ рационалистическомъ. Наконецъ мнѣ попало въ руки разсужденіе Франке (*); въ немъ предписывалось мѣста Библии слыхать одно съ другимъ, а главное—все прочитанное въ ней сопровождать молитвою и обращать въ наставленіе себѣ. Тогда я отложила все книги, кромѣ Библии, стала заниматься ею одною, и Господь не оставилъ меня.... Съ грустію замѣчаетъ при этомъ Амалия, что пріобрѣтенныя ею теперь убѣжденія не раздѣлялись другими въ ея ближайшемъ кругу. Это давало ей чувствовать, что ея убѣжденія нуждались еще въ укрѣпленіи и въ большемъ проясненіи. И, можетъ-быть, не скоро достигла бы ея душа вождѣльнаго успокоенія въ вѣрѣ, предоставленная самой себѣ; но Амалия встрѣтилась съ однимъ другомъ и товарищемъ своего покойнаго брата, назначившимъ себя въ духовное званіе. Въ немъ нашла она чело-вѣчка, прилежно и серьезно изучавшаго Священное Писаніе, и его объясненія пролили для ней новый свѣтъ на затруднявшіе ее дотоле важнѣйшіе догматы христіанства. «Теперь, съ чувствомъ пишетъ она въ своемъ дневникѣ, я опять достигла твердой и дѣтски-сердечной вѣры въ утѣши-

Библии ни одна книга не издавалась такъ много разъ, какъ эта (всчитываютъ до 3000 изданій ея) и ни одна не переведена на столько языковъ Европы и даже другихъ частей свѣта. На русскій языкъ она неоднократно была переводима въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи; болѣе извѣстные русскіе переводы—Я. Уткина и гр. М. М. Сперанскаго.

(*) Франке (ум. 1727 г.), профессоръ богословія въ Галле, одинъ изъ представителей піетизма—реакціи противъ разсудочнаго, схоластическаго протестантскаго богословія XVII вѣка въ пользу сердечнаго и практическаго усвоенія христіанства.

тельное ученіе объ искупленіи. Боже мой! Ты слишкомъ милостивъ ко мнѣ! Ты привлекаешь меня къ себѣ Своєю благостію, а я такъ часто легкомысленно удаляюсь отъ Тебя!— О, какъ любезна и дорога сердцу эта вѣра! Да, я думаю, что она въ душѣ моей будетъ болѣе и болѣе крѣпнута и и еще лучше откроется для меня силою Божіею во спасеніе.» Въ 1822 году, когда нѣкоторые ученицы Амаліи получили конфирмацію, она писала къ одной своей подругѣ: «не повѣришь ты, съ какою любовію смотрю я теперь на моихъ воспитанницъ, когда подумаю съ вѣрою, что онѣ тѣсно соединены съ своимъ Спасителемъ, и что Онъ Своєю благодатію можетъ еще ближе привлечь ихъ къ себѣ.»— Старшимъ ученицамъ своимъ Амалія давала по уроку въ недѣлю и послѣ конфирмаціи. Она объясняла имъ Священное Писаніе, руководствуясь довольно уже богатымъ запасомъ собственной опытности и стараясь прииѣнять свои уроки къ нуждамъ и обязанностямъ практической жизни. Не оставляла Амалія своимъ вниманіемъ и совѣтами воспитанницъ своихъ и по вступленіи ихъ въ свѣтъ; она находилась съ ними въ живыхъ сношеніяхъ, полныхъ искренней любви и разумности. Что касается до библейскихъ уроковъ, то Амалія не поколебалась издать ихъ въ свѣтъ, не боясь осужденій строгой нѣмецкой критики, водившейся рационалистическими началами; она думала только о томъ, чтобы принести хотя небольшую духовную пользу и за стѣнами своей скромной школы. Въ 1822 году вышло ея небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Размышленія на нѣкоторыя мѣста Священнаго Писанія» (*Betrachtungen ueber eizelne Abschnitte der Heiligen Schrift*). И конечно этотъ скромный трудъ духовной писательницы (явленіе, къ сожалѣнію, рѣдкое), плодъ серьезныхъ исканій истины и оправданныхъ уже жизнію

глубокихъ убѣжденій, для многихъ душъ принесъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ иныя многотомныя и многоученыя, но сухія и безжизненныя писанія спеціалистовъ-богослововъ. Онъ встрѣтилъ вообще сочувственный пріемъ, и въ 1826 году Амалія издала вторую часть этого сочиненія.

Благотворную дѣятельность свою между молодымъ поколѣніемъ своего пола Амалія не прерывала, какъ мы уже замѣтили, до самой своей смерти. Уже въ 1854 г. она начинала свой шестой курсъ съ пятнадцатью дѣвочками. Ученицъ она брала большею частію изъ близкихъ ей семействъ зажиточнаго класса; но въ Гамбургѣ вообще считалось завиднымъ преимуществомъ для дитяти, если оно посѣщало школу Амаліи. Сами родители просили ее о принятіи своихъ дѣтей въ ея школу, и замѣчательно—между ними были такіе, которые не раздѣляли религіозныхъ убѣжденій Амаліи. Когда она обращала вниманіе этихъ лицъ на такое важное обстоятельство, то они говорили ей въ отвѣтъ, что хотя сами и не могутъ вѣровать такъ, какъ она, но считаютъ такую вѣру за счастье и желали бы, чтобы дѣти ихъ могли имѣть ее.

Амалія твердо хранила въ себѣ «драгоценную» ей вѣру, казавшуюся «счастьемъ» для самыхъ невѣровавшихъ, и эта вѣра въ свою очередь хранила и укрѣпляла ея возвышенный нравственный характеръ. Какъ ни велики были жертвы, которыя стояли ей неутомимыя занятія по воспитанію дѣтей, она никогда не брала за это платы, и считала себя достаточно вознагражденною, когда замѣчала пользу отъ своихъ трудовъ и любовь къ себѣ своихъ ученицъ. Между тѣмъ она вовсе не была богата. Хотя у ней были зажиточные родственники и дружескія связи съ значительнѣйшими фамиліями богатаго Гамбурга, однакожъ она считала до-

статочнымъ для себя пользоваться доходомъ съ одного небольшого, доставшагося ей, ииѣнія; имъ однимъ по смерти своей попечительницы она покрывала всѣ свои издержки. Для ней нужно было весьма немногое, при простомъ образѣ ея жизни. Она презирала всякую роскошь и изысканность въ домашней обстановкѣ, въ платьѣ, въ пищѣ, и довольствовалась удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей. Она не хотѣла принимать помощи брата, который въ Англіи велъ значительные торговые обороты и убѣдительно просилъ ее избрать болѣе удобную и пріятную жизнь. Амалія однажды написала ему въ отвѣтъ, что держится словъ Платона: «ни въ чемъ не нуждаться свойственно Божеству: имѣть небольшія потребности значить приближаться къ Божеству.» Иногда только она принимала подарки отъ своихъ родственниковъ и друзей, и говорила по этому поводу, что для нея лучше имѣть богатыхъ друзей, нежели самой быть богатою. Владѣвшій большимъ ииѣніемъ, братъ Амаліи очень беспокоился о трудахъ, какихъ ей стоили ея путешествія по обширному городу и за городъ, иногда довольно далекія. Онъ прислалъ ей денегъ на наемъ кареты; но ему удалось заставить ее взять эти деньги только тѣмъ, что при самой присылкѣ ихъ онъ объявилъ: «если ты употребишь эти деньги для себя, то я пришлю тебѣ еще—для бѣдныхъ.» Она, замѣчаетъ біографъ, слѣдуя апостолу Павлу, старалась поставлять славу свою въ томъ, чтобы облегчать другихъ, а не тяготить ихъ собою и твердо помнила переданное имъ изреченіе: «благо есть паче даяти, неже пріимати.»

Высокій нравственный характеръ Амаліи много способствовалъ и успѣхамъ ея преподаванія, возбуждая къ ней непритворное уваженіе впечатлительныхъ и особенно чув-

нихъ въ этомъ отношеніи дѣтей, и придавая особенную увлекательность и силу ея словамъ, поясняемымъ и подтверждаемымъ ея собственною жизнію. Но стремленіе благотворить, жить не для себя, а для другихъ, въ сердцѣ Аналіи не долго могло удовлетворяться тѣсными кругомъ ея дѣятельности между нѣсколькими ученицами. Уже въ то время, когда Аналія начинала свою школьную дѣятельность, въ ея душѣ носился другой идеалъ дѣятельной любви, осуществленіе котораго сдѣлало въ послѣдствіи жизнь ея еще болѣе полною, а ея имя болѣе извѣстнымъ. Это—основаніе женской общины для попеченія о бѣдныхъ и больныхъ.

Мысль о благотворительной женской общинѣ представлялась Аналіи сначала въ видѣ женскаго ордена, по образцу ордена «сестеръ милосердія» въ римско-католической церкви. Все, что приходилось ей слышать и читать объ основателѣ этого ордена, возбуждало въ ней живѣйшее желаніе основать что-нибудь подобное и въ евангелической церкви (*). У ней было

(*) Орденъ сестеръ милосердія (*filles de charité*) основалъ въ 1618 г. Венсанъ-де-Поль (*Vincent-de-Paule*). Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей; по окончаніи своего ученія былъ взятъ въ плѣнъ морскими разбойниками, и въ плѣну снова обратился къ христіанству ренегата, которому достался въ рабы; за тѣмъ, съ изумительною неутомимостію, въ званіи священника въ Шатильонѣ, трудился онъ для «внутренней миссіи»; въ этихъ трудахъ, которыхъ великіе успѣхи только увеличивали его глубокое смиреніе, оказывала ему большое пособіе графская фамилія Гонди (*Gondy*). Кромѣ ордена сестеръ милосердія,—неутомимыхъ и самоотверженныхъ попечительницъ о больныхъ по всей Франціи,—онъ основалъ еще (въ 1627 г.) орденъ священниковъ миссій, иначе называвшихся *лазаристами*, которые путешествовали по всей странѣ для оказанія больнымъ духовной и тѣлесной помощи. По смерти графини Гонди, онъ избралъ въ начальницы ордена сестеръ милосердія отличавшуюся многими достоинствами вдову Луизу ле-Гра (*le Gras*). Венсанъ-де-Поль умеръ въ 1660 г. и чрезъ нѣсколько времени римско-католическою церковію былъ канонизованъ.

на глазахъ много больныхъ и бѣдныхъ, которымъ помощь подобной общины была бы драгоцѣннѣйшимъ благодѣяніемъ; ея участіе сильно привлекало также положеніе многихъ одинокихъ женщинъ, не имѣвшихъ въ своихъ семействахъ опредѣленнаго значенія. Онѣ большею частію, не имѣя цѣли въ жизни, вели жизнь праздную,—чрезъ принятіе въ общину онѣ могли быть извлечены изъ этого грустнаго положенія и стать полезными членами общества. Но скромная, чуждая самонадѣянности, проникнутая идеей благотворительной общины, Амалія долго никому не говорила о своихъ планахъ. Уже въ 1823 году одинъ профессоръ, которому случилось быть съ нею вмѣстѣ въ гостяхъ, между прочимъ, сталъ говорить, что ей слѣдовало бы расширить кругъ своей дѣятельности и учредить общину сестеръ милосердія. Амалія услышала такую рѣчь, которая прямо касалась ея лучшихъ завѣтныхъ желаній. Съ этой поры она рѣшилась серьезно подумать объ ихъ осуществленіи и стала понемногу открывать свои мысли своимъ ближайшимъ роднымъ. Но попечительница Амаліи была еще жива, и при ея жизни ей затруднительно было посвятить себя такой исключительной, самостоятельной дѣятельности. Этотъ вопросъ возникъ прежде всего въ ея совѣсти, и она старалась выяснить себѣ свое призваніе. «Будете ли вы, пишетъ она въ своемъ дневникѣ, порицать чело-вѣка, принадлежащаго къ духовному званію, который оставляетъ свою престарѣлую мать, чтобы предпринять отдаленное путешествіе для своей паствы? Станете ли вы осуждать дочь, хотя бы она была единственная у своихъ родителей, если она оставляетъ ихъ домъ, чтобы соединиться съ любимымъ чело-вѣкомъ, который быть-можетъ повезетъ ее въ далекія страны? А неужели то призваніе, которое я чувствую въ душѣ, менѣе свято, нежели призваніе духовнаго лица или

призваніе супруги? Нужно замѣтить, что Амалія дѣйствительно любила свою добрую попечительницу самою искреннею любовію единственной дочери. Для болѣе успѣшнаго и безпрепятственнаго служенія своему призванію, Амалія обрекла себя на жизнь безбрачную.

Въ слѣдующемъ году Амалія познакомилась съ Іоанномъ Геснеромъ, человѣкомъ вѣрующимъ и благочестивымъ, и сообщила ему, какъ она думаетъ распорядиться своею будущностію. Онъ одобрилъ ея планы, радовался, что Господь внушилъ ей такія намѣренія и совѣтовалъ прибѣгать къ молитвѣ, чтобы укрѣпить въ себѣ духъ самоотверженія и любви. Простая съ нимъ, Амалія получила отъ него благословеніе на свое будущее служеніе и произнесла предъ нимъ обѣтъ быть вѣрною свободно-избранному подвигу. Въ то же время она написала для предполагаемой общины уставъ, раздѣленный на 69 членовъ. Геснеръ одобрилъ уставъ.

Въ 1830 г. Амалія, состоявшая въ перепискѣ съ извѣстнымъ барономъ фонъ-Штейномъ, съ удовольствіемъ узнала о томъ сочувствіи, съ которымъ принялъ ея предпріятіе этотъ государственный человѣкъ. Онъ совѣтовалъ ей взять въ образецъ домъ сестеръ милосердія въ Нанси и далъ ей рекомендательныя письма къ его настоятелямъ. Но лѣтомъ 1831 г. появилась въ Европѣ холера, и дѣятельность Амаліи, прежде осуществленія мысли о благотворительной общинѣ, неожиданно получила новое направленіе. Уныніе господствовало всюду, куда ни появлялась ужасная болѣзнь, дотогѣ неизвѣстная: каждый боялся прикосновенія, даже одного приближенія больного, какъ заразы. Но Амалія рѣшилась посвятить себя попеченію объ этихъ несчастныхъ, почти всѣмъ отверженныхъ, больныхъ. Испросивши согласіе своей попечительницы, она предложила свои услуги начальству

больницы, вповь учрежденной для больных холерою. Здѣсь провела она восемь недѣль въ совершенномъ удаленіи отъ родныхъ и только по временамъ посылала имъ небольшія письма съ извѣстіями о себѣ. Врачи сначала приняли Амалію съ предубѣжденіемъ, какъ восторженную мечтательницу, но скоро благоразуміе ея и самоотверженіе пріобрѣли ей глубокое уваженіе. Ей поручили надзоръ надъ всею прислугою мужскою и женскою, и съ величайшимъ усердіемъ стали выполнять ея распоряженія и предложенія до малѣйшихъ подробностей. Не смотря на трудную дѣятельность, которой посвятила себя Амалія, не смотря на образъ жизни, который ни днемъ, ни ночью не давалъ ей покоя, не смотря на потрясающія сцены, нерѣдко происходившія въ ея глазахъ при постеляхъ больныхъ, Амалія въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ была здорова и неутомимо служила больнымъ и умирающимъ. И однакожь часто получала она изъ города письма и отзывы, въ которыхъ ее осуждали. «Это порицаніе, говорила она сама, было чувствительно для меня, потому что, хотя я имѣла въ виду славу Божию больше всего, но не могу не сознаться, что мои чистые помыслы смущало то всеобщее изумленіе, съ какимъ встрѣчали люди мое самоотверженіе. И вотъ теперь люди говорятъ: Амалія мечтаетъ совершить что-то необыкновенное и безразсудно дѣлается вольною мученицей,—такія порицанія очень для меня спасительны.»

Когда холера прекратилась, Амалія оставила больницу и носѣвшила къ роднымъ. Уваженіе и любовь сопровождали ее, и во мнѣніи цѣлаго роднаго города произошелъ совершенный переворотъ въ ея пользу.

Перемена общественнаго мнѣнія ободрила Амалію, а опыты ухода за больными еще болѣе укрѣпили въ ней довѣріе

къ своему призванію. Она предприняла теперь осуществленіе новаго благотворительнаго плана, который съ самаго начала казался ей болѣе удобоисполнимъ, чѣмъ учрежденіе женскаго ордена,—это планъ женской общины для попеченія о бѣдныхъ и больныхъ. Цѣлію общины Амалія поставляла «частое и правильное посѣщеніе бѣдныхъ больныхъ въ ихъ жилищахъ, по возможности точное разузнаваніе объ ихъ положеніи, наблюденіе за порядкомъ и чистотою въ ихъ жилищахъ, словомъ все, въ чемъ можно оказать имъ помощь духовную и матеріальную.»

Главное затрудненіе въ исполненіи такого плана представляла трудность найти способныхъ помощницъ. «Прежде всего, пишетъ Амалія, уже кругъ тѣхъ лицъ, которыхъ я считаю способными для этого, очень невеликъ, хотя кромѣ здраваго человѣческаго смысла, нѣкоторой степени гражданскаго мужества и небольшой способности къ хозяйству, требуется здѣсь только живая христіанская вѣра: она, по моему убѣжденію, есть единственный источникъ, изъ котораго можетъ проистекать прочное, благословенное содѣйствіе нуждающимся въ помощи. Но и съ такими умѣренными требованіями я получала множество отказовъ въ кругу женщинъ. Одна считала себя слишкомъ связанною домашними обстоятельствами, другая боялась несогласія своего семейства, третья пугалась трудности самаго предпріятія.» Тогда Амалія обратилась къ женщинамъ средняго сословія и болѣе успѣла. Но она вскорѣ нашла, что «лучшее образованіе обыкновенно производитъ и болѣе здравый образъ мыслей, а его-то часто и не достаетъ въ среднемъ сословіи», и съ этихъ поръ всегда старалась въ своей общинѣ имѣть женщинъ изъ обоихъ классовъ, такъ что въ этомъ соединеніи различныхъ состояній на служеніе одному высокому

дѣлу любви къ ближнимъ представлялся ей вѣрный образъ христіанскаго общества.

Въ основаніе дѣятельности общины положено было «личное обращеніе съ бѣдными и исполненіе дѣлъ любви во имя евыры.» Вскорѣ Амалія имѣла удовольствіе насчитать въ своей общинѣ тринадцать членовъ, которые повѣли, что въ личномъ посѣщеніи пристанищъ бѣдности дѣйствительно заключается великое благодѣяніе какъ для *мысль самихъ*, такъ и для бѣдныхъ и больныхъ, для которыхъ сдѣланныя такимъ образомъ небольшія вспоможенія и облегченія кажутся большимъ благодѣяніемъ, чѣмъ богатые пособія, которыя оказываютъ имъ другіе, не испытывшіе сами нужды бѣдности.» «Если бѣдные, говоритъ она далѣе, часто принимаютъ вспоможеніе отъ правительства безъ благодарности къ нему, какъ должную дань, часто даже съ ропотомъ на недостаточность пособія, — то напротивъ мы, приближаясь къ нимъ съ любовью, часто видимъ себя съ избыткомъ награжденными ихъ благодарными слезами и влияніемъ на ихъ нравственную и религіозную жизнь.»

Въ 1832 году заведеніе Амаліи получило прочное основаніе подъ именемъ «женской общины для попеченія о бѣдныхъ и больныхъ» (*weiblicher Verein für Armen-und Krankenpflege*). Впослѣдствіи эта община, сдѣлавшись весьма многочисленною, раздѣлилась на нѣсколько отдѣленій; онѣ занимались своимъ дѣломъ въ различныхъ частяхъ города, но члены каждой части еженедѣльно собирались, взаимно отдавали отчетъ въ своихъ посѣщеніяхъ и объясняли тѣ потребности, которыя они замѣчали въ осматрѣнныхъ семействахъ. Каждый членъ велъ журналъ и одна дама во время засѣданій писала протоколъ о сообщенныхъ извѣстіяхъ, совѣтахъ и рѣшеніяхъ. Эта формальность въ веденіи

дѣль предостерегала общину отъ ослабленія дѣятельности, что нерѣдко бываетъ удѣломъ подобныхъ обществъ, какъ скоро каждый членъ ихъ не даетъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Члены общины при своихъ посѣщеніяхъ обращали вниманіе не на матеріальныя только потребности бѣдныхъ и больныхъ, но и на нравственныя, напримѣръ, приносили имъ полезныя для чтенія книги и т. п.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности правилъ «общины» и представимъ для примѣра извлеченія изъ отчета ея за 1840 годъ.

Матеріальныя вспоможенія, по уставу сивекингской общины, дѣлаются вообще не наличными деньгами, а натурою, за исключеніемъ задѣльной платы за работу самихъ бѣдныхъ. Право на вспоможеніе общества имѣютъ преимущественно люди честнаго поведенія, обѣднѣвшіе отъ болѣзни и другихъ несчастныхъ случаевъ, и потому оно принимаетъ ихъ подъ свой покровъ только по свидѣтельству людей почтенныхъ и въ слѣдствіе собственнаго своего удостовѣренія. Достаточные благотворители могутъ поручать попеченію общества бѣдныя семейства, внося за то въ годъ десять талеровъ. Здоровые бѣдные люди получаютъ отъ общества не милостыню, а возможность приобрѣтать себѣ пропитаніе собственными трудами; ихъ заставляютъ работать на членовъ общества, на другихъ бѣдныхъ, въ лавки и магазины и пр. Духовное пособіе получаютъ бѣдные въ совѣтахъ и увѣщаніяхъ, въ возбужденіи въ нихъ душахъ истинной любви къ ближнему, въ удаленіи отъ безвѣрія и отчаянія, въ поощреніи ихъ къ чтенію Священнаго Писанія, къ посѣщенію храмовъ Божіихъ, и вообще къ исполненію обязанностей христіанскихъ. Члены общества посѣщаютъ бѣдныхъ непремѣнно однажды въ недѣлю, трудно больныхъ по два раза, иногда и чаще. Журналъ объ

этихъ посѣщеніяхъ члены ведутъ по установленной формѣ: сообщаютъ свѣдѣнія о жизни, дѣйствіяхъ и душевномъ состояніи бѣднаго. Посѣщенія извѣстнаго семейства представлены не одному и тому же члену: каждое семейство посѣщается попеременно тремя членами,—въ случаѣ необходимости двукратнаго посѣщенія, шестерыми; дамы передаютъ другъ другу журналъ своихъ посѣщеній, и присоединяютъ къ тому изустныя замѣчанія. Предсѣдательница надзираетъ за этими дѣйствіями и сама должна посѣщать всѣхъ бѣдныхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи общества. Кромѣ еженедѣльной конференціи, ежегодно бываетъ общее публичное собраніе, въ которомъ предсѣдательница даетъ всѣмъ благотворителямъ и сореователямъ общества подробный отчетъ въ его дѣйствіяхъ.—Доходы общества состоятъ изъ добровольныхъ ежегодныхъ приношеній, изъ единовременныхъ пожертвованій, изъ сборовъ при лоттерейхъ, изъ продажи сдѣланныхъ бѣдными вещей, изъ суммъ, завѣщанныхъ умершими благотворителями, изъ кружечнаго сбора, изъ выручки за продаваемыя обществомъ книги и пр.

Въ маѣ 1839 года записаны были въ реэстрахъ общества сто тридцать пять семействъ; изъ нихъ въ теченіе года было тридцать, а именно: шесть оказались недостойными пособій общества, одиннадцать выписаны по смертнымъ случаямъ, и тринадцать по прекращенію ихъ крайней бѣдности. Съ мая 1839 по май 1840 года принято вновь сорокъ семь семействъ; изъ нихъ, въ теченіе года, тридцать шесть остались на попеченіи общества, одно исключено за проступки, пять по смертнымъ случаямъ, и пять по прекращенію ихъ бѣдности. На 1841 годъ оставалось сто сорокъ одно семейство. За пять внесены деньги посторонними благотворителями, остальные должны были содержаться на счетъ обще-

ства. Въ 1839 году исполнена была въ пользу общества большая ораторія, при чемъ собрано 2,700 марокъ (до 3,500 руб. ассиг.). Всего въ теченіе года было собрано до 11,500 марокъ. Изъ нихъ члены получили для раздачи бѣднымъ, по своему усмотрѣнію, 650 марокъ; на пищу бѣднымъ употреблено 350 мар.; на одежду 230 м.; на дрова 350 м.; и въ уплату за работы, произведенныя бѣдными, выдано 5,800 марокъ. Такимъ образомъ большая часть расхода (составлявшаго въ цѣломъ около 8000 марокъ) употреблена на вознагражденіе людей бѣдныхъ за исполненныя ими работы, а издѣлія ихъ употреблены въ пользу бѣдныхъ же; 2,225 марокъ заплачены въ томъ числѣ не за собственныя издѣлія, а за прислугу больнымъ, за стирку бѣлья, и т. д.

Дѣла любви христіанской, въ которыхъ такъ неутомимо и такъ успѣшно трудилась Амалія, скоро нашли себѣ общее сочувствіе въ Германіи. Немного спустя послѣ основанія сивекингской общины, нѣкоторые пасторы другаго ганзейскаго города Бремена весьма усердно просили Амалію дать лично совѣтъ женщинамъ, желавшимъ тоже основать подобную общину. Она послѣдовала этому зову, и въ Бременѣ, предъ собраніемъ 300 дамъ, въ присутствіи многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, изложила образъ своей дѣятельности и свои наблюденія; рѣчь ея подѣйствовала на слушателей и имѣла слѣдствіемъ учрежденіе тамъ подобной же общины. Въ послѣдствіи Амалія получила такія же предложенія отъ дамъ франкфуртскихъ и гельдейбергскихъ. Въ 1842 году, когда Гамбургъ былъ опустошенъ страшнымъ пожаромъ и для сивекингской общины потребовались чрезвычайныя вспоможенія, онѣ потекли сюда изъ всѣхъ городовъ Германіи отъ женскихъ общинъ; всѣ онѣ или учреждались по образцу гамбургской, или по крайней мѣрѣ считали ее лучшею

представительницею общей имъ благотворительной дѣятельности.

Кромѣ женской общины для попеченія о бѣдныхъ и больныхъ, Амалія основала еще заведеніе, извѣстное подъ ея именемъ (Amalienstift), которое явилось особенно благотѣтельнымъ въ бѣдственное для Гамбурга время. Это—домъ, построенный ею для бѣдныхъ на общія пожертванія и доставлявшій здоровое жилище двадцати бѣднымъ людямъ. Построенный не задолго до пожара, онъ къ счастью остался не поврежденнымъ и служилъ во время бѣдствія временнымъ помѣщеніемъ для двухъ сотъ человѣкъ, лишившихся крова. Это заведеніе, очевидно, находилось въ тѣсной связи съ дѣятельностію основанной Амаліею общины. Самая община, по первоначальному плану основательницы, должна была служить только переходомъ къ осуществленію ея любимой идеи объ учрежденіи общества *сестеръ милосердія* (barmherzige Schwesternschaft), но скоро она увидѣла, что и въ настоящемъ своемъ видѣ, при правильно организованной и неутомимой дѣятельности, эта община можетъ быть не менѣе полезна. Въ 1837 году дѣйствительно появилось такое женское общество, какое желала видѣть Амалія,—общество діакониссъ, учрежденное пасторомъ Флинднеромъ, и Амалія предлагали здѣсь мѣсто настоятельницы но положеніе ея въ Гамбургѣ было такъ важно, что она уже не рѣшилась оставить своихъ занятій въ родномъ городѣ. По тому же самому послѣ она отказалась и отъ другаго еще болѣе почетнаго предложенія — быть настоятельницею учрежденія, основаннаго въ Берлинѣ прусскою королевою подъ именемъ *Виваніи* (Bethanienstift).

Заслуженная извѣстность Амаліи распространялась болѣе и болѣе. Многіе изъ передовыхъ людей времени, отличавшіеся

гуманными стремленіями, равно какъ лица коронованныя вступали съ нею въ сношенія. Королева прусская переписывалась съ нею. Между датскою королевою и Амаліею была искренняя христіанская дружба, которая поддерживалась частою перепискою и личными свиданіями; Амалія неразъ посѣщала свою царственную почитательницу, по ея просьбѣ, въ ея загородномъ замкѣ близъ Копенгагена.

Эти связи съ различными вліятельными лицами духовными и свѣтскими никогда однакожъ не препятствовали Амаліи по прежнему заботиться о бѣдныхъ, учить дѣтей и ничего не перемѣнили въ ея простомъ и самоотверженномъ образѣ жизни. Въ одномъ изъ своихъ писемъ она такъ описываетъ свои обыкновенныя ежедневныя занятія: «въ пять часовъ я встаю и почти до шести работаю для дѣтей, и за самымъ завтракомъ не прекращаю своей работы. Въ шесть иду въ городъ (она тогда жила на дачѣ съ своею попечительницею), прихожу въ городской домъ около четверти осьмага. Здѣсь уже дожидаются меня бѣдные и тѣ, которые хотятъ со мною говорить, иногда человѣкъ до двадцати. Это продолжается почти до 9-ти часовъ, потомъ я иду въ нашъ домъ, просматриваю оставленные здѣсь билеты и т. п., немного приготавлиюсь къ уроку, и если остается время до него, иду къ врачу бѣдныхъ, къ попечителю, или къ самимъ бѣднымъ. Въ 10 часовъ собираются ко мнѣ малютки мои и остаются почти до 2-хъ. Въ половинѣ третьяго иду я въ нашу школу (Freischule) и до четырехъ преподаю Законъ Божій. Затѣмъ время до пяти часовъ употребляю или на прогулку, или на письменныя работы для общины. Въ 5 часовъ ко мнѣ собираются прежнія ученицы, и я даю имъ урокъ изъ Библіи; потомъ пьемъ чай и разговариваемъ, подъ конецъ я обыкновенно сообщаю имъ какія-нибудь интересныя свѣдѣнія изъ

области литературы и т. п. Въ 8 часовъ мы расходимся. Между тѣмъ ко мнѣ поступаютъ донесенія о посѣщеніяхъ которыя дѣлали дамы общины. Я должна просмотрѣть эти донесенія, числомъ далеко за сто, нѣкоторыя изъ нихъ отиѣтить, назначить новыя посѣщенія. Этою работою занимаюсь я, доколѣ могу вынести; впрочемъ до сна не успѣваю ее окончить». Такъ проводила время Амалия въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Эта «слабая», женщина имѣла силу и умѣла управлять своими сложными занятіями такъ, что ни одно изъ нихъ не служило въ ущербъ другому, она съ любовію предавалась каждому. Это объясняется многостороннею натурою Амалии, рѣдкий сочетаніемъ глубокаго чувства съ свѣтлымъ умомъ и энергическою волею, а за тѣмъ серьезнымъ образованіемъ, въ которомъ гармонически соединились и элементы общаго гуманическаго развитія и начала христіанскія, глубоко ею усвоенныя.

Не смотря на такой трудный образъ жизни, Амалия почти всегда была здорова; только въ послѣдніе два года силы ея начали ослабѣвать и въ ней стала развиваться легочная чахотка. Послѣ непродолжительныхъ тяжелыхъ приступовъ болѣзни, она скончалась 1 Апрѣля 1859 г., скончалась тихо, на рукахъ одной изъ прежнихъ любимыхъ своихъ ученицъ. Предъ кончиною она выразила желаніе, чтобы ея погребеніе совершено было какъ можно бѣднѣе: она по опыту знала, какъ часто люди недостаточные смущаются своею бѣдностію при погребеніи близкихъ, и своими похоронами хотѣла по смерти доставить утѣшеніе бѣднымъ. Она была положена въ простой гробъ, сбитый изъ однихъ черныхъ досокъ, и 5 апрѣля погребена на кладбищѣ прихода Горнъ. Но сюда скоро стеклась огромная толпа друзей и почитателей Амалии, богатыхъ и бѣдныхъ, и гробъ ея тотъ-

часть былъ засыпанъ цвѣтами и вѣнками. Рѣчь надъ нимъ, глубоко тронувшую всѣхъ, произнесъ пасторъ Р., другъ ея покойнаго брата. Потомъ восемь человекъ изъ «Дикаго Дома», въ предшествіи хора и дѣтей, понесли гробъ въ фамильную усыпательницу сяндика Сивекинъ, при пѣніи «Христось—моя жизнь»... всѣ прижнулись къ погребальной процессіи. «Весеннее небо, говоритъ біографія, кое-гдѣ покрытое легкими облаками, кротко свѣтлѣло надъ елями могильнаго холма, и воздухъ былъ наполненъ радостнымъ утреннимъ пѣніемъ своихъ обитателей. Пасторъ изъ прихода Гашъ близъ Горна прочиталъ на могилѣ разрѣшительную молитву и *при звукахъ «славословія» Бортианскаго*, гробъ былъ опущенъ въ могилу. Тогда друзья и знакомые, старые и молодые, члены общины и т. д., всѣ стѣснились у ея могилы, чтобы еще разъ взглянуть на ту, которая долго такъ просто и кротко, но высоко-благотворно жила и дѣйствовала съ ними, всѣ спѣшили еще бросить въ могилу цвѣтовъ. Это была возвышенная, торжественная минута; глаза у всѣхъ были полны слезъ, и однако, не смотря на всю глубину печали, настроеніе душъ было спокойно-радостное»....

Н. Зайцевъ.

Калуга.

19 апрѣля 1861 г.

З А М Ъ Т К И

БУНЗЕНЪ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ.

Въ концѣ прошлаго года скончался знаменитый германскій богословъ Христіанъ Карль Іосія *фонъ-Бунзенъ*. Не разделяя его теоретическихъ понятій о предметахъ религіи, часто неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ, или даже прямо несогласныхъ съ основными началами православія, мы однакожь считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о жизни и ученыхъ трудахъ этого замѣчательнаго человѣка.

Бунзенъ родился 25 августа 1791 г. въ Корбахѣ, въ княжествѣ вальдекскомъ. Въ молодости своей онъ получилъ прочное филологическое образованіе, преимущественно въ университетахъ марбургскомъ и геттингенскомъ. Онъ изучалъ классическую литературу подъ руководствомъ Гейне и древне-нѣмецкую подъ руководствомъ Бенеке; онъ зналъ языки: датскій, исландскій и голландскій. Въ 1816 г. въ Парижѣ, подъ руководствомъ знаменитаго ориенталиста *Сильвестра-де-Саси*, Бунзенъ изучалъ персидскій и арабскій языки и предполагалъ отправиться въ Индію для новыхъ изученій въ области восточнаго языкознанія, впрочемъ это путешествіе не состоялось.

Съ 1818 г. начинается періодъ служебной дѣятельности Бунзена. Въ этомъ году онъ получилъ должность секретаря при прусскомъ посольствѣ въ Римѣ, и тамъ вступилъ въ супружество. Двадцать лѣтъ (1818—1838) прожилъ Бунзенъ въ столицѣ католическаго міра, состоя при посольствѣ и впоследствии занимая должность прусскаго министра-резиден-

та при папскомъ дворѣ. Памятникомъ ученой дѣятельности Бунзена въ Римѣ остался возстановленный имъ во время путешествія въ Римъ короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III-го (1829 г.) археологическій институтъ. Имъ же устроена была въ Римѣ (въ 1835 г.) протестантская госпиталь на тарпейской скалѣ. Постоянная борьба съ возрастающими требованіями римскихъ ультрамонтанъ утомила Бунзена. Онъ оставилъ свой постъ при римскомъ дворѣ и послѣ кратковременной поѣздки въ Англію, занялъ должность прусскаго посланника при швейцарскомъ союзѣ. Пребываніе въ Швейцаріи понравилось Бунзену и оставило въ немъ пріятныя впечатлѣнія. Но онъ недолго прожилъ въ Швейцаріи. Тяжелыя впечатлѣнія Рима глубоко залегли въ его душу и не давали ему покоя. Въ это время Бунзенъ составилъ проектъ «протестантскаго епископства въ Іерусалимѣ» такъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Пруссіи, приняла равное участіе Англія. Онъ хотѣлъ чрезъ то обезпечить свободное и независимое положеніе протестантства на рубежѣ Азій, и началъ горячо заботиться о приведеніи въ исполненіе этого проекта. Въ 1840 г. Бунзенъ отправился въ Лондонъ для переговоровъ о предполагаемомъ епископствѣ, и вслѣдъ за тѣмъ былъ назначенъ постояннымъ прусскимъ посланникомъ въ Англію. Онъ имѣлъ возможность близко наблюдать и изучать свободныя учрежденія англійскаго народа. Въ письмѣ къ королю Фридриху-Вильгельму IV въ 1844 г. Бунзенъ совѣтовалъ ему собрать двѣ палаты аристократовъ и народа (Herren-und Volks-Hause) на подобіе англійскаго парламента и рекомендовалъ англійское государственное устройство для введенія въ Германію.

Усиленіе партіи реакціонеровъ въ Пруссіи послужило для Бунзена поводомъ оставить занимаемую имъ 14 лѣтъ должность англійскаго посланника и выдти въ отставку. Онъ воз-

вратился на родину и прожилъ послѣдніе шесть лѣтъ (1854—1860) въ сторонѣ отъ большаго свѣта, на берегу Неккера, въблизи Гейдельберга, въ кругу своего семейства и друзей. Вниманіе государя не оставляло его до послѣднихъ дней жизни. Его царственный другъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV еще прежде своей тяжелой болѣзни возвелъ Бунзена въ званіе барона и назначилъ его членомъ верхней палаты. Какъ членъ палаты, Бунзень въ 1858 г. принималъ участіе въ установленіи регенства. Около этого времени обнаружился первые опасные признаки болѣзни сердца. Двукратная зимняя поездка на югъ Франціи приносила только временное облегченіе. Послѣ переселенія изъ Гейдельберга въ Боннъ (весною 1860 г.) болѣзнь быстро пошла къ развязкѣ, и осенью того же года Бунзень скончался.

Бунзень принадлежитъ къ числу немногихъ государственныхъ людей послѣдняго времени, которые поняли важное значеніе религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ среди тревогъ и волненій современности. Бунзену довелось на политическомъ поприщѣ вести борьбу съ двумя крайними партіями римско-католическаго и протестанскаго міра—съ ультрамонтанами и реакціонерами. Во время своего многолѣтняго пребыванія въ Римѣ, онъ глубоко созналъ всю неосновательность ультрамонтанской системы; еще въ то время онъ былъ убѣжденъ, что Італія исцѣлѣетъ только тогда, когда будетъ свободна отъ вопіющихъ крайностей клерикальнаго ига. Онъ искренно пріѣтствовалъ національное движеніе въ Італіи, въ которомъ видѣлъ начинающуюся побѣду свободы духа надъ стѣсненіемъ совѣсти, живаго христіанства надъ фанатизмомъ ультрамонтанъ.

Негодую противъ ультрамонтанъ, Бунзень естественно не могъ питать сочувствія и къ аналогической имъ партіи про-

тестантскаго міра—къ реакціонерамъ. Въ этой партіи раскрылось тоже стремленіе клерикальнаго деспотизма, и Бунзенъ, поборникъ свободы совѣсти въ религіи, вступилъ съ реакціонерами въ дѣятельную борьбу, которая впрочемъ имѣла преимущественно литературный характеръ. Достойно замѣчанія, что реакціонеры считали Бунзена столь опаснымъ противникомъ, что одинъ изъ нихъ д-ръ Шталь посвятилъ спеціально борьбѣ съ Бунзеномъ особое сочиненіе подъ заглавіемъ: *gegen Bunsen*.

Литературные труды Бунзена еще мало у насъ извѣстны; но они имѣютъ несомнѣнно важное значеніе для богословско-исторической науки. Въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся перечисленіемъ его сочиненій съ краткими поясненіями.

1. Во время пребыванія въ Римѣ, Бунзенъ много занимался изслѣдованіями древняго христіанскаго Рима и его исторіи. Въ извѣстномъ, огромномъ изданіи Котты (1830 — 1843) «*Описаніе города Рима*» весьма многія топографическія примѣчанія, въ особенности церковно-историческія изслѣдованія принадлежатъ Бунзену.

2. Около того же времени возникъ въ Германіи, продолжающійся понынѣ, вопросъ о богослужебныхъ книгахъ, вызванный стремленіями униі. Бунзенъ, по приглашенію короля Фридриха-Вильгельма III, принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ и плодомъ его трудовъ была *всеобщая книга евангелическихъ псалмовъ и молитвъ*, напечатанная первоначально въ 1833 г. въ видѣ *опыта*.

Дальнѣйшіе труды Бунзена принадлежатъ къ періоду его жизни въ Англіи. Сюда относятся:

3. *Мѣсто Египта во всемірной исторіи*,— сочиненіе проникнутое глубокою ученостію. Не въ полномъ видѣ явилось

оно сперва въ англійскомъ изданіи, потомъ подверглось вторичной переработкѣ еще не будучи доведено до конца, а вполне закончено уже въ періодъ отставки автора въ Гейдельбергъ.

4. *О базиликахъ христіанскаго Рима.*

5. *Посланіе о Елизаветъ Фрей* (квакересса, извѣстная своею человѣколюбивою дѣятельностію *).

6. *Инатій Антіохійскій и его время (1847)* и

7. *Три подлинныя и четыре неподлинныя посланія Пинатія Антіохійскаго.* Эти замѣчательные ученые труды даютъ свидѣтельство объ обширной церковно-исторической учености Бунзена.

8. *Устройство церкви будущаго (1848).* Это сочиненіе, вызванное современными вопросами протестантскихъ обществъ о церковномъ устройствѣ, по общему признанію, представляетъ слишкомъ смѣлую и неприложимую теорію церковнаго устройства. Тѣмъ не менѣе защитники такъ называемаго *церковно-общиннаго устройства* съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что, по мнѣнію Бунзена, устройство евангелическо-протестантской церкви должно основываться на *общинѣ*, и церковный организмъ во всемъ своемъ составѣ долженъ создаваться силами общинъ, безъ вмѣшательства какихъ либо исключительныхъ постороннихъ началъ.

9. *Ипполитъ и его время, или жизнь и ученіе римской церкви при Коммодъ и Александръ Северъ (1851 и 52 г.)* Обозрѣвая состояніе римской церкви 2-го вѣка, Бунзенъ раскрываетъ здѣсь незаконность и тщету средствъ, которыми епископъ Рима пытался утвердить свое церковное преимущество. Въ яркихъ чертахъ изображаетъ онъ святую сво-

(* На русскомъ языкѣ біографія Елизаветы Фрей составлена *Е. Туръ* и напечатана въ *Русской Рѣчи* № № 17, 19 и 20, 22 и 25.

боду установленій и обычаевъ церкви первенствующей. Это сочиненіе, кромѣ своего церковно-историческаго интереса, имѣло еще современное значеніе, какъ важное историческое свидѣтельство противъ реакціонеровъ въ періодъ возростающей въ Пруссіи церковной и политической реакціи.

Самыя зрѣлыя и многозначительныя произведенія Бунзена принадлежатъ къ послѣднему періоду его жизни—въ отставку. Кромѣ dokonченнаго въ Гейдельбергѣ большаго сочиненія о Египтѣ, сюда принадлежатъ еще слѣдующія три сочиненія:

10. *Знаменія времени*, (или письма къ другу о свободѣ совѣсти). Это произведеніе вызвано горькимъ чувствомъ негодованія противъ господствовавшей тогда въ Пруссіи партіи реакціонеровъ. Тема этого сочиненія—свобода религіознаго духа, свобода совѣсти въ дѣлахъ религіи, не подавляемая церковію, но правильно удовлетворяемая церковными учрежденіями. Авторъ развиваетъ эту тему при помощи обширной эрудиціи и изъ спокойной области исторіи переноситъ ее на жгучую почву современности. Съ неподражаемой энергіей вступаетъ онъ въ борьбу противъ исключительныхъ клерикальных стремленій извѣстныхъ партій въ нѣдрахъ римско-католицизма и протестантизма. Онъ наноситъ сильные удары той фапатической реакціи, которая образовалась въ Берлинѣ и стремилась разливать повсюду ядъ ультрамонтанскихъ идей. Понятно, что при первомъ появленіи книга произвела къ Германіи сильное впечатлѣніе. Реакціонеры напали на нее съ ожесточеніемъ. Люди, болѣе разумные и прозорливые, привѣтствовали эту книгу, какъ знаменіе приближающагося лучшаго времени. «Это было не только слово, говоритъ Шенкель, это было дѣло въ добрую пору. Въ нѣкоторомъ отношеніи эта книга служила пробнымъ камнемъ внутреннѣйша

го настроенія умовъ. Кто въ тиши негодовалъ на ея появленіе или открыто выступалъ противъ нея, тотъ этимъ самымъ становился на сторону людей, не желавшихъ никакого серьезнаго поворота къ лучшему въ государствѣ и церкви.»

11. *Богъ въ исторіи, или успѣхи вѣры въ нравственное міроуправленіе.* Въ этомъ обширномъ сочиненіи Бунзенъ разсматриваетъ всю исторію человѣчества какъ одинъ цѣльный духовный космосъ, столь же удивительно-правильный, какъ и космосъ природы. Отправляясь отъ той мысли, что сознаніе о Богѣ непрерывно живетъ въ человѣчествѣ и развивается по строго-опредѣленнымъ законамъ, Бунзенъ поставляетъ себѣ задачу—посредствомъ изученія прошедшаго и изслѣдованія знаменій времени опредѣлить мѣсто современной эпохи въ духовныхъ возрастахъ человѣчества и ту миссію, которая предлежитъ ей. Понятіе о дѣйствительности нравственнаго Божественнаго міроуправленія есть основное понятіе цѣлаго сочиненія. Не смотря однакожъ на то, что авторъ прямо выражаетъ свою вѣру въ живаго Бога и Его откровеніе во Христѣ,—представленіе христіанства, какъ всемірно-историческаго явленія, подлежащаго строгимъ законамъ развитія, равно какъ и весь способъ изслѣдованія, при всей его исторической основѣ, носятъ у Бунзена какой то *физиологическій* характеръ, вслѣдствіе котораго самыя важныя, самыя существенныя положенія освѣщаются двусмысленнымъ свѣтомъ: въ ту самую минуту, когда онъ казалось-бы должны получить полное признаніе читателя, онъ возбуждаютъ сильное недовѣріе въ самомъ искреннемъ, послѣдовательномъ читателѣ. Въ заграничной богословской критикѣ это сочиненіе встрѣтило много возраженій со стороны людей, болѣе или менѣе безпристрастно относящихся къ вопросамъ религіи. Однакожъ доселѣ не изслѣдованы въ точности всѣ тѣ отличительныя понятія,

которыя вписаны Бунзеномъ въ область современнаго философски-религіознаго созерцанія и отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ мыслителей.

12. *Изданіе Библии* (Bibelwerk). Изданіе Библии Бунзень считалъ главнымъ дѣломъ своей жизни и посвятилъ ему двадцать лѣтъ самыхъ напряженныхъ, неутомимыхъ занятій. Главную цѣль его было — представить библейскій текстъ въ возможно правильномъ нѣмецкомъ переводѣ, составленномъ при всѣхъ пособіяхъ современнаго языкознанія, — устранить существующія предубѣжденія противъ Библии посредствомъ историко-критическаго разъясненія ея текста, и такимъ образомъ возвратить ей истинное ея значеніе въ народной жизни, сдѣлать Библию всеобщою, драгоценною и любезною книгой для своей націи. Эта идея выражена Бунзеномъ въ самомъ заглавіи труда: *vollständiges Bibelwerk für die Gemeinde*. Все это огромное изданіе по мысли Бунзена должно было состоять изъ трехъ главныхъ частей: 1, переводъ Библии (Bibel-übersetzung), 2, историко-критическое разъясненіе текста, или библейскій комментарий (Bibelurkunde), и 3, дополнительная часть, въ которую должны были войти различныя историческія извѣстія о библейскихъ книгахъ—исторія Библии (Bibelgeschichte). Бунзень усердно занимался библейскимъ дѣломъ до самой своей смерти. Во время предсмертной бодрости онъ продолжалъ свои занятія съобща съ своимъ молодымъ другомъ Кампгаузеномъ, и еще 11-го ноября диктовалъ въ послѣдній разъ нѣкоторыя свѣденія и положенія, предназначавшіяся въ это изданіе. За всѣмъ тѣмъ огромный трудъ Бунзена остался неоконченнымъ. При его жизни вышли только два первыхъ тома и пятый томъ.

Ученое достоинство сочиненій Бунзена стоитъ внѣ вся-

каго сомнѣнія. Бунзена упрекали, какъ ученаго, за то, что его труды лишены иногда научной строгости и точности. Многіе труженики науки даже слишкомъ низко цѣнили богословскія сочиненія Бунзена. По этому поводу можемъ сказать только, что Бунзенъ вовсе не былъ какой либо исключительный специально-ученый труженикъ. Это былъ широкій, многосторонній духъ, пролагавшій новые пути, дѣлавшій смѣлыя построенія во всѣхъ областяхъ знанія, которыхъ только касался, дѣйствовавшій болѣею частію плодотворно и возбуждительно. Онъ обладалъ однакожь обширною ученостію, особенно въ языкознаніи, и неутомимымъ стремленіемъ учиться и изслѣдывать, сохранившимся до преклонныхъ лѣтъ. Съ пронизательнымъ и смѣлымъ разсудкомъ въ нешь соединялось живое воображеніе и богатое чувство, свойственное цѣльной натурѣ, счастливо прошедшей разрушительный періодъ рефлексіи. Отсюда, несмотря на смѣлыя комбинаціи и гипотезы, не смотря на многіе парадоксы, въ сочиненіяхъ Бунзена много живаго и симпатичнаго, такъ что, не раздѣляя даже убѣжденій автора, мыслящій человекъ можетъ найти въ нихъ пріятное и поучительное чтеніе. Покойный А. С. Хомяковъ, искренно преданный православію и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательно и разумно относившійся къ вопросамъ богословско-исторической науки, возбужденнымъ въ иностранныхъ литературахъ, въ послѣднее время жизни писалъ къ Бунзену обширное письмо о различныхъ библейскихъ и догматическихъ вопросахъ по поводу его *Bibelwerk*. (*). Отдавая должную дань талантамъ и трудамъ Бунзена и болѣею частію не соглашаясь съ нимъ, онъ желалъ между прочимъ

(*) Оно напечатано въ *L'Union Chretienne* за прошлый годъ.

поставить на видъ Бунзену тѣ новыя точки зрѣнія, которыя естественно ускользали изъ вниманія на заграничной почвѣ.

БИБЛЕЙСКІЕ АТЛАСЫ КИПЕРТА И ЛЮННЕТА, БУНЗЕНА И ЛАНГЕ.

Отчетливыя географическія карты, приспособленныя въ важнѣйшимъ эпохамъ народной жизни, вообще составляютъ неперемѣнное условіе прочныхъ успѣховъ историческаго изученія. Мы не имѣемъ удовлетворительно составленныхъ картъ, которыя могли бы служить пособіемъ при изученіи библейской исторіи Ветхаго и Новаго Завета или при чтеніи Библии. Извѣстные въ прежнее время опыты священнаго атласа (едвали не лучшимъ изъ нихъ было изданіе книгопродавца Полякова) походили болѣе на спекуляціи, чѣмъ на дѣйствительныя руководства. Слабость нашей исторической науки доселѣ служитъ причиною того, что самое употребленіе картъ при изученіи священной и церковной исторіи еще не вошло у насъ въ общую потребность. Книги по предметамъ библейской и церковной исторіи у насъ нерѣдко издаются *безъ картъ*, и такимъ образомъ не только остается нетронутою цѣлая область существенныхъ вопросовъ, но и то, что предлагается въ книгѣ для изученія—повѣствованіе, лишенное географическихъ поясненій—остается безцвѣтнымъ, темнымъ, теряетъ свою живую историческую силу.

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе людей, занимающихся библейскою исторіею, на новѣйшіе иностранные атласы, посвященные библейской географіи.

Извѣстныя въ Германіи до сороковыхъ годовъ карты св. земли, каковы наприм. карты Гримма и Бергхауса, потеряли свое значеніе послѣ того, какъ ученый профессоръ изъ Нью-Йорка Е. Робинзонъ предпринялъ специальное путешествіе въ Палестину и южно-сопредѣльныя страны, съ цѣлю разрѣшить на мѣстѣ труднѣйшіе вопросы библейской географіи. Это путешествованіе совершено было Робинзономъ послѣ долгихъ, сложныхъ и тщательныхъ приготовленій, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: его сопровождалъ миссіонеръ Шмитъ, знавшій въ совершенствѣ и нарѣчія, и мѣстности, и нравы туземцевъ. Изданный Робинзономъ дневникъ путешествія по Палестинѣ и сопредѣльнымъ странамъ произвелъ рѣшительный переворотъ въ области библейской географіи. Для изученія географіи Аравіи и въ особенности синайскаго полуострова, Палестины и пограничныхъ съ нею странъ, для топографіи Іерусалима проложенъ былъ Робинзономъ новый путь. На основаніи свѣдѣній, добытыхъ путешествіемъ Робинзона, составленъ былъ библейскій атласъ ученымъ Г. Кипертомъ и въ первый разъ былъ изданъ въ 1847 году. Атласъ Киперта достигъ обширнаго распространенія въ Германіи и въ теченіи десяти лѣтъ имѣлъ четыре изданія.

Чѣмъ болѣе интереса представляло то новое направленіе, какое дано было Робинзономъ изслѣдованіямъ въ области библейской географіи, тѣмъ болѣе оживились дальнѣйшія розысканія на проложенномъ пути. Позднѣйшія наблюденія и открытія подтвердили многое въ показаніяхъ Робинзона, но другія предположенія ученаго путешественника потерпѣли или измѣненіе, или прямое опроверженіе. Переработка Кипертова атласа соотвѣтственно состоянію позднѣйшихъ изслѣдованій становилась съ теченіемъ времени настоятель-

ною потребностію. Этой потребности рѣшился удовлетворить А. Ліоннетъ, и издалъ преобразованный Кипертовъ атласъ въ 1859 году. Въ настоящее время вышло второе изданіе Ліоннетовой редакціи.

Библейскій атласъ Ліоннета состоитъ изъ семи картъ, которыя обнимаютъ: 1) распространеніе народовъ послѣ потопа; 2) путешествіе израильтянъ изъ Египта въ обѣтованную землю; 3) очеркъ географіи и исторіи Палестины; 4) топографическую исторію Іерусалима; 5) библейскую археологію—чертежи и рисунки скинии, храма въ разныя времена, богослужебныхъ принадлежностей, и проч.; 6) обзорѣніе путешествій Іисуса Христа по Палестинѣ, съ отдѣльною картою тиверіадскаго озера и его окрестностей; 7) обзорѣніе путей проповѣди апостольской, особенно ап. Павла, и положеніе христіанскаго міра въ первые вѣка церкви христіанской. На самыхъ картахъ помѣщено множество разнообразныхъ указаній, назначенныхъ къ возможно-точному объясненію историко-географическихъ вопросовъ и къ предупрежденію всякой сбивчивости въ понятіяхъ. Такъ какъ каждая карта представляетъ въ наглядномъ видѣ опытъ рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ библейской исторіи съ извѣстной (историко-географической) стороны, то для объясненія своихъ картъ Ліоннетъ приложилъ текстъ, составленный на основаніи новѣйшихъ богословскихъ сочиненій: онъ имѣлъ въ виду въ краткомъ изложеніи сосредоточить средніе выводы богословской науки относительно объясняемыхъ предметовъ. Независимо отъ частныхъ, слишкомъ проблематическихъ рѣшеній, къ которымъ нерѣдко онъ приходитъ въ своемъ текстѣ, а съ другой стороны не смотря на краткость текста, здѣсь находимъ огромный запасъ отдѣльныхъ положительныхъ свѣдѣній, географическихъ, хронологическихъ и археологиче-

скихъ, очень полезныхъ для справокъ при историческихъ занятіяхъ.

Предпринявши полное изданіе Библии, Бунзенъ съ самаго начала своего труда полагалъ величайшую важность въ составленіи необходимыхъ пояснительныхъ географическихъ картъ. Онъ считалъ ихъ лучшимъ комментариемъ для объясненія труднѣйшихъ предметовъ библейскаго толкованія, соприкасающихся съ вопросами географическими. Составить атласъ по мысли Бунзена для начатаго имъ изданія Библии взялся ученый Г. Ланге. Съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ Бунзенъ за ходомъ работы съ перваго до послѣдняго листа. Кромѣ собственныхъ ученыхъ занятій, необходимыхъ для такого дѣла, Ланге старался воспользоваться лучшими спеціальными трудами—Киперта, Лепсіуса, Станлея, Фандефельде и другихъ. Но руководительное направленіе во всемъ дѣлѣ принадлежало главнымъ образомъ самому Бунзену, такъ что въ изданіи Ланге есть карты, исключительно сочиненныя Бунзеномъ и наглядно выражающія экзегетическія и историческія положенія, развиваемыя въ его *Bibelwerk*. Составъ картъ и ихъ значеніе вообще приспособлены къ чтенію Библии по изданію Бунзена. Такъ для объясненій II главы книги Бытія назначена первая карта, представляющая первобытную мѣстность человечества (*Urland*); для объясненія X главы—вторая карта—родословная таблица народовъ по книгѣ Бытія (*Völkertafel*); объясненію XXII, XXV и XXIX главъ книги Бытія, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о племенахъ, происшедшихъ отъ Нахора, сыновъ Агаря и Хетуры, отъ Исава и проч., посвящена третья карта—таблица авраимитовъ. Три слѣдующія карты—4, 5 и 6,—представляютъ самостоятельный опытъ изслѣдованія объ исходѣ израильтянъ изъ Египта и о путешествіи ихъ по

синайскому полуострову и каменистой Аравіи до прибытія въ іорданскую долину (см. V часть Bibelwerk's.) Объясненію книги Иисуса Навина посвящена 7-я карта, изображающая положеніе двѣнадцати коленъ согласно показаніямъ этой книги. Но для руководства при чтеніи цѣлой Библии составлена особая, полная карта Палестины съ окрестностями Іерусалима, 8-я. Для объясненія евангельскихъ повѣствованій въ особенности назначена карта Галилеи, съ отдѣльнымъ изображеніемъ западныхъ береговъ тиверіадскаго озера. Последняя, 10-я карта, имѣетъ въ виду пояснить апостольскія путешествія. Работы по изданію всѣхъ этихъ картъ были приведены къ окончанію въ концѣ лѣта прошлаго 1860 года; атласъ вышелъ изъ печати въ концѣ прошлаго года, подъ общимъ заглавіемъ Бунзенова изданія Библии и въ томъ же форматѣ. Внѣшность атласа отличается необыкновенною правильностію и изяществомъ.

Библейскій атласъ за границей вообще имѣлъ свою исторію: онъ всегда соотвѣтствовалъ состоянію богословскихъ наукъ и отражалъ на себѣ итоги историческихъ свѣдѣній даннаго времени. Само собою разумѣется, что требуется самостоятельность въ занятіяхъ для того, чтобы получить надлежащую пользу при употребленіи атласовъ, составленныхъ ученымъ образомъ. Но эти занятія много облегчаются при той степени развитія, которой достигла въ настоящее время библейская географія. Атласы Киперта и Ліоннета, Бунзена и Ланге ясно изображаютъ для насъ современное состояніе этой отрасли знаній, столь важной для богослова.

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

Современное движеніе нашей общественной жизни услило потребность общаго образованія. Наличное состояніе русской литературы оказалось недостаточнымъ для полнаго и правильнаго удовлетворенія этой потребности. Необходимость пополнить скудные запасы литературы, сдѣлать чтеніе доступнымъ для всѣхъ состояній и такимъ образомъ содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія, вызываетъ появленіе Обществъ для распространенія полезныхъ книгъ. Ясно, что дѣятельность подобныхъ обществъ прежде всего должна быть *литературно-производительная*, и важнѣйшій вопросъ для такихъ обществъ есть вопросъ о ближайшихъ цѣляхъ, о характерѣ и направленіи этой производительной дѣятельности.

Цѣль московскаго Общества распространенія полезныхъ книгъ, основаннаго дамами, такъ выражена въ его уставѣ: «Общество учреждается съ цѣлію развивать и укрѣплять *здравыя нравственныя понятія* и для того предлагать полезное и общепонятное чтеніе *для всѣхъ классовъ и возрастовъ русскихъ читателей*. Въ выборѣ книгъ оно не держится *никакой исключительности* по предметамъ сочиненій, но руководствуется *направленіемъ православно-христіанскимъ*, постоянно имѣеть въ виду поучительность и занимательность содержанія, общедоступность изложенія, и избѣгаетъ *спеціально-ученаго характера*.» Такимъ образомъ московское Общество, принимая на себя литературно-производительную дѣятельность, полагаетъ своею цѣлію распространеніе *здравыхъ нравственныхъ понятій* во всѣхъ классахъ и возрастахъ рус-

скихъ читателей и, руководствуясь направлениемъ православно-христіанскимъ, заботится избѣжать всякой исключительности.

Эта задача, слишкомъ трудная для лица частнаго, значительно облегчается для многочисленнаго Общества, правильно организованнаго. Общество удачнѣе можетъ содѣйствовать правильному образованію читателей, чѣмъ отдѣльное лицо. Односторонность убѣжденій, свободно раскрывающихся въ нравственной жизни лица, теряетъ значеніе и сглаживается въ обширномъ соединеніи личностей, направленномъ къ одной цѣли. Обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующій параграфъ (§ 36) устава: «такъ какъ комитетъ есть избранный представитель всего Общества, то *не смотря на существованіе отдѣловъ*, всѣ члены комитета принимаютъ участіе въ выборѣ и изданіи книгъ, къ какому бы отдѣлу онѣ ни принадлежали. Поэтому *каждый членъ* комитета можетъ предлагать книги *по всемъ отдѣламъ* и участвуетъ въ сужденіи о нихъ *наравнѣ съ прочими*,» и проч. Раздѣленіе на отдѣлы естественно предполагало опасность—впасть дѣтелямъ каждаго отдѣла въ тотъ родъ исключительности, къ какому болѣе могли бы склоняться члены и сотрудники по личнымъ вкусамъ, или по случайнымъ обстоятельствамъ и такимъ образомъ Общество, соединенное по видимому однимъ дѣломъ изданія полезныхъ книгъ, различными отдѣлами могло бы раздробиться на частные кружки, которые не имѣли бы ничего общаго между собою. Отъ того и слабы успѣхи нашего просвѣщенія, что въ нашей литературѣ, не смотря на ея бѣдность, слишкомъ много разнородныхъ, противорѣчащихъ, исключительныхъ направленій, отражающихъ личныя понятія литературныхъ производителей. Приведеннымъ параграфомъ Общество хотѣло устранить всякую исключи-

тельность въ направленіи всѣхъ своихъ изданій. Оно выразило ясное сознаніе о томъ, что дѣятельность его должна быть *цѣльная*, не разобщенная личными, случайными интересами и вкусами, но дѣйствительно *общественная*. Всѣ изданія Общества, къ какому бы отдѣлу онѣ не принадлежали, должны быть принимаемы *отъ имени Общества*, должны выражать болѣе или менѣе общее отношеніе членовъ къ каждой издаваемой книгѣ. Понятно, какую важность имѣеть литературная производительность при такихъ условіяхъ, заключающихъ въ себѣ вѣрную гарантію общественнаго образованія. Петербургскій комитетъ грамотности (*), желая быть вполне послѣдовательнымъ, въ отношеніи къ литературнымъ предпріятіямъ частныхъ лицъ, столь часто сомнительнымъ по ихъ достоинству, или прямо недобросовѣстнымъ, поставяетъ даже своею обязанностію «преслѣдовать печатною гласностію изданія вредныя, идеи, отжившія вѣкъ и несоотвѣтствующія требованіямъ современнаго образованія.»

Московское Общество, желая достигнуть возможной полноты общепользнаго чтенія, старалось избѣгнуть исключительности при самомъ выборѣ предметовъ для чтенія. Оно не ограничилось книгами свѣтскаго содержанія, но въ ряду отдѣловъ, обнимающихъ предметы предполагаемыхъ изданій, дало первое мѣсто «сочиненіямъ духовно-нравственнаго содержанія, независимо отъ формы ихъ изложенія» (*). Оно

(*). При Волн. Экономич. Обществѣ. Замѣтимъ между прочимъ, что петербургскій комитетъ такъ же обращается къ содѣйствию -особѣ женскаго пола, участіе которыхъ можетъ быть столь полезно въ дѣлѣ образованія. — Моск. Вѣдом. № 90.

(*). Изъ духовныхъ лицъ сотрудники Общества по изданію духовно-нравственныхъ сочиненій — протоіерей С. Г. Терновскій и священникъ В. А. Погожевъ. Моск. Вѣд. № 101.

первое взяло на себя трудъ пополнить отдѣлъ духовно-нравственныхъ сочиненій, въ которыхъ бы предлагались истинно-здравыя понятія, пригодныя для всѣхъ классовъ и возрастовъ русскихъ читателей. Въ предпріятіяхъ Общества мы видимъ тотъ утѣшительный фактъ нашей современной жизни, въ которомъ сказалась живая потребность примиренія началъ духовныхъ и общественныхъ. Образование духовное и свѣтское въ Обществѣ соприкасаются между собою и взаимно могутъ уравнивать одно другое, быть полезны другъ другу. Сближеніе, разумное примиреніе религіозныхъ и общественныхъ интересовъ есть первое условіе, при которомъ возможно распространеніе здравыхъ нравственныхъ понятій: потому что только правильное, гармоническое сочетаніе тѣхъ и другихъ дастъ возможность къ искорененію обскурантизма, различныхъ предразсудковъ, крайностей либерализма и другихъ не нормальныхъ нравственныхъ направленій, извращающихъ жизнь личную, парализующихъ жизнь общественную. Совокупная, общественная дѣятельность членовъ, взаимный свободный обменъ личныхъ убѣжденій, рѣшеніе всѣхъ предпріятій большинствомъ голосовъ, можетъ довольно обезпечить желаемое направленіе изданій Общества, чуждое исключительности и дѣйствительно полезное для читателей всѣхъ классовъ и возрастовъ.

Въ нашихъ библиографическихъ обзорѣніяхъ намъ безъ сомнѣнія неразъ придется встрѣчаться съ изданіями московскаго Общества, и мы предварительно хотѣли познакомить съ ними читателей и пожелать успѣховъ его начинающейся дѣятельности.

КОНКУРСЪ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ РУКОВОДСТВА КЪ ПЕРВО-
НАЧАЛЬНОМУ ОБУЧЕНІЮ ГРАМОТЪ.

Московское Общество распространенія полезныхъ книгъ открываетъ свою дѣятельность учрежденіемъ конкурса для составленія *Руководства къ первоначальному обученію грамотъ*. Потребность такого, дѣльно составленнаго руководства, есть самая существенная, общенародная потребность. Общество нашло нужнымъ соединить въ предполагаемомъ руководствѣ грамотность церковнославянскую и гражданскую, и это соединеніе дѣйствительно имѣетъ величайшую важность. Послѣ того, какъ призваны были неудовлетворительными для общаго употребленія старинныя буквари, печатавшіеся въ синодальныхъ типографіяхъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, ихъ мѣсто заступили книгопродавческія спекуляціи, такъ-называемыя *новѣйшія азбуки*, дурно, а иногда даже безграмотно составленныя. Разобщеніе грамотности церковно-славянской, въ пользу которой оставалось большинство народа, и грамотности гражданской, которую плохо рекомендовали *новѣйшія азбуки*, рѣшительно препятствовало успѣхамъ народнаго просвѣщенія. Объ этомъ разобщеніи и его вредномъ вліяніи составители руководства могутъ между прочимъ найти дѣльныя замѣчанія въ *запискѣ Кирьевскаго* (Прав. Обзор. 1860. № 2). Необходимо сознательно и разумно повести это примиреніе церковной и гражданской грамотности, такъ какъ оно есть главнѣйшее условіе, обезпечивающее вѣрные успѣхи общенароднаго просвѣщенія. Составителямъ будетъ полезно ознакомиться съ старинными славянскими букварями, бывшими въ употребленіи прежде наводненія учебной литературы мо-

вѣйшими азбуками, значительно отбившими у народа охоту учиться грамотѣ. Элементарныя свѣдѣнія древняго церковно-славянскаго букваря, еще не испорченнаго позднѣйшими вліяніями, должны быть перенесены въ *Руководство*: къ нимъ должны прикнудить элементарныя, разумно раскрытыя свѣдѣнія грамотности гражданской. Руководство, удовлетворяющее требованіямъ конкурса, — можно навѣрное предсказывать, — убьетъ спекуляціи, и первоначальная грамотность, такъ часто бывшая доселѣ предметомъ промышленныхъ расчетовъ, будетъ восстановлена въ ея законныхъ правахъ и дѣйствительно послужитъ началомъ общенароднаго просвѣщенія. Это обстоятельство составители должны имѣть въ виду, чтобы оцѣнить тѣ выгоды, которыя кромя преміи Общества заключаетъ въ себѣ трудъ составленія *Руководства* и относительно которыхъ Общество предлагаетъ взаимное соглашеніе. Желая содѣйствовать распространенію извѣстности этого полезнаго конкурса, перепечатаваемъ объявленіе о немъ въ полномъ видѣ.

(*Моск. Вѣдом. № 134.*)

«Попечительскій Совѣтъ Московскаго Учебнаго Округа, вслѣдствіе отзыва къ нему Общества распространенія полезныхъ книгъ, назначаетъ конкурсъ для составленія *Руководства къ первоначальному обученію грамотѣ*, приспособленнаго къ понятіямъ и потребностямъ простаго народа.

«Руководство» должно состоять въ азбукѣ, гражданской и церковной, съ присовокупленіемъ молитвъ и самыхъ необходимыхъ для всякаго грамотнаго человѣка статей назидательнаго и практическаго содержанія, каковы: основныя положенія и нѣкоторыя общія статьи изъ Свода Законовъ о правахъ и обязанностяхъ гражданина и о присутственныхъ

мѣстахъ; краткія свѣдѣнія о Россіи, въ историческомъ и особенно въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ указателемъ главнѣйшихъ городовъ и мѣстностей, важныхъ: для народа въ національномъ и промышленномъ значеніи; краткія же свѣдѣнія о праздникахъ и табельныхъ дняхъ; элементарныя понятія о счетѣ, съ присовокупленіемъ таблицы церковно-славянскаго счисленія. Молитвы должны быть напечатаны церковно-славянскимъ шрифтомъ, съ русскими объясненіями неудобопонятныхъ словъ и выраженій; прочія же статьи гражданской печати должны быть заимствованы изъ Свода Законовъ, изъ лучшихъ историческихъ, географическихъ и статистическихъ сочиненій, изъ календарей и мѣсяцослововъ и изъ другихъ источниковъ, соответствующихъ цѣли «Руководства». Изложеніе этихъ статей должно быть по возможности упрощено, и всѣ затруднительныя выраженія объяснены. Объемъ «Руководства» полагается не больше *шести печатныхъ листовъ*.

За «Руководство», если оно удовлетворитъ вполнѣ ожиданіямъ Попечительскаго Совѣта, составитель получить отъ Общества распространенія полезныхъ книгъ 300 р. сер. и, сверхъ того, Общество готово вступить съ составителемъ въ соглашеніе относительно изданія, на условіяхъ, которыя будутъ приняты съ обѣихъ сторонъ.

Пріемъ рукописей по сему конкурсу продолжается *годъ*, со дня напечатанія этого объявленія въ газетахъ. Рукописи, присланныя позже этого срока, не входя въ конкурсъ, хранятся въ Попечительскомъ Совѣтѣ, впредь до востребованія составителями.

Представляя свою рукопись на конкурсъ въ Попечительскій Совѣтъ М. У. О., составитель долженъ предварительно отиѣтитъ ее какимъ-нибудь девизомъ и при ней приложить,

въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, отмѣченномъ тѣмъ же девизомъ, листокъ, на которомъ бы означены были его имя, фамилія, званіе, мѣстожителство. Рукописи, въ которыхъ обозначено имя составителя на заглавномъ листкѣ или гдѣ нибудь въ ней на другомъ мѣстѣ, равно и тѣ, при которыхъ имя составителя будетъ сообщено въ незапечатанномъ конвертѣ, на конкурсъ не поступаютъ, о чемъ объявляется въ газетахъ.

Представленная на конкурсъ рукопись должна быть написана чисто и вполнѣ четко. Рукописи, написанныя не чисто и не четко, отстраняются отъ конкурса, о чемъ немедленно объявляется въ газетахъ, для того, чтобы составители могли получить ихъ обратно изъ Совѣта.

Кромѣ рукописей, допускаются къ конкурсѣ и печатныя сочиненія, удовлетворяющія вышеозначеннымъ требованіямъ конкурса.

Рѣшеніе Попечительскаго Совѣта, касательно рукописей, объявляется въ газетахъ, для общаго свѣдѣнія.»

З А М Ъ Т К И

Бунзенъ и его литературные труды.

Библейскіе атласы Киперта и Лионнета, Бунзена и Ланге.

Московское общество распространенія полезныхъ книгъ.

Конкурсъ для составленія Руководства къ первоначальному обученію грамотъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Редакціи Православнаго Обозрѣнія, въ зданіи Университета у священника Сергіевскаго; въ книжныхъ магазинахъ гг. Базунова и Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ; въ лавкѣ г. Ферапонтова на Никольской улицѣ, въ библиотекѣ для чтенія г. Горбунова на Никитской и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжныхъ лавкахъ: гг. Базунова, на Невскомъ проспектѣ въ д. Энгельгардтъ, Овсянникова въ Гостиномъ дворѣ, Крашенинникова, Коралева и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* въ Редакцію *Православнаго Обозрѣнія*, въ Москвѣ.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**, съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**.

На тѣхъ же условіяхъ принимается еще подписка и за 1860 годъ.

Печатать дозволяется. Юня 8 дня 1861 года.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Певскій*.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ ВТОРОЙ

І Ю Н Ъ 1861.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ІОВЪ. Гл. XIV — XX. *Опытъ переложенія на русскій языкъ* Архим. МАКАРІЯ.
- II.—МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦКІЙ (*статья первая*). К. С. ЕЛЕЦЕВСКАГО.
- III.—СЧАСТІЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ. (*Изъ А. Моно*) А. В. СТЕФАНОВСКАГО.
- IV.—СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ. *Періодическое обозрѣніе* Гр. ДЕ-ЛА-ФИТЬ-ДЕ-ПЕЛІЯ-ПОРКЪ.
- V.—ЗАМѢТКИ (*см. на оборотѣ*).

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- VI.—ПАСТЫРЬ ЕРМА. Переводъ съ латинскаго. Служ. К. С. ОЗЕРОВА

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА № 10.

viii. 18.

ПРАВОСЛАВНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

1861.

І Ю Н Ъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Юня 24 дня 1861 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Носскій*.

МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦКІЙ

Первая четверть XVII вѣка была тяжкимъ временемъ для православныхъ обитателей литовско-польскаго государства. Тогда вводилась унія. Ревностные ея дѣатели іезуиты всѣми силами старались возбудить въ правительствѣ и народѣ фанатизмъ противъ православныхъ. Уніаты превзошли не-терпимостію самихъ латинянь: между ними немало было людей, подобныхъ Іосафату Кунцевичу, а при Сигизмундѣ III-иъ, дѣйствовавшемъ по плану іезуитовъ, представлялся обширный просторъ ихъ фанатизму. И латиняне, и уніаты старались поставить православныхъ въ такое положеніе, изъ котораго для нихъ былъ бы возможенъ одинъ исходъ—принять унію. Они попирали права православныхъ, запечатывали храмы, обращали ихъ въ кабаки, кухни и гостинные дома; выгоняли священниковъ изъ приходоу, такъ что дѣти умирали безъ крещенія, взрослые жили въ незаконныхъ связяхъ, нерѣдко умирали безъ исповѣди и св. причастія и погребались безъ отпѣванія. Неоднократно повторялись случаи, когда ревнители латинства и уніи воз-

двигали открытія гоненія на православныхъ, заключали ихъ въ темницы, подвергали мученіямъ, предавали смерти. Все говорило ясно, что православнымъ объявлена война на жизнь и смерть. Правда, православные не теряютъ надежду найти себѣ защиту у законной власти. Они обращаются съ жалобами къ правительству, просятъ защитить ихъ отъ несправедливыхъ и жестокихъ преслѣдованій. Но правительство обѣщаетъ, обѣщаетъ неоднократно, и ни разу не исполняетъ обѣщаній.

Иезуиты, систематически преслѣдуя православныхъ и желая притомъ оправдать свое дѣло, усиливались распространять предубѣжденіе и вражду противъ православія литературнымъ путемъ. Они издавали множество безымянныхъ сочиненій, клеймили въ нихъ православную церковь именемъ еретической, восточныхъ патріарховъ называли еретиками; особенно они нападали на константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, которому была подчинена западно-русская церковь, представляли его лютераниномъ, кальвинистомъ, челоуѣкомъ съ непостояннымъ образомъ мыслей и шаткими убѣжденіями. Православные защищались, какъ умѣли. Но на полемическомъ поприщѣ они встрѣтили большія затрудненія. Въ Литвѣ тогда было множество самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ религіозныхъ мнѣній, въ полемикѣ господствовалъ схоластицизмъ. Для успѣха въ борьбѣ требовалось значительное умственное развитіе. Между тѣмъ православные не отличались особеннымъ образованіемъ: у нихъ не было, какъ у протестантовъ и латинянъ, академій и университетовъ, гдѣ молодое поколѣніе могло бы приготовляться къ умственной борьбѣ съ противниками: умственное движеніе пробудилось у нихъ вмѣстѣ съ униєю вслѣдствіе потребностей борьбы. Естественно, что защитники православія,

желая вести борьбу съ противниками тѣмъ жэ оружіемъ, испытывали вліяніе или латинянъ, или протестантовъ. Самыя творенія отцевъ церкви, къ которымъ они обращались, переходили къ нимъ по большей части чрезъ руки латинянъ, а послѣдніе старались проводить въ нихъ свои мнѣнія. Это, конечно, не могло не затруднять защитниковъ православія при всей преданности церкви.

Таково было время, въ которое началъ свою дѣятельность Мелетій Смотрицкій, въ послѣдствіи архіепископъ полоцкій. Обладая гибкимъ и тонкимъ умомъ, живымъ чувствомъ и воображеніемъ, и получивши отличное, по тому времени, образованіе, онъ сталъ во главѣ защитниковъ западно-русской церкви. Но при этихъ достоинствахъ, у него были важные недостатки; у него не доставало тѣхъ именпо качествъ, которыя необходимы въ минуту тяжкихъ испытаній, и не могутъ быть замѣнены ни религіозною пастроенностію, ни благочестивою жизнію. Въ той и другой нельзя отказать Смотрицкому, даже по сознанію его враговъ, и однакожъ это былъ человекъ, дорожившій людскою славой, съ слабымъ характеромъ, безъ твердости въ убѣжденіяхъ. На Смотрицкаго обратились взоры всѣхъ: православные слушали его какъ *ангела Божіа*, и сами паписты считали его главою поборниковъ восточной вѣры и церкви. Послѣдніе нашли необходимымъ или заставить его молчать, или склонить на свою сторону. Этого-то искушенія не вынесъ Смотрицкій, онъ незамѣтно подчинился правственному вліянію прогивной стороны, съ которой открылъ борьбу, и постепенно склоняясь къ униі, не только принялъ ее, но малодушно уступивъ стеченію обстоятельствъ, посвятилъ свои таланты и всю ревность на защиту униі. Любопытна и поучительна исторія этой двусмысленной личности.

Главнымъ источникомъ свѣдѣній о Смотрицкомъ и о состояніи западно-русской церкви того времени служили для насъ собственныя сочиненія Смотрицкаго. Всѣ онѣ писаны по требованіямъ обстоятельствъ и отражаютъ тѣ разнообразныя настроенія и перемены, которымъ слѣдовала непостоянная личность и дѣятельность автора. Онъ попеременно становился на сторону партій, и каждый разъ пріобрѣтая дружеское расположеніе одной партіи, навлекалъ на себя вражду другой. Поэтому сочиненія, направленные противъ Смотрицкаго, заключаютъ въ себѣ много данныхъ для раскрытія смысла тогдашнихъ событій, мнѣній и дѣйствій Смотрицкаго. Противъ него писали иезуитъ Скарга, Іоакимъ Мороховскій, владимірскій епископъ, Селява, полоцкій епископъ, и монахи виднскаго троицкаго монастыря; изъ православныхъ—Мужилловскій и Геласій Диплицъ. Важнымъ пособіемъ служило для насъ и сочиненіе каноника Суши на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Saulus et Paulus sive Meletius transformatus*, изданное въ Римѣ въ 1666 году. Сочинитель представляетъ Смотрицкаго сначала Савломъ, т. е. гонителемъ римской церкви, а потомъ Павломъ, т. е. пламеннымъ ея защитникомъ и пропагандистомъ: такая перемена произошла въ Смотрицкомъ будто бы независимо отъ его воли, по чудесному дѣйствию благодати Божіей ради пролитой крови Юсафата Кунцевича. Во всемъ сочиненіи господствуетъ духъ крайняго папизма; книга Суши по ея тону и характеру не біографія, а папегирикъ: онъ бранитъ Смотрицкаго, какъ злаго еретика, съ тою цѣлю, чтобы рѣзче обрисовать предполагаемую чудесную перемену, и поразительнѣе представить его ревность въ качествѣ защитника папизма. Это сочиненіе очень важно для изученія Смотрицкаго по его обращеніи въ унию. Притомъ въ немъ помѣщены письменные памятники, относящіеся къ

жизни Смотрицкаго: письмо Александра Острожскаго къ Смотрицкому и переписка Смотрицкаго съ Римомъ. Изъ сочиненій другихъ писателей заимствованы нами только отрывочныя свѣдѣнія. Таковы замѣчанія Стебельскаго о Смотрицкомъ въ его сочиненіи *Zywoty ss Ewfozyny i Parascewij z Genealogiã Xiãżat Ostrożskych i Chronologiã 1783, Wilno.* Для свѣдѣній о состояніи греческой церкви служили намъ хроника Филиппа Кипрскаго, сочиненіе Алляція о западной и восточной церкви, «*Monuments authentiques de la religion des grecs*» Эймона, сочиненіе Березина «*Православныя христіанскія церкви на востокъ*» и проч.

I.

СМОТРИЦКІЙ — РЕВНИТЕЛЬ ПРАВОСЛАВІЯ.

Мелетій Смотрицкій родился въ Подоліи, въ 1577 году. Онъ происходилъ изъ западно-русскихъ дворянъ. Отецъ его, Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, пользовался значительною въ то время извѣстностію. Онъ заслужилъ ее своими дѣйствіями въ защиту православія и своимъ образованіемъ, такъ что Константинъ Острожскій поручилъ ему принять на себя должность ректора въ своемъ острожскомъ училищѣ, основанномъ въ 1595 году съ цѣлію противодѣйствовать возникавшей уніи.

Образованіе Мелетія Смотрицкаго началось подъ руководствомъ его отца и Кирилла Лукариса, константинопольскаго патріарха, который былъ въ это время ректоромъ острожскаго училища (*). Своими дарованіями Смотрицкій обратилъ

(*) Кирилле Лукарисе. прибылъ въ западную Россію въ то самое время, когда вводилась уніа. Его отправилъ, въ качествѣ своего экзарха, Ме-

на себя вниманіе Константина Острожскаго. Желая дать ему возможно лучшее образованіе, князь отправилъ его въ 1601 г. въ виленскую іезуитскую академію, которая славилась въ то время. Здѣсь Мелетій воспринимаетъ вліяніе іезуитскаго воспитанія. Слабость и легкость его характера, шаткость убѣжденій, схоластицизмъ—были, безъ сомнѣнія, плодомъ этого воспитанія. Іезуиты старались подыти даровитѣйшихъ изъ своихъ питомцевъ и овладѣть ими. Не вдругъ однакожь овладѣли они Смотрицкимъ.

Большая часть образованныхъ молодыхъ людей отправлялись тогда за границу для довершенія своего образованія въ тамошнихъ университетахъ. Смотрицкій отправился за границу съ Соломорѣцкимъ, молодымъ челоувѣкомъ, происходившимъ изъ княжескаго рода. Путешествуя по Германіи, на каждомъ шагу Смотрицкій встрѣчался съ людьми, не расположенными къ папизму: въ стѣнахъ протестанскихъ университетовъ онъ услышалъ новыя понятія, отличныя отъ тѣхъ, какія внушались ему въ виленской академіи. Здѣсь предъ нимъ люди умные сильнымъ словомъ разоблачали римскую церковь во всѣхъ ея злоупотребленіяхъ. Новый образъ, въ какомъ явилась предъ глазами Смотрицкаго римская церковь, долженъ былъ ослабить въ немъ склонность къ латинству, которую могъ вынести онъ изъ виленской академіи.

летій Пегасъ, патріархъ александрійскій, управлявшій тогда константинопольской церковью по случаю смерти патріарха Теофана II. Какъ экзарху, ему удалось немного сдѣлать для православія. Въ свое пребываніе въ западной Россіи онъ большею частію занимался воспитаніемъ молодого поколѣнія, хотя въ то же время горко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ церковныхъ. Сначала онъ былъ учителемъ въ школѣ виленскаго братства, устроенной при св. духовскомъ монастырѣ, а послѣ 1595 г. по предложенію Константина Острожскаго, принялъ на себя должность ректора въ острожскомъ училищѣ.

По прїѣздѣ на родину, Смотрицкій (ему было около 30 л.) провелъ нѣсколько лѣтъ при разныхъ вельможескихъ дворахъ. Прежде всего онъ былъ принятъ Соломорѣцкимъ. Такъ какъ имѣніе Соломорѣцкихъ лежало не далеко отъ Минска, то Смотрицкій вѣстѣ съ нимъ часто бывалъ въ этомъ городѣ и успѣлъ привлечь къ себѣ простой народъ. Къ нему стекались, какъ къ оракулу, и предлагали вопросы о вѣрѣ. Вліяніе его такъ было сильно, что жители Минска оставили своихъ уніятскихъ пастырей, основали православное братство и построили новую церковь. Въ 1610 году Смотрицкій смѣло и рѣшительно выступилъ противъ римской церкви въ сочиненіи «Lament Orthologa» или «Плачь вселенской Апостольской церкви съ изложеніемъ догматовъ вѣры». (*) Гоненіе противъ церкви отъ уніатовъ и латинянъ и множество мелкихъ сочиненій, распространяемыхъ іезуитами въ народѣ съ клеветами на православную церковь, — побудили Смотрицкаго написать свой «Lament.» Это—лучшее его сочиненіе: въ немъ высказались вполнѣ его дарованія — способность изображать предметъ живо, съ глубокимъ сочувствіемъ, обширныя богословскія свѣдѣнія и тонкій діалектической умъ. Въ «Lament» церковь оплакиваетъ бѣдственное свое положеніе, до котораго довели ее собственныя ея дѣти—уніаты, соединившіяся съ ея врагами, и защищаетъ правоту своего ученія. Съ своею рѣчью она обращается главнымъ образомъ къ пастырямъ уніятскимъ и преимущественно къ митрополиту, какъ главнымъ виновникамъ отпаденія отъ нея многочисленныхъ ея

(*) Издаю въ Вильнѣ, 1610, на польскомъ языкѣ съ псевдонимомъ *Теофила Ортолога*. Прежде этого времени приписываютъ Смотрицкому слѣдующія сочиненія на польскомъ языкѣ: «Новый календарь римскій», Острогъ, 1597 г. «Вирши на отступниковъ», Острогъ, 1598 г. «Отповѣдь на ѣдкія сочиненія, издаванныя отступниками», Вильно, 1608 г.

чадь. Въ защиту правоты своего ученія церковь разбираетъ клеветы, внесенныя на нее схизмографами, — такъ называетъ она писателей безымянныхъ противъ нея сочиненій, — и излагаетъ свое ученіе на ряду съ ученіемъ римскимъ, повѣряетъ то и другое свидѣтельствомъ Слова Божія и древне-церковнаго преданія. По мѣстамъ авторъ касается историческихъ фактовъ. Унію онъ считаетъ произведеніемъ немногихъ отдѣльныхъ лицъ, дѣлая объ нихъ не совсѣмъ лестные отзывы — Михаила Рогозы, Германа Полоцкаго, Пинскаго, Хелискаго, и Кирилла Терлецкаго, изъ которыхъ ни одинъ не избѣгъ суда Божія. Говоря о распространеніи уніи, онъ объясняетъ ея успѣхи нерадѣніемъ пастырей-наемниковъ. Сдѣлавшись пастырями по нуждѣ, изъ корчемниковъ и людей военныхъ, получивъ это достоинство за деньги, въ слишкомъ незрѣломъ возрастѣ (были пятнадцатилѣтніе, совершенные невѣжды, даже между епископами были такіе, которые не умѣли читать), они вели развратную жизнь, не заботились о стадѣ Христовой, отступили отъ вѣры отцевъ и увлекли за собою народъ. Разсужденія Смотрицкаго имѣли цѣлю возвратить увіятовъ въ нѣдра матери церкви; по мѣстамъ онъ прямо обращается къ нимъ съ увѣщаніями, въ лицѣ ихъ митрополита. Эти увѣщанія искренни и пропикнуты истинно христіанскою любовію. «Подвигнись, сынъ мой, говорить, напр., въ одномъ мѣстѣ церковь отпадшему митрополиту, подвигнись именовъ Божиимъ, прошу тебя не оглядывайся назадъ, возвратись въ домъ своей матери, изъ котораго вышелъ; возвратись и оставь несчастную мячеху, выброси изъ головы ея бабьи басни, опять прими чистые уставы твоей Богомъ данной вѣры и украшайся ими. Открой свои уста и свободно исповѣдуй предъ людьми древнюю истинную православную вѣру, которой врата адавы не одолѣютъ: возвыси

свой голосъ какъ трубу, и смѣло скажи предъ всѣмъ свѣтомъ: «вотъ я оставляю домъ непріязненной и недоброжелательной мачихи, отвергаю всѣ ея ереси и бабьи басни, возвращаюсь къ истинной моей матери, которая болѣла мной, кормила и воспитала меня. Къ ней я опять присоединяюсь и принимаю животворное ея ученіе.»

По своему тону и направленію «Плачь» Смотрицкаго вполне соответствовалъ духу времени и принять былъ съ любовью православныхъ русскимъ народомъ. Виленское братство отозвалось о немъ съ похвалами, и многіе изъ православныхъ хранили его, какъ рѣдкость, и передавали своимъ дѣтямъ, какъ драгоценное наслѣдіе. Самъ Смотрицкій говорилъ въ послѣдствіи, что нѣкоторые изъ духовныхъ, наприм. какой-то священникъ Даміанъ Наливайко, считали это сочиненіе наравнѣ съ твореніями Іоанна Златоуста, и готовы, были пролить за него кровь. Дѣйствительно, по силѣ чувства и живости рѣчи, по обширнымъ выпискамъ изъ церковной и, мѣстами, свѣтской письменности, наконецъ, по искусству, съ какими Смотрицкій защищаетъ православную церковь и нападаетъ на римскую, «Плачь» стоитъ выше всѣхъ сочиненій, какія до того времени были писаны противъ уніи. Сами паписты считали это сочиненіе выше всѣхъ другихъ и, усиливаясь очернить Смотрицкаго, говорили только, что онъ заградился за границей духомъ ересей и честолюбія.

Послѣ «Плача», имѣвшаго цѣлю вообще защитить церковь православную отъ клеветъ іезуитскихъ и обличить уклоненія церкви римской, Смотрицкій сталъ писать противъ частныхъ уніятскихъ сочиненій, которыя появлялись во множествѣ. Особенно распространены были—«Унія», «Разговоръ брестянина съ братчикомъ виленскимъ», «Воскресшій Наливайко», «Политическое невѣжество» и «Богослуженіе по-

ваго церковно-религіознаго общества въ Вильно», т. е. православныхъ. Смотрицкій рѣшился критически разобрать всѣ эти произведенія уніятской литературы: но сочиненія его, заключавшія въ себѣ эти разборы, не были изданы. Суша говоритъ, что угрызенія совѣсти не позволили Смотрицкому издать ихъ. Можно заключать отсюда навѣрное, что онѣ писаны были въ духѣ православія.

Не молчали и паписты: противъ «Плача» явились одно за другимъ два сочиненія: «Przestroga» (предостереженіе) *Скарги* и «*Paruroręta*» (увѣщаніе) владимірскаго епископа *Іоакима Мороховскаго*. Какъ Смотрицкій старался раскрывать мысль о православіи восточной церкви, оставшейся вѣрною Христову ученію и обличить римскую въ уклоненіяхъ, такъ на оборотъ Скарга и Мороховскій съ особенною силою доказываютъ ту мысль, что церковь римская всегда сохраняла Христово ученіе, а напротивъ восточная уклонилась отъ него, когда разорвала союзъ любви съ римскою церковію; за то Господь отнялъ у нея ученыхъ людей, образованныхъ и ревностныхъ пастырей, подвергъ ее турецкому игу и другимъ бѣдствіямъ, какъ на востокѣ, такъ и въ Россіи. Самого сочинителя они укоряютъ въ кальвинизмѣ, въ неуваженіи къ ученію св. отцовъ, называютъ его ученикомъ Лютера и Кальвина. Оба писателя держатся своей исключительной точки зрѣнія; оба пользуются только промахами Смотрицкаго и не касаются основныхъ его воззрѣній. Для православнаго читателя, знакомаго съ церковною письменностію, ихъ доказательства не могли быть убѣдительны. Едва ли эти сочиненія убѣдили Смотрицкаго и, сами по себѣ, заставили его измѣнить свой образъ мыслей. Однакожь, по словамъ папистовъ, они произвели сильное вліяніе на Смотрицкаго. Онъ написалъ: «Полинодій» и «Трактатъ объ исхожденіи св. Ду-

жа, состоявшій изъ силлогизмовъ отъ грековъ латинянамъ и отъ латинянъ грекамъ. Въ томъ и другомъ сочиненіи Смотрицкій сдѣлалъ нѣкоторыя уступки въ пользу уніи. Первое сочиненіе онъ представилъ на разсмотрѣніе острожскому капитулу и дерманскимъ монахамъ; они отдали Полинодій на судъ самого Смотрицкаго, а потомъ съ его согласія сожгли. Точно также православные неблагоклонно взглянули и на его *трактатъ*. Прибывъ въ Вильно съ намѣреніемъ вступить въ число братій свято-духовскаго монастыря, Мелетій представилъ его Леонтію Карповичу, но это сочиненіе произвело всеобщее недовольство между монахами. Оба эти сочиненія, судя по отзыву о нихъ папистовъ, стоятъ въ разладѣ со всей предъидущей и послѣдующей дѣятельностію Мелетія въ качествѣ защитника православія. Съ именемъ этого человѣка, до его обращенія въ унію, привыкли соединять мысль о самомъ ревностномъ поборникѣ русской церкви, — и вотъ онъ пишетъ сочиненія, несообразныя съ православіемъ. Какъ ни страннымъ кажется съ перваго взгляда это явленіе, но оно совершенно естественно: нужно только обратить вниманіе на положеніе Смотрицкаго.

Смотрицкій долго жилъ между людьми образованными, у которыхъ была довольно распространена мысль о незначительности разностей между церквами восточной и западной. Съ другой стороны онъ сносился съ уніятами. Несомнѣнно, что онъ имѣлъ сношенія съ Александромъ Острожскимъ и нѣкоторое время даже пользовался его расположеніемъ; онъ близокъ былъ къ митрополиту Рутскому и пользовался его дружбою; Рутскій и Острожскій старались совратить его въ унію. Они до времени не имѣли успѣха, но могли имѣть вліяніе на образъ мыслей Смотрицкаго. Какъ воспитанникъ іезуитовъ, онъ былъ способенъ легко смотрѣть на разности

между церквами восточною и западною. Съ его характеромъ достаточно было попасть въ кругъ уніатовъ образованныхъ, чтобы подобная мысль нашла къ нему доступъ: письмо къ нему Александра Острожскаго показываетъ, что онъ не только раздѣлялъ этотъ взглядъ, но и высказывалъ его, такъ что Острожскій надѣялся со временемъ увидѣть Смотрицкаго въ числѣ папистовъ. Весьма вѣроятно, что, отъ природы живой и пытливый, Смотрицкій рѣшился изслѣдовать мысль о незначительности разностей между церквами восточной и западной и съ этою цѣлю написалъ *Полинодія* и *Трактатъ*. Но самъ онъ еще нетвердъ былъ въ своихъ мнѣніяхъ, и потому, отдавая предпочтеніе православію церкви русской, согласился на уничтоженіе своего *Полинодія*. Вліяніе окружающей среды сильно дѣйствовало на Смотрицкаго. Казалось, что еслибъ больше жилъ онъ между уніатами, то можетъ быть сдѣлался бы уніатомъ гораздо раньше, нежели какъ это случилось.

Часто бывалъ Смотрицкій въ обществѣ уніатовъ, но еще чаще обращался съ православными, а около 1616 года онъ сталъ очень близко къ центру западно-русскаго православія, слѣдовательно еще больше отдалился отъ уніатовъ. Мы разумѣемъ его вступленіе въ число братіи свято-духовскаго монастыря (въ Вильно), принадлежавшаго виленскому православному братству. Здѣсь онъ около года оставался міряниномъ, желая испытать свою способность и присмотрѣться къ монашеской жизни. При томъ, оставаясь міряниномъ, онъ надѣялся предварительно ближе узнать, чего домогается противная сторона, чего дѣйствительно она ищетъ? По словамъ виленскаго братства, онъ не зналъ цѣли уніатовъ, т. е. не понималъ, какимъ образомъ можетъ остаться неприкосновеннымъ восточное исповѣданіе въ русскомъ народѣ,

еслибъ онъ принялъ унію. Въ понятіяхъ всѣхъ православныхъ и самого Мелетія мысль о зависимости отъ константинопольскаго патріарха тѣсно была соединена съ мыслию о цѣлости вѣры, и наоборотъ—отступленіе отъ константинопольскаго патріарха и подчиненіе римскому епископу necessarily, сами отступивъ отъ патріарха и отъ вѣры, требуютъ отъ православныхъ отказаться отъ повиновенія константинопольскому патріарху и перейти на сторону римлянъ, увѣряя въ то же время, что вѣра и богослуженіе православныхъ останутся неприкосновенными, и что при этомъ только и возможна ихъ полная цѣлость, слѣдовательно общаются соединить двѣ вещи, по понятіямъ православныхъ, несоединимыя. Этотъ вопросъ хотѣлъ разрѣшить для себя Смотрицкій прежде поступленія въ монашество.

Отвѣчая на обвиненія троицкихъ уніятскихъ монаховъ въ нарушеніи правилъ иночества, свято-духовскіе монахи такъ изображали свою жизнь въ монастырѣ: «мы трудимся для славы Божіей, стараемся жить по правиламъ монашескимъ, и съ Божіей помощію сохраняемъ ихъ по мѣрѣ нашихъ силъ; соблюдаемъ порядокъ въ церковныхъ дѣлахъ; по милости Божіей у насъ неспростны амвоны; у насъ устроены школы для образованія дѣтей въ языкахъ: греческомъ, латинскомъ, славянскомъ, русскомъ и польскомъ; своими трудами мы содержимъ бурсу изъ бѣдняковъ... Наши монахи, какъ пчелы, занимаются однимъ дѣломъ церковными, иной книгопечатаніемъ, другіе хозяйствомъ...» Виленскіе православныхъ монахи принимали самое живое участіе въ общенныхъ интересахъ. Въ то время, когда паписты всѣми силами старались ввести унію, православные изыскивали всѣ средства противодѣйствовать ея распросстраненію. Съ

этою цѣлю они соединялись въ общества или *церковно-религіозныя братства*. Въ Литвѣ такимъ обществомъ было *виленское братство*; въ составъ его входили знаменитѣйшія лица того времени: Сапѣги, Воловичи, Скумины, Тышкевичи, Хребтовичи, Войны, Тризны, Мѣлешки, Кмиты, Вишневецкіе, Козырскіе, Огинскіе, Соломорѣцкіе, Соколинскіе, Горскіе, Полубенскіе, Масальскіе и др. Принадлежа виленскому братству, будучи какъ бы главною его резиденціею, виленскій свято-духовскій монастырь глубоко сочувствовалъ общему дѣлу церкви и народа. Виленскіе монахи считали своимъ долгомъ твердо стоять за честь русскаго имени, за права русскаго народа, за православіе,—и всѣми мѣрами отражали нападенія папистовъ, направленные противъ русской народности и православія.

Вступивши въ виленскій монастырь, Мелетій избралъ строгую жизнь подвижника, соблюдалъ строгій постъ, носилъ власяницу, проводилъ ночи безъ сна, спалъ на жесткой постелѣ, носилъ бѣдную одежду. Но какъ монастырю нужны были люди, способные защищать церковь отъ притязаній папистовъ, способные воспитать для нея защитниковъ въ молодомъ поколѣніи, то Смотрицкому вскорѣ открылось обширное поприще. Возвратившись изъ-за границы, онъ самъ желалъ служить своими свѣдѣніями и образованіемъ общему благу. Въ монастырѣ были школы, но былъ недостатокъ въ учителяхъ; въ 1617 году виленское братство письмомъ просило львовское доставить ему *дидакаловъ* и должно было на учительскія мѣста принимать нѣмцевъ. Такъ самыя нужды монастыря представляли Смотрицкому случаи приложить свои познанія и труды къ дѣлу. Онъ преподавалъ по латышъ *свободныя науки* (*latinae artes humaniores*) и славянскій языкъ. Для его изученія онъ составилъ лексиконъ и славянскую

грамматику. Последняя потомъ долгое время была единственнымъ руководствомъ и имѣла нѣсколько изданій (*). Такъ какъ школы при братствахъ учреждались вслѣдствіе существенныхъ потребностей русскаго народа и всѣ имѣли цѣлю образоватъ достойныхъ священниковъ, то, безъ сомнѣнія, къ этой же цѣли были направлены и занятія Смотрицкаго по школъ. Наконецъ братства и монастыри должны были заботиться о внутреннемъ церковномъ благоустройствѣ, и мы знаемъ, что Смотрицкій занимался сличеніемъ Псалтири и Новаго Заветъа—славянскихъ съ греческими, издалъ на славянскомъ языкѣ *Типикъ* (typis) съ послѣдованіями разныхъ службъ и *Breviarij* (Breviarium **).

Множество занятій, вызванныхъ многосторонними нуждами монастыря, не препятствовало Смотрицкому принимать участіе въ общемъ дѣлѣ уніи. Этотъ вопросъ всегда занималъ его, и онъ посвятилъ ему множество мелкихъ сочиненій, которыя составляли предметъ ежедневныхъ его занятій. Но Смотрицкаго не могли удовлетворить эти келейныя рѣшенія вопросовъ, какіе вызвала унія. Ему нужна была живая, устная бесѣда съ уніятами. И вотъ онъ вступаетъ въ сношенія съ ними—тайныя и явныя, дозволенныя и запрещенныя. Въ послѣдствіи троицкіе монахи этими сношеніями дока-

(*) Эта знаменитая грамматика, по которой учился Ломоносовъ, въ свое время доставила великую извѣстность Смотрицкому въ Великороссіи, была издана въ Евю 1619 г., въ Вильно 1629 г., въ Москвѣ 1648 г.

(**) Мы имѣли возможность видѣть и сличать уніятскіе бревіаріи; они назначались для священника и заключали въ себѣ послѣдованія—вечерни, повечерія, полунощницы, утрени, часовъ, изобразительныхъ, утреннія и вечернія молитвы и мѣсяцесловъ; иногда входили въ составъ ихъ и другія чинопослѣдованія, но онѣ могли быть и не быть. Къ сожалѣнію, наши попытки отыскать бревіарій Смотрицкаго доселѣ остались безуспѣшны, и мы не можемъ сказать, какой видъ имѣлъ изданный имъ бревіарій.

зывали склонность Смотрицкаго къ уніи и обвиняли его въ измѣнѣ православію. Тѣмъ не менѣе Смотрицкій оставался въ это время еще твердъ въ православіи. Іосифъ Рутскій раньше конца 1617 года общалъ Смотрицкому полоцкую архіепископію: это время совпадаетъ съ временемъ тайныхъ сношеній Смотрицкаго. Не смотря на лестное предложеніе, Смотрицкій отказался.

Характеръ этихъ сношеній объясняется тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ. Не смотря на полемику, которая, казалось, усиливала взаимное раздраженіе, желаніе примиренія было сильно съ обѣихъ сторонъ и иногда явно обваруживалось. Въ 1618 году, по старанію виленскаго епископа, назначенъ былъ диспутъ между свято-духовскими и троицкими монахами для разсужденія о разностяхъ. Опредѣлено было мѣсто и время собранія, съ той и другой стороны выбраны надежныя лица. Православнымъ была обѣщана полная свобода мысли и слова. Но за три дня до срока свято-духовскіе монахи отказались на томъ основаніи, что некому будетъ произнести суда о ихъ диспутѣ, а когда троицкіе монахи стали упрекать ихъ за отказъ, они прямо сказали, что нѣтъ нужды разсуждать о томъ, что уже опредѣлено на соборахъ. Еще раньше во время дозволенныхъ сношеній Смотрицкаго съ троицкими монахами, послѣдніе договаривались съ монахами свято-духовскими насчетъ диспута, но онъ не состоялся, по четыремъ причинамъ, какъ объясняли свято-духовскіе монахи: 1, свѣтскіе не могли судить о дѣлахъ церковныхъ, а главныхъ духовныхъ лицъ—митрополита и епископовъ тогда не было; 2, православные опасались вѣшателства свѣтской власти, которая, разумѣется, дала бы перевѣсъ уніятамъ; 3, находили этотъ диспутъ бесполезнымъ; онъ никого бы не убѣдилъ, а еще увеличилъ бы ненависть;

наконецъ 4, говорили, что не могутъ на него рѣшиться безъ предварительнаго сношенія съ патріархомъ. Почти одновременно съ этимъ Смотрицкій сносился съ троицкими монахами и тайно ходилъ къ нимъ. Онъ любилъ русскій народъ, не переставалъ любить его и тогда, какъ сдѣлался уніятимъ; въ уніятскихъ его увѣщаніяхъ къ русскому народу слышится голосъ этой любви: по его собственнымъ словамъ, сказаннымъ отъ лица виленскаго братства, «раздѣленіе въ русскомъ народѣ всегда его мучило». При живой, воспримчивой натурѣ Смотрицкому естественно было принять живѣйшее участіе въ дѣлѣ примиренія обѣихъ сторонъ. Дозволенные сношенія съ уніятами въ присутствіи архимандрита, едва ли были достаточнымъ къ этому средствомъ, и онъ рѣшился вступить въ тайныя сношенія, чтобы лучше узнать образъ мыслей противной стороны. Сами троицкіе монахи, указывая на эти сношенія, какъ на доказательство желанія Смотрицкаго пристать къ уніятской сторонѣ, проговорились противъ воли. По ихъ словамъ Смотрицкій указывалъ способъ къ соглашенію: итакъ онъ не принималъ, а указывалъ, слѣдовательно, его способъ не былъ тождественъ съ тѣмъ, какой предлагали уніаты, требуя полнаго признанія папской власти. Съ этимъ то признаніемъ мысль Смотрицкаго не мирилась; противъ главенства папы онъ ратовалъ сильно и открыто, такъ какъ и образованные изъ православныхъ, не придавая большой важности разностямъ церквей, никогда однакожь не соглашались на подчиненіе папѣ. Наконецъ онъ былъ человѣкъ ученый и пытливый, любилъ диспуты, а въ обществѣ троицкихъ монаховъ онъ могъ встрѣчаться съ подобными личностями, которыя могли удовлетворить этой его потребности.

Но каковы бы ни были побужденія у Смотрицкаго для

тайныхъ сношеній съ троицкими монахами, свято-духовскіе монахи посмотрѣли на это неблагопріятно. Они торжественно сдѣлали ему «братское исправленіе», а когда Смотрицкій не прекращалъ сношеній, то ему прямо сказали: «или оставь насъ, или принимай монашество». Онъ уступилъ настоятельнымъ требованіямъ и принялъ монашество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имя Мелетія (въ мірѣ онъ звался Максимомъ). Это было около 1617 года. Принятіе Смотрицкинъ монашества успокоило православныхъ, а его занятія въ монастырѣ для блага церкви, при его строгой жизни, приобрѣли ему любовь и уваженіе.

Ожидая многого отъ Смотрицкаго, православные готовы были предоставить ему болѣе обширный кругъ дѣятельности. Въ 1620 году мы видимъ Мелетія въ санѣ архіепископа и архимандрита виленскаго свято-духовскаго монастыря. Избравъ Смотрицкаго на епископское достоинство, православные выразили тѣмъ свою увѣренность, что у него станеть сила побѣдоносно вести борьбу съ папистами и мужественно стоять за православіе. Такъ Смотрицкій изъ ряда простыхъ смиренныхъ иноковъ сталъ въ рядъ представительныхъ защитниковъ православія.

Но чѣмъ выше стало положеніе Смотрицкаго, тѣмъ болѣе онъ подвергался опасностямъ. Паписты составили планъ представить Смотрицкаго и прочихъ новопоставленныхъ епископовъ измѣнниками, заподозрить дѣйствительность ихъ рукоположенія, огласивъ Теофана іерусалимскаго патріарха, который посвятилъ ихъ, самозванцемъ.

Паписты видѣли, что не смотря на всѣ стѣснительныя мѣры противъ православныхъ, успѣхи ушіи будутъ сомнительны, пока не будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ іерархіи западно-русской церкви. Они рѣшились поставить православ-

ныхъ въ такое положеніе, чтобъ они невольнo обращались къ уніятскимъ пастырямъ. Для этой цѣли они нещадно преслѣдовали православныхъ священниковъ, изгоняли ихъ изъ приходовъ и на мѣсто ихъ поставляли своихъ, уніятскихъ. Уже въ началѣ уніи число православныхъ пастырей сократилось. Только два епископа—Михаилъ перемышльскій и Гедeonъ львовскій остались вѣрными православію; прочіе вмѣстѣ съ митрополитомъ приняли унію. Съ теченіемъ времени отъ насильственныхъ дѣйствій уніятъ число православныхъ священниковъ должно было еще уменьшиться. Въ 1607 г. умеръ Гедeonъ, а въ 1612 и Михаилъ перемышльскій. Замѣщена была только львовская кафедра, на которую былъ поставленъ Іеремія Тиссаровскій: его рукоположилъ митрополитъ Валахїи по полномочію константинопольскаго патріарха. За посвященіемъ низшаго духовенства вужно было обращаться въ Львовъ, который лежалъ отъ иныхъ мѣстъ на разстояніи 600 или 700 верстъ. Православной церкви угрожало паденіе іерархїи и оскуднѣніе пастырей: въ этомъ положеніи она могла ожидать помощи только отъ восточной церкви.

Но и востокъ не могъ оказать бѣдствовавшимъ нашимъ собратіямъ дѣятельнаго пособія. Со времени завоеванія греческой имперїи турками онъ несъ двойной крестъ—турецкаго рабства и притязаній латинянъ, а когда появилась реформація и іезуитскій орденъ, бѣдствія христіанъ восточныхъ еще увеличились. Церковь страдала отъ турокъ, страдала отъ безпорядковъ внутреннихъ и въ то же время должна была противодѣйствовать вліянію и проискамъ запада. Въ концѣ XVI столѣтія іезуиты уже были довольно сильны на востокѣ, особенно въ Константинополь. Стѣснивъ православныхъ на востокѣ, паписты тѣмъ успѣшнѣе могли дѣйствовать въ литовско-польскомъ царствѣ, гдѣ іезуиты были полными госпо-

дами. По ихъ вліянію, вмѣшательство восточной церкви въ дѣло уніи при самомъ началѣ осталось безплоднымъ. Кириллъ, бывшій тогда экзархомъ константинопольскаго патріарха, долженъ былъ спастись бѣгствомъ, а другой экзархъ Никифоръ былъ схваченъ. Приказано было не впускать въ предѣлы королевскихъ владѣній людей подозрительныхъ, безпкойныхъ, чтобы они не стали производить волненій. По понятіямъ тогдашняго правительства, всякій православный, особенно если онъ принадлежалъ къ сословію духовному, былъ человѣкомъ опаснымъ, хотя бы на дѣлѣ это былъ человѣкъ самый честный и благонамѣренный. Уже Мелетій, патріархъ александрійскій, въ письмѣ къ королю жаловался, что королевское постановленіе падаетъ ни лица дознанной честности, по усердію исполнителей его воли, которые перехватываютъ письма, имѣющія цѣлю не волновать, а умирять народъ. Эти дѣйствія польскаго правительства показали константинопольскому патріарху, какъ будетъ встрѣчено всякое дальнѣйшее его участіе въ дѣлахъ западно-русской церкви, не согласное съ видами польскаго правительства.

Не смотря на то, западно-русская церковь числилась митрополіею константинопольскаго патріарха, и патріархъ рѣшился принять ближайшее участіе въ ея положеніи. Патріархъ іерусалимскій Теофанъ, отправляясь въ Россію по нуждамъ своей церкви, на пути заѣхалъ въ Константинополь. Тимофеей, тогдашній константинопольскій патріархъ, уполномочилъ его своею грамотою посвящать пастырей въ западно-русской церкви и зависящими мѣрами содѣйствовать ея благоустройству: онъ послалъ съ нимъ своего экзарха—архимандрита *селикой церкви* Арсенія. Совершивъ въ Москвѣ поставленіе патріарха Филарета Никитича, возвратившагося изъ польскаго плѣна въ іюль 1619 года, Теофанъ ва

обратножъ пути затѣхалъ въ Кіевъ, чтобы исполнить порученіе константинопольскаго патріарха. Это было въ срединѣ великаго поста. Слухъ о его прибытіи быстро распространился и дошелъ до короля. Обрадовались православные, но удерживались отъ сношеній съ нимъ, пока не получили официальныхъ извѣстій. Вотъ какъ говорить объ этомъ виденское братство отъ лица шляхты, рыцарства, обывателей короны польской и великаго княжества-литовскаго—людей духовныхъ и свѣтскихъ: «узнавъ о прибытіи іерусалимскаго патріарха Теофана, мы хотя не имѣли на счетъ его никакого подозрѣнія, но по причинѣ непріязненныхъ отношеній къ императору бусурманскому, постановили не видѣться съ нимъ и не писать къ нему до полученія о немъ извѣстій отъ самаго правительства. Это постановленіе мы сохраняли отъ средины поста, когда прибылъ этотъ мужъ во владѣнія его королевскаго величества, почти до праздника Успенія. Не за долго до этого были отправлены два письма Станиславомъ Жолкевскимъ, канцлеромъ и гетманомъ короннымъ, одно ко всѣмъ вообще украинскимъ обывателямъ, а другое къ войту, бурмистру и ратманамъ кіевскимъ; въ нихъ онъ признаетъ Теофана іерусалимскимъ патріархомъ, великимъ мужемъ, знаменитымъ гостемъ; скоро за тѣмъ послано было два письма отъ короля: одно частное къ самому патріарху, а другое окружное (универсальное) ко всѣмъ обывателямъ волынскаго и украинскихъ воеводствъ; въ этихъ письмахъ король называетъ Теофана патріархомъ іерусалимскимъ и и всей Палестины, и приглашаетъ его посѣтить свой дворъ, а всѣмъ людямъ чиновнымъ, урядникамъ, старостамъ и всѣмъ обывателямъ упомянутыхъ воеводствъ приказываетъ принимать его съ подобающимъ уваженіемъ, какъ человека знаменитаго, свободаго отъ всякихъ подозрѣній, не дѣлать ему

никакихъ непріятностей и провѣзъ чрезу владѣнія его королевскаго величества. Для этой же цѣли король отправилъ почановскаго коморника, который долженъ былъ провѣзъ патріарха чрезу Каменецъ до Хотина и получилъ на это отъ короля универсалъ или пашпортъ. Крому того и другіе знаменитые люди писали къ патріарху съ великимъ уваженіемъ, именно луцкій епископъ, подканцлеръ, бывшій тогда короннымъ канцлеромъ, Андрей Липскій, Криштофъ князь Зборажскій, коронный конюшій, староста нинскій. Узнавши изъ этихъ писемъ, что король и сенаторы признаютъ Теофана іерусалимскимъ патріархомъ, человекомъ достойнымъ великаго уваженія и чести, многіе изъ насъ отправились къ нему лично, другіе отправили письма съ послами и такимъ образомъ отдали ему духовный поклонъ. Скоро стало извѣстнымъ, что онъ имѣетъ грамоту отъ святѣйшаго константинопольскаго патріарха Тимофея съ подписями патріарха и нѣсколькихъ митрополитовъ, которою онъ уполномочивается имѣть надзоръ, устроить все дѣла и восполнять духовные недостатки во всехъ діоцезіяхъ, чрезу которыя ему пришлось бы пробѣзъать. При немъ же былъ и экзархъ константинопольскаго патріарха Арсепій, архимандритъ великой церкви. Потому, мы на основаніи церковныхъ каноновъ и обѣщанія короля, даннаго на сеймѣ 1607 года, и повтореннаго на другомъ, ближайшемъ—позволить намъ имѣть своихъ митрополита и епископовъ, постановили просить патріарха рукоположить намъ митрополита и епископовъ на мѣсто отступившихъ.» Уже заранѣе было опредѣлено, кого избрать на эти степеніи. Но между лицами, общимъ голосомъ нареченными въ іерархи западно-русской церкви, спачала не было Смотрицкаго. Еще Смотрицкій былъ въ Вильно и не слышалъ о прибытіи патріарха, а митрополитъ и епископы уже были

назначены. Смотрицкому пришлось впрочем ѣхать въ Кіевъ по порученію своего архимандрита, который за тяжкою болѣзнію не могъ самъ посѣтить патріарха и послалъ его вмѣсто себя. Отпуская Смотрицкаго, Леонтій просилъ его принять пресвитерскій санъ: Мелетій отказывался даже отъ сана пресвитерскаго.

Оживился древній Кіевъ и закипѣлъ многолюдствомъ. Народъ православный стекался сюда со всѣхъ сторонъ. Наступалъ праздникъ Успенія Божіей Матери, а «въ этотъ праздникъ множество людей нашей вѣры и богослуженія, говорятъ виленское братство, свѣтскихъ и духовныхъ, по древнему благочестивому обычаю, посѣщаетъ кіевскій печерскій монастырь и печерскую церковь Успенія Божіей Матери.» Но теперь былъ здѣсь патріархъ и предстояло избраніе православныхъ епископовъ. Когда извѣстно стало о прибытіи Смотрицкаго, общимъ избраніемъ онъ назначенъ былъ на кафедру полоцкую. Православные упросили патріарха въ этотъ столь чтимый праздникъ посвятить имъ митрополита и епископовъ. Такъ были рукоположены патріархомъ Іовъ Борецкій на митрополию кіевскую и галицкую, Іезекіиль Курцевичъ на епископство владимірское и брестское, Исакій Черчицкій на луцкое и острожское, Мелетій Смотрицкій на архіепископство полоцкое, епископство витебское и мстиславское, Исаія Копинскій на архіепископство пршемышльское и самборское, Паисій Ипполитовичъ на хелмское и бельзкое, Авраамій Стагонскій, грекъ, на пинское и туровское. Всѣ эти лица были поставлены безъ представленія о нихъ королю; до королевскаго утвержденія они не могли жить въ своихъ епархіяхъ и содержались на счетъ православныхъ патроновъ—князей Острожскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ и другихъ. Мелетій ждалъ своего ут-

верженія въ виленскомъ свято-духовскомъ монастырѣ, куда онъ возвратился по рукоположеніи. Между тѣмъ скончался Леонтій Карповичъ. Мелетій почтилъ его память надгробнымъ словомъ, которое еще болѣе возвысило панегириста во мнѣніи православныхъ. И братчики, и монахи единодушно избрали его архимандритомъ монастыря.

Новыя силы, какія западно-русская церковь получила въ лицѣ своихъ іерарховъ, вызвали противъ нея повсемѣстное гоненіе. Возстановленіе православной іерархіи, клонившейся къ упадку, шло наперекоръ плану папистовъ, и надъ православными разразилась гроза. Лишь только патріархъ выѣхалъ за предѣлы литовско-польскаго царства, какъ униатскіе епископы сдѣлали доносъ королю (около 7 февраля 1621 г.), что Теофанъ-лжепатріархъ, простой чернецъ, шпионъ турецкаго султана, что поставленные имъ епископы вовсе не имѣютъ этого высокаго сана, что они измѣнники, бунтовщики, въ заговорѣ противъ отчизны, чрезъ Теофана снеслись съ турецкимъ султаномъ, подъ видомъ вѣры и благочестія волнуютъ народъ съ цѣлію ослабить Польшу и сдѣлать ее добычею врага христіанъ. Въ частности о Смотрицкомъ устно и на бумагѣ говорили, что онъ волнуеть полочанъ и витеблянъ чрезъ своихъ чернецовъ и универсалы, и всѣмъ внушаетъ, что дѣлаетъ это по волѣ короля; разглашали, что самъ онъ лично съ толпою бродягъ нѣсколько разъ подѣзжалъ къ Полоцку съ цѣлію овладѣть имъ, какъ своею архіепископіею. Клевета была очевидна, но король и власти повѣрили. Въ минуты ожесточенной борьбы двухъ религіозныхъ партій не любили разбирать дѣла и пользовались самымъ ничтожнымъ предлогомъ, чтобы гнать православныхъ. Отъ короля изданы были универсалы ловить епископовъ, поставленныхъ Теофаномъ, какъ

бунтовщиковъ и измѣнниковъ. Уніаты горячо принялись за дѣло; клевету въ измѣнѣ и бунтахъ распространили на всѣхъ православныхъ, и стали преслѣдовать ихъ съ силою фанатизма, ничѣмъ не сдерживаемаго. «Бога не боясь, и людей не стыдясь, не уважая даже права природы, они врываются въ дома православныхъ, останавливали ихъ на улицахъ, влекли въ суды, вязали ихъ, морили голодомъ и мучили до крови..... Бѣдный народъ въ замѣшательствѣ метался во всѣ стороны, не зная, что съ нимъ дѣлается; бѣгалъ туда и сюда и спрашивалъ, чтобы это значило? откуда эти неслыханныя обвиненія, это небывалое презрѣніе, эти страшныя жестокости?» Особенно пострадали православные въ Вильно. Здѣсь и въ ратушахъ и въ церквахъ запрещали молиться съ православными, торговать и говорить съ ними, какъ измѣнниками отчизны, сообщниками турецкаго правительства; нѣсколько десятковъ мѣщанъ, людей честныхъ, безъ всякаго доноса и изслѣдованія, были схвачены и—одни посажены въ ратушѣ, другіе въ подземной тюрьмѣ подъ ратушей, куда не проникаетъ свѣтъ Божій и куда обыкновенно заключаютъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Изъ членовъ ратуши одни лишены своихъ мѣсть, а другимъ запрещено выходить изъ ратуши. У ремесленниковъ отняты были ключи отъ ихъ, привидегій и общихъ складочныхъ мѣсть, а которые не хотѣли отдавать сами, тѣ подвергались пыткамъ и лишались права участвовать въ цѣховыхъ собраніяхъ. Все это дѣлалось па страстной и свѣтлой седмицахъ. Несчастные узники просили позволенія сходить въ церковь исповѣдаться и причаститься, предлагали за себя въ заложники женъ и дѣтей. Но имъ было отказано и въ этомъ. Впослѣдствіи, когда православные печатно начали выставлять эти жестокости со стороны

уніатовъ, послѣдніе оправдывали себя необходимостію, ссылаясь на то, будто виленскіе мѣщане хотѣли возвести Борецкаго на митрополичью кафедру. Чтò было въ Вильно, то дѣлалось и въ Великомъ Брестѣ, Пинскѣ, Львовѣ, Перемышлѣ, Луцкѣ, Краснославѣ, Бужко, Хелмѣ, Сокалѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ. «Столь сильный открылся вдругъ пожаръ, говорить виленское братство, такой бурный зашумѣлъ вихрь, такая страшная засвирѣпствовала буря, какъ будто предъ днемъ страшнаго суда. Отцевъ разлучали съ дѣтьми, женъ съ мужьями; вездѣ по домамъ, на улицахъ, на рынкѣ, только и слышно было: измѣнники, измѣнники! Русь нечестивая! измѣнники, шпіоны!.. На нашъ монастырь бросаютъ камни изъ пращей; на земли, дома и церковь пускаютъ изъ луковъ стрѣлы съ горючими веществами. На площадь нашего монастыря бросаютъ чрезъ каменную ограду зажженные головни; между углами церковныхъ стѣнъ втыкаютъ натертые воскомъ, полугорящіе куски сукна съ разными горючими веществами и фитилями. У насъ въ Вильно и другихъ городахъ запрещаютъ въ ратушахъ принимать отъ насъ прокеты и дѣлать необходимыя для насъ справки; приказнымъ запрещаютъ служить по нашимъ дѣламъ, въ противномъ случаѣ ихъ наказываютъ и сажаютъ въ тюрьму; по дорогамъ у гонцовъ отнимаютъ наши письма, а другія пишутъ отъ нашего имени, и эти-то выдуманная письма, наполненные клеветами, ложью, клятвенными увѣреніями, или рассылаютъ для обмана людей незнающихъ, или подбрасываютъ на многочудныхъ мѣстахъ».

Среди этого всеобщаго гоненія виленскіе свято-духовскіе монахи возвысили свой голосъ въ защиту православія. Завязалась жаркая полемика. Ее вели два монастыря, каждый отъ лица своей стороны,—свято духовскій отъ лица право-

славныхъ, а троицкій отъ лица уніатовъ. Во главѣ защитниковъ православія стоялъ Мелетій, архіепископъ полоцкій, епископъ витебскій и мстиславскій, архимандритъ монастыря. Чтобы опровергнуть клевету, онъ писалъ сочиненіе «*Verificatio niewinności*» (оправданіе невинности), въ которомъ раскрываетъ истину дѣла, доказываетъ, что Теофанъ—истинный патриархъ, а не простой Чернецъ, не шпіонъ султана, а доброжелатель короля, что поставленные имъ епископы—истинные епископы и рукоположены безъ всякаго нарушенія церковныхъ и гражданскихъ законовъ, что ни они, ни народъ никогда и не думали быть измѣнниками, бунтовщиками; напротивъ уніаты съ своими епископами попрали всѣ законы, измѣнивъ константинопольскому патриарху; они-то волнуютъ народъ своими клеветами, тяжкими гоненіями и все это для того дѣлаютъ, чтобы распространить унію, которая приноситъ одинъ только вредъ. Отзываясь такъ о литовской церковной уніи, Смотрицкій отнюдь не чуждался уніи, которая была бы одинакова съ флорентійской. Доказывая отличіе первой отъ послѣдней, вопреки уніатамъ, которые старались увѣрить, что онѣ тождественны, Мелетій говоритъ: «тогда римлянинъ такъ же могъ быть названъ уніатомъ въ отношеніи къ греку, какъ грекъ въ отношеніи къ римлянину; обѣ стороны остались при своихъ пастыряхъ и при своихъ членахъ вѣры. Флорентійскій соборъ созданъ былъ не съ тѣмъ, чтобы измѣнить въ чемъ-нибудь греческую вѣру, или соединить греческую церковь съ римскою, какъ лучшею; но для того, чтобы вселенскою церковію были разсмотрѣны разности между церквами восточною и западною и, по уничтоженіи прибавленія къ символу вѣры слова «*отъ Сына*», обѣ церкви соединились, ничего не теряя ни въ отношеніи къ своей цѣлости, ни въ отношеніи къ своему зна-

ченію. И греки остались при своемъ, и римляне; обѣ стороны убѣдились, что разность въ ученіи обѣ исхожденіи Св. Духа, для разсужденія которой греки и приходили на соборъ, заключается только въ словахъ *чрезъ Сына* и *отъ Сына*; перваго выраженія держалась церковь восточная, а втораго западная. Замѣчательнъ этотъ отзывъ Смотрицкаго: въ немъ выразился его собственный взглядъ на одну изъ главнѣйшихъ разностей между церквами восточною и западною. Правда, онъ, какъ видно, имѣлъ не совсѣмъ вѣрное понятіе о флорентійской уніи; онъ говоритъ, будто на флорентійскомъ соборѣ произошло соединеніе и будто римляне согласились оставить прибавленіе къ символу *Filioque*. Смотрицкій повидимому видитъ разность въ однихъ словахъ: но это сочиненіе писано имъ отъ лица всего виленскаго братства, и безъ сомнѣнія до выхода въ свѣтъ оно было просмотрѣно. Такой отзывъ обѣ одной изъ важнѣйшихъ догматическихъ разностей даетъ основаніе думать, что этотъ взглядъ былъ больше или меньше распространенъ. Такимъ образомъ и въ глазахъ Смотрицкаго и для виленскаго братства, когда оно издавало это сочиненіе, ученіе латинянъ обѣ исхожденіи св. Духа и отъ Сына перестало имѣть то значеніе, какое усвоилъ ему Смотрицкій въ первомъ своемъ сочиненіи (*Lament*). Сопоставляя брестскую унію (1596 г.) съ флорентійскою, Смотрицкій находитъ, что первая далеко не то же, что вторая. «Теперь, говоритъ онъ, русскіе отступники называются уніятами въ отношеніи къ римлянамъ. Уже каждый митрополитъ, при своемъ нареченіи, читаетъ символъ съ прибавленіемъ *и отъ Сына*, а это значительный ударъ флорентійской уніи; затѣмъ уніята отступились отъ своего патріарха и приняли остальные разности». Для лучшаго доказательства Мелетій въ видѣ прибавленія къ своей «*Verificatio*» приводитъ присягу, какую

дали Кириллъ и Поцѣй Клименту VIII отъ лица всей западно-русской церкви; въ ней они приняли всѣ постановленія римской церкви, опредѣленные на соборахъ флорентійскомъ и тридентскомъ. Наконецъ уніаты приводили посланіе константинопольскаго патріарха Нифонта, которымъ будто позволялось соединеніе съ римскою церковію. На это Мелетій говорилъ, что нѣтъ ни одного посланія объ отиѣнѣ вѣры и подчиненіи западу. Ни одинъ патріархъ никогда не позволялъ и не можетъ позволить этого, хотя ни одинъ не запрещалъ искать законнаго соединенія съ римскою церковію. Отвѣтъ со стороны Смотрицкаго—не прямой и взятый въ связи съ его отзывомъ о флорентійской уніи—ясно говоритъ, что онъ одобрялъ такое соединеніе, какое будто-бы произошло на флорентійскомъ соборѣ, что онъ довольно снисходительно смотрѣлъ на догматическія и обрядовыя разности между церквами римскою и восточною, а ученіе о происхожденіи Св. Духа по мысли отождествлялъ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что онъ не прочь былъ отъ уніи, и въ своей *Verificatio* выражаетъ желаніе, чтобы пять патріарховъ—пять чувствъ тѣла Христова—соединились между собою въ духѣ любви и кротости (о соединеніи *въ духъ вѣры*—ни слова). Но Смотрицкому не нравилась тогдашняя унія, потому что она требовала признанія всѣхъ разностей римскаго вѣроученія, по крайней мѣрѣ такую дали присягу Кириллъ и Поцѣй отъ лица всей русской церкви. Вообще все, что говорить здѣсь Смотрицкій, мы можемъ усвоить монахамъ свято-духовскаго монастыря. Не смотря на уніатскій отиѣнокъ въ образѣ мыслей Смотрицкаго, его «*Verificatio*» произвела сильное впечатлѣніе. На живой, глубоко трогательный рассказъ Смотрицкаго о козняхъ уніатовъ и страданіяхъ юго-западной Руси, при ея невинности, должны

были отозваться сердца всѣхъ православныхъ западно-руссовъ и еще больше ожесточить ихъ противъ уніатовъ. Поэтому «*Verificatia*» сочтена была между уніатами за чрезвычайно вредное сочиненіе: они могли опровергать доказательства Смотрицкаго, могли выставять дѣло по своему; но они ничего не могли противопоставить той внутренней силѣ, какую проникнуто все сочиненіе. Несправедливость уніатовъ была слишкомъ явна. Уніаты даже опасались дѣйствія этого сочиненія на людей изъ своей стороны и запретили читать его.

Для опроверженія новыхъ доводовъ Смотрицкаго, троицкіе монахи издали съ своей стороны сочиненіе: *Sowita wina* (*). Въ немъ они повторяли прежнія обвиненія. Кроме того, такъ какъ Смотрицкій законность посвященія Теофаномъ западно-русскихъ православныхъ епископовъ между прочимъ доказывалъ зависимоію православной церкви отъ константинопольскаго патріарха, и обвинялъ уніатовъ въ тѣхъ волненіяхъ, отъ которыхъ такъ много терпѣлъ западно-русскій народъ; то сочинитель «*Sowita wina*» отвергаетъ древнюю зависимость западно-русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, полагаетъ начало этой зависимости при Баторіѣ, указываетъ въ ней поводъ турецкому султану вмѣшиваться въ дѣла литовско-польскаго царства; а виновниками волненій старается представить Борецкаго и Смотрицкаго и въ добавокъ называетъ послѣдняго отступникомъ; наконецъ онъ старается опровергнуть мысли Смотрицкаго объ уніатахъ, какъ отступникахъ отъ вѣры, и объ уніи, какъ явленіи вредномъ и незаконномъ, а за непріятіе уніи грозитъ потерю гражданскихъ правъ.

(* *Двойная вина*, приписывается Рутскому.)

Такъ былъ затронутъ новый вопросъ о древности зависимости западно-русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, и Смотрицкому открывалась нужда стать въ болѣе рѣшительныя отношенія къ уніатамъ. Свято-духовскіе монахи не заставили ждать отвѣта и издали новое сочиненіе «*Obrota Werificatae.*» Въ ней Смотрицкій доказываетъ древность зависимости юго-западной русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, опровергаетъ обвиненія, внесенныя уніатами на него и Борецкаго и совершенно уничтожаетъ мысли своего противника объ истинности, законности и пользѣ уніи, стараясь въ то же время успокоить православныхъ, разсвѣять ихъ опасеніе, будто непріятіе уніи неизбежно повлечетъ за собою потерю гражданскихъ правъ.

На сочиненія Смотрицкаго уніаты отвѣчали новыми сочиненіями: одно изъ нихъ писано въ видѣ письма троицкихъ монаховъ къ свято-духовскимъ, другое озаглавливалось: «*Examen Obroy.*» Оба эти сочиненія вызваны были вторымъ изданіемъ *Werificatae* и «Обороною» и направлены противъ новопосвященныхъ епископовъ и свято-духовскихъ монаховъ; народъ какъ будто оставленъ въ покоѣ. Смотрицкій опровергалъ и то и другое сочиненіе. Противъ перваго онъ написалъ «*Elenchus pism uszczupliwych* (обличеніе писемъ ущипливыхъ, т. е. ѣдкихъ колкихъ). О лицахъ, издавшихъ эти письма, онъ отзывается, какъ о людяхъ неученыхъ, не добросовѣстныхъ, питающихъ къ православнымъ глубокую ненависть, которые свое сочиненіе наполнили ложью, клеветою и всѣмъ, что можетъ внушить слѣпая ненависть. Въ чемъ же эти люди обвиняли епископовъ и свято-духовскихъ монаховъ? Въ томъ же, въ чемъ и прежде: въ заговорѣ противъ короля, въ народныхъ волненіяхъ, въ честолюбіи — послѣ-

днее собственно относилось къ епископамъ; они ставили въ вину и преступленіе монахамъ противъ короля, что издали его письма къ патріарху, говорили будто бы, что въ универсалахъ короля противъ православныхъ епископовъ осуждается весь народъ въ измѣнѣ и этимъ самымъ волновали его противъ короля; за тѣмъ (и это уже новыя обвиненія) они укоряли православныхъ монаховъ за позволеніе казакамъ принимать участіе въ дѣлахъ вѣры, обвиняли въ покушеніи на жизнь митрополита Поцѣя, въ отступничествѣ отъ вѣры, въ нарушеніи монашескихъ обѣтовъ, касались наконецъ нрѣздовъ патріаршихъ и объясняли ихъ только депешными побужденіями. Въ отвѣтъ на это, Смотрицкій посвященіе епископовъ и изданіе писемъ короля объясняетъ настоятельной нуждой, причину волненій народныхъ слагаетъ на самихъ уніатовъ, ихъ епископовъ, особенно митрополита Рутскаго; участіе казаковъ въ дѣлахъ религіозныхъ объясняетъ давностію этого обычая; устраняетъ отъ православныхъ монаховъ обвиненіе въ покушеніи на жизнь Поцѣя; самихъ троицкихъ монаховъ обвиняетъ въ отступничествѣ отъ вѣры, уклоненіи отъ правилъ монашескихъ и наконецъ защищаетъ православныхъ патріарховъ. Вообще въ своемъ «Обличеніи» Смотрицкій все, въ чемъ троицкіе монахи обвиняли свято-духовскихъ, переводитъ на нихъ самихъ.

Къ этому сочиненію Смотрицкій присоединилъ нѣсколько замѣчаній въ видѣ прибавленія, или, какъ онъ называетъ, «*Appendix*» на Examen Obroy. Сочинитель Examen'a доказывалъ что поставленіе православныхъ епископовъ несогласно съ правомъ патронатства, принадлежащимъ королю, рассматривалъ церковныя и гражданскія правила, которыми Смотрицкій оправдывалъ законность посвященія епископовъ и наконецъ касался частныхъ обстоятельствъ, именно отношеній

Смотрицкаго къ уніатамъ и значенія виленскаго братства. Развивая первую мысль, онъ искусно выставляетъ на видъ противорѣчія Смотрицкаго въ его «Verificatio» и «Obropa», а говоря объ отношеніяхъ Смотрицкаго къ уніатамъ, выводятъ наружу его тайныя сношенія съ уніатами. Въ отвѣтъ на «Examen», Смотрицкій наскоро составилъ нѣсколько замѣчаній и коснулся въ нихъ только важнѣйшихъ мѣстъ этого сочиненія. Троицкіе монахи предъявляли, что православные епископы нарушили право патронатства, принадлежащее королю, получивъ посвященіе безъ королевскаго утвержденія, будто только уніатскіе епископы законно сохраняютъ санъ епископства, потому что получили отъ короля право на бенефиціи,—выставляли Смотрицкаго своимъ измѣнникомъ и говорили о виленскомъ братствѣ, что оно устроено не для славы Божіей и имѣетъ своими протекторами шляхту. Смотрицкій отвѣчалъ на это, что сами уніаты нарушили принадлежащее королю право патронатства въ лицѣ своего митрополита, который не былъ избранъ кievскимъ капитуломъ и предъ посвященіемъ не было о немъ представленія верховной власти; за тѣмъ онъ опровергалъ уніатскія возраженія по поводу бенефицій и защищалъ право короля отнимать бенефиціи; защищаясь наконецъ отъ обвиненія въ наклонности къ уніи, Смотрицкій въ заключеніе говоритъ о виленскомъ братствѣ, какъ обществѣ дозволенномъ, основанномъ для пользы церкви и для прославленія имени Божія. «Братство наше позволено и утверждено сеймовыми привилегіями и есть по преимуществу шляхетское братство. Самому всемогущему Богу угодно было воздвигнуть его, устроить и совершить на благочестивыя дѣла. Какіе отъ него плоды—это ясно показываетъ монастырь, въ которомъ мы живемъ, церковь, богадѣльня, школы и другіе памятники благочестія, ко-

торые воздвигло и содержитъ братство въ Вильно и другихъ мѣстахъ для прославленія имени Тріединаго Бога...»

Всѣ сочиненія Смотрицкаго возбуждали глубокое сочувствіе въ православныхъ и опасеніе въ уніятахъ; всѣ онѣ проникнуты силою чувства и носятъ на себѣ яркіе слѣды живаго, изобрѣтательнаго воображенія и тонкаго, діалектическаго ума. Но онѣ не могутъ вполнѣ удовлетворить человѣка, который ищетъ основательнаго изложенія дѣла безъ удовокъ и софизмовъ: въ нихъ встрѣчаются недосмотры, промахи и даже противорѣчія. Этимъ, между прочимъ, объясняется, что уніаты всякій разъ находили возможнымъ бороться на полемическомъ поприщѣ съ Смотрицкимъ. Особенно онъ слабъ тамъ, гдѣ старается показать, что посвященіе Теофаномъ православныхъ епископовъ безъ вѣдома короля отнюдь не нарушаетъ его правъ, какъ патрона. Очевидно въ подрывъ самому себѣ онъ говоритъ, что епископы должны быть рукоположены на извѣстную кафедру, что бенефиція необходимо соединена съ епископскимъ достоинствомъ и что они, безъ позволенія короля, не могутъ пользоваться своею властію. Не желая показаться противникомъ королю, Смотрицкій выражается уклончиво, даже во вредъ главной своей мысли. Во всякомъ случаѣ его сочиненія очень важны для историка: въ нихъ затронуты всѣ вопросы времени.

Въ то же время — съ 1621 по 23 г. — Смотрицкій занимался составленіемъ катихизиса, чтобы «дойти, какъ говорить онъ въ своей *Апологии*, до той правды, которую предки наши получили отъ восточной церкви.» Но это побужденіе двусмысленно: въ послѣдствіи, во всѣхъ своихъ уніатскихъ сочиненіяхъ, онъ проповѣдывалъ, будто до принятія уніи онъ не зналъ, во чтѣ вѣровалъ, и будто западно-русская церковь была наполнена ересями, которыя совершенно

помрачили въ ней чистое апостольское ученіе. Около этой поры у Смотрицкаго созрѣвалъ уже уніятскій взглядъ на римскую церковь, и онъ рѣшился оставить строгое сужденіе, первоначально высказанное имъ въ «Плачѣ». Селява, писавшій противъ «Elenchus» Смотрицкаго, прямо говорить, что въ то время (1622 г.) обѣ стороны не соглашались въ мысляхъ только о главенствѣ паны, а прочія разности считались уже пезначущими. Несомнѣнно также, что западно-русскому обществу нужень былъ катихизисъ. Это была важнѣйшая потребность времени. Стоя во главѣ защитниковъ православія, Смотрицкій хотѣлъ удовлетворить этой потребности. Путемъ катихизиса понятіе о незначительности разностей должно былъ сдѣлаться всеобщимъ. Потому Смотрицкій поставилъ себѣ задачей изслѣдовать спорные пункты между церквами восточной и римской, и провелъ въ этихъ занятіяхъ два года.

Смотрицкаго ожидало роковое столкновеніе. Въ Полоцкѣ дѣйствовалъ Іосафатъ Кунцевичъ, уніять, извѣстный своимъ фанатизмомъ. Когда онъ прибылъ на свою кафедру, полочане сказали ему: «если ты къ намъ не съ уніею, принимаемъ тебя, какъ ангела Божія, а если съ уніей, то чуждаемся, какъ діавола.» Такой пріемъ со стороны православныхъ не расположилъ однакожъ Іосафата отказаться отъ распространенія уніи. Въ первые три года онъ не открывалъ еще своихъ намереній и не обнаруживалъ своей ревности къ уніи; наружно не отказывался онъ отъ повинновенія константинопольскому патріарху, такъ что полочане, не смотря на частые съ нимъ разговоры, не могли даже точно знать, уніять ихъ епископъ или православный. Когда разпелся слухъ о пріѣздѣ патріарха іерусалимскаго въ Кіевъ, онъ согласенъ былъ повидимому на просьбу именитыхъ полочанъ и могилянъ — отправиться вмѣстѣ съ ними на ихъ счетъ къ патріарху. Но

когда все было готово къ отъезду, Іосафатъ отказался. Дѣйствительно, согласиться на поѣздку къ Теофану, значило, если не прямо объявить себя православнымъ, то сдѣлать слишкомъ большую уступку схизматикамъ, какъ называли православныхъ. Отказъ Іосафата оттолкнулъ отъ него полочанъ; они стали питать къ нему отвращеніе и не считали нужнымъ скрывать своихъ чувствъ. Не менѣе сильно было отвращеніе православныхъ и къ уніи, въ чемъ Іосафатъ также имѣлъ много случаевъ убѣдиться при частыхъ сношеніяхъ и разговорахъ съ православными. Чувство оскорбленнаго самолюбія смѣшалось съ раздраженнымъ фанатизмомъ, собравшаяся гроза разразилась. Открылось повсемѣстное гоненіе на православныхъ. Тогда-то полочане узнали, что за человѣкъ былъ Кунцевичъ. Жестокости, какимъ подвергалъ онъ православныхъ, были такъ велики, такъ противорѣчили высокому сану архипастыря, что вызывали осужденіе со стороны самыхъ папистовъ. Канцлеръ Сапѣга въ письмѣ къ Кунцевичу осуждалъ его дѣйствія и предсказывалъ для него худой исходъ. Полочане сильно были поражены такою переменною своего епископа. При первыхъ уніятскихъ епископахъ они оставлены были въ покоѣ; самъ Іосафатъ цѣлые три года, повидимому, былъ къ нимъ благосклоненъ. Теперь полочане стали волноваться, и уніятскому епископу грозила опасность. Нужна была со стороны Мелетія вся архипастырская заботливость, проникнутая христіанскою любовію, чтобы удержать ихъ въ предѣлахъ христіанскаго терпѣнія. Что же дѣлалъ Мелетій? счумѣлъ ли онъ войти въ ихъ положеніе, ослабить разгоравшіяся страсти, и вмѣсто духа раздражительности, посадить духъ любви и христіанскаго терпѣнія? Судя по послѣдствіямъ, мы должны сказать, что нѣтъ. Мелетій былъ человѣкъ партій. Его посланія къ своей паствѣ не отличались

товомъ умѣренномъ и успокоивающемъ, и его послы, при всеобщемъ раздраженіи, выступали изъ предѣловъ христіанскаго благоразумія и ревновали не по разуму. Негодованіе полочанъ противъ уніятскаго епископа расло безпрепятственно и принесло горькій плодъ. Почти въ три года постоянныхъ страданій, они потеряли надежду увидѣть конецъ жестокостямъ Іосафата и рѣшились положить конецъ его жизни. Въ ноябрѣ 1623 года онъ былъ убитъ въ Витебскѣ. Это событіе имѣло печальныя слѣдствія. Виновные были строго наказаны. Положеніе Мелетія стало опасно и затруднительно. Еще прежде уніаты устно и печатно обвиняли его въ томъ, что онъ производитъ волненія въ народѣ, а теперь смерть Кунцевича они приписывали его внушеніямъ Мелетій увидѣлъ, что свято-духовскій монастырь уже не можетъ быть безопаснымъ убѣжищемъ для него, когда его считаютъ виновникомъ заговора противъ Кунцевича. Потому онъ оставилъ родину и отправился на востокъ; предлогомъ къ этому былъ катихизисъ, надъ которымъ отъ трудился съ 1621 года. Окончивъ его къ этому времени, Мелетій хотѣлъ представить его на судъ восточныхъ патріарховъ; такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ онъ свое путешествіе на востокъ, и эту, конечно, причину выставлялъ онъ и теперь православнымъ. Но возвратившись на родину, онъ присталъ къ уніатамъ и сдѣлался ревностнымъ поборникомъ уніи.

Скажемъ нѣсколько словъ о дѣятельности Смотрицкаго вообще въ качествѣ представителя и защитника православія. Его взглядъ на разности между восточной и западной церквами измѣнялся постепенно. Въ «Lament» онъ судитъ со всею рѣзкостью объ ученіи римской церкви, называетъ его еретическимъ, увѣщеваетъ уніатовъ обратиться къ своей матери—церкви православной. Въ «Verificatio» онъ уже, хотя не

прямо, одобряетъ соединеніе, подобное флорентійской уніи, высказываетъ, что важнѣйшая разность, касающаяся догмата объ исхожденіи Св. Духа, состоитъ въ однихъ словахъ «отъ Сына» и «черезъ Сына» и находитъ лучшимъ такое единеніе, гдѣ обѣ стороны остаются каждая при своемъ, — но уже ни слова не говоритъ о возвращеніи уніатовъ въ нѣдра православной церкви, и проситъ только оставить въ покоѣ православныхъ. Наконецъ въ «Elenchus», говоря о различіи между церквами, онъ указываетъ на разности обрядовыя, внѣшнія, останавливается на мелочахъ, — но о разностяхъ догматическихъ ни слова, исключая мысли о главенствѣ, которую онъ опровергаетъ въ трехъ тирадахъ. Правда, въ «Elenchus» Смотрицкій называетъ уніатовъ, а по мѣстамъ и латинянь, еретиками, отступниками и т. под., вообще отзывается о нихъ рѣзко, но это было не больше, какъ отвѣтъ на подобные же нападки со стороны троицкихъ монаховъ. Однакожъ сдѣланныя Смотрицкимъ уступки не удовлетворили уніатовъ. Какъ ни снисходительно смотрѣлъ онъ на разности въ ученіи между церквами, при всемъ томъ онъ не признавалъ главенства въ смыслѣ догмата. И вотъ паписты продолжаютъ свою полемику противъ Смотрицкаго, продолжаютъ запальчиво, повторяя тѣ же обвиненія и нападки. Смотрицкій отвѣчаетъ имъ, наперекоръ своимъ нѣсколько измѣнившимся понятіямъ, отвѣчаетъ на обвиненія въ ереси, отступничествѣ, измѣнѣ королю и т. д. такими же обвиненіями. По своему характеру, дѣятельность Смотрицкаго вполне соответствуетъ духу времени и носить на себѣ явные признаки того раздраженія, какое господствовало между православными и уніатами и раздѣляло ихъ на двѣ враждебныя партіи. Защищая православіе и православныхъ, Мелетій не ограничивался однимъ опроверженіемъ мнѣній

противной стороны, онъ нападалъ на противниковъ со всеѣмъ жаромъ тогдашней полемики, отвѣчая на брань брашью, на насмѣшки насмѣшками.

Дѣятельность Смотрицкаго имѣла многія хорошія стороны. Принимая къ сердцу дѣло православныхъ, основательно и горячо защищая ученіе церкви, ловко нападая на противную сторону, онъ весьма много препятствовалъ распространенію уніи. По свидѣтельству Суши, онъ обратилъ къ православію много уніатовъ въ Минскѣ и своей полоцкой епархіи; многіе даже изъ чужихъ епархій обращались къ нему за совѣтами въ дѣлахъ духовныхъ; а обвиненія, какія отсюда сыпались на Мелетія отъ уніатовъ, ясно показываютъ, что онъ былъ очень опасенъ для уніи. Православные питали къ нему глубокую любовь и уваженіе. Одинъ его выборъ на полоцкую архіепископію изъ простыхъ монаховъ дѣлетъ знать, какъ высоко они цѣнили его заслуги. Когда Смотрицкій сдѣлался архіепископомъ, православные при всякомъ случаѣ старались выразить ему свое вниманіе и уваженіе. «Когда я жилъ въ виленскомъ монастырѣ, говоритъ Смотрицкій въ одномъ своемъ уніатскомъ сочиненіи, обо мнѣ всегда заботились мои прихожане полоцкой бѣлорусской епархіи.... Тамъ каждое мое слово становилось дѣломъ; тамъ не позволяли упасть на меня пылинкѣ; тамъ всегда окружали меня сотни людей, шелъ ли я изъ церкви, или въ церковь; тамъ, когда я совершалъ богослуженіе, пѣли нотное на четыре хора (*spiewanie było figuralne nachtery chory*), по обѣимъ сторонамъ стояло множество пресвитеровъ и діаконовъ въ богатыхъ ризахъ; тамъ всегда окружало меня безчисленное множество народа; тамъ родовитая шляхта водила меня подъ руки.» Внимательные къ каждому слову Смотрицкаго, православные слушали его съ увлеченіемъ и пожелали имѣть портретъ его, чтобы

постоянно смотрѣть на лицо своего любимого, уважаемаго епископа. Такъ говорилъ Мелетій, когда сдѣлался уніатою, и православные не отвергали истины его словъ. Была одна-кожъ и темная сторона въ дѣятельности Мелетія. Его безпощадныя, колкія, мѣткія, часто бранчивыя нападки на папистовъ, вызванныя подобными нападками противной стороны, усиливали ту вражду и ненависть, какія были между православными и папистами, и если первые считали его провозвѣстникомъ и защитникомъ своей вѣры, за то послѣдніе устно и письменно выдавали Смотрицкаго за ученика Лютера и Кальвина, за буштовщика, который волнуетъ народъ, и его внушеніямъ приписали смерть Юсафата Кунцевича— обстоятельство, сопровождавшееся, какъ увидимъ, рѣшительнымъ переворотомъ въ жизни Смотрицкаго.

К. Еленевскій.

Вильно.

29 Апрѣля, 1861.

(Продолженіе будетъ.)

СЧАСТІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ (*)

Пс. LXXXIII, 13.

Какъ бы ни были свѣтлы надежды вѣры христіанской, христіанская жизнь устрашаетъ многихъ, — это, думаютъ, жизнь, лишенная всякой радости, полная однихъ страданій и жертвъ.

Такое понятіе о христіанской жизни какъ нельзя болѣе ложно. Оно основывается единственно на непониманіи опыта этой жизни. Воображаютъ, будто истинные христіане лишены особеннаго довольства жизнью; будто имъ свойственно являться всегда мрачными, печальными, задумчивыми. Еслибы дѣло касалось того, чтобы оправдать это кажущееся недовольство, печаль и задумчивость, достаточно было бы сказать, что если принять въ соображеніе всѣ данныя, все-таки окажется, что истинные послѣдователи Иисуса Христа имѣютъ гораздо больше душевнаго довольства, внутренняго мира, чѣмъ другіе люди. Довольно бы представить, что счастье христіанской жизни есть счастье глубокое, не столько проявляющееся во внѣшности, сколько чувствуемое въ душѣ, и въ противоположность чело-
вѣку «отъ міра сего,» который «и подъ веселой улыбкой

(*) Изъ Sermons par A. Monod.

таить сердечную грусть,» христіанинъ часто прикрываетъ задумчивымъ лицомъ внутренней миръ. И наконецъ довольно бы обратить вниманіе на то, что христіане окружены явленіями грѣха и невѣрія, носятъ въ себѣ самихъ ихъ тяжелые остатки, что они научены говорить съ пророкомъ: «глаза изливали потоки слезъ, потому что не хранятъ Твоего закопа,» и съ апостоломъ: «кто избавитъ меня отъ этаго тѣла смерти?»—что же удивительнаго, если они склоняются иногда подъ тяжестью человѣческихъ бѣдствій?

Но мы должны сказать болѣе и рѣшительнѣе: въ вѣрѣ христіанской—такое сокровище радости и силы, что его должно быть достаточно для самыхъ великихъ нуждъ человѣка; а недостатокъ счастья и радости у насъ по большей части зависитъ отъ нашего маловѣрія. Что бы ни говорили мы сами и нашъ личный опытъ,—во всякомъ случаѣ остается истиной, что «радость есть плодъ Духа,» и что нѣтъ ничего неудобноисполнимаго въ заповѣди, данной нами Господомъ: «постоянно радуйтесь.»

Есть сторона въ христіанствѣ, которая особенно въ яркомъ свѣтѣ представляетъ счастье христіанской жизни даже для предубѣжденныхъ глазъ. Псалмопѣвецъ показываетъ эту сторону въ началѣ XXXI псалма: «блаженъ человѣкъ, котораго преступленіе прощено и котораго грѣхъ покрытъ!» Увѣренность въ прощеніи своихъ грѣховъ—вотъ первая милость, даруемая Богомъ грѣшнику, первая, но не единственная; съ нею нераздѣльно соединены и другія милости, указанные въ продолженіи того же псалма—утѣшеніе въ скорбяхъ жизни, свѣтъ Божій, озаряющій ея темныя стороны, надежда тихой кончины и блаженной вѣчности,—вотъ радости христіанина; и это такія радости, которыхъ не могутъ не пожелать иногда сами невѣрующіе. Но не съ этой стороны

хотимъ мы показать счастье христіанской жизни. Предполагаемъ, что съ этой стороны оно очевидно для всѣхъ, но мы желаемъ раскрыть истины не столь очевидныя, которыя на первый взглядъ могутъ казаться странными парадоксами; мы желаемъ возбудить желаніе жизни христіанской именно тѣми ея сторонами, которыя для многихъ кажутся мрачными. Мы постараемся показать, какъ даже то, что особенно устраниваетъ иныхъ въ этой жизни, подъ наружнымъ темнымъ покровомъ скрываетъ свѣтлыя радости.

Что, въ самомъ дѣлѣ, неприятно вамъ въ христіанской жизни?—Это прежде всего — подчиненіе ума вѣрѣ, заповѣданное Иисусомъ Христомъ своимъ послѣдователямъ? Вамъ кажется, что такое подчиненіе не чуждо легковѣрія, и этого довольно для васъ, чтобы не сочувствовать ему; потому что необходимо удовлетворить разумъ, а безъ того и счастье жизни невозможно?.. Да, счастье невозможно, если не удовлетворенъ нашъ разумъ; но вѣра не требуетъ слѣпаго легковѣрія и представляетъ лучшее употребленіе, какое мы можемъ сдѣлать изъ разума; она даетъ намъ разумное счастье, какого не найдемъ мы больше нигдѣ:

Не всякое подчиненіе ума есть легковѣріе. Легковѣренъ тотъ, кто подчиняется авторитету, не заслуживающему довѣрія. Дитя, напр., руководящееся словами другаго, столько же неопытнаго дитяти, вѣрящее всѣмъ сказкамъ, которыя рассказываетъ ему неразумная няня, такое дитя конечно легковѣрно. Но позволимъ ли мы легковѣрнымъ дитя, которое, чувствуя себя неспособнымъ руководить собою, обращается къ совѣтамъ своего отца? Не умнѣе ли со стороны дитяти это подчиненіе, чѣмъ пустое чванство своей независимостью и желаніе совѣтоваться только съ самимъ собою? Мы думаемъ также, что самымъ лучшимъ образомъ употребляемъ

свой разумъ, когда, признавая себя невѣдущими и зависимыми въ отношеніи къ Богу гораздо болѣе, чѣмъ дитя въ отношеніи къ отцу, подчиняемъ себя Библии, которая для насъ есть Слово Божіе.

Это было бы прекрасно, — скажутъ можетъ-быть, — еслибъ намъ было доказано, что дѣйствительно Библия есть Слово Божіе? Но откуда же узнать это? и можно ли согласиться съ этимъ безъ легковѣрія? — Если кто думаетъ, что съ закрытыми глазами можно увидѣть признаки божественности Библии, пусть разувѣрится: для этого надобно открыть глаза. Эти признаки таковы, что всякій, искренно желающій знать — отъ Бога ли Библия, по нимъ глубоко убѣдится въ этомъ; всякій, уже принявшій Библию за Слово Божіе, вездѣ найдетъ свидѣтельства того, что онъ поступилъ справедливо. Онъ найдетъ эти свидѣтельства не только въ пророчествахъ и чудесахъ, столько же достовѣрныхъ, какъ самыя достовѣрныя исторіи вѣковъ минувшихъ; не только во внутреннемъ голосѣ, которымъ Духъ Св. говоритъ ему, что онъ правъ: — онъ найдетъ ихъ во всемъ, что окружаетъ его, въ тѣхъ событіяхъ, которыя совершаются въ его глазахъ, онъ увидитъ ихъ написанными вездѣ — на небѣ и на землѣ, въ сердцѣ и въ жизни человѣка.

Міръ наполненъ загадками, которыя объясняетъ Библия, и только она одна. Принесите намъ ваши философскія системы, соберите всѣхъ вашихъ мудрецовъ; а мы призовемъ нашихъ простѣйшихъ братьевъ, простолюдиновъ и дѣтей, и принесемъ нашу Библию. Объясните намъ грѣхъ, объясните, какъ, подъ управленіемъ святаго Бога, явилась въ сердцѣ человѣка первая мысль о непослушаніи: а мы объяснимъ это тѣмъ простымъ рассказомъ о деревѣ познанія добра и зла, который можетъ быть не одинъ разъ вызывалъ ваши

насмѣшки и который, однакожъ, проливаетъ больше свѣта на самый темный изъ вопросовъ, чѣмъ всѣ философскія ученія вмѣстѣ. Объясните, какъ въ царствѣ премудраго и всеблагаго Бога явилась смерть, этотъ ужасной безпорядокъ; что говоримъ мы—смерть?—объясните болѣзнь, печаль, хоть самую незначительную, объясните одну небольшую рану: а мы объяснимъ всѣ большія и малыя печали и болѣзни, объяснимъ и смерть, тяжелѣйшую всего, немногими словами нашей Божественной книги: «посредствомъ одного человѣка грѣхъ вошелъ въ міръ, а черезъ грѣхъ и смерть.» Объясните намъ природу, производящую терны и шипы на землѣ, созданной Богомъ,—и человѣка, обреченнаго въ потъ лица вкушать свой хлѣбъ: а мы объяснимъ это другими словами той же книги: «земля будетъ проклята за тебя.» Объясните намъ исторію, скажите, какой Божественный плачъ можно разглядѣть въ этомъ страшномъ смѣшеніи преступленій, оскверняющихъ родъ человѣчeskій, и бѣдствій, сокрушающихъ его: а мы объяснимъ это пророчествами, которыя за нѣсколько вѣковъ впередъ предсказали четыре царства, долженствовавшія поочередно возвышаться и падать, а потомъ уступить свое мѣсто царству вѣчному. Что еще сказать? Всѣ великіе вопросы, приводящіе философію въ отчаяніе, для насъ освѣщаются Библіей,—не такъ конечно, чтобъ уже больше ничего нельзя было спросить, но по крайней мѣрѣ такъ, что это оправдываетъ Бога и удовлетворяетъ человѣка,—что въ этомъ задаткѣ свѣта, сообщаемомъ Библіею, мы предчувствуемъ болѣе живой и ясный свѣтъ, который разсѣетъ нѣкогда для насъ все темное. Этими-то свидѣтельствами фактовъ и опыта мы убѣждаемся съ очевидностью, которая съ каждымъ днемъ все становится болѣе, что Библия есть именно то, за что она выдаетъ себя, есть книга Божественная. Какъ чело-

вѣкъ, долго ходившій въ домъ и напрасно пробовавшій всѣ попадавшіеся ключи, чтобы проникнуть во всѣ комнаты, находитъ наконецъ ключъ, съ одинаковою легкостію подходящій ко всѣмъ замкамъ, и по этому признаку узнаетъ, что это ключъ хозяина дома: такъ и мы увѣровали и узнали, что Библия есть ключъ Хозяина міра, потому что она открываетъ намъ всѣ двери міра, обнаруживаетъ всѣ его тайны.

Какъ же можно, послѣ этого, называть легковѣріемъ наше подчиненіе Слово Божію? Дѣйствительно мы были бы легковѣрны, еслибы думали, что такая книга написана человѣческимъ смышленіемъ, или еслибы, зная ея божественное происхожденіе, подчинялись не ей, а какому-нибудь другому авторитету. Но мы радуемся и считаемъ честію для себя, что подчинились ей: это—лучшее употребленіе, какое могли мы сдѣлать изъ своего ума. Умственное счастье, которымъ напрасно тщеславится міръ, мы дѣйствительно находимъ въ вѣрѣ. Скажемъ не колеблясь, что существенныя потребности ума больше удовлетворены у вѣрующаго простодушнаго, чѣмъ у невѣрующаго философа; и что мы можемъ наслаждаться счастьемъ вѣры съ полнымъ сознаніемъ, насколько не нарушая правъ человѣческаго ума, не стѣняя ни одной изъ способностей нашей души. Да, счастьемъ вѣры, — и у насъ итьтъ словъ, чтобы достойно возблагодарить Бога за то, что среди противорѣчивыхъ мнѣній, которыя тѣснятъ и борятся около насъ, мы имѣемъ Слово Божіе, освѣщающее для насъ путь къ жизни вѣчной, «къ Иисусу Христу, и къ Иисусу Христу распятому» (1 кор. II, 2)! Да, счастьемъ вѣры: тогда какъ другіе изнемогаютъ въ напрасныхъ усиліяхъ сосредоточить на чемъ-нибудь свои блуждающія мысли и всегда должны довольствоваться одними

догадками вмѣсто желаемыхъ убѣжденій,—какимъ миромъ наслаждаемся мы, «наученные Богомъ», имѣющіе полное право воскликнуть, надобно Архимеду, но несравненно радостнѣе, потому что вопросъ о вѣчности несравненно важнѣе того вопроса, который онъ рѣшилъ: «я нашель, нашель!»— Да, счастіемъ вѣры: мы можемъ, не только передъ людьми, но и передъ Богомъ и передъ своею совѣстію сказать: «истинно то, во что мы вѣруемъ.» Насъ упрекають въ этой увѣренности, требуютъ, чтобы мы считали свои вѣрованія не неоспоримыми; но это невозможно для насъ. Пусть сомнѣніе говоритъ языкомъ сомнѣнія; вѣра говоритъ такъ: «это сказалъ Вѣчный». Господи Іисусе,—не истинно ли, что Ты Христось, Сынъ Бога живаго? что Ты очистилъ насъ отъ грѣховъ Своею кровію, и что теперь нѣтъ осужденія вѣрующимъ во ния Твое? Не истинно ли, что возсѣдая одесную Отца, Ты дѣлаешь насъ причастниками Твоего Духа, пребываешь въ насъ, какъ мы въ Тебѣ, przygotowаешь мѣсто намъ, чтобы и мы были тамъ, гдѣ Ты? Господи, слова свидѣтелей Твоихъ засвидѣтельствуй въ сердцахъ людей невѣрующихъ, прежде того великаго дня, когда всѣ увидятъ Тебя грядущаго на облакахъ небесныхъ! Ахъ! пусть примутъ свидѣтельство «за то, что оно есть дѣйствительно, за Слово Божіе, а не человѣческое»—не только для того, чтобы страшный день не засталъ ихъ въ невѣрїи, но и для того, чтобы отнынѣ же они сдѣлались участниками той увѣренности, того счастья ума, какимъ обладаютъ вѣрующіе во ния Іисуса! «О, какъ блаженъ человѣкъ, который вѣрится Тебѣ, Іегова Саваоѣ!»

Что еще не нравится вамъ въ христіанской жизни?—Она кажется вамъ однообразною, скажемъ прямо—скучною. Вращаются въ тѣсномъ кругѣ двухъ-трехъ понятій, читать Би-

блію и молиться, молиться и читать Библию—это слишкомъ однообразное и безцвѣтное существованіе,—человѣку съ живою душою нельзя такъ жить?... Утверждаемъ, хотя это можетъ показаться вамъ слишкомъ смѣлымъ, что въ христіанской жизни больше движенія и интереса, чѣмъ въ вашей свѣтской и мірской, когда она не оживотворена христіанствомъ.

И прежде всего, кажущееся однообразіе на самомъ дѣлѣ есть единство. Охотно соглашаемся съ вами, что вся христіанская жизнь заключается (по крайней мѣрѣ должна заключаться)—не говоришь въ двухъ или трехъ мысляхъ, а въ одной только,—въ мысли объ Иисусѣ Христѣ. Для христіанина «жизнь есть Христосъ» (Филпп. I, 21); вѣровать въ Иисуса Христа, любить Иисуса Христа, служить Иисусу Христу, подражать Иисусу Христу, вотъ «одно, что пужно» (единное на потребу). Но тотъ слишкомъ мало знаетъ природу чело-вѣческую, кто думаетъ, что христіанская жизнь лишена интереса потому, что все направлено къ одной цѣли. Таково свойство нашего ума, какъ замѣчали всѣ философы, что онъ вездѣ и во всемъ ищетъ одного плана, одного начала, что ему не нравится предметъ, въ которомъ онъ не находитъ этого единства. Самое основное правило для произведеній литературы и искусства, это—удовлетвореніе требованій единства. Возьмемъ, напр., краснорѣчіе,—какая рѣчь нравится вамъ больше, та ли, въ которой собраны разныя мысли, не имѣющія никакой общей связи, или та, которая представляетъ правильное раскрытіе одной какой-нибудь идеи? Или въ архитектурѣ,—на что смотрите вы съ большимъ удовольствіемъ—на беспорядочное ли собраніе разнаго рода построеній, или на зданіе, въ которомъ всѣ части обнаруживаютъ

однѣмъ общій планъ?—И если это правило принято въ отношеніи къ трудамъ рукъ человѣческихъ, то это потому, что его нашли въ твореніяхъ самого Бога; требованіе единства изъ природы перешло въ искусство. Въ тѣлѣ человѣка, въ деревѣ, въ равнинѣ, въ рѣкахъ, въ морѣ, въ небѣ, во всемъ твореніи обнаруживается чудное единство плана.—Но если единство вездѣ царствуетъ въ мірѣ внѣшнемъ и видимомъ, оно должно царствовать, будьте увѣрены, и въ нравственномъ мірѣ, въ жизни человѣка. Если ваша жизнь не имѣетъ одного главнаго интереса, который господствуетъ надъ всеми ея проявленіями, служить какъ бы центромъ, около котораго все движется; если вы сегодня предполагаете одну цѣль, а завтра другую; если руководитесь то мнѣніемъ свѣта, то пріятіемъ другаго, то склонностями собственного сердца, то заповѣдію закона Божія,—ваша жизнь, лишенная единства, будетъ лишена силы, глубины, движущаго начала,—или лучше—это будетъ не жизнь, въ истинномъ смыслѣ слова, а простое сцѣпленіе событій. Надобно потерять чувство человѣческаго достоинства и христіанскаго долга, чтобы сочувствовать такому раздробленію духа, созданнаго по образу Божію,—духа, который Богъ хочетъ нѣкогда «совершить въ единствѣ.» Лучше, если было бы предложено на выборъ, избрать единство безъ разнообразія,—что дѣлало бы жизнь однообразною, какъ жизнь анахоретовъ,—чѣмъ разнообразіе безъ единства, что дѣлаетъ ее безобразною, какъ та, которую тщеславится міръ.

Но такой выборъ не необходимъ, и христіанская жизнь миритъ въ себѣ все. Подъ могучимъ единствомъ мысли объ Иисусѣ Христѣ располагается безконечное разнообразіе предметовъ, которыми можно заниматься во имя Христова. И въ самомъ дѣлѣ, чего нельзя дѣлать во славу Господа, кро-

мѣ грѣха? Трудъ шести дней и покой седьмого, усталость и отдыхъ, должности и почести жизни гражданской, обязанности и радости жизни семейной, занятія духа и тѣла, даже принятіе пищи, освящаемое молитвою,—все можетъ быть относимо къ Господу; и мы могли бы наполнить день, недѣлю, годъ постоянно новыми занятіями, ни на минуту не переставая служить Господу и прославлять Его святое имя. Такимъ-то образомъ, христіанская жизнь осуществляетъ по своему то опредѣленіе, которое философы дали прекрасному. «Прекрасное, по этому справедливому опредѣленію, есть единство въ разнообразіи». Что, напр., нравится вамъ въ этомъ пейзажѣ, на который вы не можете насмотрѣться? Земля, поля, деревья, стада, люди, вотъ разнообразіе; но разбѣянные части этой картины имѣютъ общую связь: волъ щиплетъ луговую траву, рука человѣка принимаетъ молоко отъ коровы и собираетъ плоды деревьевъ, а земля, эта общая мать, носитъ и питаетъ ихъ всѣхъ — вотъ единство. Разнообразіе, единство,—какъ чудно соединены онѣ въ христіанской жизни! Въ мірѣ физическомъ прекраснѣйшая картина есть твердь, усыпанная звѣздами, которыя въ своихъ безчисленныхъ движеніяхъ управляются однимъ общимъ закономъ: такъ и въ мірѣ нравственномъ прекраснѣйшую картину представляетъ христіанская жизнь, въ которой одна мысль все проникаетъ и управляетъ всѣми полезными занятіями человѣка.

Эти размышленія, можетъ быть, нѣсколько отвлечены и не довольно живо дѣйствуютъ на умы: объяснимъ ихъ примѣромъ — изъ жизни домашней. Въ такомъ домѣ, гдѣ не любятъ Господа Иисуса и не служатъ Ему, мужъ и жена, родители и дѣти, господа и слуги соединяются между собою связями очень слабыми и лишенными добраго начала. Совершенно иное въ домѣ христіанскомъ. Здѣсь обитаетъ

невидимый Хозяинъ, Котораго духъ оживляетъ всѣ отношенія домашней жизни. Тѣсный и святой союзъ мужа и жены имѣетъ свое начало и свой образъ въ Иисусѣ, который благоволилъ, какъ вы знаете, назваться супругомъ церкви и назвать церковь своею супругою. «Мужъ долженъ любить свою жену, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, и жена должна повиноваться своему мужу, какъ церковь повинуется Христу.» Нѣжныя отношенія родителей и дѣтей также находятъ свое начало и образъ въ Иисусѣ: Богъ, усыновившій насъ въ Немъ, называется нашимъ Отцемъ и называетъ насъ Своими дѣтьми: отецъ долженъ управлять дѣтьми, какъ Богъ управляетъ своими дѣтьми въ Иисусѣ Христѣ, и сынъ долженъ повиноваться отцу, какъ повинуется христіанинъ Отцу небесному. Даже смиренный, но полезный союзъ господъ и слугъ, и тотъ находитъ начало и образъ въ Иисусѣ: Онъ нашъ Господь, и мы Его слуги; господинъ долженъ повелѣвать своими слугами въ томъ же духѣ, въ какомъ Иисусъ повелѣваетъ своими учениками, — и слуга долженъ почитать господина въ томъ же духѣ, въ какомъ ученики Иисуса почитаютъ своего Божественнаго Начальника. (Ефес. V, 19; VI, 9). Семейная жизнь, устроенная такимъ образомъ, соединяетъ разнообразіе съ единствомъ: разнообразіе является въ различныхъ отношеніяхъ, единство—въ созерцаніи Иисуса Христа, который служитъ средоточіемъ всѣхъ этихъ отношеній. Ужели кто думаетъ, что внутреннее состояніе такого дома теряетъ что-нибудь отъ этой общей связи, что присутствіе небеснаго Хозяина стѣсняетъ сколько-нибудь сладость или свободу семейныхъ отношеній? Христіанскія семейства, извѣдавшія опытомъ то, о чемъ я говорилъ, дайте славу истинѣ! Скажите, что Иисусъ, въ Которомъ Божественное величіе соединяется съ братскою снисходительностію, будучи Богомъ се-

мейства, есть и его другъ. Не справедливо ли, что если вы находили въ себѣ мирную веселость, нѣжныя привязанности, дѣйствительныя радости и дѣятельную помощь, то всѣмъ этии обязаны Ему? Не правда ли, что если и бывали часы утомленія и скуки, то бывали не тогда, когда Онъ присутствовалъ при вашихъ бесѣдахъ, когда Онъ занималъ мѣсто за вашей домашней трапезой и преломлялъ хлѣбъ, дающій жизнь душѣ, въ то время какъ вы вкушали хлѣбъ, питающій тѣло, — когда Онъ говорилъ вамъ, какъ нѣкогда ученикамъ Своимъ, въ верхней горницѣ: «да будетъ миръ съ вами»? истинно Твой миръ, Господи, а не безцвѣтность и равнодушіе, Твой миръ, но съ нимъ самыя живыя и глубокіе интересы!

Не удивляйтесь. Христіанская жизнь кажется вамъ однообразною, даже холодною. Среди столькихъ вещей и событій, увлекающихъ и волнующихъ васъ то надеждой или безпокойствомъ, то радостію или скорбію, истинный христіанинъ, думаете вы, остается безстрастнымъ, разобщеннымъ съ міромъ и, по собственному выраженію, странникъ на землѣ, онъ занятъ только небесными предметами и чужды интересамъ земнымъ; вы не умѣете завидовать такому спокойствію, вамъ нужно больше движенія и горячности? — Правда, всѣ мы нуждаемся въ движеніи и горячности, — таково свойство нашей природы, остатокъ ея первобытнаго величія; но христіанская жизнь удовлетворяетъ этой нуждѣ, и только она одна удовлетворяетъ ей.

Объяснимъ это сравненіемъ. Дѣти заняты играми, соответствующими ихъ возрасту, и заняты вполнѣ: они бѣгаютъ, кричатъ, глаза ихъ искрятся отъ волненій и удовольствій. Недалеко отъ мѣста этихъ игръ, сидя спокойно или медленно ходя, вы погружены въ глубокое размышленіе или ведете съ другомъ важную бесѣду о какомъ-нибудь торговомъ предпріятіи, о политическомъ преобразованіи, о фило-

софскомъ вопросѣ. Въ этомъ случаѣ, кто больше занятъ, больше возбужденъ, — дѣти или вы? Внѣшній человекъ больше занятъ у дѣтей, внутренній—у васъ; она сильнѣе взволнована, — вы сильнѣе возбуждены; потому что, конечно, жизнью уха и сердца, а не физическою и животною жизнью, надобно измѣрять движеніе нашего существованія. Приложите это къ предмету, которой занимаетъ насъ, и вы поймете, что въ христіанской жизни больше движенія, нежели въ вашей. Всмотритесь пристальнѣе, и вы увидите подъ обычными волненіемъ вашей жизни—незначительные, мелкіе интересы, недостойные безсмертной души, тогда какъ подъ спокойствіемъ жизни христіанина вы откроете интересы великіе, глубокіе, единственно-достойные безсмертной природы человека. Скажемъ однимъ словомъ: у васъ внѣшніе интересы, у него—внутренніе, такъ что въ васъ безсмертной духъ волнуется предметами временными, въ немъ—онъ возбуждается тѣмъ, что вѣчно.

Въ самомъ дѣлѣ, какіе интересы обыкновенно наполняютъ жизнь? Говорить ли объ интересахъ обыденныхъ? Тутъ явятся—вечера, обѣды, платье, похвалы и осужденія... Нѣтъ, возьмемъ главнѣйшіе интересы, — возьмемъ заботы о своемъ состояніи, о своемъ здоровьи, о своей жизни. Что же, можетъ ли все это наполнить безцѣрную пустоту безсмертной души? Богатый или бѣдный — «вы ничего не принесли съ собою въ міръ и ничего не можете унести изъ него.» Больны ли вы, или здоровы, вамъ предстоитъ одинъ неизбѣжный конецъ; вы спаслись сегодня, чтобы умереть завтра, какъ воинъ, готовый пасть подъ смертельнымъ ударомъ, наклоняется, избѣгаетъ его и вскрикиваетъ: «я спасенъ!» а черезъ нѣсколько шаговъ получаетъ другой ударъ, повергающій его на мѣстѣ. Положимъ, вы слышите новость о томъ,

что въ вашемъ родствѣ родился младенецъ или кто-нибудь умеръ, что въ вашей странѣ совершилось важное событіе. Что же? Родившійся младенецъ—лишній жилецъ на землѣ, который порадуетъ близкихъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть принесетъ имъ новыя скорби, и потомъ успокоится сномъ вѣчнымъ. Умеръ человекъ, — однимъ жильцомъ меньше въ мірѣ, но его мѣсто скоро займетъ другой, и его отсутствіе замѣтно вамъ (мы предполагаемъ, что вы стоите выше жалкихъ расчетовъ по наслѣдству) только по мимолетней привязанности, которую вы имѣли къ нему. Политическій переворотъ есть не больше какъ небольшая передѣлка въ вещахъ или только въ людяхъ; онъ интересуетъ васъ главнымъ образомъ по тому вліянію, какое имѣетъ на ваше личное благосостояніе. Всѣ ваши интересы кратки, какъ время, сомнительны, какъ жизнь, низки, какъ земля.

Не таковы интересы христіанина. Имѣя сердце, наполненное Иисусомъ Христомъ и Духомъ Св., имѣя глаза открытые для предметовъ невидимыхъ и духовныхъ, — тогда какъ вы прозябаете во времени, — онъ живетъ въ вѣчности. Его возвышенная душа, научившись измѣрять небо и преисподнюю, сознаетъ въ себѣ самой и высоты первого и бездны второй, — и чувствуетъ въ себѣ какъ бы отраженіе всего, что происходитъ въ мірѣ небожителей. Она ищетъ для себя и для другихъ Бога, святости, благодати, общенія съ ангелами, жизни вѣчной. Она страшится за себя и за другихъ — сатаны, грѣха, проклятія, сообщества съ демонами, огня вѣчнаго. Буду ли я спасенъ, готовъ ли къ смерти, созрѣлъ ли для царства небеснаго? — вотъ вопросъ, его занимающій. Чувствуете ли вы, какъ здѣсь возвышаются даже мелочи жизни, потому что они озаряются свѣтомъ вѣчности? Незначительное въ вашихъ глазахъ для него служитъ предметомъ глубокихъ размышленій и горя-

чихъ молитвъ. Онъ не вступаетъ въ разрывъ съ землею, а связываетъ землю съ небомъ. Онъ не меньше васъ занятъ тѣмъ, что происходитъ на землѣ, занятъ глубоко, хотя спокойно, подражая Богу, Который «долготерпѣливъ потому что вѣченъ» (блаж. Августинъ). Для него младенецъ, родившійся въ его семействѣ, есть безсмертное существо, итѣющее получить или безконечное блаженство или безконечное мученіе, существо, которое Господь поручилъ его храненію, говоря ему, какъ дочь фараона говорила матери Моисея: «возьми этого младенца и вскорми его для меня.» Умершій человекъ—это душа, для которой навсегда кончилось время испытанія, и которая встрѣтитъ за гробомъ или вѣчную славу или гнѣвъ Бога Мстителя; и если этотъ умершій—другъ, братъ, жена, отецъ, дитя христіанина, — кто можетъ выразить то, что происходитъ тогда въ его сердцѣ? Политическій переворотъ—это часть того обширнаго плана, который предначертанъ Богомъ изъ начала и который раскрывается въ теченіи вѣковъ, чтобы покорить всѣ народы власти Иисуса Христа, и цѣлая исторія есть великая драма, исполняемая послѣдовательно поколѣніями людей и долженствующая окончиться слѣдующей величественной развязкой: «земля будетъ покрыта истиной, какъ дно моря покрыто его водами.» Для него жизнь такъ серьезна, такъ полна—то надеждами, восхищающими до небесъ, то скорбію, низводящею до преисподней, что удивляешься, какъ выносить онъ эту борьбу, — между тѣмъ въ глубинахъ его души есть что-то, что находитъ себѣ удовлетвореніе въ скорбяхъ. Онъ лучше любить чувствовать горечь жизни, чѣмъ равнодушно уклоняться отъ ней, какъ вы охотнѣе переносите известную болѣзнь сердца, чѣмъ стараетесь освободиться отъ ней въ беззаботной молодости. И въ самыя горькія минуты онъ не проявляетъ своего

состоянія на ваше, а тѣмъ болѣе въ минуты радости, небесной радости, о которой вы даже не имѣете понятія.

Пусть говорятъ, послѣ этого, что христіанской жизни не достаетъ движенія и интереса! Вѣрите надобно сказать, что въ ней—то только и можно ихъ найти; въ ней такое движеніе и такой интересъ, въ сравненіи съ которыми все, занимающее васъ, представляется столь же незначительнымъ, какъ ваши минувшія дѣтскія заботы о карточныхъ домикахъ въ сравненіи съ вашими теперешними главнѣйшими заботами. При всемъ кажущемся волненіи, ваша жизнь холодна и лишена того, что трогаетъ сердце; а жизнь христіанина, не смотря на ея спокойствіе, полна глубокаго движенія. Неглубокая вода, которую до дна возмущаетъ и небольшой вѣтерокъ, потому что дно это слишкомъ близко, — вотъ образъ вашей жизни; но неизмѣримое море, котораго развѣ одну поверхность можетъ нѣсколько всколебать этотъ вѣтерокъ, которое таятъ въ своихъ безднахъ другія бездны, цѣлая равнина и горы, цѣлый міръ живыхъ существъ,—вотъ образъ жизни христіанской. Это жизнь истинно изумительная, жизнь необъяснимая, еслибъ она не была дѣломъ Бога въ человѣкѣ, жизнь тихаго мира и вмѣстѣ глубокаго движенія, жизнь крѣпкаго единства и вмѣстѣ безконечнаго разнообразія, однимъ словомъ жизнь живая, единственно способная удовлетворить чувствующее сердце и мыслящій умъ,—жизнь, въ сравненіи съ которою всякая другая жизнь на землѣ—все равно, что трупъ въ сравненіи съ человѣкомъ. «О, какъ блаженъ человекъ, который вѣрится Тебѣ, Іегова Саваоѣ!»

Что еще, наконецъ, не правится вамъ въ жизни христіанской? «Она—жизнь лишеныи и жертвы; побѣдить всѣ свои склонности, отказаться отъ самыхъ законныхъ удовольствій, жить какинъ-то особнякомъ: какое печальное и дикое су-

ществованіе, безъ радостей себѣ, безъ пользы другимъ! — Но вы совершенно ошибаетесь въ этомъ отношеніи. Что особенно отталкиваетъ васъ въ христіанской жизни, то составляетъ ея радость и торжество.

Мы соглашаемся съ вами, что христіанская жизнь есть жизнь самоотреченія, потому что сказано: «если кто-нибудь изъ васъ не откажется отъ всего, что онъ имѣетъ, онъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ.» Недостаточно сказать, что есть жертвы въ христіанской жизни, — нѣтъ вся эта жизнь и всецѣло есть одна великая и продолжительная жертва, жертва самимъ собою; всѣ другія жертвы незначительны въ сравненіи съ этою. Человѣкъ охотнѣе откажется отъ денегъ, отъ удовольствій, отъ чести, отъ покоя, отъ семейства, отъ здоровья, отъ жизни, чѣмъ отъ самаго себя, отъ собственной воли, собственной правды, собственной славы. Поэтому-то на сотни факировъ, изувѣчивающихъ себя, анахоретовъ умерщвляющихъ свое тѣло, отранниковъ, предпринимающихъ продолжительныя путешествія, — на сотни такихъ людей можно найти одного только истиннаго христіанина, евангельски отвергающагося самаго себя.

Все это такъ. Но эта жертва, столь горькая для нашей собственной воли, столь невозможная для нашихъ собственныхъ силъ, служить источникомъ самаго свѣжаго и чистаго удовлетворенія для воли обновленной. Говоря — для воли обновленной, мы боимся быть неповятыми, хотя съ другой стороны эта истина такъ соответствуетъ глубочайшимъ потребностямъ нашей природы, что вы непременно сколько-нибудь должны ее чувствовать. Смѣло обращаемся къ вамъ. Не правда ли, — вѣдь есть счастье въ самоотверженіи и самопожертвованіи? Есть счастье въ любви, а самопожертвованіе — это любовь, дошедшая до такой степени силы, что при немъ забываютъ себя въ пользу любимаго существа.

Молодая дѣвица вся была занята суетностью міра и его удовольствіями; окруженная искательствомъ, лестию, удивленіемъ, она была идоломъ для другихъ и для себя. Но вотъ она сдѣлалась супругой и матерью. Здѣсь жизнь ея измѣняется. Она отказывается отъ мірскихъ удовольствій, отъ убранныхъ, отъ упоенія похвалъ. И день и ночь она посвящаетъ своему малюткѣ. Она смотритъ на него, поитъ его, ласкаетъ, унимаетъ его крики, кормитъ его своимъ молокомъ. Отъ утра до вечера она занята имъ, а часто и отъ вечера до утра, если онъ не чему-нибудь не спитъ. Когда онъ боленъ, она истощается въ услугахъ ему, и сама дѣлается больше, чѣмъ ее малютка. — Мы спрашиваемъ: забвѣли свои прежнія удовольствія, безъ которыхъ повидимому она не могла существовать, самоотверженіемъ въ пользу одного существа, перемѣнила жизнь для себя на жизнь для другого, стала ли она меньше-счастливою? — Если между нашими читателями есть мать, узнающая себя въ этомъ изображеніи, мы не сомнѣваемся въ ея отвѣтъ. Но почему же она и теперь чувствуетъ себя счастливою? Почему она считаетъ бѣднымъ эгоистомъ, незнающимъ истинныхъ радостей сердца, того, кто изъявилъ бы сожалѣніе, что она забвѣла прежнія удовольствія самоотверженіемъ въ пользу своего малютки? Конечно не потому, что она надѣется на вознагражденія за свои заботы. Въ первые дни жизни, когда малютка особенно нуждается въ заботѣ матери, въ эти дни онъ всего менѣе способенъ сознать и оцѣнивать эти заботы; онъ можетъ быть упреть прежде, чѣмъ успѣетъ заплатить своей матери даже такъ, какъ платятъ малютки, т. е. улыбкой и лаской. Но сожалѣетъ ли мать о своихъ заботахъ, думаетъ ли она, что сдѣлала бы лучше, еслибъ не заботилась такъ о томъ, кто не могъ заплатить ей за ея заботы? Ко-

нечто; нѣтъ. И чѣмъ же объяснить это, если не тѣмъ, что наше сердце жаждетъ любви и удовлетворится вполне только полнымъ самопожертвованіемъ? О, если бы вы, нѣжная мать, умѣющая жертвовать собою для своего дитяти, жертвовали собою для Иисуса—Творца, Спасителя и Бога?

Иисусе, Боже нашъ! Жертвовать собою для Тебя, жертвовать безусловно и безраздѣльно, любить Тебя выше всего, и все остальное только послѣ Тебя, въ Тебѣ и для Тебя,—ужели это составляетъ печаль христіанской жизни? Блаженная печаль! Господи, дай намъ всегда чувствовать эту печаль! Ты, опытующій сердца, знаешь, что для насъ служить счастіемъ самоотверженіе для Тебя, и что, если мы чувствуемъ недостатокъ счастья, то это отъ недостатка самоотверженія! Да, если бы мы могли все оставить и слѣдовать [за Тобою, любить только то, что Ты любишь, все дѣлать для Твоей славы, не имѣть ни одного движенія, ни одной мысли, ни одного біенія сердца, которыя не были бы посвящены Тебѣ,—тогда радость наша была бы «исполнена!» Тогда нашъ крестъ былъ бы легокъ для насъ! Тогда въ ожиданіи неба, открытаго для насъ Твоею кровію, мы нашли бы въ служеніи Тебѣ небо и на землѣ!

Нужно ли еще говорить, что жертвы христіанской жизни, приносяція радость самому христіанину, приносятъ и пользу другимъ? Любовь къ Иисусу Христу, Спасителю людей, ужели не внушить любви къ людямъ, которыхъ Онъ столько возлюбилъ? Когда кто-нибудь обратится ко Христу, иные сожалеютъ о немъ, какъ о человѣкѣ, погибшемъ для общества. Какое извращеніе понятій! Счастливо было бы общество, еслибъ оно могло погубить всѣхъ насъ такимъ образомъ! По тому самому, что человѣкъ дѣлается вѣрующимъ и молящимся, онъ дѣлается любящимъ и дѣлательнымъ, дѣлается подражателемъ Того, кто «переходилъ съ мѣста на мѣсто, благотвори всѣмъ.»

Возмемъ ли духовное благо людей,—одинъ христіанинъ можетъ содѣйствовать этому благу, одинъ онъ трудится надъ тѣмъ великимъ дѣломъ, которое имѣетъ концемъ спасеніе міра; одинъ онъ старается, молить, убѣждаетъ, чтобы привести людей къ Богу. И въ этомъ отношеніи не является ли христіанинъ высочайшимъ благотворителемъ общества? Понимаемъ ли мы всю цѣну даже только одной души, безсмертной души? Какая неизъяснимая радость для того, кто ее спасаетъ! Еслибы, напр., намъ удалось убѣдить теперь хотя одного изъ нашихъ читателей; еслибы кто-нибудь, убѣдившись нашими словами, увидѣлъ, что все его счастье въ Иисусѣ и отдался Ему безусловно и безраздѣльно; еслибы между нимъ и нами образовалась эта духовная связь, которая не имѣетъ даже названія на землѣ, и которая соединяетъ человека обратившагося съ тѣмъ, кто былъ орудіемъ его обращенія: кто можетъ сказать, съ какою радостію мы вспоминали бы одинъ о другомъ, даже здѣсь, даже прежде, чѣмъ наступитъ день, когда мы встрѣтимся и будемъ наслаждаться вмѣстѣ въ вѣчныхъ обителяхъ?

Но есть мнѣніе, что христіанинъ меньше другихъ людей заботится о временномъ благѣ своихъ ближнихъ, такъ какъ онъ привыкъ забывать о времени для вѣчности?—Нѣтъ, и здѣсь христіанинъ не уступитъ въ ревности никому, и здѣсь онъ находится, по прекрасному выраженію ап. Павла, « во главѣ добрыхъ дѣлъ » (Тит. III, 8, съ греческаго). Онъ привыкъ отказываться отъ собственныхъ выгодъ, но не отъ выгодъ ближняго. Въ отношеніи къ себѣ самому, онъ не заботится ни о чемъ, но въ отношеніи къ другимъ, онъ заботится обо всемъ, и малѣйшее облегченіе участи другаго, удаленіе самой незначительной скорби, а служаиваетъ, по его взгляду, всѣхъ его усилій. Онъ послѣ-

дуетъ примѣру ап. Павла, который живетъ «въ постоянномъ бодрствованіи, въ голодѣ, въ жадѣ, въ постѣ, въ холодѣ, въ наготѣ», и въ то же время «работаетъ день и ночь, чтобы никому не быть въ тягость.» Онъ послѣдуетъ примѣру своего Божественнаго Учителя, Который «претерпѣлъ крестъ и безчестіе,» и въ то же время посвятилъ всю Свою жизнь врачеванію болѣзней людскихъ, болѣзней не только души, но и тѣла. За успѣхъ его заботъ о благахъ настоящей жизни крѣпкимъ ручательствомъ служить уже то самое, что его главнѣйшія заботы направлены къ вѣчнымъ благамъ. Потому что сказано: «ищите прежде царствія Божія и правды его, и все остальное будетъ дано вамъ съ этимъ»,— слова глубоко знаменательныя, которыя всегда исполняются, какъ въ отношеніи къ дѣламъ частной благотворительности, такъ и въ отношеніи къ общимъ христіанскимъ предпріятіямъ на пользу цѣлыхъ народовъ. Въ 1837 году въ Англіи комисія, нарѣженная для рѣшенія вопроса, что нужно для распространенія цивилизаціи между подвластными Англіи азычскими племенами, нашла, послѣ тщательныхъ изслѣдованій, что цивилизація проникаетъ къ дикимъ народамъ не иначе, какъ вслѣдъ за Евангеліемъ, и что первыми благодѣтелями азычниковъ бываютъ всегда христіанскіе миссіонеры. Посмотрите въ лѣтописяхъ благотворительности, кто принималъ главное участіе въ уничтоженіи рабства, въ преобразованіи тюремъ, въ заведеніи полезныхъ учреждений,—вы увидите, что это были не просто филантропы, а истинные по свѣдователи Христа. Да, нѣтъ такой дѣятельности, такихъ пожертвованій и такихъ благодѣній, для которыхъ вѣра не могла бы быть основаніемъ и душою; и здѣсь-то особенно, по поводу самоотверженія и жертвъ, христіанинъ имѣетъ право сказать: «О, какъ блаженъ человекъ, который вѣтрятъ Тебѣ, Иегова Саваоѣ!»

И однакожь, замѣтите, мы показали вамъ счастье христіанской жизни со сторонъ наименѣ свѣтлыхъ. Спросите христіанина, почему онъ счастливъ,—онъ, вѣроятно, не представитъ вамъ ни одного изъ тѣхъ основаній, какія мы раскрыли. Онъ не скажетъ вамъ, что христіанство соотвѣтствуетъ во всемъ потребностямъ его природы, удовлетворяя разумъ посредствомъ вѣры, душу посредствомъ живыхъ возбужденій, сердце посредствомъ самоотверженія. Не скажетъ, не потому, чтобы все это казалось ему неистиннымъ или не содѣйствовало въ самомъ дѣлѣ его счастью; но потому, что онъ знаетъ нѣчто лучшее. Есть одинъ простой отвѣтъ, который первымъ является на его уста: «я счастливъ, потому что у меня есть Спаситель, и грѣхи мои прощены!»

А. Стефановскій.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ

(Періодическое обозрѣніе.)

Религіозное состояніе Франціи далеко не улучшается, напротивъ съ каждыиъ днемъ становится хуже и хуже. Враждующіи партіи хлопочуть изъ-за первенства, и ни одна изъ нихъ не хочетъ добровольно уступить другой. Духовенство настойчиво и горячо бьется изъ-за осуществленія своего призрака: удержать въ своихъ рукахъ посредствомъ духовнаго вліянія и гражданскую власть. Ему трудно разстаться съ этимъ призракомъ. Въдь отъ среднихъ вѣковъ весь католическій міръ—въ рукахъ католическаго духовенства. Слишкомъ долго продолжался такой порядокъ вещей, и, казалось, до сихъ поръ составлялъ норму жизни ринско-католическаго міра. Но со времени среднихъ вѣковъ чело-вѣчество много измѣнилось. Западно-европейская общественная жизнь приняла иное направленіе, и всѣ покушенія возвратиться вспять—напрасны.

Приверженцы папства весьма недовольны Наполеономъ.

Главнѣйшая причина ихъ негодованія противъ императора заключается въ его постоянныхъ отказахъ возобновить гражданскую власть Пія IX, который, во что бы ни стало, не хочетъ отказаться отъ своего королевскаго званія и достоинства, и съ тѣмъ вѣстѣ отъ своего владычества надъ римскими владѣніями, находящимися въ настоящее время подъ скипетромъ повяго короля Италіи. Но этого еще мало: Наполеонъ III въ извѣстный, данный часъ, отзоветъ свои войска изъ Рима, не дозволивъ ни Австріи, ни иной какой-бы то ни было католической державѣ замѣнить своими войсками французскій осадный корпусъ. А уже всѣмъ теперь очевидно и ясно, что папа доселѣ держится только силою чужихъ штыковъ. Чтобы убѣдиться, какъ ослабѣла гражданская власть папы, стоить вспомнить, съ какою радостью народонаселенія Романіи, Мархій и Умбрін ускользнули при первомъ удобномъ случаѣ изъ-подъ гражданской власти Рима. Теперь всѣмъ также извѣстно, что остальные владѣнія Пія IX выжидаютъ съ нетерпѣніемъ того часа, когда имъ можно будетъ покинуть папу и передаться на сторону конституціоннаго правленія Виктора-Эммануила.

Пія IX давно уже осудила современная исторія. Его обѣщанія, данныя народонаселеніямъ надежды на правительственныя улучшенія посредствомъ конституціи, все это оказалось ничѣмъ,—пустыми, громозвучными словами. Не до того же слѣпъ свѣтъ, чтобы не видѣть, съ какими личнымъ ожесточеніемъ нынѣшній папа бросился на пути, ведущіе прямо къ чистѣйшему абсолютизму. Такимъ образомъ собственно на папу и надѣяться нечего.

Французское духовенство могло усмотрѣть въ началѣ правленія Наполеона III, какъ онъ, движимый политическими видами и замыслами, и нуждаясь въ опорѣ духовенства,

желая къ тому же въ качествѣ католическаго кесаря добиться и титула старшаго сына церкви и вельми христіанскаго короля,—какъ онъ старался о возстановленіи монархизма въ средней Италіи. Но все это сокрушилось предъ непредвидѣнными обстоятельствами. Въ послѣднихъ преніяхъ сената и законодательнаго собранія всѣ послѣднія грезы и мечты духовенства расшиблись въ дребезги о неумолимую положительность. Теперь духовенство прибѣгло къ послѣднему своему средству, къ запугиванію, къ настраиванію.—Удастся ли на этотъ разъ ему добиться своего, т. е. принудить императора французовъ поддержать еще нѣсколько лѣтъ колеблющуюся гражданскую власть папы, власть, которая уже не что иное, какъ жалкій призракъ, не имѣющій никакой дѣйствительности? Кто можетъ сказать? Близкое будущее укажетъ намъ, какова была завѣтная мысль Наполеона по сему предмету. Впрочемъ оппозиціи духовенства—горячей, пламенной, неумолимой, охватившей всю Францію хитро разставленными сѣтями, на этотъ разъ еще удалось на время приостановить такъ давно ожидаемое рѣшеніе римскаго вопроса. Папская партія оказала страшную снѣлость, и выиграла на этотъ разъ ходъ дѣла, такъ что, пока я пишу эти летучіе листки, мы вполнѣ находимся въ вождѣльномъ statu quo,—наши войска все еще держатся въ Римѣ, и служатъ помѣхой Италіи довершить свое единство.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ теперешнее положеніе римскаго вопроса. Гражданская власть папы, конечно, осуждена какъ начало; императору французовъ нѣтъ возможности, не погубивъ самого себя, нейдти за совершившимися событіями, и отвергнуть ихъ силу; но не менѣе того онъ парализованъ въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствованіяхъ. Разумѣется также, что теперешнее statu quo — не что иное, какъ

простая пауза, послѣ которой раздастся страшная пота паденія и крушенія стараго, обветшалого и затхлаго многовѣкового здашя, которое называется еще царствомъ папъ. Пій IX былъ послѣднимъ папою-царемъ....

Епископскія посланія во всѣ эти два мѣсяца содержали въ себѣ только выраженія неудовольствія, намѣсковъ, угрозъ.

Посланіе епископа перпиньянскаго было болѣе всѣхъ замѣчено, и потому болѣе всѣхъ заняло нашу журналистику своими намеками, которые показались подстреканіемъ къ низверженію императора. Сила этихъ намѣсковъ состоитъ въ исчисленіи тѣхъ милліоновъ душъ, которыхъ императоръ отдаетъ отъ себя, не принимаясь прямо и открыто за роль возстановителя папства. Посланіе писано изящнымъ слогомъ и отличается отъ прочихъ епископскихъ посланій, писанныхъ большею частью весьма неискусно. Мы сдѣлаемъ выдержку изъ этого посланія, чтобъ читателямъ ясно было, до какой степени ожесточены и ослѣплены всѣ защитники временной, гражданской папской власти.

Напомнимъ предварительно, что г. епископъ перпиньянскій никто иной, какъ г. Жербэ (Gerbet), самый отчаянный ультрамонтанецъ, возведенный въ епископы проискамп-покопнаго г. Фортуля, министра народнаго просвѣщенія, въ тѣ блаженные времена, когда императоръ французовъ передавалъ Францію въ объятія ультрамонтанизма.

«Необходимость поддержать гражданскую власть папства найдетъ ли себѣ опору въ роковой часъ? По сему предмету мы не получили никакого увѣренія; надъ Римомъ остеновилась мрачная туча пагубной неизвѣстности. Когда разразится эта туча, не увидимъ ли мы—съ одной стороны верховнаго жреца, угрожаемаго штыками измѣнниковъ, пробившихся до самыхъ дверей Ватикана, вынужденнымъ или сдаться въ

плѣтъ, или бѣжать; а съ другой стороны,—главу тѣхъ, у которыхъ нѣтъ предводителей, воцаряющихся на другомъ берегу Тибра, въ святомъ обиталищѣ папъ, назначающимъ въ комнатахъ Копклава квартирну Гарнibaldi? Тотъ, кто, витая изъ града въ градъ, ложится безъ угрызения совѣсти на почлегъ въ палатахъ своихъ обобранныхъ родственниковъ, мечтаетъ ли, что прійдя въ Квириналь, онъ достигнетъ высшей степени своего счастья? . . . Если бы намъ случилось идти мимо этихъ палатъ, во время пршества богохульнаго царствованія, мы вспомнилъ бы происшествіе, упоминаемое Григоріемъ Турскимъ. Онъ бесѣдовалъ съ духовнымъ сановникомъ Сальвіусомъ, однимъ изъ его пріятелей, при входѣ въ загородный дворецъ Брѣна, гдѣ жилъ король Хильперикъ, иррачпой памяти. «Не видите ли вы чего особеннаго, сказалъ ему его собесѣдникъ, на крышѣ этого дома?»—Вижу только, отвѣчалъ ему Григорій Турскій, нѣчто въ родѣ двойной крыши, поставленной недавно королямъ.—«А болѣе ничего не видите?»—Нѣтъ, а вы что тамъ такое разглядѣли? — Сальвіусъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ: «вижу мечъ ярости Господней, изъятый изъ поженъ и качающійся надъ домомъ.» Сальвіусъ этотъ, должно-быть, былъ какой-нибудь фанатикъ своего времени, у котораго голова была сбита съ толку страстными пашеками старыхъ партій. Между тѣмъ видѣніе его стало вскорѣ послѣ того исторіею. Намъ кажется, что и теперь есть много фанатиковъ, подобныхъ ему.

«Но какъ бы ни судили о нашихъ предчувствіяхъ касательно участи, ожидающей революціонеровъ Італіи, мы можемъ по крайней мѣрѣ указать самымъ положительнымъ образомъ послѣдствія для величайшей массы французскихъ католиковъ, послѣдствія уничтоженія гражданской власти папства. Вообще весьма страшно ошибаются на счетъ ихъ настоящихъ

помысловъ. Католики высказались языкомъ, исполненнымъ того достоинства, который возникаетъ отъ глубокой горести затронутыхъ вѣрованій. Но они не бѣснуются, не шумятъ, какъ демагоги. Они обсуживаютъ съ гражданскими властями свои дѣла, нисколько не упоминая о Ватиканѣ... Съ собственными судьями или съ сборщиками податей они не сантиментальничаютъ, а еще менѣе того съ жандармами. Въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ они даже весьма кстати не позволяютъ себѣ прибѣгать къ рѣзкимъ словамъ. Итакъ полицейскіе пристава могутъ отрапортовывать въ своихъ донесеніяхъ, что возмущеніе не оказывается наружу. Но это только второстепенные и нѣкоторымъ образомъ матеріальные признаки того, что называютъ спокойствіемъ. Нравственная, главная сторона скрывается въ извѣстныхъ понятіяхъ, раздѣляемыхъ съобща всѣми католиками, и въ особенности въ единодушій ихъ вѣры. Многіе изъ нихъ убѣждены, что переворотныя силы Италіи, теперь дѣйствующія за одно, послѣ столкнутія между собою, и именно, когда вслѣдствіе ихъ послѣдней борьбы онѣ наткнутся на начало смерти. Иные, въ своихъ надеждахъ отказываясь заглушить еще дымящійся фитиль, неукосненно вѣруютъ, что въ самое короткое время для папства возникнетъ, откуда бы то ни было, внѣшняя помощь, которой предназначено исполнить великое назначеніе Провидѣнія, указываемое католическимъ державамъ. Какъ бы то ни было, но всѣ они знаютъ, что церковь стоитъ выше всѣхъ возможныхъ бурь, и, такъ какъ они глубоко убѣждены, что гражданская власть есть не что иное, какъ ручательство духовной независимости, есть религіозная необходимость, то они предсказываютъ, что рука Божія направитъ событія, страшными ли ударами, или болѣе кроткими мѣрами, къ возобновленію этой власти. Вотъ почему они спокойны, какъ

всѣ тѣ, которые не подавлены, и не могутъ быть подавлены испытаніями. Но думать, чтобы подъ этииъ спокойствіемъ не было глубокаго смятенія, чтобы подъ спокойною поверхностью моря не было теченій весьма сильныхъ, это бесплодная мечтанія. Дѣло въ томъ, что католики исполнены безпокойства, они исполнены страха, глубоко уязвлены. Они чувствуютъ порабощеніе въ своихъ, самыхъ законныхъ правахъ натискомъ италіанскихъ возмутителей, дѣйствующихъ противъ независимости главы церкви. Во глубинѣ ихъ сердецъ возникаютъ горькія разочарованія при сравненіи конца съ началомъ, довѣрчивой безопасности начала съ бѣдственной существенностью конца. Имъ кажется, что въ будущности имъ готовятся болѣе жестокія испытанія. Далека отъ насъ мысль, будто бы всѣ они равно подавлены такими чувствованіями: иначе чувствуетъ одинъ, и иначе другой; но на всѣхъ дѣйствуетъ одно и то же впечатлѣніе. Такое состояніе умовъ, такое положеніе дѣлъ можно положительно назвать важнымъ фактомъ въ политическомъ порядкѣ. Можно повѣрить, не пускаясь даже въ мистическія отвлеченія, что все это составляетъ не перестановку только, но безпорядокъ въ великой нравственной силѣ Франціи, которой жизненное вліяніе мы дѣтъ десять тому назадъ видѣли на опытѣ. Можно сказать, что существуетъ уже начало разстройства въ пружинахъ общаго мнѣнія. Вотъ наше глубокое убѣжденіе. Но, да не подумаютъ, чтобы мы, указывая на этотъ неопровержимый фактъ, хотѣли бы преувеличить его пропорціи. Годичные отчеты увѣдомляютъ, что во Франціи около 34,000,000 католиковъ. Но намъ очень хорошо извѣстно, и по нашему положенію намъ доступнѣе, чѣмъ кому-либо, достовѣрныя свѣдѣнія, что многіе принадлежатъ къ церкви только по метрическимъ записямъ о крещеніи и похоронахъ. Итакъ сведи-

те гораздо пже настоящее число дѣйствительныхъ католикозъ, тѣхъ, которые еще придерживаются своего исповѣданія какою бы то ни было стороною, хотя не исполняя всѣхъ своихъ обязанностей; которые, не рѣшаясь пзвѣнить своему исповѣданію, передаютъ его своимъ дѣтямъ; которые держатся его, чтобы при послѣдней пздыханіи пвѣть возможность и утѣшеніе умереть на рукахъ священника; сведите, если хотите, ихъ число на двадцать милліоновъ. Но знаете ли, сколько есть такихъ между нами, которые недовольны всѣмъ, что совершается теперь; которые пскренно, хотя и тайно, пзъ человѣческихъ, житейскихъ расчетовъ, сожалеютъ о томъ, что теперь происходитъ; которые, различнымъ образомъ, чувствуютъ обманутыя надежды, тоску, страхъ религіознаго народонаселенія; которые утверждаютъ, что если бы то зависѣло отъ нихъ, мы не находились бы теперь въ томъ положеніи, въ которое насъ поставили. Сколько между тѣмъ двадцатью милліонами есть людей, которые такъ думаютъ, и которыми пренебрегать никакъ не слѣдуетъ.

Въ началѣ нашего вѣка, когда шли первые переговоры о конкордатѣ съ святымъ престоломъ, Кабанисъ и его друзья въ трибунатѣ возражали, что начало революціи хотятъ поработать выгодамъ и пользѣ ризницъ; точно также, какъ пѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, когда схватили Ція VII, повторяли, что ризница должна покориться передъ требованіями континентальной системы. Въ эпоху, болѣе близкую къ намъ, когда французскіе католики требовали справедливаго для всѣхъ закона о народномъ воспитаніи,—толковали, что епископы хотѣли свободы преподаванія или мученическаго вѣнца, но что имъ не дадутъ ни того, ни другаго, не смотря на возстанія въ ризницахъ. Во время республики народное собраніе поняло это дѣло совсѣмъ иначе: оно мало обратило

вниманія на то же самое слово въ торжественную минуту, хотя это слово по пѣводу римской экспедиціи было громко-гласно выговорено Горю. Когда дѣло идетъ о религіозныхъ выгодахъ, нѣмлющихъ тѣсную связь со всѣми вѣками и со всѣми странами, ризница—это весь католическій міръ.

«Наши смиренныя ризницы, господа, не имѣютъ того могущества, которое имъ приписывается, по у нихъ совершенно иная, гораздо болѣе положительная власть. Ибо эти ризницы связаны съ алтаремъ, на которомъ всѣ мы черпаемъ съ милосердіемъ, облегчающимъ раны, вмѣстѣ и постоянство, не подвергающееся поклоненію ереси, страстямъ человѣческимъ, и непоколебимую вѣру въ правосудіе Божіе».

Если читатели «Православнаго Обзорнія» прослѣдили со вниманіемъ выписку, сдѣланную нами изъ епископскаго посланія, то они вѣроятно могли замѣтить, съ какимъ тонкимъ искусствомъ и риторскимъ хитросплетеніемъ г. Жербе дѣлаетъ угрозы правительству. Constitutionnel весьма дѣльно замѣтилъ историческій намекъ на убійство Хильперика, которое естественнымъ образомъ выходитъ изъ случая, упомянутаго Григорьемъ Турскимъ. Г. перпиньянскій епископъ не преминулъ отписать въ Constitutionnel, жалуясь на подобное истолкованіе, и увѣряя, что ему и въ голову не приходило подстрекать кого бы то ни было къ царубійству. Цѣлью его было только указать, что поведеніе невѣрныхъ царей подвергается всегда казни Божіей, но не далѣе.

Г. Грангійльо, авторъ статьи въ Constitutionnel, отвѣчаетъ г. Перпиньянскому епископу слѣдующими словами:

«Намъ нѣкогда и на мысль не приходило, чтобы г. перпиньянскій епископъ хотѣлъ подстрекнуть къ царубійству, и мы увѣрены, что въ душѣ своей онъ отвергнетъ съ ужасомъ даже мысль изувѣрства, могущаго подъ какими-бы то ни было пред-

моимъ задумать подобное преступленіе. Но не правда ли, что изуверство можетъ найти себѣ пищу и оправданіе подобнаго предпріятія, читая такія сближенія, въ силу которыхъ въ скверномъ видѣніи Сальвіуса ножъ убійцы Ландри сравненъ съ мечемъ ярости Божіей? Мы поэтому не беремъ назадъ того, что мы сказали, напротивъ, мы повторяемъ еще разъ сказанное нами, что подобныя сравненія—великій проступокъ, даже если въ нихъ и нѣтъ расчета и дурнаго настрѣнія, котораго мы никогда и не приписывали г. перпиньянскому епископу.*

Съ своей стороны мы добавимъ, что г. Жербэ ошибочно увлекается мечтами на счетъ многочисленности приверженцевъ папской гражданской власти. Двадцать милліоновъ! Многіе изъ этой массы далеко не отстали отъ духовнаго развитія нашего времени и весьма прилежно слѣдятъ за ходомъ всѣхъ политическихъ дѣлъ, толкуя настойчивость папства совершенно иначе, нежели какъ старается высказать г. Жербэ. Что же касается до неподвижной массы земледѣльцевъ и винодѣльцевъ, прикованной къ насущной своей работѣ, она мало или даже совсѣмъ не заботится о томъ, быть ли папѣ или не быть? Разумѣется, отъ времени до времени въ какомъ-нибудь захолустьѣ и найдется недовольный мужичекъ, подстрекаемый деревенскимъ своимъ священникомъ; но это такая рѣдкость, что поискать ее—съ фонаремъ въ рукахъ. Впрочемъ въ донесеніяхъ, доходящихъ до правительства изъ департаментовъ, дѣйствительно справедливо замѣчено, что совершенное равнодушіе къ участи папства—главная, характеристическая черта нашего времени. Такимъ образомъ должно исключить еще милліоны и милліоны душъ изъ числа недовольныхъ, которыми г. Жербэ страшитъ правительство. Не упустимъ изъ виду вѣрный и точ-

ный инстинктъ земледѣльческихъ народонаселеній. Они нисколько не встревожены письменною междоусобицею, которою такъ пламенно предаются ультрамонтанцы. Наши крестьяне весьма хорошо понимаютъ, что крушеніе царской власти папской не повлечетъ за собою паденія церкви; большинство вполне увѣрено, что церковь выше всѣхъ возможныхъ земныхъ расчетовъ и интересовъ.

Епископское посланіе г. Каркассонскаго не менѣе точно и ясно посланія еп. перпиньянскаго. Онъ такъ выражается:

«Дѣло это—не только дѣло верховнаго жреца. Оно и мое, оно и ваше, и слѣдовательно по всей справедливости необходимо, чтобы вы знали, въ какомъ преступленіи васъ обвиняютъ.—Въ сущности все вращается на обвиненіи, что напрасно папа не послѣдовалъ подаваемымъ ему совѣтамъ. Прибавляютъ еще, будто бы французское епископство, подерживая верховнаго жреца, подчинилось вліянію старыхъ партій. Наконецъ, указываютъ на бесполезность нашихъ усилій и объявляютъ, что общее мнѣніе уже произнесло свой приговоръ.» За тѣмъ еп. каркассонскій объявляетъ, что папѣ не возможно согласиться на упраздненіе своей гражданской власти, потому что такое упраздненіе было бы официальнымъ опроверженіемъ догмата, и слѣдовательно совершеннымъ равнодушіемъ къ различенію зла отъ заблужденія. «Какъ!—воскликаетъ онъ: при нашихъ глазахъ рушится самое высокое и самое святое въ мірѣ учрежденіе, и въ то время, когда мы протестуемъ при зрѣлищѣ такого глубокаго раззора, угрожающаго поглотить цѣлое общество, васъ обвиняютъ въ духѣ крамольничества партій!—Но тогда судите насъ за нашу совѣсть, а не за наши мнѣнія. Правда, и мы въ томъ нисколько не скрываемся, наша оппозиція—совершенно положительна и противъ всего, что теперь совершает-

ся. Но укажите же намъ въ современной Франціи хотя одну католическую душу, которая бы не была въ оппозиціи. Развѣ это партія? — нѣтъ, это церковь: и въ такомъ случаѣ мы нисколько не подвергнемся гнету этой партіи, но стоимъ въ ея главѣ. — Мы такъ мало были непріязненны, что насъ даже обвиняли въ преданности; но за то, такъ хорошо была понята прпверженность епископовъ, которая не устояла бы противъ перваго же покушенія на права святаго отца, что пакануи походѣ въ Италію намъ надавали кучу обѣщаній. Во Франціи нѣтъ ни одной епископской канцеляріи, гдѣ бы не были означены въ письмахъ, циркулярахъ, посланіяхъ всѣ эти обѣщанія. И какъ же были исполнены эти обѣщанія? Теперь на все это твердятъ одно: Франція *не могла*; и вотъ торжественное слово всѣхъ официальныхъ актовъ, всѣхъ полуофициальныхъ брошюръ. *Франція не могла!* — по мы не хотимъ принять этого въ уваженіе; мы слышомъ французы, чтобы повѣрить основательности такого отвѣта, слишкомъ католики, что бы преклопиться передъ нимъ. —

«Заключеніе? тщетно я старался отыскать его среди многочисленныхъ документовъ, выпущенныхъ въ истекшіи мѣсяцъ, — заключенія нѣтъ. — Правда, намъ извѣстно, что жрецъ царь престольствуетъ еще въ Римѣ, охраняемый и покровительствуемый нашими храбрыми войскомъ. Намъ извѣстно также, что Франція не хочетъ «ни жертвовать Италіею римскому двору, ни предать папство перевороту». Но что въ томъ? Развѣ папство не будетъ предано, связанное по рукамъ и по ногамъ, перевороту, когда онъ, не оставя папѣ даже и ограды вѣчнаго города, вторгнется въ него и установитъ въ немъ величіе своего могущества. Слова успокоенія нашего страха и разсѣянія нашихъ сомнѣній, этого слова не хотѣли провозгласить. Следовательно и я не могу вамъ

его передать. Неизвѣстность,—вотъ вся наша будущность. Останемся же,—потому что насъ къ тому припуждаютъ,—въ этой неизвѣстности, которая не что иное, какъ тоска и грусть.»

Какова же обида, панесенная правительству этими словами: «слова успокоенія, отъ котораго завистлю наше спокойствіе, этого слова *не хотѣли* провозгласить.» Не забудемъ, что г. аббатъ до-ла Буйльери, епископъ каркассонскій,—изъ числа новыхъ епископовъ, возведенныхъ въ санъ правительствомъ. Намъ лично извѣстно, что онъ добился высокаго сана послѣ тысячъ и тысячи удостовѣреній въ своей преданности власти. Итакъ вотъ и еще однимъ неблагодарнымъ и перебѣжчикомъ болѣе.

Довольно выписокъ изъ епископскихъ посланій. Какъ не впасть преосвященные того среда, который они пишутъ дѣлу, защищаемому ими гиперболами и прочими риторическими фигурами?

Имперскимъ декретомъ 2 апрѣля обнародовано, что въ посланіи г. папѣскаго епископа отъ 22 февраля было злоупотребленіе духовной власти. Если не ошибаюсь, я имѣлъ уже случай упомянуть объ этомъ посланіи Г. Сюинъ, докладчикъ государственнаго совѣта, весьма сильно выставилъ брашныя страницы этого пасквиля подъ формою посланія и вывелъ слѣдующее заключеніе: «мы не думаемъ, чтобы ошиблись, отыскавъ въ послѣднихъ параграфахъ посланія: во 1-хъ оужденіе политики правительства: это злоупотребленіе власти; во 2-хъ обидные намеки на государя: это нарушеніе законовъ имперіи; въ 3-хъ распространеніе страха въ душахъ католическихъ христіанъ, желающихъ согласовать свою преданность къ религіи, свое почтеніе къ святому престолу съ вѣрностью и покорностью къ главѣ государства: это ничто

инное, какъ желаніе возмутить самовольно совѣсть гражданъ. Декретъ передаетъ посланіе порицанію въ силу трехъ пунктовъ, обозначенныхъ въ донесеніи.

Общественное мнѣніе совершенно поддержало эти правительственныя мѣры, и тѣмъ возбудило еще сильнѣе негодованіе ультрамонтанской партіи. На югѣ, гдѣ головы гораздо горячѣе, чѣмъ въ остальной Франціи, духовенство успѣло собрать подписки и составить поздравительный адресъ поатъескому епископу. Такая демонстрація подавала законный поводъ правительству наказать подобное насильственное и противузаконное дѣйствіе; но правительство очень умно и кстати оставило его безъ вниманія. Фактъ, на который я здѣсь указываю, какъ на весьма важное проявленіе положенія умовъ въ духовенствѣ, имѣлъ мѣсто въ Римѣ. Съ высоты кафедръ мы имѣли на югѣ Франціи случай слышать нѣсколько разъ весьма запальчивыя рѣчи, въ видѣ проповѣдей.

Страннѣе всего то обстоятельство, что нѣкоторые ультрамонтанскіе корреспонденты изъ Рима, желая разогрѣть фанатическія чувства въ народныхъ массахъ, представляли Пія IX какъ боговдохновеннаго пророка, имѣющаго видѣнія и откровенія свыше. Для этого ухватились за нѣкоторыя весьма блѣдныя слова, сказанныя папою нѣкоторымъ изъ великопостныхъ проповѣдниковъ. Но и это не удалось во Франціи. Есть люди, которыхъ еще можно расшевелить сказаніями о добродѣтеляхъ папы; но въ видѣнія и въ откровенія Пія IX никто и вѣрить не хочетъ. Въ Римѣ, завидя, что и это средство не беретъ, поспѣшили опровергнуть распускаемые глупые слухи. Ленти, канонику Санъ-Лорензо, было приказано опровергнуть ихъ, и вотъ самое рѣзкое мѣсто его письма:

• Всѣ осчастливленные лицезрѣніемъ его святѣйшества удив-

лются ясности его лица, на которомъ отражается спокойствіе сердца, возложившаго все свое упованіе на Бога. Въ каждой изъ своихъ рѣчей, святой отецъ внушаетъ, благодаря горячности своихъ словъ, ту же увѣренность и самымъ робкимъ сердцамъ, не скрывая между тѣмъ, какъ страшны испытанія и гоненія нынѣшняго времени. Но далеко еще до того, чтобы толковать о видѣніяхъ и откровеніяхъ; и въ рѣчи его къ приходскимъ священникамъ и великопостнымъ проповѣдникамъ, собраннымъ въ Ватиканѣ, о видѣніяхъ и не упомянуто: смыслъ воззванія совершенно не тотъ, который былъ приданъ ему корресподентомъ *Gazette du Midi*. Я присутствовалъ при этомъ собраніи, и помню все это весьма ясно.»

Иныя времена—иные приемы. Лѣтъ сто тому назадъ слухи о чудесахъ въ пользу папы никому изъ написовъ не пришло бы и въ голову опровергать. Напротивъ, тогда всюду въ народныхъ массахъ старались бы распространять самые странные и чудные слухи и тѣмъ придали бы папѣ еще болѣе таинственный характеръ, утраченный нынѣ навсегда въ воображеніи и во мнѣніи народномъ.

Что касается до духовной журналистики, она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе проявляетъ свою слабость и шаткость въ доказательствахъ о необходимости гражданской власти папы. Вотъ пока образчикъ этихъ доводовъ и объясненій, взятый изъ *Monde*:

«Если идея о временномъ гражданскомъ царѣ не будетъ болѣе связана съ идеею о папѣ, то люди въ разсѣяніи отъ столькихъ мірскихъ заботъ потеряютъ чувство божественнаго царства памѣстника Иисуса Христа. Простымъ учителямъ папа не будетъ въ состояніи успешно говорить къ народамъ; и тогда-то будетъ дѣйствительно легко презирать»

его ученіе. Церковь, непрестанно возмущаемая гражданскою властью, вошла въ спокойствіе только послѣ увеличенія и укрѣпленія гражданской власти папы. Разоблаченная теперь и отъ этой власти, она снова подвергнется тѣмъ же смутамъ, какимъ подвергалась въ первые восемь вѣковъ. Первые вѣка были колыбелью встѣхъ ересей.»

Какое невѣжество и какое кощупство высказывается въ приведенныхъ словахъ! Итакъ, по тому, что папы не были царями гражданскими въ первые восемь вѣковъ, церковь паходила въ постоянныхъ смутахъ? Итакъ церковь, основанная Господомъ, не могла бы имѣть своего утвержденія безъ гражданской власти папы?...

Разумѣется, не всѣ католики и не всѣ епископы предаются подобнымъ изувѣрскимъ ученіямъ. Барцелонскій епископъ обнародовалъ на дняхъ епископское посланіе по своей епархіи. Это посланіе произвело во всей Испаніи глубокое впечатлѣніе. Мужественный духовный саповникъ не побоялся объявить, что по всѣмъ возможнымъ вѣроятіямъ римское папство должно окончательно и не въ далекомъ отъ насъ времени пасть навсегда.

Но вѣстѣ съ тѣмъ опъ увѣщаетъ свою паству не смущаться. Напротивъ, въ паденіи гражданской власти внушаетъ усмотрѣть всемогущую руку Провидѣнія, явно указывающую, что судьбы церкви независимы отъ судебъ и участи того или другаго города, и что метрополія церкви можетъ находиться гдѣ бы то ни было...—Въ томъ же духѣ отзывался англійскій католическій журналъ Weekly Register, съ своей стороны также рѣшившійся объявить, что съ утравою гражданской власти папство въ духовномъ отношеніи можетъ укрѣпиться и усилиться. На подобные отзывы французскіе ультрамонтанцы раздражаются жестокою бранью и

самыми смѣшными выходками. Вотъ наприѣтъ отвѣтъ Monde на отзывъ Weekly Register:

«По нашему крайнему разумѣнію, говорить такъ—значить высказывать, что гражданская власть папы ничто иное, какъ опасное злѣишество, что папство не имѣетъ пониманія времени и его нуждъ, что оно не состояніи разобрать, что полезно и что вредно, и что все, что происходитъ теперь въ Италіи, совершенно сообразно съ видами Провидѣнія. Протестанты никогда не говорили иначе: въ XVI вѣкѣ Лютеръ и Кальвинъ точно такъ же выразились бы; въ XIX столѣтіи таково выраженіе всѣхъ враговъ папства; мы это читаемъ ежедневно въ Constitutionnel, въ Patrie, въ Siecle, въ Opinion Nationale, въ самыхъ знаменитѣйшихъ брошюрахъ, мы это даже слышали въ сенатѣ.»—Таковы комплименты, которыми осыпають послѣдники г. Луи Вейлло своихъ католическихъ собратій въ Англіи. «Вы не вѣрите по Monde, такъ вы еретики въ родѣ Кальвина и Лютера.»

Но, не смотря на всѣ эти проявленія различныхъ мнѣній въ католическомъ мірѣ, мы выпущены объявить, что въ сущности англійскіе католики, которыхъ органъ Weekly Register, какъ испанскіе католики, которыхъ мнѣніе выражено г. Барселонскимъ, взбѣшены не менѣе ультрамонтанцевъ новымъ предстоящимъ превращеніемъ гражданской власти папства.

Весьма тягостное впечатлѣніе на весь мыслящій міръ произвела рѣчь папы въ тайной консисторіи 18 марта. Первосвященникъ прямо и формально выразилъ несовѣстность папскихъ началъ и ихъ непримиримость съ прогрессомъ, свободою и со всѣмъ тѣмъ, что мы называемъ повѣйшимъ просвѣщеніемъ: *postulant, ut romanus pontifex cum progressu, cum liberalismo, uti vocant, ore recenti civilitate se reconciliet et*

componat. Люди спокойные, размышляющіе. сознательно относящіеся къ вѣрѣ и нравственности, невольно поставили себѣ вопросъ: чего же домогается католицизмъ столь дикими выраженіями противъ всѣхъ новыхъ понятій? Въ XIX столѣтіи объявлять во всеуслышаніе, что католицизмъ не можетъ допустить никакого примиренія новыхъ понятій съ вѣрою, не есть ли вызовъ къ окончательному, совершенному разрыву челоѣчества съ религіею? Не даютъ ли подобныя объявленія право всему обществу сказать торжественное и послѣднее прости католицизму? Дѣйствительно, возможно ли требовать отъ челоѣчества, чтобы оно возвратилось въ своемъ образованіи назадъ къ первымъ вѣкамъ римскаго владычества? Просвѣщеніе, одѣньте его въ какую угодно оболочку, все же остается несомнѣнною силою, составною силою трудовъ предшествовавшихъ вѣковъ. Уничтожить эту силу однимъ взмахомъ слова, или меча, столь же невозможно, какъ устроить эту же самую силу взмахомъ меча или слова. Не ребяческій ли сонъ или грезы—задумать, будто бы все это можетъ совершиться по единому слову отжившаго, хотя, можетъ статься, и почтеннаго старца? Неужели то, что есть истины въ этомъ просвѣщеніи, можетъ быть, такъ-себѣ, уничтожено навсегда? Развѣ истина не бессмертна? развѣ она не вѣчна? Трудна, тяжела и прискорбна мысль, что въ наше время, когда со всѣхъ сторонъ возникаетъ не только желаніе, но и стремленіе, вслѣдствіе глубокой потребности ощущаемое всѣми вѣрующими умами, всѣми любящими другъ друга сердцами, стремленіе къ соединенію столь бѣдственно разрозненныхъ частей Христовой церкви во единое великое цѣлое,—при всемъ томъ есть еще столько запоздалыхъ умовъ, провозглашающихъ невозможность единства въ дѣйствиі христіанства и просвѣщенія, тогда какъ

вся сила ихъ—въ тѣсномъ союзѣ между собою. Скажемъ, что въ большинствѣ католиковъ во Франціи и въ низшемъ духовенствѣ привѣтственная рѣчь папы при открытіи тайной консисторіи 18 марта произвела самое горестное впечатлѣніе. Всѣ согласны въ одно, что эта рѣчь—какъ бы верхъ всѣхъ несчастій и золъ, обуревающихъ нынѣ католическій міръ.

Двухъ просвѣщеній не должно быть, какъ двухъ истинъ нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ почему во Франціи люди, искренно еще приверженные къ католицизму, но не менѣе того любящіе и современное просвѣщеніе, которое такъ безпощадно ненавидитъ ультрамонтанизмъ, вотъ почему, говорю, эти благородные люди болѣютъ надъ непостижимою слѣпотою того, кто называетъ себя главою церкви, и бросается безъ оглядки въ теоріи, которыя отнюдь не произошли отъ истинной Христовой церкви, которыя даже совершенно противны великимъ Божественнымъ требованіямъ Евангелія. И понятна эта скорбь. Официальный католицизмъ все глубже и глубже роетъ пропасть между собою и новымъ поколѣніемъ. Эта скорбь вполне оправдается въ будущемъ самою судьбою церкви Христовой на западѣ. Сколько горькихъ слезъ, сколько неповинной крови будетъ пролито!....

Намъ слишкомъ хорошо и коротко извѣстно наше время и въ особенности могущество общаго мнѣнія, которое неудержимо влечетъ новый міръ къ судьбамъ, свыше предназначеннымъ, и потому мы ни сколько не сомнѣваемся въ томъ, что просвѣщеніе XIX вѣка не попытается назадъ передъ анаеюмою привѣтственныхъ папскихъ рѣчей. Скоро, скоро настанетъ часъ, въ который оба противоположныя ученія, представляемыя свободолобіемъ и папствомъ, сойдутся лицомъ къ лицу, и тогда, мы увѣрены, совершится вѣчный разрывъ между като-

дацизмомъ и обществомъ. Съ 1860 года мы видимъ постепенное исчезновеніе призрака гражданской власти римскихъ первосвятителей. И если эти несчастные, ослѣпленные въ своей борьбѣ, не опомнятся, то не пройдетъ XIX столѣтіе, не успѣетъ оно кануть въ вѣчность, какъ сокрушится ихъ духовная власть въ Европѣ. Гдѣ же тогда эта власть возобновить свое могущество послѣ столь жестокаго испытанія? Напрасно думаютъ, что папство перенесетъ свою власть куда-бы то ни было. Съ нимъ нѣтъ евангельскаго духа, а безъ него нѣтъ и жизни. Напрасно Фенелонъ, а съ нимъ и другіе католическіе мыслители, въ предвидѣніи упадка вѣры на цѣломъ западѣ, заключили, что папство перенесется въ инныя страны доканчивать проповѣдываніе Евангелія. Исторія не повторяется. Папство, умирая на западѣ, умретъ для цѣлаго человѣчества, которое жестоко искупило, и искупаетъ еще, его злыя дѣянія...

Судорожныя движенія въ политикѣ французскаго правительства касательно рѣшенія римскаго вопроса идутъ еще пока своимъ, обычнымъ съ нѣкотораго времени, чередомъ. Весьма важно то обстоятельство, что даже между государственными сановниками есть такіе люди, которымъ единство Италіи не по сердцу. Вотъ почему еще въ средней Италіи гражданская власть папы держится кое-гдѣ съ грѣхомъ пополамъ. Эти сановники имперіи всячески помогаютъ возстановленія неаполитанскаго королевства, и вмѣстѣ съ тѣмъ давно устарѣвшей мысли Наполеона III, выговоренной послѣ Виллафранка, о созданіи италіанскаго союза. Въ этомъ-то смыслѣ и хлопочутъ нынѣ возлѣ императора французовъ. Ему непрестанно твердятъ въ тайныхъ съ нимъ совѣщаніяхъ, подстрекая его самолюбіе и тщесловіе, что онъ проигралъ партію противу—италіанскихъ революціонно-

ровъ, что они-де его разбили на голову. Ему указываютъ на опасность возбудить тайныя надежды французскихъ революціонеровъ, столь симпатичныхъ къ единству Италіи, и на иную опасность обидѣть консерваторовъ, провозгласившихъ имперію изъ ненависти къ перевороту и въ надеждѣ уничтожить его навсегда. Дѣла зашли уже такъ далеко, что многіе изъ дальновидныхъ политиковъ прямо и во всеуслышаніе утверждаютъ, будто бы императоръ французъ ни за что въ мірѣ не призываетъ единичнаго итальянскаго королевства. Утверждаютъ, что онъ всячески продлитъ нынѣшнее запутанное положеніе Италіи до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ въ неаполитанскомъ королевствѣ одинъ изъ тѣхъ непредвидимыхъ, но весьма понятныхъ случаевъ, тамъ гдѣ народы находятся въ переломномъ и переходномъ состояніи, въ силу котораго будетъ снова возможно осуществить старую идею Наполеона объ установленіи и осуществленіи союзной, итальянской конфедераціи. Извѣстно, что Наполеонъ III—страшно упрямый человекъ, и что трудно у него выбить изъ головы разъ задуманное. Г. Анри-Мари-Мартянъ, католическій писатель, бывшій нѣкогда однимъ изъ редакторовъ *Constitutionnel*, весьма ловко и съ сильнымъ талантомъ доказалъ въ своей брошюрѣ *Имперія и Переворотъ* (*l'Empire et la Revolution*) теорію, что имперіи невозможно безъ опасности для собственнаго своего существованія вполне согласоваться съ переворотною политикою, которая добивается уничтоженія гражданской папской власти.

Но, лучше всего, передадимъ цѣликомъ слѣдующую рекламу этого писателя:

«Люди, съ нетерпѣніемъ подчиняющіеся власти, тайные или явные враги всякаго рода правительствъ,—умы явно непріязненные католицизму, религіозному вліянію, вотъ тѣ, кото-

рые громогласно рукоплещутъ пиемонтской политикѣ. Ничто ихъ такъ не радуеть, какъ надежда скорого уничтоженія папства. Они мнятъ себя, что близки къ цѣли всѣхъ своихъ желаній: Римъ безъ папы, а пока—переворотъ вездѣ. Мы не хотимъ сказать, что такова мысль всѣхъ тѣхъ, которые защищаютъ, оправдываютъ или извиняютъ Пиемонтъ. Высокіе и благородные умы могутъ прощать Викторъ-Эммануилу, насколько не думая, чтобы чрезъ это они были уже революціонерами. Но не менѣе того революціонеры становятся ихъ главами, а это-то должно побудить ихъ къ размышленію. И знаютъ ли это, нѣтъ ли, но подписывая паденіе папства, подписываютъ руками и ногами первую статью революціонной программы. Но кто же въ состояніи доказать, что переворотъ самый лучший союзникъ, а революціонеры самые лучшие приверженцы имперіи? Съ какою же цѣлью толкать имперію къ совершенію именно того, что замышляетъ, чего жаждетъ, чего хочетъ революція? Къ чему колебаться между двумя политиками маджинистовъ и оберегателей? Къ чему министры, упоминая передъ палатами несомнѣнныя заслуги имперіи и приписывая ей честь возстановленія порядка, предоставили другимъ обязанность защищать папство противу переворотныхъ нападеній? Не странно ли, что политика римской экспедиціи въ 1849 стала въ 1861 году политикою оппозиціи? И совѣтники имперскіе, завидя, кто ихъ рукоплещетъ, не должны ли спросить самихъ себя, кому же они служатъ? Но имперія не высказала еще послѣдняго своего слова касательно римскаго вопроса. Наши войска, усиленныя въ числѣ, все еще продолжаютъ блюсти за безопасностью Ватикана, и ихъ бдительность охраняетъ всю отчину св. Петра. Мы не имѣемъ никакого права впередъ высказать, каково будетъ рѣшеніе императора, когда король, провозглашенный

всею Италією, явится къ римскимъ вратамъ и будетъ стучаться въ нихъ для вшествія своего въ столицу католицизма, охраняемую нашими орудіями. Вѣсть, оплакивая на весь свѣтъ дозволеніе, допустившее Піемонту захватить нѣкоторыя области церкви, мы не должны упустить изъ виду, что въ этомъ случаѣ преобладаетъ насиліе, несправедливость, противу которыхъ протестовала Франція, и которыхъ не признала Европа. Единство итальянское не есть еще совершившееся событіе; должно предположить, что оно долго еще останется теорією, а пока оно есть наглое насиліе. Но придетъ время, когда общее мнѣніе востребуетъ окончательно рѣшенія сему страшному вопросу Италіи. И кто знаетъ, на что тогда рѣшится Франція, на что рѣшится Европа? Одно только можно сказать, будущность предохранена. Поэтому время еще католикамъ надѣяться, имперія рѣшиться. — Сведемъ итоги: имперія—народнаго происхожденія, но она установилась вопреки перевороту. И такъ она собственность не переворотниковъ, а оберегателей. Она должна непрестанно бороться съ первыми и опираться на послѣднихъ. Но въ настоящее время весь вопросъ заключается въ одномъ: чего домогаются переворотники, чего хотятъ оберегатели? Переворотники требуютъ отъ имперіи выдачи Рима, пожертвованія папствомъ. До послѣдней минуты мы будемъ увѣрены, что она напрасно клевету на имперію. Оберегатели во имя всѣхъ началъ общественнаго порядка, во имя святѣйшихъ выгодъ и пользы вѣры, которая едины съ пользою и выгодами свободы, требуютъ сохраненія гражданскаго папства во всѣхъ его правахъ. Имперія должна слушаться оберегателей, которыхъ она обязана удовлетворить. Переворотниковъ, не смотря на ихъ притязанія, нельзя почесть за лучшихъ столбовъ пре-

стола, въ особенности въ то время, когда они требуютъ изверженія святѣйшаго изъ всѣхъ престоловъ. Напротивъ того, естественные и самые неподозрительные приверженцы имперіи не суть ли оберегатели и католики, нынѣ защищающіе власть въ церкви, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ они выказали себя самыми усерднѣйшими воздвигателями власти въ государствѣ? Слѣдовательно имперія не есть переворотъ; но если бы имперія предала ему Римъ, тогда переворотъ почелъ бы себя имперією.»

Должно сознаться, что выведеніе доводовъ какъ нельзя болѣе обманчивое и вмѣстѣ съ тѣмъ коварное. Если имперія, воздвигнутая на развалинахъ и обломкахъ послѣдней республики, желаетъ искусно управиться съ обѣими патріями, выказывая себя либеральною съ демократією, придерживаясь на показъ теорій 89 года, и оберегательною съ католиками, отказываясь признать революціонное созданіе итальянскаго единства; то она очевидно будетъ продолжать свою теперешнюю систему дѣйствія, и потому оставить за папою мнѣшескую тѣнь гражданской власти, въ силу которой онъ и понынѣ еще въ числѣ тѣхъ микроскопическихъ государей, которыми такъ богата и такъ гордится Германія. Но поддержаніе папства, возстановленіе тощей теоріи итальянскаго союза значило бы возвращеніе къ старымъ системамъ и разрывъ съ новѣйшею Францією. Если Наполеонъ III—дѣйствительно умный и дальновидный политикъ, онъ соединится съ прогрессивною Францією, которая стремится, что бы ни говорили и ни толковали, къ лучшей будущности, и которая, не смотря на всѣ крики Германіи, Англіи и проч., имѣетъ въ себѣ много здоровыхъ внутреннихъ силъ.

Г. де-Монталамберъ на дняхъ выпустилъ нѣсколько отрывковъ изъ своего предисловія къ своимъ политическимъ

твореніямъ, которыя выйдутъ въ свѣтъ мѣсяца черезъ два, три. Какъ и можно было предугадать, г. де-Монталамберъ произнесъ самому себѣ похвальное слово, не забывъ къ тому выставить впередъ единство и постоянство своихъ религіозныхъ идей. Задушевною его мыслию оказывается мысль о необходимости союза католицизма съ новѣйшими стремленіями современнаго общества. Программа хороша и достойна вниманія. Впрочемъ эта программа всѣхъ духовныхъ особъ Франціи, искренно привязанныхъ къ католицизму, и переживающихъ паденіе папства, совершающееся столь быстро. Всѣ они желаютъ помочь горю, по несомнѣнной своей любви къ церкви. Поэтому нисколько не удивительно, если г. де-Монталамберъ, принадлежащій одною стороною своего ума къ либерализму новаго общества, пустился на великое предпріятіе примиренія его съ католицизмомъ. Да только вотъ въ чемъ бѣда: г. де-Монталамберъ—ультрамонтанецъ. Какъ вышедшій изъ бывшей школы Ламене, онъ отвергаетъ галликанизмъ. А между тѣмъ должно замѣтить, что галликанское ученіе въ папѣ признаетъ только частнаго учителя въ дѣлѣ вѣры. Но этого-то не хочетъ признавать г. де-Монталамберъ и всѣ ультрамонтанцы, для которыхъ всѣ окружныя посланія и нравственныя рѣчи папы имѣютъ больше значенія, чѣмъ всѣ постановленія первыхъ вселенскихъ соборовъ.

Ультрамонтанскіе писатели упрекаютъ г. де-Монталамбера тѣмъ, чѣмъ имъ невозможно упрекнуть галликанскихъ писателей. Они говорятъ г. де-Монталамберу: вы хотите приравнять либерализмъ къ католицизму; но папа, котораго непогрѣшимость вы признаете, отвергаетъ подобное общеніе; онъ не допускаетъ подобнаго союза; онъ провозглашаетъ его даже преступленіемъ. Такъ къ чему же

ваша настойчивость примирять то, что считает неприимымъ папа, и искать пользу для церкви въ томъ, въ чемъ папа видитъ единственно анти-католическія направленія? Напрасно г. де-Монталамберъ возражаетъ, что папа не совсѣмъ-таки отталкиваетъ либерализмъ, что онъ не хочетъ только злаго либерализма. Но кто же, продолжаютъ ультрамонтанцы, дастъ вамъ возможность отличить именно добрый либерализмъ отъ злаго? И, что бы ни говорилъ г. де-Монталамберъ, а ему все-таки будутъ возражать: «что-де ни толкуйте, а доказательствомъ, что вы заблуждались, можетъ послужить то обстоятельство, что милости и ласки папы доступны единственно тѣмъ писателямъ, которые слѣдуютъ направленію противоположному вашей школѣ. Оглянитесь: вѣдь онъ на всѣ ваши усилія и старанія не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Это ясно какъ бѣлый день, онъ порицаетъ вашу мысль сближенія католицизма съ либерализмомъ.»

Но, что касается до галликанскихъ писателей, ихъ опровергать не могутъ ультрамонтанцы. Галликанцы прямо отвергаютъ непогрѣшимость папы, а признаютъ силу и законность постановленій вселенскихъ соборовъ. И дѣйствительно, галликанцы не обинуясь объявляютъ, что имъ нѣтъ дѣла до порицаній папы бѣдной свободѣ. Какое намъ дѣло, говорятъ они, до мнѣній Григорія XVI и Пія IX по этому вопросу, выходящему изъ предѣловъ святыхъ вселенскихъ ученій? Если бы почтеннымъ римскимъ духовнымъ сановникамъ вздумалось объявить во всеуслышаніе, что паровая и электрическая сила ничто иное, какъ дьявольское навожденіе, то неужели намъ беспокоиться этими римскими недѣлостями? Нѣтъ! Мы привязаны къ Риму и къ папѣ, какъ къ древнему средоточію единства церкви. Мы вѣрны,

что папѣ предначертана въ церкви возвышенная, святая обязанность блюсти за исполненіемъ законовъ и постановленій вселенскихъ соборовъ, этихъ послѣднихъ и торжественныхъ выраженій воли св. церкви; но мы не можемъ допустить въ его лицѣ законодательную власть. По нашей вѣрѣ къ вселенскимъ постановленіямъ, мы не можемъ допустить непогрѣшимости папы; поэтому мы имѣемъ полное право обсуждать и разсматривать его окружныя посланія и привѣтственные рѣчи. Пока онъ въ нихъ выражаетъ положеніе и истолкованіе всего, чему учитъ церковь, мы принимаемъ ихъ съ почтеніемъ и уваженіемъ. Въ такомъ случаѣ папа говоритъ виѣсть съ церковью. Но когда, выходя изъ области Откровенія, онъ затрогиваетъ чисто общественныя, а не религіозныя вопросы, тогда все, сказанное имъ, для насъ не имѣетъ болѣе значенія, какъ частное мнѣніе учителя, всегда почтеннаго, но нисколько не имѣющее значенія символа вѣры. И вотъ почему, не смотря на всѣ окружныя посланія и привѣтственные рѣчи папы, мы все же остаемся при своей вѣрѣ, почерпнутой изъ постановленій вселенскихъ соборовъ, что церковь должна и будетъ руководить стремленіями истинной свободы во вѣки вѣковъ, и что слѣдовательно церковь, такъ какъ передали намъ ее св. отцы первыхъ семи вселенскихъ соборовъ, есть ничто иное, какъ высшее выраженіе просвѣщенія, истинной свободы, любви къ ближнему, кто бы онъ ни былъ, и покорной благодарности къ единому главѣ церкви, Господу Богу нашему Спасителю міра.

Галликанцы утверждаютъ, что признають ли, нѣтъ ли, ихъ теоріи, тѣмъ не менѣе онѣ здравомыслящи и послѣдовательны. Но г. де-Монталамберъ вынужденъ, въ званіи ультрамонтанца, признать непогрѣшимость папы даже въ его ок-

ружныхъ посланіяхъ и прѣдъственныхъ рѣчахъ, и потому въ своемъ желаніи свести католицизмъ съ либерализмомъ ему приходится прибѣгать къ различнымъ уверткамъ, и поэтому, обращаясь къ св. отцу, онъ прямо и безъ обиняковъ объявляетъ ему: «вы не сказали всего того, что вы сказали въ томъ строгомъ смыслѣ выраженія вашихъ словъ, какою мы находимъ въ нихъ; вы осудили злой либерализмъ; но не правда ли, святой отецъ, вы не отвергаете добраго либерализма?»

Только стоитъ сойти въ болото увертокъ, и всякое преніе становится невозможнымъ. Де-Монталамберу трудно теперь вывернуться съ приверженцами своими, между которыми есть и весьма почтенные люди, изъ того хитросплетеннаго плетня, въ который онъ попался какъ въ западню. Ему остается одно, — откровенно и просто примкнуть къ галликанизму, который съ нетерпѣніемъ, но съ вѣрою ожидаетъ времени соединенія всѣхъ церквей. Но г. де-Монталамберъ не такого сильнаго десятка человѣкъ. Иезуитизмъ глубоко вкоренился и въ его понятіяхъ и въ его чувствахъ.

А между тѣмъ Monde, почтенный наследникъ и послѣдователь Univers, все продолжаетъ нести свою дичь. Въ оправданіе этихъ нѣсколькихъ рѣзкихъ словъ да позволено мнѣ будетъ привести здѣсь его слова объ инквизиціи, о которой онъ толковалъ нѣсколько дней потому назадъ по поводу какойто старой туфли:

«Инквизиція было учрежденіе установленное и долго поддерживаемое церковью. Никогда на сей землѣ не было судилища болѣе праведнаго и болѣе человеколюбиваго. Только одно невѣжество и недобросовѣстность въ состояніи сомнѣваться въ томъ»...

Выше я упомянулъ, что и какъ дѣлаетъ правительство съ мыслию настрашать духовенство и братотва. На дняхъ оно велѣло упразднить монастыри монаховъ, называющихся *искупительскими* (*rédemptoristes*), въ Лиллѣ и Дуэ. Такъ какъ они не были узаконены, правительство было совершенно въ правѣ такъ распорядиться. Но должно замѣтить, что эта мѣра постигла только нѣкоторыхъ иностранцевъ, и потому не имѣла никакого рѣшительнаго значенія. Она нисколько не мѣшаетъ огромному размноженію духовныхъ обществъ и общезнательныхъ домовъ. Въ особенности расплождается иезуитскій орденъ, который также не узаконенъ, но только терпимъ. Echo du Nord упоминаетъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Чего они не надѣлали въ Лиллѣ въ послѣднія десять лѣтъ? Въ началѣ допущенные въ домики улицы Вольтера, они вскорѣ посредствомъ приверженныхъ къ себѣ людей скупили все сосѣдніе дома, и теперь они распространились до улицы Негріе. Они устроили великолѣпную молельню, въ которую привлекаютъ толпу, публикуя на дверяхъ въ афишахъ различные сезоны: «лѣтній сезонъ, зимній сезонъ»; зажиточныя классамъ они предлагаютъ духовные концерты и весьма теплыя исповѣдательныя комнатки. Но имъ необходимо завлечь и бѣдный классъ, и «мѣщанскую молодежь». Бывшій монетный дворъ поступаетъ какъ разъ кстаті на продажу; онъ покунается для нихъ, и въ этомъ прекрасномъ домѣ они учреждаютъ патронажное убѣжище, въ которомъ всякій привычный гость можетъ найти различныя увеселенія, билиарды, школу, театр, молельню и разныя распивочныя и съѣстные спадобья. До чего же они не дойдутъ, если имъ только дать волю? Къ чему стремятся они этой монополіею въ религіи? Развѣ у насъ недостатокъ въ почтенныхъ

приходскихъ священникахъ, исполняющихъ всё христіанскія требы? Или отпускныя грѣховъ отцевъ іезуитовъ имѣютъ болѣе силы, чѣмъ инныя? Мы хорошо знаемъ, чего они домогаются. Цѣль іезуитизма—гражданское господство, до котораго добиваются они посредствомъ духовнаго вліянія. Изгнанія, которымъ они подвергались такъ часто въ различныхъ странахъ Европы, куда вносили за собою безпокойства, распри и слишкомъ часто убійство, имѣли всегда поводомъ чисто политическія причины. Вездѣ, гдѣ только ихъ терпѣли, они оставляли за собою печальные слѣды своего пребыванія. Необходимо скорѣе подчинить и ихъ общему законному порядку. Ихъ общежительства и школы и безъ того слишкомъ размножились по цѣлой Франціи. Мы надѣемся по крайней мѣрѣ, что правительство, оказывающее намѣреніе укротить неузаконенныя общества, не сдѣлаетъ исключенія въ пользу общества іезуитовъ, самаго могущественнаго, самаго опаснѣйшаго, и самого незаконнаго изъ всѣхъ прочихъ духовныхъ обществъ.

Мы говорили о запрещеніи пастырскаго посланія г. Піа, епископа поатъесскаго; упомянемъ еще о другомъ знаменательномъ дѣйствіи правительства, направленнаго вообще противъ тѣхъ изъ духовныхъ особъ, которыя дозволили бы себѣ нападенія какого бы то ни было рода противъ правительственныхъ мѣръ, правительственныхъ людей или политики. Мы хотимъ сказать о циркулярномъ приказѣ г. Делангла, министра юстиціи, къ императорскимъ главнымъ стражамъ. Циркуляръ этотъ произвелъ страшную сумятицу во всѣхъ слояхъ общества; духовенство приняло его какъ вѣщій знакъ объявленія вражды противъ него. Онъ побудилъ къ размышленію и образумленію многихъ, даже и самихъ ультра-ультрамонтанцевъ.

Вотъ этотъ циркуляръ:

«Господинъ оберъ-прокуроръ!

«Съ нѣкотораго уже времени и со всѣхъ сторонъ меня увѣдомляютъ о томъ, что разные члены французскаго духовенства, кто изустно, а кто и письменно, публично толкуютъ, и во время отправленія своей должности, о предметахъ, о которыхъ законъ именно воспрещаетъ имъ толковать. Нѣкоторые, забывая, что призваніе священника состоитъ въ религіозномъ ученіи вѣрныхъ, пускаются въ критическіе разборы правительственныхъ дѣйствій, в усиливается навлечь на политику императора недовѣрчивость или отверженіе; другіе, увлекаясь еще далѣе, нападаютъ на самую личность императора, и подъ покрываломъ болѣе или менѣе прозрачнымъ всячески осыпаютъ его обидами; иные еще, пользуясь слабостью ума и легковѣріемъ, мучатъ совѣсти предсказанія и какихъ-то воображаемыхъ бѣдствій.

«Такія злоупотребленія прекращаются законами.

«Статьею 201 уголовного свода «наказуются тюремнымъ заключеніемъ, отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, священники, сказавшіе въ своихъ поученіяхъ и въ публичныхъ собраніяхъ рѣчь, содержащую критику или осужденіе правительства, закона, имперскаго декрета или инаго всякаго дѣйствія гражданской власти.»

«Въ силу статьи 204 того же свода: «всякое писаніе, содержащее въ себѣ пастырскія поученія подъ какою бы то ни было формою, но въ которомъ священнослужитель дозволилъ бы себѣ окритиковать или осудить или правительство, или какое-либо дѣйствіе гражданской власти, влечетъ за собою изгнаніе священнослужителя, опубликовавшаго подобное писаніе.»

«Если эти распоряженія, которыхъ обстоятельность выка-

зываетъ мудрое предвидѣніе, доселѣ оставались безъ приложенія, то это потому, что до сихъ послѣднихъ временъ духовенство оставалось вообще спокойно и въ почитеніи; а также и потому, что и само правительство въ своей свисхедительности лучше желало допустить нѣкоторыя частныя отступленія, чѣмъ преслѣдовать ихъ передъ судами, и можетъ статья къ тому же въ ущербъ самой религіи, и самихъ неосторожныхъ священниковъ. Но эти распоряженія нисколько не утратили своей силы, и правительство нарушило бы свои обязанности, если бы оно противъ систематически направленной противъ него непріязни не прибѣгло къ орудію, которое влагаетъ ему въ руки законъ, установленный для поддержанія мира и спокойствія.

«А посему препоручаю вамъ, господи́нъ оберъ-прокуроръ, повелѣть передавать вамъ съ точностію всѣ поситательства, могущія прилучиться въ вашемъ вѣдѣніи, и послѣ законнаго удостовѣренія подобныхъ проступковъ предавать учинившихъ ихъ, кто бы они ни были, суду. Пора законности вступить снова въ свои права.»

«Примите, и проч.»

«Деланглъ».

Послѣднія строки, въ которыхъ приказывается предавать суду, *кого-бы то ни было*, г. епископы приняли, и весьма безошибочно, на свой счетъ. Нѣкоторые изъ нихъ отвѣтили тотчасъ же на подобный вызовъ правительства. Болѣе всѣхъ отличился горячностію г. архіепископъ турскій. Въ его протестаціи мы нашли горячее мѣсто, въ которомъ г. архіепископъ угрожаетъ всѣмъ императорамъ, князьямъ, министрамъ, дипломатамъ и инымъ, участвовавшимъ или и еще участвующимъ въ низверженіи гражданской власти папы, всякими страшными бѣдствіями. Г. арабскій епископъ также обноро-

довалъ письмо на имя г. министра богослуженій, въ которомъ онъ протестуетъ противъ циркуляра Делангла. Впрочемъ эти правительственныя мѣры имѣли свое вліяніе, и вообще выходки епископовъ въ послѣднія недѣли сдѣлались до того ничтожны, что о нихъ и говорить нечего.

Считаю нужнымъ обратить вниманіе читателей на происшествіе, имѣвшее мѣсто въ Мюнхенѣ, но произшедшее глубокое впечатлѣніе по всей Франціи. Это публичныя бесѣды, открытыя въ Мюнхенѣ католическимъ священникомъ, пользующимся извѣстностью по всей Германіи, г. аббатомъ Деллингеръ, главою королевскаго капитула и профессоромъ церковной исторіи при мюнхенскомъ университетѣ. Ко всеобщему удивленію, знаменитый профессоръ прямо и чисто коснулся вопроса гражданской власти папы. Заключеніе его было то, что при нынѣшнемъ положеніи умовъ папская гражданская власть—чистая невозможность, и что притомъ она—совершенно противъ смысла духовнаго призванія первосвященниковъ. Папскій нунцій, бывшій при первомъ засѣданіи, ушелъ, не дожидаясь конца. Но профессоръ тѣмъ не менѣе продолжалъ свою бесѣду, послѣ которой послѣдовала еще другая. Событіе это принято здѣсь какъ имѣющее важное значеніе.

Ожидаютъ назначенія аббата де-ля-Туръ д' Оверньи, аудитора рота (судилища въ Римѣ), викаріемъ при одномъ изъ нашихъ архіепископовъ, за старостью лѣтъ болѣе не способномъ исполнять своей должности.

Г. аббатъ Дегерри (Degueggy), которому предназначень марсельскій престолъ, отправляется на дняхъ въ Римъ съ цѣлью похлопотать объ отстраненіи помѣхъ, выставляемыхъ папскимъ нунціемъ въ Парижѣ противъ кандидатуры аббата. Г. Дегерри въ настоящее время страшнѣйшій врагъ ультрамонтанцевъ и всѣхъ недовольныхъ правительствомъ. Г. аб-

бать д' Алзонъ, изъ Нишъ, извѣстный своими преувеличенными идеями, былъ нанятъ для проповѣдыванія въ Мадридъ во время «мѣсяца Маріи.» Онъ дозволилъ себѣ нѣсколько политическихъ намековъ, и г. Дегерри тотчасъ же прекратилъ его проповѣди—вотъ и еще одна изъ заслугъ г. Дегерри передъ правительствомъ! Слѣдовательно кандидатура его неотмѣнна; но въ Римѣ думаютъ иначе о немъ, и много ставятъ ему въ укоръ, между прочимъ присутствіе его на конгрессѣ мира. Но г. Дегерри держится отлично.

Г. аббатъ Марэ окончательно отказался отъ вискскаго епископства. Римъ ему даетъ въ вознагражденіе епископство *in partibus*, и къ тому же онъ будетъ каноникомъ св. Дени, перваго разряда. Римъ одержалъ побѣду надъ Тюильерскими дворцомъ. Не будетъ ли это началомъ цѣлаго ряда побѣдъ того же роду?

Графъ де-ла-Фитъ-де-Шелляпортъ

Парижъ.

23 мая 1861 г.

З А М Ъ Т К И

3-е ПОЛЯ 1861 Г. ВЪ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ.

1821 года 3-го іюля вступилъ въ управление московскою епархіею преосвященный *Филаретъ*, нынѣ митрополитъ московскій. Служеніе московскаго архипастыря, ознаменованное ближайшимъ участіемъ въ важнѣйшихъ событіяхъ церкви и государства въ продолженіи трехъ послѣднихъ царствованій, займетъ не одну замѣчательную страницу въ лѣтописяхъ текущаго столѣтія.

3-е іюля 1861 года есть день, знаменательный для московской паствы, столько преданной своему архипастырю, по воспоминаніямъ прошедшаго. Исторія московской епархіи за послѣднія сорокъ лѣтъ есть исторія служенія нашего архипастыря, просвѣщеннѣйшаго и старшаго между іерархами отечественной церкви настоящаго времени.

Но 3-е іюля текущаго года останется навсегда памятнымъ для духовенства Москвы и цѣлой епархіи и въ будущемъ. Въ этотъ день назначена закладка храма при вновь строящемся домѣ для училища дѣвицъ духовнаго званія (*)— обширное учрежденіе, обязанное своимъ возникающимъ существованіемъ исключительно просвѣщенной заботливости московскаго архипастыря.

(*) На землѣ Чудова монастыря, въ приходѣ св. Харитона Исповѣдника.

СОСТОЯНІЕ И ПУЖДЫ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

(наблюденія и замѣтки.)

Вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ, особенно семинарій, изъ которыхъ доселѣ выходятъ большинство духовенства, такъ важенъ, касается такихъ существенныхъ интересовъ церкви и общества, что заслуживаетъ полнѣйшаго и всесторонняго разсмотрѣнія. Чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе будетъ разсмотрѣнъ этотъ предметъ, тѣмъ будетъ удобнѣе оцѣнить всякую мѣру, которая могла бы служить къ улучшенію духовныхъ училищъ. Мы съ своей стороны не намѣрены разсуждать объ общихъ началахъ, которыя могутъ быть приняты при преобразованіи духовныхъ семинарій. Мы желаемъ только говорить по временамъ о тѣхъ, или другихъ современныхъ потребностяхъ семинарскаго воспитанія и образованія, — которыя особенно живо чувствуются и настоятельно требуютъ удовлетворенія. Мы желали бы содѣйствовать полному и всестороннему разсмотрѣнію этого предмета совокупленіемъ возможно большаго количества частныхъ наблюденій и фактовъ и сочли бы себя удовлетворенными, еслибы высказанныя нами замѣчанія дѣйствительно могли послужить матеріалами для обсужденія общихъ или частныхъ мѣръ по улучшенію духовно-учебныхъ заведеній въ какомъ бы то ни было отношеніи.

I.

Главная, общая задача какъ всякаго, такъ и семинарскаго образованія состоитъ конечно не въ томъ только, чтобы наполнить головы воспитанниковъ всѣми свѣдѣніями, какія

могутъ оказаться для нихъ нужными на будущемъ ихъ поприщѣ, но преимущественно въ томъ, чтобы развить умственныя и нравственныя силы воспитанника, сроднить его навсегда съ умственными и нравственными интересами, сдѣлать ихъ насущною его потребностію, возбудить и поддерживать свѣжесть и энергію духа, сообщить правильное и достаточно сильное движеніе его саморазвитію, самоусовершенствованію. Правильная организація предметовъ учебнаго курса, вѣрно приспособленныхъ въ ихъ цѣлости къ специальному назначенію воспитанниковъ, безъ сомнѣнія, составляетъ первое условіе успѣховъ образованія. Въ цѣломъ составѣ предметовъ учебнаго курса должны быть ясно проведены разумно сознанныя общія начала, которыя бы оказывали прямое вліяніе на внутреннее развитіе воспитанниковъ. При такомъ характерѣ учебнаго курса, еслибы и оказалась какая неполнота въ энциклопедіи семинарскаго образованія, возбужденіе самостоятельной умственной дѣятельности во всякомъ случаѣ послужитъ ручательствомъ надежнаго приготовленія воспитанниковъ къ ихъ будущему положенію. Заведеніе не можетъ запасти воспитанника всѣми познаніями на цѣлую жизнь; лишь бы былъ возбужденъ интересъ мысли, лишь бы положены были вѣрные залоговъ его постоянного будущаго развитія, — всякій самъ какъ еще въ заведеніи, такъ и внѣ его, можетъ по хорошимъ руководствамъ познакомиться съ тѣми или другими предметами, насколько окажется для него это нужнымъ и полезнымъ; на тѣ идеи, которыя будутъ занимать общество, скорѣе другихъ онъ обратитъ свое вниманіе и изслѣдованіе. Напротивъ, сколько бы ни было введено новыхъ предметовъ въ курсъ семинарскаго образованія, какими бы разнообразными свѣдѣніями ни наполня-

лись семинарскіе уроки, если мысль забита, если не возбуждено стремленія къ саморазвитію, всё познанія разсыятся или останутся мертвымъ капиталомъ, не приносящимъ пользы.

Къ сожалѣнію, это послѣднее слишкомъ часто бываетъ результатомъ семинарскаго образованія. Еслибы дѣйствительно всегда въ нашихъ семинаріяхъ сильно возбуждалось и поддерживалось стремленіе къ образованію и развитію себя, тогда не имѣла бы мѣста та апатія къ умственнымъ и нравственнымъ интересамъ, то самозаброшеніе и презрѣніе къ живымъ проявленіямъ мысли даже въ другихъ, которыя нерѣдко можно встрѣчать въ бывшихъ воспитанникахъ семинаріи. Какъ часто эти воспитанники, прошедши полный семинарскій курсъ, выносятъ только то убѣжденіе, что пора съ себя сбросить ненавистное иго умственной работы: еще готовясь вступить въ жизнь, они уже чувствуютъ себя отягченными умственнымъ грузомъ, смотрять на будущее какъ на время умственнаго покоя и бездѣйствія, равнодушно или даже радостно расстаются съ своими тетрадками и учебниками навсегда. Эти молодые люди, готовясь вступить на такое поприще, на которомъ всегда должны быть болѣе или менѣе возбуждены мысль и чувство, уже потеряли свѣжесть и энергію духа; въ нихъ мало возбуждены духовные интересы, которымъ призываются они служить, не возбуждена потребность постоянной умственной пищи, постоянного саморазвитія и усовершенствованія. Удивительно ли послѣ того, если эти воспитанники, по опредѣленіи на мѣсто, всѣмъ существомъ погружаются въ омутъ однихъ обыденныхъ житейскихъ занятій, если скоро свыкаются они съ мракомъ, ихъ окружающимъ, и не заботятся объ образованіи какъ себя, такъ и своихъ прихожанъ.

Есть много причинъ той апатіи, которую такъ часто выносятъ воспитанники изъ семинаріи, и есть много условій, содѣйствующихъ къ оживленію образованія, къ возбужденію духовной самодѣятельности, къ развитію живой мысли и живаго чувства въ воспитанникахъ. Въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Въ послѣднее время сознали нужду глубже укоренить основы общественнаго просвѣщенія, и лучшимъ средствомъ для этой цѣли признали усилить такъ называемое *философское* образованіе. Дѣйствительно, человѣкъ мыслящій яснѣе видитъ зло общественной жизни, нерѣдко прикрытое личинами, скорѣе отзывается сочувствіемъ на всѣ благія стремленія и начинанія общества, способенъ цѣнить связь явленій и причинъ, началъ и слѣдствій, предпріятій и ихъ вліяній. Разумно настроенный самъ, онъ разумно и потому неравнодушно относится ко всему, что совершается въ окружающей его жизни. Нельзя не признать той истины, что усиленіе такъ называемаго *философскаго образованія* составляетъ въ настоящее время важнѣйшую потребность и для духовно-учебныхъ заведеній. Какъ существенная стихія духовнаго развитія, философское образованіе укрѣпитъ общую связь главнѣйшихъ предметовъ изученія въ семинарскомъ курсѣ, сообщитъ имъ живую приложимость, усилитъ любознательность въ воспитанникахъ и благотворно подѣйствуетъ на возбужденіе самостоятельности въ запатіяхъ. Въ прежнее время инициатива философскаго образованія оставалась у насъ за духовенствомъ: странно было бы, еслибы въ нынѣшнее время свѣтское общество исключительно овладѣло философскимъ образованіемъ, какъ своею монополіею, и оставило бы позади себя духовенство.

А. Т.—въ.

ОТВѢТЪ НАНТСКАГО ЕПИСКОПА ЖАКМЕ НА ПИСЬМО ПАРИЖСКАГО ПРОТОІЕРЕЯ ВАСИЛЬЕВА.

Въ № 4 *Православнаго Обозрѣнія* было переведено изъ L'Union Chrétienne письмо парижскаго протоіерея І. Васильева къ нантскому епископу, по поводу его посланія къ своей паствѣ въ началѣ великаго поста нынѣшняго года. Въ томъ же L'Union мы нашли отвѣтъ епископа Жакме на письмо протоіерея Васильева и обширный отзывъ протоіерея на отвѣтъ епископа. Замѣчательно, что латинскій епископъ не опустилъ случая сопоставить вопросъ своего письма съ старыми стремленіями папства относительно русской церкви: желая освободить русскую церковь отъ предполагаемаго свѣтскаго вліянія верховной власти и замѣнить его вліяніемъ духовнымъ, онъ предполагаетъ для этой цѣли *подчиненіе нашей церкви главенству римскаго папы*. Чтобы сдѣлать отвѣтъ протоіерея Васильева вполне понятнымъ для русскихъ читателей, находимъ нужнымъ предварительно передать въ полномъ видѣ письмо г. Жакме: такъ какъ протоіерей Васильевъ отвѣчаетъ ему строго держась плана письма и преслѣдуя шагъ за шагомъ его заключенія.

Нантъ, 9 мая 1861.

Отцу І. Васильеву, протоіерею посольской русской церкви въ Парижѣ.

О. Протоіерей!

«Я получилъ ваше почтенное письмо отъ 12 апрѣля, и предполагалъ немедленно отвѣчать вамъ; но узнавъ, что письмо ваше въ то же время напечатано въ разныхъ журналахъ, защи-

щающихъ интересы русской церкви, вслѣдствіе чего завязалась уже полемика у этихъ журналовъ со многими парижскими католическими листками. При такомъ положеніи дѣла, и среди многихъ пастырскихъ занятій, вызываемыхъ нашимъ временемъ, я считалъ возможнымъ отложить свой отвѣтъ; но болѣе медлить я не желаю.

«Вы протестовали противъ моего посланія, въ которомъ я высказалъ, что русская церковь находится въ полной зависимости отъ власти императора (*vis-a-vis du Tsar*). Вы увѣряете, что я ошибаюсь, что независимость вашей церкви несомнѣнна.

«Я самъ былъ бы радъ, еслибы такое убѣжденіе могло сдѣлаться моимъ убѣжденіемъ. Я возымѣлъ бы тогда надежду, что церковь, столь замѣчательная, за которую мы не перестаемъ возсылать моленія, не замедлитъ возвратиться къ истинѣ, пользуясь тою святою свободою, которую такъ высоко цѣнилъ св. ап. Павелъ, и за нимъ всѣ великіе мужи христіанства. Но я долженъ признаться, мое предубѣжденіе не разрушено. Оно,—если только это есть предубѣжденіе,—такъ распространено въ Европѣ и въ цѣломъ свѣтѣ между людьми, которые занимаются религіозными вопросами, что стало на степени общаго мнѣнія. По этому самому мы уже заслуживаемъ нѣкотораго снисхожденія.

«Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно вѣрить отдѣленію духовной власти отъ свѣтской въ русской имперіи и сомнѣваться въ зависимости ея церкви, когда мы видимъ, что эта зависимость закрѣплена и главенство царя засвидѣтельствовано несомнѣнными офиціальными документами? Развѣ не правда, что члены свѣтѣйшаго синода,—этой верховной власти, которою управляется русская церковь со времени уничтоженія патріаршества,—обязаны постановленіями Петра Великаго, подтверждать клятвою, что они признаютъ верховный авторитетъ царя надъ самою этою высшею церковною властію? *Съ клятвою исповѣдную верховнымъ судіею сей духовной коллегіи самого Всероссийскаго монарха, всемилостивѣйшаго нашего іосударя.*

«Если вотъ статутъ, такъ часто цитуемый, еще существуетъ,—пусть не удивляются нашему предубѣжденію о подчиненіи русской церкви; и если вы, отецъ протоіерей, сообщите мнѣ угѣ-

пительную вѣсть объ отиѣвѣ этого постановленія, я вмѣстѣ съ вами порадоюсь объ уничтоженіи одного изъ ненавистнѣйшихъ знаковъ угнетенія церкви столь любезной намъ.

«Но исторія прошедшаго слишкомъ подтверждаетъ зависимость вашей церкви отъ царя, который, видимо, по своему произволу, измѣняетъ ея существенные, составные элементы. Послѣ вашего разрыва съ Римомъ, необходимымъ центромъ единства, вы держались еще церкви восточной, благодаря вашему непосредственному подчиненію константинопольскому патріарху, котораго вы признавали высшею властію. Но воля одного изъ вашихъ государей измѣнила ваши отношенія къ этому патріарху, котораго вы называли вселенскимъ и который по слабости своей рѣшился признать за вашею церковью особаго патріарха, неизвѣстнаго въ древности. Тогда что осталось отъ вашихъ отношеній съ греческою церковію? Ничего или такъ мало, что *патріарха константинопольскаго*, по словамъ одного извѣстнаго писателя, *сочли бы за сумасшедшаго, еслибы онъ вздумалъ что-либо повелѣть Петербургу.*

«Другой изъ вашихъ государей, опасаясь могущества, какое съ теченіемъ времени могъ присвоить себѣ русскій патріархъ, замѣнилъ патріарха святѣйшимъ синодомъ. Нужно было дать нѣкоторую видимость полномочія этому новому учрежденію; тогда вспомнили, на исходѣ 130 лѣтъ своего отдѣленія, что въ Константинополь есть патріархъ, и у него спросили соизволенія на дѣло уже совершенное: и этотъ патріархъ самъ призналъ, что святѣйшій синодъ былъ дѣломъ царя Петра Великаго: «святѣйшій синодъ россійскій, пишетъ онъ въ своемъ посланіи отъ 23 сентября 1723 года, учрежденъ сыномъ нашимъ о Св. Духѣ, благочестивѣйшимъ и премудрѣйшимъ Самодержцемъ всей Московіи, Малороссіи, Бѣлороссіи, всѣхъ странъ сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ, и великаго числа другихъ государствъ, государемъ императоромъ Петромъ Алексѣевичемъ.» При такомъ отношеніи свѣтской власти къ учрежденію или уничтоженію чего-либо въ составѣ (constitution) церкви, не эта ли власть становится дѣйствительно господствующею въ церкви?

«Я не знаю, о. протоіерей, какъ объясняютъ ваши историческія слова, часто усвояемыя Петру Великому. Когда ваши епископы

напоминали ему о сохраненіи патріаршества, онъ, положивъ руку свою на шпагу, отвѣчалъ имъ: *«вотъ вамъ патріархъ.»* Конечно одинаково легко признавать или отвергать слова такого рода; но ваши цари сами не озаботились ли подтвердить подлинность словъ Петра Великаго, и дѣйствовали не подъ вліяніемъ ли воспоминанія о нихъ, назначая напр. въ послѣднее время президентомъ св. синода генерала отъ кавалеріи, графа Протасова? Подобное назначеніе, — вышло ли оно отъ императора Александра, или Николая, — не сильно ли смутить умы и подорвать всѣ наши предупрежденія?

«Въ самомъ дѣлѣ, возмите во вниманіе слѣдующее соображеніе, котораго нельзя избѣжать:

«Св. синодъ есть высшая власть русской церкви. Это—верховное судилище въ дѣлахъ вѣры. Россіи не въ этихъ дѣлахъ должны повиноваться ему такъ же, какъ повиновались всероссійскому патріарху.»

«Вы, о. протоіерей, признаете официальные слова царя Петра въ его письмѣ къ константинопольскому патріарху отъ 30 сент. 1721 года; но таже самая мысль выражена и въ этихъ словахъ: *мы признали достодолжнымъ учрежденіе церковнаго синода съ присвоеніемъ ему власти, равной власти патріарха.*

«Константинопольскій патріархъ ставитъ еще выше эту власть въ своемъ торжественномъ отвѣтномъ посланіи къ императору отъ 23 сент. 1723 г., выражаясь такъ: *«синодъ имѣетъ такія же права и полномочія, какія имѣютъ четыре патріарха.»*

«Итакъ русскій св. синодъ сравненъ съ самыми высшими авторитетами, какія признавала греческая церковь послѣ своего навсегда плачевнаго отлѣленія отъ верховной каѳедры, —этого несокрушимого основанія церкви Иисуса Христа.

«И во всякомъ дѣлѣ церковномъ—великомъ, или маломъ, кто не обращается прямо или косвенно къ св. синоду?

«Но этотъ верховный авторитетъ, *правительственный* авторитетъ русской церкви, самъ находится подъ деспотическимъ управленіемъ представителя императорскаго, предсѣдателя—мірянина, который подъ именемъ оберъ-прокурора имѣетъ назначеніе передавать св. синоду *высочайшую волю царя и высочайшія повелѣнія.*

«Такимъ образомъ, о. протоіерей, мы искренно находимся подъ вліяніемъ сдѣланнаго соображенія, которое я сокращу вамъ въ немногихъ словахъ:

«Св. синодъ управляетъ русскою церковію, ея клиромъ и епископами съ авторитетомъ на столько высшимъ, на сколько это возможно для церкви отдѣлившейся, для особой патріархіи.

«Св. синодъ повинуется своему оберъ-прокурору, графу Протасову, или, все равно, другому кому.

«Оберъ-прокуроръ находится въ полной зависимости отъ императора.

«Слѣдовательно русская церковь въ дѣлахъ вѣры состоитъ въ зависимости отъ императора.

«Скажу вамъ, что въ виду фактовъ и такого оффиціального положенія русской церкви, на меня нисколько не подѣйствовали выписанныя вами мѣста изъ русскаго катихизиса; они указываютъ только на авторитетъ епископства въ дѣлѣ вѣры и на ту твердость, какую должны имѣть сами вѣрующіе въ особенныхъ случаяхъ. И здѣсь-то нельзя не примѣтить той непослѣдовательности, какая часто намъ встрѣчается въ церквахъ отдѣлшихся, смотря по степени ихъ удаленія отъ центра единства.

«Если бы я принужденъ былъ еще и еще оправдывать то убѣжденіе, которое у меня съ давняго времени образовалось о зависимости русской церкви, я призвалъ бы въ свидѣтели вашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ, которые и въ своихъ сочиненіяхъ и въ разсказахъ не отрицаютъ главенства царя въ русской церкви, подобно какъ англичане не отрицаютъ главенства своей королевы въ церкви англиканской. Я не стану называть этихъ лицъ по именамъ, особенно живыхъ; вы сами знаете ихъ лучше, чѣмъ я знаю. Но къ свидѣтельству вашихъ соотечественниковъ позвольте мнѣ присоединить воспоминаніе одного извѣстнаго человѣка, котораго чтвили и дворъ и аристократія Петербурга и котораго нельзя упрекнуть въ незнаніи Россіи и въ невѣденіи ея религіознаго состоянія. Графъ де-Местръ, послѣ долгаго пребыванія среди уважаемаго имъ народа, замѣчаетъ почти на каждой страницѣ своихъ записокъ, что *русская церковь зависитъ отъ свѣтской власти, что она находится въ полномъ подчиненіи*

ей. Свидѣтель-очевидецъ, послѣ долголѣтнихъ наблюденій, говорить: «всякая тѣнь религіозной координаціи исчезла у русскихъ съ уничтоженіемъ патріаршества. Церковь этого великаго народа, совершенно изолированная, уже не имѣетъ духовной главы. Что касается св. синода, то каждый его членъ лично имѣетъ воображаемое значеніе, но въ цѣломъ—это консисторія съ прибавкою гражданскаго представителя государственной власти, который въ этомъ церковномъ комитетѣ имѣетъ такое же главенство, какое имѣетъ самъ государь въ церкви вообще.»

«Впрочемъ, отецъ протоіерей, какова ни была бы сила нашихъ европейскихъ предубѣжденій о порабощеніи русской церкви, для меня было бы особенно успокоительно удалить отъ себя эти предубѣжденія. Мало этого. Когда бы я узналъ о желанной независимости вашей церкви, я возвысилъ бы голосъ среди моей паствы и сказалъ бы ей: «воздадимъ благодареніе Богу! христіане въ Россіи, ваши братья обрѣли себѣ независимость, свободу отъ вѣковыхъ узъ. Скоро, скоро они будутъ католиками, какъ вы, и образуютъ вмѣстѣ съ вами единое стадо подѣ управленіемъ единаго пастыря».

«Въ день этого соединенія великая новая эра открылась бы въ мірѣ! Какая слава воздалась бы Всевышнему! Какое святое рвеніе возгорѣлось бы между нами, въ пріобрѣтеніи Іисусу Христу множества народовъ! Ваши епископы, вашъ клиръ, вновь объятые ревностію къ распространенію вѣры,—святою ревностію, которая кажется цѣпенѣетъ столько вѣковъ,—съ силою устремилась бы къ миротворной побѣдѣ тѣхъ идолопоклонническихъ странъ, надъ которыми ваша великая нація годъ отъ году пріобрѣтаетъ большую и большую власть! Съ какимъ радостнымъ трепетомъ католическіе епископы цѣлаго міра открыли бы свои объятія епископамъ Россіи! Особенно какая была бы радость верховному первосвященнику, который среди настоящихъ скорбей съ его апостольскимъ мужествомъ,—я увѣренъ и вы со мной согласитесь,—достоявъ тысячи жертвъ и тысячи утѣшеній.

«Оканчивая ваше письмо, отецъ, вы просили моего благословенія: это меня глубоко тронуло. Воздѣваю къ Богу руки, освещенныя въ день моего рукоположенія, и отъ сердца искренно

любящаго васъ, еще не зная васъ, благословляю васъ изобильно,—васъ и всѣхъ тѣхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, кто съ любовью и искренностію ищетъ истины.

«Примите, о. протоіерей, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи

Александръ, епископъ нантскій.

P. S. «Отъ васъ зависить, печатать ли мое письмо въ журналахъ, гдѣ было напечатано ваше отъ 12 апрѣля.»

Отвѣтъ протоіеря Васильева представляетъ обстоятельное теологическое разсужденіе о независимости русской церкви. По нашему мнѣнію, онъ важенъ не только въ интересахъ полемики съ латинскимъ предубѣжденіемъ, но и вообще въ религіозномъ интересъ православнаго русскаго общества. Въ слѣдующемъ номерѣ «Православнаго Обозрѣнія» мы представимъ читателямъ этотъ замѣчательный отвѣтъ.

ПАПСТВО И ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

Рѣчь папы Пія IX, произнесенная 18 марта текущаго года въ тайной консисторіи глубоко возмутила людей, искренно преданныхъ дѣлу религіи и просвѣщенія. Европейская духовная журналистика, за исключеніемъ немногихъ изданій, отличающихся ультрамонтанскими тенденціями, поспѣшила рѣшительными объясненіями преградить для себя въ общественномъ мнѣніи всякую солидарность съ предьявленіями этой рѣчи. По поводу рѣчи въ парижскомъ изданіи L'Union Chrétienne помѣщена статья, заглавіе которой мы выписали. Изъ всѣхъ другихъ мы избираемъ статью этого журнала потому между прочимъ, что въ изданіи его участвуетъ и православная редація. Мы считаемъ не лишнимъ положительнаго интереса для нашихъ читателей вопросъ о томъ

отношеніи, въ какое окончательно стало папство къ современному просвѣщенію, и передаемъ упомянутую статью въ полномъ переводѣ.

«Извѣстна рѣчь папы Пія IX, произнесенная имъ въ *тайной* консясторіи 18 марта 1861. Неблагоразумные друзья папства подстрекнули Пія IX къ такому поступку, который есть рѣшительный разрывъ со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ общественный духъ нашего времени. Еслибы это былъ только духъ заблужденія, лжи и безправственности, тогда мы поняли бы, что такъ и слѣдовало—разойтись съ этимъ духомъ и противопоставить ему начала правды и истины, единственное основаніе всякаго общественнаго порядка. Но если общественный духъ стремится болѣе и болѣе приблизиться къ духу Евангелія, мы должны признать, что, объявляя ему войну, папство доказало, что оно не понимаетъ истиннаго христіанства, или не признаетъ его славныхъ преданій.

«Вопросъ въ томъ, осуждаетъ ли Иисусъ Христосъ то, что осудилъ Пій IX,—Евангеліе согласно ли съ папствомъ?

«Пій IX высказываетъ начало, что истинная религія только одна, или *истина* только одна, и что истина не можетъ встрѣтить противорѣчащей ей истины. И мы признаемъ это начало, но не можемъ согласиться съ Пиемъ IX, будто эта религія вполне находится въ церкви *римской*. Кто вѣритъ въ непогрѣшимость папы или римскаго двора, кто склоняетъ свой разумъ предъ словомъ *одного человека* или нѣсколькихъ монаховъ, составляющихъ римскія конгрегаціи, тотъ можетъ и долженъ говорить, что *римская* церковь есть непогрѣшимый органъ истины. Но для того, чтобы быть вѣрнымъ ученикомъ Христа, чтобы обладать *истиною*, необходимо ли вѣрить въ эту непогрѣшимость? Конечно, нѣтъ, — и доказательствъ

найдется не мало, еслибъ мы вздумали доказывать, что эта мнимая непогрѣшимость руководила своихъ приверженцевъ больше къ заблужденію, чѣмъ къ истинѣ.

«Если церковь римская владѣетъ истиною, то и епископъ ея или папа есть органъ истины: такое заключеніе выводитъ Пій IX, и это обыкновенная претензія папъ. Но на чемъ она основана?—На извѣстномъ евангельскомъ текстѣ, истолковываемомъ вопреки ученію преданія.

«Впрочемъ, достаточно съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочесть самую рѣчь Пія IX, чтобъ убѣдиться, что папство *по-рѣшимо*, что оно не есть органъ откровеннаго ученія, напротивъ—есть отголосокъ антихристіанскихъ предразсудковъ, наслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ, время деспотизма и произвола.

«Новое просвѣщеніе, говоритъ Пій IX, достойно осужденія, потому что оно допускаетъ къ общественнымъ должностямъ людей, не принадлежащихъ къ римской церкви. А св. ап. Павелъ заповѣдывалъ вѣрующимъ повиноваться и владыкамъ невѣрующимъ. Здѣсь не противорѣчіе ли между откровеннымъ ученіемъ и ученіемъ Пія IX?

«Новое просвѣщеніе, по Пію IX, мало благопріятствуетъ разнымъ орденамъ и особенно іезуитамъ, которые хотѣли бы завладѣть всюду общественнымъ обученіемъ и распространить ультрамонтанство, т. е. систему папскаго деспотизма: итакъ оно достойно осужденія. Но ультрамонтанская система есть антихристіанская; она противоположна самымъ точнымъ внушеніямъ Евангелія; только проповѣдь Евангелія собственно принадлежитъ пастырямъ, и эта проповѣдь не встрѣчаетъ никакой оппозиціи со стороны новаго просвѣщенія; оно даже противопоставляетъ Евангеліе антихристіанскимъ домогательствамъ римскаго двора.

«Итакъ Пій IX осудилъ въ новомъ просвѣщеніи духъ *христіанскій*, которымъ оно побуждается противостоятъ распро­страненію антиевангельскихъ заблужденій, которыя могли бы имѣть самыя печальныя результаты для спокойствія и прогресса народнаго.

«Новое просвѣщеніе, по Пію IX, идетъ противъ временныхъ имуществъ церкви. Но Христосъ не говорилъ ли своимъ уче­никамъ, что они не должны имѣть никакой привязанности къ благамъ этого міра? Самъ онъ не далъ ли собою при­мѣра бѣдности? Для кого онъ далъ этотъ примѣръ, какъ не для тѣхъ, кто долженъ подражать ему? Но кто же преиму­щественно долженъ подражать ему, если не лица, призван­ныя къ продолженію апостольскаго служенія?

«Итакъ опять папа осуждаетъ христіанское стремленіе въ новомъ просвѣщеніи. Между тѣмъ въ государствахъ *образован­ныхъ* оставляютъ ли клиръ нуждаться въ необходимомъ? Сколь­ко епископовъ, сколько прелатовъ пользуются роскошнымъ излишествомъ! Когда апостолы проповѣдовали Евангеліе, они не имѣли никакого пособія отъ правительствъ; они видѣли отъ нихъ только препятствія и однако проповѣ­дывали какъ долгъ — повиновеніе такимъ правительствамъ. Нынѣ всѣ *образованныя* государства даютъ достаточныя пособія клиру и обезпечиваютъ ему свободу его духовнаго служе­нія; а Пій IX возстаетъ противъ современнаго просвѣще­нія, которое внушаетъ такіа чувства!

«Такимъ образомъ если римскій первосвященникъ *не мо­жетъ подать руку современному просвѣщенію*, которое освя­щаетъ равноправность людей предъ закономъ, — это значить, что онъ не можетъ подать ее и христіанству, которое освя­щаетъ ихъ равенство предъ Богомъ.

«Если римскій первосвященникъ не можетъ протануть руки

современному просвѣщенію, которое освящаетъ принципъ братства между народами, а также между членами одного и того же государства, это значить, что онъ противится самому Христу, который сказалъ: *вы все — братья*.

«Если римскіе первосвященники не могутъ подать руки новому просвѣщенію, которое поражаетъ рабство, деспотизмъ и произволъ, которое провозглашаетъ какъ неоспоримый принципъ — свободное развитіе всѣхъ способностей, какія Богъ даровалъ человѣку; то онъ не можетъ подать руки и христіанству, которое навсегда осудило неправосудіе, порабощеніе человѣка человѣку, невѣжество.

«Новое просвѣщеніе стоитъ за великіе принципы, которые составляютъ основаніе христіанства, а Пій IX провозглашаетъ это просвѣщеніе печестивымъ, безумнымъ, враждебнымъ истинѣ, и въ то же время провозглашаетъ, что его церковь есть *сѣдалище истины католической*, центръ, изъ котораго сіяетъ самое чистое христіанство.

«Мы не думаемъ входить въ подробности политическихъ вопросовъ, которыхъ Пій IX коснулся въ своей рѣчи.—Но сказаннаго нами достаточно, чтобъ люди мыслящіе убѣдились въ трехъ весьма важныхъ пунктахъ :

1) что папство поработило себя всѣмъ предрасудкамъ плачевнѣйшей эпохи, когда правда и благотворительность христіанскія были недостойно приносимы въ жертву интересу, произволу, заблужденію;

2) что возставая противъ новой цивилизациі, оно безславить основныя начала христіанства;

3) что оно само себя осудило на смерть, признаваясь, что не можетъ быть никакого согласія между нимъ и цивилизацией, т. е. между нимъ и христіанствомъ.

«Мы знали это и прежде. Но еслибъ мы высказали это, приверженцы папства стали бы жаловаться на нашу несправедливость. Теперь папство само за себя объяснилось. Сомнѣнія не можетъ быть никакого.»

(L'Union Chrétienne № 23 1861 г.)

Объявленіе отъ Комитета для сооружеиія храма во имя Св. Равноапостольнаго Кнзя Владиміра въ Кіевѣ.

Въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, гдѣ первоначально возсіяла Православная вѣра, доселѣ не было храма Божія во имя Святаго Равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтителя Россіи,—достойнаго памяти его.

Покойный Митрополитъ Кіевскій, Филаретъ, испросилъ въ 1852 году чрезъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ разрѣшеніе въ Божѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича на сооружеиіе теплаго собора, во имя Святаго Равноапостольнаго князя Владиміра, древнимъ византійскимъ зодчествомъ, который былъ бы достойнымъ памятникомъ просвѣтителю Россіи христіанскою вѣрою.

На возведеніе предположеннаго храма, покойный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ пожертвовалъ значительную сумму и сверхъ того съ Высочайшаго разрѣшенія, сдѣлано было отъ имени его Высокопреосвященства приглашеніе къ пожертвованіямъ, на сіе богоугодное дѣло по всему государству.

Планъ и фасадъ утверждены Государемъ Императоромъ, но на возведеніе предположеннаго храма собранной суммы еще не достаточно.

Нынѣ Комитетъ, приступая къ постройкѣ теплаго собора во имя Святаго Владиміра, съ полнымъ упованіемъ обращается ко всѣмъ благочестивымъ ревнителямъ святыя Православныя вѣры, любящимъ благодѣіе храмовъ Господнихъ,—и именемъ Святаго

Равноапостольнаго Просвѣтителя отечества нашего, всепокорнѣйше просить принять благосклонное участіе въ сего богоугоднаго дѣла.

По жертвованію могутъ быть присылаемы въ Кіевъ, на имя Кіевскаго Митрополита Арсенія, или на имя Комитета, учрежденнаго для построенія сего храма, при Кіевской Духовной Консистоціи.

О П Е Ч А Т К И.

Въ майской книжкѣ въ *Приложеніи*

напечатано:

должно читать:

стр. 212, строка 1:

показаніемъ

помазаніемъ

стр. 212, строка 17:

заявленное

заявленное

Евангеліемъ

Евсвѣіемъ

З А М Ъ Т К И

3-е Юля 1861 г. въ московской епархіи.

Состояніе и пужды духовно-учебныхъ заведеній (*наблюденія и замѣтки*)
І.—А. Т—ва.

Отвѣтъ нантскаго епископа Жакме на письмо парижскаго протоіеря Васильева.

Папство и цивилизація.

Объявленіе отъ Комитета для сооруженія храма во имя Св. Равноапостольнаго Князя Владимира въ Кіевѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ.

Въ Редакціи Православнаго Обозрѣнія, въ зданіи Университета у священника Сергіевскаго; въ книжныхъ магазинахъ гг. Базунова и Свѣшниковъ, на Страстномъ бульварѣ; въ лавкѣ г. Ферапонтова на Никольской улицѣ, въ бібліотекѣ для чтенія г. Горбунова на Шикитской и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ книжныхъ лавкахъ: гг. Базунова, на Невскомъ проспектѣ въ д. Энгельгардтъ, Овсянникова въ Гостинномъ дворѣ, Крашенинникова, Коралева и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Погородные благоволятъ адресоваться *исключительно* въ Редакцію *Православнаго Обозрѣнія*, въ Москвѣ.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**, съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**.

Изъ тѣхъ же условій принимается еще подписка и за 1860 годъ.

Печатать позволяется. Юля 30 дни 1861 года.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Новосітѣ*.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ ВТОРОЙ

І Ю Л Ь 1861.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ЮВЪ Гл. XXI — XXVIII. *Опытъ переложенія на русскій языкъ* **Архим. МАКАРИИ.**
- II.—ПЕРВЫЕ ПРОПОВѢДНИКИ ЕВАНГЕЛІЯ. *Изъ статьи I. Моно* **Свящ. В. К. ПРОТОПОНОВА.**
- III.—ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО НАНТСКАГО ЕПИСКОПА ПО ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ. *Переводъ письма Протоіерей I. Васильева.*
- IV.—МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦКІЙ (*статья вторая*) **К. С. ЕЛЕНЕВСКАГО.**
- V.—МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО. *Записки келейника В. И. Чеботарева.*
- VI.—ЗАМѢТКИ (*см. на оборотѣ*).

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- VII — „НАСТЫРЬ“ ЕРМА. Переводъ съ латинскаго **Свящ. К. С. ОЗЕРОВА**

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

№ VIII. 19.

ПРАВОСЛАВНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

1861.

І Ю Л Ъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

Pl. III:

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Юля 18 дня 1861 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Носкій*.

ПЕРВЫЕ ПРОПОВѢДНИКИ ЕВАНГЕЛІЯ (*)

„Вы будете Моими свидѣтелями!“ (Дѣян 1, 8).

Итакъ первые проповѣдники Евангелія, апостолы, это—свидѣтели Иисуса Христа! Это не философы, мечтающіе о построеніи новыхъ теорій на развалинахъ древнихъ системъ, не моралисты, съ важнымъ видомъ поучающіе развращенный міръ правиламъ строгой нравственности, — не мудрецы, выставлющіе на показъ свои добродѣтели среди упадка общественныхъ нравовъ; — это просто, ни болѣе, ни менѣе, какъ свидѣтели Христа. Свидѣтельствовать о Немъ, — вотъ ихъ назначеніе, которое они получили отъ своего Учителя. «Вы будете Моими свидѣтелями» — вотъ полномочіе, которымъ Онъ облекъ ихъ, оставляя міръ и отходя къ Отцу. Вся послѣдующая жизнь ихъ изображена въ этихъ простыхъ словахъ; ихъ дѣянія и проповѣдь, проповѣдь и неразлучныя съ нею скорби, лишенія и подвиги мученичества, — все это есть непрерывное свидѣтельство о Иисусѣ Христѣ, и это-то

(*) Изъ статьи *I. Моно* въ *Revue Chrétienne*.

свидѣтельство послужило твердымъ основаніемъ церкви христіанской!

Непостижимо дѣло искупленія, совершенное Иисусомъ Христомъ; дивно и дѣло евангельской проповѣди, вѣщающей міру объ искупленіи человѣковъ. Это дѣло преисполненное жизни: въ домостроитѣльствѣ Новаго Завѣта царство буквы смѣнилось владычествомъ духа; здѣсь все носитъ печать истинной дѣйствительности и духовной силы, — все движется, все дышетъ жизнію. Богъ, восхотѣвши спасти міръ, спасаетъ его не какимъ-либо повелѣніемъ, но посланіемъ въ міръ Своего Единороднаго Сына; и дабы дать знать міру о совершенномъ для него спасеніи, Онъ вѣрваетъ это славное дѣло людямъ, людямъ простымъ, которые сначала были спутниками Иисуса, слушали Его, любили, и служили Ему, были очевидцами Его жертвоприношенія и, получивши отъ Него послѣднія наставленія вмѣстѣ съ послѣднимъ взоромъ, обращеннымъ къ нимъ, — исполненные духа своего Учителя и любви къ человѣческимъ душамъ, наконецъ идутъ умолять грѣшниковъ примириться съ Богомъ. Какимъ бы духовнымъ могуществомъ ни обладали эти первые проповѣдники христіанства, тѣмъ не менѣе они были земными сосудами, въ которые Богъ вложилъ Свое сокровище. Это не высшія какія-либо существа, не ангелы, — это люди, «сдѣлавшіеся апостолами», какъ сказалъ кто-то, «потому что содѣлались послѣдователями Христа».

Какое дѣло совершилъ Господь на землѣ, и какими средствами! Еслибъ пришествіе Спасителя въ міръ само по себѣ не было неопровержимымъ доказательствомъ истинности Евангелія: то достаточнымъ ручательствомъ сего для насъ могло бы послужить самое распространеніе Евангелія.

Что сказать объ общественномъ положеніи, умственномъ развитіи и личномъ авторитетѣ тѣхъ людей, которые рѣшились ниспровергнуть всякую высоту, взимающуюся на разумъ Божій? Одинъ изъ нихъ былъ мытарь, обыкновенно сидѣвшій у сбора пошлинъ; четверо другихъ—рыбаки, которые, когда Господь проходилъ мимо нихъ, или закидывали сѣти въ озеро, или чинили ихъ на своихъ лодкахъ. По Его слову мытари и рыбаки оставляютъ все и слѣдуютъ за Нимъ. Ихъ познанія, безъ сомнѣнія, не были обширны; ихъ языкъ—не языкъ людей, владѣющихъ тайнами человѣческаго знанія; самый просвѣщенный изъ нихъ, ученикъ знаменитаго Гамалила, говорить прямо, что его проповѣдь не состоитъ въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости. Призванные явить цѣлому міру таинство Креста возросли и воспитались среди тѣсныхъ понятій іудейства, подъ вліяніемъ ложнаго національнаго убѣжденія, что язычники лишены всѣхъ правъ на участіе въ царствѣ Мессіи, и что эти права принадлежать только потомкамъ Авраама. Но, можетъ быть, не смотря на незнатное происхожденіе этихъ людей, они располагали какими-либо обширными матеріальными средствами? Нисколько. Они идутъ на проповѣдь, не имѣя съ собою ничего: ни золота, ни серебра, ни мѣдныхъ денегъ въ поясѣ, ни даже дорожной сумы,—идутъ съ рѣшимостью давать даромъ то, что они приняли даромъ. Кроткіе, смиренные посланники истины, они расходятся во всѣ концы римской имперіи, изъ города въ городъ разносятъ свою вѣсть, невооруженные ни чѣмъ, кромѣ простаго слова и чувства своего призванія.

Но при всей простотѣ этихъ людей, при всей скудости средствъ, которыми они располагали, можетъ быть, то, что они возвѣщали міру, могло нравиться воображенію, плѣнять

сердца? Еще менѣе... Ученіе, которое они разносятъ, смиряетъ и смущаетъ разумъ людей, сокрушаетъ своеволіе и налагаетъ иго на страсти; въ синагогахъ, предъ лицемъ ареопага, въ мѣстахъ народныхъ собраній, вездѣ ихъ первою заботой было обличить своихъ слушателей о грѣхѣ, о правдѣ, о судѣ, привлечь ихъ путемъ раскаянія и самоуничтоженія къ подножію Креста, водруженнаго среди міра на соблазнъ мудрованія людскаго, на вѣчную проповѣдь о милосердіи и святости Бога, въ вѣчное побужденіе для грѣшниковъ разоблачать и распинать въ себѣ ветхаго челоуѣка съ его страстями и пожеланіями. Какое сопротивленіе, сколько ненависти и злобы должно было встрѣтить въ мірѣ подобное ученіе! Сколько разъ этимъ строгимъ, неподкупнымъ свидѣтелямъ Христа приходилось, по заповѣди ихъ Учителя, отрясать прахъ отъ ногъ своихъ на нечестивый певѣрующій народъ! Не извѣстно ли, въ какое смущеніе приходили и члены синедріона, предавшіе на смерть Господа, и эпикурейцы, «жившіе безъ надежды и безъ Бога въ мірѣ», и стояки, ослѣпленные и ожесточенные гордостію жизни,—въ какое смущеніе приходили они, слушая повья, никогда прежде не доходившія до ихъ слуха рѣчи, постоянно вращающіяся около понятій: «правда, воздержаніе, будущій судъ?»—Извѣстно также, какъ принималась эта проповѣдь.... Ап. Петръ, по крайней мѣрѣ, четыре раза призывается былъ къ суду ражданскихъ властей и претерпѣлъ троекратное заключеніе въ темницѣ; Іоаннъ сначала раздѣляетъ участь Петра, потомъ одинъ страдаетъ; Филиппъ, преслѣдуемый въ Іерусалимѣ, ищетъ убѣжища въ Самаріи; Стефанъ побивается камнями за то, что осмѣлился проповѣдывать въ слухъ іудеевъ, что благодать Божія не привязана ни къ какому мѣсту на землѣ, но простирается на весь міръ; Іаковъ обез-

главленъ Иродомъ, который расчитывалъ этимъ убійствомъ заслужить расположеніе іудеевъ. Ап. Павелъ самъ изображаетъ свое апостольское поприще въ такихъ чертахъ: «они Христовы служители; я больше. Я гораздо болѣе былъ въ трудахъ, болѣе въ ранахъ, болѣе въ темницахъ, и многократно при смерти; пять разъ принималъ отъ іудеевъ по сорока ударовъ безъ одного; три раза былъ битъ палицами, однажды каменьями... Много разъ былъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ своихъ соотечественниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ городахъ, въ пустыняхъ, на морѣ, среди ложныхъ братій, — въ трудѣ и въ изнуреніи, въ голодѣ, въ жадѣ .. »

Вотъ дѣлатели! Взглянемъ теперь на самое дѣло, совершенное при такихъ средствахъ. Не прошло и сорока дней отъ вознесенія Спасителя, Его ученики уже оглашаютъ Іерусалимъ проповѣдью Евангелія, обращаясь прежде всего къ заблудшимъ овцамъ дома Израилева. По мѣрѣ того, какъ они преуспѣваютъ въ подвигѣ проповѣдыванія, злоба и ненависть преслѣдуютъ ихъ изъ города въ городъ, и собственный взглядъ ихъ на дѣло проповѣди просвѣтляется болѣе и болѣе, поприще ихъ дѣятельности быстро растетъ и ширится въ виду ихъ. Филиппъ переходитъ границы Іудеи и является съ словомъ благовѣствованія среди бѣднаго населенія Самаріи, которое еще во дни земной жизни Спасителя проявило въ себѣ начатки вѣры, обѣщавшіе въ будущемъ обильную жатву. Стефанъ идетъ далѣе: онъ ясно предвидитъ спасеніе язычниковъ подъ условіемъ ихъ раскаянія и вѣры во Христа; и это ученіе, столь необычайное и соблазнительное для іудеевъ, привлекаетъ на главу мужественнаго архидіакона первенствующей церкви ненависть, ожесточенное преслѣдованіе и смерть.

Евангеліе распространяется съ изумительною скоростію. То, что Стефанъ только предчувствуетъ силою вѣры, Петръ заявляетъ положительно: вопреки своимъ личнымъ предубѣжденіямъ, вразумленный небеснымъ видѣніемъ, онъ идетъ въ домъ язычника Корнилія, возвѣщаетъ ему слово спасенія и провозглашаетъ здѣсь то новое начало, которое содержало въ себѣ, какъ въ зародышѣ, всю духовную жизнь человѣчества: «теперь я подлинно знаю, говорить онъ, что Богъ нелицеприименъ, и что во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ приятенъ Ему.» Оставалось сдѣлать еще одинъ рѣшительный шагъ — перенести самымъ дѣломъ проповѣдь къ язычникамъ: это совершаетъ Павелъ. То самое начало, которое Петръ высказалъ по извѣстному случаю, Павелъ избираетъ цѣлію своей жизни, поставяетъ во главу своего апостольскаго служенія, и является по преимуществу «учителемъ языковъ»; въ сопровожденіи своихъ вѣрныхъ спутниковъ: Луки, Силы, Варнавы, Тимофея, Ераста, онъ обходитъ малую Азію и Грецію, неоднократно является съ проповѣдію въ Антиохію, и водружаетъ знамя проповѣди въ самой столицѣ римскаго міра. Съ этихъ поръ христіанство быстро распространяется во всѣ концы вселенной. Но сколь ни быстро совершилось это великое дѣло,—оно не было явленіемъ мимолетнымъ, безслѣдно скользнувшимъ по поверхности жизни человѣчества.... Было бы непростительнымъ заблужденіемъ воображать дѣло апостольской проповѣди случайнымъ сѣяніемъ нѣсколькихъ сѣмянъ, поспѣшною рукою брошенныхъ среди населеній страстныхъ и впечатлительныхъ, но легкомысленныхъ и скоро охлаждающихся.... Нѣтъ, оно было дѣломъ въ высшей степени важнымъ и плодотворнымъ. Пламенные и быстрые, но въ то же время твердые и неутонимые, эти первые свидѣтели Христа всюду, гдѣ ни

проходить, оставляютъ за собою слѣды красныхъ ногъ своихъ—глубокіе и неизгладимые: неизблемо основанныя христіанскія церкви и вѣрныхъ пастырей. Теперь, когда церковь возрасла и утвердилась въ мірѣ, и щедрою рукою расточаетъ свои благодѣянія на тысячи народовъ, теперь мы пользуемся ея свѣтомъ, какъ свѣтомъ солнца, не сознавая всей его благотворности и подъ часъ не подозревая его въ себѣ. Но предположимъ, что церковь христіанская болѣе не существуетъ на землѣ... Трудно взвѣсить и исчислить все, чего мы лишились бы вмѣстѣ съ нею,—мы лишились бы мира душевнаго, счастья нашихъ семействъ, благоустроенности общества, всего, что составляетъ величіе, красоту и достоинство жизни... Но церковь, составляющая какъ бы душу міра, соль земли, неизблемо насаждена въ мірѣ апостолами, этиими вѣрными и кроткими свидѣтелями Христа, насаждена во имя Его, среди непрестанной борьбы съ невѣріемъ и злобою міра, среди трудовъ, лишеній и скорбей смерти; насаждена и возвращена единственно силою и могуществомъ евангельской проповѣди! Поистинѣ, можно ли, какъ бы далеко ни простиралось наше равнодушіе въ дѣлѣ религіи, можно ли безъ благоговѣйнаго изумленія и восторга взирать на ту плодотворную, навѣки благошovenную эпоху, когда двѣнадцать бѣдныхъ галилеянъ, вышедшихъ изъ неизвѣстнаго уголка римской имперіи, являются въ мірѣ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ показать міру, что «неразумные и слабые міра сего избраны Богомъ, чтобы посрамить мудрыхъ и сильныхъ»,—эпоху, въ концѣ которой одинъ отецъ церкви могъ уже краснорѣчиво воскликнуть: «мы явились только вчера,—и уже наполняемъ ваши города, мѣста вашихъ собраній, ваши торжища, лагеря, дворецъ, самый сенатъ и трибы, оставляя язычникамъ одни только ихъ храмы!»

Вотъ дѣло христіанства, совершившееся въ мірѣ! Но какъ повѣрить, что оно совершено тѣми самыми людьми, о которыхъ мы говорили выше? Столь скудные средства какъ могли вести къ столь обширнымъ результатамъ? Не очевидно ли, что эти два факта немислимы вмѣстѣ? немислимы, безъ сомнѣнія, въ томъ случаѣ, если наша мысль не восходитъ выше области земнаго. Но для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Сколь ни были бѣдны, неискусны въ словѣ, небогаты личнымъ вліяніемъ эти люди,—въ нихъ подъ ихъ видимою слабостію таилось могущество невидимой силы. Чтобы обнаружить эту силу, необходимо проникнуть въ глубину ихъ сердець; ибо сердце есть средоточіе духовной жизни. Эта сила, дѣлавшая ихъ непобѣдимыми въ жизни и въ словѣ, вся выражается въ словахъ: *вѣра во Христа!* Еслибъ они не увѣровали во Христа и не послѣдовали за Нимъ: то навсегда остались бы тѣми, чѣмъ были,—темными рыбаками галилейскими. Христосъ содѣлалъ ихъ новыми людьми. Испытавъ до времени послѣдованія за Нимъ скорби борьбы, происходящей въ душѣ, борьбы между закономъ Божиимъ и закономъ грѣха, — они потомъ, содѣлавшись Его учениками, вынесли изъ вседневнаго обращенія съ Нимъ ту духовную опытность, то нравственное самообладаніе, которыя составляютъ истинное торжество сыновъ свободы и благодати. Отседаъ они уже не принадлежать богу себѣ: Христосъ замѣнилъ для нихъ все Собою; къ Нему обращены всецѣло ихъ мысли и чувства, все существо ихъ; они живутъ только въ Немъ и для Него... Вотъ тайна ихъ апостольскаго служенія! Посему, они не могли явиться въ мірѣ иначе, какъ въ качествѣ свидѣтелей Христовыхъ. Это высокое свидѣтельство, неразлучное въ нихъ съ глубокимъ сознаніемъ святости ихъ дѣла, божественности

ихъ призванія, и составило ихъ силу и торжество въ мірѣ, такъ что ни незнатность происхожденія, ни простота ихъ и неученость не могли повредить ихъ дѣлу: ибо свидѣтельство дитяти имѣеть такую же цѣну, если не большую, какъ и свидѣтельство философа, въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется только подтвердить подлинность того или другаго факта!

Такъ еще Самъ Спаситель приготавливалъ ихъ къ дѣлу апостольскаго служенія! Онъ Самъ, въ Своей всецѣлой заботливости о нихъ, благоволилъ совершить дѣло ихъ духовнаго воспитанія, чтобы, когда наступитъ благопріятное время, этихъ учениковъ послать впереди Себя, какъ апостоловъ. И это еще не все. Чтобы они могли стать и утвердиться на высотѣ своего служенія, и пребыть на ней даже по разлученіи со Христомъ, — имъ необходимо было принять въ себя Духа Святаго, который бы открылъ и уяснилъ имъ «все, что доселѣ было выше ихъ разумѣнія». Это чрезвычайное крещеніе Духомъ и было преподано имъ по вознесенія Спасителя. Чудо пятидесятницы мгновенно преобразило неученыхъ, боязливыхъ рыбарей въ мудрыхъ, дерзновенныхъ апостоловъ! Съ этой минуты Духъ Св., почившій на нихъ, неотлучно пребываетъ съ ними, просвѣщаетъ ихъ разумъ, направляетъ во благо ихъ волю, движетъ ихъ сердцами, говоритъ ихъ устами, и такимъ образомъ содѣлываетъ для нихъ удобоносимымъ и даже легкимъ бремя апостольства! Безъ этого чудеснаго событія апостольство было бы дѣломъ столь же неизяснимымъ, какъ лучъ свѣта, лишенный источника свѣта. Исключите изъ книги Дѣяній Апостольскихъ ея вторую главу, — и вся эта книга будетъ для васъ неразрѣшимой загадкою, дѣйствіемъ безъ причины, какъ бы храмомъ, въ который отовсюду заключенъ входъ! Ибо церковь апостольская, не имѣющая въ себѣ Духа Св., это — тоже, что вѣра

не воспринятая сердцемъ, проповѣдь, не проникнутая любовью къ страждущему въ грѣхахъ человечеству, дѣятельность, не соединенная съ подвигами самоотверженія, христіанство, чуждое началъ новой жизни, составляющихъ сущность истиннаго христіанства.

Свящ. Н. Протопоповъ.

ОТВѢТЪ

НА ПИСЬМО НАНТСКАГО ЕПИСКОПА ПО ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ.

Согласно нашему обѣщанію, представляемъ письмо протоіерея Васильева въ отвѣтъ нантскому епископу (*), какъ документъ, относящійся къ исторіи литературной полемики по вопросу объ отношеніи православной церкви къ свѣтской власти въ Россіи. Надобно отдать справедливость этому отвѣту, что онъ исчерпалъ все, что можно было сказать о самостоятельности русской церкви съ точки зрѣнія канонической. Ред.

Парижъ, 14 мая 1861.

Ваше Преосвященство!

Съ радостью получилъ я письмо вашего преосвященства. Раскрывая его, я думалъ, что наконецъ-то мы начинаемъ внимать другъ другу, и надѣялся, что истина готова соеди-

(*) См. въ юньской книжкѣ *Православнаго Обзорнія*—Замѣтки: «Отвѣтъ нантскаго епископа Жакме на письмо парижскаго протоіерея Васильева.»

нить разстояніе, раздѣляющее насъ. Къ несчастію, моя надежда была непродолжительна. Чтеніе вашего письма глубоко огорчило меня. Тѣмъ не менѣе чувство моего уваженія къ вамъ неизмѣнно; это чувство относится къ вашему епископскому сану. И хотя, въ моихъ глазахъ, вы находитесь въ заблужденіи, но я почитаю въ вашемъ лицѣ то достоинство, которое вы наслѣдовали отъ апостоловъ путемъ законнаго преемства.

Прежде, чѣмъ отвѣчать на ваши возраженія, я долженъ, преосвященнѣйшій, отдать вамъ справедливость за то, что вы совершенно охарактеризовали ваше мнѣніе о русской церкви, называя его *предубѣжденіемъ*; а также вы справедливо говорите, что это *предубѣжденіе до того распространено въ Европѣ и въ цѣломъ свѣтѣ, что стало общественнымъ мнѣніемъ*. Итакъ ваше мнѣніе есть предубѣжденіе, т. е. *мнѣніе, принятое безъ разбора, безъ изслѣдованія, какъ опредѣляетъ это слово французская академія*. Но въ томъ высочайшемъ положеніи, какое вы занимаете, не лежитъ ли на васъ въ отношеніи къ себѣ самому строгая обязанность не принимать никакого мнѣнія безъ предварительнаго изслѣдованія? Эта обязанность не должна ли быть исполняема гораздо строже, когда вы еще учитесь съ высоты вашей епископской кафедры? Итакъ позволительно было бы отказать вамъ въ *отпущеніи* (indulgence) за то, что вы внушаете другимъ ваше предубѣжденіе. Но я увѣренъ, что въ русской церкви никто не откажетъ вамъ въ отпущеніи; отъ васъ зависитъ получить его. Не могу входить въ тонкости ученія объ отпущеніяхъ (indulgences); восточная церковь не дѣлала изъ него того употребленія, какое дѣлаетъ римская; но мнѣ кажется, что и въ римской церкви условіемъ для полученія отпущенія считается раскаяніе въ содѣланномъ грѣхѣ и рѣшимость исправиться отъ него.

Я скорблю, говоря это вамъ; чувства ваши не таковы, если судить о нихъ по вашему письму. Признавая, что ваше мнѣніе есть только предубѣжденіе, вы стараетесь однако защитить его, и такимъ образомъ доказываете, что сознаться въ своей погрѣшности несравненно труднѣе, чѣмъ обвинить ближняго. Если ваше мнѣніе—предубѣжденіе, отчего вы стараетесь утверждать его, какъ истину, а не ищете новыхъ объясненій? Впрочемъ ваше письмо такъ благодушно, такъ тепло, такъ христіанственно, что, думаю, я не пойду противъ вашихъ желаній, если почтительно представлю вамъ эти поясненія и предложу хоть одно изъ доказательствъ, на которыя вы вызываете.

Прежде всего мнѣ кажется, что вы нѣсколько измѣняете тему, которая служила предметомъ нашего спора. Въ вашемъ пастырскомъ посланіи вы увѣрили, что русская церковь такъ обезсилена, что готова отказаться отъ своей вѣры, отъ своего символа, еслибъ насчетъ этого императоръ издалъ указъ. Въ письмѣ, которымъ вы почтили меня, вы ужъ не такъ рѣшительны; здѣсь вы говорите только, что русская церковь находится въ зависимости отъ (*vis a-vis*) императора. Измѣнили ли ваше мнѣніе ученые и историческіе памятники, на которые я указывалъ? Какъ бы то ни было, это уменьшенное, измѣненное мнѣніе еще выражено до того неопредѣленно, что *предубѣжденіе*, высказанное въ вашемъ посланіи, можетъ показаться законнымъ, если только признать вообще, что наша церковь находится въ полной зависимости у гражданской власти.

Если вы стоите за это предубѣжденіе, ваше преосвященство; то почему вы не оспариваете тѣхъ резонновъ, которые я имѣлъ честь представить вамъ? Если же вы отказываетесь отъ него, то почему вы стараетесь прикрыть его общимъ

и мѣнѣніемъ или обвиненіемъ? Въ своемъ отвѣтѣ вамъ я послѣдую тому порядку, которому вы могли бы слѣдовать въ вашемъ письмѣ, еслибъ не старались нарочито представить ваши разсужденія въ довольно спутанномъ видѣ. Сначала постараюсь показать, что вы напрасно приписываете русскому монарху право *учрежденія или уничтоженія чего либо въ существенномъ составѣ церкви* (*constitution de l'Eglise*), и что вы не могли приписывать ему этой власти, основываясь на фактахъ, относящихся къ учрежденію русскаго патріаршества и замѣненію его св. синодомъ. Послѣ перейду къ присягѣ, которую даютъ члены св. синода. Далѣе остановлюсь на правахъ оберъ-прокурора, котораго вы смѣшали съ председателемъ. Наконецъ представлю настоящее значеніе свѣдѣтельства г. Юсифа-де-Мэстра, которое по вашему мнѣнію пользуется такимъ высокимъ авторитетомъ.

I.

Напередъ позвольте замѣтить вашему преосвященству, что вы, кажется, смѣшиваете основныя начала *состава* (*principes de la constitution*) церкви съ подробностями церковнаго благочинія (*disciplinaire ecclésiastique*). А между тѣми и другимъ столько разницы, сколько между Божественнымъ и человѣческимъ. Существенный, неизмѣнный составъ церкви происходитъ отъ Бога; благочиніе церковное происходитъ отъ людей; кромѣ того, въ церковномъ благочиніи надо различать правила вселенскихъ соборовъ, которыя непогрѣшимо сообразны съ Божественными законами, и подробности частныхъ постановленій, которыя разнообразятся по времени и мѣсту. Къ этой то послѣдней категоріи принадлежатъ тѣ внѣшнія отношенія, которыя существовали между русскою церковью и константинопольскимъ патріархомъ. Какими судьбами, ваше прео-

священство, могли вы изъ этихъ отношеній, касающихся благочинія, сдѣлать вопросъ, клонящійся къ постоянному составу (constitution) церкви?

Этотъ составъ у св. Павла представленъ такимъ образомъ: «и Онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова.» (Еф. IV, 11—12.) Эти различныя служенія, по всегдашнему преданію церкви, сокращаются въ епископствѣ и іерействѣ, двухъ степеняхъ священства, на которомъ установлена церковь. Таковъ Божественный, существенный составъ церкви.

А то, что епископы дѣйствуютъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ кругу своихъ епархій, что они составляютъ мѣстные соборы по особеннымъ нуждамъ нѣсколькихъ епархій, находящихся подъ вѣдомствомъ одного митрополита; что извѣстнымъ епископамъ, наприм. епископамъ большихъ городовъ, даются отличія, преимущества, почетныя титула, какъ то: митрополита, экзарха, патріарха; что они сѣзжаются изъ всѣхъ областей церкви, дабы сообща потрудиться для общаго блага христіанскаго общества (общіе или вселенскіе соборы); что иногда они достигаютъ той же цѣли, не собираясь вмѣстѣ, одною перепискою; — всѣ эти епископскія дѣйствія не принадлежать тому, что зовется постояннымъ составомъ церкви (constitution de l'Eglise); онѣ служатъ только внѣшними наруженіями епископской дѣятельности согласно тѣмъ правиламъ благочинія, которыя епископы составили для самихъ себя; онѣ могутъ измѣняться, смотря по обстоятельствамъ, а составъ церкви остается все-таки неприкосновеннымъ. Это, преосвященный, богословская истина стольже древняя, какъ сама церковь. Католическая западная церковь допускаетъ это также, какъ и католическая восточная, съ тѣмъ только

различіемъ, что первая на вершинѣ іерархической лѣстницы ставитъ римскаго епископа съ титуломъ *видимой* главы церкви, надѣляя его Божественнымъ правомъ, между тѣмъ какъ послѣдняя на это мѣсто ставитъ Иисуса Христа, единственную главу церкви, главу, правда, невидимую, но *всегда присутствующую и дѣйствующую*. Это послѣднее ученіе, по нашей мнѣнію, есть единственное, согласное съ Св. Писаніемъ и вселенскимъ преданіемъ (Еф. I, 22; IV, 16; Колос. I, 18; Мате. XXVIII, 20).

Но рѣчь у насъ не о преимуществахъ папскихъ, мѣру которыхъ легко было бы опредѣлить,—дѣло касается духовной власти русскаго императора. Я не могу надивиться, ваше преосвященство, что при томъ званіи существеннаго состава церкви, которое вамъ довлѣетъ, вы выбрали предлогомъ особенности благочинія, признаннаго и гражданскою и церковною властію, чтобы заключить, будто за русскимъ императоромъ признается право измѣнять *составъ церкви*. Состоитъ ли русская церковь подъ общимъ вѣдѣніемъ константинопольскаго патріарха, или другаго какого-нибудь, или признаетъ надъ собою власть многихъ епископовъ, соединенныхъ посредствомъ непрерывнаго синода,—развѣ въ этихъ обстоятельствахъ заключена та сторона дѣла, которая касается существенныхъ и Божественныхъ основаній, данныхъ христіанскому обществу Иисусомъ Христомъ? Сказать это—было бы преувеличеніемъ. А вы знаете, всякое преувеличеніе страдаетъ недостаткомъ справедливости,—ваше же преувеличеніе переходитъ границы простой ошибки. Думаете ли вы, что человекъ съ перемѣною одежды мѣняетъ свою натуру? Между тѣмъ именно это самое вы и выдаете за истину, когда нѣкоторыя внѣшнія отношенія отождествляете съ самымъ составомъ церкви. Я не могу объяснить такого пре-

увеличенія иначе, какъ только вашимъ слишкомъ пламеннымъ желаніемъ бросить тѣнь на церковь моего отечества. Вы не сдѣлали бы такой ошибки, еслибы припомнили прошедшее галликанской церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, что эта церковь много разъ измѣняла свое вѣтшнее благочиніе? Она образуетъ, если не ошибаюсь, общину (aggregation), управляемую подъ верховнымъ вѣденіемъ папы епископами, раздѣленными по разнымъ архіерейскимъ округамъ на множество группъ. Изъ ея исторіи извѣстно, что иногда епископы составляли мѣстные соборы, чтобы дать своимъ церквамъ правила благочинія. Потомъ такіе соборы совершенно прекратились, потому что гражданская власть отказала имъ въ утвержденіи. И только въ послѣднее время, и послѣ долгаго перерыва, епископы опять получили право собираться вмѣстѣ. Нѣкогда митрополиты, архіепископы владѣли судомъ и расправою надъ своими викаріями, теперь же эти титулы сдѣлались чисто почетными. Но гораздо важнѣе была та перемѣна, которую претерпѣли отношенія французскихъ епископовъ къ папамъ. Эти епископы въ своихъ адресахъ къ папамъ то употребляли выраженія, которыя, кажется, свидѣтельствовали безграничную покорность; то держали себя въ почтительномъ отдаленіи, и для своей покорности ставили условія, которыя строго оберегали, не смотря на всѣ требованія папъ и даже торжественныя ихъ буллы; случалось даже, что эти епископы прерывали всякія отношенія съ Римомъ. Гражданская власть принимала большое, можно сказать даже, главное участіе въ этихъ колебаніяхъ. Мнѣ нѣтъ надобности замѣчать вамъ, что эти перемѣны въ отношеніяхъ галликанской церкви имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ перемѣны отношеній русской церкви къ константинопольскому патриарху. Въ са-

мощь дѣлѣ, по ученію римско-католическому, папа есть глава церкви, тогда какъ константинопольскій патріархъ, по все-ленскому ученію церкви, есть только первый епископъ, облеченный почетными титлами. Конечно, вы не можете приписать одинаковой важности раздѣленіямъ, которыми нарушаются отношенія между отцомъ и его дѣтьми, и раздѣленіямъ, измѣняющимъ простыя братскія отношенія. Папа есть *отецъ* для церкви галликанской; по отношенію же къ русской церкви константинопольскій патріархъ есть только старшій братъ. Такимъ образомъ легко понять, что если видоизмѣняются отношенія галликанской церкви къ папѣ, здѣсь несравненно большая опасность (если только тутъ есть какая-нибудь опасность), чѣмъ въ случаѣ измѣненія отношеній русской церкви къ константинопольскому патріарху. Но говорилъ ли кто, что перемѣны въ отношеніяхъ галликанской церкви къ папѣ наносили ударъ составу церкви (*constitution*)? Почему же вы приписываете большую важность дисциплинарнымъ измѣненіямъ въ русской церкви?

Вы думаете, преосвященный, что самостоятельность національной русской церкви началась только учрежденіемъ ея патріаршества? Вы ошибаетесь. Это учрежденіе не въ одну минуту создано,—оно имѣетъ свои корни въ прошедшемъ. Принявши христіанство при посредствѣ константинопольскихъ патріарховъ, послѣ серьезнаго обсужденія ученія церкви восточной и западной, русская церковь естественно получила своихъ первыхъ пастырей отъ вселенскихъ патріарховъ, которые стали ея отцами въ вѣрѣ и бережно наблюдали свое дѣтище. Не смотря на этотъ трогательный и законный союзъ, русскіе епископы, начиная съ XI вѣка, иногда сами выбирали своего митрополита по согласію съ княземъ. Проведя жизнь подъ неограниченнымъ владычествомъ

папы, безъ сомнѣнiя, вы будете не прочь посмотрѣть на такой образъ дѣйствiя, какъ на возмущенiе противъ верховной власти патрiарха; но подобныхъ воззрѣнiй на востокъ мы не имѣемъ, потому что мы вполне слѣдуемъ опредѣленiямъ вселенскихъ соборовъ, а эти опредѣленiя не уполномочиваютъ осуждать самостоятельное дѣйствiе первыхъ пастырей нашей церкви. Въ самомъ дѣлѣ, выборъ митрополита вѣсть съ первыми начатками церковнаго благочинiя принадлежитъ русскимъ епископамъ. Константинопольскiй патрiархъ, можетъ быть, почувствовалъ нѣкоторый страхъ, вида, что заражающаяся церковь такъ скоро убѣгаетъ отъ его руководства и устроиваетъ свой бытъ, пользуясь своими правами, можетъ быть, по его мнѣнiю, очень успѣшно; мы даже согласимся съ вами, что въ этомъ онъ видѣлъ ударъ своимъ патрiархальнымъ правамъ, но, безъ сомнѣнiя, вы удивитесь той мудрости и миролюбiю, которая въ этихъ обстоятельствахъ руководилъ имъ: къ ново-насажденной имъ церкви онъ не отнесся съ жесткимъ словомъ, онъ не громилъ противъ нее анафемами, онъ не объявлялъ ее отлученною отъ истинной церкви Иисуса Христа. Вмѣсто разрыва съ русскою церковью константинопольскiй патрiархъ удержалъ съ нею добрыя отношенiя и отправлялъ къ ней нѣкоторыхъ изъ своихъ пастырей. Митрополиты греки съ XIII вѣка начали у насъ являться рѣже. Наконецъ избранiе митрополита изъ русскихъ стало преобладающимъ обычаемъ; удержалось однако обыкновенiе представлять избраннаго первому iерарху восточной церкви. Разъ утвержденный имъ, митрополитъ русской церкви обращался къ константинопольскому патрiарху только въ случаяхъ важныхъ, чрезвычайныхъ; во всемъ остальномъ онъ независимо управлялъ своею церковью съ согласiя другихъ епископовъ, своихъ сослужителей.

ществовали самыя лучшія отношенія между русскими митрополитами и константинопольскими патриархами, которые сами отдавали имъ уваженіе, подобающее лицамъ, пользующимся высокою независимостью въ церковномъ управленіи.

Этотъ бѣглый очеркъ отношеній константинопольскихъ патриарховъ къ русскимъ митрополитамъ достаточно показываетъ, что установленіе патриаршества въ русской церкви произошло естественно, и безъ того насильственнаго потрясенія, которое вы предполагаете. Обратите вниманіе на нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому событію.

Русское патриаршество было учреждено въ 1589 году, въ правленіе царя Θεодора. Ему принадлежитъ первая мысль объ этомъ; онъ думалъ этимъ возвысить церковь, которой онъ былъ почтительнѣйшимъ сыномъ и ревностнѣйшимъ покровителемъ. Сначала онъ сообщилъ свою мысль патриарху антиохійскому, Іоакиму, который пріѣхалъ въ Москву просить помощи въ пользу своей церкви, раззоренной мусульманами. Почтенный преемникъ святаго Петра (въ этомъ титулѣ вы не откажете епископу антиохійскому—оно освящено въ вашей литургіи и въ письмахъ св. папы Григорія Великаго) не отвергъ предложенія Θεодора, но сказалъ ему, что рѣшеніе такого рода дѣла принадлежитъ собору, и обѣщавъ снестись съ другими православными патриархами.

Ободренный такимъ благопріятнымъ отвѣтомъ, царь Θεодоръ представилъ свой проектъ на соборъ, составленный русскими епископами. Епископы отвѣчали: «да будетъ угодно вашему благочестивому величеству войти въ сношенія съ четырьмя вселенскими патриархами; ибо подобно вашему величеству мы смотримъ на нихъ, какъ на столповъ церкви.» Епископы къ этому присоединили еще слѣдующія слова, на которыя прошу васъ обратить вниманіе: «не нужно, чтобы

народы, въ особенности латинскіе еретики, которые пишутъ противъ нашей святой вѣры, думали, что въ нашемъ царственномъ городѣ, въ Москвѣ, было учреждено патриаршее мѣсто по одной царской волѣ.» Безъ сомнѣнія, вы найдете жесткимъ названіе, которое отцы XVI вѣка дали членамъ церкви, къ которой вы принадлежите; по крайней мѣрѣ вы допустите, что эти почтенные епископы были не близоруки, и что они позаботились напередъ отречься отъ васъ и отъ всѣхъ тѣхъ, которые раздѣляютъ ваши предубѣжденія насчетъ нашей церкви. Странное дѣло! Съ XVI вѣка въ нашей церкви была нужда брать предосторожности противъ заблужденія, о распространеніи котораго на западѣ прилежно хлопотали. Однако это заблужденіе пустило корни, и вы сами служите доказательствомъ, что оно еще живуче и въ наши дни. Первые его приверженцы распространили его по ненависти и расчету. Такими побужденіями, конечно, вы не руководились; думаю, васъ обманула и оболестила древность заблужденія; но позвольте мнѣ вмѣстѣ съ св. Кипріаномъ замѣтить вамъ: «обычай безъ смысла есть устарѣлое заблужденіе.» Итакъ въ древности заблужденія не ищите предлога считать его истинною; лучше пожалѣйте объ упорствѣ предубѣжденья, столь неблагоприятнаго для нашей церкви.

Я возвращаюсь къ своему разсказу.

Национальный русскій соборъ, нашедши учрежденіе патриаршества полезнымъ и сообразнымъ съ канонами, написалъ объ этомъ восточнымъ патриархамъ. Царь написалъ съ своей стороны. Въ слѣдующій годъ патриархи константинопольскій и антиохійскій прислали благосклонный отвѣтъ, — они извѣщали, что для разсужденія объ этомъ дѣлѣ приглашены въ Константинополь патриархи александрійскій и іерусалим-

скій, и что последнему, который считался четвертымъ между восточными патріархами, поручено отвезти въ Москву рѣшительный отвѣтъ. Такимъ образомъ, установленіе патріаршества, по вашему мнѣнію, дѣло, къ которому константинопольскій патріархъ былъ насильно принужденъ царемъ, въ исторіи представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ, — результатомъ долгихъ каноническихъ соображеній четырехъ восточныхъ патріарховъ.

Божественному Провидѣнію угодно было расположить событія такъ, что не іерусалимскій патріархъ привезъ отвѣтъ всѣхъ патріарховъ въ Москву, а самъ константинопольскій. Это былъ славный въ церкви Іеремія, славный по своимъ знаніямъ, по святости жизни, по мужеству апостольскому, которое онъ противопоставлялъ угнетенію султана. Взвѣсьте это, ваше преосвященство, какимъ образомъ пастырь, такъ героически противостоявшій фанатизму жестокаго деспота, позволилъ себя царю Θεодору, кроткому и истинно христіанскому государю, силою принудить къ выдачѣ какого-то акта! Притомъ патріархъ константинопольскій ни въ чемъ не зависѣлъ отъ русскаго царя. Значитъ ваше мнѣніе лишено всякаго основанія.

Когда у Іереміи была насильно отнята его кафедральная церковь и обращена въ мечеть, онъ пріѣхалъ въ Москву просить помощи у своихъ дѣтей, которые никогда не колебались изъявлять чувства признательности къ церкви-матери, и заботиться о ея состояніи. Іеремія былъ принятъ съ религіознымъ почетомъ, котораго заслуживали его святость и его страданія. Тотчасъ по прибытіи онъ извѣстилъ, что проектъ объ учрежденіи патріаршества въ обширной и цвѣтущей русской церкви былъ признанъ полезнымъ его восточными товарищами.

Оставалось только выбрать, кого бы удостоить этой чести. Царь и епископы, движимые чувствомъ уваженія къ Іереміи, предложили ему богатую и мирную русскую церковь промѣнять на разоренную, гдѣ онъ не имѣлъ въ надеждѣ ничего, кромя преслѣдованія и мученическаго вѣнца.

Святой и мужественный патріархъ отвѣчалъ, что его обязанность не отказываться отъ испытаній, которыя терпятъ восточные епископы, его братія и его церковь: онъ не согласился на предложеніе; ни просьбы царя, ни настоянія епископовъ не могли побѣдить его рѣшимость.

Позвольте мнѣ, ваше преосвященство, обратить ваше вниманіе на такой образъ дѣйствія, полный самопожертванія; ибо вы очень расположены приписывать корыстныя побужденія дѣйствіямъ пастырей восточной церкви. Обсудивши дѣло, вы убѣдитесь, что при учрежденіи русскаго патріаршества Іеремія былъ недоступенъ ни для страха, ни для корысти, но, что и подтверждаетъ исторія, во всемъ этомъ дѣлѣ руководился единственно любовію къ истинѣ и уваженіемъ къ древнимъ обычаямъ церкви. Въ этихъ чувствахъ онъ благословилъ царя и обязалъ русскихъ епископовъ выбрать своего патріарха, внушая имъ—въ своемъ выборѣ дѣйствовать согласно канонамъ. Созвали большой соборъ, на которомъ присутствовалъ *вселенскій* патріархъ (не соблазняйтесь, преосвященный, этимъ титуломъ чисто почетнымъ). Іеремія не хотѣлъ имѣть никакого вліянія на выборъ епископовъ, такъ онъ уважалъ каноны и свободу своихъ братьевъ! Три кандидата были представлены на царское благоусмотрѣніе; потомъ было приступлено къ выниманію жребія, чтобы рѣшить, кто изъ трехъ, одинаково равныхъ, окончательно долженъ быть выбранъ. Вынутый жребій былъ съ именемъ Іова, московскаго митрополита, который тотчасъ былъ провозглашенъ и посвященъ самимъ патріархомъ Іеремію.

Вотъ что представляетъ исторія насчетъ перваго факта, относящагося къ нашему спору. Если вы сомнѣваетесь еще въ каноническомъ утвержденіи перваго русскаго патріарха, то я къ этому прибавлю, что каноническія грамоты объ учрежденіи патріаршества были подписаны патріархами константинопольскимъ, антиохійскимъ и іерусалимскимъ (*), девятнадцатью митрополитами, такимъ же числомъ архіепископовъ и двадцатью епископами. Такой актъ не представляетъ ли для васъ полной гарантіи? Въ то же время ужели вы не видите, какъ вы были несправедливы относительно русской церкви, предложивши такого рода вопросъ: *« послѣ этого, что осталось отъ вашихъ сношеній съ греческою церковью? Ничего. »* Новый патріархъ сообщилъ о своемъ избраніи и посвященіи другимъ патріархамъ восточной церкви; онъ велъ съ ними совѣщанія о дѣлахъ вѣры; онъ не предпринималъ ничего важнаго, не узнавши ихъ мнѣнія. Стало быть, онъ всегда сохранялъ съ ними то единеніе, о которомъ св. Павелъ выражается такъ: единъ Богъ и Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ (Еф. IV. 5 и 6). Итакъ вы должны допустить, что самыя лучшія отношенія между русскою и греческою церковью существовали и по установленіи новаго патріарха, и что та и другая, слѣдуя слову апостола, показали въ себѣ тщаніе *блуждѣти единеніе духа въ союзъ мира* (ibid. IV, 4.)

Я долго остановился на разсмотрѣніи этого факта; но вы понимаете, что легче бросить камень осужденія, чѣмъ сказать добросовѣстное и твердое защитительное слово; мнѣ пріятно думать, что ваше преосвященство не найдетъ длин-

(*) Несчастія, постигшія въ то время церковь александрійскую, безъ сомнѣнія, помѣшали ей патріарху прислать свое подлинное утвержденіе.

нымъ изложеніе, въ которомъ, не смотря на ваши обширныя знанія, можете найти для себя что-нибудь новое.

Я позволяю себѣ первую часть моего отвѣта представить вкратцѣ въ такомъ видѣ:

1) Вы утверждали, преосвященный, что чрезъ установленіе новаго патріаршества измѣнился составъ русской церкви. Я доказалъ, что вы сдѣлали ошибку противъ богословія, смѣшивая составъ русской церкви съ обстоятельствами, относящимися къ благочинію.

2) Вы утверждали, что русское патріаршество было установлено одною волею нашихъ государей. Я вамъ доказалъ съ исторіею въ рукахъ, что это учрежденіе сдѣлано съ общаго согласія государемъ и русскими епископами.

3) Вы воображали, что признаніе русскаго патріаршества было насильно взято у константинопольскаго патріарха. Я доказалъ, что вселенскій патріархъ пользовался полною свободою, что въ этомъ дѣлѣ онъ показалъ истинную мудрость, которая умѣетъ оцѣнить новыя потребности, — энергію, которая умѣетъ господствовать надъ обстоятельствами, — самоотреченіе и смиреніе, которыя для общаго блага церкви заставляютъ жертвовать личными выгодами. Или вы, преосвященный, смѣшиваете силу съ упрямствомъ? — думаете, что у того сила, кто глухъ къ поученію времени и обстоятельствъ, кто изо всѣхъ силъ держится за права воображаемыя или устарѣвшія, кто подчиняетъ духовное временному интересу? Это не сила, преосвященный, это слабость, если угодно, слабость лихорадочная, но все-таки слабость, и она столько же вредитъ церкви Божіей, сколько самому тому, кто дѣлается ея жертвою.

Я думаю, что мнѣ удалось въ ясномъ свѣтѣ представить вамъ вопросъ объ учрежденіи русскаго патріаршества, за-

щитѣть мою церковь отъ одного изъ вашихъ обвиненій, и рѣшительно испровергнуть одно изъ вашихъ доказательствъ. Перейдемъ къ другому.

П.

Вы стараетесь унизить русскій св. синодъ и сдѣлать изъ него учрежденіе политическое. Въ самомъ дѣлѣ, вы выражаетесь такимъ образомъ: «другой изъ вашихъ государей, опасаясь могущества, какое съ теченіемъ вѣковъ могъ пріобрѣсть себѣ русскій патріархъ, замѣнилъ патріарха св. синодомъ.»

Вы имѣете основаніе говорить, что опасенія насчетъ преобладанія, которое въ дѣлахъ государства могъ взять патріархъ, имѣли нѣкоторое значеніе въ перемѣнѣ, касавшейся церковнаго благочинія и происшедшей въ царствованіе Петра Великаго. Этотъ государь предвидѣлъ, что борьба между церковью и государствомъ возможна, что высшая церковная власть, сосредоточенная въ одномъ лицѣ, могла дѣлать вторженіе въ область политическую, а это могло произвести борьбу равно предосудительную какъ для государства, такъ и для церкви. Но откуда зашли къ Петру Великому эти опасенія относительно церковной власти? Въ прошедшемъ русской церкви онъ не могъ найти ничего, вѣрующаго подобныя опасенія. Во всѣ времена митрополиты, потомъ русскіе патріархи, вѣрные духу Евангелія, наставленіямъ и примѣрамъ апостоловъ и пастырей первенствующей церкви, никогда не мѣшались въ *свѣтскія или политическія дѣла*; въ особенности они никогда не имѣли покушеній на какое-нибудь свѣтское главенство; въ этомъ они совершенно сходятся съ древними римскими патріархами, съ св. папою Ге-

ласіемъ, который на смѣшеніе двухъ властей въ одномъ и томъ же лицѣ смотрѣлъ какъ на дѣло, исходящее отъ дьявола, — съ св. папою Григоріемъ Великимъ, который училъ, что занятіе дѣлами государства, какъ пыль для глазъ, вредно для епископскаго духа.

Въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, когда отечество находилось въ опасности, русскіе епископы, простые монахи, приобрѣтали высокое политическое значеніе, котораго мы не будемъ оспаривать; тогда довѣріе ихъ дѣтей духовныхъ облекало ихъ важнымъ полномочіемъ въ дѣлахъ государства; но эти пастыри пользовались этимъ полномочіемъ только для удаленія опасности, для водворенія порядка тамъ, гдѣ свирѣпствовала разладица. Опасность проходила, и ихъ дѣло было исполнено, они возвращались въ свою церковную или духовную сферу. А также мы, не обинуясь, признаемъ, что митрополиты, патріархи, даже простые священники, по просьбѣ князя, иногда даже добровольно, принимали участіе и имѣли вліяніе въ государственныхъ совѣщаніяхъ; но никто изъ нихъ не былъ ни Мазарини, ни Телье. Обратитесь, преосвященный, къ исторіи митрополитовъ Николая и Никифора, св. иноковъ Сергія и Діонисія, священника Сильвестра, патріарха Никона и другихъ, и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ.

Прошедшее русской исторіи, стало-быть, не могло внушить Петру Великому никакого недоувѣрія относительно похищенія политической власти церковною. Откуда же онъ почерпнулъ эти опасенія, о которыхъ вы резонно говорите? На это отвѣчаетъ онъ самъ въ изложеніи причинъ новаго правленія, въ первой части регламента, на которую вы ссылались въ вашемъ письмѣ: «Папа не инымъ способомъ, а именно злоупотребленіемъ своего духовнаго авторитета до-

стигъ временной власти, — присвоилъ себѣ значительную часть римской имперіи. А что еще важнѣе, онъ и въ другихъ государствахъ вызвалъ великія и тяжелыя разоренія (*). Значить злоупотребленіе, которое папы дѣлали изъ своей духовной власти, внушило Петру Великому опасенія относительно единоличнаго церковнаго управленія. Такимъ образомъ установленію русскаго синода на мѣсто патріаршества содѣйствовали папы, сами того не зная.

Но пусть Петръ Великій не довѣряетъ патріархамъ своей имперіи, подобно тому, какъ французскіе короли не вѣрили провинціальнымъ соборамъ, вопросъ не въ томъ. Важно знать: синодальное установленіе одинаково ли сообразно съ канонами, какъ и патріаршество? Конечно, вы, преосвященный, допускаете, что правленіе синодальное есть самое древнее и самое общее въ церкви. Вы знаете, что на соборъ всегда смотрѣли, какъ на органъ частныхъ церквей, а равно и вселенской церкви, тогда какъ патріаршество явилось позднѣе, и его дѣятельность была ограничена извѣстными предѣлами.

Первенствующая церковь, ревнуя о сохраненіи истины, объ охраненіи епископской свободы, всегда показывала особенное расположеніе къ помѣстнымъ соборамъ. Со временъ апостольскихъ она заповѣдала составлять ихъ два раза въ годъ. Тридцать седьмое апостольское правило, двадцатое правило собора антиохійскаго, пятое перваго вселенскаго собора, бывшаго въ Никеѣ, девятнадцатое четвертаго вселенскаго собора, бывшаго въ Халкидонѣ, одиннадцатое шестаго вселенскаго, бывшаго въ Никеѣ, — не допуска-

(*) - Да и папа не инымъ способомъ только превозмогъ, не тоцію государство римское полнѣе пресѣче и себѣ великую часть похити, но и иныя государства едва не до крайняго разоренія не единожды пресѣче. «Регл., стр. 18.

ють въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. Отцы этихъ святыхъ собраній безпрестанно обращаются къ этому правилу и силою каноновъ остерегаютъ тѣхъ, которые отказались бы ему слѣдовать; безъ сомнѣнія, по ихъ настояніямъ, этотъ церковной законъ сдѣлался закономъ римской имперіи (V. Justinien, Nouvelle, CXXXVII). Въ силу этого закона гражданское начальство было обязано напоинивать епископамъ, что они должны собираться на соборъ, и подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній, докладывать императору о тѣхъ, которые оказались въ этомъ отношеніи небрежными. Помѣстный соборъ стоялъ выше и митрополитовъ и патріарховъ; управляя соборными разсужденіями, они однако не имѣли никакихъ особенныхъ правъ: на соборѣ они имѣли одинъ только голосъ наравнѣ съ епископами самыхъ незначительныхъ городовъ. Вамъ извѣстны по этому предмету слова блаж. Иеронима.

Когда соборъ расходился, обязанность митрополита или патріарха состояла въ приведеніи въ дѣйствіе правилъ, поставленныхъ соборомъ. По этому-то существенному, даже исключительному авторитету собора, каноническія посланія были адресованы отъ имени всѣхъ членовъ собранія, не упоминая предсѣдателей. Съ такою дисциплиною сообразовались и первые римскіе пастыри, точно такъ же, какъ и пастыри другихъ главныхъ городовъ. Позднѣе каноническія посланія подписывались одними митрополитами, но всегда отъ имени собора. Этотъ обычай первенствующей церкви сохранился до настоящаго времени во вселенской, православной восточной церкви. При обстоятельствахъ, сколько нибудь важныхъ, члены собора подписывали пастырскія или каноническія посланія вмѣстѣ съ восточными патріархами. Патріархъ древняго Рима сохранилъ только незна-

чительные слѣды этого почтеннаго благочинія въ конгрегациі кардиналовъ; но члены этой конгрегациі, которыми могутъ быть простые клирики или миряне, не то, что были отцы соборовъ; ихъ можно сравнить только съ секретарями, дьяконами, соборными богословами, которые въ собраніяхъ не имѣли права голоса. Въ самомъ дѣлѣ, по новому западному праву, папа есть *esse* и не позволяетъ никакому авторитету дѣйствовать совмѣстно съ своимъ.

Такъ какъ областные соборы согласны съ общиннѣмъ благочиніемъ церкви, такъ какъ они были всегда въ употребленіи католической церкви, то я надѣюсь, ваше преосвященство, что вы не найдете ничего антиканоническаго въ учрежденіи св. синода, или постояннаго русскаго собора. Не соблазняйте его непрерывностію, не соблазняйте непрерывностію синодовъ восточныхъ патріарховъ, которые считаются древнѣйшими; она ничѣмъ не вредна для мѣстныхъ архіерейскихъ обязанностей, какъ, можетъ-быть, вы думаете. Правда, апостольскія правила и вселенскіе соборы не установили постоянныхъ областныхъ соборовъ, чтобы церкви не оставались безъ пастырей; но вслѣдствіе трудности сообщеній, обязанность епископовъ собираться на соборы два раза въ годъ также удаляла епископовъ отъ ихъ церквей, какъ и соборы постоянные, нынѣ существующіе. Организациія св. синода не принуждаетъ епископовъ къ отсутствію изъ ихъ епархій болѣе продолжительному, чѣмъ участіе въ областномъ соборѣ два раза въ годъ. Постоянные члены синода уволены отъ засѣданій на многіе мѣсяцы, въ которые они свободно могутъ записаться исключительно дѣлами своихъ епархій; кромѣ того они имѣютъ у себя vikarіevъ, которые замѣняютъ ихъ въ отправленіи службы. Что касается до епископовъ, которые на время приглашаются въ св. си-

нодь, ихъ отсутствіе продолжается только на годъ, рѣдко на два; въ послѣднемъ случаѣ они имѣютъ право оставлять синодъ на опредѣленное время, чтобъ посвятить свою паству.

Непрерывность св. синода для ибстныхъ архіерейскихъ обязанностей не вредитъ частыхъ путешествій французскихъ епископовъ въ Римъ. А эти путешествія въ иноземную столицу, иногда довольно продолжительныя, такъ ли благотворны по своимъ послѣдствіямъ для церкви, какъ поѣздки, которыя предпринимаютъ русскіе епископы въ столицу ихъ отечества для присутствованія въ засѣданіяхъ св. синода? Если вы осуждаете временное отсутствіе русскихъ епископовъ, членовъ св. синода, изъ ихъ епархій; то ваше осужденіе должно прямо пасть на римскій дворъ, у котораго долгое время было въ обыкновеніи на извѣстныя епархіи назначать иностранныхъ прелатовъ, которые въ нихъ никогда не жили,—которыхъ церкви, иль поручаемыя, знали только по той точности, съ которою собирали *архіерейскіе* доходы, тогда какъ должности ихъ были отправляемы людьми наемными; ваше осужденіе должно пасть и на то безчисленное множество древнихъ французскихъ епископовъ, которые нисколько не затруднялись оставлять свои епархіи, чтобы присутствовать на соборахъ французскаго духовенства. Притомъ, еслибъ они оставляли свои епархіи только съ этою цѣлю! Король не считалъ ли очень многихъ изъ нихъ между своими самыми ревностными куртизанами? Не было ли наказаніемъ, ссылкой для епископовъ быть *отправленными въ ихъ епархіи*, какъ тогда выражались? Говорить ли вамъ объ епископахъ *in partibus*, которые никогда не присутствовали въ своихъ епархіяхъ, вы это знаете, и которыхъ число умножала римская церковь по причинамъ, не имѣющимъ никакой канонической уважительности (*rien de bien canonique*)?

Русскіе епископы, временно присутствующіе въ засѣданіяхъ св. синода, принадлежать къ различнымъ провинціямъ имперіи. Они отсюда приносятъ съ собою знанія объ особенныхъ нуждахъ всѣхъ церквей, и предлагаютъ средства для ихъ удовлетворенія съ полнымъ знаніемъ дѣла. Въ случаяхъ важныхъ число членовъ можетъ быть увеличено, и отсутствующіе епископы могутъ совѣщаться чрезъ письма. Живя во Франціи, гдѣ Россію такъ мало знаютъ, я не считаю лишнимъ сообщить вамъ эти подробности. Я считаю долгомъ представить ихъ вамъ въ интересъ поднятаго вопроса.

Изслѣдуемъ теперь, для того ли русская церковь изъята отъ авторитета патріарха, чтобы *поработить* ее, какъ вы говорите, гражданской власти? Относительно этого пункта вы ошибаетесь: совершенно наоборотъ, истина заключается совсѣмъ въ противномъ тому, что вы изволили утверждать. Нисколько не желая *поработить* русскую церковь учрежденіемъ св. синода, Петръ Великій хотѣлъ обезпечить ея независимость. Вы можете въ этомъ увѣриться, читая въ подлинникѣ регламента то, на что вы указывали по латинскому переводу. Если угодно, я представляю вамъ нѣкоторыя мѣста изъ главы о причинахъ учрежденія св. синода.

Сказавши, что соборъ имѣетъ больше знанія, больше безпристрастія, что онъ не умираетъ, какъ патріархъ, что онъ не подверженъ предубѣжденіямъ и страстямъ, составители регламента говорятъ далѣе: «и се тому же подобно, что коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію, не тако бо яко же единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится, понеже и причины проискивать на многихъ, а еще разностатейныхъ особъ, не тако удобно есть, яко на единого чловѣка» (§ 6). Если Петръ Великій имѣлъ мысль обезпечить

лить церковь русскую, говорилъ ли бы онъ о ея независимости, и о синодѣ, какъ средствѣ обезпечить эту независимость? Не думайте, ваше преосвященство, чтобы соображенія, развитыя въ регламентѣ, были несправедливы: психологія и исторія заодно свидѣтельствуютъ ихъ истину. Страхъ и выгода оказываютъ болѣе дѣйствія на отдѣльное лицо, нежели на цѣлое общество; поэтому-то папа св. Григорій оспаривалъ сосредоточеніе церковной власти въ одномъ патріархѣ. «Что сдѣлаетъ церковь, сказалъ онъ, если надеть тотъ, который представлялъ ее?» Эти прекрасныя слова совсѣмъ забыты.

Не угодно ли, я вамъ укажу на какойнибудь соборъ, который поддержалъ независимость церкви, благодаря нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ? Посмотрите на соборъ флорентинскій. Императоръ Іоаннъ Палеологъ сильно принуждалъ епископовъ своей имперіи къ соединенію съ папою изъ-за своихъ политическихъ видовъ. Онъ успѣлъ многихъ запугать: константинопольскій патріархъ Іосифъ, ослабленный лѣтями и недугами, почти уступилъ. Но между епископами елабодушными были мужественные, во главѣ которыхъ стоялъ Маркъ, митрополитъ ефесскій. Благодаря ихъ твердости, православная церковь не сдѣлала нагубныхъ уступокъ. Если бы власть церковная не была соборною властію всѣхъ епископовъ, а сосредоточивалась въ рукахъ одного, то это лице могло ли бы не уступить требованіямъ Іоанна? А тогда чѣмъ бы стала восточная церковь?

Конечно, преосвященный, есть личности мужественныя, энергичныя, добросовѣстныя, предъ которыми сокрушаются всѣ покушенія деспотизма. Исторія представляетъ безчисленные этому примѣры, но въ то же время она показываетъ, что эти мужественные люди часто бывали подвержены вліянію личныхъ интересовъ, и что они дѣлали захваты и господ-

ствоваѣ тамъ, гдѣ просто надлежало сохранять и направлять. Но если исторія показываетъ великія личности, то она же открываетъ намъ слабости многихъ лицъ, у которыхъ не было ни совѣсти, ни мужества. Исторія папъ подтверждаетъ мои слова. Григорій VII былъ человекъ энергичный, но до какихъ излишествъ разрослось его властолюбіе? Бенедиктъ VIII защищаетъ свои преимущества съ неоспоримою ревностію, но какія были послѣдствія этой ревности? Юлій II заслуживаетъ одного изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ людей, которые создали и поддерживали политическую роль папства; а къ какимъ средствамъ для этого онъ прибѣгалъ?

Папы ума посредственнаго, характера слабого, вообще оставлены въ тѣни римско-католическими историками; дѣянія ихъ папства плотно прикрыты отъ любопытнаго взора; но эти предосторожности, переходя всякую мѣру, только открываютъ то, что хотѣтъ скрыть.

Но если одинъ человекъ естественно подверженъ колебаніямъ въ дурную сторону, если имъ могутъ владѣть честолюбіе и слабость характера, то этого не бываетъ съ собою, который можетъ быть независимъ безъ хвастовства и честолюбія, мудръ безъ слабости, можетъ выдерживать себя съ достоинствомъ, безъ гордости, и не преслѣдуя личныхъ выгодъ. Я васъ оскорбилъ бы, преосвященный, еслибъ вздумалъ доказывать эту мысль. Согласитесь же, что Петръ Великій, которому вы не отказываете въ умѣ, не могъ имѣть помысла *поработить* русскую церковь учрежденіемъ св. синода на мѣсто патріарха, что вы страшно ошиблись, отиѣтивши время *порабощенія* русской церкви съ учрежденія, которое, не имѣя можетъ-быть пышности управленія единоличнаго, есть однакожъ учрежденіе болѣе христіанское, болѣе способное поддержать церковь, которою оно управляетъ. Го-

ворить противное можно только подъ вліяніемъ привычки, въ силу которой вы не можете представить церкви иначе, какъ управляемую исключительно однимъ лицомъ.

Последній фактъ, который васъ убѣдитъ, что учрежденіе св. синода не было внушено чувствами, враждебными свободѣ церкви, это есть то обстоятельство, что мысль о синодѣ должна быть приписываема не одному Петру Великому, но я многимъ епископамъ русскимъ. Императоръ выражаетъ это самъ въ письмѣ къ восточнымъ патріархамъ: «по долгомъ и зрѣломъ совѣщаніи съ духовными лицами, принявши ихъ совѣтъ, намъ показалось полезнымъ учредить св. синодъ, т. е. верховное соборное правленіе для всероссійской церкви.» Еслибъ подумать, что вы не знаете этого факта, я вамъ представилъ бы имена епископовъ, участвовавшихъ въ составленіи этого письма и самаго регламента, который вы неосторожно приписываете одному Петру Великому. Въ концѣ регламента вы найдете имена девятнадцати епископовъ, въ числѣ которыхъ было пять митрополитовъ. Ужели столько епископовъ подписали актъ своего *порабощенія* добровольно, не сдѣлавши ни малѣйшаго протеста?

Послушайте теперь, какъ совершилось учрежденіе св. синода. По кончинѣ десятаго патріарха московскаго Адріана, его мѣсто временно занялъ Стефанъ, митрополитъ рязанскій, старшій изъ епископовъ. Тогда многіе епископы были приглашены къ изысканію средствъ для необходимыхъ по обстоятельствамъ времени преобразованій въ церковномъ управленіи. Съ этою цѣлію они сообща приступили къ обсужденію проекта, который имъ былъ предложенъ Петромъ Великимъ и многими епископами, посвященными въ сокровенные помыслы монарха. Нѣкоторые члены этого собранія показали себя расположенными къ поддержанію патріарха,—не отвер-

гая однако, что проэктъ, имъ предложенный, былъ бы совершенно сообразенъ съ канонами, когдабы онъ былъ одобренъ восточными вселенскими патріархами. Посвятили нѣсколько времени разсмотрѣнію проэкта, взвѣшиванію всѣхъ для выполнения его условій, опредѣленію существа дѣйствій св. синода и его отношеній къ гражданскому правительству. Тогда составили Духовный Регламентъ, твореніе добросовѣстное, въ которомъ приняли участіе всѣ русскіе епископы,—одни составленіемъ его, другіе одобреніемъ. Этого совмѣстнаго дѣйствія епископовъ было бы достаточно; но такъ какъ новому учрежденію хотѣли дать основаніе болѣе прочное, проэктъ отданъ былъ на разсмотрѣніе начальникамъ главныхъ монастырей и многимъ лучшимъ членамъ свѣтскаго общества; проэктъ былъ принятъ всѣми съ одобреніемъ. Въ концѣ этого творенія вы можете видѣть ихъ имена. Въ виду такого факта, въ виду такихъ свидѣтельствъ, воздержитесь утверждать, будто регламентъ св. синода есть дѣло гражданской власти, а св. синодъ—средство стѣснить церковь. Иначе вамъ пришлось бы сказать, что епископы стѣснили себя сами. Есть мнѣнія; которыя достаточно высказать, чтобы показать ихъ несостоятельность.

Я не думаю утверждать, что гражданская власть не принимала никакого участія въ изданіи регламента св. синода. Напротивъ, я совершенно увѣренъ, что она приняла въ этомъ участіе; можетъ-быть, очень широкое. Образъ ея дѣйствій въ этихъ обстоятельствахъ не долженъ быть подвѣдимъ подъ общее правило; онъ не повлечетъ за собою тѣхъ невыгодъ, которыя вы въ немъ указываете, и имѣлъ для себя совершенно уважительное основаніе. Нѣтъ сомнѣнія, дѣло касалось важной реформы для русской церкви; отчего жъ вы хотите, чтобы самодержецъ, который любитъ церковь,

устранился отъ церковнаго дѣла, былъ равнодушенъ къ нему? Христіанскій государь не сынъ ли церкви? Церковь не признаетъ ли его назначеніемъ охранять ея внѣшнее благосостояніе, гражданскій порядокъ въ ея предѣлахъ? Дѣло касалось учрежденія, назначеннаго для общественнаго дѣйствія, — учрежденія, долженствовавшаго имѣть могущественное вліяніе на народъ. Справедливо ли, разумно ли гребовать, чтобы государь не былъ озабоченъ такимъ учрежденіемъ, чтобы онъ не требовалъ отъ него никакого обезпеченія для поддержанія порядка въ государствѣ, и для того, чтобы политическую власть поставить внѣ круга его дѣйствій?

Я ожидаю, вы возразите противъ этого принципа, что государство не должно оставаться безоружнымъ относительно церкви. Я же говорю, что орудія государства относительно церкви должны быть только оборонительныя. Пастыри церкви суть люди Божіи, но они въ то же время люди плоти, подверженные, какъ и другіе, страстямъ, честолюбію, личнымъ выгодамъ. Ихъ дѣйствія могутъ быть преступны; ихъ вліяніе можетъ быть пагубнымъ. Предусматривая обстоятельства такого рода, государство имѣетъ право и даже обязанность брать свои предосторожности, и запасаться извѣстными оборонительными орудіями. Защищая этотъ взглядъ, я говорю не противъ васъ; у меня въ виду столько же римское духовенство, сколько и русское. Принципъ, который я утверждаю, касается меня самого столько же, сколько и васъ; я его защищаю, потому что онъ истиненъ. Впрочемъ я утверждаю, что положеніе нашего и вашего духовенства весьма различно. Въ качествѣ римскаго епископа вы — одинъ изъ кормчихъ большаго корабля, плавающаго въ открытомъ морѣ. Если какой профанъ скажетъ вамъ: «не вмѣшиваясь въ правленіе вашего корабля, я вамъ говорю, что около этихъ береговъ

онъ можетъ утонуть, тутъ есть песчанья отмели, которыя я устроилъ для своей защиты; вы плывете на опасностьъ,— вы вольны, преосвященный, послушаться этихъ словъ или пренебречь ими. Но что касается до меня, то я счастливъ, что первые пастыри русской церкви послушались столь разумныхъ замѣчаній; благодаря ихъ благоразумію, корабль, на которомъ мнѣ выпало быть только простымъ гребцомъ, избѣжалъ подводныхъ камней. Управляемый недремлющимъ Божественнымъ Кормчимъ онъ идетъ не шумно, не въ вооруженіи, но безопасно; онъ избѣгъ крушенія. Кормчіе вашего корабля самонадѣяннѣе; они не хотятъ слушать постороннихъ голосовъ, которые имъ указываютъ подводные камни у морскихъ береговъ, они плывутъ на всѣхъ парусахъ, иногда сѣло набѣгаютъ на опасные берега; но и на поврежденія въ вашемъ кораблѣ я могъ бы указать. Въ эту минуту, когда я имѣю честь къ вамъ писать, не угрожаютъ ли ему серьезныя опасности? Не будетъ ли онъ остановленъ на своемъ быстромъ бѣгу страшною бурей? Вы справедливо истолковали мои чувства, когда замѣтили, что я смотрю на вашего главнаго кормчаго, какъ на человѣка, достойнаго *тысячи утѣшеній*; въ самомъ дѣлѣ онъ жертва не своихъ ошибокъ, но многихъ ошибокъ его предшественниковъ, по стопамъ которыхъ онъ счелъ долгомъ идти. Православная восточная церковь—благо, что избѣжала этихъ висзанныхъ перемѣнъ римской церкви, и надѣется, что онъ послужать къ общему благу христіанской церкви; она молится, чтобы вы обратились со смиреніемъ къ Божественному Кормчему, Который одинъ непогрѣшимъ, — молится, чтобы Онъ взялъ кормило, далъ вашему кораблю другое направленіе, устремилъ его не къ землѣ, гдѣ встрѣчаетъ такъ много подводныхъ камней, но къ небу, гдѣ его назначеніе. Простите меня, преосвящен-

ный, за это отступленіе, въ которомъ, надѣюсь, вы не найдете ничего для себя обиднаго, и которое произошло естественно, отъ одного старанія изложить мою мысль яснѣе при помощи сравненія.

Я возвращаюсь къ моему предмету. Кто не знаетъ, или не хочетъ знать исторіи русской церкви, тѣ утверждаютъ, что св. синодъ учрежденъ безъ всякаго участія восточныхъ патріарховъ, и что ихъ согласія просили поздно и по одной формальности. Вы идете еще дальше, — вы сказали: «нужно было дать какой-нибудь видъ полномочія этому новому учрежденію (св. синоду), тогда вспомнили, на исходѣ 130 лѣтъ своего отдѣленія, что въ Константинополѣ есть патріархъ, и у него спросили соизволенія на дѣло уже совершенное» и проч. Я читалъ и перечитывалъ эти строки вашего письма съ должнымъ вниманіемъ и, признаюсь откровенно, я не понялъ ихъ. Онѣ представляютъ для меня неразрѣшимую проблему. Куда это употреблены сто тридцать лѣтъ, которыя протекли между учрежденіемъ св. синода и признаніемъ его константинопольскимъ патріархомъ (*)? Изъ исторіи извѣстно, что между этими двумя событіями прошло два года, время, совершенно необходимое для отправки и возвращенія официальныхъ бумагъ и для переписки между патріархами константинопольскимъ, александрійскимъ, антиохійскимъ и іерусалимскимъ. Изъ письма патріарховъ, утверждающаго св. синодъ, вы сами приводили нѣкоторыя строки, которыя вы

(*) Для рѣшенія этого недоумѣнія о. протоіерея Васильева замѣтимъ, что нантскій епископъ полагаетъ 130 лѣтъ со времени учрежденія патріаршества въ Россіи до учрежденія синода, напрасно считая время патріаршаго управленія русскою церковію временемъ ея отдѣленія (isolement) отъ константинопольской. См. № 6 *Прав. Обзор.* — переводъ письма нантскаго епископа, стр. 214. *Прим. Ред.*

нашли годными для вашей темы, и вы замѣтили, что это письмо отиѣчено 23 сентября 1723 года. Учрежденіе же синода, какъ вы это навѣрно знаете, было 25 января 1721 г. Я не могу приписать вамъ ошибки столь грубой; я даже не могу подуматъ, что вы, употребляя столь странную фразу, были разсѣяны. Развѣ только небрежность вашего писца тому причиною? вѣроятно, небрежность вашего писца. Думаю, не она ли промежуткомъ изъ двухъ дѣлъ назвала стотридцатидѣлтіемъ!

Начинаніе въ дѣлѣ учрежденія св. синода и его организациіи не могло произойти ни отъ патріарха, ни еще откуда либо. Такъ какъ самостоятельность русской церкви уже была признава, то ея пастыремъ въ союзѣ съ государемъ принадлежало заботиться о преобразованіи ея внутренняго благоустройства. Когда пастыри дѣйствовали не противъ общей дисциплины, утвержденной вселенскими соборами, тогда образъ ихъ дѣйствія законенъ; устройство св. синода не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго общей дисциплинѣ; слѣдовательно, по справедливости это дѣло могло быть устроено домашнимъ образомъ. Впрочемъ, поелику русская церковь есть часть вселенской восточной церкви, то ея пастыри обязаны соблюдать добрыя отношенія съ своими старшими братьями, дабы успѣшнѣе стремиться къ *созиданію тѣла Христова*. Такимъ образомъ было ихъ долгомъ предложить свое дѣло утвержденію православныхъ восточныхъ патріарховъ. Къ этому ихъ обязывало и уваженіе, питаемое ими къ патріархамъ, признательность за даръ вѣры, отъ нихъ полученный. Вотъ почему спросили ихъ согласія на устройство св. синода. Эта просьба, написанная въ формѣ самой почтительной, была подписана Петромъ Великимъ. Не удивляйтесь, преосвященный, что государь писалъ о нуж-

дахъ церкви своей имперіи. Ваша собственная исторія показываетъ вамъ не одинъ случай, когда французскіе короли или ихъ министры излагали предъ папою нужды галликанской церкви. И эти дѣйствія, безъ сомнѣнія, вполне законныя со стороны гражданской власти, никогда не осуждались, лишь бы церковная власть была на нихъ согласна. Я предлагаю вамъ переводъ письма Петра Великаго къ константинопольскому патріарху, Іереміи:

«Святѣйшему, мудрѣйшему и ученѣйшему вселенскому новаго Рима патріарху, нашему господину, господину Іереміи, нашему отцу во Христѣ

подобающее почтеніе.

«Какъ покорнѣйшій сынъ нашей св. матери, вселенской православной церкви, всегда проникнутый уваженіемъ къ вашему святѣйшеству, какъ къ первому пастырю этой вселенской православной церкви и нашему духовному отцу, мы признали необходимымъ вамъ сообщить... что, слѣдуя примѣрамъ благочестивыхъ царей Ветхаго и Новаго Завѣта, старая ревностью о добромъ порядкѣ церкви и духовенства, и не находя для достиженія этой цѣли лучшаго средства, кромѣ синодальнаго правленія: по зрѣломъ обсужденіи и согласно совѣтамъ сановниковъ какъ церкви, такъ и государства, намъ показалось разумнымъ устроить церковный синодъ, пользующійся властью, равною власти патріаршей, какъ верховное соборное правленіе для русской церкви, содержимой въ нашей имперіи... Мы надѣемся, что ваше святѣйшество, какъ первый епископъ вселенской православной восточной церкви, благоволите признать наше установленіе и устройство церковнаго синода и войти въ сношеніе по этому предмету съ блаженными патріархами александрійскимъ, антiохійскимъ и іерусалимскимъ.

«И такъ какъ мы милостиво дали св. церковному синоду право имѣть сношенія съ вашимъ святѣйшествомъ и разсуждать съ вами о духовныхъ дѣлахъ; по этой причинѣ мы просимъ ваше святѣйшество, благоволите поддерживать съ нимъ сношенія и переписку касательно дѣлъ, имѣющихъ интересъ для церкви, какъ вы дѣлали то прежде съ русскими патріархами. Еслибъ этотъ св. синодъ у вашего святѣйшества попросилъ добраго совѣта для блага церкви, ея лучшаго устройства; то мы просимъ васъ удостоить снизойти на эту просьбу въ общемъ интересѣ христіанской церкви. Что касается до насъ, то мы общаемъ быть вполне справедливыми къ просьбамъ, которыя вы благоволите къ намъ прислать.

«За сямъ, мы остаемся вашего святѣйшества, нашего по духу отца и перваго вселенскаго патріарха, признательный сынъ.»

«Данъ въ С.-Петербургѣ, 30 сентября 1721 г.»

Я вынужденъ былъ перевести эту важную часть письма, чтобы возстановить настоящій его смыслъ, чтобъ показать, какъ вами выбранныя цитаты несогласны съ общимъ смысломъ, чтобъ ясно представить значеніе извѣстныхъ самодержавныхъ выраженій или формулъ, которыя, вопреки вашему представленію, не составляютъ существенной части письма. Имѣя въ виду это письмо, я позволю себѣ спросить ваше преосвященство, можно ли свидѣтельствовать большее уваженіе и покорность къ пастырямъ церкви, нежели какъ свидѣтельствовалъ Петръ Великій въ своемъ письмѣ къ патріарху? Вы, безъ сомнѣнія, знаете характеръ этого государя, знаете, что это былъ человѣкъ вовсе несклонный разсыпаться въ словахъ пріятныхъ, льстивыхъ, хитрыхъ; стало быть онъ выражаетъ свои искренніе помыслы, онъ пишетъ согласно съ убѣжде-

ніями. Прибавлю, что если вы вникните въ мысль, которая господствуетъ во всемъ письмѣ царя, а не будете довольствоваться поверхностнымъ взглядомъ, вы убѣдитесь, что онъ не считалъ св. синода окончательно учрежденнымъ прежде признанія и утвержденія его восточными патріархами. Если онъ просилъ ихъ соизволенія, значить онъ считалъ его необходимымъ для того, чтобы св. синодъ могъ войти во вселенское общеніе, и чтобы его дѣйствія были облечены неоспоримымъ авторитетомъ.

Такъ поняли просьбу царя и вселенскіе восточные патріархи. Если они выразились, что святѣйшій синодъ *установленъ благодѣтельнымъ самодержцемъ Петромъ Алексеевичемъ*; то этимъ они хотѣли показать то участіе, какое въ этомъ дѣлѣ принималъ монархъ-христіанинъ, предварительно посовѣтовавшись съ епископами своей имперіи. Вы напрасно усиливаетесь этимъ выраженіемъ дать буквальный смыслъ (*un sens absolu*). Отвѣтъ восточныхъ патріарховъ показываетъ, что они, прежде чѣмъ выразили свое согласіе на учрежденіе св. синода, не смотрѣли еще на него, какъ на дѣйствительно установленную церковную власть. Въ самомъ дѣлѣ они говорятъ: «наше смиреніе, благодатію и властію Св. Духа, источника и совершителя всякой жизни, утверждаетъ, узаконяетъ учрежденіе св. синода, и обнародываетъ о семъ.» Могли ли такимъ образомъ выражаться патріархи, если бы, подобно вамъ, они приписывали одному Петру Великому утвержденіе св. синода? Еслибъ за царемъ признавалась, какъ вы изволите утверждать, верховная власть, могли ли патріархи говорить, что св. синодъ долженъ быть признаваемъ всякимъ христіаниномъ, духовнымъ или міряниномъ, *за ихъ собственнаго брата для нихъ (патріарховъ) и за имѣющаго власть, равную власти каждому изъ нихъ?* Наконецъ, еслибъ царь вла-

дѣль въ церкви верховною властію, то къ чему, къ какой стати эти въ патріаршемъ письмѣ слова: «мы къ нему (св. синоду) обращаемся, ему поручаемъ и повелѣваемъ сохранять неповрежденными обычай и правила семи святѣйшихъ вселенскихъ соборовъ, которыя сохраняеть св. восточная церковь.»

Вы, кажется, думаете, преосвященный, что только одинъ константинопольскій патріархъ призналъ и утвердилъ каноническое и вселенское бытіе русскаго синода. Вы ошибаетесь; изъ словъ, приведенныхъ мною, видно, что онъ былъ даже посредникомъ при испрошеніи утвержденія со стороны прочихъ восточныхъ патріарховъ. Въ эту минуту у меня передъ глазами ихъ торжественныя посланія къ св. синоду, писанныя въ одинаковой формѣ, одно патріарха константинопольскаго, другое антиохійскаго. Почему патріархи александрійскій и іерусалимскій не прислали своего утвержденія, это видно изъ особаго посланія вселенскаго патріарха въ синодъ: «патріархъ александрійскій, сказано тамъ, отошелъ въ вѣчныя обители; теперь нѣтъ человѣка, достойнаго занять его мѣсто; патріархъ іерусалимскій, успѣвши поднискать Православное Исповѣданіе вѣры, внезапно упалъ больной и пригвожденъ къ одру болѣзни.»

Если примемъ во вниманіе, что всѣ патріархи и ихъ преемники сохранили братскія отношенія съ постояннымъ русскимъ соборомъ, если прибавимъ, что первые восточные пастыри въ этихъ сношеніяхъ постоянно дѣйствовали какъ отъ своего имени, такъ равно и отъ имени своихъ соборовъ; то всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя даютъ существованію русскаго св. синода основаніе гораздо болѣе широкое, нежели какое вы ему приписываете, положеніе въ высшей степени каноническое, авторитетъ несравненно болѣйшій, чѣмъ

вы думаете. Итакъ вы напрасно стараетесь унижить святой соборъ іерарховъ русской церкви.

Съ другой стороны, не постарались ли вы поставить его слишкомъ высоко? По крайней мѣрѣ такъ думать даетъ поводъ то двусмысленное мѣсто вашего письма, гдѣ вы равняете власть синода власти четырехъ патріарховъ вмѣстѣ взятыхъ. Впрочемъ, вы такъ высоко подняли синодъ только для того, чтобы низвергнуть его съ большей силою. Вы были бы ближе къ истинѣ, сказавши просто, что по идеѣ Петра Великаго св. синодъ долженъ былъ имѣть значеніе нѣкоторымъ образомъ большее авторитета одного патріарха. На третьей страницѣ регламента въ самомъ дѣлѣ говорится: «св. синодъ долженъ имѣть честь, авторитетъ, власть въ такомъ размѣрѣ, какъ это у патріарха, чтобы не сказать въ большемъ, ибо онъ есть соборъ.»

Остановиваясь на патріаршемъ утвержденіи синода, которое вы не считаете ни бесполезнымъ, ни антиканоническимъ, а называете только позднимъ, вы могли бы предложить мнѣ такой вопросъ: «что было бы, если бы патріархи отказали въ своемъ соизволеніи на учрежденіе, которое имъ показалось бы подозрительнымъ и вреднымъ для церкви?»—Благодаря Бога, наши отцы не вѣрѣ вполне понимали начало управленія христіанской церкви,—и было бы слишкомъ необыкновеннымъ дѣломъ—не признать каноническаго характера св. синода. Случись такое несчастіе, это было бы только недоразумѣніе, только затрудненіе; тогда потребовалось бы изслѣдованіе болѣе глубокое; утвержденіе испрашивалось бы болѣе двухъ лѣтъ, но сомнительно, чтобы была нужда въ срокѣ въ 130 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ исходъ не былъ бы сомнителенъ. Трудность такого рода представилась по случаю устроенія св. синода въ Аѳинахъ. Вы должны знать

этотъ современный фактъ. Въ переговорахъ протекло двадцать лѣтъ; однако мы видимъ же наконецъ благополучное, сообразное съ канонами существованіе св. синода, управляющаго церковью греческаго королевства.

Надѣюсь, преосвященный, что вы отказались отъ вашего напраснаго предположенія относительно учрежденія патриаршества въ Россіи. Не думайте, чтобы это учрежденіе насильно было взято у безсильнаго константинопольскаго патриарха. Также несправедливо предположеніе ваше и относительно учрежденія русскаго св. синода. Восточные патриархи, признавшіе его, были вполне независимы отъ власти Петра Великаго. Онъ не могъ дѣйствовать на нихъ и посредствомъ турецкаго правительства; ибо онъ былъ съ ними въ войнѣ и верхъ остался за тѣмъ правительствомъ, которое въ то время заставило трепетать всѣ европейскія государства.

Позвольте мнѣ теперь, слѣдуя правилу всякаго дѣльнаго и добросовѣстнаго спора, представить вкратцѣ и вторую часть моего отвѣта:

1) Въ первой части моего отвѣта показано, что не позволительно, не погрѣшая противъ богословія и каноническаго права, говорить, что перемяна въ церковномъ благочиніи есть *перемяна самаго установленія церкви.*

2) Я имѣлъ честь доказать вамъ, что управленіе церковію посредствомъ собора есть форма самая древняя и самая согласная съ канонами.

3) Вы утверждали, что св. синодъ установленъ русскимъ государемъ съ цѣлью поработить церковь своей власти; я, опираясь на факты и подлинныя документы, доказалъ, что дѣло было иначе; я показалъ, что Петръ Великій въ учрежденіи св. синода принималъ участіе только въ такой мѣрѣ,

какая прилична государю, заботящемуся о своей независимости, христіанскому государю, который имѣеть право участвовать въ созданіи церковнаго учрежденія, по скольку оно касается внѣшняго и гражданскаго его бытія. Я добавлю, что дѣйствіе Петра Великаго въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, сходно съ дѣйствіями древнихъ императоровъ, которые собирали соборы даже вселенскіе, и которые въ этихъ святыхъ собраніяхъ покровительствовали правильному и свободному дѣйствію, подобно какъ охраняли внѣшній порядокъ и въ государствѣ. Кромѣ того, я основательно вамъ доказалъ, что русскіе епископы имѣли должное участіе въ установленіи св. синода, частію предварительными совѣтами объ учрежденіи синода, частію составленіемъ и одобреніемъ органическаго статута этого постоянного собора.

4) Вы утверждали, что поздно и по одной формальности было испрошено согласіе отъ константинопольскаго патріарха; я представилъ неоспоримыя доказательства, что тотчасъ по созваніи св. синода было прямо и почтительно испрошено согласіе всехъ восточныхъ патріарховъ, и что оно было дано сообразно канонамъ, свободно и въ возможно короткій срокъ.

(Продолженіе будетъ).

МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦКІЙ*

II.

СМОТРИЦКІЙ — УНІЯТЬ.

Не смотря на рѣзкость переѣзны въ попятіяхъ и дѣятельности Смотрицкаго, эта переѣзна была подготовлена предварительно. Выступивъ на воприще борьбы съ строго-православнымъ взглядомъ, Мелетій встрѣчался съ тѣмъ распространеннымъ въ образованномъ обществѣ западно-русскаго края взглядомъ, по которому не придавали большой важности разностямъ между церквами восточной и западной. Онъ неволью поддался силѣ этого взгляда, и подъ его вліяніемъ написалъ нѣсколько сочиненій, болѣе или менѣе отличающихся уступками въ пользу уніи. Опъ предпринималъ притомъ тайныя сношенія съ уніятами для разъясненія занимавшихъ его вопросовъ. Настроеніе общества, въ которомъ жилъ Смотрицкій, стремленіе уніатовъ и православныхъ къ примиренію, состояніе церковной письменности, не чуждой ла-

(*) Первая статья помѣщена въ іюньской книжкѣ.

тинскихъ мыслей, оставшіеся въ самомъ Смотрицкомъ слѣды іезуитскаго воспитанія, — все это содѣйствовало послѣдательному развитію его уніятскихъ убѣжденій. До времени, пока обстоятельства были благопріятны, онъ оставался еще между православными, какъ православный.

Сдѣлавшись епископомъ, съ 1621 по 1623 годъ Смотрицкій занимался катихизисомъ. Въ эту пору уже устанавливались его уніятскія убѣжденія и выразились въ его сочиненіяхъ уже не случайно. Не далеко было до окончательнаго вывода, что унія не уничтожаетъ православія, что весь споръ между православными и уніятами состоитъ въ рѣшеніи только вопроса—кому повиноваться, папѣ ли римскому, или константинопольскому патріарху? Не трудно было сдѣлать подобный выводъ человѣку съ слабымъ характеромъ въ положеніи Мелетія. Почти три года онъ находился подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Во все это время, какъ его паства не имѣла покоя отъ Кунцевича, такъ онъ отъ уніатовъ. Когда витебляне убили Юсафата, Смотрицкаго назвали главнымъ виновникомъ преступленія. Ему грозили страшныя послѣдствія. Онъ почувствовалъ, что жизнь его въ опасности, и самосохраненіе окончательно рѣшило его перейти на сторону уніатовъ.

Впрочемъ, открыто Смотрицкій не тотчасъ присталъ къ уніатамъ. Не безопасно стало оставаться ему православнымъ между православными, но не хотѣлось и обнаружить своихъ намѣреній. Онъ рѣшился собрать побольше данныхъ, которыми можно было бы оправдать себя. Съ этою цѣлью онъ отправился на востокъ и, какъ самъ говоритъ, уже съ расположеніемъ въ пользу уніи. Но извѣна его не долго оставалась тайною. Когда онъ былъ еще на востокѣ, вышло въ свѣтъ сочиненіе «Desiderosa», и писатель въ предисловіи,

можетъ-быть съ цѣлію оттолкнуть отъ Смотрицкаго строго-православныхъ и поколебать слабыхъ, во всякомъ случаѣ произвести замѣшательство, объявляя, что «Смотрицкій жилъ въ кievскомъ братскомъ монастырѣ (уніятскомъ) и отсюда отправился туда, откуда исходитъ власть и разрѣшеніе совершать такіа дѣла», т. е. вводитъ унію, и что «онъ по возвращеніи можетъ заглядить дурное о себѣ мнѣніе.» Такъ Смотрицкій лишь только оставилъ свято-духовскій монастырь, какъ уже вступилъ въ сношеніе съ уніятами и іезуитами и отправился на востокъ съ цѣлію оправдать себя и унію.

Тогдашнее религіозное состояніе востока благопріятствовало Смотрицкому. Греческая церковь страдала отъ турокъ, которые своимъ виѣшательствомъ въ ея управленіе производили множество безпорядковъ, страдала и отъ западныхъ пришельцевъ. Такія обстоятельства губительно дѣйствовали на нравственно-религіозную жизнь православнаго народа. Самые ревностные и достойные пастыри не имѣли возможности достигать цѣлей пастырства среди безчисленныхъ препятствій—виѣшнихъ и внутреннихъ. Образование въ народѣ упало, и неудивительно, если многіе не знали своей вѣры, какъ должно.

Такое положеніе греческой церкви паписты сочли самымъ удобнымъ для своихъ плановъ. Съ давнихъ поръ доминиканцы, францисканцы и другіе ордена римской церкви имѣли своихъ представителей на востокѣ. Въ началѣ XVII ст. являются въ Константинополь іезуиты, и при помощи французскаго двора скоро пріобрѣтаютъ силу. Они утвердились въ предмѣстьѣ Константинополя, основали коллегію и занялись своей пропагандой. Они дѣйствовали съ такимъ искусствомъ и послѣдовательностію, что около 1621 г. ихъ вліяніе на востокѣ, особенно въ Константинополь, откры-

лось уже въ обширныхъ размѣрахъ. Съ кажущимся безкорыстіемъ они предлагали молодымъ грекамъ средства къ образованію, безмездно обучали въ школахъ и тѣмъ располагали къ себѣ многихъ; православные, ничего не подозревая, отдавали имъ дѣтей своихъ на воспитаніе. Іезуиты давали иногда и пропитаніе людямъ безпомощнымъ, старались привлекать къ себѣ легковѣрныхъ женщинъ, обольщая ихъ пріятнымъ обхожденіемъ, общаніемъ, разрѣшенія отъ грѣховъ безъ тѣхъ эпитимій, какія назначались иногда православными духовниками. Все это сильно дѣйствовало на народъ, и въ Константинополѣ, равно какъ и въ другихъ городахъ, было не мало почитателей іезуитскаго ордена. Приверженцы іезуитовъ занимали даже святительскія кафедръ.

За латинянами начали появляться протестанты, нѣмецкіе проповѣдники, покровительствуемые посланниками германскихъ державъ, имѣвшими тогда большое значеніе при дворѣ султана. Протестанты сначала старались вооружить грековъ противъ латинянъ, и помогали первымъ въ борьбѣ съ послѣдними. Затѣмъ, снискавши себѣ довѣріе отъ грековъ, они, гдѣ можно, строили молитвенные дома, раздавали въ большомъ количествѣ свои катихизисы и исповѣданія, преимущественно Лютеровъ катихизисъ и Аугсбургское исповѣданіе, переведенныя на греческій общепонятный языкъ; сами писали для грековъ сочиненія въ протестантскомъ духѣ, и усиливались распространить ту мысль, что ихъ вѣроученіе вполне согласнo съ ученіемъ восточной церкви. Вообще они старались представить себя единовѣрцами, доброжелателями грековъ, внушить имъ, что у нихъ одинъ общій врагъ—латиняне, и въ настоящую пору помогали Кириллу Лукарису въ борьбѣ съ іезуитами. Многіе греки показали больше со-

чувствія къ протестантамъ и охотнѣе отпускали своихъ дѣтей для образованія въ протестантскіе университеты.

При такомъ положеніи дѣлъ—естественно, если были между греками люди съ латинскимъ и протестантскимъ образомъ мыслей. Это давало латинянамъ и протестантамъ поводъ открывать въ Греціи слѣды своихъ ученій. До Смотрицкаго паписты обыкновенно навязывали греческой церкви латинство. Но Смотрицкій, посѣтивши Константинополь и святѣя мѣста, ссылаясь на преобладаніе протестантства въ восточной церкви. Патріархъ Кириллъ былъ жаркимъ противникомъ латинянъ, особенно іезуитовъ. На первыхъ порахъ по вступленіи на константинопольскую кафедру онъ подорвалъ ихъ значеніе; оно стало видимо упадать. Православные начали чуждаться іезуитовъ и оберегать отъ нихъ свои семейства. Константинопольскій клиръ и духовенство тоже держались своего патріарха. Чтобы успѣшнѣе бороться съ этимъ орденомъ, Кириллъ вступилъ въ близкія сношенія съ посланниками протестантскихъ державъ при дворѣ султана—англійскимъ, голландскимъ, шведскимъ, и при ихъ содѣйствіи даже успѣлъ выжить іезуитовъ изъ Константинополя. Въ то время, когда Мелетій былъ на востокѣ, борьба его съ іезуитами была въ самомъ разгарѣ. Неудивительно, если латиняне называли Кирилла «духомъ тьмы, ученикомъ Лютера и Кальвина». Безъ сомнѣнія іезуиты не упускали изъ виду Смотрицкаго. Литовскіе, конечно, сдали его на руки своихъ собратій константинопольскихъ, и послѣдніе, лишь только прибылъ онъ въ Константинополь, постарались передать ему свои мысли о патріархѣ. Явившись съ предзанятымъ взглядомъ къ Кириллу Лукарису, Смотрицкій расположенъ былъ искать въ его рѣчахъ слѣдовъ протестантства, а сношенія патріарха съ протестантами, его короткая связь съ посланникомъ

голландскимъ, могли убѣдить Смотрицкаго въ томъ, что онъ протестантъ. Оставивши Константинополь, Смотрицкій и послѣ не могъ освободиться изъ подъ-вліянія панистовъ; они были сильны на востокъ; въ ихъ рукахъ были святыя мѣста, а Смотрицкій, какъ видно по его разсказу, большею частію жилъ въ Палестинѣ. Повсюду распускаемый іезуитами слухъ о протестантствѣ патриарха согласовался съ видами Смотрицкаго и принять былъ имъ за положительную истину, а расположение грековъ къ протестантамъ, ихъ отвращеніе и ненависть къ латинянамъ, множество протестантскихъ сочиненій, распространенныхъ въ народѣ, могли быть поводомъ къ тому, чтобы во всей греческой церкви видѣть протестантизмъ.

Около трехъ лѣтъ провелъ Смотрицкій на востокѣ. Въ концѣ 1626-го или въ началѣ 27 г. онъ возвратился на родину съ полнымъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ униі предъ православіемъ. Православные, уже знавшіе о намѣреніяхъ Смотрицкаго, были крайне недовольны его путешествіемъ и подозрѣвали его въ уніатствѣ. Смотрицкій получилъ рѣшительный отказъ отъ Захарія Копыстенскаго, печерскаго архимандрита, когда хотѣлъ остановиться въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей. Онъ увидалъ, что ему нѣтъ части между православными, и долженъ былъ искать себѣ постояннаго мѣстопробыванія между уніатами. Тутъ ему помогло прежнее знакомство съ брацлавскимъ палатиномъ Александромъ Острожскимъ. Онъ обратился съ своей просьбой къ его отцу Георгію Заславскому, палатину волинскому, падѣясь чрезъ его ходатайство получить дерманскій монастырь, принадлежавшій Александру. Въ это время у Александра былъ уніатскій митрополитъ Веляминъ Рутскій; онъ далъ совѣтъ отказать Смотрицкому, если онъ не согласится принять

унію, — и Александръ не уважилъ просьбы своего отца. Между тѣмъ явился Смотрицкій; онъ согласился на условіе и общалъ принять унію. Но Александръ еще ранѣе зналъ о расположеніи Смотрицкаго къ уніи, и въ такомъ его общаніи не находилъ ничего новаго. Зная Смотрицкаго по прежнимъ отношеніямъ, Александръ не оказалъ теперь большаго довѣрія къ его словамъ и искалъ болѣе надежнаго ручательства. Когда Мелетій уѣхалъ и былъ еще въ дорогѣ, Александръ тотчасъ написалъ къ нему письмо и убѣждалъ его дать письменное удостовѣреніе въ принятіи уніи, а до времени быть уніятю въ тайнѣ. Въ этомъ письмѣ Александръ, образованный ревностный уніятъ, высказываетъ свой взглядъ на личность, характеръ и дѣятельность Смотрицкаго, — взглядъ, который, безъ сомнѣнія, раздѣляла большая часть уніятювъ.

«Самъ Господь, писалъ Александръ Смотрицкому, вель тебя къ познанію истины. Для твоего вразумленія онъ возставилъ двухъ знаменитыхъ мужей — епископа владимірскаго Іоакима Мороховскаго и іезуита Петра Скаргу, члена краковской академіи. Они писали въ опроверженіе твоего еретическаго сочиненія. Ты не разъ пытался отвѣчать имъ; но не смотря на силу твоихъ дарованій, прекрасно дѣйствовавшихъ въ другихъ случаяхъ, ты не могъ сказать ничего дѣльнаго. Всякій разъ, какъ принимался ты за это дѣло, голова твоя слабѣла, умъ отказывался дѣйствовать; ты самъ говорилъ, что тогда твои способности теряли всю свою силу. Ты увидѣлъ, что твой «Плачь» заслуживаетъ осужденія и, какъ мнѣ извѣстно, написалъ другое сочиненіе — «Полинодій.» Кто въ этомъ не видитъ естественнаго и весьма сильнаго твоего призванія, достопочтеннѣйшій отецъ? Я могъ бы сравнить его, чтобы не сказать предпочесть, съ призваніемъ Павла, знаменитаго свѣтильника въ церкви Божіей. Павла

Господь повергъ на землю; а у тебя связалъ умъ, омрачилъ дарованія и сдвинулъ упорную волю.» Правда, теперь Смотрицкій, по словамъ Александра, созналъ свои заблужденія, изъявлялъ готовность трудиться для церкви и поправить прежнія свои ошибки. Однакожь Александръ считалъ нужнымъ напомнить Смотрицкому объщанія, какія онъ будто бы давалъ уніатамъ и не исполнилъ, когда былъ еще православнымъ. «Ты открылся предо мною, достопочтеннѣйшій отецъ, это такъ. Справедливо, что, давъ слово, ты готовъ дать намъ руку. Ты не отвергаешь того, въ чемъ увѣрялъ знаменитѣйшаго митрополита кіевскаго Іосифа Рутскаго, что дашь намъ руку общенія. Вспомни,—вѣдь ты самъ говорилъ, что ты узналъ свои заблужденія спустя не шесть, а больше, чѣмъ десять лѣтъ, послѣ того, какъ написалъ свой зловредный «Плачъ», весь проникнутый духомъ честолюбія и ересей, которымъ ты напитался въ еретическихъ школахъ (*). Но зачѣмъ же ты писалъ другія сочиненія? Зачѣмъ въ этихъ сочиненіяхъ подтверждаешь, хвалишь, развиваешь мысли, содержащіяся въ «Плачѣ», и старался убѣдить въ нихъ каждого?.. Въ этихъ сочиненіяхъ ты такъ жестоко нападаешь на римскую церковь, какъ еще не нападалъ на нее ни одинъ еретикъ. Въ твоемъ «Плачѣ» рѣдкое слово не отзывается насмѣшкой; въ немъ, такъ же какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, при внимательномъ чтеніи встрѣчаются явныя противорѣчія. Таково же и «Оправданіе невинности». Въ «Обличеніи» ты не только не пожалѣлъ о томъ, что высказалъ въ «Плачѣ» и «Оборонѣ», но еще очернилъ злословіемъ «Полинодій», написанный тобою по внушенію Духа Божія. Твое «Обличе-

(*) Указывается на время около 1620 года, когда Смотрицкій дѣйствительно сталъ легко смотрѣть на разности между церквами восточной и западной.

ніе» — не книга, а сборъ ядовитыхъ насмѣшекъ, которыхъ не могъ бы выдумать и самъ адъ. По твоимъ словамъ, достоуважаемый владыко, ты уже съ шестнадцати лѣтъ увидѣлъ это, и скорбѣлъ, что такъ глубоко палъ и своими сочиненіями другихъ увлекъ въ погибель. Однакожь ты упорно продолжалъ пить этотъ ядъ. Итакъ, поелику непостоянна воля человѣческая даже до смерти: то я очень хотѣлъ бы имѣть письменное удостовѣреніе, не потому, чтобы не довѣрялъ тебѣ, достоуважаемый владыко, — пить, а для собственнаго спокойствія. Иначе, имѣя въ виду прежніе факты, я постоянно буду беспокоиться, достигну ли цѣли, которая для меня, Богъ свидѣтель, дороже жизни.»

Чтобы побудить къ этому Смотрицкаго, Александръ напоминаетъ ему о тѣхъ волненіяхъ, какія будто-бы произвели рукоположенные Θεофаномъ епископы, особенно Смотрицкій, т. е. даетъ ему почувствовать, что не забыты старія его дѣла. «Епископы, говоритъ Александръ, при помощи незначительныхъ людей и необузданной черни, посягнули на королевскія права; они тайно похитили себѣ титла на архіепископства. Эта наглость дошла до того, что избравшій васъ народъ началъ замышлять еще большія дерзости. Знатныхъ онъ сталъ не уважать, преслѣдовать, тѣснить, мучить; мало того, онъ замышлялъ сдѣлать новую республику. Дѣло дошло до того, что поля облились христіанскою кровію. Король вынужденъ былъ обратить мечъ противъ подданныхъ, вмѣстѣ съ которыми онъ долженъ бы былъ защищать отчизну. Но чтожь было дѣлать королю, когда подданные упорно старались сбросить съ себя его власть? Впрочемъ, сами собою они никогда этого не сдѣлали бы, если бы вы, достопочтеннѣйшіе владыки, не стали провозглашать свое православіе и поирать древнее. Искра, брошенная этими на-

глыми похитителями епископствъ, быстро вспыхнула и превратилась въ сильный пожаръ, охватившій Россію. Своими посланіями ты возбуждалъ и усиливалъ этотъ пожаръ; о нихъ упоминали предъ великимъ судомъ, наряженнымъ по королевскому приказу; о нихъ говорится и въ книгѣ о мученіи Іосафата. Въ нихъ ты внушалъ паствѣ этого честнѣйшаго предстоятеля сбросить его власть и тебя признать своимъ пастыремъ. Такимъ образомъ звѣрство и жестокость дошли до того, что овцы убили пастыря, дѣти—лучшаго отца. Они были схвачены и, по осужденіи, подверглись наказанію, какъ погибшіе. Но кто больше виноватъ—тотъ ли, кто дѣлаетъ, или кто подаетъ мысль? Отсюда легко можешь понять, къ чему присудилъ бы король того, дѣйствія котораго казались ему подозрительными еще прежде, чѣмъ обнаружилось необузданное своеволие витеблянъ, когда Борецкій вѣстѣ съ тобой тайно убѣжалъ изъ Варшавы, хотя печего было бояться.»

Изъ числа доказательствъ, которыми Острожскій старается убѣдить Смотрицкаго дать письменное ручательство въ принятіи уніи, сильнѣе всего, безъ сомнѣнія, должно было подействовать на него то, что паписты попрежнему считали его уголовнымъ преступникомъ, главнымъ виновникомъ смерти Купцевича. Черезъ два же дня послѣ этого письма, Смотрицкій прибылъ въ Дубны, и обѣщалъ князю быть самымъ ревностнымъ поборникомъ уніи до готовности положить за нее душу; свое обѣщаніе онъ, безъ сомнѣнія, скрѣпилъ письменнымъ обязательствомъ. Приставъ къ уніатамъ, онъ отправился въ Кіевъ и пробылъ здѣсь до праздника Пятидесятницы. Въ Кіевѣ онъ могъ имѣть сношенія съ Борецкимъ и другими авторитетными лицами въ русской церкви; а по словамъ Суши былъ однимъ изъ виновниковъ собора еписко-

повь, назначеннаго Борецкимъ въ день Рождества Божіей Матери (8 сентября 1627 года).

Между тѣмъ Острожскій, убѣдясь, что больше нечего сомнѣваться въ Смотрицкомъ, 23 февраля отправилъ Рутскому письмо съ извѣстіемъ объ обращеніи Смотрицкаго и отъѣздѣ его въ Кіевъ, обѣщаль писать, когда онъ возвратится, и просилъ тогда прѣхать въ Дубны тайкомъ, чтобы никто не зналъ объ этомъ. Потому, лишь только Смотрицкій послѣ Пятидесятницы опять прибылъ въ Дубны, Александръ убѣдительно просилъ письмомъ Рутскаго поспѣшить своимъ прѣездомъ для формальнаго присоединенія Смотрицкаго. Рутскій находился въ Люблинѣ на трибунальскомъ сеймѣ. Получивъ письмо Александра, онъ бросилъ всѣ дѣла, оставилъ собраніе, никому не сказавъ ни слова, тотчасъ отправился въ Дубны, и прибылъ утромъ 6 іюня. Онъ тайно вошелъ въ замокъ Александра. Смотрицкій исповѣдалъ вѣру предъ Рутскимъ по назначенной формулѣ и представилъ исповѣданіе за собственноручнымъ подписомъ: подъ этимъ только условіемъ уніатскій митрополитъ, какъ самъ писалъ къ Острожскому (2 марта), соглашался разрѣшить Смотрицкаго отъ схизмы и принять его въ общеніе. Послѣ этого Рутскій принялъ Смотрицкаго въ общество уніатовъ, призналъ за нимъ епископское достоинство и титулъ полоцкаго епископа; но до времени совѣтовалъ ему оставаться тайнымъ уніатомъ, чтобы такимъ образомъ удобнѣе дѣйствовать на православныхъ, даже позволилъ ему на богослуженіи поминать рукоположившаго его Теофана, іерусалимскаго патріарха. Послѣ того отъ Смотрицкаго, Рутскаго и Острожскаго отправлены были письма въ Римъ къ Урбану VIII, конгрегации и протектору западной Россіи кардиналу Бандини съ извѣстіемъ объ обращеніи Смотрицкаго и просьбою принять его въ нѣдра

церкви. Эта вѣсть была весьма пріятна Риму. Смотрицкій слылъ между папистами главою, сильнѣйшимъ поборникомъ православія, начальникомъ еретической фаланги, какъ они выражались. И вотъ этотъ человѣкъ униженнѣйше проситъ святѣйшаго отца принять его, какъ одного изъ наемниковъ, обѣщается всѣми силами уничтожать зло, какое произвелъ, когда былъ православнымъ, и во всемъ исполнять волю папы! «Посланія Смотрицкаго, говоритъ Суша, были получены въ октябрѣ 1627 года, и прочитаны въ торжественномъ собраніи въ присутствіи самого папы и многихъ царственныхъ особъ. За тѣмъ онѣ были отправлены конгрегации, и здѣсь также произвели всеобщую радость. У всѣхъ была одна мысль, что причиною обращенія Смотрицкаго—пролитая кровь Иосафата.»

Принявши унию, Мелетій долженъ былъ высказаться. Этого требовали отъ него православные, ожидали и униаты, обѣщавшіе себѣ въ немъ ревностнаго дѣятеля своей партіи. Мелетію предстояло объяснить свою перемену и высказать свои мысли о церкви православной и униі. Онъ говорилъ, что принялъ унию, убѣдившись въ ея истинности, въ ереси и заблужденіяхъ православной церкви, которыя будто-бы появились въ ней послѣ ея отпаденія отъ римской церкви. Въ западно-русской церкви онъ сталъ будто-бы довольно рано замѣчать разныя заблужденія: «находясь въ виленскомъ монастырѣ, я указывалъ, кому слѣдовало, что писатели виленскаго братства распространяютъ лютеранскія и кальвинскія заблужденія. Но тогда высказывалъ я свои мысли не гласно, потому что былъ еще міряниномъ. А когда сталъ епископомъ, то считая своимъ долгомъ заботиться о спасеніи душъ, я началъ гласно говорить, что сочиненія Зизанія, Филалета, клирика Острожскаго и *Ортолога* исполнены ересей... По-

слѣднія возбудили во мнѣ недоушѣнія, рѣшенія которыхъ искалъ я въ Вильно, Кіевѣ, острожскомъ капитулѣ и другихъ мѣстахъ, имѣющихъ значеніе въ русскомъ народѣ, и послѣ напрасныхъ поисковъ отправился на востокъ. Въ *Апологии* своему путешествію Смотрицкій раскрываетъ самый ходъ своей перемѣны. «Я обратился послѣ долгаго изслѣдованія и убѣжденія. Знаютъ это хорошо тѣ, которымъ были извѣстны мои труды противъ сочиненій: «Унія», «Разговоръ Брестянина съ Братчикомъ», «Воскресшій Наливайко», и проч. Всѣ эти сочиненія были приготовлены къ печати по выпускѣ «Плача». Не вспоминаю объ «Оправданіи», «Оборопѣ», «Обличеніи» и т. под. И теперь есть въ библіотекѣ виленскаго братскаго монастыря мой «Трактатъ объ исхожденіи св. Духа»; онъ былъ написанъ на польскомъ языкѣ и представленъ моему предшественнику архимандриту. Но волненіе, какое произвело это сочиненіе, написанное съ душеспасительною цѣлю, заставило меня молчать. Писалъ я въ свое время и «Полюводій» на «Плачъ»; по онъ остался въ рукахъ острожскаго капитула. Послѣ всего этого, въ 1621 году, положивъ оставить заблужденія «Плача», я воспользовался важнымъ средствомъ дойти до той правды, которую предки наши получили отъ восточной церкви, т. е. я началъ въ разговорной формѣ писать катихизисъ и кончилъ его въ 1623 году. Такъ какъ я былъ намѣренъ подвергнуть свой катихизисъ просмотру и исправленію, то, узнавши о четырехъ книгахъ, написанныхъ о догматахъ вѣры патріархомъ александрійскимъ Мелетіемъ, въ то время управлявшимъ константинопольскою патріархіей, отправился съ катихизисомъ на востокъ съ тѣмъ, чтобы Мелетій просмотрѣлъ его и исправилъ. Но я не нашелъ въ живыхъ Мелетія и услышалъ въ Константинополѣ отъ патріарха (Кирилла Лукариса), что предъ своею смертію

онъ велѣлъ сжечь четыре книги о догматахъ. Оставалась надежда на другаго цензора—самого патріарха. По моей просьбѣ онъ далъ мнѣ прочитать свой катихизисъ; но, нашедши въ этомъ катихизисѣ то, чего вовсе не ожидалъ, я не смѣлъ и занкнуться о своемъ катихизисѣ, опасаясь, чтобы его не передѣлали по образцу катихизиса грека Захарія Гергана, напечатаннаго въ 1622 году и изъ Греціи перешедшаго къ намъ въ Россію.» Вообще Смотрицкій хотѣлъ показать, что въ греческой церкви вездѣ встрѣчался онъ съ протестантствомъ, или латинствомъ и нигдѣ не могъ найти праваго ученія.

На востокѣ узналъ онъ, что кромѣ Мелетія сжегъ свои сочиненія и митрополить мирскій Матеей, писавшій противъ латинянь, которому будто три раза являлся апостоль Петръ въ видѣ истигеля за оскорбленіе своей кафедры. Смотрицкій ссылался при этомъ на рассказъ митрополита сонопольскаго Θεодосія, ученика Матеея, и патріарха іерусалимскаго Θεοφана, которые слышали о томъ отъ самого Матеея. Узналъ затѣмъ, что огонь, сходящій свыше въ великую субботу въ іерусалимскомъ храмѣ, есть выдумка: будто бы самъ патріархъ Кириллъ разувѣрилъ въ этомъ Смотрицкаго, сказавъ, что еслибы это единственное чудо совершалось въ наше время, то всѣ турки уже давно увѣровалъ бы во Христа; а Θεοφанъ іерусалимскій рассказалъ будто бы объ этомъ огнѣ *ничто пояснѣ* (что именно—неизвѣстно). Наконецъ Мелетій услышалъ здѣсь объ опытахъ единенія между греками и римлянами на самомъ дѣлѣ: это онъ доказывалъ исповѣдью филадельфійскаго архіепископа Гавріила предъ монахомъ римской церкви. Такъ слѣды латинства Мелетій нашелъ не только между епископами и митрополитами, но и между двумя патріархами александрійскимъ и іерусалимскимъ; первый умеръ латиняниномъ, а второй будтобы передавалъ ему

тъ рассказы о Матееѣ и небывалыхъ видѣніяхъ апостола Петра. Что касается константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, то Смотрицкій обвинялъ этого іерарха въ невѣроятной измѣнчивости мыслей. На родинѣ Смотрицкій читалъ мнимое письмо Кирилла къ львовскому епископу, которое онъ писалъ въ качествѣ экзарха. Въ этомъ письмѣ излагаются уніатскія убѣжденія и выражается желаніе соединенія православныхъ съ римскою церковію. Но теперь въ Кириллѣ Мелетіи находилъ совсѣмъ другое. Изъ его рукъ онъ получаетъ катихизисъ грека Гергана, наполненный протестантскими мнѣніями. Въ церкви онъ слышалъ будто бы, какъ патріаршіи проповѣдникъ іеромонахъ Венедиктъ, въ присутствіи самаго патріарха, всенародно отвергалъ молитвы за умершихъ, и Кириллъ не только не обличилъ его, но даже оправдывалъ предъ Смотрицкимъ на томъ основаніи, что иначе нельзя было бы отвергнуть римскаго чистилища. Наконецъ обо всей греческой церкви Смотрицкій говорилъ, что она день ото дня болѣе и болѣе заражается протестантскими мыслями и страдаетъ отъ множества безпорядковъ. «Въ духовствѣ, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, такое непослушаніе низшихъ высшимъ, что пресвитеръ епископа, епископъ митрополита, митрополитъ патріарха, а три низшіе патріархи четвертаго высшаго слушаются до тѣхъ поръ, пока хотятъ и какъ хотятъ... Уже около нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ на антиохійскомъ престолѣ два патріарха Игнатій и Кириллъ; первый посвященъ Тимошеемъ константинопольскимъ, а второй нынѣшнимъ константинопольскимъ патріархомъ Кирилломъ, въ то время бывшимъ патріархомъ александрійскимъ.... Упала власть начальниковъ надъ подчиненными, и послѣдніе не хотятъ повиноваться первымъ. Духовные въ такомъ невѣжествѣ, что сами не знаютъ, во что вѣруютъ.»

Общій выводъ, котораго домогался Смотрицкій,—тотъ, что ереси западно-русской и греческой церкви заставили его принять унію.

Трудно повѣрить, чтобы невѣрныя мнѣнія, какія встрѣчались въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ западно-русскихъ писателей сами по себѣ могли быть причиной перехода Смотрицкаго въ унію: онѣ могли возбуждать только недоумѣнія, не больше. Допустимъ даже, что Смотрицкій искалъ рѣшенія своихъ недоумѣній въ Вильно, Кіевѣ, капитулѣ острожскомъ и другихъ мѣстахъ. Но онъ напрасно обвинялъ всю русскую церковь въ еретичествѣ изъ-за нѣкоторыхъ мнѣній Зизанія, Филалета, клирика Острожскаго, *Ортолога* и другихъ. Если справедливъ его отзывъ о ересяхъ въ сочиненіяхъ этихъ писателей, то что значить тотъ одобрительный отзывъ, какой онъ дѣлаетъ въ своей «Оборонѣ» о «Плачѣ» *Ортолога*? Какой смыслъ имѣли бы его слова, что ни онъ, ни прочіе православные епископы не разоблачали ересей, находившихся будто бы въ сочиненіяхъ этихъ писателей? И если бы Смотрицкій дѣйствительно опровергалъ ихъ съ церковной кафедры, то какимъ образомъ народъ, считавшій, по его словамъ, эти сочиненія непрякосновенными, могъ бы слушать его самого съ благоговѣйнымъ вниманіемъ? А по свидѣтельству Андрея Мужилловскаго и Геласія Диплица, онъ сказалъ не больше трехъ проповѣдей, и въ нихъ очень мало касался догматовъ,—фактъ, противъ котораго ничего не сказалъ Смотрицкій въ своей «Rosprawa.» Наконецъ, если дѣйствительно въ западно-русской церкви были ереси, то какой смыслъ будетъ имѣть увѣреніе Смотрицкаго, что православные, принявъ унію, сохраняютъ въ цѣлости свою вѣру и богослуженіе? Въ цѣломъ разсказѣ Смотрицкаго мы можемъ видѣть только то, что его переимѣна дѣйствительно не внезапна, но была подготовлена

его предшествующей исторіей. Тяжкія обстоятельства, въ которыхъ онъ находился во все свое епископство, и особенно обвиненіе въ смерти Купцевича, при слабости его характера, заставили его перейти на сторону уніатовъ.

Подобно встѣмъ папистамъ, Смотрицкій старался внушать православнымъ, что разности между церквами восточной и западной ничтожны, что унія нисколько не уничтожаетъ ихъ вѣры, напротивъ составляетъ необходимое условіе ея чистоты и цѣлости, тогда какъ оставаясь въ зависимости отъ константинопольской кафедры, они легко могутъ впасть въ протестантство, тѣмъ болѣе, что самъ же патріархъ—кальвинистъ и вся греческая церковь часть отъ часу больше и больше заражается ересями протестантскими. Подобные отзывы не могли не смущать православныхъ,—Смотрицкій говорилъ, повидимому, какъ очевидецъ, и по словамъ Суши, успѣлъ на Волынѣ привлечь многихъ на свою сторону. Чтобы окончательно оправдать свою дѣятельность и достигнуть болшей свободы въ своихъ уніатскихъ притязаніяхъ, онъ отправилъ посланіе къ константинопольскому патріарху Кириллу, въ которомъ наружно просилъ патріарха рѣшить его недоумѣнія, а на самомъ дѣлѣ домогался огласить патріарха и всю православную церковь греческую и русскую еретическими, и какъ бы у самого патріарха исторгнуть на это согласіе, а въ случаѣ его молчанія, толковать это въ свою пользу. Въ послѣдствіи Смотрицкій дѣйствительно обнародовалъ это посланіе, и указывалъ на то, что патріархъ не далъ на него никакого отвѣта. Это посланіе вполне характеризуетъ Смотрицкаго; оно облачаетъ всѣ изгибы его совѣсти и изображаетъ для насъ его шекотливое внѣшнее положеніе.

«Со времени моего выѣзда изъ Константинополя, такъ писалъ Смотрицкій, и разлуки съ тобой, блаженнѣйшій отецъ,

нѣтъ у меня ни одного дня, чтобы не сказать ни одного часа, когда бы я не нарекалъ на свое несчастіе и горе. Взявъ на себя такъ много дорожныхъ трудовъ, заботъ и безпокойствъ уже не въ молодыхъ лѣтахъ, къ ущербу слабаго своего здоровья, я однако не освободился тамъ (на востокъ) отъ тяжести, которою обременилъ себя дома, не совершилъ того, что здѣсь опустилъ, не разрѣшилъ своей совѣсти отъ тѣхъ узъ, которыми она слишкомъ связана. Всего этого я надѣялся достигнуть у тебя, блаженнѣйшій отецъ: я и отправился въ тамошній край для того только, чтобы здравымъ совѣтомъ, животворнымъ твоимъ ученіемъ облегчить и исцѣлить душу отъ множества сомнѣній, которыя волнуютъ ее и грызутъ, какъ моль. Чтожъ? Тамъ (на востокъ) я ничего не сдѣлалъ, а когда возвратился домой, то завистливые, неблагодарные люди только-что не распяли меня. Неутомимая зависть, вистѣ съ мерзкимъ невѣжествомъ, лишь только я показался, напали на меня съ такимъ ожесточеніемъ, что еслибы не сознание невинности и правота моей совѣсти, доставлявшей мнѣ внутреннее утѣшеніе по особенной Божіей милости, то я рѣшился бы бѣжать отъ этого народа, глубоко павшаго, а мною искренно любимаго, и тотчасъ же возвратиться или къ тебѣ, блаженнѣйшій отецъ, или въ Палестину, и тамъ до конца жизни оплакивать свои грѣхи, по примѣру святыхъ мужей отцевъ нашихъ. Но сама любовь къ ближнимъ не хотѣла никакъ допустить меня до этого, внушивъ мнѣ, что паденіе ближнихъ, оставленныхъ въ такую бѣдственную минуту на краю пропасти, будетъ моимъ паденіемъ и гибелью; потому что Господь мой, хотя и недостойнаго, благоволилъ поставить меня на стражъ—заботиться о Его святомъ стадѣ, Его овцахъ, которыхъ Онъ искупилъ дражайшею Своею кровію, и послѣ многихъ мнѣ поручилъ ихъ, такъ что погибелъ

ихъ по моей безпечности будетъ моею гибелью, а ихъ спасеніе моимъ спасеніемъ. И вотъ я обращаюсь къ тебѣ, блаженнѣйшій отецъ, потому что безъ твоего совѣта не могу жить спасительно, обращаюсь чрезъ письмо, такъ какъ не могу говорить съ тобою лично, припадаю къ стопамъ твоимъ, и не встану до тѣхъ поръ, пока твоя любовь и состраданіе не воздвигнутъ меня угнетеннаго. Мнѣ не къ кому еще прибѣгнуть. Въ нашей отчизнѣ нѣтъ ученаго человѣка; его, какъ говорятъ, и со свѣчею не найдешь. Но хотя всѣ неучи, однако никто изъ насъ не хочетъ знать, или признавать гдѣ бы то ни было когонибудь мудрѣйшимъ себя, и хотя у насъ въ дѣлахъ спасительныхъ сколько головъ, столько умовъ (какое великое несчастіе!), однако хотимъ слыть единомысленными. Когда насъ соберется десять человѣкъ не изъ простаго народа, но изъ числа тѣхъ, которые кажутся чѣмънибудь; то столько же бываетъ мнѣній объ одномъ и томъ же членѣ вѣры. Смѣшалъ Господь наши умы сильнѣе, чѣмъ языки глупыхъ строителей вавилонской башни.... Мы терпимъ такой сильный и невыносимый голодъ Слова Божія, что отъ него насъ съ каждымъ днемъ и часомъ становится меньше: одни переходятъ къ римлянамъ, другіе—къ кальвинистамъ; много есть и такихъ, которые обращаются къ анабаптистамъ. Если бы тебѣ, блаженнѣйшій отецъ, пришлось теперь посмотрѣть на лице русской церкви, ты изумился бы и горько заплакалъ. О, какая разница между нынѣшнимъ ея состояніемъ и прежнимъ!—сказалъ бы ты. Да, блаженнѣйшій отецъ, удивительно это превращеніе. Оно съ каждымъ днемъ и часомъ грозитъ ей окончательнымъ разрушеніемъ. Только тотъ не замѣчаетъ этого, кто не знаетъ, что по заходѣ солнца наступаетъ ночь.»

Кромѣ такого бѣдственнаго состоянія русской церкви, требовавшей скорой помощи, Смотрицкій представляетъ причиною своего обращенія къ патриарху собственныя мучительныя сомнѣнія, вызванныя его сочиненіями и бесѣдой съ нимъ въ Константинополь: «я не зналъ множества разнородныхъ мнѣній, пока не прочиталъ твоего письма, блаженнѣйшій отецъ, которое ты оставилъ въ Львовѣ (1601 года 24 января) у тамошняго епископа Димитрія Соликовскаго. Доказательствомъ служить мое сочиненіе «Плачь», не безъизвѣстное твоему блаженству. А что испыталъ я, когда мнѣ доставили твое письмо, блаженнѣйшій отецъ, можешь самъ догадаться. Мой «Плачь» почти во всемъ страдаетъ лютеранизмомъ, во всѣхъ отдѣлахъ, особенно въ катихизисѣ, прибавленномъ къ нему не совсѣмъ кстати, а твое письмо во всемъ благопріятствуетъ римскому исповѣданію, указывая во всѣхъ членахъ восточной церкви дѣйствительное единомысліе съ западною. Въ этомъ письмѣ ты, блаженнѣйшій отецъ, говоришь:.. «мы не гнушаемся столицей св. Петра, но отдаемъ ей должную честь и уваженіе, и признаемъ ее запервую, какъ мать: у насъ одна вѣра, одно крещеніе, едино естество Отца, Сына и Св. Духа, одно всемогущество, одно Божество, одна надежда исповѣданія, одна любовь, одиѣ молитвы и прошенія за царя, родителей и правителей, одиѣ таинства, одиѣ священныя чины, одно Евангеліе, одиѣ апостольскія и пророческія книги; одинаково мы уважаемъ святыхъ православныхъ учителей церкви греческихъ и латинскихъ. Чтожъ у насъ общаго съ другими сектами? Кого одна церковь считала еретиками, тѣхъ считаетъ и другая, подвергаетъ ихъ проклятію и анаемѣ. Обѣ принимали первые соборы (или лучше одна церковь двоякаго обряда), такъ что въ основаніяхъ Христова ученія вовсе не было между ними

никакой противоположности, а была только разность въ ученіи и обрядахъ (*). Но твоему письму, блаженнѣйшій отецъ, рѣшительно противоположенъ мой «Плачь»; между ними ничего нѣтъ общаго, какъ между свѣтомъ и тьмою, правдой и беззаконіемъ. Оттого у меня родились колебанія, замѣшательство въ мысляхъ, тревога и безпокойство въ совѣсти. При первомъ удобномъ случаѣ я рѣшился прибѣгнуть къ тебѣ, чтобы облегчить душу и освободить ее отъ давившей тяжести. Въ самомъ дѣлѣ, вспоминая слова твоего письма и то, что ты самъ желалъ унии, я терзался мыслями и не могъ никакъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не былъ бы наставленъ тобою и не прочиталъ бы сочиненій патріарховъ Геннадія (константинопольскаго) и Мелетія (александрійскаго) и твоего катихизиса (Смотрицкій прежде зналъ объ этихъ сочиненіяхъ). Но когда лично отъ тебя, блаженнѣйшій отецъ, я услышалъ, что изъ сочиненій Геннадія сохранился только «Трактатъ объ исхожденіи Св. Духа противъ латинявъ», да и тотъ испорченъ послѣдующими писателями и его преемниками, что «Четыре книги о догматахъ» Мелетія послѣ его смерти сожжены, такъ какъ онъ съ клятвою завѣщалъ тебѣ это сдѣлать: то, глубоко опечаленный, просилъ я тебя, блаженнѣйшій отецъ, дать мнѣ свои сочиненія, писанныя о томъ же предметѣ. Читая твое изложеніе никео—константинопольскаго символа, составленное въ разговорной формѣ, я сверхъ ожиданія, къ немалому моему удивленію, нашелъ, что оно противорѣчитъ твоему письму. Въ изложеніи ты, блаженнѣйшій отецъ, утверждаешь, что есть только два таинства и не болѣе, что молитвы за умершихъ безполезны и не

(*) Посланіе Кирилла къ Дмитрію Соликовскому считаютъ подложнымъ даже паписты. Kraszewsk. Wilno. т. IV р 70.

нужны, отвергаешь частный судъ, ученіе о чистилищѣ, которое считаешь предлогомъ порочной жизни. А въ одномъ мѣстѣ, именно въ отвѣтѣ на четвертый пунктъ, взятый изъ моего «Плача» «грѣхи отпущаются человѣку по милости, даромъ и безъ заслугъ» и виѣстѣ съ «Плачемъ» за нѣсколько лѣтъ предложенный въ запискѣ однимъ изъ нашихъ твоему блаженству,—ты говоришь: «правильно въ запискѣ замѣчено, что это пунктъ лютеранскій. Правда, хотя велико къ человѣку Божіе милосердіе, но горе тѣмъ, которые думаютъ, что безъ дѣлъ могутъ спастись. Долго на этомъ не буду останавливаться; потому что Свящ. Писаніе и творенія св. отцевъ наполнены свидѣтельствами этой истины; а если *Ortolan* сказалъ это съ цѣлію уничтожить римское чистилище, не хвалю его. Наша церковь въ этомъ пунктѣ согласна не съ Лютеромъ, а съ римлянами, исключая вещественнаго чистилищнаго огня». Это твои слова, блаженнѣйшій отецъ, а ты знаешь, что вещественный чистилищный огонь у самихъ римлянъ не считается догматомъ. Приведу еще два твои изрѣченія, сказанныя въ Константинополѣ. Вотъ онѣ: первое—«хочу стараться всѣми средствами уничтожить въ восточной церкви частную исповѣдь, которая состоитъ въ исчисленіи каждаго грѣха». Второе, что «разность въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа между восточной и западной церквами весьма легко можетъ быть соглашена». Внимательно разсматривая то, что прочиталъ въ твоёмъ письмѣ, катихизисѣ и что слышалъ лично отъ тебя, блаженнѣйшій отецъ, я сталъ беспокоиться; а какъ преднеть былъ важень, то я не хотѣлъ заводить объ немъ легкаго разговора съ твоимъ блаженствомъ. Затѣмъ постигшая меня въ Константинополѣ по допущенію Божію за грѣхи мои болѣзнь, также твои затруднительныя обстоятельства не позволили мнѣ начать съ тобою, блаженнѣйшій отецъ, серіознаго разговора; а когда я сталъ выздоравливать, то по тво-

ему совѣту отправился въ Палестину, отложивши разговоръ объ означенныхъ предметахъ до времени возвращенія моего изъ Палестины, если Богу будетъ угодно. Но прибывъ изъ Палестины въ Константинополь ко времени тяжкаго и страшнаго повѣтрія, я не могъ начать разговора съ тобою, блаженнѣйшій отецъ, хотя у меня было нахѣреніе и рѣшимость, и я уѣхалъ ни съ чѣмъ, видѣвшись только съ тобою нѣскольکو разъ какъ бы мимоходомъ. И вотъ теперь терзаюсь множествомъ мыслей и путаюсь въ разныхъ мнѣніяхъ больше прежняго, когда не посѣщалъ тебя, блаженнѣйшій отецъ. Между тѣмъ дома я не нахожу средства выпутаться изъ своего положенія и успокоиться въ своихъ мысляхъ, потому обращаюсь опять къ тебѣ не съ устною рѣчью, но письмомъ, униженно и покорно прося твое блаженство, какъ сынъ отца, какъ ученикъ учителя, вывести меня своимъ мудрымъ совѣтомъ и спасительнымъ ученіемъ изъ этого лабиринта; научи меня, чего я долженъ держаться и какъ долженъ мыслить не только о помянутыхъ, но и о другихъ членахъ вѣры, напр. о произволеніи, рабское ли оно, или свободное, о грѣхѣ первородномъ и произвольномъ, благодати, вѣрѣ, оправданіи дѣлами, промыслѣ, предвѣденіи, предопредѣленіи, церкви, таинствахъ, Писаніи, преданіяхъ и о состояніи отсюда отшедшихъ душъ и проч. Предѣленіямъ ли тридентскаго собора объ этихъ членахъ вѣры я долженъ слѣдовать, или той стороной, противъ которой направлены соборныя опредѣленія. Я сильно желаю научиться этому и не безъ причины прошу тебя, блаженнѣйшій отецъ.

Между всеми христіанскими обществами, какія есть въ нашемъ отечествѣ, только русская церковь восточнаго исповѣданія не имѣетъ катихизиса. Поэтому, хотя я признавалъ, что это дѣло выше силъ моихъ, но возложивши надежду на Того, Который умудряетъ и слѣпцовъ и даетъ

языкъ ослицамъ, осмѣлился написать на русскомъ языкѣ катихизисъ. Я имѣлъ его при себѣ въ Константинополѣ, но не показавъ его тебѣ, блаженнѣйшій отецъ; потому что разсмотрѣніе его потребовало бы не однодневнаго труда. Поэтому я откладывавъ до болѣе удобнаго времени. Теперь, какъ по собственному побужденію, такъ и по совѣту братій духовныхъ и свѣтскихъ, которые знаютъ объ этомъ можешь трудѣ, прибѣгаю къ тебѣ, блаженнѣйшій отецъ,—научи, съ кѣмъ мы согласны въ упомянутыхъ членахъ вѣры, съ римлянами ли, или протестантами, или мы признаемъ и исповѣдуемъ что нибудь третье, занимающее средину между тѣмъ и другимъ? вмѣстѣ съ тѣмъ прошу наставленія о тѣхъ разностяхъ вѣры, которыя съ давнихъ поръ находятся между церквами восточною и западною, именно объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, о чистилищѣ, опрѣснокахъ, о состояніи душъ блаженныхъ и грѣшныхъ, приобщеніи мірянъ подъ однимъ видомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если первый изъ этихъ пунктовъ можетъ быть примиренъ (что слышалъ я отъ твоего блаженства), а въ другомъ съ ними мы согласны, исключая огня матеріальнаго, какъ пишешь ты, блаженнѣйшій отецъ, къ одному изъ моихъ земляковъ; третій издавна содержитъ западная церковь, по мнѣнію Петра патріарха антиохійскаго; четвертый дѣйствительно сходенъ съ нашими церковными пѣснями; пятый уже въ наше время причисленъ къ разностямъ: то прошу тебя, блаженнѣйшій отецъ, покорнѣе сказать, ужели всѣ эти пункты не могутъ быть примирены однимъ и тѣмъ же способомъ? Итакъ скорѣе недоразумѣнія у насъ съ римлянами, чѣмъ противорѣчія. Ты самъ говоришь, блаженнѣйшій отецъ, что они согласны съ нами въ основныхъ пунктахъ ученія христіанскаго, и что все различіе состоитъ въ нѣкоторыхъ разностяхъ и особенныхъ обрядахъ, какихъ держатся греки и

латиняне. Итакъ окажи намъ отеческую милость и спаси насъ, чтобы намъ не искать иныхъ учителей. Сдѣлай блаженнѣйшій отецъ, чтобы мы сами съ собою и съ тобою согласны были въ членахъ вѣры, отъ которыхъ зависить спасеніе душъ нашихъ. Пришли намъ свой катихизисъ и посредствомъ него и своего письменнаго совѣта дай единомысліе въ наши уста и сердца во всеи, о чемъ мы у тебя спрашивали. Не подумай, блаженнѣйшій отецъ, что я одинъ пишу. Одинъ я, но я—архіепископъ; мой округъ, по милости Божіей, такъ богатъ христианами, какъ не богаты и митрополичьи округи. И въ чужихъ округахъ многіе духовные и свѣтскіе ко мнѣ обращаютъ свои взоры, отъ меня ищутъ наставленія вѣрѣ; ихъ то я могу и погубить своимъ приѣздомъ и спасти, какъ незнающій незнающихъ. Не солгу нисколько, если и такъ скажу, что на меня обращаетъ свои взоры почти вся русская церковь. Говорю это не хвалясь и не по гордости; по давней поговоркѣ: *между слѣпыми и одноглазый царь*. Потому, если ты, блаженнѣйшій отецъ, откажешь мнѣ въ моей просьбѣ, свидѣтельствуюсь живымъ Богомъ, испытующимъ сердца человѣческія, я намѣренъ сдѣлать то, изъ чего ты увидишь, что моя душа будетъ спасена по милости и помощи Бога моего, не желающаго смерти грѣшника и дарующаго человѣку обращеніе. Ожидаю отъ тебя, блаженнѣйшій отецъ, отеческаго, пастырскаго утѣшенія, совѣта и наставленія; а тебя да хранитъ Богъ на многія лѣта въ добромъ здоровьи и безопасности, да право правши слово Его истины и да соединиши бѣдственно-расторгнутую церковь Божію.»

Здѣсь Смолрицкій хотѣлъ было кончить; но сдѣлавъ видъ, будто вспомнилъ, какъ сильно терзаетъ его душу мысль о соженіи сочиненій александрійскаго патріарха Мелетія и

иерскаго митрополита Матеея, о предсмертной исповѣди архіепископа Филадельфійскаго Гавріила предъ латинскимъ монахомъ, о мнимомъ великосубботнемъ огнѣ, которымъ одинакоже западно-руссы доказывали превосходство стараго календаря предъ новымъ григоріанскимъ и своего богослуженія предъ латинскимъ. Смотрицкій раскрываетъ предъ патріархомъ свою душевную тревогу, опасается за свою вѣчность, за судьбу западно-русской церкви, которая съ каждымъ часомъ становится все меньше и меньше, и еще заразилась ересями отъ новѣйшихъ писателей, убѣдительно проситъ патріарха поддержать ее, не допустить до паденія, давая при этомъ разумѣть, что въ противномъ случаѣ и безъ него все будетъ устроено, даже противъ его воли и народа, съ которымъ будетъ поступлено согласно съ словами Спасителя— (*compelle intrare*) *побуди войти*; что самъ патріархъ лишится власти надъ западно-русскою церковію и всѣмъ грекамъ будетъ запрещенъ въѣздъ въ предѣлы литовско-польскаго государства; между тѣмъ позаботившись объ униі, онъ останется въ прежнихъ отношеніяхъ къ западно-русской церкви и сдѣлается виновникомъ для нея благъ душевныхъ и тѣлесныхъ: «ты отворишь шляхетскому сословію двери къ земскимъ урядамъ и сенаторскимъ достоинствамъ, мѣщанамъ дашь доступъ къ отправленію городскихъ урядовъ въ ратушахъ; построишь намъ школы; украсишь церкви; монастыри приведешь въ порядокъ; пресвитеровъ освободишь отъ дани; поляковъ, литовцевъ и русскихъ соединишь братскою любовію; наконецъ отрешь слезы всему несчастному русскому народу; сдѣлаешь, что онъ на землѣ будетъ вкушать небесный покой и доставишь ему нныя безчисленныя блага; самъ на вѣки прослывешь возстановителемъ церкви Божіей въ знаменитомъ царствѣ польскомъ и утраченной вольности въ рускомъ народѣ, учинишь радость на небѣ и на землѣ и

прославишь имя свое въ потомствѣ; потому что сдѣлаешь дѣло Божіе, если засыплешь и выровняешь пропасть этой проклятой схизмы, такъ что Русь, Ляхи и Литва будутъ хвалить и славить имя Бога Творца своего какъ бы едиными устами и единымъ сердцемъ. Ты, блаженнѣйшій отецъ, какъ шужъ мудрый, понимаешь, что не слѣдуетъ нашему народу находиться внѣ церковнаго единенія. Въ скоромъ времени и противъ воли онъ долженъ будетъ принять унію. Теперь, пока онъ пользуется свободой, ему заблаговременно должно избрать и добровольно принять ее. Если же приметъ тогда, когда потеряетъ вольность и потерпитъ другой какой-нибудь вредъ, то тебя будетъ считать виновникомъ. А это несомнѣнно будетъ, если судить по тому, что видишь очами и руками осязаешь. Всемогушій Богъ да совершитъ это чрезъ тебя, блаженнѣйшій отецъ, въ наши дни; а тебѣ да подастъ намѣреніе и силы къ совершенію этого святаго дѣла, аминь.»

Посланіе Смотряцкаго было шагомъ, который ясно очертилъ его отношенія къ уніятамъ и православнымъ. Огласивъ слѣды мнимаго протестантства въ церквахъ греческой и западно-русской и въ самомъ патріархѣ, Смотряцкій ближе прикнудъ къ уніатамъ, тѣснѣе соединилъ свои личные интересы съ интересами уніи. Теперь уже само дѣло, начатое Смотряцкимъ, независимо отъ іезуитовъ и уніатовъ, вызвало его дѣйствовать съ ревностію въ пользу уніи. Чувствовали православные, что ихъ архіепископъ клонитъ къ уніи, но и въ половиу не подозрѣвали того, что было на самомъ дѣлѣ; они не догадывались, что въ Мелетіѣ подъ одеждою православнаго епископа, поминающаго іерусалимскаго патріарха, кроется самый ревностный уніатецъ.

К. Еленевскій.

(До слѣдующей книжки.)

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНЫ ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО

Записки келейника В. И. Чеботарева.

Предисловіе отъ редакціи.

Всякое историческое жизнеописаніе, какъ точное воспроизведеніе личности съ всѣми ея особенностями, ея отношеніями къ современникамъ, ея вліяніемъ на грядущія поколѣнія, есть дѣло очень трудное. Жизнеописанія лицъ изъ исторіи вѣры и церкви, особенно мужей святыхъ, представляютъ новыя трудности по самому свойству тѣхъ особенностей, которыми отличаются такія лица, по сокровенности ихъ духовной жизни, по характеру ихъ отношеній, нерѣдко загадочныхъ, къ окружающему міру. Чѣмъ ближе ко времени описываемаго лица первоначальные письменные источники свѣдѣній о немъ, тѣмъ удачнѣе могутъ быть достигнуты цѣли жизнеописателя. Обиліе же первоначальныхъ свидѣтельствъ, сохранившихся въ разсказахъ очевидцевъ или въ преданіяхъ людей, близкихъ по времени къ изображаемому лицу, еще болѣе благоприят-

отвѣтъ жизнеописателю: оно умножаетъ полноту, возвышаетъ правдивость и поучительность жизнеописанія. Современные записи, столь важныя для біографа, сохраняютъ притомъ свой самостоятельный интересъ, какъ живые отголоски минувшаго. Сколько бы ни пытались мы точно воспроизводить историческія лица, но свойственный нашему времени строй сознанія и складъ рѣчи неизбѣжно наложитъ свою печать на наше изображеніе, и это изображеніе въ его цѣломъ характерѣ едва ли можетъ отражать тотъ живой духъ, который вѣетъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Въ настоящее время лучшимъ способомъ прагматическаго изложенія исторіи вообще признано изложеніе лѣтописнаго текста, конечно послѣ предварительныхъ ученыхъ изслѣдованій, которыми опредѣляется собственное значеніе лѣтописныхъ сказаній. Такой способъ изложенія, важный для характеристики историческихъ лицъ, особенно приличенъ жизнеописаніямъ святыхъ. Совокупленіе и изложеніе современныхъ свидѣтельствъ устраняетъ личное вѣщательство жизнеописателя, годное лишь для предварительной критической работы, и переноситъ читателя въ живой міръ прошедшаго: образъ описываемаго лица возстаетъ предъ нами съ свѣжими впечатлѣніями окружавшей его среды. Руководясь такими соображеніями, мы представляемъ вниманію нашихъ читателей записки о святителѣ Тихонѣ воронежскомъ современника, елецкаго вѣщанина, *Василія Ивановича Чеботарева*, бывшаго при немъ келейникомъ.

Святитель Тихонъ хорошо извѣстенъ нашему народу по его многочисленнымъ сочиненіямъ, отличающимся простотою и силою христіанскаго убѣжденія, искренностію и теплою христіанскою любовью. Но жизнь святителя для большинства остается еще малозвѣстною. До позднѣйшаго вре-

мнѣ извѣстно было почти только жизнеописаніе Тихона, составленное покойнымъ митрополитомъ Евгеніемъ, лично знавшимъ его: первоначально оно было напечатано въ 1796 году, а потомъ вошло во второе изданіе сочиненій Тихона 1825 г. При московской академіи въ 1844 г. было издано сочиненіе «Тихонъ 1, епископъ воронежскій и елецкій:» но оно болѣе посвящено обзорнѣю ученія Тихона, а краткія біографическія свѣдѣнія заимствованы въ немъ изъ жизнеописанія митрополита Евгенія. Въ нынѣшнемъ 1861 году, въ Петербургѣ и Москвѣ изданы двѣ книжки, имѣющія предметомъ жизнь святителя Тихона. Московское изданіе не заключаетъ новыхъ свѣдѣній и основано на прежнихъ печатныхъ источникахъ. Книжка, изданная въ Петербургѣ, гораздо полнѣе: составитель пользовался рукописными записками Чеботарева и различными сказаніями, хранящимися въ задонскомъ монастырѣ. Но изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ предлагаются здѣсь только отрывочныя свѣдѣнія, а цѣлое жизнеописаніе остается *сочиненіемъ* составителя; въ самомъ сочиненіи, наполненномъ выдержками изъ различныхъ источниковъ, не обозначено даже, что откуда заимствовано. Мы думаемъ, что полное изданіе современныхъ записей о святителѣ Тихонѣ не только не излишне, напротивъ составляетъ существенную потребность настоящаго времени. Кромѣ записокъ Чеботарева, извѣстны еще записки другаго келейника Іоанна, но онѣ доселѣ извѣстны только по извлеченію изъ нихъ, сдѣланному митрополитомъ Евгеніемъ.

Записки Чеботарева посвящены главнымъ образомъ описанію частной жизни святителя Тихона, которой онъ былъ очевидцемъ. Естественно, что онѣ не имѣютъ той полноты, какая требуется въ правильномъ жизнеописаніи; авторъ не соблюдалъ вполне и хронологическаго порядка въ своемъ

разсказъ. Но его разсказъ имѣетъ другія, ничѣмъ незамѣнимыя достоинства: это—безыскусственная простота и искренность рѣчи, чуждая какихъ либо предвзятыхъ мыслей и дающая всему разсказу характеръ чистаго *свидѣтельства*. Многія подробности переданы авторомъ со словъ самаго Тихона, съ заботливымъ стараніемъ сохранить слова святителя въ точномъ видѣ и съ неоднократнымъ замѣчаніемъ, что дѣйствительно таковы были святительскія слова. Цѣльное впечатлѣніе записокъ много говоритъ въ ихъ пользу: подъ ихъ вліяніемъ читатель отрѣшается отъ своего времени, чувствуетъ себя на другой почвѣ, отдаленной отъ него и временемъ, и цѣлымъ складомъ жизни, и остается зрителемъ живыхъ образовъ и дѣйствительныхъ картинъ. По нашему мнѣнію лучшимъ жизнеописаніемъ святителя Тихона, которое вполне удовлетворило бы народной потребности въ настоящее время, могло бы быть правильное изложеніе текста старинныхъ сказаній, съ необходимыми дополненіями тѣхъ обстоятельствъ, которыя въ запискахъ опущены, но дополненіями короткими и сдѣланными въ духѣ тѣхъ же сказаній. Изложенное въ такомъ видѣ жизнеописаніе святителя Тихона могло бы составить одну изъ лучшихъ книжекъ для народнаго чтенія: оно близко подходило бы къ нашимъ Чети-Минеемъ и являло бы въ истинномъ свѣтѣ любимую народомъ личность Тихона, столь живо сознававшего общечеловѣческія и христіанскія права народа и всегда съ горячею любовію служившаго его нуждамъ. Открытіе мощей святителя Тихона, память котораго и прежде пользовалась народнымъ сочувствіемъ, знаменательно совпадаетъ по времени съ великимъ событіемъ народнаго освобожденія, по справедливому замѣчанію П. Д. Шестакова, которому мы обязаны сообщеніемъ предлагаемой рукописи. Мы печатаемъ ее

въ подлинномъ видѣ съ очень немногими измѣненіями въ языкѣ, необходимыми для ясности или правильности рѣчи.

Хотя «полное описаніе жизни въ Бозѣ почивающаго Тихона епископа въ Богородицкомъ задонскомъ монастырѣ», въ свѣтъ и вышло, и жизни-описатель прилагалъ всевозможное стараніе, однако онъ не могъ совершенно въ точности написать; поелику писалъ по наслышкѣ отъ людей. Яжъ, убогій, при великомъ ономъ мужѣ съ начала 1770 года началъ жить, и много наслышанъ отъ его святительскихъ устъ, что онъ о жизни своей даже съ самаго младенчества, въ свободное время, въ разговорахъ своихъ, о приключеніяхъ, какія съ нимъ случались, сказывалъ мнѣ. Яжъ, убогій, и зрителемъ бывалъ высокой и добродѣтельной его жизни. О семъ ниже сего покажу. Вотъ точно и истинно его святительскія слова:

«Какъ-де я началъ себя помнить, въ домѣ при матери нашей (отца своего я не помню) (*), было насъ четыре брата и двѣ сестры: большой братъ дьячковскую должность отправлялъ, средній же братъ взять былъ въ военную службу, а мы всѣ еще малы были и въ великой жили бѣдности, такъ что нужную (скудную) дневную имѣли пищу,—и потому мать наша въ великомъ прискорбіи была о воспитаніи нашемъ. Но нашегожъ прихода ямщикъ богатый, а бездѣтный былъ,—онъ хаживалъ къ намъ въ домъ,—я полюбился ему. Онъ неоднократно просилъ меня у матушки и такъ говорилъ: отдайте мнѣ Тиму своего (ибо я до постриженія въ

(*) Св. Тихонъ родился въ 1724 году отъ причетника села Корецка, Саввы Кириллова, въ валдайскомъ уѣздѣ новгородской губерніи, и при крещеніи наименованъ Тимошеемъ.

монашество и не поволялся Тимоѳеемъ), я его вмѣсто сына воспиталъ и все имущество мое—его будетъ. Мать моя, хотя и отказывала ему,—жалъ ей отдать меня,—но крайній недостатокъ въ пищѣ понудилъ матушку отдать меня, и она, взявши за руку, повела меня,—я-де это хорошо помню. Большаго же брата въ то время не было дома. Но какъ пришелъ онъ, то спросилъ у сестры: гдѣ матушка? Она сказала ему: повела Тиму къ ящичку. Но братъ, догнавъ на дорогѣ матушку, и ставъ на колѣни передъ нею, сказалъ: куда вы ведете брата, вѣдь ящичку отдадите, то ящичекъ онъ и будетъ, а я не хочу, чтобъ братъ ящичкомъ былъ: я лучше съ сумою по міру пойду, а брата не отдамъ ящичку; постараемся обучить его грамотѣ, тогда онъ можетъ къ какой церкви въ дьячки или пономари опредѣлиться. И потому матушка воротилась домой. А какъ въ домѣ вѣтъ нечего, то я у богатаго мужика деньвесъ (бывало) бороню, пашу, чтобъ только меня хлѣбомъ накормилъ. Вотъ въ какой нуждѣ воспитывался я. Точно и истинно сіи святительскія его слова.

«Но какъ въ Новгородѣ вновь учреждена семинарія, и потребны были въ оную священно-служительскіе дѣти; то и меня повезла матушка въ Новгородъ, и, отдавъ въ семинарію, сама скоро скончалась тамъ. А я началъ продолжать ученіе на казенномъ коштѣ и терпѣлъ великую нужду, по недостатку къ содержанію себя; и такъ бывало, когда получу казенный хлѣбъ, то изъ онаго половину оставляю для удовольствія себя, а другую половину продамъ и куплю свѣчу, съ нею сяду за печку и читаю книгу. Но богатыхъ отцовъ дѣти, соученики мои, играютъ или найдутъ лапти, начнутъ надъ мною смѣяться, и оними махать на меня, говоря: величаемъ тя. Когда же я посвященъ въ викарнаго епископа (*)

(*) На 37 году своей жизни.

отъ учителями Вышеславскимъ изъ Киева

и прїѣхаль въ Новгородъ, то оныѣжъ, которые насмѣхались надо мной, и пришли, по обыкновенію, для принятія благословенія; я имъ напомнилъ, какъ они махали на меня осметкаши, а теперь и кадилами будете кадить.* въ то время иные изъ нихъ священниками были. А они сказали мнѣ: прости, владыко святыи! Я имъ сказалъ, что я шутя вамъ, братцы, говорю».

Теперь же скажу, какимъ образомъ въ епископа посвященъ онъ, ибо сіе дѣйствіе по особенному Провидѣнію происходило,—какъ я точно сіи слова отъ его святительскихъ устъ слышалъ:

«Я никогда и не мыслилъ о семъ важномъ санѣ, чтобы быть мнѣ епископомъ. У меня мысли были непремѣнно куда нибудь удалиться въ пустынный монастырь, быть монахомъ и проводить уединенную жизнь; но Всевышняго судьба угодно такъ, что есмь недостойный—епископъ.

«Когда я былъ въ Твери (*) архимандритомъ, въ консисторіи присутствующимъ и въ семинаріи ректоромъ, въ день святыхъ Пасхи служилъ съ преосвященнымъ Аѳанасіемъ въ соборѣ литургію. Чтожъ случилось? По обыкновенію архіерейской службы, во время херувимской пѣсни, когда самъ архіерей у жертвенника вынималъ частицы о здравіи, то я подошедъ къ жертвеннику, сказалъ: помяни мя, владыко святыи! Архіерей же сказалъ вмѣсто священно-архимандритство твое—епископство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ, самъ улыбнулся и сказалъ мнѣ: дай Богъ быть вамъ епископомъ. Я послѣ узналъ, что въ самый тотъ день Пасхи въ Петербургъ первый синодальный членъ,

(*) Тимоеей за отличные успѣхи, еще не окончивъ курса ученія, сдѣланъ былъ учителемъ при той же семинаріи; а, по окончаніи курса, постриженъ въ монашество и нареченъ Тихономъ въ 1758 году.

митрополитъ Свѣеновъ, металъ жребій съ Епифаніемъ, епископомъ смоленскимъ,—сѣмь жребіевъ кандидатскихъ было написано, а смоленскій архіерей говорилъ митрополиту: прикажите написать жребій тверскаго ректора Тихона. Но Свѣеновъ сказалъ: онъ еще молодъ, время не ушло. Однако написали. И мой жребій былъ осьмой. До трехъ разъ жребіи метали, а все мой жребій вынимался; почему и сказалъ митрополитъ: ну, знать, Богу такъ угодно—быть ему епископомъ, только я не туда было мыслилъ его. О чемъ митрополитъ Свѣеновъ послѣ самъ мнѣ сказалъ: я намѣреніе имѣлъ перевести тебя въ троицкую лавру архимандритомъ же.

«Какъ крестьяне были за монастырями, то близъ города Твери была монастырская вотчина, при оной же была и роща, положеніе же мѣста прекрасное и уединенное. Я намѣреніе имѣлъ въ оной рощѣ (*) выстроить келліи себѣ для уединенія. Въ свободное время, весною, въ день субботній, я и былъ въ оной вотчинѣ, а крестьяне мостили мостокъ чрезъ протекающую малую рѣчку, я жъ прохаживался и смотрѣлъ за ихъ работою. Послышавъ въ соборѣ благовѣсть къ вечернѣ, я приказалъ заложить коляску и поѣхалъ въ монастырь къ вечернѣ, и, пришедъ въ церковь, сталъ на своемъ мѣстѣ. Въ скорости пришелъ ко мнѣ отъ архіерея сторожъ и говорить: отецъ ректоръ, пожалуйте къ его преосвященству. Я ему сказалъ: вотъ отслушавъ вечерню, тотчасъ и явлюсь къ его преосвященству. Но посланный не успѣлъ изъ монастыря выйти, въ тужъ минуту приходитъ и другой сторожъ и говорить: извольте скорѣй ѣхать. И я, не дослушавъ вечерни, поѣхалъ во архіерейскій домъ; но, дорогою ѣдучи,

(*) Безъ сомнѣнія, въ желтиковской рощѣ, прилегающей къ монастырю, въ которомъ покоятся мощи св. Арсенія епископа, тверскаго чудотворца.

чувствовалъ въ сердцѣ своемъ и печаль, и радость; ибо нѣкоторые были изъ архіерейскаго дому, какъ-то: экономъ и прочіе, недоброжелательны ко мнѣ, и думалъ: нѣтъ ли отъ нихъ какихъ-либо клеветъ на меня ко архіерею. По пріѣздѣ жъ я вошелъ къ нему съ торопливостію въ переднюю келлію и приказалъ келейнику доложить преосвященному, что я пріѣхалъ. Въ тужъ минуту вышелъ ко мнѣ преосвященный и говорить мнѣ привѣтственно: прошу покорно, отецъ ректоръ, поздравляю васъ епископомъ, — и далъ мнѣ синодальный указъ; самъ же заплакалъ: жаль-де мнѣ разстаться съ вами, и говорить мнѣ: вы немедленно сдайте монастырь и отправляйтесь въ Петербургъ. И я, сдавши монастырь, отправился (въ Петербургъ), гдѣ и посвященъ во епископа, но также скоро отправился и въ Новгородъ, для чего туда посланъ былъ и указъ изъ синода, для обыкновенной архіерейской почести, что тамъ и выполнено было съ колокольнымъ звономъ, и при сей церемоніи было великое стеченіе градскихъ жителей для зрѣнія, поелику я тамошней семинаріи ученикъ и воспитанникъ. Чтожъ? Случилось, что между народомъ находилась, смотря на церемонію, и сестра моя родная, которая вдовствовала въ крайней бѣдности, и питалась тѣмъ, что у богатыхъ въ хоромахъ полы мывала, когда она еще жила въ Валдаяхъ; но какъ я былъ учителемъ опредѣленъ, то взялъ и ее въ Новгородъ и содержалъ ее на своемъ коштѣ. На другой день изъ Хутыня послалъ я за нею колясочку; а она, бѣдная, пріѣхавши, и не смѣетъ войти ко мнѣ въ келью. Я, отворя двери, сказалъ ей: пожалуй, сестрица; а она, залившись слезами, вошла ко мнѣ, и я спросилъ ее: о чемъ ты плачешь, сестрица? Я плачу, сказала мнѣ, отъ великой радости, братецъ; вы помните, въ какой мы бѣдности при матушкѣ воспитывались, что было временемъ и дневной

пищи лишались, но теперь я вижу васъ—въ какомъ высокомъ санѣ! Я ее просилъ почаще посѣщать меня, говоря ей: сестрица, теперь есть вамъ, на чемъ пріѣхать ко мнѣ, у меня есть услуга, лошади и коляска для васъ. А она сказала: благодарствую, братецъ, но иногда и наскучу вамъ частымъ пріѣздомъ. Нѣтъ, родная, сказалъ я ей, я никогда не соскучу твоимъ посѣщеніемъ; я сердечно тебя люблю и почитаю, (поелику—де она большая мнѣ сестра). Но, по пріѣздѣ моемъ въ Новгородъ, сестра моя одинъ только мѣсяць пожила и скончалася, самъ я и погребалъ тѣло ея. По обряду архіерейской службы, приложился я къ святымъ иконамъ, пошелъ ко гробу, открылъ покрышку и осѣнилъ тѣло ея, а она будто и улыбнулась на меня. Богъ единъ знаетъ о томъ, что это вообразилось въ глазахъ моихъ (однако не утвердительно говоря о семъ). Но я самъ, ѣдучи дорогою къ погребенію, также и всю объѣду и погребаленъ едва могъ отслужить отъ горчайшихъ слезъ, и какъ бы внѣ себя былъ отъ великой жалости: она жизни хорошей была.

Въ духовномъ завѣщаніи своемъ онъ между прочимъ написалъ: «слава Богу, что Онъ въ бѣдственныхъ и смертныхъ случаяхъ меня сохранялъ!» Объ одномъ изъ такихъ случаевъ преосвященный самъ мнѣ сказывалъ. «Когда-де я еще учителемъ былъ, во время вакаціи, просилъ насъ, учителей, александровскаго монастыря архимандритъ къ себѣ въ гости, такъ мы и отправились къ нему. По пріѣздѣ въ монастырь, я одинъ изъ любопытства пошелъ на колокольню осмотрѣть положеніе мѣста округъ монастыря, подлинно прекрасное, и не опробовавъ перилъ, оперся на нихъ, а они вдругъ на землю и пали, а меня будто кто назадъ толкнулъ, и я къ колоколамъ на полъ затылкомъ упалъ полумертвъ,—едва опомниться могъ,—и съ великою нуждою сошелъ съ ко-

локольни и могъ дойти до архимандричей келіи. Но они стали говорить: «что ты лицомъ измѣнился, Тимоѳеѣ Са-вельичъ, посмотрись, братецъ, въ зеркало, ты мертвому подобень.» Я имъ сказалъ: пожалуйста чашку чаю, послѣ скажу вамъ причину моего измѣненія. Напившись чаю, я повелѣ ихъ къ колокольнѣ, и смотрѣли на перилы, кои въ дребезги разбитыя лежали,—тогда я сказалъ имъ: на семь мѣ-стѣ и мнѣ бы такъ разбиту быть. Но также и въ Твери, когда я еще архимандритомъ былъ, и въ Воронежѣ, уже епархіальнымъ архіересемъ былъ, отъ лошадей при смерт-ныхъ случаяхъ бывалъ.»

Онъ же дивное видѣніе сказывалъ о себѣ. «Это-де было до постриженія моего въ монашество. Когда я учителемъ былъ, я и тогда привычку имѣлъ и любилъ ночное время безъ сна проводить, а занимался либо чтеніемъ душепо-лезныхъ книгъ, либо душеспасительными размышленіями. (Но я сказываю тебѣ келейно, и ты долженъ молчать о семъ.) Въ маѣ мѣсяцѣ ночь была весьма пріятная, тихая и свѣт-лая: я вышелъ изъ келіи на крыльцо, которое на сѣверную сторону было, и стоя размышлялъ о вѣчномъ блаженствѣ... Вдругъ небеса разверзлись, и тамъ такое сіяніе и свѣтлость, что браннымъ языкомъ сказать и умомъ понять никакъ не возможно; но только сіе было кратко (почти одномоментно); и паки небеса натурально въ своемъ видѣ стали, и я отъ того чуднаго видѣнія болѣе горячее желаніе возымѣлъ ко уединенной жизни, и долго, послѣ онаго чуднаго яв-ленія, чувствовалъ и восхищался умомъ, да и нынѣ, когда вспомню, то олуцаю въ сердцѣ моемъ нѣкое веселіе и ра-дость.»

Теперь я скажу о святительской его особѣ, какъ онъ жизнь свою въ кельѣ проводилъ въ Богородицкомъ задон-

скомъ монастырѣ (*), равно о богоугодныхъ подвигахъ и трудахъ его; поелику я убогій зритель былъ этому.

Первое: онъ имѣлъ обычай всегда во время обѣденнаго стола слушать чтеніе Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта; язь и читывалъ. И замѣчательно, какъ велика и горяча была его любовь къ Богу. Онъ рѣдко обѣдывалъ безъ умиленныхъ слезъ, а паче, когда читаешь книгу Исаи пророка,— онъ прикажетъ иногда паки читать ту же главу, а самъ по- ложа ложку, начнетъ плакать. Искренняя его любовь была и къ ближнимъ: почти всякій день, когда сядетъ за столъ, обыкновенно говаривалъ: «слава Богу, вотъ какая у меня хорошая пища, а собратія моя—иной, бѣдный, въ темницѣ сидитъ, иной нужную пищу имѣетъ, а иной безъ соли ѣсть», и скажетъ: «но горе мнѣ окаинному!» Въ вечернеежъ время Новый Завѣтъ язь читывалъ, и сіе бывало продолжительно тѣмъ, что онъ спрашиваетъ: разумѣешь ли, что читаешь? скажешь: нѣтъ, я не могу понять сего, а онъ скажетъ: вотъ я объясню тебѣ. Иногда часъ и болѣе объясняетъ. Ночи онъ имѣлъ привычку проводить безъ сна, а ложился на разсвѣтъ. Упражненіемъ его въ ночное время были молитвы съ поклонами, но притомъ не хладныя его молитвы были, но самыя горячія, отъ сокрушеннаго сердца происходили, такъ что иногда гласно

(*) 4 года и 7 мѣсяцевъ (съ 1763 — 1767) управлялъ преосвященный Тихонъ воронежской епархіей. Безпрерывныя заботы по дѣламъ паствы, огорченія, неразлучныя съ дѣятельною жизнью, полною любви и самоотверженія, труды, бѣднія, постъ, усиленные ученые занятія разстроивали его организмъ. Стремленіе къ тихой, созерцательной жизни влекло его въ уединеніе. Съ разрѣшенія св. синода онъ удалился сначала на покой въ толшевскій, а потомъ въ задонскій монастырь, гдѣ не покоился, а трудился непрестанно до самой кончины (13 августа 1783 года). Въ тиши уединенія онъ безпрепятственно предавался своимъ любимымъ занятіямъ: изучалъ творенія св. отцевъ, благотворилъ, поучалъ и молился.

вопилъ онъ: *Господи помилуй, Господи, пощади!* и присовокуплялъ еще: *Кормилецъ, помилуй!*.. самъ же главою ударя объ полъ; всежь сіе въ немъ происходило отъ великаго внутренняго жара и любви къ Богу. Въ самую полночь выхаживалъ въ переднюю келлію, пѣвалъ онъ тихо и умирительно псалмы святыя. Замѣчательно, когда бывалъ въ мрачныхъ мысляхъ, онъ пѣвалъ: благо мнѣ, яко смирилъ мя еси и пр., псаломъ 118, ст. 71,—когдажь въ ведренныхъ мысляхъ, то пѣвалъ: хвалите Господа съ небесъ, псаломъ 148 и другіе утѣшительныя псалмы, и всегда съ умиленными слезами и сердечнымъ воздыханіемъ.

Послѣжь объденнаго стола имѣлъ онъ краткое отдохновеніе, часть, иногда и болѣе; вставши, читывалъ житія святыхъ и прочія книги. Въ лѣтнее время прохаживался въ монастырскомъ саду и за монастыремъ; на случай же крайней надобности къ нему, онъ приказывалъ: «когда тебѣ какая необходимая надобность ко мнѣ, не доходя, покашлай, чтобъ я оглянулся.» Такъ и дѣлалъ я. Но однажды случилось, когда онъ былъ въ саду, я, не подходя къ нему, много кашлялъ, но онъ въ такомъ глубокомыслии былъ, что ничего не чувствовалъ, самъ же на колѣняхъ стоялъ лицомъ на востокъ, руки поднявши къ небесамъ. Я подошелъ и сказалъ: ваше преосвященство! Онъ такъ испугался, что даже потъ выступилъ на лицѣ, и сказалъ мнѣ: «вотъ, сердце у меня какъ голубь дрожить; вѣдь я тебѣ давно приказывалъ, чтобъ, не доходя до меня, покашлялъ; скажешь, что я кашлялъ, но я не слыхалъ.» Никогда и никуда онъ не хаживалъ и не ѣзживалъ безъ псалтири, но всегда при себѣ имѣлъ оную за пазухою, ибо она была маленькая, а наконецъ онъ пѣвсю на память читывалъ; ею онъ и благословилъ меня. Вѣхалъ онъ куда-нибудь, всегда дорогою читывалъ псалтирь, а иногда и

пѣлъ вслухъ, и имѣ показывалъ или объяснялъ какой-нибудь текстъ. Всякій день онъ ходилъ къ святой литургіи и самъ пѣлъ на клиросѣ. Но и тутъ замѣчательно было, что рѣдко безъ слезъ пѣвалъ онъ, и, такъ сказать, въ немъ былъ особенный даръ Божій слезъ,—всегда два источника истекали изъ очей его. Рѣдко, рѣдко улыбнется онъ чему-нибудь и въ ту же минуту скажетъ: «Господи, прости; я согрѣшилъ предъ Тобою, окаянный.» Празднословія онъ весьма остерегался, но разговоры его обыкновенно бывали о вѣчной мукѣ и о вѣчномъ блаженствѣ, также вообще о порокахъ и о христіанской добродѣтельной жизни. Онъ отъ природы имѣлъ острую память, такъ что все Священное Писаніе: Ветхій и Новый завѣтъ, у него въ памяти были и, когда заговорить о какой либо матеріи, всегда приводилъ въ доказательство тексты изъ Священнаго Писанія, въ какой книгѣ и въ какой главѣ сказывалъ; также и изъ житія святыхъ отецъ приличныя матеріи сказывалъ. Онъ мало и рѣдко говаривалъ о свѣтскихъ дѣлахъ, развѣ съ благородными о военныхъ дѣйствіяхъ, и то рѣдко говаривалъ; но первые его разговоры были о вѣчности.

Когдажъ на него находило искушеніе, то онъ говаривалъ: «не знаю, куда себя дѣвать, братецъ, или ты не чувствуешь, что въ келліи смрадъ?» Скажешь: я не чувствую. «Возьми дегтю и влей на полъ,» ибо дегтяной запахъ любилъ. Или скажетъ: «поѣдемъ въ Липовку.» Село это—господь Бехтѣвыхъ въ 15 верстахъ отъ Задонска, тамъ былъ и господскій домъ, господа жъ сами тамъ не жили. По временамъ онъ ѣзжалъ въ то село и живалъ тамъ мѣсяца по два и болѣе, гдѣ при немъ я да поваръ жилали. Въ Липовкѣ священникъ одинъ былъ, поэтому въ церкви служба отправляема была только въ воскресные и праздничные дни,

а въ будни преосвященный самъ отправлялъ въ домѣ вечерню, утреню и часы, и при немъ я одинъ только бывалъ и читывалъ. Разъ во время литургіи и служенія его, вдругъ сдѣлалась съ нимъ плотская брань, которую побѣждалъ, скрывая себя отъ предстоящихъ: у престола горящую свѣчу началъ рукою очищать, по тѣхъ поръ продолжая, пока уже персты начали въ огнѣ сгарать..... По временамъ же ополчались на него сильныя страсти; не будучи въ силахъ терпѣть, онъ, затворившись въ келліи, повергался крестообразно предъ образомъ Спасителя, просилъ у Него избавленія и получалъ; а послѣ, на пользу жившимъ съ нимъ, рассказывалъ, какъ будто это дѣлалось съ другимъ лицомъ.

Дважды отъѣзжалъ въ толшевскій монастырь: въ 1771 и въ 1776 годахъ; я жъ при немъ одинъ тамъ бывалъ, ибо я убогій отправлялъ всю его келейную потребность. Онъ тамъ располагался жить навсегда и кончить жизнь свою; но вода тамъ была гнилая и все мѣсто вокругъ монастыря болотистое, отъ чего на него нападала великая слабость. Неоднократно онъ говаривалъ мнѣ тамъ: «вотъ здѣсь на монастырь походить, самая монастырская и уединенная жизнь. Эхъ! когда бы не вода здѣсь такая гнилая, не подумалъ бы я никогда въ иной монастырь идти жить, истину тебѣ говорю.» Онъ всегда тамъ былъ покойнѣе и веселѣе. На литургію и на вечерню всякій день ходилъ въ церковь, самъ же и на крилосѣ пѣвалъ; а по воскреснымъ днямъ, въ праздники и во всю свѣтлую седмицу ходилъ въ трапезу и съ братією обѣдывалъ (а въ задонскомъ ни единойжды въ трапезѣ обѣдалъ). Въ толшевскомъ монастырѣ въ полуночи одинъ около церкви обхаживалъ и предъ всѣми дверьми малявался съ колѣнопреклоненіемъ и горячія слезы проливалъ, чего я и зрителемъ бывалъ. При-

слушаешься бывало, слышишь, онъ читаетъ: *слава въ Вышнихъ Богу* и проч., также и псалмы святые. Предъ западными же дверями съ полчася и болѣе мадивался, и потомъ скорыми шагами возвращался въ келлію; тамъ же онъ въ вящихъ трудахъ находился, ибо временемъ самъ и дрова рубилъ; прикажетъ мнѣ: «наточи топоръ хорошенько и рукавицы свои принеси мнѣ, я дровъ нарублю на печку свою, авось-либо поразобью кровь себѣ, можетъ быть и поздоровѣ буду.» Однажды прогуливался онъ за монастыремъ и, пришедъ въ келлію, сказалъ мнѣ: «я нашель въ лѣсу лежащую колоду, изъ которой дровъ воза два или болѣе будетъ, возьми топоръ, пойдемъ и разрубимъ ее, а то мы, братецъ, дрова-то покупаемъ.» Мы пошли въ лѣсъ и начали колоть, онъ же раздѣлся и колоть въ одной рубашкѣ и говорилъ мнѣ: «такъ я умаялся, даже пить захотѣлъ, сходи пожалуй въ монастырь и квасу принеси,»—въ чемъ онъ собою подавалъ мнѣ примѣръ къ трудолюбію. Онъ ничѣмъ такъ не оскорблялся, какъ когда, пришедъ къ намъ, заставалъ насъ въ праздности; это въ Задонскѣ бывало—онъ часто говаривалъ намъ: «кто-де въ праздности живеть, тотъ непрестанно грѣшить.» Самъ же онъ никогда въ праздности не бывалъ: утромъ до обѣдни писалъ душеспасительныя книги, которыя нынѣ существуютъ въ свѣтѣ, и пользуются ими многіе, ищущіе душевнаго спасенія; и нѣкоторыхъ дозналъ я, кои отъ чтенія его книгъ презрѣли суету міра сего, взяли крестъ свой и послѣдовали вслѣдъ Христа.

Въ 1770 году, когда онъ былъ занятъ сочиненіемъ книги «объ истинномъ христіанствѣ,» однажды размышлялъ онъ о страданіи Христа, Сына Божія, сидя на кровати, противъ коей на стѣнѣ прибита была картина, представлявшая распятаго Христа, всего ураненнаго, узвленаго, умученнаго,

окровавленнаго. Отъ великой радости и сердечнаго соболѣзнованія случилось ему чудное видѣніе,—вдругъ всталъ съ кровати и бросившись къ Спасителевымъ ногамъ, чтобы облобызать ихъ, выговорилъ гласно таковыя слова: «и Ты ли, Спасителю мой, ко мнѣ грядеши?..» чувствуя себя, аки у ногъ Спасителевыхъ. Отъ того часа онъ еще болѣе сталъ углубляться въ размышленіе о страданіяхъ Его и объ искупленіи рода человѣческаго... О какъ многихъ людей, жаждущихъ вѣчнаго спасенія, духовная сія струя наполняла въ маловременной его жизни! Но и по преставленіи его въ блаженную вѣчность напоятъ чрезъ его душеполезныя сочиненія. Любовь его ко всѣмъ была нелицемѣрная: онъ говаривалъ: «я временемъ въ мысляхъ своихъ чувствовалъ, что всѣхъ бы людей обнималъ и цѣловалъ, а иногда бывало ощущалъ въ себѣ отвращеніе отъ всѣхъ, искушеніе жъ сіе и нерѣдко чувствовалъ.»

Въ 1778 году въ тонкомъ снѣ было ему видѣніе таковое: во время богомыслія видѣлъ Богоматерь, сидящую на облацѣхъ, и около нея стоящихъ апостоловъ святыхъ Петра и Павла; а онъ, стоя передъ нею на колѣняхъ, просилъ о продолженіи Божіей милости всему міру, и слышалъ гласъ апостола Павла, громко произносящаго сіи слова: «егда рекутъ миръ и утверженіе, тогда нападеть на нихъ внезапу всегубительство.» Отъ страха и отъ гласа апостола, во ставъ, увидѣлъ себя трепетна въ слезахъ.

Въ бытность же моея у него услуги, въ 1779 году, находясь въ своей молитвенной келліи, лежа на кровати въ размышленіяхъ, какъ бы въ тонкомъ сновидѣніи, видѣлъ онъ Богоматерь, сидящую на воздухѣ и около нея стоящихъ нѣкинхъ лицъ; онъ упалъ на колѣни и видѣлъ—вокругъ него упали на колѣни четыре челоуѣка въ бѣломъ одѣяніи,—про-

силъ Ее о какомъ-то человѣкѣ, чтобъ отъ него оный не удалялся по смерть его. (Но кто оныя лица были и о комъ была просьба, не благоволилъ сказать на мое любопытство.) О чемъ ему отъ Божіей Матери сказано было такъ: «будеть то по просьбѣ твоей,» и такъ, какъ бы по обѣщаніи томъ, онъ отъ сна воспрянулъ въ радостномъ духѣ.

Въ 1755 году въ задонскомъ монастырѣ архимандритъ Варсонофій былъ тяжело боленъ слишкомъ мѣсяць; наконецъ трое сутокъ сидѣлъ въ креслахъ, едва дышалъ, и не сморгнулъ глазами, а какъ проглянулъ, то сталъ служащихъ при немъ спрашивать: «гдѣ я?» И приказалъ собрать братію и началъ сказывать свое видѣніе: «будто меня по какимъ-то дивнымъ мѣстамъ водили, и всѣ мои дѣла показывали, въ чемъ я предъ Богомъ согрѣшилъ, и потомъ я услышалъ тонкій гласъ: «моленія ради пресвятыя Богородицы и священно-мучениковъ Моисея и Андрея Стратилата даруется ти животъ; *сіе мѣсто прославится нѣкимъ угодникомъ моимъ*». И объ этомъ преосвященному сказывали, а онъ не приказалъ впредь никому объ этомъ сказывать, а самъ преосвященный передавалъ о томъ любящимъ его, а особливо отцу Митрофану, котораго онъ любилъ, какъ и изъ писемъ видно. Еще ему сказывалъ не на свое лице, а на другаго: «я де имѣю у себя нѣкогого друга, который мнѣ повѣда, яко бы онъ молился Господеву три года,» и просилъ: скажи мнѣ, Господи, кончину мою, и услышалъ гласъ: въ день недѣльный будетъ конецъ жизни твоя.» И еще повѣдалъ онъ, «что де онъ хаживалъ ночами-вокругъ церкви и молился Господеву: скажи мнѣ уготованное любящимъ Твоимъ и что есть Елеонъ, и, зашедши противъ алтара, молился и видѣть—все небо отверсто и монастырь весь во свѣтѣ сталъ, и гласъ былъ: виждь уготованное любящимъ Бога. И видѣлъ

неизреченная благая и отъ страха палъ на землю, едва могъ до келліи доползть. И еще повѣда той же другъ мой: въ тонкомъ сновидѣніи мнѣхся быти въ церкви, и въ оной увидѣлъ двухъ святителей въ облаченіи зѣло прекрасныхъ, одинъ въ патріаршемъ одѣяніи, — а онъ стоялъ близъ ихъ. И вышелъ изъ алтаря архидіаконъ съ хрустальнымъ кадиломъ и прежде архіепископа покадилъ, потомъ патріарха и потомъ онаго челоуѣка, и поглядя тотъ челоуѣкъ, который сіе видѣніе видитъ, кто оный, и позналъ, — самаго того числа было Германа патріарха и архіепископа Епифанія день, то-есть сіе было видѣніе мая въ 12 день.»

Онъ любилъ архимандрита Самсона. По случаю приѣзда нѣкогда въ Задонскъ преосвященнаго Тихона 3-го для посѣщенія, приѣхалъ съ нимъ и архимандритъ Самсонъ, и, будучи въ кельѣ у моего владыки, между разговорами, началъ его хвалить въ глаза по таковой богоугодной жизни, такъ что и прибавилъ, что онъ прославленъ быть можетъ и по смерти нетлѣннымъ тѣломъ; за что на него архимандрита онъ весьма оскорбился, до того, что счелъ архимандрита за предстоящаго и говорящаго въ немъ духа лукаваго, и съ тѣхъ поръ сильно на него сѣтовалъ; ибо терпѣть не могъ ни отъ кого хвалебныхъ словъ слышать, видя на живой примѣръ умершаго и четверодневнаго, уже смердящаго Лазаря, праведнаго друга Христова. Внимая самому себѣ, онъ даже самыя благія свои мысли разсматривалъ такъ тонко, какъ могутъ быть видимы на рукахъ черты, — о семъ онъ всякому хотящему спастися, со объясненіемъ внушалъ.

А когда услышитъ о начальникахъ монастыря или о братіи, что внушаютъ что-либо, клонящееся къ осужденію, онъ всегда дѣлалъ выговоры, — сего онъ терпѣть не могъ, — а всякаго приучалъ онъ къ вниманію о себѣ самомъ. Клеветниковъ

и злонаравныхъ ненавистниковъ отвращался. Онъ не обинулся всякому приѣзжающему или приходящему къ нему, — кто бы то ни былъ, хотя бы изъ благодѣтелей, кои снабжали его пужнымъ, если услышитъ въ разговорахъ осудительную матерію относительно бляжняго, — съ правоученіемъ дѣлывалъ выговоръ и запрещалъ осудительныя рѣчи, и затворялъ уста такимъ, чтобы впредь никогда онъ того не слышалъ.

Всегда мысли его простирались къ уединенію и пустынной жизни, и часто онъ говаривалъ: «если бы можно было, я бы и сей санъ съ себя сложилъ, и не токмо санъ, но и клобукъ, и рясу снялъ съ себя бѣ, и сказалъ бы о себѣ, что я простой мужикъ, пошелъ бы въ самый пустынный монастырь и употребилъ бы себя въ работу, какъ то: дрова рубить, воду носить, муку сѣять, хлѣбы печь и проч.; но та бѣда, что у насъ въ Россіи этого сдѣлать невозможно». Такъ же говаривалъ часто и объ аеонской горѣ: «тамъ-де многіе наша братья, епископы, оставя епархіи, живутъ по монастырямъ въ уединеніи». Когда же у него бывали проѣздомъ оттуда греческіе архимандриты монастырей, то онъ много съ ними разговаривалъ объ ихъ монастыряхъ и о монашеской жизни. И когда они сказывали объ ихъ строгой жизни, то онъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ, когда жъ выходили отъ него, то онъ благословитъ ихъ и скажетъ: «прощай, возлюбленне, вотъ мой низкій поклонъ святымъ отцамъ, живущимъ въ аеонской горѣ, — чтобы ты усердно попросилъ ихъ, дабы они въ своихъ святыхъ молитвахъ поминали мое окаянство.»

Теперь скажу о нестяжательной кедейной его жизни: ибо онъ имѣлъ только самое нужное и необходимое. Постелей у него были коверъ, набитый соломой, да двѣ подушки перовыя, одѣяла не было, но тулупъ овчинный, китайкою покрытый; опоясывался ремненнымъ поясомъ; ряса у него одна была — и та су-

конная гарусная; обувался онъ въ коты и чулки суконныя толстыя, кои подвязывалъ ремнями, а двѣ зимы въ лаптяхъ ходилъ, но только въ келліи, и скажетъ: «вотъ какъ покойно ногамъ въ лаптяхъ ходить.» Когдажъ къ обѣднѣ шелъ, или при гостяхъ, лапти снималъ съ себя и обувался въ коты. И четки у него были самыя простыя, ременныя. Ни сундукъ и никакого влагалища не было у него, только кожаная киса и та ветхая, въ нее,—куда онъ поѣдетъ, биралъ ее съ собою,—онъ клалъ книги да гребень, нѣсколько рубахъ и восемь фуфаяекъ изъ бѣлой байки, которыя онъ часто переменялъ отъ усилившагося пота. Года за два до кончины своей онъ написалъ (завѣщаніе на счетъ своего имущества), чтобы, послѣ кончины его, святыя образа вручить въ благословеніе извѣстнымъ его благодѣтелямъ, а фуфайки раздать бѣднымъ дѣтямъ сиротамъ; два подрясника: одинъ овчинный, другой заячій, покрытые темною китайкою,—вотъ и весь нарядъ, и украшеніе его было. Но правда, подарилъ ему преосвященный Тихонъ 3-й астраханскій штофную рясу, онъ долго отказывался отъ нея и взялъ лишь послѣ убѣдительноя просьбы, эту рясу онъ носилъ. И, замѣчательно, что онъ очень опасался, чтобы не привязаться къ какой-нибудь временной и тлѣнной вещи: когда онъ прихаживалъ отъ обѣдни, снимешь обыкновенно съ него рясу, станешь складывать, а онъ возьметъ ее изъ рукъ моихъ, и, бросивъ на полъ, скажетъ: «это бредня, братецъ! Давай на столъ скорѣе, я ѣсть хочу». Посуды оловянной и деревянной малое число было, два чайника мѣдныхъ—одинъ для варенія воды, другой для чаю, двѣ пары чашекъ чайныхъ, два стакана стеклянныхъ, тазъ мѣдный, часы стѣнные простыя съ кукушкою; нѣсколько полотенецъ и бѣлыхъ носовыхъ платковъ тонкаго полотна;—все это, по завѣщанію его, рас-

продано, и бѣднымъ полученные деньги розданы вмѣстѣ съ деньгами, оставшимися послѣ кончины его, семнадцатью рублями 50-ю копѣйками.

Прежнее же свое платье шелковое, холодные и теплые подрясники и рясы на лисьемъ мѣху, и прочее приличное архіерейскому сану одѣяніе, пуховикъ съ пуховыми подушками и одѣяла хорошія, съ первыхъ годовъ своего прибытія въ задонскій монастырь, онъ продалъ и деньги употребилъ на бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Въ кельи его не было никакого убранства и украшенія, кромѣ святыхъ картинъ, изображавшихъ страсти Спасителя нашего и проч.,—все соотвѣтствовало его смиренномудрію и нестяжанію.

Комплекціи онъ былъ ипохондрической и часть холерики была въ немъ. Иногда дасть мнѣ строгій и справедливый выговоръ, но скоро прихаживалъ въ раскаяніе и сожалѣніе: чрезъ полчаса позоветъ меня къ себѣ и дасть мнѣ либо платокъ, либо колпакъ, или иное что и скажетъ: «возьми себѣ», что и было знакомъ одобренія и утѣшенія.

Три лѣта у него была данная отъ гг. Бехтѣвыхъ лошадь и одноколка, на которой, послѣ обѣда и отдохновенія, проѣзжался всегда въ поле, а иногда въ лѣсъ,—съ нимъ ѣзжалъ я одинъ. «Поди, скажетъ, заложу одноколку, проѣдемся, возьми съ собою чашку и косу, накосимъ травы старику (лошадь весьма старая была), также и воды напьемся тамъ.» Дорогою все говаривалъ, либо съ травы матерію возьметъ, или съ Священнаго Писанія, какіе тексты объясняетъ мнѣ, а все бесѣду клонилъ къ вѣчности. Проѣзжалъ же большею частію по патриаршей дорогѣ, которая лежитъ вверхъ рѣки Дона. Иногда и въ лѣсъ ѣзжали, гдѣ и траву самъ кашивалъ на полянахъ, а мнѣ прикажетъ подгрести, скажетъ: «клади въ одноколку, старику годится на ночь.» По временамъ проѣзжалъ и къ источнику, который былъ разстояніемъ отъ За-

донска около девятиверсть, на берегу рѣки Дона, тамъ и воды бывало напьется; онъ любилъ этотъ источникъ, ибо вода въ немъ была весьма прозрачная; походить бывало около него и скажетъ: «пождемъ паки въ монастырь.»

При келліи его жилъ рясофорный монахъ Теофанъ, лѣтъ ему уже за семьдесятъ было. Онъ происходилъ изъ однодворцевъ и грамотъ не умѣлъ; характера жъ—самаго простаго селянина былъ. Но преосвященный столъ любилъ его, что рѣдко безъ него и обѣдывалъ. Старець и рукодѣіе имѣлъ самое низкое—портное, да лапти плеталъ. Но когда преосвященный впадалъ въ мрачное расположеніе духа, т. е. когда на него находило искушеніе, то старецъ Теофанъ простыми поселянскими разговорами пользовалъ его (развлекалъ и успокоивалъ), а обходился онъ съ его преосвященствомъ, какъ съ прочими поселянами, и называлъ преосвященнаго *бачка*. По простодушію своему или по природной своей простотѣ, онъ нерѣдко виѣшивался въ духовныя его бесѣды, такъ что перебивалъ его архипастырскій здравый разумокъ, велъ свою матерію, приличную сущую простолюдинамъ. Но преосвященный, по скромности и по великодушію своему, уступая старцу, выслушивалъ его матерію: и простолюдинъ, думалъ онъ, между простыми словами, весьма замѣчательную скажетъ рѣчь, такъ что и всякъ можетъ пользоваться. Отъ его бесѣды преосвященный чувствовалъ въ себѣ перемѣну въ мысляхъ и спокойнѣе бывалъ и послѣговаривалъ о немъ: «Теофанъ-де утѣха моя, я имъ весьма доволенъ; за то я его хвалю: первое, за простосердечіе, второе, что онъ никогда празденъ не бываетъ, но всегда въ благословенныхъ трудахъ упражняется.» Подлинно и старецъ, по жизни своей, достоинъ былъ похвалы. Да съ нимъ же почти ежедневно говаривалъ точными словами: «Теофанъ, пора, пора въ отечество: имъ уже истинно наскучила жизнь эта, я радъ бы

хоть и теперь блаженно умереть, только бы не лишиться вѣчнаго блаженства». И скажетъ: «бѣдные, о окаянныя мы! Теперь избранные Божіи радуются и веселятся; а мы, странники и пришельцы, въ маловременной сей жизни, бѣдствуемъ и волнуемся. Куда, Теофанъ, намъ надобно всегда мысленно стремиться, чтобъ не лишиться съ ними участниками быть? Пусть Теофанъ, міръ мірское и любить, а мы непременно всегда будемъ стараться горняя доставать. Такъ-то, Теофанушка». Сямъ онъ и кончитъ. У него жъ всегда первыя мысли и разговоры были о смерти, и написана была у него картина, на которой изображенъ украшенный сѣдинами старецъ, лежащій въ гробѣ, въ черномъ одѣяніи; она на стѣнѣ прибита была у ногъ его; тутъ же у кровати стоялъ и налейчикъ деревянный, на которомъ лежали книги. Онъ часто взглядывалъ на картину, и изъ глубины сердечной вздохнетъ и скажетъ: «скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моихъ кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ.» Этотъ текстъ онъ часто пѣвалъ и днемъ, и ночью, и сидя, и ходя, всегда съ умиленными слезами и съ сердечнымъ воздыханіемъ. →

Скажу теперь о милостивыхъ и милосердныхъ его дѣяніяхъ. Онъ охотно внималъ гласу вопіющихъ къ нему: питалъ сиротъ и безпомощныхъ, милосердъ былъ къ нищеть и убожеству,—словомъ онъ все раздавалъ, и деньги, кои изъ казны получалъ, и привозимые къ нему старшинами донскихъ козаковъ, и присылаемые изъ городовъ Воронежа и Острогожска благородными и купцами богатыми; не токмо деньги, и бѣлье раздавалъ,—оставалось лишь то, что на себя имѣлъ,—и хлѣбъ, который присылали благодѣтельные господа помѣщики, да и хлѣба того не доставало, онъ покупалъ еще и раздавалъ. И одежду, и обувь получали отъ него бѣдные и неимущіе, для чего онъ покупалъ шубы, кафтаны и холстъ, а инымъ и хижины, инымъ скотину, какъ то: ло-

шадей, коровъ и оными снабжалъ ихъ. Мало того, даже и деньги занималъ. Когда все раздастъ, скажетъ мнѣ: «сходи пожалуй въ Елецъ и займи денегъ у такого-то купца, я отдамъ ему, когда изъ казны получу, а теперь у меня нѣтъ ничего денегъ: вотъ приходитъ бѣдная братія моя ко мнѣ, и отходятъ безъ утѣшенія,—жалко мнѣ и смотрѣть на нихъ.» Иногда бывало приходящему бѣдному и откажетъ, но только разспроситъ, откуда и какой человекъ, на другой день прихаживалъ въ сожалѣнныя и раскаянныя, призоветъ меня и скажетъ: «вчера отказалъ такому-то бѣдному, возьми деньги, пожалуй, отнеси ему, такъ можетъ быть и утѣшимъ его». Къ нему былъ свободный доступъ всѣмъ бѣднымъ приходящимъ къ нему. Смиренно-мудрѣ въ немъ было удивительное: приходящихъ поселянъ стариковъ сажалъ при себѣ и съ ними ласково и много разговаривалъ объ ихъ сельской жизни, и, снабдивъ ихъ нужнымъ, отпускалъ ихъ радостными. Живущихъ близъ монастыря экономическихъ бѣдныхъ крестьянъ, а паче вдовъ и сиротъ онъ на своемъ коштѣ содержалъ, и платилъ за нихъ подушныя и прочія казенныя подати, хлѣбомъ кормилъ и одеждами одѣвалъ ихъ,—словомъ помогалъ имъ во всѣхъ нуждахъ. Замѣчательно, что въ тотъ день, когда приходящихъ бѣдныхъ болѣе бывало у него, и когда онъ больше раздастъ денегъ и прочаго, онъ въ тотъ вечеръ бывалъ радостнѣе и веселѣе; а если въ какой день было мало, или никого не было, въ тотъ вечеръ онъ прискорбнѣе бывалъ. Смысла скажу: онъ былъ, по Юву святому, око слѣпымъ и нога хромымъ; у него двери всегда были отворены всѣмъ приходящимъ: бѣднымъ, нищимъ и страннымъ; пищу, питіе и спокойствіе готовое они у него находили.

Малыхъ дѣтей экономическихъ крестьянъ приучалъ онъ къ обѣднѣ ходить, и чѣмъ? Когда самъ изъ церкви пойдетъ, то они всѣ, вокругъ его, за нимъ идутъ; войдетъ въ свою

переднюю келлію, и они войдутъ за нѣмъ, по три поклона земныхъ положить, единогласно и громко скажутъ: слава Тебѣ, Боже нашъ! слава Тебѣ! А онъ скажетъ имъ: «дѣти, гдѣ Богъ нашъ?» Они также единогласно и громко скажутъ: Богъ нашъ — на небеси и на земли! «Вотъ хорошо, дѣти» и погладитъ рукою всѣхъ по головѣ, дастъ имъ по копѣйкѣ и по куску блага хлѣба, а въ дѣтнее время одѣлитъ по яблоку. Когда жъ, по слабости здоровья, не бываетъ у обѣдни, то дѣти придутъ въ церковь, посмотреть — нѣтъ его преосвященства въ церкви, они и уйдутъ вонъ. Когда жъ я приду къ нему отъ обѣдни, то онъ спроситъ: были ли дѣти у обѣдни? Скажешь, что входили въ церковь, посмотрѣли, что нѣтъ вашего преосвященства, и ушли по домамъ. Онъ улыбнется и скажетъ: «это бѣда: они, бѣдные, ходятъ къ обѣднѣ для хлѣба и копѣекъ; я весьма радуюсь, что они ходятъ къ обѣднѣ.»

Если кто изъ прохожихъ крестьянъ, идущихъ на работу, дорогой заболитъ, то у него спокойное пристанище обрѣтали. Онъ самъ успокоивалъ ихъ, даже приносилъ свою подушку и волпакъ, и пищу для него приказывалъ готовить получше, и чаемъ самъ поилъ ихъ раза по два и по три на день, по часу и болѣе просиживалъ возлѣ ихъ, утѣшалъ и ободрялъ ихъ пріятными и благоразумными разговорами. А иные изъ нихъ умирали, — онъ же христіанское и сострадательное попеченіе имѣлъ о нихъ, чтобы со обрядомъ христіанской должности непременно напутіемъ снабжены они были, при семъ самъ присутствовалъ и при погребеніи бывалъ, а могилу приказывалъ выкопать нѣтъ съ поваромъ. Иные жъ изъ больныхъ выздоравливали и отходили отъ него съ наградительнымъ напутіемъ для дороги, куда имъ слѣдовало идти. Въ 1774 году нѣкто изъ смоленскихъ жителей, шляхтичъ, именемъ Стефанъ Гавриловъ, по благому

своему расположенію оставить мірскую жизнь, предпринялъ намѣреніе странствовать, и странствуя всюду по Россіи и слышавъ о богоугодной жизни преосвященнаго, побуждаемый любопытствомъ, онъ пришелъ къ преосвященному и пребывалъ въ задонскомъ монастырѣ. Однажды бесѣдуя съ преосвященнымъ о духовныхъ предметахъ, отъ сущаго своего высокоумія началъ спорить и осуждать преосвященнаго на счетъ постриженія усовъ, поелику оный Стефанъ имѣлъ отпущенные у себя усы. Преосвященный смиренно отвѣчалъ ему словами апостола Павла: «блуди, брате, како опасно ходишь, и не высокоумствуй, но бойся, и мняйся стояти да блюдешися». Стефанъ, какъ бы соблазнясь его богоугодною жизнію, пошелъ паки странствовать; но, странствуя, впалъ въ страсть пьянственную, такъ что потерялъ аттестатъ, и до того довелъ себя, что его изъ Москвы по пересылкѣ снова привели въ городъ Задонскъ минувшаго 1780 года, — половина головы была обрита, борода и усы острижены, и посадили въ тюрьму, гдѣ онъ содержался долгое время. Но преосвященный, узнавъ о томъ, изъ челоуѣколюбія взялъ его на-поруки, и бывъ у преосвященнаго, признавалъ свою погрѣшность и испросилъ у него прощенія во всемъ, говоря, что онъ наказанъ единственно за его святительскую особу. Преосвященный простилъ его и отпустилъ съ подобающимъ къ его пользѣ наставленіемъ.

Въ 1768 году въ городѣ Ливнахъ несчастный сдѣлался случай, былъ великій пожаръ. Преосвященный не оставилъ безъ помощи пострадавшихъ отъ пожара: онъ отправилъ въ Ливны схимонаха Митрофана съ деньгами, который съ размѣрностію и раздавалъ тамъ. Въ 1769 году такой же несчастный случай послѣдовалъ въ городѣ Ельцѣ. Преосвященный, движимъ будучи обычнымъ своимъ состраданіемъ, явилъ милосердіе, самъ отправился въ города Воронежъ и Острогжскъ для испрашиванія денегъ у благодѣтелей

своихъ на постройку сгорѣвшихъ домовъ бѣдныхъ людей, чѣмъ онъ много и помогъ имъ. Онъ же не оставлялъ и въ темницѣ сидящихъ посѣщеніемъ своимъ; въ городѣ Ельцѣ два раза посѣщалъ острогъ и утѣшалъ сидящихъ подъ стражею бѣдныхъ узниковъ, и снабжалъ деньгами и всѣми потребностями для нуждъ ихъ; а послѣ, когда былъ учрежденъ г. Задонскъ и тамъ темница, онъ содержалъ узниковъ на своемъ коштѣ.

Въ городѣ Ельцѣ былъ у него искренній пріятель, ктиторъ покровской церкви Козьма Игнатьевичъ Студежекинъ, который проводилъ жизнь безбрачную. Преосвященный имѣлъ къ нему особенное благоволеніе и великую довѣренность до самой своей блаженной кончины; ему поручалъ деньги для раздачи вдовамъ и сиротамъ, такъ же и содержащихся подъ стражею должниковъ по векселямъ и претензіямъ выкупалъ отъ займодавцевъ и освобождалъ. Не токмо по близости живущимъ щедрыя его простирались къ бѣднымъ милости, но и въ отдаленнѣйшія страны, какъ то въ Новѣгородѣ, въ Валдаѣ, и въ отечествѣ своемъ селѣ Короцкѣ. Въ 1770 году, въ маѣ мѣсяцѣ, онъ говорилъ мнѣ: «въ дѣянїяхъ—де Апостольскихъ написано, что въ Антіохїи первенствующіе христіане собрали милостыню и послали въ Іерусалимъ къ бѣднымъ христіанамъ, то я хочу послать тебя пѣшкомъ въ Короцкъ къ брату моему Ефиму съ деньгами; ибо тамъ, въ нашей сторонѣ, очень бѣдные люди живутъ. Вы тамъ обще съ братомъ и раздайте, а тебѣ за послушаніе отъ Бога изда будетъ». Итакъ я отправился съ немалымъ количествомъ денегъ; изъ нихъ приказано мнѣ было брату его Ефиму дать пять рублей, да другому брату егожъ Петру, который въ Новѣгородѣ жилъ, тому десять рублей, что я и выполнилъ по приказанію. По возвращенїи моемъ изъ Короцка въ Задонскъ, я пожилъ при немъ только двѣ недѣли, и снова онъ отправилъ меня въ Петербургъ также пѣшкомъ, не для своей на-

добности, но по своему благому и милосердному сожалѣнію, для «церковной вдовы старухи», у которой двухъ сыновъ отдалъ безвинно въ военную службу архіерей Тихонъ 2-ой. Сжалившись надъ невинными, владыка послалъ со мною частныя письма къ синодальнымъ членамъ, да такъ же и отъ старухи была просьба, которую я и подалъ въ синодъ, а письма вручилъ, кому слѣдовало. Просьба преосвященнаго была уважена, и сыновья вдовы возвращены изъ военной службы и опредѣлены по прежнему въ церковныя причетники. Потомъ онъ снова посылалъ меня въ Новгородъ и Короцкъ къ братьямъ со усугубленіемъ денегъ, которыя съ ними обще и были розданы бѣднымъ людямъ. Въ 1772 и 1774 годахъ онъ посылалъ меня опять въ Короцкъ и въ Петербургъ съ деньгами на раздачу бѣднымъ, и то замѣчательно, что не болѣе какъ по пяти рублей прикажетъ дать братьямъ и скажетъ: «пусть братья сами трудятся, а на меня не падѣются; чѣмъ болѣе давать имъ денегъ, тѣмъ они болѣе баловаться будутъ». Отправляя меня въ дорогу, онъ прикажетъ мнѣ запереть дверь кельи, самъ преклонитъ колѣна, и мнѣ прикажетъ на колѣни стать, и прочтетъ псаломъ «Боже, въ помощь мою вонми» до конца, потомъ «Достойно есть» и малый отпустъ скажетъ, потомъ благословитъ, поцѣлуетъ въ уста и во главу и скажетъ: «Ангель хранитель да спутешествуетъ съ тобою. Вотъ я тебѣ приказываю: ты братецъ, дорогою идучи, читай псалмы святые, также и молитвы, какія знаешь; а отъ того дорогою веселѣе тебѣ идти будетъ».

Неоднократно онъ говаривалъ мнѣ: «слышу—де я отъ моихъ, для чего я оставилъ епархію и пошелъ въ келію. Вотъ причина моего уединенія: первое, слабость моего здоровья не позволяла мнѣ управлять епархією; второе, епископскій омофоръ, который на плечахъ своихъ епископы носятъ,

очень тяжелъ,—я-де ни поднять, ни носить не могу онаго; но къ тому жъ я и силъ не имѣю такихъ: пусть сильные носятъ. Вотъ и причина моего келейнаго уединенія».

Въ мытню, или въ баню, онъ съ 1771 года не ходилъ по самую кончпну; а изрѣдка, когда былъ еще въ силахъ, самъ себѣ голову, только что въ келіи, отъ умножившагося пота вымывалъ. Никто изъ келейниковъ не одѣвалъ его, не раздѣвалъ и не разувалъ; но, по смиренномудрію своему, онъ все самъ дѣлалъ. Только, когда его силы истощились, я усердно упрасивалъ его, дабы благоволилъ все то къ спокойствію его выполнять, и то едва упросилъ; все говорить бывало: «я еще самъ въ силахъ.» Скажу о дивномъ и великодушномъ его терпѣніи: какія обиды сносилъ онъ отъ начальниковъ монастырскихъ и отъ монаховъ, но злое благимъ побѣждалъ. Начальникъ монастыря иногда, бывая въ благородныхъ домахъ, говорилъ о его святительской особѣ: «онъ-де въ монастырѣ хуже монаха живетъ у меня;» доходили эти слова до ушей преосвященнаго: онъ бывало и скажетъ мнѣ: «возьми сахару голову, отнеси архимандриту, либо винограднаго вина боченокъ, или иного чего-нибудь,—у него, можетъ-быть, нѣтъ этого». Досаждавшіе ему монахи временемъ дѣлались больны; онъ всякій день, раза по два и по три, посѣщалъ ихъ, при чемъ утѣшалъ и ободрялъ своими благоразумными и пріятными разговорами, и снабжалъ ихъ пищею и питьемъ. Даже отъ монастырскихъ служителей много терпѣлъ онъ; чудное было терпѣніе у дивнаго сего святителя. Иногда прохаживался онъ по монастырю, когда они работали,—и случалось, что смѣялись вслѣдъ его. Онъ какъ будто не слышитъ ничего, но послѣ скажетъ: «Богу такъ угодно, что и служители смѣются надо мною, да я жъ и достоинъ этого за грѣхи мои, но еще и мало сего»; потомъ улыбнется и скажетъ: «ну долго ли

мнѣ обидѣть ихъ, да не только ихъ, но и начальнику я скоро бы отомстилъ, но не хочу никому мстить.» Онъ часто говаривалъ: «прощеніе лучше мщенія». И служителямъ этимъ онъ много благодѣтельствовалъ въ недостаточествѣ домашнихъ нуждъ: помогалъ имъ хлѣбомъ, деньгами и прочимъ не оставлялъ ихъ; вотъ какъ отищалъ онъ оскорбленіе и обиды свои, по апостольскому слову: еще убо алчеть врагъ твой, ухлѣби его; еще ли жаждеть, напои его. Онъ точно исполнялъ сіе.

Не разъ собирался онъ выѣхать изъ задонскаго монастыря въ новгородскую епархію, куда неоднократно приглашалъ его митрополитъ Гавріилъ. Однажды онъ рѣшился на выѣздъ и написалъ уже прошеніе, куда слѣдуетъ. Въ этотъ день былъ я за монастырскими воротами, туда жъ вышелъ и монахъ Ааронъ. Я и сказалъ ему, что преосвященный нашъ положилъ непремѣнно выѣхать отсюда въ новгородскую епархію. Отецъ Ааронъ на сіе сказалъ мнѣ: «что ты бѣснуйся? Матерь Божія не велитъ ему выѣзжать отсюда». А онаго монаха Аарона преосвященный очень почиталъ за строгую и воздержную жизнь. Я передалъ преосвященному слова отца Аарона. «Точно ль говорилъ отецъ Ааронъ такія слова?» спросилъ владыка. Я отвѣчалъ, что точно такъ говорилъ. «Ну такъ я и не поѣду отсюда» и, взявъ просьбу, разодралъ. Часто онъ говаривалъ: «я бы непремѣнно выѣхалъ отсюда, но жалко мнѣ городъ Елецкъ оставить: я весьма люблю елецкихъ жителей; я замѣчаю, что въ немъ много благочестно живущихъ людей,» но также скажетъ—«будто я родился въ немъ»; особенно благоволилъ онъ къ дому елецкаго купца Григорія Ѳедоровича Ростовцева, который былъ весьма воздержной и набожной жизни. Преосвященный нерѣдко говаривалъ о домѣ его точными словами: «намъ-де, черпцамъ, надобно учиться добродѣтельной жизни изъ дому Григорія Ѳедоровича Ростовцева». У Григорія Ѳедоровича

было два сына Димитрій и Михаилъ Григорьевичи,—оба проводили безбрачную жизнь. Димитрію Григорьевичу преосвященный поручалъ продавать подаренныя ему шелковыя на рясы матеріи и прочія вещи, и покупать для себя, что нужно въ келейной жизни. Преосвященный имѣлъ къ нему отиѣвное довѣріе, и весьма былъ радъ, когда тотъ пріѣдетъ къ нему, и много разговаривалъ съ нимъ о должности христіанской жизни. И самъ онъ, когда пріѣзжалъ въ Елецъ, временешъ, останавливался въ келіи Димитрія Григорьевича, который велъ келейную и набожную жизнь.

Въ 1779 году, когда его преосвященство уже въ послѣдній разъ былъ въ Елецѣ, онъ въ его же келіи и квартировалъ, только тогда преосвященный крайне слабѣлъ здоровьешъ, и потому не могъ говорить съ приходящими къ нему гражданами. А въ прежніе пріѣзды, когда онъ поздоровѣе былъ, онъ много говаривалъ съ приходящими къ нему и радовался, что къ нему стекаются градскіе жители и ищутъ отъ него душеспасительнаго наставленія. Они жъ въ знакъ своего усердія приносили ему рыбу, хлѣбъ и проч.; онъ принималъ, но все отсылалъ въ острогъ къ содержащимся подъ стражею узникамъ, а себѣ ничего не оставялъ, только скажетъ бывало ииѣ: «возьми себѣ калачей на дорогу, а ииѣ ничего не надобно.»

Онъ просилъ Господа Бога о извѣщеніи кончины своей жизни, и былъ ему такой гласъ: «конецъ твоей жизни будетъ въ день недѣльный,» о чемъ онъ келейно открывался нѣкоторому челоувѣку, своему любимицу. За три дня предузналъ онъ свою кончину, приказалъ ииѣ никого не допускать къ нему въ эти три дня, а особенно при разлученіи его души отъ тѣла, что и было наблюдаемо въ выполненіе приказанія его. Въ 1779 г., въ декабрь мѣсяцѣ, въ послѣднихъ числахъ, для учрежденія вновь города Задонска изъ Воронежа пріѣхали благородные.

Въ день праздника Рождества Христова былъ онъ въ по-

слѣдній разъ въ церкви на литургіи. По прочтеніи Апостола и Евангелія, я подошелъ къ нему для принятія благословенія, ибо въ томъ монастырѣ былъ обычай, кто читаетъ Апостола, тотъ долженъ, по прочтеніи Евангелія, принять благословеніе у его преосвященства. Онъ благословя меня и говоритъ мнѣ: «поди впередъ меня и очисти мнѣ дорогу;» потому что въ церкви была большая тѣснота отъ народа. Я и пошелъ впередъ; онъ вышелъ на паперть и сказалъ мнѣ: «постой здѣсь;» а самъ пошелъ за церковь на сѣверную сторону и съ четверть часа былъ тамъ,—прежде же никогда онъ не выхаживалъ изъ церкви. Пришелъ и говоритъ мнѣ: «поди паки въ церковь.» И по окончаніи обѣдни подошли къ нему благородные для принятія благословенія, онъ благословилъ всѣхъ ихъ, но былъ онъ тогда весьма прискорбенъ. По выходѣ изъ церкви, вышелъ въ сѣни, и говоритъ мнѣ: «запри двери; ежели придутъ дворяне, ты скажи имъ, что пресвященный весьма слабъ здоровьемъ.» Приходили благородные, я имъ такъ и сказывалъ, по приказанію его, они и пошли прочь. Но съ сего жъ времени, до самой своей кончины, онъ ни въ церковь и никуда не выходилъ и не выѣзжалъ; а только выходилъ на заднее крыльцо: постоитъ, или посидитъ немного; и къ себѣ никого не пускалъ, развѣ весьма знакомаго и духовнаго чловѣка, и то на короткое время; потому что онъ былъ въ глубокомъ молчаніи, только скажетъ что-нибудь самое нужное и необходимое. Прежде, когда я читывалъ ему Священное Писаніе, онъ много и объяснялъ мнѣ, а въ сіе же время онъ только слушалъ и все молчалъ: главъ 10 ть и болѣе прочитаешь, онъ скажетъ: «полно, благодарствую тебѣ, поди себѣ;»—вотъ только и услышишь отъ него.

По особому завѣщанію, у него была издавна заготовлена имъ самизъ одежда (на случай смерти): черный крашеный подрясникъ, ряса, поясъ изъ кожи черной съ мѣдными бля-

хами,—спмъ поясомъ онъ всегда при жизни своей опоясывался, — малое архіерейское облаченіе, епитрахиль ветхій, мантія, панатія, омофоръ и камилавка съ клобукомъ. Также и гробъ до кончины его за четыре или за пять годовъ заготовленъ былъ; обить оный былъ черной фланелью, и на верху доски, покрывающей тотъ гробъ, крестъ сдѣланъ изъ бѣлой тесьмы нитяной; сей гробъ стоялъ близъ задней спальни въ чуланѣ, и, кромѣ приближенныхъ при немъ келейниковъ, никто не зналъ ни о гробѣ томъ, ни объ одеждахъ. Повседневно, смотря почасту (на приготовленное), съ не малыи чувствованіями оплакивалъ паденіе первобытнаго человѣка и всего рода человѣческаго, воображая человѣка яко тварь разумную, и нерѣдко служившимъ при немъ въ правоченіе говоря: «до чего себя довелъ человѣкъ, аки со скотомъ равно въ землю зарывается, будучи отъ Бога сотворенъ безпорочнымъ и безсмертнымъ.» По таковомъ воображеніи отходилъ въ уединенную келію съ плачемъ и рыданіемъ и воплемъ крѣпкимъ, и слышенъ былъ гласъ, аки гласъ плачущихъ по умершихъ. Потомъ углублялся онъ въ размышленіе о двоякой вѣчности, счастливой и несчастливой, сидя болѣе на кровати, такъ бывало, что когда я войду къ нему, то онъ отъ такого углубленія не слышалъ пришедшаго къ себѣ; сидитъ и правою рукою держитъ за лобъ, и аки сквозь сонъ чувствуетъ, что вошли къ нему,—о чемъ послѣ, подъ сомнѣніемъ будучи, призвавши спрашивалъ меня: «не приходилъ ли кто ко мнѣ въ такое-то время?»

нр. 44

— Преосвященный, во время своей болѣзни, рѣдкую недѣлю не приобщался; а на той недѣли, на которой ему умереть, приобщался св. Таянъ, помнится, два раза. 12 числа ввечеру приказалъ просить очереднаго іеромонаха какъ можно ранѣе отслужить литургію и придти съ потиромъ святыхъ Таянъ приобщить его; но утреной приопоздали. Съ 3-го часу поло-

луночи, страдая нестерпимой жаждою, онъ приказалъ поднять себя и выкушалъ половину чашки горячей чайной воды; спрашивалъ, служатъ ли литургію; и, по приказанію его, я послалъ къ очередному іеромонаху, но какъ онъ не есть имъ власть, то и всегда медленно было по его просьбѣ.

Отецъ игумень Самуилъ, наканунѣ его кончины, по скромности своей, пришелъ самъ собою и сѣлъ подлѣ одра его, на которомъ онъ лежалъ, но лежалъ безъ всякаго томленія только закрывши глаза. Игумень началъ его спрашивать: не будетъ ли какого приказанія? Преосвященный, открывши глаза, взглянулъ на него, и сказалъ мнѣ на ухо, чтобъ онъ его не беспокоилъ, и что нѣтъ никакого приказанія. Онъ поцѣловалъ у преосвященнаго десницу и пошелъ во свои келліи; а меня вызвалъ и приказалъ, чтобъ я непременно доложилъ ему при самой кончинѣ преосвященнаго. Я, какъ будучи челоуѣкъ подвластный и остаюсь осиротѣвши, лишаясь отца и пастыря, устрася строгого приказанія его, за часъ или за полтора часа до кончины сего святителя, посылалъ къ нему съ докладомъ. Но посланный, пришедъ къ игуменской кельѣ подъ окно, много разъ стучалъ въ ставню и творилъ молитву, никакъ не могъ его спящаго разбудить, съ тѣмъ и воротился. Я опасаясь строгого его приказанія, опять посылалъ, но не могли разбудить его. Услышавъ о приближающейся кончинѣ святителя, всѣ монашествующіе, кои находились въ то время въ церкви на утреннемъ пѣніи, пришли къ преосвященному, желая видѣть кончину его; съ полчаса стояли они въ келліи въ глубокомъ молчаніи; но покойный схимонахъ отецъ Митрофанъ, будучи тутъ же, сказалъ, что онъ еще не скоро умретъ,—и пошли всѣ обратно въ церковь на слушаніе утренняго славословія; послѣ ухода ихъ преосвященный вскорѣ сталъ кончатся. Итакъ великій житіемъ и добродѣтелями, просвѣщенный мужъ, святитель Тихонъ

позванъ былъ на вѣчный блаженный покой не въ слишкомъ глубокой старости. Святительская его душа разлучилась съ тѣломъ въ 45 минутъ шестаго часа пополудни, августа 13 дня.

О завѣщаніи его на счетъ облаченія, за нѣсколько времени до кончины его, было объявлено епархіальному епископу Тихону 3-му, который, хотя наблюсти завѣщаніе, приказалъ все то выполнить. И въ оноу простомъ облаченіи лежало тѣло его на столѣ въ большомъ залѣ. Преосвященный Тихонъ 3-й по любви своей и уваженію къ почившему въ Бозѣ святителю, прислалъ полное облаченіе архіерейское, хорошее съ нитроу, въ которое тѣло святителя Тихона и облачено священно-іеромонахами монастыря и прочимъ духовенствомъ,—первое малое облаченіе и рясу крашенинную сняли, а подрясникъ тотъ же остался на тѣлѣ святителя. Къ удивленію всѣхъ, одѣаніе снималось съ пятнадцатнаго усопшаго, какъ съ живаго; распростирались его руки, какъ у живаго, и все тѣло было неокостенѣлое до самаго погребенія. Но облаченіи въ архіерейское полное облаченіе, тѣло положено въ гробъ, сдѣланный по усердію елецкихъ купцовъ,—заготовленный самимъ святителемъ гробъ оказался малъ, но смерти его.

Хотя въ завѣщаніи святителя Тихона, по смиренію его, и не было показано, въ какомъ мѣстѣ предать землѣ его тѣло; но словесно было однако приказано—положить его съ полуденной стороны при входѣ въ церковь, близъ папертнаго порога, подъ камнемъ (который имъ самимъ былъ заготовленъ за нѣсколько годовъ до его смерти), съ тѣмъ, дабы чрезъ тотъ положенный надъ тѣломъ его камень, проходилъ всякъ, идущій въ церковь на молитвословіе. Преосвященный Тихонъ 3-й благоразсудилъ отъ почтительности своей и уваженія тѣло Святителя положить подъ алтаремъ.

ЗАМѢТКИ

ОТКРЫТІЕ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО.

Святѣйшій Синодъ возвѣщаетъ всѣмъ сынамъ православной церкви:

«Память преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго, со дня его преставленія, послѣдовавшаго въ Задонскомъ Богородицкомъ монастырѣ 13-го августа 1783 года, благоговѣнно чтима была въ православномъ народѣ Русскомъ, стекавшемся во множествѣ изъ отдаленныхъ мѣстъ въ Задонскій монастырь, къ могилѣ Іерарха, для принесенія молитвъ объ упокоеніи души сего Святителя, съ упованіемъ на молитвенное ходатайство его предъ Богомъ. Къ почитанію Святителя влекли вѣрующіихъ и воспоминанія о высокиихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, которыми сіялъ онъ во время земной своей жизни, и вѣщанія мудрости Евангельской, оставленныя въ его богопросвѣщенныхъ писаніяхъ и чудодѣйственныя исцѣленія различныхъ недуговъ, совершавшіяся при его гробѣ. На всемъ этомъ основалось благочестивое упованіе, что сей Іерархъ, прославленный Богомъ, причтенъ уже къ лику Святыхъ. Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія такое упованіе выражено было въ прошеніяхъ, поступавшихъ на Высочайшее ия и въ Святѣйшій Синодъ; но тогда не наступилъ еще предуставленный отъ Господа часъ прославленія Святителя: знаменія воли Божіей о семъ были въ послѣдствіи.

«Въ 1846 году, по случаю сооруженія въ Задонскомъ монастырѣ новаго храма въ честь Владимірскія иконы Божіей Матери, встрѣтилась надобность разобрать ветхій каменный храмъ и алтарь, подъ которымъ въ особомъ склепѣ былъ погребенъ почившій Архипастыръ, и гробъ его перенести для удобства въ другое мѣсто. При этомъ случаѣ оказалось, что склепъ, подъ коимъ почивалъ Святитель, отъ давности времени обвалился, гробовая крышка раздавлена кирпичами, и самый гробъ близокъ къ разрушенію; архіерейское же облаченіе, въ которомъ былъ погребенъ преосвященный Тихонъ, не смотря на 63-хъ лѣтнее пребываніе въ сыромъ мѣстѣ, найдено цѣлымъ и даже мало измѣнившимся въ своемъ цвѣтѣ, а тѣло его обрѣтено нетлѣннымъ и пребывающимъ въ томъ положеніи и видѣ, въ какомъ почиваютъ угодники **Вожіи** въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Вслѣдствіе сего, тѣло Святителя положено въ новую гробницу, поставленную въ теплой монастырской церкви. О семъ тогда же покойный архіепископъ воронежскій Антоній два раза доносилъ Святейшему Синоду, — доводя вмѣстѣ съ тѣмъ до свѣдѣнія его о многихъ чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершавшихся надъ разными лицами при молитвенномъ призываніи преосвященнаго Тихона. Вмѣстѣ со вторымъ донесеніемъ Святейшему Синоду, преосвященный Антоній, за шесть часовъ до своей кончины, послѣдовавшей 20-го декабря 1846 г., подписалъ письмо на Высочайшее имя въ Божѣ почивающаго Императора Николая I, въ которомъ свидѣтельствовался архіерейскою совѣстію, что по особому внушенію вмѣняетъ себя въ священный долгъ, довести до Высочайшаго свѣдѣнія о чудесахъ, совершающихся при гробѣ преосвященнаго Тихона, а также о всеобщемъ, «сладостномъ и притрепетномъ желаніи» стекавшихся изъ отдаленныхъ мѣстъ въ Задонскъ многочисленныхъ богомольцевъ «да

явленъ будетъ предъ очію всѣхъ сей великій свѣтильникъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, лежащій теперъ подъ спудомъ». Въ послѣдующее затѣмъ время хотя и не поступало отъ епархіальнаго начальства никакихъ формальныхъ донесеній по сему предмету, но изъ частныхъ свѣдѣній было извѣстно, что дѣйствія, носящія на себѣ печать благодатныхъ знаменій и чудесъ, конхъ вѣрующіе удостоивались отъ Господа, призывая на помощь святителя Тихона въ тяжкихъ и неизлѣчимыхъ болѣзняхъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, въ душевныхъ скорбяхъ и нуждахъ житейскихъ, продолжались, и что въ православномъ народѣ все болѣе и болѣе возрастала и утверждалась увѣренность въ святости сего Іерарха. Въ началѣ же мишувшаго года, преосвященный воронежскій Іосифъ, вполне подтвердивъ всѣ прежнія донесенія преосвященнаго Антонія, вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовалъ, что еще въ самое недавнее время совершились чудесныя исцѣленія при гробѣ святителя Тихона, и что многія лица неоднократно выражали ему, преосвященному Іосифу, всеобщее желаніе объ открытіи мощей сего Іерарха Божія; причемъ преосвященнымъ Іосифомъ доставлены были собственноручныя показанія пниковъ, находящихся въ Задонскомъ монастырѣ съ 1816 года, и засвидѣтельствованныя копіи съ записки и подробнаго сказанія о чудесахъ отъ святителя Тихона. Всѣ сии документы, вмѣстѣ съ отзывомъ преосвященнаго Воронежскаго, повергнуты были на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора, и, по восплѣдованіи соизволенія Его Величества на докладъ Святѣйшаго Синода, о томъ, что нынѣ благовременно уже приступить къ необходимымъ распоряженіямъ для удостовѣренія въ истинѣ нетлѣнія тѣла святителя Тихона, и въ достовѣрности чудесъ, при гробѣ его совершающихся надъ вѣрующими,—ближайшее обслѣдованіе

дѣла возложено было на преосвященнаго митрополита кievскаго (нынѣ повгородскаго и с.-петербургскаго) Исидора, мѣстнаго преосвященнаго архіепископа Юсіѳа и московскаго Покровскаго монастыря архимандрита Паисія, которые, присоединивъ къ себѣ двухъ лицъ изъ задонскаго духовенства, пользующихся, по своей безукоризненной жизни, общими довѣріемъ, и двухъ іеромонаховъ Задонскаго монастыря, извѣстныхъ по своему благочестію, 19-го мая минувшаго года вскрыли гробницу святителя Тихона, и въ то же время, по освидѣтельствованіи оной, пашли, что тѣло святителя Тихона, благодатію Божіею, сохранилось петлѣвнымъ, и архіерейское облаченіе, въ коемъ погребенъ былъ святитель, также осталось въ цѣлости, не смотря на сырость могилы. Независимо отъ упомянутаго освидѣтельствованія, преосвященные Исидоръ и Юсіѳъ, вмѣстѣ съ другими означенными духовными лицами, получили зарукоприкладствованныя показанія разныхъ лицъ, которыя подъ присягою засвидѣтельствовали, что изъ нихъ одни на себѣ, а другія на своихъ сродникахъ испытали чудесныя исцѣленія заступленіемъ Святителя, по молитвенномъ призываніи благодатной его помощи. Такихъ событій, обнимающихъ собою теченіе времени съ 1820 года до января настоящаго года, обследовано ими 48, изъ числа коихъ 19 были въ свое время внесены въ особо веденныя при Задонскомъ монастырѣ книги. Синодъ, разсмотрѣвъ во всей подробности и со всевозможнымъ тщаніемъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, пришелъ къ полному убѣжденію въ истинѣ нетлѣнія тѣла святителя Тихона, и въ достовѣрности чудесъ, чрезъ него совершающихся, и, воздавъ хвалу дивному во святыхъ своихъ Господу Богу, присно благодѣющему твердой въ праотеческомъ православіи Россійской державѣ, и нынѣ, въ дни благословеннаго царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора

тора Александра Николаевича, какъ древле, благоволившему явить прославленіемъ іерарха церкви Россійской новое и великое знаменіе Своихъ къ ней благодѣяній, подносилъ Его Императорскому Величеству въ 25-й день ипсувшаго мая всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ изъяснилъ слѣдующее мнѣніе: 1) «Во благоуханіи Святыхъ почившаго Тихона, епископа Воронежскаго, признать въ ликѣ Святыхъ, благодатію Божію прославленныхъ, и нетлѣнное тѣло его мощами святыми. 2) Изнеся оныя съ подобающею честію изъ Христорождественской церкви, гдѣ нынѣ покоятся, въ главный Богородицкій соборъ, положить въ приличномъ и открытомъ мѣстѣ для общаго поклоненія. 3) Службу Святителю Тихону составить особую, а до времени составленія таковой, отправлять ему службу общую святителямъ, память же Святителя праздновать какъ въ день преставленія его 13-го августа, такъ и въ день, который Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ назначить для открытія мощей Святителя. 4) Объявить о семъ во всенародное извѣстіе указами Синода». При докладѣ семъ представлены были на Монаршее усмотрѣніе подлинный актъ свидѣтельствованія мощей Святителя Тихона, и описаніе случаевъ чудодѣйственной помощи прибывавшимъ въ болѣзняхъ и несчастіяхъ къ его заступленію. На означенномъ докладѣ Синода Государь Императоръ, въ 25-й же день мая, собственноручно написать соизволилъ: «Согласенъ съ мнѣніемъ Св. Синода. Александръ». При чемъ Его Величеству благоугодно было открытіе мощей Святителя возложить на митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Исидора, совмѣстно съ архіепископомъ воронежскимъ и задонскимъ Іосифомъ, съ предоставленіемъ имъ вызвать для той же цѣли ближайшаго къ Воронежу епископа курскаго Сергія, а для торжества сего назначить день 13-го августа.»

СОСТОЯНІЕ И НУЖДЫ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

(наблюденія и замѣтки)

II.

Положеніе наставниковъ въ духовныхъ семинаріяхъ заключаетъ въ себѣ много невыгодныхъ сторонъ.

Достаточное знакомство съ предметомъ изученія и способность преподаванія, соединенная съ большею или меньшею степенью опытности, составляетъ необходимое условіе, при которомъ возможны вѣрные успѣхи воспитанниковъ. Первымъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ въ положеніи семинарскихъ наставниковъ служитъ то, что собственное ихъ образованіе мало бываетъ направлено къ спеціальнымъ цѣлямъ изученія. Официально они поставлены въ равное отношеніе ко всѣмъ предметамъ академическаго курса: педагогическое назначеніе, ожидающее ихъ по выходѣ изъ академіи, до самаго конца курса остается для нихъ тайною, и они должны быть готовы равно на преподаваніе математики, какъ и исторіи, и т. д. Конечно, природныя наклонности берутъ свое, и не смотря на то безразличное отношеніе, въ которомъ обязаны они стоять ко всѣмъ предметамъ курса, каждый изъ студентовъ въ продолженіи академическаго курса питаетъ большую любовь къ извѣстному роду занятій и выносить болѣе или менѣе спеціальныя наклонности. Невниманіе къ этимъ спеціальнымъ наклонностямъ при назначеніи на семинарскія должности слишкомъ невыгодно дѣйствуетъ на нравственное состояніе молодаго преподавателя: оно напередъ можетъ разрушать всякую возможность успѣховъ преподаванія. Особенности успѣхи студентовъ академіи въ тѣхъ или другихъ наукахъ, особенныя спеціальныя наклонности заранѣе должны бы обращать вниманіе начальства; при концѣ курса эти спе-

ціальныя занятія могли бы быть съ пользою поощрены, и потому могли бы послужить вѣрнымъ указаніемъ при назначеніи на преподавательскія должности новыхъ магистровъ и кандидатовъ. Еще лучше было бы, если бы принимаемы были во вниманіе собственныя, личныя признанія всѣхъ оканчивающихъ академическій курсъ о своихъ отношеніяхъ къ различнымъ предметамъ пройденнаго курса. При назначеніи, согласномъ съ способностями, успѣхами и желаніями молодаго наставника, всегда можно быть увѣреннымъ, что наставникъ будетъ имѣть и возможность и охоту продолжить свое собственное образованіе на должности, ревностно заняться своимъ предметомъ и пріобрѣсти со временемъ педагогическую опытность. По крайней мѣрѣ, при настоящемъ состояніи духовно-учебныхъ засѣденій, нѣтъ лучшаго способа наполнить эти заведенія лучшими и способнѣйшими преподавателями, какъ тщательный выборъ людей, согласный съ способностями и желаніями каждаго.

Еще неблагопріятнѣе въ положеніи семинарскихъ наставниковъ тѣ случаи, когда по какимъ-либо случайнымъ и стороннимъ дѣлу преподаванія разсчетами, они неожиданно и противъ воли переводятся съ однихъ классовъ на другіе. Такіе переводы выражаютъ прямо ту мысль, что всѣ предметы академическаго курса для каждаго должны быть безразличны, и каждый изъ наставниковъ всегда долженъ быть готовъ оставить одинъ предметъ и перейти на всякій другой. Но если такое отношеніе къ наукамъ и возможно въ ранней молодости при элементарномъ обученіи: то для челоука възраслаго и развитаго невозможно навсегда сохранить подобное отношеніе ко всѣмъ наукамъ, чтобы не впасть въ ту крайнюю поверхностность, которая такъ близко граничитъ съ полнымъ невѣжествомъ. Въ челоука възрасломъ, котораго способности развились опредѣленнымъ образомъ, котораго

убѣжденія установились съ извѣстнымъ характеромъ, не можетъ быть равной любви и склонности ко всѣмъ предметамъ знанія. А что сказать о положеніи наставника, который, вслѣдствіе подобныхъ внезапныхъ переводовъ, долженъ оставить любимый предметъ изученія, бросить всѣ труды и жертвы, которыя употребилъ онъ для того, чтобы подойти къ предмету, прежде малоизвѣстному, и овладѣть имъ, а потомъ—вдругъ быть поставленнымъ на должность преподавателя по такому предмету, въ знаніи котораго онъ самъ равняется еще съ самымъ плохимъ ученикомъ? Если бы и рѣшился онъ на новые добросовѣстные труды, чтобы ознакомиться съ новымъ предметомъ преподаванія, и тогда онъ не можетъ быть спокоенъ и увѣренъ, чтобы тоже неловкое положеніе вновь не повторилось съ нимъ. Многіе семинарскіе наставники въ продолженіи своего педагогическаго поприща не разъ перемѣняли свое положеніе, переходя съ предмета на предметъ. Подобные переводы считаются иногда даже повышеніемъ и наградой, хотя конечно есть много другихъ, болѣе правильныхъ средствъ отличать и награждать способныхъ наставниковъ. Переводъ наставника съ предмета на предметъ всегда сопровождается слѣдствіями, неблагоприятными для успѣховъ воспитанниковъ. Преподаватель, принужденный оставить предметъ своего изученія, или парализуется нравственно, если онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, —въ такомъ случаѣ трудно ожидать отъ него новыхъ успѣховъ съ перемѣною должности,—или, когда такая перемѣна случится съ человѣкомъ равнодушнымъ къ наукѣ и болѣе интересующимся житейскими расчетами, онъ сочтетъ ее прекраснымъ средствомъ улучшить свою карьеру и будетъ пользоваться практическими выгодами, мало заботясь о своихъ преподавательскихъ обязанностяхъ.

Нельзя не признать и того, что экономическое положеніе семинарскихъ наставниковъ, мало обеспеченныхъ въ средствахъ жизни, равно невыгодно дѣйствуетъ на успѣхи преподаванія. При весьма ограниченныхъ средствахъ паставникъ семинаріи не можетъ всецѣло предаться предмету своего изученія и преподаванія, а потому, озабоченный нуждами жизни, естественно ищетъ первой возможности оставить семинарскую службу. Большая часть семинарскихъ наставниковъ вообще смотрять на свое положеніе въ семинаріи, какъ на состояніе переходное, въ которомъ не слѣдуетъ надолго оставаться и на которое не слѣдуетъ даже смотрѣть серьезно: впереди предстаетъ, говорятъ, другая жизнь, для которой изліяши умственные занятія. Немногіе труженники, которые рѣшаются, терпя нужду, продолжать службу при семинаріи долѣе обычныхъ сроковъ, возбуждаютъ общее изумленіе и даже насмѣшки. Такихъ впрочемъ не много. Большею частію остаются при семинаріяхъ на долгое время тѣ наставники, которые находятъ возможность устроить свое внѣшнее положеніе какими-либо сторонними средствами: за то, пользуясь выгодами семинарской службы, они большею частію мало думаютъ о воспитанникахъ; есть конечно исключенія, но мы говоримъ о большинствѣ. Бываютъ даже и такіе случаи, когда семинарскіе наставники, не чувствуя ни любви къ наукѣ, не получая и выгодъ отъ семинарской службы, лишенные даже стороннихъ средствъ, съ какимъ-то непостижимымъ, убійственнымъ хладнокровіемъ продолжаютъ занимать преподавательскія должности, коснѣя съ бездѣйствіемъ и обращаясь въ притчу для всѣхъ.... Указываемъ на эти случаи, болѣе или менѣе извѣстные въ каждой семинаріи, какъ на крайнее проявленіе того умственного и нравственного омертвѣнія, какое возможно иногда подѣ извѣстными условіями при нынѣшнемъ состояніи духовно-учебныхъ заведеній.

Соображая главнѣйшія, указанная нами обстоятельства, которыми условливается положеніе семинарскихъ наставниковъ, легко можемъ составить себѣ понятіе о томъ характерѣ, какой большею частію носитъ семинарское преподаваніе, крайне сухое и формальное. Безучастно относясь къ своей наукѣ, не возбуждая къ пей интереса въ воспитанникахъ, а между тѣмъ имѣя отвѣтственность за успѣхи преподаванія передъ начальствомъ, наставникъ естественно долженъ становиться формально-требовательнымъ въ отношеніи къ воспитанникамъ. Ихъ неисправность по своему предмету онъ всегда расположенъ считать личнымъ для себя оскорбленіемъ, а своими заботами объ экзаменѣ, которыя такъ часто высказывасть въ классѣ вслухъ всѣхъ, приучаетъ воспитанниковъ смотрѣть на все, какъ на формальность, годную лишь для извѣстной цѣли. Какъ наставникъ вовсе не считаетъ себя привязаннымъ къ извѣстному предмету, а смотритъ на занятіе имъ, какъ на занятіе случайное, которое всегда готовъ оставить: такъ точно и воспитанники привыкаютъ смотрѣть на предметы изученія, какъ только на временныя занятія, необходимыя для переходовъ изъ одного класса въ другой. Отношеніе наставниковъ къ своимъ предметамъ естественно передается и воспитанникамъ. Молодые умы и сердца, еще не узнавшіе духовной жизни, уже заражаются преждевременно страшною болѣзнію нравственно — отжившихъ, — апатіею....

 N N.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРИЯ ЦЕРКОВНАГО УСТРОЙСТВА ВЪ ГЕРЦОГСТВѢ ОЛЬДЕНБУРГСКОМЪ.

Самое замѣчательное явленіе современной церковной жизни въ Германіи представляетъ борьба партій по вопросу

о церковномъ устройствѣ. Можно положительно сказать, что въ настоящее время всѣ церковныя интересы протестантскихъ обществъ Германіи вращаются около одного вопроса объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Читателямъ «Православнаго Обозрѣнія» извѣстно отношеніе къ этому вопросу главныхъ протестантскихъ партій—реакціонеровъ, отвергающихъ участіе мірянъ, и уніонистовъ, расположенныхъ въ пользу участія. Есть кромѣ того дѣятели и правительства, стремящіеся держаться середины, полагающіе для себя задачею совмѣстить старый *консисторскій* порядокъ съ новымъ *церковно-общиннымъ* устройствомъ: на такихъ наприм. смѣшанныхъ началахъ составленъ проектъ, предложенный на разсмотрѣніе сейму нынѣшняго года въ Саксоніи. (*) Нельзя не сознаться, что вопросъ объ участіи мірянъ, на который навела современную жизнь вся прошедшая церковная исторія, есть очередной вопросъ, настоятельно требующій удовлетворительнаго отвѣта. Въ герцогствахъ Ольденбургскомъ и Баденскомъ получило уже исполнительное движеніе новое церковное устройство, допускающее въ широкихъ размѣрахъ участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ: оно встрѣтило много затрудненій и подверглось той правдивой повѣркѣ, какую даетъ практика при введеніи въ жизнь новыхъ началъ. Исторія церковныхъ преобразованій въ Ольденбургѣ и Баденѣ представляетъ тотъ существенный интересъ, что даетъ возможность судить о вопросѣ не съ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія, а въ виду его практическихъ приложеній. Въ настоящій разъ мы предла-

(*) О саксонскомъ проектѣ см. въ апрѣльской книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія*. Въ послѣднихъ № № *Allgemeine Kirchen-Zeitung* напечатано уже изложеніе нѣсколькихъ засѣданій сейма. Въ свое время мы сообщимъ читателямъ окончательныя рѣшенія саксонскаго правительства.

гаемъ вниманію читателей короткій очеркъ новѣйшей исторіи евангелической церкви въ герцогствѣ Ольденбургскомъ.

До 1848 г. въ Ольденбургѣ господствовало старое консисторское устройство. Оно благопріятствовало разобщенію общества и церкви, и жизнь церковная пришла въ жалкое положеніе. Храмы съ каждымъ годомъ пустѣли болѣе и болѣе; религиозное воодушевленіе замѣтно слабѣло и исчезало; сознаніе общихъ началъ вѣры, живое отношеніе къ нравственнымъ вопросамъ общества упадало, его мѣсто заступили личные эгоистическіе расчеты обыденной жизни; жизнь церковная получила только наружное, официальное значеніе, приходы разобщились, и занятые своими мелкими, исключительными интересами, утрачивали сознаніе общецерковной жизни. Люди благомыслящіе почувствовали нужду преобразованій въ консисторскомъ устройствѣ, но при всеобщей апатіи стремленія частныхъ лицъ оставались безплодны. Наступилъ 1848 годъ, сопровождавшійся важными общественными переворотами для всей западной Европы. Въ Ольденбургѣ дана была конституція. Подъ вліяніемъ общаго государственнаго возбужденія ольденбургскіе пасторы подали герцогу просьбу о введеніи новаго церковнаго устройства. Того же требовалъ и сеймъ на основаніи правъ, данныхъ ему конституціею. Герцогъ объявилъ свое согласіе на желанія духовенства и сейма, и повелѣлъ созвать *общее собраніе* (Synodus) изъ 14 духовныхъ лицъ и 22-хъ свѣтскихъ для разсмотрѣнія вопроса о предстоящемъ церковномъ преобразованіи.

Общее собраніе, какъ и слѣдовало ожидать при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, составилось изъ людей, быть можетъ почтенныхъ, но проникнутыхъ стремленіемъ къ радикальнымъ реформамъ и отвращеніемъ отъ

всего, что скольконибудь напоминало старый порядок вещей. По отзывамъ людей, даже расположенныхъ въ пользу церковнообщиннаго устройства, здѣсь замѣшались и такіе демократы, которые на вопросъ: другъ, ты какъ вошелъ сюда? должны были бы умолкнуть, подобно евангельскому гостю.

Особая комиссія начертала предварительный проэктъ новаго церковнаго устройства, и не смотря на то, что этотъ проэктъ вовсе не отличался консерватизмомъ, общее собраніе послѣ продолжительныхъ застѣданій рѣшило исключить изъ него всѣ клерикальныя и бюрократическія опредѣленія, боясь возвращенія къ консисторскому порядку. Въ своемъ окончательномъ видѣ проэктъ сложился такъ:

Всѣ совершеннолѣтніе члены общины въ концѣ воскреснаго богослуженія послѣ увѣщанія съ кафедры избираютъ изъ среды себя *мѣстный церковный советъ*. Члены этого совета—*старшины* (Aeltesten, *презвитеры*). Община, состоящая изъ 500 человекъ, избираетъ трехъ старшинъ, изъ 2000—четырехъ, изъ 8000—десять старшинъ. Обязанности старшинъ: личный примѣръ христіанской жизни, содѣйствіе и руководство при религіозномъ обученіи въ школахъ, попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ, о безпріютныхъ и потерпѣвшихъ гражданскія наказанія, назначеніе церковныхъ учителей, органистовъ, и низшихъ церковныхъ служителей, рѣшеніе о допущеніи къ конфирмаціи, созваніе собраній всей общины, представительство общины и наконецъ содѣйствіе высшему церковному совету при опредѣленіи на мѣста духовныхъ лицъ. Всѣ духовныя лица избираются по предложенію высшаго церковнаго совета собраніемъ общины и притомъ безъ предварительной проповѣди и безъ всякаго съ ихъ стороны искательства. Если ни одинъ кандидатъ

не получаетъ единодушнаго выбора, то избраніе повторяется, и въ случаѣ такого же результата совершается опредѣленіе по большинству голосовъ. Кромѣ общиннаго совѣта въ каждой общинѣ долженъ быть особый *комитетъ*,—избираемый всеми членами общины, подлежащими церковнымъ повинностямъ.— для *финансовыхъ и другихъ внѣшнихъ дѣлъ церкви*.

Отдѣльныя общины имѣютъ своимъ общимъ органомъ *ежегодное общее собраніе* (Synodus), для котораго избираются отъ общинъ по 7 духовныхъ и по 14 свѣтскихъ депутатовъ. Всякій депутатъ даетъ обѣтъ—во всѣхъ своихъ предложеніяхъ и мнѣніяхъ вѣрно блюсти благо евангелической церкви по своему крайнему разумѣнію. Задачи синода слѣдующія: оживленіе христіанскаго духа и поведенія, законодательство во всей области церковности, разрѣшеніе церковныхъ денежныхъ расходовъ, назначеніе лицъ верховнаго церковнаго совѣта и надзоръ за его дѣятельностію.

Верховный церковный совѣтъ состоитъ изъ юриста, теолога и свѣтскаго человѣка; первый избирается пожизненно, два послѣдніе на шесть лѣтъ. Ихъ обязанности—поддержаніе и развитіе церковнаго порядка въ духѣ существующаго церковнаго законодательства, надзоръ за религіознымъ преподаваніемъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, забота объ образованіи кандидатовъ для священства, надзоръ за церковною благотворительностію, производство экзаменовъ, надзоръ за духовенствомъ, церковными имуществами и церковною жизнію въ общинахъ, учрежденіе чрезвычайныхъ богослуженій, разбирательство жалобъ на церковныя чины, производство слѣдствій противъ духовныхъ и кандидатовъ, созваніе синода, участіе въ его дѣлахъ, обнародованіе приговоровъ, получающихъ силу закона.

Верховный церковный совѣтъ сообщаетъ общему собранію

полный отчетъ обо всемъ, случившемся въ теченіе года въ церковной области, также о состояніи центральной кассы и о проэктахъ новыхъ законовъ.

Великій герцогъ утвердилъ этотъ проэктъ церковныхъ преобразованій, общее собраніе избрало членовъ верховнаго совѣта (*), и новое церковное устройство получило осуществленіе. Первымъ слѣдствіемъ новаго устройства было оживленіе церковной жизни; прежняя апатія исчезла, какъ скоро общины занялись выборомъ старшинъ и духовенство нашло въ нихъ для себя постоянную поддержку. Но практическое приложеніе скоро обнаружило значительные недостатки проэкта, составленнаго довольно поспѣшно и не безъ вліянія политическихъ увлеченій. Въ проэктѣ опредѣлялась полная отдѣленность церкви и государства, отсутствіе всякаго вліянія великаго герцога и гражданскаго правительства на ходъ церковнаго управленія. Государство скоро получило возможность воспользоваться такимъ положеніемъ къ невыгодѣ церкви. Согласно съ декретомъ сейма государство признало, что всѣ повинности въ пользу церкви должны быть взимаемы съ лица, а не съ имущества: эти повинности прекращаются сами собою, какъ скоро извѣстное лицо выходитъ изъ церкви. Въ соблазнительныхъ процессахъ, возникшихъ по вопросу о способахъ содержанія церквей и духовенства (особенно о такъ называемой епятрахильной платѣ, *Stolgebühren*), государство отказалось употребить гражданскую власть для возвращенія церкви задержанныхъ доходовъ. Государственныя имущества въ пользу церкви не платили ничего. Когда верховный церковный совѣтъ, это

(*) Первымъ сочленомъ изъ юристовъ былъ избранъ *Рунде*, изъ духовныхъ *Гейстз*; оба извѣстны своимъ образованіемъ и пользуются общественнымъ уваженіемъ.

судилище, не признаваемое государствомъ и носившее только частный характеръ, стало жаловаться на стѣсненное положеніе церкви, то герцогъ отвѣчалъ, что онъ не прежде можетъ озаботиться облегченіемъ труднаго положенія церкви, какъ если послѣдуетъ пересмотръ законовъ 1848 г. и взаимныя права церкви и государства будутъ поставлены *de jure* въ новое соотношеніе.

Затѣмъ начали появляться существенныя возраженія и противъ другихъ частей проекта. Такъ во второй статьѣ проекта отрицалось всякое ограниченіе свободы вѣры и совѣсти символами; стали говорить, что это ведетъ къ совершенному отстраненію символовъ, къ разрыву всякой связи съ евангелической церковію и уничтоженію историческихъ преданій протестантства въ угоду необузданной свободы. Казалось также страннымъ, что гражданская безукоризненность была поставлена единственнымъ условіемъ для выбора въ церковныя старшины. Слишкомъ широкая, почти безусловная свобода общинъ въ выборѣ священниковъ равно возбуждала много опасеній. Говорили, что духовныя лица, отличающіяся только внѣшними достоинствами, могутъ нравиться общинамъ болѣе, и получать пасторскія мѣста скорѣе, чѣмъ люди истинно достойные; указывали, что пасторы необходимо будутъ принаровляться ко вкусамъ мірянъ, будучи обязаны нѣтъ своимъ избраніемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ возраженій были предложены еще общему собранію 1849 г. Относительно символовъ президентъ отвѣчалъ, что общее собраніе имѣло въ виду дать церкви только внѣшнее устройство, и высказывало (въ ст. 2-й), что церковь содержитъ въ себѣ начало любви и терпимости, а самъ по себѣ вопросъ о символахъ относится ко внутренней жизни церкви. Въ 1851 г. почти все духовенство подало общему собранію протестъ съ тре-

бованіемъ очистить церковное устройство отъ всякой при- шѣйся политическихъ и демократическихъ началъ и предот- вратить опасное развитіе ничѣмъ не сдерживаемой рели- гіозной свободы. Общее собраніе не могло скрыть отъ себя, что протестъ совпадалъ съ реакціей въ пользу стараго по- рядка вещей, и устршилось усиленія подобной реакціи. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ протестѣ реакціонеры играли главную роль. По дѣлу о символахъ общее собраніе опре- дѣлило: въ 1-й ст. своего проэкта Ольденбургская церковь признаетъ себя частію евангелической пѣмецкой церкви. Это признаніе не имѣло бы смысла, еслибы Ольденбург- ская церковь, отрѣшившись отъ символовъ, вводила безу- словную свободу ученія и такимъ образомъ разрывала бы единство вѣры съ евангелическою церковію. Она остается при прежнихъ началахъ, потому что въ ней никогда не имѣла мѣста исключительная, абсолютная значимость сим- воловъ. Что же касается до другихъ возраженій противъ церковнаго устройства, то срокъ 2-хъ лѣтняго опыта слиш- комъ недостаточенъ для того, чтобы произнести о немъ окончательное сужденіе. Такъ протесты за тысячами подни- сей противъ введеннаго церковнаго преобразованія остались безъ результатовъ.

Тогда такъ-называемое *малое стадо* (kleine Partie) (*) ре- акціонныхъ пасторѳвъ, не нашедши себѣ удовлетворенія въ церковномъ общемъ собраніи своей страны, рѣшилось пере- нести дѣло на судъ всей Германіи. Въ своемъ воззваніи къ Ельберфельдскому церковному сейму (Kirchentag) ольдеп- бургскіе реакціонеры умоляли помочь бѣдному, больному члену тѣла Христова, избавить его отъ новаго устройства, лишеннаго всякой сообразности съ святыми Словомъ Бо-

(*) Реакціонеры всегда любятъ называть себя малымъ стадомъ.

жіймъ. Сеймъ, стоявшій въ то время подъ вліяніемъ Генстенберга, внялъ гласу ольденбургскихъ пасторовъ и отправилъ къ в. герцогу Петру такъ называемое *свободное свидѣтельство*. Это свободное свидѣтельство гласило такъ: «существующее въ Ольденбургѣ устройство ищетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженія символовъ и церковной революціи. Черезъ торжественное объявленіе отсутствія символовъ Ольденбургъ отмечаетъ не только общее исповѣданіе вѣры (Augustana), этотъ союзъ всѣхъ евангелическихъ нѣмецкихъ странъ и поколѣній, но и высочайшее сокровище всего христіанства—Библію. Съ каждымъ годомъ церковныя дѣла болѣе и болѣе подчиняются власти избирателей, права которыхъ условлены только общимъ требованіемъ совершеннотѣи. Ольденбургское церковное устройство совершенно чуждо началъ *Кальвина* и *Безы*, основателей общиннаго устройства, и совершенно стоитъ на принципахъ *Руссо* и *Ледрю Роллена*».

Хотя герцогъ Петръ не былъ особенно расположенъ слушать партію реакціонеровъ, но при поворотѣ общественнаго мнѣнія сравнительно съ 1848 г., невольно чувствовалось, что ольденбургскому церковному устройству не устоять въ его прежнемъ видѣ: тотъ же государственный сеймъ Ольденбурга, которому въ 1848 г. принадлежала инициатива введенія новаго церковнаго устройства, вновь потребовалъ теперь реформы. Герцогъ съ своей стороны желалъ получить отъ верховнаго церковнаго совѣта согласіе на ревизію введеннаго церковнаго устройства, и совѣтъ долженъ былъ согласиться.

Вслѣдствіе этой ревизіи вновь внесены были слѣдующія положенія въ ольденбургское церковное законодательство: ольденбургская церковь признаетъ своимъ основаніемъ св. писаніе, оставаясь въ согласіи съ символами, особенно Augu-

stana. Она завѣдуетъ своими дѣлами самостоятельно, не нарушая правъ государства. В. герцогъ имѣетъ въ рукахъ подобающее государю церковное управленіе, ограниченное постановленіями проэкта. Приходы, взятые въ сложности, образуютъ общину, органомъ которой служить окружное общее собраніе. Общее собраніе всей страны созывается герцогомъ черезъ 3 года и состоитъ изъ 12 духовныхъ лицъ и 17-ти мірянъ, выбираемыхъ церковными округами, и 5 духовныхъ, назначаемыхъ герцогомъ по предложенію верховнаго церковнаго совѣта. Члены общаго собранія признаются представителями всей церкви и не могутъ быть стѣсняемы никакими предварительными задачами со стороны избирателей, — церковные законы могутъ быть выдаваемы, отиѣняемы или толкуемы великимъ герцогомъ—виѣстѣ съ общимъ собраніемъ. Герцогъ обнародываетъ церковные законы съ яснымъ указаніемъ на согласіе общаго собранія; герцогъ созываетъ общее собраніе, назначаетъ срокъ для его засѣданій и отпускаетъ собраніе. Въ выборахъ священниковъ принимаютъ участіе и общины, и верховный церковный совѣтъ, и герцогъ.

Въ такомъ неизмѣнномъ видѣ ольденбургское церковное устройство существуетъ понынѣ. Есть факты, говорящіе въ пользу этого устройства, какъ наприм. возбужденіе церковной жизни, сближеніе духовенства съ обществомъ и приходоѡ между собою, умноженіе общественной благотворительности и т. п. Но продолжающаяся борьба партій, волненія и безпорядки, не прекращающіеся доселѣ, различныя и многосложныя затрудненія заставляютъ сомнѣваться въ прочности практическаго приложенія церковныхъ преобразованій, введенныхъ въ Ольденбургъ, въ цѣломъ ихъ составѣ.

Отъ Комитета для принятія приношеній на созиданіе въ Москвѣ храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ память освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Какъ скоро объявленъ былъ всенародно Высочайшій Манифестъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: въ разныхъ мѣстахъ, разными лицами изъявлено, представлено Начальствамъ и оглашено чрезъ повременную письменность одно желаніе ознаменоватъ совершившееся событіе священнымъ памятникомъ, построеніемъ въ Москвѣ, посредствомъ добровольныхъ приношеній, храма во имя святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Народная мысль Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ представлена была на Высочайшее благоусмотрѣніе Государа Императора.

Вслѣдствіе сего Его Императорское Величество, одобрявъ востребованныя отъ Митрополита Московскаго предложенія о порядкѣ принятія сихъ приношеній, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1., Составить подъ его руководствомъ Комитетъ изъ архимандрита и двухъ протоіереевъ для принятія и храненія приношеній на созиданіе означеннаго храма.

2., Поступающія приношенія Комитету вписывать въ официально-данную книгу своевременно и обстоятельно.

3., Собираемыя суммы хранить на законномъ основаніи.

4., Между тѣмъ изыскать для будущаго храма мѣсто, на которомъ бы онъ преимущественно былъ виденъ народу, какъ памятникъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ соответствовалъ религиозной потребности.

5., Когда соберется значительная сумма, тогда представить о составленіи проекта на построеніе храма въ размѣрахъ, сообразныхъ съ количествомъ полученныхъ и еще ожидаемыхъ приношеній.

Во исполненіе сей Высочайшей воли, 31 мая сего 1861 года, Митрополитомъ Московскимъ составленъ Комитетъ изъ намѣстника кафедральнаго Чудова монастыря Срѣтенскаго Архимандрита Веніамина и Протоіереевъ: кафедральнаго собора Петра Покровскаго и Петропавловской, въ Басманной, церкви Петра Терновскаго.

Комитетъ въ настоящее время открытъ въ московскомъ кафедральномъ Чудовѣ монастырѣ.

Иногородные могутъ присылать свои приношенія по слѣдующему адресу: «Въ Комитетъ для принятія приношеній на созиданіе въ Москвѣ храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго. Въ Кафедральномъ Чудовѣ монастырѣ.» О полученіи они будутъ извѣщаемы чрезъ Московскія Вѣдомости, а въ особенныхъ случаяхъ чрезъ особыя отношенія.

З А М Ъ Т К И

Открытіе мощей Святителя Тихона, епископа Воронежскаго.

Состояніе и нужды духовно учебныхъ заведеній (*наблюденія и замѣтки*). II. — NN.

Новѣйшая исторія церковнаго устройства въ герцогствѣ Ольденбургскомъ.

Отъ комитета для принатія приношеній на созиданіе въ Москвѣ храма во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ память освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Редакціи Православнаго Обзорѣнія, въ зданіи Университета у священника Сергіевскаго; въ книжныхъ магазинахъ гг. Базунова и Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ; въ лавкѣ г. Ферапонтова на Никольской улицѣ, въ библіотекѣ для чтенія г. Горбунова на Никитской и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжныхъ лавкахъ: гг. Базунова, на Невскомъ проспектѣ въ д. Энгельгардтъ, Овсянникова въ Гостинномъ дворѣ, Крашенинникова, Кораблева и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* въ Редакцію *Православнаго Обзорѣнія*, въ Москвѣ.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**, съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**.

Изъ тѣхъ же условій принимается еще подписка и за 1860 годъ.

Печатать позволяется. Іюля 26 дни 1861 годѣ.

Ценсоръ Протопресвитеръ *А. Новоскій*.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГОДЪ ВТОРОЙ

АВГУСТЪ 1861.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ЮВЪ Гл. XXIX—XXXIV. *Опытъ переложенія на русскій языкъ* Архим. МАКАРІЯ.
- II.—ДРЕВНІЙ МІРЪ И ХРИСТІАНСТВО. *Статья Прессансе Переводъ* Свящ. П. К. ПРОТОПОНОВА.
- III.—ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО НАНТСКАГО ЕПИСКОПА ПО ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССИИ. *Переводъ письма Протоіеря І. Васильева*.
- IV.—МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦКІЙ. (*Окончаніе*) К. С. ЕЛЕНЕВСКАГО.
- V.—СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦИИ. *Періодическое обозрѣніе* Гр. ДЕ-ЛА-ФИТЬ-ДЕ-ПЕЛЯ-ПОРКЪ.
- VI.—ЗАМѢТКИ (*см. на оборотѣ*).

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- VII.—„ПАСТЫРЬ“ ЕРМА. *Переводъ съ латинскаго* Свящ. К. С. ОЗЕРОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^О.

т. 20

ПРАВОСЛАВНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

1861.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

22. 1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Августа 3 дня 1861 г.

Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Новоскій.*

ДРЕВНІЙ МІРЪ и ХРИСТІАНСТВО.

Статья Прессансе ().*

I.

Нельзя изобразить торжества христіанства въ первые вѣка его исторіи, не уяснивъ себѣ предварительно того, что такое былъ тотъ древній міръ, среди котораго оно явилось и на развалинахъ котораго водворилось потомъ. Если христіанство съ перваго же раза нашло въ немъ своего явнаго и ожесточеннаго врага, готоваго обратитъ противъ поваго ученія всѣ стрѣлы своей утонченной цивилизаціи, не пренебрегавшаго въ то же время и грубою, матеріальною силою,

(*) Эта статья помѣщена была въ *Revue Chrétienne*, издаваемомъ г. Прессансе. Первые три отдѣленія статьи послѣ вошли вполнѣ въ предисловіе къ его - *Исторіи первыхъ трехъ вѣковъ христіанства*, - которой первые два тома вышли въ 1858 году. Съ этой книгой, свободной отъ крайностей критической школы и вѣстѣ вѣрной точнымъ выработаннымъ ею результатамъ, мы постараемся познакомить нашихъ читателей. *Ред.*

этимъ послѣднимъ прибѣжищемъ вѣрованій, отжившихъ свой вѣкъ и предчувствующихъ свое близкое, конечное разрушеніе; то, съ другой стороны, этотъ врагъ на днѣ своей внутренней жизни тайлъ такіа начала и стремленія, которыя ставили его въ ближайшее соприкосновеніе съ христіанствомъ и, въ связи съ другими условіями, должны были, рано или поздно, вызвать торжество Божественной религіи. Новая религія не была въ жизни человѣчества явленіемъ случайнымъ, стоявшимъ внѣ всякой связи съ прошедшимъ; она была событіемъ, въ которомъ вся предшествующая религіозная исторія человѣчества находила для себя окончательный исходъ и полное, всестороннее разрѣшеніе; она была отрадною вѣстію, ниспосланною съ неба въ отвѣтъ на скорбныя воздыханія земли. Міру, утомленному долгимъ, безысходнымъ странствованіемъ по лабиринту загадокъ и противорѣчій, она возвѣстила ту самую истину, которой онъ тщетно искалъ, однако предчувствуя её. Христіанство, это—фактъ вѣстѣ Божественный и человѣческой,—глубоко человѣческой именно потому, что отиѣченъ печатію Божественною, т. е. самимъ Богомъ приспособленъ къ истиннымъ нуждамъ человѣка. Посему не довольно взирать на небо, откуда оно исходитъ; необходимо также обращать вниманіе и на землю, гдѣ оно водворяется. Можно, нисколько не поступаясь Божественностию его началъ, находить связь между имъ и природою человѣческою. Христіанство даровано въ помощь природѣ, которой назначеніе—въ христіанствѣ: это—истина, столь очевидная, что и въ то время, какъ наша природа отказывается служить началамъ христіанства, злословить и отрицаетъ ихъ,—она самымъ этимъ безпокойствомъ и неровностію своихъ движеній ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что все ея спасеніе только въ христіанствѣ. Исторія религіи, взятая въ своихъ

главныхъ, существенныхъ чертахъ, представляетъ самое поразительное доказательство этого согласія между религією Бога и душою человѣка; ибо съ одной стороны, каждый изъ языческихъ культовъ выражаетъ по своему нужды сознанія, его постоянную жажду прощенія и откровенія, или, лучше сказать, жажду высшаго, Божественнаго начала; съ другой стороны, ихъ преимущественная смѣняемость обличаетъ ихъ недостаточность и говоритъ о необходимости иной, высшей религіи, которая бы навсегда заступила ихъ мѣсто, и въ которой человѣчество нашло бы полное, всецѣлое успокоеніе послѣ цѣлаго ряда многочисленныхъ, вѣковыхъ, но тщетныхъ попытокъ обрѣсти истину. Посему, поставлять христіанство внѣ всякой связи съ прошедшимъ—значило бы намѣренно вводить себя въ заблужденіе относительно природы христіанства и того духа и началъ, которыя составляютъ его торжество въ мірѣ. *Omnia subitō*—не есть коренное, отличительное слово христіанства; это — девизъ гностицизма. Справедливѣе будетъ сказать вмѣстѣ съ Климентомъ александрійскимъ и Оригеномъ, что и ночь язычества имѣла также свои звѣзды, которыя своимъ мерцаніемъ частію разгоняли мракъ ея, но главнымъ образомъ вызывали появленіе на горизонтѣ міра необыкновенной звѣзды, возсіявшей на востокъ и остановившейся надъ Вифлеемомъ. Это — искры человѣческаго сознанія, которое никогда не теряло своего свѣта, даже среди самой густой, непропицаемой тьмы, когда либо облежавшей человѣчество. И долѣ историка христіанства—не пренебрегать ими, какъ бы они ни были слабы и блѣдны, но встрѣчать ихъ съ любовію и признательностію. Было бы крайнимъ неразуміемъ съ его стороны — отвергать этого благороднаго союзника, дарованнаго самимъ Богомъ въ помощь христіанской религіи.

Изученіе древняго міра важно еще въ другомъ отношеніи. Христіанство встрѣтило въ мірѣ не однихъ явныхъ, ожесточенныхъ враговъ, или тайныхъ друзей. Мы видимъ, что древній міръ въ ту самую минуту, когда все возвѣщаетъ его паденіе, силою своихъ внутреннихъ началъ торжествуетъ тамъ, гдѣ онъ со внѣшней стороны потерпѣлъ окончательное пораженіе. Ересь, возникшая въ нѣдрѣ христіанства съ первыхъ минутъ его появленія въ мірѣ,—это не что иное, какъ тайная, прикровенная реакція язычества противъ началъ христіанства. Известно, съ какою ревностію отцы втораго и третьяго вѣковъ старались разоблачать этого врага, чтобы всѣ видѣли, что подъ наружною одеждою христіанства лжеучители пытались ввести въ церковь ея древняго противника какъ вводятъ измѣнника въ осажденный непріателемъ городъ. « Уподобляясь тѣмъ, которые занимаются починкою старыхъ одеждъ и продаютъ ихъ за новыя, говоритъ св. Ипполитъ, еретики придаютъ только одинъ наружный видъ новизны тому, что есть самаго стараго въ язычествѣ » (*). Но древній міръ въ своей реакціи противъ христіанства идетъ еще далѣе. Плодомъ этой реакціи были одни различныя ереси, попеременно возникавшія въ христіанскомъ мірѣ и одна за другою поражаемыя благочестивою ревностію защитниковъ христіанства. Духъ древняго міра, въ различныхъ отношеніяхъ и подъ различными видами, прокрался въ самое нѣдро церкви, и породилъ въ ней ослабленіе вѣры, искаженіе правовъ. Посему, если важно понять значеніе христіанства въ исторіи человечества, опредѣлить тѣ начала и событія, какими подготовлялось его явленіе въ мірѣ: то также не менѣе важно знать и то, что въ послѣдствіи должно было повліять, такъ или ина-

(*) Philosophoumena 94.

че, на жизнь христіанства, и вызвать тѣ или другія явленія въ мірѣ христіанскомъ.

II.

Много самыхъ разнообразныхъ теорій построено учеными относительно религіознаго развитія человѣчества до явленія въ мірѣ христіанства. Одни изъ нихъ, достойные пресмнники Евэмера, хотѣли видѣть въ религіяхъ древности не болѣе, какъ символическое воспроизведеніе или главнѣйшихъ событій исторіи или знаменательныхъ явленій природы. Дюпой, славнѣйшій и ученѣйшій въ ряду этихъ мнелоговъ, находилъ даже родъ элементарной астрономіи въ различныхъ культахъ древности, а христіанство считалъ за совершеннѣйшую теорію о движеніи звѣздъ (*). Другіе, пользуясь трудами новѣйшей критики, свободной отъ узкихъ предразсудковъ осьмнадцатаго столѣтія, обладающаго сверхъ того въ высшей степени развитымъ эстетическимъ чувствомъ, сознавались, что обращать религіи человѣчества въ простые символы исторіи и природы значить унижать самое дѣло религіи. По ихъ мнѣнію, религіи суть свободныя проявленія сознанія человѣчества, въ которыхъ съ особенною силою сказалась всегда присущая ему потребность идеала; но какъ онѣ не могли опредѣлпать съ точностію, въ чемъ состоитъ этотъ идеалъ, и какъ ихъ религіозныя и нравственныя идеи рисуются въ какой-то неясной, туманной дали, то, посему, мы не имѣемъ ничего, что могло бы служить для насъ руководственною нитью

(*) Dupuis, De l'Origine de tous les cultes.

въ обширномъ лабиринтѣ идей и образовъ, который представляютъ собою всё, взятая въ совокупности древнія мифологіи; это—не что иное, какъ причудливая игра воображенія, привлекательная для человѣка въ эпоху его перваго пробужденія къ жизни, выраженіе его простодушнаго увлеченія восхитительнымъ зрѣлищемъ природы... (*) Очевидно, что подобнаго рода теорія не много помогаетъ дѣлу философской разработки религій. По смыслу ея выходитъ, что древнія религіи смѣняютъ одна другую безъ всякаго разумнаго основанія, что нѣтъ никакого внутренняго начала, которое бы связывало ихъ взаимно и обуславливало ихъ развитіе, и что мифологіи древности—это не болѣе, какъ пышные, красивые цвѣты, которыхъ все назначеніе въ томъ, чтобы въ извѣстную пору года разливать въ воздухъ благоуханіе и услаждать взоръ человѣка пестротой и яркостію своихъ красокъ.

Гердеръ, въ своемъ знаменитомъ твореніи: «Мысли о философіи исторіи человѣчества,» дѣлаетъ попытку изяснить различіе религій различіемъ обстоятельствъ, среди которыхъ онѣ появлялись. «Исторія человѣчества,» говоритъ онъ, «есть не что иное, какъ исторія естественнаго развитія системы силъ, доктринъ и стремленій человѣческихъ, обусловленнаго различіемъ мѣста и времени» (**). Но мы не можемъ удовольствоваться подобною теоріею. Она слишкомъ много предоставляетъ власти матеріи надъ духомъ, заключая сознаніе человѣчества въ тѣсную рамку условій мѣста и времени. Бенжаменъ Констанъ, наслѣдовавшій отно-

(*) Renan. *Etudes d'histoire religieuse*. Paris, 1857: См. *L'Etude sur les religions de l'antiquité*.

(**) Herder, *Idées sur la philosophie de l'histoire de l'humanité*, traduit par Edgar Quinet, 1824.

сительно этого вопроса идеи Руссо, сообщает намъ яной, болѣе возвышенный взглядъ на религіи. По его мнѣнію, онѣ олицетворяютъ собою вѣчныя идеи сознанія, облеченныя въ ту или другую народную, временную форму; ихъ символы могутъ разнообразиться до безконечности, могутъ даже иногда оказываться далеко не соответствующими тому, что ими хотятъ выразить; но идеи, лежащія въ основаніи этихъ символовъ, всегда и для всѣхъ народовъ однѣ и тѣже. Собственно говоря, міръ до-христіанскій представляетъ только одну религію, религію естественную и всеобщую, которая подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ принимала различныя видоизмѣненія, но которая, въ существѣ своемъ, всегда оставалась неизмѣнною. Знаменитый публицистъ развиваетъ эту теорію съ свойственнымъ ему искусствомъ и краснорѣчіемъ (*). Но при всемъ томъ она также мало удовлетворяетъ насъ, какъ и предшествующая; ибо не объясняетъ преемственного существованія культовъ, различныхъ между собою не по формѣ только, но и по содержанію; занятая исключительно тѣмъ, чтобъ отдѣлить въ религіи существенное отъ случайнаго, нравственную идею отъ мнѣовъ и формъ, ее облакающихъ,—она совершенно устраняетъ изъ виду исторію религіи, ея живое, бытовое развитіе. По смыслу этой теоріи не можетъ быть и рѣчи о живомъ, свободномъ проявленіи человѣческаго сознанія. Подобный пропускъ мы встрѣчаемъ также и въ обширной миеологической энциклопедіи Крейцера, представляющей драгоценный и неисчерпаемый источникъ для всякаго, кто посвятилъ себя изученію древнихъ религіи. «Символы, лежащіе

(*) Benjamin Constant, *De la religion considerée à sa source, ses formes et son développement.*

въ основаніи различныхъ религій,» читаемъ мы въ предисловіи къ этому сочиненію, «суть выраженіе, еще слабое и неясное, той присущей сознанію челоуѣка на всѣхъ степеняхъ его развитія идеи, что природа сама въ себѣ есть также существо одушевленное, и что явленія природы— не что иное, какъ знаки, въ которые она облакаетъ свои мысли, чтобы люди могли понимать ее и сочувствовать ей. Жрецы этотъ языкъ природы опредѣлили точнѣе посредствомъ символовъ.» (*) Но мы не думаемъ, чтобы такимъ путемъ можно было дойти до опредѣленія строгой, разумной постепенности между различными религіями; все различіе ихъ, по смыслу этой теоріи, состоитъ только въ различіи символовъ; идеи, означаемыя символами, всегда тождественны, и слѣдовательно, исторія религій—дѣло невозможное и немыслимое.

Философія пантеистическая беретъ на себя сообщить намъ эту исторію. Относительно этой философіи уже нельзя сказать того, чтобы она устраняла въ развитіи религій элементъ разнообразія и постепенности; совершенно напротивъ: она исключительно удерживаетъ только этотъ элементъ, не представляя никакой точки опоры, ничего вѣрнаго и положительнаго въ томъ вихрѣ непрестанныхъ перемѣнъ и случайностей, который она выдаетъ за религію. По ученію этой теоріи, «абсолютное начало міра, тождественное міру, вовлечено въ потокъ жизни, полной безпокойства, никогда не престающаго движенія, — непостоянной и измѣнчивой, или, лучше сказать, эта жизнь есть его собственная жизнь.

(*) *Religions de l'antiquité considérées principalement dans leurs formes symboliques*, ouvrage traduit de l'allemand par I.—B. Guignaud. 1833-1834 Firmin Didot Tome 1. 14.

Исторія религій не есть только исторія различныхъ представленийъ чловѣка о Богѣ; такъ какъ внѣ этихъ представленийъ Богъ не существуетъ, то она въ сущности есть исторія Бога, опредѣляющаго себя чрезъ сознание чловѣка; Богъ, являясь въ сознаниі чловѣка, является чрезъ то себѣ самому, т. е. въ первый разъ получаетъ сознание о самомъ себѣ... » Но, сильная сама въ себѣ, діалектика философа оказывается безсильною предъ верховными требованиями нашего нравственнаго сознания, или совѣсти. (*) Религія исчезаетъ, какъ скоро Божество становится личнымъ достояніемъ чловѣка; съ точки зрѣнія пантеизма не можетъ быть и рѣчи объ исторіи религій, и пришлось бы заключить съ Фейербахомъ, что совершеннѣйшая изъ всѣхъ религій есть не болѣе, какъ невѣрная мечта, иллюзія, которую создаетъ себѣ самъ чловѣкъ, когда боготворя себя самого, воображаетъ, что онъ повергается въ прахъ предъ Богомъ...

Апологеты христіанства относились къ язычеству съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія. Выше мы уже коснулись слегка обширныхъ и глубокихъ идей относительно этого предмета отцовъ александрійской школы, и считася не лишнимъ изложить ихъ теперь съ нѣкоторою подробностію. Согласно съ Іустиниоми философомъ, эти отцы допускали, что лучъ Слова всегда свѣтилъ въ душѣ чловѣческой, и что она, по природѣ своей, всегда обращается лицомъ къ свѣту Божію, какъ растеніе къ солнцу (**). Они тщательно и съ любовію соби-

(*) Hegel, Religions-Philosophie (W. W. XI, XII.) 1832. 2-е édition, 1840. См. превосходный анализъ этого творенія у Эрмана въ его *Geschichte der neueren Philosophie*, 3 vol. 2 partie, page 822.

(**) Clement, *Λόγος προπρακτικός*. Гл. VI.

рали всё, самыя малѣйшія, жемчужины истины, сокрытыя въ древнихъ религіяхъ и философіяхъ и, допуская въ известной степени вліяніе іудейства на греко-римскій міръ, въ то же время предполагали въ душѣ человѣческой естественную жажду и предчувствіе того верховнаго блага, котораго она не могла достигнуть сама собою, предоставленная собственнымъ силамъ.

Позднѣе, Феодоритъ, въ своемъ замѣчательномъ апологетическомъ твореніи, излагаетъ тотъ же взглядъ на язычество въ выраженіяхъ, сколько ясныхъ и точныхъ, столько же и привлекательныхъ (*). «Внимайте», говоритъ онъ, обращаясь къ грекамъ, — «внимайте вашимъ собственнымъ философамъ; они могутъ быть вашими наставниками; ибо прежде насъ возвѣщаютъ ученіе, нами проповѣдуемое» (**). Правда, при- совокупляетъ онъ, что эти философы подобны птицамъ, которыя слышатъ звуки языка человѣческаго, но не понимаютъ того, что выражается этими звуками. Но это не значитъ, чтобы они лишены были всякаго свѣта Божественной истины. Природа человѣческая хранитъ въ своемъ нѣдрѣ письмена истины, начертанныя перстомъ самого Бога (***) . Творецъ не попустилъ имъ совершенно изгладиться, и время отъ времени подновлялъ и оживлялъ ихъ въ сознаніи лучшихъ между язычниками. Если потомки Авраама обладали откровеннымъ закономъ и даромъ пророчества: то Богъ, который есть творецъ и промыслитель всего міра, руководилъ въ то же время къ благочестію и другіе народы путемъ естественнаго откоро-

(*) Theodoret episcop. Cypri. Graecorum affectionum curatio, Tome IV Edit. de Paris. MDCXVIII.

(**) Πείθετε τοίνυν τῶς ὑμετέροισι φιλοσοφίαις προτελοῦσιν ὑμᾶς καὶ τὰ ἡμέτερα προδιδάσκουσιν Ρ. 483.

(***) Ο τῆς δυσουσίας πλάνος τὰ Θεοχαράκτα πάλαι διεσφαιρε γράμματα. Ρ. 483.

веніи и чрезъ созерцаніе всего сотвореннаго (*). Если дождь небесный орошаетъ предпочительно поля воздѣланныя и мѣста заселенныя: то Богъ, въ избыткѣ Своихъ щедротъ проливаетъ ого также и въ пустынь и на необитаемыхъ вершинахъ горъ. То же можно сказать и о дарѣ истины; сообщенный прежде всего и главнымъ образомъ народу избранному, онъ въ извѣстной степени распространенъ и на другіе народы,—какъ дождь, падающій въ пустынь. (**).

Большинство отцовъ церкви относительно язычества выражало мнѣнія, весьма различныя отъ взгляда на этотъ предметъ школы александрійской и антиохійской. Она ограничивались тѣмъ, что изобрѣтеніе миеовъ, бывшихъ предметомъ ихъ законнаго отвращенія, равно какъ и мнимыя чудеса языческихъ божествъ, приписывали исконному врагу рода человѣческаго—духу злобы; или же чаще всего довольствовались тѣмъ изъясненіемъ миеовъ, которое предлагаетъ теорія Евэмера. Новѣйшіе апологеты христіанства, относительно язычества, раздѣлились на двѣ стороны. Одни, желая выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ откровеніе, данное іудеямъ, старались изображать язычество столь мрачными красками, что, если вѣрить имъ, то древнее язычество не представляетъ въ себѣ ни одной свѣтлой точки, и приходится заключать, что до появленія христіанства вѣтъ Іудей не свѣтилась въ мірѣ ни одна искра Божественной истины. Въ виду ихъ школа традиціоналистовъ, представляемая въ періодъ реставраціи съ такимъ блескомъ Бональдъ и Ламенэ, усиливалась доказать, что подъ грубою, чувственною формою древнихъ миеовъ востока и Гре-

(*) Р. 483.

(**) *ὡς τὴ ἐρημὸς ὁ ἄριστος*. Р. 484

ціи скрывается первобытная религія человечества. Эта первобытная религія, сообщенная изначала человеку посредствомъ откровенія, долженствовала, по мнѣнію традиціоналистовъ, сохраниться, въ своихъ главныхъ, существенныхъ чертахъ, у всѣхъ народовъ, и потому все, что только есть истиннаго въ религіяхъ древности, слѣдуетъ относить исключительно къ силѣ и живучести преданія. Оба эти взгляда представляютъ странное смѣшеніе заблужденія съ истиной. Неоспоримо, что народъ іудейскій имѣлъ предъ всѣми другими народами то неопредѣленное преимущество, что на пути къ великой будущности, обѣщанной всему человечеству, онъ былъ руководимъ Божественнымъ откровеніемъ. Но ложно то, будто другіе народы нисколько не были подготовляемы къ христіанству: въ ихъ исторіи, особенно въ ихъ религіозной исторіи, есть несомнѣнные слѣды этого великаго приуготовительнаго дѣла Божія. Съ другой стороны, если равнымъ образомъ нельзя оспорить и того, что въ эпоху великаго разсѣянія народовъ по лицу земли каждый изъ нихъ изъ обширной сокровищницы преданій, бывшей до сего времени достоинствомъ всего великаго семейства народовъ, удержалъ нѣкоторыя, болѣе общія, преданія благочестивой вѣры; то въ то же время было бы оскорбленіемъ для достоинства природы человеческой видѣть одну механическую работу памяти во всѣхъ успѣхахъ человечества на поприщѣ изысканія истины. Сознаніе человечества, — это не пергаментъ, который рабски воспринимаетъ и хранитъ отпечатываемыя на немъ буквы, такъ что, еслибы онъ просуществовалъ вѣка и тысячелѣтій, онъ всегда сохраняютъ свой неизмѣнно-первобытный видъ, и развѣ только блѣднѣютъ и стираются отъ времени; сознаніе—это живой органъ истины, свободно перерабатывающій ее въ себѣ, и способный къ безкопечному развитію и усо-

вершенію, — и мы готовы въ нѣкоторомъ отношеніи согласиться съ тою идеею Шеллинга, что въ преемственномъ образованіи различныхъ религій язычества сказались великіе кризисы человѣческаго сознанія. Если мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что исторія міеологій, какъ онъ говоритъ, есть родъ повторенія исторіи творенія въ духъ человѣка, который, подпавъ въ слѣдствіе грѣха владычеству природы, не иначе можетъ подняться до высоты, съ которой низпалъ, какъ пройдя всѣ степени жизни природы, отъ самыхъ послѣднихъ до самыхъ высшихъ, на которыхъ онъ снова вступаетъ въ область жизни духа; если намъ кажется, что эту произвольную теорію онъ вынужденъ оправдывать еще болѣе произвольнымъ изъясненіемъ различныхъ міеовъ язычества: то общій взглядъ великаго мыслителя мы находимъ разумнымъ. Да, если различныя религіи язычества ясно свидѣтельствуютъ о глубинѣ паденія природы человѣческой, то въ то же время онѣ представляютъ несомнѣнные слѣды и великаго дѣла возстановленія ея силою Божіею, котораго начало, можно сказать, совпадаетъ съ первымъ моментомъ паденія. Онѣ пролагали человѣчеству возвратный путь къ Богу, который всегда готовъ былъ принять его въ общеніе съ Собою, или, лучше сказать, который Самъ шелъ на встрѣчу ему!

III.

Мы не намѣрены здѣсь поднимать всѣхъ вопросовъ, соприкосновенныхъ тайнѣ паденія. Для насъ это фактъ неоспоримый, начертанный крупными буквами на страницахъ міра и въ лѣтонисяхъ исторіи. Мы не можемъ, не дѣлая насилія нашему сознанію, представлять себѣ зло чѣмъ-то въ

родъ природнаго несовершенства, которое, будто бы, есть не что иное, какъ первая, низшая ступень въ безконечной лѣтствицѣ прогресса; мы не объясняемъ его происхожденія тѣми условіями ограниченности, которыя составляютъ неизбежную принадлежность всякаго конечнаго существа; мы признаемъ, что зло есть слѣдствіе превратнаго направленія, принятаго свободою человѣка, его самовольнаго уклоненія отъ пути истины и добра. Онъ явилъ себя послушникомъ воли Божіей въ ту таинственную эпоху, предшествующую исторіи и обнимающую собою торжественное испытаніе, чрезъ которое ему надлежало пройти, какъ и всякому нравственному существу, призванному къ разумному употребленію свободы. Но, какъ ни глубоко было это паденіе, оно не исключало возможности возстанія; мы не то хотимъ сказать, чтобы оно же имѣло гибельныхъ послѣдствій для человѣка; но только то, что оно не уничтожило въ немъ всѣхъ началъ высшей, духовной жизни. Онъ сохранилъ въ себѣ нѣкоторыя слѣды своей первобытной природы. Жажда безконечнаго, Божественнаго,—способность къ религіознымъ ощущеніямъ и обнаруженіямъ, стремленіе найти возвратный путь къ Богу, еще существовали въ его сердцѣ. Это-то и дѣлало возможнымъ со стороны человѣка его будущее искупленіе отъ владычества грѣха и смерти; ибо законъ нравственный, огражденный въ самомъ моментѣ паденія тѣми грозными послѣдствіями, какія оно повлекло за собою, существуетъ неприкосновенно и въ дѣлѣ благодатнаго возстановленія падшаго созданія. Извѣстнаго рода союзъ долженствовалъ установиться между человѣкомъ и Богомъ, восхотѣвшимъ спасти человѣка. Но, если бы его природа была низвращена грѣхомъ въ самыхъ основныхъ, существенныхъ своихъ началахъ: то нельзя было бы и ожидать, чтобы человѣкъ могъ

снова стать въ какія-либо отношенія близости къ Богу; онъ не былъ бы тогда способенъ принять даръ, который ему предназначался, и который былъ ни болѣе ни менѣе, какъ даръ самого Бога; ибо только самъ Богъ, свободнымъ дѣйствиємъ Своей благодати, могъ исправить то глубокое поврежденіе, которое грѣхъ внесъ въ природу существа, созданнаго Имъ по образу и подобію Своему и предназначеннаго къ вѣчному, блаженному единенію съ Нимъ. Посему, съ той самой минуты, какъ верховнымъ хотѣніємъ Того, Кто есть верховная Любовь, определено было спасти падшаго человѣка, для него наступилъ періодъ медленнаго воспитанія, имѣвшаго цѣлю приготовить его къ принятію этого неоцѣннаго дара, и прежде всего пробудить и развить въ немъ желаніе этого дара. Все дѣло приготовленія и состояло въ развитіи желанія спасенія въ сердцѣ человѣка, желанія, которое есть не что иное, какъ желаніе примиренія и воссоединенія съ Богомъ. Но сердце человѣка не воскъ, легко принимающій самыя различныя формы; человѣкъ—существо свободное; а это предполагаетъ съ его стороны возможность идти вопреки Божественнымъ предначертаніямъ и, такимъ образомъ, какъ бы замедлять ихъ осуществленіе. Посему, и великое дѣло приготовленія человечества къ спасенію проходитъ черезъ цѣлый рядъ вѣковъ и тысячелѣтій не какъ линія, всегда идущая по прямому направленію отъ одной точки до другой, но какъ линія, вынужденная на пути къ данной точкѣ описывать большей или меньшей величины параболы, смотря по величинѣ встрѣчаемыхъ ею препятствій. Глубокія нравственныя паденія человѣческихъ обществъ часто останавливаютъ или замедляютъ ходъ этого великаго дѣла; встрѣчаются въ жизни человечества періоды этого замедленія, обнимающіе со-

бою цѣлые вѣка. Но постоянно останавливаемое и заведляемое въ своемъ теченіи, оно никогда не прекращается совершенно, ибо это—дѣло безконечной любви, которой терпѣніе неистощимо, потому что это Любовь Вѣчная. Вся исторія человѣчества тяготеетъ около этой великой идеи спасенія, которая составляетъ какъ бы ея полюсь, часто незримый, но никогда не теряющій своей притягательной силы.

До пришествія Христа человѣчество раздѣлялось на двѣ категоріи. Меньшинство, избранное и обособленное, состояло подъ непосредственнымъ водительствомъ самого Бога; это—іудейская теократія.—Скажетъ мимоходомъ, что самое это обособленіе іудейскаго народа имѣло также цѣлію благо всего рода человѣческаго. Большинство людей было, по видимому, совершенно оставлено небомъ; но только—повидимому... Было бы величайшею погрѣшностію думать, что вѣтшнее, положительное откровеніе представляетъ единственный способъ, которымъ Господь дѣйствовалъ тогда на душу человѣка. Нѣтъ, былъ другой способъ этого дѣйствія,—незримый, тѣмъ не менѣе плодотворный. Языческіе народы испытали его. Духъ Божій носился надъ этою бездною водою, изъ которой въ послѣдствіи долженствовали возникнуть новый міръ, и вносилъ въ нее зародыши высшей, духовной жизни. Приготовленіе къ христіанству не состояло для этихъ народовъ, какъ для Израиля, въ цѣломъ, послѣдовательномъ рядѣ вѣтшихъ откровеній; для нихъ избранъ былъ другой родъ воспитанія, воспитанія посредствомъ опыта, руководимаго и направляемаго во благо самимъ Богомъ, хотя не рѣдко злоупотребляемаго свободою человѣка. Этимъ путемъ и они также пришли къ тому пламенному, нетерпѣливому ожиданію Спасителя, которое было единственно-возможнымъ и плодотворнымъ результатомъ великаго дѣла приготовленія людей къ христіанству.

Чтобы желаніе спасенія достигло въ челоѣчествѣ крайней точки своего развитія, для сего необходимо было выполнить два условія. Надлежало, во первыхъ, чтобы предметъ этого желанія получилъ въ сознаніи челоѣчества возможно большую опредѣленность, и во вторыхъ, чтобы его сознанію сказалаь также съ неопровержимою ясностію та истина, что этотъ предметъ недостижимъ для челоѣка, предоставленнаго собственнымъ слабымъ силамъ. Оба эти условія осуществились въ исторіи языческихъ религій. Желаніе искупленія первоначально проявляется въ челоѣчествѣ смутнымъ, неяснымъ, хотя и могущественнымъ, образомъ. Нѣтъ ни одного народа, который бы въ самую раннюю пору своего существованія не имѣлъ своей религій, своего культа, своихъ алтарей и жертвъ, т. е. который бы не выражалъ, такъ или иначе, въ той или другой формѣ, этого, общаго всему челоѣчеству, стремленія къ возстановленію расторгеннаго грѣхонъ союза между нимъ и Божествомъ. Религій язычества, чѣмъ бы онѣ ни были сами въ себѣ, все таки религій, т. е. попытки челоѣка привязать свои мысли и самую жизнь къ одному высшему началу, отъ котораго онъ сознавалъ себя зависимымъ. Его не удовлетворяютъ наслажденія жизни матеріальной; если онъ и отдается имъ иногда съ нѣкоторою безпечностію, то не иначе, какъ обоготворивъ ихъ предварительно. Это обоготвореніе, безъ сомнѣнія, преступно въ высшей степени; но оно показываетъ, какъ сильна и непреодолима въ челоѣкѣ эта потребность знать и чтить Бога; ибо онъ не довольствуется отвлеченнымъ представленіемъ о Богѣ; онъ ищетъ олицетворить Его, приблизить къ себѣ, прилагая атрибуты Божества къ явленіямъ и предметамъ міра вещественнаго. Но и это не удовлетворяетъ его. Его религіозная жажда ненасытима; онъ испытываетъ ее съ новою

силою послѣ каждаго разочарованія въ томъ или другомъ мнимомъ божествѣ. Наконецъ онъ поднимается на одну ступень выше, и создаетъ религію, которой божества уже носить его образъ и подобіе. Это обоготвореніе человѣчества ставитъ его на точку сопрякосновенія съ міромъ высшимъ, невещественнымъ. То, что онъ обожаетъ теперь, еще не есть Богъ, но уже подходитъ къ идеѣ Бога несравненно ближе, чѣмъ природа. Отсель идея нравственной красоты и гармоніи овладѣваетъ имъ всецѣло; онъ уже предвидитъ истинное Божество, уже предвкушаетъ сладость священнаго союза съ Нимъ... Изобразить это постепенное, послѣдовательное развитіе религій въ человѣчествѣ,—значитъ изобразить одну сторону дѣла приготовленія, состоявшую въ томъ, чтобы опредѣлить точнѣе въ сознаніи человѣка желаніе спасенія, очистить это желаніе отъ всякой примѣси чувственнаго пантеизма, проникнуть и одухотворить его нравственнымъ элементомъ. Но этотъ нравственный элементъ вносить начало разрушенія въ религіи язычества. Едва только онъ овладѣваетъ сознаніемъ, и язычество становится анахронизмомъ. Странное дѣло! Оно находитъ свою погибель въ томъ самомъ, что должно бы составить, по видимому, его торжество. Достигнувъ апогея своего развитія, оно въ ту же минуту теряетъ свою прежнюю силу и значеніе. Религіозное зданіе древняго міра дохнетъ и падаетъ подъ тяжестью собственной вершины. Отсель, напраснымъ трудомъ будутъ всѣ самыя блестящія, гениальныя попытки возстановить его и привести въ прежній видъ; его разрушеніе неминуемо. Правда, древнее язычество еще продолжаетъ и послѣ сего существовать многіе вѣка; но это—уже періодъ его постепеннаго упадка и одряхлѣнія. Однажды всѣ его боги собрались было и стали на почетныя мѣста въ римскомъ пантеонѣ, но только на

одно мгновеніе, только для того, чтобы умереть вмѣстѣ, среди гремѣвшихъ надъ ними отвсюду проклятій и насмѣшекъ чловѣчества, усталого, измученнаго, получившаго отвращеніе къ собственнымъ кумирамъ, и посреди этихъ гнилыхъ развалинъ вознесшаго наконецъ пламенную, хотя еще неясную, мольбу души, полной скорби и смятенія, къ Богу живому и истинному, но еще невѣдомому. Изобразить это паденіе язычества, изобразивъ предварительно его развитіе,—значить опредѣлить вторую сторону дѣла приуготовленія къ христіанству, которой назначеніемъ было убѣдить чловѣка въ его собственномъ безсиліи въ дѣлѣ спасенія и необходимости для него въ этомъ дѣлѣ высшей Божественной помощи.

IV.

Скажемъ нѣсколько словъ о новѣйшихъ историкахъ язычества. Подлинно, это не малое благо, что мы имѣемъ возможность въ настоящее время изучать серьезно исторію религій. Предъ нами обширный запасъ матеріаловъ этого рода, въ послѣдніе годы собранныхъ тщательно и съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Драгоценныя открытія, которыми вызвана изъ нѣдръ земли вся забытая или весьма мало извѣстная цивилизація древности, описанныя въ сочиненіи Ботты и Фландена и въ полной живаго интереса, книгѣ, Деярда проложили новый болѣе торный и широкій путь изслѣдованіямъ въ области ориентализма. Ассирійскіе музеумы Лондона и Парижа воскрешаютъ предъ нами живой образъ древнихъ монархій западной Азіи, доселѣ извѣстныхъ только со стороны своего внѣшняго, политическаго могущества; между

тѣмъ какъ родъ и свойства ихъ цивилизаціи, степень, которую онѣ занимали въ порядкѣ общечеловѣческаго развитія, законы, по которымъ сложилась и развивалась ихъ внутренняя жизнь,—все это оставалось пока неразрѣшимой загадкой. Нельзя умолчать о трудѣ ученаго ориенталиста Хвольсона, его переводѣ древняго манускрипта «О земледѣліи набатеевъ», который, по мнѣнію Катрмера, восходитъ къ VI вѣку до Р. Х. «Въ этой книгѣ, говоритъ ученый переводчикъ, заключенъ цѣлый міръ, еще не открытый и неизвѣданный; наука можетъ извлечь отсюда не меньшіе результаты, какъ и изъ открытій Ботты и Леярда. Цари древняго Вавилона, съ ихъ данными, хронологическими и историческими; писатели и памятники письменности—вавилонскіе, ассирійскіе, сирійскіе и хананейскіе самыхъ различныхъ временъ; религіозныя и философскія школы халдеевъ; умственное и религіозное развитіе этого народа, принадлежащаго къ самой отдаленной древности; слѣды исторіи, вѣрованій, цивилизаціи, нравовъ и обычаевъ великаго числа народовъ, состоявшихъ въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ съ халдеями, все это названная книга представляетъ намъ въ изобиліи» (*). Между тѣмъ западная часть древней Азіи постоянно выясняется болѣе и болѣе. Есть книга, къ которой особенно полезно обращаться при изученіи язычества финикійскаго и вавилонскаго; это—ученый трудъ Моверса (**)

о Финикіи, съ перваго раза занявшій мѣсто въ ряду классическихкихъ сочиненій этого рода. Цивилизація, правленіе, торговля, искусство, религія — все разобрано и выяснено здѣсь по началамъ строгой критики, опирающейся на об-

(*) См. «Annales de philosophie Chretienne», nov. 1857, p. 337.

(**) «Die Phoenicier», par Moevers, 3. vol.

ширное, многостороннее изученіе предмета. Моверсъ первый съумѣлъ выяснитъ належащимъ образомъ этотъ грубый дуализмъ, обоготворившій безразлично всѣ силы природы, и на первый взглядъ представляющій какую-то странную, неразгаданную смѣсь всякаго рода началъ и элементовъ. Онъ съ изумительною точностію охарактеризовалъ его первое начало и тонко подмѣтилъ всѣ видоизмѣненія, которымъ онъ подвергался, переходя изъ одной страны въ другую на всемъ протяженіи обширнаго пояса, гдѣ онъ господствовалъ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе тотъ отдѣлъ книги, гдѣ авторъ излагаетъ исторію народовъ хананейскихъ, и слѣдовательно встрѣчается съ тою формою язычества, съ которою народъ іудейскій постоянно соприкасался волею и неволею, и противъ которой его пророки особенно гремѣли обличеніями. Такимъ образомъ бѣольшая часть ихъ пророчествъ получаетъ для насъ новый свѣтъ. Вообще ближайшее знакомство съ книгой Моверса есть дѣло не только полезное, но и необходимое для основательнаго изученія Ветхаго Завета. Она содержитъ въ себѣ также побѣдоносное опроверженіе той пресловутой догадки, высказанной и въ свое время съ жаромъ защищаемой Ренаномъ, что монотеизмъ составляетъ исключительную принадлежность расы семитической; Моверсъ доказываетъ неопровержимыми фактами, что и среди народовъ, которыхъ семитизмъ не подлежитъ сомнѣнію, нерѣдко господствовало самое грубое язычество. Впрочемъ, это нисколько не уменьшаетъ славы Ренана, оказавшаго неоспоримыя услуги оріентализму своею «Исторією языковъ семитическихъ».

Наполеонъ привелъ съ собою въ Египетъ полководцевъ и ученыхъ, чтобы овладѣть имъ и для республики, и для науки. Но первымъ завоеваніемъ не могли или не сумѣли воспользоваться; изъ втораго отъ начала столѣтія наука не

переставала извлекать всевозможные результаты. Франціи, безспорно, принадлежит честь открытія этого новаго міра для науки. Шампольонъ былъ первымъ Эдипомъ для этого древняго африканскаго сѣнника. Трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе объ обширности его трудовъ и открытій на этомъ поприщѣ. Съ теченіемъ времени Германія, Италия и Франція привнесли сюда каждая свою долю знанія, критики, историко-философскихъ соображеній и изслѣдованій. Шампольонъ, Росцеллинъ, Лепсіусъ уже итѣютъ своихъ преемниковъ, или, по крайней мѣрѣ, соперниковъ. Ружэ во Франціи, Бунзенъ въ Пруссіи, постоянно обогащали науку новыми трудами и открытіями по этой части. Музеумы туринскій, парижскій и берлинскій заключаютъ въ себѣ всю энциклопедію Египта. Чего не доставало здѣсь, то восполнилъ берлинскій музеумъ посредствомъ искусственныхъ воспроизведеній. Цѣлый міръ, колоссальный и величественный, возстаетъ со дна Нила, и одна изъ знаменательнѣйшихъ страницъ исторіи міра, хотя и начертанная іероглифами, съ каждымъ днемъ освѣщается болѣе и болѣе

Древняя персидская религія, доселѣ извѣстная только въ отрывкахъ, теперь составляетъ неотъемлемое достоинство науки, благодаря неутомимымъ трудамъ и изслѣдованіямъ на этомъ поприщѣ Анкетиль-Дюперрона. Къ нимъ относились съ самою строгою критикою, много разъ провѣряли ихъ, и все это нисколько не помрачало ихъ славы. Описаніе его кругосвѣтнаго путешествія преисполнено высокаго интереса. Можно сказать, что этотъ человѣкъ, обрешій себя изъ любви къ наукѣ на всевозможныя лишенія, смѣло встрѣчавшій смерть во всѣхъ ея видахъ, никогда не отступавшій ни предъ какою опасностію тамъ, гдѣ дѣло шло объ интересахъ науки, всегда пламенный и неутомимый въ своихъ изъ-

исканіяхъ,—вполнѣ олицетворялъ собою героизмъ знанія! Было бы величайшимъ благомъ для человѣчества, если бы религіозно-нравственная истина могла насчитать въ своихъ рядахъ не малое число такихъ неустрашимыхъ и безкорыстныхъ дѣятелей! Заслуги, оказанныя имъ наукѣ, неоспоримы. Благодаря ему, филологія значительно подвинулась впередъ. Его переводы требовали строгой критики; ибо онъ всё находимыя имъ памятники возводилъ ко временамъ Зо-роастра, даже такіе, какъ «Бундегешъ», носившіе очевидную печать христіанства. Всѣ, наиболее важные труды его были внимательно рассмотрѣны и провѣрены. Много живаго свѣта привнесъ въ это дѣло своими геніальными изслѣдованіями великій оріенталистъ нашего времени Евгений Бюрнюфъ. Его комментарий на «Іакна» — трудъ столь капитальный, что безъ предварительнаго ознакомленія съ нимъ невозможно никакое, болѣе или менѣе, серьезное изученіе древней персидской письменности.

Англичане сдѣлали для Индіи то же, что французы для Египта. Наука шла неотступно по слѣдамъ ихъ завоеваній въ Индіи, а часто и опережала ихъ. Кольбрукъ былъ Шампольономъ этой классической страны пантеизма. Германія и Франція принялись ревностно изслѣдовать это обширное, еще дѣвственное поле знанія, какъ новые владѣльцы земли, ищущіе нетерпѣливо ознакомиться съ ея почвой. «Индійскія древности» Лассена представляютъ обширный и систематическій перечень всѣхъ многочисленныхъ изслѣдованій, совершенныхъ въ Индіи въ теченіе этого полстолѣтія. Въ Европѣ стали появляться въ значительномъ количествѣ переводы различныхъ, болѣе или менѣе, важныхъ памятниковъ индійской миеологіи и поэзіи. Здѣсь снова на первомъ планѣ выступаетъ Евгений Бюрнюфъ. Его переводъ «Багават-Пу-

рана» и трактатъ о Буддизмѣ выше всякой похвалы. Замѣчательнъ также переводъ «Рей-Веда», составлен- ный Ланглуа, въ которомъ первобытныя пѣсни ари- янъ, дышація простодушнымъ восхищеніемъ природою, сохраняютъ всю свою чарующую прелесть, все роскошное, свойственное только пѣснямъ востока, изобиліе образовъ и красокъ. Словомъ, мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что не далека та минута, когда всѣ капитальные памятники ин- дійской религіи мы будемъ имѣть подъ руками.

Что касается запада и въ частности Греціи, то изъ мно- жества сочиненій, посвященныхъ разработкѣ ихъ исторіи, мы укажемъ только на нѣкоторые, позднѣйшіе труды, от- казывая себѣ при этомъ даже въ удовольствіи восхвалять, какъ бы мы желали, великаго эллиниста нашихъ временъ, незабвеннаго Готфрида Миллера, который, изучая исторію этого народа, столь щедро одареннаго природою, въ его различныхъ памятникахъ, всюду неутомимо изыскивалъ слѣды его нравственной и религіозной жизни, его обще- человеческого развитія. Намъ кажется, никому, кромѣ этого историка, нельзя повѣрить себя съ большею безопасностію въ дѣлѣ изученія этого славнаго прошедшаго. Если что и можно поставить ему въ упрекъ, то развѣ то пристрастное увлеченіе, съ которымъ онъ преслѣдуетъ свою любимую теорію о самобытности греческой цивилизаціи, образовав- шейся, по его мнѣнію, внѣ всякаго вліянія началъ восточ- ныхъ. Тѣмъ не менѣе, ему принадлежитъ по праву первое мѣсто въ ряду всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей древней Греціи; ибо, хотя онъ весь отдается чарующей прелести этого дивнаго народа, но въ то же время господствуетъ надъ нимъ всѣмъ, что есть великаго и могущественнаго въ со- временной мысли и цивилизаціи. Во Франціи много писано,

особенно въ послѣднее время, о Греціи. Но доселѣ не доставало книги, которая бы относительно этого предмета сосредоточила въ себѣ нѣкоторымъ образомъ всѣ результаты современнаго знанія. Такою книгою въ недавшее время подарилъ намъ Мори (*), книгою, совмѣщающею въ себѣ основательную, многостороннюю обработку предмета съ ясностію изложенія,—достоинства, замѣченныя и оцѣненныя въ ней всѣми ея читателями. Первый томъ этого сочиненія посвященъ изложенію исторіи греческой религіи отъ ея происхожденія до временъ Александра. Здѣсь авторъ рѣшаетъ, на нашъ взглядъ, самымъ удовлетворительнымъ образомъ важный вопросъ объ относительномъ значеніи въ составѣ греческой религіи элементовъ восточнаго и собственно-греческаго. По его мнѣнію, греки, какъ пришельцы съ востока, вынесли оттуда и свою религію; но они вновь переработали ее, облекли въ новыя, болѣе нѣжныя и уточненныя формы, смягчили и облагородили; слѣд. изъ самихъ себя выработали все, что есть у нихъ лучшаго. Мори ведетъ насъ по различнымъ періодамъ греческой религіи; онъ показываетъ намъ ея постепенное очищеніе и облагороженіе отъ Гомера до Гезіода, отъ Гезіода до Пиндара и Софокла. Во второмъ томѣ онъ разсматриваетъ религіозныя учрежденія Греціи, ея культъ, сословіе жрецовъ и оракуловъ, ея мистеріи. Относительно этого послѣдняго вопроса (о мистеріяхъ) онъ проводитъ взглядъ Гиньйо высказанный послѣднимъ въ примѣчаніяхъ къ составленному имъ переводу Крейцера и въ его прекрасной «Памятной запискѣ» (Memoire) о томъ же предметѣ. По по-

(*) *Histoire des religions de la Grece antique, depuis leur origine jusqu'à leur complete constitution*, par L. T. Maury. 2 vol. 1857. Paris, chez Ladrangé.

воду втораго тома Мори, мы должны сказать, что авторъ не удовлетворяетъ здѣсь во многихъ отношеніяхъ. Вообще, намъ кажется, что онъ не довольно освоился съ глубокою идеею жертвъ, въ которой онъ видитъ не болѣе, какъ простой, весьма обыкновенный, знакъ выраженія тѣхъ чувствъ признательности и благоговѣнія, какія люди могли питать къ своимъ богамъ,—не имѣющій другаго значенія, кромѣ того, какое представляетъ даръ подданнаго, повергнутый къ ногамъ царя. Между тѣмъ неоспоримо, что въ основаніи жертвенныхъ обрядовъ язычества лежитъ всегда идея очищенія и искупленія отъ грѣховъ; жертвоприношенія, совершавшіяся въ честь Аполлона Пивійскаго, подтверждаютъ это самымъ очевиднымъ образомъ. Но какъ бы то ни было, книга Мори отнынѣ навсегда представляетъ неоцѣненное пособіе для всякаго, кто ищетъ основательнаго изученія исторіи эллинской религіи.

Если мы теперь отъ частныхъ сочиненій о язычествѣ, излагающихъ отдѣльно исторію той или другой языческой націи, перейдемъ къ болѣе общимъ твореніямъ этого рода, имѣющимъ дѣло съ цѣльной картиной язычества; то по порядку времени, встрѣчаемся съ книгою Эдгара Кине «Духъ религій» (*), отпечатанною въ недавнее время вторымъ изданіемъ. Книга превосходная по своему стилю. Много въ ней страницъ истинно-прекрасныхъ, проникнутыхъ высокими благороднымъ одушевленіемъ. Но въ цѣломъ она отражаетъ въ себѣ идеи пантеизма. Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы краснорѣчивый авторъ этого сочиненія имѣлъ дѣйствительное намѣреніе провести въ немъ взглядъ на религію чисто пантеистическій. Здѣсь виденъ гегелизмъ, но гегелизмъ еще въ

(*) *Oeuvres completes d'Edgar Quinet*. Tome I. Pagnerre, editeur, 1857.

первой порѣ своего развитія: природа, содержащая въ себѣ Бога, съ точки зрѣнія пантеизма открываетъ Его различнымъ образомъ въ цѣломъ рядѣ своихъ явленій, всецѣло же и совершеннѣйшимъ образомъ только въ человѣкѣ. Такъ есть откровеніе посредствомъ вещественнаго свѣта,—это религія индѣйцевъ; есть откровеніе посредствомъ жизни органической,—это религія египетская; откровеніе посредствомъ пустыни,—это іудейство; откровеніе посредствомъ человѣка,—это Греція. Христіанство есть также откровеніе посредствомъ человѣка, но болѣе духовное и совершенное... Но намъ кажется, что подобнаго рода дѣленія не разъясняютъ, а болѣе затемняютъ сущность дѣла; и во всякомъ случаѣ они матеріализируютъ религію, поставляя ее въ безусловную зависимость отъ внѣшнихъ причинъ и вещественныхъ явленій. Здѣсь не человѣкъ является властителемъ природы, а природа творить человѣка по своему образу и подобию.

Далѣе слѣдуетъ ученый трудъ *Ружемона* «О первобытномъ народѣ» (*), — трудъ добросовѣстный, составленный съ полнымъ знаніемъ дѣла; но этимъ достоинствамъ его много вредитъ односторонній взглядъ автора на мифологию язычества, въ которыхъ онъ усиливается все изъяснить по началамъ библейскаго преданія. Мы отнюдь не отрицаемъ того, что есть во всѣхъ религіяхъ человѣчества извѣстнаго рода общія, основныя истины, которыя часто берутъ свое начало изъ источника первобытныхъ преданій. Но намъ кажется, что авторъ слишкомъ много придаетъ значенія этой идее; напр. когда онъ видитъ въ финикійскомъ Адонисѣ и египетскомъ Озирисѣ олицетвореніе преданія о по-

(*) *Le Peuple primitif, sa religion, son histoire et sa civilisation, par Fr. de Rougemont. Seconde partie: Histoire. Tome III. Cherbulliez, 1857.*

топѣ, — онѣ, очевидно, увлекается здѣсь пристрастіемъ къ собственной теоріи. Зачѣмъ такъ далеко искать значенія этихъ мнѣній, когда они объясняются очень просто съ точки зрѣнія религіознаго натурализма, ищущаго олицетворить въ той или другой, общедоступной формѣ постепенный переходъ природы отъ знойнаго лѣта къ благоуханной веснѣ? Напрасно также Ружмонъ предоставляетъ слишкомъ слабое участіе въ образованіи и развитіи мнѣній самобытнымъ проявленіямъ челоѣческаго сознанія. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что онѣ заботился только изобразить мнѣнія болѣе со стороны ихъ частныхъ, характеристическихъ особенностей, нежели въ ихъ взаимной, совокупной связи и живомъ, послѣдовательномъ развитіи. При всемъ томъ эта книга по обилію матеріаловъ, свидѣтельствующему объ обширномъ, терпѣливомъ и долговременномъ трудѣ, и по тому возвышенному направленію, которымъ она проникнута, заслуживаетъ полнаго уваженія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилось въ Германіи замѣчательное твореніе, еще неконченное, котораго первые томы уже достигли втораго изданія: это — «Исторія древности» Дункера (*). Скажемъ нѣсколько словъ и объ этой книгѣ. Авторъ ея не признаетъ откровенія, и вслѣдствіе того, относится къ іудейскому народу съ очевиднымъ, почти страстнымъ недоброжелательствомъ; потому, многія священныя лица и событія Ветхаго Заѣта выходятъ изъ-подъ его пера въ превратномъ, искаженномъ видѣ; чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно прочесть его біографію Давида... За исключеніемъ этого недостатка, — недостатка безмѣрной важно-

(*) Geschichte des Alterthums von Max. Dunker. 4 Volumes Berlin, 1855-1858.

сти, — мы не знаемъ другой книги, которая бы представляла такую живую, цѣльную картину язычества. Авторъ изображаетъ каждую націю со всѣхъ сторонъ ея жизни, — религиозной, политической, нравственной и соціальной. Онъ ищетъ и утѣетъ находить для себя данныя всюду, какъ въ книгахъ, такъ и во всякаго рода памятникахъ древности. Знакомый въ совершенствѣ со всѣми результатами современнаго знанія, онъ прилагаетъ ихъ къ дѣлу съ изумительнымъ тактомъ. Слогъ Дункера, ясный, живой, увлекательный, служить самымъ очевиднымъ доказательствомъ того, что древній періодъ германской литературы миновалъ для нея безвозвратно. Длинные, нескончаемыя, какъ поколѣнія Агамемнона, фразы встрѣчаются здѣсь очень рѣдко. Есть возможность въ теченіе страницы не одинъ разъ перевести духъ. Что особенно поражаетъ здѣсь,—это изумительный порядокъ, въ которомъ авторъ самымъ удачнымъ образомъ расположилъ обширные матеріалы своей исторіи. Въ первомъ томѣ онъ излагаетъ исторію Египта, Финикіи, Вавилона и Ниневіи, во второмъ—Персіи и Индіи, въ третьемъ и четвертомъ—исторію Греціи.

Укажемъ еще на одно весьма замѣчательное твореніе, озаглавливаемое: «Язычество и іудейство, или введеніе въ исторію христіанства», Дёллингера (*). Авторъ извѣстенъ своею приверженностію къ католицизму, что не мѣшаетъ ему однако имѣть глубокія свѣдѣнія въ историческихъ наукахъ. Онъ поставилъ своею задачею въ этомъ сочиненіи—изобразить въ живой, цѣльной картинѣ древній языческой міръ, который христіанству нужно было прежде разрушить, что-

(* Heidenthum und Iudenthum. Vorhalle zur Geschichte des Christenthum, von Doellinger. Regensburg. 1857.

бы потомъ заступить его мѣсто. Онъ беретъ всѣ стороны его жизни и обрисовываетъ ихъ яркими, выпуклыми чертами, надбѣля въ то же время свою картинку всею роскошью историческихъ подробностей. Онъ изображаетъ его жизнь политическую и социальную, его философію и религію, чертитъ біографіи его великихъ мужей, говоритъ подробно о его учрежденіяхъ. Весьма слабою оказывается та часть книги, гдѣ авторъ имѣетъ дѣло съ іудействомъ. Сверхъ того, въ изложеніи греческой философіи слишкомъ сказывается духовная особа, взирающая на великихъ мыслителей древности съ высоты своего авторитета. Но въ цѣломъ книга Деллингера можетъ быть отнесена къ числу лучшихъ книгъ этого рода.

Читатель можетъ видѣть изъ этого, весьма неполнаго впрочемъ, очерка, что въ настоящее время нельзя пожаловаться на скудость матеріаловъ въ дѣлѣ изученія древнихъ религій. Если чего недостаетъ здѣсь часто, то развѣ господствующей идеи, которая бы всѣ эти разрозненныя и разнохарактерныя данныя возводила къ единству и гармоніи. Мы сдѣлали попытку въ предшествующихъ главахъ указать и частію опредѣлить эту идею. Вообще чѣмъ болѣе мы размышляемъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что великая мысль исторіи, равно какъ и жизни человѣческой, есть именно мысль, заключенная въ этихъ немногихъ, но многозначительныхъ словахъ: возгласити всяческая о Христѣ, т. е. все возставити, возродити и обновити чрезъ Христа въ міръ падшемъ и страждущемъ.

ОТВѢТЪ

НА ПИСЬМО ПАПТСКАГО ЕПИСКОПА ПО ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССИИ.

(Окончаніе *).

III.

Теперь я приступаю къ разбору того частнаго обстоятельства, которое вашему преосвященству показалось чрезвычайно важнымъ доказательствомъ полнѣйшей зависимости русской церкви отъ русскаго императора. Я хочу говорить о присягѣ, произносимой членами св. синода предъ ихъ вступленіемъ въ должность.

«Развѣ не правда, говорите вы, что члены синода, — этой верховной власти, которою управляется русская церковь со времени уничтоженія патріаршества, — обязаны постановленіями Петра Великаго, подтверждать клятвою, что они признаютъ верховный авторитетъ царя надъ самою этою высшею церковною властью? Съ клятвою исповдую верховнымъ судъ-

(*) См. іюльскую книжку.

ею сей духовной коллегіи самого всероссійскаго монарха все-милостивѣйшаго нашего государя и господина.»

Да, преосвященнѣйшій, приведенныя вами слова дѣйстви-тельно находятся въ формулѣ присяги, даваемой членами св. синода, исключая однако слова:—господина (maître), котораго я тамъ не нахожу и которое вы прибавили безъ сомнѣнія для округленія фразы.

Въ спорѣ, столь серьезномъ, какъ нашъ, я прохожу молчаніемъ эту прибавку; заниматься словопреніемъ я не намѣренъ. Еслижъ я замѣтилъ, что вы прибавили *одно* слово къ тексту, то это для того, чтобъ показать вашу склонность къ преувеличенію дѣла. Моя главная задача—узнать, точно ли смыслъ, который вы приписываете приведеннымъ словамъ, есть настоящій, истинный смыслъ присяги. Нѣтъ, приведенныя выше слова искажены; чтобы видѣть ихъ настоящій смыслъ, надо ихъ сопоставить съ словами предыдущими и послѣдующими. Вамъ извѣстно, что отдѣльныя фразы, заимствованныя даже изъ св. книгъ, могутъ представляться въ ложномъ смыслѣ; примѣры этого у насъ каждый день предъ глазами.

Если вы внимательно прочтете полную присягу, произносимую членами св. синода, то увидите, что этотъ документъ раздѣляется на двѣ части. Въ первой излагаются обязанности членовъ этого постоянного собора и начала, которыя должны ихъ руководить въ качествѣ пастырей и судей духовнаго стада; вторая содержитъ гражданскія ихъ обязанности, какъ вѣрноподанныхъ, какъ важныхъ государственныхъ сановниковъ.

Вотъ, преосвященнѣйшій, слова, которыя произноситъ каждый членъ св. синода предъ св. Крестомъ и Евангеліемъ, въ присутствіи другихъ членовъ святаго собора и оберъ-прокурора:

«Я нижеименованный общаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангелиемъ: что я обязанъ и желаю въ совѣтахъ, судахъ и всѣхъ дѣлахъ этого духовнаго правительствующаго собранія всегда искать самой точной истины, самой точной правды, и поступать во всемъ по правиламъ, написаннымъ въ духовномъ Регламентѣ, и какія впредь будутъ опредѣлены согласіемъ этого духовнаго правительства и соизволеніемъ царскаго величества. Во всемъ этомъ буду поступать по совѣсти моей, безъ лицепріятія, не страдая враждою, завистию, упрямствомъ, — словомъ, не плѣняясь никакими страстями, но въ страхъ Божию, ежеминутно вспоминая о страшномъ судѣ, — съ искреннею любовію къ Богу и ближнему, ниѣя главною цѣлію всѣхъ моихъ мыслей, всѣхъ моихъ словъ и всѣхъ моихъ дѣйствій Божию славу, спасеніе душъ и созиданіе всей церкви, не заботясь о собственныхъ выгодахъ, но яже Господа Иисуса. Клянусь Богомъ живымъ, что, помня страшныя слова: *прокляты всякъ, творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ*, я буду заниматься всѣми дѣлами правительствующаго собранія, какъ дѣломъ Божиимъ, безъ небреженія и съ стараніемъ, по мѣрѣ моихъ силъ, оставляя въ сторонѣ всѣ мои выгоды и даже самый покой. Я не буду искать въ невѣдѣніи предлога къ извиненію ошибочности моихъ сужденій; а если встрѣчу затрудненія, то постараюсь искать уразумѣнія и вѣдѣнія въ св. Писаніи, въ соборныхъ правилахъ и въ согласномъ свидѣтельствѣ древнихъ великихъ учителей.»

Этимъ кончается присяга членовъ св. синода въ качествѣ пастырей, столповъ церкви, отцовъ духовнаго собора. Силью спросить ваше преосвященство, знаете ли вы прекраснѣе, чище, христіанственнѣе формулу о характерѣ епископскихъ дѣйствій? Кромѣ формулы присяги, не замѣчаете ли вы здѣсь

чистаго, твердаго заявленія основныхъ положеній православнаго исповѣданія вѣры? Члены св. синода утверждаютъ клятвою предъ Евангеліемъ, призывая въ свидѣтели Бога, что во всемъ они будутъ искать одной совершеннѣйшей истины и полной справедливости; а вы, преосвященный, основываясь на нѣсколькихъ отдѣльныхъ и худо понятыхъ словахъ, прекаете ихъ въ клятвенномъ обѣщаніи жертвовать истинною и правдою малѣйшему желанію, прихоти гражданской власти. Отцы русскаго собора клянутся Богомъ, что они отрекаются отъ всякаго чувства страха и личной выгоды, что они ищутъ въ виду только Божию славу, спасеніе душъ и устроеніе церкви; а вы увѣряете, что они клятвенно обязываются повиноваться только страху и личной выгодѣ! Они предъ небомъ и землею утверждаютъ, что ихъ духовный царь и глава церкви есть Распятый подъ именемъ царя іудейскаго; а вы навязываете имъ слова, которыя произносили еврей—предатели: *«у насъ нѣтъ друзей царя, кромѣ кесаря!»* Почтенные и уважаемые пастыри русскаго церкви актомъ вѣры и совѣсти утверждаютъ, что въ руководство своихъ епископскихъ дѣйствій принимаютъ Св. Писаніе, соборныя правила и единоголасное ученіе св. отцевъ церкви; а вы распространяете предубѣжденіе, что они не знаютъ много для церкви закона, кромѣ гражданскаго, что они въ качествѣ агентовъ свѣтскаго правительства замѣнили отцевъ церкви. Присяга есть актъ религіозный; христіанскій и гражданскій законъ, равно и общій смыслъ требуютъ, чтобы ей болѣе довѣряли, чѣмъ простой догадкѣ, какова ваша, преосвященный! Это требованіе для насъ равносильно съ обязанностію скорѣе вѣрить добру, чѣмъ злу. Всякій, кто только прочтетъ мною переданную присягу, скорѣе повѣритъ ей, чѣмъ вашему толкованію, и легко откроетъ въ немъ то заблужденіе, какое вы видѣли въ присягѣ.

Нерѣдко приходилось читать и слышать жалобы епископовъ и другихъ знаменитыхъ членовъ французскаго духовенства на ложное толкованіе, какое придавали тѣмъ или другимъ ихъ выраженіямъ, и часто жалобы были основательны. Теперь французскій епископъ употребляетъ противъ насъ тѣ же орудія, которыя онъ считалъ дурными и предосудительными въ рукахъ своихъ враговъ. Преосвященный! вамъ известна заповѣдь нашего общаго Господа и Судіи: *яже, аще хотите, да творятъ самъ чловѣцы, и вы творите такожде* (Матѣ. VII, 12).

Осуждая насъ, вы наносите ударъ не одной русской церкви, но и вашей, галликанской, или, лучше, католической церкви, которой значительную часть составляетъ церковь римская. Всѣ христіанскія церкви взаимно связаны; униженіе одной изъ нихъ въ дѣлахъ, касающихся сущности христіанства, невыгодно отражается на другихъ. Такимъ образомъ есть опасность понизить общій уровень христіанской вѣры.

Въ самомъ дѣлѣ, недовѣріе къ служителямъ церкви — не маловажная причина невѣрія въ христіанствѣ. Люди, не имѣющіе счастья вѣрить, будучи свидѣтелями безпрестанной вражды между пастырями различныхъ церквей, — свидѣтелями страстныхъ обвиненій и жестокихъ осужденій, которыя они гремятъ другъ противъ друга, — такіе люди, говорю, крѣпнута въ своихъ сомнѣніяхъ, въ своемъ невѣріи. Поэтому пастыри церкви, къ которой я ниѣю честь принадлежать, наблюдаютъ чрезвычайную осторожность въ отношеніи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій; они только скорбятъ о поведеніи относительно ихъ — членовъ латинской церкви.

Еслибы вами приведенныя слова вы поняли согласно съ общимъ смысломъ приюти, произносимой членами синода;

еслибъ вы связали ихъ съ тѣмъ принципомъ, который въ ней такъ ясно выраженъ: то не приписали бы абсолютнаго значенія такимъ словамъ, которыя имѣютъ значеніе только относительное, и изъ нихъ не дѣлали бы оружія противъ монаховъ и пастырей.

Можетъ-быть, преосвященнѣйшій, на эти замѣчанія, которыя я имѣю честь представить вашему преосвященству, вы скажете тоже, что уже вы сказали въ вашемъ письмѣ: «здѣсь нельзя не примѣтить той непослѣдовательности, какая часто намъ встрѣчается въ отдѣлившихся церквахъ». Но не забывайте, что подь вліяніемъ известнаго чувства находишь противорѣчіе тамъ, гдѣ его нѣтъ. Одни находятъ его въ природѣ, чтобъ отвергнуть Бога Создателя, другіе въ Евангеліи, чтобъ отвергнуть Бога Искупителя. Что кажется противорѣчіемъ, то часто есть только разнообразіе, оттѣнки, отдѣльные звуки, словесъ элементы, изъ которыхъ, какъ вы, преосвященный, знаете, составляется правильность, гармонія. Противорѣчіе, открытое вами въ словахъ присяги членовъ св. синода, скорѣе не есть ли гармонія, чѣмъ противорѣчіе? Присягнувши на вѣрность церкви, члены этого св. собранія даютъ присягу на вѣрность государю въ качествѣ подданныхъ и членовъ учрежденія, которое оказываетъ важное вліяніе даже на дѣла государства. Эта вторая часть присяги ясно отличается отъ первой. Вотъ точный ея переводъ:

«Еще клянусь Всемогущимъ Богомъ, что я хочу и обязуюсь быть вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ моему природному и истинному Царю и Государю Петру Первому, Всероссийскому Самодержцу, и послѣ него, — высокимъ и законнымъ его наследникамъ.... Этою присягою я обещаю беречь и защищать всѣ его права и преимущества, какъ настоящія, такъ и имѣющія быть опре-

дѣленными, которыя принадлежать къ высокому Его царскаго Величества самодержавству, силѣ и власти, по крайнему моему разумѣнію, силѣ и возможности; и если будетъ въ томъ нужда, обещаюсь не щадить моей жизни для защиты этихъ правъ: притомъ я клянусь содѣйствовать всему тому, что можетъ касаться вѣрной службы и интересовъ Его Величества.»

Черезъ нѣсколько строкъ, развивающихъ поименованныя обязательства, напр. обязательство сохранять государственныя тайны, которыя могутъ быть имъ поручены, слѣдуютъ слова, вами приведенныя, въ которыхъ члены св. синода признаютъ государя своимъ судьей.

Черезъ такое опредѣленіе мѣста, которое занимае ть ваша цитата въ цѣлой присягѣ, и черезъ указаніе связи ея съ предыдущимъ и послѣдующимъ, смыслъ ея дѣлается яснымъ, а равно и то, что вы не можете ей приписывать абсолютнаго смысла, на которомъ вы изволили воздвигнуть столько преувеличенныхъ слѣдствій.

Если я еще не могъ васъ убѣдить въ томъ, что приведенныя вами слова относятся только къ членамъ св. синода въ качествѣ подданныхъ, сановниковъ государства, членовъ смѣшаннаго собранія, имѣющаго двойной характеръ — религіозный и гражданскій: то я вамъ укажу другое средство придти къ такому убѣжденію. Въ Регламентѣ на страницѣ 112 найдете такія слова (*): «Духовный синодъ точно также, какъ и другія коллегіи, обязанъ клятвою сохранять вѣрность его царскому величеству и защищать его интересы.» Изъ этого вы видите, что присяга св. синода представляется не какъ обязательство, относящееся ко всей эко-

(*) Я всегда цитирую Регламентъ, изданный по русски въ 1820 г.

ноиіи церкви, а только къ ея внѣшней сторонѣ, и къ государю, какъ къ политическому главѣ.

Если у васъ еще есть какое-нибудь сомнѣніе на счетъ этого предмета, я представляю вамъ другія поясненія.

Въ письмѣ, которыя Петръ Великій проситъ признанія и утвержденія св. синода, этотъ государь выражается такимъ образомъ:

«Сему св. синоду мы милостиво дали право сноситься съ вашимъ святѣйшествомъ (т. е. константинопольскимъ патриархомъ и чрезъ его посредство съ другими вселенскими восточными патриархами) о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ; по сему мы просимъ ваше святѣйшество благоволить имѣть съ нимъ сношенія и переписку о дѣлахъ, касающихся интереса церкви, какъ вы то дѣлали прежде съ русскими патриархами. Мы же съ своей стороны общаемъ вашему святѣйшеству вполнѣ быть справедливыми къ просьбамъ, которыя вамъ угодно будетъ къ намъ адресовать.»

Восточные патриархи не отступили ни отъ этого права, ни отъ этой обязанности; они вошли въ братскія сношенія съ св. синодомъ, дали ему свои совѣты и особенно о сохраненіи неповрежденными обычаевъ и правилъ семи вселенскихъ соборовъ и всего того, что хранить восточная церковь. Они прибавили: «если у васъ явится какое сомнѣніе, вы свободны сообщить это намъ.»

Вы не обратили должнаго вниманія на эти слова, когда рѣшились критиковать присягу членовъ св. синода; однако онѣ чрезвычайно важны при опредѣленіи настоящаго смысла выраженій, которыя ввели васъ въ ошибку. Они ясно показываютъ, что дѣла чисто духовныя, т. е. относящіяся къ христіанскому ученію, богослуженію и вообще къ церковному благочинію, должны подлежать обсужденію св. синода

сообща съ вселенскими восточными патриархами. Русскій государь самъ проситъ ихъ содѣйствія и обязывается употребить свою власть только для того, чтобы облегчить получение онаго. Но вы не скажете, что восточные патриархи присягнули русскому императору, что они произнесли слова, которыя, по вашему мнѣнію, доказываютъ полное *порабощеніе* русской церкви гражданской власти. Значить, кругъ духовныхъ дѣлъ выходитъ у насъ изъ предѣловъ гражданской власти.

Если допустить, толкованіе, которое вы даете нѣсколькимъ фразамъ синодальной присяги; то надобно признать, что въ сомнительныхъ случаяхъ, касающихся христіанскаго ученія, или духовной жизни вѣрующихъ, или чисто церковнаго правленія, — всѣ дѣйствія и всѣ соображенія русскаго правительствующаго собора рѣшаются волею государя и гражданскимъ закономъ. Но самая присяга показываетъ вамъ, что въ случаяхъ недоумѣнія, члены св. синода клянутся «искать уразумѣнія и вѣдѣнія отъ св. писаній и правилъ соборныхъ, и согласія древнихъ великихъ учителей.» Потрудитесь, преосвященнѣйшій, перевернуть листъ, гдѣ вы нашли вашу цитату; прочтите первую страницу Регламента; вы тамъ найдете слѣдующее: «Основаніе церковнаго управленія есть: законъ Божій, предложенный въ Св. Писаніи, каноны, или правила соборовъ и св. отцовъ, и *уставы гражданскіе, съ Словомъ Божиимъ согласные.*» Въ виду такого пачала и такого правила возможно ли давать нѣсколькимъ словамъ смыслъ, противный общей идеѣ присяги? Законы гражданскіе, какъ вы видите, входятъ въ управленіе церкви, иначе и быть не можетъ, потому что церковь имѣетъ свою гражданскую, внѣшнюю сторону. Но вы не должны упускать изъ виду условія, лежащаго на этихъ законахъ: чтобы быть обязатель-

ными для церкви, они должны быть *Сообразны съ Словомъ Божиимъ.*

Если сколько-нибудь внимательно читать Духовный Регламентъ, нельзя не понять, что онъ принадлежитъ къ законодательству сѣшанному, духовному и гражданскому, которое должно дѣйствовать въ государствѣ, гдѣ религія пользуется оффиціальнымъ существованіемъ, что онъ есть дѣло пастырей церкви, точно также какъ государя и лицъ свѣтскихъ, облеченныхъ его довѣріемъ, что онъ приѣняется и къ человѣческой сторонѣ церкви, къ ея внѣшней формѣ, измѣняемой, смотря по обстоятельствамъ времени, что слѣдовательно, его нельзя разсматривать, какъ законъ неизмѣнный, вѣчный, что многія изъ его правилъ могутъ быть уничтожены, другія измѣнены, или пополнены. Такимъ образомъ я очень далекъ отъ того, чтобы отстаивать всякую мелочь, выдавать Регламентъ за дѣло совершенное, защищать всѣ его фразы, увѣрять, что изложеніе его такъ ясно, такъ отчетливо, что дѣлаетъ невозможнымъ ложное толкованіе. Я готовъ даже сказать, что фраза, выдернутая вами изъ присяги, дѣйствительно можетъ быть повята въ томъ смыслѣ, который вы ей приписываете, если читать ее отдѣльно, безъ связи съ остальными фразами формулы, не обращая вниманія ни на начала, ни на исторію, ни на духъ православной вселенской церкви; но все-таки я не могу извинить такого пониманія.

Говоря о измѣнчивой сторонѣ Духовнаго Регламента, какъ и всѣхъ подобнаго рода уложеній, каковы прагматическія уложенія и конкордаты галликанской церкви, естественно предложить такой вопросъ: кому принадлежитъ право дѣлать перемѣны и вводить преобразования? Отвѣтъ вашъ я предвижу; безъ сомнѣнія вы скажете: право на это имѣетъ власть

гражданская, помимо пастырей церкви. Этотъ отвѣтъ согласенъ съ вашимъ понятіемъ о русской церкви; но онъ противъ истины. Сама присяга на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ болѣе справедливый. «Этою присягою я обещаюсь дѣйствовать по тѣмъ уставамъ, какія напсаны въ Духовномъ Регламентѣ, а также какія имѣютъ быть впредь опредѣлены согласіемъ сего духовнаго правительства и соизволеніемъ царскаго величества».

То же самое вачало ясно выражено въ указѣ Петра Великаго о св. синодѣ. «Должна же есть коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять Регламентъ свой, каковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи. Однакожь дѣлать сіе должна коллегія духовная не безъ нашего соизволенія». Видите, преосвященный, что хотя соизволеніе гражданской власти и поставлено въ правило, тѣмъ не менѣе справедливо, что св. синодъ составляетъ свои правила,—видите, русская церковь почтительна къ своему государю, но не *порабощена* ему, какъ вы утверждаете.

Члены синода, какъ вѣрноподданные, безъ сомнѣнія находятся въ зависимости отъ императора; какъ пастыри церкви официальной, слѣдовательно какъ высшіе сановники государства, они опять естественно подчинены главѣ государства; но кромѣ всего этого они должны дѣйствовать въ согласіи съ гражданской властью по причинѣ многихъ дѣлъ, которыя предоставлены ихъ духовному судилищу, и которыя по своей природѣ скорѣе касаются государства, чѣмъ церкви, по крайней мѣрѣ такъ по западному праву: таковы суть браки со всѣми ихъ затруднительными случаями и гражданскими послѣдствіями, разводы, споры между духовными и свѣтскими лицами, духовныя завѣщанія, дѣла, относящіяся къ церковнымъ зданіямъ, управленіе благотворительными за-

веденіями, случаи невольныхъ убійствъ и множество другихъ дѣлъ, которыя до настоящаго времени подлежатъ духовному суду. Если къ этому мы присоединимъ, что тяжбы и суды членовъ духовенства въ послѣдней инстанціи принадлежатъ церковному судилищу, и что св. синодъ въ этихъ случаяхъ исполняетъ должность апелляціоннаго мѣста или кассационнаго суда, что въ случаяхъ, когда преступленіе духовнаго лица дознано, свѣтскія судебныя мѣста произносятъ приговоръ надъ нимъ непремѣнно при соучастіи духовныхъ судилищъ; тогда вы, преосвященный, лучше поймете и гражданскую или политическую сторону Регламента и присяги и необходимость согласія или соизволенія государя на всѣ видоизмѣненія или преобразованія. Когда-то состояніе французской церкви было сходно съ существующимъ положеніемъ русской церкви; и я знаю, что о немъ глубоко сожальютъ французскіе епископы. Вамъ, значить, легко было понять всѣ послѣдствія такого положенія, и по тому, что было во Франціи, судить объ отношеніяхъ, которыя существуютъ въ Россіи между государствомъ и церковію. Одна только невнимательность ввела васъ въ ошибку и привела къ сужденію, столь неблагоприятному для церкви моего отечества.

Оставивъ безъ вниманія все существенное, что клонится къ достоинству русской церкви, вы привязываетесь къ мелочамъ и по нимъ опредѣляете степень ея достоинства. Что, если я по вашему методу сталъ бы судить о французской церкви? Посмотрите. Я забываю все, что знаю объ ученіи французской церкви, о ея каноническомъ устройствѣ, объ ея исторіи, и подъ вліяніемъ одного предубѣжденія, неблагоприятнаго для этой церкви, хочу изслѣдовать ея отношенія къ государству. Я беру формулу присяги французскихъ

епископовъ, изучаю церемоніаль, которымъ окружается этотъ торжественный актъ. Въ формулѣ присяги я читаю, что епископъ общаетъ повинновеніе и вѣрность своему государю. Первое изъ этихъ словъ я принимаю въ смыслѣ абсолютномъ и заключаю, что епископы французскіе пахотятся *въ полнѣйшей зависимости и рабствѣ у французскаго императора*. Въ этой мысли еще болѣе убѣждаюсь тѣмъ, что вижу, какъ епископъ на колѣнахъ даетъ присягу, кладетъ свою руку въ руки императора въ знакъ вѣрности и благоговѣнія. Слова, которыя произноситъ государь по окончаніи присяги, не оставляютъ во мнѣ никакого сомнѣнія въ его верховной власти надъ французской церковью. Формула этихъ словъ такъ похожа на первосвященническое благословеніе, что я принужденъ заключить, что онъ, глава государства, есть въ тоже время глава церкви.

Отъ присяги французскихъ епископовъ перехожу къ другимъ документамъ. Въ органическомъ законѣ я читаю, что никакая булла, никакое предписаніе, идущее изъ Рима, не имѣетъ значенія во Франціи, безъ изслѣдованія и одобренія государственнымъ совѣтомъ. Исторія мнѣ показываетъ, что гражданская и политическая власть пользовалась этимъ правомъ, и что многія изъ римскихъ предписаній осуждены и запрещены государствомъ. Не есть ли это—*свидѣтельство зависимости*? Продолжая чтеніе французскихъ законовъ, я встрѣчаю одно изъ постановленій, по которому во Франціи епископъ подлежитъ суду государственнаго совѣта въ случаѣ злоупотребленія въ отпращиваніи епископскихъ обязанностей. Еще свидѣтельство, дающее вѣсъ и крѣпость моему положенію.

Что бы вы сказали, преосвященный, еслибъ я основался на этихъ свидѣтельствахъ къ попошенію французской церкви,

къ заявленію, что она *обезсмлена, порабощена*, что она готова пожертвовать и своею вѣрою, и символомъ волѣ государя? Безъ сомнѣнія вы строго осудили бы такія заявленія и предосудительный методъ, который даетъ имъ основаніе; и вы были бы правы, и я исполняю священнѣйшій долгъ, признавая справедливость вашего суда.

Въ своихъ доводахъ, преосвященный, вы прибѣгаете еще къ *анекдотамъ*. Этотъ способъ доказательства страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, какъ и предыдущій, и могъ бы мнѣ доставить случай приобрѣсти надъ вами новый триумфъ; я могъ бы представить безчисленное множество анекдотовъ, невыгодныхъ для французской церкви, гораздо можетъ-быть болѣе, нежели сколько представили вы противъ русской. Прошу у васъ, преосвященнѣйшій, позволенія пройти это молчаніемъ и не входить въ подобнаго рода пренія.

Есть нѣчто въ вашемъ письмѣ болѣе важное, чѣмъ мнѣ мое производство шпаги Петра Великаго въ патріарха. Вы говорите: «ваши цари не озаботились ли подтвердить подлинность словъ Петра Великаго, и дѣйствовали ли подъ вліяніемъ ли воспоминанія о нихъ, назначая напр. въ послѣднее время президентомъ св. синода генерала отъ кавалеріи, графа Протасова? Подобное назначеніе, вышло ли оно отъ императора Александра, или Николая, не сильно ли смутить умы и подкрѣпить всѣ наши предубѣжденія?» Развивая это, вы говорите: «этотъ верховный авторитетъ, правительственный авторитетъ русской церкви, самъ находится подъ деспотическимъ управленіемъ представителя императорскаго, предсѣдателя-иностранца, который подъ именемъ оберъ-прокурора и проч...

Я понимаю, преосвященный, *смутность понятій и упор-*

ство *вашихъ предубъжденій*; но вы не найдете дурнымъ, если я осмѣлюсь указать вамъ тайну этого и способъ освободиться отъ этого.

Смутность понятій происходитъ отъ смутнаго представленія фактовъ, отъ ложныхъ воззрѣній. Разгоните эту тьму, и возсіяетъ вамъ свѣтъ. Фактъ истинный и неоспоримый состоитъ въ томъ, что оберъ-прокуроръ св. синода—не предсѣдатель синода и никогда не былъ въ немъ предсѣдателемъ. Кажется, вы не очень увѣрены въ фактѣ, ибо вы колеблетесь; вы даже не знаете, кому приписать назначеніе графа Протасова предсѣдателемъ, императору ли Александру (безъ сомнѣнія 1-му) или Николаю. Добродѣтельный человекъ, сынъ и усердный служитель церкви, о которомъ вы дѣлаете предположеніе, что онъ управлялъ св. синодомъ, да еще деспотически, такой человекъ умеръ, тому назадъ много лѣтъ. Онъ умеръ въ цвѣтушіе года своей жизни; въ царствованіе Александра I онъ былъ еще очень молодъ; слѣдовательно Александръ I не могъ назначить его прокуроромъ св. синода. Это, безъ сомнѣнія, не болѣе, какъ мелочь; позволительно ее не знать; но тогда не позволительно говорить о томъ, чего не знаешь.

Если вы не хотѣли имѣть положительныя свѣдѣнія объ этомъ фактѣ, по крайней мѣрѣ юридическое понятіе, соединяемое съ титуломъ прокурора, должно было бы дать вамъ свѣдѣнія объ его правахъ и обязанностяхъ. *Прокуроръ* не можетъ быть въ то же время *предсѣдателемъ*, это разумѣется само собою. Мало того, вамъ, преосвященный, легко было узнать, что оберъ-прокуроръ не предсѣдательствуетъ въ св. синодѣ, какъ кардиналъ не предсѣдательствуетъ въ законодательномъ французскомъ корпусѣ. Необходимыя для этого свѣдѣнія могъ вамъ сообщить обыкновенный календарь.

На этомъ мнимомъ предсѣдательствѣ оберъ-прокурора вы построили цѣлое зданіе разсужденій; но такъ какъ у этого зданія не достаесть основанія, то позвольте смотрѣть на него, какъ на созданіе одного воображенія. Удивляюсь, преосвященный, искусству и ловкости силлогизмовъ, которые на этой гипотезѣ вы построили; но къ чему столько искусства, если первая посылка ложна?

Кто же предсѣдатель св. синода, спрашиваете вы? Прежде всего нашъ предсѣдатель и верховный Владыка Иисусъ Христосъ, Глава церкви. Онъ присутствуетъ въ засѣданіяхъ Своимъ Евангеліемъ, которое, по древнему обычаю многихъ вселенскихъ соборовъ, занимаетъ тамъ почетное мѣсто. Если бы императоръ присутствовалъ въ засѣданіяхъ св. синода, онъ въ нихъ могъ бы занимать почетное предсѣдательское мѣсто, которое на вселенскомъ никейскомъ соборѣ было предоставлено императору Константину, и другимъ государямъ на другихъ соборахъ. Но русскій императоръ всегда отклонялъ отъ себя такую честь, подобающую однако ему, какъ покровителю церкви своей имперіи. Доказательство этому я вамъ представлю современное. Въ день совершеннолѣтія великаго князя Наслѣдника, который теперь счастливо царствуетъ въ Россіи, его отецъ, блаженной памяти императоръ Николай, представилъ его св. синоду, чтобы просить благословенія и молитвъ этого св. собранія для своего возлюбленнаго сына, его будущаго преемника. Пришедши въ засѣданіе, императоръ отказался сѣсть въ предсѣдательскомъ креслѣ, которое было для него приготовлено, выше кресла, принадлежащаго первому члену св. синода; онъ поставилъ его самъ ниже и вѣтъ ряда епископскихъ мѣсть. Этотъ фактъ, мнѣ кажется, гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ анекдотъ, вами представленный; онъ

вамъ довольно говорить, какъ русскіе цари держатъ себя въ отношеніи къ церкви своей имперіи: это ли вы называете *порабощеніемъ* и униженіемъ?

Всѣ члены св. синода пользуются одинаковымъ голосомъ при рѣшеніи дѣлъ церкви: между ними нѣтъ различія, кромѣ того, которое проистекаетъ отъ личныхъ качествъ каждаго. Точно такимъ образомъ въ древней церкви знаніе и добродѣтель были обыкновенною причиною отличій и преимуществъ, предоставляемыхъ членамъ соборовъ. Въ случаѣ нужды мы нашли бы доказательство въ подтвержденіе этого мнѣнія въ исторіи св. Поликарпа, св. Иринея, Поликрата, св. Кипріяна, св. Аванасія, св. Пафнутія, св. Василя и многихъ другихъ славныхъ отцовъ, которые управляли дѣлами церкви своего-времени, и которые въ нихъ принимали самое широкое участіе. Кромѣ неоспоримаго закона уваженія къ знанію и добродѣтели, русская церковь соблюдаетъ по отношенію къ св. синоду другой законъ, освященный впрочемъ вселенскими соборами. Вы понимаете, преосвященный, что я хочу сказать о почетныхъ преимуществахъ, признанныхъ за епископамъ главныхъ городовъ, и въ особенноти столичныхъ, какъ-то: Рима, Константинополя и проч. На этомъ основаніи митрополитъ с.-петербургскій пользуется первенствомъ въ синодѣ, и, не именуясь президентомъ, онъ почтенъ названіемъ перваго члена этого собора. По этому достоинству, равно какъ и по причинѣ своего постоянного присутствованія въ засѣданіяхъ, этотъ высокій іерархъ завѣдываетъ направленіемъ дѣлъ въ св. синодѣ.

Таковы, преосвященнѣйшій, организація, духъ и свойство *дѣятій* св. синода. Вы согласитесь, что нѣтъ ничего христіанственнѣе, разумнѣе, сообразнѣе съ канонами и почтеннѣе этихъ дѣйствій.

Какое мѣсто занимаетъ здѣсь оберъ-прокуроръ,—какія его обязанности? Чтобы понять роль этого государственнаго савовника, потрудитесь припомнить исторію древней вселенской церкви. Вы знаете, что государи, когда имъ невозможно было лично присутствовать на соборахъ, отправляли туда одного или многихъ чиновниковъ съ полномочіемъ поддерживать порядокъ, содѣйствовать правильности преній и авторитетности рѣшеній. Я вамъ представлю только инструкцію, данную императоромъ Θεодосіемъ Кандидіану, императорскому представителю на Ефесскомъ соборѣ.

«Ему повелѣно отправиться на вашъ св. соборъ съ тѣмъ, чтобы онъ не принималъ никакого участія въ вопросахъ о догматахъ; ибо это непозволительно для того, кто не принадлежитъ къ числу епископовъ. Но онъ обязанъ удалить совершенно изъ города Ефеса всѣхъ мирянъ и монаховъ изъ опасенія, чтобы эги лица, въ которыхъ нѣтъ необходимости, не производили безпорядковъ и не препятствовали мирнымъ разсужденіямъ вашего собора. Онъ также обязанъ заботиться, чтобы пренія не доходили до раздора, и чтобы все совершалось безъ раздражительности. Мы въ особенности уполномочиваемъ его совершенно воспрещать, чтобы никто не оставлялъ собора съ цѣлію или возвратиться къ себѣ, или ѣхать къ нашему двору, или еще куда-нибудь, а также, чтобы не предлагалось другаго вопроса, пока не рѣшенъ тотъ, о которомъ идетъ рѣчь. Мы также желаемъ, чтобы ни въ вашемъ соборѣ, ни въ общественномъ ефесскомъ судѣ не затѣвали противъ кого-нибудь ни гражданскаго, ни уголовнаго дѣла, но чтобы все это посылалось въ городъ Константинополь.»

Императорскій представитель, не поладивши съ епископами, которые прибывши на соборъ прежде другихъ, и, не дожидаясь ихъ, поспѣшили открытіемъ собранія и присту-

пили къ низложенію Несторія, допесь объ этомъ императору. Императоръ отправилъ на соборъ посланіе, которымъ объявлялъ недѣйствительнымъ, что часть епископовъ рѣшила въ Ефесѣ по умыслу или по страсти. «И мы опредѣляемъ, писалъ императоръ, чтобъ никто изъ епископовъ не удалялся изъ Ефеса, пока догматы вѣры не будутъ изслѣдованы всѣми соборомъ, и пока мы не примемъ кого-нибудь дознать виѣсть съ Кандидіаномъ, что совершено.»

Когда соборъ сдѣлалъ свое дѣло, опредѣлилъ вѣру, постановилъ и развилъ правила благочинія, тогда онъ сообщилъ свои акты государю; императорскіе комиссары съ своей стороны представили ему объ этомъ особенное отношеніе, дабы опредѣленія собора были приведены въ дѣйствіе: «повелите, писали къ императору отцы ефесскаго собора, чтобы установленное вселенскимъ соборомъ противъ нечестія Несторія было въ своей силѣ, поддерживаемое вашимъ согласіемъ.»

Таковы были характеръ и дѣйствія императорскаго комиссара на-ефесскомъ соборѣ. На халкидонскомъ соборѣ вы видите многихъ императорскихъ комиссаровъ, которые не только отправляютъ должности, сходныя съ дѣйствіями комиссара ефесскаго собора, но и читаютъ акты и различные документы въ присутствіи собора, поставляютъ вопросы и утверждаютъ рѣшенія отцовъ.

Присутствіе на соборахъ этихъ гражданскихъ чиновниковъ вы не называете злоупотребленіемъ или насиліемъ; ихъ дѣйствія кажутся такъ же законными, какими они были въ глазахъ самыхъ соборовъ, на которыхъ находились легаты отъ римскаго патріарха (а это, по вашему мнѣнію, давало имъ непогрѣшимый авторитетъ).

Что было въ обычаѣ на вселенскихъ соборахъ въ самую цвѣтущую эпоху христіанской вѣры, то позднѣе было при-

нято церковью галликанскою, которая допускала на свои соборы и собранія королевскихъ уполномоченныхъ. Этотъ обычай былъ постоянно соблюдаемъ до времени, еще очень близкихъ къ намъ. Что касается до другихъ римско-католическихъ странъ, то этотъ же самый обычай процвѣтаетъ до настоящаго времени, наприм. въ Австріи, гдѣ уполномоченные императора присутствуютъ на епископскихъ собраніяхъ.

Изъ того, что я сказалъ, вы уже можете составить точное понятіе о правахъ и обязанностяхъ оберъ-прокурора св. синода. У васъ, преосвященный, въ рукахъ Регламентъ св. синода; и я очень сожалею, что вы, прежде разсужденія о мнимо́мъ предѣдательствѣ мірянина, не просмотрѣли, что тамъ говорится о правахъ и обязанностяхъ оберъ-прокурора. Двѣ строки 11-го параграфа разсѣяли бы всѣ ваши сомнѣнія, уничтожили бы всѣ ваши опасенія. «Этотъ сановникъ, сказано тамъ, есть нашъ глазъ (императора); онъ назначенъ по дѣламъ государственнымъ.»

Представляя власть императора, какъ главы страны, оберъ-прокуроръ защищаетъ интересы государства противъ возможныхъ узурпацій со стороны церкви; своими благодушными дѣйствіями онъ способствуетъ согласію опредѣленій св. синода съ гражданскими законами. Представляя императора, какъ сына церкви, вѣрнаго чувству уваженія къ духовной матери, онъ представляетъ отцамъ нашего національнаго собора полную свободу въ разсужденіяхъ о догматахъ и дѣлахъ церкви, и отъ участія въ нихъ строго воздерживается. Представляя императора, какъ покровителя церкви, онъ заявляетъ синоду его желанія, относящіяся къ благосостоянію церкви; онъ докладываетъ православному императору о потребностяхъ церкви, выраженныхъ пастырями; на немъ лежатъ всѣ внѣшнія дѣла, обусловливаемыя отношеніями синода къ различнымъ прави-

тельственнымъ мѣстамъ государства; онъ приводитъ въ дѣйствіе рѣшенія св. синода.

Видите, преосвященный, оберъ-прокуроръ далекъ отъ предсѣдательства въ св. синодѣ, онъ даже и не членъ его; онъ просто гражданскій чиновникъ на соборѣ;—далекъ и отъ того, чтобъ быть начальникомъ и угнетателемъ церкви, онъ ея благодѣтель и служитель.

Можетъ быть, ваше преосвященство, по недовѣрію къ ширянамъ, вы болѣе склонны видѣть церковь свободною отъ надзора государства; но, отказываясь отъ его надзора, справедливость требуетъ также отказаться отъ его содѣйствія и благодѣяній. Между тѣмъ во Франціи вы пользуетесь и надзоромъ и благодѣяніями, ибо у васъ есть учрежденіе, подобное оберъ-прокурору русскаго св. синода: я говорю о министръ богослуженій; между ними есть только одна разница: вашъ министръ въ правительственной лѣстницѣ занимаетъ ступень повыше, чѣмъ ступень оберъ-прокурора въ Россіи; отъ того у него и власти больше и вліяніе его на церковь важнѣе. Безъ сомнѣнія по этой причинѣ св. синодъ смутился, когда Александръ I установилъ было министра духовныхъ дѣлъ; благодаря почтительнымъ и настоятельнымъ объясненіямъ своего перваго члена, митрополита Серафима, св. синодъ достигъ отпѣны этого учрежденія. Этотъ фактъ, который совершился безъ борьбы, безъ всякаго шумнаго дѣйствія, безъ сомнѣнія, не дошелъ до вашего свѣдѣнія. Онъ довольно важенъ, чтобъ я умолчалъ о немъ предъ вашимъ преосвященствомъ; безъ сомнѣнія, вы поймете высокое его значеніе.

Ваше преосвященство соблазняется тѣмъ, что генераль отъ кавалеріи назначенъ оберъ-прокуроромъ св. синода; вамъ внушаетъ опасенія за церковь шнага достойнаго сожалѣнія графа

Протасова, хотя почтенный генералъ умеръ за семь лѣтъ назадъ. Откуда у васъ такое отвращеніе къ военнымъ? Сами папы не препоясывались ли шпагою, когда они находили это выгоднымъ? Должность оберъ-прокурора св. синода вѣдъ также не совмѣстна съ дѣйствіями генерала, какъ и должность папы, если смотрѣть на него, какъ на преемника того, которому Господь сказалъ: *Вложи мечъ въ ножны; ибо пріемшіе мечъ, отъ меча погибнутъ.*

Вы не можете сказать, чтобъ шпага была поставлена существеннымъ условіемъ для того, чтобы быть оберъ-прокуроромъ св. синода; по смерти графа Протасова это мѣсто, вамъ извѣстно, занято гражданскими чиновниками. Если *одежда не дѣлаетъ монахомъ*, какъ выразился соборъ тридентскій, то она также не дѣлаетъ оберъ-прокуроромъ св. синода; для отправленія этой должности нужны большія дарованія, особыя качества и доказательство христіанской жизни. Вы думаете, что генералы отъ кавалеріи никогда не выполняютъ этихъ условій?

Конечно, вы помните 1848 годъ. Вы тогда сопровождали парижскаго архіепископа на баррикады, гдѣ заблудшіе братья убивали другъ друга. Вы приняли на свои руки этого почтеннаго пастыря-мученика. Послѣ того, преосвященный, французская церковь не была ли, хотя въ продолженіи нѣсколькихъ дней, въ зависимости отъ еврея, бывшаго министромъ духовныхъ дѣлъ? Я ни порицаю, ни хвалю политическо-религіознаго управленія Франціи; я не нитю на то права; но меня изумляетъ то обстоятельство, что французскій епископъ, который живетъ подъ этимъ правленіемъ, который можетъ зависѣть не только отъ генерала отъ кавалеріи, католика, но отъ адвоката, даже отъ унтеръ-офицера, еврея или протестанта, если бы онъ былъ выбранъ въ министр-

ры,—меня, говорю, изумляетъ, что французскій епископъ такъ сильно вознегодовалъ на то, что генералъ отъ кавалеріи, извѣстный по своимъ глубоко христіанскимъ чувствамъ, былъ прокуроромъ русскаго св. синода.

Льщу себя, преосвященный, увѣренностію, что я отвѣтилъ ясно на ваши вопросы, относящіеся къ присягѣ и оберъ-прокурору. Мнѣ остается опредѣлить важность свидѣтельства г. I. де Мэстра.

IV.

Въ концѣ вашего письма вы, преосвященный, называете уже убѣжденіемъ то, что вы въ началѣ назвали предубѣжденіемъ. Надѣюсь, что сравнивши мои отвѣты съ вашими доказательствами, наши читатели удержатъ за вашими мнѣніями прежнее названіе. Обращаюсь однако къ свидѣтельствамъ, которыя вы считаете авторитетомъ, и которыя однѣ, сами по себѣ, кажутся вамъ убѣдительными доказательствами. Но кто эти свидѣтели, которыхъ авторитетъ такъ важенъ въ вашихъ глазахъ?

«Я призвалъ бы, говорите вы, въ свидѣтели вашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ, которые и въ своихъ сочиненіяхъ и въ разсказахъ не отрицаютъ главенства цара въ русской церкви, подобно какъ англичане не отрицаютъ главенства королевы въ англійской церкви. Я не стану называть ихъ по именамъ, особенно живыхъ; вы сами знаете ихъ лучше, чѣмъ я знаю.»

Кажется, я знаю, какіе это соотечественники, на свидѣтельство которыхъ вы ссылаетесь. Безъ сомнѣнія, это люди, оставившіе церковь своихъ отцевъ, и присоединившіеся къ церкви римской. Я говорю: мнѣ кажется, я ихъ знаю;

ибо вашими же словами вы наводите на меня сомнѣніе: вы ихъ называете знаменитыми моими соотечественниками. Признаться вамъ, я не встрѣчаю между оставившими нашу церковь ни одной изъ знаменитостей моего отечества. Я готовъ думать, что тѣ самые, кого вы вѣроятно иѣли въ виду, первые будутъ удивлены лестною хвалою, которой вы ихъ удостоиваете. Такъ какъ вы говорите, что я ихъ знаю совершенно, то я беру смѣлость высказать вамъ свободно мое иѣніе. Прежде всего, они начали изучать свою страну и свою прежнюю церковь только тогда, когда оставили ее; а это—позднее изученіе, и не даетъ ручательства въ безпристрастіи его, особенно, если примемъ во вниманіе тѣ различныя вліянія, которыми они окружены. Изъ какихъ источниковъ они черпали свои знанія о Россіи и русской церкви? Вы будете удивлены, если я вамъ скажу, что они заимствовали ихъ изъ французскихъ книжекъ, и главнымъ образомъ—изъ тѣхъ, которыя васъ самихъ ввели въ ошибку; и это—сущяя правда. Это странное дѣло объясняется кое-чѣмъ не менѣе страннымъ. Люди, о которыхъ вы говорите, по силѣ обычая, господствовавшаго въ началѣ этого вѣка въ Россіи, иѣли своими учителями французовъ и воспитаніе получили французское; они приобрѣли болѣе точныя свѣдѣнія о васъ, чѣмъ о собственномъ отечествѣ; они говорятъ и пишутъ лучше по-французски, чѣмъ порусски; прибавьте къ этому, что нѣкоторые изъ нихъ провели весьма большую часть жизни въ вашей прекрасной странѣ. Можете судить сами, обширны ли ихъ знанія относительно русской церкви; важно ли ихъ свидѣтельство? Фактъ извѣстный, что у нихъ нѣтъ ничего русскаго, кромѣ имени, и что они пропитаны тѣми же предубѣжденіями, какъ вы; не колеблясь, я прилагаю къ нимъ это слово св. Іоанна: «отъ насъ

изыдоша, но не быша отъ насъ. Аще бы отъ насъ бысте были, пребыли убо быша съ нами (1. Иоан. 2. 19). Признаюсь, имъ я предпочитаю г. Іосифа де-Мэстра, который, по крайней мѣрѣ, представляется со всѣмъ своимъ французскимъ обликомъ и съ своими естественными чертами.

Я не хочу оспаривать таланта этого писателя, но вы согласитесь, преосвященный, что онъ имѣеть недостатокъ смотрѣть на вещи преувеличенно, всегда становясь на точку зрѣнія, выгодную для его системы. Онъ знаетъ искусство говорить съ всѣмъ мнимыми аксіомами; сужденія его смѣлы, замѣчанія парадоксальны; онъ рѣшителенъ и очень часто софистъ въ своихъ выводахъ; мысль свою онъ насилдовалъ по требованію симпатіи и антипатіи. Эти недостатки, бросающіеся въ глаза на каждой страницѣ его сочиненій, должны всѣмъ разсудительнымъ людямъ внушать осторожность относительно его мнѣній, особенно когда онъ лишены доказательствъ твердыхъ и несомнѣнныхъ. Не одинъ я произношу такое строгое сужденіе надъ г. Іосифомъ Мэстромъ. Многіе богословы вашей собственной церкви о немъ отзывались также, какъ и я, а эти богословы, по признанію всѣхъ, люди почтенные и очень религіозные.

Въ томъ, что касается русской церкви, свидѣтельство г. Іосифа Мэстра представляетъ еще менѣе ручательствъ за справедливость и безпристрастіе, чѣмъ относительно всякаго другаго предмета. Римскій католикъ, страстный и исключительный, онъ отказывается допустить что-нибудь доброе въ другихъ христіанскихъ церквахъ: вы не римскій католикъ, значитъ у васъ нѣтъ ни ума, ни нравственности, для васъ нѣтъ ни помилованія, ни надежды на спасеніе, — вотъ сущность всѣхъ сужденій г. І. де-Мэстра о церквахъ не римскихъ. Самый крайній ультрамонтанецъ,

онъ сталъ бойцемъ за систему папства среднихъ вѣковъ во всемъ ея абсолютизмѣ. Онъ пошелъ даже дальше принциповъ папъ среднихъ вѣковъ; онъ самъ гордится, что в римскій дворъ изумленъ смѣлостію его ученія. Все исходитъ отъ папы, все возвращается къ папѣ, и конечная цѣль всего—въ папѣ. Онъ понимаетъ независимость церкви только подъ условіемъ, когда она господствуетъ надъ государствомъ. Государи должны быть только вассалами папства.

И таковъ-то писатель, на котораго вы ссылаетесь, какъ на судью въ вопросѣ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ! Впрочемъ вы хорошо знаете, что теорія де-Мэстра осуждена, и что между послѣдователями ея считается только небольшое число писателей, которые составили странный проэктъ пересоздать новое общество, основанъ его на обветшалыхъ началахъ эпохи, не имѣющей уже никакого права на существованіе. Для этого достаточно указать вамъ на *le Monde*. Вы конечно согласны съ папою, который воздерживается открыто формулировать теорію писателей этого журнала, и не будете подражать г. де-Мэстру, который о своемъ духовномъ отцѣ, скажу—почти о своемъ идолѣ, относился такъ безцеремонно, когда увидалъ его слабымъ при защитѣ правъ, полученныхъ имъ въ средніе вѣка.

Правда, преосвященный, что г. де-Мэстръ жаль долго въ Россіи; но правда ли, что его *нельзя упрекнуть въ незнаніи Россіи, и въ неосновательномъ изученіи ея религіознаго состоянія?* Прежде всего замѣчу, что онъ не зналъ нашего языка, не смотря на долгое пребываніе въ нашей странѣ, что онъ не изучалъ нашихъ историческихъ памятниковъ, что онъ не имѣлъ сношеній ни съ духовенствомъ, ни съ народомъ. Незначительныя свѣдѣнія, какія попадаютъ въ его сочиненіяхъ, онъ почерпнулъ изъ разговоровъ съ нѣкоторыми членами дво-

ривства, особенно съ дамами, какъ онъ сознается въ этомъ много разъ. Что касается до его знанія документовъ, то надо думать, что оно было не глубоко. Извѣстно, съ какою любовью онъ предается прелестямъ ученыхъ замѣтокъ, разсѣпанныхъ по его книгамъ. Не было бы у него недостатка и въ ссылахъ на русскіе источники, еслибы этотъ трудъ былъ ему по силамъ. Но пересмотрите его сочиненія, и вы увидите, что онъ цитуетъ только твореніе современника, Меоодія. Почему онъ его приводитъ? Потому что оно было писано по-латыни. Согласитесь, что источники, изъ которыхъ г. де-Мэстръ черпалъ свои свѣдѣнія о Россіи и русской церкви, не очень-то глубоки и обильны. Да и владѣй онъ обширными знаніями, ему всегда не доставало бы существеннаго качества: безпристрастія, ума на столько возвышеннаго, чтобы не подчиниться ни предубѣжденіямъ, ни ненависти.

Г. де-Мэстръ не любилъ протестантовъ, вы это знаете; онъ судилъ о нихъ не съ смиреніемъ, не съ любовью. Приведемъ нѣсколько изъ его фразъ: «отъ разрушительнаго духа XVI вѣка привились всѣ системы антисоціальныя, антихристіанскія, явившіяся въ наши дни: *кальвинизмъ, яansenизмъ, философизмъ, иллюминизмъ* и проч. Все это составляетъ одно, и должно быть разсматриваемо какъ одна секта, которая обрекла на гибель христіанство и всѣ христіанскіе троны, но въ особенноти и прежде всего домъ бурбоновъ и престолъ римскій.... Протестантскія секты антипатію считаютъ за вѣру и гнѣвъ за ревность.... Истиннымъ основаніемъ реформы было желаніе обокрасть серебряныя вещи и всѣ украшенія алтарей».

Я могъ бы вамъ привести сто другихъ страницъ подобнаго рода, еслибъ неуѣренность ихъ не внушала мнѣ глу-

бокаго отвращенія. Мнѣ хочется думать, что и вы, преосвященный, испытали тѣ же чувства, читая ихъ. Восточныя церкви г. де-Мэстръ ставитъ еще ниже. Вы сомнѣваетесь въ этомъ? Выслушайте слова вашего свидѣтеля: «весьма важно замѣтить, говоритъ онъ, что Фотіевскія церкви дальше отъ истины, чѣмъ инныя протестантскія.»

Русское духовенство было главнымъ предметомъ нападокъ г. де-Мэстра. Онъ упрекалъ его въ *внротерпимости* и въ его симпатіи къ протестантамъ. Вотъ какъ онъ объясняетъ эту склонность: «можно сослаться на одну умную даму. Въ ея присутствіи были заняты великою проблемою, которая прежде всего поражаетъ всякаго иностранца, именно: отъ чего русское духовенство такъ склонно къ реформаторамъ, которыхъ догматы совершенно расходятся со всѣми ихъ собственными, между тѣмъ такъ много отчуждается отъ римскаго духовенства, съ которымъ оно согласно почти во всѣхъ главныхъ догматахъ.—Вы ошибаетесь, сказала умная дама: русское и протестантское духовенство согласны въ двухъ великихъ догматахъ: въ любви къ женщинамъ и ненависти къ папѣ».

Такимъ образомъ вы ссылаетесь въ осужденіе моей церкви на свидѣтельство писателя, который, будучи ослѣпленъ предубѣжденіями, не могъ узнать ее, и подъ вліяніемъ ненависти употреблялъ противъ нея всякія орудія: софизмъ, преувеличеніе, неблагопріистойность, насмѣшку.

Однако позвольте мнѣ замѣтить, что г. I. де-Мэстръ не всегда порицалъ Россію и ея церковь; иногда ему приходилось сказать о ней и нѣсколько правды. Я представлю вамъ вотъ какія строки, надъ которыми можно было бы поставить такое заглавіе: *г. I. де-Мэстръ, осужденный самими собою*: «часто, говоритъ онъ, русскій слышалъ голосъ злословія, а гораздо

чаще неблагодарности. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ право возмущаться противъ неразборчивыхъ писателей, которые за радушнѣйшее гостепріимство платили насмѣшками.»

Не смотря на побужденія, по которымъ я могъ бы отвѣсти этого свидѣтеля въ вопросъ, насъ занимающемъ, я согласенъ, преосвященный, принять его, если только вы согласны принять его сужденія о вашей церкви. Г. де-Мэстръ писалъ не объ одной Россіи, но и объ галликанской церкви. Предлагая вамъ такое условіе, очевидно я становлюсь въ положеніе менѣе выгодное; ибо всѣ согласны, что галликанская церковь была ему лучше извѣстна, чѣмъ русская, что онъ любилъ первую подъ титуломъ римско-католической, тогда какъ ненавидѣлъ церковь русскую.

Г. I. де-Мэстръ составилъ книгу *ex professo* о галликанской церкви. Вотъ каковы его понятія на счетъ ея независимости въ отношеніи къ гражданской власти.

Во второй главѣ авторъ, говоря объ извѣстныхъ особыхъ правахъ короля въ церкви, приводитъ слѣдующія слова современнаго историка о событіяхъ въ царствованіе Людовика XIV: *«король пользовался короннымъ правомъ собирать доходы съ примешанныхъ въ упадокъ епископствъ и аббатствъ съ полнотою авторитета, который потрудились согласить съ строгостью церковныхъ правецъ»*.... Людовикъ XIV, добавляетъ г. I. де-Мэстръ, хотѣлъ, чтобы это было именно такъ, и предъ его волею все должно было падать ницъ, даже церковь..... Предъ безуміемъ этой всемогущей гордости французскіе епископы не выказывали ни малѣйшаго противорѣчія. Епископы считали своею обязанностью на унижительныхъ представленіяхъ (ко двору) вести себя съ крайнимъ униженіемъ; а это уже рѣшительно не заслуживаетъ никакого извиненія.»

Третья глава посвящена разсужденіямъ о собраніи и деклараціи 1682 года. Здѣсь г. I. де-Мэстръ еще болѣе откровененъ. Справедливо думаютъ, что четыре члена, составляющіе отличительный характеръ галликанской церкви, суть дѣло епископовъ, которые защищали традиціональную самостоятельность своей славной церкви. Г. I. де-Мэстръ нашелъ имъ другаго автора: «Кольбертъ, говоритъ онъ, былъ авторъ четырехъ статей, а придворные плясуны въ короткихъ епископскихъ мантіяхъ (!), писавшіе ихъ, были въ существѣ дѣла только его секретари»....

А вотъ отзывъ нашего общаго судьи о собраніи французскаго клира въ 1682 году, которому давалъ направленіе вашъ великій Боссюэтъ: «пожалуй, можно подумать, говоритъ онъ, что духовенству принадлежало право обнародовать свои акты, какъ академія наукъ обнародывала свои; нѣтъ, творецъ всего—Людвигъ XIV; онъ созывалъ епископовъ; онъ имъ говорилъ, какъ Богъ океану: *доселѣ дойдешь и не прейдешь*; онъ давалъ приказъ печатать опредѣленіе клира, и не давалъ его, если на то была его царская воля; отъ него зависѣло или заставить исполнять декларацію, если находилъ ее не бесполезною, или сказать: *я приказалъ, чтобъ ее не исполняли*. Все эти застрашенные панвою епископы лишались голоса, теряли волю при одномъ словѣ какого-нибудь министра; они — машины, безгласныя орудія временной власти; предъ потомкомъ властелина они исчезаютъ въ глазахъ потомства, какъ въ глазахъ современниковъ; смотришь, и видишь только Людовика XIV. *Предъ нимъ какъ будто не было никого мѣзъ нихъ.*»

Вотъ другое замѣчаніе о взаимномъ отношеніи короля и французскихъ епископовъ:

«Слѣпыя развратители власти, они оказали роду чловѣ-

ческому единственную услугу тѣмъ, что давали Людовику XIV уроки необузданнаго самовластія, представляя ему, что самому крайнему излишеству временной власти нечего бояться другаго авторитета, и что *исударь есть такой же король въ церкви, какъ и въ государствѣ.* »

Людовикъ XIV былъ такой неограниченный властелинъ церкви, что сами іезуиты прекратили всякое противодѣйствіе и подчинились игу. Это подтверждаетъ де-Мэстръ еще такимъ образомъ:

«Тогда, говорить онъ, власть была всемогуща; сами іезуиты были обязаны присягнуть четыремъ статьямъ (articles). Иначе и быть не могло; потому что всѣ присягали,—и сегодня присягали потому, что присягали вчера. По моему, въ такомъ положеніи одна надежда—на благость Божественную.»

Чтобъ дать болѣе силы своему сужденію, г. I. де-Мэстръ приводитъ слѣдующее секретное замѣчаніе Фенелоа:

«Король во Франціи на дѣлѣ есть болѣе глава церкви, чѣмъ папа: здѣсь свобода относительно папы, рабство относительно короля. Главенство короля надъ церковію распространилось и на мірскіе суды. Міряне владѣютъ надъ епископами. Дѣла по апелляциямъ—верхъ злоупотребленія. Преступно желать, чтобъ міряне изслѣдывали буллы о вѣрѣ. Когда-то церковь подъ предлогомъ присяги, присоединяемой къ контракту, судила все; теперь же міряне, подъ предлогомъ обладанія, судятъ все» и проч.

Не говорите, преосвященный, что это была переходная эпоха *порабощенія* галликанской церкви. Г. I. де-Мэстръ скажетъ вамъ, что это продолжалось даже въ его время, т. е. въ эпоху, въ которую живете вы, преосвященнѣйшій. Выслушайте:

«Съ эпохи 1682 г. галликанская церковь только падала,

и въ этомъ не было ничего удивительнаго. Временная власть распоряжалась всѣмъ, какъ ей было угодно. Эта церковь, въ другое время столь почтенная, заслужила тѣмъ болѣе осужденій, что имѣя всѣ основанія и всевозможныя средства съ выгодною защищаться противъ четырехъ статей, она однако не отказалась извинить неизвиняемую присягу вмѣсто того, чтобы ее отвергнуть, какъ она могла это сдѣлать.

«Значить, если въ эту несчастную эпоху она была недостойно попрана ногами въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ, то она должна сознаться, что въ этомъ она сама виновата. Рабъ по своей волѣ, если его завтра оскорбятъ, долженъ пенять только на самого себя.»

«Если смотрѣть на галликанское священство въ его главномъ характерѣ, т. е. какъ на духовное сословіе; то въ этой почтенной ассоціаціи мы видимъ послѣднюю изъ католическихъ церквей, безъ силы, безъ свободы, безъ суда. Въ парламентѣ незамѣтнымъ образомъ захватили его въ сѣть, которая, затягиваясь день ото дня крѣпче и крѣпче, не даетъ ему никакого свободнаго движенія.»

А къ чему пришли совѣщательныя собранія французскихъ епископовъ относительно гражданской власти? Не смѣя сказать самъ, г. I. де-Мэстръ заставляетъ говорить безыменнаго автора... «Съ такимъ собраніемъ (французскихъ епископовъ) король могъ замѣнить Евангеліе кораномъ.» Это преувеличеніе гораздо значительнѣе того, какое вы высказали, преосвященный, относительно русской церкви; ибо вы утверждали, что русскіе епископы изъ покорности царской волѣ готовы сдѣлаться еретиками, а г. де-Мэстръ осуждаетъ французскихъ епископовъ въ слабости ихъ относительно короля, въ готовности по его приказанію принять исламизмъ.

Я дѣлалъ, преосвященнѣйшій, эти выписки не для того, чтобы

торжествовать, но съ грустію и въ надеждѣ, что вы допустите справедливость такого рода дилеммы: или свидѣтельство г. де Мэстра имѣетъ силу противъ русской церкви, и тогда оно сильно и даже сильнѣе противъ церкви французской,—или оно ничтожно относительно французской церкви, и тогда оно ничтожнѣе, и даже гораздо ничтожнѣе относительно церкви русской.

Не знаю, жалѣть ли мнѣ о смерти г. I. де-Мэстра; будь онъ живъ, онъ высказалъ бы намъ свое сужденіе насчетъ современной галликанской церкви, и такимъ образомъ далъ бы мнѣ возможность привести отзывъ, который могъ быть слишкомъ неблагоклоненъ для настоящихъ французскихъ епископовъ, въ средѣ которыхъ вы, преосвященнѣйшій, занимаете столь почетное мѣсто. Невысказанной истинѣ я предпочитаю высказанную любовь; извѣстно, что въ минуты своей смерти авторъ книги о галликанской церкви молился объ ея освобожденіи. Значить онъ считалъ ее *порабощенною*.

Я исполнилъ, ваше преосвященство, задачу, которую возлагала на меня мой любовь къ церкви моего отечества. Я возстановилъ факты, о которыхъ вы говорили безъ критики историческихъ документовъ; опровергнулъ ваши доказательства; показалъ неточность вашихъ выводовъ; доказалъ, что вашими авторитетными свидѣтелями надо отказать въ авторитетъ. Я оставляю перо, которое я взялъ не для нападенія, а для защиты. Отъ васъ, преосвященный, зависитъ рѣшить, долженъ ли я взять его снова, или смотрѣть на мою защитительную рѣчь, какъ на дѣло, вполне оконченное.

Въ случаѣ, если вы потребуете новыхъ объясненій, я прошу ваше преосвященство, — въ интересъ спора, который прежде всего долженъ быть ясенъ и точенъ:

1) Потрудитесь опровергнуть мои доказательства, если

для васъ это возможно, а не проходить молчаніемъ, какъ бы ихъ не было, какъ вы поступили въ вашемъ отвѣтѣ на мое первое письмо.

2) Потрудитесь опредѣлить точно и ясно, въ чемъ состоитъ независимость церкви, и каковы должны быть ея отношенія къ государству,—и показать опредѣленно точки, гдѣ начинается уже ея зависимость, которую вы съ такимъ жаромъ доказываете въ другой разъ; безъ ясныхъ опредѣленій споръ всегда будетъ затруднителенъ.

3) Потрудитесь еще показать, какой именно безпорядокъ произведенъ въ русской церкви ея мнимою зависимоію: скажите мнѣ, требовало ли правительство, по примѣру Карла Великаго, чтобы новый догматъ былъ присоединенъ къ символу, или чтобы были введены перемѣны въ совершеніи таинствъ; затрудняло ли оно пастырей въ исполненіи обязанностей проповѣди, освященія и духовнаго управленія, или не была ли по его приказанію ослабляема христіанская нравственность, или русское духовенство въ этомъ отношеніи подражало іезуитамъ. Словомъ, осмѣливаюсь, ваше преосвященство, просить у васъ большей ясности и точности, болѣе фактовъ: общія мѣста ничего не доказываютъ.

Мнѣ хочется думать, что, руководясь благородными и христіанскими чувствами, которыя такъ свойственны епископу, вы не станете поддерживать вашихъ ошибочныхъ обвиненій противъ русской церкви; напротивъ, вы прелушаете голоса истины и мира; согласитесь, что вы ошибались и способствовали укрѣпленію плачевнаго предубѣжденія. Я не смѣю просить васъ о формальномъ отреченіи, которое часто выше человѣческой слабости; но есть, преосвященнѣйшій, столько средствъ, столько путей для перехода отъ заблужденія къ истинѣ! Всякая попытка въ этомъ родѣ будетъ дѣломъ доб-

рымъ и христіанскимъ,—и послужить къ сближенію двухъ раздѣленныхъ церквей, усиливая ихъ взаимное одной къ другой уваженіе.

Вы думаете, преосвященнѣйшій, что причина раздѣленія этихъ церквей преимущественно есть вліяніе гражданской власти. Нѣтъ. Насилія, преслѣдованія всегда ли разрывали связь между различными церквами? Истинная причина раздѣленія—это рабство предъ заблужденіемъ, личными выгодами, предубѣжденіемъ, эгоизмомъ, честолюбіемъ, духовнымъ самовластіемъ. Это именно имѣлъ въ виду св. Павелъ, когда сказалъ: «Слово Божіе не можетъ быть связано (2 Тим. XII, 9.) вѣшными узами»; это разумѣлъ самъ І. Христосъ, когда училъ, что свобода заключена только въ истинѣ: *«познайте истину, и истина освободитъ васъ.»* Иудеи, такъ дорого цѣнившіе вѣшную свободу, отвѣчали Ему: «мы потомки Авраама, и никогда не были ничьими рабами; какъ же Онъ можетъ говорить: вы сдѣлаетесь свободными?» Иисусъ возразилъ имъ: *«истинно, истинно объявляю вамъ, что всякій творящій грѣхъ есть рабъ грѣха; рабъ никогда не живетъ въ семействѣ, а сынъ живетъ въ немъ всегда. Итакъ, если сынъ васъ освободитъ, вы будете всегда дѣйствительно свободными.»* (Ев. Іоан. VIII, 31. 36). Вотъ условія истинной свободы, которая къ несчастію для васъ состоитъ въ безусловной покорности мнимо божественному главенству римскаго первосвященника. Только на этой почвѣ истины, а не на почвѣ слѣпой покорности мы сходимся съ нашими братьями, иновѣрцами; и мы готовы выровнять путь къ совершенному сближенію нашею любовью и смиреніемъ.

Вы даѣте понять, преосвященный, будто наша церковь бесплодна, потому что она раба. Священная исторія показываетъ, что рабыни были гораздо плодovitѣе, чѣмъ закон-

ныя супруги. Сравните Сарру съ Агарью и Хеттурую. Она намъ показываетъ также, что часто супружества, самыя любовныя, были не такъ плодотворны, какъ едва сносныя. Свидѣтельство тому—исторія Лии и Рахили.

Если вы меня спросите: много ли сдѣлала русская церковь относительно распространенія христіанской вѣры? Я вамъ отвѣчу съ прискорбіемъ: нѣтъ. Еслижъ вы меня спросите: что же, *довольно* она сдѣлала? Я и еще отвѣчу вамъ: нѣтъ. Но если вы меня спросите: сдѣлала ли она что-нибудь? Да, отвѣчу я вамъ съ утѣшеніемъ и съ благодарностію къ Богу. Конечно, вы иногда читаете *le Monde*. Вы тамъ встрѣчаете оскорбленія нашимъ миссіонерамъ на Кавказѣ. Значить у насъ есть миссіонеры на Кавказѣ. Не слышали ли вы чего о русскомъ архіепископѣ Иннокентіѣ, который обратилъ многихъ инородцевъ въ восточной Сибири и на границахъ Китая? Этотъ современный апостоль съ помощію нѣсколькихъ сотрудниковъ благовѣствуетъ въ странѣ, вдвое обширнѣйшей, чѣмъ Франція; для своихъ вѣрныхъ чадъ во Христѣ онъ изобрѣлъ письмена для ихъ дикаго и необработаннаго языка; перевелъ для ихъ употребленія Св. Писаніе и литургію (ибо въ обычаѣ нашей церкви отправлять Богослуженіе на языкѣпонятномъ для вѣрныхъ); онъ образовалъ христіанъ, которые напоминаютъ христіанъ временъ апостольскихъ. Этотъ Божій человекъ не трубилъ о себѣ никогда; однако онъ извѣстенъ и уважаемъ даже въ Китаѣ; можетъ-быть, во Франція не подозреваютъ его существованія!

Но сущность не въ томъ, чтобы рождать дѣтей, а въ томъ, чтобъ воспитывать христіанъ, чтобъ сохранять ихъ. Надъ этимъ—то и трудится православная церковь. Здѣсь я могъ бы вамъ представить свидѣтельство нашихъ враговъ о глубокой вѣрѣ, которая вообще царствуетъ въ Россіи. Такой похвалы достойны ли извѣстныя римско-католическія страны?

Покорно прошу ваше преосвященство извинить длину моихъ объясненій. Я писалъ ихъ поспѣшно; ибо я хотѣлъ отвѣтить вамъ немедленно, и не имѣлъ времени ни обработать ихъ, какъ бы желалось, ни сократить. Однако надѣюсь, что онѣ будутъ не очень для васъ неприяты, по важности предмета, о которомъ я говорилъ, и что вы найдете законною мою привязанность къ церкви, моей матери. Эта привязанность такъ глубока, что я не перестану никогда защищать ее. Если при этой законной защитѣ какъ-нибудь я оскорбилъ ваше преосвященство, я могу сказать, что это было противъ моего намѣренія; ибо, кромѣ глубокаго почтенія, къ вашей особѣ я не имѣю никакого другаго чувства; у меня не было желанія брать мечъ для нападенія; я покрылся щитомъ для защиты. Стараясь отразить ваши удары, я могъ нанести вамъ какія-нибудь раны, но въ этомъ случаѣ вы можете пенять только на самого себя. Не обязанъ ли я былъ дѣлать всевозможныя усилія, чтобъ защитить мою церковь отъ обоюдоостраго меча, который вы направили противъ нее. Если ваши удары встрѣтили щитъ моей вѣры, если вашъ мечъ былъ отраженъ на васъ самихъ и васъ ранилъ, то вина эта не можетъ быть вѣнена мнѣ.

Я глубоко тронутъ благодушiемъ, съ которымъ вы, преосвященнѣйшій, посылаете мнѣ ваше пастырское благословеніе. Позвольте просить его у васъ снова, позвольте преклониться предъ вашимъ епископскимъ достоинствомъ, которымъ вы облечены, и засвидѣтельствовать вамъ глубокое уваженіе и проч...

Протоіерей І. Васильевъ.

МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦКІЙ

(Окончаніє *).

Смотрицкій не былъ устраненъ отъ участія въ дѣлахъ церковнаго правленія. Въ Кіевѣ 1627 года 8 сентября по какимъ-то церковнымъ нуждамъ былъ созванъ мѣстный соборъ, и Смотрицкій былъ однимъ изъ виновниковъ этого собора. Кромя него здѣсь присутствовали Іовъ Борецкій и Петръ Могила, бывшій тогда еще свѣтскимъ. Іовъ и Могила просили его подвергнуть цензурѣ духовныхъ лицъ свой катихизисъ. Смотрицкій соглашался, но просилъ ихъ позволить ему предварительно издать свои разсужденія о разностяхъ между церквами восточной и западной, чтобы тѣмъ легче было судить о самомъ катихизисѣ. Присутствовавшіе на соборѣ согласились.

Спустя полгода послѣ собора, православные епископы на 6 недѣль великаго поста съѣхались въ Гродекъ (въ Волини), принадлежавшій печерскому монастырю. Здѣсь были Іовъ Борецкій, Исаія Копинскій, Паясій, Петръ

(*) См. №№ 6 и 7 «Православнаго Обзорія» за нынѣшній годъ.

Могила, теперь уже архиандрить. Сюда же явился и Смотрицкій съ обѣщанными разсужденіями. Въ нихъ онъ проводилъ ту мысль, что восточная церковь и западная имѣють одну вѣру, только у восточной нѣтъ любви: онъ говорилъ, что однѣ изъ предполагаемыхъ разностей признавались восточною церковію, напримѣръ ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о блаженствѣ душъ праведныхъ тотчасъ послѣ смерти, о главенствѣ папы,—другія совершенно согласны съ христіанскимъ ученіемъ и не осуждались до временъ Фотія, таково ученіе о чистилищѣ, совершеніе таинства евхаристіи на прѣсномъ хлѣбѣ и причащеніе мірянъ подъ однимъ видомъ. Свои мысли онъ подтверждалъ свидѣтельствами свящ. Писанія, св. соборовъ и отцевъ, богослужебными книгами и церковной исторіей. Произволь, поддерживаемый софистическими оружіями схоластики, составляетъ отличительную черту всѣхъ этихъ разсужденій. Смотрицкій хотѣлъ доказать, что обѣ церкви разнятся между собою только обрядами, притомъ и эти разности введены не римскою церковью, а восточною. Не смотря на единство вѣры, говорилъ онъ, церковь восточная страдаетъ страшною болѣзнію; это—схизма, непризнаніе главенства римскаго епископа. Она довела греческую и западно-русскую церковь до бѣдственнаго положенія и угрожаетъ цѣлости ея ученія наплывомъ разныхъ ересей и заблужденій. Единственное средство противъ этого зла—соединеніе съ римскою церковію, которая свободна отъ всѣхъ ересей и заботится о всѣхъ церквахъ и народахъ... Но такъ какъ у православныхъ была крѣпка мысль о константинопольскомъ патріархѣ, какъ законномъ своемъ пастырѣ, а унія влекла за собою отступничество отъ патріарха; то Смотрицкій хочеть устранить и это опасеніе: «нужно держаться

константинопольскаго патріарха и стараться вмѣстѣ съ нимъ и прочими патріархами соединиться съ папою,» увѣряетъ православныхъ въ мнимомъ расположеніи Кирилла Лукариса къ уніи подложнымъ его письмомъ, писаннымъ будто бы въ Россіи и собственноручно поданнымъ львовскому архіепископу Дмитрію Соляковскому. Чувствуя всю ложь обвиненія, взведеннаго на патріарха, Смотрицкій считаетъ пужнымъ сдѣлать и такую оговорку: «но еслибы онъ для какихъ-либо частныхъ своихъ видовъ захотѣлъ насъ удерживать въ этомъ постыдномъ отступничествѣ, которое самъ осуждаетъ (въ письмѣ), то пусть разсудитъ, справедливо ли ему повиноваться больше, чѣмъ Богу?»

На соборѣ разсуждали еще о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, но не постановили по нимъ рѣшенія и предположили вновь созвать помѣстный соборъ изъ духовныхъ и мірянъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду разрѣшить вопросъ о мѣрахъ соединенія православныхъ и уніатовъ безъ нарушенія цѣлости вѣры, правъ и привилегій первыхъ. Смотрицкому поручено было написать объявленіе о причинахъ, какія дѣлали необходимымъ этотъ соборъ, чтобы расположить въ пользу собора духовенство и общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему позволено было издать свои разсужденія о разностяхъ (*).

(*) Можетъ показаться страннымъ, какъ Борецкій осмѣлился назначить соборъ, на которой должна была сойтись, по возможности, вся западно-русская церковь, если не такъ давно православные подвергались гоненіямъ со стороны папистовъ, какъ измѣнники отечества, если самъ Борецкій, на ряду съ прочими православными епископами, подвергся преслѣдованіямъ, какъ шпионъ и заговорщикъ. Дѣло въ томъ, что паписты увидѣли невозможность истребить іерархію въ западно-русской церкви. Уже на сеймѣ 1623 года православнымъ обѣщали миръ; это обѣщаніе подтверждено на сеймѣ 1627 года. Кромѣ того, такъ какъ королю нужно было войско, по случаю войны, то на этомъ же сеймѣ предписано было

Смотрицкій сознавалъ важность этого собора для своего замысла и озаботился приготовиться къ нему какъ можно лучше. Возвратившись изъ Гродка, онъ принялся за дѣло, и въ промежуткѣ между пасхою и пятидесятницею написалъ довольно обширное сочиненіе «Апологию», вѣсто простаго изложенія причинъ собора, какъ было поручено ему. Въ этомъ сочиненіи Смотрицкій оправдываетъ свое путешествіе на востокъ отъ нареканій со стороны православныхъ, увѣряетъ, что западно-русская церковь вмѣстѣ съ греческою полна ересей и заблужденій, и предлагаетъ ей унію, какъ единственное средство къ ея спасенію. Смотрицкаго, по его словамъ, заставили путешествовать на востокъ заблужденіемъ и ереси, которыя внесли въ русскую церковь новые ея богословы, Зизаній, Филалеть, клирикъ Острожскій и Ортологъ. «Эти люди, говоритъ Смотрицкій, посягаютъ на величіе Божіе, богохульствуютъ о тайнѣ воплощенія и церковныхъ таинствахъ; въ своихъ сочиненіяхъ они соединили ереси Арія, Савелія, Евпомія, Несторія, Евтихія. Зизаній отвергаетъ частный судъ, блаженство душъ праведныхъ, отшедшихъ изъ этой жизни, мученіе грѣшниковъ и діаволовъ, названіе опрѣснока хлѣбомъ, и то, что адъ есть мѣсто вѣчныхъ мученій. Другой писатель Филалеть въ своемъ «Апокрисисѣ» не признаетъ пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову, даже смѣется надъ этимъ

православному митрополиту «собрать подмогу на эту войну.» и этимъ самымъ позволено было ему созвать соборъ; отъ собора могли надѣяться такой же услуги, какую въ свое время оказывалъ королю патриархъ Теофанъ, убѣдивъ казаковъ вооружиться противъ турецкаго султана. Это давало возможность Борецкому назначить помѣстный соборъ, на который, по возможности, собралась бы вся западно-русская церковь въ лицѣ представителей отъ всѣхъ сословій духовнаго и свѣтскаго, шляхты и мѣщанъ.

ученіемъ, проповѣдуетъ тождество достоинства епископскаго и пресвитерскаго, усволяетъ мірянамъ власть подавать голосъ въ дѣлахъ вѣры, смѣшиваетъ священство духовное съ таинственнымъ, не признаетъ послѣдняго и отвергаетъ власть римскихъ епископовъ надъ всею церковію. *Ортодокс* учитъ, что по отшествіи изъ этого міра грѣшникамъ отпускаются наказанія даромъ, что грѣхъ смертный уничтожаетъ вѣру, что душа происходитъ отъ сѣмени родителей; онъ отдѣляетъ реально сущность Божию отъ Ипостаси, смѣшиваетъ естественный порядокъ лицъ Св. Троицы, признаетъ только два таинства, евхаристію и крещеніе, и отвергаетъ церковное преданіе. Острожскій клирикъ свое описаніе флорентійскаго собора наполнилъ одною ложью; онъ говоритъ, что этотъ соборъ не былъ оконченъ, что на немъ не произошло соединенія между греками и латинянами, хотя послѣдніе употребляли для этого насильственные мѣры. На востокъ Смотрицкій повсюду встрѣчается съ тѣми же лютеранскими и кальвинскими заблужденіями. Въ константинополѣ ему подали катихизисъ грека Гергана, написанный въ духѣ протестантскомъ. Здѣсь съ церковной кафедрой, въ присутствіи самого патріарха; проповѣдывались будто бы мнѣнія реформатовъ, и самъ патріархъ былъ кальвинистомъ по убѣжденіямъ. Все это наравнѣ съ бѣдственнымъ положеніемъ греческой церкви было плодомъ ея отпаденія отъ римскаго папы и окончательно убѣждаетъ въ исключительномъ превосходствѣ и истинности уни. Между тѣмъ,—продолжаетъ Смотрицкій,—греческая церковь сама непосредственно не можетъ соединиться съ римскою. Ей препятствуютъ въ этомъ съ одной стороны турки, которые считаютъ для себя опаснымъ это соединеніе, съ другой—ненависть простаго народа къ римлянамъ, которую особенно разжи-

гаютъ люди, подобные Зизанію, каковъ Герганъ. Вся надежда остается на югозападныхъ образованныхъ руссовъ. Часто сталкиваясь съ римлянами, они болѣе способны принять унію; а сдѣлавшись уніятами, они своими катихизисами и сочиненіями на языкахъ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и итальянскомъ могли бы привести къ единенію всѣ восточные народы.» Потому Смотрицкій обращается къ митрополиту, епископамъ, игуменамъ, и всему церковному клиру, также князьямъ, панамъ, шляхтѣ, рыцарству и братствамъ, всѣхъ проситъ позаботиться о распространеніи уніи, хитро касается интересовъ лицъ свѣтскихъ, и въ заключеніе такъ изображаетъ плоды уніи: «тогда будетъ самъ Богъ съ нами, и Онъ возвратитъ намъ всѣ блага духовныя и мірскія, которыми такъ давно мы уже не пользуемся; удалитъ угрожающій упадокъ нашей церкви; возставитъ древнюю свободу западно-русскаго народа, шляхетскому сословію дастъ доступъ къ земскимъ урядамъ и сенаторскимъ достоинствамъ, мѣщанамъ—засѣдать въ ратушѣ, построить намъ училища, украситъ церкви, устроитъ монастыри, освободитъ пресвитеровъ отъ рабскаго яга, наконецъ отретъ слезы русскому народу, который теперь вездѣ подвергается гоненіямъ въ городахъ и селахъ; дастъ намъ еще на землѣ вкусить небеснаго дара и доставитъ намъ безчисленное множество другихъ благъ.»

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Апологіи.» Она была написана наскоро и заключаетъ въ себѣ множество недосмотровъ и противорѣчій, нерѣдко недобросовѣстныхъ. Особенно недобросовѣстенъ авторъ въ отношеніи къ тѣмъ писателямъ, которыхъ обличаетъ въ ересяхъ. При разборѣ ихъ мнѣній, онъ не обращаетъ вниманія ни на точку зрѣнія, съ какою они смотрѣли на предметъ, ни на связь рѣчи. Онъ на-

взыываетъ имъ такія мысли, какихъ у нихъ нѣтъ, и подтверждаетъ это голословными, часто ложными ссылками; только въ двухъ, трехъ мѣстахъ привелъ онъ собственныя ихъ слова. Вообще онъ старается запугать православный народъ голословнымъ обвиненіемъ его и его писателей въ разныхъ ересяхъ, богохульствахъ и обширными общими разсужденіями о томъ, какъ пагубны ересь и схизма (*).

(*) Смотрицкій говоритъ, что Зизаній отвергаетъ частный судъ, блаженство душъ праведныхъ и мученіе грѣшныхъ тотчасъ послѣ смерти; а на дѣлѣ Зизаній признаетъ частный судъ, но не такъ, будто послѣ него слѣдуетъ полная награда или наказаніе; признаетъ блаженство душъ праведныхъ и мученіе грѣшныхъ и диаволовъ, но только отчасти, еще не полное. Напрасно винить Смотрицкій Филалета, будто онъ смѣшиваетъ духовное священство съ таинственнымъ: въ «Апокрисисѣ» нигдѣ нѣтъ этого смѣшенія. Единственное въ этомъ родѣ мѣсто у Филалета: «въ Ветхомъ Завѣтѣ одно левитское колѣно было избрано на священническое служеніе, а теперь всѣ вѣрные сдѣлались царями, священниками Богу, — не даетъ такой мысли. Изъ него скорѣе слѣдуетъ, что теперь священническій санъ открытъ для всѣхъ, всякій христіанинъ чрезъ таинственное рукоположеніе можетъ сдѣлаться священникомъ, тогда какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ это служеніе было доступно одному колѣну. Объ Ортологѣ Смотрицкій говоритъ, что онъ признавалъ только два таинства, издѣвался надъ преданіемъ, и утверждалъ, что грѣхи и наказанія послѣ смерти прощаются даромъ; тогда какъ Ортологъ крещенію и евхаристіи отдаетъ только преимущество предъ прочими таинствами, отвергаетъ папскія преданія, и учитъ, что несмертныя грѣхи и наказанія за нихъ, по отшествіи изъ этого міра, прощаются ради молитвъ церкви и подъ условіемъ, если человекъ умеръ въ покаяніи. Вообще нужно сказать, что западно-русскіе богословы того времени не согласны были въ рѣшеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ. Такъ одни (Геласій Диплицъ) отвергали частный судъ, а другіе (Зизаній) принимали, иные же не признавали его и не отвергали (Ортологъ, Мужиловскій). О состояніи душъ по смерти одни думали, что души праведныхъ находятся въ земномъ раю, считая слова: рай, небо однозначащими (Мужиловскій), а души грѣшныхъ въ аду или темномъ мѣстѣ (Зизаній и Мужиловскій); другіе, что души праведныхъ и грѣшныхъ до общаго суда живутъ въ одномъ

Написавъ свою «Апологию», Смотрицкій сдѣлалъ съ нея два списка и отправилъ въ Кіевъ къ митрополиту и Могиля съ письмами. Онъ писалъ къ Борецкому, что цѣль его «Апологиі»—пробудить западно-русекій народъ отъ усыпленія, указать ему его болѣзнь и средство противъ нея,—что еслибы онъ не хотѣлъ сознать своей болѣзни и сталъ бы отвергать всякую заботу о немъ, все-таки долгъ врачей духовныхъ—лѣчить его и противъ воли. Сознавая въ себѣ полную готовность къ подобному врачеванію, Смотрицкій въ случаѣ несогласія православныхъ умываетъ руки въ воображаемой имъ гибели православнаго народа въ будущемъ и возвѣщаетъ именовъ Спасителя горе тѣмъ врачамъ, которые не стали бы всѣми средствами врачевать бѣдствующій народъ. Въ заключеніе онъ выражаетъ желаніе и проситъ Бога, чтобы Онъ Самъ привелъ соборъ къ вождѣльной цѣли. О томъ же Смотрицкій писалъ и къ Могиля. Борецкій и Могила обѣщали прислать ему свой отзывъ о его сочиненіи. «Цѣлыя три недѣли я ждалъ этого отзыва, говоритъ Смотрицкій, но, не дождавшись, рѣшился напечатать свое сочиненіе на польскомъ языкѣ».

Доселѣ Смотрицкій успѣвалъ еще болѣе пли менѣе прикры-

мѣстѣ, которое называется адомъ, допомъ Авраамовымъ, но внутреннее состояніе тѣхъ и другихъ совершенно различно (Геласій Диплицъ); державшіеся послѣдняго мнѣнія отвергали существованіе ада, какъ мѣста, назначеннаго для грѣшныхъ, разумѣли подъ нимъ состояніе душъ грѣшныхъ по смерти и въ связи съ этимъ въ сошествіи Христовомъ въ адъ видѣли погребеніе. Разсуждая о правѣ мірянъ участвовать въ дѣлахъ церковныхъ, одни признавали его (Ортологъ, Филаетъ, Геласій Диплицъ), другіе отвергали (Мужилловскій). Точно также различіе между епископскимъ и пресвитерскимъ служеніемъ одни производили отъ апостоловъ и самого Іисуса Христа (Мужилловскій), а другіе видѣли въ немъ одно церковное установленіе (Филаетъ, Ортологъ, Геласій Диплицъ).

вать свои замыслы. Но около этого времени Исаія Копивскій, епископъ пршемьшльскій обнародовалъ его сношенія съ Моголой и Борецкимъ. Въ посланіяхъ на имя народа онъ говорилъ, что всѣ они трое замышляютъ унию и сносятся съ отступникомъ Рутскимъ. Стали чуждаться не только Смотрицкаго, но и Борецкаго, подозревали и другихъ епископовъ. Смотрицкій вмѣстѣ съ Рутскимъ и Острожскимъ положили отмстить Исаію. Послѣдній жилъ въ отдаленныхъ мѣстахъ Украйны и имѣлъ подъ своей властью пять монастырей во владѣніяхъ князя Вишневецкаго. Убѣдили-было Вишневецкаго изгнать Исаію изъ своихъ владѣній; но его поддержали казаки и намѣреніе трехъ папистовъ не состоялось.

Непріятное впечатлѣніе, испытанное теперь Смотрицкимъ, было вознаграждено вниманіемъ Рима. Изъ Рима получены были письма съ изъявленіями радости и благодарности по случаю обращенія Смотрицкаго. Не забыты были Острожскій и Рутскій; ихъ благодарили за ревностную дѣятельность въ пользу униі и поощряли къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Самъ папа Урбанъ VIII прислалъ Смотрицкому *Breve* (грамоту) на епископство іерапольское, которое находилось въ Сиріи, въ округѣ патріарха антиохійскаго. Такое вниманіе Рима воодушевило Смотрицкаго и служило для него лучшимъ напутствіемъ на соборъ кievскій. Однакожъ дѣло Смотрицкаго приняло уже худой оборотъ: его тайные замыслы разъ на всегда были обнаружены. Много повредилъ себѣ Смотрицкій и поспѣшнымъ изданіемъ «Апологій.» Уніаты, подъ надзоромъ которыхъ печаталась «Апологія», постарались распространить ее въ народѣ: вышедшіе изъ печати листы попались въ руки строгихъ ревнителей православія. Самъ митрополитъ и Могила, получивъ списки съ этого сочиненія, поняли наконецъ Смотрицкаго. Личина, подъ которой скры-

валъ онъ свои намѣренія, была сорвана, и на кіевскомъ соборѣ 1628 года онъ не только не могъ исполнить своей задуманной мысли, но долженъ былъ отречься отъ «Апологіи.»

Дѣйствія собора начались 13 августа подъ предсѣдательствомъ Борецкаго. На немъ присутствовали Паисій, Исаакій, Авраамій, Петръ Могила архимандритъ печерскій; Исаія Копинскій неучаствовалъ въ соборныхъ разсужденіяхъ. Изъ числа пресвитеровъ, бывшихъ на соборѣ, Смотрицкій упоминаетъ о Зизаніи изъ Корца и Андрѣ Мужилловскомъ изъ Луцка. Съ особенною ревностію дѣйствовали Борецкій и Могила и два упомянутые пресвитера. Смотрицкій указываетъ на нихъ, какъ на главныхъ виновниковъ всего, что дѣлалось на соборѣ, и на этомъ основаніи самый соборъ называетъ поповскимъ; потому что епископы утверждали то, что они зараніе опредѣлили съ митрополитомъ, сами же не читали «Апологіи» и судили о ней по тѣмъ пунктамъ, какіе изъ ней были выписаны и предложены на ихъ разсмотрѣніе. Мы должны однакожь сказать, что направленіе и цѣль «Апологіи» были такъ ясны, и 105 пунктовъ, выписанные изъ нея пресвитерами, были такъ рѣшительны, что не оставалось никакого сомнѣнія насчетъ смысла всего сочиненія. По разсказу Смотрицкаго соборъ происходилъ слѣдующимъ образомъ:

Когда Смотрицкій пріѣхалъ въ Кіевъ и хотѣлъ остановиться въ печерскомъ монастырѣ, ему отказали и назначили михайловскій монастырь. Это было въ среду по полудни въ самое время открытія собора. Спустя около получаса, къ нему присланы были четыре пресвитера отъ собора, происходившаго въ печерскомъ монастырѣ. Во главѣ этого посольства стоялъ протоіерей Слуцкій Андрей Мужилловскій, ревностнѣйшій поборникъ православія. Цѣлю посольства было—узнать отъ Смотрицкаго, намѣренъ ли онъ

держаться своей «Апологии» или откажется отъ нея? Съ своей стороны Смотрицкій просилъ допустить его на соборъ, надѣясь рѣшить всѣ возраженія. Отъ него требовали прежде отказаться отъ мыслей, изложенныхъ въ «Апологию», и только подъ этимъ условіемъ обѣщали ему доступъ къ соборнымъ совѣщаніямъ. Смотрицкій не отказался отъ «Апологии.» Всѣ усилія пословъ собора склонить его къ тому остались напрасны, и пресвитеры возвратились на соборъ ни съ чѣмъ.

Отказъ Смотрицкаго тогда же сталъ извѣстенъ всѣмъ. Въ то время дѣло вѣры было дѣломъ всего народа. Но простой народъ не совсѣмъ разборчивъ въ средствахъ. Это тотчасъ же испытали на себѣ прислужники Смотрицкаго. Вечеромъ въ тотъ же день ихъ стали осыпать угрозами, бранью, указывать на нихъ пальцами, называть уніятами; они боялись выйти за монастырскія ворота, и донесли объ этомъ своему господину. Кое-какъ провелъ ночь Смотрицкій, и рано утромъ отправилъ письмо къ Борецкому съ его діакономъ Порфиріемъ. Онъ жаловался на худой пріемъ со стороны Юва, на свое устраненіе отъ соборныхъ засѣданій, защищалъ свою «Апологию», говоря, что въ ней нѣтъ ничего еретическаго, напротивъ обличены ереси западно-русскихъ писателей, указывая способъ единенія враждующихъ между собою братьевъ, а если есть что либо излишнее, то нужно врачевать любовью, которая созидаетъ и совершаетъ всякое доброе дѣло.

Между тѣмъ прислуга Смотрицкаго не переставала сообщать ему не совсѣмъ пріятныя вѣсти. Народъ угрожалъ, что на слѣдующій день Смотрицкій со всею своею свитою будетъ преданъ проклятію, какъ уніять. Предъ обѣденной порой Смотрицкій получилъ еще болѣе непріятное извѣстіе отъ діакона Исаи. Братъ Борецкаго Андрей сказалъ этому діакону и протоіерею Дубенскому, въ присутствіи нѣкото-

рыхъ духовныхъ лицъ: «Бога ради пусть отецъ Смотрицкій подумаеть о себѣ. На пути изъ монастырскаго села я теперь набѣжалъ на порядочную толпу казаковъ и слышалъ, какъ они въ своемъ совѣтѣ присягнули не оставить его живымъ, если соборъ уличить его въ уніятствѣ.» Слыша подобныя вѣсти, робкій Смотрицкій не зналъ, что дѣлать; уѣхать было нельзя, вездѣ народъ и казаки. Онъ хватается за прежнее средство—пишетъ къ Борецкому на соборъ, прося допустить его на совѣщанія, и говоря, что общимъ совѣтомъ можно придумать, какъ остановить распространіе «Апологіи.» Собравшаяся гроза сдѣлала Смотрицкаго уступчивѣе; онъ еще не отказывается отъ «Апологіи», но уже изъявляетъ готовность позаботиться остановить ея распространіе. Ни на это письмо, ни на прежнее отвѣта не было. Вскорѣ Смотрицкій самъ услышалъ энергическія угрозы отъ казаковъ. «Послѣ полудня, говоритъ онъ, пришелъ ко мнѣ кievскій казакъ Соленикъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ. Поздоровавшись со мною, онъ прочиталъ мнѣ по казацки, какъ ему хотѣлось, длинную рѣчь, и вотъ чѣмъ заключилъ ее: «мы приобрѣли эту святыню (православіе) нашею кровію, хотимъ и запечатлѣть ее или собственною кровію, или кровію тѣхъ, которые стали-бы пренебрегать ею или отступать отъ нея» (*).

(*) Грозная обстановка собора—совершенно въ духъ времени. Простой народъ не терпѣлъ уніатовъ, и еще сильнѣе вооружался противъ измѣнниковъ; въ такомъ настроеніи онъ всегда принималъ самое горячее участіе въ дѣлахъ вѣры, а во времени собора сошлось великое множество народа изъ разныхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что тогда былъ храмовый праздникъ Успенія. Устраненіе Смотрицкаго отъ присутствія на соборѣ зависѣло конечно и отъ положенія самыхъ епископовъ Народъ, особенно казаки, не совсѣмъ были довѣрчивы къ епископамъ за сношенія съ Смотрицкимъ. Чтобы разсѣять подозрѣнія и не дать повода къ новому соблазну, рѣшено было не допускать Смотрицкаго на соборъ.

Вскорѣ по уходѣ казаковъ, Смотрицкому сказали, что прѣѣхалъ въ монастырь Борецкій съ тремя епископами, и пошелъ въ церковь. Смотрицкому представился удобный случай поговорить съ митрополитомъ и епископами. Онъ отправился за ними въ церковь. Приказано было выйти всѣмъ; но два чело­вѣка не вдругъ подчинились распоряженію митрополита, и вышли нехотя: это былъ Соленикъ и его товарищъ. Послѣ молитвы стали разсуждать объ «Апологіи.» Іовъ прямо сказалъ Смотрицкому, что въ ней говорить духъ нечистый и гордый, и что она вводитъ въ церковь проклятыя папскія ереси. Смотрицкій защищался, сколько позволяло его положеніе. Но пока они разсуждали, въ церковь принесли покойника, и они должны были идти въ келью. Продолжая ту же бесѣду, Смотрицкій просилъ показать ему, что они находятъ нечестиваго въ его «Апологіи,» за что такъ жестоко нападаютъ на нее и на сочинителя? Тогда бывшій съ ними протоіерей Слуцкій, имѣя у себя нѣсколько печатныхъ листовъ «Апологіи,» прочиталъ всѣ заглавія и въ заключеніе сказалъ: «развѣ мало въ ней противорѣчія нашей церкви и клеветы на нашу вѣру?» Смотрицкій не убѣдился этимъ и просилъ позволенія разсмотрѣть свое сочиненіе вмѣстѣ съ ними частно, или публично, на соборѣ. Въ отвѣтъ на это протоіерей Слуцкій вынулъ изъ-за пазухи бумагу. — это былъ актъ отреченія, — и сказалъ Смотрицкому: «если желаешь быть на соборѣ и считаться своимъ, прежде исполни три условія, опредѣленные на соборѣ: 1, присягни, что съ этого времени не будешь возставать противъ церкви ни словомъ, ни писаніемъ, и не будешь отступать отъ нея; 2, затѣмъ публично отрекись отъ своей «Апологіи» и прочитай съ амвона то, что дано будетъ для проклятія заблужденій и для исповѣданія вѣры; 3, не возвращайся въ Дермань, а оставайся въ Кіевѣ.»

Условія—тяжкія для Мелетія, но необхіднія по общему приговору: «ты тяжко оскорбилъ всю русскую церковь, предъ всею же церковію и грѣхъ свой долженъ исповѣдать.» Между тѣмъ въ келью Смотрицкаго одинъ за другимъ прибыли новыя лица: Стефанъ Латинскій, Иванъ Стеткѣвичъ и писарь казацкій. Отъ каждаго изъ нихъ Смотрицкій выслушивалъ упреки и угрозы, и отвѣчалъ только просьбою освободить его отъ тяжкихъ и унижительныхъ условій, обѣщаясь съ своей стороны послать въ Львовъ и писать къ Кассіану Саковичу, чтобы не выдавали ни одного экземпляра изъ печати. Но рѣшеніе собора было неизмѣнно. Не успѣвъ склонить Смотрицкаго къ отреченію, Іовъ и другіе съ нимъ, такъ какъ было уже поздно, ушли и чрезъ часъ прислали ему готовый актъ отреченія. Смотрицкій не принялъ его, и, такъ какъ не хотѣлъ долѣе оставаться въ михайловскомъ монастырѣ (почему, онъ не считалъ нужнымъ сказать этого) и желалъ успокоить раздраженіе противъ себя православныхъ, то вслѣдъ за посломъ отправился въ печерскій монастырь ко всенощной. Въ олтарѣ Смотрицкому подали подписать актъ отреченія и обязали поклясться, что не поѣдетъ изъ Кіева въ Дермань. Требованія выражались настойчиво, Смотрицкій оробѣлъ: онъ болѣе всего опасался за свою жизнь, а весь пародъ зналъ, что онъ въ церкви; заговоръ казаковъ живо ему представлялся. Смотрицкій подписалъ актъ и поклялся не выѣзжать изъ Кіева въ Дермань.

Въ доказательство искренности своего отреченія, хотя ея не было, Смотрицкій принялъ участіе въ торжественной процессіи и въ служеніи литургіи. По прочтеніи Евангелія, въ слухъ всего народа было объявлено отреченіе Смотрицкаго и проклята «Апология» какъ еретическое сочиненіе. «Послѣ Евангелія, пишетъ Смотрицкій, вовсе для меня неожиданно

высланъ былъ на кафедру мой виленскій намѣстникъ. Духовные изъ олгара вышли къ амвону. О. архимандритъ печерскій роздалъ епископамъ листы (Апологіи) и свѣчи. Виленскій намѣстникъ прочиталъ бумаженку (kartelus), затѣмъ разорвалъ и бросилъ подъ ноги поданный ему листъ изъ Апологіи.» Письменное свидѣтельство, которое Смотрицкій презрительно называетъ бумаженкой, была исповѣдь Стотрицакаго, гдѣ онъ предъ всею церковію раскаявается въ своихъ заблужденіяхъ, отрекается отъ «Апологіи,» какъ сочиненія еретическаго, которое слѣдуетъ попать ногами, и обѣщается, что это впредь не повторится. «Послѣ этого о. Борецкій, съ которымъ сталъ на амвонѣ луцкій епископъ, произнесъ проклятіе на «Апологію,» на дубенскаго архимандрита Кассіана разорвалъ бывшій у него листъ «Апологіи» и погасилъ свѣчу. Тоже сдѣлали и всѣ епископы.» Православные однакожъ, говорили, что Смотрицкій самъ читалъ свою публичную исповѣдь, самъ рвалъ и топталъ ногами листы «Апологіи.» Это извѣстіе болѣе согласуется съ тѣмъ предварительнымъ условіемъ, чтобы онъ публично самъ отрекся отъ своей «Апологіи» и читалъ съ амвона свое отреченіе и исповѣданіе вѣры, почему и самая исповѣдь изложена въ первомъ лицѣ отъ имени отрекавшагося. Желаніе Смотрицакаго представить себя только зрителемъ соборнаго осужденія совершенно идетъ въ разладъ съ ходомъ дѣла (*).

(*) Вотъ исповѣдь Смотрицакаго, какъ она приводится Андреемъ Мужилковскимъ: «я, Мелетій Смотрицкій, Божіею милостію архіепископъ полоцкій, будучи подозрѣваемъ всею нашею русскою церковію въ отступничество отъ православной вѣры греческой восточной церкви, а во случаю изданія, подъ моимъ именемъ, «Апологіи» еще сильнѣе заподозрѣнный въ этомъ, торжественно объявляю всей русской церкви, въ лицѣ присутствующихъ теперь въ печерскомъ монастырѣ и въ церкви Успе-

На другой день, 16 августа, издано соборное опредѣленіе народу за подписью митрополита и Смотрицкаго, Исаи Копинскаго, Исаакія Борисковича, Паисія Иполитовича, Аврамія Смагонскаго, архимандрита печерскаго Петра Могилы и многихъ другихъ духовныхъ. Здѣсь митрополитъ, епископы и остальное духовенство увѣряли народъ въ томъ, что они твердо стоятъ въ православіи, не мыслятъ объ отступленіи въ унию и къ тому же увѣщевали всѣхъ. Между тѣмъ разнесся слухъ, будто не самъ митрополитъ и епископы и не самъ Смотрицкій, а только нѣкоторые пресвитеры рвали, топтали и жгли «Апологию»; чтобы успокоить народъ, митрополитъ съ епископами 24-го августа издалъ подписанную ими грамоту, опровергавшую этотъ слухъ; а 30 августа издана

ніа Божіей Матери, что отчасти самъ виноватъ въ такомъ заблужденіи противъ православныхъ догматовъ, но большую часть этихъ заблужденій я счтяю произвольнымъ вымысломъ того лица, которому я поручилъ изданіе «Апологии» на польскомъ языкѣ, именно онъ внесены съ злымъ умысломъ начальникомъ дубенскаго преображенскаго монастыря, Касіавомъ Саковичемъ. Сознаваясь въ этихъ заблужденіяхъ противъ догматовъ православной церкви, молю Господа Бога быть милостивымъ къ моимъ грѣхамъ; а всей русской церкви добровольно обѣщаю и на будущее время всѣми силами остерегаться этого. Во свидѣтельство моего раскаянія предъ св. церковію, я торжественно высказываю свое презрѣніе къ «Апологии», раздираю и попираю ее ногами, подъ опасеніемъ клятвы, которую я далъ Господу Богу въ тотъ часъ, когда въ присутствіи святѣйшаго моего господина и другихъ архіереевъ нашей русской церкви былъ рукоположенъ въ архіепископа святѣйшимъ іерусалимскимъ патриархомъ, господиномъ и отцемъ Теофаномъ подъ власть святѣйшаго константинопольскаго патриарха. 1628 г. 14 августа.— Эта исповѣдь, по словамъ Мужиловскаго, скрѣплена печатью и подписомъ Смотрицкаго. Замѣчательно, что въ ней значительная доля вины слагается на Саковича. Это обстоятельство извѣстно, конечно, поступокъ Смотрицкаго въ глазахъ православныхъ и, не перейди онъ снова на сторону папистовъ, отняло бы у послѣднихъ возможность — колотъ глаза православнымъ «Апологіей».

была митрополитомъ книжка «*Απολογία* Апологіи» съ описаніемъ дѣйстви собора.

Смотрицкій не исполнялъ условій, предписанныхъ ему соборомъ. Онъ успѣлъ уйти изъ Кіева въ дерманскій монастырь и сталъ дѣйствовать противъ православныхъ. Первымъ дѣломъ его было протестовать противъ собора. Во всемъ обвиняя соборъ и оправдывая себя, онъ говорилъ въ своей «*Protestatio*», что принялъ условія собора не по страху грозившей ему опасности, не по малодушію, но частію потому, чтобы «свѣсто не обагрилось кровію виновныхъ и невинныхъ», частію потому, что его не хотѣли слушать и ничего не позволили ему сказать въ защиту своего сочиненія (меня не слушаютъ, итакъ я отказываюсь отъ своихъ убѣжденій!?)

Этотъ протестъ не остался безъ отвѣта со стороны православныхъ. Андрей Мужилловскій издалъ противъ него сочиненіе «*Antidotum*». Сочиненіе Мужилловскаго составляетъ краткую и рѣзкую, энергически написанную, по мѣстамъ браничивую критику на «Апологію». Авторъ сильно возстаетъ противъ той мысли Смотрицкаго, будто заблужденія и ереси, какія онъ нашелъ въ сочиненіяхъ Зизанія, Филалета, Ортолога и клирика Острожскаго, заставили его путешествовать на востокъ, гдѣ онъ еще больше убѣдился въ необходимости принять унию, будто образъ мыслей этихъ писателей вполне раздѣляла вся западно-русская церковь; рассматриваетъ тѣ пункты, въ которыхъ эти писателя заблуждались по словамъ Смотрицкаго. Впрочемъ Мужилловскій не входитъ въ подробности; по его собственнымъ словамъ, онъ старался только показать, за что слѣдуетъ осуждать Смотрицкаго и какъ смотрѣть на тѣхъ писателей, на которыхъ онъ нападаетъ въ «Апологіи»; но за то удачно пользуется промахами Смотрицкаго, хотя иногда и самъ дѣлаетъ ихъ.

Писатель «Антидота» изображает Смотрицкаго человекомъ дводушнымъ, лицеѣромъ, безпокойнымъ, въ высшей степени непостояннымъ; говоритъ, что его отступничество предвидѣлъ еще Леонтій Карновичъ, который не хотѣлъ постригать его въ монахи, что оно было предуказано различными знаменіями (*); не по чему другому, а только по гордости и корыстолюбію этотъ человекъ перешелъ на сторону уніатовъ и, хотя на соборѣ 1628 года со слезами просилъ у епископовъ прощенія, припадая къ ихъ стопамъ, и публично въ церкви проклялъ свою «Апологию», но потомъ опять измѣнилъ своему обѣщанію.

Мнѣніе Мужиловскаго о Смотрицкомъ раздѣляли многіе изъ православныхъ. Иначе смотрѣла на него противная сторона. Узнавъ о поступкѣ Смотрицкаго на соборѣ, паписты не только не отвергли, но приняли его съ распростертыми объятіями. Пропаганда прислала письмо Смотрицкому. Приписыва я его поступокъ человѣческой слабости и ставя его въ параллель съ наденіемъ апостола Петра, Маркелла папы и исповѣдника, она выражала надежду, что Смотрицій будетъ ревностѣйшимъ католикомъ (латиняниномъ) и наборникомъ уніи.

Смотрицкій оправдывалъ надежды уніатовъ; онъ съ ревностію дѣйствовалъ въ пользу уніи. Кромѣ «Апологии и Протестаціи», онъ написалъ новое сочиненіе «*Naomnienie do narodu Ruskiego*» (Напомяніе русскому народу). Уже по возвращеніи Смотрицкаго изъ-за границы тотчасъ распростра-

(*) Вотъ эти знаменія: когда Смотрицкій приступалъ къ исповѣди (предъ рукоположеніемъ), то народъ говорилъ, что онъ взволнуеть церковь; когда посвящали его во священника, недостало ризъ; когда предъ отправленіемъ на востокъ прощался онъ въ церкви съ народомъ, упалъ столбъ, стоявшій при иконѣ Спасителя, и гроч.

вились на счетъ его самыя неблагопріятныя слухи. Говорили, что онъ уніать, выдумываетъ новизны, задумалъ раздѣленіе Руси и проч. Виленское братство письмомъ просило Смотрицкаго рѣшить возникшія недоумѣнія. Получивши это письмо въ Кіевѣ наканунѣ собора, Смотрицкій отвѣчалъ на него кратко; но когда удалось ему уйти изъ Кіева, то въ Дерманѣ онъ написалъ обширный отвѣтъ съ цѣлію оправдать предъ народомъ свое уклоненіе въ унію, и даже болѣе—вести за собою въ унію и народъ. Всѣ свои рѣчи онъ сводитъ здѣсь къ одному, что для православнаго народа необходимо соединиться съ римскою церковію, если онъ желаетъ сохранить въ цѣлости свою вѣру отъ протестантства и достигнуть блага церковнаго и гражданскаго. Онъ настаиваетъ, что вовсе не думаетъ вводить раздѣленіе въ русской церкви, что подобное обвиненіе вызвано его обличеніями еретическихъ мыслей въ сочиненіяхъ русскихъ богослововъ, одобренными на соборѣ 1628 года; онъ защищаетъ себя и «Апологию» противъ сочиненія, издавнаго православнымъ духовенствомъ—«Погибель», и жалуется на соборъ 1628 г., который осудилъ его, не разсмотрѣвши, какъ слѣдуетъ, дѣла. Оправдывая свое уклоненіе въ унію, Смотрицкій увѣщаетъ народъ и виленское братство послѣдовать его примѣру,—напоминаетъ православнымъ, что они въ 1623 году начинали разсуждать о томъ, какъ бы примирить уніатовъ съ неунитами, что въ 1626 году само виленское братство принимало въ этомъ участіе, хотя безъ успѣха, совѣтуетъ продолжать это дѣло, не стѣсняться отношеніями къ константинопольскому патриарху, указываетъ въ исторіи опыты независимости русской церкви, изображаетъ выгоды уніи и вредъ православія, ссылается на упадокъ училищъ (острожскаго львовскаго, брестскаго, даже виленскаго) и невѣжество на-

рода,—защищаетъ римскую церковь отъ обвиненія въ ересь; фактами изъ исторіи доказываетъ, что русскіе всегда были въ единеніи съ римскою церковію (онъ доводитъ это мнимое единеніе до 1482 г.),—старается разсѣять опасеніе православныхъ на счетъ цѣлости вѣры, обрядовъ и іерархической самостоятельности ихъ церкви, въ случаѣ соединенія съ римскою церковію,—предлагаетъ имъ основать у себя новую патріархію, независимую отъ константинопольскаго престола, и, если можно, перенести къ себѣ кафедру константинопольскаго патріарха, подобно тому, какъ патріархъ alexandрійскій называется alexandрійскимъ, а живетъ въ Каирѣ. Въ заключеніе Смотрицкій напоминаетъ православнымъ, что всѣ ихъ усилія—бороться съ унией останутся напрасными: о распространеніи уніи заботятся папа, конгрегация, король и всѣ власти духовныя и свѣтскія. По своему направленію это сочиненіе можетъ быть поставлено въ параллель съ «Плачемъ»: какъ въ «Плачѣ» Смотрицкій отъ лица восточной церкви убѣждалъ отпадшихъ сыновъ возвратиться въ ея нѣдра,—такъ въ «Напомяваніи» онъ увѣщаетъ православныхъ соединиться съ римскою церковію. Будучи назначено для православнаго народа, это сочиненіе отличается умѣреннымъ тономъ и сочувствіемъ къ страданіямъ православныхъ. Рѣчь Смотрицкаго не выступаетъ изъ должныхъ предѣловъ, даже противъ православныхъ писателей не дѣлаетъ онъ выходокъ; называя ихъ еретиками, онъ видитъ въ ихъ сочиненіяхъ зло, которое столько же вызываетъ чувство сожалѣнія, какъ и нападеніе на русскій край внѣшнихъ враговъ: то и другое допущено Богомъ за отверженіе уніи.

Совѣтъ въ другомъ тонѣ написана Смотрицкимъ «Розрѣшаніе», въ которой онъ опровергаетъ Антидотъ Мужилловскаго. Жалуюсь на автора за бранчивый и неприличный тонъ,

Смотрицкій, въ предисловіи къ читателю, обѣщается отвѣчать съ кротостію; но на первыхъ же порахъ забываетъ свое обѣщаніе и, кажется, поставяетъ себѣ задачею превзойти Мужиловскаго въ ругательствахъ. Онъ не только нападаетъ съ бранью на Мужиловскаго и другихъ православныхъ писателей и іерарховъ, но по мѣстамъ язвительно отзывается о всемъ православноиъ народѣ. По содержанію «Росправа» не заключаетъ ничего новаго. Есть только нѣсколько историческихъ указаній, новыхъ фактовъ, которые Смотрицкій приводитъ для подтвержденія своей мысли о церквахъ восточной и западно-русской, для защиты себя и униатовъ отъ нападокъ Мужиловскаго. Прежде онъ выдавалъ Кирилла Лукариса то за латинянина, то за кальвиниста, то вообще за еретика, здѣсь называетъ его послѣдователемъ исключительно Кальвина, и обвиняетъ еще въ крайнемъ деспотизмѣ. О прочихъ пастыряхъ греческой церкви онъ отзывается, какъ о совершенныхъ невѣждахъ, которые ровно ничего не знаютъ ни о своей вѣрѣ, ни о чужихъ,—какъ о лицахъ совершенно безгласныхъ предъ патріархомъ, который дѣлаетъ съ ними, что хочетъ. Говоря о западно-русской церкви, Смотрицкій и ея пастырей называетъ еретиками, наемниками, невѣждами, такъ что, если они могутъ проповѣдывать, (а такихъ очень мало—нѣтъ трехъ во всемъ западно-русскомъ краѣ,) то должны быть благодарны за то римскимъ проповѣдникамъ,—укоряетъ православныхъ въ нетерпимости къ униатамъ, жестокомъ обращеніи съ ними, хотя и находитъ между ними, особенно въ дворянствѣ и духовенствѣ, не мало людей, снисходительно судившихъ объ униіи. Наконецъ, защищая себя лично отъ нападокъ Мужиловскаго, Смотрицкій отстаиваетъ свое священническое достоинство, выставляетъ на видъ въ лучшемъ

свѣтъ свои отношенія къ Леонтію Карповичу и принятіе монашескаго сана, устраняеть отъ себя обвиненіе въ гордости и корыстолюбіи, доказываетъ чистоту своихъ наѣтрений и несправедливость православныхъ... (*) Все это Смотрицкій сводить къ той же мысли о необходимости для русской церкви уніи, и въ концѣ изображаетъ вредъ схизмы (православія) и плоды уніи. Это сочиненіе сильно нравилось папистамъ, безъ сомнѣнія, своимъ тономъ и рѣшительнымъ отношеніемъ къ уніи. По словамъ Суши «Росправа» отличается силою мысли, убѣдительностію и такимъ блестящимъ краснорѣчіемъ, что знаменитѣйшіе мужи называли ея сочинителя польскимъ Цицерономъ. Здѣсь Смотрицкій, говоритъ Суша, разоблачилъ множество новыхъ ересей и довелъ схизматиковъ (православныхъ) до того, что они стыдятся своего «Антидота» и раскаявались въ его изданіи (**). Вообще всѣ сочиненія Смотрицкаго противъ православія возбуждали самый живой интересъ въ папистахъ, и доставили ему громкую извѣстность ученѣйшаго и образованнѣйшаго человѣка въ католическомъ мірѣ. Кардиналъ

(*) Во свидѣтельство своей чистоты и несправедливости православныхъ, Смотрицкій ссылается здѣсь на чудо, бывшее будто бы въ 1629 г. въ кievской кафедральной церкви во время провознесенія анагемы на уніатовъ: когда дѣло дошло до Смотрицкаго и онъ назвавъ былъ *Аменомъ, гонителемъ народа, отступникомъ отъ вѣры*, какой-то мальчикъ закричалъ въ церкви: «стой, говоришь неправду, лжешь!» Безъ сомнѣнія мальчикъ, принадлежавшій, какъ оказалось, Борецкому, наученъ былъ уніатами, если только справедливо извѣстіе объ этомъ.

(**) Суша прибавляетъ, будто «Могила, чтобы смыть позоръ съ православнаго народа отъ изданія «Антидота», публично сжегъ это сочиненіе: хотѣли заставить исполнить это самого сочинителя, какого-то Гизеля, воспитанника саксонской академіи, зараженнаго соцініанскими мнѣніями, но онъ бѣжалъ и потомъ жилъ внѣ Россіи, уже не держась никакой вѣры.—Это—одно изъ тѣхъ ложныхъ показаній, на которыя не скупились іезуиты. Въ «Антидотѣ» нѣтъ и слѣда соцініанскихъ мнѣній, а писатель его—извѣстный ревнитель православія Мужилловскій.

Францискъ Барберини внесъ ихъ въ свою бібліотеку. Для самаго папы Урбана VIII Смотрицкій долженъ былъ переводить свои сочиненія на латинскій языкъ. Литературные труды Смотрицкаго въ пользу уніи были благосклонно приняты его святѣйшествомъ и вмѣстѣ съ оригинальными рукописями положены въ апостольской бібліотекѣ отборныхъ сочиненій, въ крѣпости св. Ангела.

До 1632 года православные не представили дѣльнаго подробнаго опроверженія мыслей Смотрицкаго: въ этомъ году явилось замѣчательное сочиненіе Геласія Дялица «Antapologia». Оно направлено главнымъ образомъ противъ «Апологіи», какъ основнаго догматическаго сочиненія Смотрицкаго; но касается и другихъ его сочиненій, преимущественно въ мѣстахъ догматическаго содержанія. Опровергая Смотрицкаго, авторъ показываетъ его противорѣчіе самому себѣ, Свящ. Писанію и писаніямъ св. отцевъ. Съ этой цѣлю мѣста изъ «Апологіи» онъ сноситъ съ выдержками изъ другихъ его уніятскихъ сочиненій, сводитъ мѣста библейскія и отеческія, и опровергаетъ мысль за мыслию, слово за словомъ. Все сочиненіе составлено очень дѣльно, сочинитель полемичуетъ безъ брани, разсуждаетъ спокойно и основательно.

Дѣло Смотрицкаго было дѣломъ всѣхъ уніатовъ, и они рѣшились противопоставить кievскому собору свой соборъ. По просьбѣ папистовъ король назначилъ соборъ въ Львовѣ. Но предварительно обѣ стороны имѣли свои частныя совѣщанія, православные—въ Кіевѣ (29 іюня 1629 года) подъ предсѣдательствомъ Борецкаго, въ присутствіи королевскаго посла Адама Киселя, а уніаты—во Владимірѣ волынскомъ. Цѣль этихъ совѣщаній—соглашеніе на счетъ уступокъ, какія требовались съ той и другой стороны. Самый соборъ происхо-

дигъ въ Львовѣ въ октябрѣ 1629 года. Со стороны уніатовъ сюда прибыло до ста человекъ. Кромѣ Смотрицкаго на соборѣ были митрополитъ Рутскій, архіепископы: Антоній Селява полоцкій, Левъ Креуза смоленскій, епископы: Іоакимъ Мороховскій владимірскій, Іеремія Почаковскій лудскій, Аванасій Крупецкій перемышльскій, Рафаилъ Кореакъ пинскій, — лучшіе изъ Базылянъ и первые изъ клира. Представителемъ отъ короля былъ Александръ Острожскій, въ качествѣ блюстителя порядка; но онъ умеръ скоро по пріѣздѣ на соборъ. Со стороны православныхъ явились на соборъ только простые виленскіе монахи и нѣкоторые изъ виленскаго братства. Рутскій нѣсколько разъ приглашалъ на соборъ львовскаго православнаго епископа, но не имѣлъ успѣха. Причина отказа православныхъ неизвѣстна, но о ней можно догадываться. Соборъ былъ назначенъ не отъ Рѣчи Посполитой, а королевѣ. Православные хорошо знали этого человека, могли угадывать, чѣмъ кончится дѣло, и предчувствовать, какъ поступать съ ними. Ясно, что они считали свое присутствіе на соборѣ бесполезнымъ и небезопаснымъ. Если бы соборъ былъ назначенъ отъ Рѣчи Посполитой, тогда православные могли бы протестовать противъ его опредѣленій, еслибы не захотѣли согласиться съ ними, а здѣсь протестъ былъ невозможенъ. Съ другой стороны не видѣлось другаго исхода, кромѣ торжества уніатовъ при помощи королевской власти. Въ тотъ самый день, когда соборъ долженъ былъ открыться, Рутскій съ епископами и духовенствомъ совершилъ торжественно литургію, при многочисленномъ стеченіи дворянъ и простаго народа. Знаменитый іезуитъ Матеей Бежбъ произнесъ проповѣдь, въ которой убѣждалъ русскихъ припять унію. Но такъ какъ православные не явились, то Рутскій распустилъ соборъ и протестовалъ

противъ нихъ за отсутствіе. Львовскій соборъ, даже по словамъ Суши, ничего не сдѣлалъ и не достигъ своей цѣли (*).

Послѣ львовскаго собора Смотрицкій возвратился въ дерманскій монастырь и провелъ тамъ остатокъ своей жизни. Этотъ монастырь находился на Волыни и отсюду окруженъ былъ лѣсами и горами; въ цѣлой Волыни не было другаго мѣста, которое было бы такъ хорошо по климату и изобилію фруктовыхъ деревьевъ и виноградниковъ. Остальная жизнь Смотрицкаго не имѣла уже общественнаго характера: это была уединенная жизнь монаха, настоятеля монастыря, не принимавшаго личнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ (**).

(*) Стебельскій говоритъ, что на этомъ соборѣ происходили публичныя и частныя засѣданія. Во время этихъ засѣданій Рутскій старался присоединить западно-русскую шляхту къ униі; онъ будто показывалъ имъ письмо патріарха Кирилла Лукариса, наполненное кальвинскими заблужденіями. Многие изъ не унианской шляхты будто бы повѣрили этому, приняли унию, а другіе обѣщались принять, если только патріархъ не проклянетъ тѣхъ заблужденій, какія ему приписывали, и съ этою цѣлю скоро отправили къ нему письмо. Разсказъ Стебельскаго представляетъ явныя несообразности. Засѣданія публичныя и частныя — невѣроятны, если православнаго духовенства не были на соборѣ, а шляхта не могла быть на соборѣ безъ духовенства. Слишкомъ подозрительно и то, что Суша, останавливаясь на дѣйствіяхъ Смотрицкаго въ Гродкѣ, вдругъ умалчиваетъ о дѣйствіяхъ цѣлаго униатскаго собора. Самое письмо Кирилла сомнительно; болѣе извѣстно подъ его именемъ письмо, наполненное латинскими мыслями; но мы нигдѣ не встрѣчали немца на письмѣ Кирилла, написанное въ духѣ кальвинскомъ. Смотрицкій и Суша не преминули бы упомянуть о немъ.

(**) Стебельскій пишетъ, что Смотрицкій послѣ львовскаго собора по совѣту Рутскаго и другихъ униатскихъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, отправился въ Римъ засвидѣтельствовать предъ папою Урбаномъ VIII свое послушаніе и свою вѣру. Это было въ февралѣ 1629 г. Папа принялъ его въ число униатовъ, разрѣшилъ ему издавать сочиненія, снялъ съ него вину и клятву, которой онъ подвергся, посоветовавши православнымъ убить Кунцевича, и позволилъ ему называться іеропольскимъ

Дѣятельный Смотрицкій оставилъ однакожь и въ Дерманѣ слѣды своей дѣятельности. Онъ обогатилъ монастырскую бібліотеку кодексами священныхъ книгъ, сочиненіями толкователей, правилами соборовъ, твореніями свят. отцевъ греческихъ и латинскихъ, свитками церковной исторіи. Безъ сомнѣнія, въ дерманскую бібліотеку вошло немало сочиненій, которыя взяты были Смотрицкимъ изъ виленскаго свято-духовскаго монастыря. Геласій Диплицъ въ «Антаплогіи» жаловался, что не досчитался въ виленской бібліотекѣ многихъ сочиненій, которыя были на рукахъ Смотрицкаго, когда онъ былъ еще православный, и говорилъ, что на него братство подало по этому случаю жалобу въ г. Луцкъ. Смотрицкій обращалъ вниманіе и на церковное благоустройство. Церковныя иконы, священныя сосуды для алтаря, священническія одежды онъ сдѣлалъ вновь великолѣпнѣе прежняго. Самый видъ монастыря при немъ переизмѣнился: вмѣсто деревянныхъ строеній, имъ возведены были каменныя.

Монастырская жизнь Смотрицкаго отличалась строгимъ подвижничествомъ. Онъ одѣвался просто, всегда носилъ на

епископомъ; возвратившись изъ Рима Смотрицкій въ Дерманѣ продолжалъ писать противъ православныхъ. Грубыя ошибки Стебельскаго сами собою бросаются въ глаза, Смотрицкій совѣтуется съ Рутскимъ въ октябрѣ 1629 г., а въ февралѣ того же года исполняетъ его совѣтъ. Папа прощаетъ ему вины, которыя уже давно были прощены, когда Смотрицкій предъ Рутскимъ принялъ унію, — признаетъ его уніатомъ, тогда какъ дворъ римскій уже прежде радовался его обращенію, — позволяетъ ему писать въ защиту уніи, къ чему давно паписты поощряли его, а пропаганда, послѣ собора 1628 г., письмомъ увѣщевала его быть ревностнымъ католикомъ (латиняниномъ); вслѣдствіе этого позволенія Смотрицкій, по Стебельскому, сталъ писать въ Дерманѣ противъ православныхъ, тогда какъ отъ этой поры не осталось никакихъ его сочиненій; всѣ сочиненія, несомнѣнно принадлежащія Смотрицкому, вообще обнимаютъ періодъ отъ изданія «Плача» 1610 г. до «Росправы».

своею тѣлѣ власницу и только за три дня до смерти, уступая убѣжденіямъ окружавшихъ его лицъ, согласился замѣнить ее льняной одеждой. Постъ, бдѣніе, молитва, бичеванія, при неутомимыхъ трудахъ,—вотъ подвигъ Смотрицкаго. Онъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, а безостановочная горячая борьба, съ ея перепѣнами, могла окончательно разстроить его организмъ. Въ 1629 году, когда ему было 52 года, онъ уже называлъ себя сѣдымъ старикомъ, который одною ногою стоитъ въ могилѣ.

Въ 1633 г. въ августѣ онъ сталъ жаловаться на боль селезенки, но и тогда не измѣнилъ образа жизни. Для излеченія болѣзни онъ двѣ недѣли пробылъ въ Острогѣ, не поправился, и возвратился въ монастырь еще въ большемъ разстройствѣ. Ему совѣтовали употреблять мясо,—онъ отказался. Болѣзнь усиливалась. 8-го ноября Смотрицкій причастился св. Таинъ и съ этого времени началъ дѣлать послѣднія свои распоряженія. Извѣстія объ нихъ Суши могутъ имѣть для насъ свой интересъ. Управление дерманскихъ монастырей Мелетій на время поручалъ начальнику дубенскаго монастыря Кассіану Саковичу. Отца Исаію Радзевича, служившаго ему въ теченіе семи лѣтъ, онъ сдѣлалъ викаріемъ, и просилъ его не дѣлать пышныхъ похоронъ. А чтобы монастырь не перешелъ въ руки православныхъ, Смотрицкій письмомъ просилъ Анну Острожскую, супругу виленскаго воеводы Ходкѣвича, не допустить противной стороны овладѣть имъ. О томъ же онъ просилъ въ своею завѣщанія всѣхъ, бывшихъ при немъ. Но всѣ свои распоряженія онъ отдавалъ на волю Рутскаго, котораго письмомъ приглашалъ на свои похороны, чувствуя, что больше не увидится съ нимъ. Высказать свою послѣднюю волю на счетъ монастыря, Мелетій сдѣлалъ еще нѣсколько частныхъ распоряженій.

За двѣ недѣли до смерти, около 14 декабря, Смотрицкій былъ елеопомазанъ; онъ принялъ таинство стоя, самъ начиналъ священныя обряды, самъ отвѣчалъ на возгласы священниковъ и пѣлъ положенныя пѣсни; онъ лобызалъ руки помазывавшихъ его елеемъ и молча орошалъ ихъ струявшимися слезами. По совершеніи таинства, Смотрицкій преподавалъ монахамъ проникнутое любовію наставленіе въ вѣрѣ и подвижнической жизни, всѣхъ благословилъ и, удалившись во внутреннія комнаты, остальное время провелъ въ уединеніи. 27-го декабря Смотрицкій скончался (*).

Вѣсть о смерти Смотрицкаго разнеслась быстро. Просьба его, чтобы монастырь не перешелъ въ руки неунитовъ, встрѣтила горячее сочувствіе. Монастырь и всѣ его деревни

(*) Іезуиты не опустили случая обвинить въ смерти Смотрицкаго православныхъ. Суша, ссылаясь на Рутскаго, рассказываетъ, что какой-то польскій сенаторъ, проѣзжая черезъ городъ Мицзиржечъ, со слезами передавалъ тамошнимъ монахамъ извѣстіе, которое за вѣрное выдали ему православные, что Смотрицкій скоро долженъ умереть отъ яда, и что онъ просилъ Смотрицкаго позаботиться о себѣ, но онъ неосторожно допустилъ къ себѣ (лѣтомъ 1633 г.) какого-то человѣка, пришедшаго изъ Кіева, и поручалъ ему въ своихъ комнатахъ переписку сочиненій: этотъ человѣкъ скрылся во время поѣздки большаго Смотрицкаго въ Острогъ. Несообразности разсказа очевидны: православные умышляютъ на жизнь Смотрицкаго и открываютъ свой замыслъ противной сторонѣ! Мнительный Смотрицкій предупрежденъ о замыслѣ и безъ разбора принимаетъ невѣстныхъ людей in intima penetralia!.. Православные даютъ ядъ Смотрицкому, и онъ остается живъ почти полгода! Но лишь только умеръ Смотрицкій, іезуиты поспѣшили огласить его чудотворцемъ. Суша рассказываетъ, какъ спустя пять часовъ по смерти, окостенѣлая рука Смотрицкаго разгибалась, чтобы принять *Breve*, какъ потомъ никто не могъ разогнуть руки, окостенѣвшей сильнѣе прежняго, и только когда приблизился къ покойнику Рутскій митрополитъ, рука ожила и отдала ему *Breve*, и проч. Всѣ эти разсказы доказываютъ одно, что паписты пользовались всѣми случаями и всѣми средствами для оправданія и распространенія уніи.

были наполнены солдатами Острожскаго воеводы и Анны Ходкъвичъ.

Между тѣмъ Рутскій, получивъ отъ дерманскихъ монаховъ письмо о смерти Смотрицкаго, изъ родоваго своего имѣнія Руты, которое находилось въ Литвѣ, отправился на Воынь; 2 генваря 1634 г. онъ былъ уже въ Олицѣ у воеводы Адальберта Станислава Радзивилла, канцлера литовскаго, въ шести миляхъ отъ Дермана. 29 генваря совершено было погребеніе; священнодѣйствовалъ самъ митрополитъ съ соборомъ многочисленнаго духовенства. Альбертъ Корписцій, іезуитъ, ректоръ острожской коллегіи, почтилъ память Смотрицкаго надгробнымъ словомъ, въ которомъ восхвалялъ его жизнь и чудеса: послѣ оно было издано въ Вильно, съ какою цѣлію—понятно. Тѣло Смотрицкаго было погребено въ церкви дерманскаго монастыря.

Обозрѣвая дѣятельность Смотрицкаго по обращеніи въ унию, мы должны сказать, что имъ усилены были волненія и смуты въ западно-русской церкви: отношенія партій, вмѣсто предполагаемаго мира, получили еще болѣе враждебный характеръ. Наравнѣ съ папистами онъ внушалъ православнымъ, что униа нисколько не уничтожаетъ ихъ вѣры и цѣлости церкви, что они могутъ сохранить свою самостоятельность и основать у себя патриархію. Смотрицкій поставлялъ на видъ, что исключительно въ униа можетъ быть противопоставленъ вѣрный и твердый оплотъ противъ новаго, опаснаго явленія въ церковномъ мирѣ—противъ протестантства, преданія котораго были еще такъ свѣжи въ началѣ XVII вѣка. Униа,

казалось, одна заключала въ себѣ условія, при которыхъ возможно было церковное и гражданское благоустройство среди волненій, производимыхъ повсюду протестанствомъ. Подъ вліяніемъ страха, наведеннаго реформаторами XVI в., Смотрицкій для успѣховъ уніи пытался заподозрить и западно-русскую и греческую церковь въ увлеченіи реформаціею и тѣми новыми еретическими мнѣніями, которыми продолжила она путь. Сочиненія новыхъ русскихъ богослововъ онъ безъ разбора оглашалъ протестантскими. «Кто былъ Филадефъ? спрашиваетъ онъ въ своей «Апологіи:» кальвинистъ, который не зналъ нашей греческой вѣры, не зналъ русскаго языка, и тому, о чемъ писалъ, научился не отъ нашихъ церковныхъ учителей, но изъ инструкціи Кальвина. Кто былъ *Феофилъ Ортоловъ*? Послѣдователь Лютера, который въ академіяхъ лейпцигской, виртембергской, при гробѣ Лютера, провелъ молодой свой вѣкъ, прибылъ въ Лявву за коптѣвшими отъ лютеранскихъ жалобъ и, оплакивая Русь, разорилъ и ее тѣмъ же чадомъ. Кто былъ Зизаній? невѣжда—такой же, какъ дидаскалъ Клирикъ.» Обличая безпорядки западно-русской церкви, Смотрицкій старался оспорить и участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ; онъ посвятилъ этому цѣлый отдѣлъ въ «Апологіи.» Ему хотѣлось подорвать въ общемъ довѣріи религиозно—церковныя *братства*, которыя служили тогда лучшею опорю православія, а по предъявленіямъ Смотрицкаго губили церковь, издавая еретическія сочиненія. Затѣмъ Смотрицкій старался доказать, ссылаясь на свое путешествіе по востоку, что напрасны будутъ надежды русскихъ и на греческую церковь. Кириллъ патріархъ—кальвинистъ и окружаетъ себя людьми, подобными себѣ; между греками въ ходу катихизисъ Гергана, наполненный протестантскими мнѣніями. Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ

и дѣйствійхъ Смотрицкаго — много вопіющей несправедливости и недобросовѣстности. Это объясняется отчасти его убѣжденіемъ въ превосходствѣ уніи, а болѣе іезуитскимъ взглядомъ на позволительность всѣхъ средствъ для достиженія цѣли. При такомъ положеніи дѣлъ уніятская проповѣдь Смотрицкаго не могла не смущать русскихъ и имѣла много успѣховъ. Припомнимъ, какъ смотрѣли православные на Мелетія, какъ любили и уважали его за его благочестивую жизнь и труды на пользу церкви. И вотъ этотъ человѣкъ, много испытавшій и лично обозрѣвшій восточныя церкви, переходитъ на сторону уніатовъ, возстаетъ всею силою своихъ дарованій противъ текущаго порядка дѣлъ въ православной церкви русской. Самъ Смотрицкій рассчитывалъ на успѣхъ своихъ дѣйствій, и не разъ указывалъ православнымъ на свой собственный примѣръ. Паписты, прѣжде считавшіе его главнымъ защитникомъ православія, не напрасно льстили себя надеждою, что его примѣру послѣдуютъ многіе, Справедливо опасались этого человѣка и православные пастыри: не безъ причины такъ сурово поступилъ съ нимъ кіевскій соборъ 1628 г. «Что выйдесть, говорили ему послы собора, если противная сторона станетъ печатать твою «Апологию», и по городамъ, особенно въ Вильно, станетъ показывать эту книжку, въ которой ты, нашъ архіепископъ и виленскій архимандритъ, одобряешь унію?» Чувствуя живо эту опасность, они заставили Смотрицкаго принять тяжкія условія. Въ западно-русскомъ обществѣ многое благопріятствовало успѣхамъ Смотрицкаго. Простой народъ дѣйствительно мало имѣлъ свѣденій о предметахъ вѣры: у него отнимали священниковъ, запечатывали храмы, стѣсняли его религиозное образованіе. Между тѣмъ, въ большинствѣ образованнаго

общества былъ распространень уніатскій взглядъ на разности между восточной и западной церквами. Всѣ эти обстоятельства, взятая въ связи съ вѣшнимъ положеніемъ православныхъ, до крайности бѣдственнымъ, способствовали успѣхамъ Смотрицкаго. Люди, для которыхъ дороги были личные расчеты, люди слабые въ вѣрѣ легко переходили на сторону уніатовъ. Замѣчательно, что простой народъ больше оставался вѣренъ отеческимъ преданіямъ. Вездѣ, въ дворянствѣ, въ духовенствѣ умѣлъ Смотрицкій подвѣтити и образовать доброжелателей уніи: не такъ легко поддавался уніатскимъ обольщеніямъ простой народъ, — этотъ людъ, о которомъ съ пренебреженіемъ отзывался Смотрицкій, что онъ не знаетъ ни «Отче нашъ,» ни «Вѣрую,» ни «десяти Заповѣдей,» и живетъ по-скотски. «Между православными, духовными и свѣтскими, писалъ Смотрицкій противъ «Антидота» Мужиловскаго, есть не мало такихъ, которые благосклонно смотрятъ на унію.... они видятъ упадокъ русскаго народа, болятъ душою и сердцемъ, но ничѣмъ не могутъ остановить этаго несчастія и, хотя сами въ схизмѣ, но заговорите объ уніи,—они будутъ отзываться одобрительно. Только простой народъ упоренъ и взялъ верхъ; попы теперь пляшутъ подъ дудку холоповъ.» Предубѣжденія и обвиненія, неоднократно и сильно высказанныя Смотрицкимъ, повторялись тысячами, распространялись по всей Литвѣ и юго-западной Руси, и всюду производили смущенія и волненія. Чтобы успокоить умы, православные епископы писали къ патріарху іерусалимскому Теофану, когда онъ былъ въ Молдавіи, и просили его рѣшить недоумѣнія на счетъ константинопольскаго патріарха. Теофанъ собралъ соборъ въ Яссахъ и отвѣчалъ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ защищалъ православіе Кирилла. Но умирить православную церковь суждено было митрополиту кiev-

скому *Петру Мочилу*, который своими распоряженіями и дѣйствіями, особенно изданіемъ *Православнаго Исповѣданія*, гдѣ православное вѣроученіе раскрыто было рѣшительно и одобрено обѣими церквами—греческою и русскою, положилъ конецъ уніятскимъ нареканіямъ.

К. ВЛЕНСКІЙ.

Вильно.

29 Апрѣля, 1861.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦІИ

(Періодическое обозрѣніе.)

Когда я писалъ вамъ послѣдній мой двухтысячный отчетъ, волненіе и возбужденіе религіозной партіи во Франціи достигли высшей степени; но съ того времени оно значительно спало и охладилось.

Въ умственномъ движеніи понятій, точно также какъ и въ матеріальномъ движеніи тѣлъ, дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ. Сопротивленіе мало-по-малу уменьшается при треніи о другое болѣе сильное сопротивленіе. Такимъ сопротивленіемъ оказался циркуляръ г. Делангла (Delangle), министра юстиціи. Г. Делангль строго подтверждаетъ всѣмъ судамъ имперіи наблюдать, чтобы въ точности исполнялся законъ, въ силу котораго всѣ духовныя лица, исправляющія пастырскія должности, отнюдь не виѣшивались бы въ политическія дѣла и правительственныя мѣры, и чтобы ослушниковъ подвергать законному иску. Циркуляръ обдалъ холодомъ все французское духовенство. Изъ членовъ его люди, по своему

фекъ (Ruffes) въ ангулѣмской епархіи, наприимѣръ, приходскій священникъ въ своей воскресной проповѣди безошадно осуждалъ императора. Всѣ ожидали ему бѣды. Но г. префектъ удогольствовался вызовомъ его въ префектуру и сильнымъ выговоромъ, не желая, прибавилъ онъ, сгубить молодого, неопытнаго челоуѣка. Впрочемъ должно сказать откровенно, что всѣ эти случаи были только незначительныя исключенія. Вообще правительство обошлось весьма умѣренно. Суды приговаривали какъ можно было полегче, чаще всего довольствуясь выговорами, и духовенство этими приимѣрами удостовѣрилось въ намѣреніи правительства не давать потачекъ, а при случаѣ поступить и по всей строгости законовъ,—увѣрилось и остановилось въ своихъ неистовыхъ нападеніяхъ.

Болѣе всѣхъ скомпрометировалъ себя въ этомъ клерикальномъ походѣ противъ правительства г. поатъскій епископъ. Правительство обошлось съ нимъ такъ кротко, что онъ впалъ было въ отчаяніе со стыда и досады. Противъ него лично, по приказанію императора были направлены орудія гражданскаго отчужденія. Всѣмъ властямъ гражданскимъ и военнымъ, судейскимъ и ученымъ, было строжайше запрещено имѣть какія-бы то ни было сношенія съ нимъ, кромѣ неизбѣжныхъ по службѣ. Притомъ іезуиты города Поатъ, которыхъ ученики пустились было въ заявленія своей ненависти къ императору, всѣ духовныя заведенія и училища, монастыри и общежительныя дома были отданы подъ строжайшій полицейскій надзоръ, изъ котораго не исключили и самаго архіерейскаго подворья. Можете представить бѣшенство и негодованіе всѣхъ этихъ духовныхъ особъ, видѣвшихъ открыто надъ собою полицейскій надзоръ. Увы! тѣ блаженныя времена, когда римско-католи-

ческое духовенство посредствомъ инвизитціи и ауто-да-фе держало въ ежовыхъ рукавицахъ цѣлыя народонаселенія, далеки отъ насъ. Теперь правительство подвергаетъ это духовенство гражданскому отлученію и анаемѣ, и по крайней мѣрѣ отлученные все же могутъ преспокойно спать съ сжатыми кулаками. За ними присматриваютъ, надзираютъ, дабы они не могли надѣлать вреда, и довольствуются одними надзорами. За то г. Пій при епархіальномъ своемъ объѣздѣ могъ порадоваться настоящей оваціею. Торжество было подлѣйшее, и ничего не доставало для самаго явнаго выраженія оппозиціи релігіозной партіи: триумфальныя ворота, поднятыя на ноги старушки, дѣти и бабы, дворяне всего департамента,—все это было выставлено на показъ. Однимъ словомъ, епископъ былъ принятъ и сопровождается какъ настоящій вождь, одержавшій самыя славныя побѣды надъ супостатами. Разумѣется, мужское народонаселеніе смотрѣло съ любопытствомъ и съ тою извѣтальною улыбкою на устахъ, которая сродна только галльскому поколѣнію. Все совершилось въ порядкѣ. Жандармы и полиція сопровождали шествіе, выжидая случая протокола; но случая такого не было. Протоколовъ противъ бабъ, дѣтей и отжившихъ, полумертвыхъ стариковъ не пишутъ; а дворянство вело себя весьма осторожно.

Въ силу циркуляра Делангла, департаментскія и уѣздныя власти всячески старались перещеголять другъ друга въ выраженіяхъ своей преданности къ высшему начальству; поэтому многія изъ нихъ включили въ обязанность жандарманамъ присутствовать у обѣдни и при всякомъ богослуженіи дѣйстви. Въ особенности слѣдили за однимъ изъ приходскихъ священниковъ въ какомъ-то селѣ. Его въ особенности уѣздныя власти обвиняли въ неистовой при-

верженности къ ультрамонтанству, и каждое воскресенье, какъ разъ напротивъ его каеэдры, усаживались двое, трое жандармовъ, съ жадностью и со вниманіемъ слѣдившихъ его самыя длинныя воскресныя поученія. Жандармы показывали въ этомъ случаѣ необычайный примѣръ въ выполненіи христіанскихъ обязанностей, по несчастью не имѣвшій никакого вліянія на прочихъ взрослыхъ прихожанъ. Какъ истинный французъ, то-есть какъ остроумный чело-вѣкъ, священникъ не упустилъ случая подтрунить надъ почтенными блюстителями порядка на большихъ дорогахъ, и въ приходскій праздникъ, въ присутствіи болѣе многочисленнаго собранія у обѣдни, онъ произнесъ слѣдующія слова въ самой срединѣ своей проповѣди. «Вы увѣряете, братія, что многочисленныя ваши занятія мѣшаютъ вамъ посѣщать прилежно храмъ Божій. Но посмотрите только на этихъ почтенныхъ и добрыхъ жандармовъ. Ихъ занятія гораздо важнѣе и многочисленнѣе вашихъ дневныхъ работъ: они обязаны блюсти за общественнымъ порядкомъ; разъѣзжать дозоромъ по всей нашей странѣ; ловить мошенниковъ, надзирать за нашею безопасностью, а не смотря на всѣ эти многочисленныя и многосложныя свои занятія, каждое воскресенье, именно въ тотъ день, когда болѣе всего у нихъ заботъ, хлопотъ и дѣлъ, они все же еще находятъ достаточное время на выполненіе христіанскихъ своихъ обязанностей: они первые являются къ обѣднѣ и послѣдніе выходятъ изъ церкви. Вы жалуетесь, что богослуженіе и поучительныя бесѣды слишкомъ долги. Но посмотрите только на этихъ почтенныхъ и добрыхъ жандармовъ. Сидятъ они прямо напротивъ меня, и слушаютъ мою бесѣду отъ начала до конца, не проронивъ ни одного словечка, и могутъ передать ее въ назиданіе всякому, кому угодно ихъ по-

слушать. Поистинѣ я тронуть до глубины сердца столь назидательнымъ и высокимъ примѣромъ; они не пропускаютъ ни за что на свѣтъ ни единой храмовой службы.» Почтенные и добрые жандармы, закраснѣвши по уши, выслушали поучительную бесѣду и остроумную выходку сельского іерея. Въ протоколъ нечего было вносить; но съ той поры «почтенные и добрые жандармы» ни ногою въ храмъ Божій.

Впрочемъ клерикальная партія хваталась за все, чѣмъ только могла надѣяться повредить правительству. Такъ она захватила въ руки сирійскій вопросъ, возбудившій по всей Франціи въ высшей степени вниманіе и сочувствіе общественнаго мнѣнія. Дѣло шло здѣсь не только о религіозномъ вопросѣ, но и о политическомъ вліяніи страны на восточный вопросъ. Клерикальная партія вѣстѣ съ легитимистскою, и на этотъ разъ еще съ орлеанскою, всячески старалась произвести по поводу этого вопроса разрывъ между Англіею и Франціею. Не должно упускать изъ виду, что по принятымъ окончательнымъ планамъ, клерикальная партія, набирая волонтеровъ на защиту гражданской папской власти, рассчитывала непремѣнно на всеобщее европейское столкновеніе и всеобщій европейскій союзъ противъ Франціи. Рассчитывали на успѣхи графа де-Монтемолепа (Montémolin) въ Испаніи; на упорную и продолжительную защиту Гаэты и восстановление Франциска II, на побѣды Австріи въ сѣверной Италиі, вслѣдствіе чего Австрія, Неаполь и Италія должны были единодушно возстать и составить ядро общеевропейскаго возстанія противу Наполеона III. Разрывъ съ Англіею такимъ образомъ долженъ былъ доставить лучшій и вѣрнѣйшій случай для составленія новой коалиціи. Дѣла въ Сиріи, слѣдовательно, по всѣмъ логическимъ расчетамъ враждебныхъ На-

полеону партій,—дѣла Сиріи, въ которыхъ Англія разыграла столь пристрастную роль, поддерживавъ турокъ въ ихъ подлой свалкѣ на Ливанѣ и въ Дамаскѣ, должныствовали непремѣнно вести Францію къ разрыву съ Англіею. Поэтому политическіе корифеи коалиціи рѣшительно настаивали на неопредѣленное занятіе Сиріи нашими войсками, не изъ-за христіанскаго сочувствія къ несчастнымъ сирійскимъ христіанамъ, а просто-за-просто къ надеждѣ повредить французскому правительству, во что бы ни стало и чѣмъ бы то ни было. Положеніе туйльерійскаго кабинета въ сущности было весьма затруднительное. Во всѣхъ корреспонденціяхъ мы читали увѣренія, что избіеніе христіанъ начнется снова, лишь только наши войска оставятъ берега Сиріи. Съ другой стороны Англія настаивала на выводѣ нашихъ войскъ, указывая, и весьма законно, на самыя выраженія заключеннаго въ прошломъ году договора, въ которомъ было обозначено время окончанія занятія Сиріи. Какъ же была озадачена вся клерикальная партія, когда самымъ ловкимъ поворотомъ въ политикѣ правительство объявило, что французскія войска покинутъ Бейрутъ и Ливанъ въ условленный въ договорѣ день, но что вмѣстѣ съ тѣмъ сильная морская дивизія останется на крейсировкѣ вдоль береговъ Сиріи, и что Франція, въ случаѣ новыхъ убійствъ и гоненій противъ христіанъ, оставляетъ за собою право вступить тогда за угнетаемыхъ, и послѣдуетъ внушеніямъ своего сочувствія и своихъ обязанностей. Такимъ образомъ временное, но удачное рѣшеніе запутаннаго и весьма щекотливаго вопроса, въ которомъ дѣйствительно Франція имѣла полное право жаловаться на ревнивыя подозрѣнія Англіи и на варварскія посягательства Турціи, совершенно сразило всѣ надежды ультрамонтанцевъ и леги-

тимистовъ, ожидавшихъ разрыва между обѣими западными державами. Французское оккупационное войско вышло изъ Бейрута; Англія высказала свое удовольствіе; а турки, какъ истинные варвары, не смѣя снова начать рѣзни, на которую они всегда готовы, когда дѣло идетъ объ избіеніи христіанъ, отправились торжественно на очищеніе мѣста, *оскверненнаго* лагеремъ французскихъ войскъ.

Къ довершенію побѣды правительства Наполеона III, доказавшаго, что оно готово безпощадно и жестоко карать клерикальную партію за ея выходки подъ религіозною личиною противъ существующаго порядка вещей, съ другой стороны ловкою своею политикою уничтожившаго всѣ ея расчеты возбудить Англію противъ Франціи и тѣмъ завлечь всю Европу противъ него, — должно еще прибавить, какъ окончательный признакъ торжества надъ ультрамонтанцами, официальное признаніе Итальянскаго королевства.

Мы не разъ замѣчали, что современное политическое движеніе во Франціи во мнѣніи ультрамонтанцевъ тѣсно связано съ современнымъ религіознымъ ея состояніемъ. Какъ ни ошибочны и ни пристрастны сужденія клерикальной партіи и главныхъ ея вождей, они однако увѣрены, что верховная власть боится ультрамонтанцевъ, что они могутъ посчитаться во вліяніи и въ силѣ съ Наполеономъ III, и вообще съ его правительствомъ и со всею Франціею. Въ этомъ-то мнѣніи и находится весь узелъ настоящаго религіознаго вопроса. Большинство епископовъ воспитались въ настоящемъ обожаніи средневѣковыхъ временъ, когда духовенство, составляя дѣйствительно одно изъ первыхъ государственныхъ сословій, имѣло великое и прямое вліяніе на всѣ государственныя, политическія и общественныя дѣла. Это вліяніе до того было велико, что въ наше

время ультрамонтанцы, нисколько не сомнѣваясь въ справедливости своихъ понятій, прямо говорятъ, что Францію создали и образовали епископы. Нынѣшніе духовные сановники, не понимая новыхъ понятій и направленія умовъ, питаютъ себя грезами, что они дѣйствительно то же самое, что были нѣкогда ихъ предшественники въ средніе вѣка. Подъ вліяніемъ такихъ грезъ они увѣряютъ самихъ себя въ своей силѣ и въ своемъ вліяніи, обольщаясь еще обѣщаніями Наполеона III до конца поддержать гражданскую власть папы. Эти обѣщанія ультрамонтанцы считаютъ настоящимъ векселемъ, который долженъ быть очищенъ и выплоченъ сполна, во что бы ни стало, императоромъ французомъ. Поэтому они все еще настоятельно повинѣ требуютъ буквального возстановленія гражданской власти папы надъ отпадшими областями, передавшимися въ руки Викторь-Эммануила. Этою политическою мечтою болѣе всего потѣшала себя клерикальная партія, явно и на весь свѣтъ провозглашая, что у нея только одинъ государь: Пій IX.

Последнія рѣчи правительственныхъ ораторовъ въ сенатѣ и законодательномъ собраніи ясно доказали, что дѣйствительно при открытіи итальянской компаніи у императора было въ мысляхъ устроить итальянскій союзъ, въ который, по тогдашнему положенію дѣлъ, разумѣется прямо и непосредственно, и притомъ предсѣдательственно, входила и Церковная Область. Но эти мысли и желанія не были еще обязательствомъ и положительнымъ обѣщаніемъ привести въ исполненіе планъ итальянскаго союза, тѣмъ болѣе, что обстоятельства измѣнились, что самая Италия безъ исключенія выговорила иначе свои желанія и понятія, обратившись прямо къ составленію единой Италіи подъ управленіемъ единого, *условнаго* скипетра.

реворота 1789 года, послѣ уничтоженія старинныхъ учреждений, въ которыхъ духовенство считалось однимъ изъ главнѣйшихъ сословій, трудно было ожидать удача для клерикальной партіи, хотѣвшей повелѣвать и управлять правительствомъ, имѣющимъ всю силу государственную сосредоточенною въ однѣхъ рукахъ. Вслѣдствіе несвоевременной замашки, прямо и ясно оглашенной въ журналистикѣ клерикальной партіи, правительство рѣшилось упорно противиться ея требованіямъ. Трудно было ошибиться, на какой сторонѣ будетъ побѣда: ибо не возможно было ожидать паденія того человѣка, который такъ искусно и ловко умѣлъ выставить въ себѣ охранителя, защитника и представителя всѣхъ жизненныхъ силъ новѣйше-образовавшагося общества. Что побѣждаетъ правительство, это ясно выразилось въ признаніи имъ во имя Франціи существованія Итальянскаго королевства. Нѣкоторыя ограниченія, внесенныя въ протоколъ признанія, суть не что иное, какъ дань уваженія къ формальностямъ и въ сущности относятся только къ духовной власти папства, которую все же съ необычайнымъ политическимъ искусствомъ Наполеонъ III успѣлъ подчинить своей всесильной опекѣ, тогда какъ духовенство все еще воображаетъ себѣ, что власть духовная остается всемогущею и не имѣющею никакой нужды въ покровительствѣ.

Итакъ униженіе клерикальной партіи очевидно. Волненіе, которое она хотѣла возбудить, всколыхало только ея собственную поверхность. Народная масса, большинство, съ равнодушіемъ взирала на столкновение, она даже поддерживала своимъ одобреніемъ всѣ дѣйствія правительства, направленные на усмиреніе клерикаловъ. Окончательно ультрамонтанская и легитимистская журналистика въ настоящее время ограничена неловкою ролью записывать въ своихъ

столбцахъ несомнѣнное удостовѣреніе своего пораженія и безсилія.

Все сказанное мною подтверждается положеніемъ всѣхъ религіозныхъ нашихъ журналовъ—парижскихъ и 93 департаментскихъ; всѣ они явно обезсилѣли, а это несомнѣнный признакъ пораженія.

Monde писалъ 26 іюня: «Siècle воображаетъ, что ограниченія, которыя находятся въ признаніи Италіанскаго королевства, возбуждаютъ радость въ реакціонерахъ. Siècle долженъ бы оказать честь своимъ противникамъ, что они не безъ головы. Изъятія и условія Виллафранки и Цюриха не оставили ничего; и поэтому мы нисколько не ожидаемъ, чтобъ и теперешнія изъятія и условія помѣшали чему нибудь.» Разумѣется, въ этомъ пассажѣ много остроумія; но въ немъ также простодушное сознаніе въ безсиліи. Безсиліе это становится еще осязательнѣе, когда припомнимъ, что въ той же самой статьѣ Monde прежде всего рассказываетъ торжественное принятіе адреса римскихъ жителей, и прибавляетъ къ тому сполна рѣчь Викторъ-Эммануила къ выборнымъ. Въ этой рѣчи въ сущности мы находимъ самое явное выраженіе тайной, задушевной, давнишней мысли короля пьемонтскаго, который объявляетъ, что онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ только и мечталъ и думалъ о созданіи единой, цѣльной и нераздѣльной Италіи, и что, по его понятіямъ, только одинъ Римъ могъ стать столицею и средоточіемъ новой державы. Ультрамонтанскій журналъ писалъ еще: «Мы почти одного мнѣнія съ Presse: мы также убѣждены въ логической послѣдовательности событій; но мы обязаны сдѣлать здѣсь изъятіе и условіе въ пользу человѣческой личной свободы и Промысла, и мы все же будемъ утверждать, что Богъ всегда можетъ остановиться въ Своихъ путяхъ, когда Ему угодно.»

Да къ тому же, мы сознаемся, вспять идти становится все труднѣе и труднѣе: исторія доказываетъ это слишкомъ ясно. • Неужели эти глубоко-грустные слова не суть выраженіе глубочайшаго безсилія, не суть какъ бы послѣдній вздохъ побѣжденнаго?

Къ тому же, съ другой стороны, общее мнѣніе возстаетъ съ большимъ усиленіемъ и съ большимъ, чѣмъ когда-либо ожесточеніемъ, противъ возстановленія монархической власти папы и возвращенія подъ его гражданское вѣдомство всѣхъ отпавшихъ отъ него областей. Всѣмъ страшно начинаетъ надѣяться продленіе существованія самаго призрака первосвященническаго правительства. «Мы, говоритъ *Siècle*, мы также хотимъ независимости папства, какъ духовной власти. Мы сильно желаемъ, чтобы между королею Италіи и папою воспослѣдовала честная и почетная сдѣлка. Пусть глава католичества имѣетъ свое мѣстопробываніе въ Ватиканѣ; пусть, находясь при немъ полномочные всѣхъ державъ; пусть, ему назначать содержаніе, за которое мы никогда и не думали торговаться; пусть, исключительно занятый спасеніемъ душъ, онъ будетъ окруженъ почестями и почетомъ всего христіанства; вотъ чего мы всегда доискивались, требовали, и понынѣ еще просимъ.» Въ этихъ выраженіяхъ, исполненныхъ несомнѣнной умѣренности, можно прочесть мнѣніе многихъ, хотя не большинства, французовъ. Послѣдняя борьба принесла ту пользу, что вопросъ былъ вполне разобранъ и рассмотрѣнъ со всѣхъ его сторонъ, такъ что при послѣднемъ его рѣшеніи, общее мнѣніе едва ли станетъ за гражданскую власть папы, и такое рѣшеніе врядъ ли не исполнится, по крайней мѣрѣ во Франціи, Италіи и Англии.

Преждевременная кончина г. де-Кавура, произведшая во

всей Европѣ несомнѣнное сожалѣніе, а въ Италіи всеобщую народную печаль, показалась для людей религіозной партіи какъ бы несомнѣннымъ признакомъ перемѣны въ теченіи дѣлъ, даже счастливою для ихъ партіи случайностью. Отъ этой кончины ожидали упадка духа въ либеральной итальянской партіи и несомнѣннаго торжества враговъ единства и независимости Италіи. Одинъ изъ католическихъ выборныхъ Ирландіи въ нижней палатѣ великобританскаго парламента осмѣлился высказать радость ультрамонтанцевъ въ слѣдующихъ словахъ: «*Вижу персть Божія въ смерти графа де-Кавура.*» Между ультрамонтанцами всего католическаго міра надѣялись, что не найдется ни одного умнаго, смѣтливаго и толковаго мужа въ Италіи, которому удалось бы удачно покончить необыкновенное предпріятіе знаменитаго дипломата. Вотъ почему клерикальная партія не съумѣла скрыть своей злобной радости. Только одинъ журналъ, и именно *L'ami de la Religion*, не присоединился къ восторженнымъ воплямъ торжества прочихъ клерикальныхъ журналовъ. *Journal des Debats* отъ 11 числа іюня мѣсяца помѣстилъ слѣдующія по этому поводу размышленія: «За исключеніемъ *L'ami de la Religion*, который такъ прилично и разумно отдалъ должную честь г. де-Кавуру, всѣ прочіе журналы, враждебные итальянскому единству и независимости, воспользовались случаемъ кончины великаго человѣка, чтобы наругаться и насмѣяться надъ его хладнымъ и безжизненнымъ прахомъ. Въ этомъ печальномъ событіи они увидѣли руку Провидѣнія на пользу ихъ жалкихъ вѣрованій. Съ такими увѣреніями и подтвержденіями спорить нѣтъ возможности; но иногда бываетъ къ мѣсту и кстати указать на ихъ смѣшную и пошлую сторону.»

Въ видахъ безпристрастія мы выпишемъ нѣсколько строкъ

изъ статьи, хотя и клерикальнаго журнала, но умно и съ тонкимъ чувствомъ приличія высказавшаго свое слово по поводу кончины графа де-Кавура: «Мы не можемъ понять мыслей и чувствъ, которыми руководились писатели въ своихъ неистовыхъ крикахъ передъ смертнымъ одромъ, на которомъ лежитъ бездыханный трупъ нашего противника. И все это во имя религіи они шумятъ и кричатъ: «трепещите смертные, правосудіе Божіе свершилось здѣсь». Еще менѣе намъ понятны ихъ отрицанія таланта, великихъ качествъ ума и сердца въ людяхъ, которые ошиблись въ своемъ назначеніи и предалися на службу неправеднаго влеченія. Все это противно духу церкви, и подаетъ только поводъ незнающимъ ея ругаться надъ нею, и клеветать на нее, и проклинать ее. Все это уязвляетъ челоувѣческую совѣсть и порядокъ нравственнаго закона.» Такое ученіе достойно уваженія. Но просимъ мы въ свою очередь г. аббата Ламазу (Lamajou), начертавшаго эти строки,—неужели ошибаются въ своемъ назначеніи и служатъ неправедному влеченію тѣ люди, которые возстаютъ за народную независимость своего отечества, за его единство,—неужели не въ духѣ церкви и не въ порядкѣ нравственнаго закона возстановить, укрѣпить свою отчизну, свою святую страну, доселѣ считавшуюся только какииъ-то географическимъ терминномъ?

Не знаю, упоминать ли мнѣ о странномъ, случайномъ разсказѣ, которымъ наполнились религіозные журналы, писавшіе, будто бы г. де-Кавуръ умеръ, подписавъ опроверженіе и отрицаніе всего имъ совершеннаго, и исповѣдывавшись и причастившись послѣ своего политическаго покаянія и возвращенія въ нѣдра церкви; и за это будто бы самъ папа благоволилъ лично отслужить заупокойную обѣдню по отлученномъ дипломатѣ. Все это оказалось самою постыдною

ложью. Изъ письма маркиза де-Кавура, брата покойника, вся Италия, вся Франція узнали истину всего этого плачевнаго событія. Изъ этого письма мы узнаемъ, что графъ де-Кавуръ въ послѣднюю свою болѣзнь находился постоянно въ бреду, и что успѣли совершить надъ нимъ единственно елеопомазаніе. Такъ религіозные наши журналы, которымъ и безъ того мало вѣрили, сами себя нанесли страшный ударъ.

Довольно серьезное дѣло франмасонства также нашлось въ тѣсной связи съ религіознымъ вопросомъ. По нынѣшнимъ своимъ уставамъ, по крайней мѣрѣ во Франціи, это общество не имѣетъ никакого политическаго значенія. Оно теперь ни болѣе, ни менѣе, какъ чисто благотворительный союзъ; но большинство его членовъ, набранныхъ во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ слояхъ общества и народа, принадлежитъ вообще къ различнымъ либеральнымъ партіямъ, и имѣетъ непосредственное и великое вліяніе во всей Франціи, и весь союзъ преданъ и нравственно содѣйствуетъ независимости и единству Италіи. Между тѣмъ принцъ Мюра, бывшій главный магистръ масонскаго ордена, въ извѣстномъ голосованіи сената по поводу гражданской власти папы, явно высказался за ея поддержаніе. Такое выраженіе мнѣнія, совершенно противнаго мнѣнію союза, возбудило всеобщее негодованіе въ его членахъ. Негодованіе это вполнѣ выказалось и выразилось при съѣздѣ всѣхъ почетныхъ различныхъ ложъ, собравшихся для новаго выбора великаго магистра. Принцъ Мюра вздумалъ обойтись съ старцами самовольно; онъ запретилъ собранія и совѣщанія законодательнаго собранія масоновъ, которые провозгласили революціоннымъ образомъ принца Наполеона своимъ великимъ магистромъ и ссадили принца Мюра. Правительство не утвердило этого выбора и отложило до октября по-

вый выборъ. Это обстоятельство обратило вниманіе всѣхъ европейскихъ державъ на ложи, находящіяся въ предѣлахъ каждаго государства. Изъ изслѣдованій теперъ стало извѣстно, что, хотя масонскія ложи въ сущности и не занимаютъ политикою, и ихъ собранія имѣютъ лишь однѣ благотворительныя штры для вспомошествованія своимъ бѣднѣйшимъ членамъ, однако не менѣе того ихъ организація такъ сильна, что ложи имѣютъ непосредственное вліяніе на общее мнѣніе. Поэтому въ этихъ державахъ, какъ и во Франціи, рѣшено ставить во главѣ масонскихъ ложъ однихъ лишь приверженныхъ правительству людей. Замѣчу, что клерикальная партія посредствомъ императрицы имѣла большое вліяніе на отдаленіе отъ великаго магистерства принца Наполеона, отъявленнаго врата папства и ультрамонтанизма, тогда какъ принцъ Мюра рѣшительный и отъявленный приверженецъ иезуитовъ.

Клерикалы впрочемъ все еще дѣйствуютъ, желая отразить нанесенный имъ ударъ Делангловымъ циркуляромъ. Они побудили десятокъ обывателей города Кагоръ подать прошеніе въ сенатъ съ просьбою отиженія распоряженій, находящихся въ сводѣ законовъ, въ силу которыхъ духовныя лица повергаются строгому иску за оужденія дѣйствій правительства или мѣстнаго начальства. Комиссія прошеній сената предлагала прямо перейти къ другимъ дѣламъ, оставивъ кагорское прошеніе безъ вниманія. Кардиналь Матье истребовалъ право слова, и, получивъ его, началъ говорить не за кагорское прошеніе, просившее невозможнаго, однако противъ дѣйствій правительства, каравшаго безпощадно многихъ провинившихся духовныхъ лицъ, слишкомъ явно и не укротимо нападавшихъ даже на самыя личности императора и иныхъ правительственныхъ особъ. Засѣданіе, въ кото-

ромъ произошли пренія по этому поводу, принадлежить къ числу любопытѣйшихъ; на немъ было раскрыто много до-толѣ бывшихъ неизвѣстными случаевъ и происшествій. Вся жалоба кардинала Матье заключалась въ обвиненіи правительства, помимо епархіальныхъ епископовъ повелѣвшаго гг. префектамъ департаментовъ келейнымъ образомъ дѣлать выговоры и нотации тѣмъ изъ священниковъ, которые въ своихъ поученіяхъ и бесѣдахъ прямо вдавались въ политику и порицали дѣйствія какъ самого императора, такъ и его повѣренныхъ и приближенныхъ сановниковъ. Такое самоуправство со стороны правительства г. кардиналъ назвалъ: *Veniat ad audiendum verbum*. Этого мало, заключилъ онъ, гг. префекты, также помимо епископовъ, штрафуютъ священниковъ вычетомъ изъ жалованья. Чистѣйшее посягательство на священное право собственности! Г. Барошъ, предсѣдатель государственнаго совѣта, и г. Руланъ (Rouland), министръ богослуженій, отвѣчали кардиналу Матье. Г. Барошъ показалъ, что выходки со стороны духовныхъ лицъ были до того многочисленны, что государственный совѣтъ нашелъ необходимымъ повелѣть г. министру юстиціи пустить циркуляръ, о которомъ шла рѣчь, т. е. циркуляръ Делангла. Тѣмъ надѣялись хоть сколько-нибудь пріостановить необузданность духовенства. Г. Руланъ съ своей стороны въ весьма дѣльной и умѣренной рѣчи объяснилъ сенату, что правительство, желая избавить виновныхъ отъ гласности и соблазна (а число виновныхъ было такъ велико, что могло повести къ неизбѣжному возстанію общаго мнѣнія противъ всего духовенства вообще), правительство, снесшись съ министромъ, хотѣло попытаться успокоить все это волненіе келейнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что судейскій искъ и приговоры весьма тяжки. Въ слѣдующемъ мѣстѣ его рѣчи ярко об-

рисовано положеніе духовенства въ отношеніи къ властямъ, и потому это мѣсто стоить особенной отиѣтки. Въ этомъ пассажѣ можно будетъ вполне удостовѣриться въ осторожности правительства и въ желаніи его какъ можно потише и келейнымъ образомъ покончить всѣ эти распри, всю брань и негодованіе, вселяемое въ духовенство ультрамонтанскою партіею подъ религіозною личиною защиты гражданской власти папы, отъ которой зависитъ и его духовная власть.

«Министерство богослуженій, говоритъ Руланъ, относится съ полною довѣренностью къ епископству, которое бы должно предупреждать вины и проступки епархіальнаго духовенства. Мы всегда помнили свою обязанность въ отношеніи къ іерархіи и никогда не нарушали ее, и отъ насъ далека недѣльная мысль ослабить узы благочинія и отнять у епископовъ ихъ епархіальную власть, признанную притомъ вполне нашимъ конкордатомъ. Но весьма часто случается, какъ замѣтилъ это г. предсѣдатель государственнаго совѣта, что вліяніе и власть епископа остаются безъ всякаго дѣйствія передъ увлеченіемъ извѣстной партіи, располагающей участію большинства приходскихъ священниковъ. Случается, что, не смотря на наши увѣщанія, на наши совѣты, на наше посредство съ цѣлью смягчить ожесточенныхъ, они все-таки предаются порывамъ своей пристрастной ненависти, и пускаются въ жестокую брань противъ высшей власти, нарушая тѣмъ тѣсный союзъ вѣры и государства. Что же намъ остается дѣлать? Всякій разъ, какъ духовное лицо совершаетъ дѣло, которое мы можемъ назвать преступленіемъ или нарушеніемъ закона (и я прошу сенатъ хорошо вникнуть въ этотъ вопросъ), мы имѣемъ полное право прибѣгнуть къ преслѣдованію законами посредствомъ судовъ. Но чтобы и тутъ не говорили противъ

правительства, которое известные люди съ намѣреніемъ стараются пятнать, мы дѣйствуемъ подѣ вліяніемъ чувства, какъ необходимо щадить священный характеръ духовнаго, и поэтому мы чаще всего прибѣгали къ келейнымъ объясненіямъ, указывая на законы и на тяжкія времена, черезъ которыя мы теперь проходимъ. Такимъ образомъ мы достигаемъ двойной цѣли: доказываемъ себѣ ю готовность быть снисходительными, ибо избѣгаемъ гласности и скандала, и потому мы увѣрены, что нашъ надзоръ становится известнымъ и тѣмъ помогаетъ намъ обуздывать страсти людей, принадлежащихъ известной всѣмъ здѣсь партіи. Вотъ причины, побудившія меня прямо и безъ отлагательства, и безъ всякой мнительности обратиться къ господамъ префектамъ, которыхъ я просилъ давать строгіе выговоры провинившимся, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавлять ихъ отъ строгаго наказанія по законамъ. Неужели, гг. сенаторы, дѣло это незаконное, и неужели не естественная вещь предоставлять гг. префектамъ, въ исключительныхъ обстоятельствахъ, право и обязанность келейнымъ образомъ и во имя государства, закона и общественнаго порядка напоминать гг. приходскимъ священникамъ и инымъ духовнымъ лицамъ непристойность и незаконность ихъ поступковъ? Неужели дурно и некстати, если эти сановники, на которыхъ лежитъ отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ довѣренныхъ имъ департаментахъ, дѣлаютъ замѣчанія духовнымъ, увлеченнымъ по пути волненія, указываютъ имъ, чѣмъ они обязаны и закону, и безопасности ихъ страны? Гдѣ же злоупотребленія въ этихъ мѣрахъ снисходительности, пошады и здраваго смысла? Къ тому же прошу сенатъ обратить вниманіе и на то, что составляетъ право. Префекты облечены всѣми правами сановниковъ полицейскаго благочинія. Вмѣ-

стѣ съ тѣмъ они и представители самыя правыя политической власти. Посему они имѣютъ несомнѣнное право вѣншательства во всѣ дѣла, гдѣ нужно сдѣлать подтвержденіе и первую оцѣнку преступленій, проступковъ и противозаконныхъ дѣйствій, которыми могутъ нарушиться порядокъ и спокойствіе въ ихъ департаментахъ. И если какое-либо духовное лицо подпадаетъ обвиненію въ какомъ-бы то ни было проступкѣ, оно подпадаетъ не одной токмо епископской власти; но прежде всего, какъ и всѣ граждане, оно подвергается законному иску сановниковъ, которымъ поручено блюсти за порядокъ и общественною безопасностью. Передъ законами нѣтъ ни исключеній, ни правъ, и потому мнѣ кажется весьма естественнымъ, когда министръ богослуженій, желая избавить отъ наказаній и кары законами духовныхъ лицъ, обращается съ просьбою къ префектамъ довольствоваться, если возможно, выговоромъ, замѣчаніемъ, отеческимъ наставленіемъ. Не думаю, чтобы подобная система имѣла мало-мальски цѣлью ослабить власть епископскую, которая, въ сущности и къ несчастію, во многихъ обстоятельствахъ и случаяхъ не имѣетъ силы бороться съ виновными; не думаю, что могутъ насъ обвинять въ притѣсненіи и преслѣдованіи; думаю, что все нами совершенное и законно, и полезно. И мы, пока это будетъ необходимо, не преминемъ слѣдовать той же системѣ и вполовѣ увѣрены, что сенатъ одобритъ насъ.»

Послѣ подобныхъ словъ нельзя сомнѣваться въ честности г. министра богослуженій, желающаго соблюсти всѣ правила приличія и предпочтенія къ священному и высокому характеру духовенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно готоваго отражать всѣ неумѣстныя нападенія, которыя рано ли поздно ли могутъ возбудить столкновенія и произвести снова перево-

нала оно вполне ударило въ грязь. Г. Бильо было весьма легко обратить весь сенатъ на свою сторону. Безпортофейный министръ началъ съ самаго начала, и съ документами въ рукахъ доказалъ, что правительство не прежде рѣшилось къ упраздненію общежительствъ редешптристовъ и капуциновъ, какъ удостовѣрившись самымъ положительнымъ образомъ послѣ самаго строгаго, и безпристрастнаго слѣдствія, что въ этихъ священныхъ заведеніяхъ происходили самая отвратительныя содомства, что отцы предавались явнымъ образомъ сутажническому присвоенію чужой собственности, и крали малолѣтнихъ изъ-подъ родительской власти. И должно отдать полную справедливость г. Бильо; въ этой рѣчи онъ былъ удивителенъ тактомъ, приличіемъ и силою. Эта рѣчь одна изъ лучшихъ его рѣчей, говоренныхъ въ сенатѣ. Заключеніе рѣчи весьма замѣчательно и стоитъ передачи:

«Вотъ факты, какъ они были. Признаюсь, мнѣ было тяжело перечислять ихъ передъ вами. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы всѣ эти грустныя пренія оставались подъ спудомъ управленія религіозными и гражданскими дѣлами, мнѣ бы хотѣлось, чтобы журналамъ не была подана пища къ полемикѣ, которая не приноситъ никакой пользы. Не хорошо, когда высшія власти, духовная и гражданская, выставляютъ на показъ свою разладицу, когда насъ принуждаютъ представлять во всей ихъ наготѣ грязныя вины личностей, для того, чтобы отражать непрестанныя и ничѣмъ незаслуженныя нападенія на насъ. Не хорошо безъ пользы подавать поводъ злоумышленію выводить изъ частнаго заключенія общія, и потому только, что чиновникъ или монахъ провинились, нападать и на правительство, и на религію. Мудрое правительство умѣетъ внушать почтеніе къ закону и караетъ преступниковъ; но не

въ его духѣ съ радостью выставлять наружу соблазнъ, который оно можетъ прекращать въ тихомолку. Къ несчастью, въ наше время слишкомъ много людей бросилось по этому пути; нѣкоторые послѣ той горячности думаютъ, что они дѣлаютъ дѣло своими обвиненіями противъ правительства; иные же, и это самые искусные и ловкіе, знаютъ весьма хорошо, куда они хотятъ идти; но не дойти имъ и не довести насъ туда, пока общая мудрость будетъ поддерживать мудрость императора. Вездѣ стараются создать, увеличить затрудненія между правительствомъ и духовенствомъ; но, надѣюсь, духовенство пойметъ, что нѣтъ и не будетъ для него никакой пользы въ этомъ искусственномъ волненіи. Что же касается до правительства, то оно вполне убѣждено, оставаясь въ умѣренности и законности, что оно найдетъ крѣпкую опору въ этомъ собраніи, въ которомъ глубокое чувство почтенія къ религіи такъ хорошо связано съ высокимъ пониманіемъ обязанностей и правъ государства».

Не смотря на то, что сенатъ огромнымъ большинствомъ голосовъ отвергъ принять въ уваженіе эти двѣ просьбы, не смотря на то, что министры сдѣлали полныя истолкованія ихъ дѣйствій и ихъ шѣръ, что гг. Бильо и Руланъ поступили и говорили съ большею умѣренностью и почтеніемъ какъ къ самой религіи, такъ и къ духовенству вообще; не смотря на все это, религіозные журналы продолжали и продолжаютъ отчасти по сию пору обычную свою брань противъ правительства, и все это изъ-за общежительныхъ домовъ и изъ-за надзора, которому подвергли въ послѣднее время французское духовенство.

Подобныя клерикальныя выходки побудили наконецъ правительство *сообщеніемъ* изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ журналъ l'Union, болѣе всѣхъ отличавшійся своимъ изъ-

ступленіемъ, указать всю важность строгаго взыскапія, которому могли быть подвергнуты въ силу законовъ какъ *Union*, такъ и прочіе клерикальные журналы. Это *сообщеніе*, формулированное въ довольно сильныхъ выраженіяхъ, наконецъ убѣдило клерикальную партію, что правительство, не выходя изъ границъ законности и приличія, однако рѣшительно готовится покончить разъ на всегда съ подобными выходками. Вотъ текстъ *сообщенія*; изъ него читатели увидятъ, съ какою ловкостью французское правительство умѣетъ соединить умѣренность съ силою.

Журналъ *l'Union*, въ своемъ номерѣ отъ 4 іюня, обвиняетъ правительство въ томъ, будто бы оно обходится съ духовенствомъ, какъ съ подозрительнымъ сословіемъ, находящимся среди народа, и что такимъ образомъ оно погрѣшаетъ въ безпристрастіи и въ своей обязанности покровительства служителямъ алтаря. Странное это обвиненіе высказывается именно въ то время, когда объявлено преслѣдованіе министромъ внутреннихъ дѣлъ противъ соблазнительныхъ брошюръ, направленныхъ на духовенство. Необходимо заявить общему мнѣнію, и въ особенности французскому духовенству, сколько безсовѣстности въ подобной полемикѣ? *l'Union*, который ищетъ подъ предлогомъ религіозныхъ споровъ предлога для возбужденія политической недовѣрчивости, старается убѣдить духовенство, что ему грозитъ опасность, указывая на рѣшимость правосудія предать суду нѣкоторыхъ іереевъ за нарушеніе гражданскихъ законовъ. Такимъ образомъ журналъ опровергаетъ всякое основное начало общественнаго благоустройства, въ силу котораго приложеніе уголовныхъ законовъ ко всѣмъ дѣйствіямъ, противнымъ нравственности и общественному порядку, есть покровительство всѣхъ интересовъ и законныхъ

правъ. Утверждать, какъ то дѣлаетъ Union, что духовенство предано «*иньву и презрѣнію*» народонаселеній, потому что нѣсколько духовныхъ особъ, позабывшихъ свои обязанности въ отношеніи къ государству, навлекли на себя выговоры начальства и осужденіе правосудія, есть не что иное, какъ клевета противъ назначенія правительства и чести духовенства, столь же вѣрныхъ императору, какъ и церкви. Католическое духовенство во Франціи знаетъ: что если правительству предлежитъ обязанность внушать почтеніе къ законамъ страны во всѣхъ безъ изъятія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не упускало изъ виду и заботливое попеченіе о независимости, о нравственной власти и о всеобщемъ великомъ интересѣ вѣры. Только одному духу пристрастія партіи возможно отрицать подобныя истины съ цѣлью укрѣпить себя волненіемъ, возбуждаемымъ ею, и сомнѣніемъ, поддерживаемымъ всюду. Журналы, пускающіеся на подобныя покушенія, собираютъ на свою голову бѣды и подвергаются строжайшимъ мѣрамъ. Начальство надѣется, что достаточно будетъ этого объясненія для того, чтобы имъ напомнить ихъ обязанности быть умѣренными и болѣе справедливыми.»

Подобныя мѣры правительства, соединяющія въ себѣ и духъ умѣренности и строгости, произвели довольно важный оборотъ въ журнальной тактикѣ клерикальной партіи. Но изувѣрство фанатическихъ журналовъ не успокоилось; оно прорывается въ слогъ, выраженіяхъ, въ изложеніи. Есть такія чудовища, которыхъ не въ состояніи истребить ни одно правительство въ мирѣ; и именно никогда даже и Наполеону III, при всемъ его искусствѣ, ловкости и умѣ, не удастся изъ гг. редакторовъ Monde и иныхъ клерикальных журналовъ выбить безразсудство, изувѣрство, ханженство, нетерпимость. И не мудрено; всѣ эти господа пропитаны римскою бѣленою.

Но съ другой стороны, общему мнѣнію раскрыты глаза. Наконецъ поняли, что правительство имѣетъ въ рукахъ сильное орудіе закона, и что оно безъ отчаяннаго боя не допустить до осуществленія своихъ замысловъ темную шайку, которая порывается явнымъ образомъ къ возстановленію инквизиціи и гражданскаго вѣдшательства духовенства во всѣ дѣла государственныя. Однимъ словомъ, поняли, что правительство не преминетъ возстать на защиту новыхъ понятій во всякое время, и въ особенности, если имъ будетъ угрожать явная опасность.

Между тѣмъ обязанность безпристрастнаго лѣтописца религіознаго движенія во Франціи принуждаетъ меня прямо высказать настоящее положеніе дѣлъ. Долгая борьба легитимистскаго и клерикальнаго союза противъ новыхъ понятій нанесла сильный ударъ и послѣднимъ чувствамъ вѣры. Дѣйствительно, малое и безъ того число вѣрующихъ было доведено до фанатическаго изступленія разглагольствованіями религіозной журналистики, циркулярными и прочими пастырскими посланіями; а въ равнодушныхъ къ дѣламъ вѣры всѣ эти жалкія вспышки вселили глубокое негодованіе и непреодолимое отвращеніе къ духовенству. Это отвращеніе достигло высшей степени развитія. Теперь во Франціи между духовенствомъ и народною массою развернулась ничѣмъ не пополняемая, страшная пропасть. Также несчастное положеніе дѣлъ неминуемо готовитъ не расколъ, а отколъ отъ вѣры... Люди, которые вздумали управлять судьбами католицизма, сбились съ настоящаго пути, и должно ожидать самыхъ страшныхъ послѣдствій отъ системы, за которую они такъ горячо стоятъ. Развѣ только тяжкія испытанія образуютъ несчастныхъ и докажутъ имъ, что пора остановиться и искать настоящей дороги...

Въ епископствѣ: смерть совершила свое. Были и новыя назначенія.

Г. Дегероа (Degueroy), приходскій священникъ Магдалины, былъ наименованъ марсельскимъ епископомъ; но онъ отказался отъ этой важной епархіи. Утверждаютъ, что г. Дегероа разыгралъ комедію. Г. Дегероа весьма желалъ епископства, и назначеніе его исполнило бы всѣ его интимныя желанія; но онъ съ достовѣрностію узналъ, что Римъ откажетъ признать его архинастыремъ. Поэтому онъ предпочелъ выставить себя съ наилучшей стороны, отказавшись отъ высокаго духовнаго сана подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы прихожане умоляли его не оставлять своей паствы. Г. Дегероа поэтому объявилъ, что, снисходя на желаніе своихъ дорогихъ прихожанъ, онъ желаетъ остаться въ средѣ ихъ. Дѣло просто вотъ въ чемъ. Римъ не можетъ ему доселѣ еще простить его присутствія на конгрессѣ міра и нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ въ пользу вѣротерпимости и братства между всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями. Такія выраженія глубоко оскорбили слухъ благочестивыхъ папистовъ. Римъ также не можетъ ему отпустить грѣхъ демократическихъ проповѣдей, сказанныхъ въ 1848 году по поводу освященія деревъ свободы. Въ тѣ времена г. Дегероа былъ приходскимъ священникомъ церкви св. Евстахія. Эти проповѣди въ то время имѣли такой необычайный успѣхъ, что *рыночныя дамы* (les dames de la Halle) въ торжественной процессіи явились на паперть своего приходскаго храма, и всѣ одна за другою наградили его братскимъ цѣлованіемъ. Счетомъ дамъ этихъ было 2834!

Г. аббатъ Лекуртье (Lecourtier), протоіерей церкви парижской Богоматери, поступилъ на мѣсто г. Тибо (Thibault), скончавшагося епископа монпельскаго. Г. Тибо былъ человекъ

не безъ дарованія. Нѣкогда ему было препоручено сзвать надгробное слово надъ прахомъ Наполеона I, перенесеннаго съ острова св. Елены въ парижскій иезуитскій докъ. Г. Лекуртье находился въ опалѣ при ватиканскомъ дворѣ за его галликанскія мнѣнія. Но на этотъ разъ побѣда осталась за туйльерійскимъ кабинетомъ.

Съ г. Марэ (Marget) вошли въ нѣкотораго рода сдѣлку. Римъ не счелъ его достойнымъ епископства Ваннъ (Vannes); но по крайней мѣрѣ добились его признанія какъ епископа *in partibus* и каноника сень-Дени (Saint-Denis). На такихъ условіяхъ г. Марэ согласился отказаться отъ своего назначенія, а правительство кое-какъ скрыло стыдъ своего поруженія. Но какъ бы то ни было, торжество осталось за Римомъ. На ванскій престолъ назначенъ г. Дюбрейль (Dubreuil), бывшій ректоръ семинаріи въ Сень-Понъ (Saint-Pons).

Г. Деламаръ (Delamare), епископъ люсонскій (Luçon), иереименованъ въ архіепископы въ Ошъ (Auch), по смерти г. де-Салини (de Salinis), а г. Колэ (Colet), главный викарій Дижона, назначенъ въ исправляющаго должность епископства Люсонъ. Салини принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательнѣйшихъ сановниковъ французской церкви. Онъ принадлежалъ къ той плеядѣ, которая нѣкогда окружала аббата Ламменэ. У него хранился, какъ драгоценность, чудный портретъ масляными красками Ламменэ. Г. де-Салини былъ истинно добродѣтельный человекъ въ частной жизни и отличался неуныннымъ стараніемъ въ строгомъ исполненіи истинно-христіанскихъ обязанностей своего архіпастирскаго сана. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ онъ былъ замѣчательнъ своимъ благороднымъ и добродушнымъ обхожденіемъ.

Г. аббатъ де-Латуръ-д'Оверейнь (de la Tour d'Auvergne), аудиторъ роты въ Римѣ нареченъ въ викаріи архіепископа

буржскаго (Bourges) съ правомъ на преемство престола буржскаго. Пока онъ величается архіепископомъ колосскимъ *in partibus*. Въ началѣ его было хотѣли возвести въ архіепископы коринѣскіе; но на силу-то, и наконецъ, Римъ догадался въ неѣпности своей величать епископства христіанской Греціи *in partibus infidelium*. Monde не преминулъ прогремѣть похвалами Пію IX, понявшему между тѣмъ весьма простое приличіе, если уже не христіанское приличіе.

На иѣсто г. Дегероа, о которомъ я упомянулъ выше, отказавшагося отъ марсельскаго епископства, назначенъ г. аббатъ Крюисъ (Crucioe), бывшій ректоръ школы высшихъ духовныхъ курсовъ въ Парижѣ. Г. Крюисъ можно причислить къ лучшимъ изъ членовъ французскаго духовенства, и назначеніе его дѣлаетъ честь разборчивости г. Руланъ, министра богослуженій.

Не безъ интереса для французскаго духовенства—возникшее преніе между епископомъ нантскимъ и г. Васильевымъ, протоіереемъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, по случаю титула *главы церкви*, которыми обыкновенно величаютъ здѣсь всероссійскаго Императора, и вѣсть съ тѣмъ по предмету порабощенія русской церкви гражданской власти. Полемика ведена въ лучшемъ тонѣ, со всеми оттенками вѣжливости и знанія приличій свѣта. Впрочемъ читатели «Православнаго Обзорнія» уже знаютъ всѣ подробности этой полемики.

Движеніе политическихъ и религіозныхъ брошюръ нѣсколько укротилось. Изъ нихъ прежде всего стоитъ упоминанія брошюра г. Кэла (Cailla), требующаго брака іереевъ. Ея заглавіе: *Les Prêtres à marier*. Вопросъ знаменательный для католицизма.—Въ брошюрѣ: «Не трогайте *nanj*» (*Ne touchez pas au Rare*) авторъ старался добиться рѣшенія, по которому бы

папѣ при всей его свободѣ и независимости можно было не итѣшать единству Италіи, чего такъ пламенно домогаются теперь всѣ итальянцы. Рѣшеніе, между тѣмъ, самое незавидное; предлагается оставить папу въ Римѣ, а столицу Италіи водворить въ Неаполь! Въ этомъ случаѣ папѣ предоставляется единственно обладаніе городомъ Римомъ, и ему не дается никакого политическаго значенія, а образуютъ изъ Рима нѣчто въ родѣ вольнаго города съ городскимъ управленіемъ и городскимъ бюджетомъ. Многіе непремѣнно хотѣли въ этой брошюрѣ, которая не подписана, отыскать какое-то полу-официальное происхожденіе,—но доселѣ еще не нашли, что бы могло подтвердить подобное мнѣніе. Поэтому оставимъ и впишемъ это рѣшеніе между тысячью подобныхъ рѣшеній, рѣшительно не рѣшающихъ ничего. Но многіе, и это задушевная мысль общаго мнѣнія, желаютъ, чтобы папа оставилъ Италію и предоставилъ ей покончить свой глубокой и неизбѣжный переворотъ, который вѣроятно не совершится безъ сильныхъ политическихъ, гражданскихъ и общественныхъ потрясеній; многіе желаютъ, чтобы онъ съ миромъ переселился въ Иерусалимъ, гдѣ бы могъ предаться спокойно великой работѣ разсадки винограда Господня на востокъ. Это мнѣніе было высказано между прочимъ аббатомъ Мишонъ (abbé Michon) въ его брошюрѣ: *Папство въ Иерусалимѣ* (La papauté à Jérusalem). Эту брошюру читала вся Европа, и знаменитый Монань перевелъ ее на итальянскій языкъ для распространенія ея въ Италіи. Другіе же просто указываютъ на Сардинскій островъ, который впрочемъ Италія съ радостью готова уступить папѣ въ обмѣнъ за Римъ; наконецъ есть еще иныя, которые предлагаютъ перевести престолъ папскій на Балеарскіе острова подъ непосредственное покровительство Испаніи.

Monde пересмотрѣлъ, разобралъ и оцѣнилъ всѣ эти мнѣнія, и всѣ ихъ съ негодованіемъ отбросилъ, какъ негодныя, объявляя какъ истину, имѣющую весь блескъ очевидности (sic), что *первосвященническое державство приковано къ римскому престолу, по праву и милости Божіей*. Но не всѣ католическіе богословы одного мнѣнія съ богословами Monde. Первые утверждаютъ, что первосвященство связано съ престоломъ Петра. А Петръ можетъ пребывать, гдѣ ему угодно, и куда захочетъ направить свои стопы, слѣдовательно то же самое право имѣютъ и его наслѣдники. Антиохія была первымъ престоломъ; а Римъ вторымъ; Авиньонъ вслѣдъ за тѣмъ былъ третьимъ папскимъ престоломъ. Посему спрашиваютъ у Monde, почему бы папѣ, если на то будетъ, разумѣется, его воля, не установить свой престолъ внѣ Рима?

Последнее комическое и виѣсть съ тѣмъ жалкое торжественное празднество камерлингата (т. е. собранія первыхъ придворныхъ папскаго двора) подало поводъ къ самымъ язвительнымъ насмѣшкамъ по всей Франціи. По старинному обычаю, въ царской залѣ, черезъ которую папа шествуетъ, несомый на *sedia gestatoria*, къ вечернѣ Петрова дня, 28 іюня, казенный прокуроръ апостольской палаты и первосвященническіе цензоры являются на колѣняхъ. Одинъ изъ цензоровъ громогласно читаетъ послѣдній призывъ къ суду всѣхъ недонщиковъ, за которыми состоитъ въ долговой переписи наложенная съ поконъ вѣку подать. Папа, по окончаніи чтенія объявляетъ, что онъ подтверждаетъ этотъ призывъ, и объявляетъ виѣсть съ тѣмъ, что онъ торжественно протестуетъ противъ всякаго уменьшенія гражданскихъ правъ святаго престола. Вотъ въ какихъ высокопарныхъ фразахъ, смѣшныхъ до недѣлости, Monde рассказываетъ остальной церемоніаль этого торжества:

тестациі, призывая къ суду укрывателей Париза и Піаченцы. За тѣмъ кортежъ снова двинулся впередъ, и когда папа торжественно перешелъ черезъ порогъ Базилики, пѣвчіе запѣли: Tu es Petrus. Пѣніе протяжное, сильное, чудное; оно въ настоящій часъ, какъ бы энергично утверждаетъ, что царство Петровыхъ преемниковъ на вѣки нерушимо.

Да, есть тутъ чему и посмѣяться, и поскорбѣть. Чтò за жалкое зрѣлище! Чтò за глубокій упадокъ! Вѣдь увѣрялъ же l'Univers нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что причины паденія неаполитанской державы должно искать въ давнишней утратѣ церковью своихъ правъ и вольностей въ этомъ королевствѣ. И повѣрять ли въ Россіи, въ чемъ состояла сія утрата? Въ отказѣ высылать ежегодно папѣ иноходца! Но это такъ. Номеръ l'Univers, въ которомъ значится эта пелѣность, у меня хранится потомству на удивленіе Правда, на иноходца клали обыкновенно мѣшечекъ съ нѣсколькими тысячами золотыхъ червонцевъ.

Повторяю, духовные сановники и ихъ горячіе изувѣры-защитники добиваютъ окончательно несчастный католицизмъ.

Графъ де-ла-Фитъ-де-Шелланпортъ.

Парижъ,
16 іюля, 1861 г.

ЗАМѢТКИ

СОСТОЯНІЕ И НУЖДЫ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

(наблюденія и замѣтки)

III.

Посмотримъ на способъ изученія предметовъ, господствующій въ семинаріяхъ: можетъ ли онъ возбудить интересъ мысли и дать умственнымъ силамъ надлежащее движеніе?

Механическое заучиваніе уроковъ по тетрадамъ и книгамъ со стороны воспитанниковъ, задаваніе урока и спрашиваніе каждый классъ со стороны наставниковъ, — вотъ большею частію тѣмъ ограничиваются отношенія тѣхъ и другихъ къ предметамъ изученія въ семинаріяхъ. Правда, многіе изъ наставниковъ нынѣ сознаютъ, что рабское заучиваніе на память могло бы быть и устранено, что можно отвѣчать самостоятельно, какъ говорятъ, *своими словами*; но въ то же время, изъ желанія ли видѣть своихъ воспитанниковъ на экзаментъ бойкими, изъ большаго ли довѣрія къ механической памяти, которая усволяетъ все сплошь, усвоетъ не только мысли, но подчищаетъ и каждое слово, изъ желанія ли поощрить трудъ и прилежаніе, котораго оказывается по видимому больше у того, кто учитъ слово въ слово, — такъ или иначе, волей или неволей, а все еще придерживаются стараго метода заучиванія, все еще отдають явное предпочтеніе тѣмъ ученикамъ, которые въ собственномъ смыслѣ читають отвѣтъ и неблагопріятно смотрять на тѣхъ, которые показываютъ стремленіе быть независимыми отъ словъ учеб-

ника. Въ этомъ случаѣ держатся должно понятаго правила, которое часто высказываютъ: «самому лучше не сказать, какъ написано въ урокъ.» Не обращаютъ вниманія на то, что нужно самого учащагося развить и довести до такого состоянія, чтобъ могъ онъ дать отвѣтъ не менѣе удовлетворительно, какъ изложенъ отвѣтъ въ учебникъ.

Механическое заучиваніе поддерживается размѣткою учебниковъ, если они довольно обширны. Размѣтка параграфовъ еще можетъ имѣть основаніе, но размѣтка въ одномъ параграфѣ извѣстныхъ мыслей, словъ и выраженій, есть не что иное, какъ прямое посягательство противъ всякой свободы въ изученіи и передачѣ даннаго урока. Когда наставникъ размѣчаетъ подобнымъ образомъ свой учебникъ, такъ и хочетъ сказать, что вотъ это слово приберите, эти два слова выпустите, здѣсь не забудьте такого-то оборота и т. д., словомъ проповѣдуетъ одно заучиваніе и заучиваніе. Пока еще продолжается такая размѣтка, не должна ли уже охладѣть вся любознательность воспитанниковъ къ тѣмъ новымъ свѣдѣніямъ, которыя облачаются для нихъ наставникомъ въ такія оковы?

Въ классѣ наставники большею частію занимаются *спрашиваніемъ урока*. Постоянное выслушиваніе одного и того же, уже заученнаго, мучительное безпокойство, происходящее отъ ожиданія вопроса наставника, не должно ли возбуждать непріятныхъ чувствъ въ воспитанникахъ и отзываться въ нихъ крайнимъ равнодушіемъ къ самой наукѣ? Свободное, личное участіе самого наставника въ предметъ изученія ограничивается при спрашиваніи урока такъ-называемыми *возраженіями*. Самое это названіе уже указываетъ на то, что методъ семинарскаго преподаванія остается вѣренъ преданіямъ схоластики. При живомъ отношеніи къ изучаемому предмету, наставникъ могъ бы самъ въ устной бесѣдѣ воспроиз-

водить предметъ во всей полнотѣ, съ новыми подробностями, съ различными эпизодами и примѣненіями. Между тѣмъ реальная сторона предмета строго ограничена уже даннымъ текстомъ урока, даже развѣткою текста: при такомъ порядкѣ, если бы наставникъ и предложилъ воспитанникамъ какое-либо чтеніе въ объясненіе и дополненіе изученнаго урока, они, не видя обязанности въ такомъ лишнемъ дѣлѣ, не чувствуя и сами интереса въ изученіи, остаются невнимательны и глухи къ подобнымъ предложеніямъ. При такой бѣдности реального изученія, что же такое *возраженія*, употребляемая наставниками при спрашиваніи урока? Не что иное, какъ схоластическія тонкости, добываемыя а ргіогі изъ отвлеченныхъ понятій логическаго мышленія, и добываемыя очевидно съ трудомъ и усиліями. Наставникъ самъ часто чувствуетъ пустоту задаваемыхъ вопросовъ и выбивается изъ силъ, чтобы изобрѣсти какое-либо *возраженіе*, всегда внѣшнее предмету. Необходимымъ слѣдствіемъ такого метода въ преподаваніи бываетъ охлажденіе къ наукѣ. Свѣтлыя и привлекательныя стороны науки остаются невѣдомы воспитанникамъ. Очевидно, чтобы избѣжать недостатковъ такого метода, наставникъ долженъ постоянно самъ заниматься своимъ предметомъ и постоянно излагать предметъ предъ своими слушателями во всей его полнотѣ и живости, такъ владѣя вниманіемъ своихъ слушателей, чтобы и репетиціи имѣли не менѣе интереса для воспитанниковъ, какъ и самыя лекціи: кто съ любовью изучаетъ предметъ, тотъ самъ желаетъ репетицій и всегда можетъ приобрѣсти чрезъ нихъ много новаго для себя. Репетиціи же, въ смыслѣ одного спрашиванія урока, если онѣ нужны, можно бы дѣлать или въ концѣ класса, или даже въ извѣстные сроки, въ особое время, требуя однакожъ и тогда не одного чтенія урока, а знанія дѣла.

При воспитаніи конечно должна имѣть важное значеніе экономія силъ и времени. Время и силы должны быть употреблены какъ можно съ большею пользою и только тамъ, гдѣ трудъ личный не можетъ быть замѣненъ другимъ. Это простое правило большею частію опускается изъ виду въ семинарскомъ преподаваніи: время и силы тратятся безъ разбора, совершенно напрасно, на списываніе лекцій. Множество предметовъ, преподаваемыхъ въ семинаріи: словесность, логика, психологія, патристика, герминевтика, богословія: нравственное, пастырское, обличительное, священное Писаніе во всѣхъ классахъ, гомилетика, литургика или археологія, каноническое право, исторія русской церкви, исторія раскола, физика съ естественною исторіею, сельское хозяйство, медицина (за исключеніемъ математики, трехъ или четырехъ учебниковъ по исторіи, и догматики преосв. Антонія),—все это нужно списывать. Правда, большая часть воспитанниковъ старается перекупать лекціи у своихъ предшественниковъ; въ такомъ случаѣ кончившіе курсъ навсегда расстаются съ своими лекціями, которыя переходятъ изъ курса въ курсъ, не доставаясь никому въ постоянное владѣніе. Рѣдко у кого изъ священниковъ можно найти семинарскія лекціи, а разставаясь съ записками, не рѣдко расстаются и съ познаніями, приобретенными во время семинарскаго курса, особенно при отсутствіи книгъ по поступленіи на мѣсто, что такъ часто бываетъ. Со времени введенія экзаменовъ для опредѣленія на мѣсто, многіе, хотя на время, стали оставлять лекціи для себя, вслѣдствіе этого новымъ воспитанникамъ открылась нужда еще больше заниматься списываніемъ лекцій. Таже нужда повторяется каждый разъ съ перемѣною главнаго начальника или наставниковъ, которые всегда считаютъ своимъ долгомъ—нужно

это или нѣтъ,—дѣлать перемѣны въ лекціяхъ, по крайней мѣрѣ въ изложеніи. Сколько же времени и труда, которые должны быть посвящены развитію силъ и образованію, убивается воспитанниками за письменнымъ столомъ на переписываніе лекцій! Комнаты занятія превращаются въ канцеляріи и воспитанники въ писцовъ, такъ что смотря на все эти непрерывныя письменныя занятія, можно подумать, что они готовятся для вѣчной канцелярской работы. Между тѣмъ не трудно было бы устранить подобное, вовсе не экономическое употребленіе времени и силъ въ семинаріи. Есть лекціи—сокращеніе книгъ, есть копіи съ нихъ (напр. канонич. право прот. Скворцова и пр. богословіе), для чего жъ писать ихъ? Книги дороги: но конечно цѣна ихъ понизилась бы много, еслибы эти книги обращались въ учебники, подобно догматикѣ преосв. Антонія (20 к.) Трудъ составленія учебниковъ всегда нашелъ бы достаточное вознагражденіе, даже при частой перемѣнѣ однихъ учебниковъ на другіе; воспитанники сберегли бы время и силы для полезныхъ занятій, наставники освободились бы отъ напраснаго труда перемарыванія однѣхъ и тѣхъ же лекцій. Но такъ какъ этого не можетъ быть въ скоромъ времени, то почему бы не воспользоваться даже тѣмъ средствомъ для передачи воспитанникамъ лекцій, какое употребляется въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ,—мы разумѣемъ литографію? Были же въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ литографированныя записки по догматическому богословію архим. Макарія, (бывшаго ректоромъ въ петербургской, ярославской и тверской семинаріяхъ), когда еще не было учебника, и эти лекціи навсегда остались у тѣхъ, которые учились по нимъ. Содержаніе литографіи конечно не стоило бы лишнихъ расходовъ при денежныхъ сборахъ съ воспитанниковъ, которые должны теперь платить два-три рубля за ста-

рны лекціи, а между тѣмъ въ случаѣ измѣненія лекцій принуждены бросать ихъ и вновь приниматься за перо, чтобы списывать одно и то же. Впрочемъ объ учебникахъ мы нахѣрены говорить особо.

А. Т—въ.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ОБРАЗОВАНІЯ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ ВЪ Г. КАМЕНЕЦѢ-ПОДОЛЬСКѢ.

Въ № 30 «Современной Лѣтописи» *Русскаго Вѣстника* мы встрѣтили интересное извѣстіе о предполагаемомъ учрежденіи еще новаго въ Каменецъ-Подольскѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія. Проектируемое училище, судя по письму, помѣщенному въ «Современной Лѣтописи», есть дѣло преимущественно самаго тамошняго духовнаго общества. Фактъ весьма утѣшительный. Нельзя не пожелать, чтобы онъ послужилъ возбужденіемъ и примѣромъ вообще для нашего духовенства. Несправедливо въ дѣлѣ своего образованія всегда ожидать инициативы только отъ начальства: у начальства много и другихъ дѣлъ; надобно и самимъ заботиться о себѣ.

Вотъ извѣстіе о Каменецъ-Подольскомъ училищѣ:

«Дабы помочь недостатку образованія и народнаго духа въ семействахъ сельскаго духовенства, въ Каменецъ-Подольскомъ составляется общество, имѣющее цѣлію образованіе священническихъ дочерей. Инициатива этого общества принадлежитъ учителямъ здѣшной семинаріи. Съ разрѣшенія епархіальнаго начальства составилась коммиссія для начертанія проекта

устава общества и программы училища. Руководствомъ для составленія устава комиссія приняла уставъ кавказскаго общества св. Нины; измѣненія будутъ сдѣланы примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Мысль объ учрежденіи здѣсь женскаго духовнаго училища существовала, впрочемъ, давно. Съ этою цѣлю собирались съ давнихъ годовъ пожертвованія, сумма которыхъ доходитъ теперь до 7,000 р. сер. Сверхъ того въ вѣдомствѣ епархіальнаго начальства есть до 15,000 р. сер., взысканныхъ въ разное время съ разныхъ владѣльцевъ за сноповую десятину. Деньги эти принадлежатъ, по настоящему, потомкамъ тѣхъ священниковъ и причетниковъ, которымъ въ давнія времена слѣдовала эта снопава десятина въ натурѣ. Но такъ какъ по неоднократнымъ вызовамъ, наследники тѣхъ священниковъ и причетниковъ не являются за полученіемъ денегъ, и для большей части изъ нихъ прошла уже десятилѣтняя давность со времени вызова, а для другихъ эта давность истекаетъ, то основатели общества хотятъ ходатайствовать объ обращеніи этихъ денегъ въ пользу ихъ учрежденія. На сумму, доходящую такимъ образомъ до 22,000, хотятъ купить землю, выстроить училищный домъ и изъ частныхъ пожертвованій, изъ ежегоднаго взноса членовъ общества и небольшой платы съ ученицъ,—вести текущіе расходы. Члены комиссіи такъ рассчитываютъ: въ подольской епархіи до 1,700 церквей; если каждый священникъ въ качествѣ члена будетъ жертвовать ежегодно по 3 р. сер., то составитъ сумма до 5,000 р. сер. Есть зажиточные священники, особенно въ городахъ, принимающіе живое участіе въ этомъ дѣлѣ; они изъявили готовность жертвовать ежегодно гораздо больше. Семь человекъ учителей семинаріи предложили свои услуги преподавать науки—до тѣхъ поръ, пока средства общества дадутъ возможность пла-

тить за уроки. Училище будетъ открыто и для дѣвицъ другихъ сословій. Въ сентябрѣ нынѣшняго же года, какъ только будутъ утверждены уставы, предполагается открыть училище, хотя бы въ наемномъ домѣ, лишь бы пачать только дѣло. Директриса и нѣсколько ученицъ ннѣются уже въ виду. Можно съ увѣренностію сказать, что эта частная благородная инициатива скоро найдетъ поддержку въ цѣлой Россіи. Надо только, чтобъ общество вело свое дѣло добросовѣстно и всѣ дѣйствія свои, удачи и неудачи, съ полною искренностію публиковало къ общему свѣдѣнію. Безъ честной энергіи, безъ гласности, общество будетъ бѣдно, изолировано, публика будетъ смотрѣть на него подозрительно, а многіе благотворители капѣйки не пожертвуютъ въ пользу дѣла темнаго, неизвѣстнаго. Важность этого общества въ здѣшнемъ краѣ обширна. Отъ всей души желаемо прочнаго успѣха этому превосходному плану. Въ немъ лежитъ великій зародышъ будущаго образованія края. Можетъ быть тогда, не въ очень отдаленномъ будущемъ, откроются приходскія женскія школы въ селеніяхъ, основательницами которыхъ будутъ жены священниковъ, воспитанницы проектераемаго училища....»

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 1861.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТАГО ТОМА:

	<i>Стр.</i>
Іовъ. Глава I—XXXIV. <i>Опытъ переложенія на русскій языкъ. Архим. Макарія.</i>	5, 79
Рѣчь Государю Императору Александру Николаевичу 18 мая 1861 г. <i>Высокопреосв. Филарета, митрополита московскаго.</i>	1
Письмо о чтеніи Священнаго Писанія. <i>Покойнаго Григорія, митрополита новгородскаго.</i>	3
Св. Амвросій, епископъ Медиоланскій. <i>(Окончаніе.) Протоіеря Е. М. Алексинскаго.</i>	19
Іосафатъ Кунцевичъ <i>(изъ исторіи литовской церковной Уни).</i> <i>М. Колловича.</i>	50
Сивекингская благотворительная община въ Гамбургѣ. <i>Н. Л. Зайцева.</i>	67
Мелетій Смотрицкій. <i>К. С. Еленевскаго.</i>	111, 272, 422
Счастіе христіанской жизни. <i>(Изъ А. Моно.) А. В. Стефановскаго.</i>	151
Состояніе церковныхъ дѣлъ во Франціи. <i>Періодическое обозрѣніе. Графа де-ла-Фитъ де-Пелляпоркъ.</i>	173, 455
Первые проповѣдники Евангелія. <i>(Изъ статьи І. Моно.) Святца Н. К. Протопопова.</i>	225
Отвѣтъ на письмо вантскаго епископа по вопросу о церковной власти въ Россіи. <i>Переводъ письма протоіеря І. Васильева.</i>	235, 385

	Стр
Матеріали для жизнеописанія святителя Тихона, епископа Воронежскаго. <i>Записки келейника В. И. Чеботарева.</i>	299
Древній міръ и Христіанство. <i>Статья Прессаксе. Переводъ Свящ. Н. К. Протопопова</i>	355

ЗАМѢТКИ.

Бунзень и его литературные труды.	89
Библейскіе атласы Киперта и Люппета, Бунзена и Ланге.	98
Московское Общество распространенія полезныхъ книгъ .	103
Конкурсъ для составленія Руководства къ первоначальному обученію грамотъ	107
3-е іюля 1861 г. въ московской епархіи	207
Состояніе и нужды духовно-учебныхъ заведеній (наблюденія и замѣтки) 1. <i>А. Т—ва</i>	208
Отвѣтъ ваттскаго епископа Жакме на письмо парижскаго протоіерея Васильева	212
Папство и цивилизація	218
Объявленіе отъ комитета для сооруженія храма во имя св. Равноапостольнаго князя Владиміра въ Кіевѣ. . .	223
Открытіе мощей Святителя Тихона, епископа Воронежскаго.	335
Состояніе и нужды духовно-учебныхъ заведеній. II. NN.	340
Новѣйшая исторія церковнаго устройства въ герцогствѣ Ольденбургскомъ	344
Отъ комитета для припятія приношеній на созданіе въ Москвѣ храма во имя св. Благотѣрнаго Вел. Князя Алек- сандра Невскаго въ память освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крепостной зависимости	354
Состояніе и нужды духовно-учебныхъ заведеній. III. <i>А. Т—ва</i>	490
Общество для образованія двѣнцъ духовнаго званія въ г. Каменецъ-Подольскъ	495

З А М Ъ Т К И

Состояніе и нужды духовно-учебныхъ заведеній (*наблюденія и замѣтки*).

III. А. Т—ва.

Общество для образованія дѣвицъ духовнаго званія въ г. Каменецъ-Подольскѣ.

2
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Редакціи Православнаго Обзорѣнія, въ зданіи Университета у священника Сергіевскаго; въ книжныхъ магазинахъ гг. Базунова и Свѣшниковъ, на Страстномъ бульварѣ; въ лавкѣ г. Ферапонтова на Никольской улицѣ, въ библіотекѣ для чтенія г. Горбунова на Никитской и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжныхъ лавкахъ: гг. Базунова, на Невскомъ проспектѣ въ д. Энгельгардтъ, Овсянникова въ Гостинномъ дворѣ, Крашенинникова, Кораблева и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Изгородные благоволятъ адресоваться *исключительно* въ Редакцію Православнаго Обзорѣнія, въ Москвѣ.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ, съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Изъ тѣхъ же условійъ принимается еще подписка и за 1860 годъ.

Печатать дозволяется. Августа 11 дня 1861 года.

Ценсоръ Протопресвитеръ Д. Повекій.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

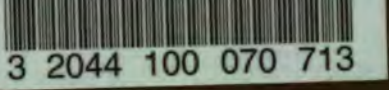
Please return promptly.

JUN 9 1928

BOOK DUE - WID

MAY 15 1980

1980

HD